This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

P Slaw 605.25

Harvard College Library

BOUGHT WITH INCOME

FROM THE BEQUEST OF

HENRY LILLIE PIERCE,

OF BOSTON.

Under a vote of the President and Fellows,
October 24, 1898.

Slav 25.10

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVI-й. ЯНВАРЬ. 1905 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Записки Василія Антоновича Инсарскаго..... 5—23

II. Бытовые очерки В. П. Лободовскаго..... 24—60

III. Изъ воспоминаній по управленію С.-Петербургскимъ домомъ предварительнаго заключенія. М. Федорова..... 61—93

IV. Записки П. Н. Глѣбова.. 94—112

V. Записки стараго актера. П. Р..... 113—137

VI. Къ исторіи освобожденія крестьянъ. П. Лернера. 138—153

VII. Царство Польское послѣ Вѣнскаго конгресса. П. М. Майкова..... 154—169

VIII. Ив. Серг. Тургеневъ въ ссылкѣ. 1852—1853 гг. Н. Гутьяра..... 170—192

IX. Адмиралъ Н. С. Мордвиновъ и его архивъ. П. М. Майкова..... 193—210

X. Тарговицкая конфедерація. В. В. Тимощукъ. 211—240

XI. Библіографич. листокъ. (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ генералъ-лейтенанта Порфирія Николаевича Глѣбова.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1905 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, № 39.
1905.

1-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го января 1905 года.

Библіографическій листокъ.

Проф. Мих. Грушевскій. Очерки исторіи украинскаго народа. Спб. 1904 г. Цѣна 2 руб.

Разсматриваемая нами книга, представляющая собою курсъ исторіи украинскаго народа, читанный авторомъ весною 1903 года по приглашенію русской школы общественныхъ наукъ въ Парижѣ,—составляетъ солидный вкладъ въ нашу скудную литературу по этому предмету.

Она состоитъ изъ 21-хъ главъ текста и снабжена обильными подстрочными примѣчаніями и небольшою картою.

Не имѣя возможности, за недостаткомъ мѣста, подробно останавливаться на каждой главѣ этой интересной книги, мы познакомимъ читателя съ содержаніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

О древнѣйшей кіевской лѣтописи г. Грушевскій замѣчаетъ, что это произведеніе въ своей первоначальной редакціи кратко описывало событія, кончая по всей вѣроятности, половиною X вѣка (Игоремъ), и носило тотъ титулъ, который перешелъ затѣмъ къ его позднѣйшимъ переработкамъ: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ (вѣроятно, переводъ греческаго слова хронографъ), откуду есть пошла Русская земля (т. е. Кіевское княжество, Русь въ тѣсномъ смыслѣ), кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуду Русская земля стала есть". Эта первоначальная „Повѣсть" была затѣмъ расширена и продолжена и, перейдя черезъ руки нѣсколькихъ редакторовъ, во второй половинѣ XI вѣка, пошла въ составъ исторической компиляціи, древнѣйшей кіевской лѣтописи, по традиціи называемой часто Несторовой лѣтописью, хотя Нестору она, несомнѣнно, не принадлежитъ. Одна редакція ея (сохранившаяся въ сѣверныхъ, великорусскихъ спискахъ, Лаврентьевскомъ кодексѣ и ему подобныхъ) составлена была въ Кіевѣ въ 1116 г. и доведена до 1110 г.; другая редакція, которая дошла до насъ съ южно-русскими продолженіями, не имѣетъ такой точной даты, но составлена была также въ Кіевѣ во второмъ десятилѣтіи XII в. Въ Кіевѣ она была доведена затѣмъ до 1199 г., а позже къ этому была присоединена хроника событій 1205—1289 гг., составленная отчасти на Волыни, отчасти въ Галиціи. Эта коллекція лѣтописей дошла до насъ въ кодексѣ Ипатьевскомъ и ему подобныхъ.

О происхожденіи Кіевскаго государства,—говоритъ авторъ,—мы имѣемъ легенду о трехъ кіевскихъ братьяхъ, Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, построившихъ Кіевъ, названной по имени старшаго брата, имена остальныхъ и ихъ сестры Лыбеди остались въ названіяхъ кіевскихъ урочищъ; они были родоначальниками полянскаго племени и предками кіевской княжеской династіи. Другая легенда разсказывала иначе: что на мѣстѣ Кіева существовалъ перевозъ черезъ Днѣпръ; перевозчикомъ на немъ былъ нѣкій Кій, отсюда мѣсто называлось Кіевымъ перевозомъ, а потомъ тутъ былъ основанъ городъ Кіевъ.

„Автора Повѣсти, - говоритъ проф. Грушевскій,—эти легенды и комбинаціи не удовлетворили, и онъ предложилъ свою очень сложную теорію. По его мнѣнію, Русь—это народъ скандинавскій (варяжскій), его привели къ Новгородъ три брата копунги, во второй половинѣ IX в., на приглашеніе самихъ новгородцевъ и ихъ сосѣдей, которые, освободившись отъ завоевавшихъ ихъ варяжскихъ дружинъ, не успѣли навести порядка у себя и въ концѣ-концовъ порѣшили признать себѣ варяговъ за правителей. Изъ Новгорода эти варяжскіе копунги овладѣли днѣпровскимъ путемъ и самимъ Кіевомъ, и положили начало кіевской княжеской династіи".

Относительно казачества мы находимъ, между прочимъ, слѣдующія замѣчанія, съ которыми нельзя не согласиться. Казачество — явленіе очень интересное, но весьма сложное. Вслѣдствіе своей оригинальности, а также и благодаря громкой роли, сыгранной имъ въ исторіи восточной Европы, оно обращало на себя вниманіе изданна, имъ занимались немало, но неизслѣдованнаго оставалось въ немъ все же до послѣдняго времени очень много, и въ литературѣ о немъ высказывались и высказываются нерѣдко сужденія очень спутныя и ошибочныя. Очагомъ казачества было среднее Поднѣпровье, его подстепная полоса—ниже Кіева, входившая въ XIV—XVII вв. въ составъ Кіевскаго княжества (позже Кіевскаго воеводства), а почву для него приготовили колонизаціонныя условія этого края.

Начиная съ половины X в. казаки жили тревожною, воинственною жизнью на границѣ осѣдлой колонизаціи, въ вѣчной борьбѣ съ кочевниками. Къ казакамъ какъ нельзя болѣе приложима поэтическая характеристика, данная Словомъ о Полку Игоревѣ порубежникамъ Посемья: „а мои ти Куряне свѣдоми кмети: подъ трубами повити—подъ шеломы напѣяни—конець копия вскормлени; пути имъ вѣдоми, яруги имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени".

Слово „казакъ"—тюркское слово, издавна жившее въ устахъ кочеваго населенія нашихъ степей, извѣстное уже въ половецкомъ словарѣ (1303 г.) въ значеніи „сторожъ", — вполнѣ

РУССКАЯ СТАРИНА

ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ и ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1905.

Дозволено цензурою. Спб., 21 декабря 1904 г. Тип. Товар. „Общ. польза“. Б. Подъяч., 39.

1152-26/3

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ

ПОРФИРІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ

ГЛѢБОВЪ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1905.

ЯНВАРЬ.— ФЕВРАЛЬ.— МАРТЪ.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза", Б. Подъяч., № 39.
1905.

~~Slav 25.10~~
P Slav 605.25

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1905 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

---

*

ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

за 1897—1902 г.г.

Цѣна съ пересылкою для подписчиковъ «Русской Старины» 1 рубль, а для всѣхъ остальныхъ 1 рубль 50 коп.

Записки Василія Антоновича Инсарскаго.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА XI[1]).

Пятигорскъ.—Его цѣлительныя воды.—Прежняя ихъ администрація.—Великолѣпные виды князя относительно устройства пятигорскихъ водъ.—Новосельскій, неудачный исполнитель этихъ видовъ. — Вообще отношенія этого господина къ Кавказу.—Печальное заключеніе его шумной дѣятельности.—Мое пребываніе въ Пятигорскѣ. — Знаменитая кисловодская галлерея.—«Нарзанъ».—Кисловодскіе праздники и удовольствія. — Третій князь Мирскій.—Князь Дмитрій Грузинскій.—Вѣсти о взятіи Гуниба и о плѣнѣ Шамиля.—Мой отъѣздъ изъ Кисловодска.

Пятигорскъ, куда я прибылъ безъ всякихъ приключеній,—премиленькій городокъ русскаго совершенно характера. Описывать его мѣстность и расположеніе, его пять горъ, отъ которыхъ онъ получилъ свое наименованіе, его дивные и разнообразные цѣлебные ключи я не буду, потому что объ этомъ было писано и переписано много разъ. Я предпочитаю лучше сказать нѣсколько словъ объ администраціи кавказскихъ минеральныхъ водъ.

Въ то время онѣ управлялись особою дирекціею, имѣвшею громадный штатъ и большія вспомогательныя средства отъ казны, какъ денежныя, такъ и натуральныя, какъ напр. особыя рабочія роты. Дирекція эта обнимала весь раіонъ минеральныхъ водъ, т. е. независимо

[1]) См. „Русскую Старину“ декабрь 1904 г.

отъ Пятигорска собственно, Желѣзноводскъ, Кисловодскъ и Ессентуки. Директоромъ водъ въ тотъ сезонъ былъ генералъ, баронъ Унгернъ-Штернбергъ, который и представлялъ главное лицо во всемъ этомъ раіонѣ. Управленіе этой Дирекціи, какъ вообще казенное управленіе хозяйственнымъ дѣломъ, было неудовлетворительно. Баронъ былъ милый, образованный, благовоспитанный человѣкъ, но весьма плохой администраторъ. По обычаю всѣхъ нѣмцевъ онъ очень усердно и добросовѣстно трудился надъ мелочами; но для того, чтобъ схватить, такъ сказать, условія, необходимыя для возведенія этого богатаго по естественнымъ силамъ учрежденія на высшую степень благоустройства и совершенства, онъ не имѣлъ соотвѣтственныхъ силъ и дарованій. Въ особенности медицинская часть собственно была въ печальномъ положеніи и носила какой-то рутинный, грубый, солдатскій характеръ. Медики, входившіе въ составъ дирекціи и въ то же время завѣдывавшіе казенными госпиталями и больницами, заботились исключительно о своихъ личныхъ выгодахъ и грабили пріѣзжающихъ лѣчиться съ неслыханнымъ корыстолюбіемъ. Въ отношеніи же разультатовъ своего лѣченія они мало заботились и держались самой упрощенной системы, въ силу которой они посылали всѣхъ безразлично сначала на сѣрные пятигорскіе ключи, потомъ перегоняли ихъ, какъ стадо, въ Желѣзноводскъ на желѣзныя воды, а потомъ въ Кисловодскъ, къ знаменитому Нарзану, уже не столько для лѣченія, сколько для различныхъ увеселеній, которыя къ концу сезона тамъ обыкновенно разгорались. Въ Ессентуки ѣхали тѣ, которые избирали тамошнія воды сами или по собственнымъ соображеніямъ, или по опредѣлительному назначенію тѣхъ личныхъ своихъ докторовъ, которые послали ихъ въ Пятигорскъ.

Само собою разумѣется, что все это не могло увеличить славы кавказскихъ минеральныхъ водъ. Всѣ соглашались въ томъ, что природа сосредоточила на этомъ небольшомъ пространствѣ богатѣйшія, по разнообразію и силѣ, цѣлительныя средства, но столь же единодушно было мнѣніе, что распоряженіе и управленіе этими средствами весьма неудовлетворительно. Князь Александръ Ивановичъ, сдѣлавшись кавказскимъ намѣстникомъ, обратилъ на этотъ предметъ самое заботливое вниманіе и поставилъ задачею: привести Пятигорскія воды въ такое блистательное положеніе, которое не уступало бы положенію знаменитыхъ заграничныхъ водъ, и, отучивъ русскихъ ѣздить въ чужіе края, привлечь ихъ въ Пятигорскъ. Но какъ это сдѣлать? Разумѣется, прежде всего надо было найти такого человѣка, который съ промышленнымъ и предпріимчивымъ талантомъ соединялъ бы большія средства, который, однимъ словомъ, понялъ бы задачу князя и могъ бы блистательно исполнить ее.

Въ то время гремѣлъ, можно сказать, на всю Россію, знаменитый

Новосельскій! Основаніемъ его коммерческой и финансовой репутаціи были успѣшныя дѣйствія его по управленію дѣлами пароходнаго общества «Меркурій», которое совершенно погибало и которое ему удалось оживить и установить на хорошую почву. Другихъ удачныхъ дѣлъ его я не знаю; напротивъ, извѣстно, что это самое Общество онъ же самъ и загубилъ, возложивъ на него обязанность содержать пароходное сообщеніе между Астраханью и кавказскими портами, вслѣдствіе чего оно и стало уже именоваться Обществомъ: «Кавказъ и Меркурій». Потомъ онъ учредилъ Общество, кажется, обработки животныхъ продуктовъ, которое при самомъ рожденіи провалилось, жестоко подрѣзавъ акціонеровъ, жадно бросившихся на это дѣло. Что касается до образованія имъ Общества русскаго пароходства и торговли, то здѣсь вся заслуга его заключалась въ томъ, что, пользуясь первымъ временемъ своей славы и грустными обстоятельствами нашими на Черномъ морѣ, бывшими послѣдствіемъ также грустной восточной войны, онъ успѣлъ выговорить у правительства, въ видѣ какой-то помильной платы, такія громадныя пособія, которыя должны были держать это Общество какъ на подпоркахъ и не допускать его повалиться даже и въ томъ случаѣ, если бы оно само изобрѣтало всевозможныя къ тому средства. Какъ бы то ни было—было время, когда на Новосельскаго указывали, какъ на нашего будущаго министра финансовъ. Ловкій, искательный, съ пріятными манерами, Новосельскій умѣлъ пользоваться отлично своею популярностію и подъ прикрытіемъ ея успѣвалъ пробираться всюду, и собственно въ этомъ отношеніи справедливость требуетъ признать за нимъ талантъ неоспоримый.

Съ этимъ-то талантомъ онъ и успѣлъ подобраться къ князю Александру Ивановичу, на котораго, въ началѣ нынѣшняго царствованія, вся Россія, а вмѣстѣ съ нею и Новосельскій смотрѣли, какъ на страшную силу. Первою любезностію со стороны Новосельскаго въ отношеніи къ князю, какъ намѣстнику кавказскому, именно и было возложеніе на общество «Меркурій» обязанности пароходныхъ сообщеній по кавказскимъ портамъ, операціи, разрушившей цвѣтущее дотолѣ положеніе этого Общества. Затѣмъ Новосельскій сдѣлался покорнымъ исполнителемъ всѣхъ, безспорно блестящихъ, фантазій князя, присовокупляя къ нимъ свои, не менѣе блестящія, фантазіи. Такъ, онъ принялъ на себя содержать пароходство по Ріону; потомъ обязался учредить пароходство по р. Кубани, рѣкѣ, совершенно неизслѣдованной, выговоривъ въ свою собственность по берегамъ ея 12 т. десятинъ земли, однимъ словомъ, вошелъ въ громадныя обязательства съ кавказскимъ начальствомъ, въ томъ конечно разсчетѣ, что какъ бы тяжелы и неудобоисполнимы ни оказались эти обоюдно темныя обязательства, такой сильный человѣкъ, какъ князь Барятинскій, выручитъ и поддержитъ.

Такъ точно было и съ минеральными водами. Кто, какъ не Новосельскій, можетъ понять и исполнить задачу князя? И, дѣйствительно, Новосельскій и минуты не задумался взять воды въ свое управленіе съ обязательствомъ осуществить блестящія идеи князя и, принявъ въ свое распоряженіе всѣ вспомогательныя средства, бывшія въ вѣдѣніи Дирекціи, овладѣлъ тотчасъ значительнымъ запаснымъ капиталомъ Дирекціи, который ей принадлежалъ и который понадобился Новосельскому для другихъ цѣлей. Но всѣ распоряженія его по исполненію идей князя ограничились тѣмъ только, что онъ пригласилъ одного изъ московскихъ докторовъ, Смирнова, для завѣдыванія водами и предоставилъ ему управляться съ ними, какъ знаетъ. Быть можетъ, что онъ и сдѣлалъ бы для водъ что-нибудь существенное, но увы! стали сильно напирать на него дурныя времена и расшатывать не только великолѣпную репутацію этого прогрессиста, но даже и самое его состояніе. Денежныя дѣла его начали путаться и въ то же время кавказское начальство, выдавшее ему по заключеннымъ съ нимъ обязательствамъ громадные задатки и ссуды, стало неделикатно требовать, чтобы онъ или исполнялъ обязательства или возвратилъ задатки; тогда какъ и то и другое равно было для него невозможно.

На бѣду князь, на котораго были всѣ разсчеты и надежды, вздумалъ передать свое кавказское намѣстничество великому князю Михаилу Николаевичу и такимъ образомъ лишить Новосельскаго главнѣйшей опоры во всѣхъ кавказскихъ предпріятіяхъ, въ которыя онъ бросался, какъ говорится, «очертя голову». Столь блистательный нѣкогда, упоенный своими успѣхами, Новосельскій, во время пребыванія нашего въ Вильнѣ, болтаясь около насъ ежедневно, представлялъ уже довольно жалкій видъ. Онъ сочинилъ и представилъ князю, умоляя его подписать, такія бумаги, въ которыхъ доказывалось и возвѣщалось міру, что по кавказскимъ дѣламъ Новосельскаго нельзя считать простымъ подрядчикомъ, а скорѣе должно признавать правительственнымъ агентомъ и что относительно залоговъ, задатковъ и тому подобныхъ денежныхъ пустяковъ слѣдуетъ обходиться съ нимъ деликатнѣе. По той безразличной добротѣ, которая ни въ чемъ не отказываетъ, а частію вѣроятно и по сознанію, что Новосельскій дѣйствительно бросался въ эти предпріятія исключительно изъ желанія угодить князю, князь не только самъ подписалъ представленныя ему бумаги, но попросилъ и великаго князя подписать ихъ.

Эта двойственная подпись, утверждающая, что Новосельскій не подрядчикъ, а правительственный агентъ, казалось, должна была бы успокоить значительно упадавшаго нравственно и матеріально знаменитаго антрепренера; но на практикѣ, кажется, она мало принесла ему пользы. По крайней мѣрѣ я помню, что когда пріѣхалъ я впереди великаго

князя въ Ставрополь и когда съѣхались туда, для встрѣчи его, всѣ тифлисскія власти, за однимъ изъ какихъ-то большихъ обѣдовъ завязался ожесточенный споръ о дѣлахъ Новосельскаго, въ продолженіе котораго тифлисскія власти и въ особенности Карцевъ, начальникъ главнаго штаба, до котораго преимущественно касались эти дѣла, сильно протестовали противу комбинаціи, состоявшейся въ Вильнѣ. Князь Григорій Дмитріевичъ Орбеліани, заступавшій тогда намѣстника, долго слушалъ обоюдные доводы спорящихъ сторонъ и потомъ наивно сказалъ: «я вотъ чего не понимаю! Уста-Мехти (подрядчикъ изъ татаръ) сколько лѣтъ и какія большія дѣла дѣлаетъ у насъ! Но ни ему самому, ни другимъ и въ голову не приходило, что онъ не подрядчикъ, а правительственный агентъ какой-то!» Эти простодушныя слова, полныя чистѣйшей правды, произвели величайшій эффектъ и весело заключили происходившій споръ.

Что было дальше собственно по отношенію къ кавказскимъ дѣламъ Новосельскаго—я не знаю; но по отношенію къ общимъ дѣламъ его скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ окончательно запутался и просилъ правительство учредить по нимъ администрацію. Правительство отказало въ этомъ, при чемъ который-то изъ министровъ, Валуевъ или Рейтернъ, въ одномъ изъ засѣданій комитета министровъ, выразился будто слѣдующимъ образомъ: «слава Богу! прошло то время, когда находили въ правительствѣ поддержку такіе люди, какъ Новосельскій!» Администрація образовалась, однако, какъ-то частнымъ образомъ по согла шенію съ кредиторами, въ ряду которыхъ—замѣчательное дѣло!—стоитъ на первомъ планѣ бывшій министръ финансовъ Княжевичъ! Какимъ-то чудомъ Новосельскій очутился должнымъ ему громадную сумму, если не ошибаюсь, до 800 т. р. Что касается самого Новосельскаго, то, представляя новый примѣръ падшаго величія и получая отъ администраціи ограниченное содержаніе, онъ слѣдитъ съ упованіемъ и надеждой за ходомъ дѣлъ по Крымской соляной операціи, которую, во время своей славы, успѣлъ какъ-то захватить въ свои руки, быть можетъ при содѣйствіи тѣхъ многозначительныхъ 800 т. р. и въ которой онъ продолжаетъ видѣть якорь своего спасенія.

Это общее обозрѣніе кавказской дѣятельности Новосельскаго я долженъ заключить тѣмъ, что въ 1863 году, когда, пріѣхавъ въ послѣдній разъ на Кавказъ съ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, я съ его соизволенія провелъ сезонъ этого года на Пятигорскихъ минеральныхъ водахъ, я видѣлъ крайне затруднительное положеніе Смирнова. Рѣшительно безъ денегъ, онъ долженъ былъ не только управлять этими водами, но и вводить на нихъ различныя нововведенія и улучшенія, которыхъ всѣ настоятельно ожидали отъ него съ его патрономъ и въ особенности лица, входившія въ составъ уничтоженной казенной Ди-

рекціи, начиная съ самого барона Унгернъ-Штенберга, лица оттертыя, обиженныя и потому болѣе или менѣе злобствующія. Такъ какъ Смирновъ, при всемъ своемъ умѣ и изворотливости, не только не могъ думать о какихъ-либо усовершенствованіяхъ, но съ трудомъ едва покрывалъ самые неотложные изъ текущихъ расходовъ, то на него опрокинулись тысячи жалобъ, укоровъ и жесточайшихъ насмѣшекъ. Враждебныя отношенія къ нему стали проявляться въ весьма оскорбительныхъ формахъ для него, и едва-ли онъ могъ бы вынести такое состояніе, если бы мое появленіе на водахъ въ ту пору не внесло въ среду разгоравшейся войны примирительныхъ началъ. Старая партія была со мною въ отличныхъ отношеніяхъ; въ то же время я не могъ относиться непріязненно и къ новой партіи, зная, изъ какихъ источниковъ и видовъ она возникла. Окончательное скандализированіе этой партіи было бы чрезвычайно непріятно князю Александру Ивановичу, по видамъ котораго она такъ неудачно явилась. Однимъ словомъ, я старался если не совершенно помирить и сблизить эти два враждебные стана, то по крайней мѣрѣ смягчить ихъ въ высшей степени непріязненное настроеніе и, какъ казалось, съ успѣхомъ достигалъ своей цѣли, вращаясь ежедневно и съ одинаковымъ вліяніемъ въ обоихъ этихъ станахъ. Что произошло и происходитъ тамъ послѣ окончательнаго моего отъѣзда съ Кавказа—не знаю; извѣстно, впрочемъ, что Смирновъ и доселѣ держится тамъ съ грѣхомъ пополамъ... Но обращаюсь къ 1859 году.

Во время моего пріѣзда въ Пятигорскъ онъ положительно былъ пустъ, такъ что и изъ начальства тамъ никого не было. Такъ какъ это былъ уже конецъ сезона, т. е. августъ, то все сосредоточивалось въ Кисловодскѣ, за исключеніемъ развѣ нѣсколькихъ личностей, по роду своихъ болѣзней державшихся еще въ Желѣзноводскѣ или Ессентукахъ. Я тотчасъ бросился тоже въ Кисловодскъ... Дилижансъ подвезъ меня прямо къ великолѣпной Кисловодской галлереѣ, которая своимъ видомъ и размѣрами не можетъ не произвести на каждаго большаго впечатлѣнія. Какъ и многое по части устройства края—эта галлерея тожэ принадлежала временамъ князя Воронцова. При самомъ входѣ въ галлерею кипѣлъ въ обширномъ и глубокомъ бассейнѣ знаменитый Нарзанъ, окруженный толпами мужчинъ и дамъ. Особые служителя бросали, на какихъ-то тесемкахъ, стаканы въ бассейнъ, мгновенно выхватывали ихъ и подносили, наполненные кипучимъ нарзаномъ, ожидающимъ... Я тоже потребовалъ этого подношенія и сразу выпилъ нѣсколько стакановъ этой освѣжающей, истинно живительной, воды. По вкусу она показалась мнѣ сходною съ нашей искусственной зельтерской водой. Потомъ я отправился по необъятно длинной галлереѣ и разсматривалъ толпы гуляющихъ, среди которыхъ тотчасъ встрѣтилъ нѣсколько знакомыхъ личностей и съ помощію ихъ сдѣлалъ подробный осмотръ гал-

лереи. На противуположномъ концѣ ея помѣщались контора, аптека, рядъ ваннъ мужскихъ и женскихъ, общій для мужчинъ, въ родѣ озера, бассейнъ, разныя приспособленія для нагрѣванія воды, наконецъ, квартиры для нѣкоторыхъ изъ служащихъ и другія принадлежности.

Отъ того конца галлереи, гдѣ находится знаменитый ключъ нарзана, изъ котораго пьютъ воду, идетъ великолѣпный, хотя не очень обширный, паркъ, аллеи котораго также почти постоянно наполнены гуляющими. Въ сторонѣ отъ главной аллеи, на горѣ, стоитъ не очень богатое, деревянное зданіе, соединяющее въ себѣ значеніе гостиницы и вокзала. Зданіе это съ самаго утра наполняется посѣтителями, которые и получаютъ тамъ все, что угодно. Въ два часа собираются туда обѣдать. Тамъ же совершаются вечерніе балы, даваемые содержателемъ гостиницы или устраиваемые посѣтителями по подпискѣ; такіе же балы устраиваются въ самой галлереѣ, впрочемъ, довольно рѣдко, сколько по трудности ея освѣщенія, столько и потому, что каменный ея полъ неудобенъ для танцевъ. Главнѣйшее же назначеніе этой гостиницы или этого вокзала—картежная игра! Отъ ранняго утра до поздней ночи—тамъ вѣчно играютъ въ карты. Для этихъ исключительно занятій съѣзжаются со всей Россіи особые спеціалисты, проигрываются или обыгрываютъ другихъ и уѣзжаютъ, вовсе не имѣя никакого отношенія къ цѣлительнымъ свойствамъ нарзана! Сборъ за карты составляетъ главный доходъ содержателя и простирается до ужасающей цифры!

На первыхъ порахъ, однако, для меня самымъ важнымъ вопросомъ было: гдѣ я могу найти барона, главнаго начальника этихъ мѣстъ, котораго, для исполненія приличій, я долженъ былъ прежде всего посѣтить. Мнѣ объяснили, что за паркомъ начинается Кисловодская станица, гдѣ больше и размѣщаются всѣ пріѣзжающіе, что въ этой слободѣ есть церковь, подлѣ церкви стоитъ домъ, и въ этомъ домѣ проживаетъ баронъ. Я отправился по этому маршруту. Надо замѣтить, что барона я видѣлъ разъ или два въ Тифлисѣ, и мы, по обычаю, обмѣнялись нѣсколькими фразами; но положительнаго знакомства между нами не было, и я даже чувствовалъ себя нѣсколько стѣсненнымъ, предпринимая мой первый визитъ къ нему. Приближаясь къ указанному мнѣ дому, я увидѣлъ красивую и почтенную фигуру барона, идущую мнѣ навстрѣчу. Когда мы сошлись и свидѣлись, баронъ настоятельно повлекъ меня въ свой домъ и представилъ своему безпримѣрно милѣйшему семейству. Оно было очень многочисленно и состояло изъ жены, двухъ взрослыхъ и нѣсколькихъ маленькихъ дочерей и такихъ же маленькихъ сыновей; большіе сыновья находились въ своихъ полкахъ, на службѣ. Безъ преувеличенія можно сказать, что едва-ли можно встрѣтить другое, такое благословенное, семейство. Простота, доброта, безграничное радушіе

были отличительными его чертами, и понятно, что я облизился съ ними, какъ съ родными.

Есть, хотя и мало, такія личности, приближеніе къ которымъ тотчасъ наполняетъ вашу душу какими-то спокойными, отрадными ощущеніями. Именно изъ такихъ личностей состояло семейство барона, и я вспоминаю о немъ съ величайшимъ наслажденіемъ и съ величайшею благодарностію. Оно подарило мнѣ нѣсколько самыхъ свѣтлыхъ дней въ жизни. Отсюда само собою уже ясно, что съ этого момента баронъ осыпалъ меня безконечною, самою любезною предупредительностію. Начать съ того, что, несмотря на всѣ мои протесты, онъ помѣстилъ меня въ дамскихъ уборныхъ комнатахъ вокзала, о которомъ я говорилъ, что̀ безспорно составляло самое лучшее помѣщеніе во всемъ Кисловодскѣ. Моею обязанностію было только, въ дни баловъ, освобождать эти комнаты на нѣсколько часовъ, что конечно не составляло для меня никакого отягощенія, потому что и безъ того я только спалъ въ комнатахъ, а все остальное время проводилъ въ галлереѣ, въ паркѣ и вообще на воздухѣ, о которомъ, сидя въ петербургской болотной атмосферѣ, и вспомнить отрадно. Потомъ баронъ возилъ меня въ Пятигорскъ, Желѣзноводскъ, Ессентуки и по всѣмъ окрестностямъ, показывая все замѣчательное; потомъ ежедневно атаковалъ меня любезными приглашеніями то обѣдать, то чай пить и т. п. Каждое утро, проходя, по обязанностямъ своимъ, чрезъ паркъ въ галлерею, онъ непремѣнно заходилъ ко мнѣ, освѣдомлялся, здоровъ ли я, не нужно ли мнѣ чего и все это съ такимъ наивнымъ добродушіемъ, въ которомъ не было и тѣни какихъ-либо корыстныхъ разсчетовъ.

Предъ самымъ окончаніемъ сезона, на Пятигорскія воды, т. е. въ Кисловодскъ, пріѣхала жена князя Дмитрія Мирскаго, Софья Яковлевна, принадлежавшая по рожденію къ группѣ князей Орбеліани, о которой я выше говорилъ и къ которой принадлежали жена Опочинина и жена Иванова. Никто изъ дамъ этой группы не отличался особенною красотою; но всѣ онѣ славились добротою, радушіемъ и веселостью и потому всегда и вездѣ составляли центръ, вокругъ котораго собирались различныя группы. Такое точно положеніе заняла княгиня Софья Мирская, пріѣхавъ въ Кисловодскъ. Въ группахъ, около ея образовавшихся, я занялъ видное и пріятное мѣсто, сколько по моимъ отношеніямъ къ князю Александру Ивановичу, столько и по отношенію ко всѣмъ ея роднымъ. Дни наши проходили великолѣпно, и непріятно даже было думать, что они когда-нибудь кончатся. Для меня они, однако, кончились ранѣе, чѣмъ я самъ ожидалъ.

Хотя поглощаемые мѣстными увеселеніями разнаго рода мы мало обращали вниманіе на то, что дѣлалось внѣ нашего веселаго міра, тѣмъ не менѣе въ этотъ міръ падали извѣстія о томъ, что князь пошелъ

дальше, что подошелъ къ Гунибу и обложилъ эту скалу съ цѣлію принудить Шамиля сдаться. Все это какъ-то мало насъ интересовало, тѣмъ болѣе, что сдастся ли Шамиль и когда еще это будетъ—одному Богу было извѣстно. Но потомъ вдругъ упала въ нашъ мірокъ звучная вѣсть, что Шамиль взятъ и отправленъ уже въ Петербургъ, потомъ другая вѣсть, что князь такого-то числа будетъ имѣть торжественное вшествіе въ Тифлисъ... Къ радостному чувству, которымъ исполнялся каждый кавказецъ отъ этихъ извѣстій, въ моей душѣ примѣшивалось какое-то невольное чувство досады, что меня не было при взятіи Шамиля и что я не буду при торжественномъ вшествіи князя въ Тифлисъ. Но поправить этого было не возможно и потому я рѣшился по крайней мѣрѣ участвовать въ торжественной встрѣчѣ князя. Соображеніе времени его движенія къ Тифлису и моего возвращенія туда показывало мнѣ, что я могу поспѣть къ торжеству встрѣчи, если, какъ говорится, «не буду зѣвать». Я мгновенно собрался и объявилъ о своемъ отъѣздѣ.

Большинство утверждало, что во всякомъ случаѣ «такъ» уѣхать нельзя, а непремѣнно надо дать прощальный обѣдъ и балъ и т. п. Но я оставался непреклоненъ въ глубокомъ убѣжденіи, что мое отсутствіе въ такой знаменитый моментъ жизни князя будетъ для него непріятно. Поддерживаемый этимъ убѣжденіемъ, я стойко боролся съ нападающими, отстрѣливаясь самыми краснорѣчивыми и любезными изъявленіями благодарности за дружбу, вниманіе и пр. Во время этой борьбы лихая тройка съ звонкимъ колокольчиковъ подлетѣла къ крыльцу галлереи, вмѣщавшей въ себѣ въ это время все кисловодское населеніе. Я бросился въ экипажъ и напутствуемый всевозможными пожеланіями—быстро понесся отъ мѣстъ, гдѣ такъ много я нашелъ свѣтлаго и радостнаго. Скакалъ я день и ночь, несмотря на протесты станціонныхъ смотрителей, доказывавшихъ, что лучше переночевать, «а то какъ бы чего не случилось!»

Ничего не случилось, и я едва успѣлъ позднимъ вечеромъ, наканунѣ дня торжественнаго вшествія, ввалиться въ Тифлисъ. По пути я заѣхалъ къ Фадѣевымъ, чтобъ узнать о подробностяхъ этой встрѣчи, и страшно изумилъ ихъ своими тщательно воспитанными усами и остатками того воинственнаго характера, который былъ наложенъ на мою фигуру вліяніемъ походной жизни. Узнавъ отъ нихъ все, что мнѣ было нужно, я отправился домой, прежде всего сбрилъ свои усы, распорядился своимъ экипажемъ, обозрѣлъ свой гражданскій гардеробъ и на другое утро, свѣжій и бодрый, обратившійся уже въ прежняго гражданскаго дѣятеля, полетѣлъ на мѣсто торжества.

ГЛАВА XII.

Торжественное вступленіе князя въ Тифлисъ. — Тріумфальная арка.—Депутаціи всѣхъ сословій, встрѣчающія князя. — Массы народа.—Великолѣпный видъ князя.—Дѣвочки, усыпавшія путь его цвѣтами.—Рѣчи, предъ нимъ произнесенныя.—Рядъ празднествъ.—Тифлисскіе фейерверки. — Награды, посыпавшіяся на князя. — Его критическія замѣчанія по этой части.—Награды, которыми осыпалъ князь своихъ сподвижниковъ.—Мой отъѣздъ изъ Тифлиса въ Москву.—Составленіе мною коллекціи лубочныхъ картинъ, изображающихъ князя и покореніе Восточнаго Кавказа. — Обозрѣніе этой коллекціи государемъ. — Ожиданіе князя въ Москвѣ.—Исторія покоренія „абадзеховъ".—Фельдмаршальство князя.

На концѣ той части города, которая называется «Авлабаромъ», устроена была громадная тріумфальная арка, украшенная многими гербами и флагами. Арка эта, само собою разумѣется; была временная; но потомъ городъ ходатайствовалъ, чтобы для увѣковѣченія покоренія Кавказа дозволено было устроить на этомъ мѣстѣ каменную, капитальную арку, и ходатайство это утверждено. По сторонамъ этой арки устроены были галлереи для дамъ и почетнѣйшихъ зрителей. Впрочемъ, я отказываюсь отъ подробнаго описанія всѣхъ устройствъ, сдѣланныхъ для этого дня. Достаточно сказать, что по особымъ церемоніаламъ, росписаніямъ и распредѣленіямъ разставлены были на особыхъ мѣстахъ гражданскія и военныя власти, дворянство, представители городскихъ властей, амкары со своими значками и зурнами и пр. и пр. Въ каждомъ отдѣлѣ находился избранный ораторъ, который и держалъ въ рукахъ свою рѣчь, напечатанную на пергаментѣ, для того, чтобы послѣ произнесенія можно было поднести ее князю. Я очень тревожился за князя, зная, что ему придется необходимо отвѣчать на всѣ эти рѣчи, тогда какъ по этой части онъ особенно не силенъ.

День былъ великолѣпный; народу видимо не видимо. Я уже не говорю о томъ, что всѣ улицы, по которымъ предстояло проѣзжать князю, залиты были народными толпами, ни о томъ, что громадныя толпы ожидали его за городомъ—всѣ крыши домовъ, по грузинскимъ обычаямъ, представляли сплошныя массы народа, что составляетъ въ Тифласѣ прекрасное и нигдѣ въ другихъ мѣстахъ русскаго царства невозможное зрѣлище. Само собою разумѣется, что весь городъ убранъ былъ праздничнымъ торжественнымъ образомъ; дома были украшены флагами, коврами и различными картинами, приготовленными для вечерней иллюминаціи. Наконецъ раздались барабаны, музыка... Шествіе князя показалось вдали.

Нѣтъ сомнѣнія, что немногимъ, особенно въ наше время, доставались въ жизни такія высокія минуты, какія князь переживалъ въ на-

стоящемъ случаѣ. Встрѣча его Тифлисомъ осуществляла тѣ встрѣчи древнихъ тріумфаторовъ, о которыхъ мы читаемъ въ историческихъ сочиненіяхъ. Великолѣпный по своей прекрасной наружности князь ѣхалъ шагомъ на великолѣпнѣйшемъ конѣ, впереди необъятной свиты, которая, безъ преувеличенія можно сказать, представляла страшную смѣсь племенъ, одеждъ, лицъ, нарѣчій. Тутъ были вылощенные адъютанты, остававшіеся въ Тифлисѣ, и загорѣлые адъютанты, которые имѣли счастіе быть подъ Гунибомъ. Тутъ были генералъ-адъютанты и рядомъ съ ними татарскія фигуры, принадлежащія различнымъ ханамъ, князьямъ и бекамъ. Представители Гуріи, Мингреліи, Имеретіи, Абхазіи разнообразили картину и дѣлали ее почти волшебною въ родѣ тѣхъ, которыя мы видимъ на Большомъ театрѣ... Всѣ взоры устремлены были на князя.

Въ постоянномъ и безграничномъ моемъ удивленіи къ этой обольстительной личности, я не могъ налюбоваться ею въ этотъ моментъ. Ничего важнаго, торжественнаго, напыщеннаго не было и тѣни во всей его фигурѣ, во всѣхъ его позахъ. Напротивъ, никогда она не отличалась такою плѣнительною простотою. Милѣйшая улыбка, чуждая всякой искусственности, всякаго превосходства, блуждала на его лицѣ... Однимъ словомъ, нельзя было и вообразить, чтобы кто-нибудь могъ быть лучше, и главное, простѣе, какъ-то милѣе его въ эту торжественную минуту. Можно было ручаться, что вмѣстѣ съ взорами къ нему стремятся и всѣ сердца...

Группа маленькихъ дѣвочекъ, одѣтыхъ въ бѣлое, усыпала путь его цвѣтами. Операція эта представлялась не очень легкою и для взрослыхъ; дѣти же бросали цвѣты, какъ попало и куда попало, и оттого она производилась хотя не очень стройно, но зато очень мило; многіе цвѣты попадали князю въ лицо, на что онъ отвѣчалъ своей очаровательной улыбкой; конь его, напротивъ, далеко не такъ любезно принималъ эти привѣтствія: орошаемый безпрерывно и со всѣхъ сторонъ цвѣтами, онъ, въ изумленіи, метался изъ стороны въ сторону и сверкалъ сердито своими огненными глазами, широко раздувая свои ноздри; но князь, знаменитѣйшій изъ ѣздоковъ, не обращалъ на его гнѣвные порывы ни малѣйшаго вниманія.

Когда князь приблизился къ находящейся предъ тріумфальной аркой площадкѣ, устланной коврами, гдѣ ожидали его разныя власти и разные ораторы, онъ сошелъ съ коня... Въ мгновеніе ока, площадка эта, несмотря на различныя полицейскія запрещенія и предупрежденія, окружена была непроницаемою стѣною народа. На различные спичи, продолжавшіеся довольно долго, князь отвѣчалъ немногими словами и потомъ, сѣвъ на коня, отправился въ Сіонскій соборъ, гдѣ ожидало духовенство.

До въѣзда князя въ городъ все-таки соблюдался хотя какой-нибудь порядокъ въ народныхъ толпахъ; но когда князь проѣхалъ, то эти толпы, какъ волнами, затопили рѣшительно всю улицу, ведущую отъ въѣзда къ Сіонскому собору. Здѣсь уже никакое значеніе, никакой мундиръ, какъ бы богато онъ ни былъ расшитъ золотомъ, не производили эффекта, и каждому предоставлялось дѣйствовать по мѣрѣ своего искусства и своей ловкости. На мою бѣду ко мнѣ съ обѣихъ сторонъ прицѣпились какія-то двѣ барыни тифлисскаго большаго свѣта, такъ что я вынужденъ былъ сосредоточить на нихъ все мое вниманіе и отказаться отъ желанія слѣдовать шагъ за шагомъ за церемоніей. Послѣдствіемъ этихъ любезностей было то, что мы не попали, да ужъ и не хотѣли попасть въ Сіонскій соборъ, зная, до какой ужасающей степени онъ набитъ въ эту минуту, и рѣшились прямо пробиваться во дворецъ намѣстника, гдѣ, въ заключеніе, все сосредоточилось.

Едва только я вступилъ со своими дамами въ залу, тоже наполненную донельзя, какъ князь, замѣтивъ меня, подошелъ ко мнѣ и, улыбаясь, сказалъ: «Извините, Василій Антоновичъ! Вы все совѣтовали взять Шамиля во флангъ, а мы взяли его прямо!» Я очень удивился, что моя шутка дошла до него, и онъ припомнилъ ее въ эти торжественныя для него минуты... Видно было, что князь былъ счастливъ и радостенъ!

Въ тотъ же день вечеромъ былъ торжественный спектакль, великолѣпная иллюминація и фейерверкъ. Кстати о фейерверкахъ кавказскихъ. Пріѣхавъ на Кавказъ изъ Петербурга, избалованный нѣсколько удобствами и роскошью столичной жизни, я немножко свысока смотрѣлъ на обстановку тифлиской жизни, какъ частной, такъ и общественной, и такой взглядъ имѣлъ свои основанія. Тамошнія квартиры, напримѣръ, приводили въ отчаяніе; прислуга тамошняя не вообразимая; меблировка тамошняя страсть! Понятно, что, познакомившись съ этими первыми условіями нашего быта, я смотрѣлъ уже и на все остальное съ сильнѣйшимъ предубѣжденіемъ. Когда впервые я услыхалъ, что будетъ по какому-то случаю фейерверкъ, я не могъ не подумать: «должно быть будетъ очень хорошъ!» Но когда начался этотъ фейерверкъ, я былъ страшно изумленъ: это такая прелесть, такая роскошь, такое искусство и наконецъ такая живость въ исполненіи, что наши петербургскіе фейерверки должны непремѣнно спасовать предъ тифлисскими. Начать съ того, что превосходству тифлисскихъ фейерверковъ сильно помогаетъ сама природа: она даетъ распорядителю двѣ важныя въ этомъ отношеніи вещи: темныя, непроницаемыя южныя ночи и потомъ горы. Тифлисскіе фейерверки всегда устраиваются на громадныхъ горахъ, окружающихъ Тифлисъ. Одно уже это дѣлаетъ понятнымъ, какой эффектъ они должны производить. Но независимо отъ этого содѣйствія туземной природы тифлисскіе фейерверки сами по

себѣ [великолѣпны и со стороны пиротехническаго искуства, если не превосходятъ петербургскіе, то рѣшительно ни въ чемъ не уступаютъ имъ. Но что болѣе всего пріятно поразило меня—это необычайная живость въ исполненіи.

Петербургскіе фейерверки и теперь исполняются довольно вяло, а прежде было еще хуже. Послѣ какой-нибудь картины все погружается въ мракъ и ожиданіе: что будетъ дальше? Ожиданіе это длится иногда неумѣренно долго. Скучающая публика нетерпѣливо слѣдитъ за блуждающими огоньками, съ которыми перебѣгаютъ съ мѣста на мѣсто солдатики, и сопровождаетъ ихъ возгласами: «вонъ, кажется, зажигаютъ! нѣтъ, еще не зажигаютъ! Да что же они не зажигаютъ?» и т. п. Въ Тифлисѣ совсѣмъ не такъ. Тамъ фейерверкъ, когда начался, идетъ постоянно, не прерываясь, до конца. Глаза зрителя едва поспѣваютъ за различными огненными штуками, взвивающимися безпрерывно, одна за одной, съ различныхъ точекъ горы. Я и тогда не понималъ, да и теперь не понимаю, какимъ это образомъ дѣлалось, что вслѣдъ за одной штукой, вспыхнувшей на одной сторонѣ горы, немедленно загоралась какая-нибудь штука на другой сторонѣ горы, потомъ вверху, потомъ внизу. Это тѣмъ болѣе удивительно, что дѣло почти всегда происходило темнѣйшей ночью и на отрогахъ горы, по которымъ и при дневномъ свѣтѣ невозможны тѣ перебѣганія, которыми занимаются петербургскіе исполнители. Я понялъ только то, что начальникъ тифлисской лабораторіи, онъ же устроитель и распорядитель тамошнихъ фейерверковъ, старикъ Сигуновъ, нынѣ уже генералъ, при всей его оригинальности,—величайшій художникъ своего дѣла, въ слѣдствіе чего я очень съ нимъ подружился и охотно выслушивалъ различныя былины о кавказскихъ дѣлахъ и обстоятельствахъ, которыя онъ имѣлъ неодолимую страсть разсказывать всюду и всегда, когда только представлялся къ тому подходящій случай...

Но я не буду ни исчислять, ни описывать рядъ торжествъ, послѣдовавшій за возвращеніемъ князя въ Тифлисъ. Кавказъ, безспорно, умѣетъ устраивать праздники и искренно веселится на нихъ...

Можно замѣтить только, что рядомъ съ этими торжествами шелъ рядъ блестящихъ наградъ, которыми осыпался князь и его сподвижники. Изъ формуляра князя видно, что въ одномъ 1859 году онъ получилъ Св. Владиміра 1-й степени, Св. Андрея Первозваннаго, Св. Георгія 2-го класса и потомъ произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы. Нѣтъ сомнѣнія, что такія блестящія награды, слѣдовавшія одна за другой, доставляли великое наслажденіе князю, ибо окончательно и полнѣйшимъ образомъ осуществляли тотъ идеалъ славы и величія, къ которому онъ стремился съ самыхъ юныхъ лѣтъ; тѣмъ не менѣе, дѣлясь со мною чувствами, которыя пробуждали въ немъ эти награды,

князь не оставлялъ, я хорошо помню, сопровождать каждую изъ нихъ нѣкоторыми критическими воззрѣніями относительно порядка, въ какомъ онѣ слѣдовали. Сущности этихъ замѣчаній я уже не помню; но въ общемъ видѣ они выражали убѣжденіе князя, что въ Петербургѣ не умѣютъ распоряжаться наградами.—«Прежде надобно бы вотъ это, а потомъ это»,—говорилъ князь. Зная его оригинальные взгляды на многіе дѣла и предметы, я уже нисколько не удивлялся этимъ страннымъ замѣчаніямъ.

Я не удивлялся даже разливу страшнаго его негодованія, во время бытности нашей въ Вильнѣ, предъ оставленіемъ Кавказа; больной и капризный, въ присутствіи многихъ, князь кричалъ до неприличія: «зачѣмъ меня сдѣлали фельдмаршаломъ? я объ этомъ никого не просилъ! Мнѣ это вовсе не нужно. Это связало меня по рукамъ и по ногамъ. Я никуда не могу спрятаться съ этимъ званіемъ и потому нигдѣ не могу быть покойнымъ» и т. п. Добрый, но ограниченный генералъ Майдель, старый сослуживецъ князя, принялся было доказывать, что званіе фельдмаршала—званіе почетное и что, облекая этимъ званіемъ князя, правительство не думало дѣлать ему непріятное, а напротивъ думало сдѣлать пріятное, и тому подобныя простыя и непреложныя истины; но эти непреложныя истины встрѣтили со стороны князя такое упорное отраженіе, что бѣдный и сконфуженный Майдель вынужденъ былъ умолкнуть.

Нѣтъ сомнѣнія, что всякое физическое разстройство неминуемо отражается болѣе или менѣе на умственномъ нашемъ состояніи; физическія страданія князя, которыхъ я былъ личнымъ свидѣтелемъ, доходили часто до такой степени, что надо удивляться еще, что они положительно не помрачили его сильный разсудокъ; поэтому и страшное его негодованіе на фельдмаршальство надо отнести преимущественно къ тѣмъ ужаснымъ страданіямъ, которыя онъ испытывалъ въ Вильнѣ; тѣмъ не менѣе, справедливость требуетъ сказать, что здѣсь участвовало и оригинальничанье въ его взглядахъ, ибо въ противномъ случаѣ, въ борьбѣ съ подагрой и безчисленными недугами, которыми она осаждала его, онъ сталъ бы бранить все, если бы это было необходимо, но не какъ не фельдмаршальство, которое именно поставило его выше всѣхъ, кто только служитъ государю и отечеству.

Получая самъ блестящія награды, князь любилъ осыпать блестящими наградами своихъ сотрудниковъ и подчиненныхъ. Періодъ его управленія въ этомъ отношеніи останется навсегда незабвеннымъ, ибо здѣсь именно щедрость князя соединялась съ такими поводами къ проявленію ея, какихъ не было ни въ какомъ другомъ періодѣ, да вѣроятно никогда и не будетъ. Князь, повидимому, хорошо сознавалъ, что возможность награждать составляетъ самую пріятную и въ то же

время самую дѣйствительную сторону власти. Онъ сыпалъ наградами, какъ царь.

Я, кажется, говорилъ уже, что, при моемъ прибытіи на Кавказъ, во всемъ гражданскомъ мірѣ я видѣлъ только одну ленту, украшавшую худую фигуру престарѣлаго Фадѣева; чрезъ годъ или полтора всѣ высшіе гражданскіе чины были уже въ лентахъ, что немножко имѣло сначала комическій видъ, потому что на всѣхъ торжественныхъ пріемахъ и праздникахъ только и видишь бывало однѣ Станиславскія ленты. Князь не только любилъ награждать, но и любилъ хвалиться подвигами своими по этой части. Онъ не одинъ разъ высчитывалъ мнѣ, съ большимъ чувствомъ самодовольства, награды, данныя имъ Милютину и Евдокимову, и я помню хорошо, что князь насчитывалъ одному одиннадцать, а другому восемь наградъ; не помню только, за какой именно періодъ и на чью долю досталось одиннадцать наградъ и на чью восемь.

Между тѣмъ въ числѣ многихъ несправедливостей, которыми извращенное общественное мнѣніе постоянно осыпало князя, какъ будто въ награду за то, что онъ покорилъ Кавказъ, который не умѣли покорить до него въ теченіе пятидесяти лѣтъ, за то, что онъ остановилъ ручьи русской крови, которые тамъ лились, удержалъ русскіе милліоны, которые тамъ тратились, было и то, что князь награждалъ будто бы только своихъ приближенныхъ, а затѣмъ всѣхъ другихъ оставлялъ безъ наградъ. Вопіющая несправедливость! Кого же лично самъ князь и могъ награждать, какъ не тѣхъ, кого онъ лично зналъ и кто стоялъ подлѣ него? Какимъ образомъ онъ могъ непосредственно награждать, напр.: поручиковъ Кабардинскаго полка или капитановъ Куринскаго? Это было уже дѣломъ ближайшихъ начальниковъ этихъ поручиковъ и капитановъ! А что князь не былъ способенъ лишить награды того, кто представленъ ближайшимъ начальникомъ къ наградѣ, то для того, кто зналъ князя, это и доказывать смѣшно.

Начать съ того, что онъ считалъ совершенною тратою времени читать громадные наградные списки, которые ему представляли, вполнѣ полагаясь на тѣхъ, кто подносилъ ему эти списки. Я выше говорилъ, что князь выражалъ самому государю свое удивленіе, что его величество читаетъ списки о наградахъ именно по Кавказу, и заявлялъ, что онъ самъ, главнокомандующій кавказскою арміею, ихъ не читалъ.—Я говорилъ также, что въ первый годъ моего управленія канцеляріею я осыпалъ наградами всѣхъ безъ исключенія служащихъ тамъ, и князю не было до этого никакого дѣла. Князь былъ слишкомъ высокъ для того, чтобы повѣрять, дѣйствительно ли достоинъ награды какой-нибудь подполковникъ или столоначальникъ; слишкомъ благороденъ для того, чтобъ контролировать въ этомъ отношеніи ближайшихъ на-

чальниковъ, которымъ онъ для пользы дѣла хотѣлъ придать наибольшій вѣсъ и значеніе.

Вскорѣ я долженъ былъ отправиться въ Москву къ больной женѣ.

Существеннымъ занятіемъ моимъ въ Москвѣ въ свободное время, котораго у меня было, разумѣется, бездна, было ходить по Москвѣ и собирать лубочныя картины, изображавшія князя и послѣднія событія, имъ совершенныя, и я могу смѣло сказать, что ни у кого нѣтъ и не можетъ быть такой полной коллекціи этихъ оригинальныхъ произведеній... Удивительное дѣло! Эти картины вдругъ появились въ такомъ множествѣ, что мнѣ оставалось только собирать ихъ. Однихъ портретовъ князя я собралъ болѣе десяти. И что это за портреты! Я уже не говорю о физіономіяхъ, истинно въ ужасъ приводящихъ! Достаточно, чтобъ опредѣлить ихъ достоинство, сказать, что на одномъ портретѣ напр.: всѣ регаліи князя изображены по правой сторонѣ его груди, и на другомъ—на лѣвой. Картины, изображающія самыя обстоятельства покоренія Восточнаго Кавказа и взятіе Шамиля — вверхъ совершенства. По невозможности передать въ моихъ запискахъ прелесть самыхъ картинъ, я приведу здѣсь сдѣланныя на нѣкоторыхъ изъ нихъ печатныя надписи:

«Шамиль, имамъ Чечни и дагестана»
Телеграфическая депеша
Его императорскому величеству

«Имѣю честь поздравить ваше императорское величество съ августѣйшимъ тезоименствомъ отъ моря каспійскаго до военно-грузинской дороги Кавказъ покоренъ державѣ вашей 48 пушекъ всѣ крѣпости и укрѣпленія непріятельскія въ рукахъ нашихъ я лично былъ: каратлаѣ, тлокѣ игали, охулью, гимрохеѣ Унцукулѣ натаныхѣ хунзахѣ тилитлѣ ругужѣ и Чохѣ, теперь осаждаю Гунибъ, гдѣ заперся Шамиль съ 400 мюридоми, генералъ-адъютантъ, князь Барятинскій 22 августа 1856 (?) года главная квартира при аулѣ кегерь передалъ депешу адъютантъ главнокомандующаго кавказскою арміею поручикъ князь Витгейтейнъ его императорскому величеству Гунибъ взятъ Шамиль въ плѣну и отправленъ въ Петербургъ. Генералъ-адъютантъ князь Барятинскій 26-го августа 1859 года».

«Осада крѣпости Гуниба и взятіе въ плѣнъ Шамиля».

«Храбрымъ русскимъ войскомъ подъ личнымъ предводительствомъ главнокомандующаго кавказскою арміею князя Барятинскаго 26-го августа 1859 года и отправленъ въ С.-Петербургъ и теперь все покорено безъ исключенія при ономъ взято 4 орудія, одно крѣпостное ружье Шамилева сѣкира, въ плѣнъ захвачено около ста человѣкъ мюридовъ.

Геройскій подвигъ на восточномъ Кавказѣ и отъ моря каспійскаго до военно-грузинской дороги пало къ стопамъ его императорскому величеству».

«Кавказъ здача Шамиля съ мурядами».

Его сіятельство князь Барятинскій прибывая лично вмѣстѣ съ командующими войсками у аула, Шамиль видя, что аулъ окруженъ густою цѣпью войсковъ готовыхъ ворваться въ него рѣшился сдаться сопровожденіями нѣсколькихъ мюридовъ явился къ его сіятельству, повергая безусловно свой судъ, милосердію государю императору. Главнокомандующій приказалъ отвесть его въ лагерь главной квартиры, а на другой день, прибыли сюда же два его сына и все семейство 27 ч. онѣ отправлены изъ Тимиръ-харханъ-Шуру откуда Шамиль съ старшимъ сыномъ отправленъ въ С.-Петербургъ и теперь все покорѣно безъ исключенія при ономъ взято 4 орудія одно крѣпостное ружье, Шамилева сикира, въ плѣнъ захвачено около ста человѣкъ мюридовъ и такое число убито, съ нашей стороны 19 нижнихъ чиновъ и 2 милиціонера, убитыхъ, 7 офицеровъ 14 нижнихъ чиновъ и 7 милиціоровъ раненыхъ и контуженныхъ, 2 офицера, 29 нижнихъ чиновъ. Геройскій подвигъ полувѣковая борьба на восточномъ кавказѣ окончена, страна отъ моря каспійскаго до военно-грузинской дороги пала къ стопамъ его императорскому величеству».

Эту коллекцію я представилъ князю, и она доставила ему величайшее удовольствіе. Впослѣдствіи, когда князь, а вмѣстѣ съ нимъ и я, прибыли въ Петербургъ, самъ государь, какъ я говорилъ уже, удостоилъ ее разсматривать. Портреты князя, изображеніе Шамиля, сдающагося князю съ своими женами, присочиненными творческимъ воображеніемъ народныхъ художниковъ. и съ своими «мурядами», какъ сказано въ одной изъ подписей подъ картинами, возбуждали искренній смѣхъ его величества, и онъ весело разспрашивалъ меня, какъ мнѣ пришла мысль и какъ мнѣ удалось собрать такую замѣчательную коллекцію такихъ замѣчательныхъ картинъ...

Между тѣмъ приближалось время прибытія князя въ Москву, и сей обширный градъ значительно взволновался ожиданіемъ этого прибытія. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ то время князь Барятинскій и Шамиль, Шамиль и князь Барятинскій занимали всѣ умы, были у всѣхъ на языкѣ. Слѣдовательно, предстоящее появленіе князя Барятинскаго, героя этого времени, не могло не занимать жителей древней, но бѣдной общественными интересами столицы. Придворное

вѣдомство, и во главѣ его длинный князь Горчаковъ, ужасно суетилось по приготовленію для князя, на основаніи приказанія самого государя, помѣщенія въ маленькомъ московскомъ дворцѣ и всѣхъ принадлежностей, сюда относящихся. И въ этомъ отношеніи князь Горчаковъ постоянно прибѣгалъ къ моимъ совѣтамъ, достигая двухъ цѣлей: во-первыхъ, исполнить прямыя свои обязанности въ отношеніи къ знаменитому государственному человѣку въ возможной степени удовлетворительно и, во-вторыхъ, своею безконечною предупредительностью задобрить лично князя, въ рукахъ котораго была судьба его блуднаго сына.

За нѣсколько дней до пріѣзда князя, пріѣхалъ въ Москву изъ Петербуга бѣдный Свѣчинъ, одинъ изъ адъютантовъ его, съ своими мечтаніями о флигель-адъютантствѣ, которое постоянно мучило и никакъ ему не давалось. Я говорилъ уже, что онъ посланъ былъ княземъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ о покореніи абадзеховъ, въ Западномъ Кавказѣ. Исторія этого покоренія самая печальная и положила нехорошія тѣни не только на генерала Филипсона, главнаго автора этого покоренія, но и на самого князя, по правдѣ сказать, ни въ чемъ тутъ неповиннаго. Говорили, а мой пріятель генералъ Фадѣевъ, авторъ извѣстныхъ кавказскихъ писемъ въ «Московскія вѣдомости», печаталъ даже впослѣдствіи, что Филипсонъ, увлекаемый успѣхами Евдокимова на Восточномъ Кавказѣ, непремѣнно хотѣлъ, во что бы то ни стало, сочинить какой-нибудь блистательный успѣхъ и въ ввѣренномъ ему Западномъ Кавказѣ и вслѣдствіе этого совершилъ покореніе абадзеховъ съ привосокупленіемъ передачи къ намъ извѣстнаго «Мегметъ-Аминя», котораго считали, совершенно несправедливо, въ отношеніи къ Западному Кавказу тѣмъ же, чѣмъ былъ Шамиль въ отношеніи къ Восточному.

Понятно, что такое дѣло, вслѣдъ за дѣлами, совершенными въ Восточномъ Кавказѣ, озарили князя на первыхъ порахъ новою славою, такъ что государь, получивъ объ этомъ привезенное Свѣчнымъ извѣстіе, произвелъ князя Барятинскаго въ фельдмаршалы. Справедливсоть требуетъ сказать, что самъ князь далеко не съ такой блистательной точки смотрѣлъ на это дѣло, и было много признаковъ, что самое фельдмаршальство, съ которымъ былъ отправленъ курьеръ къ нему навстрѣчу, не совсѣмъ пріятно его удивило. Послѣдствія обнаружили, что это покореніе абадзеховъ вовсе не было дѣйствительнымъ ихъ покореніемъ, а какою-то довольно постыдною для насъ сдѣлкою и что Мегметъ-Аминь рѣшительно не имѣлъ никакого вліянія на храбрые, независимые и гордые народы Западнаго Кавказа, но только умѣлъ морочить нашихъ небывалымъ его значеніемъ. Князь сильно негодовалъ потомъ на Филипсона за такую штуку; но общественное мнѣніе, всегда не благосклонное къ князю и неспособное углубляться въ по-

дробное изслѣдованіе дѣла, рѣшило, что штука эта была сочинена самимъ княземъ и именно для того, чтобы выманить фельдмаршальство.

Какъ бы то ни было, но князь фельдмаршалъ, весьма естественно, еще болѣе возвысился въ глазахъ всѣхъ, ожидавшихъ его въ Москвѣ и Петербургѣ. Но едва-ли кто-либо ожидалъ его съ такимъ нетерпѣніемъ и такими надеждами, какъ тотъ же самый Свѣчинъ. Летя въ Петербургъ съ извѣстіемъ о коварныхъ абадзехахъ, онъ разсчитывалъ опять-таки на завѣтное для него флигель-адъютантство, но увы! въ то время, когда князя сдѣлали фельдмаршаломъ, его не сдѣлали флигель-адъютантомъ и жесточайшимъ образомъ отпотчивали только короною на Анну, да переводомъ тѣмъ же чиномъ полковника, который онъ уже имѣлъ, въ гвардію, что ровно ничего для него не составляло. Свѣчинъ считалъ все это рѣшительно однимъ недоумѣніемъ, ибо въ его соображеніяхъ положительно не совмѣщались: князю фельдмаршальство, а ему—корона. Разсужденія его на эту тему были безконечны и какъ онъ ни былъ ограниченъ вообще, однако хорошо понималъ, что изъ однихъ этихъ разсужденій все-таки ничего не выйдетъ, если онъ не научитъ меня ими донельзя и если я не передамъ сущность ихъ князю, чего онъ самъ, конечно, сдѣлать былъ не въ состояніи. Отсюда происходило, что Свѣчинъ осаждалъ меня ежедневно своими посѣщеніями и безчеловѣчно утомлялъ своими сѣтованіями и предположеніями, которыя казались ему правильными и основательными.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бытовые очерки В. П. Лободовскаго.

IX [1]).

Черезъ два часа они уже ѣхали по прекрасному московско-петербургскому шоссе, видъ котораго произвелъ сильное впечатлѣніе на Перепелкина. Здѣсь было большое движеніе: то и дѣло мчались навстрѣчу или обгоняли ихъ громадные дилижансы, запряженные шестерикомъ и биткомъ набитые народомъ.

— Попробовали бы поскакать въ такомъ чудищѣ по грунтовой черноземной дорогѣ, — замѣтилъ онъ своему дремавшему спутнику,—въ осеннее или весеннее время.

— Да, тамъ бы ему и застрять до лѣта, — отвѣчалъ полусонный товарищъ и вскорѣ прилегъ и уснулъ.

«Русь ты, Русь!—размечтался Перепелкинъ, приходя все въ большій и большій пафосъ при видѣ усиливающагося движенія по прекрасной дорогѣ, по которой, казалось, и лошади бодро скакали во весь махъ, не нуждаясь въ особомъ поощреніи со стороны возницы:—что тебѣ, матери многочисленнаго и трудолюбиваго народа, мѣшаетъ покрыться такими дорогами по всѣмъ направленіямъ отъ края до края твоихъ предѣловъ? Неужели крапивное сѣмя, въ лицѣ взяточниковъ-чиновниковъ, казнокрадовъ-дѣльцовъ бюрократизма, высосало уже всѣ твои соки и у тебя хватило только силъ соединить столицы такимъ путемъ, предоставляя другія мѣстности на произволъ стихій и совершенно оставаясь равнодушной при видѣ того, какъ мучаются и утопаютъ въ грязи осенью и весной, повсемѣстно люди и животныя? Что, если бы всѣ тѣ излишки, которые попадаютъ въ карманы инженеровъ и другихъ эксплоататоровъ казны, да употреблять ежегодно на про-

[1]) См. „Русскую Старину“ декабрь 1904 г.

ложеніе такихъ дорогъ, вѣдь въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ могла бы Россія покрыться множествомъ такихъ шоссейныхъ путей! И онъ, на основаніи когда-то давно слышаннаго анекдота, принялся дѣлать соображенія, какіе куши перепадаютъ руководителямъ при возведеніи казенныхъ построекъ. Однажды государь Николай Павловичъ, при посѣщеніи, вновь построеннаго въ какомъ-то губернскомъ городѣ, кадетскаго корпуса, на возведеніе котораго отпущено было изъ казны до трехъ милліоновъ на ассигнаціи, остался очень недоволенъ строителями и, по выходѣ оттуда, выразилъ сопровождавшему его губернатору сомнѣніе, чтобы это зданіе могло стоить даже двухъ третей затраченной на него суммы, и полюбопытствовалъ узнать: нѣтъ ли въ городѣ такихъ зданій, недавно отстроенныхъ, по стоимости которыхъ можно было бы приблизительно составить понятіе о томъ, сколько могло быть украдено при постройкѣ корпуса. Губернаторъ доложилъ, что почти одновременно съ корпусомъ начаты были постройкой классическая гимназія и семинарія, строились онѣ съ небольшимъ годъ, между тѣмъ какъ постройка корпуса растянулась на семь лѣтъ. Государь болѣе двухъ часовъ употребилъ на осмотръ, самый внимательный, того и другаго зданія и, освѣдомившись, что гимназія стоила четыреста тысячъ, а семинарія только сто шестьдесятъ тысячъ ассигнаціями, полюбопытствовалъ спросить: кто составлялъ планъ и руководилъ работами при постройкѣ семинаріи, и когда ректоръ ея, архимандритъ Леонтій, отвѣсивъ со смиреніемъ поклонъ, доложилъ, что онъ, одинъ, и планъ составлялъ и наблюдалъ за работами, строя ее хозяйственнымъ способомъ, а не чрезъ подрядчиковъ, то государь выразился такъ: «ну, не зналъ я, что ты, отецъ ректоръ, такой искусный и вмѣстѣ съ тѣмъ дешевый зодчій, а то я тебѣ поручилъ бы постройку здѣшняго корпуса, потому что если бы сложить твоихъ пять семинарій, то вышло бы зданіе пограндіознѣе его, а обошлось бы оно казнѣ на двѣ трети дешевле».

«Господи Боже мой!—продолжалъ фантазировать юноша: около двухъ милліоновъ украсть при одной только постройкѣ! Да боятся ли они Бога? Что людей не стыдятся,—объ этомъ и говорить нечего. А навѣрное считаютъ себя патріотами, вѣрными слугами престола, людьми религіозными, и, поди, въ какую вломились бы амбицію, если бы кто вздумалъ уличать ихъ въ казнокрадствѣ и усомнился, что они исповѣдники Христа». Остановки на станціяхъ, которыя часто наполнялись ѣдущими съ той и другой стороны, развернули предъ юношей, любознательнымъ и проницательнымъ отъ природы, широкую картину нравовъ и привычекъ людей разныхъ классовъ и положенія, богатыхъ и бѣдныхъ, высокопоставленныхъ и низкостоящихъ. Первые отличались такимъ высокомѣріемъ, такою надутостію и недоступностью, а послѣд-

ніе—такою приниженностію, соединенною съ подобострастіемъ и искательствомъ, что душѣ становилось больно, обидно, даже гадко, и мысль не выходила изъ головы, гдѣ же тутъ слѣды христіанскаго воспитанія, христіанскихъ отношеній между людьми. И чѣмъ могли быть хуже язычники, которымъ незнакома была первая заповѣдь Богочеловѣка: «возлюбиши ближняго, какъ самого себя»?

Особенно памятными остались для Перепелкина два случая, произведшіе на него такое потрясающее впечатлѣніе, что у него сдѣлалась нервная дрожь въ тѣлѣ и спутнику его стоило большихъ трудовъ удержать его отъ горячаго вмѣшательства въ чужія дѣла и дѣятельнаго заступничества за оскорбленныхъ.

Къ станціи Г. подъѣхала карета, заложенная четверней. Сидѣвшій на козлахъ ливрейный лакей, еще когда подъѣзжали къ станціи, не своимъ голосомъ два раза крикнулъ: «лошадей поскорѣе для генерала Т.»! Экипажъ остановился подъ окнами комнатъ, занятыхъ пассажирами мужескаго и женскаго пола. Минуты черезъ двѣ высунулся изъ окна кареты толстолицый господинъ, съ щетинистыми сѣдыми усами, въ военной фуражкѣ и дряблымъ голосомъ крикнулъ: «что жъ лошадей? Позвать сюда смотрителя». Въ ту жъ секунду, какъ изъ земли выросъ, затрясся предъ нимъ старичокъ въ формѣ и при шпагѣ и, показывая его превосходительству какую-то бумагу, что-то почтительно докладывалъ.

— Какъ, какъ, какъ!—въ бѣшенствѣ залопоталъ генералъ, обрызгавъ слюной и бумагу, и смотрителя:—гроши собираешь. Всякую сволочь стараешься поскорѣй отправить, а заслуженный генералъ жди... Палкой тебя, каналью, изобью, въ острогъ посажу!—заскрежеталъ онъ зубами.

— Боже мой, Боже мой! да это дикій звѣрь, а не человѣкъ,—говорилъ Перепелкинъ, трясясь всѣмъ тѣломъ и ломая свои руки.

Лошади были взяты изъ-подъ заложеннаго уже дилижанса, а обозванные «сволочью» пассажиры, въ числѣ которыхъ были и дамы, должны были, въ награду за оскорбленіе, дожидаться другихъ, и, пожалуй, считать себя довольными, что не наслушались другихъ почище комплиментовъ, или что суровому Марсу не вздумалось и ихъ попугать палкой и острогомъ.

Другой случай произошелъ на станціи У. и былъ курьезенъ въ томъ отношеніи, что онъ представилъ борьбу и весьма возмутительную двухъ силъ, чиновнаго ранга и богатства, такъ сказать, генерала отъ должности и генерала отъ капитала. Подъѣхалъ экипажъ къ станціи. Изъ него вышелъ лѣтъ сорока господинъ, высокаго роста и очень гордаго вида, даже такого гордаго, что въ Перепелкинѣ онъ сразу возбудилъ полное отвращеніе. Одѣтъ онъ былъ въ щегольское гражданское

платье и держалъ въ рукѣ лорнетъ, который то и дѣло наводилъ на всѣхъ, обходя комнаты, наполненныя проѣзжающими.

— Смотритель!—крикнулъ онъ:—да дай же мнѣ отдѣльную комнату, чтобъ пообѣдать, или, по крайней мѣрѣ, особый уголъ, гдѣ бъ не было этого... сброда всякаго.

— Какой такой сбродъ?—подскочилъ къ нему здоровенный человѣчина, не интеллигентнаго, купеческаго вида.

— Смотритель! я приказываю тебѣ вывести отсюда этого человѣка.

— Кого... меня вывести? набитый ты дуракъ,—кричитъ, подступая съ сжатыми кулаками, здоровенный, повидимому, купчина.

— Какъ!—заревѣлъ онъ неистово:—меня, вице-губернатора, осмѣливается какая-то сволочь...

Здѣсь онъ получаетъ толчокъ въ грудь и летитъ на диванъ. Общая суматоха. Дамы вскрикиваютъ.

— Понятыхъ сюда, смотритель, актъ составить!—шумитъ вице-губернаторъ.

— А не хочешь ли вотъ этого акта?—показываетъ ему страшный свой кулакъ его антагонистъ:—я самъ коммерціи совѣтникъ, откупщикъ N.

— Странные въ самомъ дѣлѣ люди бываютъ на свѣтѣ!—заговорило новое лицо, интеллигентное, но на первый взглядъ не представительное:—велика-ли птица вице-губернаторъ, а сколько дерзостей позволяетъ себѣ! Я самъ, милостивый государь, былъ не только вице-губернаторомъ, но и губернаторствовалъ пятнадцать лѣтъ, имѣю чинъ тайнаго совѣтника, до котораго, конечно, вамъ еще далеко, далеко, а никогда не позволилъ бы себѣ ничего подобнаго потому, что я получилъ образованіе въ университетѣ.

Гордый вице-губернаторъ совсѣмъ переконфузился и спасовалъ. Онъ удалился въ смотрительскую комнату и тамъ тѣшилъ себя тѣмъ, что громко приказывалъ кому-то записать бывшихъ въ комнатѣ свидѣтелей «этой ужаснѣйшей и неслыханной противъ меня дерзости», выкрикнулъ онъ во всю глотку.

— Для тебя, набитаго дурака, нуженъ кулакъ, какъ самое лучшее успокаивающее средство,—гаркнулъ также во всю широкую глотку купчина-откупщикъ.

Пораженіе надутаго чиновника грубымъ откупщикомъ никому не доставило столько удовольствія и даже радости, какъ спутнику Перепелкина, который служилъ сперва гдѣ-то въ губернскомъ правленіи, а потомъ получилъ мѣсто секретаря въ Клинскомъ уѣздномъ судѣ. Онъ припоминалъ всѣхъ членовъ губернскаго правленія, отъ ассесора до вице-губернатора включительно, и, ловко копируя ихъ, говорилъ, что и Овидію не выдумать такихъ превращеній, какія совершаются съ этими

людьми при обращеніи ихъ съ низшими и высшими чинами. Такъ, онъ, между прочимъ, разсказывалъ про старшаго совѣтника Ларисова, который, не получивъ никакого образованія, даже вовсе не умѣя правильно писать, тѣмъ не менѣе слылъ докой—дѣльцомъ, прошелъ всѣ степени чиновничьей іерархіи, ознаменовавъ всѣ пути неистовымъ взяточничествомъ, похожимъ на грабежъ, и адскими способностями къ сутяжничеству, которое помогло ему составить милліонное состояніе. И вотъ какъ онъ держалъ себя въ отношеніи подчиненныхъ: бывало, какъ только онъ войдетъ въ переднюю, два—три сторожа прислуживаютъ ему—кто снимаетъ верхнюю одежду, кто держитъ наготовѣ ему мундиръ, который онъ, вопреки обычаю другихъ, всегда надѣвалъ въ передней; кто принимаетъ отъ него палку и шляпу, а одинъ изъ свободныхъ сторожей, подобно вихрю, пролеталъ на цыпочкахъ чрезъ всѣ комнаты, издавая звуки: ш, ш, ш! Онъ любилъ, чтобы всѣ чиновники, при появленіи его, вскакивали съ своихъ мѣстъ опрометью, какъ бѣшеные, и, разставивъ руки, отвѣшивали ему низкіе поклоны до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ комнату. Замѣченные въ неисполненіи, или даже только въ неполномъ, или нѣсколько небрежномъ исполненіи этихъ церемоній были удаляемы изъ службы безъ всякихъ объясненій. И вотъ вваливается въ первую комнату толстое слонообразное чудище, на коротенькихъ ножкахъ-обрубкахъ, съ выпученнымъ громаднымъ брюхомъ, съ тыквообразнымъ лицомъ, на которомъ отвисшая нижняя, синяго цвѣта, губа во всякомъ, никогда не видавшемъ его, человѣкѣ вызывала брезгливую дрожь, вваливается и тихо ползетъ, никому не отдавая поклона и только зорко слѣдя глазами направо и налѣво, въ достодолжныхъ ли размѣрахъ ему отдается честь.

— Представьте жъ себѣ, какое превращеніе вдругъ сдѣлалось однажды съ этимъ гордымъ и чваннымъ сановникомъ. Сторожъ впопыхахъ вбѣжалъ въ присутствіе съ докладомъ, что карета генералъ-губернатора остановилась у подъѣзда губернскаго правленія. Смотримъ, выбѣгаетъ вслѣдъ за сторожемъ какой-то мундирный чиновникъ и проносится по всѣмъ комнатамъ, какъ стрѣла, съ крикомъ: «въ секунду привести все въ порядокъ, самимъ оправиться». Черезъ нѣсколько минутъ входитъ генералъ-губернаторъ, въ сопровожденіи губернатора, вице-губернатора, адъютанта и чиновника своей канцеляріи. Шествіе замыкаетъ мундирный чиновникъ, пролетѣвшій по комнатамъ съ крикомъ: «оправиться». Кто бы это такой былъ? недоумѣваю я въ числѣ другихъ. Ба! да, вѣдь, это нашъ Ларисовъ, шепчетъ мнѣ на ухо сосѣдъ. Какъ Ларисовъ! А гдѣ жъ его внушительные аттрибуты: грудь и брюхо выпученныя, оттопыренная синяя губа, гордая сановитость, походка, внушающая трепетъ, взглядъ угрюмый, молніеносный? Увы! все это безъ слѣдовъ исчезло, какъ будто ничего подобнаго и не бывало у

него. Предъ вами трясся всѣмъ тѣломъ какой-то съежившійся человѣкъ, съ подобранными губами, брюхомъ и грудью, съ лицомъ запуганнымъ, съ глазами, въ которыхъ выражалось сильное безпокойство, державшій руки по швамъ и только изрѣдка схватывавшійся правой рукой за ладанку, наполненную веществами изъ-подъ святыхъ угодниковъ и носимую имъ всегда на груди подъ бѣльемъ, да тихо шептавшій про себя: «помяни, Господи, царя Давида и кротость его».

И было отъ чего трухнуть этому грабителю! Внезапная ревизія генералъ-губернатора была вызвана жалобами на подкупность этого жреца Ѳемиды. Потребовали всего только два дѣла, оба по раздѣлу богатыхъ имѣній между многочисленными наслѣдниками, справки о которыхъ гражданская палата возложила на губернское правленіе, а Ларисовъ, чтобы высасывать соки отъ всѣхъ сторонъ, тормозилъ переписку, пока нѣкоторые изъ наслѣдниковъ не надумались обратиться съ конфиденціальными жалобами къ генералъ-губернатору. Когда прибывшій съ нимъ теперь чиновникъ, перелистывая эти дѣла, указалъ что-то его сіятельству, съ Ларисовымъ сдѣлалось дурно, и его сейчасъ же увезли домой, откуда онъ, думали всѣ, и не выйдетъ, пока слѣдствіе надъ нимъ не будетъ закончено въ канцеляріи генералъ-губернатора; но чрезъ недѣлю онъ явился такимъ козыремъ и такъ оттопырилъ отвислую свою нижнюю губу, что еще больше нагналъ страха на всѣхъ. Онъ сунулъ правителю канцеляріи приличный кушъ, и тотъ нашелъ и начальника своего убѣдилъ, что ничего другаго и нельзя было дѣлать, какъ то, что̀ именно дѣлалось по распоряженію Ларисова.

— Ну, а вы берете взятки?—наивно обратился Перепелкинъ къ своему спутнику, краснѣя, по обыкновенію, и извиняясь предъ нимъ за такой нескромный вопросъ.

— А чѣмъ бы я жилъ, если бы не бралъ,—отвѣчалъ тотъ совершенно спокойно: вѣдь мнѣ жалованье положено только въ размѣрѣ 200 рублей, а мнѣ на содержаніе съ семействомъ требуется, по меньшей мѣрѣ, рублей 800. Такъ вотъ вы и посудите, откуда мнѣ ихъ взять. Хорошо еще и то, что я, какъ и многіе другіе честные или, лучше сказать, богобоязненные чиновники, пользуемся только тѣмъ, что намъ добровольно даютъ, не ради кривды, къ которой я, положительно, неспособенъ, а ради ускоренія дѣла, для чего иногда требуется на пролетъ просиживать ночи. А иные, богатые просители всѣмъ судейскимъ даютъ подачки въ видѣ милостыни, такъ какъ имъ хорошо извѣстно, что въ низшихъ судебныхъ инстанціяхъ положено такое несчастное жалованье, что прокормиться имъ немыслимо даже одному человѣку, а не то что съ семьей. И правительству это хорошо извѣстно, и оно предаетъ суду только за кривду, да за вымогательство.

Вотъ, невольно подумалось Перепелкину, сытые инженеры безнака-

занно грабятъ казну, наживая милліоны отъ построекъ, а чиновному бѣдному люду предоставляется жить добровольными подачками отъ просителей, съ воспрещеніемъ вымогательства и торговли совѣстію, подъ описаніемъ преданія суду, лишенія мѣста, а иногда и животовъ. Но какъ тутъ провести строгую грань между добровольной дачей и взяткой съ вымогательствомъ? Да, наконецъ, какъ и запугать какими бы то ни было угрозами человѣка, которому ѣсть нечего?

X.

Чѣмъ дальше подвигался Перепелкинъ впередъ, по направленію къ Петербургу, тѣмъ въ большій приходилъ восторгъ отъ пересадки къ намъ европейской культуры, въ видѣ прекрасно устроеннаго и образцово содержимаго шоссе. Вѣчная память великому царю, силой своего генія и желѣзной воли пробудившему Русь отъ летаргическаго сна!— провозгласилъ онъ про себя, вѣдь, не будь Петра Великаго, навѣрное, мы никогда бы не додумались сами до того, до чего додумываются тамъ, въ Европѣ, и до сихъ поръ преспокойно мѣсили бы здѣсь грязь, какъ мѣсятъ ее и теперь во всѣхъ концахъ Россіи, по недостатку высокообразованныхъ честныхъ людей, которые бы оградили казну отъ разнаго рода хищеній, истощающихъ и безъ того слабыя государственныя средства.

А почему слабыя средства у государства? Опека надъ умами усыпила мозги, а потому никто и не пробуетъ отыскивать другія. Вздумайте не допускать младенца дѣлать попытки собственными усиліями стать на ножки, а водить его все на помочахъ, онъ, пожалуй, и пробовать не станетъ, чтобъ самому выучиться ходить. У насъ ли не найти средствъ при такомъ просторѣ земельныхъ угодій, при множествѣ естественныхъ нетронутыхъ богатствъ, въ родѣ первобытныхъ дѣвственныхъ лѣсовъ, по окраинамъ государствъ, тянущихся на тысячеверстныя пространства съ сѣвера на востокъ, въ видѣ разныхъ металловъ, минераловъ, если бы человѣку были развязаны руки дѣлать все, что онъ находитъ лично полезнымъ для себя и не вреднымъ для другихъ? А то, вѣдь, на все требуется испросить предварительно разрѣшеніе, а для этого требуется много писать, къ чему не всѣ способны, надо слоняться по разнымъ мытарствамъ, просить, клянчить, давать взятки или, по крайней мѣрѣ, сулить ихъ въ будущемъ, да потомъ и по полученіи разрѣшенія не надо забывать, что безъ задабриванія ближайшаго начальства никакое дѣло не пойдетъ на ладъ, потому что его

могутъ затормозить придирками, а какою алчностью будетъ обладать ближайшее начальство—это еще Богъ знаетъ,—вотъ и пропала у человѣка охота думать о такихъ предпріятіяхъ, которыя бы и собственныя его средства увеличили, да и въ казну дали бы не маленькій процентъ. Тамъ, въ Европѣ, чуть не вершками мѣряютъ землю, да находятъ же средства жить лучше насъ; а мы и на тысячныхъ пространствахъ ничего не умѣемъ сдѣлать: слабы головой и волей.

Такъ разсуждалъ юноша, еще не совсѣмъ зрѣлый лѣтами и мало опытный, но сильно начавшій развиваться въ своихъ соціальныхъ понятіяхъ со времени своего перваго путешествія отъ Брехова. И нельзя сказать, чтобъ въ его разсужденіяхъ не заключалось крупнаго зерна истинной правды. Бумага, бумага, бумага! всю энергію она поглощаетъ у насъ, а тѣмъ и разслабляетъ всѣхъ и все. Даже въ средствахъ самозащиты не всегда воленъ русскій человѣкъ, или что дозволяется однимъ, то возбраняется другимъ. «Ты не очень припаздывай на ночлегъ-то, говорилъ сердобольный одинъ мужичокъ Перепелкину, а то здѣсь нонѣ столько развелось звѣря, что на глазахъ людей у околицы волки рѣжутъ телятъ». А на вопросъ Перепелкина, почему же они не перебьютъ волковъ, онъ отвѣчалъ:—какъ ихъ перебьешь, когда не дозволяютъ большой облавы сдѣлать? Задумали это отставные солдаты собрать изъ окрестныхъ деревень побольше для облавы народа, а становой и разогналъ всѣхъ: нельзя, говоритъ, по закону не дозволяется.

— Почему же господамъ позволяется ходить на звѣря большими облавами, а намъ нѣтъ?—А потому что нельзя, вотъ тебѣ и весь сказъ! закричалъ на нихъ становой.

Отъ Клина Перепелкинъ все усиливалъ свои дневные переходы, побуждаемый желаніемъ поскорѣе увидѣть Петербургъ, и хотя случалось дѣлать отъ сорока до пятидесяти верстъ въ сутки, но усталости особенной онъ не чувствовалъ; а что касается здоровья его, то оно никогда не было въ такомъ хорошемъ состояніи, какъ со времени начала этихъ путешествій, т. е. съ выхода его изъ Брехова, жители котораго и не узнали бы его теперь ни за что: изъ маленькаго, худенькаго, тщедушнаго школьника вытянулся теперь довольно рослый юноша, съ хорошо развитыми мускулами и такимъ здоровымъ цвѣтомъ лица, что всякъ, знавшій его въ прежнемъ видѣ, позавидовалъ бы ему. Постоянное движеніе на свѣжемъ воздухѣ, хорошій аппетитъ и сонъ, цѣломудріе въ мысляхъ и чувствахъ, привычка къ умственной дѣятельности, для которой былъ и запасъ книгъ, читаемыхъ на ходу лежа во время привала въ полѣ, и живой матеріалъ, представляемый природой и людьми,—все это бодрило, оживляло его и поддерживало равновѣсіе въ здоровомъ настроеніи его души, пылкой, мечтательной, искавшей

знанія, свѣта, стремившейся къ добру и жаждавшей живой дѣятельности для своихъ силъ. Онъ нарочно для дороги купилъ на нѣмецкомъ языкѣ: тридцатилѣтнюю войну Шиллера, Фауста Гёте и біографію Гегеля, Розенкранца. Послѣдняя особенно возбуждала въ немъ много мыслей. Не успѣвъ познакомиться, какъ слѣдуетъ, съ его философіей, онъ искалъ ключа къ его мыслямъ въ біографіи его, которую еще въ Гороховѣ рекомендовалъ ему покойный Нобилевъ. Никакъ не могъ онъ примириться съ основнымъ положеніемъ этого философа: «Что разумно, то дѣйствительно; что дѣйствительно, то разумно». Особенно бодро работала на эту тему голова Перепелкина по утрамъ. Онъ вставалъ рано и тотчасъ же уходилъ. Пробужденіе природы, съ начинавшеюся хлопотливою дѣятельностью всѣхъ живыхъ существъ, роскошно развертывающаяся на его глазахъ растительность, съ отраженіемъ на ней чудной игры переливовъ свѣта отъ только-что выходящаго изъ-за горизонта, великолѣпнаго дневнаго свѣтила,—сильно наэкзальтировывали его умъ и душу, и онъ постоянно повторялъ Лермонтова: «и счастье я могу постигнуть на землѣ, и въ небесахъ я вижу Бога». Иногда экзальтація доходила до того, что онъ, осмотрѣвшись, нѣтъ ли кого вблизи, бросался на колѣни, устремлялъ глаза и руки къ небу и взволнованнымъ голосомъ говорилъ: «Великій Боже! я чистъ сердцемъ, я весь—добро: научи меня, какъ чтить и понимать Тебя. Все, что вышло изъ Твоей творческой руки, я нахожу разумнымъ, цѣлесообразнымъ; но изъ дѣлъ рукъ человѣческихъ я многое нахожу несогласнымъ съ моимъ разумомъ, безцѣльнымъ, противнымъ моему чувству. Пусть бы неразумные дикіе звѣри терзали и поѣдали одинъ другаго—это я понять могу; но разумъ и чувства мои отказываются понять, зачѣмъ люди терзаютъ и поѣдомъ ѣдятъ другъ друга, зачѣмъ человѣкъ человѣку сталъ волкомъ, зачѣмъ не даютъ пустить корней кроткому ученію единороднаго Твоего сына, зачѣмъ свѣтъ его скрываютъ подъ спудомъ, оставляя слѣпотствующія массы развиваться подъ вліяніемъ животныхъ инстинктовъ, предоставляя имъ грызться, подобно лютымъ звѣрямъ, до полнаго забвенія всѣхъ требованій разумной человѣческой природы; зачѣмъ лицемѣры и фанатики пользуются Твоимъ и его святымъ именемъ, чтобы сѣять раздоры между людьми, чтобы проливать кровь человѣческую, осуществляя свои планы и намѣренія, вытекающіе изъ самыхъ нечистыхъ или самыхъ безсмысленныхъ побужденій; зачѣмъ гордость и тщеславіе съ одной стороны, раболѣпство и премыкательство съ другой—такъ развились въ человѣкѣ—христіанинѣ, что, вмѣсто любви, ненависть въ душѣ моей возбуждается къ существу, одаренному частицей Твоего разума, вѣнцу Твоего творенія».

Нѣтъ, часто думалъ онъ по поводу гегеліанскаго положенія: что дѣйствительно, то разумно: истина апріорная и истина опытная—не

одно и то же. Многое придется исключить изъ умственнаго обихода апріорныхъ понятій и мыслей, когда присмотришься къ жизни и проведешь разграничительную линію между тѣмъ, что даетъ теорія и что даетъ опытъ.

Эхъ, бурса, бурса! ты все занимаешь своихъ птенцовъ схоластикой, а подумала ли ты о томъ, чѣмъ и какъ оградить ихъ отъ той опасности, чтобы, ставъ на почву абсолютнаго идеализма, они путемъ опыта не дошли до крайняго матеріализма? А между тѣмъ послушай-ка, что говоритъ Фаусту Мефистофель, когда тотъ, потерявъ всякую надежду обнять безконечное, хочетъ бросить науку, какъ нѣчто совершенно безполезное: «А ну-ка, ну, попробуй отвергнуть науку и разумъ, двѣ величайшія силы человѣка, и ты будешь моимъ безвозвратно».

Полученныя въ Твери письма отъ товарищей—друзей, поступившихъ въ Броховскій университетъ, показали Перепелкину, къ какимъ результатамъ приводятъ гоненія, воздвигаемыя обскурантами на какую-нибудь науку, или только одни заподозриванія въ доброкачественности и благонадежности какихъ-нибудь частей ея. Вотъ что писалъ, между прочимъ, ему Неглигентовъ: «Никогда еще въ Броховѣ не встрѣчалось между молодежью столько любителей философіи, какъ теперь, когда дошли только слухи, что въ высшихъ правительственныхъ сферахъ предположено сократить преподаваніе философіи въ университетѣ, ограничивъ ее логикой и психологіей, да и тѣ поручивъ духовной особѣ, преподающей богословіе. Вѣришь ли, что люди, которые никогда прежде и не думали ни о какой философіи, стали бредить—кто Кантомъ, кто Контомъ, кто Гегелемъ, кто Шлегелемъ, а кой-какія вещи изъ Фихте два студента изъ русскихъ нѣмцевъ собираются даже перевести для тѣхъ изъ товарищей, которые мало знакомы съ нѣмецкимъ языкомъ. Значитъ, нѣтъ худа безъ добра: хотѣли науку окарнать, чтобъ не заразила-де она тлетворнымъ духомъ русское юношество, а вышло то, что и вовсе никогда не интересовавшіеся ею, и которымъ и по факультету она не нужна, вдругъ серьезно принялись за нее, или хоть стали внимательно прислушиваться къ ходячимъ толкамъ, какія такія тайны заключаетъ эта наука, которыя хотятъ скрыть отъ любознательности студентовъ. Но тутъ можно опять перевернуть поговорку и сказать, что нѣтъ и добра безъ худа. Хорошо, что возбудили интересъ къ наукѣ хоть отрицательнымъ путемъ, но худо то, что, разъясняемая не спеціалистами, а людьми, только приступающими къ ея изученію, она обращается въ такой сумбуръ, что въ людяхъ, понимающихъ дѣло, она возбуждаетъ только смѣхъ, но для людей не далекихъ такая дребедень представляетъ не малую опасность: она можетъ сбить ихъ съ панталыку, подорвать ихъ вѣру въ добро, и, лишивъ всякой нравственной опоры, разнуздать ихъ дурные инстинкты и дать

имъ возможность сдѣлаться чѣмъ угодно, но никакъ не людьми честными, чистыми сердцемъ и добрыми, для которыхъ обязательно служеніе истинѣ и высшимъ ея принципамъ.

Перепелкинъ прежде другихъ прочелъ это письмо потому, что боялся сразу приступить къ чтенію письма отъ отца и писемъ друзей-товарищей академистовъ, какъ бы предчувствуя, что встрѣтитъ въ нихъ нѣчто тяжелое для себя.

И, дѣйствительно, письмо отца смутило его какимъ-то пророческимъ тономъ. Изливъ въ патетическихъ выраженіяхъ свою горесть о томъ, что сынъ оставилъ «по дѣтскому своему неразумѣнію знаменитый путь, ведущій въ храмъ славы, чѣмъ и повергъ отца, купно со всѣми домочадцами и присными ему, въ великую печаль», отецъ Саввы заключилъ письмо слѣдующими словами: «А тамъ, на пути свѣтскомъ, можетъ быть, ждутъ тебя токмо одни испытанія и терніа».

Такъ тяжелы для него были эти заключительныя слова горячо-любимаго имъ отца, что онъ съ полчаса не распечатывалъ другихъ писемъ, какъ ни подмывало его любопытство узнать, нѣтъ ли какихъ извѣстій о Клодочкѣ, или даже отъ нея самой. А надписанный рукой Ничипоренко конвертъ и заключалъ въ себѣ именно письмо Клодочки, запечатанное именной ея печатью.

«Я все узнала объ васъ отъ вашего друга Ничипоренки,—писала она:—и еще больше привязалась къ вамъ душой, но не могла не упрекнуть васъ въ томъ, что вы не предупредили о своихъ намѣреніяхъ. Пишите мнѣ непремѣнно теперь же, пока мы остаемся въ К., а то мы въ сентябрѣ уѣдемъ домой, и тогда наши сношенія навсегда прекратятся. Недавно посѣщала насъ бабушка, и меня опять принялись было убѣждать выйти замужъ за Куцаго; особенно старался объ этомъ губернаторъ, но когда я имъ сказала, не помня себя отъ волненія, что душа моя не лежитъ къ людямъ лживымъ и притворнымъ, меня оставила въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что бабушка приняла мою сторону и рѣзко протестовала противъ всякихъ дальнѣйшихъ попытокъ въ этомъ родѣ. Но не думайте, чтобы въ нежеланіи моемъ выйти замужъ за Куцаго играла какую-нибудь роль привязанность къ вамъ, въ чемъ меня постоянно упрекаютъ. Нѣтъ, я знаю, что принадлежать намъ другъ другу нельзя, и потому покорилась бы своей судьбѣ, если бы нашла въ Куцомъ, вмѣсто ненавистныхъ моей природѣ качествъ, хоть что-нибудь, за что могла бы я привязаться къ нему душою. А вы знаете, что дѣвственный поцѣлуй, который я вамъ дала въ библіотекѣ бабушки, заключалъ въ себѣ все, чѣмъ богато мое сердце, а оно можетъ любить безгранично и безконечно. Жду отъ васъ письма съ нетерпѣніемъ».

Перечитавъ нѣсколько разъ дорогое письмо съ трепетнымъ біеніемъ

сердца и поцѣловавъ стоявшее внизу имя корреспондентки, внезапно пробудившей весь пылъ его души, впечатлительный юноша быстро упалъ съ высоты идей, наполнявшихъ его голову по соціальнымъ вопросамъ, которыя такъ правильно формулировались и такъ легко и безапелляціонно разрѣшились въ его головѣ, и очутился въ положеніи, вызывающемъ въ умѣ народную поговорку: «чужую бѣду руками разведу, а къ своей ума не приложу». Въ эту минуту онъ былъ похожъ на школьника, котораго долго учитель расхваливалъ предъ цѣлымъ классомъ за сочиненіе, но подъ конецъ однимъ штришкомъ какъ-будто похерилъ часть этихъ похвалъ, какъ будто смягчилъ ихъ, и вотъ отъ этого осталось въ душѣ какое-то странное, неопредѣленное впечатлѣніе, которое зудитъ въ головѣ, непріятно скребетъ по сердцу; или на того юношу, который въ первый разъ въ жизни попалъ въ многолюдное общество, гдѣ очень весело провелъ вечеръ, танцуя, играя въ фанты съ барышнями и вступая въ разговоры, даже серьезные, съ разными лицами; и вотъ онъ возвращается домой въ самомъ веселомъ настроеніи духа, съ самыми пріятными ощущеніями, но вдругъ ему представляется, что съ нимъ какъ-будто не такъ обошлись, какъ съ другими, что на него, очевидно, смотрѣли еще какъ на мальчика, что даже не двусмысленными улыбками сопровождались нѣкоторые вопросы и отвѣты со стороны старшихъ, и что же? Пріятныя ощущенія смѣняются какими-то странными, тяжеловатыми, которыя—нѣтъ, нѣтъ да и загудятъ въ головѣ, да и поскребутъ по сердцу.

Раздвоенность ощущеній, испытываемыхъ Перепелкинымъ, послѣ чтенія письма Клодочки, конечно, происходила отъ раздвоенности чувства и мысли, отъ несогласія ихъ между собой.

Голова ясно сознавала, что бракъ между влюбленными невозможенъ, даже немыслимъ, но сердце и знать не хотѣло этихъ приговоровъ и рвалось къ тому существу, которое зажгло въ немъ такую горячую любовь. Но надо же было сорвать на чемъ-нибудь сердце, и вотъ онъ опять напустился на человѣческій эгоизмъ вообще и свой въ частности, приписывая происхожденіе въ себѣ непріятныхъ, тягостныхъ, почти приводящихъ его въ отчаяніе ощущеній ничему иному, какъ только употребленному Клодочкой выраженію: «покорилась бы судьбѣ». «Вишь ты, всякій дуракъ жертвъ хочетъ!» въ продолженіе двухъ дней не рѣдко бурчалъ онъ про себя, относя такой рѣзкій комплиментъ не къ кому иному, какъ къ своей собственной особѣ, по поводу якобы разобиженнаго эгоизма, задѣтаго за живое засѣвшимъ въ голову выраженіемъ обожаемаго имъ существа.

Душевное равновѣсіе потерялось. Дня два онъ худо спалъ, мало ѣлъ, даже читать не могъ: книжка выпадала изъ рукъ, ничего не шло въ голову, засѣла тамъ Клодочка и никому и ничему не уступаетъ

своего мѣста. Дошло до того, что онъ даже уступки сталъ дѣлать по части суровыхъ своихъ приговоровъ относительно человѣческаго эгоизма вообще и въ частности своего собственнаго, догадываясь, наконецъ, что эгоизмъ тутъ ни при чемъ, что волненіе его происходитъ вовсе не отъ того выраженія, а отъ чего-то другаго, но отъ чего именно—онъ не можетъ ясно опредѣлить себѣ. И проклялъ онъ суровую судьбу, возбудившую любовь въ двухъ цѣломудренныхъ сердцахъ и поставившую непреодолимыя преграды къ ихъ соединенію.

Занятый все этими тревожными чувствами и мыслями, онъ до того сдѣлался разсѣяннымъ и невнимательнымъ къ себѣ, что, выходя подъ вечеръ изъ деревни, даже пересталъ справляться, далеко ли до ближайшаго поселка, чтобы переночевать тамъ, на случай, если не дойдетъ до станціи, разстояніе которой обозначено на столбовыхъ верстахъ. Подъ конецъ втораго дня послѣ того, какъ началось это возбужденное состояніе, онъ внезапно очутился въ такомъ положеніи, что, подобно Соловью-Разбойнику, вынужденъ былъ въ лѣсу, близъ дороги, свить себѣ гнѣздо на деревѣ для ночлега. Солнце уже давно закатилось, надвигаются густыя сумерки, а поселка не видать, какъ не видать.

— Скажи, пожалуйста, любезный,—спросилъ онъ крестьянина,—ѣхавшаго ему навстрѣчу верхомъ на лошади,—далеко ли тутъ будетъ деревня?

— Да тута-ка до самой станціи ни единаго двора нѣту, опричь шоссейнаго дома, да и тотъ еще далече.

— А что здѣсь безопасно, не слыхать про звѣрей?

Мужикъ внимательно осмотрѣлъ Перепелкина.

— Да что жъ ты ночью-то идешь? Нешто безпашпортный какой? Мало ли что можетъ быть: и звѣрь набѣжитъ, и недобрый человѣкъ какой подвернется... Лѣтомъ близъ шоссейнаго дома нашли убитаго человѣка: лѣсъ, вишь, кругомъ.

Мужикъ поѣхалъ своей дорогой, но нѣсколько разъ оглядывался назадъ на Перепелкина.

Пройдя еще немного и прождавъ напрасно, не проѣдетъ ли попутный какой крестьянинъ, или обратный ямщикъ-порожнякъ, которыхъ можно бы было нанять довезти до станціи, Перепелкинъ свернулъ съ дороги и направился къ лѣсу, который саженяхъ въ пятидесяти отъ нея тянулся по обѣ стороны. Не углубляясь въ лѣсъ, онъ въ самомъ началѣ его сразу набрелъ на громадную многовѣтвистую и покрытую густою листвой осину, которая тѣмъ больше представляла удобствъ для укрытія на ночь, что высоко, высоко отъ земли раздѣлялась на нѣсколько толстыхъ стволовъ, идущихъ вверхъ въ близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи, такъ что если оплести ихъ съ трехъ сторонъ

молодымъ гибкимъ ивнякомъ, котораго здѣсь было много, да заплесть подъ ними кругъ, то получилось бы надежное гнѣздо для логова. Перепелкинъ такъ и сдѣлалъ. Въ дѣтствѣ онъ привыкъ лазить по деревьямъ, какъ бѣлка, и ему ничего не стоило нѣсколько разъ подняться на дерево и спуститься внизъ на землю.

Онъ нарѣзалъ тонкаго лозняка и, связавши его въ нѣсколько пучковъ, поднималъ ихъ, по мѣрѣ надобности, вверхъ по бечевочкѣ. Расположившись въ пріютѣ собственнаго своего измышленія и строительства, онъ нашелъ, что здѣсь не только сидя, но и въ полулежачемъ положеніи, вытянувъ ноги по направленію не оплетеннаго толстаго ствола и упершись ими въ его дуплистыя, широкія отверстія, отлично можно было выспаться. Онъ прошелъ сегодня пятьдесятъ двѣ съ половиною версты, да здѣсь еще намаялся, и потому ему не пришлось долго ждать, чтобъ благодатный сонъ смежилъ его вѣжды послѣ двухъ, почти безъ сна проведенныхъ ночей. Сонъ былъ такъ крѣпокъ, что его не могли прервать ни грозныя видѣнія, наполнявшія душу страхомъ, отъ которыхъ, казалось, кровь застывала въ жилахъ, ни сладкія ощущенія, вызываемыя представленіями другаго рода и заставлявшія радостнымъ трепетомъ биться его молодое сердце; то ему грезились какія-то фантастическія чудища, которыя, окруживъ его со всѣхъ сторонъ, все ближе и ближе надвигаются на него и вотъ, вотъ готовы ринуться на него; то вдругъ панорама смѣняется, и въ то мгновеніе, когда леденящій ужасъ охватывалъ его душу при видѣ такой грозной, неминуемой опасности, онъ моментально уносился въ какой-то эмпирей, гдѣ, окруженная и облитая съ головы до ногъ лучезарнымъ свѣтомъ, стояла Клодочка и чудными своими, чарующими душу, взорами и улыбкой манила его къ себѣ, при чемъ уста ея трепетно шептали: «всѣ препятствія устранены, мы будемъ принадлежать другъ другу».

Но вотъ онъ чувствуетъ, что свѣтъ сильно бьетъ ему въ глаза, и онъ явственно начинаетъ различать голоса нѣсколькихъ лицъ.

— А ноги-те, а ноги-те! мотри, Митька, мотри.

— Ѳедька, лѣшій, подько суды скорѣй, человѣкъ-отъ повѣсился на осинѣ-то.

— Нѣ, братцы, живой! Ишь дрыгаетъ ногой.

Перепелкинъ открылъ глаза и увидѣлъ, что давно уже обутрѣло и что нѣсколько мальчишекъ, 10—12 лѣтъ, которые, какъ видно, караулили стреноженныхъ лошадей, пасшихся по опушкѣ лѣса, собрались близко отъ него и съ любопытствомъ разсматриваютъ свѣсившіяся его ноги.

— Ребята, давай швырнемъ щебнемъ въ ноги-те!

— Вотъ я васъ швырну!—грозно прикрикнулъ Перепелкинъ.

Мальчуганы шарахнулись за деревья и, зорко поглядывая оттуда, сторожили, что послѣдуетъ дальше. Когда Перепелкинъ сталъ обламывать подъ собой переплетъ, чтобы свободнѣе спуститься съ багажемъ, одинъ мальчикъ изъ-за дерева крикнулъ ему:

— Дядинька, у тебя есть фузея?

— Какъ же, есть!—отвѣчалъ Перепелкинъ.

— А ну, выпали изъ нея!—запищали ребята въ голосъ.

— Вотъ только слѣзу, такъ и выпалю.

Какъ только онъ сталъ спускаться, ребята опять было на утекъ, но Ѳедя, постарше другихъ мальчикъ, остановилъ ихъ: «Почто утекать, енъ смирный, баринъ-отъ».

— Ты зачѣмъ залѣзъ туда?—спрашивали они, обступивъ Перепелкина.

— А чтобъ волки ночью не съѣли.

— Ишь дошлый какой!—наивно удивлялись ребята.

— Поди, и спалъ тамъ?

— Какъ же!

— Какъ есть дошлый! Да ты кто будешь? служивый? аль баринъ? аль господскій?—допрашивали они всѣ разомъ.

— А, вотъ, отгадайте-ка сами.

— Коли есть фузея, такъ безпремѣнно баринъ.

— Такъ, вѣдь, и у служиваго можетъ быть фузея.

— Была у нашего Савелія, коли знашь, такъ онъ давно пропилъ ее,—сообщилъ наивно Матя.

— Что это у тебя за рубецъ такой?—обратился Перепелкинъ къ мальчику, что поменьше и котораго звали Есейка.

— Это онамеднись тятька вожжей хлестанулъ.

— За что же?

Мальчикъ молчалъ.

— Это за то,—заговорили разомъ другіе мальчики,—чтобъ онъ не заступался за матку.

— Да что же матка сдѣлала?

Дѣти молчали, только поглядывали то на него, то на «Есейку».

— Матка ругалась, вѣрно, съ тятькой?—допрашивалъ Перепелкинъ.

— Нѣ, она смиренная!—отвѣчали всѣ.

— Такъ за что же?

— Выпимши пришелъ—сталъ разсказывать Ѳедя,—и ударилъ ее, значитъ, кулакомъ въ спину.

— Перво-на-перво въ спину,—пояснилъ Есейка, а затѣмъ по лицу и головѣ почалъ лупить... Матка заревѣла, а енъ схопилъ ее за косу, да и привязалъ къ верстаку космами-те.

— А ты какъ заступился?

— Я подошелъ, значитъ, и обтеръ ей кровь, а онъ сталъ куражиться, схапилъ вожжи и давай хлестать ее и меня.

«Эхъ вы, монахи, монахи! сидите, запершись въ келіяхъ своихъ, да... А вотъ тутъ бы вамъ спасать свои души, укрощая такихъ дикихъ звѣрей въ образѣ человѣческомъ»,—подумалъ невольно Перепелкинъ.

— Ты знаешь какую-нибудь молитву? — полюбопытствовалъ онъ спросить заступника матери.

— Нѣ, матка знать «отчу», да не всю. Ѳедька, вонъ, всю знать,— рекомендовалъ мальчуганъ своего товарища.

— А ну-ка, Ѳедя, прочитай «отчу».

Ѳедя сначала поломался, но когда пристали къ нему всѣ ребята, онъ быстро проговорилъ: «Воча нашъ, ижа-си-би-си, свѣтися имя твое, хлѣба сучна дощъ неси, должинковъ не води кушенія, но забави насъ лукаваго».

«Не тутъ ли работа вамъ?»—горячился все юноша по адресу чернаго духовенства.

XI.

Чѣмъ ближе подходилъ Перепелкинъ къ сѣверной Пальмирѣ, тѣмъ большимъ горѣлъ нетерпѣніемъ поскорѣй увидѣть твореніе царя великаго, къ памяти котораго онъ питалъ благоговѣйное почтеніе за то, что онъ всѣми силами своей великой души рвался къ свѣту, за то, что прорубилъ и намъ окошечко въ Европу ради этого свѣта, за то, что ни о чемъ онъ столько не думалъ своей великой головой, какъ только о благѣ своихъ подданныхъ, за то, что былъ простъ и доступенъ всѣмъ, за то, что умѣлъ цѣнить и таланть, и нелицемѣрную любовь къ отечеству, за то, что не любилъ роскоши и берегъ казну, за то, что не гнушался самолично спасать погибающихъ, за то, что онъ вѣчно носилъ на своихъ рукахъ мозоли, учась самъ и уча всему своихъ неразумныхъ подданныхъ. Любя исторію и перечитавъ съ большимъ вниманіемъ все, что было возможно для него въ положеніи школьника, Перепелкинъ дошелъ до полнаго убѣжденія, что во всей всемірной исторіи нѣтъ имени, въ такой степени достойнаго глубокаго почтенія, какъ имя Петра, за тѣ именно качества, которыя, по его мнѣнію, только одни и достойны были занимать особенно почетное мѣсто въ исторіи.

Вотъ 7-го августа прошелъ уже Перепелкинъ и чрезъ Великій Новгородъ, гдѣ на лицахъ жителей онъ напрасно искалъ особаго отпечатка, который напоминалъ бы ихъ предковъ, пользовавшихся нѣкогда

вѣчевыми вольностями и расплачивавшихся за нихъ потоками крови, и въ волнахъ Волхова, куда массами бросали неповинныхъ людей христолюбивые воины Ивана Грознаго и баграми окускали на дно тѣхъ, которые, въ борьбѣ за жизнь, всплывали на поверхность воды.

Въ недалекомъ разстояніи отъ города онъ свернулъ съ дороги и направился въ монастырь, гдѣ былъ игуменомъ племянникъ маіора. Но каково было его удивленіе, когда на вопросъ, куда пройти къ архимандриту, привратникъ отвѣчалъ, что его третій день какъ похоронили. Заступившій временно его мѣсто по управленію монастыремъ, іеромонахъ Паисій, принялъ письмо отъ Перепелкина, съ тѣмъ, чтобъ отправить его къ маіору вмѣстѣ съ своимъ сообщеніемъ о смерти его племянника.

— Отъ какой болѣзни онъ умеръ? — полюбопытствовалъ спросить Перепелкинъ.

— Онъ не былъ боленъ: онъ погасъ, какъ свѣтильникъ, въ которомъ догорѣло масло, догорѣлъ, какъ догораетъ свѣча, — говорилъ меланхолическимъ тономъ, съ задумчивымъ видомъ, сравнительно молодой еще іеромонахъ Паисій:—духъ былъ бодръ до послѣдняго вздоха, но жизнь истощилась—вотъ отъ чего умеръ этотъ святой человѣкъ.

— Вы извините меня, отецъ іеромонахъ, что я побезпокою васъ всепокорнѣйшею просьбою сообщить мнѣ побольше характеристическихъ подробностей о покойномъ архимандритѣ, ибо я, наслышавшись о рѣдкихъ его качествахъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ свиданія съ нимъ, чтобъ многому поучиться отъ него, тѣмъ болѣе, что этою теперь на перепутьи и рѣшаю вопросъ: куда и какъ идти по жизненному пути?

Освѣдомившись, въ свою очередь, что за человѣкъ былъ Перепелкинъ, отецъ Паисій повѣдалъ ему слѣдующее:

— Покойный архимандритъ, игуменъ монастыря, былъ человѣкъ не отъ міра сего, даже въ его наружномъ обликѣ было нѣчто не земное. Когда онъ устремлялъ на кого свой кроткій, вѣчно задумчивый взоръ, чувствовалось какъ-то неловко, не по себѣ, точно предъ вами предстала святость, читаетъ всѣ вины ваши, но не для укора, а чтобы выразить свою скорбь о вашемъ паденіи и пожеланіе исправиться. Онъ состоялъ весь изъ любви къ ближнему. Ни копейки никогда не нашли бы у него: все онъ раздавалъ на бѣдныхъ. У самого кромѣ двухъ перемѣнъ бѣлья, да необходимаго ношейнаго платья ничего никогда не имѣлось. Такого безсребренника никогда я не видывалъ. Ну, да это еще что! Нѣтъ, такой самоотверженной любви къ ближнему, въ его положеніи, можетъ быть никто никогда не проявлялъ. Поналѣзетъ бывало сюда множество слѣпыхъ, хромыхъ, пораженныхъ всяческими застарѣлыми язвами, вотъ тутъ ужъ онъ и засуетился: всѣхъ-то онъ обласкаетъ, одаритъ, собственноручно раны перемоетъ и перевяжетъ, снаб-

дитъ мазями и лѣкарствами, которыя самъ умѣлъ составлять, и проводитъ какъ дорогихъ гостей. А въ отношеніи насъ кто онъ былъ? Онъ былъ не начальникъ, глава всѣхъ,—онъ былъ слуга всѣмъ, онъ былъ послѣдній человѣкъ. Онъ кололъ дрова и носилъ воду себѣ и старцамъ. А еще что бывало—броситея на колѣни предъ распьянствовавшимся монахомъ, въ виду всей братіи, сложитъ крестообразно руки на груди и голосомъ, потрясающимъ душу, говоритъ: «братъ, дорогой мой братъ о Христѣ, ради всего святаго умоляю тебя, побереги свой иноческій чинъ!» И не было ни одного такого здѣсь изъ самыхъ закоренѣлыхъ пьяницъ, который бы не растрогался отъ его словъ и не воздержался бы надолго отъ страсти къ запою, до новаго искушенія. Вотъ кто такой былъ покойный нашъ игуменъ,—заключилъ временно заступившій его мѣсто, и двѣ крупныя слезы, какъ жемчужины, сверкнули и скатились по его молодому лицу.

— А что онъ былъ ученый человѣкъ?—спросилъ Перепелкинъ.

— Нѣтъ, ученымъ его нельзя назвать, но онъ былъ человѣкъ просвѣщенный, начитанный. Я забылъ сказать, что у него было таки имущество, которымъ онъ дорожилъ и по поводу котораго я пишу теперь письмо его дядѣ,—это были книги. Онъ ихъ читалъ и раздавалъ братіи для чтенія, а иногда и самъ читалъ въ трапезной для братіи,—да какъ читалъ! Каждое слово глубоко запечатлѣвалось въ душѣ, потому что и самъ читавшій былъ глубоко проникнутъ имъ.

— Гдѣ онъ воспитывался?

— А воспитывался онъ въ какомъ-то корпусѣ, о которомъ онъ не могъ вспоминать безъ сердечнаго содроганія, какъ онъ говорилъ: столько онъ тамъ насмотрѣлся зла, лжи и всяческихъ богомерзкихъ дѣлишекъ, искусно маскируемыхъ!

— Что же, какъ отнеслась братія къ его кончинѣ?

— Для братіи это былъ такой тяжелый ударъ, что я и выразить этого вамъ не могу. Что онъ медленно угасалъ, это всѣ видѣли, но чтобы онъ такъ скоро скончался—никому и въ голову не приходило, потому что, кромѣ обычной бодрости духа, несмотря на свою слабость, онъ сохранялъ всѣ привычки къ физическимъ трудамъ, которые и исполнялъ, какъ всегда, неукоснительно. Въ воскресенье, послѣ общей трапезы (самъ онъ рѣдко что вкушалъ кромѣ просфоры и ложекъ двухъ—трехъ теплой пищи) онъ всю братію обошелъ и каждаго облобызалъ трижды, дѣлая земной поклонъ до и послѣ лобызанія. Всѣхъ это удивило, но думали, что такое настроеніе его души произошло у него отъ желанія водворить миръ въ обители, который сталъ часто нарушаться съ переходомъ въ нее двухъ новыхъ иноковъ изъ Юрьевскаго монастыря. Но каковы же были горе и удивленіе всѣхъ, когда черезъ два часа нашли его мертвымъ въ келіи! На голой скамьѣ, ко-

торая служила ему постелью, онъ лежалъ на спинѣ, со сложенными на груди руками; на груди же прижатъ былъ руками и крестъ деревянный, его собственноручнаго издѣлія и письмо (онъ былъ хорошій живописецъ), съ крупною надписью внизу: «Въ руцѣ Твои, Господи, предаю духъ мой!» Ясно, что онъ провидѣлъ свою кончину, приготовился къ ней и умеръ въ полномъ сознаніи. Кроткій, уныло-задумчивый ликъ его просвѣтлѣлъ и имѣлъ такое выраженіе, какое бываетъ у людей, внезапно получившихъ радостную вѣсть. Всякъ, входившій въ его келію, невольно поражался ликомъ этого праведника и, повергаясь предъ нимъ на колѣни, едва сдерживалъ приступъ судорожныхъ рыданій. А при послѣднемъ отпѣваніи—я ужъ вамъ и разсказать не въ состояніи, что происходило: не было читавшаго, не было пѣвшаго, у которыхъ не порывался бы голосъ отъ волненія. Вотъ каковъ былъ этотъ человѣкъ, о которомъ вы любопытствуете знать,—заключилъ отецъ Паисій, отирая свои глаза. Но это же самое долженъ былъ сдѣлать и слушатель его, впечатлительный юноша.

Въ большой задумчивости поплелся Перепелкинъ своей дорогой, по выходѣ изъ монастыря. Вотъ какіе люди бываютъ на свѣтѣ! — разсуждалъ онъ.—Что же, міровое ли какое назначеніе ты, праведникъ, выполнилъ своею жизнью, или удовлетворилъ только потребностямъ своей души, сдѣлавъ все, что возложилъ на себя, въ силу принциповъ, вытекавшихъ изъ твоего міросозерцанія, обвѣяннаго высокимъ ученіемъ Христа? А сколькимъ слѣпотствующимъ далъ бы ты прозрѣть истины этого ученія, если бы пронесся по лицу Русской земли съ кроткимъ твоимъ словомъ и человѣколюбивымъ взоромъ! Можетъ быть, и не привязывалъ бы мужикъ своей жены за косу къ верстаку, и не стегалъ бы своего дѣтища вожжей по лицу за то, что въ юномъ его сердцѣ сохранились еще любовь и состраданіе къ живому существу, близкому ему.

13-го августа, въ четыре часа дня Перепелкинъ былъ уже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петербурга и съ нетерпѣніемъ шагалъ по дорогѣ, воспроизводя въ своемъ воображеніи все слышанное изъ разсказовъ и прочитанное изъ книги о немъ. Фантазируя такъ, онъ продекламировалъ даже изъ Пушкина: «Люблю тебя, Петра твореньe» и вообще былъ въ самомъ игривомъ настроеніи, которое вдругъ неожиданно смѣнилось другимъ противоположнаго свойства. На станціи Средняя Рогатка, у крыльца стояло нѣсколько осѣдланныхъ лошадей, очевидно, принадлежавшихъ офицерамъ, изъ которыхъ одни стояли на крыльцѣ, другіе выглядывали изъ оконъ дома, а одинъ, тихонько ѣхавшій по направленію къ Петербургу, часто оглядывался назадъ и останавливался. Когда Перепелкинъ сталъ приближаться къ нему, офицеръ съ какою-то презрительною улыбкой, какъ показалось путнику, сталъ

мѣрать его глазами, на что и онъ, отвѣтивъ ему суровымъ взглядомъ, быстро прошелъ мимо него. Чрезъ нѣсколько минутъ, шумно разговаривая между собой, пронеслась кавалькада изъ пяти офицеровъ, которые не обратили никакого вниманія на быстро шагающаго путешественника, но слѣдовавшіе за ними три офицера, обогнавъ Перепелкина, вдругъ остановились поперекъ дороги въ небольшомъ разстояніи отъ него. Въ числѣ ихъ былъ знакомецъ Перепелкина, съ которымъ онъ обмѣнялся недружелюбнымъ взглядомъ.

— Mais voila, c'est lui qui m'a touché!—крикнулъ онъ, когда Перепелкинъ сталъ подходить ближе.

Офицеры перегородили дорогу и смотрѣли на путника такими глазами, какъ будто сейчасъ же собирались отдѣлать его по-своему.

— Messieurs,—въ свою очередь крикнулъ вспыхнувшій, какъ порохъ, горячаго темперамента юноша:—laissez moi aller... je suis l'etudiant et je ne permettrai à personne de me traiter comme une canaille.

Офицеры не безъ удивленія переглянулись и уѣхали. Но одинъ изъ нихъ скоро вернулся и, подскакавъ къ Перепелкину, привѣтливо сказалъ:

— Не могу ли я быть вамъ въ чемъ-нибудь полезнымъ?

— Благодарю васъ: я ни въ комъ и ни въ чемъ не нуждаюсь,— буркнулъ Перепелкинъ, стараясь привѣтливой улыбкой смягчить суровый отвѣтъ.

— Офицеръ улыбнулся, кивнулъ головой и ускакалъ.

— А, вѣдь, это добрый малый, кажется,—раскаивался Перепелкинъ,— и я напрасно такъ ему отвѣчалъ.

Но этотъ эпизодъ, на короткое время разстроившій игривыя его фантазіи насчетъ Петербурга, былъ только началомъ тѣхъ непріятностей, которыя его ожидали въ столицѣ, при отысканіи вечеромъ квартиры, такъ что онъ, припомнивъ, что вошелъ въ нее 13-го числа, по неволѣ сталъ соглашаться съ невыгоднымъ мнѣніемъ о репутаціи этого нелюбимаго многими числа, да не только нелюбимаго, но котораго иные боятся даже до того, что ни за что не сядутъ за столъ въ числѣ 13, какъ онъ лично убѣдился въ этомъ впослѣдствіи въ цивилизованной столицѣ, да еще въ средѣ людей, казалось бы, и очень не чуждыхъ умственнаго развитія.

Только-что онъ прошелъ тріумфальныя ворота и направился по Обуховскому проспекту, къ нему подошелъ человѣчекъ, неизвѣстно откуда вынырнувшій, и предложилъ свои услуги по пріисканію дешевой квартиры.

— Это, господинъ,—говорилъ онъ участливымъ тономъ: — первое дѣло, чтобъ было дешево и покойно, а гдѣ же вамъ самимъ найтить,

не знамши-то, по первоначалу. Въ гостиницѣ надо рубль платить каждый день только за комнату, а тутъ 12 рублевъ въ мѣсяцъ — и комната тебѣ, и самоваръ, и обѣдъ. Вотъ что, милый человѣкъ. Мнѣ что? Вы полтинничекъ за труды, значитъ, дадите, да хозяинъ сунетъ двугривенничекъ, а не то и четвертачекъ за то, что привелъ жильца, вотъ я и сытъ—тѣмъ, значитъ, кормимся.

Перепелкину показались эти резоны убѣдительными, и онъ пошелъ за нимъ, ничего не подозрѣвая. Направились въ Ямскую и шли уже не мало времени, все разговаривая про Петербургъ. Вдругъ, откуда ни возьмись, подходитъ къ нимъ другой человѣкъ и кричитъ чичероне Перепелкина:

— Это ты, Петра, жильца сдобрилъ? Ладно, веди, я сейчасъ догоню васъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ онъ догналъ и повелъ съ «Петрой» дѣловые разговоры. Немного погодя, послѣдній и говоритъ: «Ты мнѣ дай, Селантичъ, четвертачекъ, али двугривенничекъ—тебѣ хозяинъ отдастъ—да и веди жильца, а я вернусь на мѣсто, можетъ, еще наверпется какой. Селантичъ сунулъ ему что-то въ руку. Перепелкинъ долженъ былъ дать полтинникъ, но у него мелочью оказалось только 30 коп., и Петръ вызвался размѣнять пятирублевку въ мелочной лавочкѣ или въ кабакѣ. Вотъ и ждетъ Перепелкинъ его, стоя на улицѣ и развлекаемый разговорами Селантича.

— Что это онъ такъ долго!—замѣтилъ Перепелкинъ.

— А, пожалуй, чарку выпьетъ, такъ и заболтается. Я живо его,—сказалъ Селантичъ и юркнулъ—куда Перепелкинъ рѣшительно не замѣтилъ. Здѣсь въ первый разъ только вспала мысль ему на умъ, не жертва ли онъ обмана. Прождавъ минутъ нѣсколько, онъ отворилъ дверь въ кабакъ, но тамъ знакомцевъ его не видать было. Заглянулъ въ мелочную лавочку—и тамъ ихъ нѣтъ.

— Сюда приходилъ кто мѣнять пятирублевую бумажку?—обратился онъ къ лавочнику.

— Нѣтъ, никого не было,—отвѣчалъ тотъ спокойно.

Перепелкинъ и въ кабакъ опять зашелъ полюбопытствовать: не мѣнялъ ли съ такими-то примѣтами человѣкъ пятирублевку? Но кабатчикъ серьезно отвѣчалъ, что никто пятирублевки не мѣнялъ и съ такими примѣтами человѣка онъ не видалъ, а публика полупьяная расхохоталась при выходѣ его изъ кабака. Перепелкинъ направился къ полицейской будкѣ, которая была не вдалекѣ, и сообщилъ стражу, почтенному на видъ, о приключеніи съ нимъ. Блюститель порядка съ должнымъ вниманіемъ выслушалъ разсказъ юноши, нѣсколько разъ переспросилъ о примѣтахъ первыхъ знакомцевъ его въ столицѣ, посмо-

трѣлъ какъ-то странно на него съ бока и, улыбнувшись, покачалъ головой и наставительно сказалъ:

— Много здѣсь теперича обманнаго народа развелось, молитесь Богу и за то, что хоть сумки изъ-за плечъ не срѣзали.

Перепелкинъ ощупалъ сзади ремни и сумку.

— Да, нѣтъ, цѣла! Я, вѣдь, вижу, — замѣтилъ стражъ, улыбаясь испугу Перепелкина.

— Что жъ мнѣ теперь дѣлать?—наивно спросилъ послѣдній.

— А что жъ тутъ дѣлать! Что съ воза упало, то пропало. А лучше идите скорѣй искать фатеру, а то, вѣдь, наступаетъ ночь, пожалуй, пѣшаго нигдѣ и не пустятъ противъ ночи-то, - благодушно совѣтовалъ почтенный на видъ полиціантъ.

Перепелкинъ послѣдовалъ его совѣту, но было ужъ поздно: ни на одномъ постояломъ дворѣ и ни въ одной гостиницѣ во всей Ямской его не пустили ночевать. Кто-то порекомендовалъ ему домъ князя Вяземскаго на Сѣнной, и онъ туда направился, щупая назади по временамъ сумку и припоминая уже другіе стихи Пушкина: «Городъ пышный, городъ бѣдный, духъ неволи, стройный видъ, сводъ небесъ зелено-блѣдный, скука, холодъ и гранитъ».

Онъ, наконецъ, нашелъ домъ Вяземскаго и обратился къ дворнику съ вопросомъ, можно ли переночевать. «А вотъ иди по этой лѣстницѣ— указалъ онъ рукой—тутъ направо и налѣво во всѣхъ этажахъ пущаютъ. Только ты съ своимъ добромъ не разбрасывайся: всякіе люди тутъ бываютъ»—предостерегалъ онъ.

Когда Перепелкинъ поднялся на первую площадку лѣстницы, онъ почувствовалъ тошноту: такой здѣсь былъ тяжелый, скверный воздухъ; но, отворивъ первую дверь, которая и не запиралась даже, онъ чуть не упалъ въ обморокъ отъ нестерпимой вони, ударившей ему въ носъ и въ голову.

— Пожалуйте, милости просимъ!—привѣтствовала его испитая женщина, съ подбитымъ глазомъ, съ растрепанными волосами и въ такомъ грязномъ, оборванномъ платьѣ, что смотрѣть на нее было противно.

— Я не туда зашелъ,—пробормоталъ Перепелкинъ, ошеломленный и дурнымъ воздухомъ, и видомъ этой женщины, и мрачными фигурами выглядывавшими изъ другой комнаты.

Захлопнувъ дверь, изъ-за которой раздалась брань непристойными словами по адресу его, и чувствуя, что отъ невыносимой вони по лѣстницѣ съ нимъ дѣлается дурно, Перепелкинъ не сталъ подыматься вверхъ, а быстро спустился внизъ на свѣжій воздухъ. Онъ обратился къ старшему дворнику, который прямо заявилъ ему, что здѣсь по всѣмъ лѣстницамъ и во всѣхъ этажахъ живетъ и ночуетъ народъ отпѣтый и что ни одна ночь не проходитъ безъ происшествій: то голову

кому проломятъ, то дочиста ограбятъ, то шумъ такой подымутъ, что за будочниками приходится идти.

— А вы вотъ что, господинъ, сдѣлайте,—сказалъ онъ,—узнавъ, что въ гостиницахъ и на постоялыхъ дворахъ его не пустили переночевать: идите вы въ большую Офицерскую улицу—тутъ ужъ не далече—зайдите въ гостиницы, какія тутъ по дорогѣ есть, и если не пустятъ, то спросите по Офицерской улицѣ домъ Р., идите прямо во дворъ и тамъ прямо противъ воротъ спуститесь внизъ въ подвальный этажъ, скажите: Ларивонъ Митричъ, молъ, послалъ переночевать. Тутъ живетъ кума моя, Ѳекла Никитачна, прачешнымъ дѣломъ занимается, тоже фатирантовъ содержитъ, углы отдаетъ. Ейный мужъ дворникомъ тамъ же младшимъ, оба люди хорошіе, не пьющіе.

Перепелкинъ и справляться не сталъ въ гостиницахъ, а прямо направился по этому адресу и впослѣдствіи благодарилъ Ларивона Митрича, какъ благодѣтеля своего, за то, что, измученнаго ходьбой и непріятностями до изнеможенія силъ, онъ пріютилъ его у этихъ, дѣйствительно, добрыхъ людей. Узнавъ, въ чемъ дѣло, они только справились у управляющаго домомъ относительно вида Перепелкина, и, удостовѣрившись, что насчетъ «пачепорта никакихъ сумленій нѣтъ», сейчасъ же очистили для него свою крошечную, объ одномъ окошечкѣ, комнатку, а сами перебрались въ коридоръ, имѣвшій сообщеніе съ кухней. Немедленно согрѣли ему самоварчикъ, а на данныя имъ деньги купили яицъ и приготовили ихъ въ смятку. Никогда Перепелкинъ не пилъ чаю и не ѣлъ съ такимъ аппетитомъ, какъ въ этотъ вечеръ перваго своего пребыванія въ столицѣ сѣверной; но надо сказать, что никогда онъ и не испытывалъ такой усталости и столько непріятностей одновременно, какъ именно въ этотъ незабвенный вечеръ. За то Ларивону Митричу, за его услугу, конечно, случайную, но тѣмъ не менѣе незабвенную, не одинъ рубликъ перепалъ на водку впослѣдствіи отъ признательнаго юноши, который теперь, удовлетворивъ голодъ и жажду, заснулъ такимъ богатырскимъ сномъ, что едва пробудился въ шесть часовъ, наперекоръ своимъ привычкамъ вставать съ пѣтухами, и всѣ сны заспалъ.

Проснулся онъ бодрымъ и въ самомъ веселомъ настроеніи духа. Напившись чаю, онъ прежде всего провѣрилъ свою казну и нашелъ, что въ наличности у него осталось около 24 рублей, сумма, по его мнѣнію, совершенно достаточная до пріисканія себѣ какой-нибудь «работишки», въ родѣ переводовъ, уроковъ или даже, пожалуй, переписки. Онъ повѣрилъ свои ежедневные расходы и оказалось, что въ пути онъ пробылъ 58 дней, изъ коихъ 11 дней употреблены на остановки, продолжавшіяся—гдѣ сутки, а гдѣ и болѣе. Денегъ при отправленіи въ путь было 78 рублей съ копейками, изъ нихъ употреблено на путе-

вые расходы 32 руб. съ копейками, роздано бѣднымъ около 17 рублей, да уплачено за первое знакомство съ благодѣтелями по пріисканію дешевыхъ квартиръ въ Петербургѣ 5 рублей.

Вошли хозяинъ и хозяйка освѣдомиться, какъ онъ намѣренъ занять квартиру—со столомъ или безъ стола, и этотъ пунктъ улаженъ былъ къ удовольствію Перепелкина. Съ него положили брать въ мѣсяцъ 12 рублей за помѣщеніе въ отдѣльной комнатѣ, за столъ, за самоваръ утромъ и вечеромъ и за мелкія услуги, въ родѣ чистки сапогъ и покупки хлѣба къ чаю. Кромѣ того выговорено еще было 1 рубль за ежемѣсячную стирку бѣлья. Все это Перепелкинъ находилъ совершенно по карману себѣ, вполнѣ соотвѣтственнымъ какъ настоящимъ, оказавшимся въ наличности, средствамъ, такъ и будущимъ, въ пріобрѣтеніи которыхъ, по крайней мѣрѣ, до размѣра 20 рублей въ мѣсяцъ, онъ нисколько не сомнѣвался.

Пофланировавъ по Петербургу два дня, онъ переписалъ въ хорошо приготовленную тетрадку нѣсколько дорожныхъ сценъ и отправился съ ними въ редакцію одного изъ лучшихъ и наиболѣе распространенныхъ журналовъ того времени. Сильно забилось сердце юноши, когда онъ вошелъ въ пріемную редактора. О редакторахъ вообще онъ имѣлъ такое идеальное представленіе, что эти люди непремѣнно должны сочувствовать всякому молодому человѣку, стремящемуся къ образованію, не могутъ не принять участія въ подобнаго рода бѣднякѣ, ищущемъ средствъ къ пропитанію себя, и, слѣдовательно, навѣрное, даютъ работу или у себя, или, при обширномъ своемъ знакомствѣ въ городѣ, рекомендуютъ другимъ.

Редакторъ не заставилъ долго ждать себя. Это былъ смуглый, коренастый, не высокаго роста человѣкъ, среднихъ лѣтъ, съ живыми черными глазами. Онъ, казалось, внимательно выслушалъ живую рѣчь юноши, въ родѣ того, что пришелъ-де пѣшкомъ издалека, чтобы добиться хоть серьезнаго образованія, что, по неимѣнію средствъ къ жизни, онъ желалъ бы пристроиться въ редакціи въ качествѣ переводчика, брошюровщика журнала или даже переписчика, что онъ знаетъ французскій и нѣмецкій языки настолько, что свободно читаетъ книги на этихъ языкахъ, можетъ переводить уже съ помощію лексикона и съ англійскаго; что представляемая имъ теперь бездѣлушка—онъ подалъ тетрадку—можетъ только служить доказательствомъ того, что онъ владѣетъ языкомъ и орѳографіей и могъ бы быть употребляемъ по части корректуры, въ случаѣ надобности. Редакторъ выслушалъ все это молча и, какъ только юноша кончилъ, сказалъ: «навѣдайтесь черезъ недѣлю въ контору журнала», кивнулъ головой Перепелкину и ушелъ.

Ну, значитъ, по этой части, самой существенной пока, дѣло идетъ ладно, думалъ про себя неопытный юноша и сейчасъ же отправился къ

попечителю университета. Швейцаръ ему объявилъ, что пріемъ только-что кончился, но что если ужъ очень нужно, то можно подождать въ пріемной, чрезъ которую пройдетъ генералъ, отправляясь черезъ полчаса въ обычную прогулку. Около двухъ часовъ дверь изъ внутреннихъ покоевъ съ шумомъ отворилась въ пріемную, и на порогѣ ея показался гражданскій генералъ, при звѣздѣ на вицмундирномъ фракѣ, съ суровыми и строгими чертами лица. Онъ быстро нахмурилъ брови, вопросительно взглянулъ на Перепелкина и, весьма неграціозно оттопыривъ губы, ожидалъ, что онъ скажетъ. Впечатлительному юношѣ вдругъ вспало на мысль, не этотъ ли генералъ изображенъ Гоголемъ въ повѣсти «Шинель», и онъ сразу почувствовалъ не то чтобы надлежащій страхъ предъ его превосходительствомъ, а въ нѣкоторомъ родѣ смущеніе, которое и отразилось маленькою несвязностію въ его рѣчи, напередъ обдуманной тщательно.

Но сановникъ, очевидно, одержимый нетерпѣливымъ характеромъ, не дослушалъ и половины ея и грубо прервавъ увлекшагося юношу словами: «надо знать время, когда безпокоить начальство», суровымъ взглядомъ смѣрилъ просителя съ головы до ногъ и, надѣвъ шляпу предъ его носомъ,—какъ бы въ знакъ полнаго презрѣнія къ нему,—важно, съ перевальцой, сановито покачиваясь всѣмъ корпусомъ, вышелъ чрезъ корридоръ въ переднюю, послѣдуемый сзади, на приличной дистанціи, афронтированнымъ юношей, который никакъ не могъ переварить въ своей головѣ репримандa, сдѣланнаго ему главой учебнаго округа.

Каковъ попечитель!—думалъ онъ, созерцая, какъ эту важную, или, правильнѣе сказать, важничающую особу, усаживали въ коляску. Пристало ли это знаменательное слово къ такому грубому и чванному человѣку? Да не онъ ли, въ самомъ дѣлѣ, и послужилъ типомъ для Гоголя? Развѣ нельзя было то же самое сказать до аудіенціи, безъ грубаго перерыва и безъ этихъ дерзко нахальныхъ взглядовъ и выходокъ? И невольно въ добродушнѣйшемъ сердцѣ, совершенно не способномъ, по своей природѣ, къ человѣконенавистничеству, закладывалось чувство отвращенія и глубокой ненависти къ этому якобы попечителю, котораго, впрочемъ, какъ оказалось впослѣдствіи, самымъ задушевнымъ образомъ и глубоко презирали и ненавидѣли всѣ интеллигентные люди округа, начиная со скромнаго студента—юноши, разумѣется, любящаго науку, а не шалопая какого-нибудь, ради диплома попавшаго въ университетъ, до заслуженаго дѣльнаго профессора. Не иронія ли, въ самомъ дѣлѣ, судьбы—назначеніе попечителемъ человѣка, съ избыткомъ надѣленнаго качествами, совершенно противорѣчащими этому назначенію?—продолжалъ разсуждать Перепелкинъ, вступивъ на Невскій проспектъ, который какъ разъ въ это время сталъ наполняться публикой изъ интеллигентныхъ слоевъ общества. И Боже мой, какая тутъ

написана была гордость, какъ ему показалось, на всѣхъ лицахъ, иногда даже очень дурныхъ и совершенно глупыхъ для человѣка, привыкшаго къ наблюдательности! Перепелкинъ невольно сдѣлалъ сравненіе съ Москвой. Тамъ ему преимущественно бросались въ глаза два типа людей: мясистыхъ, неуклюжетолстыхъ разныхъ коммерсантовъ, мелкихъ и крупныхъ, съ широкими спинами и загривками, съ животами, похожими на бомбу громадныхъ размѣровъ и съ тупымъ, почти безсмысленно животнымъ выраженіемъ въ лицѣ; другой типъ—людей чиновныхъ или, вообще, интеллигентныхъ, изъ которыхъ одни, очевидно, благодушествовали, нося на своемъ лицѣ ясные слѣды довольства, сытости и полной безпретенціозности во всѣхъ жизненныхъ своихъ отправленіяхъ; другіе, преимущественно державшіе себя сановито, выражали на своихъ лицахъ какое-то уныніе, видъ какой-то пришибленности, какъ-будто злая судьба, нежданно-негаданно, распорядилась щелкнуть каждаго изъ нихъ по носу, ни за что, ни про что, да такъ и оставила ихъ подъ вліяніемъ этихъ щелчковъ въ задумчивомъ, такъ сказать, настроеніи духа, которое невольно заставило ихъ смириться предъ неисповѣдимыми путями жизни.

Здѣсь, напротивъ, въ настоящій моментъ преобладалъ типъ людей вида гордаго, надменно несшихъ свои головы, свысока смотрѣвшихъ на всѣхъ и на все, съ лицами, большею частію, не осмысленными, на которыхъ ясно только изображались: чванство, надутость и тщеславіе, такъ что въ наблюдателѣ, въ первый разъ видѣвшемъ этихъ людей, невольно зарождалась мысль—не манекены ли это, у которыхъ нѣтъ и никогда не было воспріимчивости къ другимъ впечатлѣніямъ, кромѣ тѣхъ, которыя даются дрессировкой въ извѣстномъ направленіи. Дополненіемъ къ этому типу служили люди, во всемъ старавшіеся подражать первымъ, также безукоризненно, по послѣдней модѣ, одѣтые, также гордо выступавшіе и надменно озиравшіе, но только далеко не всѣхъ и все: при встрѣчѣ съ людьми сановитыми, они, подобно хамелеону, мгновенно мѣнялись: теряя всякую ходульность, они забѣгали впередъ, изгибались въ дугу, говорили заискивающимъ тономъ и вообще выражали столько приниженности и такое смиренство, которое какъ бы говорило: хоть плюньте въ мою физіономію, ваше—ство, только не лишите вниманія и ласки. Тутъ же между двумя этими типами скромно пробирались люди другихъ свойствъ, иногда съ печатью серьезной мысли на лицѣ, а то и глубокаго нравственнаго страданія; они робко уступали дорогу другимъ и, сосредоточенные въ самихъ себѣ, не развлекались ничѣмъ постороннимъ. Очевидно, что во всѣхъ этихъ типахъ ничего общаго не могло быть въ нравственномъ складѣ ихъ міросозерцанія и характеровъ. Гдѣ же тутъ христіанское общество и чѣмъ оно отличается отъ языческихъ? Если центральнымъ пунктомъ

всѣхъ отправленій христіанской мысли принимать заповѣданную Богочеловѣкомъ любовь къ ближнему, то ея здѣсь и слѣдовъ нѣтъ, заключилъ Перепелкинъ свои наблюденія.

XII.

Неприглядной показалась ему теперь, днемъ, квартира его снаружи. Спускаться въ нее надо было по тремъ ступенькамъ внизъ. Окна приходились надъ землей и были небольшаго размѣра. Но внутри содержалась она всегда чисто, опрятно. Хозяйка была женщина въ высшей степени чистоплотная, аккуратная и трудолюбивая. Хозяинъ отличался тѣми же качествами, при томъ же оба они были честные и добродушные люди. У нихъ было двое дѣтей: Коля, четырехъ лѣтъ мальчикъ, и Гаша двухъ, которыя впослѣдствіи много доставили удовольствія Перепелкину, рѣзвясь по корридору близъ его комнаты и забѣгая къ нему, такъ какъ онъ всегда держалъ для нихъ гостинцы, потому что очень любилъ дѣтей вообще. Квартира состояла изъ четырехъ небольшихъ комнатъ, корридора и кухни, гдѣ за перегородкой и помѣстились сами хозяева, по занятіи Перепелкинымъ ихъ комнаты, и гдѣ также помѣщалась сестра хозяина, помогавшая своей невѣсткѣ въ стиркѣ бѣлья.

Квартиранты были изъ людей чиновныхъ—да еще какихъ! Двѣ заднія комнаты занималъ съ своею экономкой—ни больше, ни меньше, какъ захудалый почему-что, князь Крапоткинъ, «настоящій русскій князь», какъ онъ, обыкновенно, рекомендовалъ себя всѣмъ, «а не то, чтобы какой-нибудь кавказскій, сомнительнаго происхожденія, или бурятскій, калмыцкій тамъ и прочее». Въ четвертой комнатѣ, нѣсколько большей противъ занимаемой Перепелкинымъ, помѣщались двѣ чиновницы-вдовы, изъ которыхъ одна постарше лѣтами, бездѣтная, получала ежемѣсячно 9 рублей пенсіи, а другая съ двумя малолѣтними дѣтьми, только 8 рублей съ копейками. Обѣ онѣ жили дружно, душа въ душу, и пополняли свои скудныя средства заработкомъ отъ вязанья, шитья, а, главное, отъ чинки бѣлья и штопанья чулковъ и носковъ, отдаваемыхъ въ стирку хозяйкѣ квартиры. Всѣ обитатели этихъ квартиръ нравами были тихи, спокойны, молчаливы, и до пробужденія дѣтей хозяйки и вдовы чиновницы подъ часъ можно было подумать, что комнаты пусты, никто въ нихъ не живетъ. Князь, обыкновенно, занимался чтеніемъ душеспасительныхъ книгъ, его экономка — приготовленіемъ обѣда, уборкой комнатъ, а иногда и стиркой своего и княжьяго бѣлья.

Обѣ вдовы вѣчно сидѣли за иголкой, или за вязальными спицами и имѣли видъ изнуренный, особенно младшая, которая таяла, какъ свѣча, отъ тоски по мужѣ, заботы о дѣтяхъ, а, главное, отъ непрерывной работы, оплачиваемой такъ скудно, что Перепелкинъ съ трудомъ могъ повѣрить, чтобы двѣ женщины, просидѣвъ за иголкой съ ранняго утра до поздней ночи, могли только заработать вдвоемъ около сорока копеекъ. Но онѣ получали работу изъ третьихъ рукъ, слѣдовательно, только одна треть платы перепадала на ихъ долю, другія же двѣ трети оставались въ рукахъ коммиссіонеровъ. Самыя загребистыя, безбожно воровскія руки были первыя, принадлежавшія экономамъ казенныхъ учрежденій, которые заставляли вторыя руки расписываться въ полученіи 60 коп., напримѣръ, за шитье рубахи и кальсонъ, да еще на казенныхъ ниткахъ, въ дѣйствительности же платили только 30, а о ниткахъ и помину не было. Если вторыя руки не успѣвали сами справиться съ подрядомъ, то передавали часть его въ третьи руки, беря за коммиссію 10 коп. за два предмета, надъ которыми одной швеѣ надо просидѣть болѣе сутокъ, а получить только 20 коп. и еще шить своими нитками. Самымъ жалкимъ представлялось положеніе младшей вдовы, Настасіи Ивановны Крипиной, у которой было двое дѣтей: Саша, сынъ 8 лѣтъ, и дочь Катя 6-ти. Ихъ пора было учить, но на какія средства покупать учебники и кому учить? Мать положительно не имѣла времени заниматься ими, хотя все-таки кое-какъ и выучила сына читать, а онъ уже самъ сталъ пробовать копировать съ прописи буквы и сестренку пріучать разбирать азбуку, когда поселился здѣсь Перепелкинъ. Познакомившись съ ними, онъ на третій день своего прибытія вызвался безмездно заниматься часа по два каждый день съ дѣтьми, которыя доставляли ему много удовольствія своею понятливостію и успѣхами, приводившими его въ изумленіе, особенно дѣвочка 6 лѣтъ. Не прошло и мѣсяца отъ начала занятій, какъ оба они читали и писали уже хорошо.

Въ занятіяхъ съ этими дѣтьми и въ ежедневномъ ознакомленіи съ внѣшней стороной Петербурга незамѣтно прошла для Перепелкина недѣля, и онъ отправился въ контору редакціи, съ тѣмъ, чтобъ оттуда пройти и къ суровому попечителю, такъ какъ именно въ этотъ день у него назначенъ былъ пріемъ.

Не безъ волненія обратился онъ къ завѣдывающему конторой съ вопросомъ о судьбѣ своего литературнаго дѣтища, но тотъ, чѣмъ-то занятый, сурово отвѣтилъ, что объ этомъ справляются у редактора, а не въ конторѣ.

Редакторъ, какъ только завидѣлъ Перепелкина на порогѣ своего кабинета, поспѣшилъ предупредить словами:

«Тамъ въ конторѣ!» А когда Перепелкинъ сказалъ, что его изъ

конторы сюда послали, онъ опять повторилъ два раза: тамъ, въ конторѣ, и указалъ пальцемъ внизъ, должно быть, для большей убѣдительности.

Перепелкинъ опять предсталъ предъ завѣдывающимъ конторой, который на этотъ разъ былъ свободенъ и отнесся къ нему мягче и внимательнѣе.

— Что редакторъ вамъ сказалъ?—спросилъ онъ Перепелкина.

— Опять то же самое, что здѣсь я долженъ получить отвѣтъ.

— Вретъ онъ: никакого отвѣта вы не дождетесь ни въ конторѣ, ни въ редакціи. Да вы что ему представили?

— Дорожныя сцены.

— Такъ что-нибудь идеальное... А, вѣдь, онъ ищетъ людей съ «коготкомъ», чтобъ больно царапались, да завлекали побольше публики въ его лавочку, а онъ бы только загребалъ чужими руками жаръ, да карманы себѣ набивалъ бы потуже, для приманки содержанокъ,—говорилъ, злобно сверкая глазами, управляющій конторой, услявъ напередъ куда-то мальчика. А у васъ-то, можетъ быть, и ноготокъ слабъ, или не заострился еще какъ слѣдуетъ. Да, пожалуй, и къ лучшему, а то повыжалъ бы онъ изъ васъ соки. Вонъ, вѣдь, какую силу загубилъ (онъ назвалъ извѣстнаго литератора), заваливая работою, за которую отплачивалъ пятаками, а самъ получалъ тысячи.

Сильно смутился юноша, выходя изъ конторы и совершенно отрѣшаясь отъ своихъ иллюзій насчетъ готовности редакторовъ принять участіе въ безпомощныхъ молодыхъ людяхъ, стремящихся къ высшему образованію, доставленіемъ имъ какихъ-нибудь работъ. Между тѣмъ эта иллюзія была причиной того, что у него осталось денегъ только 6 рублей. Правда, онъ уплатилъ хозяевамъ за квартиру впередъ за мѣсяцъ 12 рублей, но отъ нѣкоторыхъ расходовъ все-таки можно было бы удержаться до болѣе благопріятнаго времени, не будь этой иллюзіи.

Такъ, нѣкоторые учебники для Саши и Кати можно было бы отложить покупкой, потому что въ нихъ особенной надобности пока не представлялось.

Смущеніе Перепелкина еще болѣе усилилось послѣ пріема у попечителя. Просителей и просительницъ было не мало, всѣ они дожидались въ залѣ, когда вышелъ чиновникъ (это, кажется, былъ правитель канцеляріи) и предложилъ, по одиночкѣ, дожидаясь очереди, входить въ кабинетъ его превосходительства. Сановникъ, какъ видно, былъ не въ духѣ, а, можетъ быть, и вообще былъ нрава сердитаго, потому что то и дѣло возвышалъ голосъ и часто выкрикивалъ: «вамъ говорятъ, что этого нельзя сдѣлать». Аудіенція каждаго продолжалась не долго, и вотъ дошла, наконецъ, очередь и до Перепелкина. Онъ вошелъ въ ка-

бинетъ, когда тамъ откланивался генералу невысокаго роста чиновникъ въ вицъ-мундирномъ фракѣ и съ орденомъ на шеѣ. Это былъ инспекторъ студентовъ, какъ послѣ узналъ Перепелкинъ.

— Такъ вы такъ и сдѣлайте,—рекомендовалъ что-то сановникъ своему подчиненному.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!

— Если заупрямится, вонъ его!—рѣзко произнесъ генералъ.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство.

— Разговаривать съ нимъ много не нужно, но внушеніе сдѣлать самое стрррогое!—заключилъ его превосходительство, злобно сверкнувъ глазами.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!—сказалъ въ послѣдній разъ вицмундирный орденоносецъ и, отставивъ руки на отлетъ, сталъ пятиться назадъ, отвѣшивая начальству низкіе поклоны, хотя въ это время оно подписывало бумаги, которыя быстро подкладывалъ и засыпалъ пескомъ подпись чиновникъ, а можетъ быть, и правитель канцеляріи.

Подписавъ послѣднюю, его превосходительство мотнулъ молніеносный взглядъ на просителя, но эффекта не произвелъ, потому что Перепелкинъ ни бояться, ни уважать такого свойства людей не могъ, считая всякаго человѣконенавистника воплощеніемъ злаго начала, отвергнутаго самимъ Богомъ.

Когда Перепелкинъ выставилъ два обстоятельства: можетъ ли онъ быть освобожденъ отъ взноса денегъ за право слушанія и, чтобъ не пропустить первыхъ лекцій, имѣть разрѣшеніе посѣщать ихъ въ началѣ курса, до высылки ему изъ К. увольнительнаго въ свѣтское званіе свидѣтельства, то генералъ даже привскочилъ на креслѣ, должно быть, отъ злости.

— Какъ же лѣзть съ просьбой, когда нѣтъ ни увольненія отъ общества, ни свидѣтельства о бѣдности?

— Послѣдняго и достать мнѣ теперь негдѣ, да я и не считалъ его нужнымъ, думая, что отъ человѣка, который пѣшкомъ пришелъ за полторы тысячи верстъ, чтобы поучиться въ столицѣ, оно и не требуется.

— Безъ этихъ свидѣтельствъ ни допустить къ экзамену, ни приватно слушать лекціи я не дозволю... Это не согласно было бы съ законами,—пояснилъ онъ, когда уже Перепелкинъ выходилъ за дверь.

А между тѣмъ черезъ три дня, по ходатайству одного благочестиваго вельможи, оказалось почему-то для сановника совершенно согласнымъ съ законами—свидѣтельства о бѣдности вовсе не требовать и допустить слушать лекціи до полученія увольнительнаго свидѣтельства. Этого мало. Той же самой вдовѣ, которой въ этотъ пріемъ грубо отказано было въ ходатайствѣ объ увеличеніи пенсіи, «потому что этого

нельзя, закономъ не допускается», вскорѣ этотъ же самый сановникъ, по простой запискѣ къ нему одного высокопоставленнаго лица, нашелъ возможнымъ исходатайствовать приличную пенсію. Зачѣмъ же было лицемѣрить и грубости дѣлать!

Взволнованный впечатлѣніями въ редакціи и у сановника, Перепелкинъ зашелъ на почту за письмами, которыхъ съ большимъ нетерпѣніемъ поджидалъ. Ѳаворовъ писалъ, что оставленныя имъ прошенія объ увольненіи изъ академіи—на имя ректора, а въ свѣтское званіе—на имя владыки, поданы своевременно по назначенію, какъ было условлено при разставаньи, но что дѣло не начиналось еще, вѣроятно, въ предположеніи, не раздумаетъ ли проситель, а потому для ускоренія рѣшенія совѣтовалъ прибѣгнуть къ содѣйствію извѣстнаго почитателя и покровителя духовныхъ, которому-де никогда ни въ чемъ не отказываютъ высшіе наши администраторы.

«Настоящій русскій князь» сообщилъ адресъ этого благодѣтеля всѣхъ прибѣгающихъ къ нему за помощью.

— Да вы сперва зайдите къ священнику больницы, отцу Никитѣ—квартира его въ нижнемъ этажѣ, какъ разъ напротивъ квартиры этого вельможи—онъ васъ и представитъ ему, потому что самъ очень любитъ тереться у людей сановныхъ,—дополнилъ князь.

Перепелкинъ такъ и сдѣлалъ. На другой день, въ половинѣ десятаго, утромъ, онъ представился отцу Никитѣ. Это былъ на видъ человѣкъ еще моложавый, не высокаго роста, не дуренъ собой, съ черными блестящими глазами, красивою черною, какъ смоль, бородой, и очень подвижной и шустрый. У него была страсть къ попугаямъ, которые трещали въ клѣткахъ во всѣхъ комнатахъ и которыхъ онъ самъ воспитывалъ, пріучая ихъ къ произношенію разныхъ привѣтствій и комплиментовъ, а потомъ продавалъ за дорогую цѣну. Такъ какъ въ первой комнатѣ, гдѣ произошло знакомство, трудно было слышать рѣчь, изъ-за крика этихъ птицъ, то отецъ Никита увелъ гостя въ отдаленную комнату, предупредивъ попутно, чтобы онъ не употреблялъ какихъ-нибудь бранныхъ словъ, въ родѣ дуракъ, болванъ, оселъ.

— Тутъ у меня, надобно вамъ сказать, одинъ только попугай содержится и такой переимчивый... Я знаю, что зашибу за него копейку... Вотъ вы услышите, какое онъ произноситъ привѣтствіе. Я, вѣдь, на замкѣ держу комнату,—говорилъ скороговоркой отецъ Никита, отпирая ключемъ дверь.

Къ радости его попугай не замедлилъ показать свое искусство, произнеся очень выразительно вытверженное привѣтствіе, въ которомъ лишнее слово, конечно, было бы не только неумѣстно, но и опасно.

— Каковъ!—сказалъ въ восторгѣ отецъ іерей, поднявъ палецъ вверхъ.

— Да, удивительно хорошъ!—отвѣчалъ Перепелкинъ не громко.

— Ка-р-р-ошъ, ка-р-р-ошъ,—подхватилъ попугай.

Отецъ Никита тотчасъ же схватилъ Перепелкина за руку и, отведя въ дальній уголъ комнаты, громко и внятно произнесъ: «Спаси, Господи, люди Твоя». Попугай зналъ и это, и не замедлилъ два раза повторить эти слова съ удивительной отчетливостію. Собесѣдники повели разговоръ, въ отдаленіи отъ клѣтки, очень тихо, тѣмъ не менѣе попугай навострилъ свой слухъ и долго прислушивался, но, раздосадованный, вѣроятно, тѣмъ, что не могъ уловить ни одного звука, онъ сталъ кричать, прыгать, цѣпляться за прутья клѣтки и, наконецъ, страшно надоѣдать частымъ повтореніемъ вытверженныхъ словъ, къ которымъ, нѣтъ-нѣтъ, да и присоединитъ—кар-р-р-ошъ, теперь только усвоенное имъ, по словамъ его воспитателя, повидимому, немножко закручинившагося по этому поводу. Узнавъ о неудачахъ Перепелкина у редактора и попечителя, отецъ Никита пообѣщалъ для полученія работы литературной рекомендовать его другому лицу, а для поправки дѣла у попечителя предложилъ сейчасъ же отправиться къ извѣстному вельможѣ: «вотъ онъ гдѣ живетъ», указалъ онъ рукой на подъѣздъ противоположнаго дома.

Черезъ минуту ужъ они позвонили тамъ. Дверь отворилъ прилично одѣтый лакей и объяснилъ отцу Никитѣ, что генералъ у себя и принятъ, вѣроятно, приметъ. Перепелкина немножко удивило, что въ помѣщеніи такого вельможнаго господина пришлось съ подъѣзда спуститься по тремъ ступенькамъ внизъ, точно такъ же, какъ въ его мизерной подвальной квартирѣ. Но дальше, конечно, никакого ужъ сравненія быть не могло. Комнаты большія, свѣтлыя, съ большими, выходящими на улицу и во дворъ, окнами. Весь этажъ былъ занятъ однимъ человѣкомъ (вельможа не былъ женатъ, и кромѣ прислуги съ нимъ никто не жилъ вмѣстѣ), вверху жилъ самъ хозяинъ дома генералъ съ семействомъ, который около этого времени скончался отъ антонова огня на ногѣ, вслѣдствіе глубокаго неосторожнаго порѣза мозоли на пальцѣ.

Послѣ продолжительнаго доклада, слуга предложилъ Перепелкину посидѣть въ залѣ, а отца Никиту пригласилъ въ кабинетъ его превосходительства.

Минутъ черезъ пять вышелъ въ залу, въ сопровожденіи отца Никиты, высокій, атлетическаго сложенія, человѣкъ, въ бѣлой коломенковой матроскѣ, перехваченной кожанымъ ремнемъ, и такихъ же панталонахъ. Онъ привѣтливо кивнулъ головой Перепелкину и, остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, не садясь самъ и не приглашая никого сѣсть, ожидалъ, что скажетъ юноша.

Когда Перепелкинъ объяснилъ ему о затрудненіи поступить въ

университетъ, за неимѣніемъ требуемыхъ документовъ, и объ опасеніи пропустить первыя лекціи, вслѣдствіе несвоевременнаго полученія ихъ, вельможа пристально, но кротко взглянулъ ему въ глаза и спокойнымъ мужественнымъ голосомъ сказалъ:

«Объ увольненіи васъ изъ академіи и въ свѣтское званіе я сегодня же напишу архіепископу К., а относительно допущенія васъ къ слушанію лекцій, приватно, я завтра лично переговорю съ попечителемъ округа. О результатахъ письма справляйтесь въ почтамтѣ, соображаясь съ временемъ прихода и отхода почтъ изъ того мѣста, а о моихъ переговорахъ съ попечителемъ можете узнать завтра или послѣ завтра въ канцеляріи его».

Затѣмъ онъ также привѣтливо кивнулъ головой и вернулся въ кабинетъ.

Когда, по выходѣ, Перепелкинъ спросилъ у отца Никиты, такъ ли все это будетъ, какъ обѣщано, онъ съ улыбкой замѣтилъ, что въ Петербургѣ, гдѣ часто много обѣщаютъ, а почти никогда ничего не дѣлаютъ, это, можетъ быть, единственный вельможа, который всегда бываетъ «господинъ своего слова». Это, дѣйствительно, такъ и было.

Отецъ Никита, прощаясь съ Перепелкинымъ, пригласилъ его въ слѣдующее воскресенье къ обѣду, обѣщая ему достать къ этому времени пробную работу, но отъ кого, пока не сообщилъ.

Вотъ это обстоятельство, что удастся ли найти работу, только его и смущало, когда онъ возвращался къ себѣ въ квартиру. А возвращался онъ сюда всегда точно въ свое семейство, гдѣ всѣ его встрѣтятъ съ лаской, съ привѣтомъ. Несмотря на его недавнее пребываніе, его всѣ полюбили здѣсь. Хозяинъ и хозяйка, за ласку его къ дѣтямъ, наперерывъ другъ предъ другомъ старались оказать ему ласку и услугу. Они оставили ему свою кушетку, дали головную подушку и три простыни, пока онъ обзаведется всѣмъ необходимымъ для себя, хозяйка перемыла бѣлье и носки, а вдовушки перечинили все и перештопали безъ его вѣдома, всѣ же онѣ вмѣстѣ заботились о чистотѣ и приличномъ содержаніи его комнаты, а хозяинъ перечинилъ ему сапоги и ежедневно ихъ чистилъ, хотя Перепелкинъ и объявилъ ему, что въ этой услугѣ онъ не нуждается, потому что съ малолѣтства привыкъ самъ все дѣлать. Дѣти же, какъ хозяйскія, такъ и вдовины почти не оставляли его комнаты. Коля хозяйскій иногда плакалъ, когда Перепелкинъ долго не возвращался. Саша и Катя, чѣмъ больше подвигались въ усвоеніи нѣкоторыхъ понятій изъ естественной исторіи, иллюстрированной рисунками, тѣмъ больше осаждали своего ментора вопросами: и что, и почему, и какъ? Особенно Катя, премилый ребенокъ, чрезвычайно была привязчива и настойчива въ подобныхъ случаяхъ.

Мать какъ будто ожила отъ этихъ успѣховъ дѣтей, но ее, бѣдную,

ждала близкая скоропостижная смерть отъ разрыва сердца, и несчастныя дѣти, оставшіяся круглыми сиротами, только благодѣтельной рукой дѣйствительно добраго извѣстнаго вельможи, вслѣдствіе просьбы Перепелкина, были пристроены въ учебныя заведенія, при содѣйствіи также одной княгини, почитательницы этого вельможи, собственная дача которой была на Крестовскомъ островѣ, куда лично Перепелкинъ былъ посланъ съ письмомъ вельможи, чтобы передать княгинѣ и на словахъ все, что было ему извѣстно относительно этихъ дѣтей-сиротъ. Гдѣ-то они теперь? Живы ли. Помнятъ ли они все это?

Когда въ воскресенье отправился Перепелкинъ къ отцу Никитѣ, его не оказалось дома, хотя было два часа, а въ это время, какъ онъ говорилъ, всегда можно застать его. Перепелкинъ уже уходилъ за дверь, когда его остановили и спросили фамилію.

— Милости просимъ,—говорила среднихъ лѣтъ женщина, худая, болѣзненная, съ желтымъ цвѣтомъ лица. Мы васъ ждали.

Это была жена отца Никиты, которой въ первый разъ не видалъ Перепелкинъ.

Послѣ нѣсколькихъ словъ о томъ, долго ли онъ былъ въ пути и гдѣ помѣстился теперь, она стала жаловаться на свое здоровье, разстройство котораго она, главнымъ образомъ, приписывала дурному помѣщенію и неугомонной трескотнѣ попугаевъ, сильно дѣйствовавшей на ея нервы.

— Видите, какой хлѣвъ отвели нѣмцы подъ помѣщеніе русскаго попа. У швейцара дома лучше квартира, чѣмъ у насъ: по крайней мѣрѣ не въ подвалѣ.

Перепелкинъ осмотрѣлся и нашелъ, что это дѣйствительно не казистое, подвальное помѣщеніе.

— А для себя и даже для выписанной своей нѣмецкой родни поразобрали лучшія квартиры,—продолжала матушка.

— Что же отца Никиту удерживаетъ на этомъ мѣстѣ, вѣдь, онъ могъ бы перейти въ другой приходъ?

— Нѣтъ, намъ другаго не дадутъ: онъ, вѣдь, изъ дьяконовъ и на этотъ съ большимъ трудомъ удалось сѣсть. Жалованья 400 рублей въ годъ, а доходовъ никакихъ нѣтъ, потому что всѣ служащіе тутъ нѣмцы-лютеране. Вотъ только этимъ и поддерживаемъ себя, указала она на кричавшихъ и разстраивавшихъ ея нервы попугаевъ.

Но вскорѣ пришелъ отецъ Никита и выяснилъ, что есть у него кромѣ попугаевъ и другой источникъ доходовъ. Поздоровавшись съ Перепелкинымъ и наскоро сообщивъ ему, что пробная работа для него уже приготовлена, онъ торопливо вынулъ изъ кармана книжечку и набросалъ что-то карандашомъ.

— Познакомился сейчасъ у Тишкиныхъ на молебнѣ съ значитель-

нымъ чиновникомъ Протогеномъ Филатьевичемъ Версицкимъ,—двоюродный братъ самой Тишкиной,—пояснилъ онъ женѣ. Сегодня празднуется день его ангела, такъ чтобъ не забыть на слѣдующій годъ поздравить его и молебенъ отслужить,—докладывалъ онъ уже Перепелкину.

— Развѣ у васъ дозволяется совершать требы въ чужихъ приходахъ?

— Не то, чтобы оно тамъ дозволялось или запрещалось, а сердятся таки на меня здорово многіе попы,—да что будешь дѣлать? Ѣсть, пить надо самому и семьѣ, а жалованья всего 400 рублей въ годъ, доходовъ же отъ нѣмцевъ ни гроша. Только, вѣдь, и живешь вотъ этимъ—указалъ онъ на попугаевъ—да молебнами въ чужихъ приходахъ. Спасибо, не гонятъ. Придешь, это, поздравить и сейчасъ же облачаешься. Ну, собирается семья, помолятся и наградятъ. А былъ же таки случай,—припомнилъ онъ, смѣясь,—что одинъ господинъ не далъ отслужить молебна, прогналъ изъ дома. Вотъ такъ же, какъ теперь, случайно познакомился съ нимъ, узналъ послѣ, когда празднуется день его ангела и шасть къ нему. Онъ мило, любезно встрѣтилъ меня. Поздравляю его и, по обыкновенію, сейчасъ же облачаюсь.

— Да вы не молебенъ ли, батька—такъ и сказалъ!—затѣваете?

— Надо, говорю, помолиться всеблагому Богу о вашемъ здравіи и благоденствіи, а самъ все продолжаю облачаться. Дьячекъ тутъ же суетится, помогаетъ мнѣ.

— Нѣтъ, батька, этого не будетъ: я и самъ за себя помолюсь всеблагому Богу, а вы снимайте-ка свой зипунъ—такъ и сказалъ: свой зипунъ, это ризу-то—да и убирайтесь, откуда пришли. Мы съ дьячкомъ переглянулись и отретировались. «Чайку откушать вечеркомъ, если будетъ угодно, милости просимъ»,—крикнулъ онъ въ догонку намъ.

Невысокъ же, батька, твой нравственный цензъ!—подумалъ Перепелкинъ.

— Хотѣлъ было жаловаться, да свидѣтелей не было, а то досталось бы ему за этотъ зипунъ. Шутка ли ризу назвать зипуномъ, святыню приравнять къ мужицкой вонючей одежинѣ!—ужасался онъ,—притворно или въ самомъ дѣлѣ,—и посматривалъ то на попадью, то на гостя, какъ бы спрашивая ихъ, какого они мнѣнія объ этомъ казусѣ. Попадья выразительно покачала головой, Перепелкинъ оставался въ неподвижномъ состояніи, съ любопытствомъ только поглядывая на духовную чету.

— Вотъ вы ученый человѣкъ,—обратился къ Перепелкину неугомонный отецъ Никита, шокируясь, повидимому, равнодушнымъ отношеніемъ гостя къ сообщенному имъ факту: какъ вы думаете, куда бы

упекли этого господина, если бы, кромѣ причетника, нашелся другой свидѣтель, который бы подтвердилъ, что онъ ризу назвалъ зипуномъ.

— Но мнѣ кажется, что за это ничего бы особеннаго ему не было, —скромно замѣтилъ Перепелкинъ.

— Какъ ничего не было бы!—вспыхнулъ вдругъ батюшка, весь побагровѣвъ отъ такого неожиданнаго отвѣта. У матушки тоже показались розы на увядшихъ желтыхъ щекахъ, и она какъ-то укоризненно, даже недружелюбно посматривала на переконфузившагося юношу.

— Я законовъ не знаю,—сталъ поправляться красный, какъ піонъ, Перепелкинъ,—но такъ позволилъ и позволяю себѣ выразить мнѣніе, лично мнѣ принадлежащее, что за это кромѣ выговора, можетъ быть, даже очень строгаго, по всей вѣроятности, ничего бы больше не было.

— За святыню-то!—загоготалъ рѣзкимъ, весьма непріятнымъ смѣхомъ отецъ іерей.

Матушка съ упрекомъ посмотрѣла на гостя и покачала головой.

— За святыню-то!—опять повторилъ онъ съ тѣмъ же, нервную дрожь возбуждавшимъ въ Перепелкинѣ, смѣхомъ: да вы не изъ вольнодумцевъ ли, батенька?—обратился отецъ Никита къ юношѣ, уставясь на него своими, какъ уголь, черными глазами, игравшими неровнымъ, показывавшимъ сильное раздраженіе, свѣтомъ.

— Нѣтъ, я не изъ вольнодумцевъ,—заговорилъ уже нѣсколько другимъ тономъ, начинавшій терять терпѣніе, особенно подъ вліяніемъ этихъ пытливыхъ взглядовъ, горячій по своему темпераменту юноша: я сужу такъ потому, что ризу не признаю за святыню.

— Э! батенька, —всплеснулъ руками отецъ Никита,—да за это здѣсь, сохрани Богъ узнаютъ, въ крѣпость посадятъ, что вы! что вы!

— Христосъ съ вами!—съ участливымъ испугомъ воззрилась на Перепелкина матушка.

— Но, вѣдь, если по-вашему принимать ризу за святыню, такъ и вамъ не миновать было бы бѣды наравнѣ съ этимъ господиномъ, а при нѣкоторой ловкости его, пожалуй, еще и большей противъ его.

— Какъ это такъ выходитъ по-вашему?—одновременно спросили удивленные супруги, не безъ нѣкотораго замѣшательства посматривая другъ на друга.

— Вамъ бы непремѣнно поставили въ вину то обстоятельство, что вы сами подали поводъ къ профанаціи такого предмета, который вы считаете за святыню, явившись для служенія молебна безъ приглашенія и облачаясь въ ризу наперекоръ требованію хозяина, чтобъ вы этого не дѣлали. Онъ могъ бы при этомъ, въ свое оправданіе, вотъ что сказать: приходитъ, дескать, незнакомый священникъ и собирается молебенъ служить. Я ему говорю, что не надо, а онъ все-таки продолжаетъ одѣваться во что-то, показавшееся мнѣ дотого страннымъ, что я иначе и не могъ назвать его какъ зипуномъ.

— Ну, вотъ тутъ-то онъ бы и попался!—весело уже заговорили супруги.

— И вовсе не попался бы. Вѣдь вы же имѣете полное право крестообразно разрѣзать ликъ святаго, такъ неискусно изображеннаго, что онъ можетъ только смѣхъ возбудить, такъ почему же...

— Да, вы вотъ съ какой точки смотрите,—успокоился, наконецъ, батюшка!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній по управленію С.-Петербургскимъ домомъ предварительнаго заключенія.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ управленіе С.-Петербургскимъ домомъ предварительнаго заключенія, а потому не мудрено, что при воспоминаніи о немъ многое и многое испарилось изъ памяти, но, тѣмъ не менѣе, есть и то, что никогда не забудется. Предполагая, что и бѣглая замѣтка о домѣ можетъ представить нѣкоторый интересъ для читателя, рѣшаюсь подѣлиться съ нимъ своими краткими воспоминаніями и заранѣе прошу извиненія за промахи въ системѣ ихъ изложенія и допущенные комментаріи.

Домъ предварительнаго заключенія, какъ извѣстно читателю, учрежденъ для содержанія лицъ, подвергшихся взятію подъ стражу, во время состоянія подъ слѣдствіемъ и судомъ. Состоитъ онъ изъ двухъ отдѣленій: мужскаго и женскаго, съ одиночными и общими камерами въ каждомъ изъ нихъ; одиночныя изолированныя камеры служатъ для содержанія лицъ исключительно во время слѣдствія, по окончаніи котораго они переводятся въ общія.

Открытіе дома послѣдовало въ 1875 году подъ управленіемъ подполковника Бахмутова, и вслѣдъ затѣмъ стали поступать туда арестанты какъ гражданскіе, такъ и политическіе.

Бахмутовъ, какъ ретивый служака, горячо принялся за сложную и трудную задачу устройства внутренняго порядка въ домѣ и въ теченіе полугода дошелъ до такого нервнаго разстройства, что вынужденъ былъ по болѣзни оставить службу.

Послѣ него, въ январѣ 1876 года, послѣдовало назначеніе меня въ управляющіе домомъ, какъ мнѣ сообщали, по предложенію бывшаго

тогда предсѣдателемъ С.-Петербургскаго окружнаго суда К. (нынѣ сенаторъ), которому я сталъ извѣстенъ по дѣлу о безпорядкахъ среди студентовъ Технологическаго института.

При пріемѣ дома встрѣтилось не мало недоразумѣній, но о нихъ не пришлось распространяться какъ въ виду болѣзненнаго состоянія Бахмутова, такъ и особеннаго къ нему расположенія общаго нашего начальника, градоначальника, генерала Ѳ. Ѳ. Трепова, человѣка грознаго, необычайно энергичнаго, требовательнаго и въ то же время очень доброй души; я, по крайней мѣрѣ, за 12 лѣтъ службы при немъ, не зналъ случая, чтобы кто-либо изъ подчиненныхъ былъ уволенъ со службы безъ вполнѣ уважительной къ тому причины; что же касается излюбленнаго имъ взысканія сажать на гауптвахту, то этотъ обычай сдѣлался настолько обыденнымъ для насъ, что мы считали его скорѣе мѣрою отдохновенія, чѣмъ взысканія, и онъ имѣлъ значеніе лишь для посторонней публики, въ глазахъ которой строгость начальника къ подчиненнымъ есть черта его справедливости.

Вообще генералъ Треповъ былъ любимъ и уважаемъ нами, и, нѣтъ сомнѣнія, оставилъ бы по себѣ болѣе хорошую память, если бы не обладалъ двумя несчастными свойствами: горячностью и вспыльчивостью, пагубно отражавшимися какъ на дѣлѣ, такъ и на немъ самомъ.

Покончивъ съ пріемкой и вступивъ въ управленіе домомъ, прежде всего я началъ знакомиться съ крайне сложною конструкціею его постройки, въ которой, какъ говорили, совмѣщено было все наилучшее, существовавшее тогда въ заграничныхъ тюрьмахъ. И дѣйствительно, при первомъ обзорѣ мною зданія, величина его и всевозможныя въ немъ приспособленія и удобства произвели на меня сильное впечатлѣніе, такъ что я легко повѣрилъ сообщенію своихъ помощниковъ, руководившихъ мною на первыхъ порахъ, о томъ, что имѣется намѣреніе, по причинѣ нѣкоторой сухости воздуха въ зданіи, увлажить его устройствомъ фонтановъ. Впослѣдствіи сообщеніе это оказалось вѣрнымъ. Подобное предложеніе имѣло мѣсто въ засѣданіи «комитета для высшаго завѣдыванія домомъ», гдѣ большинствомъ голосовъ было отвергнуто, какъ кажется, вслѣдствіе явившагося предположенія о могущемъ произойти сильномъ наплывѣ охотниковъ пожить въ подобномъ замкѣ.

По недостатку времени, знакомство мое съ постройкою зданія шло довольно медленно, между тѣмъ незнаніе всѣхъ его премудростей давало себя чувствовать въ нерѣдкихъ случаяхъ весьма сильными нравственными потрясеніями. Такъ, напримѣръ, обходя однажды галлереи одиночныхъ камеръ, я вдругъ услышалъ крики заключенныхъ и въ то же время сталъ ощущать запахъ гари; бросаюсь въ ближайшую камеру и нахожу ее полною дыма, валившаго изъ вентиляціоннаго отвер-

стія. Признаюсь, пережилъ скверныя минуты,—тутъ мнѣ въ перспективѣ представился цѣлый адъ: пожаръ, смѣшеніе заключенныхъ, т. е. полнѣйшее нарушеніе изолированнаго ихъ положенія, затѣмъ побѣги, жертвы огня и, въ концѣ-концовъ, отвѣтственность, да быть можетъ весьма серьезная, потому что время было злое, полное недовѣрій, подозрѣній и сомнѣній. Но, благодаря Бога, всѣ эти ужасы вмѣстѣ съ дымомъ быстро вылетѣли въ тѣ же вентиляціонныя трубы. Весь переполохъ произошелъ отъ причины, не стоющей выѣденнаго яйца: на сосѣднемъ дворѣ, гдѣ помѣщалась, топившаяся въ то время, вентиляціонная печь, истопникъ, выходя зачѣмъ-то изъ помѣщенія, захлопнулъ за собою дверь, вслѣдствіе чего, за остановкою притока воздуха къ огню, въ магистральной трубѣ прекратилась тяга, и дымъ сталъ путешествовать по всѣмъ на пути лежавшимъ отверстіямъ, куда при правильномъ дѣйствіи вентиляціи онъ отнюдь не долженъ заходить.

Во избѣжаніе повторенія подобныхъ случаевъ и какъ бы въ назиданіе строителю, старшій печникъ при домѣ, крестьянинъ Александръ Лукьяновъ, продѣлалъ въ злосчастной двери полуаршинное квадратное отверстіе и этимъ простымъ средствомъ гарантировалъ зданіе вполнѣ и навсегда отъ мнимыхъ пожаровъ.

А вотъ и другой случай, не мало меня затруднившій. Занимаюсь въ канцеляріи, является ко мнѣ дежурный помощникъ и заявляетъ, что водоснабжающая машина чѣмъ-то испортилась, и вода изъ кранова едва течетъ. Отправляюсь къ машинѣ и застаю ее, повидимому, на послѣднемъ издыханіи: пыхтитъ, скрипитъ и почти бездѣйствуетъ. Спрашиваю машиниста: что сталось съ ней? Получаю въ отвѣтъ, что ни онъ, ни машина тутъ ни при чемъ, а что вѣроятно есть посторонняя причина, мѣшающая машинѣ получать воду. Пока доискивались до причины, мнѣ приходилось ломать голову относительно доставленія воды въ домъ. Вопросъ для меня тѣмъ болѣе трудный, что принятыя мною двѣ лошади, которыя могли бы въ данномъ случаѣ оказать нѣкоторую помощь, находились буквально въ полудохломъ состояніи, такъ что одна изъ нихъ спустя недѣлю околѣла, а другую, найденную ветеринаромъ за дряхлостью неспособною къ труду, должны были продать за нѣсколько рублей. Правда, на арестантскомъ дворѣ существовала еще одна машина, бывшая при открытіи дома, но ее пришлось превратить въ запасную, такъ какъ силы ея оказались недостаточными для доставленія необходимаго количества воды, и вынуждены были замѣнить ее новой, болѣе сильной машиной. Вотъ это-та запасная и помогла горю, хотя, конечно, пришлось прекратить отпускъ воды въ бани, ванныя и прачешную.

Причиною бездѣйствія новой машины было засореніе водопроводной трубы, оставленной по непонятной ошибкѣ въ первобытномъ своемъ

состояніи, тогда какъ вновь поставленная машина, для свободнаго дѣйствія, требовала непремѣннаго увеличенія діаметра водопроводной трубы, иначе частыя засоренія послѣдней были неизбѣжны.

Много пережилъ я треволненій, пока не освоился съ зданіемъ, а, освоившись, пришелъ къ заключенію, что оно, во-первыхъ, можетъ быть годно скорѣе подъ пріютъ для схимниковъ, подъ богадѣльню и т. п., но отнюдь только не для лицъ, находящихся подъ слѣдствіемъ, и, во-вторыхъ, что авторъ его постройки—прекрасный техникъ-фантазеръ, но слабый тюрьмовѣдъ, такъ какъ домъ сооруженъ на основаніи чисто теоретическихъ воззрѣній, при полномъ невѣдѣніи типовъ людей преступной категоріи и при совершенномъ игнорированіи существующей разницы между осужденными за преступленіе и находящимися подъ слѣдствіемъ.

О погрѣшностяхъ въ постройкѣ дома мною уже было говорено въ статьѣ «Къ вопросу о постройкѣ тюремъ» [1]); здѣсь же коснусь самаго существеннаго его недостатка, заключающагося въ томъ, что нѣтъ возможности содержать въ немъ заключенныхъ совершенно изолированно, между тѣмъ какъ это—прямое его назначеніе.

Такой недостатокъ особенно вредно отзывается на слѣдственномъ производствѣ въ томъ случаѣ, когда въ домѣ содержатся нѣсколько лицъ по одному дѣлу; въ мое же время почти всѣ одиночныя камеры были заняты людьми, которые имѣли по дѣлу одинъ общій интересъ и которымъ слабыя стороны постройки дома и не замедлили послужить для эксплоатаціи.

Переходя къ заключеннымъ, я о содержавшихся по гражданскимъ дѣламъ распространяться не буду, такъ какъ этотъ сортъ людей никогда не переводился и, болѣе или менѣе, знакомъ каждому, а ограничусь только описаніемъ двухъ характерныхъ типовъ [2]), какъ составляющихъ бытовую келейную сторону тюрьмы, мало кому извѣстную, между тѣмъ какъ знаніе ея имѣетъ первостепенное значеніе для созданія чего-нибудь прочнаго въ системѣ тюремнаго управленія и установленія внутренняго порядка тюремъ на прочную и твердую почву; затѣмъ, закончу инцидентомъ съ палатою каторжныхъ, которые содержались въ домѣ до вступленія приговора о нихъ въ законную силу.

Въ 1877 году въ домъ доставленъ былъ Псковской губерніи, Порховскаго уѣзда крестьянинъ Семенъ Михайловъ (онъ же Гуревичъ) за убійство съ цѣлью грабежа, на Охтѣ, содержателя кассы-ссудъ Рабиновича. На другой день своего заключенія въ одиночной камерѣ, Михайловъ подзываетъ къ себѣ дежурнаго надзирателя и заявляетъ же-

---

[1]) Газета „Минута“ № 135—1881 года.

[2]) Типы эти были напечатаны въ 1880 г. въ прибавленіи къ „Новому Времени“.

ланіе перейти въ другую камеру, такъ какъ настоящая ему почему-то показалась неудобною. Надзиратель отвѣчаетъ, что арестанты не могутъ выбирать помѣщенія, а должны сидѣть въ томъ, которое имъ назначено. Неудовольствіе свое Михайловъ выражаетъ бранью и угрозою надзирателю дорого поплатиться за неисполненіе его желанія. О выходкѣ Михайлова было тотчасъ же сообщено дежурному чиновнику, который, явясь къ нему, счелъ нужнымъ объяснить существующія правила и предупредить, что подобнаго рода поведеніе влечетъ за собой наказаніе. Но объясненія эти, повидимому, нисколько не удовлетворили Михайлова, и онъ сталъ настойчиво требовать немедленнаго приглашенія къ нему управляющаго домомъ. Ему объясняютъ, что нарочно для этого вызывать управляющаго находятъ излишнимъ и, тѣмъ болѣе, что онъ, много черезъ часъ, будетъ обходить тюрьму и тогда, вѣроятно, подойдетъ и къ его камерѣ. Михайловъ отплевывается и бросается на постель. Чиновникъ уходитъ и черезъ нѣкоторое время возвращается со мной. На вопросъ мой, обращенный къ Михайлову, что онъ хочетъ сказать? Михайловъ выражаетъ категорически желаніе перемѣнить камеру.—Для чего?—Мнѣ тутъ неудобно.—Всѣ камеры выстроены одинаково, а потому и удобства вездѣ одни и тѣ же.—Нѣтъ, на той сторонѣ мнѣ будетъ лучше. Подобные отвѣты вызываютъ меня на разъясненіе ихъ неосновательности, на напоминаніе о томъ, что онъ, Михайловъ, находится въ заключеніи, гдѣ долженъ подчиняться извѣстнымъ правиламъ и что въ данномъ случаѣ къ нему снисхожу только ради его недавняго поступленія, но что въ будущемъ такія желанія, какъ составляющія проступокъ, повлекутъ за собой ухудшеніе его положенія. По уходѣ моемъ, Михайловъ ломаетъ въ своей камерѣ газовой рожокъ и водопроводный кранъ, вынуждая такимъ образомъ невольно перемѣнить ему помѣщеніе. Слѣдуетъ распоряженіе посадить его въ карцеръ. Въ карцерѣ ломаетъ онъ лежанку и вырываетъ желѣзную рѣшетку изъ вентиляціоннаго отверстія. Вновь къ нему являюсь, но не съ тѣмъ, чтобы угрозою заставить его смириться [1]), а побесѣдовать съ нимъ и убѣдиться: въ здравомъ ли онъ разсудкѣ или находится подъ вліяніемъ нервнаго раздраженія, являющагося весьма не рѣдко у преступниковъ при пробужденіи въ нихъ совѣсти и при сознаніи преступленія,—они желаютъ чѣмъ бы то ни было какъ можно скорѣе заглушить это чувство. Я нашелъ Михайлова не подходящимъ ни къ тому, ни къ другому случаю, но, не довѣряясь собственному впечатлѣнію, назначаю перевести Михайлова въ лазаретъ, подъ наблюденіе врача. Въ лазаретѣ, рѣзкое до дерзости, поведеніе Михай-

[1]) Въ домѣ самое строгое наказаніе—карцеръ, и если оно оказывается недѣйствительнымъ, то угрозамъ нѣтъ мѣста, и всякое застращиваніе тогда было бы смѣшнымъ, а не грознымъ.

лова вынуждаетъ весьма осторожнаго врача провѣрить свое мнѣніе частнымъ образомъ, чрезъ знакомаго психіатра, и оба приходятъ къ убѣжденію, что Михайловъ совершенно здоровъ, но въ высшей степени злостнаго нрава. Тогда я вызываю его къ себѣ и, наединѣ, стараюсь вразумить и дать понять, что подобнаго рода поведеніе нисколько не улучшитъ его положенія, а скорѣе вызоветъ, по отношенію къ нему, какія-нибудь особыя мѣры со стороны высшей власти. Въ предположеніи, что арестантъ, понявъ высказанное, быть можетъ, успокоится, я сажаю его въ камеру.

На слѣдующій день, во время раздачи пищи заключеннымъ, Михайловъ, видя передъ собою надзирателя, заявляетъ свое намѣреніе выйти погулять. Опытный надзиратель, привыкшій ко всевозможнымъ эксцентричностямъ заключенныхъ, весьма спокойно отвѣчаетъ, что для прогулокъ теперь не время и что каждый изъ заключенныхъ выводится, согласно росписанію, въ опредѣленные часы и въ свою очередь. Едва онъ успѣлъ окончить эту фразу, какъ полетѣла въ него миска со щами, брошенная Михайловымъ. По моему распоряженію Михайлову назначается шести-суточное заключеніе въ темномъ карцерѣ. Исполненіе этого распоряженія представляетъ для дежурнаго чиновника не легкую задачу: добровольно идти въ карцеръ Михайловъ отказывается, и, вооружившись оторваннымъ отъ стѣны желѣзнымъ сидѣньемъ, грозитъ имъ убить перваго, кто войдетъ въ его камеру. Повременить приведеніемъ наказанія въ исполненіе не представлялось основательнымъ, такъ какъ арестантъ не принадлежалъ къ числу такихъ натуръ, которыя временемъ волнуются и затѣмъ успокоиваются, и, слѣдовательно, промедленіе наказанія въ глазахъ его умалило бы только значеніе власти; выжидать ночи и взять Михайлова во время сна—тогда отъ шума нарушилось бы спокойствіе другихъ арестованныхъ и явилось бы общее неудовольствіе. Поэтому необходимо было прибѣгнуть къ силѣ, для чего созвали 6 человѣкъ надзирателей, изъ которыхъ первые двое, держа передъ собою тюфяки, набросились на Михайлова, прижали его къ стѣнѣ и, при помощи другихъ надзирателей, конечно не безъ шума, перенесли его въ карцеръ, въ которомъ кромѣ голыхъ оштукатуренныхъ каменныхъ стѣнъ и дубовыхъ дверей, обитыхъ желѣзною бронею, другаго ничего не было. У карцера опять-таки представилось немалое затрудненіе — какъ арестанта туда помѣстить?

Втолкнуть и захлопнуть двери, — но тогда легко было прищемить ему руки или ушибить его; внести связаннаго веревками и, пока онъ будетъ распутываться, закрыть двери—тоже не хорошо, такъ какъ веревки остались бы у него въ рукахъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ результатъ одинъ—отвѣтственность для меня, потому не-

обходимо было изыскать особаго рода средство. Найденное средство [1]) побороло препятствіе, и Михайловъ сидѣлъ въ карцерѣ совершенно здоровымъ. Первое время онъ страшно кричалъ и стучалъ, но затѣмъ утихъ и тѣмъ навелъ сомнѣніе — все ли въ карцерѣ обстоитъ благополучно. Стали прислушиваться и убѣдились, что Михайловъ принялся за работу, свойственную только такимъ типичнымъ личностямъ, какъ онъ. Работа его заключалась въ разборкѣ стѣны, почти аршинной толщины, гдѣ онъ готовилъ отверстіе около $^3/_4$ аршина въ діаметрѣ, и на половинѣ своей работы уснулъ. Тогда воспользовались временемъ и, быстро войдя въ карцеръ, схватили арестанта и привели въ пріемную комнату, гдѣ онъ и находился подъ наблюденіемъ 3-хъ обладающихъ физическою силою надзирателей, до перевода въ Литовскій замокъ. Переводъ этотъ послѣдовалъ весьма скоро, несмотря на неоконченное слѣдствіе, по особому моему ходатайству, вслѣдствіе исключительныхъ характерныхъ свойствъ Михайлова, не допускавшихъ возможности содержать его въ домѣ предварительнаго заключенія. Въ Литовскомъ замкѣ, т. е. въ арестантскихъ ротахъ, Михайловъ нисколько не угомонился и также буйствовалъ, не разъ вынуждалъ смотрителя обращаться къ начальствующимъ лицамъ съ заявленіями о его проступкахъ, но, къ сожалѣнію, въ виду не имѣлось средствъ заставить Михайлова смириться и пришлось ограничиться учрежденіемъ усиленнаго надзора и, по возможности, не обращать вниманіе на его продѣлки. 20-го іюня 1877 года Михайлова выслали черезъ пересыльную тюрьму въ Сибирь на каторжныя работы.

Михайловъ, конечно, типъ выдѣляющійся, составляющій исключеніе, но ни одна тюрьма отъ него не гарантирована; въ каждой изъ нихъ всегда найдется не малое число лицъ, болѣе или менѣе близко подходящихъ къ Михайлову, что́ въ результатѣ даетъ совершенную невозможность администраціи держаться какой-либо однообразной системы въ порядкѣ управленія, особенно если принять во вниманіе пагубное вліяніе подобныхъ личностей на остальныхъ заключенныхъ. Является вопросъ: какъ обращаться съ подобными испорченными личностями, вѣдь необходимо пресѣчь имъ возможность вліять на другихъ, а какъ этого достигнуть?

Лица, подобныя Михайлову, хотя и принадлежатъ къ одному изъ самыхъ злостныхъ и опасныхъ арестантскихъ типовъ, тѣмъ не менѣе имѣютъ ту хорошую сторону, что нравъ ихъ обозначается тотчасъ же, и потому представляется возможность учредить за ними особый надзоръ и принять своевременно мѣры предосторожности, но есть и такія

[1]) Помощникъ мой обѣщалъ Михайлову отъ себя записать на квитанцію 50 коп.

лица, которыя по первоначальному своему поведенію не подаютъ никакихъ признаковъ своей опасности, между тѣмъ временами бываютъ опаснѣе Михайловыхъ, такъ какъ обладаютъ способностью сдерживать проявленіе своихъ бурныхъ страстей до послѣдней крайности, и когда взрывъ у нихъ становится неизбѣжнымъ, то достаточно самаго малѣйшаго случая, напр., простаго боя часовъ, чтобъ произвести крайнее раздраженіе въ подобныхъ лицахъ. Тогда единственнымъ средствомъ избѣгнуть печальныхъ послѣдствій бываетъ предоставленіе разсвирѣпѣвшему человѣку «уходиться» надъ сокрушеніемъ всего окружающаго, и какъ бы ни былъ великъ ущербъ отъ дѣйствій такой натуры, но во всякомъ случаѣ онъ будетъ менѣе при невмѣшательствѣ административнаго надзора, чѣмъ наоборотъ. Къ подобнымъ типамъ принадлежалъ нѣкто Евдокимъ Шишкинъ, поступившій въ домъ предварительнаго заключенія въ концѣ 1876 года за бродяжничество, оказавшійся впослѣдствіи бѣглымъ изъ Сибири, куда былъ сосланъ, какъ ходила молва по тюрьмѣ, за совершеніе нѣсколькихъ убійствъ. По наружному виду, Шишкинъ принадлежалъ къ замѣчательнымъ типамъ: смуглое лицо, наморщенныя брови, постоянно вытягивающіяся губы съ какимъ-то намекомъ на улыбку (но улыбку самую злую), короткіе щетинистые волосы, какъ будто выросшіе послѣ недавняго бритья головы, съ бѣльмомъ на глазу, довольно высокаго роста, коренастый, всегда угрюмый и въ высшей степени не разговорчивый. Во время прогулокъ наружность Шишкина не допускала никого изъ арестантовъ начинать съ нимъ разговоръ. Не сходясь ни съ кѣмъ изъ нихъ, онъ въ то же время безупречнымъ выполненіемъ установленныхъ правилъ какъ бы давалъ понять и администраціи желаніе свое держаться отъ нея вдалекѣ и, вѣроятно, на этомъ же основаніи весьма рѣдко отвѣчалъ на неизбѣжные вопросы надзирателей, которые, ознакомившись съ его натурою, ни съ чѣмъ уже болѣе не обращались къ нему. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и Шишкина какъ будто не существовало въ домѣ. Но вотъ однажды, въ довольно морозный вечеръ, по галереямъ одиночныхъ камеръ, раздается страшный трескъ у Шишкина, дежурные бросаются къ нему и сейчасъ же выходятъ изъ камеры, захлопывая двери, такъ какъ Шишкинъ завывающимъ голосомъ кричитъ: убью, убью! Являюсь я и, слыша ужасающій трескъ и стукъ, не нахожу возможнымъ въ данный моментъ предпринять что-либо противъ Шишкина и предоставляю успокоиться ему самому. Проходитъ около часу времени, и въ камерѣ Шишкина стало тихо. Въ теченіе всей ночи онъ безпрестанно то ложился на полъ, среди всевозможныхъ обломковъ, то вставалъ и, немного походя, опять бросался на полъ, находясь все время безъ платья, несмотря на то, что въ его камерѣ рамы уже не существовало и едва-ли былъ градусъ тепла. Затѣмъ, въ

9-мъ часу утра, онъ надѣлъ на себя одежду и сдѣлался видимо сосредоточеннѣе. Весь день пробылъ онъ безъ пищи и не давалъ отвѣтовъ на вопросы; вечеромъ Шишкинъ заявилъ, что ему холодно, и его тотчасъ же перевели въ другую камеру, гдѣ онъ крѣпко проспалъ до слѣдующаго дня, въ который былъ вызванъ ко мнѣ на объясненіе. Терпѣливо слушая меня, Шишкинъ ни въ чемъ не возражалъ и ни на что не отвѣчалъ, ограничившись одною фразою, что если его посадятъ въ карцеръ, то отъ этого никому лучше не будетъ. Но въ карцеръ онъ, конечно, посаженъ не былъ; его помѣстили въ камеру, гдѣ онъ просидѣлъ остальное время своего заключенія, не заявляя о себѣ ничѣмъ.

По осмотрѣ камеры, въ которой Шишкинъ буйствовалъ, всѣ предметы, сдѣланные изъ прочнаго толстаго желѣза, оказались поломанными, не исключая и 4-хъ пудовой двойной желѣзной рамы, вырванной съ мѣста и изуродованной въ такой степени, что исправленіе ея было немыслимо. Вообще поломка представлялась настолько необыкновенной, что я счелъ нужнымъ камеру нѣкоторое время не исправлять, чтобы дать возможность интересующимся убѣдиться собственными глазами, до какихъ гигантскихъ размѣровъ можетъ доходить арестантская сила при появленіи въ человѣкѣ порыва страсти.

Конечно, не все хорошее за границею удобопримѣнимо на нашей почвѣ, но по отношенію, по крайней мѣрѣ, укрощенія непокорныхъ арестантовъ не мѣшало бы взять примѣръ съ заграничныхъ тюремъ, хотя бы съ исправительныхъ американскихъ или швейцарскихъ, гдѣ порядокъ почти идеальный, именно потому, что противъ каждаго безпорядка есть свои мѣры, — начиная съ выговора и кончая смертью арестанта. Въ примѣненіи мѣръ начальникъ пользуется полною свободою и за послѣдствія отвѣчаетъ только передъ Господомъ Богомъ. Никто ему не можетъ мѣшать и никто не имѣетъ права переступить порога тюрьмы безъ его разрѣшенія.

Правда, на должности директоровъ тюремъ назначаются тамъ лица по выбору общества, которому они хорошо извѣстны своими нравственными качествами, но что же препятствуетъ у насъ правительству назначать подобныхъ личностей?..

При нормальныхъ порядкахъ въ тюрьмахъ, нѣтъ сомнѣнія, что люди и съ высокообразовательнымъ цензомъ не откажутся служить въ нихъ, что́ было бы особенно желательно, такъ какъ для перевоспитанія порочнаго человѣка требуется очень и очень много отъ лица, стоящаго во главѣ дѣла.

Какъ на образецъ, заслуживающій подражанія, я могу указать на швейцарскую каторжную тюрьму въ Лозаннѣ, гдѣ при безупречномъ порядкѣ содержатся 350 человѣкъ, при штатѣ служащихъ всего только въ 10 человѣкъ: начальникъ, его помощникъ и 8 жандармовъ, изъ

коихъ шестеро постоянно находятся при исполненіи своихъ обязанностей, а двое въ очередь отдыхаютъ.

Читая описанія различныхъ заграничныхъ тюремъ и имѣя свѣдѣнія, записанныя моими знакомыми, въ бытность ихъ за границею, со словъ нѣкоторыхъ директоровъ тюремъ, а также и изъ собственнаго опыта, я пришелъ къ тому заключенію, что нравственное вліяніе въ тюрьмѣ начальникъ, главнымъ образомъ, получаетъ тогда, когда арестантъ сознаетъ, что за спиною у начальника есть въ резервѣ такая сила, которую ему, арестанту, не преодолѣть, несмотря ни на какія ухищренія, и потому, чтобы не ухудшать своего положенія, онъ невольно подчиняется требованіямъ власти и установленнымъ тюремнымъ порядкамъ.

Инцидентъ съ каторжниками состоялъ въ слѣдующемъ.

Одинъ изъ 18 человѣкъ, содержавшихся въ каторжной палатѣ, вздумалъ, ради шалости, отвертывать у люстры газовые рожки и гнуть газопроводную трубку, не обращая никакого вниманія на замѣчанія надзирателя. Надзиратель пожаловался дежурному помощнику; послѣдній, разобравъ въ чемъ дѣло и убѣдившись въ виновности арестанта, приказалъ ему слѣдовать за собой, чтобы посадить его въ карцеръ. Тогда остальные 17 человѣкъ заявили, что товарища не выдадутъ.

Объ обстоятельствѣ этомъ помощникъ доложилъ мнѣ.

Дѣло предстояло мнѣ крайне непріятное: вразумлять людей почти отпѣтыхъ, которымъ терять нечего. Но какъ бы тамъ ни было,—являюсь къ нимъ въ камеру, по обыкновенію одинъ, безъ провожатыхъ. Объясняю всю безразсудность ихъ проступка, могущаго имѣть печальныя для нихъ послѣдствія, и заканчиваю приказаніемъ виновному въ порчѣ люстры идти въ карцеръ. Послѣдній ни съ мѣста, и всѣ молчатъ; когда я повторилъ свое приказаніе, то камера загалдѣла и заявила мнѣ то же, что и помощнику, т. е., что товарища не допустятъ посадить въ карцеръ.

Видя ихъ озвѣрѣлыя лица и возбужденное состояніе, которое въ извѣстный моментъ можетъ быть весьма опаснымъ, но превращается иногда въ совершенное ничто, когда людямъ дать остыть и успокоиться, я приблизительно сказалъ слѣдующее: не желая зла кому бы то ни было, я даю вамъ срокъ одуматься до завтрашняго утра. Посадить вашего товарища въ карцеръ я могъ бы сейчасъ, стоитъ только вызвать караулъ, но тогда вы уже всѣ будете подлежать наказанію, а въ вашемъ положеніи оно не можетъ быть легкимъ... и изъ-за чего?.. Требованіе мое справедливое, а справедливость свято чтится и на далекой каторгѣ. Я убѣжденъ, что между вами найдутся настолько благоразумные, которые поймутъ, что изъ пустяковъ поднимать серьезную исторію смысла нѣтъ. Затѣмъ я вышелъ изъ камеры, приказавъ помощнику и надзирателю,

ожидавшимъ меня въ корридорѣ, отнюдь не вступать ни въ какіе разговоры съ камерой до слѣдующаго утра и тотчасъ же дать знать механику, чтобы исправилъ люстру.

На слѣдующій день, рано утромъ, мнѣ докладываютъ, что камера каторжныхъ желаетъ меня видѣть. Прихожу. Всѣ, какъ одинъ, приносятъ мнѣ повинную и заявляютъ, что виноватый ихъ товарищъ готовъ идти сейчасъ въ карцеръ. Тогда я говорю, что мнѣ важнѣе всего ихъ сознаніе въ собственной винѣ, и что теперь я не нахожу нужнымъ и ихъ товарища сажать въ карцеръ, въ надеждѣ, что подобнаго впередъ не повторится. Меня поблагодарили, и съ тѣмъ я вышелъ отъ нихъ.

Послѣ этого случая, я до самаго конца своего пребыванія управляющимъ никакихъ непріятностей съ камерою каторжныхъ не имѣлъ.

Если мнѣ скажутъ, что при такомъ моемъ отношеніи къ арестантамъ другаго исхода, въ данномъ случаѣ, и быть не могло, то это будетъ большой ошибкой, именно, потому, что исходъ здѣсь зависѣлъ, вполнѣ, отъ состава арестантовъ,—найдись между ними Михайловы,—исходъ, навѣрное, былъ бы печальный, но, къ моему счастью, среди ихъ, быть можетъ, были Шишкины, а не Михайловы, и потому исходъ вышелъ благополучнымъ.

Переходя теперь къ политическимъ заключеннымъ, предварительно, долженъ замѣтить, что испытанныя до сихъ поръ треволненія были только, какъ говорится, цвѣточками, а сладость ягодокъ приходилось вкушать при познаваніи этой категоріи узниковъ и, не менѣе того, окружавшей меня безчисленной власти, благодаря которой я, несмотря на любовь къ дѣлу, вынужденъ былъ неоднократно проситься объ увольненіи меня отъ занимаемой должности, чего, однако, добился не ранѣе, какъ по окончаніи процессовъ: «ста девяноста трехъ», бунтарей на Казанской площади и Вѣры Засуличъ.

Всѣхъ содержавшихся по политическимъ дѣламъ, въ бытность мою управляющимъ домомъ, было постоянно отъ 180 до 200 человѣкъ; изъ нихъ двѣ трети принадлежали къ группѣ привлеченныхъ по дѣлу, такъ называемому «ста девяносто трехъ», а остальные по разнымъ другимъ.

Между ними были всевозможныя жертвы: и злаго рока судьбы, и недозрѣлости, и фанатизма, и закоренѣлости убѣжденій, словомъ сказать, тутъ были всякіе—и такіе, на содержаніе которыхъ не слѣдовало тратиться, и такіе, которыхъ не стоило содержать; но во всякомъ случаѣ, содержать кого бы то ни было изъ нихъ въ одиночномъ заключеніи долгое время, иногда нѣсколько лѣтъ, подъ слѣдствіемъ—значило идти въ разрѣзъ духу установившагося у насъ суда, суда скораго и праваго.

Сто тридцать человѣкъ, принадлежавшихъ къ дѣлу «193», до поступленія въ домъ, содержались въ одиночномъ заключеніи при поли-

цейскихъ частяхъ въ разныхъ городахъ по году, по два и даже болѣе; дѣло ихъ окончилось судебнымъ производствомъ въ январѣ 1878 года, и того, значитъ, одни просидѣли въ одиночномъ заключеніи болѣе трехъ лѣтъ, другіе болѣе четырехъ.

Столь продолжительное сидѣніе въ одиночномъ заключеніи подъ слѣдствіемъ невольно возбуждаетъ желаніе разъяснить себѣ категорически: что же такое одиночное заключеніе и слѣдствіе?.. Я, по крайней мѣрѣ, по наблюденіямъ, пришелъ къ слѣдующему выводу.

Одиночное заключеніе, прежде всего, надо сказать, бываетъ строгое и нестрогое. Строгое заключеніе есть такое положеніе для человѣка, когда онъ содержится одинокимъ въ запертомъ помѣщеніи, лишенъ возможности сообщаться и видѣться съ кѣмъ бы то ни было, и единственнымъ развлеченіемъ ему служатъ книги тюремной библіотеки, преимущественно религіознаго содержанія. Не строгое—имѣетъ разныя степени, смотря по допускаемымъ въ немъ льготамъ.

Каждый попадающій въ строго-одиночное заключеніе сидитъ первое время, относительно, спокойно, потому, что руководствуется своимъ умомъ, убѣждающимъ его въ необходимости покориться обстоятельствамъ. Продолжительность этого относительнаго спокойствія зависитъ, безусловно, отъ нравственныхъ и физическихъ качествъ человѣка: чѣмъ сильнѣе и грубѣе натура, тѣмъ длиннѣе срокъ спокойствія, и, наоборотъ, но, во всякомъ случаѣ, результатъ для всѣхъ одинъ,—преждевременная могила. Опредѣлить maximum того времени, сколько, именно, человѣкъ можетъ просидѣть въ строго-одиночномъ заключеніи, безъ вредныхъ послѣдствій для своего организма—весьма трудно; по мнѣнію же нѣкоторыхъ ученыхъ [1]), таковой не превышаетъ 11 мѣсяцевъ. Не предрѣшая справедливости подобнаго мнѣнія, можно, во всякомъ случаѣ, смѣло утверждать, что этотъ maximum, для какой бы то ни было натуры, не можетъ идти далѣе двухъ лѣтъ, а затѣмъ наступаетъ періодъ упадка физическихъ силъ и ослабленіе разсудка, и, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе у заключеннаго разыгрываются всевозможныя фантазіи, дѣйствія становятся болѣе эксцентричными и, въ концѣ-концовъ, происходитъ борьба всѣхъ органическихъ недуговъ съ необходимостью оставаться въ созерцаніи четырехъ стѣнъ. Борьба эта, по наружнымъ признакамъ, проявляется различно, у иныхъ только въ выраженіи лица, у другихъ же всѣ недуги попорченнаго организма выходятъ наружу, и страданія тогда обозначаются уже въ явственной борьбѣ съ окружающею обстановкой. Какъ тѣ, такъ и другіе виды борьбы, усиливаясь въ своихъ симптомахъ,

---

[1]) Брошюра одного изъ нихъ, фамиліи котораго не помню, представлена была мною въ департаментъ полиціи исполнительной м. в. д.

дятся до извѣстнаго предѣла, за которымъ слѣдуютъ трагическіе исходы—смерть отъ чахотки или сумасшествіе.

Мимолетный обозрѣватель одиночно-заключенныхъ, въ періодъ борьбы послѣднихъ съ окружающею обстановкой, выноситъ сплошь и рядомъ крайне превратное понятіе о нихъ, потому что по спокойно сидящимъ онъ предполагаетъ о возможности безконечнаго сидѣнія въ одиночномъ заключеніи, а дѣйствія безпокойныхъ легко приписываетъ ихъ капризамъ, дерзкой натурѣ, невѣжеству и т. п., что происходитъ исключительно вслѣдствіе непониманія психической стороны человѣка.

Въ мое время посѣтителей такихъ было много; находились и вздыхатели, но большинство изъ нихъ, какъ я убѣдился впослѣдствіи, вздыхали по привычкѣ и безразлично какъ по сидящему дьяволу въ образѣ человѣка, такъ и по жертвѣ, невинно-попавшей въ когти заключенія.

Сколько бы ни говорить о строго-одиночномъ заключеніи, а въ результатѣ все-таки будетъ тотъ итогъ, что оно составляетъ наказаніе, которое принимаетъ ужасающіе размѣры, по мѣрѣ продолжительности своего срока, и становится тогда хуже всякихъ каторжныхъ работъ; потому что на послѣднихъ человѣкъ, находясь въ сообщничествѣ и въ развлеченіи трудомъ, теряетъ силы медленнѣе и менѣе сознательно приближается къ концу своего существованія.

Всѣ содержавшіеся въ домѣ по политическимъ дѣламъ считались подвергнутыми строго-одиночному заключенію, которое если не имѣло особенно гибельныхъ послѣдствій, то только потому, что содержавшіеся нашли возможность сообщаться между собой, и имъ стали предоставляться разныя льготы.

Теперь перейду къ слѣдствію.

Слѣдствіе есть не что иное, какъ провѣрка и дополненіе данныхъ, служащихъ къ обвиненію извѣстнаго лица, т. е. такое по отношенію къ нему предварительное дѣйствіе, которымъ имѣется исключительная цѣль узнать—виновно оно, или нѣтъ. Слѣдовательно, о наказаніи тутъ и рѣчи быть не можетъ. Чтобы лишить возможности привлеченнаго къ слѣдствію скрыть слѣды преступленія или помѣшать ихъ обнаруженію, необходимость заставляетъ весьма часто прибѣгать къ содержанію его въ изолированномъ положеніи, т. е. въ заключеніи, но это заключеніе, какъ мѣра не карательная, должно приводиться въ исполненіе такъ, чтобы и подслѣдственный смотрѣлъ на принятую противъ него мѣру какъ на неизбѣжную необходимость, а не наказаніе, и потому, по возможности, не слѣдуетъ его лишать тѣхъ прерогативъ, которыми онъ пользовался на свободѣ. Затѣмъ, когда слѣдователь находитъ возможнымъ разрѣшать ему свиданіе съ родственниками, или знакомыми, то, разумѣется, надобность въ изолированномъ положеніи заключеннаго прекращается, такъ какъ de facto его уже не существуетъ.

Взглядъ этотъ на одиночное заключеніе и слѣдствіе, быть можетъ, раздѣляли и тогдашніе слѣдователи, товарищи прокурора Ж. и Ш., ведшіе дѣла «193», подъ непосредственнымъ наблюденіемъ прокурора саратовской судебной палаты Ж., на которыхъ сыпались со всѣхъ сторонъ обвиненія за медлительность слѣдствія, но были ли они въ томъ повинны?!... Я полагаю, что нѣтъ, такъ какъ дѣло было новое, чрезвычайно сложное, путаное, и приходилось собирать справки съ разныхъ концовъ Россійской Имперіи, на что требовалось, конечно, много и много времени.

Объясняя мотивы къ оправданію долго длившагося слѣдствія, я, въ то же время, не могу понять очень многихъ распоряженій и отказовъ на совершенно пустыя просьбы возбужденныхъ до послѣдней степени заключенныхъ. А эти распоряженія и отказы если и шли помимо гг. слѣдователей, то все-таки едва-ли они были тутъ правы, такъ какъ хорошо знали положеніе содержавшихся и, ведя долго слѣдствіе, казалось бы, должны были содѣйствовать къ успокоенію заключенныхъ и не допускать поводовъ къ большему ихъ раздраженію.

Впрочемъ, мои недоразумѣнія яснѣе будутъ видны въ ниже сказанномъ.

Во избѣжаніе сообщенія между собой политическихъ, первоначально предполагалось содержать ихъ не ближе другъ къ другу, какъ черезъ камеру, но для такого размѣщенія, во-первыхъ, не хватало камеръ, а во-вторыхъ, было и безполезно, потому что сообщеніе оказалось возможнымъ не только черезъ камеру, но и десятки ихъ, посредствомъ проведенныхъ трубъ въ стѣнахъ и превосходнаго устройства дома въ акустическомъ отношеніи, и потому пришлось содержать ихъ въ камерахъ смежныхъ.

Трубы, вентиляціи и ватерклозеты служили имъ самымъ простымъ способомъ для разговоровъ; стѣны же, потолки, подоконники и полы представляли болѣе сложное средство для обмѣна мыслей, именно, помощью стука, похожаго на тотъ, какой происходитъ при передачѣ депешъ на телеграфныхъ аппаратахъ. Этотъ послѣдній способъ, ключъ котораго составлялъ секретъ для администраціи, употреблялся заключенными, преимущественно, въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь шла у нихъ о такихъ предметахъ, о которыхъ не надо было вѣдать администраціи. Система подобнаго телеграфнаго сообщенія заключалась въ слѣдующемъ. Всѣ одиночныя камеры, расположенныя по тремъ фасамъ зданія, въ шести этажахъ, раздѣлялись на пять раіоновъ; въ центральномъ раіонѣ, находившемся въ среднемъ фасѣ, помѣщалась главная телеграфная станція у одного изъ лицъ, пользовавшагося нѣкоторымъ вѣсомъ среди заключенныхъ; въ другихъ двухъ фасахъ находились четыре второстепенныя станціи, расположенныя съ такимъ разсчетомъ, чтобы по воз-

можности быть въ центрѣ своего раіона. Каждый, желавшій поговорить съ кѣмъ-либо изъ товарищей, далеко сидящихъ, обращался къ посредству на пути стоявшихъ станцій, такъ, напримѣръ, чтобы говорить изъ первой камеры нижняго этажа, съ сидящимъ въ послѣдней камерѣ шестаго этажа,—необходимо было прибѣгать къ помощи трехъ станцій: двухъ второстепенныхъ и главной. Всѣ возбуждавшіеся вопросы, которые касались общаго интереса, прежде всего поступали на главную станцію, гдѣ они обсуждались, и если заслуживали принятія къ свѣдѣнію или исполненію, то передавались черезъ второстепенныя станціи, во всѣ №№ одиночныхъ камеръ. Быстрота сообщенія тутъ была неимовѣрная,—достаточно было нѣсколькихъ минутъ, чтобы сущность новости была бы достояніемъ всѣхъ одиночно-заключенныхъ.

Работа на станціяхъ, какъ требовавшая постояннаго бодрствованія, была, конечно, утомительна, вслѣдствіе чего станціи содержались заключенными поочередно, но угадать, у кого именно,—не представлялось возможнымъ, потому что стукъ былъ общій и отличительныхъ признаковъ, въ станціонныхъ камерахъ, никакихъ не имѣлось.

О существованіи свѣти телеграфныхъ станцій заключенные высказывались смѣло, не стѣсняясь ни передъ кѣмъ, но строго только держали въ секретѣ мѣсто ихъ нахожденія и телеграфный ключъ.

Шумъ, происходившій отъ стука и разговоровъ, походилъ на какой-то отдаленный гулъ, который при общей гармоніи порядка не могъ не обращать вниманія посѣтителя и, конечно, составлялъ своеобразный безпорядокъ, но могъ ли онъ не существовать?... Нѣтъ, не могъ, потому что люди слишкомъ долго содержались въ одиночномъ заключеніи, при полной неизвѣстности, когда будетъ конецъ ихъ дѣлу, не говоря уже о томъ, каковъ онъ будетъ. Правда, при домѣ находился товарищъ прокурора, завѣдывавшій дѣлами всѣхъ вообще заключенныхъ и обязанный, по желанію послѣднихъ, доставлять свѣдѣнія о положеніи ихъ дѣла, но это касалось только гражданскихъ, а о политическихъ наводить справки онъ лишенъ былъ всякаго права.

Обращались политическіе и къ другимъ лицамъ власть имущимъ какъ письменно, такъ и словесно за разъясненіемъ своего положенія, но все оказывалось безуспѣшнымъ: тѣ, которые не вели ихъ дѣла, предлагали обращаться къ слѣдователямъ, а слѣдователи на прошенія и заявленія не находили возможнымъ отвѣчать, ибо были страшно заняты работой. Чтобы добиться, наконецъ, какой-нибудь ясности въ своемъ дѣлѣ, заключенные сговорились подать прошенія и заявленія огуломъ ко всѣмъ, къ кому только можно было обращаться. Стали сыпаться просьбы на имя министра юстиціи, шефа жандармовъ, прокурора судебной палаты, слѣдователей, градоначальника и др., всѣ на одну тему о разъясненіи дѣла, и нѣкоторыя не безъ рѣзкостей.

Подобный поступокъ со стороны заключенныхъ сочтенъ былъ за демонстрацію, неповиновеніе и проявленіе дерзкой натуры, а потому, вѣроятно, и просьбы ихъ оставались безъ удовлетворенія; тѣмъ не менѣе, какъ бы для успокоенія умовъ, послѣдовало распоряженіе о прикомандированіи къ дому шестерыхъ товарищей прокурора для ежедневнаго, по-очереди, посѣщенія его, съ цѣлью непосредственнаго принятія отъ заключенныхъ просьбъ и заявленій и производства дознаній и разъясненій по подаваемымъ имъ жалобамъ.

Положеніе въ домѣ этихъ новичковъ товарищей прокурора было далеко незавидное, и въ нѣкоторой степени даже хуже моего, такъ какъ я, какъ обстрѣлявшійся и свыкшійся со всякаго рода волненіями, не такъ близко принималъ къ сердцу всѣ встрѣчавшіяся непріятности, они же, незнакомые ни съ условіями, при которыхъ домъ существовалъ, ни съ заключенными, ни съ дѣломъ ихъ, на каждомъ шагу оскорблялись, самолюбіе ихъ постоянно страдало, наталкивались они при томъ на непоборимыя препятствія къ продолженію своей роли, какъ легальныхъ представителей. Посѣщенія ими одиночно-заключенныхъ происходили почти всегда въ моемъ присутствіи, которое, нисколько не стѣсняя заключенныхъ, приносило ту пользу, что личнымъ разъясненіемъ встрѣчавшихся недоразумѣній являлась возможность избѣгать излишней переписки.

Чтобы представить характеристику этихъ посѣщеній, достаточно разсказать про нѣкоторыя изъ нихъ.

Очередной товарищъ прокурора, съ бумагою и карандашомъ въ рукахъ, входитъ со мною въ одиночную камеру и, обращаясь къ заключенному, спрашиваетъ:—не имѣете ли что заявить мнѣ? я товарищъ прокурора!—Имѣю, отвѣчаетъ заключенный.—Что же именно?—Да вотъ что: я въ заключеніи четвертый годъ по недоразумѣнію, такъ полезно было бы знать, въ какомъ положеніи находится мое дѣло. Товарищъ прокурора записываетъ, обѣщаетъ навести справку (завѣдомо говоритъ неправду, потому что сознаетъ, что справки этой ему нигдѣ не навести) и выходитъ. Обходя послѣдующія камеры и варьируя сущность одного и того же вопроса, онъ получаетъ и отвѣты по существу одни и тѣ же, но тоже съ разными варіантами и при томъ въ рѣзкой формѣ.

Понятно, что выслушивать подобныя вещи было весьма прискорбно, тѣмъ болѣе, что о преслѣдованіи за рѣзкость ихъ и помину быть не могло, чтобы не усложнять и безъ того запутаннаго дѣла—это, съ одной стороны, съ другой же и чувство безпристрастнаго сознанія говорило, что оскорбляться тутъ неумѣстно, такъ какъ отвѣты давались не голосомъ разсудка, а голосомъ больной души психически страдавшихъ людей; да къ тому же, вопросы товарищей прокурора въ данномъ слу-

чаѣ развѣ не служили сами по себѣ поводомъ къ рѣзкимъ отвѣтамъ?.. вѣдь постоянно спрашивать и спрашивать у больнаго, гдѣ болитъ, и нисколько не помогать, когда тотъ опредѣленно указываетъ больное мѣсто, развѣ не походитъ на издѣвательство или насмѣшку?..

Конечно, безцѣльныя прокурорскія предложенія только озлобляли заключенныхъ, что очень хорошо понимали и сами товарищи прокурора, положеніе которыхъ становилось особенно неловкимъ, когда заключенные, въ свою очередь, начали штурмовать ихъ вопросами чисто юридическаго свойства, на которые приходилось молчать, потому что нечѣмъ было возражать. Такъ, напримѣръ, спрашивалось: имѣютъ ли право содержащемуся четыре года подъ арестомъ не отвѣчать на вопросъ о разъясненіи причинъ, послужившихъ къ его заарестованію? Имѣютъ ли право оставлять безъ послѣдствій прошеніе арестанта, въ которомъ онъ выражаетъ желаніе узнать, въ какомъ положеніи находится его дѣло? Имѣютъ ли право, вопреки § 2 инструкціи по дому предварительнаго заключенія, лишать заключеннаго возможности подышать свѣжимъ воздухомъ, ибо существующія прогулки черезъ 3—4 дня, по 5—6 минутъ, отнюдь не могутъ считаться удовлетвореніемъ этой насущной потребности, особенно для человѣка, сидящаго нѣсколько лѣтъ въ заключеніи? и т. д.

Все это довело положеніе товарищей прокурора до того, что они, не выждавъ распоряженія объ отмѣнѣ своихъ дежурствъ, прекратили хожденіе въ домъ.

Спустя нѣкоторое время, взамѣнъ ихъ назначенъ былъ одинъ постоянный, хорошо понимавшій состояніе дома, именно тотъ, который и прежде состоялъ при немъ. Дѣла пошли нѣсколько спокойнѣе, по крайней мѣрѣ въ значительной степени сократились причины, вызывавшія раздраженіе заключенныхъ. Къ сожалѣнію, спокойствіе это длилось не долго.

По вручении заключеннымъ обвинительнаго акта, что означало законченность слѣдствія и переходъ дѣла въ судъ, они, на основаніи существующихъ правилъ, обратились съ просьбою о перемѣщеніи себя въ общія камеры и о разрѣшеніи совмѣстныхъ другъ съ другомъ прогулокъ. На первое ихъ желаніе разрѣшенія не послѣдовало, въ силу, вѣроятно, какихъ-нибудь особыхъ соображеній, на второе же—дано было условное: не выводить заразъ болѣе 12 человѣкъ, гулять непремѣнно попарно, безъ права сходиться парамъ вмѣстѣ и т. п. Независимо сихъ просьбъ, заключенные, чтобы подкрѣпить себя физическимъ трудомъ, стали добиваться дозволенія работъ. Совмѣстныя работы были отклонены, а предоставлялось каждому испрашивать разрѣшенія работъ въ своей камерѣ, съ обозначеніемъ рода работы. На эти послѣднія просьбы согласіе выходило съ длинными проволочками и не малыми,

совершенно непонятными, ограниченіями и исключеніями. Такъ, одинъ заключенный, желая заниматься издѣліемъ глобусовъ изъ жеваной бумаги, просилъ дозволенія имѣть перочинный ножъ, необходимый для болѣе рельефной выдѣлки горъ. Дѣлать глобусы ему разрѣшили, а въ перочинномъ ножѣ отказали, какъ представляющемъ въ нѣкоторомъ родѣ опасное оружіе. Заключенный хотя и протестовалъ на отказъ ссылкою на то, что допущенныя работы по сапожному, рѣзному и переплетному мастерствамъ въ составѣ своихъ инструментовъ имѣютъ ножи несравненно опаснѣе въ смыслѣ допущенія возможности злоупотребленія ими, однако они не изъяты изъ обращенія, но, тѣмъ не менѣе, перочинный ножъ не былъ разрѣшенъ.

Такіе отказы, какъ не имѣющіе смысла, разумѣется, только раздражали заключенныхъ и нисколько не препятствовали имъ достигать своихъ желаній путемъ собственной изобрѣтательности, доходившей иногда до изумительнаго искусства. Лишенный перочиннаго ножа сдѣлалъ самъ весьма порядочный ножичекъ изъ половинки стальнаго пера, отточенной на аспидномъ подоконникѣ; другой, знавшій исторію съ ножемъ своего товарища, однажды, обратился ко мнѣ съ просьбой одолжить ему бритву, чтобы побриться; я, конечно, отказалъ и принялъ это за шутку; тогда онъ замѣтилъ, что обойдется и безъ моей любезности, и просилъ зайти къ нему черезъ нѣкоторое время. Спустя часа 3 или 4, я вновь навѣстилъ его и нашелъ отлично его выбритымъ, при чемъ онъ показалъ мнѣ смастеренный имъ бритвенный приборъ, состоявшій изъ трехъ предметовъ: стеариновой мыльницы съ вырѣзанными на ней цвѣтами, мыльной мочальной кисти въ деревянной ручкѣ, облитой стеариномъ, и бритвы, сдѣланной изъ ободка ватерклозетной крышки, съ деревянною ручкою; третій, замѣченный въ секретной передачѣ письма, и лишенный, вслѣдствіе того, письменныхъ принадлежностей, изобрѣлъ пилюли, носившія названіе «пилюли передачи мыслей», составъ которыхъ былъ слѣдующій: вырывавшійся клочекъ бумаги изъ книги исписывался сокращеннымъ способомъ помощью спичекъ и асфальтовыхъ чернилъ, свертывался въ ничтожный комочекъ и заливался стеариномъ,—вотъ и пилюля; употреблялась же она такъ: идущій на свиданіе бралъ пилюлю въ ротъ и при поцѣлуѣ съ посѣтителемъ передавалъ ее движеніемъ языка въ ротъ послѣдняго, а крѣпкіе поцѣлуи давали возможность передавать по двѣ, по три пилюли.

Много было и другихъ, болѣе или менѣе интересныхъ изобрѣтеній, на которыя монополіи среди заключенныхъ не существовало, все дѣлалось общимъ достояніемъ.

Къ сожалѣнію, изобрѣтенія эти, служа развлеченіемъ для заключенныхъ, не рѣдко довольно убыточно отражались на казенномъ имуществѣ, съ которымъ многіе обращались совершенно безцеремонно:

нужна тряпка—рвутъ бѣлье, нужна бумага—вырываютъ ее изъ книги, нуженъ рѣзакъ—ломаютъ ватерклозетную крышку и т. д. И на все такое, волей-неволей, приходилось смотрѣть сквозь пальцы и ограничиваться только усовѣщеваніемъ.

Не знаю, каковы были взаимныя отношенія у заключенныхъ до поступленія подъ арестъ, но въ домѣ, особенно за послѣдній годъ ихъ пребыванія, они представляли собой такое неразрывное цѣлое, что отказать въ просьбѣ одному значило отказать всѣмъ, предпринять что-либо противъ одного значило предпринять противъ всѣхъ. Такая полнѣйшая солидарность служила заключеннымъ сильнымъ рычагомъ къ противодѣйствію и неповиновенію власти, и развилась, конечно, вслѣдствіе долгаго ихъ сидѣнія въ одиночныхъ камерахъ, вслѣдствіе недоступныхъ къ уразумѣнію нѣкоторыхъ распоряженій и весьма индифферентнаго отношенія къ ихъ просьбамъ и заявленіямъ.

Съ сообщеніемъ между собой заключенныхъ, продолжавшимся до выбытія ихъ изъ дома, посѣщавшее начальство никакъ не могло примириться и, не обращая вниманія на приводимые мною аргументы, приписывало его исключительно распущенности заключенныхъ, а потому въ изобиліи награждало меня упреками самаго горькаго свойства. Но все было напрасно—прекратить сообщеніе не представлялось возможнымъ. Предлагавшіяся начальствомъ мѣры къ обузданію узниковъ лишеніемъ ихъ прогулокъ, книгъ, кипятка къ чаю и сажаніемъ въ карцеръ на хлѣбъ и на воду я находилъ безусловно вредными, по той простой причинѣ, что изнуренный организмъ лишеніями губится, а не исправляется и, кромѣ того, нельзя было упускать изъ виду вышеупомянутой солидарности заключенныхъ и нахожденіе ихъ въ послѣдней степени раздраженія. Все взвѣсивъ, я пришелъ къ убѣжденію, что въ данномъ случаѣ возможно мягкое обращеніе съ заключенными есть наилучшее средство для поддержанія спокойствія въ домѣ и что съ переговорами безъ шума и крика долго сидящихъ, при соблюденіи во всемъ остальномъ правилъ инструкціи по дому—не только можно мириться, но и должно, потому что такой безпорядокъ приносилъ свою дозу пользы—сокращалъ число жертвъ отъ долгаго одиночнаго заключенія. Что тутъ я не ошибался, служитъ доказательствомъ случай, бывшій во время моего отпуска, когда явился въ домъ градоначальникъ Треповъ для возстановленія идеальной дисциплины... и что же вышло?.. вышло то, что изъ относительнаго порядка въ домѣ совершился и водворился полнѣйшій безпорядокъ, отразившійся и на судѣ заключенныхъ, и на самомъ генералѣ Треповѣ.

Чтобы не дать повода заподозрить себя въ пристрастіи къ узникамъ заключенія, выскажу свое мнѣніе о нихъ, не какъ о жертвахъ тюрьмы, а какъ о вполнѣ свободныхъ гражданахъ.

Поступившіе въ домъ за безпорядки на Казанской площади, въ числѣ пятидесяти человѣкъ [1]), и просидѣвшіе въ немъ не долго, въ глазахъ моихъ представлялись ничѣмъ инымъ, какъ недоучками, уличными манифестантами, расплодившимися въ то время, про которыхъ и говорить не стоитъ.

Извиняя многое заключеннымъ по дѣлу «193» въ силу неблагопріятныхъ условій ихъ содержанія, невольно вызывавшихъ участіе и сожалѣніе къ нимъ, они, въ то же время, производили на меня въ общемъ далеко неблагопріятное впечатлѣніе.

Большинство ихъ было люди молодые—недоучки, не успѣвшіе вступить въ жизнь и пошедшіе по ложному пути, навѣянному, конечно, со стороны, а не въ силу собственнаго убѣжденія, ибо таковое не могло еще установиться.

Сущность дѣла, по которому они содержались въ заключеніи, мнѣ почти совсѣмъ не была извѣстна, а тѣмъ болѣе—насколько кто изъ нихъ виноватъ, но узнать, какую собственно цѣль они преслѣдовали и къ чему стремились—меня, разумѣется, интересовало.

Посѣщая ихъ въ камерахъ, я разговора на эту тему никогда не начиналъ заводить, такъ какъ считалъ неудобнымъ, но они, попривыкнувъ ко мнѣ, сами стали понемножку откровенно высказываться, быть можетъ даже съ намѣреніемъ провѣрить на мнѣ свои воззрѣнія, или же узнать меня поближе. Изъ этихъ разговоровъ я вывелъ заключеніе, что они желали пересоздать строй жизни съ цѣлью, чтобы всѣмъ было хорошо, но какъ всего этого достигнуть—путались въ такихъ невѣроятныхъ теоріяхъ, которыя, казалось мнѣ, и сами неясно сознавали.

Одинъ молодой фанатикъ, однажды, въ бесѣдѣ со мной высказался весь. Разговоръ нашъ длился довольно долго, и я, задавая разные вопросы, старался поближе узнать его вѣрованія въ будущее блаженное счастье людей.

Разговоръ нашъ приблизительно былъ таковъ:

— Вы говорите, что новый строй необходимъ, чтобы всѣмъ было лучше, и что все богатство какъ казенное, такъ и частное должно быть поровну распредѣлено между всѣми, но что же лѣнтяямъ тогда дѣлать, если таковые окажутся?—спрашиваю я.

— При абсолютной свободѣ каждый воленъ дѣлать, что хочетъ, а кто ничего не хочетъ дѣлать, и такъ будетъ жить.

— Ну, а если кто-нибудь захочетъ виномъ торговать?

— Пусть торгуетъ.

---

[1]) Между ними находился Добролюбовъ, за котораго впослѣдствіи защитницею выступила Вѣра Засуличъ.

— Но вѣдь для этого нужно имѣть въ виду потребителей?

— Разумѣется.

— Хорошо... а если потребители пропьютъ все доставшееся имъ отъ раздѣла?

— Этого общество не допуститъ.

— Какъ при абсолютной-то свободѣ?

Философъ мой сначала сталъ втупикъ, а потомъ отвѣтилъ: — Ну тогда сами будутъ виноваты.

— А васъ это не коснется?

— Да мнѣ-то что?!..

— Какъ-что?!.. Вѣдь тогда они съ завистью будутъ смотрѣть на васъ, сохранившаго богатство отъ раздѣла, и, пожалуй, захотятъ вновь перестраивать строй жизни.

Здѣсь философъ замялъ разговоръ и перешелъ, неожиданно, на исторію революціи во Франціи, какъ бы желая своими познаніями возстановить свой престижъ. Но и тутъ ему не повезло, въ исторіи я оказался тоже нѣсколько свѣдущимъ и дополнилъ его разсказъ описаніемъ смерти Робеспьера, погибшаго отъ рукъ своихъ же сотоварищей.

Уходя отъ него, мнѣ почему-то казалось, что онъ склоненъ былъ, хорошенько пообдумавъ, разочароваться въ своихъ фантазіяхъ.

Было нѣсколько человѣкъ уже въ лѣтахъ, державшихъ себя серьезнѣе и, повидимому, способныхъ скорѣй подчинять себя, чѣмъ подчиняться другимъ.

Были весьма антипатичные (преимущественно въ женскомъ отдѣленіи), были и симпатичные.

Въ числѣ послѣднихъ, особенно одинъ обращалъ на себя вниманіе своею миловидностью, добродушіемъ и деликатностью. Онъ не принадлежалъ къ дѣлу «193», а къ какому-то другому, по которому въ домѣ болѣе никого не содержалось. Взятъ онъ былъ подъ арестъ чуть ли не 15-ти лѣтнимъ, когда состоялъ ученикомъ въ одной изъ южныхъ гимназій; содержался болѣе четырехъ лѣтъ и, жестоко страдая, покушался два раза на самоубійство, не удавшееся только потому, что за нимъ былъ учрежденъ усиленный надзоръ по моему распоряженію.

Я его очень часто навѣщалъ, утѣшалъ чѣмъ только могъ и неоднократно слышалъ отъ него желаніе быть лучше сосланнымъ въ каторгу, чѣмъ содержаться въ одиночномъ заключеніи.

Но всему бываетъ конецъ,—получилась бумага, въ которой объявлялось ему, что, за окончаніемъ дѣла, онъ ссылается въ одинъ изъ дальнихъ городовъ подъ надзоръ полиціи. Описать его восторгъ и сцену прощанія съ нами—я не берусь, потому что изобразить вѣрно то и другое надо быть художникомъ пера.

Долгое сидѣніе подъ арестомъ, какъ уже говорилъ, сильно отража-

лось на характерѣ заключенныхъ и приводило нѣкоторыхъ положительно въ состояніе невмѣняемости къ власть имущимъ, передъ которыми они не находили нужнымъ вставать даже и тогда, когда вступали съ ними въ разговоръ, ведя его нервно, обрывисто и съ оттѣнкомъ рѣзкости.

Никогда не забуду случая, бывшаго съ моимъ любимымъ начальникомъ; съ нимъ я прохаживалъ однажды по корридору, ведущему отъ вестибюля къ одиночнымъ камерамъ, и разговаривалъ о томъ, о семъ, а главнымъ образомъ о злобахъ дома предварительнаго заключенія, при этомъ я выслушивалъ его наставленія и укоры въ своей слабости. Начальникъ находилъ, что содержавшихся въ домѣ слѣдуетъ держать въ ежовыхъ рукавицахъ; я возражалъ, что прежде всего стараюсь быть справедливымъ, а строго относиться къ людямъ, теряющимъ способность здраваго мышленія, какъ находящимся въ исключительномъ положеніи, и вообще ставить имъ каждое лыко въ строку я нахожу несправедливымъ; но начальникъ мой такого взгляда не раздѣлялъ и, съ своей точки зрѣнія, конечно былъ правъ, говоря, что такому исключительному положенію они сами виноваты, никто ихъ не тянулъ въ петлю, и не могли же они, въ самомъ дѣлѣ, предполагать, что если попадутся, то ихъ будутъ по головкѣ гладить за ихъ дикія и безсмысленныя фантазіи, и, войдя въ паѳосъ, едва онъ успѣлъ произнести послѣднія слова, какъ изъ корридора одиночныхъ камеръ двое надзирателей выводятъ политическаго арестанта, одѣтаго въ казенное платье (черный суконный бушлатъ и таковыя же брюки) и имѣвшаго видъ совершеннаго простолюдина. Я сообщаю въ полголоса своему собесѣднику, что это ведутъ политическаго въ ванную. Онъ приказываетъ надзирателямъ остановиться и, обращаясь къ арестанту, спрашиваетъ: ты кто такой?.. Арестантъ смѣрилъ его суровымъ взглядомъ съ головы до ногъ и отвѣчалъ: а тебѣ на что?.. Я махнулъ надзирателямъ рукой, чтобы его уводили, а начальника, схвативъ подъ руку, просилъ зайти въ одиночныя камеры. Онъ, разумѣется, сейчасъ же понялъ какъ меня, т. е. мое желаніе замять непріятное впечатлѣніе, такъ и неосторожность формы своего вопроса, и ограничился только тѣмъ, что сказалъ: чортъ ихъ возьми, какія свиньи.

Болѣе поучительный и, слѣдовательно, болѣе непріятный случай былъ съ другимъ лицомъ, принадлежавшимъ къ другой категоріи начальствующихъ, менѣе для меня вліятельной.

Лицо это посѣтило домъ, когда въ карцерѣ находился гражданскій заключенный, посаженный по моему приказанію на трое сутокъ съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ. Посѣтитель зашелъ въ карцеръ, поговорилъ съ арестантомъ и, выйдя оттуда, обращается ко мнѣ съ предложеніемъ освободить его, такъ какъ нашелъ совершенный имъ проступокъ не на

столько серьезнымъ, чтобы подвергать арестованнаго такому строгому наказанію, какъ трехдневное содержаніе въ карцерѣ почти безъ пищи. Я объясняю, что зря мною наказанія никогда не налагаются и что срокъ назначилъ, взвѣсивъ всѣ обстоятельства дѣла и примѣняясь къ характеру арестанта, а потому освободить его раньше назначеннаго срока не считаю нужнымъ.

Ведя разговоръ на эту тему, мы обходили помѣщенія арестантовъ и зашли въ корридоръ одиночныхъ камеръ; посѣтитель читалъ мнѣ лекцію совершенно въ другомъ духѣ, чѣмъ любимый мною начальникъ, и, между прочимъ, высказалъ свое убѣжденіе въ томъ, что причиною безпорядковъ въ тюрьмахъ сплошь и рядомъ бываетъ несправедливое и грубое отношеніе къ арестантамъ тюремной администраціи. Я, не отрицая могущей случаться виновности со стороны администраціи, утверждалъ только, что сила безпорядковъ кроется главнымъ образомъ не въ администраціи, а въ неиормальной вообще постановкѣ у насъ тюремнаго дѣла, такъ какъ не рѣдко бываетъ, что въ тюрьмахъ нашихъ не арестанты находятся въ зависимости отъ администраціи, а наоборотъ—администрація отъ арестантовъ. При такихъ условіяхъ существованія тюрьмы, она уже не есть наказаніе, а зло и школа нравственнаго разврата.

Разговаривая такъ, мы дошли до камеры № (не помню фамиліи), посѣтитель останавливается и, указывая мнѣ на камеру, спрашиваетъ: вы знаете кто здѣсь сидитъ?

— Знаю [1]). Здѣсь сидитъ политическій такой-то, человѣкъ крайне раздраженный, вспыльчивый, горячій, требующій весьма осторожнаго обращенія съ собой; онъ всѣхъ ненавидитъ, а лицъ вашей корпораціи въ особенности.

— Вы такъ думаете?... саркастически улыбнувшись, спросилъ онъ.

— Не думаю, а навѣрное знаю.

— Въ такомъ случаѣ очень радъ, что представляется возможность доказать вамъ, что все зависитъ отъ умѣнья обращаться съ людьми. Прикажите открыть дверь.

— Позвольте, въ свою очередь, просить васъ не заходить къ нему, во избѣжаніе могущей быть непріятности. Увѣряю васъ, что я его хорошо знаю, и вамъ стоитъ только отрекомендовать себя, чѣмъ вы есть, чтобы получить непріятность.

— Именно съ этого я и начну.

— Въ такомъ случаѣ войдемте вмѣстѣ или возьмите надзира-

---

[1]) Я почти всѣхъ зналъ, кто гдѣ сидитъ, и нѣсколько знакомъ былъ съ характеромъ каждаго.

теля вмѣсто меня, иначе я положительно затрудняюсь васъ впустить къ нему.

— Никого мнѣ не нужно, и я требую, чтобы мнѣ открыли дверь.

Двери были открыты, онъ вошелъ въ камеру, но не прошло 2—3 минутъ, какъ онъ не вышелъ, а скорѣе выскочилъ изъ нея, совершенно блѣдный, и потребовалъ, чтобы находившагося въ камерѣ я сейчасъ бы посадилъ въ карцеръ. Требованіе это я отказался исполнить, и посѣтитель уѣхалъ, не простившись со мною.

Что произошло въ камерѣ, мнѣ не извѣстно, могу только догадываться, и такъ какъ догадка можетъ быть неосновательной, то и умолчу о ней.

Лѣтъ черезъ 5 мы встрѣтились на улицѣ, какъ старые знакомые, и онъ, вспоминая прошлое, сказалъ, что послѣ бывшаго съ нимъ случая въ домѣ предварительнаго заключенія онъ совершенно измѣнилъ свой взглядъ на тюремное дѣло и что теоретическихъ познаній далеко недостаточно, чтобы быть хорошимъ тюрьмовѣдомъ.

Домъ предварительнаго заключенія, какъ представлявшій тогда интересную новинку, весьма усердно посѣщался многими, преимущественно имѣвшими прямое или косвенное соотношеніе къ нему, и нѣкоторые, желая придать себѣ значеніе, старались проявить хотя бы въ чемъ-нибудь свою активную дѣятельность, а потому мораль читалась мнѣ въ изобиліи, и чего-чего только я не наслушался. Но зная дѣло практически довольно хорошо, изучивъ въ нѣкоторой степени его всѣ стороны, я держался увѣренно, не стѣснялся высказывать свои взгляды и дозволялъ себѣ иногда не соглашаться съ тѣмъ, что мнѣ говорилось. Послѣднее не всѣмъ, конечно, нравилось, и тогда давалось мнѣ понять, что я слишкомъ мелкая сошка, чтобы сужденіе свое имѣть.

Къ категоріи таковыхъ принадлежало и одно высокопоставленное лицо, пользовавшееся извѣстностью лучшаго тюрьмовѣда, которое хотя и не было моимъ прямымъ начальствомъ, но по своему положенію имѣло право потребовать отъ меня личнаго представленія статистической таблицы по дому, съ которой я въ назначенный день и явился.

Особа эта приняла меня очень сухо, не только не удостоивъ протянуть руки, но даже не удостоивъ пригласить меня сѣсть, и, разговаривая со мной сидя въ креслѣ, продержала меня на ногахъ довольно долго, чуть ли не около часу, тогда какъ третье лицо, находившееся въ кабинетѣ, значительно моложе меня и лѣтами и чинами, состоявшее при особѣ для особыхъ порученій и весьма часто посѣщавшее домъ предварительнаго заключенія, передъ моими глазами находи-

лось въ непринужденной позѣ на диванѣ, сзади кресла говорившаго со мной.

Признаюсь, я чувствовалъ себя дотого неловко и настолько сильно уязвленнымъ, что едва говорилъ и немного путался въ объясненіяхъ, на что менѣе надменный человѣкъ непремѣнно обратилъ бы вниманіе, но онъ—никакого. Развивая теорію тюремной науки, онъ высказалъ, что на своемъ вѣку видѣлъ много заграничныхъ тюремъ и пришелъ къ убѣжденію, что порядки въ нихъ вполнѣ зависятъ отъ начальниковъ, которые должны обладать способностью подчинять своему вліянію арестантовъ, на іоту не коснувшись практической закулисной стороны дѣла, вѣроятно потому, что и самъ не былъ знакомъ съ нею.

Слушая его, я рѣшительно пересталъ понимать, что онъ говоритъ, и, въ концѣ-концовъ, разразился слѣдующей шарадой: заграничныхъ тюремъ я не посѣщалъ, но знакомъ съ ними по описаніямъ, и то, что усвоилъ себѣ практикою, не промѣняю ни на какія ученыя теоретическія воззрѣнія. Онъ окинулъ меня холоднымъ взглядомъ, сказалъ что-то вродѣ того, что мое при мнѣ и останется, и затѣмъ кивнулъ головой, въ знакъ окончанія аудіенціи.

Я вышелъ отъ него совершенно озлобленнымъ. Проводя параллель между имъ и прямымъ своимъ начальствомъ, я поражался разницѣ отношеній ко мнѣ. Послѣднее когда давало мнѣ наставленія и дѣлало нахлобучки, то, какъ бы ни были сильны укоры, я положительно никакой злобы внутри не имѣлъ, именно потому, что и среди укоровъ чувствовалъ къ себѣ теплое расположеніе и глубоко убѣжденъ былъ, что, случись со мной какое-нибудь горе, то эти нахлобучники первые станутъ за меня горой, но лицо второстепеннаго для меня значенія, о которомъ только-что говорилъ, и который проповѣдовалъ мнѣ о способности подчинять своему нравственному вліянію людей, не только не подчинилъ меня своему вліянію, а исключительно вселилъ злобу какъ своимъ безтактнымъ пріемомъ меня, такъ и высокомѣрнымъ тономъ своей бесѣды.

Я всегда сознавалъ свои недостатки, которые на службѣ въ домѣ предварительнаго заключенія, отъ постоянно раздражаемыхъ нервовъ, могли только усиливаться, а не уменьшаться, но вѣдь съ такими недостатками бываютъ люди и среди заключенныхъ, слѣдовательно, чтобы подчинить ихъ своему вліянію и нравственно на нихъ дѣйствовать, прежде всего необходимо ихъ понимать, а кто ихъ не понимаетъ, тотъ никогда желаемыхъ результатовъ не достигнетъ.

Много горькаго приходилось мнѣ глотать, но, какъ зависѣвшій отъ службы, покорялся судьбѣ.

Теперь поименую свое начальство. Всего перечислить нѣтъ возможности, потому что границъ ему я никогда не зналъ, да думаю,

что и само начальство недоумѣвало, на комъ изъ нихъ кончается власть по дому, а потому стану называть только памятныхъ мнѣ.

Инструкція по управленію домомъ предварительнаго заключенія гласитъ такъ:

1) Завѣдываніе домомъ предварительнаго заключенія, въ порядкѣ управленія государственнаго, принадлежитъ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи.

2) Домъ предварительнаго заключенія состоитъ въ вѣдѣніи с.-петербургскаго градоначальника, на общемъ съ другими мѣстами заключенія столицы основаніи.

3) Въ отношеніи порядка содержанія арестованныхъ, управляющій домомъ дѣйствуетъ подъ непосредственнымъ надзоромъ прокурора, до свѣдѣнія котораго доводитъ о всѣхъ обстоятельствахъ, могущихъ имѣть какое-либо значеніе для производящагося объ арестованномъ дѣла.

4) Внутреннее завѣдываніе домомъ предварительнаго заключенія возлагается на особое управленіе и надзоръ, назначенные по штату, высочайше утвержденному 28-го января 1875 года, въ составъ котораго, кромѣ управляющаго съ его подчиненными, входитъ «комитетъ для высшаго завѣдыванія домомъ предварительнаго заключенія, состоящій изъ предсѣдателя товарища министра внутреннихъ дѣлъ и пяти членовъ изъ среды административной и судебной».

Кромѣ того, по отношенію къ заключеннымъ по политическимъ дѣламъ, домъ подчинялся шефу жандармовъ и прокурору судебной палаты. Ближайшій надзоръ за домомъ порученъ былъ помощнику градоначальника.

Всѣ эти лица имѣли непосредственную власть надъ домомъ, а къ условной надъ нимъ принадлежали слѣдующія: чиновники особыхъ порученій вышеупомянутыхъ министерствъ, шефа жандармовъ и градоначальника, затѣмъ товарищи прокурора, статсъ-секретарь Гротъ со своими чиновниками, чиновники государственнаго контроля и, наконецъ, нѣкоторые филантропы и филантропки.

Послѣдній разрядъ былъ самымъ ужаснымъ начальствомъ, потому что больше всѣхъ мѣшалъ и только вредъ приносилъ дому; попалъ же этотъ разрядъ въ число начальствующихъ по слѣдующему поводу.

Какъ-то разъ приглашаюсь я къ явившейся въ домъ филантропкѣ для дачи объясненій на заявленія, полученныя ею отъ арестантокъ. Я не пошелъ, а послалъ къ ней своего помощника. Спустя нѣсколько минутъ, прихожу я въ пріемную комнату и застаю госпожу филантропку сидящею за столомъ и подлѣ нея стоявшихъ дежурнаго помощника и эконома, предъявляющаго ей на повѣрку денежныя книги. Сцена эта меня дотого поразила, что я тотчасъ же помощника и

экономa отослалъ къ своимъ обязанностямъ, а контролера въ юбкѣ просилъ впредь ограничивать свои посѣщенія только бесѣдами съ заключенными. Филантропка уѣхала, а черезъ часъ по ея отъѣздѣ получаю отъ градоначальника телеграмму съ приказаніемъ немедленно явиться. Явившись, я пораженъ былъ какъ гнѣвомъ своего начальника, такъ и высказаннымъ имъ, что чѣмъ больше контроля, тѣмъ лучше дѣло должно идти, и чтобъ я впередъ, по желанію филантропки, предъявлялъ ей книги на просмотръ; мало того, мнѣ приказано было сейчасъ же отправиться къ ней съ извиненіемъ и сообщить, что въ будущемъ она не встрѣтитъ препятствій въ провѣркѣ книгъ. Какъ ни смѣшно, ни грустно было, а приказаніе исполнилъ въ точности, и настолько успѣшно, что филантропка эта болѣе въ домъ не пріѣзжала, а начальникъ никогда не вспоминалъ о ней.

Полагаю, что послѣ такого случая филантропокъ долженъ былъ причислить къ числу власти, хотя бы и очень скверной.

Многочисленное мое начальство не обладало солидарностью во взглядахъ, и потому распоряженія не рѣдко появлялись одно противорѣчащее другому, что, разумѣется, весьма вредно отражалось на порядкѣ внутренняго управленія домомъ. Антагонизмъ главнымъ образомъ замѣтенъ былъ между администраціею и прокуратурою.

Разскажу про одинъ случай по этому поводу.

Во избѣжаніе злоупотребленій служащихъ въ домѣ относительно писемъ, прошеній и заявленій заключенныхъ, я установилъ почтовый ящикъ и объявилъ всѣмъ содержавшимся, что таковой будетъ обноситься по камерамъ ежедневно въ извѣстное время, и чтобы они собственноручно опускали въ него ими написанное. Ключъ отъ ящика находился у меня, и слѣдовательно все опущенное въ него приходило ко мнѣ непосредственно. Какъ-то разъ вынимаю я изъ ящика тетрадку, исписанную совершенно безграмотно, въ стихахъ и прозѣ, омерзительную пасквиль на членовъ императорской фамиліи и подписанную 18-ти-лѣтнимъ крестьянскимъ сыномъ Арсентіемъ Бобковымъ, содержавшимся въ домѣ за кражу. Не желая придавать этой безусловной мерзости какого-либо оффиціальнаго значенія, я, все-таки, на всякій случай, оформилъ дѣло, т. е. лично самъ написалъ рапортъ на имя прокурора судебной палаты, составилъ протоколъ, прошнуровалъ и припечаталъ тетрадку, снявъ съ нея копію; затѣмъ, явясь къ градоначальнику, представилъ ему бумаги и высказалъ причины, побудившія меня, предварительно отсылки дѣла къ прокурору палаты, представить таковое на его благоусмотрѣніе. Мелькомъ просмотрѣвъ копію съ тетрадки, градоначальникъ приказалъ подавать лошадей и, усадивъ меня съ собою, поѣхалъ въ Зимній дворецъ. По прибытіи туда, я остался въ швейцарской, а генералъ отправился въ кабинетъ государя. Вер-

нувшись часа черезъ два, онъ, вручая мнѣ бумаги, приказалъ ѣхать къ шефу жандармовъ и доложить ему, что нежелательно дѣлу этому давать оффиціальнаго хода, а предоставляется ему, шефу, распорядиться по своему усмотрѣнію. Пріѣзжаю къ шефу и передаю ему все подробно. Внимательно выслушавъ меня и просмотрѣвъ тетрадку, онъ сказалъ: «вѣдь это все равно, что молитву пересыпать бранными словами!.. тутъ политическаго-то ничего нѣтъ!» Затѣмъ, получивъ приказаніе держать Бобкова, впредь до распоряженія, я уѣхалъ.

Чтобы числить кого бы то ни было за III отдѣленіемъ, необходимо было донести о томъ прокурору судебной палаты, и такъ какъ мотивы зачисленія Бобкова были исключительны, и къ тому же, по словесному распоряженію шефа, то я счелъ за необходимое представить донесеніе лично. Явясь къ прокурору и доложивъ ему объ обстоятельствахъ дѣла, я имѣлъ съ нимъ слѣдующій разговоръ:

— Почему вы обратились прежде къ градоначальнику, а не ко мнѣ, какъ бы слѣдовало по закону?—спрашиваетъ меня прокуроръ.—Потому что въ дѣлѣ собственнаго недоразумѣнія я болѣе удобнымъ считалъ обратиться къ ближайшему своему начальнику,—отвѣчаю я.—Да, вы были бы правы, еслибъ предметъ имѣлъ характеръ чисто полицейскаго свойства, но въ данномъ случаѣ,—я ближе къ вамъ генерала Трепова... Вамъ слѣдовало первымъ долгомъ явиться ко мнѣ, а затѣмъ ужъ отъ меня бы зависѣло, какъ посмотрѣть на дѣло и какъ съ нимъ поступить... Я этого такъ не оставлю, законъ нельзя такъ игнорировать.

Послѣ такой тирады, я сталъ извиняться и доказывать, что всѣ непріятности по настоящему дѣлу обрушатся на мою голову, и потому просилъ предать дѣло забвенію. Получивъ согласіе, я оставилъ прокурора, какъ кажется, удовлетвореннымъ въ самолюбіи.

Подобныхъ случаевъ было не мало, ясно указывавшихъ на существовавшій разладъ между прокуроромъ судебной палаты и градоначальникомъ, который не прекращался вплоть до оставленія первымъ своего поста. Разладъ этотъ имѣлъ особенно важное значеніе за послѣдній годъ моего управленія домомъ, когда прокуроръ палаты и градоначальникъ, по дѣятельности своей, оставались главными представителями власти надъ домомъ, другіе же, какъ выше ихъ стоявшіе, такъ и равные имъ, отвлекаемые дѣлами бурнаго того времени, какъ бы отшатнулись отъ дома, сознавъ, что многоначаліе порождаетъ въ немъ только неурядицу.

Время тогдашнее, помимо дома, было вообще, для всѣхъ весьма неблагопріятнымъ, безтолковымъ и полнымъ хаоса; усиленію же броженія умовъ въ обществѣ, я увѣренъ, не мало способствовалъ и безконечно тянувшійся процессъ дѣла «193».

Броженіе идей того времени особенно ярко отражалось на учащейся

молодежи, не отличавшейся и тогда самовоздержаніемъ. Многіе студенты вовсе не посѣщали лекцій и только бродили по улицамъ, одѣваясь преимущественно въ извѣстный костюмъ: шляпа съ широкими полями, черезъ плечо пледъ и высокіе сапоги. Шатаніе ихъ разнообразилось иногда бесѣдами со спутницами въ темныхъ очкахъ, съ коротко стриженными волосами, съ манерами, далеко не изящными. Встрѣчаясь съ человѣкомъ, болѣе или менѣе приличнаго вида, они считали какъ бы долгомъ не давать имъ дороги и непремѣнно провожать его дерзкимъ взглядомъ.

Подобныя лица, собираясь въ кучу, присоединяли къ себѣ праздношатающихся на улицѣ и составляли толпу, готовую на демонстрацію, заключавшуюся въ безцѣльномъ шествіи по улицамъ.

Наибольшее удовольствіе, повидимому, такая толпа испытывала въ демонстраціи съ покойниками, изъ принадлежавшихъ къ числу лицъ, привлеченныхъ къ слѣдствію или суду по политическому дѣлу, которыхъ она добывала съ квартиръ—если лицо проживало на свободѣ, или просто крала изъ военнаго госпиталя,—если оно находилось подъ стражею. Толпа, съ такою ношею, прежде всего, подходила къ воротамъ дома предварительнаго заключенія, гдѣ пѣла панихиду, и затѣмъ отправлялась на кладбище.

Видя подобныя насиліе, грубость, невѣжество и ничего недѣланіе, я не разъ задавался вопросомъ: неужели же это неизбѣжные предвѣстники движенія впередъ, къ развитію, къ культурности?!.. И думалось мнѣ, что тутъ, скорѣе, признаки совершенно противоположныхъ результатовъ, именно—полнѣйшее нравственное паденіе общества.

Толпа, конечно, ни разу не собиралась безъ того, чтобы тотчасъ не появлялась полиція, но послѣдняя не предпринимала никакихъ обстоятельныхъ мѣръ, потому что не имѣла опредѣленной инструкціи, какъ дѣйствовать, а инструкція не появлялась потому, что власть держалась политики выжиданія, высматриванія, и занималась соображеніемъ мѣръ болѣе цѣлесообразныхъ къ успокоенію взбаламученныхъ нравовъ.

Насколько, вообще, власть тогда была осторожною, и какъ близко къ сердцу принимала даже дикіе слухи, ходившіе по городу, можно судить по слѣдующимъ, хотя бы двумъ, обстоятельствамъ. Къ первому отнесу покойниковъ изъ заключенныхъ по политическому дѣлу. Они отправлялись изъ дома предварительнаго заключенія на кладбище, не иначе, какъ при соблюденіи совершенной тайны, затѣмъ принимались самыя строгія мѣры къ охраненію дома предварительнаго заключенія отъ нападенія.

Наконецъ, слухи о намѣреніи непріятеля стали умолкать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мы начали разоружаться, и дошли совсѣмъ до мирнаго положенія, когда окончился процессъ «193».

Судебное разбирательство дѣла «193» ознаменовалось весьма прискорбнымъ поведеніемъ заключенныхъ, дозволившихъ себѣ кричать, стучать и ругаться. Нѣтъ сомнѣнія, что подобный скандалъ произошелъ потому, что на судѣ представился удобный моментъ разразиться чувству накипѣвшаго у нихъ негодованія за все ими испытанное въ теченіе 3—4 лѣтняго заключенія, а что была причина назрѣвать такому чувству—служитъ доказательствомъ резолюція суда, которой очень многіе совсѣмъ оправданы, очень многимъ вмѣненъ предварительный арестъ въ наказаніе, и очень немногіе (кажется, 12 человѣкъ) понесли дальнѣйшую кару.

Едва покончился разсчетъ дома съ содержавшимися по дѣлу «193», какъ предстало новое, не менѣе громкое дѣло, Вѣры Засуличъ. Разсказывать о немъ излишне, такъ какъ оно, въ свое время, было подробно напечатано въ газетахъ, но я дополню его лишь свѣдѣніями о такомъ обстоятельствѣ, которое очень мало кому извѣстно.

31-го марта 1878 года, по требованію суда, Вѣра Засуличъ была доставлена мною въ зданіе судебныхъ учрежденій, къ 12 часамъ дня и сдана подъ росписку дежурнаго пристава. По окончаніи засѣданія и произнесеніи резолюціи предсѣдателемъ К., на моихъ глазахъ, судебный приставъ объявилъ Засуличъ о ея свободѣ, а начальникъ конвоя, жандармскій офицеръ, скомандовалъ «сабли въ ножны», снялъ часовыхъ, и, такимъ образомъ, Засуличъ, сойдя со скамьи подсудимыхъ, имѣла полную возможность, совершенно безпрепятственно, вмѣстѣ съ публикою, выйти на улицу, но она первоначально отправилась въ домъ предварительнаго заключенія за вещами. Пока она занималась сборкою вещей и чаепитіемъ, я обратно вернулся въ зданіе суда и, встрѣтивъ тамъ, спускавшимся съ лѣстницы, вновь назначеннаго прокуроромъ судебной палаты Л., заявилъ ему, что Засуличъ, въ данный моментъ, въ домѣ предварительнаго заключенія собираетъ свои вещи. На это Л., какъ бы въ видѣ совѣта, сказалъ мнѣ, чтобы я, до полученія предписанія, повоздержался бы ея освобожденіемъ.

Придя въ домъ, я находился въ крайне затруднительномъ положеніи: съ одной стороны—незаконное мною задерживаніе Засуличъ, которое, хотя и было извѣстно прокурору палаты, но, тѣмъ не менѣе, въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, безъ письменнаго документа, однимъ словамъ, невозможно было придавать особаго значенія; съ другой—возбужденная огромная толпа, собравшаяся на улицѣ, горѣла нетерпѣніемъ скорѣйшаго свиданія съ Засуличъ, и, вслѣдствіе задержки въ выпускѣ, могла произвести безпорядокъ, который, конечно, всецѣло былъ бы отнесенъ ко мнѣ, но, къ счастію, не прошло и четверти часа, какъ я получилъ предписаніе суда о ея немедленномъ освобожденіи, и, одновременно съ этимъ, явившійся мѣстный участковый приставъ передалъ мнѣ просьбу

предсѣдателя суда К. (который, несомнѣнно, видѣлся съ прокуроромъ Л.) о томъ, чтобы Засуличъ была выпущена не на Шпалерную, а на Захарьевскую улицу, во избѣжаніе могущей быть демонстраціи собравшейся толпы. Предложенія этого я исполнить не могъ и не желалъ: не могъ—за неимѣніемъ выхода на Захарьевскую улицу, не желалъ, во-первыхъ, потому, что это было бы противъ установленнаго порядка, а, во-вторыхъ, освобождая Засуличъ секретнымъ путемъ, невозможно было бы убѣдить волновавшуюся толпу въ ея освобожденіи, и, безъ сомнѣнія, произошелъ бы крупный скандалъ, который опять-таки могъ быть приписанъ моей винѣ. Въ виду этихъ соображеній, Засуличъ была освобождена обыкновеннымъ порядкомъ, чрезъ ворота на Шпалерную улицу, въ восьмомъ часу вечера. На улицѣ толпа, принявъ ее, сопровождала подъ наблюденіемъ, находившихся въ нарядѣ, чиновъ полиціи и жандармовъ.

Въ этотъ же день, около 11 часовъ вечера, явился ко мнѣ прокуроръ окружнаго суда С., съ предписаніемъ прокурора судебной палаты о содержаніи Засуличъ подъ стражею впредь до особаго распоряженія. Я до того поразился подобнымъ предписаніемъ, что сначала принялъ его за мистификацію, такъ какъ всему Петербургу уже было извѣстно объ освобожденіи Засуличъ, а тѣмъ болѣе прокурору, изъ канцеляріи котораго, часа четыре тому назадъ, я получилъ предписаніе о немедленномъ ея освобожденіи; но моментъ столбняка моего прошелъ, и я уразумѣлъ, что здѣсь мистификаціи быть не можетъ, и что таковое предписаніе послѣдовало, вѣроятно, въ силу какихъ-либо исключительныхъ обстоятельствъ, чего прокуроръ С. объяснить мнѣ не могъ, или, вѣрнѣе, не хотѣлъ, а далъ только понять, что въ данномъ случаѣ онъ исполнитель приказанія высшей власти.

Составивъ по этому поводу докладную записку, я, на слѣдующій день, рано утромъ, поѣхалъ съ нею къ генералу Трепову, который, несмотря на свое болѣзненное состояніе, принялъ меня и, выслушавъ, обѣщалъ дать ходъ моей запискѣ.

Черезъ нѣсколько дней, я вызываюсь къ прокурору Л. Являюсь. Въ кабинетѣ у него застаю прокурора С., и мы, втроемъ, садимся за письменный столъ. Л., предложивъ мнѣ любезно папиросы, повелъ со мной, приблизительно, слѣдующій разговоръ:—я желалъ, съ вами, полковникъ, побесѣдовать, чтобы освѣжить въ вашей памяти обстоятельства освобожденія Засуличъ... Вы, вѣроятно, помните, что по окончаніи судебнаго засѣданія, встрѣтившись со мной на лѣстницѣ, я предложилъ вамъ не выпускать Засуличъ впредь до моего распоряженія?—Это я не помню,—отвѣчаю я,—а помню очень хорошо, что вы предложили не выпускать Засуличъ до полученія мною бумаги отъ суда, что́ я и исполнилъ.—Нѣтъ, это не такъ!... Вы припомните хорошенько!... ко-

нечно, вы были въ такомъ экзальтированномъ состояніи, что легко могли недослышать или перепутать мои слова, но я-то очень хорошо помню, что предупреждалъ васъ не освобождать Засуличъ впредь до моего особаго распоряженія.

Дѣйствительно, я находился тогда подъ сильнымъ впечатлѣніемъ только-что окончившагося суда надъ Засуличъ, да и кто не былъ подъ этимъ впечатлѣніемъ изъ присутствовавшихъ?!... Въ бытность свою управляющимъ домомъ предварительнаго заключенія, я не пропускалъ ни одного политическаго судебнаго процесса, слышалъ всѣхъ лучшихъ защитниковъ, какъ-то: Спасовича, Лохвицкаго, Герарда, Утина, Турчанинова, Потѣхина и др., но никто изъ нихъ не говорилъ такъ сильно, убѣдительно, захватывая за душу, какъ Александровъ—защитникъ Засуличъ. Впервые тогда я слышалъ на судѣ взрывъ аплодисментовъ, не только со стороны обыкновенныхъ смертныхъ, переполнявшихъ залъ и хоры, но и среди лицъ, сидѣвшихъ за судейскими креслами, изъ которыхъ на многихъ виднѣлись звѣзды. Слѣдовательно, впечатлѣніе было общее.

Бесѣда моя съ прокуроромъ Л. длилась не долго. Я рѣшительно отказался считать себя виновнымъ въ неисполненіи его распоряженія, и въ доказательство своей правоты приводилъ тотъ аргументъ, что если бы онъ имѣлъ въ виду сдѣлать распоряженіе относительно задержанія Засуличъ, то, вѣроятно, пригласилъ бы меня къ себѣ, ибо встрѣча со мной на лѣстницѣ, по которой онъ спускался, чтобы ѣхать съ докладомъ къ министру юстиціи, была дѣломъ случайнымъ. Л. стоялъ на своемъ, и на томъ мы разстались.

Проходятъ еще нѣсколько дней, и меня потребовалъ къ себѣ генералъ Козловъ, исправлявшій должность градоначальника, за болѣзнью генерала Трепова. По прибытіи моемъ въ канцелярію градоначальника, генералъ Козловъ уводитъ меня въ отдѣльную комнату, сажаетъ подлѣ себя на диванъ и говоритъ: вы много терпѣли и выслушивали разныхъ непріятностей, выслушайте теперь послѣднюю, а затѣмъ, надѣюсь, пойдетъ все къ лучшему. Дѣло въ томъ, что вы, по высочайшему повелѣнію, за несвоевременное освобожденіе Засуличъ, должны отбыть семидневный арестъ на гауптвахтѣ, въ утѣшеніе же вамъ скажу, что вы теперь же представляетесь къ слѣдующему ордену, на лѣто увольняетесь въ отпускъ, съ выдачею вамъ пособія, и въ приказѣ объ арестѣ вашемъ, не будетъ отдано, а равно не будетъ онъ занесенъ и въ формуляръ вашъ, такъ какъ, въ данномъ случаѣ, вы становитесь жертвою неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ, хотя всѣ мы не сомнѣваемся въ вашей правотѣ. Кромѣ того, я попрошу васъ, когда вы выберете гауптвахту и получите отъ насъ бумагу, отправиться подъ арестъ какъ можно раньше и никому не говорить, гдѣ будете находиться.

Имѣйте въ виду, что дѣло это исправить ничѣмъ нельзя, и высочайшая воля должна быть исполнена.

Генералъ Козловъ, какъ прекраснѣйшей души человѣкъ и очень хорошо меня знавшій, все это старался высказать насколько возможно мягко и сочувственно, но, тѣмъ не менѣе, суть дѣла осталась та же— грустное и тяжелое, и я чуть не со слезами на глазахъ вышелъ изъ комнаты.

На слѣдующій же день я сталъ отбывать свое наказаніе, а по отбытіи его, подалъ прошеніе объ увольненіи меня отъ должности управляющаго домомъ предварительнаго заключенія, и послѣ того не переступалъ порога его даже тогда, когда сдавалъ должность.

Спустя нѣсколько лѣтъ, я встрѣчался на улицахъ съ нѣкоторыми изъ бывшихъ при мнѣ въ заключеніи по дѣлу «193» и узналъ, что многіе изъ нихъ, по окончаніи курса въ университетѣ, поступили на службу и вспоминаютъ о прошломъ, какъ объ увлеченіи молодости.

Въ настоящее время, домъ предварительнаго заключенія, вѣроятно, во многомъ измѣнился, и, нѣтъ сомнѣнія, что къ лучшему, потому что то, что было при мнѣ, повториться не можетъ.

М. Федоровъ.

Записки П. Н. Глѣбова.

Порфирій Николаевичъ Глѣбовъ, будучи командиромъ конной батареи, находился подъ начальствомъ генерала Купріянова.

Сначала отношенія между ними были вполнѣ хорошія, и батарея Глѣбова, по первоначальнымъ отзывамъ самого Купріянова, была одна изъ лучшихъ. Но генералъ Купріяновъ принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ, которыя не всегда отдѣляютъ свои собственные интересы отъ казенныхъ и смѣшиваютъ служебныя дѣла съ своими личными отношеніями. Встрѣтивъ отпоръ со стороны своего подчиненнаго, онъ круто измѣнилъ свое отношеніе къ Глѣбову и какъ начальникъ имѣлъ полную возможность поставить Глѣбова въ такое положеніе, которое какъ Глѣбова лично, такъ и его батарею привело бы въ большое разстройство. Такъ, онъ несправедливо выранжировывалъ въ ущербъ батареѣ лошадей, назначалъ время для ученья и смотровъ самое жаркое, заставляя ждать себя цѣлыми часами и безполезно утомляя какъ людей, такъ и лошадей, а во время производства ученья производилъ всѣ эволюціи самыми быстрыми аллюрами по глубокому песку, изнуряя батарею.

Все это довело Глѣбова до того, что онъ началъ переписку съ Купріяновымъ, дошедшую въ рѣзкости до того, что Глѣбовъ наконецъ попалъ подъ судъ, судился нѣсколько лѣтъ, и только благодаря Ростовцеву дѣло это дошло до Николая Павловича и было вновь пересмотрѣно, при чемъ Глѣбову разрѣшено было вновь поступить на службу.

14-го февраля 1855 года послѣдовала высочайшая конфирмація по моему дѣлу. За тяжкую обиду начальнику повелѣно выдержать меня два мѣсяца въ казематѣ въ крѣпости, а потомъ вновь обратить на службу, но съ тѣмъ, чтобы отдѣльныхъ частей не довѣрять, доколѣ отличными заслугами не обращу на себя вниманіе начальства.

17-го марта объявлена мнѣ помянутая конфирмація въ Кіевскомъ ордонансъ-гаузѣ въ присутствіи плацъ-маіора полковника Левковича. Но на основаніи милостиваго манифеста, послѣдовавшаго по случаю вступленія на престолъ новаго императора, срокъ заточенія уменьшили на половину, такъ что не 17-го мая, какъ слѣдовало по приговору конфирмаціи, но 17-го апрѣля я былъ уже на свободѣ.

8-го мая выѣхалъ изъ Кіева съ женой и сыномъ въ Кременчугъ, явился къ начальнику резервной конной артиллеріи, такъ какъ во время производства надо мной суда былъ я переведенъ изъ дѣйствующей 24-й въ резервную 10-ю батарею. Вояжъ совершили мы весьма пріятно; погода была чудесная. Ѣхали черезъ Борисполь, Переяславль, Золотоношу и Городище. По этому тракту изъ Кіева до Кременчуга было 250 верстъ. Большую часть дороги шелъ я пѣшкомъ, переносясь мыслью въ прошедшее и припоминая всѣ частности печальной и тяжкой борьбы моей съ негодяями. Мысли эти, кажется, не оставятъ меня до гроба!...

Въ Кременчугѣ— инспекторъ, графъ Никитинъ, принялъ меня весьма милостиво. Замѣтно было изъ разговора и изъ выраженія лица этого старика, что онъ принимаетъ во мнѣ участіе. Не могу того же сказать о начальникѣ штаба, Л—цѣ. Впрочемъ, этотъ человѣкъ, если не ошибаюсь, до того сосредоточенъ на своихъ собственныхъ дѣлишкахъ, служебныхъ и не служебныхъ, что интересы другихъ—ему болѣе не доступны. Нѣтъ сомнѣнія, что даже кровавая драма Севастопольская не занимаетъ его и не затрогиваетъ въ немъ ни одной струны чувствительной. Онъ—машина. Впрочемъ, какъ говорятъ, хорошо устроенная для аккуратнаго производства текущихъ дѣлъ канцелярскихъ. Не взирая однако на его усердіе и способности, графъ Никитинъ его не любитъ, даже не довѣряетъ ему и держитъ его въ черномъ тѣлѣ. Лутковскій, начальникъ артиллеріи по части инспектора резервной кавалеріи, а въ сущности—начальникъ семи или восьми резервныхъ конныхъ батарей,—встрѣтилъ меня весьма внимательно и тотчасъ же отнесся въ Петербургъ съ запросомъ,—куда меня обратить на службу. Онъ человѣкъ кроткій, учтивый и неразговорчивый, но, какъ кажется, на счету весьма хорошемъ у начальниковъ. По телеграфу дано знать, что онъ назначенъ начальникомъ артиллеріи въ Западную армію въ Варшаву.

15-го іюня по телеграфу дано знать, чтобы меня отправить въ Крымъ въ 21-ю батарею. На другой день Лутковскій сообщилъ мнѣ объ этомъ предписаніи.

И такъ, служебная моя судьба рѣшена, и я отправляюсь въ Крымъ. О предстоящихъ мнѣ лишеніяхъ, трудахъ и опасностяхъ всякаго рода я не думаю, но мнѣ грустно разстаться съ моей доброй женой и съ

моимъ милымъ сыномъ. Но, Богъ милостивъ! Если меня не станетъ, братъ Викторъ ихъ не оставитъ! Какъ меня въ продолженіе моего 6-тилѣтняго бѣдствія онъ утѣшалъ и успокаивалъ, такъ точно отогрѣетъ онъ и мою Сашурку, нѣжную и добрую мою подругу. Впрочемъ, къ чему ведетъ каждаго изъ насъ судьба, вѣдано одному Богу. Покоряюсь безропотно этому новому назначенію, и пока здоровье мнѣ не измѣнитъ, буду служить царю и отечеству честно и правдиво.

Наконецъ, 19-го іюня выѣхалъ я изъ Кременчуга. Грустно, невыразимо грустно было мнѣ оторваться отъ милыхъ сердцу! Я и не помню, когда я такъ сильно страдалъ душой.

Елисаветградъ—заштатный городокъ Новороссійскаго военнаго поселенія,—какъ оазисъ въ пустынѣ освѣжилъ меня. Тутъ было много народу, тратившаго деньги, нѣсколько штабовъ съ огромнымъ числомъ голодныхъ желудковъ. По планировкѣ города и по прямымъ его улицамъ, Елисаветградъ нѣсколько напоминаетъ собой Царское Село, разумѣется, за исключеніемъ царской роскоши, которой въ Елисаветградѣ нѣтъ, хотя и возвышаются на оконечности города огромныя зданія, носящія наименованіе дворца.

Главныхъ зданій этихъ три: въ одномъ назначены помѣщенія для государя, его свиты, корпуснаго командира и для всѣхъ генераловъ; въ другомъ для штабныхъ чиновниковъ, въ третьемъ—для штаба и писарей. Всѣ зданія трехъэтажныя съ длинными фасадами, тутъ же манежъ, главная гауптвахта, церковь прекрасной архитектуры съ 5-ю куполами, небольшой плацъ-парадъ и разныя хозяйственныя постройки: конюшни, сараи и пр. Все отличается массивностью; постройки—удобствами жизненными, симметріей, опрятностью, но нигдѣ и слѣдовъ нѣтъ на претензію и на роскошь, или на какое-либо изящество; вездѣ только одно необходимое, и ничего лишняго; словомъ, Елисаветградскій дворецъ нельзя назвать царскимъ, но правильнѣе—дворцомъ военнаго поселенія. Помѣщеніе для государя въ нижнемъ этажѣ одного изъ трехъ зданій, состоящее всего изъ 4 покоевъ: спальни и уборной, гостиной, кабинета и пріемной, также не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ опрятности, доведенной до высшей степени.

Елисаветградъ былъ когда-то крѣпостію, но теперь это открытый со всѣхъ сторонъ городъ и со всѣхъ сторонъ окруженный необозримыми степями, на которыхъ часто покойный императоръ производилъ кавалерійскіе маневры съ Герценшвейгомъ, Сакеномъ, Офенбергомъ и Гейльфрейхомъ, съ русскими генералами. Не знаю, каково было графу Никитину переваривать всѣ эти фамилія заморскія.

Память о покойномъ императорѣ надолго останется не токмо въ поселенныхъ войскахъ, но и въ жителяхъ Елисаветграда. Когда я по-

велъ рѣчь съ хозяйкой постоялаго двора, очень умною мѣщанкой, о примѣчательностяхъ города, она прежде всего начала разсказъ о дворцѣ.

— Ступайте, батюшка, — говорила старуха, — взгляните на дворецъ. Вѣдь покойный батюшка государь часто навѣщалъ насъ и гостилъ у насъ иногда по 10 дней.

— Для смотровъ и маневровъ—замѣтилъ я.

— Это своимъ порядкомъ, — возразила тотчасъ же старуха,—но онъ пріѣзжалъ и для насъ. Бывало, какъ подъѣдетъ къ крылечку, такъ всегда и скажетъ: я дескать пріѣхалъ к ъ в а м ъ, чтобы у в а с ъ отдохнуть.—Да, батюшка, любилъ и жаловалъ насъ покойный.

— Да за что же онъ васъ любилъ такъ?

— Какъ за что?—За порядочность нашу, за православіе, за вѣрность. Да и мы-то любили его. Если бы вы были здѣсь, какъ получено было извѣстіе объ его кончинѣ, вы насмотрѣлись бы на наше горе, слезъ-то, батюшка, слезъ и плача было много по всему городу. И какъ подумаешь, послѣдній разъ пріѣзжалъ онъ къ намъ такимъ здоровымъ и веселымъ, и вдругъ не стало! Воля твоя, Господи! Слава еще Богу, (и съ этимъ словомъ старуха набожно взглянула на иконы и перекрестилась), что преемникъ его уже въ лѣтахъ и не дастъ насъ на поруганіе врагамъ нечестивымъ. Слухи даже ходятъ въ народѣ, что новый императоръ повѣстилъ грамотою, что и онъ отъ дѣла праваго не отступитъ и будетъ такъ же, какъ и отецъ, биться съ врагомъ до послѣдней капли крови. Дай-то Богъ ему силу и мудрость отцовскую!

Нѣтъ сомнѣнія, что въ родѣ моей старухи-хозяйки многіе изъ жителей Елисаветграда вспоминаютъ объ усопшемъ императорѣ. Дѣйствительно, если этотъ городъ процвѣтаетъ, то преимущественно обязанъ этимъ Николаю Павловичу. Холеры пока еще здѣсь нѣтъ, но по слухамъ,—въ Николаевѣ и Херсонѣ она уже свирѣпствуетъ. Кстати, въ кондитерской встрѣтилъ я самую словоохотливую «dame de comptoir.» Между прочимъ, она объявила мнѣ, что на-дняхъ получила письмо изъ Симферополя отъ сестры, что холера п р е у ж а с н ѣ й ш а я и тамъ свирѣпствуетъ, и что народу отъ нея валитъ премного.

— А французы отъ нея умираютъ?—спросилъ я.

— Какъ не умирать! Ихъ еще больше умираетъ, чѣмъ нашихъ, вѣдь она, проклятая, на своихъ не такъ озлобляется, какъ на чужихъ; да и народъ у нихъ, правду сказать, нетерпѣливый и невоздержный: жрётъ себѣ всё, что ни попало. Но намъ отъ этого не легче.

— Вѣстимо такъ, подумалъ я и въ раздумьѣ пошелъ снова бродить по городу.

По дорогѣ отъ Елисаветграда до Николаева, почти на 200 верстъ, всего одинъ городъ—Бобринецъ, гнѣздо жидковъ съ одною право-

славною церковью и съ нѣсколькими мазанками, а послѣ Бобринца опять степь, степь и степь!

На станціи встрѣтился съ какимъ-то господиномъ въ халатѣ,— ѣдущимъ за панибрата съ жидкомъ изъ Николаева на ярмарку въ Елисаветградъ. Хотя господинъ этотъ и отрекомендовался мнѣ вольнопрактикующимъ лѣкаремъ, но по физіономіи его, болѣе чѣмъ подозрительной, что-то не вѣрится, чтобы онъ могъ принадлежать къ семьѣ эскулаповъ; достовѣрно можно предположить, что онъ просто коновалъ, или ветеринарный лѣкарь. Но въ степи я и ему обрадовался, тѣмъ болѣе, что онъ собесѣдникъ не молчаливый. Разумѣется, прежде всего рѣчь пошла о настоящихъ событіяхъ.

По его словамъ, французы шли на приступъ мертво-пьяные (6-го іюня), положено ихъ на мѣстѣ до 8 тысячъ и взято въ плѣнъ 800 чел.; часть плѣнныхъ отправлена на Кіевъ, другая же партія на Елисаветградъ изъ Николаева; все народъ рослый и красивый, сами себя называютъ дураками и говорятъ, что на одного русскаго надо по крайней мѣрѣ 3-хъ французовъ.

Въ степяхъ, пожалуй, еще можно найти поэзію. Но для этого необходимы: пылъ молодости, богатырское здоровье да лихой конь. При такихъ условіяхъ и въ степи какое угодно горе размыкать можно. Но вотъ и Николаевъ, гнѣздо моряковъ, съ его корабельною верфью, адмиралтействомъ и разными другими заведеніями морскаго вѣдомства.

Въ городѣ замѣтна пустота, скука и вялость или, вѣрнѣе — безжизненность. Быть можетъ въ другое время и другой видъ имѣлъ городъ; но при настоящихъ обстоятельствахъ, особенно въ столь близкомъ разстояніи отъ театра войны, жителямъ Николаева не до веселостей.

Для военныхъ никакого стѣсненія относительно формы; всякій ходитъ, въ чемъ ему заблагоразсудится, и всѣ въ бѣлыхъ фуражкахъ, даже солдаты въ такихъ же фуражкахъ съ козырьками. Головной уборъ этотъ присвоенъ всей арміи Крымской. Но пуще всего отличаются безцеремоннымъ костюмомъ моряки и матросы, иной съ набросанной на плечи парусиновой курткой, а другой просто въ рубахѣ, но всѣ отличаются какой-то особенной лихостью и непринужденностью. Встрѣчалъ нѣсколько матросовъ, раненыхъ при оборонѣ Севастополя.

Бѣдные калѣки на костыляхъ! Если бы вы знали, съ какимъ уваженіемъ и умиленіемъ смотрѣлъ я на ваши благородныя увѣчья. Геройствомъ вашимъ безпримѣрнымъ при защитѣ столицы черноморскаго флота заслужили вы не токмо признательность Россіи, но и удивленіе цѣлой Европы.

Въ Николаевѣ начальникъ всѣхъ войскъ ген.-адъютантъ Кнорингъ, Романъ Ивановичъ. Онъ меня принялъ по-артиллерійски, какъ то-

варища, и оставилъ у себя обѣдать. Послѣ обѣда поѣхали мы осматривать николаевскія батареи, только-что воздвигнутыя на защиту города и адмиралтейства. Главная оборонительная линія тянется на разстояніи почти 5 верстъ отъ Буга до Ингула. Всего батарей, если не ошибаюсь, 9, и всѣ онѣ соединены одна съ другой траншеями и одною ружейной обороною. Особенно двѣ батареи, обстрѣливающія фарватеръ Буга, прекрасно вооружены морскою артиллеріей; одна изъ нихъ, ближайшая къ берегу, называется трехъ-ярусная, другая же — трехъ-дечная.

Вся прислуга изъ моряковъ, и на батареяхъ построили они для себя землянки, которыя называютъ блиндажами. По словамъ Кноринга, дѣйствуютъ моряки при орудіяхъ молодцами и даже лучше нашихъ все у нихъ упрощено донельзя, и ни одного лишняго пріема.

Наконецъ добрался я и до Херсона, ближайшаго города къ театру войны. Столбы телеграфической линіи уже поставлены по дорогѣ изъ Николаева до Херсона, но проволока еще не протянута. Какъ подумаешь, такъ война не совсѣмъ для насъ безполезна: благодаря ей мы заводимся телеграфами, предполагаемъ устроить желѣзныя дороги, заводимъ штуцера, а главное—надѣлаемъ много пороха, котораго, къ удивленію, у насъ не стало къ самому открытію кампаніи. Столько тревогъ, хлопотъ и денегъ стоила правительству одна перевозка пороха изъ разныхъ отдаленныхъ мѣстъ имперіи въ Севастополь! Много, много уроковъ даетъ намъ эта война!

Херсонъ, на Днѣпрѣ, городокъ ничтожный, въ настоящее же время мрачный и скучный.

Новостей въ народѣ носится много, но большая ихъ часть нелѣпа.

Такъ, напр., толкуютъ, что нашъ главнокомандующій (кн. Горчаковъ) сошелъ съ ума, а французскаго главнокомандующаго Пелисье—предали суду за необдуманный приступъ нашихъ верковъ и бастіоновъ 6-го іюня кромѣ того и войска французскія взбунтовались и кричатъ: «à bas Pelissier!» Въ Парижѣ также не спокойно и т. п. Интересно было бы открыть источникъ всѣхъ такихъ нелѣпыхъ толковъ.

Изъ Херсона до Алешекъ, 17 верстъ, ѣхалъ я водою, на дубѣ, подъ двумя парусами. Погода стояла чудесная, вѣтеръ попутный, и мы долетѣли менѣе, чѣмъ въ часъ, до Алешекъ. Подъѣзжая къ этой деревнѣ, я увидѣлъ, что сотни людей разнаго возраста и пола, совершенно нагіе, купались, или сидѣли на берегу, а иные лежали на баркахъ и паромахъ. Смотря на этихъ нагихъ людей, мнѣ приходило на мысль путешествіе Араго, который такъ часто видѣлъ подобныя сцены, приближаясь къ какому-нибудь дикому острову въ Тихомъ океанѣ.

На станціи засталъ я какого-то провіантскаго чиновника, повидимому, весьма дѣльнаго человѣка. Онъ ѣхалъ изъ Симферополя, а по-

тому и могъ передать мнѣ нѣкоторыя подробности о Севастополѣ. Вотъ онѣ: Нахимовъ, этотъ герой севастопольской осады,—раненъ, и опасно: штуцерною пулею въ голову. Потеря незамѣнима. Самъ чиновникъ говоритъ, что намъ легче было бы потерять 5 тысячъ войска, чѣмъ Нахимова, онъ раненъ не во время дѣла, когда присутствіе его было бы необходимо, а при обходѣ батарей.

Другой такой же герой, какъ и Нахимовъ, не по моему мнѣнію, а по мнѣнію чиновника,—Хрулевъ, былъ другомъ раненаго адмирала. Обоихъ ихъ войско любитъ и въ ихъ обоихъ безотчетно вѣруетъ.

На штурмѣ 6-го іюня, когда непріятель, воспользовавшись туманомъ, прорвался въ городъ, Хрулевъ вскочилъ въ одной рубахѣ на коня и въ этомъ костюмѣ полетѣлъ къ нашимъ войскамъ, которыя уже отступали. Наткнувшись на одинъ баталіонъ, онъ приказалъ командиру онаго ударить въ штыки, но этотъ отказался тѣмъ, что французы числомъ значительно превышаютъ его баталіонъ; тогда Хрулевъ, устранивъ командира баталіона отъ командованія, самъ повелъ нижнихъ чиновъ на штыки, а, между тѣмъ, подоспѣли и другія войска; и этимъ будто бы мы обязаны спасенію Корниловской батареи. Случай этотъ записываю я потому, что подобное что-то слышалъ я также и въ Херсонѣ отъ многихъ. Быть можетъ, оно и такъ.

Духъ войскъ нашихъ превосходный. Въ Севастополѣ русскій солдатъ просто перерождается,—дѣлается необыкновенно ловкимъ и смѣлымъ. Особенно слѣдятъ они за лазутчиками и многихъ уже открыли. Лазутчики эти переодѣваются въ священниковъ, а большею частію въ офицеровъ, и, разумѣется, говорятъ по-русски, какъ природные русскіе. Одинъ изъ такихъ, переодѣтый въ офицерскую шинель, пришелъ на одну батарею и сталъ неосторожно допрашивать солдатъ о числѣ орудій, о производимыхъ ими земельныхъ работахъ, и т. п. Солдаты, съ своей стороны, стали допрашивать его—въ которомъ полку онъ служитъ, и, наконецъ, кончилось тѣмъ, что они его задержали. Обнаружилось, что это былъ полякъ, служившій французамъ лазутчикомъ; на немъ нашли даже много разныхъ важныхъ бумагъ.

А что касается до моряковъ, то это просто чудо-богатыри. Въ особенности же отличаются они привязанностью къ своему родному Севастополю. Одинъ чиновникъ, идя по улицѣ, подиялъ какой-то камешекъ и спряталъ его въ карманъ на память посѣщенія имъ Севастополя въ такую страшную эпоху. Матросъ, увидѣвшій это, тотчасъ же сталъ просить чиновника, чтобъ онъ камешекъ положилъ на прежнее мѣсто, что Севастополь и все, что въ немъ ни есть, принадлежитъ имъ, морякамъ, и что они, пока еще живы, никому ничего не позволятъ взять изъ роднаго ихъ города. Если это и анекдотъ, то умно сочиненный. Пластуны также обратили на себя вниманіе. Они теперь уже на Кавказѣ, но, въ

бытность ихъ въ Севастополѣ, отличались многими отважными подвигами. Особенно, какъ офицеры, такъ и нижніе чины, ловко ползаютъ, такъ что самый бдительный пикетъ не всегда услышитъ, какъ подползутъ они къ нему. Такъ, напримѣръ, въ одну ненастную ночь—трое пластуновъ подползли къ часовому французскому и живьемъ сняли его съ часовъ,—съ ружьемъ и закутаннаго въ шинель. Французъ былъ въ отчаяніи. «Какая низость,—говорилъ онъ:—снимать такъ часовыхъ съ часовъ; лучше было бы, если бы они меня убили или закололи; а то какъ ребенка схватили, да и понесли запелёнутаго». На этихъ дняхъ ждутъ штурма новаго. Странно, а сегодня на станціи какъ будто слышны залпы выстрѣловъ, по крайней мѣрѣ, такъ увѣряютъ меня чиновникъ и смотритель станціи, но я, глухой, ничего не слышу. При томъ, смотритель увѣряетъ, что, въ извѣстные часы, когда была подъ Севастополемъ бомбардировка, всегда на этой станціи слышенъ былъ какой-то явственный гулъ. Такъ ли это? что-то не вѣрится! Впрочемъ, скоро узнаю—было ли что-нибудь 1-го іюля.

На счетъ занятія Керчи-Еникаля безъ выстрѣла чиновникъ также недоумеваетъ, какъ это могло случиться. Моряки будто бы говорили, что если бы остался тамъ Хомутовъ, то оно бы такъ не было, но Врангель оплошалъ, и, вообще, отъ этого генерала хорошаго ждать нельзя. Разумѣется, я записываю это—какъ одинъ толкъ народный, которому вѣры до поры до времени давать нельзя.

Между прочимъ, распространялся чиновникъ много о ихъ штуцерахъ, бьютъ они наповалъ съ тысячи шаговъ, а поранить могутъ и съ тысячи пятисотъ. Стрѣлки у французовъ превосходные. Патроны приготовляютъ какъ у артиллерійскихъ снарядовъ. Полевая артиллерія противъ штуцерныхъ и показываться не можетъ. На послѣднемъ штурмѣ мы отбили болѣе 2 тысячъ штуцеровъ. Отданъ приказъ, чтобы солдаты наши, если отобьютъ штуцеръ непріятельскій, не обывали бы его на сторону, а приносили бы въ главную квартиру, и за каждый штуцеръ дается по пяти рублей. Офицеровъ въ полкахъ осталось мало; въ нѣкоторыхъ баталіонахъ не болѣе трехъ. Мораковъ почти уже и не видать, всѣхъ повзрасходовали!

Въ Перекопѣ остановиться я не могъ: всѣ дома въ городѣ заняты подъ раненыхъ и больныхъ, да, при томъ, и самый городъ не стоитъ деревни. Проѣхавъ четыре версты отъ Перекопа—большое село, подъ названіемъ «Армянскій Базаръ»; тамъ я и кормилъ лошадей.

Съ Перекопа начинается настоящій театръ войны. Вся большая дорога заставлена верблюдами, обозами, транспортами, разными командами, курьерами и фельдшерами; не вездѣ даже легко проѣхать; между тѣмъ, какъ дорога весьма широкая. Разумѣется, при такомъ стеченіи народа,—и дороговизна на все чрезвычайная: овесъ отъ 7 р. до 8 р.

четверть, а пудъ сѣна—60 к. с. Далѣе, вѣроятно, будетъ и еще дороже.

Въ Армянскомъ Базарѣ обѣдалъ я въ трактирѣ, гдѣ имѣлъ случай слышать пренаивный разговоръ, происходившій между тремя ранеными офицерами. Постараюсь по возможности передать сколько можно буквально этотъ разговоръ.

— А вы гдѣ ранены?

— Подъ Севастополемъ два раза, 26-го мая и 6-го іюня.

— А 6-го было жарко?

— Да, ничего себѣ, жарко. Если бы не Хрулевъ, то еще Богъ вѣсть чѣмъ бы эта жарня кончилась.

— А Хрулевъ молодецъ?

— Да еще какой? По цѣлымъ днямъ и ночамъ шныряетъ себѣ по траншеямъ, да на батареяхъ, какъ это Богъ до сихъ поръ еще хранитъ его! А заведется дѣло, онъ мигомъ взлетитъ на свою казацкую лошаденку, да первый къ батальонамъ и прискачетъ: «впередъ, ребята, впередъ!»—а самъ впереди всѣхъ, и всѣ за нимъ: кажись, и мертвые полѣзли бы снова съ такимъ молодцомъ на батареи. Зато пѣхота и любитъ его, и гдѣ онъ,—тамъ всѣ молодцы...

— А какъ же у васъ тамъ нѣкоторые полки труса отпраздновали?

— А что прикажете дѣлать съ нашимъ солдатомъ? Все оглядывается назадъ; когда резервы за нимъ, онъ шагу не попятится назадъ; обѣ ноги отобьютъ, а все летитъ впередъ, да стрѣляетъ. Но зато, какъ только резервовъ нѣтъ, того и смотри, что дастъ тягу. Хрулевъ и спросилъ одинъ баталіонъ: зачѣмъ, дескать, подлецы, бѣгали?—Офицеровъ съ нами не было.—Какъ, подлецы, офицеровъ не было!—и съ этими словами повелъ баталіонъ въ ровъ, да и указалъ имъ, подлецамъ, болѣе десятка ихъ офицеровъ, которые во рву лежали убитые, а солдатъ сравнительно было тамъ не много.—Вотъ ваши офицеры,—закричалъ Хрулевъ: всѣ они умерли честною смертью: на одного офицера васъ должно лечь сто человѣкъ, а здѣсь и пяти солдатъ нѣтъ на офицера.—И съ этимъ словомъ какъ началъ валять по зубамъ, такъ болѣе чѣмъ двадцати солдатамъ собственноручно разбилъ морды въ кровь, а извѣстно, что Хрулевъ драться не любитъ. Теперь уже подлецы не говорятъ, что офицеровъ съ ними не было, а когда спроситъ:—зачѣмъ бѣгали?—не могимъ знать, зачѣмъ, ваше превосходительство,—отвѣчаютъ всѣ въ одинъ голосъ.

— А правда ли, что французы на штурмъ лѣзли пьяные?

— Сущая правда. За то послѣ, какъ протрезвились, да какъ наши приняли ихъ въ штыки, такъ просто сдѣлались какъ мухи; жаль было даже и добивать. А нельзя не бить; въ другой разъ полѣзетъ.

— А женщины были съ французами?

— Говорятъ, всего было три, переодѣтыхъ въ солдатскую форму и

съ штуцерами. Одну я самъ видѣлъ на перевязочномъ пунктѣ; она была ранена пулею въ грудь. Когда мундиръ разстегнули, и я увидѣлъ большую грудь, то сначала подумалъ, что это опухло отъ раны, но смотрю, и другая такая же грудь. А тутъ и солдаты замѣтили, что женщина, да какъ пристали къ ней, кто за шею, кто за з—цу, да вздумали было и раздѣвать ее, да и за штаны ужъ ухватились. Насилу разогнали; но и отошли, а все кричатъ: «баба, баба!»

Кстати о женщинахъ. Какъ молва всегда преувеличиваетъ всякую боль. Не доѣзжая одной станціи до Перекопа, провелъ я вечеръ у одного помѣщика, гдѣ встрѣтилъ какую-то зрѣлую дѣву—съ самыми смѣшными претензіями на ораторство. Долго она молола мнѣ всякій вздоръ о восточномъ вопросѣ и о нынѣшней войнѣ. Наконецъ, начала разсказывать про послѣдній штурмъ.

— Вѣдь вы знаете,—говорила она,—что самъ Наполеонъ собрался было въ Крымъ, даже и поѣхалъ, но дорогою струсилъ и вернулся назадъ, а вмѣсто себя послалъ господина Пелисье. Предъ штурмомъ новый главнокомандующій приказалъ всѣхъ солдатъ напоить ромомъ, даже, говорятъ, что въ ромъ положено было какое-то одуряющее снадобье, нарочно для этого казуса выписанное изъ Парижа. Кромѣ солдатъ было и тысяча женщинъ, все переодѣтыя. Прежде всего г. Пелисье сказалъ имъ рѣчь и напомнилъ о славѣ покойнаго Наполеона, но вѣдь и французскіе солдаты не вѣрятъ въ воинскую славу бывшаго императора, они такъ же, какъ и мы, знаютъ, что Наполеонъ I осрамилъ себя на полѣ сраженія въ Россіи. Какая же можетъ быть приписана ему воинская слава? Но женщины восхитились рѣчью главнокомандующаго и первыя бросились на наши пушки, разумѣется, солдатамъ было стыдно не идти за женщинами, и они бросились. Но какъ только изъ нашихъ пушекъ стали по женщинамъ стрѣлять, онѣ, разумѣется, струсили и побѣжали назадъ, и солдаты за ними, и т. д.

Можно вообразить, съ какимъ вниманіемъ прислушивался я къ этой оригинальной болтовнѣ глупой бабы, которая берется разсуждать о томъ, о чемъ она и понятія не имѣетъ. А, между тѣмъ, извольте эту дуру увѣрить, что она несетъ сущій вздоръ. Легче взять Севастополь, чѣмъ образумить зрѣлую дѣву, которая, отъ нечего дѣлать, вмѣнила себѣ въ обязанность слѣдить за войной и разсуждать о ней, и гдѣ? Въ Херсонскихъ степяхъ.

Не доѣзжая сорока верстъ до Симферополя, свернулъ я отъ станціи Три-Абламы вправо на проселокъ и не болѣе какъ въ два часа ѣзды прибылъ въ разоренный аулъ Юхаръ-Джаминъ (4-го іюня), гдѣ расположенъ штабъ евпаторійскаго отряда, состоящаго подъ начальствомъ Шабельскаго. Принялъ онъ меня чрезвычайно внимательно, оставилъ у себя обѣдать, долго бесѣдовалъ о настоящихъ событіяхъ и

даже предложилъ остаться при немъ; но я отклонилъ такое предложеніе, возлагая въ моемъ положеніи всю надежду на Крыжановскаго и артиллерійское начальство.

Изъ разговоровъ Шабельскаго видно, что онъ не партизанъ Меншикова, и единственно ему одному приписываетъ то, что разгорѣлась въ настоящее время война въ Крыму; въ особенности же не одобряетъ сдѣланныхъ княземъ распоряженій 24-го октября минувшаго года для Инкерманской битвы. Большой промахъ также, по мнѣнію Шабельскаго, сдѣлалъ въ этотъ день Липранди. Когда Боске, старѣйшій этого генерала, бросилъ свою позицію и побѣжалъ на выручку англичанъ, тогда Липранди долженъ былъ немедленно послѣдовать со всѣмъ своимъ отрядомъ по пятамъ Боске и задержать его. Правда, что Липранди отъ главнокомандующаго не имѣлъ разрѣшенія завязывать дѣло съ непріятелемъ, но ограничиваться токмо одною диверсіею; однако, бываютъ случаи, когда отрядный начальникъ можетъ перейти границы данной ему инструкціи, и эти именно случаи вызываютъ извѣстный въ исторіи приговоръ: «побѣдителя не судятъ». Колобовъ полагаетъ, что Липранди не пошелъ на выручку Даненберга по личнымъ къ нему отношеніямъ; что онъ (Колобовъ) за недѣлю до дѣла, самъ былъ свидѣтелемъ—какъ Даненбергъ, на предложеніе Липранди, отвѣчалъ холоднымъ и презрительнымъ тономъ: «Да, генералъ, это хорошо, но мы придумаемъ что-нибудь получше». Я не допускаю такого предположенія, но скорѣе думаю, что у Липранди не хватило героизма совершить подвигъ, какъ говорится, на свой страхъ. Въ корпусномъ штабѣ особенно тронулъ меня до глубины души пріемъ Лосьева; онъ встрѣтилъ меня какъ самаго близкаго роднаго.

Наконецъ, отправился я и въ деревню Сакъ, лежащую на берегу озера Соленое Тузло, невдалекѣ отъ моря, въ восемнадцати или въ двадцати верстахъ отъ Евпаторіи. Въ деревнѣ этой расположенъ авангардъ евпаторійскаго отряда, состоящій изъ 18-ти эскадроновъ драгунъ при нѣсколькихъ сотняхъ казаковъ и при одной конной батареѣ. Войска авангарда перемѣняются ежемѣсячно, и вотъ почему прежде стояла въ Сакѣ 22-я батарея (Пущина), а теперь здѣсь стоитъ 21-я батарея (Колобова). Но начальникъ авангарда постоянный—свиты его величества князь Радзивиллъ; при немъ находится и офицеръ генеральнаго штаба, капитанъ Дережинскій. Полкъ и батарея стоятъ на бивуакахъ; на ночь всѣ лошади сѣдлаются, но днемъ наготовѣ выскочить на позицію и встрѣтить непріятеля: одинъ только взводъ артиллерійскій при эскадронѣ драгунъ. Справедливо Шабельскій выразился, что мы стережемъ мышь въ ямѣ, дѣйствительно, турки засѣли въ Евпаторіи, какъ въ ямѣ.

Вчера, 6-го іюля, собралъ я весьма достовѣрное свѣдѣніе объ атакѣ

Евпаторіи Хрулевымъ 5-го февраля этого года. Въ то время командовалъ всѣмъ отрядомъ евпаторійскимъ баронъ Врангель, начальникъ 1-й драгунской дивизіи. Два раза кн. Меншиковъ вызывалъ его въ главную квартиру для изустныхъ объясненій на счетъ возможности овладѣть Евпаторіею открытою силою, но Врангель всякій разъ докладывалъ главнокомандующему, что городъ этотъ непріятель такъ сильно укрѣпилъ, что взять его безъ большой потери въ людяхъ невозможно, при томъ, и ворвавшись въ него, удержаться въ немъ нельзя, такъ какъ онъ обстрѣливается многочисленнымъ флотомъ. Къ этому Врангель присовокупилъ, что въ готовности и рѣшимости его исполнить всякое предначертаніе главнокомандующаго — никто сомнѣваться не можетъ, а потому онъ и ждетъ только письменнаго предписанія атаковать Евпаторію открытою силою. При послѣднемъ объясненіи (это было въ январѣ мѣсяцѣ), кн. Меншиковъ приказалъ Врангелю возвратиться къ своему отряду, произвести новую усиленную рекогносцировку окрестностей Евпаторіи и обстоятельно обо всемъ донести ему на бумагѣ.

Осмотрѣвъ тщательно всѣ передовыя укрѣпленія города и собравъ самыя достовѣрныя свѣдѣнія о силахъ непріятеля, Врангель еще болѣе убѣдился, что взять Евпаторію безъ значительной потери въ людяхъ не предстоитъ никакой возможности, особенно въ то время года, когда грязь невылазная покрывала всю землю, такъ что лошади вязли въ грязи по самое колѣно, тонули какъ въ болотѣ; обо всемъ этомъ Врангель и донесъ кн. Меншикову, повторивъ ему снова, и на бумагѣ, что, не взирая на предстоящія препятствія и затрудненія, онъ готовъ, съ ввѣренными ему войсками, тотчасъ же идти на приступъ, на что и ждетъ предписанія. Въ отвѣтъ на донесеніе это, князь отвѣчалъ, что всѣ предположенія Врангеля находитъ онъ основательными и вполнѣ ихъ одобряетъ. Между тѣмъ, прибылъ къ Евпаторіи Хрулевъ съ флигель-адъютантомъ Волковымъ и тотчасъ же, на казацкой лошади, поѣхалъ въ нашу передовую цѣпь, которою тогда командовалъ кн. Радзивиллъ. Спросивъ у князя, сколько у него подъ рукою было казаковъ (а ихъ было не болѣе пяти сотенъ), Хрулевъ приказываетъ съ этими казаками атаковать непріятельскія батареи, чтобъ удостовѣриться, — какими калибрами вооружены онѣ. Разумѣется, на это Радзивиллъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, по какому праву Хрулевъ даетъ ему такого рода порученіе, что онъ, Радзивиллъ, состоитъ въ полномъ распоряженіи отъ своихъ начальниковъ, и что безъ ихъ особаго приказанія атаковать съ пятью сотнями казаковъ непріятельскія батареи онъ никогда не рѣшится. Кончилось тѣмъ, что Хрулевъ съ сотнею казаковъ и въ сопровожденіи Радзивилла и Волкова поѣхалъ вдоль линій цѣпи, чтобъ вызвать непріятеля на открытіе огня изъ орудій, что и

случилось: всѣ батареи открыли огонь. Хрулевъ—подъ огнемъ этимъ—соблюдалъ чрезвычайное присутствіе духа: на своей казацкой лошади, съ подвязанною правою рукою (онъ былъ раненъ на Дунаѣ), въ папахѣ, нахлобученной на самыя брови, онъ ѣхалъ тихимъ шагомъ по цѣпи, останавливая нѣсколько разъ свою лошадь; и когда замѣчалъ, что казаки, отъ ходившихъ окрестъ ихъ снарядовъ, раздавались въ стороны, говорилъ съ неудовольствіемъ Радзивиллу, что они срамятъ себя въ глазахъ непріятеля. Этой фанфаронскою поѣздкою по цѣпи рекогноцировка и кончилась, и, въ результатѣ, Хрулевъ изъ нея никакихъ свѣдѣній положительныхъ пріобрѣсть не могъ—какъ объ укрѣпленіяхъ Евпаторіи, такъ равно и о силахъ гарнизона непріятельскаго. Послѣ этого, видѣлся онъ съ Врангелемъ, который обстоятельно передалъ ему убѣжденія свои на счетъ невозможности взять городъ укрѣпленный безъ значительной потери въ людяхъ, и на счетъ того, что въ настоящее время легко можно держать непріятеля въ самой тѣсной блокадѣ. Повидимому, на всѣ доводы Врангеля—Хрулевъ согласился, по крайней мѣрѣ ничего не возразилъ ему, а, между тѣмъ, въ тотъ день донесъ кн. Меншикову, что, по его личному удостовѣренію, Евпаторію взять весьма не трудно, и что онъ обѣщаетъ завладѣть городомъ безъ большой даже потери въ людяхъ. Вслѣдствіе такого необдуманнаго донесенія Хрулева, главнокомандующій предписалъ Врангелю отдать въ распоряженіе Хрулева извѣстное число войскъ, артиллеріи, пѣхоты и кавалеріи для овладѣнія Евпаторіею открытою силою. Такимъ образомъ, состоялся 5-го февраля штурмъ, но чѣмъ окончился онъ? Безполезною потерею, и весьма значительною, въ людяхъ, постыднымъ отступленіемъ нашихъ войскъ изъ подъ огня непріятельскаго и, впослѣдствіи, еще большимъ усиленіемъ непріятельскихъ укрѣпленій. Разумѣется, и служба боевая Хрулева помрачилась бы въ конецъ, еслибъ оборона Севастополя не доставила ему нѣсколько случаевъ обнаружить себя настоящимъ героемъ—неутомимымъ, предпріимчивымъ и храбрымъ до отчаянія. Но, отдавая ему полную справедливость въ необыкновенномъ его мужествѣ и въ замѣчательномъ въ самыя критическія минуты присутствіи духа, я все-таки убѣжденъ, какъ нельзя болѣе, что Хрулевъ лихой партизанъ и отчаянный воинъ, но не генералъ—въ настоящемъ значеніи этого слова.

Артиллерія, на штурмѣ Евпаторіи, дѣйствовала согласно предварительно составленной для этой цѣли диспозиціи и на основаніи руководства для артиллерійской службы, изданнаго по высочайшему повелѣнію въ 1853 году (Атака укрѣпленныхъ постовъ, стр. 696—697).

Въ ночь съ 4-го на 5-е февраля для орудій были устроены эполементы, и, несмотря на темноту ночи, такъ удачно и вѣрно, что артиллерія заняла позицію въ 250 саж. отъ города.

Въ 6 часовъ утра артиллерія лѣвой колонны (шесть батарей — двѣ легкихъ и четыре батарейныхъ) была уже на мѣстахъ, и прочія (пять батарей, въ томъ числѣ конная бат. № 21) двигались развернутымъ фронтомъ уступами на позиціи. Въ это время и непріятель открылъ на всемъ протяженіи укрѣпленій артиллерійскій и ружейный огонь. Но, несмотря на это, батареи, бывшія въ движеніи, подъ покровительствомъ огня расположенныхъ уже батарей на позиціи, заняли приготовленныя мѣста съ эполементами, и началась общая канонада съ 76 орудій.

Артиллерія наша дѣйствовала съ необыкновеннымъ успѣхомъ, заставляя попеременно непріятельскія орудія умолкать, и взорвала на воздухъ мѣткими выстрѣлами пять зарядныхъ ящиковъ или погребковъ. Но несправедливо донесъ Хрулевъ, будто бы, около 10 часовъ утра, батареи наши эшелонами двинулись впередъ для дѣйствія картечью, быстро перешли на новыя позиціи и открыли огонь. Ничего этого не было; батареи не двигались впередъ съ первоначально занятой ими позиціи, за исключеніемъ 23-й бат. (Опочинина), которая, съ лейбъ-драгунскимъ полкомъ, дѣйствительно подскакивала на сто саженей къ непріятелю и дѣйствовала по немъ картечью; но всѣ другія батареи не двигались съ мѣста. Между тѣмъ, о фланговомъ передвиженіи батарей подъ сильнымъ огнемъ непріятельскимъ, справа налѣво, Хрулевъ умалчиваетъ, а это произошло отъ необдуманно избранной имъ позиціи, правый флангъ которой подвергался сильному огню съ кораблей; чтобъ отойти отъ этого адскаго огня—принуждены были, во время самаго дѣла, стянуть батареи къ лѣвому флангу, каковое движеніе, произведенное во фланговомъ порядкѣ, подъ огнемъ, подвергло нѣкоторыя батареи довольно значительному пораженію. При отступленіи—батареи начали движеніе назадъ по эшелонамъ съ лѣваго фланга, въ такомъ порядкѣ и въ такомъ устройствѣ, какъ бы на маневрахъ, несмотря на то, что турецкая кавалерія угрожала атаковать наши фланги.

Въ заключеніе движенія своего Хрулевъ говоритъ, что при всѣхъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ артиллерія наша показала чудеса храбрости, и что отъ старшаго до младшаго, отъ полковника до солдата, всѣ показали себя достойными сынами своего отечества,—въ чемъ никто, кто только знаетъ нашихъ молодцовъ-пушкарей, не усумнится.

Еще въ Кіевѣ читалъ я въ «Constitutionnel» о томъ, какъ на аванпостахъ подъ Евпаторіей съѣхались Сеферъ-паша съ Радзивилломъ и вели между собою разговоръ о нынѣшней войнѣ. По словамъ Радзивилла, случай этотъ разсказанъ былъ въ французскихъ газетахъ не точно. Дѣйствительно, въ одно прекрасное утро, князь съѣхался на аванпостахъ съ Сеферъ-пашою (Косцельскій), котораго онъ однажды видѣлъ въ Парижѣ и съ Искандеръ-беемъ (графъ Ильинскій), извѣст-

нымъ casse-cou и наѣзднико̀мъ, преимущественно, прославившимся налетомъ на отрядъ Карамзина около Калафата и истребленіемъ его. Разговоръ начался тѣмъ, что они спросили у князя, съ кѣмъ имѣютъ честь говорить, и когда князь сказалъ, что онъ командиръ авангарда евпаторійскаго отряда, тогда Сеферъ-паша объявилъ, что и онъ начальствуетъ надъ передовыми войсками восточной арміи Омеръ-паши; теперь же, какъ извѣстно, Сеферъ-паша исправляетъ должность начальника штаба у главнокомандующаго турецкими войсками. Я забылъ сказать, что въ свитѣ Сеферъ-паши было много офицеровъ французскихъ и англійскихъ, которые хотя и стояли въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи, однако могли слышать происходившій между нимъ и Радзивилломъ разговоръ.

— Мы имѣемъ сообщить вамъ весьма непріятную новость,—сказалъ Сеферъ князю Радзивиллу.

— Какую?

— Вашъ государь скончался.

— Это не правда,—отвѣчалъ князь.

— Но мы сегодня получили объ этомъ оффиціальное увѣдомленіе чрезъ телеграфъ.

— А я могу увѣрить васъ, что полученное вами увѣдомленіе, какъ вы выражаетесь оффиціальное,—не имѣетъ никакого основанія.

Надо сказать, что наканунѣ этого дня князь былъ въ главной квартирѣ, гдѣ тогда были и великіе князья, и ихъ высочества ничего еще не знали о кончинѣ государя. Поэтому, Радзивиллъ и имѣлъ основаніе не довѣрять словамъ своего собесѣдника.

Потомъ Сеферъ-паша подалъ князю папироску и просилъ его принять отъ него кисетъ съ табакомъ.

Радзивиллъ, взявъ кисетъ, съ своей стороны подарилъ Сеферъ-пашѣ сигарочницу, сказавъ при этомъ: «blague pour blague». Французскіе офицеры, понявшіе намекъ князя, громко засмѣялись.

Радзивиллъ, разговаривая съ Сеферъ-пашою, тотчасъ же узналъ въ немъ переодѣтаго ренегата Косцельскаго, но не хотѣлъ говорить ему объ этомъ; Косцельскій же самъ напомнилъ князю о свиданіи ихъ въ Парижѣ у Браницкаго. Въ концѣ разговора приняли въ немъ участіе и французскіе офицеры. Они всячески старались вызвать мнѣніе князя о настоящей войнѣ, и когда Радзивиллъ отъ этого уклонялся, замѣтивъ имъ, что въ ихъ обоюдномъ положеніи не слѣдуетъ имъ говорить о томъ, что происходитъ въ настоящую пору на театрѣ войны, тогда одинъ изъ французовъ съ оживленіемъ сказалъ:

— Вы совершенно правы, князь, что мы не должны говорить о томъ, что теперь происходитъ въ Крыму, но почему не говорить намъ о событіяхъ уже минувшихъ, о событіяхъ, которыя теперь уже сдѣла-

лись достояніемъ исторіи. Почему, напримѣръ, не отдать намъ должной справедливости военнымъ талантамъ князя Меншикова, который своими умными распоряженіями спасъ Севастополь, а вмѣстѣ съ нимъ и Крымъ? По-моему, Россія впадетъ въ величайшую несправедливость, если не воздвигнетъ памятника спасителю Севастополя и Крыма!

На эту выходку Радзивиллъ не отвѣчалъ ни слова, опасаясь навлечь на себя неудовольствіе покойнаго императора, такъ какъ онъ напередъ зналъ, что всякое разсужденіе его о Меншиковѣ и о настоящей войнѣ попадетъ на столбцы французскихъ газетъ и, быть можетъ, въ превратномъ видѣ.

— А генералъ мой,—такъ называлъ Радзивиллъ покойнаго государя, передавая мнѣ свою встрѣчу съ Косцельскимъ,—какъ вы сами знаете, шутить не любилъ и потребовалъ бы отъ меня строгаго отчета за каждое неосторожное слово. Но, признаюсь вамъ, на выходку относительно Меншикова крѣпко у меня вертѣлось на языкѣ сказать французу, что Россія скупа на памятники, и что до сихъ поръ еще она не воздвигла памятника Чичагову за Березину и за окончательное истребленіе полчищъ Наполеона на этой рѣкѣ.

Послѣ этой встрѣчи была у Радзивилла и переписка съ Косцельскимъ; письмо его хотѣлъ онъ мнѣ, при случаѣ, показать.

Извѣстно, что около озера Сасыкъ много соленыхъ озеръ, изъ которыхъ добывается соль въ огромномъ количествѣ. И теперь, не взирая на близость непріятеля, чумаки пріѣзжаютъ за солью большими обозами. Непріятельскій флотъ не могъ не замѣтить ихъ, такъ какъ гурты соленые возвышаются въ весьма недалекомъ разстояніи отъ моря. Въ одинъ прекрасный день, когда чумаковъ столпилось болѣе обыкновеннаго около гуртовъ, одинъ изъ непріятельскихъ пароходовъ быстро приблизился къ берегу и открылъ по толпѣ хохловъ орудійный огонь. Къ счастію, никого не задѣло, но хохлы до того перепугались, что побросали своихъ воловъ и безпорядочною толпою бросились бѣжать въ деревню. Потомъ, съ ужасомъ разсказывали объ этомъ происшествіи наивные малороссіяне и говорили: «Якой-то бисова война; то просто—смертобивство».

Жизнь наша бивуачная. Люди подъ открытымъ небомъ, лошади на коновязи; все наготовѣ въ одинъ часъ вскочить на коней и полетѣть навстрѣчу непріятеля. Князь Радзивиллъ, мой старый знакомый, еще подъ Варшавою оказалъ мнѣ онъ услугу: когда подбили у меня орудіе, онъ полетѣлъ стрѣлою къ обозу и привезъ мнѣ запасной лафетъ. На другой день по пріѣздѣ моемъ въ деревню Сакъ, я уже собирался облачиться въ форму, чтобы явиться къ начальнику авангарда, какъ князь предупредилъ меня, самъ пріѣхалъ ко мнѣ, приказалъ убрать

форму, сказавъ при этомъ, что онъ во мнѣ видитъ товарища, а не подчиненнаго. Человѣкъ онъ добрый, беззаботный весельчакъ, безцеремонный, и въ дѣлѣ, сколько я могу понимать, долженъ быть молодцомъ. У него по цѣлымъ днямъ пиры и веселье, пьянство, пѣсельники, разговоръ на распашку.

Костюмы офицеровъ, собирающихся у князя, да и вообще у всѣхъ преоригинальные: какія-то пальто изъ разныхъ матерій и всевозможныхъ фасоновъ; одна только у нихъ форма однообразная, это бѣлыя фуражки.

Самъ онъ всегда на распашку, а иногда и въ одной рубахѣ, среди пѣсельниковъ, и пьетъ, и поетъ, и пляшетъ. Характеръ настоящій бивуачный, беззаботный въ высшей степени. Пѣсельники при началѣ пиршества съ большимъ выраженіемъ поютъ объ немъ:

Что это за князь за такой,
Что печали не имѣетъ никакой.

Но потомъ, когда все и всѣ закатятъ за галстухъ, начинается Ф е н я и, въ числѣ другихъ строфъ, пѣсельники громко и выразительно кричатъ:

„Стоитъ Феня у перилъ,
. . . . . ее Радзивиллъ!“...

И Радзивиллъ счастливъ, бросаетъ молодцамъ деньги и кричитъ: ура!

Другой собутыльникъ забіяка, графъ К—инъ, командиръ 3-го полка, но теперь онъ уже сдаетъ полкъ Корфу и уѣзжаетъ въ Петербургъ. Этотъ собутыльникъ, какъ кажется, совсѣмъ спился, и онъ держитъ себя безъ всякаго достоинства. Грустно встрѣтить человѣка въ званіи командира полка и флигель-адъютанта—въ такомъ унизительномъ состояніи.

Всегдашнее мое убѣжденіе таково, что начальники частей, особенно въ военное время, должны вести жизнь веселую, даже разгульную; ничто столько не поддерживаетъ духа военнаго, какъ никогда не умолкаемая пѣсня, чарка водки, веселыя шутки и жизнь беззаботная. Но на все долженъ быть тактъ: начальникъ и среди самаго разгульнаго пиршества не долженъ ронять своего достоинства, такъ, чтобъ подчиненные всегда и вездѣ въ немъ видѣли начальника. Графъ Паленъ (извѣстный подъ именемъ «Картина»), бывало, пьяный, въ одной рубахѣ, стоитъ среди пѣсельниковъ съ бутылкой въ рукѣ, а, между тѣмъ, въ бывшей второй гусарской дивизіи никто и никогда не забывалъ, что «Картина» былъ нашимъ корпуснымъ командиромъ.

Но самое замѣчательное явленіе встрѣтилъ я въ женѣ К—на, молодой 18-ти-лѣтней женщинѣ, только-что вышедшей замужъ и пре-

давшейся съ полнымъ увлеченіемъ бивуачной жизни, разъѣзжая ежедневно то одна, то въ сопровожденіи какого-либо офицера по полкамъ и присутствуя на всѣхъ бивуачныхъ разгулахъ. Я ее знавалъ еще ребенкомъ.

Мать ея—умная и свѣтская женщина. Впрочемъ, наружность ея довольно привлекательная: полная, румяная, съ оживленными черными глазами; одѣвается, сверхъ платья, въ пальто военное, съ погонами и съ воротникомъ того полка, которымъ командуетъ мужъ.

На ночь, ежедневно, всѣ сходятся у полковаго командира Моравскаго, который занимаетъ большой домъ. Здѣсь уже пьянства нѣтъ, но всѣ предаются картежной игрѣ. Штосъ и банкъ мечутъ цѣлую ночь, и тысячи переходятъ изъ рукъ въ руки. Но, кромѣ азартной игры, играютъ и въ ералашъ, и я имѣю партію самую пріятную. Моравскій сказалъ мнѣ, что онъ устроилъ эти сборища для того, чтобъ самому и офицерамъ не спать по ночамъ, такъ какъ въ ночное время скорѣе всего можно ожидать внезапнаго нападенія непріятеля.

Многихъ въ полку встрѣтилъ я изъ прежнихъ моихъ знакомыхъ, и всѣ они ко мнѣ внимательны донельзя.

И вотъ жизнь, какую судьба привела вести мнѣ послѣ долгаго заточенія моего въ Шіановской улицѣ. Но отъ этой жизни я уже отвыкъ и не могу сродниться съ нею. Мысль и чувства всегда уносятъ меня далеко отъ пустой болтовни гулякъ беззаботныхъ; здѣсь одно только тѣло мое присутствуетъ на оргіяхъ. Теперь еще болѣе убѣжденъ я, что единственное и настоящее богатство для человѣка—это жизнь семейная, тихая и уединенная; шумъ и многолюдство не замѣнятъ тихихъ радостей семейныхъ,—веселая пѣснь скучна послѣ милаго лепета ребенка, и циническая бесѣда отвратительна послѣ милой и чувствительной бесѣды съ доброй женой.

Вчера, 8-го іюля, вмѣстѣ съ Колобовымъ, ѣздилъ я въ Чеботари, гдѣ расположена 22-я батарея, бывшая 24-я. Ею командуетъ Пущинъ; старикъ онъ добрѣйшій, безсребренникъ, но пустой и ничтожный. Изъ прежнихъ сослуживцевъ моихъ осталось уже мало. Кто умеръ, кто въ отставкѣ, но большая часть въ резервахъ. Лошадьми батарея много украсилась. Видно, что Пущинъ, знатокъ лошадинаго дѣла и ничего не жалѣетъ въ этомъ отношеніи. Гайдуковъ такой же молодецъ, какимъ былъ и при мнѣ; я обнялъ и поцѣловалъ его.

Всякій день мы купаемся въ морѣ; наслажденіе чудесное. Въ двухъ шагахъ отъ берега ляжешь въ воду, а волны начинаютъ обкачивать тебя съ ногъ до головы, и надо крѣпко держаться на мѣстѣ, чтобы не быть выброшеннымъ волною на берегъ. Послѣ купанья такого—все

тѣло покраснѣетъ и горитъ. Словомъ, купанье въ морѣ—это самые сильные души.

Вчера, когда мы купались, виденъ былъ большой корабль на всѣхъ парусахъ, не болѣе какъ въ трехъ или въ четырехъ верстахъ отъ берега; повидимому, шелъ онъ по направленію отъ Евпаторіи къ Севастополю, но вскорѣ перемѣнилъ направленіе и повернулъ вправо, вѣроятно—къ Константинополю. Вообще, флотъ снуетъ въ значительномъ числѣ около занимаемаго нами берега, и близъ Евпаторіи всегда видно отъ 15 до 20 кораблей. Сношеніе Евпаторіи съ Севастопольскою бухтою и съ Балаклавою не прекращается ни днемъ, ни ночью. Трудна война для насъ, но и для нихъ не легка она!

Вчера, у Моравскаго, драгуны разсказывали слѣдующія новости:

Вмѣсто Горчакова, командира 6-го пѣхотнаго корпуса, назначенъ Липранди.

25-ти-тысячный непріятельскій отрядъ отправился изъ Балаклавы въ Батумъ для дѣйствія въ Малой Азіи противъ Муравьева.

Пелисье уполномоченъ дѣйствовать по личному своему усмотрѣнію, но съ тѣмъ, однако, чтобъ дѣйствовалъ энергически, щадя, вмѣстѣ съ тѣмъ, кровь французовъ; одно съ другимъ не совпадаетъ. Три или четыре эскадрона драгунъ 2-й дивизіи пробрались въ Байдарскую долину и потревожили тамъ непріятельскихъ кирасиръ.

Выстрѣлы подъ Севастополемъ—вчера и сегодня—не слышны; въ другіе же дни явственно у насъ слышна канонада.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки стараго актера.

Въ 1842 году я пятилѣтнимъ ребенкомъ впервые былъ введенъ отцомъ на сцену Московскаго Малаго театра и съ тѣхъ поръ, т. е. почти шестьдесятъ лѣтъ, не покидалъ его. За этотъ длинный срокъ столько пришлось видѣть, слышать и перечувствовать, что можетъ быть мои записки и представятъ какой-нибудь интересъ.

I.

Въ сороковые и пятидесятые годы, съ которыхъ мнѣ приходится начать мои записки, крѣпостное право было еще въ полной силѣ и давало себя чувствовать на каждомъ шагу. Не было такого учрежденія ни казеннаго, ни частнаго, гдѣ бы сношенія служащихъ между собой не говорили о гнетѣ, о подчиненіи одного лица другому. Въ каждомъ словѣ, взглядѣ, приказаніи старшаго по чину, въ трепетѣ и подобострастіи младшаго, все говорило не о простомъ исполненіи долга каждымъ, а именно о рабствѣ, которымъ, казалось, былъ насыщенъ и самый воздухъ.

Но нигдѣ такъ ярко, такъ наглядно не проявляло оно себя, какъ въ нашемъ театральномъ мірѣ. Причина та, что именно въ этомъ мірѣ баринъ и крестьянинъ сходились такъ близко, какъ ни въ какомъ другомъ учрежденіи. Прежде всего начальникъ въ театрѣ—баринъ—помѣщикъ, какъ Кокошкинъ, Загоскинъ, или князь Шаховской, имѣвшіе собственныхъ актеровъ-пѣвцовъ, музыкантовъ, танцовщицъ, а упра-

вляемые ими, за малымъ исключеніемъ, прежніе крѣпостные; оркестръ же состоялъ почти изъ однихъ крѣпостныхъ.

Да!.. Они теперь артисты, художники, мыслители, изслѣдователи человѣческой жизни и страстей. Но язвы прежняго рабства такъ быстро зарубцовываться не могутъ. Никакіе успѣхи, лавры и почетъ не исцѣлятъ, а только временно прикроютъ ихъ. Но чуть явится не баринъ даже, а похожій на барина, какъ бывшій рабъ торопится выразить ему свою покорность.

Упоминая объ этихъ трехъ лицахъ, считаю нужнымъ оговориться: я ихъ не помню совсѣмъ, но между нашими стариками о нихъ и ихъ воздѣйствіяхъ на нашъ малый театръ, администрацію и актеровъ такъ много говорилось, что они являются для меня вполнѣ опредѣленными личностями не только въ дѣлѣ искусства, а даже въ ихъ семейномъ быту.

Напримѣръ, вотъ что разсказывалъ о Шаховскомъ М. С. Щепкинъ.

Въ вотчинѣ князя,—по словамъ Щепкина,—былъ огромный театръ; актеры, пѣвцы, музыканты, танцовщицы—всѣ были его крѣпостные. Всѣ сосѣди-помѣщики за десятки верстъ съѣзжались къ нему на спектакли. Самъ князь, страстный поклонникъ искусства, вообще, и особенно драматическаго, былъ и режиссеромъ и учителемъ, пѣвцомъ и капельмейстеромъ (хотя капельмейстеръ былъ нанятой, онъ же учитель музыки и пѣнія). Все до мелочей дѣлалось по указанію самого князя. И вотъ ставитъ онъ какую-то трагедію у себя въ театрѣ и учитъ молодую актрису, играющую главную роль героини. Ходитъ князь по сценѣ и слѣдитъ за каждымъ малѣйшимъ движеніемъ юной, талантливой крѣпостной дѣвицы. Глядя со стороны на обоихъ лицъ, учителя и ученицу, казалось, что передъ вами происходитъ игра кошки съ мышкой.

Въ патетической сценѣ онъ рѣзкимъ, энергичнымъ шопотомъ подбодрялъ героиню: «Дашка!... сильнѣй!... сильнѣй!... Нутра больше, нутра, Дашка!...» Но, видимо, что ни дѣлала Дашка, какъ ни напрягала силы, учитель былъ не вполнѣ доволенъ. Наконецъ, не выдержалъ, хлопъ ее по физіономіи. «Говорю сильнѣй, бестія!...»

Это такой обыкновенный пріемъ учителя, что ни сама героиня, ни присутствующіе тутъ же король, королева, принцы и весь придворный штатъ, разумѣется, не придавали этому ровно никакого значенія. «Баринъ поучаетъ»,—вотъ и все. Впрочемъ, кто знаетъ?—въ душу поучаемыхъ такимъ образомъ никто тогда не считалъ нужнымъ заглядывать.

Тѣмъ не менѣе, Дашка, съ зардѣвшейся щекой отъ полновѣсной пощечины, одушевилась страшно и къ концу сцены съ ней отъ сильнаго напряженія нервовъ сдѣлался обморокъ. Блѣдна Дашка, краше въ гробъ кладутъ, только одна щека горитъ по-прежнему. «Молодецъ, Даш-

ка!... Молодецъ!»,—кричитъ восторженный учитель. Но молодецъ лежитъ безъ памяти.

Учитель тихо, осторожно, какъ любимое дѣтище, беретъ ее къ себѣ на руки и какъ тростиночку носитъ по сценѣ, самъ заливаясь слезами и причитывая, картавя, какъ говорятъ съ маленькими дѣтьми: «Гою-бушка ты моя!... Къясавица ты моя дѣвочка!... Хоясё, хоясё, чудесно!... Вотъ всегда такъ нужно, дѣточка моя!...»

Красавица, наконецъ, пришла въ сознаніе, открыла глаза. И онъ съ тѣми же причитаніями, какъ самая нѣжная мать, бережно опустилъ ее на софу и огромной дланью тихо, нѣжно, какъ будто прикасаясь къ чему-то хрупкому, приглаживалъ разсыпавшіеся волосы на головѣ, продолжая плакать чуть не навзрыдъ.

Такіе пріемы баръ-начальниковъ съ крѣпостныхъ сценъ были перенесены и на казенные театры, за исключеніемъ, развѣ, однихъ физическихъ заушеній.

Управленіе Верстовскаго, этого барина-крѣпостника, талантливаго композитора, глубоко понимавшаго искусство вообще, было вполнѣ деспотическое.

Да никто изъ рабовъ ему подвластныхъ и не мечталъ и во снѣ не видалъ, что могло быть и иное, болѣе человѣческое, отношеніе къ нему. Всякій ясно сознавалъ, что одно его слово, и вы завтра же безъ куска хлѣба. Никого не удивляли, не возмущали такія выходки, когда приходилось слышать распеканіе мелкихъ артистовъ за какой-нибудь въ сущности очень не важный проступокъ. Рѣзкіе эпитеты сыпались на провинившагося градомъ. «Я тебя, каналья, въ солдаты отдамъ!»... и въ заключеніе отрывистый возгласъ: «въ караульню!...» и несчастнаго сейчасъ же уводили въ помѣщеніе, гдѣ во время спектаклей въ маломъ театрѣ пребывали караульные солдаты, на сутки, на двое, на трое, судя по винѣ, или, вѣрнѣе, по раздраженію начальника. И это никому не казалось униженіемъ, а если втихомолку и обсуждали выходку, то только въ томъ смыслѣ, что за такую вину трое сутокъ много. Вотъ такого-то посадилъ всего на сутки, а онъ больше виноватъ.

Къ драматической труппѣ отношеніе начальника было еще сравнительно мягче. Тремъ, четыремъ лицамъ онъ всегда говорилъ вы. Вы, Павелъ Степановичъ (Мочаловъ) [1]), или, вы, Михаилъ Семеновичъ (Щепкинъ). Такъ же и нѣкоторымъ актрисамъ, напримѣръ, Аграфенѣ Тимоѳеевнѣ Сабуровой (несравненной, дивной актрисѣ комедіи). А всѣ другіе назывались просто по фамиліи: Шумскій, Самаринъ, а иногда въ видѣ особой милости удостоивались иногда и: Сергѣй Васильевичъ, Иванъ Васильевичъ, но всегда при этомъ прибавлялось: «ты, братецъ!»,

[1]) Мочалова едва помню на сценѣ.

*

засимъ произносился какой-то неопредѣленный, длинный звукъ вродѣ— э-э!... какъ будто онъ вспоминалъ что-то и при этомъ указательный палецъ правой руки непремѣнно прижималъ кончикъ носа снисходительнаго начальника и тогда уже рѣзко, отрывисто предъявлялись требованія. Не мало было и такихъ, которые назывались по именамъ, безъ отчества и фамиліи, и всѣ они крупные актеры и далеко не молодые. Орловъ, напримѣръ, игралъ такія роли, какъ Скалозуба въ «Горе отъ ума», Степановъ Тугоуховскаго. Степанова возили въ Петербургъ для исполненія этой роли по приказу императора Николая Павловича. А былъ одинъ, который назывался Мекешка!... Эту фамильярную кличку носилъ извѣстный актеръ Николай Матвѣевичъ Никифоровъ. Такое отношеніе къ служащимъ не ограничивалось одними артистами, но распространялось и на чиновниковъ конторы; и тамъ такъ же два, три лица назывались полными именами, а остальныя или фамиліями, или только именами.

Большинство чиновниковъ были недоучившіеся семинаристы. Обхожденіе съ ними управляющаго конторой было крайне рѣзкое: выговоры, распеканія, не рѣдко съ прибавленіемъ очень нелестныхъ прозвищъ. Это было такъ обыкновенно, что противъ такого обращенія они ничего не имѣли, если бы это говорилось въ ихъ кругу, чиновничьемъ. «Но вотъ обидно что», высказывалъ одинъ изъ нихъ: «что эти нехорошія слова говорятся иногда и при артистахъ. А вѣдь мы, чиновники, начальники!... Какое же можетъ быть у артистовъ уваженіе, почтеніе къ намъ, когда они слышатъ такія слова? Вѣдь я не какой-нибудь артистъ или музыкантъ, у меня впереди повышенія, чины, можетъ быть со временемъ я и самъ буду управляющимъ конторой».

Вѣроятно, вслѣдствіе такихъ соображеній, они держали себя съ артистами недоступными олимпійцами, едва удостоивая отвѣтомъ, когда обращались къ нимъ съ какимъ-нибудь дѣломъ, справкой. Справка требовала нѣсколько минутъ, а приходилось ждать два, три часа, судя по тому, какого полета проситель. Вотъ и ждутъ, когда, наконецъ, наскучитъ ему перелистывать старую газету или просматривать вышедшую афишу. Счастье еще, если въ это время къ нему не подсядетъ отъ другаго стола такой же олимпіецъ и не начнетъ бесѣды о дѣлахъ семейныхъ, о дороговизнѣ припасовъ, о встрѣчѣ его вчера съ общими знакомыми въ театрѣ. Вся бесѣда идетъ вяло, тоскливо, съ упорнымъ зѣваніемъ и крещеніемъ рта въ это время, нисколько не представляя интереса ни тому, ни другому, а вы стойте и ждите «своего термина», какъ выражался одинъ изъ столоначальниковъ. Но вотъ бѣда, если въ это время придетъ извѣстіе, что управляющій не будетъ въ конторѣ, тогда можно прождать и до конца присутствія и рискуешь еще быть приглашеннымъ на завтра: сегодня нѣтъ времени, онъ очень занятъ.

Все это теперь кажется невѣроятнымъ, но при тѣхъ воззрѣніяхъ чиновниковъ на свою дѣятельность иначе и быть не могло. Вотъ, напримѣръ, что высказывалъ столоначальникъ, нѣкій Каракалпаковъ: «театръ и актеры существуютъ только потому, что есть мы, чиновники, а не будь насъ, ни театръ, ни актеры и не нужны совсѣмъ. Вотъ это все вы и должны понимать». Говорилось это при случаѣ каждому очень внушительно и съ апломбомъ, не допускающимъ возраженій.

Но такое издѣвательство было не со всѣми служащими въ труппахъ; всегда находились лица, избавленныя отъ такихъ обращеній, одни по своему положенію, занимаемому въ труппахъ (этихъ не много), другія по инымъ, довольно разнообразнымъ причинамъ: по расположенію къ нимъ высшаго начальства (причины тоже разнообразны), иныя по особой ласковости и невзыскательности характера, четвертыя вызывали любезность и снисходительность вещественными приношеніями въ видѣ ящика сигаръ, подсвѣчниковъ, ковриковъ, шитыхъ подушекъ на диванъ, даже пѣвчія птицы вызывали умиленіе на строгихъ лицахъ пріемлющихъ, а пятыя необыкновеннымъ упорствомъ, терпѣніемъ и настойчивостью, достойными лучшаго примѣненія. Разъ цѣль намѣчена, такой субъектъ будетъ мѣсяцъ, два, каждое утро стоять у стола чиновника, отъ котораго зависитъ двинуть его дѣло. Бухгалтеръ Малышевъ, на вопросъ, отчего такъ долго тянется дѣло?—указалъ около своей конторки совершенно вытертое мѣсто на полу, лишенное всякой краски, и произнесъ: «вотъ какъ надо дѣйствовать просителямъ». И при семъ имя рекъ—сего упорнаго мужа, унесшаго всю краску на ногахъ.

Приведу собственный разсказъ одного изъ «упорныхъ», какъ онъ добивался прибавки къ жалованью при инспекторѣ репертуара Бегичевѣ (объ его управленіи будетъ разсказано ниже). «Я»,—говоритъ «упорный»,—«добился, наконецъ, серьезнаго обѣщанія Владиміра Петровича дать мнѣ прибавку» (а не-серьезно онъ обѣщалъ всегда и всѣмъ, кромѣ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда просило лицо, къ которому онъ не былъ расположенъ. Такихъ немного, и имъ онъ отказывалъ, не стѣсняясь).

Проходитъ недѣля, двѣ, мѣсяцъ, другой, а о прибавкѣ ни слуху, ни духу. «Вижу»,—говоритъ «упорный»,—«нужно приняться за мою систему понужденія». Одиннадцать часовъ утра, звоню у подъѣзда Владиміра Петровича. Вхожу, капельдинеръ снимаетъ шубу». «Что Владиміръ Петровичъ всталъ?»—«Точно такъ-съ, пожалуйте въ пріемную». Пріемная особенная: у всѣхъ стѣнъ и между мебелью разставлены подуги всѣхъ цвѣтовъ и наименованій, и въ клѣткахъ, и на желѣзныхъ стойкахъ; на окнахъ за проволочными сѣтями множество всевозможныхъ птицъ; въ углу огромная клѣтка съ двумя маленькими обезьянами; портьеры, занавѣски необыкновенныхъ цвѣтовъ и рисунковъ; глубокіе, мягкіе бархатные ковры покрываютъ весь полъ; столики, стульчики,

козеточки, изящныя пепельницы, спичечницы повсюду. Все нѣжно, мягко, воздушно, по красотѣ—художественно. Глядя на все окружающее, вамъ и въ голову не придетъ, что здѣсь живетъ могучій красавецъ-мужчина!...

Нѣтъ, тутъ непремѣнно должна обитать томная, нѣжная, слабая нервами дама идеалистка, мечтательница. Посѣтитель, ожидая хозяина, не соскучится, развлеченія повсюду: тутъ попугаи докладываютъ вамъ отрывки изъ разныхъ стихотвореній, сопровождая ихъ иногда и бранными словами, здѣсь обезьянки занимаютъ пришельца смѣшными ужимками, прыжками и иными не всегда приличными поступками, а хоръ пѣвцовъ за желѣзной сѣтью на окнѣ въ свою очередь поетъ, трещитъ, пищитъ, щелкаетъ на всѣ лады.

Капельдинеръ просовываетъ голову изъ двери передней и робкимъ шопотомъ докладываетъ посѣтителю: «изволили выйти въ столовую, сейчасъ доложу». Проходитъ добрыхъ полчаса, наконецъ, портьера откидывается, и на порогѣ появляется чудная, величественная, изящная фигура хозяина, въ шелковомъ халатѣ необыкновеннаго цвѣта и покроя, въ шитыхъ туфляхъ, гармонирующихъ и съ халатомъ и общимъ элегантнымъ видомъ вершителя нашихъ судебъ.

— Здравствуйте, мой дружокъ!.. что скажете?

Отвѣтъ извѣстный—повтореніе просьбы съ напоминаніемъ о его обѣщаніи. Обѣщаніе подтверждается снова, что разъ онъ обѣщалъ, исполнитъ непремѣнно, но нужно немного подождать. Бесѣда по времени длится разно: если посѣтитель умѣетъ вести себя (какъ объ этомъ тоже будетъ сказано въ свое время), то бесѣда можетъ продолжаться довольно долго, а не умѣетъ или не желаетъ умѣть, то очень скоро: нѣсколько необходимыхъ словъ и конецъ. Всѣ «упорные» знаютъ, какъ нужно держать себя, и бесѣда идетъ долго, періодически пополняясь продолженіемъ обѣщаній съ одной стороны и просьбами съ другой.

На слѣдующій день, ровно въ одиннадцать часовъ утра, «упорный» звонитъ у подъѣзда, и все вчерашнее, съ нѣкоторыми варіантами, повторяется снова. И такъ цѣлыя недѣли. Ни праздники, ни будни осада не прекращается. В. П. видимо начинаетъ тяготиться ежедневнымъ посѣтителемъ, а посѣтитель этого-то и добивался и не только не смягчалъ, а усиливалъ нападеніе. Наконецъ, слышитъ давно желаное слово:

— Дружокъ мой!.. вы знаете, какъ я къ вамъ расположенъ, но поймите, что на этотъ разъ не отъ меня зависитъ ускорить, какъ вы хотите: баронъ Кистеръ упрямится, ну что же съ нимъ прикажете дѣлать? А вы поступите такъ: отправляйтесь въ Петербургъ, къ барону, я вамъ дамъ отпускъ, и, вѣроятно, вы тамъ скорѣй устроите всё.

«Дѣло въ шляпѣ», думаетъ «упорный»: онъ въ глубинѣ души только и мечталъ объ этакой поѣздкѣ, но ѣхать вопреки желанію В. П. значитъ испортить свои отношенія къ нему, а это не входило въ его разсчеты. А теперь онъ ѣдетъ съ его благословенія, чего такъ усердно и добивался; значитъ, однимъ выстрѣломъ убиты два зайца, и все будетъ превосходно.

«Упорный» въ Петербургѣ. Десять часовъ утра, онъ въ конторѣ. Баронъ не пріѣдетъ раньше двѣнадцати, но по разсчету «упорнаго» лучше быть пораньше. Входитъ баронъ, онъ лично знаетъ «упорнаго».

— А!.. здравствуйте!.. ко мнѣ?—очень радъ, въ чемъ дѣло?

Дѣло излагается. Баронъ отнѣкивается: нѣтъ суммъ, нужно повременить, потерпѣть. Поговоривъ и обнадеживъ, проходитъ въ свой кабинетъ. «Упорный» остается и ждетъ конца присутствія. Четыре часа, присутствіе кончено. Баронъ выходитъ изъ кабинета, собираясь ѣхать домой, передъ нимъ «упорный» и, провожая барона, проситъ о прибавкѣ.

Проходитъ недѣля, другая послѣ первой встрѣчи съ «упорнымъ», и за весь этотъ срокъ не было дня, кромѣ праздниковъ, чтобы «упорный» не былъ въ конторѣ, а вечеромъ въ театрѣ, стараясь непремѣнно встрѣтить барона съ тѣми же просьбами и заявленіями.

Баронъ, при видѣ его, замѣтно начинаетъ волноваться и чувствовать себя нехорошо отъ постоянныхъ преслѣдованій «упорнаго». Какъ увидитъ его, тоскливо охаетъ и тяжело вздыхаетъ:

— Ахъ, Боже мой!.. вы опять здѣсь? Вѣдь я же вамъ сказалъ—повремените.

Проходитъ еще недѣля, ежедневныя встрѣчи продолжаются самымъ аккуратнымъ образомъ. Баронъ окончательно впадаетъ въ тоску, даже какъ будто осунулся.

— Боже всемогущій, опять вы?!.. охъ!.. Пойдемте ко мнѣ въ кабинетъ.

Приходятъ, садятся. Баронъ пишетъ письмо; кончилъ, запечаталъ и подаетъ «упорному»:

— Отправляйтесь въ Москву и передайте мое письмо Владиміру Петровичу. Всё будетъ сдѣлано, о чемъ вы просите. Надѣюсь, вы довольны?

— Очень доволенъ, ваше сіятельство.

— Ну, съ Богомъ, поѣзжайте. Вы когда ѣдете?

— Завтра же, ваше сіятельство.

— Охъ!.. прощайте.

«Упорный» въ Москвѣ и на другой день у Владиміра Петровича. Подаетъ письмо барона и съ восторгомъ увѣряетъ, что баронъ принялъ его превосходно, такъ былъ любезенъ, привѣтливъ, все обѣщалъ сдѣ-

лать непремѣнно, и бумага о прибавкѣ вѣроятно придетъ въ Москву дня черезъ три, четыре. В. П., какъ дѣйствительно очень добрый человѣкъ, выражаетъ искренно свое удовольствіе по случаю удачи и между прочимъ вскрываетъ письмо барона къ нему. Съ первыхъ строкъ В. П. немножко измѣнился въ лицѣ. «Упорный» замѣтилъ перемѣну и спрашиваетъ безпокойно:

— Что такое пишетъ баронъ?

— Ничего, ничего, дружокъ мой!.. это у насъ съ нимъ свои дѣла и до вашей прибавки не касаются.

Опять проходятъ недѣля за недѣлей, а прибавка какъ въ воду канула, никакихъ извѣстій.

«Упорному» западаетъ такая мысль въ голову: это самъ В. П. задерживаетъ бумагу о прибавкѣ, а она, разумѣется, давно пришла. Одиннадцать часовъ утра, звонокъ у подъѣзда В. П.

— Здравствуйте, мой дружокъ! Въ чемъ дѣло?

— Владиміръ Петровичъ, я удивленъ!—что значитъ, почему нѣтъ извѣстій о прибавкѣ, я былъ увѣренъ, что дня три, четыре, и она должна быть у васъ.

— И я не понимаю, дружокъ мой, рѣшительно не понимаю, почему нѣтъ.

— Мнѣ кажется, В. П., что можетъ быть вы сами считаете меня не заслуживающимъ этой прибавки и не хотите объявить мнѣ объ этомъ. Вдругъ В. П. заволновался.

— Я, я, значитъ, я задерживаю?—Да что вы, дружокъ мой!.. зачѣмъ я это сдѣлаю?

— Да мнѣ очень странно, В. П.: баронъ меня такъ увѣрялъ, что скоро, вслѣдъ за мной... и письмо вамъ прислалъ объ этомъ и вдругъ...

— Письмо?—вы говорите, письмо!.. Хорошо же, хорошо. Я не хотѣлъ говорить, огорчать васъ!.. но разъ вы меня подозрѣваете, я вамъ сейчасъ покажу это письмо.

В. П. быстро идетъ въ кабинетъ, выноситъ письмо барона и подаетъ «упорному». — Повторяю, я не хотѣлъ его показывать, но вы думаете... такъ пеняйте на себя, читайте. «Упорный» читаетъ слѣдующее: «Ради всего святаго уберите отъ меня этого упорнаго!.. Онъ преслѣдуетъ меня повсюду, какъ тѣнь отца Гамлета, цѣлый мѣсяцъ. Нагналъ на меня страшный кошмаръ по ночамъ. Если такъ будетъ продолжаться, я чувствую, что не перенесу этого и заболѣю. Главное — не давайте ему отпуска въ Петербургъ, онъ меня совсѣмъ сокрушитъ».

Мѣсяца черезъ два упорный все-таки желанную прибавку получилъ.

Разсказъ объ «упорномъ» заставилъ меня далеко забѣжать впе-

редъ, что нарушаетъ послѣдовательность въ смѣнѣ начальниковъ одного другимъ, ихъ взглядовъ на театръ, искусство, артистовъ и на разрѣшеніе задачъ, къ которымъ каждый изъ нихъ приступалъ съ легкимъ сердцемъ и глубокой вѣрой въ свое знаніе и непогрѣшимость. Глядя на ломку, совершаемую ими, невольно думалось: какъ крѣпко они держатся изреченія Цезаря: «пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ». Жили, уходили или устранялись со службы съ полной вѣрой, что театръ и искусство погибло безъ нихъ, а устранены они только по интригамъ и зависти.

II.

Во времена крѣпостнаго права, публика обоихъ театровъ состояла почти исключительно изъ однихъ помѣщиковъ и служилаго чиновнаго люда. Купечество и богатое мѣщанство бывало только на масляницѣ и святкахъ. Со второй половины октября Москва оживала, начинался съѣздъ помѣщиковъ, и въ ноябрѣ уже всѣ были въ сборѣ. Балы, клубы, собранія, театры смѣняли деревенскую жизнь. Надо сказать, что оба театра хотя и посѣщались публикой, но очень слабо, такъ что весьма рѣдко можно было видѣть залъ наполненнымъ до половины, и только въ исключительныхъ случаяхъ онъ бывалъ полонъ. За то истинные любители и поклонники драматическаго искусства были ежедневными посѣтителями и знали всѣхъ актеровъ и актрисъ по именамъ, начиная съ первыхъ и кончая самыми мелкими—выходными.

Да и не мудрено, вся труппа Малаго театра состояла по штату изъ тридцати человѣкъ мужчинъ и женщинъ. Когда ставились пьесы сложныя, народныя и актеровъ не хватало, тогда назначались для пополненія ихъ изъ балета, оперы или такъ называемаго «мѣднаго хора» (нѣчто вродѣ военнаго оркестра). Даже свободные музыканты оркестра иногда играли маленькія роли въ два слова (многіе изъ нихъ были экстернами-воспитанниками). Такъ, напримѣръ, было при постановкѣ на сценѣ Малаго театра «Коріолана», Шекспира или «Смерть Ляпунова», гдѣ великое множество мелкихъ ролей. Въ свою очередь нерѣдко и драматическіе актеры участвовали въ операхъ, а молодые и въ балетахъ. И. В. Самаринъ, играя въ Маломъ театрѣ Скопина-Шуйскаго, по окончаніи перевозился въ Большой для участія въ дивертисементѣ, гдѣ и отплясывалъ—«Польку-козакъ». При постановкѣ оперы Верстовскаго «Вадимъ», ему поручена была роль Вадима. Въ операхъ вообще очень часто участвовали даже такіе артисты, какъ П. М. Садовскій,

В. И. Живокини, Н. М. Никифоровъ, С. М. Акимова, а въ драмахъ приходилось видѣть оперныхъ и балетныхъ артистовъ въ довольно крупныхъ роляхъ. Знаменитая танцовщица Санковская играла въ Маломъ театрѣ драму: «Два слова или ночь въ лѣсу», а драматическая актриса Е. Бороздина очень часто пѣла вторыя партіи въ операхъ. Вообще всѣ труппы составляли какъ-бы одно цѣлое. Когда рядомъ съ Малымъ театромъ былъ выстроенъ деревянный циркъ Новосильцевымъ, и при постановкѣ въ нёмъ разныхъ военныхъ пантомимъ, туда командировались вторые актеры драматическіе и балетныя танцовщицы для исполненія главныхъ ролей, актеры играли генераловъ, офицеровъ и говорящихъ солдатъ, а циркисты—черкесовъ и отвѣчали на русскія рѣчи пантомимой, отчаянно размахивая руками. Тутъ былъ маленькій подлогъ со стороны начальства и Новосильцева, дѣло было поставлено такъ, какъ будто циркъ былъ тоже императорскій, а потому отъ участія въ его представленіяхъ отказываться было нельзя.

Между публикой и актерами Малаго театра всегда существовала крѣпкая нравственная связь, публика говорила: «наши актеры», актеры: «наша публика». Судъ этой публики былъ страшенъ не только въ оцѣнкѣ талантовъ и дарованій, но и въ частной жизни каждаго. Какъ всякіе несправедливые поступки, обиды, учиненныя съ кѣмъ-нибудь изъ актеровъ за кулисами, непремѣнно доходили до публики, и она очень рѣзко выражала свое сочувствіе обиженному, такъ и дурной поступокъ актера замѣтно отражался на немъ при появленіи его на сценѣ. Эта связь создавалась не годами, а цѣлыми десятками лѣтъ и традиціонно передавалась отъ поколѣнія къ поколѣнію. На глазахъ этой образованной публики, съ развитыми художественными вкусами, актеры росли, совершенствовались и старѣлись. Сочувствіе «къ своимъ актерамъ» особенно сильно проявлялось послѣ отъѣзда изъ Москвы знаменитыхъ гастролеровъ Петербурга, какъ Каратыгинъ, Мартыновъ, Самойловъ и другихъ. Публика искренно восторгалась этими знаменитыми художниками, шумливо выражая свое удовольствіе, но завтра въ тѣхъ же роляхъ выступали «свои», и сочувственныя встрѣчи были просто бурными.

Въ свою очередь и актеры въ дѣло изученія жизни и характеровъ вкладывали, какъ говорится, всю свою душу. Такъ проходили годы въ нравственномъ и воспитательномъ воздѣйствіи публики на актеровъ, актеровъ на публику, хотя большинство труппы продолжало крѣпко держаться за унаслѣдованную рутину.

Въ кругу публики много было такихъ, которые все свободное время проводили въ обществѣ актеровъ и, благодаря своему высокому образованію, много способствовали общему развитію вкуса, художественному подъему въ актерахъ. Я, какъ актеръ, уже не засталъ знамени-

той кофейной Печкина, на Театральной площади, но знаю, что происходило въ той отдѣльной комнатѣ, куда никто не допускался изъ посторонней публики и гдѣ ежедневно собирались лучшіе люди того времени. Тутъ были литераторы, критики, ученые всѣхъ отраслей знанія, художники, актеры. На этихъ собраніяхъ шли горячіе диспуты о томъ, что видѣли вчера, что предстоитъ видѣть завтра, обсуждали вновь вышедшія литературныя произведенія или ученыя сочиненія; указывались недостатки, сдѣланные авторомъ, часто присутствующимъ тутъ же; порицалась неправильная передача характеровъ актерами. Эта аудиторія создала многихъ крупныхъ литераторовъ, художниковъ, актеровъ.

Вслѣдствіе очень важныхъ причинъ, аудиторія распалась, одни изъ дѣятелей удалились въ Англію, другіе въ Швейцарію, и изъ всѣхъ остались два, три—какъ-то: Н. Х. Кетчеръ, С. А. Юрьевъ, и они до конца дней своихъ не покидали насъ своими добрыми совѣтами и указаніями. Большинство актеровъ были воспитанниками театральной школы, а какое мы получали тамъ научное образованіе, будетъ сказано ниже. Благодаря постояннымъ сходкамъ въ этомъ импровизованномъ университетѣ, образовательный цензъ актеровъ возросталъ, ширился и отражался на ихъ творчествѣ.

Но къ несчастью ни публика, ни эти просвѣтители актеровъ не въ силахъ были отстаивать даровитѣйшихъ отъ преслѣдованій и утѣсненій власть имѣющихъ. Приведу случай далеко не единственный, бывшій съ С. В. Шумскимъ. Еще въ школѣ, бывши ученикомъ М. С. Щепкина, Шумскій уже обѣщалъ быть знаменитостью. По выходѣ изъ школы, въ силу нерасположенія къ нему начальства и разныхъ закулисныхъ интригъ, ему рѣдко приходилось играть порядочныя ролькн, а больше выходныя въ два слова. Но публика знала его какъ талантливаго, молодаго актера и всегда выражала ему свое сочувствіе, а это только усиливало къ нему нерасположеніе враговъ.

Наконецъ, онъ понялъ, что если останется въ Москвѣ, то никакъ не выберется изъ этихъ тисковъ, и съ помощью людей, расположенныхъ къ нему, получилъ приглашеніе на службу въ Одессу. Подаетъ прошеніе объ отпускѣ, и ему, конечно, съ большой охотой даютъ отпускъ, чтобы избавиться отъ непріятнаго члена труппы. Передъ отъѣздомъ онъ играетъ какую-то маленькую не видную роль, но публика уже знала о его оставленіи московской сцены и дѣлаетъ ему такой пріемъ, что въ пору хоть-бы и первому актеру.

Цѣлыхъ шесть лѣтъ онъ провелъ въ Одессѣ, создалъ себѣ громкое имя, начальство знало его успѣхи, но и не думало требовать его обратно въ Москву; напротивъ, съ большимъ удовольствіемъ каждый годъ продолжало возобновлять его отпускъ.

И если бы не счастливый случай, врядъ-ли Шумскій и совсѣмъ когда-нибудь вернулся въ Москву.

Весной пріѣзжаетъ въ Малый театръ на гастроли извѣстная петербургская знаменитость Прасковья Ивановна Орлова. Репертуаръ съ ея участіемъ присланъ давно, и начальство роздало роли участвующимъ съ гастролершей. Орлова просмотрѣла списокъ именъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ и категорически заявила, что такія-то пьесы она ни съ кѣмъ инымъ играть не будетъ кромѣ Шумскаго, съ которымъ она играла ихъ въ Одессѣ. Ей объявляютъ, что Шумскій въ отпуску и вызванъ быть не можетъ, но съ Орловой ладить трудно, и она рѣшительно заявила, что если Шумскій не будетъ вызванъ въ Москву, то она сейчасъ же увѣдомитъ директора и министра двора, что отъ гастролей вынуждена отказаться. Такая угроза, конечно, могла имѣть для начальства пагубныя послѣдствія; оно хорошо знало силу и вліяніе Орловой въ Петербургѣ, а потому гастроли были нѣсколько отодвинуты до пріѣзда Шумскаго. При первомъ его появленіи на сценѣ, онъ былъ встрѣченъ публикой такъ восторженно, что сама Орлова могла только позавидовать такому общему радушію.

И всѣ десять спектаклей и одиннадцатый ея бенефисъ были тріумфомъ дивнаго актера. Само собой, послѣ такихъ торжествъ и дружескихъ отношеній къ нему Орловой, начальство тоже смѣнило гнѣвъ на милость.

Говоря о сочувственномъ отношеніи публики къ актерамъ, нельзя не упомянуть о странности взглядовъ и понятій того времени той же публики, сочувствующей и преклоняющейся передъ актеромъ-талантомъ.

Въ Москву по дѣлу пріѣхалъ богатѣйшій помѣщикъ провинціалъ, господинъ Н. Былъ въ Маломъ театрѣ, видѣлъ Шумскаго въ какой-то пьесѣ, не помню, и пришелъ въ такой восторгъ отъ его исполненія, что непремѣнно хотѣлъ проникнуть къ нему въ уборную. Пришелъ и чуть не со слезами на глазахъ выражалъ ему свой восторгъ. Наконецъ, проситъ его, какъ милости, позволить завтра пріѣхать къ нему въ домъ, «это будетъ — памятью для меня на всю жизнь». Шумскій назначилъ часъ, и на другой день господинъ Н. у него. Сидятъ въ кабинетѣ, разговаривая о томъ, о другомъ, вдругъ отворяется дверь, и входитъ отецъ Шумскаго. Почтенный старикъ, шевелюра—Шумскаго-сына, только сѣдъ, какъ лунь. Господинъ Н. удивленно смотритъ на него и послѣ небольшой паузы спрашиваетъ старика: «Василій, ты какъ сюда попалъ?» И слышитъ: «здравствуйте, баринъ», и, указывая на Шумскаго: «Вѣдь это, баринъ, мой сынъ». Господинъ Н., какъ ушибленный, едва поднялся съ мѣста и послѣ нѣкотораго молчанія тихо произнесъ:

«Извините!».. какъ бомба вылетѣлъ вонъ.

Отецъ Шумскаго оказался бывшимъ крѣпостнымъ господина Н.

Въ описываемое время, рядомъ съ русской, служила и французская драматическая труппа и три раза въ недѣлю, считая и субботу, давала свои спектакли. Для русскихъ артистовъ полный срокъ службы для полученія пенсіи былъ двадцать лѣтъ и еще два года такъ называемой—«благодарности», т. е. получать только одну пенсію, а жалованье прекращалось на эти два года, тогда какъ всѣ иностранцы получали пенсію черезъ десять лѣтъ. Такая льгота привлекала ихъ служить въ Россіи, и все выдающееся, чѣмъ восхищался Парижъ, неудержимо стремилось на службу въ Петербургъ или Москву. И дѣйствительно, французская труппа въ обѣихъ столицахъ была великолѣпная. На ихъ спектакляхъ, особенно субботнихъ, публика бывала только высшаго аристократическаго общества, которое ѣздило въ русскіе спектакли въ исключительныхъ случаяхъ, но французскіе посѣщались усердно.

Все было разодѣто, вылощено, какъ на балъ. Не только въ партерѣ и ложахъ, но даже на галлереѣ, нельзя было встрѣтить посѣтителя иначе какъ во фракѣ и бѣломъ галстухѣ, а посѣтительницу почти въ бальномъ платьѣ. Во время антрактовъ въ корридорахъ и крошечномъ фойе Малаго театра французская рѣчь лилась рѣкой, и только случайно, робко и несмѣло русское слово, какъ что-то не законное, проскользало иногда, и то сказанное прислугой.

Репертуаръ обѣихъ труппъ былъ одинъ и тотъ же, такъ какъ русская сцена пробавлялась почти одними переводными французскими. Не рѣдко и русскіе актеры участвовали во французскихъ спектакляхъ, конечно, въ роляхъ въ два, три слова. И. В. Самаринъ игралъ у нихъ драму: «Ингувильскій нѣмой», и въ концѣ драмы говорилъ нѣсколько словъ. Воспитаніе русскаго актера, съ первыхъ шаговъ его на школьной сценѣ, шло исключительно на французскихъ драмахъ и комедіяхъ, а потому многіе изъ нихъ, какъ Самаринъ, Живокини по ловкости и легкости пріемовъ на сценѣ были чистѣйшими французами.

Насколько такое мнѣніе справедливо, можно судить по слѣдующему случаю. Репертуаръ обѣихъ труппъ составлялся обыкновенно на недѣлю впередъ; и вотъ въ русскомъ, между прочимъ значились двѣ французскія переводныя пьесы для одного спектакля, первая: «Записки демона», и для конца: «Стряпчій подъ столомъ». Обѣ главныя роли, въ первой—Робанъ—исполнялась Самаринымъ, а во второй—стряпчій Жовьаль—Живокини.

Нужно замѣтить, что для этихъ пьесъ во французской труппѣ исполнителей не было, и онѣ не шли совсѣмъ.

Но вотъ пріѣзжаютъ изъ Парижа вновь приглашенныя на службу двѣ знаменитости, на роли любовниковъ—Бресанъ, на роли—комиковъ-буфъ—Пешна. Въ репертуарѣ, присланномъ раньше, для первыхъ выходовъ того и другаго значилось: Бресанъ—«Записки демона», а Пешна—«Стряпчій подъ столомъ». Вдругъ видятъ афишу, что ихъ дебютныя роли сегодня играются русскими!.. Какъ не взглянуть, что могутъ одѣлать русскіе изъ ихъ, такъ сказать—«коронныхъ ролей». И вотъ они оба въ ложѣ бельэтажа. Результатъ провѣрки былъ тотъ, что оба премьера на другой день вычеркнули изъ своего репертуара обѣ пьесы.

III.

Возвращаюсь къ управленію Верстовскаго, его отношеніямъ къ артистамъ и искусству. У него, напримѣръ, всегда избирался какой-нибудь музыкантъ управляющимъ по дому, онъ же экономъ по кухнѣ и для разныхъ побѣгушекъ, не свойственныхъ артисту домашнихъ исправленій всего, и до починокъ старья — включительно, конечно, даромъ, изъ одной чести услуживать ему. Развѣ если что не такъ сдѣлано, какъ онъ приказалъ или куплено не по нраву, могъ обругать какъ своего крѣпостнаго лакея и прибавить: «Бѣги перемѣни». И семейный артистъ, трепеща за свою службу въ театрѣ, бѣжалъ изъ «Староконюшенной» опять въ «Охотный рядъ» мѣнять толстокожіе апельсины, а если не перемѣнятъ (съ нѣсколькихъ снята кожа для пробы), то покупалъ другіе на свой счетъ.

Что же касалось искусства, онъ былъ художникъ въ полномъ смыслѣ слова. Любилъ дѣло и умѣлъ цѣнить людей, конечно, съ высоты своего величія. Вездѣ и во всемъ дѣйствовалъ самъ, не довѣряя никому. Завѣдывалъ не только составленіемъ репертуара, но даже распредѣленіемъ ролей, хотя для этого было особое лицо, т. е. инспекторъ репертуара—Пороховщиковъ.

Что дѣйствительно было брошено имъ, какъ говорится, «на произволъ судьбы», такъ это школа, куда онъ являлся очень рѣдко и то главнымъ образомъ для распеканія, особенно экономa Борегара (онъ же и содержатель кофейной въ обоихъ театрахъ).

Забота о воспитаніи дѣтей ограничивалась у него приличной кормежкой, чистотой внѣшняго вида и дисциплиной, а что дѣлали дѣти, какъ учились, что были за учителя, воспитатели и воспитательницы, объ этомъ онъ не заботился.

И дѣйствительно, со стороны научно-воспитательной дѣло обстояло весьма плохо. Классныя дамы служили такія, что развѣ только въ няньки годились, такъ что самыя няньки, жившія при воспитанницахъ, были нисколько не хуже классныхъ дамъ, вся разница только въ костюмахъ и въ томъ, что няньки не могли приносить воспитанницамъ никакого вреда, тогда какъ классныя дамы, пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ, только и дѣлали, что коверкали и ломали дѣтей своими дикими, невѣжественными внушеніями и требованіями. Полное бездѣлье, пересуды, перебранки между собой надзирательницъ, ихъ угодничество, подобострастіе передъ начальствомъ, вотъ все, что могли видѣть, слышать и усвоивать воспитанницы. И при этомъ всѣ онѣ ужасно были заняты тѣмъ, чтобы представлять изъ себя дамъ образованныхъ и съ тономъ; что, конечно, шло къ нимъ, какъ къ коровѣ сѣдло, и только смѣшило и еще болѣе унижало ихъ въ глазахъ взрослыхъ воспитанницъ. И учителя были не лучше. Кромѣ танцевъ, обязательныхъ для всѣхъ, преподавались еще: законъ Божій, русская исторія, четыре правила ариѳметики; всѣ три предмета преподавалъ священникъ. Русскій языкъ—Цвѣтковъ. Французскій языкъ инспекторъ школы Оберъ. Фортепьяно—Логиновъ, потомъ его смѣнилъ Рисъ, совершенно глухой старикъ: давая урокъ, дѣлалъ замѣчанія, глядя на пальцы ученицы, разобраться же въ звукахъ по серьезной глухотѣ не могъ.

Одна изъ классныхъ дамъ, желая показать, что она дама образованная, во время рекреаціи садилась въ залѣ для наблюденія за порядкомъ и непремѣнно брала какую-то французскую книгу, читала, повидимому, очень внимательно и серьезно, часто перевертывая страницы. Но отъ дѣтей укрыться трудно, когда у нихъ закрадется подозрѣніе. Оказалось, что образованная дама, случалось, держала книгу вверхъ ногами, а на просьбу какой-нибудь бойкой воспитанницы почитать въ слухъ раздраженно отвѣчала: «подите прочь, дерзкая!..» Что, конечно, вызывало общее веселье.

Священникъ являлся на урокъ очень рѣдко: проходили дни, иногда даже цѣлыя недѣли безъ занятій; да и въ эти рѣдкія посѣщенія онъ большею частью не заставалъ ученицъ. Съ десяти часовъ утра большинство ихъ было на репетиціяхъ, оставалось всего три, четыре воспитанницы, а батюшка находилъ такое число «недостаточнымъ» и всегда повторялъ какъ урокъ: «будемъ ожидать возвращенія», хотя отлично зналъ, что ранѣе четырехъ, пяти часовъ, а иногда и позднѣе, никто изъ ученицъ не возвратится. И вотъ «скуки ради» онъ шелъ въ танцовальный классъ экстерныхъ-воспитанниковъ, садился рядомъ съ музыкантомъ (скрипачъ) или съ учителемъ танцевъ, тихо задавая вопросы объ интересующихъ его явленіяхъ, часто посматривая на часы.

Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ заставалъ хотя половину учениць, занятій наукой тоже было не много, время проходило больше въ разсужденіяхъ о начальствѣ, о трудныхъ занятіяхъ театральныхъ, и между прочимъ дѣлались нѣкоторые вопросы и по обязанности учителя. Никто, конечно, на такіе вопросы отвѣчать не могъ. И старикъ, качая укоризненно головой, произносилъ медленно: «а-ахъ, мадамы, мадамы!.. какъ же вы это?»—Впрочемъ, этотъ укоръ быстро смѣнялся сладкой надеждой, что къ слѣдующему классу всѣ будутъ знать хорошо. И такъ шло воспитаніе изъ году въ годъ. Учитель пѣнія, Томброни, обучалъ такъ: извѣстному въ свое время тенору Владиславлеву давалъ партіи баритона, а Божановскому (баритонъ)—партіи теноровыя. И только когда они прожили три года въ Италіи, вернулись въ Москву, запѣли уже наконецъ Богомъ данными голосами.

Нельзя однако сказать, что въ правленіе Верстовскаго и въ дѣлѣ искуства и внутренняго порядка всегда и все обстояло благополучно. Иногда происходили такіе безобразные случаи, которые только и могли быть терпимы именно въ то время, когда не существовало никакихъ протестовъ не только со стороны актеровъ и иныхъ дѣятелей сцены, но даже и публика вела себя необыкновенно смирно, выносливо. Происходили они по такой причинѣ: въ драматической труппѣ и въ оркестрѣ было много родственниковъ жены Верстовскаго, урожденной Рѣпиной, когда-то пользовавшейся огромной славой, какъ драматическая актриса. И вотъ благодаря родственнымъ отношеніямъ ему нерѣдко приходилось дѣлать уступки, которыя бывали крайне непріятны какъ для участвующихъ, такъ и для публики. Напримѣръ, нѣкая дѣвица Сорокина, убійственная актриса, при полной бездарности еще и заикалась и настолько сильно, что иногда прямо трудно было понять, что она говоритъ; благодаря родственной протекціи появлялась на сценѣ преимущественно въ водевиляхъ съ пѣніемъ.

Крупныя поблажки совершались и для родственниковъ въ оркестрѣ: Музыкантъ-литавристъ, во время спектакля въ Маломъ театрѣ, до того былъ пьянъ, что, сидя въ оркестрѣ, при выходѣ на сцену актеровъ, началъ громко, во все услышанье называть каждаго по имени: «Вотъ Васька вышелъ!.. Шутъ гороховый!..» (Василій Игнатьевичъ Живокини). При выходѣ актера Ермолова, началъ звать его съ собой: «Сашка, Сашка!.. будетъ тебѣ ломаться, пойдемъ, чортъ съ ними». И его едва, едва могли удалить изъ оркестра. На другой день былъ данъ строжайшій приказъ капельдинерамъ оркестра: когда такой-то явится на службу пьянымъ, не допускать его въ оркестръ, подъ страхомъ немедленнаго увольненія со службы. Виновнику происшедшаго не было сдѣлано даже выговора. Я привелъ заикающуюся дѣвицу и скандалъ съ музыкантомъ, какъ исключительные случаи, но во всемъ, гдѣ не были

замѣщены родственники жены, Верстовскій былъ необыкновенно разборчивъ, какъ въ постановкѣ пьесъ, такъ и въ раздачѣ ролей. Ни просьбы личныя, ни хлопоты черезъ кого-нибудь, близко стоящаго къ нему, о желаніи въ такой-то пьесѣ играть такую-то роль не помогали, разъ онъ знаетъ, что на эту роль есть болѣе подходящее лицо. И этимъ совершенно отучилъ отъ всякихъ забѣганій «съ задняго крыльца», что̀ послѣ него очень практиковалось. А если и бывали не подходящія раздачи ролей, то не онъ былъ виновникомъ въ этомъ. Съ пріѣздомъ въ Москву А. М. Гедеонова (директоръ театровъ разъ въ зиму бывалъ въ Москвѣ непремѣнно), который симпатизировалъ молодымъ начинающимъ, и по его личному приказанію раздавались роли болѣе чѣмъ-неудачно. Такъ отдана была роль героини въ «Разбойникахъ» Шиллера молоденькой, красивенькой актрисѣ Рябовой, что̀ не могло не отразиться дурно даже на главномъ исполнителѣ П. С. Мочаловѣ.

Сергѣй Васильевичъ Шумскій почему-то возымѣлъ страстное желаніе сыграть за Самарина роль Александра въ водевили: «Что имѣемъ, не хранимъ». Долго онъ носился съ этимъ желаніемъ, не рѣшаясь приступить къ Верстовскому съ просьбой. Разъ какъ-то Верстовскій былъ въ особенно хорошемъ расположеніи духа, и Шумскій, рѣшившись воспользоваться этимъ рѣдкимъ случаемъ, заявляетъ ему о своемъ горячемъ желаніи играть Александра. Раздается обычно-длинное э... э!.. и за симъ, о, радость!—«Ну, что жъ, братецъ, играй».

Шумскій сыгралъ, Верстовскій былъ въ театрѣ и смотрѣлъ. Проходятъ дни, Шумскій старается попасть ему на глаза, съ тѣмъ, конечно, чтобы узнать его мнѣніе. Не тутъ-то было, Верстовскій смотритъ на него и ни слова объ исполненіи. Проходитъ цѣлая недѣля; Шумскій уже отказался отъ мысли получить отзывъ о своемъ исполненіи роли. Вдругъ Верстовскій увидалъ его въ кулисахъ и зоветъ: «Шумскій!». Тотъ подходитъ. «Видѣлъ, братецъ, видѣлъ!—ты зачѣмъ игралъ въ фуражкѣ? Самаринъ былъ въ шляпѣ». И пошелъ со сцены по направленію къ своей ложѣ. Шумскій остался въ полномъ недоумѣніи.

Вдругъ Верстовскій остановился, повернулся опять къ нему лицомъ, прижалъ носъ и сказалъ: «Ну, что!.. а все-таки дрянь, братецъ!.. Никогда не надо просить ролей». И быстро пошелъ въ свою ложу. (Онъ опредѣлилъ игру другимъ словомъ, неудобнымъ для печати).

IV.

Несмотря на деспотизмъ Верстовскаго, на страшно грубое обращеніе со всѣми служащими, онъ пользовался уваженіемъ, поклоненіемъ

и не изъ подобострастія какъ къ всевластному начальнику, но какъ къ истинному артисту-художнику.

Идутъ репетиціи какой-нибудь пьесы, съ первой же, такъ называемой — «читки», всѣ актеры при чтеніи по ролямъ старались уже давать тонъ роли, выясняя по возможности характеръ лица и общій ходъ пьесы. Засимъ она переносилась изъ уборной, если залъ для репетицій и читокъ былъ занятъ, прямо на сцену уже безъ ролей.

Такимъ образомъ каждый участвующій былъ знакомъ съ общимъ ходомъ пьесы. Такъ шли двѣ, три репетиціи, гдѣ актеры, помогая другъ другу указаніями и совѣтами (вотъ гдѣ особенно былъ дорогъ многимъ М. С. Щепкинъ), достигали, наконецъ, всегда присущаго Малому театру—ансамбля. Конечно, это не всегда удавалось, почему— буду говорить ниже. Для каждаго становилось яснымъ, кто изъ исполнителей особенно выдѣляется въ своей роли. Но рѣшительнаго отзыва о себѣ вы не услышите до тѣхъ поръ, пока самъ Алексѣй Николаевичъ не выскажетъ своего взгляда на общее исполненіе и на выдающихся лицъ. Дѣлая указанія, онъ уже терялъ присущій ему деспотизмъ и самъ становился такимъ же актеромъ, какъ и всѣ, спокойно выслушивая возраженія окружающихъ и не рѣдко, послѣ очень долгихъ споровъ, соглашался съ доказательствами и доводами исполнителей.

Не мудрено, что при такой любви и пониманіи дѣла, онъ старался во всемъ дѣйствовать самъ, когда окружающіе его помощники, какъ инспекторъ репертуара Пороховщиковъ, главнымъ образомъ былъ озабоченъ не сценой и искусствомъ, а своими лошадьми и каретами, развозившими артистовъ и доставлявшими ему солидный доходъ.

Какъ-то случайно и очень не надолго Пороховщикова временно замѣстилъ новый инспекторъ, нѣкто Мухинъ; дѣлались такія замѣщенія не Верстовскимъ, а присланными изъ Петербурга, и для характеристики такихъ лицъ привожу примѣръ; Шумскій искалъ для своего бенефиса пьесу. Читалъ, выбиралъ и ничего не могъ найти подходящаго. Продолжалось это исканіе довольно долго. Вдругъ въ одинъ прекрасный вечеръ является въ театръ этотъ новый инспекторъ репертуара и съ большой любезностью объявляетъ Шумскому, что онъ нашелъ для его бенефиса очень миленькую пьеску въ стихахъ, но только подъ впечатлѣніемъ удачной находки никакъ не можетъ вспомнить ея названіе и жалѣетъ, что, торопясь въ театръ, забылъ захватить ее съ собой. Но онъ сейчасъ пошлетъ за ней капельдинера. Капельдинеръ посланъ. Шумскій ожилъ, разсчитывая, что можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ окажется что-нибудь подходящее.

А тотъ горячо продолжаетъ увѣрять, что пьеска очень миленькая и роли не дурны. И вдругъ — осѣнило!.. вспомнилъ и докладываетъ, что миленькая пьеска, съ недурными ролями, называется «Горе отъ ума».

А когда ему сказали, что она давно идетъ у насъ, онъ пренаивно удивился: «а!? — я и не зналъ этого». Такіе или въ этомъ родѣ случаи были — далеко не рѣдкость въ былое время.

Насколько было полезно для искусства вліяніе Верстовскаго, какъ художника, настолько вредно отозвались его барство и крѣпостническіе пріемы на нашей актерской средѣ. Это вліяніе выражалось какимъ-то страннымъ чинопочитаніемъ между крупными, средними и мелкими артистами. Крупные отвѣчали на поклонъ среднихъ едва слышнымъ «здравствуйте», никогда при этомъ не подавая руки; средніе — тѣмъ же — низшимъ и такъ далѣе. Даже тутъ, въ собственной средѣ, между товарищами, крѣпостничество и рабство свило себѣ гнѣздо.

Съ первыхъ дней, когда я началъ ежедневно посѣщать Малый театръ, въ одномъ изъ спектаклей на меня произвелъ особенное впечатлѣніе маленькій толстый человѣкъ, котораго я какъ сейчасъ вижу передъ собой (мое мѣсто было въ оркестрѣ). Съ необыкновенно загорѣлымъ лицомъ, съ рыжими густыми волосами, подстриженными въ кружокъ почти на самой маковкѣ, такъ что лобъ, шея и часть жирнаго затылка были какъ бы выбритыми. Большіе рыжіе усы дополняли добродушное, некрасивое лицо. Бѣлая рубаха, мѣстами вымазанная и заправленная въ полосатыя тиковыя, тоже вымазанныя, шаровары, широко подпоясанныя краснымъ кушакомъ. Шаровары загнуты въ тяжелые порыжѣвшіе сапоги. Войдя на сцену съ длиннымъ бичемъ, онъ остановился въ дверяхъ; актриса, бывшая на сценѣ, сняла съ него какого-то страннаго покроя накидку.

Вѣроятно, я на этого страннаго человѣка смотрѣлъ особенно внимательно, потому, что отецъ, пробираясь между пульпитрами, за какими-то нотами (онъ былъ режиссеръ оркестра), тихо шепнулъ мнѣ: «это Щепкинъ». И съ тѣхъ поръ имя Щепкина и Малаго театра какъ-то слились въ моемъ воображеніи.

Просыпаясь утромъ, я думалъ о театрѣ—Щепкинѣ, Щепкинѣ—театрѣ, и цѣлый день съ нетерпѣніемъ ждалъ вечера, когда опять увижу театръ—Щепкина.

Я видѣлъ: «Москаль-Чаривникъ».

Вечеромъ, идя въ театръ, я спрашивалъ быстро идущаго отца: — «Нынче будетъ Щепкинъ?» — «Будетъ, будетъ». — «Опять такой же?» — «Увидишь». Отецъ разговаривать не любилъ, и я бѣжалъ за нимъ съ особенной радостью, что увижу Щепкина. Въ этотъ вечеръ онъ игралъ «Матроса» (маленькая одноактная драма). Помню его пѣсню моряка, помню энергичный разсказъ за столомъ, прощаніе съ

дочерью, отчего у меня перерывалось дыханіе и странно дрожалъ подбородокъ, который я и по закрытіи занавѣси никакъ не могъ удержать на мѣстѣ.

V.

Въ 1847 году я былъ принятъ въ школу экстернымъ воспитанникомъ. До моего поступленія, если не ошибаюсь, года за два, за три, мужское отдѣленіе воспитанниковъ, т. е. живущихъ въ школѣ, было упразднено и оставались живущими только однѣ воспитанницы. Все занятіе экстерныхъ, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, ограничивалось одними танцами, и по особому ходатайству намъ, мальчикамъ, разрѣшалось учиться музыкѣ; скрипка главное, а то альтъ, віолончель или духовой инструментъ. Послѣ танцовальныхъ классовъ, которые начинались въ 9 часовъ утра и кончались въ половинѣ 11-го, большинство изъ насъ отправлялось на репетиціи, кто въ Большой, кто въ Малый театръ.

При постановкѣ оперъ Верстовскаго «Вадимъ» и «Панъ Твардовскій», мы почти безвыходно находились на репетиціяхъ, и танцовальные и музыкальные классы были брошены совершенно. Репетиціи оперы «Панъ Твардовскій» съ пѣвцами, хорами и оркестромъ, назначались, обыкновенно, въ 10 часовъ, а для насъ, выходящихъ,—въ 6 часовъ утра. И избави Боже опоздать! Всѣмъ опоздавшимъ на другой же день—порка. Отцы и матери, желая избѣжать такихъ послѣдствій, будили насъ въ 5 часовъ утра. И до 10 часовъ насъ обучали разнымъ эволюціямъ, сопровождая науку небольшими, а иногда и значительными затрещинами со стороны режиссеровъ и ихъ помощниковъ, а если затрещины не вразумляли обучаемаго, то таковой записывался и по распоряженію инспектора школы Обера, при личномъ участіи старшаго дядьки, отставнаго унтеръ-офицера Силина, совершалась назначенная, какъ говорилъ младшій дядька—секуція. Наконецъ, въ 10 часовъ начинается настоящая репетиція въ присутствіи автора, и всѣ изученныя эволюціи мы со страхомъ и трепетомъ за свое грѣшное тѣло должны были продѣлать передъ нимъ.

Но трепетали не одни мы; трепетали пѣвцы, оркестръ, хоры, режиссеры, даже капельмейстеръ И. И. Іоганисъ, несмотря на то, что онъ оркестрировалъ большее число его оперъ.

Говоря объ оперѣ и пѣвцахъ, не могу не сказать еще разъ о тѣхъ отношеніяхъ, какія существовали у начальника къ подчиненнымъ. Пѣ-

вецъ Куровъ, первый басъ въ оперѣ (вѣроятно, захудалый семинаристъ), былъ человѣкъ совсѣмъ дикій; на одной изъ репетицій, не въ пѣніи, а въ рѣчахъ въ старыхъ операхъ вмѣсто речитативовъ (велись длинные разговоры, какъ въ драмахъ) у него выходила такая галиматья, нелѣпица, хоть святыхъ выноси. Много разъ Верстовскій поправлялъ, растолковывалъ, но рѣчи упорно оставались безсмысленными. Раздается рѣзкій голосъ отъ суфлерской будки, гдѣ въ креслѣ возсѣдалъ грозный начальникъ.

— Куровъ!.. поди сюда.

Тотъ подходитъ по-медвѣжьи.

— Я тебѣ сколько разъ говорилъ, чтобы ты читалъ больше? Что же ты читаешь?

— Нѣтъ, Алексѣй Николаевичъ, времени мало.

— Послѣдній разъ тебѣ говорю: читай, читай и читай!.. Чтобъ у меня больше не было такихъ отговорокъ, слышишь?

— Слушаю, Алексѣй Николаевичъ.

Проходитъ недѣля, двѣ, вдругъ Верстовскій, встрѣтя Курова, вспомнилъ свой приказъ.

— Куровъ, ну что же читаешь, а?

— Точно такъ, Алексѣй Николаевичъ, читаю.

— Молодецъ, братецъ!... такъ и нужно. Это тебя немножко разовьетъ. Нельзя актеру не читать.

И съ этими словами пошелъ было прочь отъ него, но вдругъ что-то вспомнилъ и остановился опять:

— Куровъ.

Тотъ подошелъ.

— Ты что же читаешь теперь?

— Какъ вы въ тотъ разъ приказали читать, я въ воскресенье пошелъ къ Сухаревой и за два года купилъ «Московскія Вѣдомости».

Этотъ отвѣтъ былъ такой неожиданный, что Верстовскій не нашелъ что и сказать. Долго смотрѣлъ на Курова, какъ-то странно покачалъ головой и ушелъ. (Записано со словъ присутствовавшихъ при этой сценѣ).

Репетиціи операмъ большею частью кончались тогда, когда ложи и кресла начинали приводить въ порядокъ для вечерняго спектакля. Кто не былъ занятъ вечеромъ, отправлялся домой обѣдать, а тѣмъ, кто занятъ, приходилось довольствоваться сухоѣденіемъ тутъ же въ уборной. Но такъ какъ дѣти участвовали и въ драмахъ и въ операхъ и балетахъ, то почти всегда приходилось питаться тѣмъ, что было взято съ собой изъ дома. Самыя мучительныя репетиціи для насъ были ночныя, послѣ спектакля. Бывало, возвращаешься домой, а на улицахъ тьма непроглядная, какъ и утромъ въ 5 часовъ, но тамъ за ночь

отоспишься, а тутъ день и ночь безъ перерыва, идешь усталый, измученный. Холодъ, иногда метель, вьюга, а въ церквахъ давно къ ранней обѣднѣ звонятъ. Прибѣжишь домой, встрѣчаетъ мать, у нея и чай приготовленъ, возьмешь кусокъ хлѣба, проглотишь все на-скоро, да спать до восьми часовъ. Репетиціи не будетъ, значитъ, нужно бѣжать въ танцовальный классъ въ школу. И вдругъ сюрпризъ!.. По окончаніи класса, старшій дядька Силинъ зоветъ всѣхъ къ своей конторкѣ въ углу зала и читаетъ списокъ фамилій. По этому списку одну партію направляютъ въ Малый театръ, другую въ Большой на репетицію. И такъ круглый годъ почти безъ перерыва, кромѣ первой и послѣдней недѣли великаго поста. (Въ эти недѣли оставались только танцы и музыка). Но со второй начинались концерты съ живыми картинами, гдѣ мы постоянно участвовали. Но тутъ тратилось только время, уже безъ мукъ, которыя доставляли намъ оперныя и балетныя репетиціи.

На второй годъ пребыванія въ школѣ, начались классы пѣнія, гимнастики, фехтованія, позднѣе—бой на эспадронахъ. Научныхъ же занятій для экстернъ-приходящихъ не полагалось никакихъ.

Я засталъ Малый театръ менѣе чѣмъ на полъ-пути къ той простотѣ, правдѣ и естественности исполненія, родоначальниками которыхъ были П. С. Мочаловъ и М. С. Щепкинъ. Они первые дали жизнь и правду дикимъ французскихъ трагедіямъ, первые вдохнули душу въ этихъ измышленныхъ героевъ-манекеновъ. И эта правда, благодаря имъ, медленно, капля по каплѣ, всасывалась въ молодежь того времени. Всѣ ожили, встрепенулись, почуя истинную жизнь, которую въ изобиліи разливали вокругъ себя чудо-богатыри. Съ помощью и совѣтами особенно Щепкина правда и жизнь на сценѣ стали завоевывать себѣ мѣсто.

Но не дешево досталось это новаторство и самимъ богатырямъ, вѣрнѣе одному Щепкину. Геній Мочалова не подлежалъ критикѣ; кто бы ни видалъ его на сценѣ, другъ или врагъ, все равно, своей пламенной игрой онъ подчинялъ всѣхъ безъ исключенія. Но для Щепкина, среди поклонниковъ старыхъ пріемовъ и даже (какъ исключеніе) у нѣкоторыхъ великихъ самобытныхъ талантовъ, незабвенныхъ дѣятелей нашей сцены, постоянно проявлялось къ нему крайне враждебное чувство; вообще всегда много было протестантовъ, которые не признавали и въ уголкахъ втихомолку глумились надъ нимъ; протестанты своимъ упорствомъ и неспособностью воспринять истину много вредили дѣлу,—не тѣмъ, что желали противодѣйствовать ему,—Щепкинъ такая сила, что не только для насъ, но и для всѣхъ, соприкасавшихся съ нимъ, даже не принадлежащихъ къ театру, былъ чѣмъ-то властнымъ. Своимъ могучимъ, энергичнымъ словомъ онъ буквально овладѣвалъ каждымъ; его требованія на сценѣ всегда исполнялись безпрекословно. Но

дѣлу, т. е. общему цѣльному впечатлѣнію исполненія пьесъ, мѣшало то, что правда и жизнь съ одной стороны нарушались напыщенностью и ложностью съ другой.

А какого рода бывали иногда представленія, современному актеру не возможно и представить себѣ.

Общій пріемъ былъ такой (говорю о трагедіяхъ и драмахъ): гордый, журавлиный шагъ, заботливо размѣренный, при остановкѣ, откинутая назадъ нога должна нѣкоторое время оставаться на полупальцахъ; круглая курчавая голова—это принадлежность героя; рыжій всклокоченный парикъ, низко опущенная голова, дико выпученные глаза, мечущіе искры исподлобья—это изображеніе злодѣя; пѣвучій тонъ у перваго, хрипящій у втораго. Безъ этихъ ярлыковъ никто не выходилъ на сцену. Дикія завыванія какъ съ одной, такъ и съ другой стороны служили указаніемъ внутренняго подъема. Но странно то, что, несмотря на обузу внѣшнихъ и иныхъ удивительныхъ пріемовъ, которыми они съ такимъ усердіемъ уснащали себя, все-таки могли входить въ роль и дѣйствительно какъ будто чувствовали и страдали. Еще при Мочаловѣ былъ трагикъ Леонидовъ, потомъ переведенный въ Петербургъ на роли скончавшагося Каратыгина. Такъ онъ въ патетическихъ монологахъ бралъ такія ноты, то высокія, то низкія, поперемѣнно, какъ бы переплетая ихъ между собой, съ необыкновенными модуляціями и фіоритурами, что иногда становилось просто жутко, конечно, не потому, что онъ этимъ заставлялъ васъ сочувствовать его горю, нѣтъ, а просто вы чувствовали, что попали въ клѣтку къ какому-то странному звѣрю, который чѣмъ-то ужасно разсерженъ. Напримѣръ, трагедія «Гризельда», или тоже трагедія «Бенвенуто-Челлини». О, Боже!.. что онъ съ своимъ подручнымъ актеромъ Черкасовымъ творили въ нихъ!.. (Черкасовъ, тоже полагавшій, что онъ трагикъ), вѣроятно желая перещеголять самого Леонидова, буквально черезъ каждыя два, три слова, на третьемъ дѣлалъ «форшлагъ», да такой, что уму помраченіе. У меня особенно остались въ памяти два возгласа Черкасова, оба раздѣленные репликами Леонидова, завывающаго объ измѣнѣ дѣвицы, любимой Черкасовымъ, и Черкасовъ съ дикимъ пафосомъ произноситъ: «Невѣрная!»... Послѣ словъ Леонидова слѣдуетъ второй возгласъ: «Лицемѣрная!» обѣ фразы были буквально въ три яруса невѣроятныхъ звуковъ. (И. С. Тургеневъ, бывая въ Москвѣ, всегда ѣздилъ въ театръ, чтобы слушать нелѣпицу, произносимую Черкасовымъ со сцены).

Да и героини въ преувеличиваніи чувствъ иногда бывали не лучше, особенно когда требовалось «пустить трагедію». У этихъ были правила такія: внимательный зритель въ самомъ началѣ трагедіи уже видитъ, что въ концѣ ея героиня непремѣнно погибнетъ. Какъ?—Это пока

тайна, хотя бы въ началѣ трагедіи все шло въ высшей степени благополучно; ни во второмъ, ни въ третьемъ актѣ еще далеко нѣтъ ничего зловѣщаго. Но актриса знаетъ, что должна погибнуть смертью лютой, и всѣми пріемами, особыми ахами, охами, вздохами, глазами, всѣми движеніями, ясно намекаетъ зрителю на ужасный конецъ. Если въ началѣ трагедіи нужно быть веселой и смѣяться, все равно и веселость и смѣхъ несомнѣнно будутъ носить на себѣ явные признаки неизбѣжной гибели.

Вотъ, наконецъ, наступаетъ страшный пятый актъ; выходъ героини съ внѣшней стороны такой: если по пьесѣ героиня бѣдна, то на ней или длинный сѣрый капотъ—коленкоровый, или богата—бѣлый кашемировый, фасонъ же какъ для бѣдной, такъ и для богатой—одинъ и тотъ же. Далѣе—волосы должны быть безусловно распущены, допускается и нѣкоторый безпорядокъ, но ясно, что забота о безпорядкѣ была приложена тщательная. Въ рукахъ носовой платокъ, у бѣдной—простой, у богатой—кружевной. Бывали случаи страшнаго отчаянія актрисы за кулисами; она уже совсѣмъ приготовилась къ пятому акту, но, за роспускомъ волосъ и приданіемъ лицу особой смертельной блѣдности, забыла напомнить портнихѣ о носовомъ платкѣ, та же чѣмъ-то увлеклась; героиню приглашаетъ режиссеръ умирать, хвать, а платка-то нѣтъ, а безъ платка въ рукахъ умереть невозможно!.. Такъ героиня чуть не умерла преждевременно у выходной двери и ожила только тогда, когда портниха, сломя голову, бросилась въ уборную, и платокъ, едва не погубившій актрису, былъ врученъ несчастной женщинѣ. Такъ учила старая школа до-Щепкинскаго періода. Въ драмахъ и особенно трагедіяхъ старались говорить нараспѣвъ. Главное достоинство въ актерѣ признавалось въ переливахъ голоса; голосъ актера баритонъ, но онъ стремился брать самыя высокія теноровыя ноты и затѣмъ послѣ десятка словъ неожиданно спускался на самыя низкія басовыя; а если хватало силъ, переходилъ въ ревущую октаву.

Знаменитая въ свое время драматическая актриса Л. П. Никулина-Косицкая безспорно обладала огромнымъ драматическимъ талантомъ, особенно въ бытовыхъ роляхъ. Ея воспріимчивость, нервная возбужденность были дѣйствительно необыкновенны. По внутреннему чувству ее можно сравнить со Стрепетовой.

Но Стрепетова на сценѣ—была сама жизнь!.. она не актерствовала, не лицедѣйствовала, а жила и заставляла забывать, что вы находитесь въ театрѣ.

А у Косицкой всѣ чувства всегда выражались въ приподнятомъ тонѣ. Въ прежнее время большинство драмъ, даже трагедій, были съ пѣніемъ, а у нея были и голосъ порядочный, и хорошій слухъ, но всегда, сильно возбужденная, она дотого фальшивила на высокихъ

нотахъ, что хватитъ на четверть и на полъ-тона выше ей ничего не значило. Бывало, какъ ножемъ рѣзнетъ по уху.

Вообще, она была актриса того стараго времени, гдѣ все—и чувства и правда—были подтянуты, приподняты и мало имѣли сходства съ теперешней жизнью на сценѣ. Конечно, въ это же время Малый театръ имѣлъ такихъ колоссовъ, какъ Садовскій, Шумскій, Самаринъ, или Сабурова, не говоря уже о Щепкинѣ, но всѣ они и стояли особнякомъ, не участвуя въ трагедіяхъ, кромѣ одного Щепкина. Даже позднѣйшіе дѣятели сцены были далеко не безгрѣшны въ сценическихъ пріемахъ. Назову для примѣра нашу недавнюю знаменитость, Н. М. Медвѣдеву, она сдѣлалась дѣйствительно превосходною актрисой только тогда, когда перешла на роли старухъ, а молодая, играя драматическія роли, нисколько не разнилась отъ своей старшей соперницы, Косицкой, во всѣхъ сценическихъ пріемахъ, но безъ внутреннихъ достоинствъ первой. Только съ появленіемъ на нашей сценѣ Г. Н. Ѳедотовой и Н. А. Никулиной, не говоря уже о послѣднемъ, дивномъ явленіи М. Н. Ермоловой, нашъ Малый театръ окончательно отрѣшился, очистился отъ всякой лжи. Наконецъ и то, что мало-по-малу стали притекать провинціальныя силы, что раньше было совсѣмъ недоступно. Благодаря этому, все не только молодое, но и старое, потянулось за ними, исключая развѣ ужъ самыхъ заматерѣлыхъ. П. Р.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ исторіи освобожденія крестьянъ.

Бываютъ эпохи, когда силы мгновенно обновляются, когда люди съ усиленнымъ біеніемъ собственнаго сердца сливаются въ общемъ чувствѣ; благо поколѣніямъ, которымъ суждено жить въ такія эпохи. Благодареніе Богу, намъ суждено жить въ такую эпоху». Этими словами привѣтствовалъ М. Н. Катковъ обращенный императоромъ Александромъ II къ русскому обществу призывъ на дружную работу для созданія русской народной свободы—первый рескриптъ, 20-го ноября 1857 г., о созывѣ перваго дворянскаго комитета для составленія положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Если намъ, дѣтямъ и внукамъ, судьба не дала пережить и сотой доли той высокой нравственной отрады, которую суждено было испытать отцамъ и дѣдамъ, если сѣрая и безотрадная современная жизнь создала изъ насъ героевъ безвременья, чеховскихъ людишекъ, то тѣмъ дороже, тѣмъ священнѣе должно быть нашему сердцу каждое, даже малѣйшее воспоминаніе о невозвратномъ прошломъ, когда «кузнецы-граждане» ковали нашу свободу. Традиціи этого прошлаго—наша святыня, каждое воспоминаніе о немъ—драгоцѣнность. Нетлѣнный ароматъ этого минувшаго времени слышится намъ и въ удушливомъ воздухѣ настоящаго, чреватаго грядущими событіями... Оно одно, это минувшее даетъ намъ право называться великимъ и христіанскимъ народомъ; оно—наша гордость; въ немъ—наше утѣшеніе въ трудные, тяжелые моменты общественной жизни. Величайшій, благороднѣйшій памятникъ этого прошлаго—крестьянская реформа. И чѣмъ дальше уходимъ мы отъ незабвеннаго минувшаго, тѣмъ свѣтлѣе и величественнѣе предстаетъ нашимъ глазамъ въ исторической перспективѣ этотъ памятникъ.

Шестидесятые годы уже становятся достояніемъ исторіи. Къ нимъ уже начинаютъ обращаться пытливые взоры изслѣдователей (Семенова, Семевскаго, Энгельмана). Начинаются отдѣльныя работы, затрогивающія тѣ или иныя «частныя» стороны великаго дѣла освобожденія крестьянъ. Конечно, пройдетъ еще не мало лѣтъ, пока выйдутъ на свѣтъ Божій изъ нашихъ запущенныхъ архивовъ многочисленныя документальныя данныя, и по нимъ перо ученаго напишетъ исторію самаго славнаго дѣла эпохи великихъ реформъ, и, можетъ быть, вдохновленный воспоминаніями о томъ времени, когда «русскій міръ, срывая путы, явилъ высокую любовь и пережилъ тогда минуты, неповторяемыя вновь», поэтъ создастъ эпопею «о свободномъ народѣ и о народѣ-рабѣ». Изъ архива упраздненнаго нынѣ Новороссійскаго генералъ-губернаторскаго управленія извлечены предлагаемые вниманію читателя документы. Какъ ни сухи эти оффиціальныя бумаги, почти нигдѣ не согрѣтыя тепломъ сочувственнаго отношенія къ угнетаемымъ людямъ, но онѣ заговорятъ къ сердцу читателя горячо и краснорѣчиво. Въ наши дни, когда еще раздаются вопли запоздалыхъ крѣпостниковъ, которые явно жалѣютъ о томъ, что прежняго, основаннаго на рабствѣ строя уже не вернешь, когда вспомнишь, что есть истины, которыя слѣдуетъ неустанно твердить, даже если рискуешь надоѣсть, нельзя не повторить слова князя П. А. Вяземскаго: «надобно мертвыхъ ставить на ноги, чтобы напугать и усовѣстить живую наглость и отучить отъ нея ротозѣевъ, которые ей дивятся съ колѣнопреклоненіемъ». Трудно достигнуть этой цѣли непосредственно путемъ архивныхъ изысканій, при незначительной покуда разработкѣ исторіи освобожденія, но изысканія эти тоже будятъ тѣни прошлаго, и въ нихъ заключаются поучительные историческіе уроки и дорогіе матеріалы для нашей культурной исторіи. Нерѣдко слышатся голоса скептиковъ и пессимистовъ, которые отрицаютъ наше движеніе впередъ и готовы смѣяться надъ усиліями немногихъ борцовъ. Однако, мы, вѣдь, имѣемъ право сказать, что, какъ бы ни было безотрадно наше время, оно все же лучше прежняго, и что многое такое, что прежде случалось сплошь да рядомъ, теперь уже случаться не можетъ. Читатель увидитъ, какое насиліе надъ личностью, какое грубое попираніе правъ человѣка совершалось наканунѣ разрушенія крѣпостническихъ цѣпей,—но вмѣстѣ съ тѣмъ увидитъ, какъ шла дружная благородная работа, снявшая съ нашей родины позоръ рабства. Скажемъ словами замѣчательной (и, какъ многое замѣчательное на Руси, забытой!) писательницы Кохановской: «Вотъ истины былой жизни, которыя теперь ужасаютъ насъ! Мы отказываемся имъ вѣрить... По времени это до того близко къ намъ, до того живо, что, говоря, должно удерживаться отъ многихъ подробностей,—и между тѣмъ встаетъ ли между нами хотя малѣйшая тѣнь нашего сочувствія

Слѣдствіе показало, что «во время распоряженія Потоцкаго имѣніемъ жены его крестьяне б а р щ и н у р а б о т а л и п о с т о я н н о, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней»; съ открытіемъ весны они воспользовались о д н и м ъ только д н е м ъ д л я с е б я, черезъ что н е и м ѣ ю т ъ х л ѣ б а и т е р п я т ъ в о в с е м ъ н у ж д у». Дознано было, что, не говоря уже о жестокомъ обращеніи, помѣщикъ совершенно закабалилъ несчастныхъ и, пользуясь ихъ трудомъ, держалъ впроголодь. Было обнаружено, что крестьяне были строго наказываемы за маловажные проступки, а другіе «безъ всякой вины». Били крестьянъ кнутомъ, розгами, канатомъ толщиной въ палецъ и «шворками»; одного Потоцкій билъ п о л и ц у к н у т о м ъ, другаго тоже п о л и ц у с а п о г а м и. Временное отдѣленіе земскаго суда подтвердило крестьянамъ, чтобы они работали на господъ три дня въ недѣлю, а въ праздничные и воскресные дни никакихъ экономическихъ работъ не отбывали. Слѣдствіе пошло весьма энергично. Дѣло это вызвало вмѣшательство высшихъ властей, и 24-го сентября 1860 года министръ внутреннихъ дѣлъ, благородный С. С. Ланской (бывшій декабристъ), обратилъ вниманіе графа А. Г. Строганова на это вопіющее дѣло (Строгановъ, впрочемъ, уже занимался имъ). Нечего и говорить, что помѣщикъ понесъ заслуженное наказаніе. Остальные документы «дѣла» уже не имѣютъ для насъ существеннаго интереса. Приведенныя нами данныя въ особыхъ поясненіяхъ не нуждаются. Сухая оффиціальная бумага говоритъ достаточно краснорѣчиво. Будемъ помнить, что всѣ засвидѣтельствованные въ этомъ дѣлѣ ужасы происходили всего за годъ до объявленія воли. Что же дѣлалось раньше?

Въ іюлѣ 1860 года выказано было крестьянами «неповиновеніе» въ имѣніи жены капитанъ-лейтенанта Генбачевой (тоже Александрійскаго уѣзда). Причиною неповиновенія оказались чрезмѣрно тяжелыя работы, задававшіяся крестьянамъ въ видѣ уроковъ. Двое «возмутителей» были преданы суду, а 11 человѣкъ становой приставъ наказалъ розгами, «возстановлена совершенная покорность и послушность крестьянъ мѣстной власти и владѣльцу». Однако, вина «возмутителей» была вовсе не такъ велика, если принять во вниманіе, что слѣдствіемъ были доказаны вопіющія злоупотребленія помѣщичьей властью. Напримѣръ, оказалось, что «случающіеся праздники и ненастная погода въ дни барщины относятся большею частью на дни крестьянъ», хотя жестокаго обращенія съ ними не было. Впрочемъ, одно другаго стоитъ, и эксплоатація немногимъ сноснѣе жестокаго обращенія. Было подтверждено, чтобы крестьяне въ имѣніи г-жи Генбачевой не были обременяемы лишними работами, и чтобы ихъ не посылали на господскія работы, «въ противность закону», въ праздничные и воскресные дни.

Въ Бобринецкомъ уѣздѣ Херсонской губерніи жена слабоумнаго по-

мѣщика Иванова, управлявшая его имѣніемъ, «пьяница и женщина развратнаго поведенія», какъ говоритъ одинъ документъ, обращалась съ крестьянами съ особою жестокостью (1859—1860 гг.). У одного мужика за ничтожную провинность Иванова отобрала корову съ теленкомъ и 13 овецъ и продала «ихъ въ свою пользу». Самого крестьянина и жену его Иванова собственноручно била плетью. Одинъ пьяный крестьянинъ, по приказанію Ивановой, былъ посаженъ приказчикомъ ея на цѣпь, на которой просидѣлъ цѣлую ночь. Крестьяне работали у Ивановой для господскихъ надобностей всего три дня въ недѣлю, но случавшіеся во время барщины праздничные и ненастные дни имъ не засчитывались, и они должны были ихъ отрабатывать на своихъ дняхъ. Приказчикъ, также участвовавшій въ оскорбленіяхъ и истязаніяхъ крестьянъ, былъ отъ должности устраненъ. Дѣло объ этомъ тянулось до 1863 года. Владѣлецъ имѣнія во время слѣдствія умеръ. Имѣніе, конечно, должно было быть взято подъ опеку, Иванова была отъ него устранена, и заботы о малолѣтнихъ ея дѣтяхъ были поручены брату ея мужа. Отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ тѣмъ временемъ также измѣнились, и 7-го марта 1863 года Херсонское дворянское депутатское собраніе заключило, что, въ силу всѣхъ указанныхъ причинъ, «предметъ настоящаго дѣла въ отношеніи злоупотребленія помѣщичьей властью жены умершаго Иванова къ разсмотрѣнію и рѣшенію его уже не подлежитъ». Слѣдствіе по всѣмъ этимъ дѣламъ было ведено весьма тщательно, но свободно вздохнули помѣщичьи крестьяне только послѣ опубликованія Положенія 19-го февраля. Необходимо помянуть добрымъ словомъ графа А. Г. Строганова, который весьма заботился о крестьянахъ Новороссійскаго края; не одно злоупотребленіе было открыто и наказано благодаря независимому и честному генералъ-губернатору.

Такъ жилось крестьянамъ тогда, когда лучшіе умы и благороднѣйшія сердца Россіи были озабочены освобожденіемъ ихъ. Страшно становится, когда подумаешь, сколько вопіющихъ преступленій, сколько самыхъ возмутительныхъ нарушеній естественнаго права каждаго человѣка: не быть битымъ и быть неугнетеннымъ осталось безъ всякаго наказанія. А вѣдь находились и находятся люди, которые говорили и говорятъ, что освобожденіе крестьянъ было преждевременно, какъ будто не всегда своевременно загладить и искупить роковую историческую ошибку, страшное историческое преступленіе, результатомъ котораго явилось рабство, долго позорившее Русскую землю. Но какъ ни сильна была темная сила, а пришлось ей понести пораженіе, и рабство въ Россіи исчезло навсегда.

Сбылось завѣтное желаніе юноши Пушкина, жаждавшаго видѣть «народъ освобожденный и рабство, павшее по манію царя» (и проро-

чески указавшаго въ этихъ вдохновенныхъ строкахъ даже самую конкретную форму освобожденія крестьянъ). Сбылись желанія и завѣтныя мечты лучшихъ русскихъ людей. Счастливы свидѣтели этой славной эпохи!

Вотъ что говоритъ о радостномъ днѣ 19-го февраля историкъ эпохи великихъ реформъ покойный Г. А. Джаншіевъ: «историческимъ гусинымъ перомъ—это перо хранится въ Москвѣ, въ Историческомъ музеѣ,—былъ подписанъ Александромъ II, въ лихорадочномъ возбужденіи, въ столь естественномъ и трогательномъ волненіи, 19-го февраля, въ незабвенный день воцаренія его, освободительный манифестъ... Свершилось! Жребій былъ брошенъ! Рубиконъ перейденъ. Цѣпи рабства разорваны!» Манифестъ 19-го февраля вызвалъ общую радость и во всей Европѣ. «Рѣдко»—писала «Kölnische Zeitung»—«или лучше никогда еще смертному не доводилось совершить дѣло столь важное и благородное, какъ то, которое совершилъ Александръ II».

Четыре года длились подготовительныя работы къ великому акту 19-го февраля. Уже на зарѣ царствованія Александра Николаевича, едва только разгоралось «дней Александровыхъ прекрасное начало»,—3-го января 1857 г. открылъ свои дѣйствія «Особый Комитетъ», переименованный 8-го января 1858 года въ «Главный Комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія»; комитетъ этотъ составляли 12 человѣкъ съ тогдашнимъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, княземъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ во главѣ. Учрежденіе это должно было руководить всѣмъ дѣломъ освобожденія крестьянъ, и въ губерніяхъ, согласно высочайшимъ рескриптамъ, были образованы губернскія присутствія по крестьянскимъ дѣламъ. Совершилось все это не безъ значительнаго труда. Въ теченіе 1857 года «Комитетъ», въ которомъ мало было людей, сочувствовавшихъ освобожденію, работалъ очень вяло, и дѣло грозило затянуться. Одно обстоятельство внезапно дало ему сильный толчекъ: литовское дворянство вошло въ комитетъ съ прошеніемъ объ освобожденіи крестьянъ, но безъ земли, т. е. не прочь было предложить народу такъ называемую «волчью волю». Большинство членовъ комитета на это согласилось, но государь настоятельно требовалъ освобожденія крестьянъ съ землею и 20-го ноября 1857 г. подписалъ знаменитый рескриптъ на имя виленскаго губернатора Назимова о созывѣ дворянскаго комитета для составленія положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Въ высочайшемъ рескриптѣ и приложенномъ къ нему циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ были указаны и основанія для этихъ работъ. «Было рѣшено огласить сдѣланный планъ, разославъ рескриптъ и циркуляръ по губерніямъ, что̀ равносильно было косвенному приказанію дворянству входить съ ходатайствомъ объ освобожденіи крестьянъ», говоритъ Джан-

шіевъ. I. Эпоха великихъ реформъ, изд. 7-е, М., 1898, стр. 21. Съ этими словами покойнаго публициста не совсѣмъ возможно согласиться. Сорокъ лѣтъ, протекшія со времени освобожденія крестьянъ, дали нѣсколько обстоятельныхъ работъ, посвященныхъ этому великому событію; въ теченіе этого времени явилось не мало воспоминаній объ упраздненіи крестьянскаго права, и смѣло можно сказать, что великое дѣло освобожденія крестьянъ было совершено русскимъ дворянствомъ, которое принесло для него не мало жертвъ. Были, конечно, крѣпостники въ родѣ помѣщичьихъ типовъ Терпигорева, героини Салтыкова, помѣщицы Падейковой или выведенной П. И. Якушкинымъ, въ его очеркахъ, провинціальной помѣщицы, горевавшей, что у нея «отнимаютъ ея Ваньку». Но вспоминая, что всѣ благородные дѣятели освобожденія вышли изъ среды русскаго дворянства, взвѣсимъ и то обстоятельство, что русское дворянство было тогда страшной силой, и вздумай оно оказать противодѣйствіе, вѣроятно, побѣда осталась бы на его сторонѣ, и великое дѣло могло бы надолго заглохнуть. А. И. Левшинъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, писалъ: «чистосердечнаго, на убѣжденіи основаннаго вызова освободить крестьянъ не было ни въ одной губерніи, но своими маневрами правительство пріобрѣло возможность сказать торжественно крестьянамъ, что владѣльцы ихъ сами пожелали дать имъ свободу». Однако, и съ этими словами согласиться трудно. Русскій человѣкъ не привыкъ еще и донынѣ, а въ тѣ времена и подавно, гласно выражать свои мнѣнія; онъ не привыкъ къ общественной дѣятельности, и требовать иниціативы въ великомъ гражіозномъ дѣлѣ отъ русскаго дворянства, только-что пережившаго грозное Николаевское царствованіе, было невозможно. То обстоятельство, что по опубликованіи рескрипта 20-го ноября 1857 года дворянская работа была закончена быстро и сильно двинула впередъ дѣло, указываетъ на то, что рескриптъ встрѣтилъ поддержку въ русскомъ общественномъ мнѣніи, и что почва для него была готова. Прямо скажемъ: русскіе крѣпостные были освобождены русскими дворянами, и весь ходъ событій освобожденія только подтверждаетъ это наше мнѣніе.

Передъ нами лежитъ дѣло съ четырьмя подлинными высочайшими рескриптами, данными на имя новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта графа А. Г. Строганова, объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Новороссійскомъ краѣ и въ Бессарабіи. Всѣ они написаны прекраснымъ крупнымъ почеркомъ, на плотной дорогой бумагѣ и подписаны самимъ государемъ Александромъ Николаевичемъ и всѣ относятся къ 1858 году. Одинъ данъ для Екатеринославской губерніи и помѣченъ 5-мъ апрѣля, другой—для Таврической губерніи и помѣченъ 10-мъ мая, третій—для Херсонской и помѣченъ 11-мъ мая, четвертый, помѣченный 5-мъ іюня, отно-

сится къ Бессарабской области. Отъ подписи Александра II, красивой и четкой, съ двумя великолѣпными, могучими росчерками вверху и внизу, такъ и вѣетъ добротою и вмѣстѣ съ тѣмъ твердою рѣшимостью исполнить завѣтное дѣло освобожденія 23-хъ милліоновъ русскихъ людей отъ крѣпостной зависимости. Мы остановимся на первомъ изъ рескриптовъ, относящемся къ Екатеринославской губерніи,—тѣмъ болѣе, что бывшіе въ распоряженіи нашемъ другіе документы, объясняющіе ходъ дворянскихъ подготовительныхъ работъ, говорятъ о работахъ именно въ этой губерніи.

По полученіи перваго высочайшаго рескрипта, составленнаго по образу даннаго 20-го ноября 1857 г. на имя виленскаго генералъ-губернатора и разосланнаго въ разныя губерніи, екатеринославское дворянство, какъ и слѣдовало ожидать, обратилось къ государю съ просьбою дозволить ему открыть въ своей губерніи «особый комитетъ для составленія проекта правилъ о лучшемъ устройствѣ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ», какъ говоритъ одинъ изъ лежащихъ передъ нами отвѣтныхъ высочайшихъ рескриптовъ. «Принимая»,—писалъ государь—«съ удовольствіемъ это доказательство стремленія екатеринославскаго дворянства къ улучшенію положенія своихъ крестьянъ сообразственно Моимъ видамъ и намѣреніямъ, Я предоставляю сему дворянству приступить къ составленію проекта положенія объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ Екатеринославской губерніи на тѣхъ же главныхъ началахъ, какія указаны Мною дворянству другихъ губерній, изъявившему прежде подобное желаніе, съ тѣмъ, чтобы предположенія по сему предмету были приведены въ исполненіе не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній». Далѣе изложены основанія для подготовительныхъ работъ. Въ концѣ рескрипта государь обращался къ дворянамъ съ такими словами: «Открывая такимъ образомъ дворянству Екатеринославской губерніи, согласно собственному его желанію, средства устроить и упрочить бытъ крестьянъ своихъ на указанныхъ Мною общихъ началахъ, Я увѣренъ, что оно вполнѣ оправдаетъ довѣріе, оказываемое Мною сему сословію призваніемъ его къ участію въ столь важномъ дѣлѣ и что при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, оно будетъ совершено съ желаннымъ всѣми успѣхомъ». (Подобны этому рескрипту по содержанію и три другіе рескрипта, вмѣстѣ съ нимъ сшитые въ видѣ одного дѣла). Въ Екатеринославѣ рескриптъ этотъ, какъ значится на немъ, полученъ былъ 20-го апрѣля. 8-го апрѣля министръ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланской, извѣщая графа Строганова о данномъ на его имя 5-го апрѣля высочайшемъ рескриптѣ, вызванномъ упомянутою выше просьбою екатеринославскаго дворянства, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщалъ ему нѣкоторыя не-

обходимыя свѣдѣнія для руководства работами учреждаемаго комитета Графъ Строгановъ предписалъ начальнику Екатеринославской губерніи приступить къ дѣлу, и начались выборы въ комитетъ представителей отъ всѣхъ уѣздовъ Екатеринославской губерніи и кандидатовъ къ нимъ.

21-го марта и. д. губернатора увѣдомилъ графа Строганова, что комитетъ окончилъ свои занятія и закрытъ. 30-го марта графъ Строгановъ, опираясь на предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ начальникамъ губерній отъ 7-го марта 1859 г., предложилъ графу Сиверсу озаботиться напечатаніемъ проекта «положенія» и принадлежащихъ къ нему приложеній въ числѣ 75 экземпляровъ. 18-го мая графъ Сиверсъ представилъ графу Строганову 75 экземпляровъ проекта положенія по крестьянскому дѣлу.

При чтеніи этого проекта соглашаешься съ заключеніемъ о немъ и. д. губернатора графа Сиверса. Сошлемся даже на либеральнаго Джаншіева, котораго никакъ нельзя счесть особенно горячимъ защитникомъ дворянства. Вотъ что говоритъ Джаншіевъ (Цит. соч., стр. 134) «несмотря на то, что, начиная съ конца 50-хъ годовъ печаталась и печатается масса данныхъ» (касающихся крестьянской реформы), «многія свѣдѣнія остаются пока подъ спудомъ. Таковы, напримѣръ, положенія губернскихъ комитетовъ, подлинные акты которыхъ вовсе или почти вовсе неизвѣстны въ публикѣ, что̀ создаетъ невѣрное представленіе о факторахъ, такъ или иначе вліявшихъ на движеніе и исходъ великаго преобразованія. Положенія комитетовъ заслуживаютъ тѣмъ бо̀льшаго вниманія, что они колеблютъ общепринятый и довольно прочно установившійся взглядъ на дѣятельность губернскихъ комитетовъ». «Въ обществѣ существуетъ легенда»,—замѣчаетъ проф. Иванюковъ («Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи», С.-Петербургъ, 1883 г., стр. 166)—будто положенія дворянскихъ комитетовъ представляютъ цѣликомъ безобразный и ни къ чему не годный хламъ крѣпостническихъ тенденцій, въ которомъ только кое-гдѣ, въ головѣ случайно замѣшавшихся единицъ, мелькали здравая мысль и добросовѣстное отношеніе; будто положеніе 19-го февраля сочинилъ к р у ж о к ъ умныхъ и честныхъ либераловъ, а о б щ е с т в о ни при чемъ и скорѣе мѣшало. Чѣмъ болѣе уясняется прагматическая исторія освобожденія крестьянъ, тѣмъ болѣе теряетъ почву помянутая легенда, и становится ясно, что, если эта трудная реформа была доведена до благополучнаго конца, то только благодаря тому обстоятельству, что правительство шло рука объ руку съ меньшею, лучшею частью дворянства, а главное было солидарно съ либерально настроеннымъ общественнымъ мнѣніемъ и его выразительницею, прогрессивною печатью, горячо защищавшею интересы народа». «Въ неумѣніи подняться выше своихъ узко-сословныхъ интересовъ» — говоритъ даже Джаншіевъ (стр. 138—139)—«въ неспособности различать

области частныхъ и государственныхъ интересовъ заключалась едва-ли не основная ошибка дворянскаго большинства... Судить за это черезчуръ строго тогдашнее дворянство едва-ли будетъ вполнѣ справедливо въ виду невысокаго его общественнаго развитія.

Въ разбираемомъ «дѣлѣ» мы находимъ одну весьма любопытную записку, принадлежащую, очевидно, перу завзятаго крѣпостника. Записка эта настолько интересна и своеобразна, звучитъ такъ оригинально, что мы позволимъ себѣ привести изъ нея небольшія выдержки. Она принадлежитъ перу новомосковскаго уѣзднаго предводителя дворянства, генералъ-маіора Н. Герсеванова, автора надѣлавшей не мало шуму въ свое время книжки о Гоголѣ (Книжка эта, называющаяся: «Гоголь передъ судомъ обличительной литературы» и изданная въ Одессѣ въ 1861 году, представляетъ собою сплошную клевету на великаго писателя и написана чуть не съ пѣной у рта). 16-го октября 1859 г. Герсевановъ послалъ свою записку начальнику III отдѣленія, шефу жандармовъ князю В. А. Долгорукову, при письмѣ, въ которомъ сообщалъ: «имѣю честь представить на благоусмотрѣніе вашего сіятельства краткую записку о духѣ законодательства коммиссіи по крестьянскому вопросу; въ ней излагается, что дѣйствія коммиссіи клонятся къ ущербу священныхъ правъ самодержавной власти, и что положенія ея, приведенныя въ исполненіе въ томъ видѣ, какъ напечатаны, будутъ имѣть слѣдствіемъ всеобщую Пугачевщину. Записка моя въ сокращеніи послана была прежде сего предсѣдателю коммиссіи ген.-адъют. Ростовцеву. Можно бы пояснить и развить то, на что въ ней едва указано или намекнуто». Далѣе Герсевановъ проситъ князя Долгорукова, какой бы ни былъ данъ ходъ его запискѣ, увѣдомить его о томъ, чтобы онъ «имѣлъ удостовѣреніе, что, какъ вѣрноподданный и русскій дворянинъ, исполнилъ долгъ свой по мѣрѣ силъ». Въ тотъ же день копію этого письма и записки Герсевановъ послалъ и графу Строганову. Записка Герсеванова носитъ названіе: «Замѣчанія на журналы коммиссіи по крестьянскому вопросу №№ 17—32». Указавъ прежде всего на чрезвычайную поспѣшность начатой реформы (какъ мы знаемъ поспѣшность эта была вызвана необходимостью ковать желѣзо, пока горячо), Герсевановъ говоритъ: «гораздо важнѣе ложность основаній, принятыхъ коммиссіею». Духъ преобразованій во многихъ докладахъ есть чистый соціализмъ, который проповѣдывали Прудонъ, Луи-Бланъ и ихъ послѣдователи. Ученіе соціалистовъ очень просто и ясно: оно направлено исключительно противъ правъ собственности. Соціалисты не признаютъ правъ собственности ни личной, ни наслѣдственной, ни поземельнаго и предлагаютъ разныя мѣры, чтобъ его уничтожить... Какіе суть главные элементы государственнаго организма? Ихъ насчитываютъ три или четыре, но главныхъ два: святость брака и непри-

косновенность права собственности. Безъ этихъ двухъ элементовъ нѣтъ семейства, нѣтъ общества, нѣтъ государства. Отымая земли у помѣщиковъ безъ всякаго вознагражденія [1]), чтобъ надѣлить ими крестьянъ, коммиссія дѣйствуетъ въ духѣ соціалистскомъ и нарушаетъ одно изъ главныхъ началъ государственнаго организма. Пусть подумаютъ о послѣдствіяхъ. Революціи безплодны, ибо идея о правѣ собственности глубоко лежитъ въ основѣ человѣческой природы. Революціонное правленіе во Франціи конфисковало земли эмигрантовъ; но чрезъ сорокъ лѣтъ принципъ восторжествовалъ, и на удовлетвореніе эмигрантовъ ассигнованъ милліардъ. Принимая соціализмъ, рожденный въ революціонной Франціи, за начало всѣхъ преобразованій, коммиссія вноситъ въ русское законодательство другой, не менѣе враждебный самодержавію элементъ: self-government [2]), заимствованный изъ Америки»... Говоря о крестьянскомъ самоуправленіи, авторъ записки замѣчаетъ: «полное самоуправленіе массы народной, т. е. ультра-демократизмъ, можетъ существовать только въ странѣ федеративныхъ республикъ, какъ сѣверо-американскіе штаты, гдѣ власть центральная не имѣетъ силы. Въ государствѣ, гдѣ правительство сильно, какъ въ Россіи, Англіи, Франціи, самоуправленіе толпы есть аномалія, nonsens... Итакъ, коммиссія вноситъ въ русское законодательство два элемента. враждебные самодержавію: соціализмъ и ультра-демократизмъ»... Далѣе Герсевановъ вновь ополчается противъ допущенной въ обсужденіи крестьянскаго вопроса нѣкоторой гласности и ссылается на слова Маколея, говорившаго о роли, которую сыграла гласность въ великой французской революціи, и, между прочимъ, сказавшаго: «допустите гласность въ такомъ правленіи, какое существуетъ въ Петербургѣ, и катастрофа неминуема». Англійскому историку простительно было не понять вѣчно мудреную для иностранца сущность русской натуры и примѣнить къ Россіи, столь мало ему знакомой, печальный примѣръ запада, но намъ, конечно, ясно, что въ устахъ образованнаго русскаго человѣка (какимъ былъ Герсевановъ) эта ссылка на слова Маколея является мало осмысленной и недобросовѣстной угрозой убѣжденнаго крѣпостника. «Въ Россіи едва допущена нѣкоторая свобода писать»,—говоритъ Герсевановъ—«какъ журналы стали употреблять ее во зло. Развѣ «Парусъ» не сталъ съ перваго номера открыто порицать дѣйствія правительства? Развѣ польское «Слово» не сдѣлало воззванія къ революціонерамъ приглашеніемъ Лелевеля къ сотрудничеству. Попробуйте изъять русскіе журналы отъ цензуры на мѣсяцъ, и слова Маколея тотчасъ

[1]) Stant à ceux, qui possèdent les terres, pour donner à ceux, qui n'ont rien („выкупныя свидѣтельства", очевидно, и не снились Герсеванову).

[2]) Самоуправленіе.

оправдаются. Въ государствѣ самодержавномъ, какъ Россія гдѣ министры не отвѣчаютъ предъ общимъ мнѣніемъ, не можетъ быть допущена такая гласность, какъ въ Англіи. Всякая нападка на дѣйствія министра есть прямое порицаніе высшей власти. Что жъ произойдетъ въ Русскомъ государствѣ, когда внесутъ въ него два принципа гораздо сильнѣйшіе гласности и оба враждебные самодержавію: соціализмъ и ультра-демократизмъ? Страшно подумать». О самомъ уничтоженіи крѣпостнаго права Герсевановъ говоритъ: «трехвѣковое постановленіе, находящееся въ тѣсной связи со всѣми государственными учрежденіями, не можетъ быть уничтожено однимъ почеркомъ пера. Нельзя въ годъ или два измѣнить все радикально». Въ докладахъ коммиссіи Герсевановъ усматриваетъ будто бы «систематическое униженіе дворянскаго сословія, которое искони слыло опорою престола. Униженіе это онъ находилъ въ томъ, что «у помѣщиковъ отнимаютъ будто бы за повинности, а въ сущности насильственно до двухъ третей удобной земли, части выгона и лѣса». Очевидно, Герсевановъ, при всемъ своемъ образованіи, не могъ проникнуться мыслью о безнравственности крѣпостныхъ отношеній и даже понять сущность проводившейся въ жизнь реформы. «Какъ бы въ насмѣшку, за отымаемыя права»—говоритъ онъ—«помѣщику предоставляется право быть ходатаемъ по дѣламъ крестьянъ или, правильнѣе, быть ихъ писаремъ. Однимъ словомъ, дворянство лишается всякаго политическаго значенія, не говоря уже о разореніи». Въ концу записки Герсевановъ возвращается къ своимъ излюбленнымъ «страшнымъ словамъ», очевидно, желая запугать ими правительство. «Какая же у нея (т. е. у коммиссіи) цѣль», говоритъ онъ (не совсѣмъ, впрочемъ, грамотно)—«вводя въ русское законодательство ультра-демократизмъ и унижая дворянское сословіе? Если она дѣйствуетъ сознательно, то въ числѣ ея побужденій, быть можетъ, есть затаенное желаніе подавить права самодержавной власти. Если дѣйствуетъ безсознательно, то не ея дѣло быть законодателемъ».

Въ 1860 году Герсевановъ напечаталъ въ Берлинѣ книжку: «О соціализмѣ редакціонныхъ коммиссій». Книжки этой у насъ не было подъ рукою, но по одному заглавію ея намъ, уже знакомымъ съ образомъ мыслей автора, не трудно судить, что она проникнута тѣми же взглядами, какъ и разсмотрѣнная докладная записка. Записка Герсеванова является характернымъ образчикомъ крѣпостническаго вопля, порожденнаго глухимъ, трусливымъ страхомъ, даже извѣстнымъ, такъ сказать, мѣстнымъ притупленіемъ нравственнаго чувства, не дававшимъ постигнуть всю безнравственность подобныхъ жалобъ и предостереженій. Исторія показала уже намъ, что всѣ страхи крѣпостниковъ не имѣли никакихъ основаній. «Безпримѣрный во всемірной исторіи»—говоритъ Джаншіевъ (цит. соч., стр. 122)—фактъ мирнаго рѣшенія

труднѣйшей соціальной задачи, дѣлающій величайшую честь гражданской выдержкѣ русскаго народа и его друзьямъ, увѣровавшимъ въ его здравый смыслъ и историческое разумѣніе, вопреки трусливымъ запугиваніямъ крѣпостниковъ, до сихъ поръ вызываетъ справедливое удивленіе у иностранцевъ и законную гордость и вѣру въ будущность Россіи.

6-го декабря 1859 г. Герсевановъ послалъ графу Строганову свои новыя замѣчанія на журналы редакціонной коммиссіи №№ 32—52. Посылая ихъ графу Строганову, онъ писалъ ему: «смѣю надѣяться, что отъ просвѣщеннаго взора начальника Новороссійскаго края не укроется полная легальность подобныхъ замѣчаній, и что благосклонное заступничество вашего сіятельства оградитъ меня отъ слѣдствій, которыя, быть можетъ, навлечетъ на уѣзднаго предводителя неудовольствіе одного или двухъ изъ числа лицъ, участвовавшихъ въ трудахъ редакціонной коммиссіи». Представленныя Герсевановымъ новыя замѣчанія также блещутъ перлами крѣпостничества. Начинается эта записка яростно и злобно, хотя не совсѣмъ складно: «Смотря на нихъ (т. е. на журналы редакціонной коммиссіи) съ точки зрѣнія умозрительной, они составлены прекрасно и могутъ идти наравнѣ съ безсмертными произведеніями: «Республикою» Платона, «Салентою» Фенелона, «Утопіею» Томаса Моруса и мечтаніями Руссо. Той же участи они должны подвергнуться, т. е. остаться безъ всякаго примѣненія. Великіе эти писатели сами чувствовали, что записались». Труды редакціонной коммиссіи, по мнѣнію автора записки, «неприложимы: въ нихъ на каждой страницѣ видно незнаніе Россіи, ея исторіи и народнаго характера». Критикуя тѣ статьи журналовъ коммиссіи, которыя регулируютъ отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, Герсевановъ выводитъ изъ нихъ самыя несообразныя заключенія. Напримѣръ, онъ возмущается тѣмъ положеніемъ, что помѣщикъ, интересы котораго нарушены крестьянскимъ должностнымъ лицомъ, долженъ принести жалобу,—если не хочетъ обращаться къ крестьянскому суду,—тому лицу или учрежденію, которое для этого будетъ указано, и оно уже преслѣдуетъ обвиняемыхъ полицейскимъ или судебнымъ порядкомъ. По этому поводу онъ замѣчаетъ: «должностное лицо, напившись пьянымъ, можетъ наговорить дерзости или, пожалуй, и прибить помѣщика или его жену, и помѣщикъ можетъ только заявить о томъ или жаловаться на него такимъ же крестьянамъ». Ясно, куда гнетъ авторъ записки, и чего ему хотѣлось бы. Подкрѣпляетъ онъ свои воззрѣнія довольно елейными разсужденіями, въ родѣ того, что русскій человѣкъ «любитъ прямую, сильную власть. Не созданъ славянинъ ни для общиннаго, ни для муниципальнаго управленія, ни для конституціи: все у него основано на патріархальномъ началѣ». Герсевановъ и въ этой своей запискѣ снова повторяетъ, что

редакціонная коммиссія беретъ въ основаніе важныхъ государственныхъ реформъ соціализмъ, враждебный не только самодержавію, но и всякому общественному порядку. Это не только ошибка—это почти преступленіе! Во избѣжаніе великихъ бѣдъ, онъ совѣтуетъ редакціонной коммиссіи: 1) для успокоенія умовъ сжечь почти всѣ свои труды; 2) издать тотчасъ же манифестъ, дозволяющій крестьянамъ откупаться лично, съ тѣмъ, чтобы дворянскія губернскія собранія назначили сами maximum и minimum выкупной суммы въ губерніи.

Однако, далеко не всѣ дворяне такъ разсуждали, какъ генералъ Герсевановъ. 12-го октября 1859 года графъ Сиверсъ представилъ генералъ-губернатору копію съ посланной министру внутреннихъ дѣлъ записки генералъ-маіора В. А. Скалона по дѣлу объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Скалонъ доказывалъ необходимость надѣла крестьянъ возможно бо́льшимъ количествомъ земли. Въ дѣлѣ уничтоженія крѣпостнаго права вопросъ этотъ игралъ едва-ли не самую важную роль. Записка генералъ-маіора Скалона отличается, при полномъ отсутствіи пышныхъ, туманныхъ фразъ, глубокимъ знаніемъ экономическихъ отношеній крестьянъ и помѣщиковъ. Скалонъ въ малоземельности крестьянъ видѣлъ великій вредъ для государства. Многія замѣчанія его и теперь еще не потеряли своего значенія и могли бы быть весьма полезны.

Въ концѣ 1859 года были отправлены изъ Екатеринослава въ Петербургъ, для представленія правительству нужныхъ свѣдѣній и объясненій, губернскій предводитель дворянства коллежскій совѣтникъ Миклашевскій и коллежскій секретарь Поль. Въ концѣ апрѣля занятія ихъ по званію членовъ Екатеринославскаго комитета были окончены.

Весь ходъ событій освобожденія крестьянъ показалъ, что оно совершилось безъ особенно сильныхъ препятствій, и М. П. Погодинъ былъ совершенно правъ, когда писалъ: (см. «С.-Петербургскія Вѣдомости» 19-го февраля 1901 г., № 48): «помѣщикамъ не слѣдовало заикаться противъ такой святой необходимой мѣры, стирающей мерзкое вѣковое пятно съ жизни русскаго народа. Такъ они, сознавая свое достоинство, большею частью и поступили; говорю — большею частью, потому что и въ семьѣ не безъ урода». «Государь выразилъ свою волю. Мы вполнѣ сочувствуемъ ему и готовы содѣйствовать приведенію ея въ исполненіе». Вотъ былъ общій отзывъ! Въ настоящей статьѣ мы старались, насколько допускали это имѣвшіеся въ распоряженіи нашемъ. матеріалы, очертить роль дворянства въ освобожденіи крестьянъ. Смѣемъ думать, что все изложенное даетъ намъ право вмѣстѣ съ Погодинымъ сказать: «было ли больше зла, чѣмъ добра, въ дѣйствіяхъ дворянства? Никто не посмѣетъ отвѣчать: да, потому что это не правда.

Самая мысль объ освобожденіи крестьянъ принадлежитъ первоначально дворянамъ»... Напомнивъ эти справедливыя слова историка, заключимъ наши строки его же благороднымъ пожеланіемъ: «всякое русское преобразованіе должно совершиться въ духѣ любви и мира, съ общаго согласія, при взаимной помощи»...

Н. Лернеръ.

Царство Польское послѣ Вѣнскаго конгресса [1]).

По вступленіи на всероссійскій престолъ императора Николая I въ 1825 г. послѣдовалъ 12-го (24-го) декабря особый манифестъ изъ Царскаго Села на французскомъ и польскомъ языкахъ, препровожденный къ намѣстнику Польскаго королевства, возвѣщавшій жителямъ царства о вступленіи на польскій престолъ новаго императора и короля. На основаніи этого манифеста было сдѣлано немедленно распоряженіе о приведеніи жителей Польскаго королевства къ присягѣ и о назначеніи въ Петербургъ особой депутаціи для принесенія новому императору и королю вѣрноподданническихъ чувствъ поляковъ.

Принесеніе присяги императору Николаю I въ царствѣ Польскомъ обошлось благополучно. Великій князь Константинъ Павловичъ писалъ 21-го декабря 1825 г.: что все произошло съ истинною набожностію и благоговѣніемъ (avec une severité et un recueillement religieux). Его высочество лично присутствовалъ при присягѣ варшавскаго гарнизона. Вся армія польская въ полномъ составѣ также присягнула Николаю I.

Съ поздравленіемъ о вступленіи новаго императора на престолъ, прибыла изъ Варшавы, для выраженія всеподданническихъ чувствъ, особая депутація [2]), состоявшая изъ членовъ Сената, князя Друцкаго-

---

[1]) „Русскую Старину“, декабрь 1904 г.

[2]) Подобная же депутація была послана въ 1815 г. императору Александру I въ главную его квартиру и состояла изъ представителей отъ Сената—графа Замойскаго, отъ духовенства—аббата Воловича, отъ дворянъ—графа Островскаго и Тарновскаго, отъ гражданъ—Антона Заводовскаго и Штёкертъ, отъ войска—генерала Сулковскаго, отправившагося къ императору ранѣе.

Любецкаго, графа Красинскаго, епископа г. Плоцка Адама Пражмовскаго, графа Александра Бинискаго и нунція Ивана Кузмичева. Депутація была принята императоромъ въ воскресенье 11-го апрѣля 1826 г. въ Петербургѣ и прочла изложенный за общею подписью всѣхъ депутатовъ адресъ слѣдующаго содержанія:

«Всемилостивѣйшій государь! Печаль всей Европы, отчаяніе великаго народа и слезы августѣйшаго семейства свидѣтельствуютъ о печальномъ событіи, лишившемъ ваше императорское величество брата и обожаемаго монарха. Эти чувства, вполнѣ раздѣляемыя Польшею, еще усилились для нея долгомъ признательности, которую можетъ имѣть народъ къ великодушному возродителю его существованія, къ благодушному побѣдителю, основателю его учрежденій, просвѣщенному государю, пожелавшему на роковое поле продолжительныхъ войнъ и полувѣковыхъ бѣдствій бросить плодотворныя сѣмена мира и промышленности. Но возвышенная мысль Александра I не могла погибнуть вмѣстѣ съ нимъ; съ высоты небесъ она паритъ надъ наслѣдникомъ его достославнаго престола, и надежды, повидимому, навсегда поблекшія отъ печали, вновь оживились отъ благотворнаго вліянія охранительной мудрости,—священнаго залога самой счастливой будущности. Да, ваше величество, ваши августѣйшія слова пробудили самую глубокую признательность въ сердцахъ, пораженныхъ тяжкимъ горемъ, когда имъ была выражена клятва о сохраненіи учредительнаго положенія, въ которомъ сливаются интересы всѣхъ классовъ населенія, и любовь поляковъ столь же порывистая, какъ ваши благодѣянія, почтительная, какъ ихъ преданность, и вѣчная, какъ ихъ вѣрность, окружила навсегда престолъ ихъ новаго монарха. Мы имѣемъ честь почтительнѣйше повергнуть къ стопамъ вашего величества, освященныя уже торжественною присягою, чувства преданности отъ властей духовныхъ, гражданскихъ и военныхъ, а также дворянства и городскихъ и сельскихъ обществъ вашего Польскаго королевства. Благоволите ваше величество принять почтительнѣйшее удостовѣреніе во всемъ этомъ, а также выраженія пламенныхъ пожеланій польскаго народа, возносимыя къ божественному Промыслу, о дарованіи вашему величеству продолжительнаго и славнаго царствованія!»

Отвѣчалъ ли на это императоръ что-либо, кромѣ обычныхъ словъ благодарности,—изъ дѣлъ не усматривается. Извѣстно только, что депутаты, кромѣ епископа Плоцкаго, какъ лица духовнаго, удостоились получить ордена по указу 14-го апрѣля и за тѣмъ имѣли прощальную аудіенцію 28-го апрѣля 1826 г. послѣ развода.

Извѣстный князь Адамъ Чарторыйскій, находясь по случаю болѣзни его супруги за границею, не счелъ возможнымъ прибыть въ Россію для поднесенія вѣрноподданническихъ чувствъ своихъ новому

государю и написалъ императору Николаю I 12-го (24-го) августа 1826 г. изъ Женевы письмо слѣдующаго содержанія:

«Ваше императорское величество!

«Да позволено мнѣ будетъ повергнуть къ стопамъ вашего императорскаго и королевскаго величества выраженія моей вѣрности и преданности. Шаткое здоровье моей жены, невозможность ее покинуть прежде, чѣмъ она немного поправится, и необходимость надзирать надъ двумя малыми дѣтьми, о которыхъ не въ состояніи заботиться ихъ мать въ продолженіе ея болѣзни,—вотъ причины, лишающія меня счастья повергнуть лично къ подножію вашего престола дань моей преданности въ то время, когда ваше императорское величество личнымъ своимъ присутствіемъ утѣшите своихъ вѣрныхъ подданныхъ въ Польшѣ, оплакивающихъ еще утрату перваго ихъ августѣйшаго благодѣтеля. Соблаговолите, ваше величество, въ виду указанныхъ причинъ, которыя ваше снисходительное сердце удостоитъ оцѣнить, милостиво извинить мое замедленіе исполнить въ данномъ случаѣ обязанность, всю важность которой вполнѣ сознаю. Божественное Провидѣніе да даруетъ вашему императорскому и королевскому величеству счастливое царствованіе, дабы въ теченіе долгихъ годовъ оно продолжало бы и завершило славу и благодѣянія, излитыя вашимъ августѣйшимъ братомъ на народы, окружающіе нынѣ престолъ вашъ съ самыми пламенными пожеланіями.

«Остаюсь съ глубочайшимъ уваженіемъ вашего величества нижайшимъ, послушнѣйшимъ и покорнѣйшимъ слугою и вѣрнымъ подданнымъ вашего императорскаго и королевскаго величества.

А. Чарторыйскій»

Императоръ Николай 18-го (30-го) сентября 1826 г. послалъ князю изъ Москвы слѣдующій отвѣтъ:

«Я получилъ письмо ваше и благосклонно принимаю выраженныя въ немъ чувства ваши. Ваша преданность къ особѣ нашего общаго благодѣтеля, благодѣтеля вашей родины, мнѣ была извѣстна; она является ручательствомъ таковой же съ вашей стороны преданности наслѣднику его престола и его расположенія къ полякамъ. Я чрезвычайно опечаленъ причинами, которыя васъ задерживаютъ вдали отъ насъ и могутъ меня лишить удовольствія васъ вновь увидѣть, въ столь нетерпѣливо ожидаемую минуту, когда я полагаю находиться среди моихъ вѣрныхъ подданныхъ Польскаго королевства. Вмѣстѣ съ моими пожеланіями скораго выздоровленія вашей супругѣ, примите, князь Чарторыйскій, увѣреніе въ моемъ къ вамъ уваженіи».

На основаніи конституціонной хартіи королевства, новому королю предстояло совершить обрядъ коронованія въ Варшавѣ. Согласно этому

5-го (17-го) апрѣля 1829 г. послѣдовалъ изъ Петербурга манифестъ, которымъ возвѣщалось жителямъ Польскаго королевства, что: «Мы рѣшили совершить коронованіе наше въ столицѣ Польскаго королевства вмѣстѣ съ нашею августѣйшею императрицею Александрою Ѳеодоровною 12-го (24-го) мая».

Вмѣстѣ съ тѣмъ на коронаціонные расходы было отпущено изъ суммъ министерства финансовъ изъ казначейства Имперіи 1.209.613 флориновъ и установленъ особый церемоніалъ коронованія, по которому императоръ, не въѣзжая въ Варшаву, остановится въ Яблонной, а на другой день рано утромъ въ 9 час. при колокольномъ звонѣ совершитъ торжественный въѣздъ въ Варшаву верхомъ и съ нимъ рядомъ наслѣдникъ престола, великій князь Михаилъ Павловичъ и вся свита. Императрица же ѣдетъ въ каретѣ, запряженной 8-ю лошадьми. Въ предмѣстьѣ Праги встрѣчаютъ ихъ величествъ президентъ города и весь муниципалитетъ. Ея величество изволитъ пересѣсть въ парадную карету и шествовать по улицамъ Закрочимской, Фрета, Медовой, Старо-Сенаторской на площадь замка. При приближеніи къ мосту послѣдуютъ пушечные выстрѣлы. У первой церкви встрѣчаетъ шествіе архіепископъ варшавскій со всѣмъ духовенствомъ. У замка королевскаго встрѣчаютъ ихъ величествъ разные придворные чины, не участвовавшіе въ шествіи, а въ залахъ замка—всѣ власти королевства. Колокольный звонъ происходитъ все время, и раздается 101 выстрѣлъ По прибытіи въ замокъ всѣ отправляются въ православную церковь и, по окончаніи богослуженія, ихъ величества удаляются въ свои аппартаменты. Въ день коронованія герольды ѣздятъ по городу съ эскадрономъ войскъ и возглашаютъ на польскомъ языкѣ, что: «всемимилостивѣйшій, вседержавнѣйшій, августѣйшій государь императоръ всея Россіи, король Польскій Николай I всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ совершить, при помощи всемогущаго Бога, коронованіе свое короною польскаго короля, вмѣстѣ съ августѣйшею супругою императрицею и королевою». Всѣмъ вѣрноподданнымъ предлагалось вознести молитвы къ Богу по этому случаю.

Въ самый день коронованія 12-го (24-го) мая всѣ чины королевства собираются въ католическій соборъ св. Яна, гдѣ примасъ королевства служитъ обѣдню и благословляетъ принесенныя въ соборъ регаліи, которыя послѣ этого относятся въ тронную залу (одно изъ залъ засѣданій Сената въ королевскомъ замкѣ), особенно торжественно убранною по этому поводу. Государь императоръ отправляется вмѣстѣ съ императрицею въ тронную залу и становится около трона. Шествіе открываетъ оберъ-церемоніймейстеръ въ сопровожденіи множества лицъ, при чемъ несутъ въ залъ орденъ Бѣлаго Орла, государственную печать, королевское знамя, королевскій мечъ, державу, скипетръ, корону;

все это становится по лѣвой сторонѣ трона, около которой становится и его величество съ супругою. Императорское семейство и лица, присутствующія при коронованіи, размѣщаются въ залѣ на особыхъ мѣстахъ. Духовенство, ожидавшее ихъ величествъ у входа въ зало, благословляетъ ихъ, кропитъ святою водою и входитъ въ зало, государь дѣлаетъ знакъ примасу, который подходитъ къ нему, произноситъ молитву и призываетъ благословеніе неба на новаго короля. При словахъ: «во имя Отца, Сына и Святаго Духа», примасъ подаетъ государю мантію, послѣ чего сановники подносятъ по указанію его величества корону примасу, и сей послѣдній представляетъ ее на подушкѣ его величеству съ произнесеніемъ вышеупомянутыхъ уже словъ: «во имя Отца, Сына и Святаго Духа». Государь возлагаетъ корону на свою голову, послѣ чего примасъ подноситъ ему цѣпь ордена Бѣлаго Орла; его величество приглашаетъ къ себѣ императрицу и вручаетъ ей эту цѣпь, при чемъ двѣ придворныя дамы надѣваютъ на ея величество мантію. Точно такимъ же образомъ подносятся государю императору скипетръ и держава, которые онъ пріемлетъ, послѣ чего примасъ громко восклицаетъ: «Vivat rex in aeternum» («Да здравствуетъ вѣчно король»). За тѣмъ раздается пушечная пальба, колокольный звонъ и приносятся поздравленія присутствующими; духовенство совершаетъ три глубокихъ поклона. Послѣ этого его величество, снявъ регаліи, преклоняетъ колѣна и громко читаетъ на французскомъ языкѣ слѣдующую молитву: «Боже всемогущій, Богъ отцовъ моихъ, царь царствующихъ, создавшій божественнымъ словомъ Своимъ міръ и безконечною премудростію сотворившій человѣка для управленія свѣтомъ въ путяхъ истины. Ты призвалъ меня быть королемъ и судьею доблестнаго польскаго народа! Признаю съ святымъ благоговѣніемъ проявленіе Твоей ко мнѣ благости и, вознося къ Тебѣ мою благодарность за Твои благодѣянія, преклоняюсь вмѣстѣ съ тѣмъ предъ Твоимъ Божественнымъ величіемъ! Боже мой и Повелитель! просвѣти шаги мои на этомъ высшемъ поприщѣ и направь дѣйствія мои къ исполненію этого высшаго предназначенія! Да пребудетъ со мною Твоя мудрость, окружающая Твой престолъ. Сниспошли ее съ небесъ, дабы я былъ проникнутъ Твоею державною волею и истиною Твоихъ заповѣдей, дабы сердце мое было въ рукахъ Твоихъ и дабы я могъ царствовать къ благу моихъ народовъ и къ славѣ Твоего святаго имени, согласно хартіи, утвержденной моимъ августѣйшимъ предмѣстникомъ, клятвенно мною подтвержденной, дабы я не страшился въ день вѣчнаго Твоего суда предстать предъ Тобою, славою и милосердіемъ Твоего божественнаго Сына Іисуса Христа и вмѣстѣ съ милосерднѣйшимъ и животворящимъ Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ аминь».

Вотъ французскій текстъ молитвы, напечатанный въ церемоніалѣ: Dieu Toutpuissant, Dieu de mes pères, Roi des rois! Toi qui créa l'univers par Ta divine parole et dont la Sagesse infinie forma l'homme pour gouverner le monde dans la voie de la verité. Tu m'as appellé à être Roi et Juge de la valeureuse nation polonaise. Je réconnais avec un saint respect les effets de Ta celeste bonté envers moi et en Te rendant grace pour Tes bienfaits je m'humilie en même temps devant Ta divine Majesté. Daignez o mon Maitre et mon Dieu, éclairer mes pas dans cette carrière suprême et diriger mes actions pour l'accomplissiment de cette haute vocation, que la sagesse qui environne Ton trône soit avec moi. Fais la descendre des cieux pour que je sois pénétré de Tes volontés souveraines et de la verité de Tes commandements, que mon coeur soit dans Tes mains et que je puisse regner pour le bonheur de mes peuples et pour la gloire de Ton saint Nom, d'après la charte octroyée par mon auguste predecesseur et déjà jurée par moi afin que je ne redoute pas de comparaitre devant Toi au jour de Ton jugement éternel, par la gloire et misericorde de Ton divin Fils Jesus-Christ avec lequel Tu es béni, ainsi qu'avec le très clement, très vivifiant Saint-Esprit, jusqu'à la fin des siècles. Amen.

По окончаніи сей молитвы государь императоръ встаетъ, и всѣ присутствующіе и примасъ также опускаются на колѣни и молятъ Бога о ниспосланіи новому королю счастливаго царствованія. Затѣмъ примасъ съ духовенствомъ отправляются въ соборъ св. Яна и ожидаютъ прибытія государя, который съ торжественною процессіею направляется въ храмъ со всѣми присутствовавшими въ тронномъ залѣ. Примасъ и все духовенство встрѣчаютъ его величество у входа въ соборъ съ святою водою и сопровождаютъ во внутрь храма, гдѣ совершается молебствіе, по окончаніи котораго, при возглашеніи многолѣтія, происходитъ пушечная пальба. Духовенство сопровождаетъ государя въ замокъ, и онъ удаляется въ свои покои.

Въ тотъ же день былъ торжественный обѣдъ въ королевскомъ замкѣ во время котораго было провозглашено только четыре тоста: за здравіе императора и короля, при чемъ раздались 61 пушечный выстрѣлъ; за здравіе императрицы, сопровождаемый 51 выстрѣломъ; за здравіе императорскаго семейства и 31 выстрѣлъ, и четвертый за всѣхъ вѣрноподданныхъ и благоденствіе королевства при 21 выстрѣлѣ.

На другой день балъ. Три дня въ городѣ происходила иллюминація, былъ даровой спектакль и увеселеніе для народа, которому былъ также устроенъ обѣдъ. Торжество коронованія прошло вполнѣ благополучно и безъ всякаго замѣшательства.

Нельзя не упомянуть, что въ день коронаціи поляки просили чтобы сынъ императора (будущій императоръ Александръ II) принялъ

титулъ великаго князя Польскаго, что́ и было доложено его величеству 12-го (24-го) іюня, но оставлено безъ послѣдствій. Кромѣ того, служившій по финансовому вѣдомству перевелъ на польскій языкъ народный англійскій гимнъ Gode save the king, который и былъ пѣтъ при коронованіи; онъ начинается словами, niech zyje polsk krol.

По случаю коронованія состоялся 12-го (24-го) мая въ Варшавѣ всемилостивѣйшій манифестъ о сложеніи различныхъ недоимокъ по платежу податей и другихъ казенныхъ сборовъ и налоговъ, а также о прекращеніи слѣдствій по многимъ дѣламъ казеннаго управленія.

Вскорѣ послѣ коронованія возникла, какъ извѣстно, война съ Турціею, на которую отправился императоръ Николай во главѣ войскъ. Онъ не замедлилъ, послѣ взятія турецкой крѣпости Варны, удостоить Варшаву еще своимъ благосклоннымъ вниманіемъ. Необходимо припомнить, что въ XV вѣкѣ король польскій и венгерскій Владиславъ III, рѣшивъ изгнать турокъ изъ Европы, собралъ 20.000 польскихъ войскъ и подошелъ также къ Варнѣ; 9-го ноября 1444 года онъ вступилъ въ бой съ арміею султана Амурата II въ числѣ 150 тысячъ войскъ. Во время боя, продолжавшагося два дня, Владиславъ былъ убитъ и главный его полководецъ Янъ Гуніадъ разбитъ и обращенъ въ бѣгство. Четыре вѣка протекли, писалъ Грабовскій великому князю Константину Павловичу, съ тѣхъ поръ, какъ король польскій Владиславъ погибъ у стѣнъ Варшавы. Его императорскому величеству суждено было отомстить за смерть этого героя. Варна сдалась русскимъ войскамъ въ 1829 году, и его величество приказалъ изъ числа взятыхъ турецкихъ орудій отправить двѣнадцать въ Варшаву, для сохраненія, какъ памятникъ для увѣковѣченія памяти этого важнаго событія. Грабовскій вмѣстѣ съ тѣмъ спрашивалъ, гдѣ считаетъ его высочество всего удобнѣе поставить эти пушки. На это цесаревичъ отвѣчалъ, что сообщилъ его величеству непосредственно о томъ, гдѣ ихъ лучше всего поставить. Этимъ переписка и оканчивается. (См. «Бес». № 178 1826 г.). Свершившееся немного позднѣе возстаніе въ Варшавѣ было повидимому причиною, что эта мысль императора Николая I не получила осуществленіе.

Еще въ 1827 году 2-го (14-го) сентября намѣстникъ царства Польскаго испросилъ высочайшее разрѣшеніе на созваніе установленнымъ порядкомъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, сеймовъ для выбора членовъ палаты нунціевъ, выбывающихъ по очереди изъ состава сейма, послѣ чего въ 1829 году послѣдовалъ изъ Эрфурта 7-го (19-го) ноября высочайшій указъ на созваніе сейма и разрѣшена была сумма до 10.000 флориновъ на различные расходы по созванію сейма. Вмѣстѣ съ тѣмъ подготовлялись дѣла, которыя предполагалось внести на обсужденіе сейма. Изъ числа этихъ дѣлъ наиболѣе важнымъ являлось: 1) Вторая книга гражданскаго кодекса, а также по особому приказанію государя

императора проектъ уголовныхъ законовъ; 2) вопросъ о сервитутѣ пастбищномъ и о рубкахъ лѣса; 3) о судоходствѣ по рѣкамъ, 4) о бродягахъ, непомнящихъ родства и нищихъ; 5) объ ипотекахъ и доказательствахъ правъ наслѣдства показаніями свидѣтелей; 6) о правѣ пользованія лѣсомъ; 7) объ отмѣнѣ дорожнаго сбора съ мостовъ IV разряда; 8) о бракоразводахъ и объ отлученіи отъ стола и ложа; 9) о сооруженіи памятника императору Александру I и т. д. Предполагалось внести на разсмотрѣніе сейма еще проектъ постановленій о судоходствѣ по рѣкамъ, а также проектъ о пропинаціи, т. е. выдѣлкѣ и продажѣ горячаго вина (т. е. водки), въ земляхъ владѣльческихъ, но оба эти проекта, по особому высочайшему повелѣнію 18-го (30-го) марта 1830 г., были сняты съ очереди и не внесены на разсмотрѣніе сейма на томъ основаніи, что такъ какъ по настоящее время не возбуждалось никакихъ сомнѣній и пререканій по означеннымъ вопросамъ, то его величество не считаетъ необходимымъ занимать палаты сейма ихъ разсмотрѣніемъ, тѣмъ болѣе, что и самые проекты его величество не находитъ возможнымъ одобрить. Самый сеймъ высочайше повелѣно было созвать въ Варшавѣ на время съ 16-го (28-го) мая по 16-е (28-е) іюня, при чемъ было издано распоряженіе, чтобы члены сейма собрались всѣ за шесть дней до открытія сейма для повѣрки ихъ правъ къ участію на сеймѣ. При этомъ было выражено:

«Двѣнадцать лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ безсмертный возродитель отечества поляковъ въ первый разъ созвалъ вокругъ своего престола представителей народа, чтобы пользоваться предоставленными имъ драгоцѣнными правами.

«Наслѣдуя его престолу и его воззрѣніямъ, приглашаемъ васъ вновь собраться. Три прошедшихъ сейма достаточно доказали цѣль, къ достиженію которой вамъ предстоитъ стремиться, и тѣ опасности, которыхъ должно избѣжать. Опытъ доказалъ и пользу мудрыхъ обсужденій и погубныя послѣдствія раздоровъ; онъ не будетъ для васъ безплоденъ. Не сомнѣваюсь, что вы внесете въ ваши обсужденія любовь къ общественнымъ дѣламъ, васъ всегда оживляющую, и тотъ духъ согласія и порядка, которымъ руководилось ваше послѣднее собраніе».

Къ назначенному времени императоръ Николай I пріѣхалъ въ Варшаву вмѣстѣ съ своей августѣйшею супругою Александрою Ѳеодоровною, которая вскорѣ уѣхала въ Саксонію и возвратилась ко дню закрытія сейма обратно въ Варшаву. Государь же, открывъ сеймъ, выѣхалъ также изъ предѣловъ королевства, направился въ Елизаветградъ навстрѣчу возвращающимся изъ Турціи войскамъ нашимъ, а затѣмъ чрезъ Кременчугъ, Кіевъ, Брестъ-Литовскій возвратился въ Варшаву къ 16-му іюня.

Императоръ Николай I произнесъ при открытіи 16-го (28-го) мая 1830 г. сейма слѣдующую рѣчь:

«Протекло пять лѣтъ со времени вашего послѣдняго собранія. Не зависѣвшія отъ Моей воли причины воспрепятствовали Мнѣ созвать васъ ранѣе; причины этого промедленія къ счастью исчезли, и я съ истиннымъ удовольствіемъ вижу себя сегодня въ первый разъ окруженнымъ представителями народа.

«Въ этотъ промежутокъ времени Божественному Провидѣнію угодно было призвать къ себѣ возродителя вашего отечества; вы всѣ почувствовали безмѣрность этой потери и прониклись глубокою скорбью. Сенатъ, выразитель вашихъ чувствъ, выразилъ Мнѣ желаніе увѣковѣчить на всегда воспоминаніе о благороднѣйшихъ добродѣтеляхъ и о великой признательности. Каждый полякъ призывается содѣйствовать сооруженію этого памятника, о которомъ вамъ будетъ сдѣлано предложеніе.

«Всемогущій благословилъ успѣхи нашего оружія въ двухъ войнахъ [1]) которыя вела имперія. Польшѣ не предстояло нести тягости этихъ войнъ, она участвуетъ однако въ выгодахъ оныхъ въ силу братства славы и интересовъ, сопряженнаго съ неразрывнымъ союзомъ ея съ Россіею. Польская армія не принимала дѣятельнаго участія въ этой войнѣ; Мое къ ней довѣріе указало ей не менѣе важное назначеніе; она составляла передовой отрядъ арміи, назначенный для обезпеченія имперіи.

«Мой министръ внутреннихъ дѣлъ представитъ вамъ отчетъ о положеніи края; вамъ будетъ сообщенъ также и представленный Мнѣ Государственнымъ Совѣтомъ отчетъ о различныхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ. Я съ удовольствіемъ предполагаю, что вы будете радоваться значительнымъ успѣхамъ, достигнутымъ страною во многихъ отношеніяхъ.

«Послѣдствія, порожденныя закономъ объ обществахъ поземельнаго кредита, превзошли Мои ожиданія, они представляютъ теперь прочную основу всѣмъ послѣдующимъ улучшеніямъ общественнаго и частнаго благосостоянія. Постоянно возрастающее развитіе вашей промышленности, распространеніе внѣшней торговли страны и увеличеніе мѣновыхъ торговыхъ сдѣлокъ ея съ Россіею являются для васъ выгодами, которыми вы уже пользуетесь и которыя являютъ вамъ несомнѣнность вашего возрастающаго благосостоянія. Предстояло еще завершить различныя ликвидація по счетамъ прежняго времени; таковыя закончены уже съ Саксоніею, разсчеты съ Россію значительно уже подвинулись. Къ ликвидаціи съ Франціею будетъ въ скоромъ времени приступлено. Коль скоро такимъ путемъ будетъ окончательно установленъ размѣръ внѣшняго

---

[1]) Это была война съ Персіею, а затѣмъ съ Турціею.

долга, тогда явится возможность новымъ закономъ о бюджетѣ установить на прочномъ основаніи доходы и расходы государства.

«Комитетъ, избранный отчасти изъ вашей среды, подготовилъ уже 2-ю часть этого кодекса, но этотъ трудъ не достигъ еще надлежащей зрѣлости. Я приказалъ однако, чтобы нѣкоторые отдѣлы этой части, потребность которыхъ указывается опытомъ, были бы представлены на ваше разсмотрѣніе.

«Правила относительно развода и недѣйствительности браковъ, изложенныя въ 1-ой книгѣ гражданскаго кодекса и принятыя на послѣднемъ сеймѣ, вызвали при ихъ примѣненіи на дѣлѣ не мало затрудненій, которыя дѣлаютъ положительно необходимымъ ихъ пересмотръ. Обращаю все ваше вниманіе на этотъ предметъ, затрогивающій столь существенно одну изъ главныхъ основъ обществъ и спокойствіе совѣсти.

«Вы усмотрите изъ отчета, что многія изъ ходатайствъ вашихъ были удовлетворены, что другія необходимо было отложить, но что всѣ они были приняты въ соображеніе и что такимъ образомъ право ходатайствъ (петиціи), установленное въ точныхъ предѣлахъ, доставляя правительству необходимыя свѣдѣнія, способствуетъ общественному благосостоянію.

«Представители Польскаго королевства! Исполняя во всемъ объемѣ 45 статью конституціонной хартіи, я явилъ вамъ залогъ Моихъ намѣреній; отъ васъ самихъ зависитъ укрѣпить дѣло возродителя вашего отечества, пользуясь съ мудростію и умѣренностію правилами и привилегіями, имъ вамъ предоставленными. Согласіе и спокойствіе да руководятъ вашими преніями. Я приму улучшенія, предложенныя вами, въ тѣхъ проектахъ законовъ, которые будутъ предложены вамъ, и утѣшаю себя надеждою, что небо благословитъ труды, предпринятые при столь счастливыхъ предзнаменованіяхъ».

Маршалъ сейма Іосифъ Любовицкій, отвѣчая на рѣчь императора, выражалъ глубокую признательность за высказанныя государемъ, при вступленіи его на престолъ, слова, что царствованіе его является продолженіемъ царствованія почившаго императора. Любовицкій благодарилъ государя за развитіе, данное земельному кредитному обществу въ королевствѣ, за разрѣшеніе соорудить памятникъ [1]) возлюбленному монарху на средства его подданныхъ, чтобы сохранить о немъ воспоминаніе въ отдаленномъ потомствѣ, и за то, что его величество, водрузивъ свои побѣдоносныя знамена на развалинахъ крѣпости Варны, въ воспоминаніе того польскаго короля, который вмѣстѣ со своими

[1]) Объ этомъ памятникѣ было уже подробно сообщено нами въ предшедшей статьѣ.

воинами погибъ у стѣнъ той же самой крѣпости, защищая христіанство, соблаговолилъ приказать столицу Польскаго королевства украсить трофеями новой побѣды и тѣмъ присоединилъ къ его славѣ народную славу поляковъ.

По примѣру предшествовавшихъ сеймовъ тотъ же графъ Мостовскій познакомилъ членовъ сейма съ положеніемъ королевства, населеніе котораго по произведенной ревизіи достигло уже цифры 4.088.289 обывателей, въ томъ числѣ 3.471.282 католиковъ и до 384.263 ч. евреевъ. Графъ Мостовскій подробно излагалъ все сдѣланное правительствомъ для благосостоянія этого населенія, указалъ на развитіе университета [1]) и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, а также на увеличеніе числа школъ первоначальнаго обученія, содержаніе которыхъ относится на средства населенія и зависитъ отъ доброй его воли. — Далѣе графъ указывалъ на заботы по улучшенію положенія крестьянъ, находящихся въ жалкомъ положеніи; на развитіе дорогъ въ краѣ и въ особенности шоссейныхъ, а также на работы по соединенію рѣки Нѣмана съ Наревомъ и по очищенію и спрямленію другихъ рѣкъ съ цѣлью сдѣлать ихъ судоходными для большаго развитія торговли и промышленности въ краѣ. При непрестанной заботливости правительства объ этомъ развитіи, въ особенности быстро развилось и улучшилось производство суконъ и другихъ шерстяныхъ издѣлій, получившихъ большой сбытъ даже за предѣлы королевства. Развитіе суконныхъ фабрикъ имѣло своимъ основаніемъ быстро развившееся овцеводство, и при томъ хорошаго качества. Земледѣліе вообще сдѣлало значительные успѣхи, благодаря нѣкоторымъ учрежденіямъ правительства (какъ-то: земледѣльческому институту въ Маримонтѣ, образцовымъ конскимъ заводамъ и т. д.), и въ особенности благодаря учрежденію системы земельнаго кредита, которымъ, къ сожалѣнію, мало еще пользуются крестьяне. Развитіе торговли и промышленности въ странѣ повліяло значительно на улучшеніе положенія городовъ, которые приняли болѣе благоустроенный видъ. Все это благотворно вліяло на финансы королевства; доходы государственные въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ значительно превосходили расходы и дали возможность погасить не малую часть долговъ бывшаго герцогства Варшавскаго, пришедшихся на долю Польскаго королевства. Графъ Мостовскій указалъ также на прекрасное содержаніе польской арміи, благодаря особой о ней заботливости великаго князя. Эта армія состояла изъ 18.800 ч. на дѣйствительной службѣ и насчитывала столько же въ резервѣ. Для

[1]) Въ университетѣ Варшавскомъ было до 600 студентовъ, въ высшихъ школахъ до 8.700 учениковъ, а въ школахъ первоначальныхъ до 24.000 учениковъ.

отвращенія различныхъ неудобствъ, сопряженныхъ съ расквартированіемъ этой арміи по домамъ обывателей, приступлено было къ сооруженію казармъ въ разныхъ мѣстахъ королевства. Равнымъ образомъ строились укрѣпленія въ Модлинѣ и Замостьѣ. Для снабженія арміи офицерами имѣлся корпусъ въ Калишѣ на 200 учениковъ и аппликаціонная школа [1]) въ Варшавѣ. Особенное вниманіе и заботливость правительства обращены на госпитальную часть арміи, и съ этой цѣлью учреждены госпитали въ Ловичѣ, Сѣдлецѣ, хирургическій институтъ и фабрика хирургическихъ и математическихъ инструментовъ, снабжающая армію прекрасными ей необходимыми приборами. Фабрики суконныя и полотняныя доставляютъ арміи прекрасное сукно и полотно. Графъ Мостовскій говорилъ также о постигшемъ двѣ части земнаго шара бѣдствіи (кончинѣ императора Александра I), особенно печальномъ для поляковъ, о намѣреніи послѣднихъ соорудить ему памятникъ и о томъ, что Провидѣнію угодно было замѣнить почившаго монарха другимъ, который подтвердилъ уже предъ Богомъ и народомъ намѣреніе свое продолжить дѣла брата своего и сохранить существованіе Польскаго королевства.

Послѣ этого сеймъ приступилъ обычнымъ порядкомъ къ разсмотрѣнію внесенныхъ законодательныхъ проектовъ, а также различныхъ ходатайствъ изъ многихъ частей королевства.

Занятія и пренія на сеймѣ очень затягивались, и можно было предполагать, что онъ не долженъ заключить своихъ занятій въ теченіе мѣсячнаго срока. Во избѣжаніе этого было сообщено статсъ-секретаремъ Грабовскимъ маршалу сейма, что срокъ, назначенный для засѣданій сейма, истекаетъ (14-го) 26-го іюня и что его величество, отъ котораго одного зависитъ продолженіе сейма, желаетъ, чтобы онъ былъ законченъ 26-го іюня, и возлагаетъ исполненіе этого на маршала сейма. Согласно этому и закрытіе сейма послѣдовало 26-го іюня 1830 г., при чемъ императоръ Николай I произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Обозрѣвая труды вашей настоящей сессіи, я прежде всего долженъ васъ поздравить съ тѣмъ счастливымъ единодушіемъ, съ которымъ, исполняя выраженное уже ранѣе желаніе сената, вы явили достопамятный примѣръ народной признательности къ возродителю вашего отечества.

«Было признано необходимымъ составить дополненіе законовъ объ ипотекахъ. Вы приняли это. Одобренный вами проектъ о выгонахъ и пользованіи лѣсами отвратитъ множество постоянно возникавшихъ недоразумѣній и утвердитъ спокойное обладаніе собственностью. Вы при-

[1]) Изъ этой школы преимущественно выходили въ артиллерію, инженерный и генеральный штабъ.

няли мѣры, предложенныя противъ бродяжничества, обезпечивъ въ то же время личной свободѣ охрану законовъ и ея охранительныхъ порядковъ. Вотъ польза, проистекшая отъ вашихъ обсужденій.

«Сенатъ, высшее учрежденіе королевства, оправдалъ мое къ нему довѣріе, принявъ единогласно проектъ, устранявшій часть недостатковъ закона, изданнаго въ 1825 г. о недѣйствительныхъ бракахъ и о разводѣ. Нельзя не пожалѣть, что палата нунціевъ признала своимъ долгомъ отвергнуть этотъ проектъ и сохранить такимъ образомъ правила, существенно колеблющія спокойствіе семействъ и смущающія совѣсть, пересмотръ которыхъ неотложно вызывается самыми важными соображеніями. Ваши различнаго рода ходатайства будутъ подвергнуты зрѣлому обсужденію, и я сообщу вамъ мои по онымъ рѣшенія. Они будутъ основаны на началахъ справедливости, общественнаго порядка и непрестанной заботливости, съ которою я, находясь даже вдали отъ васъ, не перестану заботиться о вашемъ истинномъ счастьи».

Отвѣчая на эту рѣчь, маршалъ сейма Любовицкій упомянулъ о вѣчной признательности поляковъ къ императору Александру I, благодарилъ царствующаго государя за разрѣшеніе воздвигнуть памятникъ ихъ благодѣтелю и указалъ, что правила, предложенныя сейму о разводѣ и недѣйствительности браковъ, не могли быть сеймомъ приняты, потому что, не имѣя достаточно времени для всесторонняго ихъ разсмотрѣнія, сеймъ не въ состояніи былъ надлежащимъ образомъ оцѣнить ихъ достоинство и предпочелъ остаться при старыхъ правилахъ, убѣжденный, что мудрость его величества съумѣетъ отстранить могущія возникнуть изъ этого затрудненія. Выразивъ, что всѣ члены сейма проникнуты стремленіемъ къ достиженію возможнаго блага ихъ родины, Любовицкій просилъ его величество сохранить къ полякамъ драгоцѣнную свою благосклонность, для снисканія которой поляки всегда готовы жертвовать своею жизнію и достояніемъ за короля, законъ и отечество (pro rege, lege et patria).

Закрывъ сеймъ, государь императоръ произвелъ еще 19-го іюня маневры подъ Варшавою, а затѣмъ вмѣстѣ съ августѣйшею супругою своею покинулъ Варшаву и разстался навсегда съ братомъ своимъ, цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ; имъ не суждено было увидѣться уже болѣе на землѣ.

Послѣ этого сеймъ разъѣхался, представивъ отъ сената и отъ палаты нунціевъ, по обыкновенію, замѣчанія на предъявленный имъ отчетъ по управленію королевствомъ. Всѣ эти подробныя замѣчанія въ общемъ сводились къ одному: сенатъ и палата нунціевъ единогласно указывали на различныя нарушенія или неисполненія постановленій дарованной королевству конституціи. Сенатъ, обращая вниманіе государя, какъ перваго хранителя и защитника хартіи, на подобныя зло-

употребленія, не чуждыя никакой администраціи, просилъ преимущественно: 1) объ изданіи давно обѣщаннаго закона о финансахъ; 2) о введеніи судебнаго порядка на началахъ, изложенныхъ въ хартіи; и 3) о созваніи сейма всякіе два года. Сенатъ выразилъ при этомъ, что всякое пребываніе его величества среди его народа увеличиваетъ его благосостояніе, придаетъ ему новыя силы и бодрость. По словамъ сената все исходитъ отъ его величества: онъ источникъ благодѣяній для народа. Въ рукахъ его судьба королевства; отъ его величества зависитъ дальнѣйшее развитіе дарованныхъ королевству учрежденій. Сенатъ просилъ государя своимъ могуществомъ и своею родиною охранить то, что для поляковъ является всего болѣе дорогимъ и всего болѣе священнымъ.

Палата нунціевъ въ своихъ замѣчаніяхъ, отдавая полную справедливость прекрасному состоянію учебныхъ заведеній, особенно высшихъ, находила, что воспитаніе народа идетъ не въ духѣ конституціи, а направляется къ фанатизму и невѣжеству; въ особенности это проявляется среди сельскаго населенія, находящагося въ бѣдственномъ положеніи. Духовная семинарія не соотвѣтствуетъ духу времени и потребностямъ страны и не удовлетворяетъ своей цѣли. Палата предлагала слить семинарію съ университетомъ и обратить большее вниманіе на все сельское духовенство вообще. Равнымъ образомъ палата находила необходимымъ устроить разныя клиники и разныя коллекціи при университетѣ и озаботиться приготовленіемъ профессоровъ, посылая съ этою цѣлью за границу молодыхъ людей. Указывая, что школы первоначальныя или элементарныя приходятъ въ упадокъ и значительно уменьшаются въ числѣ, особенно по деревнямъ, палата высказывала, что на обязанности правительства лежитъ обезпечить существованіе подобныхъ школъ и дать возможность народу сдѣлаться грамотнымъ. Палата предлагала заставить монашествующіе ордена заняться взаимнымъ обученіемъ народа. Въ особенности палата настаивала на обученіи евреевъ, находя, что это единственное средство вызвать измѣненіе въ нравахъ, обычаяхъ и привычкахъ евреевъ и отстранить пагубное вліяніе ихъ на остальное населеніе. По мнѣнію палаты нунціевъ необходимо освободить школы отъ надзора духовныхъ лицъ, которыя подобнымъ занятіемъ отвлекаются отъ своихъ пастырскихъ обязанностей. Палата нунціевъ особенно сильно высказывалась противъ цензуры вообще, установленной въ королевствѣ вопреки началамъ конституціонной хартіи и въ особенности противъ различныхъ видовъ особыхъ цензуръ для театровъ, для газетъ, духовенства, для евреевъ и т. д.

Палата требовала полной отмѣны цензуры, указывая на то, что печать никогда не злоупотребляла свободою.

Въ особенности пространно и энергично высказывалась палата нун-

ціевъ по поводу отчета по судебной части королевства. Палата указывала на неудовлетворительность гражданскихъ и уголовныхъ законовъ королевства и на то, что пересмотръ законовъ совершается обыкновенно въ тайнѣ; до внесенія проекта закона на разсмотрѣніе сейма никто ничего не знаетъ о составленномъ проектѣ. Судопроизводство, какъ гражданское, такъ и уголовное — крайне неудовлетворительно и по своимъ обрядамъ и формамъ не соотвѣтствуетъ духу времени и потребностямъ общества. Палата указывала, что въ странѣ не существуетъ ни самостоятельности, ни независимости суда, установленныхъ для королевства хартіею 1815 года, что право собственности нарушается постоянно различными принудительными отчужденіями имуществъ, а право личной свободы—произвольными задержаніями по разнымъ причинамъ, въ особенности по уголовнымъ дѣламъ всякаго рода. Это нарушеніе дало поводъ палатѣ нунціевъ подробно говорить о личной свободѣ вообще, объ обязанностяхъ охранять хартію и не принимать законовъ, въ чемъ-либо явно или косвенно несогласныхъ съ хартіею.

Палата при этомъ указывала и на то, что министры, не достигнувъ почему-либо утвержденія проектированнаго ими закона, осуществляли однако желаемое путемъ отдѣльныхъ распоряженій или декретовъ, въ особенности, когда на данный случай не имѣлось точнаго опредѣленія въ законахъ существующихъ. Палата указывала случаи произвольнаго и продолжительнаго личнаго задержанія подъ судомъ, въ тюрьмѣ, случаи тѣлесныхъ наказаній и даже истязаній въ тюрьмѣ при допросѣ (какъ-то лишеніе питья, наложеніе оковъ, наказаніе розгами и палками и т. д.), и много говорилось о неудовлетворительности тюремныхъ и арестныхъ помѣщеній. Палата предлагала цѣлый рядъ мѣръ въ отмѣну всѣхъ этихъ нарушеній хартіи, ходатайствовала объ отмѣнѣ административной юстиціи, объ отмѣнѣ различныхъ особыхъ судовъ и слѣдственныхъ коммиссій, объ отмѣнѣ высылки изъ предѣловъ края по усмотрѣнію начальства, о введеніи суда присяжныхъ и т. д., словомъ, палата ходатайствовала объ осуществленіи дарованной королевству хартіи на самомъ дѣлѣ.

Но всѣ эти ходатайства и пожеланія сейма не имѣли желаемаго успѣха. По имѣющейся на представленіи сейма резолюціи: «Vu les évenements survenus après—ad acta»[1]), они были пріобщены къ дѣламъ въ виду наступившихъ послѣ сейма событій. Едва-ли надо упоминать, что такими наступившими послѣ сейма 1830 г. событіями явилось польское возстаніе, вспыхнувшее въ Варшавѣ въ 1830 г.,

---

[1]) Т. въ виду послѣдовавшихъ событій—сообщить къ дѣлу.

по усмиреніи котораго и взятіи штурмомъ города Варшавы 30-го августа 1831 г., хартія королевства, дарованная императоромъ Александромъ I, была отмѣнена; губерніи, составлявшія королевство Польское, включены въ общій составъ Россійской имперіи и ввѣрены управленію особаго намѣстничества. Съ этого времени никакого сейма въ Варшавѣ уже не созывалось.

П. Майковъ.

И. С. Тургеневъ въ ссылкѣ.

1852—1853 г.г.

Біографическая литература о Тургеневѣ гораздо охотнѣе говоритъ намъ по поводу ссылки автора «Записокъ охотника», чѣмъ о самой ссылкѣ; болѣе останавливается на причинахъ, чѣмъ на слѣдствіяхъ ея; занимается не столько Тургеневымъ, сколько окружавшей его обстановкой. Не удивительно поэтому, если мы не находимъ въ жизнеописаніяхъ Ивана Сергѣевича не только необходимыхъ, характерныхъ подробностей изъ времени, проведеннаго имъ въ изгнаніи, но и очень крупныхъ основныхъ фактовъ. Предлагаемый очеркъ имѣетъ цѣлью восполнить этотъ пробѣлъ, при чемъ мы не касаемся здѣсь ни причинъ ссылки, ни обстоятельствъ, способствовавшихъ освобожденію Тургенева, какъ хорошо извѣстныхъ читателямъ.

Послѣ окончанія срока своего ареста при полиціи, Тургеневъ долженъ былъ отправиться на родину въ Орловское имѣніе и жить тамъ «подъ присмотромъ». Отъѣздомъ изъ столицы его, однако, не слишкомъ торопили: выпущенный на свободу 16-го мая, онъ только въ началѣ іюня былъ у себя въ Спасскомъ, хотя путь отъ Петербурга до Москвы совершилъ по желѣзной дорогѣ, открытой для публики еще за полгода до его ссылки (1-го ноября 1851 г.). Вотъ почему онъ успѣлъ до выѣзда перебывать у всѣхъ своихъ петербургскихъ знакомыхъ и даже устроить чтеніе своей повѣсти «Муму», написанной подъ арестомъ.

Литературный вечеръ состоялся на квартирѣ его дальняго родственника, небезъизвѣстнаго въ свое время Александра Михайловича Тургенева, на Милліонной, въ тѣсномъ кругу знакомыхъ, среди кото-

рыхъ было и нѣсколько молодыхъ литераторовъ [1]). Точно такъ же, проѣзжая Москвой, Иванъ Сергѣевичъ имѣлъ время и тамъ повидаться со многими. Онъ даже совершилъ цѣлую экскурсію по кремлевскимъ древностямъ подъ руководствомъ, тогда еще молодаго, начинающаго ученаго И. Е. Забѣлина, очень понравившагося Тургеневу своимъ «свѣтлымъ русскимъ умомъ и живою ясностью взгляда» [2]).

Весьма счастливой случайностью для опальнаго писателя было то обстоятельство, что въ началѣ того же 1852 года всѣ заботы по управленію имѣніями Ивана Сергѣевича взялъ на себя Н. Н. Тютчевъ, переселившійся для этой цѣли изъ Петербурга въ родовое гнѣздо Тургенева вмѣстѣ съ женою Александрой Петровной († 1883 г.), женщиной «умной, развитой и свободной духомъ», какъ характеризовалъ ее Анненковъ, со свояченицей и десятилѣтней, кажется единственной, дочерью, въ Спасскомъ и умершей. Тамъ близъ церкви долго была цѣла могилка съ каменнымъ четырехграннымъ небольшимъ памятникомъ, обнесеннымъ желѣзною рѣшеткой, на которомъ были высѣчены слова: «На семъ мѣстѣ почіетъ Ольга Тютчева» [3]).

Николай Николаевичъ Тютчевъ (род. въ 1815 г., умеръ 15-го декабря 1878 г.) окончилъ курсъ въ Юрьевскомъ (тогда Дерптскомъ) университетѣ въ 1841 году и поселился въ Петербургѣ, причисливъ сначала къ министерству иностранныхъ дѣлъ, а потомъ поступивъ на службу переводчикомъ въ министерство финансовъ. Находясь въ дружескихъ отношеніяхъ съ Бѣлинскимъ, Тютчевъ въ началѣ 40-хъ годовъ тѣсно сблизился и съ Тургеневымъ, съ которымъ сохранилъ дружбу до самой смерти. Иванъ Сергѣевичъ всегда высоко цѣнилъ совѣты Тютчевыхъ, какъ въ житейскихъ, такъ и въ чисто-литературныхъ вопросахъ. Въ послѣднихъ, правда, они бывали иногда слишкомъ строги: такъ Тютчевы отговаривали печатать такія произведенія какъ «Отцы и дѣти», «Призраки», хотя эта требовательность и вытекала больше изъ недовѣрія къ критикѣ и читателямъ. Въ началѣ 1852 года Тютчевъ вышелъ въ отставку и до осени слѣдующаго 1853 года прожилъ въ Спасскомъ. Вернувшись въ столицу, онъ поступилъ на службу въ горный департаментъ; въ мартѣ 1855 года перешелъ въ инспекторскій департаментъ военнаго министерства и, наконецъ, въ началѣ 1857 года въ департаментъ удѣловъ, гдѣ и служилъ до самой смерти, пройдя разныя должности до члена совѣта включительно

---

[1]) „Русская Старина“ 1885 г., кн. 9 (Записки Александра Михайловича Тургенева); Анненковъ. „Воспоминанія и критическіе очерки“, III, 194.

[2]) „Вѣстн. Евр.“ 1894 г., январь, стр. 334 (Письма Тургенева къ Аксаковымъ).

[3]) „Русск. Вѣстн.“ 1885 г., кн. I, стр. 363 („Воспоминанія о Спасскомъ“).

Оставилъ по себѣ хорошую память не только, какъ умный образованный и добрый человѣкъ, но и какъ общественный дѣятель, Тютчевъ былъ составителемъ Положенія 5-го апрѣля 1856 года о ратникахъ государственнаго ополченія, считавшагося однимъ изъ провозвѣстниковъ крестьянской реформы; потомъ немало потрудился при составленіи положенія о государственныхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ крестьянахъ. Нѣсколько лѣтъ несъ обязанности казначея въ Литературномъ фондѣ и посвятилъ много заботъ Обществу, для пособія слушательницамъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ [1]). Что касается собственно управленія имѣніями И. С. Тургенева, то оно не оставляло желать ничего лучшаго. По свидѣтельству одного изъ бывшихъ дворовыхъ Ивана Сергѣевича, впослѣдствіи ученаго агронома, Тютчевъ «улучшилъ лѣсную часть хозяйства, именно лѣсоохраненіе и лѣсовозращеніе, расширилъ скотоводство, возвысилъ плодородіе пахотныхъ полей и урожая хлѣбовъ, поддерживалъ крестьянъ въ ихъ кровныхъ нуждахъ и самое ихъ хозяйство, надѣливъ неимущія тягла рабочими лошадьми и племеннымъ скотомъ, словомъ, былъ въ отношеніи всѣхъ, какъ и самого себя, строгъ, справедливъ и энергиченъ, такъ что заставлялъ крестьянъ бояться и уважать его» [2]). Легко понять, какимъ нравственнымъ подспорьемъ было для изгнанника пребываніе семьи Тютчева въ Спасскомъ за время 1852—1853 г., особенно если принять въ разсчетъ, что въ Орловской глуши едва-ли могло и найтись еще такое развитое и умное семейство, и что сосѣди-помѣщики вообще отнеслись къ поднадзорному писателю съ нѣкоторымъ опасеніемъ и недовѣріемъ. «Охъ, напрасно ты заводишь это знакомство»,—говорилъ старикъ Шеншинъ своему сыну-поэту, просившему лошадей въ Спасское къ Тургеневу: «вѣдь ему запрещенъ въѣздъ въ столицы, и онъ подъ надзоромъ полиціи. Куда какъ неприглядно» [3]).

Вторымъ важнымъ «рессурсомъ», какъ тогда выражались, была для изгнанника его прекрасная деревенская библіотека, достигшая именно въ 50-хъ годахъ наибольшаго богатства и полноты. Такъ какъ она играла немалую роль не только во время ссылки Тургенева, но также въ общемъ развитіи его и въ литературномъ творчествѣ, то намъ слѣдуетъ сказать о ней нѣсколько словъ. Основаніе библіотекѣ было положено дѣдами Ивана Сергѣевича по женской линіи — Лутовиновыми; пополнялась его матерью и самимъ Тургеневымъ, который присоединилъ къ ней, между прочимъ, купленную имъ библіотеку Бѣлинскаго. Послѣдняя была особенно цѣнна собраніемъ русскихъ журналовъ 20-хъ,

---

[1]) Сочинен. Кавелина, II, 1233—1237.

[2]) „Русск. Вѣстн." 1885 г., кн. I, стр. 363.

[3]) Фетъ. „Мои воспом.", I, 5.

30-хъ и 40-хъ годовъ. Во время своей ссылки Тургеневъ получалъ сверхъ отдѣльныхъ изданій еще «Современникъ» Некрасова, «Отечественныя Записки» Краевскаго и «Москвитянинъ» Погодина, оживленный къ тому времени вступленіемъ въ составъ редакціи Островскаго, Ап. Григорьева, Писемскаго и др. Кромѣ журналовъ видное мѣсто занимали въ библіотекѣ Ивана Сергѣевича философскія знаменитости XVIII и первой половины XIX вѣка: Вольтеръ, Монтескье, Кондильякъ, Даламберъ, Гегель, Шлейермахеръ, Фейербахъ и другія. Очень богатъ былъ отдѣлъ исторіи, гдѣ имѣлись также изданія въ родѣ «Древней вивліоѳики» Новикова. Не менѣе полны были собранія книгъ по географіи и естественной исторіи; въ послѣднемъ была между прочимъ и многотомная «Histoire naturelle» Бюффона. Но первое мѣсто занимала все же изящная литература почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ [1]).

Разбирая старыя книги своей библіотеки, Тургеневъ изучалъ между прочимъ по нимъ, какое чтеніе интересовало нашихъ предковъ, степныхъ помѣщиковъ XVIII и начала XIX вѣка. Результаты его наблюденій мы безпрестанно находимъ въ его повѣстяхъ. Иванъ Матвѣевичъ Колтовской («Несчастная»), жившій въ Парижѣ до революціи, бывавшій въ Тріанонѣ у Маріи Антуанеты, читалъ до самой смерти исключительно Мабли, Реналя, Гельвеція, мемуары Сенъ-Симона, переписку Вольтера, энциклопедистовъ. Ѳомушка («Новь»), хотя и хранилъ въ завѣтномъ ящикѣ рукописный переводъ Кандида, но съ Ѳимушкой читалъ больше «Пріятное препровожденіе времени», «Зеркало Свѣта», «Аонидъ». Сверстницы Ѳимушки въ молодые дѣвичьи годы читали романы въ родѣ «Похожденій маркиза Глаголя», «Фанфана и Лолоты», «Алексиса или Хижины въ лѣсу» («Три портрета» Харловъ). «Степной король Лиръ» интересовался между прочимъ «Покоющимся трудолюбцемъ» 1785 г. и т. д. Рукописный «Кандидъ», «Алексисъ или Хижина въ лѣсу» упоминаются вторично въ разсказѣ «Фаустъ» и въ «Отцахъ и дѣтяхъ». Всѣ эти книги несомнѣнно имѣлись въ Спасской библіотекѣ, какъ имѣлись въ ней и знаменитые «Символы и эмблемы» Максимовича-Амбодика, составлявшіе предметъ дѣтской любознательности маленькаго Лаврецкаго («Дворянское гнѣздо»).

Всего насчитывалось въ Тургеневскомъ книгохранилищѣ болѣе пяти тысячъ томовъ. Размѣщены они были въ большихъ шкапахъ, поставленныхъ вдоль стѣнъ довольно обширной и свѣтлой комнаты, посреди которой стоялъ бильярдъ. Библіотека Ивана Сергѣевича нѣсколько разъ приводилась въ порядокъ; особенно потрудился надъ этимъ въ

---

[1]) «Нива» 1883 г., стр. 1006 (Воспомин. Е. Гаршина); «Истор. Вѣстн.» 1898 г., сент., стр. 914 (Воспоминан. М. А. Щепкина).

началѣ 70-хъ годовъ старичекъ-землемѣръ Д. И. Брюхановъ, который производилъ размежевку имѣній Тургенева и затѣмъ прожилъ у него около пяти лѣтъ. Брюхановымъ же былъ составленъ и обстоятельный каталогъ. Несмотря на то, что Иванъ Сергѣевичъ любилъ, берегъ свою библіотеку и гордился ею, количество книгъ въ ней стало замѣтно убывать съ начала ежегодныхъ продолжительныхъ отлучекъ хозяина за границу, т. е. съ конца 50-хъ годовъ. Немало изданій было похищено, нерѣдко и самъ Иванъ Сергѣевичъ раздавалъ ихъ. Среди похищенныхъ оказывались иногда очень рѣдкія, какъ, напримѣръ, изданіе Овидія XVIII вѣка съ гравюрами. Изъ подаренныхъ встрѣчаемъ указанія на старинную «Книгу о китайскихъ законахъ», на корректурный экземпляръ «Иліады» въ переводѣ Гнѣдича съ поправками переводчика, пожертвованные въ Императорскую Публичную библіотеку. Писательницѣ Е. И. Бларамбергъ (Ардовъ) онъ подарилъ, напримѣръ, рѣдкое собраніе сочиненій Жоржъ-Зандъ 1838 года и т. д. [1]).

Пріѣхавъ въ началѣ іюня въ Спасское, Тургеневъ поселился во флигелѣ, поставленномъ позади большаго дома и состоявшемъ изъ двухъ просторныхъ и трехъ—четырехъ небольшихъ комнатъ. Главный же домъ былъ занятъ семьей Тютчева, куда Иванъ Сергѣевичъ приходилъ обѣдать и коротать время, свободное отъ занятій и охотничьихъ экскурсій. Безъ сомнѣнія, для Тургенева нашлось бы мѣсто и здѣсь, но было одно обстоятельство, не благопріятствовавшее этому. Ко времени ссылки Ивана Сергѣевича относится романическій эпизодъ его съ дворовой дѣвушкой Ѳеоктистой, сближеніе съ которой началось еще въ 1851 году.

Объ этомъ увлеченіи Тургенева мы знаемъ еще менѣе, чѣмъ о связи его съ Ивановой, вышедшей впослѣдствіи замужъ за Калугина. Нѣкоторыя подробности находимъ лишь въ воспоминаніяхъ Берга, къ которымъ, впрочемъ, надо относиться съ осторожностью. Тѣмъ не менѣе, въ виду отсутствія другихъ свидѣтельствъ, необходимо привести здѣсь его разсказъ: Въ Москвѣ жилъ въ то время дядя Ивана Сергѣевича, Петръ Николаевичъ Тургеневъ, когда-то кирасиръ, человѣкъ уже не молодой, но хорошо сохранившійся. Онъ былъ тоже помѣщикъ Орловской губерніи. Недурное имѣніе давало ему возможность жить довольно открыто и собирать къ себѣ по вечерамъ, въ иные дни, кружокъ знакомыхъ,—болѣе всего видной и хорошо устроенной молодежи. Дѣлалось это для двухъ взрослыхъ дочерей...

На этихъ вечерахъ появлялась временами племянница хозяина, той же фамиліи, Елизавета Алексѣевна Тургенева, очень миловидная

---

[1]) «Нива» 1884 г., стр. 86; «Сѣверн. Вѣстн.», 1888 г., № 10, стр. 169; «Русск. Вѣдом.» 1904 г., № 25.

блондинка, лѣтъ 15—16, также орловская помѣщица. Будучи сиротой, она самостоятельно управляла своей небольшой деревенькой, которая была для нея все: и средства къ жизни, и костюмы на выѣзды къ дядюшкѣ и куда случится, и приданое. Оттуда же получалась зимою всякая провизія: мука, крупа, свиныя туши, мерзлыя индѣйки, гуси, утки, куры... а равно и необходимая въ домѣ прислуга. Въ числѣ послѣдней находилась дворовая дѣвушка, Ѳеоктиста, которую, по тогдашнимъ обычаямъ, никто не называлъ полнымъ именемъ, начиная отъ ея барыни и кончая ея родней, даже—нѣкоторыми ближайшими знакомыми: для всѣхъ она была Ѳетистка.

Въ первую минуту въ ней не усматривалось ничего ровно: сухощавая, недурная собой брюнетка—и только. Но чѣмъ болѣе на нее глядѣли, тѣмъ болѣе отыскивалось въ чертахъ ея продолговатаго, немного смуглаго личика чего-то невыразимо-привлекательнаго и симпатичнаго. Иногда она такъ взглядывала, что не оторвался бы... Стройности она была поразительной, руки и ноги у нея были маленькія; походка гордая, величественная. Не одинъ изъ гостей Елизаветы Алексѣевны, разсматривая ея горничную, невольно думалъ: откуда въ ней все это взялось?... Ни съ какой стороны не напоминала она дѣвичью и дворню. Прибавимъ къ этому, что ея барыня, сама изящная, съ большимъ вкусомъ и соображеніемъ, умѣла отличать свою Ѳетистку отъ всѣхъ другихъ служанокъ и одѣвала, какъ барышню.

Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Москву, Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ заглянулъ какъ-то къ кузинѣ, отъ нечего дѣлать. Ѳетистка произвела на него сразу очень сильное впечатлѣніе. Онъ сдѣлалъ, въ скоромъ времени, еще визитъ Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Ѳетистка еще болѣе ему понравилась. Онъ сталъ бывать у кузины часто—и влюбился въ ея горничную по уши. Онъ говоритъ въ одномъ своемъ разсказѣ, что «когда одна горничная входила при немъ въ комнату, онъ готовъ былъ броситься къ ея ногамъ и покрыть ея башмаки поцѣлуями...» Немного нужно было думать тогдашнему богатому помѣщику, чтобы додуматься до прозаической мысли: «а что, если я куплю эту дѣвочку?» Теперь это звучитъ какъ-то странно и дико; тогда—не звучало... никакъ; не казалось дикимъ даже и образованному русскому человѣку, знакомому съ Европой и ея условіями жизни. Не было дико и для изящнаго поклонника и друга Віардо-Гарсіи; а если и было, то все-таки не до такой степени, чтобы онъ въ тѣ страстныя минуты отказался отъ своихъ правъ. Довольно скоро Иванъ Сергѣевичъ повелъ съ кузиной «прозаическій разговоръ», котораго она съ часу на часъ ожидала и потому достаточно къ нему приготовилась. Кузенъ услышалъ отъ нея такой кушъ, что, несмотря на свою влюбленность, былъ нѣсколько озадаченъ. Кузина замѣтила при этомъ, что «собственно ей не

слѣдовало бы разставаться съ Ѳетисткой; что это такая горничная, какой она уже не найдетъ... но бываютъ въ жизни обстоятельства, когда дѣлаешь многое противъ сердца. При томъ она полагаетъ, даже увѣрена вполнѣ, что Ѳетисткѣ, на новомъ мѣстѣ, хуже не будетъ—и это успокоиваетъ ея совѣсть». Потолковали еще немного—и дѣло кончилось на семистахъ рубляхъ: цѣна большая, такъ какъ дворовыя дѣвки продавались тогда рублей по 25, 30 и не шли далѣе 50. Послѣдняя цыфра даже считалась «сумашествіемъ». Деньги были тутъ же отданы, а на другой или на третій день Ѳетистка, обливаясь слезами, перебралась на квартиру Ивана Сергѣевича, который ей признался тутъ же, что «очень ее любитъ и постарается сдѣлать счастливой». Что онъ ее любитъ—Ѳетистка давно знала, но въ счастье съ нимъ не вѣрила. Ей, какъ рабѣ, надо было примириться поскорѣе со всѣми охлаждающими мыслями и дѣлать то, что прикажетъ «новый баринъ». А новый баринъ накупилъ ей сейчасъ же всякихъ богатыхъ матерій, одеждъ, украшеній, бѣлья изъ тонкаго полотна, посадилъ ее въ карету и отправилъ въ Спасское; а потомъ пріѣхалъ туда и самъ.

Прошелъ идиллическій годъ... можетъ, и меньше... новый баринъ Ѳетистки началъ сильно скучать. Въ предметѣ его страсти оказались большіе недостатки; прежде всего—страшная неразвитость. Она ничего не знала изъ того, что не худо было бы знать, находясь въ такихъ условіяхъ жизни, въ какія она нечаянно попала. Съ нею не было никакой возможности говорить ни о чемъ другомъ, какъ только о сосѣдскихъ дрязгахъ и сплетняхъ. Она была даже безграмотна! Иванъ Сергѣевичъ пробовалъ было, въ первые медовые мѣсяцы (когда съ нею почти не разставался), поучить ее читать и писать, но увы! это далеко не пошло: ученица его смертельно скучала за уроками, сердилась... Потомъ явились на сцену обыкновенные припадки «замужнихъ женщинъ», а вслѣдъ затѣмъ произошло на свѣтъ прелестное дитя... Мы забѣжимъ впередъ и скажемъ читателямъ, что это была та знаменитая Ася, которая извѣстна всей образованной Россіи». («Истор. Вѣстн.» 1883 г., ноябрь, стр. 372).

Въ этомъ нѣсколько развязномъ разсказѣ прежде всего необходимо сдѣлать слѣдующія поправки. Авторъ «Записокъ охотника» п о к у п а л ъ людей только для того, чтобы отпустить ихъ на волю, т. е. в ы к у п а л ъ ихъ. Близкія отношенія Тургенева съ Ѳеоктистой прекратились дѣйствительно скоро, вмѣстѣ съ ссылкой, но Иванъ Сергѣевичъ не забывалъ ея и тогда, когда она впослѣдствіи вышла замужъ за одного чиновника. Дѣтей отъ нея онъ не имѣлъ. Выкупивъ Ѳеоктисту, Тургеневъ увезъ ее сначала съ собою въ Петербургъ, а потомъ уже переѣхалъ съ нею въ Спасское [1]).

[1]) Перв. собр. пис., 118—119.

Романическій эпизодъ, продолжавшійся все время изгнанія Ивана Сергѣевича, оставилъ замѣтные слѣды въ его творчествѣ. Не останавливаясь на бѣгло обрисованномъ образѣ матери Аси, въ разсказѣ того же имени, упорно отказывавшейся выйти замужъ за своего барина, отца своей дочери, вспомнимъ мать Лаврецкаго, эту скромную и умную дворовую дѣвушку, привязавшуюся къ молодому помѣщику «всею силою души, какъ только русскія дѣвушки умѣютъ привязываться», и быстро погибшую въ условіяхъ законной жены своего барина. Съ какимъ сочувствіемъ описано положеніе бѣдной женщины въ новой, совершенно непривычной для нея и неподатливой до суровости обстановкѣ. Какая неподдѣльная грусть слышится въ прощальныхъ словахъ автора надъ могилой Маланьи Сергѣевны: «Такъ кончило свое земное поприще тихое и доброе существо, Богъ знаетъ зачѣмъ выхваченное изъ родной почвы и тотчасъ же брошенное, какъ вырванное деревцо, корнями на солнце; оно увяло, оно пропало безъ слѣда, это существо, и никто не горевалъ о немъ». Вспомнимъ другой типъ въ томъ же «Дворянскомъ гнѣздѣ»—няню Лизы Калитиной, тоже бывшую возлюбленной своего господина. Не ея покорность и умѣнье переносить испытанія послѣ щегольства въ шелкахъ и бархатѣ, не ея внѣшняя красота и страстность характера привлекаютъ читателя. Нравственная стойкость и душевная чистота, уцѣлѣвшая и даже закалившаяся съ годами — вотъ что примиряетъ съ нею, вызываетъ къ ней дѣйствительное уваженіе. Недаромъ Иванъ Сергѣевичъ ее именно сдѣлалъ воспитательницею единственнаго по своей высотѣ образа Лизы. Вспомнимъ, наконецъ, скромную, тихую, любящую Ѳеничку въ «Отцахъ и дѣтяхъ». Обратимъ вниманіе на отношенія къ ней Николая Петровича, сблизившагося съ нею уже во время своего поздняго вдовства, послѣ смерти жены, потерю которой онъ едва перенесъ... Особенно характерно обрисовываются эти отношенія въ той сценѣ романа, гдѣ Николай Петровичъ, весь погруженный въ дорогія воспоминанія, былъ внезапно отвлеченъ отъ нихъ возгласомъ молодой женщины: «Николай Петровичъ, гдѣ вы? Онъ вздрогнулъ. Ему не стало ни больно, ни совѣстно... Онъ не допускалъ даже возможности сравненія между женой и Ѳеничкой, но онъ пожалѣлъ о томъ, что она вздумала его отыскивать. Ея голосъ разомъ напомнилъ ему: его сѣдые волосы, его старость, его настоящее... Волшебный міръ, въ который онъ уже вступалъ, который уже возникалъ изъ туманныхъ волнъ прошедшаго, шевельнулся — и исчезъ. Я здѣсь, — отвѣчалъ онъ: — я приду, ступай. «Вотъ они, слѣды-то барства», мелькнуло у него въ головѣ».

Мы не знали бы этихъ типовъ, Тургеневъ не раскрылъ бы намъ характерныхъ фактовъ въ интимныхъ отношеніяхъ между русскимъ бариномъ съ одной стороны и простой дѣвушкой, обыкновенно ему

подневольной—съ другой, русская литература не имѣла бы всѣхъ этихъ удивительныхъ страницъ, если бы не было Ѳеоктисты и увлеченія ею со стороны «образованнаго русскаго человѣка, знакомаго съ Европой», со стороны «изящнаго поклонника и друга Віардо-Гарсіи». Юношеская связь Ивана Сергѣевича съ Авдотьей Ермолаевной Ивановой (Калугиной) не могла отразиться замѣтно въ указанной области его творчества,—слишкомъ кратковременнымъ было то увлеченіе и слишкомъ молодъ и несамостоятеленъ былъ тогда самъ Тургеневъ.

Пріѣхавъ въ деревню, Иванъ Сергѣевичъ до октября, т. е. почти четыре мѣсяца, предавался полному отдыху, въ чемъ онъ несомнѣнно нуждался послѣ пережитыхъ волненій. «Я все лѣто рѣшительно не бралъ въ руки ни пера, ни книги», писалъ онъ 16-го октября К. С. Аксакову. До Петрова дня (29-го іюня), т. е. до начала охоты, Тургеневъ еще перечитывалъ сочиненія Гоголя, косвеннаго виновника своей ссылки, да «Записки ружейнаго охотника» Аксакова, о которыхъ помѣстилъ коротенькую замѣтку въ майской книгѣ «Современника», послужившую какъ бы программой для его большой рецензіи на ту же тему. Но, напримѣръ, изъ перваго тома «Московскаго сборника», изданнаго И. С. Аксаковымъ во время петербургскаго ареста Тургенева, послѣднему удалось прочесть «только стихотворенія». А вѣдь какъ внимательно слѣдилъ онъ за литературными новостями! Замѣтимъ кстати, что о стихотворномъ отдѣлѣ этого сборника Иванъ Сергѣевичъ далъ слѣдующій любопытный отзывъ въ письмѣ къ Аксаковымъ отъ 6-го іюня: «Пѣсни [1]) удивительны, достойны стать наравнѣ съ пѣснями въ собраніи Кирши Данилова; стихотвореніе Хомякова [2])—очень звонко, читается ore rotundo, какъ говаривали въ старину—но и только; не грѣетъ и не язвитъ. Вашъ «Бродяга», любезный И. С., благородная, славная вещь; жаль только, что напряженность не мысли, а формы, вредитъ иногда впечатлѣнію. Ваши стихи имѣютъ всѣ качества поэзіи, кромѣ того тонкаго, неуловимаго—того з а п а х а, которымъ дышитъ, играя, счастливая и свободная жизнь. Но откуда взять этого счастья въ наше сухое, трудное и горькое время? Спасибо вамъ и за то, что вы намъ дали».

Съ наступленіемъ охотничьей поры Иванъ Сергѣевичъ забросилъ не только книги, но и переписку съ друзьями. Семнадцатаго октября онъ сообщаетъ С. Т. Аксакову, что послѣднее письмо къ нему онъ послалъ 7-го іюня. Почти такой же перерывъ произошелъ въ сношеніяхъ

---

[1]) Изъ приготовляющагося къ изданію собранія русскихъ народныхъ пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго.

[2]) „Мы родъ избранный“, говорили Сіона дѣти въ старину и т. д.

и съ другими корреспондентами. Охотничьи экскурсіи всецѣло поглотили Тургенева до 1-го октября. «Я на свое ружье убилъ въ теченіе нынѣшняго года (лѣта) 304 штуки»,—писалъ онъ старику Аксакову: «а именно 69 вальдшнеповъ, 66 бекасовъ, 39 дупелей, 33 тетерева, 31 куропатку, 25 перепеловъ, 16 зайцевъ, 11 коростелей, 8 курочекъ, 4 утки, 1 гаршнепа, 1 кулика. Мои два охотника убили около 500. Эти числа кажутся велики—но, принявъ въ соображеніе, какъ много и какъ далеко я ѣздилъ, нельзя сказать, чтобы я охотился удачно. Я ѣздилъ за тетеревами въ Козельскъ и Жиздру, за болотной дичью—въ Карачевъ и Епифань». Другими словами—Тургеневъ дѣлалъ поѣздки верстъ на 150 отъ дому въ сосѣднія губерніи. «Конечно, въ старые годы я убивалъ, на свое одноствольное ружье, до 1200 штукъ», отвѣчалъ ему Аксаковъ: «но это было въ Оренбургской губерніи, и число благородной дичи не превышало 300 штукъ; утки и кулики всѣхъ породъ составляли 600—700 штукъ, а у васъ ихъ почти совсѣмъ нѣтъ».

Эти охотничьи увлеченья сказались между прочимъ и въ статьѣ Ивана Сергѣевича о «Запискахъ ружейнаго охотника» Аксакова. Съ перваго слова до послѣдняго она дышитъ свѣжими, не остывшими еще впечатлѣніями пережитыхъ сладкихъ волненій. «Въ теченіе нынѣшняго лѣта», такъ начинаетъ авторъ ее: «вы не однажды напоминали мнѣ, любезный Николай Алексѣевичъ (Некрасовъ), обѣщаніе мое поговорить подробнѣе въ вашемъ журналѣ о прекрасной книгѣ С. Аксакова; я до нынѣшняго дня не могъ сдержать своего слова, какъ настоящій охотникъ—охотникъ душою и тѣломъ—я почти все это время не выпускалъ ружья изъ рукъ, а до пера не касался вовсе». Кончаетъ же онъ свою рецензію словами царя Алексѣя Михайловича: «Будете охочи, забавляйтеся, утѣшайтеся сею доброю потѣхою, зѣло потѣшно и угодно и весело, да не одолѣютъ васъ кручины и печали всякія».

Внезапно и круто наступившая зима засыпала снѣгомъ еще свѣжую, неуспѣвшую увянуть зелень березъ и тополей. «Охоту мою она отрубила, какъ топоромъ», жаловался Тургеневъ. Перваго октября еще было множество вальдшнеповъ, а третьяго съ утра поднялась снѣговая вьюга, которая и покрыла прочно землю «рѣзко-бѣлой, мертвой, снѣговой скатертью». Интересно, что эта столь рано наступившая зима была первой и послѣдней, проведенной Иваномъ Сергѣевичемъ въ деревнѣ. И позже и ранѣе онъ проживалъ зимніе мѣсяцы въ столицахъ или въ чужихъ краяхъ. Если бы не ссылка, Тургеневу такъ и не пришлось бы узнать русской деревенской зимы. И замѣчательно, что не въ примѣръ другимъ великимъ нашимъ писателямъ, не въ примѣръ своему учителю Пушкину, Иванъ Сергѣевичъ болѣе чѣмъ равнодушно относился къ своеобразнымъ красотамъ зимы, почти не любилъ ея, отдавая всѣ свои симпатіи веснѣ, лѣту и ранней осени. Эта нелюбовь сказывалась и въ

его литературныхъ произведеніяхъ, какъ, напримѣръ, въ началѣ статьи о «Запискахъ ружейнаго охотника» Аксакова, и въ письмахъ, и въ дружескихъ бесѣдахъ. Альфонсъ Додэ свидѣтельствуетъ о послѣднемъ: «онъ говорилъ намъ (французскимъ друзьямъ) не о Россіи Наполеоновской зимы, ледяной, исторической, условной, но о Россіи въ лѣтнюю пору, когда спѣлая пшеница и цвѣты смѣняли снѣжныя метели, о Малороссіи, странѣ степей, солнцѣ, травѣ, пчелѣ. И такъ какъ мы всегда приноравливаемъ слышанный нами разсказъ къ какому-нибудь мѣсту, то русская жизнь изъ разсказовъ Тургенева представлялась мнѣ жизнью въ алжирскомъ помѣстьѣ, окруженномъ хижинами» [1]). Если нѣкоторые иностранцы, какъ, напримѣръ, Абу или Гонкуръ, и вспоминали съ удовольствіемъ описанія зимы, слышанныя отъ Ивана Сергѣевича, такъ этимъ они свидѣтельствовали не о Тургеневскомъ, а о своемъ личномъ интересѣ къ снѣгу, къ сѣверной стужѣ, воображая, напримѣръ, что русскіе мужики подвержены чуть ли не зимней спячкѣ, какъ медвѣди; да Тургеневъ и не умѣлъ разсказывать неинтересно о чемъ бы то ни было

Всѣ описанія зимней природы въ сочиненіяхъ Ивана Сергѣевича, если не считать его небольшаго стихотворенія «Первый снѣгъ», свободно помѣстятся на одной печатной страницѣ. Изъ нихъ наиболѣе цѣльными, законченными, несмотря на свою краткость, являются описаніе зимней ночи въ «Двухъ пріятеляхъ» (возвращеніе героевъ разсказа съ перваго визита къ Барсуковымъ) и замѣчательно красивая картина январскаго морознаго дня въ началѣ 28-й главы «Отцовъ и дѣтей». Охота еще могла бы примирить Тургенева съ снѣжными ландшафтами, возбудить къ нимъ поэтическое сочувствіе, но Иванъ Сергѣевичъ никогда не былъ зимнимъ охотникомъ. Онъ только „для порядку“ въ своемъ этюдѣ „Лѣсъ и степь“ среди картинъ весенней и осенней природы бросилъ нѣсколько строчекъ: „А въ зимній день ходить по высокимъ сугробамъ за зайцами, дышать морознымъ острымъ воздухомъ, невольно щуриться отъ ослѣпительнаго мелкаго сверканья мягкаго снѣга, любоваться зеленымъ цвѣтомъ неба надъ красноватымъ лѣсомъ“!.. На самомъ дѣлѣ ему не приходилось „ходить по высокимъ сугробамъ за зайцами“. Онъ писалъ 22-го января 1853 года С. Т. Аксакову: „Егеря мои колотятъ множество зайцевъ—я очень зябокъ и на эту охоту не хожу. Кормятся у меня двѣнадцать куропатокъ, въ мартѣ выпущу ихъ на разводъ. На-дняхъ послалъ охотника въ степную деревню съ порученіемъ поймать и привезти еще“. И такъ вмѣсто зимней охоты—откармливали дома куропатокъ.

Но чего Тургеневъ положительно не выносилъ, что наводило на

---

[1]) „Иностранная критика о Тургеневѣ“, стр. 207.

него уныніе и тоску, такъ это осеннія и зимнія бури. „Сегодня здѣсь такая метель,—писалъ онъ въ концѣ октября 1852 года Некрасову—какой я давно не видывалъ. Какая ярость въ этомъ вихрѣ, этого описать нельзя, кажется, ему хотѣлось бы сорвать долой все. Въ воздухѣ мутная и безумная кутерьма, завыванье, судорожные порывы... Чортъ знаетъ, что такое! Вотъ тутъ и живи въ деревнѣ». А въ письмѣ къ С. Т. Аксакову изъ своей ссылки онъ такъ жаловался разъ на осеннюю непогоду: „Вѣтеръ такіе выводитъ переливы, что невозможно не воскликнуть иногда невольно: фу! какъ гадко и скучно, и холодно, и непріязненно жить на землѣ! Точно та „волшебница“ зима, о которой говорилъ Пушкинъ, выслала впередъ свою злую дворную собаку—и сидитъ она, и воетъ передъ каждымъ домомъ, возвѣщая прибытіе своей хозяйки и злобно скучая о ней. Вотъ—вотъ вишь какъ высоко забираетъ! Надо встряхнуться и думать о другомъ“ [1]).

Съ прекращеніемъ охоты Иванъ Сергѣевичъ, «какъ пьяница послѣ запоя (по его выраженію), возвратился опять къ человѣческимъ чувствамъ и понятіямъ» и съ усиленнымъ рвеніемъ предался литературной работѣ. Шесть мѣсяцевъ, съ начала октября до конца марта, онъ почти не отрывался отъ письменнаго стола, почему внѣшняя жизнь его за этотъ періодъ была очень бѣдна, гораздо бѣднѣе и однообразнѣе послѣдующихъ мѣсяцевъ изгнанія. «Я еще не умеръ», шутливо сказалъ Тургеневъ Краевскому 15-го ноября: «но глубокое уединеніе, въ которомъ я живу, даетъ мнѣ нѣкоторое понятіе о той тишинѣ, которая насъ ожидаетъ за гробомъ. Впрочемъ, я не жалуюсь. Я ни одного мгновенья до сихъ поръ не чувствовалъ скуки, работаю и читаю». Эта тишина и уединеніе прерывались очень рѣдко. На рождественскихъ праздникахъ его позабавили маскарады, устроенные дворовыми людьми; «а фабричные съ бумажной фабрики брата», писалъ Иванъ Сергѣевичъ С. Т. Аксакову: «пріѣхали за 15 верстъ и представили какую-то ими самими сочиненную разбойничью драму. Уморительнѣе этого ничего невозможно было вообразить; роль главнаго атамана исполнялъ одинъ фабричный, а представителемъ закона и порядка былъ одинъ молодой мужикъ; тутъ былъ и хоръ вродѣ древняго, и женщина, поющая въ теремѣ, и убійства, и все, что хотите; языкъ представлялъ смѣшеніе народныхъ пѣсенъ, фразъ à la Marlinski и даже стиховъ изъ «Дмитрія Донскаго»! Я когда-нибудь опишу это по подробнѣе. Впрочемъ, эту драму сочинили, какъ я потомъ узналъ, не фабричные; ее занесъ какой-то прохожій солдатъ. Масляницу Тургеневъ пробылъ въ Орлѣ и «насмотрѣлся губернской жизни. Этюдъ не

---

[1]) «Русск. Мысль» 1902 г., янв., 116; „Вѣстн. Евр.“ 1894 г., февраль, 477.

дурной», писалъ онъ 6-го марта Панаеву. Изъ Орла заѣзжалъ къ П. Б. Кирѣевскому «и провелъ у него часа три. Это человѣкъ хрустальной чистоты и прозрачности, его нельзя не полюбить», сообщалъ Иванъ Сергѣевичъ С. Т. Аксакову.

Изъ друзей никто не навѣстилъ изгнанника въ эту зиму. Лишь въ началѣ января 1853 года къ Тургеневу въ Спасское заѣзжалъ К. Н. Леонтьевъ (1831—1891), впослѣдствіи авторъ интересныхъ романовъ и повѣстей и видный публицистъ, а тогда двадцати-двухлѣтній студентъ Московскаго университета. Тургеневъ познакомился съ нимъ въ Москвѣ въ 1851 году, когда Леонтьевъ обратился къ нему за совѣтомъ и помощью въ своихъ литературныхъ начинаніяхъ и планахъ, возбудившихъ въ Иванѣ Сергѣевичѣ живой интересъ. Какъ видно изъ писемъ послѣдняго, симпатіи его къ Леонтьеву съ особенной силой проявлялись именно за время ссылки. Съ другой стороны и по признанію будущаго публициста Тургеневъ только въ ту пору имѣлъ на него рѣшительное вліяніе. «Онъ (Тургеневъ) наставилъ и вознесъ меня,— именно вознесъ; меня нужно было тогда вознести хотя бы только для того, чтобы поставить на ноги», писалъ Леонтьевъ въ своихъ воспоминаніяхъ [1]).

Иванъ Сергѣевичъ въ то время былъ еще увѣренъ, что изъ его молодаго друга выработается романистъ-художникъ. «Я считаю васъ очень способнымъ къ роману или повѣсти», писалъ онъ ему изъ своей ссылки 6-го октября 1852 года: «Это ваше настоящее поприще. Вашъ тонкій, граціозный, иногда болѣзненный, но часто вѣрный и сильный анализъ тутъ у мѣста». Замѣченные же Тургеневымъ недостатки въ творчествѣ молодаго писателя могли быть, по мнѣнію Ивана Сергѣевича, легко исправленными. Главный, основной изъ нихъ такъ охарактеризованъ Тургеневымъ въ письмѣ отъ 12-го декабря того же 1852 года: «Мнѣ кажется, что вашему таланту, при всей его тонинѣ и ранней выработкѣ, недостаетъ, не скажу—здоровья, а силы и той ясности, которая нѣмцами зовется учень удачно: Heiterkeit». «Старайтесь быть какъ можно проще и яснѣе въ дѣлѣ художества», писалъ онъ ему позднѣе: «ваша бѣда—какая-то запутанность, хотя вѣрныхъ, но уже слишкомъ мелкихъ мыслей, какое-то не нужное богатство заднихъ представленій, второстепенныхъ чувствъ и намековъ». Это общее наблюденіе пояснилъ Иванъ Сергѣевичъ на частномъ примѣрѣ, именно на разборѣ повѣсти Леонтьева «Второй бракъ» [2]) (письмо отъ 16-го февраля 1860 г. изъ Петербурга): «Повѣсть ваша не дурна, читается легко, но не болѣе: задумана она умно, съ стремленіемъ къ простотѣ

[1]) «Русск. Вѣстн.» 1888 г., мартъ, стр. 280.

[2]) Напечатана въ 4-й кн. «Библіотеки для чтенія» 1860 г.

и ясности, лица правдивы, но жизненности, красоты, движенія мало; все это замѣнено какимъ-то авторскимъ игривымъ, часто вычурнымъ хитродушіемъ; авторъ, видимо, рисуетъ, старается и самъ подсмѣивается, а въ результатѣ выходитъ что-то холодное, безкровное и блѣдное. Вашъ умъ много работалъ; вы, видимо, прошли сквозь довольно разнообразный духовный опытъ, вы созрѣли, но художникъ ли вы? На этотъ вопросъ, кладя руку на сердце и взвѣшивая свои слова, не могу отвѣчать ни да, ни нѣтъ. Мнѣ бы очень было жалко, если бы слова мои помѣшали вамъ писать; я бы себѣ этого не простилъ: продолжайте работать; можетъ быть, вы овладѣете, наконецъ, собою, своими силами, ясно поймете свое призваніе; но пока у васъ не будутъ выходить живые образы, никакими тонкостями и умными замѣчаніями и подмѣтками дѣлу не пособить. Почему бы вамъ не попробовать писать критическіе и эстетическіе этюды? На это, я увѣренъ, у васъ есть всѣ данныя». Въ 1860 году Тургеневъ еще колебался произнести окончательный приговоръ относительно художественнаго таланта Леонтьева. Не то видимъ въ письмѣ Ивана Сергѣевича къ нему отъ 4-го (16-го) мая 1876 года изъ Парижа: «Такъ какъ вамъ угодно знать мое мнѣніе о вашей литературной дѣятельности, то позволю себѣ высказать его вамъ въ двухъ словахъ. Я сожалѣю, что, пользуясь вашимъ положеніемъ на Востокѣ и близкимъ знакомствомъ съ чуждою намъ жизнью, вы не обратили вашихъ замѣчательныхъ способностей на составленіе ученыхъ, этнографическихъ или историческихъ сочиненій, которыя доставили бы вамъ видное и почетное мѣсто въ нашей словесности. Такъ называемая беллетристика, мнѣ кажется, не есть ваше настоящее призваніе; несмотря на вашъ тонкій умъ, начитанность и владѣніе языкомъ, ваши лица являются безжизненными. Я могу ошибаться и первый готовъ рукоплескать тому успѣху вашего романа [1]), о которомъ вы говорите въ своемъ письмѣ. Къ сожалѣнію, я его не прочелъ» [2]). Что же касается публицистической дѣятельности Леонтьева, то сочувствовать ей Тургеневъ не могъ. Слишкомъ близко подходила она по своимъ тенденціямъ къ крайнему славянофильству. Кромѣ того въ пылу журнальной полемики Леонтьевъ нападалъ въ редактируемомъ имъ «Варшавскомъ Дневникѣ» на Ивана Сергѣевича при столкновеніяхъ послѣдняго съ Б. Маркевичемъ (иногороднымъ обывателемъ) и съ Катковымъ (на Пушкинскомъ праздникѣ) [3]). Послѣ поѣздки своей въ Спасское къ опаль-

[1]) «Воспоминанія Одиссея Полихроніадеса, загорскаго грека» («Русск. Вѣстн.», 1875 г., кн. 6—8; 1876 г., кн. 1—3).

[2]) См. письма Тургенева къ Леонтьеву въ «Русск. Мысли», 1886 г., кн. 12 стр. 69, 70, 77 и 87.

[3]) К. Леонтьевъ: «Востокъ, Россія и славянство», II, стр. 52 и слѣд., 149 и слѣд.

ному Тургеневу, Леонтьевъ встрѣтился съ нимъ разъ или два только весною 1861 года въ Петербургѣ [1]) Послѣ же 1876 года между ними прекратилась и переписка.

Насколько въ зимніе мѣсяцы до 20-хъ чиселъ марта 1853 года жизнь Тургенева по внѣшности была тиха, настолько съ этого времени она сдѣлалась тревожной и подвижной. Лишь болѣзненное состояніе, на которое онъ временами жаловался, заставляло его оставаться дома на болѣе долгій срокъ, чѣмъ онъ того желалъ бы. Кончивъ главную свою литературную работу, о которой скажемъ дальше, Иванъ Сергѣевичъ 22-го марта, запасшись подложнымъ паспортомъ на имя какого-то мѣщанина, покинулъ Спаское и неожиданно явился въ Москвѣ, чѣмъ сильно напугалъ своихъ пріятелей, знавшихъ изъ писемъ самого Тургенева, что въ январѣ ему было отказано министромъ внутреннихъ дѣлъ даже въ просьбѣ посѣтить собственныя свои деревни, лежащія внѣ Орловской губерніи. Само собой разумѣется, что визитъ этотъ сохраненъ былъ въ свое время въ глубокой тайнѣ. Рискованная затѣя Тургенева, вѣроятно, имѣла связь съ артистической поѣздкой П. Віардо въ Россію. Знаменитая пѣвица выступала въ этотъ сезонъ вмѣстѣ съ Маріо, Лаблашемъ, Ронкони и Тамберликомъ въ «Сомнамбулѣ», «Севильскомъ цирульникѣ», «Пророкѣ» и др. пьесахъ. Еще 20-го января Панаевъ писалъ Ивану Сергѣевичу изъ сѣверной столицы: «M-me Viardot производитъ фуроръ въ Петербургѣ — когда она поетъ,—нѣтъ мѣстъ» [2]). Не трудно представить себѣ, что̀ переживалъ Тургеневъ, получая такія извѣстія отъ своихъ друзей.

Возвратился Иванъ Сергѣевичъ изъ своей поѣздки 1-го апрѣля съ разыгравшейся гастрической лихорадкой. Двадцать третьяго того же мѣсяца онъ писалъ Аксаковымъ: «Здоровье мое все еще неудовлетворительно—желудокъ мой находятся въ положеніи довольно скверномъ—однако я въ теченіе послѣднихъ десяти дней поправился и раза три былъ на охотѣ. Вальдшнеповъ въ нынѣшнемъ году у насъ очень было мало; въ болотистыхъ мѣстечкахъ попадались бекасы (болотъ у насъ—вы знаете—нѣтъ); дроздовъ прилетѣло множество—и такіе они жирные, какихъ я отъ роду не видывалъ; съ грачами сдѣлалась какая-нибудь бѣда—совсѣмъ ихъ не встрѣчаешь; ласточки еще не прилетали, хотя время стоитъ теплое, и трава такъ и лѣзетъ изъ земли, и деревья, особенно ракиты, сильно зазеленѣли. Впрочемъ, мнѣ кажется, что къ намъ еще завернутъ холода. Сегодня Егорьевъ день—но скотъ уже съ недѣлю какъ выгоняютъ въ поле; всѣмъ была бы хороша Святая,

---

[1]) «Русск. Вѣстн.», 1892 г., кн. 4, стр. 269. «К. Н. Леонтьевъ», статья А. А. Александрова.

[2]) „Вѣстн. Евр.“, 1903 г., дек. 586.

если бъ къ намъ не прибыла хотя ожидаемая, но непрошенная гостья—холера; уже нѣсколько дней она давала о себѣ знать, а вчерашняго дня открылась и довольно круто. Человѣкъ 5 уже умерло. Что будетъ дальше—не извѣстно; мѣры предосторожности взяты». Впрочемъ, тревоги Ивана Сергѣевича оказались напрасными: 12-го мая онъ писалъ С. Т. Аксакову, что люди умерли въ Спасскомъ совсѣмъ не отъ холеры, а «вѣроятно отъ объяденья». Въ этомъ же письмѣ онъ сообщаетъ: «Я только третьяго дня вернулся съ поѣздки за 150 верстъ отсюда, любезный Сергѣй Тимоѳеевичъ, и нашелъ здѣсь ваше письмо. Я ѣздилъ стрѣлять дупелей въ выводныхъ болотахъ, лежащихъ между лѣсами вдоль береговъ Десны. Я немного опоздалъ—самки уже сѣли на яйца, и самцы уже начали разлетаться, и точкѝ прекратились. Однако мы на три ружья убили въ три поля 105 штукъ красной дичи—на мою долю пришлось 41. Молодая моя собака меня очень радовала—и мѣста великолѣпныя. Къ сожалѣнію, погода намъ не благопріятствовала—холода стояли пренепріятные, а въ послѣдніе дни дождикъ лилъ почти постоянно. На будущую весну, если Богъ дастъ, я заберусь туда гораздо раньше. Теперь до Петрова дня ружье на крючокъ и по мѣрѣ возможности—за перо». Къ сожалѣнію, «возможности» совсѣмъ не оказалось, и 5-го іюня онъ снова жаловался С. Т. Аксакову: «Я про себя долженъ сказать, что я никакъ не могу работать,—желудокъ мой меня мучитъ. Ничего не варитъ и заставляетъ меня проводить безсонныя ночи, которыя меня очень разслабляютъ. Хочу попробовать лѣчиться бѣлой горчицей, которая, говорятъ, многимъ помогаетъ... Валяешься цѣлый день на разныхъ диванахъ, словно кто колесомъ по тебѣ переѣхалъ. Это очень скучно». Хотя въ іюлѣ болѣзнь почти покинула Тургенева, однако за литературную работу онъ такъ и не принимался: съ конца марта до конца ноября, т. е. за 8 мѣсяцевъ, онъ не написалъ и 8 страницъ для печати.

Тѣ не совсѣмъ веселые дни, когда ему приходилось сидѣть дома, онъ короталъ за чтеніемъ, музыкой и шахматной игрой. Послѣднимъ двумъ онъ удѣлялъ однако болѣе времени. «Знаете ли, въ чемъ состоитъ главное мое занятіе», писалъ Тургеневъ С. Т. Аксакову 29-го іюня 1853 года: «играю въ шахматы съ сосѣдями, или даже одинъ, разбирая шахматныя игры по книгамъ. Отъ упражненія я достигъ нѣкоторой силы. Также много занимаюсь музыкой, то-есть, говоря правильнѣе, занимаюсь тѣмъ, что слушаю музыку. Жена живущаго у насъ Тютчева и сестра ея много играютъ въ четыре руки. Бехтовенъ, Моцартъ, Мендельсонъ и Веберъ—наши любимцы». О любви Ивана Сергѣевича къ музыкѣ, о рѣдкомъ пониманіи ея красотъ говорить здѣсь нѣтъ надобности. Что же касается шахматной игры, то на его особенное увлеченіе ею именно лѣтомъ 1853 года указать слѣдуетъ, хотя она

всегда была слабостью Тургенева. Еще студентомъ онъ изучалъ ее по руководствамъ Аллгайера и сильнѣйшаго (въ 20-хъ годахъ) русскаго шахматнаго игрока А. Д. Петрова, какъ это можно заключить изъ указаній II-й главы повѣсти «Несчастная». О позднѣйшихъ же упражненіяхъ Ивана Сергѣевича на шахматномъ полѣ мы имѣемъ уже довольно много свидѣтельствъ. Для примѣра приведемъ разсказъ К. П. Ободовскаго: «Единственная игра, составлявшая его (Тургенева) слабость, были шахматы. Объ этой игрѣ онъ говорилъ съ увлеченіемъ. Помню разъ, какъ онъ описывалъ игру какого-то корифея шахматной игры: «онъ не играетъ,—восклицалъ Иванъ Сергѣевичъ,—онъ точно узоры рисуетъ, совершенный Рафаель!» Самъ Иванъ Сергѣевичъ игралъ очень хорошо и даже имѣлъ серебряную медаль за игру, полученную имъ отъ какого-то общества. Какъ-то я пришелъ къ Я. П. Полонскому и засталъ его играющимъ съ Тургеневымъ въ шахматы. По окончаніи партіи, которую Тургеневъ, конечно, выигралъ, такъ какъ Я. П. игралъ, какъ дилеттантъ, не претендуя, впрочемъ, никогда на славу хорошаго игрока, Иванъ Сергѣевичъ предложилъ намъ играть противъ него вдвоемъ. Я игралъ, пожалуй, еще хуже Я. П., но шутки ради присоединился къ партіи, и мы вдвоемъ атаковали Тургенева. Послѣдній, видя въ насъ слабыхъ игроковъ, отнесся къ нашей игрѣ съ нескрываемымъ пренебреженіемъ и, играя безъ вниманія, началъ дѣлать промахи, которыми мы и воспользовались, взявъ у него задаромъ слона и еще какую-то фигуру. Партія его сразу сдѣлалась гораздо слабѣе нашей, и ему началъ грозить проигрышъ. Надо было видѣть, какое волненіе овладѣло тогда Иваномъ Сергѣевичемъ. Глаза его заискрились, движенія сдѣлались порывисты. Онъ устремилъ все свое вниманіе на игру, которая и привела въ результатѣ, не безъ значительныхъ, однако, усилій со стороны Ивана Сергѣевича, къ нашему пораженію, послѣ чего онъ вздохнулъ съ видимымъ чувствомъ облегченія» [1]).

Съ первыхъ чиселъ іюля 1853 года Иванъ Сергѣевичъ началъ было ѣздить на охоту, но ему пришлось скоро отказаться отъ этихъ экскурсій. «Вотъ въ чемъ дѣло", писалъ онъ 30-го августа С. Т. Аксакову: «Тютчевъ, которому я поручилъ было управленіе моимъ имѣніемъ, отъ меня отходитъ—и теперь это все падаетъ на меня. Я все это время ѣздилъ по деревнямъ, не охотился, и теперь у меня въ головѣ одно хозяйство, разсчеты, счеты и т. д. Въ настоящемъ пропасть занятій, интересныхъ и любопытныхъ, если хотите, но съ непривычки обременительныхъ».—«Вы уже знаете», писалъ онъ тому же корреспонденту 6-го октября, наканунѣ отъѣзда Тютчева: «я теперь самъ занимаюсь хозяйствомъ. Я въ ужасныхъ былъ хлопотахъ все это время—

[1]) „Историч. Вѣстн.", 1893 г., февр., 365—366.

и теперь едва начинаю привыкать къ новому моему положенію. Стерпится — слюбится. Но пока тяжеленько, особенно при наступившей снова холодной осенней погодѣ—и въ одиночествѣ». Хозяйственныя хлопоты и заботы, однако, брали у Ивана Сергѣевича ужъ не такъ много времени, какъ можно было бы заключить изъ выписанныхъ строкъ. Въ этомъ же письмѣ отъ 6-го октября онъ говоритъ: «Я стараюсь не упускать никакого случая извлекать изъ провинціальной жизни всевозможную пользу. Я познакомился съ великимъ множествомъ новыхъ лицъ и ближе сталъ къ современному быту и народу». Конечно, такое «извлеченіе пользы» могло отразиться на хозяйствѣ лишь весьма печальнымъ образомъ, и Тургеневъ въ концѣ концовъ понялъ это хорошо. Четырнадцатаго ноября онъ пишетъ Аксакову: «Что касается до управленія дѣлъ моихъ, то я призвалъ на помощь дядю, брата моего отца, который при покойницѣ-матушкѣ лѣтъ двадцать этимъ занимался. Видно, нашъ братъ щелкоперъ дѣйствительно ни къ какому дѣльному занятію не способенъ. Что дѣлать! Всего не соединишь и не обхватишь—и дай Богъ, чтобы въ своемъ-то, въ собственномъ ремеслѣ не дѣлалъ промахомъ на каждомъ шагу».

Въ заключеніе обзора внѣшнихъ событій послѣднихъ мѣсяцевъ Тургеневской ссылки, слѣдуетъ отмѣтить лишь пріѣздъ въ Спасское, въ началѣ октября, П. В. Кирѣевскаго и 18-го ноября И. С. Аксакова. Какъ ни мимолетны были оба визита, они оставили самое хорошее впечатлѣніе въ душѣ Тургенева: «Что за милый и чистый человѣкъ», говорилъ онъ снова про Кирѣевскаго. «Дорогой гость, о пріѣздѣ котораго вы меня предувѣдомляли», писалъ онъ про И. С. Аксакова его отцу: «былъ у меня третьяго дня и просидѣлъ до вечера. Вы можете себѣ представить, какъ я былъ ему радъ, и какъ много мы съ нимъ толковали и разговаривали. Это посѣщеніе было для меня истиннымъ праздникомъ».

Обращаясь теперь къ обзору литературной дѣятельности Тургенева за время его изгнанія, мы должны повторить прежде всего, что она обнимаетъ собою лишь шесть зимнихъ мѣсяцевъ, т. е. только треть полутора-годичнаго періода его ссылки. Съ 3-го по 17-е октября была написана имъ рецензія на «Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи» С. Т. Аксакова въ формѣ письма къ издателю «Современника». Появилась она въ 1-й книгѣ журнала за 1853 годъ, съ пропускомъ однако полуторыхъ страницъ, вычеркнутыхъ тогдашней цензурой. Пропущенное мѣсто не попало, къ сожалѣнію, въ исправленный текстъ собранія сочиненій Ивана Сергѣевича и напечатано лишь въ письмѣ его къ Аксакову отъ 5-го февраля того же года («Вѣстн. Евр.»,

1894 г., январь, стр. 343—344). Рецензія очень понравилась старику Аксакову, особенно эстетическими разсужденіями: «Въ вашемъ воззрѣніи на природу», писалъ онъ Тургеневу: «и на отношенія къ ней писателя, подтвержденномъ образцами великихъ художниковъ, столько истины, что она, я увѣренъ, освѣтитъ, уяснитъ этотъ высокій предметъ, темно понимаемый иными, даже талантливыми описателями природы». Но статья, по признанію Аксакова, не вполнѣ удовлетворила его л и ч н о: «Ваше письмо къ издателю «Современника», пояснялъ онъ: «не критика на мою книгу, а прекрасная статья по поводу моей книги. Впрочемъ, я очень понимаю, что, удержавъ характеръ критики, статья ваша вышла бы, можетъ быть, не такъ интересна и нѣсколько суха, а главное, что для такого рода разборовъ прошло уже время, и я совершенно согласенъ, что большинство читателей было бы рѣшительно отъ того въ проигрышѣ» [1]). Въ своей рецензіи Иванъ Сергѣевичъ писалъ между прочимъ: «Сколько бы хотѣлось еще сказать вамъ: сообщить собственныя наблюденія, поговорить о такъ называемыхъ охотничьихъ «удачахъ и неудачахъ», объ охотничьихъ суевѣріяхъ, преданіяхъ и повѣрьяхъ. Но я боюсь утомить и ваше вниманіе и вниманіе читателя. Отложу все это до другаго письма, которое вы получите вскорѣ». Второй статьи однако не было написано Тургеневымъ. Высказанное намѣреніе осуществлено было лишь отчасти и м н о г о позднѣе—въ интересной и очень мило обработанной статейкѣ «Пятьдесятъ недостатковъ ружейнаго охотника и пятьдесятъ недостатковъ лягавой собаки», напечатанной въ «Журналѣ охоты» 1876 г. (№ 6) и тоже не вошедшей въ собраніе его сочиненій.

Покончивъ съ разборомъ книги Аксакова, Иванъ Сергѣевичъ приступилъ къ большой повѣсти «Постоялый дворъ», которую и кончилъ къ началу декабря, отославъ затѣмъ рукопись на прочтеніе своимъ друзьямъ. Въ январѣ Тургеневъ имѣлъ уже отзывъ Анненкова, въ февралѣ—В. П. Боткина и въ мартѣ—Аксаковыхъ. Всѣ они напечатаны въ «Русскомъ Обозрѣніи» за 1894 г. (№ 9). Мнѣнія другихъ, не столь авторитетныхъ цѣнителей, не сохранились. Самый суровый отзывъ данъ былъ Боткинымъ, который писалъ автору: «Читалъ я «Постоялый дворъ». По мнѣ второстепенныя лица удались гораздо лучше лицъ передняго плана, хотя написанныхъ и сильными красками. Герой такъ преувеличенъ, что сбивается на мелодраматическаго героя, и вообще вся повѣсть болѣе походитъ на эскизъ, нежели на цѣльную картину». Совсѣмъ другой характеръ носили замѣчанія Анненкова и Аксаковыхъ. Сходясь въ высокихъ похвалахъ автору, мнѣнія ихъ расходились однако въ своихъ основаніяхъ и конечныхъ выводахъ. Анненковъ оцѣнилъ главнымъ образомъ драматическій элементъ въ

[1]) «Русск. Обозрѣніе», 1894 г., № 9, стр. 11.

«Постояломъ дворѣ», но къ своей похвалѣ прибавлялъ слѣдующую оговорку: «Не должно обманываться, что родъ жгучести, свойственный этой драмѣ, да и другимъ русскимъ драмамъ, какъ «Антону Горемыкѣ», «Купцамъ Красильниковымъ», происходитъ отъ самаго безобразнаго начала, отъ противорѣчій нестерпимыхъ, нечеловѣческихъ. При этомъ автору легко—за него заработаетъ дѣйствительность. Ему не нужно искать обстоятельствъ, жизненныхъ сцѣпленій, разнообразныхъ столкновеній лицъ и характеровъ: одинъ только намекъ—и драма готова. Милліоны драмъ существуютъ въ головѣ, въ воспоминаніяхъ, въ наслышкѣ каждаго». Семья Аксаковыхъ въ своихъ сужденіяхъ выдвигала впередъ нравственное значеніе повѣсти и особенно радовалась тому, что Иванъ Сергѣевичъ умѣлъ изобразить въ сочувственномъ освѣщеніи высокій душевный подвигъ простаго русскаго человѣка. Анненковъ находилъ въ повѣсти укоры русскому политическому и общественному порядку; Константинъ Аксаковъ — нравственному складу западнаго человѣка. «Акимъ послѣ попытки пожара — писалъ послѣдній — это такое лицо, которое выше несказанно всякаго европейца на его мѣстѣ, который, несмотря на первую неудачу, если бы не струсилъ, влѣпилъ бы пулю въ лобъ или зарѣзалъ своего соперника и не преминулъ бы при сей вѣрной оказіи порисоваться и выкинуть какой-нибудь драматическій эффектъ. Особенность русскаго человѣка, а вмѣстѣ и русской исторіи, именно состоитъ въ отсутствіи всякаго эффекта, всякой фразы. Нѣтъ ничего красиваго; нѣтъ той неизбѣжной картинки, безъ которой западъ не умѣетъ ни драться, ни пировать, ни любить, ни ненавидѣть». Старикъ Аксаковъ, отчасти и сынъ его Иванъ, стояли какъ бы примирителями этихъ двухъ мнѣній. Они не скрывали дурныхъ порядковъ современной имъ дѣйствительности, но указывали и на то, что русскій человѣкъ, какъ нравственная личность, несмотря на эти порядки, выше западноевропейскаго. Отзывы друзей заставили Тургенева внести позднѣе нѣсколько измѣненій и поправокъ въ «Постоялый дворъ». Теперь нельзя рѣшить, въ чью сторону было сдѣлано больше уступокъ въ окончательной редакціи повѣсти (напечатанной въ ноябрьской книжкѣ «Современника» за 1855 годъ), такъ какъ первая редакція не сохранилась. Боткину и его единомышленникамъ онъ все-таки не угодилъ, но онъ огорчилъ поправками и Аксаковыхъ, какъ это видно изъ письма къ Тургеневу старика отъ 13-го ноября 1855 года.

Покончивъ съ рукописью «Постоялаго двора», Иванъ Сергѣевичъ принялся было за двѣ статьи для «Современника»—«О Андреѣ Шенье и подражателяхъ древнимъ» и «О Меркѣ» (человѣкъ, съ котораго Гёте списалъ своего Мефистофеля), но оставилъ свое намѣреніе и усердно принялся за совершенно новую для себя работу—созданіе

большаго романа, «всѣ стихіи котораго давно бродили въ немъ» и ждали лишь подходящаго настроенія у автора, чтобы вылиться въ необходимыя формы. Къ серединѣ января 1853 года было уже готово 5 главъ, къ концу мѣсяца онъ написалъ еще двѣ главы. Въ началѣ февраля пишетъ Панаеву, что «погрузился по уши въ свой романъ—и другаго ничего не можетъ дѣлать». Черезъ мѣсяцъ пишетъ ему же: «Я заперся, какъ кротъ въ свою нору—и работаю, какъ кротъ, роюсь и вожусь въ нѣдрахъ своего романа». Въ апрѣлѣ вся первая часть (12 главъ) была кончена и переписывалась. Иванъ Сергѣевичъ предварительно со вниманіемъ перечитывалъ и исправлялъ написанныя главы, «безжалостно выкидывая всякое, не идущее къ дѣлу, сочинительское слово». Во второй половинѣ мая переписанный романъ, т. е. первая часть его, отправилась на судъ Анненкова, а затѣмъ и къ другимъ друзьямъ Ивана Сергѣевича. Къ концу лѣта Тургеневъ имѣлъ уже отзывы, какъ перваго своего цѣнителя, такъ равно и Боткина, Кетчера, Корша, С. Т. и К. С. Аксаковыхъ. На основаніи этихъ отзывовъ мы можемъ возстановить слѣдующее изъ неизданнаго произведенія.

Изъ 12 главъ первой части 11 заключали въ себѣ біографическую и описательную часть. Лишь съ 12 главы начинался собственно романъ, интрига. Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ въ богатомъ помѣщичьемъ домѣ, съ подробнаго описанія котораго и начинаетъ авторъ свой романъ. Хозяйка его, Глафира Ивановна, женщина характера тяжелаго взбалмошная и непослѣдовательная, она производитъ впечатлѣніе чего-то отталкивающаго, патологическаго. Деспотичная и непривыкшая уважать окружающихъ, она оказываетъ особенное довѣріе лишь сосѣду своему Чермаку—одному изъ главныхъ героевъ романа. Въ невеселый домъ ея вливается оживляющая струя съ пріѣздомъ лектрисы, Елизаветы Михайловны, дѣвушки милой и граціозной. При очастливой наружности она отличается твердостью ума и характера, проявляя при этомъ нѣкоторую пугливость къ окружающимъ. Появленіе этого лица въ семьѣ невозможной барыни останавливаетъ всеобщее вниманіе, она на многихъ производитъ сильное впечатлѣніе и прежде всего на 26-ти лѣтняго сына Глафиры Ивановны—Дмитрія Петровича. Послѣдній, воспитанный подъ тяжелой опекой своей матери, является человѣкомъ съ слабымъ, капризнымъ характеромъ. Будучи неиспорченнымъ по натурѣ, онъ не умѣетъ и не можетъ быть прямымъ и естественнымъ. Застѣнчивый по природѣ, онъ часто грубъ и рѣзокъ въ обращеніи. Обладая живымъ нравственнымъ чувствомъ, онъ въ состояніи нерѣдко поступать вопреки ему. Воображая себя озлобленнымъ, онъ въ сущности лишь боится сознаться, что не можетъ уважать себя·

Капризно влюбляясь въ Елизавету Михайловну, онъ такъ же капризно, по плану автора, впослѣдствіи и ненавидитъ ее. Кромѣ названныхъ лицъ въ первой части выступаютъ еще: управляющій имѣніемъ Глафиры Ивановны—Василій Васильевичъ, французъ, докторъ, Леонъ (секретарь барыни), бурмистръ Павелъ, какой-то Нилушка и другія. Въ перечисленныхъ лицахъ Тургеневъ прежде всего намѣревался показать современный бытъ, «какимъ онъ выродился» къ тому времени, но романъ остался неконченнымъ. Отъ него сохранился намъ въ печати лишь небольшой отрывокъ «Собственная господская контора», помѣщенный первоначально въ «Московскомъ Вѣстникѣ» за 1859 годъ. Неблагопріятные отзывы были очевидно главной причиной того, что Тургеневъ бросилъ работу, приготовивъ ея не болѣе, какъ на 120—130 печатныхъ страницъ. Въ общемъ друзья Ивана Сергѣевича довольно дружно осудили первый его опытъ большаго романа, сойдясь особенно на томъ, что Тургеневу не удалась обрисовка характеровъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Послѣднія вышли какъ бы недодѣланными, не вполнѣ ясными. Такъ писали Ивану Сергѣевичу его пріятели, даже принимая во вниманіе, что романъ еще не конченъ. Всѣ рецензенты были согласны и въ томъ, что произведеніе страдаетъ излишними длиннотами въ описаніяхъ и біографіяхъ. Лишь отдѣльныя сцены романа вызвали искреннія похвалы критиковъ. Особенно понравились описанія уборки барынина кабинета и прогулки ея на ферму. Въ послѣдней сценѣ Глафира Ивановна, по мнѣнію Анненкова, обрисовывается еще болѣе противной, чѣмъ въ напечатанной позднѣе главѣ «Собственная господская контора». Получивъ такіе отзывы, Тургеневъ пишетъ въ ноябрѣ, что намѣренъ зимою передѣлать первую часть романа и приготовить вторую, но признается также, что «немного охладѣлъ къ нему». Охлажденіе оказалось на дѣлѣ настолько значительнымъ, что лишь черезъ полтора года, въ началѣ іюня 1855 года, собравшись передѣлать свой романъ «съ основанія», Иванъ, Сергѣевичъ пишетъ нѣчто уже совершенно новое, ничего общаго съ передѣлкой не имѣющее. Изъ подъ пера его съ поразительной быстротой вышелъ «Рудинъ».

Обыкновенно думаютъ, что ссылка Тургенева имѣла лишь то, правда немаловажное, значеніе въ его литературной дѣятельности, что открыла его творчеству новыя стороны русской жизни. Самъ Иванъ Сергѣевичъ подтверждаетъ такой выводъ въ своихъ воспоминаніяхъ. «Но все къ лучшему; пребываніе подъ арестомъ, а потомъ въ деревнѣ принесло мнѣ несомнѣнную пользу: оно сблизило меня съ такими сторонами русскаго быта, которыя, при обыкновенномъ ходѣ вещей, вѣроятно, ускользнули бы отъ моего вниманія». Но роль описываемаго періода въ развитіи творчества Тургенева гораздо значительнѣе. Именно тогда совершился въ немъ тотъ переломъ, послѣ котораго Иванъ Сергѣевичъ

является передъ нами уже не только высокоталантливымъ разсказчикомъ, а первокласснымъ романистомъ. Во время его ссылки произошелъ переходъ отъ «старой манеры» къ новой, хотя вполнѣ осязательные результаты послѣдняго явились лишь два года спустя («Рудинъ»).

Четырнадцаго ноября 1853 года послѣдовало высочайшее разрѣшеніе Тургеневу пріѣхать въ столицу. Двадцать третьяго Иванъ Сергѣевичъ получилъ увѣдомленіе о томъ отъ графа А. Ѳ. Орлова и передъ Николинымъ днемъ покинулъ Спасское.

Н. Гутьяръ.

Адмиралъ Н. С. Мордвиновъ и его архивъ.

Къ настоящее время едва-ли возникнетъ разногласіе по вопросу о необычайной важности для исторіи вообще и для біографій отдѣльныхъ лицъ въ особенности, которую представляютъ собою различнаго рода семейныя бумаги, хранимыя болѣе или менѣе тщательно въ семейныхъ архивахъ. Разногласіе можетъ возникнуть лишь о лучшемъ способѣ храненія такихъ драгоцѣнныхъ для исторіи бумагъ. Но въ наше время и это разногласіе значительно уменьшается. При томъ развитіи, которое получила печать, почти всѣ приходятъ къ заключенію, что вѣрнѣйшій способъ храненія историческихъ документовъ—это ихъ разсѣять во множествѣ, т. е. ихъ напечатать, если конечно не встрѣчается къ тому различныхъ препятствій, потому что невозможно допустить и нѣтъ примѣра, чтобы экземпляры изданнаго въ свѣтъ сочиненія почему-либо уничтожились всѣ до послѣдняго, тогда какъ не только отдѣльныя бумаги, но и цѣлыя собранія бумагъ въ полномъ ихъ составѣ очень нерѣдко гибнутъ и отъ огня, и отъ воды, и въ особенности отъ людей, незнающихъ цѣны этимъ бумагамъ. Поэтому нельзя не пожелать, чтобы обладающіе подобными семейными бумагами послѣдовали по мѣрѣ возможности просвѣщенному примѣру графини Елизаветы Александровны Мордвиновой, которая предприняла на свое иждивеніе изданіе громаднаго архива ея дѣда, адмирала графа Николая Семеновича Мордвинова, и напечатала уже около 12 объемистыхъ томовъ, поручивъ завѣдываніе изданіемъ извѣстному историку В. А. Бильбасову, къ глубокому сожалѣнію столь преждевременно недавно скончавшемуся. Лишнее говорить о всѣхъ вполнѣ научныхъ достоинствахъ этого прекраснаго изданія, его можно смѣло поставить въ примѣръ всѣмъ прочимъ подобнаго рода изданіямъ, за которое остается только благодарить и графиню

Е. А. Мордвинову и В. А. Бильбасова. Пользуясь этимъ изданіемъ позволяемъ себѣ привести нѣкоторыя изъ воззрѣній извѣстнаго адмирала, возобновивъ въ памяти читателей человѣка, который по словамъ нашего великаго поэта:

«Сіяя доблестью и славой и наукой
«Въ совѣтахъ, недвижимъ у мѣста своего,
«Стоишь ты новый Долгорукій.
«Одинъ на рамена подъявши мощный трудъ,
«Ты зорко бодрствуешь надъ царскою казною
«Вдовицы бѣдный лепть и дань сибирскихъ рудъ
«Равно священны предъ тобою.

Дворянскій родъ Мордвиновыхъ относительно не старый; онъ ведетъ начало съ XVII столѣтія. Одинъ изъ нихъ Тимоѳей охранялъ царевичей Іоанна и Петра при отъѣздѣ ихъ въ село Коломенское; сынъ его Иванъ—убитъ подъ Нарвою въ сраженіи со шведами въ 1700 году, оставивъ въ свою очередь сына Семена Ивановича, котораго нашъ великій преобразователь записалъ въ 1715 г. для обученія цифирной науки,—въ школу новгородскую, позднѣе перевелъ въ морскую академію и затѣмъ отправилъ въ 1716 г. для обученія навигаціи во Францію, гдѣ Мордвиновъ пожалованъ былъ отъ французскаго короля званіемъ подпоручика въ 1722 г. Возвратясь въ Россію въ 1723 г., Семенъ Ивановичъ былъ произведенъ 1-го мая 1723 г. въ мичмана и постепенно достигъ чина адмирала въ 1764 г., удостоился получить орденъ Св. Андрея въ 1769 г. и скончался въ 1777 г.

Онъ авторъ нѣкоторыхъ морскихъ сочиненій, очень цѣнившихся въ его время, какъ-то: Книга полнаго собранія о эволюціи или объ экзерциціи флота на морѣ; Книга полнаго собранія о навигаціи въ 4-хъ частяхъ; Каталогъ, содержащій о солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ, также о полномъ въ знатныхъ мѣстахъ, заливахъ и рѣкахъ наводненіи и пр. пр., къ мореплаванію принадлежащемъ. Этотъ морякъ опредѣлилъ въ морскую службу и своихъ сыновей: Александра—со временемъ полномочный министръ нашъ при Венеціанской республикѣ, и Николая—будущаго графа и высокообразованнаго государственнаго дѣятеля, проникнутаго просвѣтительною гуманностью XVIII вѣка и ея стремленіемъ къ общему благу, признанію правъ личности, свободы мысли и т. д. и державшагося неуклонно словъ нашей великой императрицы, что «свобода душа всего; безъ нея все мертво; политическая свобода все воодушевляетъ».

Николай Семеновичъ, родившись въ 1754 г., одно время воспитывался съ вел. кн. Павломъ Петровичемъ, былъ опредѣленъ въ 1766 г. въ гардемарины и послѣ плаванія произведенъ въ мичманы въ 1768 г.,

а затѣмъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ своему отцу адмиралу, который не замедлилъ его отправить въ 1774 г. въ Англію для поступленія волонтеромъ на суда англійскаго флота. Въ Англіи молодой Мордвиновъ пробылъ до 1778 г., ознакомился съ морскою службою, съ англійскими учрежденіями и порядками. Въ Англіи онъ вступилъ въ бракъ въ 1784 г. съ Генріеттой Александровной Коблэ.

Но возвращеніи въ отечество, онъ командовалъ кораблемъ въ эскадрѣ В. Чичагова и въ 1785 г. вступилъ въ управленіе черноморскимъ флотомъ въ Херсонѣ. При войнѣ съ турками, командуя лиманскою эскадрою, онъ защищалъ днѣпровскія устья отъ турокъ, атаковалъ флотъ турецкій подъ Очаковомъ, а послѣ этого бомбардировалъ этотъ городъ въ 1787 г. Затѣмъ въ качествѣ члена адмиралтейскаго правленія подготовлялъ корабельный и гребной флотъ къ кампаніи 1788 г. Позднѣе, въ 1792 г., онъ былъ произведенъ въ вице-адмиралы и назначенъ командиромъ черноморскаго флота и портовъ и предсѣдателемъ черноморскаго адмиралтейскаго правленія въ Николаевѣ. Отправляя ревностно свои служебныя обязанности, Мордвиновъ постоянно устремлялъ взоры на Константинополь, зорко слѣдилъ за всѣмъ, что тамъ дѣлается, собиралъ свѣдѣнія о способахъ атаки Босфора, о Дунайскихъ гирлахъ и заботился о нашей торговлѣ на Черномъ морѣ, объ устройствѣ карантиновъ, о сохраненіи корабельныхъ лѣсовъ и т. д.

Въ 1797 г. сентября 23-го онъ былъ произведенъ въ адмиралы. Случившійся въ Херсонѣ такъ называемый арбузный бунтъ [1]) далъ поводъ лицамъ, недовольнымъ Мордвиновымъ, написать на него доносъ, обвиняя его въ стремленіи свергнуть императора. Онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, подвергнутъ домашнему аресту, преданъ суду особой коммиссіи, но былъ оправданъ. Черезъ два года постигло его новое несчастіе по службѣ. По неосторожности одного солдата въ Николаевѣ взорвало пороховой погребъ на пристани Глубокой и убило 7 человѣкъ. Императоръ Павелъ уволилъ Мордвинова отъ службы въ 1799 году; онъ оставилъ Николаевъ и переѣхалъ въ деревню Кезловъ въ Крыму. Несмотря на заступничество извѣстной Нелидовой, которая въ письмѣ къ императору, начинавшемся словами: «Sire! que voulez Vous mon coeur!» просила принять Мордвинова вновь на службу и сдѣлать истинно счастливою ту, которую именуете вашимъ другомъ (celle que Vous nommez Votre amie). Императоръ остался непреклоненъ, и Мордвиновъ пребывалъ въ отставкѣ до 1801 г., когда императоръ Александръ 1-го іюля 1801 г. назначилъ его вицепрезидентомъ Адмиралтействъ-Коллегіи. При этомъ Мордвиновъ участвовалъ въ засѣданіяхъ какъ

[1]) Одинъ солдатъ стащилъ съ воза арбузъ на базарѣ, отъ чего вышла драка и сильная смута.

непремѣннаго совѣта гласнаго, такъ и особаго негласнаго, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ самого молодаго императора, изъ Кочубея, Новосильцева, Чарторыйскаго, Строганова, въ которомъ обсуждались мѣры о преобразованіи Россіи. Въ этотъ комитетъ Мордвиновъ внесъ предложеніе о предоставленіи крѣпостнымъ крестьянамъ права покупать земли, по которому и состоялся извѣстный указъ 12-го декабря 1801 г. (П. С. З. № 20075). Съ учрежденіемъ въ 1802 г. министерствъ Мордвиновъ былъ назначенъ сентября 8-го министромъ морскихъ силъ, но уже черезъ мѣсяцъ уволенъ по прошенію отъ этого званія, находя невозможнымъ быть министромъ, такъ какъ между нимъ и императоромъ стояло третье лицо, П. В. Чичаговъ,— правитель дѣлъ военной канцеляріи по флоту. Семь лѣтъ Мордвиновъ былъ не у дѣлъ и при формированіи ополченія въ 1806 г. по случаю войны съ Наполеономъ былъ избранъ предводителемъ земскаго ополченія Московской губерніи. Но ополченіе это за состоявшимся Тильзитскимъ миромъ 1807 г. было скоро распущено. Только въ концѣ декабря 1809 г., передъ учрежденіемъ Государственнаго Совѣта, Мордвиновъ получилъ высочайшій рескриптъ, въ которомъ излагалось, что: «найдя нужнымъ изъясниться съ вами о предметахъ, въ которыхъ разумъ и извѣстная мнѣ опытность ваша могутъ быть государству полезны, я желалъ, чтобы вы, по полученіи сего, прибыли сюда. Мнѣ пріятно было бы видѣть васъ къ наступающему новому году».

Мордвиновъ пріѣхалъ и былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и предсѣдателемъ д-та государственной экономіи. Въ этомъ званіи онъ заботился объ устройствѣ государственнаго хозяйства на болѣе правильныхъ началахъ, предлагалъ приступить къ погашенію ассигнацій, перейти къ серебряной валютѣ, къ прочному устройству нашей финансовой системы, заботиться о развитіи народной промышленности и т. д. Онъ принималъ участіе также въ составленіи извѣстнаго плана государственнаго преобразованія Сперанскаго и явился скоро не только дѣятельнымъ сотрудникомъ, но и вѣрнымъ его другомъ. По удаленіи Сперанскаго 16-го марта 1812 г. Мордвиновъ вскорѣ былъ по прошенію уволенъ отъ должности предсѣдателя, какъ сказано въ высочайшемъ рескриптѣ 2-го апрѣля 1812 г., по болѣзненному положенію на все время, какое для совершеннаго выздоровленія вамъ «нужно будетъ».

Въ письмѣ же Мордвинова къ Кочубею говорится, «что я оставилъ свое мѣсто потому, что не имѣлъ уже другаго способа къ опроверженію явно пагубныхъ тогда предложенныхъ мѣръ, кои я почиталъ опаснѣйшими пяти сотъ тысячъ человѣкъ вооруженныхъ, стоявшихъ на границѣ нашей».

Мордвиновъ поселился въ Пензѣ (гдѣ выдалъ дочь свою Вѣру Ни-

колаевну за Аркадія Алексѣевича Столыпина), жилъ тамъ частнымъ человѣкомъ, оставаясь неравнодушнымъ къ общему благу, и трудился на общую пользу, составляя разные проекты, которые предполагалъ современемъ представить. Въ числѣ ихъ были: обширный планъ для финансовъ и объ учрежденіи частныхъ по губерніямъ банковъ, о представителяхъ областныхъ и т. д., изъ коихъ финансовый планъ дошелъ тогда же до императора.

Десятаго января 1816 г. Мордвиновъ былъ назначенъ вторично предсѣдателемъ департамента Государственнаго Совѣта и отправлялъ эту должность до конца своей жизни, при чемъ въ 1823 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Императоръ Николай I возвелъ Мордвинова въ потомственное графское достоинство въ 1834 г. Мордвиновъ скончался въ глубокой старости въ 1845 г. въ мартѣ. Онъ оставилъ своему сыну всѣ собранныя имъ лично бумаги всякаго рода и въ томъ числѣ и его мнѣнія по множеству дѣлъ, «золотые голоса Мордвинова», по выраженію Шишкова (А. С.), завѣщая своему сыну изъ дому эти мнѣнія никому не давать, дабы отъ небреженія или намѣренно они не утратились. Всѣ эти мнѣнія въ настоящее время прекрасно изданы внучкою Мордвинова и составляютъ по преимуществу содержаніе первыхъ 8 томовъ архива графа Мордвинова, которые даютъ возможность познакомиться съ главнѣйшими воззрѣніями этого замѣчательнаго русскаго человѣка.

Вѣрный сынъ православной церкви, проникнутый горячею любовью къ ближнему, глубокимъ убѣжденіемъ, что съ самыхъ молодыхъ лѣтъ надо напитать сердце истиннымъ благочестіемъ и вселить вѣру христіанскую, Мордвиновъ стоялъ за то, что россійское правительство есть самодержавное, и находилъ, что таковое въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ причиною Имперіи, занимающей половину Европы и знатную часть Азіи. Но сему роду правленія ни съ которой стороны не можетъ быть противно допустить имѣть областныхъ представителей какъ въ Сенатѣ, такъ и въ Государственномъ Совѣтѣ. По его мысли эти представители призываются по дѣламъ, кои касаются до той области, по коей кто есть избранный и довѣренный. Россія, по его словамъ, достигла уже до той степени просвѣщенія, чтобы каждая изъ ея областей могла при верховномъ правительствѣ имѣть своего представителя для ходатайствованія по дѣламъ, до нея касающимся, и для совѣщанія при общихъ постановленіяхъ. По его проекту каждая провинція, главные города провинціи, главные портовые города и университеты избирали отъ себя на 3 года по одному депутату, который пользовался правомъ голоса, засѣдая въ Сенатѣ или Совѣтѣ, и подписывалъ журналы, но никакого жалованья отъ правительства не получалъ. Мордвиновъ находилъ, что дѣла внѣшней политики не должны быть исключены изъ обсужденія

государственнаго и предоставлены собственному надзору и заботливости государя, ибо этимъ «безъ всякой пользы и нужды возвергаема будетъ тягостная обязанность и даже самая отвѣтственность на высчайшую государеву особу, которая отъ оныхъ совершенно должна быть изъята, яко предметъ высочайшаго благоволенія, любви, утѣшенія народнаго, и никакая предосудительная мысль, никакое негодованіе, ни порицаніе не должны ни въ какомъ случаѣ падать на столь священнѣйшее лицо».

Мордвиновъ не считалъ правильнымъ ограничивать дѣятельность Сената одними судебными дѣлами; онъ находилъ желательнымъ, чтобы Сенатъ содѣлался тѣломъ политическимъ. Права, на нѣкоторыхъ лицахъ основанныя, не могутъ имѣть твердости; малѣйшая власть можетъ ихъ измѣнить или совсѣмъ нарушить. Права политическія должны быть основаны на знатномъ сословіи, весьма уважаемомъ, дабы и самыя права воспріяли таковое же уваженіе. Во всѣхъ земляхъ права политическія основаны на избраніи судей. Настоящія обстоятельства, кажется, благопріятствуютъ къ введенію избранія части сенаторовъ отъ каждой губерніи. Каждая губернія можетъ присылать по два депутата въ Сенатъ. Должность ихъ существенная должна заключаться въ попеченіи о благѣ той губерніи, отъ которой они избраны, и выполнять въ Сенатѣ и предъ престоломъ всю эту должность, которая начертана въ наказѣ губернскимъ предводителямъ.

Сіе право, дарованное Сенату или паче дарованное народу, можетъ удовлетворить высочайшему указу, вопрошавшему у Сената о правахъ онаго и изъявившему желаніе утвердить права, до нынѣ существовавшія. Но какъ Сенатъ не былъ по сіе время тѣломъ политическимъ, то всѣ права, представленныя Сенатомъ въ докладѣ своемъ, не имѣютъ характера правъ, а суть единыя преимущества по должности верховнаго судебнаго мѣста. Право не можетъ быть безъ свободы, а власть политическая не можетъ существовать безъ правъ; но право же свободнаго избранія есть существенное и коренное начало и основаніе тѣла политическаго или власти, содѣйствующей въ управленіи царствъ земныхъ.

Мордвиновъ является приверженцемъ прежнихъ коллегій; онъ былъ противникъ учрежденія министерствъ и въ особенности единоличной власти министра.

«Я охотно вѣрю, говоритъ Мордвиновъ, что настоящіе, т. е. современные, прибавимъ отъ себя, министры наши ангелы, сердцемъ праведны, умомъ всевѣдущи; но, къ несчастію Россіи, они смертны и мѣста ихъ заступить могутъ человѣки, коимъ страсти свойственны. Могутъ они быть властолюбивы, мстительны, угодливы; тогда честь, свобода,

собственность всѣхъ насъ пострадаетъ. Министры сдѣлаются самовластны и всегда будутъ безотвѣтственны.

Относительно порядка суда и въ особенности уголовнаго Мордвиновъ строго держался великихъ узаконеній императрицы Екатерины въ ея знаменитомъ наказѣ и неуклонно проводилъ, что въ дѣлахъ уголовныхъ правда и человѣколюбіе не дозволяютъ употреблять ни пытки, ни догадокъ, ни подозрѣній, ни даже никакихъ произвольныхъ умствованій и отвлеченныхъ заключеній, закону и дѣлу постороннихъ. Онъ сильно ратовалъ за отмѣну наказанія кнутомъ, видѣлъ въ немъ остатокъ пытки и находилъ, что доколѣ наказаніе кнутомъ будетъ существовать въ Россіи, втунѣ мы будемъ заниматься уголовнымъ уставомъ. Равнымъ образомъ онъ вполнѣ раздѣлялъ взгляды Екатерины Великой о смертной казни и, когда въ Государственномъ Совѣтѣ разсматривался проектъ уголовнаго уложенія, составленный въ 1818 году (которымъ предполагалось ввести въ Имперію вновь эту казнь, отмѣненную еще императрицею Елизаветою Петровною), Мордвиновъ представилъ особое мнѣніе, доказывая ненадобность и безполезность смертной казни. Онъ признавалъ за высшею судебною инстанціею и за Государственнымъ Совѣтомъ также только право уменьшать, но никакъ не увеличивать наказаніе въ отягощеніе участи подсудимыхъ.

Очень любопытно также воззрѣніе Мордвинова на чины. Онъ находилъ, что вѣчно существовать будетъ препинаніе просвѣщенію въ Россіи, доколѣ чинамъ, а не уму и способностямъ присвоены будутъ мѣста и почести, сопряженныя съ оными. Необходимо возвратить права уму и наукамъ, коихъ они донынѣ лишены. «Теперь, говоритъ Мордвиновъ, не знаніе, не способности—но года даютъ чины, а чины даютъ мѣста, и потому каждый старается получить чинъ. Когда же не чины будутъ давать мѣста, а мѣста—чины, тогда будутъ приготовлять себя къ мѣстамъ и содѣлывать себя достойными и способными къ занятію мѣстъ.

«Содѣлаться способнымъ занимать мѣсто потребуетъ болѣе труда, болѣе знаній, бо́льшаго развитія, нежели получить чинъ». Въ отношеніи воззрѣній его на образованіе и воспитаніе Мордвиновъ былъ вполнѣ классикъ, выражаясь современнымъ языкомъ. Онъ находилъ нужнымъ положить за непремѣнное правило не производить въ студенты и не давать никакихъ ученыхъ достоинствъ тѣмъ, кои не окажутъ хорошихъ успѣховъ въ греческомъ и латинскомъ языкахъ. Древняя словесность, особливо изученіе греческаго языка, находится въ Россіи въ великомъ небреженіи. Не нужно доказывать, что сіе небреженіе къ богатымъ величественнымъ языкамъ двухъ сильнѣйшихъ народовъ, грековъ и римлянъ, равно какъ самое пристрастіе къ скудному языку французскому, будутъ всегда содержать русскую словесность въ самомъ

посредственномъ состояніи. Знаніе греческаго языка, кромѣ обыкновенной своей пользы, имѣетъ еще особливую цѣну для русскихъ; на немъ написаны: Новый Завѣтъ и творенія отцевъ церкви, и византійскіе писатели суть драгоцѣнныя пособія для нашей исторіи. Надлежало бы въ училищахъ съ Гомеромъ и Платономъ соединять Прокопія Кессарійскаго, Константина Порфиророднаго и другихъ писателей византійскихъ, говорившихъ о славянахъ и русскихъ.

Для ученія словесности отечественной надлежитъ возстановить упадшее и почти забытое ученіе славянскаго языка и сдѣлать въ русскихъ училищахъ болѣе извѣстныя другія нарѣчія славянскія. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ должно учить дѣтей сперва по-славянски, а потомъ наставлять ихъ въ обыкновенномъ русскомъ языкѣ или такъ называемой гражданской грамотѣ.

Профессора,—друзья человѣчества,—обязаны сколько можно болѣе приближать къ себѣ учениковъ и студентовъ, позволять имъ просить разрѣшеній сомнѣній, указывать на лучшія стези на ихъ поприщѣ и т. д.

Надлежитъ строго повѣрять домашнія упражненія молодыхъ воспитанниковъ, запрещать чтеніе вредныхъ книгъ, увлекающихъ разсудокъ... Университетскіе питомцы не должны безъ позволенія начальства своего давать гдѣ-нибудь уроковъ. Надо уменьшить въ гимназіяхъ число предметовъ ученія, предоставивъ оные университетамъ, или совсѣмъ уничтожить и вмѣсто того основательно учить другимъ предметамъ болѣе нужнымъ, особливо математическимъ, сельскому домоводству, русской исторіи, языкамъ славяно-русскому, латинскому, греческому.

Всѣ учебныя заведенія учреждаются для воспитанія дѣтей обоего пола, какъ-то: академіи, университеты, корпуса, духовныя семинаріи, женскіе институты и т. д., всѣ безъ изъятія должны находиться въ вѣдѣніи одного лица, министра народнаго просвѣщенія. Они должны имѣть однообразное управленіе и одно начальство.

Надобно сдѣлать состояніе учительское почтеннымъ и выгоднымъ. Тогда найдутся люди, которые охотно посвятятъ себя званію образователей юношества.

Во всѣхъ училищахъ, по недостатку хорошихъ руководителей и по старинному обычаю, русскую исторію проходятъ очень худо и очень поздно. Надобно стараться, чтобы образцы словесности, обыкновенное ученіе исторіи, самыя зрѣлища и забавы твердили питомцамъ о ихъ отечествѣ; чтобы воспоминаніе о славныхъ подвигахъ предковъ, о счастливыхъ или бѣдственныхъ перемѣнахъ, испытанныхъ Россіею, слились съ первыми свѣжими понятіями и чувствованіями дѣтскими. Сіе послѣднее обстоятельство должно примѣнить и къ наставленіямъ въ вѣрѣ. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ надобно напитать сердце истин-

нымъ, очищеннымъ отъ предразсудковъ благочестіемъ. Въ противномъ случаѣ тщетны будутъ всѣ другія мѣры. Въ сердцѣ, а не въ умѣ живетъ вѣра; ей нельзя учиться, какъ учатся какимъ-либо наукамъ. Человѣкъ, который до извѣстныхъ лѣтъ не былъ согрѣваемъ благодѣтельнымъ огнемъ набожности, всегда останется безвѣрнымъ. Должно обратить болѣе вниманія на пользу, которую могутъ доставить государству хорошіе приходскіе священники, особливо сельскіе; они суть наставники простаго народа. Они имѣютъ способъ посѣвать въ душахъ истинную вѣру, истреблять вредные предразсудки, доставлять народу понятіе о необходимыхъ для человѣка знаніяхъ, распространять открытія, способствующія успѣхамъ земледѣлія и т. д.

Въ государствѣ нѣтъ ничего важнѣе воспитанія. Правительство преимущественно предъ всѣми другими занятіями должно обращать на сію часть бдительное вниманіе. Эта истина сіяетъ въ опытѣ всѣхъ протекшихъ вѣковъ. Если хотятъ, чтобы въ народѣ добро съ успѣхомъ всегда противоборствовало злу, то не должно забывать того, что одним**ъ** воспитаніем**ъ** произвести сіе возможно. Однимъ воспитаніемъ укореняются добрые нравы въ сердцахъ, вдыхается и питается любовь къ отечеству, отъ которой раждаются дѣянія, изумляющія человѣческую природу.

Воспитаніе домашнее—зависитъ отъ родителей; ихъ наставленія, а еще болѣе примѣры полагаютъ основаніе добрымъ или дурнымъ качествамъ дѣтей. Домъ родительскій есть начальное училище, въ которомъ новый обитатель міра получаетъ первыя понятія о предметахъ, первыя наклонности и привычки. Родители сами должны участвовать въ воспитаніи своихъ дѣтей, особливо дѣвушекъ. Надзоръ за ними пусть поручаютъ надзирателямъ, надзирательницамъ русскимъ.— Мордвиновъ сильно возстаетъ противъ всякихъ иностранныхъ учителей, гувернеровъ, гувернантокъ и находитъ, что зло, проистекающее отъ воспитанія дѣтей подъ руководствомъ чужестранцевъ или въ чужихъ земляхъ, весьма ощутительно. Онъ предлагаетъ запретить всѣмъ русскимъ вообще принимать къ себѣ въ домъ иностранцевъ въ учители, гувернеры или дядьки, убѣжденный, что даже отъ достойнѣйшихъ чужестранцевъ, коимъ ввѣряютъ надзоръ надъ нравами воспитанниковъ, нельзя требовать, чтобы они со всѣмъ усердіемъ старались поселять въ юныхъ сердцахъ любовь и благоговѣйную преданность къ странѣ отечественной. Мордвиновъ находилъ необходимымъ уничтожить пансіоны, содержимые иностранцами. «Господство французскаго языка дѣлаетъ ихъ теперь какъ будто необходимыми и заставляетъ небогатыхъ людей поручать мало извѣстнымъ, жаднымъ и несвѣдущимъ чужеземцамъ воспитаніе дѣтей своихъ, даже дочерей дѣвушекъ. Отъ всего этого вредъ происходитъ огромный».

Весьма замѣчательны слѣдующія строки Мордвинова. «Воспитаніе домашнее, конечно, зависитъ отъ родителей. Но правительство самовластное, въ которомъ воля государя и его примѣръ имѣютъ необыкновенную силу, не лишено способовъ вспомоществовать и домашнему воспитанію своего народа. Самодержецъ русскій, принявъ за непреложное основаніе благодеяніе народное, чистоту нравовъ и любовь къ отечеству, можетъ найти въ благоразуміи и могуществѣ своемъ довольно средствъ утвердить въ подданныхъ сіи добродѣтели, питать въ нихъ благородную привязанность къ родинѣ, къ своему языку, обычаямъ и поддерживать свойство, духъ и гордость народную. Подобными средствами Мордвиновъ признаетъ прежде всего: 1) сдѣлать дворъ образцомъ любви къ всему хорошему, русскому — къ языку, вѣрѣ, обычаямъ, обрядамъ. На сей конецъ должно вывести изъ употребленія при дворѣ и во всѣхъ обществахъ французскій языкъ, французскія вещи, французскіе обряды, которыхъ такъ много, но всѣ они ослабляютъ духъ народный и любовь къ отечеству и внимательному наблюдателю дѣяній человѣческихъ предвѣщаютъ слѣдствія печальныя.

«Примѣръ двора найдетъ великое множество подражателей въ народѣ, который безъ причинъ насильственныхъ, безъ какой-нибудь болѣзни гражданской или нравственной, не охотно оставляетъ языкъ и обычаи отцовъ своихъ».

Другимъ средствомъ Мордвиновъ считаетъ слѣдующее.

2) Ни въ нашихъ учрежденіяхъ или уставахъ и ни въ какомъ случаѣ государю не позволять себѣ ничего такого, что можетъ оскорбить строгую нравственность или произвести въ другихъ поползновеніе къ пороку и вообще изъявлять величайшее почтеніе къ добродѣтели и презрѣніе къ порокамъ. Тогда благоговѣніе къ святости нравовъ распространится въ народѣ и отъ родителей будетъ переходить къ дѣтямъ.

Въ различныхъ своихъ воззрѣніяхъ экономическихъ вообще Мордвиновъ являлся ревностнымъ послѣдователемъ Бентама, который строилъ все на началѣ пользы, и Адама Смита, основателя науки политической экономіи, развивавшаго начала свободы труда и его раздѣленія. Мордвиновъ не разъ высказывалъ, что упражненія человѣческія и капиталы, служащіе орудіемъ дѣятельности, должны имѣть полную свободу. Мѣра свободы есть мѣра пріобрѣтаемаго богатства. Учредите общественную пользу на частной. Сія послѣдняя есть животворный корень общественный, какъ начало послѣдствію, какъ источникъ изобилію. Это ученіе о свободѣ труда вело къ тому, что Мордвиновъ доказывалъ, что всякая монополія вредна и при томъ разорительна, если она наложена на нужныя къ употребленію вещи. Винный откупъ есть монополія своего рода; отъ бѣднѣйшей части народа вытягивая послѣднюю копейку, не токмо многія семейства она оставляетъ безъ

пищи, одежды и самонужнѣйшаго къ содержанію, но есть виною великаго числа недоимокъ въ податяхъ государственныхъ, которыя, бывъ пропаты на кабакахъ, въ казну не поступаютъ.

Сколь поразительно для каждаго благомыслящаго человѣка видѣть во всякомъ цѣловальникѣ, стоящемъ за винною стойкою, невольное покушеніе на обманъ и злоухищреніе, ибо само правительство побуждаетъ его на сіи пороки, предоставивъ ему право пользоваться токмо каплями, падающими изъ чарки, держимой дрожащей рукою піющаго пьяницы; видѣть въ цѣловальникѣ представителя благочестивѣйшаго россійскаго государя, продавшаго ему за деньги таковое право; видѣть въ каждомъ человѣкѣ, изъ кабака выходящемъ, упоеннаго огненнымъ напиткомъ, съ тѣломъ разслабленнымъ и съ духомъ уготованнымъ на всякія злодѣянія; видѣть умирающаго человѣка отъ излишняго упоенія симъ гибельнымъ напиткомъ; видѣть погрязшими въ семъ развратѣ не одну тысячу, но сотни тысячъ людей, уставомъ виннымъ побуждаемыхъ къ тому; видѣть тощіе доходы, государственнымъ казначействомъ получаемые, и знать, что главною причиною сего существеннаго недостатка для блага имперіи есть винный уставъ, поощряющій ежегодно распространеніе пьянства въ народѣ.

Мордвиновъ еще въ 1817 году, для большаго распространенія трезвости въ народѣ и для уменьшенія пьянства, предлагалъ: 1) въ питейныхъ домахъ не дозволять пить, а только продавать вино въ запечатанныхъ бутылкахъ; 2) отнюдь не отпускать вина въ долгъ и въ закладъ вещей; 3) не дозволять собираться въ питейныхъ домахъ, не имѣть въ нихъ никакого рода сѣдалищъ; 4) открывать одинъ домъ на тысячу человѣкъ; 5) въ праздничные дни ихъ вовсе не открывать, а въ рабочіе—открывать послѣ обѣдни и закрывать предъ вечернею, и т. д.

Мордвиновъ старался: 1) сократить настоящее (въ 1812 г.) по единой нуждѣ терпимое жестокое преуспѣяніе золъ для народа отъ винныхъ откуповъ; 2) снять поборы, стѣсняющіе промышленность, облегчить народу всякаго рода повинность, въ томъ числѣ рекрутскую. Съ этою послѣднею цѣлью онъ подалъ императору Александру I, еще въ 1811 году, особую записку о новомъ образѣ комплектованія войскъ. Александръ I прочелъ ее и сдѣлалъ много отмѣтокъ на поляхъ, соглашаясь во многомъ съ Мордвиновымъ, предлагавшимъ взамѣнъ почти пожизненной въ то время военной службы (она продолжалась до увѣчья, глубокой старости), установить всего 12 лѣтъ службы въ пѣхотныхъ войскахъ, при чемъ 8 лѣтъ—дѣйствительной службы, и 4—въ резервѣ (а для флота 16 лѣтъ), по выслуженіи которыхъ солдатъ возвращался бы каждый въ первобытное состояніе. Должно было произвести перепись по всему государству, установить, сколько по ревизскимъ сказкамъ взрослыхъ мужскаго пола отъ 21 до 32 лѣтъ, затѣмъ въ особомъ при-

сутствіи дворянъ и ихъ предводителей освидѣтельствовать ихъ и опредѣлить, сколько изъ нихъ дѣйствительно способныхъ къ службѣ; неспособныхъ исключить изъ списковъ; затѣмъ годныхъ распредѣлить по возрастамъ и брать на службу старшихъ годовъ, т. е. прежде всѣхъ 32 лѣтокъ, потомъ 31 и т. д. Прослужившіе въ строю 8 лѣтъ обмѣниваются на другихъ и считаются въ резервѣ арміи.

Назначеніе потребнаго къ ежегодному набору числа рекрутъ зависитъ отъ усмотрѣнія правительства. Придерживаясь началъ свободы, Мордвиновъ высказался и въ пользу освобожденія отъ зависимости крестьянъ въ 1816 г., но находилъ, что народу, пребывшему вѣка безъ знанія гражданской свободы, даровать оную изреченіемъ на то воли властителя возможно, но знанія пользоваться ею во благо себѣ и обществу даровать указомъ невозможно. Первымъ шагомъ къ этому онъ считалъ законъ 1801 г. о предоставленіи крѣпостнымъ крестьянамъ права покупать земли. Этотъ законъ распространенія недвижимой собственности можно назвать, говоритъ Мординовъ, закономъ истинной народной свободы, кореннымъ установленіемъ цѣлаго россійскаго народа, великою грамотою Россіи, нашею Magna Charta.

Англичане исторгли ее у своихъ королей; Александръ I далъ ее собственнымъ своимъ движеніемъ любящимъ его россіянамъ. Поэтому мѣра освобожденія отъ крѣпостной зависимости должна быть учреждена закономъ. Онъ предлагалъ выкупъ личности, при чемъ цѣна должна была возвышаться отъ 2 лѣтъ до 40; а затѣмъ отъ 40 до 60 понижаться. Посредствомъ этой мѣры число свободныхъ людей въ Россіи будетъ возрастать постепенно, дѣятельность народная распространится. Желаемое совершится безъ насильственнаго расторженія связей, долгимъ временемъ укорененныхъ. Крестьяне получатъ свободу; помѣщики—останутся владѣтелями полными земель своихъ и съ капиталомъ столь нужнымъ для возвышенія доходовъ отъ своихъ достояній. При этомъ онъ добавлялъ: «никакіе законы не содѣлаютъ никогда равными бѣднаго и богатаго, ни перваго независимымъ отъ послѣдняго. Никакому не подвержено сомнѣнію, что если живущій въ деревнѣ не будетъ зависѣть отъ помѣщика оной, то всегда будетъ зависѣть отъ сосѣда богатѣйшаго и съ тою разницею, что сего польза есть та, чтобы въ деревнѣ жительства его было сколько можно большее число бѣдныхъ, дабы надъ ними властелиномъ быть и имѣть большее число рабовъ. Польза же помѣщика — имѣть всегда большое число богатыхъ».

Мордвиновъ неоднократно говорилъ: «Дайте свободу мысли, рукамъ, всѣмъ душевнымъ и тѣлеснымъ качествамъ человѣка; представьте всякому быть, чѣмъ Богъ его сотворилъ, и не отнимайте, что кому природа особенно даровала». Онъ строго держался словъ вели-

кой императрицы: «великое несчастіе въ государствѣ не смѣть свободно говорить своего мнѣнія. Запрещаютъ въ самодержавныхъ государствахъ сочиненія очень язвительныя; это запрещеніе представляетъ ту опасность, что умы почувствуютъ притѣсненіе и угнетеніе; а сіе ничего не произведетъ, какъ невѣжество, опровергнетъ дарованіе разума человѣческаго и охоту писать отниметъ.

Мордвиновъ всю жизнь ратовалъ за свободу слова и особенно настойчиво требовалъ ея въ дѣлѣ правосудія. Безъ такой свободы могутъ быть законы очень хорошіе и можетъ быть множество судей, но не будетъ еще правосудія. Судъ правды можетъ существовать только съ свободою на судѣ въ мнѣніяхъ. Мордвиновъ строго этому держался и высказывалъ свои мнѣнія—ничѣмъ не стѣсняясь.

Этихъ мнѣній дошло до насъ значительное количество; они занимаютъ нѣсколько томовъ въ изданномъ архивѣ графа Н. С. Мордвинова. Не приведя здѣсь даже и перечня этихъ мнѣній, позволимъ себѣ для примѣра привести одно изъ нихъ по дѣлу о такъ называемыхъ Эмбенскихъ рыбныхъ ловляхъ. Дѣло состояло въ слѣдующемъ: императрица Екатерина II въ 1789 году пожаловала графу Николаю Ивановичу Салтыкову порожнія земли въ Астраханской губ. въ Красноярскомъ уѣздѣ, и на этомъ основаніи ему было отведено въ 1792 г. на берегу Каспійскаго моря въ урочищѣ Мервый Култукъ и другихъ близъ р. Эмбы до 209.925 десятинъ неудобной земли и 786 десятинъ удобной. По кончинѣ императрицы ея наслѣдникъ Павелъ, I пожаловалъ эти же самыя земли Ивану Павловичу Кутайсову въ 1799 году въ вѣчное содержаніе, изъ платежа въ годъ по 7.500 руб. въ казну. Пока былъ живъ императоръ Павелъ I, Салтыковъ подчинялся этому распоряженію, но по его кончинѣ началъ немедленно тяжебное дѣло съ Кутайсовымъ, перешедшее въ 1802 г. изъ межеваго департамента Сената на разсмотрѣніе непремѣннаго Совѣта, въ которомъ до окончательнаго рѣшенія возникло разногласіе и были заготовлены три проекта указа. Мнѣніе Мордвинова заключалось главнѣйшимъ образомъ въ слѣдующемъ:

Неограниченною волею одного государя воды сіи отданы частному человѣку; неограниченная воля другаго государя, ему равнаго, можетъ ихъ взять обратно. Опредѣлить за нихъ вознагражденіе, большее или меньшее, или не опредѣлять никакого, зависитъ отъ его хотѣнія. Тутъ не можетъ быть вопроса ни о справедливости, ни о несправедливости. Въ понятіи власти произвольной все смѣшано и нѣтъ въ ней ничего несправедливаго, ибо она сама есть первая несправедливость. Въ семъ понятіи не было бы никакой нужды спрашивать у Совѣта мнѣнія о семъ дѣлѣ, развѣ о томъ, какимъ бы образомъ дѣйствіе самовластія прикрыть въ немъ видомъ общественной пользы.

Но государь вопрошаетъ справедливости, а потому намъ прежде всего надо согласиться, что владѣніе эмбенскихъ водъ и всего, что въ указѣ 1799 г. означено, есть собственность графа Кутайсова. На собственность частную въ Россіи правительство не больше имѣетъ правъ, какъ и всякій частный человѣкъ.

А посему, сколько бы исключительное владѣніе какимъ-либо имѣніемъ ни казалось противнымъ общему благу, **не можно** для сего взять его въ общее употрѣбленіе, ибо нѣтъ у насъ закона, чтобъ для общаго блага лишать имѣній частныхъ людей, да я и не знаю, чтобъ гдѣ-нибудь былъ такой законъ терпимъ или полезенъ: ибо никогда общее благо не зиждется на частномъ разореніи.

Лишить собственности, по общему понятію сего слова, есть взять имѣніе безъ согласія лица, которое имъ владѣетъ. А посему взять Эмбенскія воды у Кутайсова безъ согласія его есть лишить его собственности, есть нарушить первый законъ, коимъ благоустроенное правительство отличается отъ насильственнаго.

Итакъ, судя по строгой справедливости, по которой единственно Совѣтъ судить долженъ, не можно Эмбенскихъ водъ взять у графа Кутайсова и опредѣлить замѣну безъ согласія его.

Не лишнее замѣтить, что 27-го августа 1802 г. состоялся высочайшій указъ объ изъятіи означенныхъ земель изъ частнаго владѣнія графа Кутайсова и объ обращеніи ихъ въ прежнее общее употребленіе въ видахъ пользы и необходимости государственной (см. I. П. С. З. № 20388).

Но кромѣ мнѣній самого Н. С. Мордвинова въ вышедшихъ томахъ его архива содержится не мало весьма любопытныхъ бумагъ, принадлежащихъ къ вопросамъ, которыми интересовался Мордвиновъ какъ русскій человѣкъ и какъ истинный патріотъ. Къ числу такихъ бумагъ принадлежитъ статья Н. И. Тургенева—о судебной реформѣ, двѣ обширныя записки на французскомъ языкѣ графѣ Д'Аллонвиля, именно одна—о французской арміи въ 1811 г. и другая—о современныхъ политическихъ и войсковыхъ обстоятельствахъ.

Въ этой послѣдней проводилась мысль, что пораженіе Наполеона будетъ тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ далѣе онъ будетъ завлеченъ внутрь Россіи и чѣмъ на болѣе продолжительное время затянется война. Императоръ Александръ I, которому Мордвиновъ представилъ эти записки, вполнѣ одобрилъ мысль Д'Аллонвиля. Не менѣе любопытны записки гр. Григорія Алексѣевича Строганова—о судьбѣ Греціи и кн. Чарторыйскаго—о Польшѣ, а также различныя записки о сельскохозяйственныхъ нуждахъ Россіи, о роскоши, о казакахъ, о губернаторахъ и т. д. Не лишены интереса подробности о поднесеніи императору Александру I титула Благословеннаго.

Вслѣдъ за извѣстіемъ о взятіи Парижа въ 1814 г., въ средѣ высшихъ государственныхъ сановниковъ возникла мысль поднести императору или титулъ Благословенный, или соорудить памятникъ или выбить медаль, достойные увѣковѣчить память Александра I въ потомствѣ. Слухъ объ этомъ дошелъ до государя, и онъ 16-го мая 1814 г. выразилъ свой на это взглядъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Благословеніе моего народа я пріемлю, но желаю быть достойнымъ онаго до послѣдняго часа моей жизни, а потому не могу принять наименованія, толико вожделѣннаго сердцу моему, доколѣ въ продолженіе всея жизни моея не помрачитъ ничто ни въ комъ чувство, любезными моими подданными нынѣ мнѣ изъявляемое. Воздвиженіе образа моего предоставляю я также потомству, когда оно признаетъ меня достойнымъ».

Посланная къ императору депутація въ составѣ князя Куракина, Тормасова и Салтыкова, зная уже о предстоящемъ отказѣ государя на поднесеніе титула или сооруженіе памятника, имѣла съ собою готовый на этотъ отказъ отвѣтъ, составленный Мордвиновымъ въ слѣдующихъ словахъ, выслушанныхъ государемъ 22-го іюля 1814 г. въ Бруксалѣ:

«Высокое чувство и священнѣйшій обѣтъ, изъявляемые вашимъ императорскимъ величествомъ въ отказѣ наименованія, всеподданнѣйше вамъ приносимаго, толико радостные и утѣшительные для народа россійскаго, провозглашаютъ громко, что нынѣ и вѣчно вы онаго достойны. Не будетъ сіе наименованіе при жизни вашей на хартіяхъ мрамора и мѣди, яко не соизволяете, но будетъ глубоко впечатлѣно оно въ сердцахъ всего пламенѣющаго благоговѣніемъ къ вамъ народа, благословляющаго искренно и совокупно со многими великими народами, обитающими и внѣ предѣловъ державы вашей, коимъ великодушные подвиги вашего императорскаго величества возстановляютъ благоденствіе».

Просвѣщенные и вполнѣ гуманные взгляды императора Александра I высказываются и въ любопытномъ, но мало извѣстномъ рескриптѣ его на имя херсонскаго военнаго губернатора, отъ 9-го октября 1816 г. по животрепещущему вопросу, составляющему и въ настоящее время тяжкую злобу дня, именно по вопросу о духоборцахъ. Историки и біографы императора Александра I, какъ свои, такъ и чужіе, не упоминаютъ, почему-то молчатъ объ этомъ рескриптѣ, который приводимъ по копіи, писанной рукою Мордвинова.

«Изъ двухъ представленій вашихъ къ управляющему министерствомъ полиціи, касательно поселенныхъ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, такъ называемыхъ, духоборцевъ, вижу я, что вы испрашиваете переселенія ихъ съ послѣдняго мѣста жительства на другое. Къ таковому представленію побуждаетесь вы донесеніями о развратной будто бы

ихъ жизни, о зловредныхъ для общества правилахъ ихъ и желаніи разсѣевать оныя между другими.

«Въ слѣдствіе сего и поданной со стороны самихъ духоборцевъ просьбы о защитѣ ихъ отъ притѣсненій, повелѣлъ уже я управляющему министерствомъ полиціи снестись съ вами о доставленіи подробнѣйшихъ свѣдѣній объ обстоятельствахъ, до духоборцевъ касающихся.

«При семъ я признаю за нужное обратить ваше вниманіе особеннымъ образомъ на начало и причину переселенія сего рода людей изъ Слободско-Украинской и другихъ губерній въ Мелитопольскій уѣздъ губерніи Таврической, на Молочныя Воды.

«Сіе переселеніе ихъ послѣдовало именно, какъ вы изъ повелѣнія моего, даннаго бывшему новороссійскому губернатору Миклашевскому 25-го января 1802 г., увидѣть можете, частію во уваженіе претерпѣннаго ими прежде разоренія, частію же во огражденіе ихъ отъ неумѣстныхъ и напрасныхъ притязаній въ отношеніи къ образу мыслей ихъ о религіи; они отдалены уже тамъ довольно отъ непосредственнаго съ прочими жителями сношенія, и тѣмъ распространенію сей секты положены предѣлы. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ понынѣ правительство, не получая ни съ которой стороны жалобъ, ни донесеній о безпорядкахъ, имѣло всѣ причины полагать принятыя по сему мѣры весьма достаточными.

«Отдаленіе сихъ людей отъ православной грекороссійской церкви есть, конечно, съ ихъ стороны заблужденіе, основанное на нѣкоторыхъ погрѣшныхъ заключеніяхъ ихъ объ истинномъ богослуженіи и духѣ христіанства. Сіе происходитъ въ нихъ отъ недостатка въ просвѣщеніи, «ибо ревность Божію имѣютъ, но не по разуму». Но просвѣщенному ли правительству христіанскому приличествуетъ заблудшихъ возвращать въ нѣдры церкви жестокими и суровыми средствами, истязаніями, ссылками и тому подобнымъ? Ученіе Спасителя міра, пришедшаго на землю взыскати и спасти погибшаго, не можетъ внушаемо быть насильствіемъ и казнями, не можетъ служить къ погибели спасаемаго, коего ищутъ обратить на путь истинный. Истинная вѣра порождается благодатію Господнею чрезъ убѣжденіе, поученіемъ, кротостію, а болѣе всего добрыми примѣрами. Жестокость же не убѣждаетъ никогда, но паче ожесточаетъ. Всѣ мѣры строгости, истощенныя надъ духоборцами въ продолженіе тридцати лѣтъ, до 1810 года, не токмо не истребили сей секты, но паче и паче пріумножали число послѣдователей ея.

«Впрочемъ, мѣстныя начальства разныхъ губерній отзывались о духоборцахъ неоднократно весьма выгоднымъ образомъ со стороны ихъ поведенія, хотя и приносили жалобу на отпаденіе ихъ отъ православной церкви. Сенаторы Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій при обо-

зрѣніи ими въ 1801 г. Слободско-Украинской губерніи, найдя тамъ сего рода людей, отдали имъ также во многомъ справедливость, хотя и не защищали ихъ заблужденій, ибо они судили о нихъ безпристрастнымъ и на любви христіанской основаннымъ образомъ.

«Всѣ сіи обстоятельства показываютъ довольно ясно, что не о новомъ переселеніи сихъ людей помышлять теперь надлежитъ, но объ огражденіи скорѣе ихъ самихъ отъ всѣхъ излишнихъ притязаній за разномысліе ихъ въ дѣлѣ спасенія и совѣсти, по коему принужденіе, ни стѣсненіе никогда участія имѣть не могутъ. Переселеніемъ таковымъ судьба ихъ отяготится снова, и они наказаны уже будутъ по одному доносу, безъ изслѣдованія истины, обвиненія и доказательства. Благоустроенное правительство ни въ какомъ случаѣ и ни съ кѣмъ такъ не поступаетъ, а церковь православная, сколь ни желала бы обратить сихъ отпадшихъ отъ нея чадъ къ себѣ, можетъ ли одобрить мѣры гоненія, толико противныя духу главы ея, Христа Спасителя, оставившаго послѣдователямъ своимъ сіе достопамятное изреченіе: «Аще ли бысте вѣдали, что есть милости хощу, а не жертвы, николи же убо бысте осуждали неповинныхъ».

«Руководясь духомъ симъ, духомъ истиннаго христіанства, можно всего лучше успѣть въ достиженіи желанной цѣли по сему предмету. Колонію поселенцевъ сихъ я поручаю особенному и ближайшему вашему надзору и попеченію. Не полагаясь ни на чьи донесенія, вы не оставите вникнуть сами безъ предубѣжденія во всѣ мѣстныя обстоятельства ихъ, узнать въ точности ихъ образъ жизни и поведеніе, взирая на нихъ окомъ безпристрастнымъ попечительнаго начальника, ищущаго пользъ правительства во благѣ частномъ ввѣренныхъ ему людей. Участь сихъ поселенцевъ должна устроена быть безопасно. Надобно, чтобъ они могли почувствовать, что они состоятъ подъ охраненіемъ и покровительствомъ законовъ, и тогда только надежнѣе можно ожидать отъ нихъ любви и привязанности къ правительству и взыскивать исполненія по законамъ его, кои столь для нихъ благотворны. Если бы открыто было вами не по одному извѣту чьему-либо, но дѣйствительно на самомъ дѣлѣ, что у поселенцевъ сихъ укрываются дезертиры, бѣглые люди; если бы нашлось несомнѣнно, что они покушаются отвлекать другихъ отъ общей церкви, къ своему образу мыслей о религіи, тогда, обращая силу закона на таковые противозаконные поступки, надлежитъ положить имъ преграду. Но и тогда нельзя допустить, чтобы за одного или нѣсколькихъ виновныхъ, уличенныхъ въ преступленіи, отвѣчало и было истязуемо все общество сихъ поселенцевъ, не участвовавшихъ въ оном. При доносахъ и обвиненіи въ подобныхъ случаяхъ требуется внимательный разборъ, отъ кого сіи доносы происходятъ и какія могли быть побудительныя причины къ

онымъ. Такъ и упоминаемые въ представленіи вашемъ двое изъ духоборцевъ, кои по обращеніи къ православной церкви показали на сіе общество разныя преступленія и свидѣтельствовали о развратной жизни въ ономъ, могли учинить сіе по злобѣ или мщенію; ибо легко могло быть, что они отвергнуты были сами отъ общества за дурные поступки, или оставили оное изъ ссоры или вражды. Одни показанія таковыхъ, едва и вниманія заслуживающія, не должны служить основаніемъ къ наряженію тотчасъ строгихъ слѣдствій, къ забиранію подъ стражу, заключенію въ тюрьмы и истязанію людей, не изобличенныхъ еще ни въ какомъ зломъ умыслѣ или проступкѣ. Самое изслѣдованіе подозрѣваемаго преступленія долженствуетъ происходить такимъ образомъ, чтобъ ни въ какомъ случаѣ невинный не пострадалъ отъ онаго.

«Полагаясь на ваше благоразуміе, искреннее желаніе добра и усердіе къ службѣ, я удостовѣренъ, что вы въ поручаемомъ вамъ чрезъ сіе не оставите сообразоваться во всей точности съ изъясненными здѣсь мыслями моими, и ожидаю всевозможнаго отъ того успѣха.

«Между тѣмъ имѣете вы донести мнѣ обстоятельно о мѣрахъ, какія вами въ слѣдствіе сего приняты будутъ, и что вы найдете по принятіи вами сей колоніи подъ непосредственное ваше попеченіе».

П. Майковъ.

Тарговицкая конфедерація.

IV [1]).

Коссаковскій, назначенный командующимъ литовской арміей, прибылъ 19-го (30-го) апрѣля 1792 г. въ Полоцкъ съ письмами Платона Зубова къ генералу Кречетникову и отъ гр. Безбородко къ великому канцлеру Сапѣгѣ и разослалъ тотчасъ «вѣрныхъ людей» въ Юрбургъ, Ковно, Вильно, Слонимъ и Брестъ-Литовскъ для собиранія точныхъ свѣдѣній о передвиженіи польскихъ войскъ и о настроеніи края.

Въ самомъ Полоцкѣ онъ нашелъ дѣятельныхъ помощниковъ, въ лицѣ Станислава Снарскаго, предсѣдателя тамошней гражданской палаты, «достойнаго», по его отзыву, и ревностнаго гражданина и его брата, полковника Аврелія Снарскаго. При содѣйствіи этихъ лицъ, ему удалось вскорѣ склонить воеводу Жабу,—богатѣйшаго и вліятельнѣйшаго человѣка Полоцкаго воеводства, стать во главѣ мѣстной конфедераціи.

Ославъ своему брату, епископу инфляндскому, всѣ наличныя деньги, чтобы подкупить войска и жителей и изготовить тайно актъ общей конфедераціи, Коссаковскій поспѣшилъ въ Креславъ, пограничный городокъ на берегу Двины, «для переговоровъ» съ польскими офицерами и разными другими лицами, т. е. въ сущности для того, чтобы склонить ихъ къ конфедераціи.

Для той же цѣли Кречетниковъ препроводилъ корпуснымъ командирамъ: князу Долгорукову 5.000 р. и барону Ферзену 4.000 р.

Въ Полоцкѣ ожидали съ нетерпѣніемъ отвѣта Сапѣги на письмо

[1]) См. «Русская Старина», октябрь, 1904 г.

*

гр. Безбородко, такъ какъ надобно было, какъ можно скорѣе, избрать маршала генеральной литовской конфедераціи; въ Петербургѣ же было рѣшено, что имъ могъ быть графъ Потоцкій лишь въ томъ случаѣ, если канцлеръ Сапѣга не пожелаетъ принять этого званія [1]).

Вскорѣ Коссаковскій получилъ актъ конфедераціи браславскаго повѣта, образованной троцкимъ каштеляномъ Августомъ Платеромъ. Препровождая его генералу Кречетникову, Коссаковскій увѣрялъ его, что шляхта «столько оказывала горячности, усердія и привязанности Россіи, что (всѣ) готовы сѣсть на лошадей и начать дѣло»; онъ считалъ необходимымъ «воспользоваться этимъ жаромъ людей, любящихъ свою вольность» [2]), и вступить въ Польшу какъ можно скорѣе, тѣмъ болѣе, что въ Браславское воеводство прибылъ, по слухамъ, подкоморій Мирскій съ цѣлью отговаривать обывателей отъ конфедераціи.

Императрица была очень довольна дѣятельностью своихъ генераловъ, хвалила Кречетникова, изъявляла свое благоволеніе Коссаковскому и выражала надежду, что онъ окажетъ новыя заслуги какъ передъ ней, такъ и передъ отечествомъ [3]).

На самомъ же дѣлѣ жители великаго княжества Литовскаго вовсе не горѣли желаніемъ приступить къ конфедераціи, какъ это говорилось въ донесеніяхъ главнокомандующаго русской арміи, и когда генералъ Долгорукій, пріѣхавъ въ Браславъ 13-го (25-го) мая, разослалъ плакатъ Кречетникова, извѣщал жителей о вступленіи въ Литву четырехъ корпусовъ Бѣлорусской арміи, и приглашалъ ихъ съѣхаться для образованія конфедераціи, то въ назначенный день въ Браславъ пріѣхали только каштелянъ Платеръ и два графа Манузія; остальныя знатныя лица отсутствовали; услыхавъ о вступленіи въ Литву русскихъ войскъ, они такъ же, какъ и всѣ власти, поспѣшно уѣхали въ Вильно.

Долгорукій приказалъ казакамъ пригнать въ городъ кое-кого изъ окрестной шляхты, и такимъ образомъ 14-го (25-го) мая была открыта конфедерація.

Князь Долгорукій сокрушался о томъ, что обыватели не искали защиты у войска дружественной державы, а разъѣхались, оставивъ въ повѣтѣ однихъ ксендзовъ и экономовъ. Въ довершеніе бѣды, чиновники мѣстной канцеляріи отказались зарегистровать актъ конфедераціи, и ихъ пришлось принудить къ тому не только угрозами, но даже побоями, а графъ Платеръ увѣдомилъ между тѣмъ Кречетникова, что актъ конфедераціи былъ подписанъ всей присутствовавшею шляхтой «со всевоз-

---

[1]) Сборникъ, т. 47, стр. 320.

[2]) Сборникъ, т. 47, стр. 323.

[3]) Рескриптъ императрицы Кречетникову, отъ 11-го (22-го) мая 1792 г. (Сборникъ, т. 47, стр. 331).

можною тишиною и съ превеличайшею радостью и удовольствіемъ», Кречетниковъ, со своей стороны, донесъ императрицѣ «о живѣйшей радости», съ какою шляхта отдалась подъ ея покровительство [1]).

Русскій корпусъ, шедшій подъ начальствомъ барона Ферзена, не принималъ активнаго участія въ сконфедерованіи шляхты, но помогалъ конфедератамъ по мѣрѣ силъ и возможности; такъ, командующій корпусомъ, увидавъ въ Бобруйскѣ памятникъ съ портретомъ короля польскаго и похвальными стихами въ честь его, сооруженный въ воспоминаніе переворота 3-го мая, приказалъ закрасить надпись, и это было сдѣлано такъ искусно, что на памятникѣ сохранились только слова, восхвалявшія прежніе законы и Станислава-Августа; рѣшимость барона Ферзена задѣлать монархическую надпись очень понравилась Кречетникову [2]).

Выражая свое благоволеніе лицамъ, потрудившимся при образованіи мѣстныхъ конфедерацій, императрица просила Кречетникова поспѣшить объявленіемъ генеральной конфедераціи въ Вильнѣ [3]); согласно этому желанію, князь Долгорукій и Коссаковскій переправились 30-го мая (10-го іюня) 1792 г. чрезъ р. Вилію при мѣстечкѣ Михалишкахъ, и двинулись разными дорогами къ столицѣ Литвы.

Узнавъ о приближеніи русскихъ, литовское войско поспѣшно выступило изъ города, откуда были увезены всѣ пушки, оружіе и аммуниція. Генералъ-поручикъ Симонъ Забѣлло, у котораго было 600 человѣкъ пѣхоты и 700 чел. кавалеріи, также отступилъ предъ сильнѣйшимъ непріятелемъ. По мѣрѣ приближенія русской арміи, Вильна, которая была переполнена людьми, бѣжавшими изъ другихъ городовъ, опустѣла. Уже въ день переправы русскихъ корпусовъ черезъ Вилію жители начали массами выѣзжать изъ столицы.

«Обыватели разныхъ воеводствъ и повѣтовъ, коихъ здѣсь было очень много», «не желая силою быть вынужденными присоединиться къ конфедераціи, противной закону и правительству, начали разъѣзжаться, кто въ Гродно, кто въ Пруссію. 30-го мая (10-го іюня) въ четвертомъ часу по полудни, по дорогѣ въ Троки тянулось несмѣтное число каретъ, бричекъ, возовъ и всякаго рода экипажей».

Денежныя кассы и присутственныя мѣста были отправлены въ Гродно и Варшаву; военно-гражданскія коммиссіи и первые чины муниципалитета также разъѣхались, по городу расхаживали ежедневно

---

[1]) Донесенія Кречетникова императрицѣ и Пл. Зубову отъ 19-го (30-го) мая 1792 г. и письмо Платера Кречетникову, отъ 17-го (28-го) мая (Сборникъ, т. 47, стр. 354—356).

[2]) Письмо Кречетникова къ Платону Зубову (Сборникъ, т. 47, стр. 365).

[3]) Сборникъ, т. 47, стр. 361.

глашатаи, которые трубили въ трубы и возвѣщали жителямъ, что непріятельское войско близко, что городъ беззащитенъ, и поэтому жители должны встрѣтить его спокойно или же послѣдовать за литовскимъ войскомъ.

2-го (13-го) іюня оставшіяся въ городѣ власти, получивъ увѣдомленіе о томъ, что Долгорукій и Коссаковскій подходятъ къ городу, выѣхали имъ навстрѣчу, и успокоенные генералами на счетъ безопасности жителей, приказали вечеромъ объявить, съ барабаннымъ боемъ, чтобы при вступленіи русскаго войска соблюдалась величайшая тишина и спокойствіе.

На слѣдующій день, рано утромъ, вступилъ въ Вильно генералъ-маіоръ Денисовъ, съ двумя батальонами пѣхоты, выславъ предварительно разъѣздъ казаковъ съ цѣлью удостовѣриться, что въ городѣ дѣйствительно не было войска. Въ одиннадцатомъ часу пріѣхали Долгорукій и Коссаковскій. На взглядъ городъ былъ спокоенъ; лавки были открыты, ремесленники занимались своимъ дѣломъ, но въ сущности жители были объяты страхомъ, «который ясно можно было прочесть на ихъ лицахъ»; интеллигенціи на улицахъ не было почти никого, даже прелаты и каноники сидѣли по домамъ, не рѣшаясь идти въ костелы; дамы попрятались въ монастыри.

Между тѣмъ Коссаковскій, превознося такъ и умѣнье Денисова и его помощниковъ, писалъ Кречетникову, что «генералъ-маіоръ и кавалеръ Денисовъ, съ двумя полковниками: Миллеромъ и Беклешовымъ такъ ободрили и увѣрили жителей, дабы были спокойны, что по прибытіи (моемъ) въ городъ примѣтны были у всѣхъ на лицахъ «радость и удовольствіе», и тѣ, кои у меня были, охотно, съ первыхъ моихъ словъ пріемлютъ и признаютъ за святость изданную ея императорскимъ величествомъ декларацію и приступаютъ со своей стороны съ отмѣннымъ усердіемъ къ положенію акта конфедераціи».

Но въ душѣ Коссаковскій далеко не былъ увѣренъ въ сочувствіи жителей, ибо тотчасъ по въѣздѣ въ городъ онъ принялъ всевозможныя мѣры предосторожности: приказалъ занять казаками всѣ дороги, ведшія въ Вильно, и не пропускать въ городъ ни писемъ, ни даже газетъ.

Когда шляхта собралась, по его приказанію, къ генералу Арсеньеву для подписанія акта конфедераціи, туда пріѣхало и нѣсколько знатнѣйшихъ обывателей, въ томъ числѣ извѣстный ветеранъ полковникъ Довнаровичъ, который «въ вѣжливыхъ, но твердыхъ выраженіяхъ» отказался подписать актъ конфедераціи. Коссаковскій выругалъ Довнаровича самыми грубыми словами и приказалъ его отвести на гауптвахту.

На слѣдующее утро были разосланы казаки, чтобы собрать разъѣхавшихся по окрестностямъ властей, но кромѣ двухъ-трехъ человѣкъ

ного не нашли. Наконецъ пріѣхалъ въ Вильно Кречетниковъ, и въ постѣ св. Яна былъ опубликованъ 14-го (25-го) іюня актъ литовской общей генеральной конфедераціи.

По окончаніи молебствія епископъ Коссаковскій пригласилъ къ обѣденному столу командующаго войсками, генералитетъ и офицерство. За обѣдомъ, во время котораго играла передъ домомъ роговая музыка, пили здоровье императрицы, «великодушной покровительницы сконфедерованной республики». Кречетниковъ провозгласилъ тостъ за сконфедерованную республику.

На рынкѣ были выставлены бочки съ виномъ для угощенія народа [1]).

До обнародованія акта генеральной литовской конфедераціи, Коссаковскій игралъ въ воеводствахъ и повѣтахъ, занятыхъ русскими войсками, роль диктатора; ссылаясь на данную ему императрицею власть, онъ предоставилъ лицамъ, которыя были посланы имъ сконфедеровать воеводство, самыя обширныя полномочія, разрѣшивъ имъ употреблять по отношенію къ приверженцамъ конституціи не только угрозы и принужденія, но и всевозможныя наказанія. Кречетниковъ, не будучи знакомъ съ мѣстными условіями, долженъ былъ прибѣгать къ помощи Коссаковскаго, поэтому не стѣснялъ его ни въ чемъ и въ своихъ донесеніяхъ къ императрицѣ и въ письмахъ къ Зубову всячески хвалилъ его, говоря, что онъ не могъ бы ничего сдѣлать безъ Коссаковскаго, съ которымъ онъ совѣтуется во всѣхъ дѣлахъ, какъ «съ усерднѣйшимъ человѣкомъ», надѣясь тѣмъ благоугодить монаршей волѣ [2]) и самому Зубову, его покровителю.

Такимъ образомъ, онъ не только не отмѣнялъ репрессивныя мѣры, примѣненныя Коссаковскимъ, но даже какъ бы узаконивалъ ихъ своими собственными распоряженіями, только изрѣдка смягчая ихъ, чтобы не подвергать русское войско нареканіямъ со стороны мѣстнаго населенія.

Такъ, напр., Коссаковскій предписалъ, чтобы доходы съ секвестрованныхъ имуществъ собирались русскими офицерами и вносились ими въ кассу конфедераціи. Кречетниковъ измѣнилъ эту инструкцію, приказавъ, чтобы сборъ денегъ производился офицерами совмѣстно съ уполномоченными конфедераціи «для того, чтобы обыватели не имѣли повода жаловаться на представителей дружескаго войска».

Екатерина II, въ сущности, не одобряла репрессивныхъ мѣръ и желала, чтобы русскія войска держали себя въ Польшѣ «благопристойно» и склоняли бы жителей къ конфедераціи скорѣе убѣжденіемъ, нежели

---

[1]) Сборникъ, т. 47, стр. 396.

[2]) Сборникъ, т. 47, стр. 324.

силою, дабы всѣ видѣли, что «конфедераціи составляются добровольно шляхетствомъ, угнетеннымъ и лишеннымъ правъ своихъ и вольности беззаконною и насильственною конституціею 3-го мая».

«Умножая такимъ образомъ партію нашу,—писала она М. Н. Кречетникову,—«легче вамъ будетъ низложить закоснѣлыхъ противниковъ, которые, конечно, не оставятъ разглашать, что къ конфедераціи принуждаютъ силою» [1]).

Но когда выяснилось окончательно, что жители не хотѣли признавать конфедераціи и что убѣжденіями ничего нельзя было достигнуть, то императрица сообщила Кречетникову тотъ самый рескриптъ отъ 12-го (23-го) іюня, коимъ она повелѣла Каховскому и Бюллеру употреблять противъ конституціонной партіи репрессивныя мѣры.

Коссаковскій, уже ничѣмъ не стѣсняемый въ своихъ террористическихъ инстинктахъ, опубликовалъ отъ имени генеральной конфедераціи универсалъ, въ коемъ были изложены правила для образованія воеводскихъ и повѣтовыхъ конфедерацій. Для присоединенія къ нимъ обывателямъ былъ назначенъ двухъ-недѣльный срокъ со дня подписанія акта мѣстной конфедераціи, а для сенаторовъ и пословъ послѣдняго сейма,—двухмѣсячный срокъ, считая съ 12-го (25-го) іюня. По прошествіи этого срока они лишались права добровольно присоединиться къ конфедераціи и имущества ихъ подлежали конфискаціи.

Слухъ о суровыхъ мѣрахъ и насиліяхъ, къ коимъ прибѣгала конфедерація и русскія войска, поселилъ повсюду такой страхъ, что обыватели, заслышавъ о приближеніи русскихъ, бѣжали. Вообще образованіе конфедерацій сопровождалось многочисленными недоразумѣніями, нерѣдко весьма куріознаго свойства, такъ, напр., когда 9-го (20-го) іюня прибылъ въ Ковно для образованія конфедераціи генералъ Хрущовъ съ отрядами войска, то шляхты, по обыкновенію, въ городѣ не оказалось. На слѣдующій день онъ разослалъ обывателямъ повѣта оповѣщеніе съ приказаніемъ явиться въ городъ въ теченіе двухъ дней, а между тѣмъ велѣлъ пригнать въ каѳедральный костелъ около двухсотъ мѣщанъ, коимъ было приказано «не только отречься отъ конституціи, но и присягнуть императрицѣ». Получивъ объ этомъ донесеніе, Кречетниковъ послалъ немедленно ковенскому магистрату письмо, чтобы исправить ошибку не въ мѣру усерднаго Хрущова. Въ письмѣ говорилось, что обыватели обязаны только присягать конфедераціи и что «императрица, великодушно поддерживая Рѣчь Посполитую и ея старинныя права, не требуетъ присяги отъ польскихъ городовъ»; а Хрущеву было приказано, оставивъ въ Ковно небольшой отрядъ съ артиллеріей, самому идти на соединеніе съ отрядомъ Долгорукова.

---

[1]) Сборникъ, т. 47, стр. 361.

Между тѣмъ князь Понятовскій стягивалъ разбросанные на большомъ пространствѣ польскіе отряды къ Любару, гдѣ онъ предполагалъ дать русскимъ сраженіе, и съ нетерпѣніемъ поджидалъ проѣзда короля, въ надеждѣ, что его присутствіе ободритъ всѣхъ тѣхъ, кои остались вѣрны конституціи, но Станиславъ-Августъ, который, еще до вступленія русскихъ войскъ въ Польшу, выразилъ готовность отправиться въ лагерь своего племянника, не спѣшилъ отъѣздомъ изъ Варшавы. Нѣкоторыя лица, въ томъ числѣ князь Михаилъ Любомірскій, командовавшій волынской и подольской дивизіей, считали поѣздку въ Украйну для короля опасной, отговаривали его отъ этого и совѣтовали стать лагеремъ въ Дубно или Полонномъ, поближе къ столицѣ.

Въ началѣ іюня въ королевскомъ дворцѣ начались приготовленія къ отъѣзду. «Я надѣюсь,—говорилъ Станиславъ-Августъ,—послужить вскорѣ вмѣстѣ съ вѣрными защитниками отечества нашей общей матери по мѣрѣ моихъ силъ и способностей».

1-го (12-го) іюня изъ Варшавы была отправлена, подъ конвоемъ народовой гвардіи, королевская кухня и багажъ, а на слѣдующій день придворные, собравшись въ одной изъ дворцовыхъ залъ, присягнули королю, послѣ чего состоялся его отъѣздъ, но не въ Любаръ и не въ Полонное, а гораздо ближе—въ Козеницы.

«Король ѣдетъ въ Козеницы,—писалъ Булгаковъ,—чтобы сдержать свое слово и получить два милліона, большая часть которыхъ уже израсходована, хотя онъ ихъ еще не получилъ [1]). Булгаковъ оказался правъ: намѣреніе короля ѣхать въ лагерь было только показное, и онъ измѣнилъ его, не доѣхавъ до Козеницъ, и рѣшилъ остаться подъ Варшавою въ Прагѣ.

«Я рѣшилъ,—писалъ онъ Букатому 12-го (23-го) іюня,—имѣть лагерь не подъ Козеницами, а тутъ, въ Прагѣ; пусть москали сами навѣстятъ меня въ Варшавѣ; впослѣдствіи, смотря по обстоятельствамъ, я поѣду далѣе, туда, гдѣ окажется въ томъ надобность».

Станиславъ-Августъ былъ далекъ отъ желанія воевать съ Россіей и, еще до вступленія русскихъ войскъ въ Польшу, считалъ необходимымъ прибѣгнуть не къ оружію, а къ переговорамъ съ петербургскимъ дворомъ. Въ рѣчи, произнесенной имъ на сеймѣ по полученіи отъ Булгакова декларація, онъ говорилъ о войнѣ съ Россіей только какъ о «возможной случайности». Изданная, по желанію короля, Станиславомъ Потоцкимъ брошюра: Raczej piórem, niż orężem, czyli droga do traktowania z Imperatorową Imcią rosyską» (лучше перомъ, нежели оружіемъ

[1]) Указомъ 18-го (29-го) мая сеймъ ассигновалъ эту сумму на поѣздку короля въ лагерь. Дневникъ Булгакова отъ 27-го мая (7-го іюня) Kalinka, т. II, стр. 389.

или путь къ переговорамъ съ ея императорскимъ величествомъ императрицей всероссійской), въ которой, какъ видно изъ самаго заглавія, проводилась мысль о миролюбивомъ соглашеніи съ Россіей и какъ вѣрнѣйшее средство къ тому указывалось на бракъ польской инфанты съ русскимъ великимъ княземъ, выражала взглядъ самого короля на этотъ вопросъ.

Не возлагая надеждъ на помощь Берлинскаго, Вѣнскаго и Дрезденскихъ дворовъ, король однако до такой степени не вѣрилъ въ возможность войны, что не приказалъ даже выдать паспорта Булгакову и не отозвалъ изъ Петербурга Деболи.

Стараясь избѣжать всего, что могло раздражить императрицу, онъ выжидалъ, чтобы приступить къ переговорамъ, момента, когда приближенные его признали бы несбходимымъ смириться передъ Россіей. Измѣна Пруссіи, съ которой совпали извѣстія о пораженіи польскихъ войскъ въ Литвѣ и о критическомъ положеніи коронной арміи, подготовила почву для осуществленія его плановъ.

Недолго спустя по полученіи отвѣта отъ короля прусскаго и ноты отъ Луккезини, 6-го (17-го) іюня, въ засѣданіи военнаго совѣта читано было донесеніе генерала Юдицкаго съ описаніемъ битвы подъ Миромъ [1]) и отступленія литовской арміи къ Гродно. А на слѣдующій день на засѣданіи совѣта, на которомъ присутствовали: маршалы сейма Малаховскій и Сапѣга, бывшій подкоморій князь Понятовскій, генералы Горженскій и Цыхоцкій, подканцлеръ Коллонтай, подскарбій Островскій и войсковой Дембовскій, читалось донесеніе князя Понятовскаго отъ 3-го (14-го) іюня изъ лагеря подъ Любаромъ, и Ржевусскій давалъ объясненія о положеніи коронной арміи.

«Болѣе слабая численностью польская армія не въ состояніи оказать сопротивленіе русскому войску, которое подошло уже къ лагерю князя Понятовскаго»,—говорилъ Ржевусскій. «Поляки испытываютъ всевозможныя затрудненія въ полученіи перевозочныхъ средствъ, фуража и провіанта; тогда какъ непріятель, прибѣгая къ насилію, двигается впередъ быстро и имѣетъ всего вдоволь. Польское войско не имѣетъ самаго необходимаго, терпитъ отъ дождей и непогоды и, ведя неравную борьбу съ превосходными русскими силами, должно быть всегда настороже, тѣмъ болѣе, что русскіе прекрасно освѣдомлены обывателями о диспозиціяхъ князя Понятовскаго». Выслушавъ Ржевусскаго, совѣтъ рѣшилъ начать переговоры о заключеніи перемирія, а король послалъ къ Булгакову вице-канцлера Хрептовича съ порученіемъ узнать его мнѣніе относительно переговоровъ съ Петербургскимъ дворомъ.

---

[1]) Миръ, мѣст. Минской губ., Новогруд. уѣзда.

Хрептовичъ поѣхалъ къ русскому посланнику тотчасъ по окончаніи засѣданія военнаго совѣта, ночью 7-го (8-го) іюня.

«Заключеніе перемирія не отъ меня зависитъ—отвѣчалъ ему Булгаковъ, но оно не можетъ быть заключено до тѣхъ поръ, пока вы не откажетесь отъ всего того, что сдѣлано вами, до тѣхъ поръ, пока вы не будете руководствоваться въ своихъ поступкахъ сдѣланной мною декларацією, и пока вы вполнѣ искренно и съ полнымъ довѣріемъ не положитесь на великодушіе императрицы».

Хрептовичъ заявилъ, что къ князю Понятовскому немедленно будутъ посланы два адъютанта короля съ приказаніемъ отступить изъподъ Любара, уклониться отъ битвы и предложить русскому главнокомандующему заключить перемиріе; наконецъ, онъ сознался, что пріѣхалъ къ послу за совѣтомъ.

— Я могу говорить съ вами,—отвѣчалъ Булгаковъ, только въ духѣ декларацiи, которая должна служить основою всѣхъ вашихъ дѣйствій; если же вы довѣряете мнѣ, то примите мой совѣтъ: не теряя времени прибѣгнуть къ великодушію императрицы.

— Мы сами видимъ,—продолжалъ Хрептовичъ,—что намъ нѣтъ инаго спасенія; я всегда это говорилъ и за то подвергался злобѣ и нареканіямъ; король и всѣ истинные патріоты хотятъ предложить польскій престолъ великому князю Константину Павловичу и просить императрицу учредить прочное правленіе въ Польшѣ. Если бы это предложеніе не понравилось императрицѣ или встрѣтило бы какое-нибудь политическое препятствіе, то мы просимъ выбрать въ наслѣдники королю кого императрицѣ будетъ угодно. Если государыня и на это не согласится, то мы просимъ заключить союзъ съ Россіей вѣчный или временный на какомъ угодно основаніи. Ежели и это не удостоится высочайшей апробаціи, то просимъ исправить нашу форму правленія, выбросить изъ нея то, что не угодно, и внести тѣ измѣненія, какія признаютъ нужнымъ; наконецъ, ежели и это не понравится, то мы предаемся безусловно волѣ ея императорскаго величества и желаемъ, чтобы Польша и Россія составляли впредь, такъ сказать, одинъ народъ.

— Вотъ это было бы лучше всего—отвѣчалъ Булгаковъ,—и надобно составить новый сеймъ съ помощью генеральной конфедераціи.

— Этого мы и боимся,—прервалъ его Хрептовичъ,—кто будетъ засѣдать въ этомъ сеймѣ? Все тѣ же поляки, всѣ дѣйствія коихъ были отмѣчены до сихъ поръ злобою, мщеніемъ, легкомысліемъ и заботою о своихъ личныхъ интересахъ. Они могутъ сочинить конституцію еще хуже, и для избѣжанія этого мы и желаемъ, чтобы сама императрица изыскала для Польши форму правленія и дала ее намъ готовую.

— Вамъ нечего бояться,—отвѣчалъ посланникъ; конфедерація со-

ставилась подъ покровительствомъ и съ помощью государыни; поэтому, надобно надѣяться, что она не выступитъ изъ предѣловъ, ею себѣ поставленныхъ; впрочемъ, россійскій здѣсь министръ будетъ наблюдать за нею и не допуститъ, чтобы будущій сеймъ былъ подобенъ нынѣшнему; чрезвычайно было бы полезно, если бы король изложилъ всѣ сдѣланныя вами предложенія въ письмѣ къ императрицѣ, которое было бы наполнено не краснословіемъ, а искренностью.

На слѣдующій день, 8-го (19-го) іюня вернулся изъ Берлина Игнатій Потоцкій; его пріѣздъ подалъ поводъ ко всевозможнымъ догадкамъ и предположеніямъ. Тотчасъ по возвращеніи великаго литовскаго маршала состоялось засѣданіе стражи, продолжавшееся нѣсколько часовъ. На немъ обсуждались вопросы, поднятые наканунѣ въ военномъ совѣтѣ и на совѣщаніи Хрептовича съ Булгаковымъ. Стражъ, не разсчитывая на то, чтобы Каховскій согласился на перемиріе, призналъ необходимымъ обратиться прямо къ императрицѣ. Мысль эту поддерживалъ Потоцкій, но онъ былъ по существу противникъ предложеній, сдѣланныхъ наканунѣ Хрептовичемъ русскому посланнику. Великій литовскій маршалъ соглашался предложить польскую корону внуку императрицы, но протестовалъ противъ выраженной Хрептовичемъ и обидной для народнаго самолюбія готовности положиться на великодушіе императрицы.

Тотчасъ по окончаніи засѣданія, поздно ночью, полковникъ Бышевскій и Голковскій выѣхали изъ Варшавы съ приказомъ князю Понятовскому относительно заключенія перемирія, на которомъ король собственноручно приписалъ: «Главное, прошу тебя принять во вниманіе, что если бы даже явилась возможность заключить перемиріе, но если это будетъ обусловлено необходимостью признать Тарговицкую конфедерацію, то на это не слѣдуетъ соглашаться».

10-го (21-го) іюня Хрептовичъ передалъ Булгакову запечатанное письмо Станислава-Августа къ императрицѣ, прочелъ ему копію съ этого письма и записку съ предложеніями короля. Русскій посланникъ нашелъ письмо и записку слишкомъ краткими, неясными и поверхностными и сказалъ безъ обиняковъ, что въ нихъ не заключается того, что было условлено, поэтому они не могутъ имѣть ожидаемыхъ результатовъ. Видя, что Булгаковъ не доволенъ, Хрептовичъ сказалъ, что король пригонитъ содержаніе письма согласно съ его совѣтомъ.

— Я совѣтую придерживаться того, что мы съ вами условились,— сказалъ Булгаковъ.

Нѣсколько часовъ спустя Хрептовичъ вернулся съ проектомъ новаго письма, на которое посланникъ сдѣлалъ свои замѣчанія, и сообразно съ ними текстъ письма былъ снова измѣненъ. На другой день, 11-го (22-го) іюня, Булгаковъ получилъ отъ Хрептовича запечатанное

письмо съ приложеніемъ копіи и съ просьбою отправить пакетъ въ Петербургъ и изложить императрицѣ его мнѣніе о положеніи польскаго правительства и чистосердечномъ намѣреніи короля искать спасенія въ покровительствѣ императрицы.

Станиславъ-Августъ писалъ Екатеринѣ:

«Говорить обиняками не согласуется ни съ моимъ характеромъ, ни съ положеніемъ, въ какомъ я нахожусь. Поэтому я объяснюсь откровенно и ясно. Удостойте прочесть мое письмо благосклонно и безъ предубѣжденія и припомнить то писаніе, которое я подалъ вашему величеству на галерѣ въ Каневѣ. Вашему императорскому величеству извѣстно какъ нельзя лучше, что если планъ, выраженный мною въ то время, не былъ выполненъ, то это было не по моей винѣ. Вспоминать о томъ, что было послѣ, было бы напрасно и безполезно, поэтому я перейду къ теперешнимъ обстоятельствамъ и буду говорить откровенно.

«Вамъ, государыня, нужно имѣть вліяніе въ Польшѣ, вамъ нужно безпрепятственно проводить черезъ нее свои войска всякій разъ, когда вамъ будетъ угодно заняться Турціей или Европою. Намъ нужно избавиться, разъ навсегда, отъ безпрестанныхъ переворотовъ, къ которымъ подаетъ поводъ каждое междуцарствіе, и отъ вмѣшательства сосѣдей, которые вооружаютъ насъ самихъ другъ противъ друга.

«Сверхъ того, намъ нужно внутреннее правленіе, устроенное лучше, чѣмъ было до сихъ поръ, теперь удобный моментъ согласить все это. Дайте мнѣ въ наслѣдники своего внука, великаго князя Константина. Пусть вѣчный союзъ соединитъ обѣ страны; заключимъ и торговый договоръ взаимно полезный. Мнѣ нѣтъ надобности присовокуплять, что осуществленіе этихъ плановъ никогда не могло быть легче, нежели въ настоящее время. Излишне было бы дать вашему величеству въ этомъ случаѣ какой-либо совѣтъ или указанія.

«Отнеситесь съ благосклоннымъ вниманіемъ къ моимъ горячимъ просьбамъ, выслушайте меня и обратите вниманіе на положеніе, въ какомъ я нахожусь. Сеймъ далъ мнѣ власть заключить перемиріе, но не окончательный миръ. Поэтому я умоляю васъ согласиться на перемиріе какъ можно скорѣе и ручаюсь за остальное, если вы мнѣ дадите время и средства.

«Здѣсь произошла теперь такая перемѣна въ образѣ мыслей, что предложенія мои будутъ приняты, быть можетъ, съ большимъ энтузіазмомъ, чѣмъ все совершенное на послѣднемъ сеймѣ.

«Но я не могу скрыть отъ вашего императорскаго величества, что если вы будете настаивать на томъ, что содержитъ ваша декларація, то не въ моей власти будетъ сдѣлать то, что я такъ желаю.

«Я знаю, что ваше императорское величество имѣете силу вы-

полнить все то, что заявлено декларацією. Но я не вѣрю, чтобы ваше сердце предпочло суровыя мѣры мѣрамъ кротости, кои могутъ составить славу вашего императорскаго величества и вмѣстѣ съ тѣмъ исполнить наши желанія.

«Еще разъ умоляю васъ, не отвергайте моей просьбы, изъявите согласіе на немедленное заключеніе перемирія, и я ручаюсь, что все предложенное мною будетъ принято и исполнено моимъ народомъ, если только вы удостоите одобрить средства, мною предложенныя».

«Польша у ногъ вашего величества»—доносилъ Булгаковъ, препровождая въ Петербургъ письмо Станислава-Августа, «я не думалъ, чтобы это сдѣлалось такъ скоро». «Перемѣна мыслей въ самыхъ запальчивыхъ головахъ велика»,—присовокуплялъ онъ. «Всѣ кричатъ теперь, что слѣдуетъ сблизиться съ Россіей; всѣ негодуютъ на короля прусскаго; всѣ упрекаютъ Потоцкихъ и другихъ начальниковъ партій, говоря, что они погубили Польшу» [1]).

Курьеръ, посланный къ Понятовскому въ ночь на 8-ое (19-ое) іюня, прибылъ къ князю въ то время, какъ коронная армія, выступивъ изъ подъ Любаръ, послѣ неудачнаго дѣла подъ Зеленцами, отступила къ Заславу и Острогу.

Получивъ приказъ короля, Понятовскій тотчасъ написалъ Каховскому:

«Имѣя надлежащія полномочія, я считаю возможнымъ предложить вашему превосходительству перемиріе, съ цѣлью хотя временно прекратить пролитіе крови и дать обѣимъ сторонамъ возможность обмѣняться донесеніями со своими правительствами, въ видахъ полученія отъ нихъ дальнѣйшихъ указаній. Перемиріе предлагается мною на 4 недѣли, съ тѣмъ, чтобы войска обѣихъ сторонъ оставались на занимаемыхъ ими въ настоящее время позиціяхъ» [2]).

«Никто такъ не желаетъ окончанія войны, какъ я,—отвѣчалъ на это Каховскій 13-го (24-го) іюня,—но я не имѣю полномочія заключить перемиріе. Я не прекращу военныхъ дѣйствій до тѣхъ поръ, пока въ Польшѣ будетъ какое-либо войско и какая-либо партія, не желающія добровольно признать великодушныхъ намѣреній государыни и водворить въ Польшѣ спокойствіе и порядокъ, нарушенные конституціей 3-го мая. Отъ вашего сіятельства зависитъ подчиниться волѣ императрицы.... Присоединиться къ конфедераціи или сложить оружіе,—вотъ единственные два способа прекратить кровопролитія. Предупреждаю ваше сіятельство, что императорскія войска завтра двинутся далѣе тремя колоннами».

---

[1]) Булгаковъ императрицѣ 11-го (22-го) іюня 1792 г. Соловьевъ, 280.

[2]) Сборникъ, т. 47, стр. 391.

Письмо польскаго главнокомандующаго къ генералу Каховскому было выраженіемъ безсилія, которое надѣялось найти спасеніе въ переговорахъ съ непріятелемъ, письмо же Станислава-Августа къ Екатеринѣ свидѣтельствовало о томъ, что король искалъ спасенія даже не въ переговорахъ, а только въ великодушіи императрицы.

Положеніе, въ которое поставилъ себя король польскій, было по истинѣ трагично: желая, въ глубинѣ души, уклониться отъ исполненія суровыхъ требованій декларацiи 7-го (18-го) мая, онъ складывалъ въ то же время оружіе у ногъ покровительницы конфедератовъ; ожидая со страхомъ отвѣта изъ Петербурга, онъ высказывалъ во всеуслышаніе намѣреніе «отдать жизнь за конституцію 3-го мая» и, обманывая народъ, повторялъ: «надѣйтесь на меня, если понадобится пожертвовать жизнью, я не пожалѣю ее!»

Но его слова: «что онъ поѣдетъ съ войскомъ туда, гдѣ окажется въ томъ надобность», принадлежали къ категоріи тѣхъ лживыхъ увѣреній, отъ которыхъ онъ не могъ удержаться по своей двуличности, и тогда какъ генералъ Каховскій отвѣчалъ на письмо Понятовскаго маршемъ «тремя колонами», Станиславъ-Августъ пребывалъ въ полномъ бездѣйствіи, яко бы выжидая заключенія перемирія, и не сдѣлалъ того шага, который могъ воодушевить народъ и армію. Неспособный къ дѣятельности, отвагѣ и самопожертвованію, король не дорожилъ собственной честью и интересами народа, старался спрятаться за спиною тѣхъ лицъ, коимъ онъ довѣрялъ, и не принималъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ. Между тѣмъ положеніе дѣлъ ухудшалось: армія Понятовскаго терпѣла недостатокъ во всемъ: въ оружіи, аммуниціи, фуражѣ и провіантѣ. Подъ Острогомъ она едва могла отвѣчать на канонаду русской артиллеріи.

Но благодаря ложнымъ извѣстіямъ, которыя распространялись частными лицами и газетами, превращавшими самый ничтожный успѣхъ польской арміи въ блестящую побѣду, военныя дѣйствія коронныхъ и литовскихъ войскъ возбуждали въ Варшавѣ вначалѣ самыя радостныя надежды. Такъ, напримѣръ, послѣ пораженія Юдицкаго подъ Миромъ и отступленія главнаго корпуса литовской арміи къ Гродно, въ Варшаву прибылъ изъ Литвы нѣкто Юревичъ и разсказывалъ во всеуслышаніе о побѣдѣ, одержанной генераломъ Юдицкимъ, о томъ, что имъ взятъ въ плѣнъ весь русскій штабъ, забрано много орудій, знаменъ и что графъ Меллинъ убитъ. Нѣсколько болѣе правдивыя, хотя все же далеко невѣрныя и слишкомъ благопріятныя для поляковъ вѣсти разглашались о битвахъ подъ Мурахвой и Зеленцами.

Въ исходѣ іюня, послѣ занятія русскими Слонима и отступленія князя Понятовскаго изъ Острога, польское общество было несказанно изумлено и встревожено полученными вѣстями.

«Патріоты не могутъ надивиться, почему наше войско постоянно отступаетъ?» [1])—писали изъ Львова.

«Какую оно имѣетъ цѣль, коль скоро, не будучи слабѣе непріятеля и превосходя его храбростью и рвеніемъ и одержавъ надъ нимъ уже неоднократно побѣды, оно отступаетъ въ глубь страны, гдѣ нѣтъ достаточно хлѣба и помѣщенія для войска».

«Отступленіе нашихъ войскъ,—говорили въ Варшавѣ,—вызвано какимъ-нибудь секретнымъ приказаніемъ, внушеннымъ иноземнымъ вліяніемъ».

Въ военный совѣтъ было прислано ходившее въ Варшавѣ по рукамъ письмо слѣдующаго содержанія:

«Наше войско никоимъ образомъ не должно было отступать отъ Дубно, а тѣмъ болѣе отъ Луцка. Въ одномъ изъ писемъ, полученныхъ оттуда пишутъ, что жители Волыни только и ожидаютъ прихода русскихъ войскъ и готовы помогать имъ. Что касается магазиновъ, то если ихъ нѣтъ у нашего войска, откуда же получаютъ провіантъ русскіе, слѣдующіе по пятамъ за нашей арміей? Совершенно непонятно, какимъ образомъ могутъ голодать наши войска, отступая, тогда какъ непріятель, идя вслѣдъ за ними и которому нужно имѣть всего въ большемъ количествѣ, имѣетъ однако все необходимое».

Въ заключеніе высказывалась увѣренность, что князь Іосифъ Понятовскій слѣдуетъ совѣтамъ злонамѣренныхъ людей, которые умышленно тревожатъ, пугаютъ и обманываютъ его; ходилъ слухъ, будто подполковникъ Каменецкій, многимъ обязанный Щенсному-Потоцкому, доносилъ ему обо всемъ, что дѣлалось въ лагерѣ Понятовскаго, и давалъ зловредные совѣты главнокомандующему польскимъ войскомъ [2]).

Въ исходѣ іюня еще болѣе встревожило всѣхъ донесеніе Понятовскаго, въ которомъ онъ сообщалъ о необходимости произвести диверсію въ тылъ непріятелю, чтобы сдержать его наступательное движеніе. Это донесеніе вызвало большой переполохъ въ военномъ совѣтѣ, который убѣдился изъ него въ опасности, угрожавшей столицѣ.

23-го іюня (4-го іюля) былъ обнародованъ универсалъ короля, призывавшій народъ къ посполитому рушенію.

«Судьба отечества ввѣряется доблести народа, говорилъ король въ универсалѣ; я ввѣряю ему и свою судьбу, и готовъ раздѣлить съ нимъ всѣ случайности и умереть вмѣстѣ съ ними, чтобы не пережить гибели отечества и побѣды дерзновенныхъ людей» [3]).

Универсалъ предписывалъ собирать охотниковъ и препровождать

---

[1]) Т. Г. генералу Горженскому 19-го (30-го) іюня (Militaria, т. VII).

[2]) Wolski, стр. 213.

[3]) Militaria, т. VIII.

ихъ какъ можно скорѣе въ лагерь подъ Прагу, куда отправились 28-го іюня (9-го іюля) конюшій Кицкій и камердинеръ короля Рыксъ, чтобы пріискать для короля подходящее помѣщеніе; два дня спустя все войско, стоявшее въ Варшавѣ, собралось на дворъ королевскаго замка и въ пятомъ часу по полудни двинулось по направленію къ Пражскому мосту: вслѣдъ за войскомъ ѣхалъ король, въ сопровожденіи многочисленной свиты, окруженный полкомъ уланъ. Подъ Прагой войско соединилось съ прибывшими изъ Козеницъ кавалеріей и конной литовской гвардіей. Всего въ лагерѣ собралось до 5.000 человѣкъ.

Станиславъ-Августъ возвратился въ Варшаву. За отсутствіемъ регулярныхъ войскъ караульную службу въ столицѣ несли охотники изъ мѣстныхъ жителей и Варшава приняла воинственный видъ.

2-го (13-го) іюля Станиславъ-Августъ съ многочисленной свитой вторично выѣхалъ въ лагерь, гдѣ для него былъ сервированъ обѣдъ, а затѣмъ онъ снова возвратился въ столицу съ пѣшей и конной литовской гвардіей, частью народовой кавалеріи, уланъ и артиллеріи.

Царскія палатки были убраны въ склады, лошади, купленныя подъ королевскій багажъ, приказано было продать. Остальное войско, собранное подъ Прагою, получило приказаніе идти въ Тересполь для обороны линіи Буга.

Двукратнымъ выѣздомъ въ Прагу и обѣдомъ въ лагерѣ закончились, длившіяся два съ половиною мѣсяца, приготовленія Станислава-Августа къ личному участію въ войнѣ. Не разыгрывая болѣе героя, онъ возложилъ окончательно всѣ свои надежды на отвѣтъ русской императрицы.

Томясь въ ожиданіи этого отвѣта, онъ попытался расположить въ свою пользу Щенснаго-Потоцкаго. Съ этой цѣлью Коллонтай написалъ съ вѣдома короля письмо своему родственнику, Льву Гулевичу, которое тотъ долженъ былъ показать Щенсному; въ этомъ письмѣ Коллонтай указывалъ путь къ примиренію съ королемъ и давалъ совѣтъ прекратить военныя дѣйствія и предоставить дѣло на обсужденіе сейма. Прочитавъ это письмо, Потоцкій замѣтилъ холодно, что предложеніе запоздало.

Послѣ возвращенія короля въ Варшаву у театра появилась подъ видомъ афиши сатира на лагерь подъ Варшавою, слѣдующаго содержанія:

«Антрепренеры народной защиты будутъ имѣть честь дать публикѣ представленіе новой оригинальной комедіи, сочиненной варшавскимъ военнымъ совѣтомъ, подъ заглавіемъ: Походъ противъ комаровъ или потѣшный лагерь подъ Прагою.

Въ непродолжительномъ времени нѣмецкіе и русскіе актеры дадутъ большую трагедію, подъ заглавіемъ: Разрушеніе Польши. Въ

виду того, что казною израсходовано на постановку этой піесы около 20 милліоновъ, входъ для публики будетъ безплатный».

Въ то же время въ Варшавѣ былъ распространенъ рукописный листокъ, въ которомъ говорилось, что «съ выступленіемъ войскъ изъ Праги, число карауловъ въ замкѣ удвоено. По ночамъ возлѣ замка стоитъ пикетъ изъ шестидесяти всадниковъ...

«Эти мѣры предосторожности указываютъ на то, что король дѣйствуетъ въ тайнѣ заодно съ Москвою. Онъ приказалъ войску отступить и потому онъ не поѣхалъ въ лагерь». Листокъ читался на расхватъ [1]) и недовольство противъ короля росло.

Очутившись за Бугомъ, князь Понятовскій рѣшилъ оказать энергическое сопротивленіе дальнѣйшему наступленію русскихъ.

7-го (18-го) іюля произошло рѣшительное сраженіе при Дубенкѣ. Главная атака русской арміи была направлена противъ отряда Косціюшки, который не выдержалъ натиска русскихъ и отступилъ.

Это было послѣднее сраженіе; въ Варшавѣ увидали, что дѣло было проиграно, и что надобно хлопотать о скорѣйшемъ прекращеніи военныхъ дѣйствій.

По отправленіи королевскаго письма къ императрицѣ, Хрептовичъ часто посѣщалъ русскаго посла, повѣрялъ ему планы Станислава-Августа и совѣтовался съ нимъ. Однажды онъ заявилъ ему, что король намѣренъ созвать сеймъ, чтобы представить ему положеніе страны, на что Булгаковъ замѣтилъ, что это была бы самая неудачная изо всѣхъ мѣръ. Хрептовичъ тотчасъ согласился съ этимъ и высказалъ мысль о созывѣ Сената.

Булгаковъ отвѣчалъ, что въ случаѣ надобности можно бы прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, когда въ Варшавѣ будетъ обнародована конфедерація и когда король приступитъ къ ней. На вопросъ Хрептовича, какъ слѣдуетъ королю поступить съ военнымъ совѣтомъ, Булгаковъ высказался за необходимость обновить составъ и назвалъ кандидатовъ.

— Можетъ ли король разсчитывать на безопасность въ случаѣ вступленія русскихъ войскъ въ Варшаву?—спросилъ другой разъ вице-канцлеръ.

— Отъѣздъ короля изъ столицы будетъ сочтенъ за бѣгство,—отвѣчалъ Булгаковъ. Король нигдѣ не можетъ быть въ безопасности такъ, какъ въ Варшавѣ подъ охраною русскаго войска. Когда столица будетъ занята императорскими войсками, онъ долженъ тотчасъ приступить къ конфедераціи; признать ее въ настоящее время было бы преждевременно и могло бы угрожать ему опасностью.

Въ то время когда Хрептовичъ старался такимъ образомъ вывѣдать

---

[1]) Gazetka pisana z 17 lipca r. 1792 (Рукоп. библ. гр. Красинскихъ).

мнѣніе Булгакова, Піатоли, находившійся вмѣстѣ съ Мостовскимъ въ Дрезденѣ, завязалъ сношеніе съ Алопеусомъ, русскимъ посломъ при Берлинскомъ дворѣ.

19-го (30-го) іюня онъ писалъ ему, прося назначить ему свиданіе между Дрезденомъ и Берлиномъ или Берлиномъ и Варшавою, для тайнаго политическаго совѣщанія.

«Король Станиславъ-Августъ и его достойный министръ Хрептовичъ, писалъ Піатоли, всегда почитали васъ единственнымъ человѣкомъ, который можетъ соединить ревность къ службѣ своей монархинѣ съ искреннимъ участіемъ къ судьбамъ польскаго народа, составляющимъ основной мотивъ политической системы императрицы... Дипломатическій талантъ, соединенный съ опытностью и испытанной честностью, уваженіе, какимъ вы пользуетесь у императрицы,—все это даетъ вамъ право играть роль примирителя двухъ народовъ».

Алопеусъ немедленно сообщилъ содержаніе этого письма своему двору, и отвѣтилъ Піатоли въ высшей степени вѣжливо, не принимая однако на себя никакихъ обязательствъ.

Очевидно, шаги, сдѣланные Піатоли, находились въ тѣсной связи съ письмомъ Станислава-Августа отъ 11-го (22-го) іюня.

Тайныя сношенія короля съ представителями Петербургскаго двора и главнымъ образомъ съ Булгаковымъ не остались безъ послѣдствій.

«Булгаковъ и Луккезини говорятъ, писалъ Станиславъ-Августъ Букатому [1]), что если я выѣду изъ Варшавы, то уже мнѣ не вернуться въ нее; настало бы междуцарствіе и остальная часть страны была бы объята возстаніемъ. Булгаковъ присовокупляетъ, что если бы оказалось недостаточно одного русскаго войска, то и пруссаки вступили бы (въ Варшаву); если же я останусь въ Варшавѣ, то еще возможны переговоры».

Изъ этого видно, что въ вопросѣ о поѣздкѣ къ арміи, на чемъ особенно настаивалъ Понятовскій, король руководствовался не столько сознаніемъ своего долга, о которомъ онъ громко заявлялъ въ универсалѣ отъ 23-го іюня (4-го іюля), сколько совѣтами русскаго и даже прусскаго посла.

V.

20-го іюня (1-го іюля) Безбородко доложилъ Государственному Совѣту содержаніе депеши Булгакова, полученной изъ Варшавы одновременно съ письмомъ Станислава-Августа и рѣшеніемъ императрицы: «строго держаться правилъ, выраженныхъ въ декларації; не допускать

[1]) Письмо къ Букатому отъ 10-го (21-го) іюля Калинка, стр. 223.

къ переговорамъ маршала Потоцкаго и тѣхъ лицъ, кои, дѣйствуя изъ нерасположенія къ Россіи были творцами конституціи 3-го мая, а равно находящагося въ Петербургѣ полномочнаго посла, Деболи, ложныя донесенія котораго послужили поводомъ къ совершенію переворота».

По обсужденіи вопроса Государственный Совѣтъ высказался рѣшительно противъ заключенія перемирія, мотивируя это рѣшеніе тѣмъ, что русскія войска вступили въ Польшу только для поддержанія «здравомыслящей части польскаго народа», съ цѣлью возстановленія его правъ и вольности, поэтому къ переговорамъ возможно приступить только тогда, когда польскіе солдаты присоединятся къ конфедераціи, либо, отказавшись отъ конституціи 3-го мая, сложатъ оружіе и разойдутся по домамъ.

Согласно съ рѣшеніемъ Совѣта Кречетникову было приказано уклониться отъ всякихъ переговоровъ съ начальниками польскихъ войскъ [1]), если бы съ ихъ стороны была сдѣлана къ тому попытка.

Нѣсколько дней спустя, императрица сдѣлала на донесеніи Алопеуса, о его сношеніяхъ съ Піатоли, собственноручно слѣдующую надпись:

«Запретить надлежитъ Алопеусу, чтобъ онъ отнюдь не вошелъ съ Піатоліемъ ни въ какія связи. Сей интригантъ вездѣ суетится какъ угорѣлая кошка. Напишите скорѣе, дабы переписка и мошенничество пресѣклись наискорѣе» [2]).

Наконецъ 2-го (13-го) іюля, императрица отвѣтила на письмо Станислава-Августа.

Уклоняясь, согласно съ его желаніемъ, отъ всякихъ разсужденій о томъ, что было ближайшимъ поводомъ къ возникшимъ недоразумѣніямъ, Екатерина ставила королю на видъ, что цѣль ея—возвратить Рѣчи Посполитой ея древнюю свободу и форму правленія, ниспровергнутую переворотомъ 3-го мая, и что она будетъ добиваться этого всѣми зависящими отъ нея средствами, при этомъ она выражала надежду, что король, не дожидаясь послѣдней крайности «немедленнымъ приступленіемъ къ конфедераціи», составленной подъ ея покровительствомъ, поставитъ ее въ состояніе, согласно съ ея искреннимъ желаніемъ, быть его «доброю сестрою, другомъ и сосѣдкою».

Булгакову было поручено изъяснить королю изустно причины, по какимъ его предложенія не могли быть приняты.

Князь Вяземскій, посланный въ Варшаву съ отвѣтнымъ письмомъ императрицы и съ инструкціей гр. Остермана Булгакову пріѣхалъ въ Варшаву рано утромъ 11-го (22-го) іюля.

---

[1]) Сборникъ, т. 47, стр. 400.

[2]) Соловьевъ, стр. 290.

Булгаковъ былъ боленъ или притворился больнымъ, чтобы не ѣхать къ королю, и пригласивъ къ себѣ около полудня вице-канцлера Хрептовича, сообщилъ ему изложенное въ инструкціи Остермана и передалъ ему письмо императрицы.

Отъ Булгакова Хрептовичъ отправился къ князю примасу, чтобы посовѣтоваться о томъ, какъ приготовить короля къ сообщеніямъ, полученнымъ изъ Петербурга. По совѣщаніи съ примасомъ, онъ передалъ Станиславу-Августу письмо Екатерины и сообщилъ ему все слышанное отъ Булгакова.

Прочитавъ письмо и выслушавъ Хрептовича, король пришелъ въ совершенное отчаяніе. Въ первый моментъ онъ просилъ вице-канцлера отправиться къ Булгакову и просить его послать въ Петербургъ курьера съ донесеніемъ, что онъ готовъ сложить корону, лишь бы конституція осталась въ цѣлости. Когда же вице-канцлеръ замѣтилъ, что, сложивъ корону, онъ не спасетъ конституціи, а себя погубитъ, то онъ приказалъ ему отправиться къ Булгакову и сказать, что король согласенъ исполнить волю императрицы, подъ условіемъ: что будетъ обезпечена цѣлость владѣній республики, что армія останется въ прежнемъ составѣ, чтобъ до прибытія конфедераціи, король сохранилъ власть надъ скарбовою и войсковою комиссіями и чтобъ были обезпечены сдѣланные республикою займы.

Выслушавъ Хрептовича, Булгаковъ отвѣчалъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ никакія условія не могутъ имѣть мѣста.

На другой день король созвалъ совѣтъ министровъ; прочитавъ письмо императрицы, онъ высказалъ свое прискорбіе по поводу того, что Петербургскій дворъ главнымъ условіемъ прекращенія кровопролитія поставилъ уничтоженіе конституціи, которая была признана всѣми европейскими державами и сулила народу прочную будущность; затѣмъ представивъ истинное положеніе Польши и невозможность продолжать войну по недостатку средствъ и опасность, угрожавшую странѣ со стороны Пруссіи, онъ просилъ присутствующихъ высказать свое мнѣніе о томъ, не слѣдуетъ ли имъ присоединиться, согласно желанію Петербургскаго двора, къ Тарговицкой конфедераціи?

Первымъ говорилъ князь примасъ: если нѣтъ возможности спасти конституцію,—сказалъ онъ,—то надобно спасти страну, надобно пожертвовать конституціей благу отечества и приступить къ конфедераціи. Его поддержали маршалъ Мнишекъ, канцлеръ Малаховскій, Коллонтай, Хрептовичъ, Тышкевичъ и нѣкоторые другіе. Всего восемь голосовъ противъ четырехъ высказалось за приступленіе къ конфедераціи, но противъ этого энергично протестовали: Потоцкій, Солтыкъ, Островскій и маршалъ Малаховскій. Потоцкій требовалъ, чтобы король сталъ во главѣ войска и своимъ примѣромъ воодушевилъ народъ

къ оборонѣ. Если онъ не хочетъ ѣхать въ лагерь,—говорилъ Потоцкій, то пусть лучше откажется отъ престола и уѣдетъ изъ Польши, нежели приступать къ конфедераціи. Видя, что его совѣтъ не произвелъ на Станислава-Августа никакого впечатлѣнія, онъ сказалъ наконецъ холодно, что отвѣтственность за принятое рѣшеніе падетъ на короля.

Послѣднимъ говорилъ маршалъ Малаховскій, онъ былъ противъ прекращенія войны. «Въ случаѣ крайности»,—сказалъ онъ,—«надобно начать переговоры по крайней мѣрѣ прямо съ Петербургскимъ дворомъ, а не съ измѣнниками».

Когда Малаховскій замолкъ, нѣкоторое время царствовало молчаніе. Наконецъ король заявилъ, что, желая прекратить войну и спасти страну отъ окончательнаго разоренія, а быть можетъ и отъ втораго раздѣла, и не имѣя надежды спасти «дорогую для него конституцію», онъ присоединяется къ рѣшенію большинства.

На другой день Станиславъ-Августъ подписалъ актъ присоединенія къ конституціи, составленный въ русскомъ посольствѣ, и послалъ его Булгакову, поручивъ Хрептовичу передать ему на словахъ, что онъ готовъ во всемъ подчиниться требованіямъ императрицы.

Покорясь волѣ Екатерины, Станиславъ-Августъ полагалъ, что ему дозволятъ стать во главѣ конфедераціи, что онъ будетъ ея душою въ предѣлахъ, дозволенныхъ Россіей. Дѣлая видъ, что онъ подчиняется только волѣ императрицы, а не бунтовщиковъ, король не увѣдомилъ даже Щенснаго-Потоцкаго, какъ главу конфедератовъ, о своемъ рѣшеніи, забывая, что, согласно съ закономъ и обычаемъ, маршалу генеральной коронной конфедераціи принадлежала роль диктатора; онъ написалъ ему только частное письмо, въ которомъ приглашалъ его «работать совмѣстно для блага отечества».

Вѣсть о приступленіи короля къ конфедераціи разнеслась въ Варшавѣ въ тотъ моментъ, когда жители, подъ вліяніемъ полученныхъ съ театра войны неблагопріятныхъ извѣстій, были охвачены необычайнымъ патріотическимъ воодушевленіемъ: въ столицѣ Польши сформировывались новые полки, тысячи охотниковъ съѣхались изъ воеводствъ и наполнили казармы и предмѣстья Варшавы; цѣлыя воеводства были готовы двинуться по первому призыву на защиту Варшавы.

По словамъ очевидцевъ, готовность народа спасти отечество отъ угрожавшей опасности выражалась съ невиданной дотолѣ энергіей многочисленными пожертвованіями, о коихъ нельзя было читать въ «Народовой газетѣ» безъ слезъ умиленія.

Подъемъ духа былъ необычайный. Поэтому неудивительно, что рѣшеніе короля не только взволновало всѣхъ, но и вызвало взрывъ всеобщаго негодованія.

Въ публичныхъ мѣстахъ народъ отзывался о королѣ съ презрѣніемъ и угрожалъ отомстить тѣмъ, кто совѣтовалъ ему присоединиться къ бунтовщикамъ.

Въ ночь съ 13-го (24-го) на 14-е (25-е) іюля въ Варшавѣ произошли уличныя безпорядки.

Князь Казиміръ Сапѣга, на совѣтѣ министровъ обѣщавшій дѣйствовать по примѣру короля, измѣнилъ свое мнѣніе и сталъ говорить, что онъ ни за что не присоединится къ конфедераціи и даже уѣдетъ изъ Польши. Вечеромъ 13-го (24-го) іюля народъ сдѣлалъ ему въ Саксонскомъ саду овацію. Князь, который былъ навеселѣ,—онъ возвращался съ ужина,—всѣхъ благодарилъ и далъ народу слово не имѣть ничего общаго съ конфедераціей. Его громкій голосъ привлекъ до тысячи человѣкъ слушателей. Его благодарили и кричали: «да здравствуетъ Сапѣга!» По данному знаку толпа подхватила его на руки и двинулась на Краковское предмѣстье для выраженія благодарности маршалу Малаховскому; не заставъ его дома, они отправились на Новый Свѣтъ къ воеводѣ Равскому, гдѣ Сапѣга проводилъ вечеръ. Сдѣлавъ овацію Малаховскому, толпа стала кричать: «идемъ къ маршалу Потоцкому». Около полторы тысячи человѣкъ продефилировало съ громкими криками передъ домомъ литовскаго маршала, и такъ какъ его не оказалось дома, то вызвали на дворъ его дочь, панну Христину, и просили ее передать отъ имени всѣхъ благодарность ея отцу. Наконецъ, толпа, все еще неся на рукахъ Сапѣгу, двинулась ко дворцу канцлера Малаховскаго. Его бранили самыми послѣдними словами и побили ему въ окнахъ стекла.

Страхъ обуялъ всѣхъ тѣхъ, кои высказались на совѣтѣ министровъ за принятіе конфедераціи. Коллонтай, напуганный поведеніемъ толпы, уѣхалъ изъ столицы во второмъ часу ночи съ 13-го (24-го) на 14-е (25-е) іюля.

Король сидѣлъ во дворцѣ и никуда не показывался.

Маршалы сейма Малаховскій и Сапѣга внесли въ земскія варшавскія книги свой протестъ противъ Тарговицкой конфедераціи и также уѣхали изъ Варшавы, какъ и многія другія лица, не сочувствовавшія конфедераціи. Изъ Варшавы уѣзжало такъ много лицъ, что трудно было достать лошадей.

Подъ впечатлѣніемъ этого бѣгства и ожидаемаго вступленія русскихъ войскъ, варшавяне волновались, и король, для ихъ успокоенія, послалъ президенту города, Закревскому, письмо, въ коемъ ручался, что императорскія войска не причинятъ никому зла.

Слухъ о присоединеніи короля къ конфедераціи дошелъ до лагеря Понятовскаго до прибытія курьера съ этимъ извѣстіемъ. Офицеры, взволнованные этимъ слухомъ, тотчасъ отправились къ князю, чтобы

удостовѣриться въ справедливости этого слуха. Большинство изъ нихъ были хмуры, многіе пришли въ совершенное отчаяніе.

Князь поспѣшилъ донести королю о впечатлѣніи, произведенномъ на армію.

«Здѣсь ходятъ слухи, — писалъ онъ Станиславу-Августу 14-го (25-го) іюля, — распускаемые, вѣроятно недоброжелателями вашего императорскаго величества, будто вы вступили въ переговоры съ измѣнниками отечества... Подобное униженіе было бы нашей могилою.

«Таковы чувства арміи, коихъ я имѣю честь быть выразителемъ».

Съ этимъ донесеніемъ были посланы въ Варшаву генералъ Вільгорскій и бригадиръ Мокроновскій, уполномоченные говорить съ королемъ отъ имени «всего до тѣхъ поръ преданнаго и вѣрнаго королю воинства».

Получивъ оффиціальное извѣщеніе о присоединеніи короля къ конфедераціи, князь Понятовскій въ тотъ же день препроводилъ генералу Каховскому письмо Булгакова о прекращеніи военныхъ дѣйствій; тѣмъ не менѣе на другой день, утромъ, когда князю донесли съ передовыхъ постовъ, что «къ нимъ подступаютъ казаки и перестрѣливаются съ его форпостами», онъ приказалъ атаковать ихъ. Казаки отступили, но за ними открылась линія стрѣлковъ, гусаръ и артиллеріи отряда генерала Моркова, которому еще не было извѣстно о перемиріи. Понятовскій послалъ къ нему парламентера заявить, что онъ не будетъ атаковать ихъ, но «намѣренъ защищаться».

Оба отряда остались на своихъ мѣстахъ.

Нѣсколько часовъ спустя, Понятовскій, объѣзжая аванпосты, встрѣтился въ полѣ съ Каховскимъ. Оба генерала, отдавъ другъ другу съ величайшей вѣжливостью честь, сошли съ лошадей и стали совѣщаться о томъ, какимъ образомъ устроить переправу на другой берегъ Вислы.

Было рѣшено, что польское войско останется на лѣвомъ берегу Вислы, подъ Козеницами.

Исполнивъ приказаніе короля, Понятовскій счелъ однако долгомъ выразить ему свое глубокое огорченіе по поводу принятаго имъ рѣшенія, и между дядей и племянникомъ завязалась полная драматизма переписка. Между Варшавою и лагеремъ Понятовскаго скакало ежедневно по два гонца.

Умоляя князя и ввѣренное ему войско не противиться тому, что онъ требовалъ отъ нихъ, Станиславъ-Августъ писалъ племяннику: «Крайне необходимо, чтобы мое приказаніе было исполнено безпрекословно. Иначе я лишусь довѣрія императрицы, что повлечетъ за собою бѣдствіе и гибель всей страны». «Я не переживу того, если ты отступишься отъ меня»,—присовокуплялъ онъ въ крайнемъ отчаяніи;

возлѣ этихъ словъ стояла приписка: «не забудь, что прежде всего необходимо уплатить твои и мои долги!» [1]).

Взволнованные и раздраженные офицеры предлагали князю принять неограниченную власть надъ войскомъ; одна патріотка подала ему мысль вызвать короля въ лагерь и принудить его продолжать войну, но у Понятовскаго не хватило мужества исполнить этотъ совѣтъ.

Онъ старался успокоить волненіе офицеровъ, но рѣшилъ подать вмѣстѣ съ ними въ отставку, о чемъ онъ и донесъ королю 19-го (30-го) іюля.

Къ этому донесенію были приложены прошенія объ отставкѣ двадцати офицеровъ, въ томъ числѣ Ѳаддея Косцюшки; всѣ они мотивировали свою просьбу нежеланіемъ быть клятвопреступниками, признавъ Тарговицкую конфедерацію, и имѣть что-либо общее съ Щенснымъ-Потоцкимъ, Браницкимъ и Ржевусскимъ.

Король просилъ князя Понятовскаго хотя повременить съ этимъ рѣшеніемъ, но, получивъ отвѣтъ, что рѣшеніе офицеровъ «твердо и непоколебимо», онъ вызвалъ въ Варшаву Косцюшку.

«Король просилъ, убѣждалъ меня»,—писалъ Косцюшко Чарторыйскому [2]),—«наконецъ прислалъ ко мнѣ одну близкую къ нему особу, которая уговаривала меня не покидать короля и не настаивать на отставкѣ, я говорилъ все время въ одномъ и томъ же духѣ, опровергалъ всѣ его доводы, такъ что онъ иногда затруднялся возражать мнѣ; наконецъ я сказалъ ему со слезами на глазахъ: «мы заслужили уваженіе, сражаясь за страну, за правительство и за ваше королевское величество, и никогда не поступимъ вопреки нашему убѣжденію и тому, что повелѣваетъ намъ честь»; увлекшись, Косцюшко назвалъ конфедератовъ людьми «безчестными и измѣнниками», на что король отвѣчалъ: «на нихъ падетъ вѣчный позоръ!»

Присоединеніе Станислава-Августа къ конфедераціи было такою же неожиданностью для самихъ конфедератовъ, какъ и для Варшавы и для арміи, это разстраивало ихъ планы.

Гетманъ Браницкій, узнавъ объ этомъ въ Люблинѣ отъ Ожаровскаго, писалъ Щенсному-Потоцкому:

«Дѣло идетъ быстрымъ темпомъ и приняло совершенно неожиданный оборотъ».

Какъ Щенсный-Потоцкій, такъ и Коссаковскій мечтали о взятіи Варшавы. Получивъ извѣстіе о выступленіи резервнаго корпуса изъ

---

[1]) Dębicki, I, 314.

[2]) Косцюшко генералу А. К. Чарторыйскому. (Lech, Tygodnik ilustrowany. Познань, 1878, стр. 154, 161).

Праги, Коссаковскій писалъ еще 7-го (18-го) іюля Кречетникову о своей готовности двинуться съ четырехтысячнымъ корпусомъ вдоль Буга, обойти польское войско, переправиться чрезъ Вислу и вступить въ Варшаву. Потоцкій, со своей стороны, мечталъ о тріумфальномъ вступленіи въ Варшаву во главѣ сконфедерованнаго войска; выполненіе этой мечты было связано съ побѣдами Каховскаго.

И вдругъ, благодаря присоединенію короля къ конфедераціи, брать Варшаву оказывалось ненужнымъ. Выработанный втайнѣ планъ сверженія Станислава-Августа съ престола также оказался не нужнымъ.

Щенсный былъ недоволенъ добровольнымъ присоединеніемъ короля къ конфедераціи еще по другой причинѣ: заявивъ о томъ, что онъ подчиняется волѣ Россіи, а не конфедераціи, король тѣмъ самымъ умалялъ ея значеніе и власть и доказалъ, что онъ не считаетъ ее самостоятельной властью, а только оружіемъ въ рукахъ Петербургскаго кабинета.

Содержаніе писемъ, розосланныхъ Станиславомъ-Августомъ къ обывателямъ, показалось Потоцкому оскорбительнымъ, такъ какъ король говорилъ въ нихъ, что онъ присоединяется къ конфедераціи только вслѣдствіе недостатка денежныхъ средствъ и изъ желанія спасти хотя нѣкоторыя постановленія конституціоннаго сейма, и потому еще, что онъ не разсчитываетъ на помощь сосѣднихъ державъ.

Неудовольствіе свое Потоцкій излилъ въ отвѣтномъ письмѣ королю, которое было написано въ крайне оскорбительномъ и надменномъ тонѣ; Щенсный припоминалъ королю, какъ онъ предостерегалъ его хранить договоръ, по которому онъ сдѣлался королемъ, но «голосъ мой, писалъ онъ, былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». «Ваше величество отвратили уши свои отъ моихъ здравыхъ совѣтовъ и послушались льстецовъ, которые чуть не довели Рѣчь Посполитую до погибели.....

«Насъ устрашаетъ ваше писаніе къ обывателямъ; вы жалѣете объ утратѣ конституціи, говорите, что только потому перестаете защищаться, что у васъ нѣтъ средствъ содержать войско. Слѣдовательно, если бы у васъ были деньги, то вы бы еще не перестали лить кровь республиканцевъ ради своей монархической власти. Стало быть, не кровь братій завопіяла въ вашемъ сердцѣ, а только истощеніе казны васъ удержало; вы хотѣли бы для вашего честолюбія найти у чужихъ помощь..... Вы пишете въ тѣхъ же письмахъ, что не можете противостоять непріятелю. А кто же непріятель? Не тотъ ли, кто способствовалъ вамъ получить корону, кто васъ поддерживалъ на тронѣ... не тотъ ли, кто не позволяетъ вамъ измѣнить въ монархію Рѣчь Посполитую, желая видѣть ее уважаемою, благоустроенною и спокойною?»

Далѣе Потоцкій ставилъ королю въ вину то обстоятельство, что онъ присоединился къ конфедераціи «со всѣмъ войскомъ», на что онъ по его мнѣнію не имѣлъ права, такъ какъ войско принадлежало не ему, а Рѣчи Посполитой, и гетманъ Ржевусскій тщетно призывалъ коронную армію повиноваться конфедераціи.

Войско отвѣчало ему на приказъ, данный въ Тарговицахъ 3-го (14-го) мая:

«Люди, подобные вамъ, суть позоръ для народа и измѣнники отечества», и это войско сражалось противъ гетмановъ, находившихся въ русскомъ лагерѣ, и было вѣрно королю до послѣдней минуты.

Въ вопросѣ о войскѣ прочіе конфедераты раздѣляли взглядъ Потоцкаго.

«Я нахожу неприличнымъ заявленіе короля, что онъ присоединяется къ конфедераціи съ войскомъ»,—писалъ Браницкій Щенсному, войско и казна принадлежатъ Рѣчи Посполитой, а не королю».

Баронъ Бюлеръ, которому былъ сообщенъ, во французскомъ переводѣ, отвѣтъ Щенснаго на королевское письмо, передъ отправленіемъ его въ Варшаву, нашелъ его черезчуръ рѣзкимъ, но Потоцкій не согласился ничего измѣнить въ немъ, и этотъ отвѣтъ, вмѣстѣ съ вызвавшимъ его королевскимъ письмомъ и съ письмами Станислава-Августа къ каштеляну Морскому, Каетану Валежинскому и Михаилу Денискому, которыя были перехвачены конфедератами, были посланы въ Петербургъ.

«Ваше величество, писалъ Потоцкій Екатеринѣ, лучше меня поймете, какія намѣренія руководили королемъ, когда онъ писалъ эти письма».

Въ письмѣ къ Зубову Потоцкій оправдывалъ рѣзкій тонъ своего отвѣта тѣмъ, что, зная образъ мыслей Станислава Августа, онъ знаетъ, какъ слѣдуетъ съ нимъ дѣйствовать въ извѣстныхъ случаяхъ и увѣренъ въ дѣйствительности рѣшительныхъ мѣръ.

Онъ возмущенъ до глубины души двуличностью короля и его недостойнымъ образомъ дѣйствій. «Если, писалъ онъ въ заключеніе, я поступилъ неправильно, то прошу ваше сіятельство оправдать меня предъ государыней. Если моя откровенность принесетъ вредъ, значитъ, императрица ввѣрила занимаемое мною мѣсто неподходящему человѣку».

Свой отвѣтъ на королевское письмо Потоцкій приказалъ напечатать и распространить въ Польшѣ. Это было сдѣлано съ цѣлью возбудить ненависть противъ Станислава Августа, что онъ и высказалъ откровенно въ письмѣ къ Каховскому отъ 22-го іюля (2-го августа) изъ Дубны, говоря, что «нельзя привлечь народъ къ Москвѣ, иначе какъ только возбудивъ противъ короля ненависть поляковъ».

Пріостановка военныхъ дѣйствій и слухъ о присоединеніи короля къ конфедераціи вызвали въ первый моментъ въ литовской арміи, точно такъ же, какъ и въ коронномъ войскѣ, величайшее изумленіе и энергичный протестъ. Михаилъ Забѣлло предостерегалъ короля и писалъ ему, что по поводу этихъ слуховъ говорятъ: «спаси его Господи отъ стыда и позора!»

«Мы всѣ погибнемъ, но не сложимъ оружія, — говорилъ генералъ Горженскій; — лучше умремъ съ голода». Симонъ Забѣлло былъ также противъ перемирія и говорилъ, что войско не сдастся въ плѣнъ, хотя бы непріятель окружилъ его со всѣхъ сторонъ» [1]).

Но генеральная литовская конфедерація отнеслась къ извѣстію о присоединеніи короля къ конфедератамъ иначе, нежели Потоцкій. Узнавъ объ этомъ отъ Коссаковскаго, епископъ инфляндскій опубликовалъ немедленно «извѣщеніе», въ которомъ восхвалялъ Станислава-Августа за то, что онъ «дѣйствуетъ всегда за-одно съ народомъ» и что онъ доказалъ своимъ поступкомъ «свою всегдашнюю любовь къ нему и заботу о благѣ страны» и выражалъ надежду, что этотъ любвеобильный поступокъ короля прекратитъ существовавшую рознь и соединитъ всѣхъ узами братской любви.

Но столь благожелательное отношеніе къ королю епископа инфляндскаго мало повліяло на генерала Коссаковскаго, и Станиславу-Августу пришлось вынести отъ этого представителя конфедераціи всевозможныя оскорбленія; поведеніе его было настолько вызывающе, что король былъ даже вынужденъ прибѣгнуть къ покровительству Булгакова и благодаря заступничеству послѣдняго добился того, что Кречетниковъ, поблажавшій, какъ мы уже знаемъ, Коссаковскому во всемъ, написалъ въ Петербургъ, прося защитить короля отъ наглости нареченнаго литовскаго гетмана.

Императрица вначалѣ мирно держалась той тактики, въ духѣ которой была написана инструкція барону Бюлеру: «соблюдать по отношенію къ особѣ короля величайшую деликатность и осторожность», но когда въ Петербургѣ были получены донесенія Булгакова о дѣйствіяхъ короля и копіи съ вышеупомянутыхъ писемъ его къ обывателямъ, то по прочтеніи этихъ документовъ въ засѣданіи Государственнаго Совѣта было рѣшено: что хотя король и присоединился къ конфедераціи, но онъ совершенно не исполняетъ своихъ обязательствъ и поэтому не можетъ быть допущенъ къ участію въ дѣлахъ до тѣхъ поръ, пока въ странѣ не упрочится новый порядокъ вещей.

Результатомъ этого было, что императрица въ рескриптѣ Бюлеру

---

[1]) Korzon. wewnętrzne dzieje Polski, т. IV, II, стр. 167.

вполнѣ одобрила всѣ дѣйствія конфедератовъ, а слѣдовательно и отвѣтъ Щенснаго на письмо короля, и косвенно поведеніе Коссаковскаго.

«Вы сообщите г. маршалу главной конфедераціи и главнымъ членамъ генералитета,—писала Екатерина Бюлеру 3-го (14-го) августа 1792 г. [1]),—что я очень довольна ихъ поведеніемъ—благоразумнымъ, твердымъ и согласнымъ какъ съ обстоятельствами, такъ и съ моими намѣреніями» [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, подтверждая Булгакову свою непремѣнную волю, чтобы польскія войска находились подъ властью гетмановъ, преданныхъ Россіи, коронные подъ начальствомъ графа Браницкаго и Ржевскаго, а литовскіе—подъ начальствомъ Коссаковскаго, императрица писала своему посланнику, что королю въ виду его двуличности нельзя довѣрять, и ссылалась въ доказательство на сдѣланное имъ и дошедшее до нея случайно росписаніе польскимъ войскамъ, изъ котораго было видно, что начальство надъ ними тщательно было сохранено за тѣми лицами, которыя выказали противъ Россіи «наиболѣе злобы и непріязни» [3]).

Въ половинѣ августа, русскимъ войскамъ стоявшимъ подъ Прагою, было приказано идти однимъ обратно въ Литву, другимъ — за Бугъ, только генералу Коссаковскому было разрѣшено, въ интересахъ конфедераціи, остаться въ Варшавѣ. Передъ выступленіемъ корпуса, 1-го (12-го) августа Коссаковскій далъ роскошный обѣдъ по случаю рожденія дочери у наслѣдника россійскаго престола.

Нѣсколько дней спустя подошелъ къ Варшавѣ со своимъ войскомъ Каховскій; при вступленіи его въ лагерь, въ числѣ знатнѣйшихъ особъ, съѣхавшихся полюбоваться зрѣлищемъ, находился инкогнито самъ король польскій [4]). На слѣдующій день Каховскій обѣдалъ у русскаго посла. 8-го (19-го) августа онъ отправился въ замокъ, въ каретѣ, запряженной восьмеркою лошадей, и былъ представленъ Булгаковымъ королю.

«Въ Варшавѣ и во всей Польшѣ,—писалъ онъ,—царствуетъ до сихъ поръ спокойствіе, и нѣтъ основанія опасаться какихъ-либо безпорядковъ».

Дѣйствительно, въ Варшавѣ, стиснутой, какъ въ клещахъ, со всѣхъ сторонъ русскими войсками, царствовало спокойствіе, къ тому же самыя горячія головы выѣхали изъ города, жители боялись подвергнуться суровой карѣ со стороны побѣдителей; ходилъ слухъ о намѣреніи рус-

---

[1]) Сборникъ, т. 47, стр. 444.
[2]) Тамъ же, стр. 444.
[3]) Тамъ же, стр. 232.
[4]) Сборникъ, т. 47, стр. 450.

скихъ наложить на Варшаву три милліона контрибуціи [1]). Цѣны на всѣ съѣстные продукты возросли до невѣроятныхъ размѣровъ, такъ какъ русскіе задерживали по пути возы, ѣхавшіе въ Варшаву съ припасами.

При такихъ обстоятельствахъ варшавяне едва осмѣливались выражать свое сочувствіе тѣмъ, кои честно служили народному дѣлу.

Въ провинціи сначала не хотѣли вѣрить тому, что король присоединился къ конфедераціи. Въ Вильнѣ разбрасывали на улицахъ копіи съ письма, написаннаго, какъ говорили, инфляндскимъ посломъ Тренбицкимъ, въ которомъ онъ убѣждалъ жителей не вѣрить этому слуху, распущенному торговичанами съ цѣлью привлечь обывателей къ конфедераціи. Когда же вѣсть эта подтвердилась, то жители были глубоко изумлены и взволнованы; многіе никакъ не могли помириться съ этой мыслію.

Только нѣкоторые оптимисты говорили, что этотъ поступокъ есть со стороны короля актъ большой политической мудрости, и мечтали, что конституція удержится, что наслѣдникомъ предстола будетъ объявленъ вел. кн. Константинъ Павловичъ, и что Польшѣ будутъ возвращены отобранныя у нея провинціи; они вѣрили даже слуху, что король польскій будетъ командовать не только польскимъ, но и русскимъ войскомъ.

Эмигранты, удалившіеся въ Галицію, читали съ удивленіемъ письма Станислава-Августа къ обывателямъ, въ коихъ онъ изъяснялъ причины, побудившія его присоединиться къ конфедераціи. Многіе изъ нихъ, измученные скитаніемъ, немедленно отправились по домамъ, готовые подчиниться «одержавшей верхъ партіи». Нѣкоторые колебались и обращались къ королю письменно за совѣтомъ, что имъ дѣлать?

Успокаивая ихъ и давая имъ совѣты, король писалъ, что «при томъ положеніи, въ какомъ находится отечество, единственнымъ разумнымъ шагомъ представляется присоединиться къ конфедераціи для того, чтобы прекратить кровопролитіе и обезпечить спокойствіе государства».

Но давать совѣты и успокаивать было недостаточно, надобно было спасать тѣхъ, которые взялись за оружіе и принимали дѣятельное участіе въ войнѣ. Мясковскій, предводительствовавшій вооруженными силами въ Познанскомъ воеводствѣ, не зналъ, что дѣлать съ охотниками, коихъ у него было подъ командою болѣе 200 человѣкъ. Въ такомъ же затрудненіи находился Стадницкій въ Калишскомъ воеводствѣ. Когда генералъ Горженскій приказалъ имъ распустить охотниковъ по домамъ, то они воспротивились этому, говоря, что «это могло вызвать безпорядки въ краѣ». Сами охотники не хотѣли возвращаться по домамъ;

---

[1]) Письмо изъ Варшавы отъ 7-го (18-го) августа. (Рукоп. Карп., т. I, стр. 254).

они требовали уплаты жалованья и зачисленія ихъ въ мѣстное войско. Многіе во все время пребыванія въ войскѣ не получили ни гроша и просили пособіе, чтобы возвратиться къ семьямъ.

Вавржецкій совѣтовалъ употребить на этотъ предметъ деньги, пожертвованныя на оборону Польши, и самъ предназначилъ для этой цѣли серебро, пожертвованное имъ въ началѣ войны и препровожденное въ военную коммиссію. Трудно было исполнить совѣтъ браславскаго посла, такъ какъ значительная часть денегъ, пожертвованныхъ обывателями на нужды военнаго времени, была уже израсходована, и жертвователи частью потребовали ихъ обратно, какъ только военныя дѣйствія были прекращены.

Маршалъ Малаховскій, уѣзжая изъ Варшавы, первый взялъ изъ военной коммиссіи деньги, внесенныя имъ на надобности Рѣчи Посполитой. Его примѣру послѣдовали прочіе.

Положеніе короля было по истинѣ трагично, тѣмъ болѣе, что отъ него отдалились люди, на которыхъ онъ могъ положиться и коихъ помощь никогда не была ему такъ необходима, какъ теперь. Князь Іосифъ Понятовскій, Косціюшко, Віельгорскій, Мокроновскій, Михаилъ Забѣлло и многіе другіе вышли въ отставку.

Супруга генерала Горженскаго неотступно просила короля уволить ея мужа, котораго Станиславъ-Августъ всѣми силами удерживалъ, такъ какъ онъ не могъ обойтись безъ его совѣта при рѣшеніи многочисленныхъ и сложныхъ военныхъ вопросовъ.

Ничто не рисуетъ такъ ярко жалкаго положенія Станислава-Августа, какъ его письмо къ генеральшѣ Горженской, въ которомъ онъ умолялъ ее не отнимать у него ея мужа, не «наносить его наболѣвшему сердцу этой новой раны», ибо его отсутствіе въ такой моментъ, когда его совѣты и опытность были необходимы, могло принести большой ущербъ дѣлу. «Самый злѣйшій мой врагъ не могъ бы нанести мнѣ болѣе сильнаго удара»,—писалъ онъ,—тѣмъ болѣе, что «выходъ генерала въ отставку въ такой моментъ могъ подать недовольнымъ поводъ къ злословію и нападкамъ на него». «Во имя любви вашей къ мужу,—писалъ король въ заключеніе,—умоляю васъ не отрывайте его отъ меня, въ особенности теперь».

Потерявъ надежду придти къ соглашенію со Щенснымъ-Потоцкимъ, онъ хотѣлъ заручиться по крайней мѣрѣ содѣйствіемъ всемогущаго, въ литовской конфедераціи, епископа инфляндскаго и звалъ его въ Варшаву, но епископъ отвѣчалъ отказомъ, ссылаясь на то, что его присутствіе было необходимо въ Литвѣ, чтобы противодѣйствовать злонамѣреннымъ людямъ, кои вздумали бы волновать умы.

Видя, что конфедераты сторонятся отъ него, король приходилъ въ отчаяніе, тѣмъ болѣе, что указанія, которыя онъ получилъ отъ Булгакова,

свидѣтельствовали, что Петербургскій дворъ не думалъ измѣнять своей политики. Королю дано было, между прочимъ, понять, чтобы онъ не распоряжался вакантными мѣстами до созыва сейма и чтобы во время сейма онъ пребывалъ въ бездѣйствіи и ни во что не вмѣшивался.

По отношенію къ нему не соблюдали уже никакой деликатности даже въ оффиціальныхъ сношеніяхъ. Въ одинъ прекрасный день секретарь вице-канцлера Остермана явился къ польскому посланнику въ Петербургѣ Деболи и сообщилъ ему требованіе министра, чтобы онъ выѣхалъ какъ можно скорѣе изъ Петербурга, ибо, «толкуя невѣрно намѣренія императрицы относительно Польши, онъ не можетъ долѣе быть представителемъ Рѣчи Посполитой при Русскомъ дворѣ».

Подобныя же заявленія были сдѣланы одновременно въ Митавѣ коммиссару Рѣчи Посполитой при Курляндскомъ дворѣ, Батовскому. Послѣднему угрожали даже прибѣгнуть къ вооруженной силѣ, если онъ не подчинится немедленно приказанію и не выѣдетъ изъ Курляндіи.

И Деболи и Батовскому не позволили даже и прочитать этихъ письменныхъ приказаній и не выдали имъ съ нихъ копій. Деболи терпѣли въ Петербургѣ во время войны, но по окончаніи ея спѣшили отдѣлаться отъ него. Батовскаго выгнали изъ страны, которая была подвластна Рѣчи Посполитой. Представителямъ Рѣчи Посполитой выдали паспорта въ мирное время, не попросивъ короля отозвать ихъ, игнорируя правила, общепринятыя въ международныхъ отношеніяхъ.

Таковы были обстоятельства, заставившія наконецъ короля отрезвиться и отказаться отъ тѣхъ надеждъ и мечтаній, какія онъ питалъ, приступая къ конфедераціи.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Редакторъ-издатель С. Зыковъ.

приложимо было къ этомъ значеніи къ этой передовой стражѣ Украйны. Вмѣстѣ съ воинственностью и выносливостью эта порубежная жизнь развивала личность, чувство свободы.

Съ упадкомъ государственной жизни на Поднѣпровьѣ въ серединѣ XIII в., населеніе этихъ пограничныхъ съ степью пространствъ было еще болѣе предоставлено себѣ, а жизнь подъ татарскою протекціею не отличалась спокойствіемъ, особенно въ періодъ разложенія Орды. Страшные періодическіе набѣги татаръ Крымской орды Менгли-Гирея, съ 1482 г. обрушившіеся на украинскія земли и затѣмъ, въ нѣсколько ослабленныхъ формахъ продолжавшіеся почти все XVI столѣтіе, смели съ лица земли всю осѣдлую колонизацію этой полосы Поднѣпровья. Единственными осѣдлыми поселеніями были городки, снабженные замками, небольшими гарнизонами и артиллеріею—Кіевъ, Каневъ, Черкасы, Житомиръ, Браславъ—на правой сторонѣ Днѣпра; Остеръ—на лѣвой. Подъ стѣнами этихъ укрѣпленій ютилось все населеніе этихъ обширныхъ пространствъ; жило оно подъ постояннымъ страхомъ татарскихъ набѣговъ, на военномъ положеніи; мѣщане и крестьяне этихъ пограничныхъ мѣстностей обязаны были имѣть коней и принимать участіе въ походахъ и погонѣ за татарами. Но природныя богатства этихъ дѣвственныхъ странъ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра манили населеніе далеко отъ замковъ, на такъ называемые „уходы"—рыболовные, охотничьи, къ бортямъ и пасѣкамъ, гдѣ они проживали подолгу, соединяясь въ вооруженныя партіи. Оборона въ этихъ степяхъ, сосѣднихъ съ кочевьями татаръ, незамѣтно переходила въ нападенія на такихъ же промышленниковъ противной, татарской стороны, въ степныя мелкія войны, въ „луплены татарскихъ чабановъ", какъ онѣ технически назывались. Это подвижное, кочевое, закаленное въ невзгодахъ военно-промышленное населеніе и составило основу казачества.

Первыя извѣстія о казакахъ, гдѣ можно видѣть казаковъ украинскихъ, относятся къ 1470 г. Вполнѣ ясныя документальныя указанія на казаковъ Кіевской территоріи носятъ даты 1492 и 1499 гг. Это тюркское слово, прилагавшееся также и къ татарамъ и означавшее бродягу-воина, только столѣтіе позже пріобрѣло значеніе оффиціальнаго, принятаго имени для извѣстной группы населенія, сословія. Первоначально оно означало занятіе, родъ жизни, не сословіе, не классъ людей. Сначала—это люди, занимающіеся „казачествомъ", ходящіе въ „казаки", а не казацкое сословіе. Для большинства такое „хожденіе въ казаки" не было постояннымъ занятіемъ—этимъ занимались временами, особенно смолоду, чтобы потомъ перейти къ другимъ, болѣе спокойнымъ занятіямъ. Оффиціально оно означало хозяйственные промыслы въ „дикихъ поляхъ", неоффиціально—удалые походы на татаръ, „луплены чабановъ", пущонъ и всякихъ проѣзжихъ, и въ этомъ двойномъ характерѣ выступаетъ имя казаковъ уже въ первыхъ извѣстіяхъ—1492 и 1499 гг.

Среди этихъ степныхъ авантюристовъ встрѣчались люди разныхъ общественныхъ классовъ и національностей. Встрѣчаются люди съ именами восточными—очевидно, разные забулдыги изъ татаръ же, разные „москвитины", „литвины", „ляхи". Молодые люди шляхетскихъ фамилій,—когда казачество пріобрѣло себѣ громкую военную славу,—принимали участіе въ казацкихъ походахъ, въ этой очаровывавшей своими опасностями и удальствомъ жизни; въ первыхъ казацкихъ движеніяхъ встрѣчаемъ участниками и предводителями людей изъ мѣстныхъ, украинскихъ шляхетскихъ фамилій. Но инородные элементы были лишь сравнительно незначительною примѣсью, а люди изъ высшихъ общественныхъ классовъ—временными гостями; главный и наиболѣе постоянный контингентъ „казаковавшихъ" давало пограничное украинское крестьянство и мѣщанство,—наиболѣе закаленное и выносливое на страшную нужду и неудобства, неразлучно связанныя съ этимъ занятіемъ.

О современномъ состояніи украинства проф. Грушевскій замѣчаетъ: интеллигентные классы и городская буржуазія на Украйнѣ и теперь еще находятся подъ полнымъ вліяніемъ великорусской культуры. Украинскій театръ является почти единственнымъ проявленіемъ ея, и его широкая и устойчивая популярность (несмотря на бѣдность репертуара), живое сочувствіе къ нему въ этихъ интеллигентныхъ и буржуазныхъ сферахъ является весьма краснорѣчивымъ симптомомъ. Украинская книжка пользуется весьма значительнымъ спросомъ, хотя все еще является полузапретнымъ плодомъ. „Кобзарь" Шевченка и сочиненія Котляревскаго разошлись въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Допущенная цензурою въ 1898 году хрестоматія избранныхъ украинскихъ писателей разошлась въ нѣсколько мѣсяцевъ, несмотря на довольно высокую цѣну.

Въ заключеніе авторъ говоритъ: „широкое и всестороннее развитіе украинской народности является вопросомъ только времени, быть можетъ—очень недалекаго времени".

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1905 г.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1904 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ",

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна **2** р., съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель С. Зыковъ.

Slav 25110

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVI-й. ФЕВРАЛЬ. 1905 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Записки П. И. Глѣбова . 241—282

II. Іоаннъ Грозный и Россія шестнадцатаго вѣка. В. В. Тихощукъ. . . . . 283—308

III. По дѣлу о Петрашевскомъ 309—334

IV. Тарговицкая конфедерація. В. В. Тихощукъ. 335—361

V. Бытовые очерки В. П. Лободовскаго. . . . . 362—386

VI. Записки стараго актера. П. Р. . . . . 387—413

VII. Борьба съ эпидеміями въ до-петровской Руси. М. Лахтина. . . . . 414—427

VIII. Копія вѣрительной грамоты, данной императрицею Екатериною II 18 апрѣля 1782 г. князю Дмитрію Голицыну и Аркадію Моркову. Сообщ. В. Щегловъ. 428—432

IX. Свиданіе двухъ императоровъ въ Черновцахъ въ 1823 году. П. Вигель-Панчулидзева. . . . 433—446

X. Н. Г. Чернышевскій. Н. В. Рейнгардта. . . . . 447—476

XI. Библіографич. листокъ. (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Двѣ гравюры дома, гдѣ жилъ императоръ Александръ I во время пребыванія въ Черновцахъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1905 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

1905.

II-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го февраля 1905 года.

Библіографическій листокъ.

Уткинскій Сборникъ. I. Письма В. А. Жуковскаго, М. А. Мойеръ и Е. А. Протасовой. Съ 4 портретами. Подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. Изданіе М. В. Беэръ. Москва. 1904. Цѣна 2 руб.

Напечатанныя въ I-мъ выпускѣ сборника письма принадлежатъ М. В. Беэръ, урожденной Елагиной, и составляютъ часть семейнаго архива, хранящагося въ с. Уткинѣ, Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губ.

По близкимъ родственнымъ отношеніямъ*) владѣльцевъ Уткина къ семьямъ Протасовыхъ, Мойеръ, Кирѣевскихъ и Елагиныхъ, Уткинскій архивъ содержитъ не мало матеріаловъ, имѣющихъ значительную цѣну для исторіи русской литературы и просвѣщенія въ первой половинѣ XIX столѣтія. Кромѣ семейной переписки Жуковскаго, Протасовыхъ, Зонтагъ и Елагиныхъ, въ немъ находится большое количество писемъ братьевъ Кирѣевскихъ, декабриста Г. С. Батенькова и цѣлаго ряда московскихъ дѣятелей 40-хъ и 50-хъ годовъ славянофильскаго направленія: Чижова, Кошелева, кн. Черкасскаго, А. Н. Попова, Э. Мамонова, В. А. и Н. А. Елагиныхъ.

Въ разсматриваемомъ нами выпускѣ помѣщены: 1) всѣ неизданныя (или извѣстныя лишь отчасти) письма Жуковскаго, 2) письма М. А. Протасовой-Мойеръ и 3) нѣсколько писемъ Е. А. Протасовой.

Эти матеріалы прежде всего дополняютъ тѣ отрывки писемъ, которые въ разное время появились въ біографическихъ трудахъ о В. А. Жуковскомъ Плетнева и Зейдлица; но въ нихъ содержится также много новыхъ данныхъ объ исторіи любви Жуковскаго, о нѣкоторыхъ чертахъ его характера, о его душевномъ состояніи въ первые годы петербургской жизни. Кромѣ того, письма эти служатъ основаніемъ для нѣкоторыхъ поправокъ въ хронологіи произведеній Жуковскаго и даютъ не мало интересныхъ свѣдѣній о литературной жизни Москвы въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Наконецъ, публикуемая переписка даетъ обильный матеріалъ для характеристики нѣсколькихъ близкихъ къ Жуковскому лицъ—А. О. Воейкова, А. П. Кирѣевской-Елагиной, М. А. Мойеръ и Ек. Ав. Протасовой.

Личность Екатерины Аѳанасьевны Протасовой и роль ея въ жизни В. А. Жуковскаго были до сихъ поръ извѣстны всего болѣе изъ отзывовъ самого Жуковскаго, писанныхъ въ тяжелое время борьбы и страданій и поэтому не всегда объективныхъ. При чтеніи писемъ Екатерины Аѳан. смягчается тотъ образъ сухой и безсердечной матери, упорно жертвующей счастьемъ самыхъ близкихъ людей въ угоду своимъ закоренѣлымъ предразсудкамъ, который очерченъ въ отзывахъ поэта, и передъ нами выступаетъ человѣкъ, горячо любящій и свою Машу, и Жуковскаго, глубоко и искренно страдающій самъ отъ ихъ горя, но не имѣющій выхода, такъ какъ вѣра и нравственный долгъ запрещаютъ ему согласиться на то, что въ глазахъ другихъ составляетъ желанное счастье. Екатерина Ав. имѣла не мало недостатковъ, иногда дѣлавшихъ для ея близкихъ жизнь съ нею нелегкою (о чемъ свидѣтельствуетъ нѣжно любящая ее Марья Андреевна), но собственно въ своемъ твердомъ отказѣ на бракъ Жуковскаго она была вполнѣ искренна и руководилась исключительно требованіями своей совѣсти.

Гораздо болѣе важное значеніе имѣютъ письма Маріи Андреевны; изъ нихъ впервые выясняется опредѣленными очертаніями образъ этой дѣйствительно рѣдкой русской женщины. Всѣ отзывы о ней ставятъ ее очень высоко, но они даютъ обыкновенно лишь общія похвалы, не рисуя живаго человѣка. Единственный матеріалъ, позволяющій нѣсколько заглянуть въ ея душу, составляютъ ея письма 1815 и 1816 гг. къ Жуковскому, напечатанныя въ нашемъ журналѣ *), но и они даютъ возможность судить только о нѣкоторыхъ сторонахъ ея личности.

Печатаемое въ настоящемъ Сборникѣ большое собраніе ея писемъ къ В. А. Жуковскому и къ интимной подругѣ дѣтства, А. П. Елагиной, широко раскрываетъ передъ нами эту богатую душевными силами личность, давая вмѣстѣ съ тѣмъ очень интересную страницу изъ исторіи развитія русской женщины.

Самый языкъ этихъ писемъ, непринужденно и ярко отражая на себѣ индивидуальность писавшей, имѣетъ большія достоинства, и многія письма, независимо отъ содержанія, читаются съ интересомъ живаго литературнаго произведенія, тѣмъ болѣе, что эта барышня, воспитанная на иностранномъ чтеніи, мало могла имѣть помощи въ русской литературной рѣчи первой четверти XIX вѣка: она не дожила до крупныхъ вещей Пушкина, Гоголь и Лермонтовъ для нея не существовали. Она, конечно, многому научилась отъ Жуковскаго, но легко замѣтить, что даже въ передачѣ наиболѣе свойственныхъ поэзіи Жуковскаго темъ ея изложеніе оригинально, своеобразно и нерѣдко ясне и проще, чѣмъ у ея учителя. Родившись въ среднемъ кругѣ провинціальнаго дворянства и воспитанная въ скромной и замкнутой семейной обстановкѣ, безъ учителей и гувернантокъ, Марья

*) Мать М. В. Беэръ, Е. И. Мойеръ, единственная дочь М. А. Протасовой, была замужемъ за В. А. Елагинымъ, старшимъ сыномъ Авд. Петр. Кирѣевской отъ втораго брака.

*) „Русская Старина" за 1883 г.

Записки Порфирія Николаевича Глѣбова[1]).

11-го іюля.

Непонятно, почему это главнокомандующій не отдаетъ въ приказахъ о геройскихъ событіяхъ, совершающихся почти ежедневно подъ твердынями Севастополя; между тѣмъ какъ графъ Сакенъ, !остававшійся на время только главнокомандующимъ въ концѣ минувшаго года, всегда дѣлалъ извѣстнымъ по арміи о малѣйшихъ стычкахъ и вылазкахъ изъ Севастополя, отдавая громкую и справедливую хвалу героямъ, подвизающимся при оборонѣ этой твердыни. Теперь же никто въ арміи не знаетъ положительно — что дѣлается подъ Севастополемъ; между тѣмъ какъ каждый изъ насъ, разумѣется, только и думаетъ о томъ, какой оборотъ принимаютъ дѣла подъ Малаховымъ Курганомъ. Отрядъ нашъ стоитъ отъ Севастополя всего въ 50 верстахъ, и у насъ всегда явственно слышны выстрѣлы, когда разыгрывается тамъ канонада, а, между тѣмъ, никто изъ насъ не знаетъ положительно, что тамъ дѣлается. Живемъ только слухами, иногда живыми, но почти всегда преувеличенными, которые ходятъ по отряду Богъ знаетъ изъ какихъ источниковъ; большею же частью развозятъ слухи офицеры или чиновники, случайно или по службѣ пріѣзжающіе къ намъ изъ Симферополя. Самъ корпусный командиръ, повидимому,

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1905 г.

прямыхъ и положительныхъ свѣдѣній о дѣлахъ Севастопольскихъ не имѣетъ. Неизвѣстность эта тяготитъ и безъ того черезчуръ уже тягостное положеніе наше — среди степей, со всѣхъ сторонъ открытыхъ, и ничѣмъ не защищенныхъ отъ знойныхъ лучей самаго палящаго солнца.

Изъ носящихся разнообразныхъ слуховъ у насъ о Севастополѣ можно съ нѣкоторою достовѣрностью заключить токмо то, что, въ настоящее время, всѣ усилія какъ непріятеля, такъ и наши, сосредоточены на Камчатскомъ редутѣ: французы усиливаются укрѣпить и вооружить его, а мы стараемся въ этомъ имъ препятствовать. Положеніе Камчатскаго редута, воздвигнутаго въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ редута Корниловскаго, между 2 и 3 бастіонами, важно въ томъ отношеніи, что если непріятель успѣетъ укрѣпиться въ немъ, то можетъ изъ него обстрѣливать Южную бухту, подобно тому — какъ изъ редутовъ Волынскаго и Селенгинскаго — удобно обстрѣливать Севастопольскій рейдъ или Большую бухту, раздѣляющую Сѣверную сторону Севастополя отъ Южной. Но, кажется, до сихъ поръ эти послѣдніе два редута никѣмъ не заняты; въ одномъ только Камчатскомъ усиливаются французы укрѣпиться.

Разсказывали также, что будто одинъ офицеръ, приведенный въ отчаяніе траншейною службою, и не предвидя конца ей, взлѣзъ на крону бруствера, легъ на ней воронкой вверхъ, и поднявъ обѣ ноги на воздухъ, закричалъ: „валяй на полный пенсіонъ!“ — Анекдотъ этотъ, вѣроятно, придуманъ для французскихъ карикатуръ на русскихъ офицеровъ.—Но вотъ другой разсказъ о силѣ характера нашего солдата. Его принесли раненаго на перевязочный пунктъ, но когда хирургъ, предъ начатіемъ операціи, хотѣлъ его хлороформировать, то онъ не соглашался на это, а между тѣмъ, когда операція началась, сталъ стонать и кричать. Хирургъ замѣтилъ ему, что зачѣмъ онъ не принялъ хлороформа, когда не можетъ переносить боли отъ операціи, а теперь кричать не слѣдуетъ. Солдатъ замолкъ, закусилъ губы и во все производство трудной операціи, которая продолжалась довольно долго, лежалъ нѣмъ, какъ рыба. Но какъ только операція кончилась, и больнаго стали уже снимать со стола, какъ онъ, повидимому, опомнился и спросилъ у доктора: „А теперь, ваше благородіе, кричать можно?“ — Кричи себѣ на здоровье, сколько хочешь, — отвѣтилъ медикъ, засмѣявшись. И солдатъ, получивъ такое разрѣшеніе, сталъ кричать и ругать всѣхъ медиковъ, сколько было у него силъ, пока, наконецъ, не уняли его служителя госпитальные. Увѣряютъ, что будто это случилось съ самимъ Пироговымъ, за время бытности его подъ Севастополемъ; теперь же онъ, какъ извѣстно изъ газетъ, давно уже въ Петербургѣ.

12-го іюля.

Можно ли оправдать — въ научномъ отношеніи, бомбардированіе Севастополя, произведенное союзниками въ октябрѣ минувшаго и въ мартѣ настоящаго года? — По-моему — нѣтъ. Въ наукѣ опредѣлены именно тѣ случаи, въ какихъ бомбардированіе крѣпости бываетъ полезно, а именно: когда крѣпость, хотя сильно укрѣпленная, но имѣетъ большое, въ особенности богатое населеніе, пользующееся всѣми удобствами жизни, и когда, при томъ, гарнизонъ не довольно многочисленъ, чтобы держать въ повиновеніи жителей, и нравственный духъ въ немъ ослабъ.—Севастополь, какъ извѣстно, не представляетъ ни одного изъ помянутыхъ условій. Населеніе въ немъ не богатое, а главное,—никогда не было избаловано удобствами жизни. Преимущественно состояло оно изъ семействъ моряковъ, солдатскихъ женъ и ребятишекъ, которые не только не устрашились снарядовъ непріятельскихъ, но даже хороводомъ плясали вокругъ шипѣвшей бомбы, припѣвая: „бомба идетъ, бомба идетъ, кого-то хватитъ, кого-то хватитъ!“ И когда бомбу разрывало, и одинъ изъ черепковъ задѣвалъ кого-нибудь,—мальчишки съ хохотомъ разбѣгались въ стороны, крича во все горло: „Митьку хватило, Митьку хватило!“—Такое населеніе не напугаешь бомбардированіемъ. Да при томъ оно и не было заперто въ крѣпости; всякій, кто хотѣлъ, могъ изъ нея уѣхать. Даже начальство наше, въ послѣднее время, должно было прибѣгнуть къ понудительнымъ мѣрамъ, чтобы заставить женъ матросовъ и торговокъ оставить Севастополь: такъ имъ трудно было разстаться съ роднымъ имъ городомъ, не взирая на то, что многія изъ нихъ лишились въ немъ послѣдняго своего достоянія. Относительно численности гарнизона, то она едва-ли не превышаетъ численность осаждающихъ, включая, разумѣется, — въ число гарнизона — войска, расположенныя на Сѣверной сторонѣ. О нравственномъ духѣ и говорить нечего: онъ никогда не ослабнетъ въ русскомъ воинѣ, когда онъ дерется за Вѣру, Царя и Отечество.

14-го іюля.

Вчера у драгунъ былъ пиръ горой. Дивизіонеры угощали кн. Радзивилла. Пьянство было страшное. Отъ 2-хъ до 9-ти часовъ попойка не прекращалась ни на минуту. Разумѣется, во все время пѣсельники не переставали орать Ѳ е н ю. Вообще, эти оргіи въ высшей степени грубыя и матеріальныя; только что пьютъ да орутъ нецензурныя пѣсни. Но ниодного проблеска ума или чувства не услышишь отъ этихъ собутыльниковъ, погрязшихъ въ самый грубый матеріализмъ съ ногъ до головы. Впрочемъ, бѣды тутъ большой нѣтъ, если только наши драгуны также стойки будутъ передъ не-

пріятелемъ, какъ стойки и крѣпки они съ бутылкой въ рукахъ, а не то, пожалуй, оправдаютъ они извѣстную пѣснь.

Dragons pour boire
On dit que Vous avez le nom,
Mais pour la gloire —
On dit que non.

Вечеромъ, когда оргія была въ самомъ разгарѣ, явились на сцену Охроменковъ и Самбурскій, а съ ними и незнакомый мнѣ артиллерійскій офицеръ—Кузенъ. Первые два пріѣхали нарочно изъ Симферополя, чтобы повидаться со мной. Я тотчасъ же представилъ ихъ всѣхъ князю и хозяевамъ. Отъ Кузена узналъ я, что командиръ 23-й батареи Опочининъ боленъ безъ надежды на выздоровленіе и черезъ нѣсколько дней долженъ умереть. Боже сохрани, если меня назначатъ командующимъ этой батареи, а кажется это такъ случится: по крайней мѣрѣ, дня 3 тому назадъ — Лосьевъ говорилъ мнѣ, что корпусный командиръ очень желаетъ, чтобы я принялъ 23-ю батарею въ командованіе. Отказаться отъ такого назначенія мнѣ невозможно, но я предчувствую, что оно въ концѣ концовъ разстроитъ мое здоровье. Впрочемъ, что будетъ, то будетъ, а то будетъ, что Богъ дастъ. Теперь особенно никто не долженъ помышлять о себѣ и своихъ выгодахъ.

Вчера и сегодня небо заволокло тучами, и благодатный дождичекъ по временамъ орошаетъ землю, а съ нею—весь отрядъ нашъ. Особенно для лошадей, которыя вотъ уже мѣсяцъ какъ пекутся, бѣдныя, подъ лучами знойнаго солнца,—освѣжительный дождичекъ—настоящая благодать Божья. Да и люди какъ будто ожили, а то буквально дышать было трудно,—такъ душенъ и зноенъ былъ воздухъ.

Вчера какой-то джентльменъ, верхомъ на кровной лошади и въ сопровожденіи 2-хъ уланъ и одного татарина, прогуливался по косѣ, ведущей изъ Эупаторіи къ нашему передовому эскадрону. Онъ осматривалъ мѣстность съ большимъ вниманіемъ и слѣдилъ за движеніями татарина, который руками указывалъ то въ одну сторону, то въ другую. И сколько этихъ татаръ-мерзавцевъ передалось къ непріятелю; черезъ нихъ союзники знакомятся съ краемъ, а быть можетъ, съ расположеніемъ войскъ нашихъ въ Крыму, не взирая на то, что приняты всѣ мѣры къ удаленію татаръ подалѣе отъ берега морскаго, —единственная мѣстность, которой пока можетъ владѣть непріятель. Что же касается до джентльмена, то должно полагать, что онъ— или просто туристъ, причалившій на своей яхтѣ къ Эупаторіи, чтобы полюбоваться расположеніемъ передовой кавалерійской цѣпи нашей, окружающей Эупаторію со всѣхъ сторонъ, или же какой-нибудь офицеръ генеральнаго штаба, выѣхавшій для обозрѣванія мѣстности.

16-го іюля.

Вчера, 15-го, полковой командиръ давалъ обѣдъ Радзивиллу. Какъ и надо было ожидать, зная Моравскаго,—обѣдъ былъ мизерный и до того діэтный, что, вѣроятно, всѣ, вставши со стола, были голодны. Но за то хозяинъ украсилъ свой обѣдъ прекраснымъ тостомъ: „За здоровье братьевъ нашихъ, подвизающихся подъ Севастополемъ, и дай Богъ намъ когда-нибудь послужить Царю и Отечеству, какъ они теперь служатъ".

Дѣйствительно, настоящая служба героевъ-севастопольцевъ безпримѣрная—по тѣмъ ужасамъ и лишеніямъ всякаго рода, которымъ они подвергаются, стоя на бастіонахъ, буквально засыпаемые днемъ и ночью ядрами, гранатами, бомбами, картечью, штуцерными пулями и ракетами. Нѣтъ мѣста, въ которомъ можно было бы укрыться отъ выстрѣловъ непріятельскихъ. Въ блиндажахъ скопляется всегда народу такъ много, что, особенно въ жаркіе дни, нѣтъ возможности пробыть тамъ и $^1/_2$ часа. Смрадъ, вонь, духота и къ довершенію слои блохъ, вшей и мухъ. При томъ и блиндажи не предохраняютъ отъ бомбъ; онѣ пробиваютъ ихъ и среди столпившейся кучи народа разрываются. Да и на самыхъ бастіонахъ, на открытомъ воздухѣ—вонь невыносимая отъ отхожихъ мѣстъ и отъ тлѣнія труповъ, во рвахъ и вблизи ихъ погребенныхъ. Пѣхота еще смѣняется, но артиллеристы смѣны не знаютъ: они стоятъ у своихъ орудій, пока ихъ не ранятъ или не убьютъ. Отъ одного грохота отъ выстрѣловъ у всѣхъ почти головы болятъ такъ, какъ будто бы они страдали тифомъ. Правда, берутся всевозможныя мѣры, чтобы хоть сколько-нибудь предохранить артиллеристовъ и пѣхоту отъ выстрѣловъ непріятельскихъ, но вѣдь эти мѣры оказываются недѣйствительными. Такъ, напримѣръ, по угламъ бастіоновъ разставлены вахтенные, которые предупреждаютъ о полетѣ бомбъ, крича во все горло: „бомба армейская!" Это значитъ, что снарядъ направленъ въ траншеи; или „бомба морская", когда она летитъ къ морякамъ. Но какъ только бомба летитъ на бастіонъ,—вахтенный кричитъ: „бомба наша!" И при этомъ предупрежденіи люди стараются укрыться отъ разрыва снаряда, кто въ блиндажахъ, кто за брустверомъ, кто прислониться къ внутренней сторонѣ бруствера. Но какъ большею частью случается, что не одна бомба летитъ на бастіонъ, а нѣсколько, одна за другой, и какъ вахтенный станетъ кричать: „бомба наша!", „бомба наша!", „бомба наша!" (3 раза), то люди, завидѣвъ нѣсколько бомбъ надъ собой, готовыхъ разорваться или въ воздухѣ, или на разныхъ мѣстахъ бастіона, начинаютъ суетиться, теряются, бѣгаютъ какъ угорѣлые, съ одного мѣста на другое, и часто, убѣгая отъ смерти, сами на-

скакиваютъ на нее. И такая тревога продолжается не день и не два, а недѣли и мѣсяцы. И сколько надо, не говорю уже о силѣ воли, но здоровья желѣзнаго, чтобы перенести такое адское существованіе! А вылазки, а штурмы, а ежеминутная готовность встрѣтить врага штыками лицомъ къ лицу! Нѣтъ дня, нѣтъ минуты, въ которую артиллеристъ могъ бы отойти отъ своего орудія, или пѣхотинецъ бросить ружье, въ увѣренности, что въ эту минуту колонна непріятельская не ринется на батарею. Не мудрено, послѣ этого, что многіе изъ героевъ-богатырей севастопольскихъ желаютъ и ищутъ смерти, какъ какой-нибудь благодати, не предвидя выхода изъ страшнаго положенія.

Какъ трудно передъ войной указать людей, которые во время войны сдѣлаются героями. Напр., кто бы могъ предвидѣть, что Хрулевъ, этотъ человѣкъ неуклюжій, грубый и по многимъ нравственнымъ отношеніямъ не важный, сдѣлается героемъ и пріобрѣтетъ себѣ въ короткое время извѣстность не только народную, но и европейскую.

Другая мысль грустная. Какъ много въ мирное время начальниковъ, такъ сказать, ретивыхъ, и какъ мало ихъ во время войны! Два, три и обочтешься. Сойдетъ одинъ съ поприща, и некѣмъ замѣнить его. Нѣсколько недѣль тому назадъ Тотлебенъ получилъ рану пулею въ икру навылетъ, но, къ счастью, могъ и раненый наблюдать за работами. Теперь же, какъ говорятъ, отъ жаровъ рана разболѣлась, и онъ уже не въ силахъ руководить своихъ саперовъ. Если это правда, то кѣмъ изъ 250 тысячъ арміи—замѣнить одного Тотлебена? И графъ Сакенъ по болѣзни оставилъ Севастополь и переѣхалъ въ главную квартиру на высоты Инкерманскія и кѣмъ замѣнятъ этого доблестнаго и распорядительнаго военачальника? Рѣшительно некѣмъ, развѣ Липранди. Говорятъ также, будто и Хрулевъ едва ходитъ на ногахъ, давно уже страдаетъ онъ пораженіемъ печени. Если и этотъ, чего Боже сохрани, сойдетъ съ поприща, то гарнизонъ Севастопольскій совсѣмъ останется безъ предводителей, разумѣется, такихъ, на которыхъ общественное мнѣніе могло бы остановиться съ довѣріемъ.

17-го іюля.

Дни бѣгутъ за днями, и ничто не оживляетъ нашего существованія, — въ высшей степени скучнаго, монотоннаго и безсмысленнаго. Каждый день по вечерамъ — толпа идіотовъ собирается у Моравскаго, потолкуетъ немного о драгунской службѣ, о дороговизнѣ фуража, сыграетъ пульку, другую въ эралашъ и потомъ также безсмысленно расходится, какъ безсмысленно сошлась. Ни въ одномъ не замѣтилъ я проявленія живаго участія къ важнымъ

событіямъ, совершающимся среди насъ и около насъ; какъ будто Россія и не несетъ на себѣ тяжкаго креста, поднятаго ею во имя вѣры Православной. А если ненарокомъ и случится кому-либо заговорить о настоящихъ событіяхъ, то услышишь такія нелѣпости, на которыя и отвѣчать стыдно. Неудивительно послѣ этого, что пуще всего — въ нашемъ безотрадномъ положеніи томитъ меня неизвѣстность о томъ, что дѣлается въ Европѣ, въ Россіи, даже въ Крыму, въ двухъ шагахъ, такъ сказать, отъ насъ. Нѣтъ сомнѣній, что въ самомъ отдаленномъ концѣ Россіи, всякій болѣе знаетъ о событіяхъ Севастопольскихъ, чѣмъ мы, удаленные отъ Севастополя всего на 50 верстъ. Журналы, если и доходятъ до насъ, то не ранѣе, какъ черезъ мѣсяцъ. Такъ, напр.: „Петербургскія Вѣдомости“ отъ 7-го іюня могъ пробѣжать я только 17-го іюня. Досадно, а нечего дѣлать! Надо, выходитъ, мнѣ испить чашу всевозможныхъ испытаній до самаго дна.

Таковъ ужъ мой удѣлъ!

Въ послѣдніе дни непріятельскій флотъ что-то сильно зашевелился на морѣ. Не проходитъ дня, чтобы нѣсколько кораблей не пришло къ Эвпаторіи, и такое же число не вышло изъ ея бухты по направленію къ Севастополю. Между прочимъ, вчера—явственно видно было, какъ 7 кораблей, въ томъ числѣ 3-трехдечные, подходили къ Эвпаторіи. Не затѣваютъ ли наши благопріятели какого-либо рѣшительнаго предпріятія съ этой стороны? Дай-то Богъ! По крайней мѣрѣ, оживится чѣмъ-нибудь наше томительное положеніе. А мы готовы встрѣтить врага грудью вездѣ: пойдетъ ли онъ на Перекопъ, или потянется на Симферополь. Полки наши расположены такъ, что въ одни сутки могутъ собраться на указанномъ пунктѣ въ значительныхъ массахъ. Въ этомъ случаѣ, какъ мнѣ кажется, главною нашей цѣлью должно быть—отрѣзать ихъ отъ моря, если только не потянутся они къ самому берегу.

19-я и 20-я батареи отдѣлились отъ своей Уланской дивизіи и пошли въ Каменецъ-Подольскую губ. на присоединеніе къ кирасирской дивизіи, состоящей въ составѣ средней арміи. На мѣсто ихъ пришли изъ-подъ Севастополя донскія казачьи батареи. Передвиженіе это внезапное и неожиданное—даетъ поводъ къ предположенію, не загоралось ли что-нибудь на нашихъ западныхъ границахъ. Если оно такъ, то *противъ* нѣмцевъ, *или вмѣстѣ съ ними* станемъ воевать мы? Послѣднее предположеніе можетъ имѣть самое отрадное вліяніе на военныя событія въ Крыму. Сколько я понимаю—Германія въ прошедшемъ году вооружалась не противъ Россіи, но единственно противъ покойнаго нашего императора, грозная личность котораго въ особенности пугала австрійцевъ. Но при нынѣ царствующемъ императорѣ, нѣмцамъ за будущее пугаться нечего, тѣмъ болѣе, что, на

послѣднихъ Вѣнскихъ конференціяхъ, Россія не на однихъ словахъ, но на самомъ дѣлѣ, торжественно передъ цѣлой Европой обнаружила искреннее желаніе свое на окончаніе дѣйствій военныхъ. Поэтому, при настоящемъ положеніи дѣлъ, когда императоръ грозный сошелъ уже въ могилу, нѣмцы скорѣй должны ожидать надъ собой грозы съ запада, чѣмъ отъ насъ, особенно видя,—въ какой степени—по ту сторону Рейна разыгрывается furia Francesca, это памятное—какъ для итальянцевъ, такъ и для нѣмцевъ чудовище. Во всякомъ случаѣ, не вѣрится мнѣ, чтобы Германія поднялась на Россію, и скорѣе предположить, если война загорится на западѣ,—мы будемъ воевать вмѣстѣ съ нѣмцами, но не противъ нихъ.

Между разными слухами достовѣрное о Севастополѣ только то, что 14-го числа, въ четвертокъ, около 2 часовъ по полудни, произведена была нашими охотниками вылазка изъ 2-го баталіона. Молодцы наши удачно вскочили въ близъ тянувшіяся около бастіона непріятельскія траншеи, многихъ перекололи, другіе бѣжали; работы же траншейныя всѣ разорили. Къ сожалѣнію, удачный исходъ вылазки обошелся и намъ не даромъ: около 300 человѣкъ выбыло изъ строя. Въ этотъ день, 14-го числа, у насъ явственно была слышна учащенная канонада по направленію къ Севастополю.

18-го іюля.

Сегодня, 18-го іюля, полученъ приказъ начальника артиллеріи отъ 7-го іюля о прикомандированіи меня къ штабу начальника артиллеріи Южной арміи и войскъ въ Крыму. Итакъ, настоящая моя боевая служба начинается; черезъ 2 или 3 дня, я буду уже въ Севастополѣ. Не знаю, что готовитъ мнѣ судьба въ будущемъ; но увѣренъ въ самомъ себѣ, что исполню всякую обязанность, которую на меня возложатъ, честно и безукоризненно. И если я такъ охотно обрекаю себя на всѣ труды, лишенія и опасности, то единственно для моего сына, чтобы службою моей доставить ему, столь милому моему сердцу—и почетъ, и безбѣдное существованіе.

Колобовъ ведетъ себя со мною настояще по-братски. Онъ болѣе хлопочетъ объ удовлетвореніи моихъ нуждъ, чѣмъ я самъ. Спасибо ему, и дай Богъ, чтобъ я поставленъ былъ въ такое положеніе, чтобы я могъ когда-нибудь отблагодарить его не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ.

Говорятъ, въ народѣ ходитъ преданіе, будто бы кто выѣдетъ со двора въ дождь и ненастье, тотъ возвратится домой благополучно. Если вѣритъ этому преданію, я счастливо кончу Крымскую кампанію. Въ Кременчугъ выѣхалъ я въ самое ненастное время, а изъ Эвпаторійскаго ряда въ Главную квартиру — въ такую погоду скверную,

дождливую и холодную, какая, вѣроятно, среди лѣта въ Крыму рѣдко бываетъ. Дороги испортились, и по горамъ лошадки мои совсѣмъ прибились. Сегодня прибылъ я въ Главную квартиру. Къ сожалѣнію, Крыжановскаго не засталъ, а потому до сихъ поръ не знаю, какое получу назначеніе. Явился къ Сержпутовскому, но онъ сказалъ мнѣ только то, что надо воротить потерянное. Это я и безъ него знаю. Дежурный генералъ Ушаковъ меня не принялъ. Къ начальнику штаба—Коцебу являлся при проходѣ его черезъ корридоръ. Видно, что онъ озабоченъ и не обратилъ на меня вниманія. Въ этомъ же корридорѣ подошелъ ко мнѣ самъ главнокомандующій, спросилъ, откуда прибылъ, зачѣмъ,—какой батареей командовалъ прежде, потомъ, сказавъ скороговоркой: „прошу обѣдать“, скрылся.

Остановился я у А. А. Маркова въ палаткѣ, въ ожиданіи пріѣзда Крыжановскаго, котораго ждутъ сюда или сегодня вечеромъ, или завтра.

Кромѣ Маркова въ Главной квартирѣ я никого не знаю. Тоскливое чувство овладѣло мною. Лошади — безъ корма стоятъ въ полѣ, привязанныя къ бричкѣ. Люди безъ пріюта. Самъ я едва нашелъ себѣ помѣщеніе въ углу палатки. Что будетъ далѣе — не знаю. Но пока больно не хорошо!

Вечеромъ осматривалъ окрестности Севастополя. При въѣздѣ съ Сѣверной стороны—влѣво отъ дороги, разбросано по отлогости горъ нѣсколько налатокъ и землянокъ, въ которыя переселились жители городскіе, а вправо отъ дороги—кладбище со свѣжими могилками, послѣднее жилище защитниковъ Севастополя. Здѣсь ужъ похоронено было 30 тысячъ народу. Много крови русской пролито за Севастополь. А. А. Марковъ показывалъ мнѣ ежедневныя донесенія объ убыли людей въ войскахъ. Изъ этихъ донесеній видно, что каждый день убываетъ у насъ изъ строя среднимъ числомъ до 300 человѣкъ.

У насъ въ Крыму войска не такъ много, какъ многіе полагаютъ. Штыковъ не болѣе 70 тысячъ, а кавалеріи 30 тысячъ.

Нахимовъ передъ смертію лежалъ все время — $1^1/_2$ сутокъ, безъ памяти, но хотя былъ и безъ сознанія, однако безпрестанно подымалъ руку къ головѣ. За нѣсколько минутъ до кончины, вдругъ пришелъ въ себя, судорожно схватился за голову и, проговоривъ слабымъ голосомъ: „Ахъ, Боже мой!“—скончался. Въ тотъ самый день, когда Нахимова ранили, одинъ изъ нашихъ солдатъ, среди дня, въ глазахъ всѣхъ войскъ, побѣжалъ изъ траншеи къ непріятелю. Вся цѣпь открыла по немъ огонь, но, къ сожалѣнію, ни одна пуля не попала въ него. Два случая въ одинъ день, весьма печальныхъ для насъ.

Французы перебѣгаютъ къ намъ ежедневно по 3, по 4 и по 6 человѣкъ; но нашихъ бѣгаетъ немного.

Сегодня, купаясь въ морѣ, любовался я стройнымъ флотомъ союзниковъ, который стоялъ неподвижно передъ рейдомъ въ одну линію, на протяженіи едва-ли не 2-хъ верстъ.—Настоящій городъ—эти сотни кораблей съ ихъ высокими мачтами.

За обѣдомъ у главнокомандующаго видѣлъ едва-ли не весь штабъ. Кромѣ адъют. обѣдали Коцебу, Ушаковъ (начальникъ 7-ой дивизіи), артиллерійскій генералъ Духонинъ и генералъ-адъютантъ Вревскій, присланный сюда изъ Петербурга, неизвѣстно зачѣмъ. Говорятъ, что онъ ежедневно бываетъ пьянъ, но манеры его самыя пріятныя, настоящія придворныя, да и наружность барская. Извѣстно, что онъ креатура К. Чернышева, бывшаго военнымъ министромъ. Я слышалъ, будто бы его прислали сюда, чтобы имѣть предлогъ удалить его изъ министерства. Оффиціальное же его порученіе—быть посредникомъ въ недоразумѣніяхъ, могущихъ встрѣтиться между министерствомъ и главнокомандующимъ по вѣдомствамъ: коммиссаріатскому и провіантскому. Порученіе довольно странное. Главнокомандующій устарѣлъ на видъ, и замѣтно, что онъ въ высшей степени озабоченъ. Никого не узнаетъ и разсѣянъ донельзя.

Скоро, скоро рѣшится моя участь, и кажется, Севастопольскихъ батарей мнѣ не миновать. Всей артиллеріей въ крѣпости завѣдуетъ Шейдеманъ. Не назначатъ ли меня къ нему въ качествѣ помощника? Завтра пріѣдетъ Крыжановскій, и отъ него я узнаю обстоятельно обо всемъ. Сержпутовскій передъ обѣдомъ у главнокомандующаго самъ подошелъ ко мнѣ, но опредѣлительнаго ничего я не могъ узнать отъ него. Замѣтно, что безъ Крыжановскаго онъ распоряженій никакихъ не дѣлаетъ.

22-го іюля.

Крыжановскій принялъ меня 22-го іюля по-товарищески. Онъ сказалъ мнѣ, что Сержпутовскій, начальникъ артиллеріи, добрѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, но уже устарѣлъ и рѣшительно не знаетъ, что у насъ дѣлается въ артиллеріи. Мысль эта его, Крыжановскаго, давно уже тревожитъ: въ случаѣ смерти или раны его, что станется съ артиллеріей? Въ штабѣ рѣшительно нѣтъ никого, кто бы могъ замѣнить его. Объ этомъ писалъ онъ въ Петербургъ и просилъ себѣ помощника, но ему отвѣчали, что въ виду никого не имѣютъ, и чтобъ онъ самъ избралъ. Тогда онъ сталъ просить о назначеніи къ нему полковника Философова, командира одной изъ гвардейскихъ батарей, но Философовъ самъ отказался. Между тѣмъ, получилъ онъ донесеніе о прибытіи моемъ въ армію, и тотчасъ же вытребовалъ меня въ качествѣ помощника начальника штаба, поручивъ мнѣ скорѣй ознакомиться съ общимъ ходомъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ

смерти или раны его дѣла не остановились. Разумѣется, такъ какъ главнѣйшее дѣло—Севастополь, то мнѣ прежде всего надо ознакомиться и съ тѣмъ, что дѣлается на батареяхъ. Сегодня же ночью (сказалъ Крыжановскій мнѣ по секрету) готовится серьезное дѣло въ Севастополѣ, и онъ намѣренъ употребить меня и въ это дѣло.

Все прекрасно, и все подаетъ мнѣ большія надежды, если не убьютъ меня, — возвратить потерянное по службѣ. На случай же смерти моей сдѣлалъ я слѣдующія распоряженія, исполненіе которыхъ возложилъ на Маркова. 1.200 р. с., запечатанные въ особомъ конвертѣ, переслать женѣ. Равно какъ переслать ей всѣ мои вещи, экипажъ, лошадей и людей,—ничего изъ вещей не продавая. Остальныя деньги, которыя найдутся на мнѣ, употребить на расходы отправленія людей по назначенію. Былъ у Н. Я. Ростовцева. Онъ уже подполковникъ генеральнаго штаба и пользуется въ Главной квартирѣ превосходной репутаціей, какъ умный, образованный и храбрый офицеръ. Онъ состоитъ при начальникѣ штаба и исполняетъ обязанности капитана вожатыхъ, т. е. всѣ лазутчики, шпіоны, перебѣжчики и другіе подобные имъ господа—состоятъ въ его вѣдѣніи. Обязанность въ военное время чрезвычайно важная: черезъ него главнокомандующій узнаетъ о томъ, что дѣлается въ непріятельской арміи. Уходя отъ него, я просилъ написать къ отцу, что признательность моя къ нему безграничная, но что самъ я писать объ этомъ ему не смѣю, что въ настоящее время я никакой просьбы къ нему не имѣю; но постараюсь только честной службой доказать, что я былъ не недостоинъ его участія и вниманія ко мнѣ.

Сержпутовскій оказываетъ мнѣ много вниманія. Утромъ рано сидѣлъ я у него часа 2, а послѣ онъ самъ зашелъ ко мнѣ и просилъ меня въ тѣ дни, когда не буду обѣдать у главнокомандующаго, чтобъ обѣдалъ у него.

За обѣдомъ у Сержпутовскаго Крыжановскій между прочимъ разсказывалъ, что когда князь Меншиковъ на Альмѣ былъ разбитъ, тогда Корниловъ прискакалъ къ нему съ вопросомъ, что дѣлать съ флотомъ. „Возьмите его въ вашу табакерку и спрячьте въ карманъ“, отвѣчалъ равнодушно князь. Корнилову послѣ этого ничего не оставалось дѣлать, какъ собрать въ Севастополѣ военный совѣтъ, объявить членамъ совѣта о пораженіи Меншикова и объ угрожающей опасности Севастополю и предложить на обсужденіе вопросъ касательно флота, что онъ и сдѣлалъ. Но, увлекшись участіемъ къ славѣ моряковъ, Корниловъ, не ожидая мнѣній другихъ, самъ предложилъ выйти съ флотомъ изъ рейда, дать отчаянную битву на морѣ союзникамъ и потомъ всѣмъ взлетѣть на воздухъ.

Разумѣется, такое предложеніе было принято съ рукоплесканіями

всѣми, за исключеніемъ капитана 2-го ранга Зорина, который отозвался, что истребленіе флота не спасетъ Севастополь и не принесетъ никакой пользы Россіи, а потому, не лучше ли будетъ потопить нѣсколько кораблей при входѣ въ рейдъ и тотчасъ же приступить къ сооруженію земляныхъ верковъ для обороны южной стороны города. — Такъ вотъ кто спасъ Севастополь въ критическую минуту. Зато и Богъ видимо хранитъ Зорина. Онъ до сихъ поръ остался невредимъ на батареяхъ изъ числа очень немногихъ, принимая участіе въ оборонѣ города съ самаго начала его осады.

Корниловъ, Истоминъ, Нахимовъ — всѣ трое похоронены рядкомъ. А сколько такихъ героевъ, которые совершили настоящіе геройскіе подвиги, а между тѣмъ, имена ихъ остались неизвѣстными и не перейдутъ въ потомство. Севастополь! Севастополь!.. чѣмъ болѣе жертвъ ты будешь стоить, тѣмъ болѣе будетъ тебя любить мать Россія!

28-го іюля, какъ слышно въ Главной квартирѣ, предполагается съ нашей стороны общая атака всѣхъ позицій непріятельскихъ. Дѣлаются уже для этого секретныя распоряженія касательно перевязочныхъ пунктовъ. Двѣ дивизіи пѣхотныя уже пришли, и приказано ускорить движеніе ополченію.

Дай-то Богъ поскорѣй выйти изъ этого томительнаго положенія, въ которое поставлена наша армія. Правда, жертвъ будетъ много, но, если только будетъ счастливый исходъ, то все поправится. Впрочемъ, быть можетъ, предположеніе и отмѣнится вовсе, или отложится на время, а легко можетъ случиться, что и самъ непріятель до 26-го числа предупредитъ насъ.

У Ростовцева видѣлъ вѣдомость о числѣ перебѣжавшихъ къ намъ непріятелей. Большая часть—французовъ. Но въ послѣдніе 3 дня стали бѣгать и сардинцы въ весьма значительномъ числѣ. Круглымъ числомъ съ ноября по настоящее время—перебѣжало къ намъ около 500 ч. Бѣгало бы ихъ и больше, особенно сардинцевъ, которые, какъ слышно, крѣпко не сочувствуютъ этой войнѣ, да присмотръ за ними зоркій и бдительный.

Не 28-го іюля, а 1-го августа предполагается атаковать съ нашей стороны непріятельскія позиціи, для чего и составлена уже диспозиція, которая, однако, до сего времени держится въ большой тайнѣ. Вчера ночью вмѣстѣ съ Крыжановскимъ разсматривали мы эту диспозицію. Предполагается двумя главными отрядами—Липранди и Реада, атаковать Сапунъ-Гору съ двухъ пунктовъ, со стороны Черной рѣчки, а именно по направленію дороги, ведущей съ Мекензіи на Каменный мостъ. Въ обоихъ отрядахъ болѣе 100 орудій. Одновременно съ атакой на Сапунъ-Гору, — графъ Сакенъ со всѣмъ своимъ гарнизономъ

сдѣлаетъ вылазку и атакуетъ непріятеля въ его траншеяхъ. Всѣмъ войскамъ быть готовымъ къ бою въ ночь съ 31-го іюля на 1-е августа въ 2 часа по полуночи. По сигнальнымъ ракетамъ, пущеннымъ въ Главной квартирѣ, всѣмъ отрядомъ одновременно начать наступленіе.

Изъ диспозиціи видно, что предполагается приступить къ самымъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Если и не успѣютъ овладѣть позиціями на Сапунъ-Горѣ, по крайней мѣрѣ можно надѣяться, что гр. Сакенъ, воспользовавшись столь сильной диверсіей со стороны праваго фланга непріятельскаго, успѣетъ отбросить осаждающія городъ войска на сколь можно дальнѣйшую дистанцію отъ нашихъ передовыхъ батарей и овладѣть тѣми пунктами, съ которыхъ непріятель наиболѣе намъ угрожаетъ.

Судить о распоряженіяхъ главнокомандующаго, не имѣя никакихъ данныхъ, не зная положительно объ укрѣпленіяхъ и силѣ позицій непріятельскихъ, было бы съ моей стороны безуміемъ. Но, соображая ходячіе въ войскахъ слухи объ укрѣпленіяхъ Сапунъ-Горы и о неприступности большей части позицій, занятыхъ непріятелемъ на горѣ, едва-ли можно ожидать полнаго успѣха отъ атаки Сапунъ-Горы отрядами Реада и Липранди; во всякомъ случаѣ, должны мы понесть большую потерю въ людяхъ. Быть можетъ, и ошибаюсь я, не зная настоящихъ предположеній главнокомандующаго, но мнѣ кажется, вѣрнѣе было бы на первый разъ ограничить наступательныя дѣйствія наши овладѣніемъ лѣваго берега Черной рѣчки и Байдарской долины, отбросивъ—дивизіи Канробера, которыя стоятъ въ одной верстѣ отъ лѣваго берега Черной рѣчки, и сардинцевъ, стоящихъ нѣсколько вправо и позади Канробера,—къ Балаклавѣ или за Сапунъ-Гору. Достигнуть этого легче, чѣмъ овладѣть Сапунъ-Горою, а между тѣмъ результаты были бы блестящіе. Во-1-хъ, мы лишили бы непріятеля водопоя, въ которомъ онъ особенно нуждается, и пастбищныхъ мѣстъ въ Байдарской долинѣ. Во-вторыхъ, обратили бы его по-прежнему въ осадное положеніе, заставивъ его стѣсниться на небольшомъ клочкѣ земли съ 100.000 арміей; наконецъ, въ 3-хъ, занятіемъ Байдарской долины и лѣваго берега Черной рѣчки могли бы въ скоромъ времени вызвать непріятеля съ его крѣпко-на-крѣпко укрѣпленныхъ позицій на бой въ открытомъ полѣ, гдѣ съ большею вѣроятностью можно было бы надѣяться нанесть ему пораженіе рѣшительное. Но повторяю, легко быть можетъ, что предположеніе мое не имѣетъ никакого основанія, тѣмъ болѣе, что я убѣжденъ въ томъ, что главнокомандующій не очертя голову рѣшился на атаку Сакунъ-Горы. Многое потому только кажется намъ неразумнымъ, что мы часто судимъ о дѣйствіяхъ, не имѣя понятія о причинахъ, побудившихъ на эти дѣйствія.

Сегодня утромъ аудиторъ явился ко мнѣ отъ Крыжановскаго съ

предложеніемъ пересмотрѣть нѣкоторыя бумаги по военно-судной части. Сказать правду, всѣ онѣ написаны безграмотно, но я не могъ рѣшиться передѣлывать ихъ, тѣмъ болѣе, что онѣ пересмотрѣны были уже самимъ Крыжановскимъ и переписаны набѣло. Сдѣлавъ токмо на нѣкоторыхъ бумагахъ отмѣтки карандашемъ, я возвратилъ ихъ аудитору и вмѣстѣ съ тѣмъ доложилъ Крыжановскому, что, если онъ хочетъ, чтобъ я наблюдалъ за исполненіемъ бумагъ по военно-судной части, то аудиторъ долженъ предварительно докладывать мнѣ бумаги вчернѣ; иначе я буду поставленъ въ непріятное положеніе передѣлывать бумаги, которыя уже просмотрѣны и, такъ сказать, одобрены другими. Разумѣется, Крыжановскій на это согласился, но такое распоряженіе не понравилось дежурному штабъ-офицеру, и господинъ этотъ, встрѣтившись со мной, выразилъ неудовольствіе свое на мое вмѣшательство по исполненію текущихъ бумагъ. Удивившись подобной выходкѣ со стороны дежурнаго штабъ-офицера, котораго я вовсе и не знаю, кротко, но серьезно я замѣтилъ ему, что онъ ошибается, если полагаетъ, будто бы я посягаю на его права, что самъ я на письменныя занятія въ штабѣ не навязываюсь, но исполняю и буду исполнять только то, что признаетъ нужнымъ поручить мнѣ начальникъ штаба. Случай этотъ открылъ мнѣ глаза и предсказываетъ много непріятностей, которыя могу я встрѣтить въ неопредѣленномъ положеніи моемъ при штабѣ начальника артиллеріи. Дѣйствительно, какую роль разыгрываю я въ настоящее время? Штабные чиновники, примѣтно, какъ будто оскорблены моимъ вмѣшательствомъ въ ихъ дѣла, а потому присутствіе мое въ штабѣ ежедневно можетъ порождать непріятныя столкновенія. Съ другой стороны, уклониться отъ исполненія порученій, которыя Крыжановскій признаетъ нужнымъ возлагать на меня, можетъ рекомендовать меня въ глазахъ его, или неспособнымъ, или, что̀ еще хуже, неисполнительнымъ. Право, не знаю что и дѣлать!

Сегодня вечеромъ, передъ купаньемъ въ морѣ, ѣздилъ я съ Марковымъ на Сѣверную сторону къ берегу Большой бухты. Весь городъ — на южной сторонѣ, и онъ виденъ какъ на ладони съ пристани, на которой мы стояли. Всѣ почти строенія уцѣлѣли, даже слободки — изъ мазанокъ остались невредимы, чему, какъ я полагаю, много способствовала мѣстность: вся часть города, обращенная къ непріятелю, опоясана большою возвышенностью, служащею строеніямъ естественнымъ прикрытіемъ отъ выстрѣловъ. Нѣкоторыя же слободки построены на внутреннихъ покатостяхъ горъ, черезъ что̀, разумѣется, прикрыты отъ прицѣльныхъ выстрѣловъ. Бастіоны и батареи наши также почти всѣ видны съ пристани въ подзорную трубу. Орудій множество. Кажется, нѣтъ мѣста, съ котораго можно дѣйствовать изъ орудія и на которомъ не стояла бы пушка или мортира. Артиллерійскій огонь не

прекращается ни днемъ, ни ночью. При насъ нѣсколько бомбъ непріятельскихъ разорвало въ воздухѣ. Съ нашей стороны орудійный огонь поддерживается чаще, чѣмъ со стороны непріятельской. Быть можетъ, у нихъ недостаетъ уже и игрушекъ. Видъ съ пристани на городъ, опоясанный грозными батареями, съ которыхъ безпрерывно раздается громъ выстрѣловъ, и надъ которымъ стелятся облака пороховаго дыма, смѣняясь одно другимъ,—неизъяснимо величественъ. Самый городъ красуется прекрасными строеніями, садами, тополями, чистыми и прямыми улицами. Безъ особаго умиленія нельзя смотрѣть на этотъ прекрасный городъ, обреченный на жертву безконечной осады и бомбардированія. Страшная, но чудная участь твоя, Севастополь! Милъ ты Россіи, какъ мило матери дитя, обреченное на страданія и болѣзни!

Возвращаясь къ пристани, обогнали мы транспортъ съ ранеными. Длинной вереницей фуры тянулись осторожно и шажкомъ по дорогѣ, и на нихъ сидѣли и лежали страдальцы раненые; большая часть изъ нихъ, повидимому, съ головными ранами. Съ уваженіемъ смотрѣлъ я на этихъ героевъ, принесшихъ себя въ жертву на защиту роднаго и милаго намъ Севастополя. И какъ подумаешь, что ежедневно такіе же огромные транспорты съ ранеными отправляются изъ Севастополя, невольно сгрустнется. Говорятъ, что французы ловко изобразили настоящее положеніе Россіи въ остроумной карикатурѣ, нарисовавъ огромнѣйшую жаровню, пылающую пламенемъ, и въ эту жаровню сначала Меншиковъ, а потомъ Горчаковъ вдвигаютъ пребольшущее бревно, которое уже на половину сгорѣло. Жаровня—Севастополь; бревно—Россія; Севастополь въ видѣ жаровни сжигаетъ Россію, обращая въ прахъ ея доблестныхъ сыновъ. Правда, дорого намъ стоитъ нашъ милый Севастополь, но рано ли, поздно ли, Россія искупитъ эти жертвы, и горе тѣмъ, которые подняли на насъ такую брань безчестную и безчеловѣчную. Впрочемъ, развѣ и теперь имъ Севастополь даромъ обходится? Какъ посчитать, такъ на повѣрку выйдетъ, что едва-ли подъ Севастополемъ не легло ихъ труповъ болѣе, чѣмъ нашихъ! А сколько, вмѣстѣ съ трупами, погребли они капиталовъ! Не даромъ Alexandre Dumas сложилъ четырехстишіе:

Dans leur gloire impériale
L'oncle et le neveu sont rivaux:
L'un prenait des capitals,
Et l'autre prend des capitaux.

24-го и 25-го іюля.

Въ Севастополѣ ничего особеннаго не случилось. Подъ вечеръ непріятель ракетами зажегъ какое-то строеніе на Южной сторонѣ, и пожаръ до сихъ поръ не потушенъ. Поэтому быть можетъ, теперь

и усилилась канонада: непріятельскія ракеты, одна за другой, летаютъ на огонь пожара. Но и нашъ орудійный огонь еще сильнѣе. Какъ хватаетъ физическихъ силъ у нашихъ артиллеристовъ для поддержанія огня на батареяхъ день и ночь? И какъ не уважать такихъ героевъ! Вотъ служба настоящая Царю и Отечеству! Доблестные воины! Имена всѣхъ васъ, по всей справедливости, должны перейти въ исторію на удивленіе отдаленнаго потомства. Положеніе мое въ Главной квартирѣ то же, какое было и въ день пріѣзда. Рѣшительно не могу отгадать, какіе виды имѣетъ на меня Крыжановскій и какое предполагаетъ въ будущемъ дать мнѣ назначеніе. Неизвѣстность такая тяготитъ меня какъ нельзя болѣе. Но нечего дѣлать: надо терпѣть и ждать у моря погоды.

Накуралесила вчера въ Севастополѣ непріятельская ракета. Она ударилась въ передокъ, подъ которымъ спало трое канониpовъ, разбила передокъ въ щепки, а канонирамъ переломила кости; потомъ рикошетомъ взлетѣла вновь на воздухъ, захвативъ съ собой одного изъ канониpовъ и забросивъ его на крышу каземата, въ 7-ми или 8-ми саженяхъ вышины отъ земли. Если бы не разсказывалъ мнѣ про этотъ казусъ самъ начальникъ артиллеріи, ѣздившій на Южную сторону для обслѣдованія столь невѣроятнаго случая,—я не повѣрилъ бы никому. Удивительный снарядъ эти ракеты; при разрывѣ онѣ образуютъ воронку,—въ діаметрѣ болѣе воронки 5 пудовой бомбы; летятъ на 7 и болѣе верстъ съ довольно вѣрнымъ направленіемъ; разрядной снарядъ въ 19 фунтовъ и порохъ превосходный,—рѣдкую не разрываетъ.—Снарядъ этотъ еще не вполнѣ усовершенствованъ, но какъ только усовершенствуется, то относительно другихъ снарядовъ и орудій всевозможныхъ калибровъ сыграетъ такую же штуку, какую сыграли штуцера съ нашими обыкновенными ружьями.

Замѣтно, что приготовленія къ 1-му августа не останавливаются. Главнокомандующій и начальникъ его штаба безпрестанно обозрѣваютъ мѣстность по направленію къ Черной рѣчкѣ. Крыжановскій ѣздилъ сегодня также осматривать дороги для движенія артиллеріи.

Главнокомандующій дотого сосредоточенъ въ себѣ самомъ и дотого озабоченъ, что онъ не только не видитъ ничего, что дѣлается вокругъ его, но даже и не помнитъ многаго. Вообще, какъ я полагаю, рѣдко изъ начальника штаба, который уходилъ себя канцелярскою работою, можетъ выйти хорошій главнокомандующій. Вотъ одна черта, которая довольно вѣрно характеризуетъ князя, отрѣшившагося, такъ сказать, отъ всего, что не входитъ въ составъ его канцеляріи. За обѣдомъ никогда у него не подавали и не подаютъ салатъ, и онъ такъ къ этому привыкъ, что, вѣроятно, и забылъ о немъ. Между тѣмъ, когда обѣдалъ у него великій князь въ Кишиневѣ, поданъ былъ салатъ

къ столу, и онъ кушалъ его съ большимъ аппетитомъ. На другой день опять не стало салата, и князь замѣтилъ объ этомъ своему метръ-д'отелю, но на третій день, когда салата не подали, онъ уже молчалъ и потомъ совсѣмъ забылъ о немъ. Теперь надо, чтобъ опять какой-нибудь почтенный гость напомнилъ ему, что въ мірѣ существуетъ салатъ, а не то, навѣрное, самъ онъ никогда объ этомъ не вспомнитъ.

27-го іюля.

Вчера на Малаховомъ Курганѣ, бомба разорвала на куски одну сестру милосердія, которая жила постоянно на бастіонахъ, для поданія помощи раненымъ, нѣсколько мѣсяцевъ; миръ праху твоему, благороднѣйшая и самоотверженнѣйшая женщина.

Сегодня, утромъ рано, по порученію Крыжановскаго, ѣздилъ я въ Сѣверное укрѣпленіе для наблюденія за исправленіемъ ружей, готовящихся для ополченцевъ. Въ укрѣпленіи познакомился съ ген. Тетеревниковымъ. Онъ командуетъ всѣми войсками этого укрѣпленія. Сколько я могу заключать по первому знакомству, это человѣкъ весьма образованный и энергическій. Тамъ же, совсѣмъ нечаянно встрѣтился я и съ саперами, моими кіевскими знакомцами: Ползиковымъ и Матвѣевымъ. Первый такой же молодецъ, какимъ былъ и прежде, но Матвѣевъ больно постарѣлъ и пріунылъ. Сколько одному служебная фортуна благопріятствуетъ, столько другаго преслѣдуетъ: Ползиковъ за Севастополь получилъ Владиміра съ бантомъ, Георгія, чинъ полковника, баталіонъ и, въ довершеніе, самый лестный рескриптъ отъ его высочества Николая Николаевича. Въ рескриптѣ этомъ великій Князь называетъ Ползикова: „мой любезный Ползиковъ", припоминаетъ ему, какъ они, въ дѣтствѣ, упражнялись гимнастикою, и какъ тогда еще Ползиковъ крѣпко умѣлъ стоять на головѣ верхъ ногами. „Теперь"—заключаетъ его высочество: „Мнѣ пріятно слышать, что ты также крѣпко стоишь головою за Государя и за Россію". Милость большая, но Матвѣевъ, также постоянно присутствующій на батареяхъ, ничего не получилъ. Какъ не сказать послѣ этого, что служба наша настоящая лотерея: одни выигрываютъ, а другимъ попадаютъ нумера пустые.

28-го іюля.

Сегодня, съ разсвѣтомъ, вмѣстѣ съ Крыжановскимъ поѣхалъ я на рекогносцировку, которую производилъ самъ главнокомандующій черезъ Мекензіеву гору по направленію къ Черной рѣчкѣ. Съ возвышенности нашей позиціи лагери непріятельскіе видны, какъ на ладони. Всѣхъ ихъ четыре: главный тянется по цѣпи Сапунъ-Горы, другіе же раскиданы по возвышенностямъ впереди горы. Мѣст-

ность для атаки лагерей, совершенно ровная и открытая; пока дойдемъ до позицій, много выбудетъ у насъ изъ строя. Да и будетъ ли успѣхъ отъ такого дѣла, въ которомъ всѣ преимущества на сторонѣ непріятеля?...

Крыжановскій представилъ меня Бельгарду, начальнику 6-й пѣх. дивизіи, которая, повидимому, предназначается въ передовыя войска, отрекомендовалъ меня ему съ самой лестной для меня стороны. Кромѣ мортиръ, которыя предназначаются въ передовыя войска, мнѣ поручено и распоряжаться артиллеріею 6-й пѣх. дивизіи, такъ какъ генер. Касторскій, по словамъ Крыжановскаго, глупъ. „Не обращайте на Касторскаго никакого вниманія“—сказалъ мнѣ Крыжановскій,—„а распоряжайтесь именемъ Бельгарда“. Познакомилъ меня также Крыжановскій и съ Кишенскимъ, Бухмейеромъ и еще какимъ-то флигель-адъютантомъ, красавцемъ собою, фамилію котораго я не разслышалъ (Исаковъ, нач. шт. 6-го пѣх. корпуса). Теперь, когда сношенія мои съ людьми расширяются, я чувствую, что глухота—большой порокъ: между тѣмъ, какъ въ Кіевѣ этого я не замѣчалъ: не только голосъ, но шепотъ моего ангела Сашеньки я всегда слышалъ.

Назадъ возвращался я вмѣстѣ съ ген. Семякинымъ, героемъ 13-го октября, въ одномъ экипажѣ. Между прочимъ, особенно расхвалялъ онъ мнѣ нашихъ моряковъ, отвагу и сноровку въ самыхъ критическихъ случаяхъ. Числительность людей въ нашихъ войскахъ уменьшилась до чрезвычайности, такъ что въ цѣлой дивизіи, которою онъ командуетъ, едва-ли на лицо наберется 5 т. штыковъ. Штуцерныхъ также мало—въ иныхъ полкахъ 50, а въ другихъ и 40 нѣтъ. По недостатку штуцерныхъ, ночью ружейный огонь на оборонительной нашей линіи вовсе прекращается, потому что некѣмъ смѣнить этихъ, которые дѣйствуютъ днемъ. Вообще, если еще долго продлится такое положеніе, то оборона Севастополя, по мнѣнію Семякина, должна много ослабѣть. При немъ въ траншеяхъ и два юноши сына, оба юнкерами. Разсказывалъ онъ мнѣ также, что зимою, по почтѣ, отъ какого-то неизвѣстнаго ему купца получилъ онъ въ подаркѣ посылку-мѣхъ, съ прекурьезнымъ письмомъ, въ которомъ купецъ выражаетъ свои чувства патріотическія по-своему: на самомъ же мѣху надпись: „Россійскаго воинства храброму генералъ-лейтенанту Семякину отъ кременчугскаго купца Воронцова“. Со стороны купца черта настояще русская.

Говорятъ, что главнокомандующій окончательно рѣшилъ планъ атаки, но въ чемъ именно онъ состоитъ, я еще не знаю: сегодня вечеромъ объяснитъ мнѣ Крыжановскій, на чемъ остановились.

Разсказываютъ также, что кто-то сегодня напомнилъ главнокомандующему, что напрасно далъ онъ свое согласіе на отступленіе нашихъ

войскъ изъ Чоргуна Черной рѣчки. Это самое и поставило теперь насъ въ столь затруднительное положеніе, что мы должны рѣшиться на наступленіе самое отчаянное. Князь, подумавъ немного, отвѣчалъ: „Кто старое вспомянетъ, тому глазъ вонъ".

29-го іюля.

Вчера, едва я успѣлъ возвратиться изъ рекогносцировки, какъ тотчасъ же поѣхалъ въ Сѣверное укрѣпленіе, для осмотра приготовленныхъ четырехъ съ $^1/_2$ пудовыхъ мортиръ, съ 24-мя матросами, и для производства первыхъ опытовъ изъ мортиръ. Все оказалось въ исправности, а матросы представились истинными молодцами. Прежде всего сталъ я испытывать носку мортиръ на рукахъ четырьмя матросами; тяжело, а нести можно.

Усталый и измученный вернулся уже поздно домой. Крыжановскій принялъ меня какъ будто не совсѣмъ внимательно и даже не вникнулъ въ то, что я говорилъ ему. Не случилось ли уже какого-либо наговора? Но Богъ съ ними, со всѣми: исполню мой долгъ до конца, а тамъ что будетъ, то будетъ, а то будетъ, что Богъ дастъ.

Сегодня вечеромъ главнокомандующій ѣздилъ на Южную сторону для совѣщанія о предполагаемой 1-го августа общей атакѣ всѣхъ позицій непріятельскихъ съ графомъ Сакеномъ и другими генералами. Вообще можно сказать, что намъ въ Севастополѣ приходится очень жутко, до мая мѣсяца этого года мы уже потеряли около 100 т.: 40 т. убитыхъ и 60 т. въ госпиталяхъ больныхъ и раненыхъ. Но судя по отчетностямъ (которыя самъ я видѣлъ), получаемымъ изъ Севастополя ежедневно, можно положить, что гарнизонъ въ меньшей мѣрѣ ежедневно теряетъ изъ рядовъ своихъ 300 ч., что̀ составитъ 9 т. въ мѣсяцъ; присоединивъ же къ этому числу еще тысячу въ мѣсяцъ, заболѣвающихъ разными болѣзнями, съ достовѣрностію можно сказать, что оборона Севастополя, если продлится еще два мѣсяца, будетъ намъ стоить 120 т. человѣкъ; теперь же, за десять мѣсяцевъ, обошлась она намъ въ 100 т. Страшныя жертвы! Въ настоящее время положеніе гарнизона Севастопольскаго самое отчаянное: не только никто не предвидитъ конца осадѣ, но никто и надѣяться не смѣетъ уцѣлѣть. При томъ неимовѣрные труды, лишенія всякаго рода, безсонница, непрерывно, днемъ и ночью, летающая надъ головами смерть, все это вмѣстѣ поставило солдата нашего въ такое положеніе, что онъ самъ ищетъ смерти, убѣжденный не уцѣлѣть въ траншеяхъ, чтобъ только скорѣе избавиться отъ неимовѣрныхъ страданій—душевныхъ и физическихъ, на которыя обреченъ воинскою дисциплиною. Такое страшное положеніе Севастопольскаго гарнизона и побуждаетъ многихъ нашихъ генераловъ, какъ я достовѣрно знаю, настаивать въ

военныхъ совѣщаніяхъ, чтобъ главнокомандующій какъ можно скорѣе назначилъ день общей атаки.—Лучше умереть разомъ и скорѣе, чѣмъ страдать и мучиться ежедневно въ ожиданіи вѣрной смерти, — такъ разсуждаютъ генералы, а, вѣроятно, вмѣстѣ съ ними также думаютъ про себя и солдаты. Подобное настроеніе духа въ войскахъ можетъ подать нѣкоторую надежду на успѣхъ, если только онъ возможенъ. Во всякомъ случаѣ, можно быть увѣреннымъ, что наши войска отчаянно полѣзутъ на страшныя горы и на грозныя батареи непріятельскія, подъ градомъ пуль, бомбъ и ядеръ. Главное, чтобъ только добраться до рукопашнаго боя, чтобъ только сломить эту страшную цѣпь штуцерныхъ, на которую преимущественно непріятель и надѣется, а тамъ, Богъ дастъ, кое-какъ управимся.

Встрѣтился я сегодня со старикомъ Мессингомъ. Онъ также прикомандированъ къ штабу начальника артиллеріи. Теперь онъ уже штабсъ-капитанъ, представленъ въ капитаны и, сверхъ сего, дозволено ему носить всѣ ордена, которые онъ заслужилъ прежде въ оберъ-офицерскихъ чинахъ. Бѣдный, перенесетъ и онъ много при оборонѣ Севастополя, находясь на батареяхъ съ 7-го января. Между прочимъ, разсказывалъ онъ мнѣ одинъ эпизодъ изъ его страданій. Нѣсколько дней сряду шелъ дождь проливной, и траншеи отъ этого наполнились до того водою, что сообщеніе по нимъ сопряжено было съ неимовѣрными затрудненіями. Какъ нарочно, въ этакое время, рано утромъ, отправили его съ двумя казаками съ одного фланга на другой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вода въ траншеяхъ доходила почти до пояса, такъ что старикъ совсѣмъ выбился изъ силъ и не могъ уже идти далѣе. Одинъ изъ казаковъ предложилъ обойти часть траншей стороною, тропинкой, на что̀ Мессингъ и согласился. Но не успѣли отойти они и ста шаговъ, какъ вся цѣпь непріятельская открыла по нимъ штуцерный огонь: одного казака тотчасъ же убило, а другой казакъ, вмѣстѣ съ Мессингомъ, должны были лечь въ грязь на землю, и въ этомъ положеніи, не двигаясь, пролежать цѣлый день, пока совсѣмъ не стемнѣло. Право, не вѣрится, какъ это подобныя страданія могъ перенесть старикъ, а онъ теперь на видъ болѣе молодецъ, чѣмъ былъ прежде, когда я зналъ его въ Кіевѣ. Говорилъ онъ мнѣ также свои убѣжденія о нѣкоторыхъ нашихъ прославленныхъ герояхъ, которыхъ лично зналъ въ траншеяхъ. Тимоѳеевъ совсѣмъ не храбрецъ; даже бывалъ болѣе осторожнымъ и благоразумнымъ, нежели слѣдовало въ его положеніи; но обстоятельства, которыхъ покойникъ и не искалъ, вытащили его въ число храбрецовъ, и онъ, по неволѣ, долженъ былъ впослѣдствіи разыгрывать эту роль. Графъ Сакенъ, особенно въ послѣднее время, много дѣлалъ ему непріятностей, за то, что онъ часто уѣзжалъ изъ батареи въ городъ. Такихъ же понятій

Мессингъ и о Семякинѣ. Шейдеманъ также не изъ отчаянныхъ храбрецовъ, но обязанность свою исполняетъ добросовѣстно, слабъ только донельзя, а потому часто и погрѣшаетъ въ распоряженіяхъ; разъ прикажетъ, а кто попроситъ его, отмѣнитъ приказаніе, за что многіе имъ недовольны. Жалѣетъ Мессингъ очень о Баумгартенѣ. По его мнѣнію, генералъ этотъ съ большими достоинствами: хладнокровный и распорядительный; удалился же онъ изъ Севастополя—подъ предлогомъ болѣзни, также отъ непріятныхъ столкновеній съ Сакеномъ. Но настоящіе удальцы-храбрецы, это покойный Нахимовъ и Хрулевъ. Моряковъ также Мессингъ превозноситъ донельзя.

Сегодня цѣлый день я ничего не дѣлалъ. Отъ Крыжановскаго не только не получалъ никакихъ порученій, но даже и не говорилъ съ нимъ. Что бы это значило? Но Сержпутовскій внимателенъ ко мнѣ донельзя. И сегодня у него я обѣдалъ.

30-го іюля.

Сначала щиты для амбразуръ дѣлались у насъ изъ досокъ, но штуцерныя пули на близкомъ разстояніи ихъ пробивали; теперь придумали дѣлать щиты изъ каната, и эти — никакая пуля не пробиваетъ. Говорятъ, и французы переняли у насъ этотъ способъ — прикрывать амбразуры. За то и мы заимствовали у нихъ носилки для раненыхъ—съ ножками. Сперва у насъ носилки дѣлались только изъ парусины и двухъ древковъ. Поэтому, когда люди уставали, то должны были класть раненаго на земь, хотя бы грязь была по колѣно, что безпокоило его донельзя, но теперь неудобство это устранено. Какъ подумаешь, сколько мелочей, которыя, повидимому, такъ легко приловчить къ настоящему ихъ назначенію, а, между тѣмъ, остаются онѣ долго въ несовершенномъ видѣ, пока обстоятельства и опытъ не откроетъ намъ глаза. Не будь осады Севастополя, и, вѣроятно, никому изъ насъ и въ голову не пришло бы, что носилки съ ножками спокойнѣе и удобнѣе для переноски раненыхъ, чѣмъ безъ ножекъ. Быть можетъ, десятки лѣтъ мы продолжали бы еще класть раненыхъ нашихъ или на твердую землю, или въ грязь, и не думая, что такъ легко и просто избѣгнуть этой жестокости.

Видѣлъ я флигель-адъютанта Исакова, исправляющаго должность начальника штаба 6-го пѣх. корпуса. Красота его, дѣйствительно, замѣчательная; мало и встрѣчалъ я такихъ прекрасныхъ, по наружности, мужчинъ. Выраженіе лица его напоминаетъ много нынѣшняго императора (въ первой его молодости, когда еще былъ онъ наслѣдникомъ). Отецъ Исакова былъ берейторомъ при Благословенномъ, но красота жены берейтора снискала ему безграничное снисхожденіе у

императора. По крайней мѣрѣ, по слухамъ, таково происхожденіе нынѣшняго флигель-адъютанта, котораго я еще помню въ бытность его въ военной академіи, въ мундирѣ полевой конно-артиллеріи. И тогда онъ былъ чрезвычайно хорошъ. Многія дамы высшаго полета, любительницы до изящныхъ мужскихъ формъ, просто съ ума отъ него сходили. Говорятъ, что эти же дамы и навели на него покойнаго государя. Это было 4-го декабря, на семейномъ вечерѣ у Нел—ой. Когда государь вошелъ въ гостиную, Исаковъ, въ армейскомъ конно-артиллерійскомъ колетѣ, стоялъ въ кадрилѣ. Дамамъ, покровительницамъ хорошихъ мужскихъ формъ, разумѣется, очень хотѣлось, чтобъ императоръ оказалъ ихъ „protègé“ какое-либо вниманіе. Но государь, посмотрѣвъ довольно пристально на красавца, сказалъ окружавшимъ его: „Я помню отца его, онъ былъ“... Этимъ на первый разъ дѣло и кончилось. Но, впослѣдствіи, дамы все-таки настояли на своемъ; не даромъ же говорится: — „ce qu'une femme veut, Dieu le veut“. Исаковъ теперь въ ходу: полковникъ, флигель-адъютантъ, начальникъ штаба, а, къ довершенію, и богатъ, по женѣ. Онъ женился въ Кіевѣ, на Лопухиной, — о чемъ, въ бытность мою подъ судомъ, много тамъ толковали.

Сегодня цѣлый день провелъ въ Сѣверномъ укрѣпленіи, гдѣ, подъ моимъ наблюденіемъ, за отсутствіемъ князя Оболенскаго, производится починка и чистка ружей. Работа идетъ весьма успѣшно: до 500 ружей уже готовы.

Обѣдалъ у ген. Тетеревникова. Досадуетъ онъ, что Хрулевъ портитъ свою репутацію, высказывая неудовольствіе свое, что будто онъ мало награжденъ за 6-е іюня. Обстоятельства поставили Хрулева въ такое положеніе, что онъ теперь долженъ быть выше всякихъ наградъ. Заслуги его такъ велики, что не ленты и звѣзды, а признательность народная, да исторія могутъ только достаточно ихъ оцѣнить; роптать же на то, что вмѣсто какого-нибудь Александра Невскаго получилъ онъ Владиміра 2-й степени, слишкомъ мелко. Нахимовъ былъ не таковъ: исполняя свой долгъ священный до послѣдней минуты жизни, онъ о наградахъ и не думалъ, а если и получалъ ихъ, то всегда, перекрестясь, говорилъ: „Слава Богу, что государь цѣнитъ нашу службу“. Сегодня, говорятъ, Хрулевъ былъ въ Главной квартирѣ пасмурный и какъ будто страдающій отъ какого-то недуга. Чего добраго, не надѣваетъ ли онъ на себя маску, чтобъ еще болѣе возвысить свои заслуги; отъ него, какъ я его понимаю,—всего ожидать можно. Пріѣзжалъ также утромъ въ Главную квартиру и Шабельскій. Я его видѣлъ и разговаривалъ съ нимъ, когда онъ возвратился отъ главнокомандующаго. Но какія именно получилъ онъ приказанія на счетъ предстоящаго дѣла,—не знаю. Дай-то Богъ, чтобъ съумѣли

употребить нашу кавалерію; это одно преимущество, которое мы можемъ имѣть предъ непріятелемъ на полѣ битвы.

Черезъ Сѣверную бухту строится мостъ. Дѣломъ этимъ занимается Бухмейеръ, но оно, повидимому, не слишкомъ быстро подвигается впередъ. Между тѣмъ, оно чрезвычайно важно: если бъ мы имѣли съ начала осады обезпеченное сообщеніе черезъ Сѣверную бухту, то сколько черезъ это могло бы быть спасено народу! По необходимости должны мы держать наши резервы на Южной сторонѣ, гдѣ они подвергаются значительнымъ потерямъ, тогда какъ, если бъ у насъ былъ мостъ черезъ Сѣверную бухту, то всѣ резервы наготовѣ можно бы сосредоточивать на Сѣверной сторонѣ, внѣ выстрѣловъ непріятельскихъ. Прошедшую ночь перерубили топоромъ три каната, которыми одинъ изъ паромовъ для моста былъ причаленъ къ берегу, и паромъ этотъ унесло бы въ море, если бъ онъ не засѣлъ между потопленными нашими кораблями при выходѣ изъ бухты. Страшно подумать, что у насъ и среди насъ живутъ, а, быть можетъ, и служатъ такіе злодѣи-измѣнники. О поляки, поляки!.. Не мудрено послѣ этого, что солдаты наши въ Севастополѣ осторожны донельзя и часто по одному подозрѣнію задерживаютъ своихъ офицеровъ, имъ незнакомыхъ. Драгунскій офицеръ Засядка, который со мною сюда пріѣхалъ, переправившись съ Сѣверной на Южную сторону, послалъ на бастіонъ за своимъ братомъ, съ которымъ желалъ видѣться, а самъ, между тѣмъ, сталъ ходить, въ ожиданіи, по площади, зѣвая, разумѣется, во всѣ стороны. Солдаты тотчасъ же вообразили себѣ, что это долженъ быть переодѣтый шпіонъ, задержали его и повели къ Хрулеву. Такимъ образомъ, Засядка, вовсе не располагавшій обозрѣвать оборонительную линію, по неволѣ долженъ былъ прогуляться по нашимъ батареямъ и траншеямъ.

Ползиковъ много разсказывалъ сегодня объ оборонѣ и о томъ, сколько наши офицеры и солдаты терпѣли и терпятъ, защищая Севастополь противъ такой жестокой и яростной атаки. Много, много было ужасовъ и на бастіонахъ, и даже въ городѣ, особенно въ первую бомбардировку 5-го октября, когда еще немногіе изъ жителей выѣхали изъ города. Нѣкоторыя изъ дамъ показали себя настоящими героинями: ободряли подъ выстрѣлами солдатъ, жертвовали для раненыхъ всѣмъ своимъ достояніемъ, а многія даже присутствовали на перевязочныхъ пунктахъ, ухаживая за ранеными. Раны вообще были самыя жестокія, такъ что хирургія и не могла предвидѣть, чтобъ человѣкъ могъ быть такъ ужасно исковерканъ какимъ-нибудь снарядомъ. Вотъ причина, почему до сихъ поръ столь мало операцій имѣютъ счастливый исходъ. Даже операціи, произведенныя самимъ Пироговымъ, большей частію кончались смертію. По мнѣнію Ползикова, Тотлебенъ храбрости

необыкновенной, едва-ли даже не храбрѣе онъ самого Хрулева. Бывало, бомба упадетъ у самыхъ ногъ, и солдаты съ испугомъ закричатъ: „берегитесь, бомба!“. а Тотлебенъ, стоя надъ бомбою, прехладнокровно имъ отвѣтитъ: „Не бось, ребята, не разорветъ“. И, дѣйствительно, бомбу не рвало. Если же нѣсколько бомбъ разорветъ вокругъ его, такъ что и не видать его за облакомъ пороховаго дыма, онъ даже и не нагнется, а только скажетъ: „Фи, какъ навоняли!“ Теперь, какъ увѣряетъ Ползиковъ, оборона въ рукахъ надежныхъ и искусныхъ. Правымъ флангомъ оборонительной линіи завѣдываетъ Гарднеръ, а лѣвымъ—Гейнрихъ. Особенно послѣдній отличается замѣчательнымъ знаніемъ своего дѣла.

Сейчасъ разговаривалъ о настоящихъ событіяхъ съ Ушаковымъ. Взглядъ его, сколько я понимаю, вѣрный. Надо ничего не жалѣть и употребить всѣ средства, чтобъ кончить скорѣе войну. Нужны, главное, войска и ополченія, и чтобъ доставить ихъ какъ можно поспѣшнѣе на театръ войны, надо употребить для этого всѣ средства, не торгуясь; нуженъ фуражъ, дайте по три, по четыре рубля за пудъ сѣна, но чтобъ онъ былъ. Словомъ, чтобъ не нуждались мы ни въ чемъ, что̀ намъ нужно для одолѣнія врага; чтобъ мы не торговались на средства, изъ опасенія израсходовать много денегъ, на томъ основаніи, что какъ бы дорого все необходимое намъ ни обошлось, но все-таки оно будетъ дешевле, если война кончится въ скоромъ времени. Напротивъ, торгуясь и жалѣя большую трату денегъ, мы подвергаемся этимъ самымъ опасности еще болѣе ихъ израсходовать, потому что замедляемъ исходъ войны, поставляя себя въ невозможность одолѣть врага. Говорилъ онъ также, что надо было доставлять порохъ не изъ Шостки, а построить новые заводы пороховые въ Перекопѣ и въ Бреславѣ. Мы могли также и устроить въ самое короткое время желѣзную дорогу отъ Москвы до Перекопа; для этого не нужны ни вокзалы, ни вагоны, а только рельсы для перевозки однѣхъ тяжестей. Все это, кажется, справедливо; но не сдѣлалось это, какъ мнѣ кажется, потому, во-первыхъ, что сначала правительство не ожидало, чтобъ театръ войны былъ на Крымскомъ полуостровѣ, а во-вторыхъ, потому, что надѣялись и съ малыми средствами отбить непріятеля. Безъ сомнѣнія, въ Россіи никто и не думалъ, чтобъ осада Севастополя могла затянуться на столь долгое время. Полагали, что потребуютъ, да и отойдутъ. Никто и не предполагалъ со стороны союзниковъ такого отчаяннаго упорства; никто не думалъ, что они пожертвуютъ и огромными капиталами, и многочисленными арміями, чтобъ только овладѣть хотя развалинами Севастополя. Говорятъ, одна апрѣльская бомбардировка стоила имъ 18 милліоновъ франковъ.

1-го августа.

Наступательное движеніе наше не отмѣнено, но отложено на нѣсколько дней, пока не будетъ окончена постройка моста черезъ Сѣверную бухту. Самое опасное въ предполагаемомъ предпріятіи, что, въ случаѣ неудачи, пути наши отступленія не обезпечены. Гарнизону, если мостъ и готовъ будетъ, придется отступать черезъ бухту, а отряду Липранди на Мекензіеву гору. Въ случаѣ же неудачи, безъ всякаго сомнѣнія, непріятель станетъ преслѣдовать насъ горячо по пятамъ. Изъ всего этого можно заключить за достовѣрное, что послѣ дѣла, чѣмъ бы оно ни кончилось, мы не останемся въ теперешнемъ положеніи. При полномъ успѣхѣ съ нашей стороны, то есть, при занятіи нами Сапунъ-Горы, непріятель долженъ будетъ самъ снять осаду; въ случаѣ же неудачи, едва-ли удержимъ мы за собою оборонительную линію Севастополя.

Вчера у Сержпутовскаго обѣдалъ Бухмейеръ. Онъ разсуждалъ о предполагаемой атакѣ величаво и съ какою-то странною самоувѣренностью. По словамъ его, орудійнаго огня бояться намъ нечего: надо только молодцами пройти линію прицѣльнаго ихъ выстрѣла; штуцерный ихъ огонь силенъ въ траншеяхъ, но въ полѣ никакого преимущества предъ нашимъ не имѣетъ; въ числительности, правда, они имѣютъ предъ нами преимущество, но позиціи ихъ растянуты на 16-ть верстъ, тогда какъ мы сосредоточимъ наши силы на извѣстные пункты.—„Главное“, продолжалъ декламировать этотъ генералъ послѣ сытнаго обѣда и наслаждаясь куреніемъ сигары: „не надо ограничиваться полумѣрами, не надо останавливаться на полъ-пунктахъ. Бросьте прежде всего 60 и 80 эскадроновъ, и чтобъ они летѣли, сломя голову, опрокидывая все, что имъ ни встрѣтится. Занявъ Ѳедюхины возвышенности, пѣхотѣ не останавливаться, но, вздохнувъ немного,—„трахъ,—трахъ“, и впередъ на Сапунъ-Гору. И съ этимъ словомъ: „трахъ—трахъ“, Бухмейеръ дѣлалъ преуморительный жестъ правой рукою. По-моему, весь комизмъ подобной выходки не въ томъ, что ораторъ разсуждалъ неосновательно, но въ томъ преимущественно, что онъ выдаетъ себя за горячаго партизана рѣшительныхъ и даже, можно сказать, отчаянныхъ мѣръ, зная напередъ, что персонально не приметъ въ нихъ никакого участія. Скажи то же самое Бухмейеръ у подошвы Сапунъ-Горы, предводительствуя штурмовыми колоннами, и я съ уваженіемъ снялъ бы предъ нимъ шапку, но храбриться и разыгрывать роль отчаяннаго воина, постоянно просиживая на Сѣверной сторонѣ,—внѣ выстрѣловъ, какъ-то неловко и даже смѣшно. Саперы, въ оправданіе его, говорятъ, что онъ не принялъ участія въ оборонѣ Севастополя единственно по чувству деликатности: онъ не хотѣлъ своимъ вмѣша-

тельствомъ лишать лавровъ Тотлебена, который началъ оборону и такъ славно продолжалъ ее. Положимъ, что это такъ. Но когда Тотлебена ранили, и когда онъ принужденъ былъ уѣхать изъ траншей на Бельбекъ, то что̀ подвигало Бухмейера оставаться у постройки моста? Неужели также лавры Гейнриха и Гарднера? Но ихъ лавры и въ настоящее время такъ еще зелены и не зрѣлы, что, право, большой бѣды для нихъ не было бы, если бы Бухмейеръ принялъ персонально участіе въ оборонѣ. Изъ всего этого я заключаю, что Бухмейеръ—генералъ умный, ловкій, приличный, представительный, но генералъ мирный, а не военный, какихъ у насъ, къ сожалѣнію, едва-ли не болѣе, чѣмъ нужно. Теперь особенно сапериымъ и инженернымъ генераламъ—нѣтъ другаго мѣста, какъ на траншеяхъ. Кончится осада, начнутся полевыя дѣла, и тогда, пожалуй, живи они при Главной квартирѣ и храбрись, внѣ выстрѣловъ, сколько имъ угодно: никто о нихъ ничего не скажетъ, но, въ настоящее время, Бухмейеръ права голоса имѣть не можетъ потому уже, что онъ не на своемъ мѣстѣ. Будь живъ Шильдеръ, онъ не посмотрѣлъ бы ни на какіе тотлебенскіе лавры, а полѣзъ бы въ траншеи, да тамъ и пропадалъ бы до тѣхъ поръ, пока не взорвалъ бы непріятельскихъ саперовъ на воздухъ.

Вчера переселился я на новоселье. Теперь помѣщенъ я въ особой палаткѣ, рядомъ съ шалашомъ Крыжановскаго. Оно удобнѣе и спокойнѣе. Утромъ сегодня навѣстилъ меня Сержпутовскій. Добрый онъ старикъ. Крыжановскаго третій день какъ не вижу. Вчера онъ ѣздилъ смотрѣть 5-ую бригаду и не знаю, вернулся ли сегодня. Если не ошибаюсь, Крыжановскій, какъ мнѣ кажется, что-то противъ меня имѣетъ. Какъ сначала онъ желалъ со мною сблизиться, такъ теперь какъ будто отталкивается: и причины отгадать я никакой не могу, развѣ какія-нибудь сплетни. Посмотримъ, что будетъ далѣе.

Говорятъ, что главнокомандующій самъ не совсѣмъ еще рѣшился на рѣшительное дѣло. По крайней мѣрѣ достовѣрно то, что онъ не довольствовался изустными мнѣніями генераловъ на совѣщаніяхъ, но потребовалъ, чтобъ каждый изъ нихъ изложилъ свое мнѣніе на счетъ этого дѣла на бумагѣ. Большая часть, и особенно тѣ, на долю которыхъ досталось защищать Севастополь, настаиваютъ, чтобъ общая атака всѣхъ позицій непріятельскихъ была произведена, и какъ можно скорѣе, предвидя полный успѣхъ отъ этой атаки. Но нѣкоторые съ такимъ мнѣніемъ не соглашаются. Въ числѣ ихъ Ушаковъ, дежурный генералъ, отозвался, что если общее наступленіе необходимо, то лучше произвесть его не теперь, но въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда подойдутъ къ намъ всѣ войска, которыя мы ожидаемъ изъ Россіи, а ихъ наберется до 80 тысячъ, почти цѣлая армія. Правда, что въ два мѣсяца

у насъ выбудетъ изъ строя до 10 тысячъ, но за то мы замѣнимъ ихъ свѣжими 80 тысячами штыковъ. Правда и то, что для Севастопольскаго гарнизона ожидать развязки еще два мѣсяца—мука страшная, но за то тогда болѣе представится вѣроятія на успѣхъ, чѣмъ теперь. Какъ бы то ни было, но, повидимому, день наступленія еще не назначенъ, хотя всѣ приготовленія для общаго дѣла не останавливаются; заряды приготовляются, войска на указанные пункты стягиваются: и рекогносцировки мѣстностей дѣятельно производятся каждый день. И сегодня, послѣ обѣда, самъ главнокомандующій, вмѣстѣ съ Шабельскимъ, начальникомъ кавалерійскаго резерва, ѣздилъ на Мекензіеву гору, чтобъ обозрѣть и указать мѣстность для атакъ кавалерійскихъ. Говорятъ также, будто всѣ мнѣнія генераловъ посланы съ особымъ курьеромъ къ государю. Немудрено, что это и справедливо. Трудно князю взять на свою личную отвѣтственность столь рисковое предпріятіе, на которое преимущественно вызываетъ насъ отчаянное положеніе Севастополя и храбрыхъ его защитниковъ; вѣроятій же на успѣхъ—столь мало, что скорѣе предвидѣть можно пораженіе, чѣмъ побѣду. Нельзя даже разсчитывать и на неожиданность удара. По всему видно, что непріятель уже знаетъ о приготовленіяхъ нашихъ. Онъ также стягиваетъ на нѣкоторыя позиціи свои войска и укрѣпляетъ отлогости горъ новыми батареями. Въ особенности роется онъ въ землѣ на возвышенностяхъ близъ Чоргуна.

Послѣ обѣда, ежедневно, когда только время дозволяетъ, ѣзжу я, вмѣстѣ съ Марковымъ, купаться въ морѣ. Въ это время обыкновенно купаются на берегу и сестры милосердія. Марковъ не сводитъ съ нихъ глазъ, по часу и болѣе любуясь ихъ формами въ зрительную трубку, не взирая на то, что между этими сестрами всѣ некрасивы. Значитъ, правда, что въ степи и жукъ мясо. Что же касается до меня, то будь эти сестры всѣ красавицы, я и не взглянулъ бы на нихъ, такъ сильно преисполненъ я чистымъ чувствомъ къ моей Сашенькѣ. Послѣ ея,—для меня нѣтъ женщинъ, и мнѣ даже кажется, если бъ я и лишился моего ангела навѣки, то и тогда не увлекся бы чувственностью!.. Удивительное созданіе—человѣкъ. Марковъ не развратникъ, напротивъ того, примѣрный отецъ семейства и старше меня лѣтами, при томъ—по характеру человѣкъ серьезный, а, между тѣмъ, находитъ наслажденіе въ такомъ грубомъ чувствѣ. Какъ объяснить это? По правую сторону отъ насъ — купались сестры милосердія, а по лѣвую матросъ съ какими-то двумя дѣвами, изъ которыхъ одну, въ волнахъ намъ было видно, какъ онъ обнималъ и цѣловалъ.

Кстати о сестрахъ милосердія. Большая часть изъ нихъ—происхожденія и репутаціи не совсѣмъ чистыхъ. Молодость ихъ прошла

въ различныхъ положеніяхъ, особенно тѣхъ, которыя навербованы въ Одессѣ. Но теперь исполняютъ онѣ свой долгъ съ примѣрнымъ усердіемъ и самоотверженіемъ; выходитъ, правда, милыя грѣшницы, что покаяться придетъ всегда пора.

Послѣ штурма 6-го іюня самъ непріятель просилъ у насъ перемирія на шесть часовъ—для уборки тѣлъ. По этому случаю, какъ наши, такъ и непріятельскіе офицеры выѣхали одинъ другому навстрѣчу. Щеголевитость одежды англійскихъ, но особенно французскихъ офицеровъ поразила всѣхъ; всѣ они были раздушены, въ глянцовыхъ ботинкахъ, въ лайковыхъ перчаткахъ, въ прекрасныхъ мундирахъ, изъ-за которыхъ виднѣлось бѣлье, самое тонкое и бѣлое, какъ снѣгъ. Между тѣмъ, какъ наши выползли изъ траншей грязные, не бритые, не чесанные, съ засаленными перчатками и съ такими же фуражками, а, къ довершенію, и въ сапогахъ съ длинными поверхъ штановъ голенищами, смазанными саломъ. Контрастъ поразительный! Немудрено послѣ этого, что они считаютъ насъ настоящими варварами. Да и солдатъ нашъ опустился теперь донельзя: по походкѣ и по выправкѣ вновь обратился въ первобытное состояніе—въ мужика. Всегда безъ галстука, въ грязной рубахѣ и съ накинутой на плечи безобразной сѣрой шинелью, которую носитъ, какъ звѣрь шкуру, во всѣ времена года,—и лѣтомъ, когда жаръ доходитъ до 40 гр., и зимою, когда холодъ въ 30 гр. Послѣ этой войны пройдетъ много времени, пока снова не подтянутъ нашего солдата. Но, главное, нужно одѣть его благообразнѣе. Вообще, у насъ какъ будто два особыхъ войска: одно для мирнаго, а другое для военнаго времени. Какъ будто нельзя держать солдатъ такъ, чтобъ и на войнѣ онъ былъ такимъ же, какимъ представляется на смотры въ мирное время; развѣ нельзя придумать головной уборъ, который былъ бы и красивъ, и удобенъ; развѣ нельзя одѣть его такъ, чтобъ платье его было и изящно, и спокойно? А теперь, напримѣръ, все то, что украшало солдата на смотрахъ: мундиры, каски, султаны, даже штаны,—все это бросили, потому что все это оказалось неудобнымъ, неловкимъ, стѣсняющимъ въ движеніяхъ,—и пустили его на поле брани въ однихъ подштанникахъ, да въ безобразной шинели. Отъ этого теперь полки наши походятъ болѣе на толпу мужиковъ, чѣмъ на благоустроенное и дисциплинированное войско.

Теперь полночь. Канонада подъ Севастополемъ что-то разгорѣлась не на шутку. Я вышелъ изъ палатки, чтобъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Сотни бомбъ и гранатъ летятъ навстрѣчу одна другой. Но нашъ огонь сильнѣе едва-ли не въ пять разъ. Вѣрно, непріятель затѣялъ какія-нибудь работы новыя, по которымъ мы и стрѣляемъ.

6-го августа.

Прошло дней не много, до 6-го августа, а испыталъ я въ это время много. Кровопролитное дѣло было 4-го августа, и кончилось, какъ и должно было ожидать, неудачно. Потеря съ нашей стороны страшная: три генерала убиты (Реадъ, Веймарнъ и Вревскій), семь ранены; болѣе трехъ сотъ штабъ и оберъ-офицеровъ убито и ранено, изъ числа ихъ шесть полковыхъ командировъ; всего же выбыло изъ строя 8.700 человѣкъ. Наканунѣ дѣла пришли двѣ дружины курскаго ополченія; подъ ружьемъ ихъ было 1.900 человѣкъ, а теперь осталось всего 400. Они были употреблены въ составѣ баталіоновъ [1]).

Сначала дѣло началось успѣшно. Непріятель насъ не ожидалъ. Телеграфическую гору заняли наши быстро молодцами. Но какъ только спустились на долину къ рѣчкѣ и бросились на мостъ, мы встрѣтили сопротивленіе со стороны непріятеля самое усиленное. Не прошло и получаса, вся долина покрылась ранеными и убитыми. Однако, не взирая на это, пѣхота наша все-таки успѣла завладѣть мостомъ, перебѣжала его и бросилась уже на Уральскія высоты, какъ вдругъ густыя цѣпи стрѣлковъ непріятельскихъ ее остановили. Никѣмъ не поддержанная, наша передовая пѣхота не устояла и стала отступать; вмѣстѣ съ нею получили приказаніе и всѣ прочія войска къ отступленію. Дѣло началось въ началѣ 5-го часа по полуночи и кончилось въ 11-мъ. Много нашихъ тяжело раненыхъ осталось за мостомъ и около рѣчки.

Самъ я лично наблюдать за общимъ ходомъ дѣла не могъ, потому что состоялъ въ особомъ отрядѣ, въ качествѣ начальника артиллеріи, а потому пишу со словъ другихъ. Говорятъ, будто бы не было разсчитано—во сколько времени пѣхота съ артиллеріею могла спуститься съ Мекензіевой горы, а потому резервы наши не могли быть во-время введены въ дѣло. Говорятъ также, что не ожидали встрѣтить сильный огонь, такой дружный—у подошвъ Уральскихъ высотъ. Словомъ, наткнулись на то, чего не ожидали, и не нашли того, чего ожидали. Но, не довѣряя вполнѣ всѣмъ толкамъ, могу за достовѣрное сказать только то, что дѣло 4-го августа было предпринято безъ всякаго вѣроятія разумнаго на успѣхъ. Теперь мы поставлены въ худшее положеніе, нежели были. Непріятель торжествуетъ точно такъ же, какъ мы торжествовали послѣ 6-го іюня. Со вчерашняго дня началась усилен-

---

[1]) Объ ополченцахъ говорилъ лейт. А. А. Марковъ, со словъ Бѣлявцева. Но это несправедливо: ополченцы вовсе въ дѣлѣ не были.

ная бомбардировка Севастополя и продолжается до сего времени. Ждутъ штурма.

2-го августа Крыжановскій пригласилъ меня ѣхать съ нимъ на рекогносцировку. У Липранди застали мы всѣхъ генераловъ 6-го пѣхотнаго корпуса на совѣщаніи. Здѣсь получилъ я приказаніе состоять, во время дѣла, при генералъ-лейтенантѣ Бельгардѣ, для командованія артиллеріею его отряда.

3-го августа, утромъ, прибылъ я въ отрядъ, расположенный въ Каралескомъ ущельѣ. Двинулись и вступили мы въ дѣло въ слѣдующемъ порядкѣ:

3-го августа, какъ только начало смеркаться, въ часу 8-мъ вечера, отрядъ началъ движеніе, сложивъ ранцы въ Юкаръ-Каралескомъ ущельѣ, въ сторонѣ отъ дороги, отъ Юкаръ-Каралеса по Шулинской дорогѣ.

Дошедъ до Мокрой-Луговины, въ часу двѣнадцатомъ, отрядъ расположился въ резервномъ боевомъ порядкѣ, въ совершенной тишинѣ и не раскладывая огней. Отъ непріятеля мы были въ такомъ еще разстояніи, что, при соблюденіи тишины, не должны были его встревожить. Нечего и говорить, что движеніе и расположеніе отряда нашего на Мокрой-Луговинѣ было прикрыто густою цѣпью казаковъ.

4-го августа, за часъ до разсвѣта (въ $2^1/_2$ часа) отрядъ началъ движеніе съ Мокрой-Луговины на Чоргунъ и Карловку.

По Чоргунской дорогѣ два баталіона пѣхоты съ легкою № 8-й батареей 6-й бригады двинулись для занятія такъ называемой Артиллерійской горы.

Двѣ батареи, съ двумя горными орудіями, повелъ я самъ на Среднюю или Безъименную гору (Чоргунскія высоты).

Обѣ горы, Артиллерійскую и Среднюю—заняли мы безъ выстрѣла, и благополучно снялись съ передковъ. Въ это время уже разсвѣтало, и мы тотчасъ же открыли огонь усиленный по непріятельскимъ укрѣпленіямъ, на Телеграфической горѣ построеннымъ. Непріятель отвѣчалъ на огонь нашъ не скоро, а по прошествіи по крайней мѣрѣ 20 минутъ, что̀ служитъ лучшимъ доказательствомъ, что онъ ие ожидалъ нашего появленія на этихъ высотахъ. Черезъ полчаса, Егерская бригада Веселитскаго быстро атаковала и завладѣла Телеграфическою горою—тогда весь огонь орудійный на Средней горѣ сосредоточили мы на ближайшія части горы Гасфорта. Съ этого момента все дѣйствіе отряда ограничилось стрѣльбою изъ 24-хъ орудій съ Безъименной горы по непріятельскимъ укрѣпленіямъ, построеннымъ по скату горы Гасфорта. Сначала непріятель засыпалъ насъ ядрами и гранатами, дѣйствуя по насъ съ шести батарей. Огонь его поддерживался усиленно около $1^1/_2$ часа, но потомъ постепенно сталъ ослабѣвать и наконецъ совсѣмъ замолкъ.

Во время дѣла, главнокомандующій потребовалъ отъ насъ бригаду ѳерей на подкрѣпленіе войскъ, дѣйствовавшихъ на Телеграфической горѣ; генералъ Бельгардъ самъ пошелъ съ бригадою. Наконецъ, и артиллерія получила приказаніе идти туда же. Но едва, и съ большимъ усиліемъ, взобрались мы на гору Телеграфическую, какъ получено было приказаніе вернуться назадъ. Едва смогли мы, на узкой дорогѣ, повернуть орудія на лѣво-кругомъ. Едва пришли на Мокрую-Луговину, какъ казакъ за казакомъ стали къ намъ прискакивать съ извѣщеніями, что непріятель наступаетъ на насъ въ большихъ силахъ. Сначала поставили всю артиллерію у выхода изъ ущелья; потомъ три батареи стянули въ ущельѣ, оставивъ на позиціи, и весь отрядъ направился въ Юкаръ-Каралесъ, занявъ тамъ тѣ же мѣста, которыя занималъ до 4-го августа. Этимъ 4-го августа дѣйствіе отряда генерала Бельгарда и кончилось.

Положеніе мое въ отрядѣ генерала Бельгарда было довольно фальшивое. Прибывъ наканунѣ сраженія, я никого тамъ не зналъ; правъ положительныхъ на командованіе не имѣлъ; при томъ бригадный командиръ Касторскій, въ чинѣ генерала и, слѣдовательно, старше меня. При мнѣ не было не только адъютанта, но даже и казака. А между тѣмъ, всѣ распоряженія должны были идти отъ меня, и во всемъ, что касалось только до артиллеріи, Бельгардъ относился не къ Касторскому, а ко мнѣ. Разумѣется, при такомъ фальшивомъ положеніи нельзя было миновать нѣкоторыхъ столкновеній, для меня непріятныхъ. Ночью, когда ни зги не было видно, отрядъ тихо поднялся съ Мокрой-Луговины. Одна батарея (подполковника Рогозинскаго) опоздала и не попала на свое мѣсто. Я тотчасъ же объ этомъ послалъ сказать Бельгарду, вслѣдствіе чего весь отрядъ остановился; но какъ только Рогозинскій примкнулъ къ своему мѣсту, я самъ поѣхалъ доложить объ этомъ отрядному начальнику. Бельгардъ принялъ меня тономъ начальническимъ, и въ выраженіяхъ самыхъ серьезныхъ, сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе за такой въ артиллеріи безпорядокъ. Потомъ, какъ нарочно, тотъ же Рогозинскій опоздалъ во второй разъ, не пришелъ во-время на позицію. И за это Бельгардъ мнѣ же сдѣлалъ выговоръ. Но я по совѣсти исполнилъ мой долгъ честно. Цѣлую ночь, пока отрядъ въ Луговинѣ отдыхалъ, я былъ на ногахъ: получалъ безпрестанно приказанія отряднаго начальника и лично долженъ былъ въ темнотѣ отыскивать батарейныхъ командировъ, потому что при мнѣ никого не было, чрезъ кого могъ бы я переслать приказаніе. Кромѣ того, всѣ распоряженія, относившіяся до дѣла, были сдѣланы мною во-время. Касторскій велъ себя, какъ угорѣлый. Онъ даже не сдѣлалъ никакихъ распоряженій касательно общихъ приказаній начальника артиллеріи, разосланныхъ еще 2-го числа циркуляромъ по всѣмъ отрядамъ.

Да и ловко повелъ онъ себя во время дѣла. Какъ только отрядъ вступилъ, онъ куда-то скрылся, и его, во время ночнаго движенія, и потомъ, во время самаго дѣла, никто не видалъ. И это генералъ, и въ его командованіи состоитъ артиллерійская бригада.

Ночное движеніе чрезъ ущелье было для меня самое утомительное. По крайней мѣрѣ, въ продолженіе трехъ сутокъ я не смыкалъ глазъ. Были минуты, въ которыя я просто приходилъ въ отчаяніе. Не знаю, какъ стало у меня силъ перенесть все то, что перенесъ я. Но, вѣрно, это такъ мнѣ не обойдется: рано или поздно, но отзовется. Теперь еще весь разбитъ. Эти три дня: 2-е, 3-е и 4-е августа 1855 года— самые мучительные дни въ моей жизни. Къ физическимъ страданіямъ присоединилась и душевная тревога:—опасеніе потерять орудія, отвѣтственность за малѣйшіе безпорядки, которые я, въ моемъ положеніи, и отвратить не могъ; столкновеніе съ людьми мнѣ незнакомыми и оффиціально не подчиненными; лишеніе всѣхъ средствъ и способовъ распоряжаться, какъ бы хотѣлъ; словомъ, все соединилось вмѣстѣ, и одинъ Богъ знаетъ, какъ много въ эти три дня перестрадалъ я.

Хотя, благодаря Бога, все кончилось благополучно, и я разстался со всѣми и съ самимъ Бельгардомъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, однако, до сихъ поръ, продолжаю страдать и тѣломъ и душою. Нѣтъ,— впечатлѣнія, мною испытанныя, не скоро проходятъ!

Реадъ убитъ ядромъ въ голову, въ передовой цѣпи: тѣло его осталось вмѣстѣ съ другими убитыми у непріятеля, такъ какъ войска наши въ это время отступали уже отъ Черной рѣчки. Тамъ же убитъ и Веймарнъ,—штуцерною пулею въ голову. Вревскій убитъ въ свитѣ главнокомандующаго—черепкомъ отъ гранаты въ щеку. Всѣ трое, какъ бы предчувствуя свою смерть, наканунѣ сдѣлали духовныя завѣщанія. Особенно всѣ сожалѣютъ о Веймарнѣ. Лично я его не зналъ, но репутація о немъ превосходная, и какъ о человѣкѣ благороднѣйшемъ, и какъ о генералѣ самомъ способномъ. Жалѣютъ также многіе и о Реадѣ. Это былъ рыцарь чести. Еще въ Польскую кампанію я служилъ подъ его начальствомъ. Онъ былъ человѣкъ просвѣщенный и самыхъ благородныхъ правилъ. Въ дѣлѣ 4-го августа отвага его была даже безразсудна: всѣ почти окружающіе его перебиты или переранены. Не искалъ ли онъ самъ смерти? Извѣстно, что репутація его, какъ военачальника, не была еще обозначена. Онъ не былъ ни въ одномъ дѣлѣ, гдѣ бы могъ выказать свои военныя способности: между тѣмъ какъ достигъ до званія главнокомандующаго—послѣ удаленія князя Воронцова съ Кавказа. Но и тамъ въ военныхъ дѣйствіяхъ не участвовалъ, а жилъ въ Тифлисѣ, между тѣмъ какъ Барятинскій, Андрониковъ, Бебутовъ и другіе одерживали славныя побѣды. Съ назначеніемъ Н. Н. Муравьева на Кавказъ,

Реада назначили корпуснымъ командиромъ, mais on a doré la pilule—назначивъ его генералъ-адъютантомъ и членомъ Государственнаго Совѣта. Такимъ образомъ, 4-го августа представился первый случай Реаду показать передъ арміей, что онъ не недостоинъ тѣхъ званій и наградъ, которыми такъ щедро осыпалъ его покойный императоръ. Съ его благородствомъ и самолюбіемъ, онъ не могъ, вѣроятно, допустить мысли—быть ниже своего званія, а между тѣмъ, дѣло 4-го августа, кромѣ страшной потери въ людяхъ, не обѣщало ни одному генералу никакой славы. Напротивъ, многіе изъ нихъ могли быть обвинены за ихъ распоряженія, что̀, безъ сомнѣнія, предчувствовалъ и Реадъ. Мнѣ кажется, что только подобное настроеніе духа могло подвинуть его, безъ всякой видимой надобности, въ такія опасныя мѣста, гдѣ не онъ одинъ, но почти и вся свита его пали жертвами.

Крыжановскій также велъ себя безразсудно, бросаясь въ самыя опасныя мѣста. Но Богъ на этотъ разъ его миловалъ. Лошадь подъ нимъ убило ядромъ, которое пролетѣло чрезъ животъ, около сѣдла, и у самыхъ его ногъ. Ногу съ наружной стороны какъ бы обожгло, но теперь пока онъ особой боли не чувствуетъ. Контузіи, впрочемъ, часто отзываются впослѣдствіи. Потомъ сталъ онъ подымать самъ хоботъ, вмѣстѣ съ фейерверкомъ, и положилъ на его плечо руку, какъ вдругъ ядро фейерверкеру этому оторвало голову. Наконецъ, въ сѣдлѣ его, на другой уже лошади, нашли нѣсколько шрапнелевыхъ пуль [1]). Я ему сказалъ откровенно, что онъ напрасно, въ его званіи и на его мѣстѣ, рискуетъ такъ много собою. Боже сохрани, не стань его, и управленіе наше артиллерійское остановится. По крайней мѣрѣ, здѣсь нѣтъ никого, кто бы могъ замѣнить его. Онъ съ большими способностями и съ удивительнымъ усердіемъ исполняетъ свою обязанность. Если есть въ немъ недостатокъ, то одинъ—молодость. Отъ этого часто въ немъ нѣтъ такта въ обращеніи съ подчиненными. Нѣкоторые полагаютъ даже, въ томъ числѣ и Шейдеманъ, что онъ слишкомъ много о себѣ думаетъ и чрезъ это черезчуръ уже заносится. Но я этого не думаю. Если онъ становится иногда на дыбки, то именно потому, что боится, чтобъ предъ нимъ не манкировали. Настоящее обращеніе его и со мной я тому же приписываю. Впрочемъ, за его полезную и примѣрную службу я готовъ ему многое извинить, и далъ себѣ слово — на манеру обращенія его со мною никакого не обращать вниманія.

Изъ убитыхъ командировъ особенно сожалѣютъ о храбромъ Скю-

[1]) Извѣстно, что французскія шрапнелевыя пули почти недѣйствительны. Онѣ отскакиваютъ даже отъ солдатской шинели, не нанося никакого вреда. Это происходитъ, вѣроятно, отъ незначительнаго разрывнаго заряда.

дери и о Бельгардѣ, родномъ братѣ бывшаго отряднаго моего начальника. Этотъ послѣдній сначала былъ раненъ пулею въ грудь, когда полкъ его былъ уже за рѣчкою. Двое солдатъ, также раненыхъ, но слегка, повели его подъ руки; но, подойдя къ рѣчкѣ, Бельгардъ хотѣлъ самъ пройти чрезъ нее—безъ помощи солдатъ, а солдаты оставить его на произволъ собственныхъ силъ не соглашались. Пока они вели между собою этотъ разговоръ, бывши уже въ водѣ, непріятельская картечь повалила всѣхъ трехъ наповалъ.

Теперь трудно провѣрить справедливость всѣхъ фактовъ. По приказанію главнокомандующаго Бутырскій полкъ первый пошелъ за рѣчку, а за нимъ Московскій, а потомъ оба эти полка изъ-за рѣчки бѣжали. Московцы говорятъ, что подлецы бутырцы первые обратились назадъ и, въ бѣгствѣ, смяли ихъ и заставили также бѣжать; съ своей стороны говорятъ бутырцы, что подлецы московцы не поддержали ихъ, и что они были уже на половинѣ горы, и непремѣнно заняли бы гору, если бы московцы не побѣжали и не оставили ихъ на произволъ судьбы. И разнорѣчатъ такъ не одни солдаты, но и ихъ начальники—генералы и полковники. Время одно можетъ открыть истину.

Вчера бомбардировка нанесла намъ вредъ чувствительный: 1.200 нижнихъ чиновъ и 15 офицеровъ выбыло изъ строя. Потеря отъ сегодняшней бомбардировки еще неизвѣстна. Слышно только, что сильно раненъ осколкомъ отъ бомбы Денъ, сынъ инспектора инженеровъ.

Говорятъ, что когда Пелисье поздравляли съ побѣдой, онъ отвѣчалъ, что одержанный ими верхъ не есть побѣда, но только удачное отраженіе отчаяннаго натиска. Оно и справедливо. Въ такомъ только случаѣ непріятель одержалъ бы надъ нами побѣду, если бы онъ насъ преслѣдовалъ и нанесъ намъ пораженіе на нашихъ позиціяхъ. Говорятъ также, что Пелисье въ приказѣ по войскамъ своимъ благодарилъ за мужество, ими оказанное, но понесенную нами потерю въ этомъ приказѣ обозначалъ не точно, опредѣливъ ее до 6 тысячъ, тогда какъ мы потеряли около 9 тысячъ.

Пелисье сегодня прислалъ въ нашу Главную квартиру письмо, духовное завѣщаніе и 300 руб. денегъ, найденные въ карманѣ Реада, но тѣло теперь найти не могутъ, такъ какъ французскіе солдаты, въ числѣ другихъ труповъ, раздѣли и трупъ Реада, который при томъ и безъ головы. Вѣроятно, похоронятъ его, вмѣстѣ съ другими, безъ особенныхъ почестей. Касательно завѣщаній, въ нашемъ отрядѣ остроумно распорядился своимъ достояніемъ одинъ изъ баталіонныхъ командировъ — Ольхинъ. За полчаса до вступленія въ дѣло, онъ объявилъ всѣмъ чинамъ своей батареи, что на немъ 1.700 руб. сереб., и что если его убьютъ, чтобы они знали объ этомъ и деньги пред-

ставили бы по начальству — для пересылки ихъ куда слѣдуетъ. Въ карманѣ у Реада была также и диспозиція на 4-е августа, но ее Пелисье не возвратилъ. Вѣроятно, будетъ она цѣликомъ напечатана въ иностранныхъ журналахъ.

Бомбардировка усиленно продолжается. Теперь уже полночь, а бомбы безъ умолку летаютъ въ городъ и на бастіоны. Не будетъ ли съ разсвѣтомъ штурма? И уцѣлѣетъ ли Севастополь? Во всякомъ случаѣ, не даромъ онъ, родимый, имъ достанется. Нашъ гарнизонъ будетъ драться до послѣдняго, тѣмъ болѣе, что отступить ему некуда: мостъ черезъ Сѣверную бухту до сихъ поръ еще не готовъ. Какъ подумаешь, что осада продолжается уже десять мѣсяцевъ, и до сего времени не могли мы устроить надежнаго сообщенія съ Южной стороной, такъ, право, становится грустно на душѣ. Одинъ только героизмъ нашихъ солдатъ спасаетъ Севастополь, и Крымъ, и Россію. Дайте этимъ солдатамъ предводителей, и никакія арміи заморскія не устоятъ противъ нихъ. Не далѣе какъ 4-го августа я еще болѣе убѣдился, что русскій солдатъ, если разумно повести его, сломитъ всякую преграду, даже преграду изъ штуцернаго огня.

Какую потерю понесъ непріятель 4-го августа? Я думаю, сравнительно съ нашею, самую ничтожную. Въ колоннахъ онъ не стоялъ подъ нашимъ огнемъ, а дѣйствовалъ во все время разсыпнымъ строемъ; при томъ, былъ укрытъ за укрѣпленіями; что же касается до штыковъ, то до нихъ дѣло не доходило. Если онъ потерялъ тысячу или двѣ, то это уже много. Въ плѣнъ нами взято всего десять человѣкъ: 1 офицеръ и 9 нижнихъ чиновъ. Въ этомъ и всѣ трофеи наши.

7-го августа.

Я возвратился въ Главную квартиру на другой день послѣ сраженія, 5-го августа Крыжановскій приказалъ мнѣ тотчасъ же изложить на бумагѣ о дѣйствіи артиллеріи въ отрядѣ Бельгарда. Пока составлялъ я это изложеніе, главнокомандующій прислалъ за мною казака. Въ недоумѣніи, зачѣмъ это главнокомандующій требуетъ меня къ себѣ, побрелъ я къ нему, вслѣдъ за казакомъ. Князь принялъ меня въ палаткѣ, и вотъ какой разговоръ я имѣлъ съ нимъ:

— Гдѣ два баталіона дѣвались?

— Какіе, ваше сіятельство?

— А развѣ артиллеріи не было при нихъ?

— Я не знаю, ваше сіятельство, о какихъ баталіонахъ вы изволите меня спрашивать?

— Такъ вы не знаете, возвратились ли эти баталіоны?

— Не знаю.

— Ступайте.

*

И я, разумѣется, вышелъ отъ главнокомандующаго еще въ большемъ недоумѣніи, нежели пришелъ къ нему. Впослѣдствіи, вся мистификація объяснилась. Дѣйствительно, два баталіона, при двухъ орудіяхъ, заблудились въ ущельяхъ, но не изъ отряда нашего, а изъ отряда Митона. Когда же я возвратился въ Главную квартиру, то, вѣроятно, Ушаковъ, дежурный генералъ, который видѣлъ меня у начальника артиллеріи, доложилъ главнокомандующему, не слыхалъ ли я чего-нибудь о заблудившихся баталіонахъ, такъ какъ я пріѣхалъ изъ тѣхъ мѣстъ. Вслѣдствіе сего, меня и потребовали къ князю.

Тѣло Реада нашли французы и похоронили его съ почестями. Вчера происходила уборка тѣлъ, почему и было дано перемиріе на нѣсколько часовъ. Князь Барятинскій и графъ Строгановъ, которые тамъ были вмѣстѣ съ начальникомъ штаба Липранди Исаковымъ, разсказывали, что къ нимъ навстрѣчу выѣхало много французскихъ офицеровъ и долго съ ними бесѣдовали, угощая нашихъ шампанскимъ и сигарами. Спрашивали каждаго какъ называется полкъ, который первый перешелъ мостъ, и когда имъ сказали, что это Одесскій, то одинъ изъ нихъ, вынувъ изъ кармана бумажникъ и записавъ въ немъ названіе полка, сказалъ: „я никогда не забуду названіе этого храбраго полка, противъ котораго имѣлъ честь сражаться". Вообще, французы отдавали полную справедливость отчаянному мужеству нашихъ войскъ. Когда же Барятинскій спросилъ, отчего между ними не видно англичанъ, то они отвѣчали, что бульдоги подлецы, и что они не любятъ быть вмѣстѣ съ ними; одинъ же прибавилъ: „покажись сюда англичане, я приказалъ бы этимъ фузелерамъ прогнать ихъ палками". Потомъ стали они снова расхвалять нашихъ солдатъ и вообще русскій народъ, увѣряя, что только съ нами могутъ быть они настоящими союзниками, а не съ подлецами англичанами. Всѣ эти подробности передавали мнѣ Барятинскій и Строгановъ, и если онѣ справедливы, то какъ скоро рушился этотъ сердечный союзъ, о которомъ такъ громко прокричали въ Европѣ! Когда узнали они, что Исаковъ—начальникъ штаба у Липранди, то въ одинъ голосъ всѣ вскрикнули: „Ah! le général Lipriandi!" Выходитъ, фамилія этого генерала памятна имъ послѣ 13-го октября.

Реадъ подъѣхалъ къ передовой цѣпи, когда она стала отступать, и послѣднія слова его были:—„стой, ребята. Я вашъ корпусный командиръ. Я уже приказалъ подкрѣпить васъ резервами, они уже идутъ: остановись, реб..." И съ этимъ словомъ — ядро оторвало ему голову.

Тутъ же убитъ и Веймарнъ. Когда ихъ засыпали пулями и ядрами, то онъ сказалъ оберъ-квартирмейстеру, бывшему при немъ: „Il

faut que nous payions ici de nos personnes", — и съ этими словами упалъ съ лошади.

Говорятъ, что у Реада было вѣрное предчувствіе близкой смерти. Вотъ разговоръ, который велъ онъ при графѣ Строгановѣ съ Ушаковымъ, начальникомъ 7-й пѣх. дивизіи, наканунѣ сраженія.

— Съ какой стороны видѣли вы новый мѣсяцъ?—спросилъ Реадъ.

— Какъ съ какой?

— Съ лѣвой или съ правой?

— Ни съ той, ни съ другой; а прямо взглянулъ ему въ рыло.

— А я такъ взглянулъ на мѣсяцъ съ лѣвой стороны, — сказалъ Реадъ, задумавшись немного.

— Ну такъ что жъ?

— Да у меня примѣта: когда взгляну на мѣсяцъ съ лѣвой стороны, всегда проиграю въ карты.

— Сраженіе не карты...

— Тотъ же банкъ: ставятъ карту; одному даютъ, а другаго бьютъ.

Первоначальная диспозиція на 1-е августа, которую разсматривалъ я вмѣстѣ съ Крыжановскимъ на 4-е августа совершенно была измѣнена. Реадъ дѣйствовалъ не на лѣвомъ флангѣ, а на правомъ, а на лѣвомъ былъ Липранди. Говорятъ, что Липранди и Ушаковъ много погрѣшили въ этомъ дѣлѣ: первый дѣйствовалъ нерѣшительно и, занявъ Телеграфическую гору, не атаковалъ Гасфортову; другой же, когда получилъ отъ Реада приказаніе идти къ нему на помощь, не пошелъ, отозвавшись: „Я самъ знаю, когда идти". И пошелъ тогда, когда уже было поздно, и тѣмъ потерялъ безъ нужды едва-ли не половину своей дивизіи. Сомнѣваются даже въ личной храбрости Ушакова. Впрочемъ, объ этомъ слышно было и въ Кіевѣ, послѣ перехода его черезъ Дунай: онъ держалъ себя при переправѣ войскъ чрезъ рѣку на самомъ благородномъ разстояніи отъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

Бѣдный Бельгардъ! На другой день сраженія получилъ онъ печальное извѣстіе о смерти жены своей, а въ тотъ же день вечеромъ узналъ о смерти брата. Два тяжкихъ удара разомъ.

Бомбардировка Севастополя продолжается. Малаховъ курганъ, кажется, совсѣмъ замолкъ. Около сорока амбразуръ у насъ совсѣмъ засыпано. Людей гибнетъ пропасть. Одинъ изъ полковъ 4-й дивизіи шелъ на работу, какъ вдругъ бомба падаетъ среди полка и до сорока человѣкъ ранитъ и убиваетъ осколками. Полкъ этотъ еще не обстрѣленъ, оробѣлъ и отказался идти далѣе; поневолѣ, надо было замѣнить его другимъ. Но сегодня ночью опять поведутъ оробѣвшихъ и, вѣроятно, возьмутъ мѣры, чтобъ они исполняли свой долгъ. Вообще потеря у насъ за эти два дня большая въ Севастополѣ.

Всего въ продолженіе двухъ сутокъ выбыло изъ строя: 3.232. Вотъ какъ дорого обходится намъ бомбардированіе. А уменьшить числительность гарнизона нельзя, потому что ждутъ штурма. Въ настоящую пору въ Севастополѣ 50 т. войска; на одной Южной сторонѣ: 27 т. на лѣвомъ флангѣ оборонительной линіи у Хрулева, и 23 т. на правомъ флангѣ у Семякина.

Говорятъ, ловкую штуку съиграла сегодня бомба въ Севастополѣ. Она упала въ полковую канцелярію, убила тамъ четырехъ писарей и уничтожила всѣ дѣла, оставивъ только невредимою опись дѣламъ, которую, при рапортѣ, и представилъ полковой командиръ Хрулеву, прося его выдать ему свидѣтельство, что письменныхъ дѣлъ при ввѣренномъ ему полку не состоитъ ни одного. Слава Богу. Жаль только писарей.

8-го августа.

Кто злобно улыбнется, когда узнаетъ о неудачномъ дѣлѣ 4-го августа, это князь Меншиковъ. При немъ высоты, которыя мы атаковали, были за нами. Мы сдѣлали большую глупость, уступивъ ихъ непріятелю безъ боя, а теперь едва-ли не впали еще въ бо́льшую глупость, вздумавъ отбить ихъ у него.

Бомбардировка сегодня продолжается, но особенно усиленна была она послѣ обѣда и подъ вечеръ. Одна бомба пробила блиндажъ, гдѣ укрывалось нѣсколько офицеровъ: шесть изъ нихъ убито наповалъ, а восемь тяжко ранены. Страшное убійство! Что-то будетъ послѣ бомбардировки?

Говорятъ, Хрулевъ письменно предлагалъ главнокомандующему бросить Южную сторону и укрѣпиться на Сѣверной, мѣстность которой командуетъ надъ городомъ. Слова нѣтъ, что съ Сѣверной стороны мы могли бы болѣе поражать орудійнымъ огнемъ непріятеля, чѣмъ теперь съ Южной, а при томъ за бухтою избавились бы и отъ ихъ штуцернаго огня. Но для этого надо пожертвовать послѣдними остатками флота и приморскими нашими укрѣпленіями. Говорятъ даже, что объ этомъ представлялъ главнокомандующій и въ Петербургъ, но и оттуда повелѣно: „держаться до послѣдняго на Южной сторонѣ“.

Пріѣзжалъ сегодня въ Главную квартиру Колобовъ, чтобъ явиться Сержпутовскому. Приняли его, какъ я могъ замѣтить, не слишкомъ привѣтливо. Несчастная страсть его къ стяжанію и копленію злата много вредитъ служебной его репутаціи. Былъ также у насъ и Шабельскій. По словамъ его, непріятель въ значительныхъ силахъ обходитъ Чоргунъ и Шулу. Но, сколько я понимаю и изучилъ наши позиціи, намъ съ той стороны опасаться нечего. Напротивъ, намъ

надо желать, чтобъ гг. французы вылѣзли изъ своихъ норъ и отошли отъ Черной рѣчки подалѣе по направленію къ Бахчисараю. Еще неизвѣстно, кто кого отрѣжетъ: они ли насъ, или мы ихъ. Послѣднее вѣроятнѣе, если только не будемъ мы дремать. Но, къ сожалѣнію, мы имѣемъ дѣло съ такимъ врагомъ, котораго въ западню поймать не легко: всякій шагъ, всякое предпріятіе его разсчитаны, и ничего не предпринимаетъ онъ безъ достовѣрнаго вѣроятія на успѣхъ. Липранди спросилъ у одного плѣннаго солдата французскаго: не думаютъ ли они атаковать наши позиціи? — Pas si bête, — отвѣчалъ солдатъ, не запинаясь. Отвѣтъ этотъ до того понравился Липранди, что онъ велѣлъ дать солдату стаканъ вина.

9-го августа.

Сейчасъ, въ 9-ть часовъ вечера, въ Севастополѣ подняли съ обѣихъ сторонъ такую канонаду, какой я еще и не видалъ; слышенъ былъ также и батальный ружейный огонь. Чего добраго, не полѣзли ли они на приступъ, или наши сдѣлали вылазку. Вся Главная квартира вылѣзла изъ своихъ палатокъ, чтобы посмотрѣть на это страшное, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и величественное явленіе. Тысячи бомбъ и ракетъ не переставали летать въ воздухѣ. Завтра все узнаемъ.

Въ часу седьмомъ вечера Крыжановскій самъ подошелъ ко мнѣ, и мы пошли гулять около музыки. Между прочимъ, стали разговаривать о мостѣ, который теперь только строится черезъ Сѣверную бухту. Чѣмъ болѣе вглядываюсь въ дѣла Севастопольскія, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что никто и не заботился у насъ объ обезпеченіи обороны. Все дѣлается, такъ сказать, случайно. Напримѣръ, мысль о постройкѣ моста черезъ бухту родилась случайно, а, между тѣмъ, какія огромныя выгоды принесъ бы онъ гарнизону, если бы былъ построенъ ранѣе. Но объ этомъ никто и не помышлялъ; начали же его строить по слѣдующему случаю. Въ Главной квартирѣ разнесся слухъ, будто бы главнокомандующій представилъ къ наградамъ всѣхъ генераловъ, за исключеніемъ гр. Орлова и Бухмейера. Этотъ послѣдній огорчился и пріѣхалъ подѣлиться своимъ горемъ съ Крыжановскимъ, жалуясь ему на свои неудачи по службѣ. Крыжановскій, какъ человѣкъ прямой, откровенно сказалъ ему, что его и не за что представлять къ наградѣ, такъ какъ онъ ничего въ арміи не дѣлаетъ.

— Какъ ничего? — возразилъ Бухмейеръ: — кто же построилъ мостики черезъ Черную рѣчку, какъ не я?

— Мостики, а не мосты, — смѣясь, сказалъ Крыжановскій: — но вотъ, если бы вы построили намъ мостъ черезъ бухту, то это было бы дѣло славное.

И говоря это, самъ Крыжановскій вовсе и не думалъ о возможности построить мостъ черезъ бухту.

— Да на какомъ же мѣстѣ его построить?

— Какъ на какомъ? — тѣмъ же тономъ продолжалъ Крыжановскій, — у выхода, гдѣ затоплены корабли: вамъ стоитъ только перебросить черезъ нихъ доски, и мостъ готовъ.

Чрезъ три или четыре дня снова пріѣзжаетъ Бухмейеръ, и уже серьезно объявляетъ Крыжановскому, что онъ находитъ возможнымъ построить мостъ чрезъ бухту, но только не у выхода, а посреди бухты, и что онъ составилъ уже и смѣту, и проситъ его доложить обо всемъ главнокомандующему. Крыжановскій отказался докладывать князю, но, одобривъ вполнѣ мысль Бухмейера, предложилъ ему самому доложить главнокомандующему. Такимъ образомъ, отъ шутки — родилась мысль о столь важной работѣ, которая принесетъ намъ, безъ сомнѣнія, пользу необычайную, если только будетъ окончена прежде паденія Севастополя. Да и смѣта незначительная: всего 30 тысячъ рублей.

Говорили также о предложеніи Хрулева перенесть оборону на Сѣверную сторону. На счетъ этого предложенія, мнѣніе Крыжановскаго совершенно совпадаетъ съ моимъ. Отдать Южную сторону Севастополя значитъ отдать Севастополь. По крайней мѣрѣ, такъ прокричатъ въ Европѣ. Правда, обороняться на Сѣверной сторонѣ легче, чѣмъ на Южной, но для этого мы должны пожертвовать нашими фортами, флотомъ и значительною частію артиллеріи. Но если непріятель заставитъ насъ отступать отъ оборонительной линіи на Южной сторонѣ, тогда, поневолѣ, придется намъ обороняться на Сѣверной.—„Но отчего же предварительно не подумать укрѣпить эту сторону?“—спросилъ я.

— Рукъ нѣтъ,—отвѣчалъ Крыжановскій.

— А ополченцы?

— Правда, надо объ этомъ подумать. Знаете что, — прибавилъ Крыжановскій: — я поручу вамъ осмотрѣть внимательно береговую мѣстность на Сѣверной сторонѣ; дамъ вамъ офицера, который начертитъ, по указаніямъ вашимъ, планъ; вы изберете мѣста для укрѣпленій, назначите число орудій, а я, при случаѣ, обо всемъ доложу главнокомандующему. Но пока, до поры до времени, станемъ держать все въ секретѣ, а не то, пожалуй, тотчасъ же разнесется молва, что мы уже переходимъ на Сѣверную сторону, и это можетъ имѣть пагубное вліяніе на гарнизонъ.

Въ заключеніе, толковали мы о взяточникахъ, о разнаго рода мошенникахъ, которыми наполнена наша армія, и о средствахъ, какъ бы уменьшить это зло. Крыжановскій надѣется на строгія мѣры:

не щадить никого, кто попадется; но я думаю, что это не такъ. Мошенники не исправляются отъ того, что одного изъ нихъ уничтожаютъ. Главное, надо какъ можно менѣе оставить способовъ мошенникамъ мошенничать.

Горбатаго могила исправитъ. Такъ и меня ничто не исправитъ отъ глупой откровенности, иногда неумѣстной. Въ бесѣдѣ съ Крыжановскимъ, между прочимъ, я замѣтилъ ему, что онъ напрасно въ бояхъ не бережетъ себя, что не его дѣло снимать батареи съ позиціи, а, тѣмъ болѣе, надѣвать на передки лафеты, что и безъ его личнаго вмѣшательства все это сдѣлается: ему надо только приказать. На это Крыжановскій отвѣчалъ мнѣ, что, къ сожалѣнію, въ этой арміи репутація его, какъ боеваго офицера, еще не составлена, а потому онъ долженъ вести себя такимъ образомъ. Это едва-ли справедливо. Напротивъ, всѣ, съ которыми имѣлъ я случай говорить о Крыжановскомъ, всѣ относятся о немъ съ отличной стороны, и какъ объ администраторѣ, и какъ о военномъ генералѣ. Сказавъ ему это, я замѣтилъ въ пылу разговора, и, легко быть можетъ, весьма не кстати, что его въ одномъ только можно упрекнуть, это въ томъ, что онъ не бережетъ старика [1]), не оказываетъ ему должной атенціи и какъ будто бы совсѣмъ отпираетъ его отъ командованія артиллеріею; даже въ бумагахъ служебныхъ всѣ распоряженія дѣлаются отъ имени Крыжановскаго, а о старикѣ даже и не упоминается. Выслушавъ меня, онъ сильно покраснѣлъ. Замѣтно было, что я попалъ прямо въ жилу. Въ оправданіе свое, онъ мнѣ сказалъ, что, къ сожалѣнію, самъ главнокомандующій не обращаетъ на старика никакого вниманія; когда они оба, по какому-нибудь важному дѣлу, являются къ князю, то онъ подойдетъ прямо къ Крыжановскому, возьметъ его за руку, поведетъ въ кабинетъ, а на Сержпутовскаго даже и не взглянетъ. — Какъ же вы хотите, — сказалъ Крыжановскій въ заключеніе, — чтобъ я. въ служебныхъ отношеніяхъ, поднялъ на ноги старика, когда самъ главнокомандующій сбрасываетъ его на-земь. Мнѣ остается только сожалѣть о старикѣ, этомъ достойнѣйшемъ и благороднѣйшемъ человѣкѣ. — Такъ, да не такъ, — подумалъ я про себя. Главнокомандующій можетъ вести себя въ отношеніи другихъ —какъ ему угодно, но Крыжановскій долженъ вести себя въ отношеніи прямаго своего начальника, какъ подобаетъ подчиненному. Хотя бы по наружности былъ онъ внимательнѣе и почтительнѣе къ старику, но и этого не видно.

Командиромъ 3-го пѣх. корпуса, на мѣсто Реада, назначенъ Н. О. Сухозанетъ. Пушкари наши идутъ въ гору: два главнокомандующихъ:

[1]) Сержпутовскаго.

Горчаковъ и Сумароковъ, и оба артиллеристы, а вотъ теперь и корпусный командиръ назначенъ изъ артиллеріи. Давай-то Богъ, чтобъ нашихъ не затирали. Но каковъ-то будетъ Сухозанетъ въ новомъ его званіи? Говорятъ, что онъ человѣкъ честный и благородный; съ моей стороны я знаю его за умнаго, дѣльнаго и распорядительнаго: Крыжановскій говоритъ, что онъ и боевой. Но, не командуя никогда никакими отрядами, а начальствуя постоянно одною только артиллеріею, достанетъ ли у него столько силъ, чтобъ на полѣ битвы разомъ обнять цѣль и назначеніе всѣхъ трехъ родовъ войска. Замѣчательно, недѣлю тому назадъ, Шейдеманъ показывалъ мнѣ письма, полученныя имъ въ разное время отъ Сухозанета. Въ одномъ изъ нихъ, жалуясь на свое бездѣйствіе, онъ выражалъ сожалѣніе, что не раздѣляетъ трудовъ и опасностей съ героями Севастополя, и что настанетъ время, когда русскому генералу стыдно будетъ сознаться, что онъ не участвовалъ въ такой славной и небывалой оборонѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ

и

Россія шестнадцатаго вѣка.

XIII [1]).

По главѣ земщины Грознымъ были поставлены Мстиславскій и Бѣльскій, но уже въ 1571 г. первый изъ нихъ былъ обвиненъ въ преступныхъ сношеніяхъ съ татарами; прощенный благодаря заступничеству митрополита Кирилла, онъ навлекъ на себя, нѣсколько времени спустя, новыя подозрѣнія; этотъ разъ въ дѣлѣ оказались замѣшанными его сыновья. Тогда Іоаннъ казнилъ многихъ бояръ, и „всякаго чина людей“, обвиненныхъ въ сообщничествѣ съ Мстиславскимъ, посадилъ въ Кремлѣ „царемъ всея Россіи“ крещенаго татарина, касимовскаго хана Симеона Бекбулатовича, самъ же, отказавшись отъ царскаго званія и всѣхъ связанныхъ съ нимъ почестей, назвался „Иваномъ Московскимъ“, выѣхалъ изъ города и, живя въ слободѣ, ѣздилъ на поклонъ къ Симеону просто, какъ бояринъ, „въ оглобляхъ“, и всѣ грамоты и челобитья приказалъ писать на имя Симеона.

Начиная съ 1575 г. сохранилось множество документовъ, подъ которыми Симеонъ Бекбулатовичъ подписался оффиціально „царемъ всея Россіи“; изъ другихъ документовъ видно, что Іоаннъ оказывалъ ему всевозможные знаки почтенія, писалъ ему челобитныя, какъ любой изъ его подданныхъ и, посѣщая названнаго царя, высаживался изъ повозки вмѣстѣ съ боярами далеко отъ палатъ, предоставленныхъ въ его полное распоряженіе. Симеонъ, повидимому, былъ даже коро-

[1]) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1904 г.

нованъ, хотя Іоаннъ, упомянувъ объ этомъ однажды въ своихъ бесѣдахъ съ англичаниномъ Даніиломъ Сильвестеромъ, отрицалъ впослѣдствіи этотъ фактъ, показывая семь коронъ и прочіе знаки своего царскаго достоинства, которые находились у него. Но, какъ никакъ, восьмая корона была возложена на главу Симеона.

Что же означала эта комедія, продолжавшаяся вплоть до 1576 г.?

Едва-ли нужно говорить, что Іоаннъ не думалъ предоставить своему замѣстителю сколько-нибудь серьезную, фактическую власть. Какъ разъ въ это время происходили переговоры относительно польскаго наслѣдія и Симеонъ Бекбулатовичъ не принималъ въ нихъ ни малѣйшаго участія.

Въ 1576 году, когда въ Москву пріѣхали послы императора германскаго, Кобенцель и князь фонъ-Бухау, Іоаннъ держалъ себя такъ, какъ будто новаго царя не существовало вовсе, а вскорѣ послѣ этого, онъ выслалъ его изъ Москвы, давъ ему въ управленіе Тверь и Торжокъ, гдѣ Симеонъ далеко не игралъ роли независимаго царька, въ родѣ бывшихъ удѣльныхъ князей, и въ своихъ письмахъ къ Іоанну подписывался его холопомъ.

Какой же тайный смыслъ имѣлъ этотъ кратковременный эпизодъ царствованія Грознаго?

Горсей объясняетъ его финансовыми соображеніями и говоритъ, что Іоаннъ придумалъ эту комедію для того, чтобы совершить нѣчто въ родѣ банкротства и сложить на царя Симеона денежныя обязательства, которыя онъ не въ состояніи былъ выполнить. Флетчеръ упоминаетъ о конфискаціи церковныхъ имуществъ, произведенной будто бы Симеономъ; послѣ чего, Іоаннъ, вступивъ снова въ правленіе, поспѣшилъ возвратить церквамъ и монастырямъ ихъ имущества,—удержавъ, однако, изъ нихъ нѣкоторую часть и потребовавъ „за эту милость“ большую сумму денегъ. По мнѣнію того же автора, посадивъ на престолъ Симеона, царь хотѣлъ побороть дурное впечатлѣніе, какое производило его царствованіе, замѣнивъ его еще болѣе тяжелымъ.

Другіе объясняютъ этотъ фактъ желаніемъ Іоанна унизить земщину и ненавистныхъ ему бояръ, иные говорятъ, что онъ хотѣлъ, прикрываясь именемъ Симеона, дать полную волю своей необузданной жестокости.

Но все это одни предположенія, коимъ противорѣчатъ факты. Въ сущности, Симеонъ не правилъ Россіей ни худо, ни хорошо, ибо онъ вовсе не управлялъ ею. Онъ былъ на престолѣ не болѣе какъ куклою и не имѣлъ случая ни въ чемъ проявить своихъ способностей; всѣ документы, на которыхъ встрѣчается его подпись, касаются ничтожныхъ, второстепенныхъ дѣлъ.

Такимъ образомъ, истинная цѣль, которую имѣлъ въ виду Грозный

ный, посадивъ на престолъ Симеона Бекбулатовича, остается исторической загадкой.

Возможно также, какъ предполагаютъ нѣкоторыя лица, что эта комедія имѣла отношеніе къ переговорамъ, которые были начаты въ это время съ Англіей.

Добиваясь союза съ королевой Елисаветой, Грозный мечталъ о поѣздкѣ за море. Несомнѣнно, что для временнаго правителя, котораго было бы необходимо назначить на это время, личность Симеона представляла всѣ необходимыя качества. Іоаннъ не рисковалъ бы, по возвращеніи, найти свое мѣсто занятымъ, такъ какъ Симеонъ былъ полнымъ ничтожествомъ, не имѣлъ ни съ кѣмъ связей, и никто не интересовался имъ.

Въ то время какъ Іоаннъ пытался завоевать Ливонію и Прибалтійскій край, чтобы войти въ сношеніе съ Западомъ, въ Европѣ нашлись люди, готовые пойти ему въ этомъ случаѣ навстрѣчу.

То была эпоха великихъ открытій и смѣлыхъ предпріятій, въ которыхъ Англія была заинтересована болѣе всѣхъ другихъ странъ, ибо тогда, какъ и теперь, для ея промышленности были необходимы новые рынки. Въ 1552 г. нѣсколько именитыхъ купцовъ Лондона вступили въ переговоры съ извѣстнымъ венеціанскимъ мореплавателемъ, Себастіаномъ Каботомъ [1]) и, на слѣдующій годъ, составили экспедицію для розыска новыхъ земель на сѣверо-востокѣ и для открытія пути черезъ сѣверъ въ Китай. По подпискѣ были собраны нужныя для этого деньги, 6.000 ф. стерл. и 23-го мая (н. ст.) 1553 г. изъ Гарвичской гавани вышло три судна: „Good-Hop“ („Добрая Надежда“), подъ командою сэра Виллоуби, „Bonne Aventure“, подъ командою Ричарда Ченслера и „Bonne Confiance“, подъ командою Корнеліуса Дерфорта. Такъ какъ Каботъ былъ извѣстенъ какъ космографъ и въ эспедиціи принимали участіе самые высокопоставленныя лица, лордъ казначейства маркизъ Винчестеръ, церемоніймейстеръ графъ Арундель, хранитель печати графъ Пемброкъ, то весьма вѣроятно, что она преслѣдовала также какую-нибудь научную цѣль, и хотя случайность играла вѣроятно не малую роль въ плаваніи экспедиціи, но весьма возможно, что члены ея знали приблизительно, куда они направляются, такъ какъ по прибытіи ихъ на русское побережье, на одномъ изъ судовъ очутились переводчики.

---

[1]) Себастіанъ Каботъ (Caboto), одинъ изъ даровитѣйшихъ космографовъ и мореплавателей своего времени, открывшій о. Ньюфаундлендъ, проливъ и заливъ, носящіе имя Гудзона и совершившій по порученію Карла V большое путешествіе въ Ю. Америку, которое довело его до Лаплаты. Умеръ около 1557 г. въ Лондонѣ.

Мартенсъ упоминаетъ въ своемъ Собраніи трактатовъ (IX и X, стран. VI) о дипломатическихъ актахъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что между Іоанномъ и Эдуардомъ VI еще ранѣе происходили дипломатическія сношенія. Чѣмъ они были вызваны, не извѣстно, но во всякомъ случаѣ они не содѣйствовали распространенію сколько-нибудь правильныхъ свѣдѣній о Россіи, ибо еще двадцать лѣтъ спустя Герберштейнъ говорилъ о Московіи, какъ о странѣ легендарной, и пресерьезно передавалъ о ней самые невѣроятные разсказы, вродѣ того, что въ Московіи обитали народы, имѣвшіе обыкновеніе умирать осенью и воскресать весною; что они жили на берегу большой рѣки гдѣ ловилась рыба, у которой „голова, глаза, носъ, ротъ, руки и ноги были человѣчьи, но рыбы эти были нѣмы и мясо ихъ было очень вкусное“...

Виллоуби и его спутниковъ ожидали болѣе тяжелыя испытанія, нежели встрѣча съ подобными чудовищами. Буря разсѣяла ихъ эскадру, и Ченслеръ съ своей „Bonne Aventure“ потерялъ изъ вида остальныя два судна. Тщетно ожидалъ онъ ихъ въ Вардегусѣ (Vardöhus), условленномъ сборномъ пунктѣ на норвежскомъ берегу, былъ вынужденъ отправиться въ дальнѣйшій путь одинъ и очутился 24-го августа въ какомъ-то заливѣ, гдѣ, при его появленіи, нѣсколько рыбацкихъ лодокъ обратились въ бѣгство; англичане преслѣдовали ихъ и, настигнувъ, узнали отъ рыбаковъ, что они въ Московіи. Холмогорскія власти поспѣшили дать знать царю о прибытіи иностранцевъ, и Іоаннъ пригласилъ ихъ въ Москву, предоставивъ имъ, однако, право отказаться отъ этой поѣздки и свободно заниматься торговлей, если они пріѣхали съ этой цѣлью.

Ченслеръ поспѣшилъ въ столицу, гдѣ онъ провелъ 13 дней, видѣлъ царя, былъ имъ обласканъ и возвратился въ Англію съ дружелюбнымъ отвѣтомъ на циркулярное посланіе, представленное членами экспедиціи.

Слѣдующей зимой въ Москвѣ разнеслась вѣсть, что на берегу Бѣлаго моря найдено два судна съ трупами, нагруженныя товарами. Это и были „Bonne Aventure“ и „Bonne Confiance“ съ ихъ экипажами: на нихъ оказалось 83 человѣка изъ 125 сѣвшихъ на суда въ Гарвичѣ. Виллоуби, загнанный бурею въ заливъ Сѣверной Двины, былъ свидѣтелемъ гибели всѣхъ своихъ спутниковъ, которые умерли одинъ за другимъ отъ голода и холода. Оставленный имъ дневникъ свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ пережилъ ихъ всѣхъ до января мѣсяца 1554 г.

Ченслеръ, возвратясь въ Англію, не засталъ болѣе въ живыхъ короля Эдуарда VI; но Марія и Филиппъ испанскій, выслушавъ его донесеніе, послали его вторично въ Москву представителемъ вновь обра-

зованной кампаніи „Fellowship of english merchants for discovery of new trades“ (Англійская торговая кампанія для открытія новыхъ торговыхъ путей), замѣнившей собою первоначальное общество „для открытія новыхъ земель“ (Society for the discovery of unknown lands), организовавшее экспедицію. На практикѣ эта компанія называлась просто Московской или русской компаніей. При начальникѣ новой экспедиціи состояли два спеціальныхъ агента, Ричардъ Грей и Георгъ Киллингворсъ; имъ дана была инструкція, представляющая собою верхъ совершенства. Агентамъ вмѣнялось въ обязанность: изучить характеръ и нравы московскаго населенія, монеты, мѣры и вѣсы, принятыя въ странѣ; слѣдить за тѣмъ, чтобы ихъ соотечественники строго соблюдали русскіе законы: организовать въ Москвѣ и прочихъ большихъ городахъ конторы и магазины; изучить и выяснить родъ и качество товаровъ, кои могли находить сбытъ въ Московіи, и изыскать наиболѣе удобный путь на Дальній Востокъ и, главнымъ образомъ, въ Китай. Въ инструкціи также были перечислены русскіе продукты: воскъ, сало, деготь, конопля, ленъ, мѣха, ввозъ которыхъ въ Англію былъ желателенъ; поручалось достать образчики минераловъ, которые было бы желательно добывать въ Россіи, и свѣдѣнія о нѣмецкихъ или польскихъ матеріяхъ, которыя можно было бы замѣнить на русскомъ рынкѣ англійскими произведеніями. Наконецъ, въ инструкціи обсуждалась возможность монополизировать нѣкоторыя отрасли внѣшней торговли Московіи. Она давала, такимъ образомъ, цѣлую программу, для выполненія которой Ченслеръ, Грей, Киллингворсъ и ихъ преемники оказались вполнѣ на высотѣ своего призванія.

Отплывъ вторично въ Россію, Ченслеръ прибылъ безпрепятственно въ Москву, вступилъ въ переговоры съ канцлеромъ Висковатымъ и успѣлъ выхлопотать грамоту, которая даровала его компаніи огромныя привилегіи: полную свободу торговли, особую юрисдикцію для англичанъ, проживавшихъ въ Россіи, въ силу которой всѣ недоразумѣнія, возникавшія между англійскими подданными, рѣшались на основаніи англійскихъ законовъ и подчинялись рѣшенію царя только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ дѣлѣ были замѣшаны и русскіе.

Первое время компанія получала огромные барыши. Согласно донесенію одного изъ агентовъ этой кампаніи, они продавали въ Новгородѣ за 17 рублей, или столько же фунтовъ стерл. по тогдашнему курсу, кусокъ сукна, цѣна котораго, вмѣстѣ съ провозомъ, не превышала 6 фунтовъ.

Но эти крупные барыши вызвали въ скоромъ времени опасную конкурренцію. По слѣдамъ англійскихъ мореплавателей шли уже норвежскія и голландскія суда. Монополіи англичанъ грозила опасность.

Возникли недоразумѣнія и распри, и Іоаннъ Грозный былъ вынужденъ послать съ своей стороны въ Англію посредника, которому было поручено выяснить эти недоразумѣнія.

10-го (21-го) іюля 1556 г., вологодскій намѣстникъ Іосифъ Григорьевичъ Непѣя отправился въ Англію, съ тремя судами, нагруженными товаромъ, коими командовалъ Ченслеръ.

Къ несчастью, послѣ трехмѣсячнаго плаванія только одно судно достигло цѣли путешествія, разбившись на берегу Шотландіи, остальныя два пропали безвозвратно. Ченслеръ, ѣхавшій на этомъ суднѣ вмѣстѣ съ Непѣемъ, погибъ со своимъ сыномъ и частью экипажа, геройски стараясь спасти московскаго посла. Семь человѣкъ русскихъ, сопровождавшихъ его, также погибли вмѣстѣ съ товаромъ на 7.000 фунтовъ стерл., при чемъ удалось спасти только жалкіе остатки этого груза.

Московскому послу удалось спастись; но онъ былъ задержанъ слѣдствіемъ, назначеннымъ по повелѣнію королевы для розыска товаровъ, расхищенныхъ при спасаніи прибрежными жителями, и добрался до Лондона только въ февралѣ 1557 г. Въ награду за испытанныя имъ бѣдствія, ему приготовили великолѣпный пріемъ. Къ его свитѣ присоединились 140 купцовъ съ ихъ приказчиками. Онъ въѣхалъ въ Лондонъ на подаренной ему лошади съ роскошной сбруей; навстрѣчу ему выѣхалъ самъ лордъ-мэръ. Въ мартѣ мѣсяцѣ Непѣя получилъ аудіенцію у Филиппа, только-что возратившагося изъ Фландріи, а въ маѣ мѣсяцѣ этотъ вновь испеченный дипломатъ, несмотря на испытанныя имъ бѣдствія, считалъ свою миссію благополучно оконченной. Ему удалось въ свою очередь выговорить для своей страны нѣкоторыя привилегіи: свободу торговли въ Англіи, особую юрисдикцію для русскихъ подданныхъ, проживающихъ въ великобританскихъ владѣніяхъ; дозволеніе приглашать тамъ на службу царя ремесленниковъ, инженеровъ и врачей.

Самый важный вопросъ о торговой монополіи англичанъ въ предѣлахъ Московскаго государства не былъ рѣшенъ окончательно; но, отправляя Непѣя обратно на англійскомъ суднѣ, Филиппъ и Марія разсчитывали для устройства этого дѣла на командира этого судна Антона Дженкинсона, которому суждено было, дѣйствительно, играть видную роль въ исторіи сближенія Англіи и Россіи.

Онъ состоялъ на службѣ московской компаніи, получая 40 фун. стерл. жалованья, но стоилъ гораздо бо́льшаго. Это былъ опытный человѣкъ, объѣхавшій почти всю Европу и берега Азіи и Африки. Высадившись въ Россіи въ іюлѣ мѣсяцѣ 1557 г., онъ прожилъ, съ цѣлью познакомиться съ мѣстными нравами, довольно долго въ Холмогорахъ и Вологдѣ и прибылъ въ Москву только въ декабрѣ. Ласково принятый Іоанномъ, онъ повелъ дѣло такъ ловко, что царь ни съ кѣмъ

инымъ не хотѣлъ болѣе имѣть дѣла. Дженкинсонъ былъ типичнымъ представителемъ той категоріи „дѣловыхъ людей“ (business men), коимъ Великобританія обязана видной ролью, какую она играетъ въ мірѣ: онъ обладалъ умѣніемъ великолѣпно вести дѣла, широтою взглядовъ, предпріимчивостью, твердой волей и желѣзнымъ характеромъ и былъ всегда готовъ на всякій смѣлый шагъ.

Проведя зиму въ Москвѣ, онъ очутился на слѣдующій годъ въ Астрахани, и въ августѣ мѣсяцѣ, первый изъ англичанъ, появился на Каспійскомъ морѣ. Пріѣхавъ въ сопровожденіи всего двухъ соотечественниковъ, онъ привезъ съ собою массу товара, для перевозки котораго далѣе, въ Бухару, въ Туркестанскія степи, и еще далѣе, если бы оказалась возможность, ему пришлось нанять у туркменъ тысячу верблюдовъ. Онъ замышлялъ даже проѣхать въ Китай.

Но въ Бухарѣ его застигла война: повелитель Самарканда осадилъ городъ. Ловкій и смѣлый Дженкинсонъ во-время уѣхалъ восвояси и въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1559 г. появился снова въ Москвѣ, вмѣстѣ съ бухарскимъ посольствомъ и двадцатью пятью русскими плѣнными, взятыми у туркменъ. Онъ поднесъ царю подарки: хвостъ бѣлаго буйвола и татарскій барабанъ, которые были милостиво приняты Іоанномъ.

Изъ своего путешествія Дженкинсонъ вынесъ убѣжденіе, что съ точки зрѣнія торговли страны Дальняго Востока, которыя онъ посѣтилъ, не представляли для англичанъ никакого интереса; но онъ задался цѣлью завести сношенія съ Персіей.

Стараясь пріобрѣсти для англійской торговли новые рынки и обезпечить Англіи пріобрѣтенныя уже ею въ Московіи привилегіи, Дженкинсонъ велъ одновременно ожесточенную борьбу съ италіанскими и брабантскими конкуррентами. Одному ловкому италіанскому торговому агенту, Рафаилу Барберини, удалось получить въ Москвѣ патентъ на торговлю; воспользовавшись этимъ, онъ сталъ распространять слухи, будто англичане не болѣе какъ посредники, привозящіе въ Москву для продажи произведенія голландской и французской промышленности. Дженкинсонъ отвѣчалъ на это, добившись въ пользу московской компаніи новой грамоты, коей не только подтверждалось ея исключительное право на торговлю въ Москвѣ, но оно было распространено на земли отъ устьевъ Сѣверной Двины до береговъ Оби, включая сюда Холмогоры, Колу, Мезень, Печору и Соловецкъ; этой грамотой за англичанами было признано исключительное право имѣть торговый дворъ въ Москвѣ и склады на Двинѣ, въ Вологдѣ, Ярославлѣ, Костромѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Астрахани, Новгородѣ, Псковѣ, Нарвѣ, Юрьевѣ и безпошлинный провозъ товаровъ въ Бухару и Самаркандъ.

Эти совершенно неожиданныя и съ точки зрѣнія русскихъ несомнѣнно чрезмѣрныя привилегіи были вызваны, вѣроятно, особаго рода соображеніями, подъ вліяніемъ которыхъ англо-московскія сношенія вступили въ совершенно новый фазисъ.

Іоанна не могло не поразить все то, что онъ слышалъ за послѣдніе годы отъ своихъ англійскихъ гостей или что онъ могъ заключить изъ ихъ разсказовъ о геніи и величіи ихъ народа. Съ другой стороны, борьба, которую царю приходилось вести внутри и извнѣ, вызвала въ немъ тягостное чувство одиночества. Было вполнѣ естественно, что подъ вліяніемъ этихъ чувствъ въ его пылкомъ и своевольномъ умѣ зародилась навязчивая мысль о необходимости пріобрѣсти себѣ союзницу въ Англіи и что эта мысль преслѣдовала его до самой смерти.

Заручиться для борьбы съ внѣшними врагами, обладавшими сильной арміей и флотомъ, союзомъ державы, которая благодаря своимъ вооруженнымъ силамъ, торговлѣ и богатству начинала уже играть первенствующую роль въ Европѣ; обезпечить себѣ поддержку и, въ случаѣ надобности, дѣятельную помощь противъ своихъ внутреннихъ враговъ представлялось для царя весьма заманчивымъ, тѣмъ болѣе, что при его пылкомъ и нѣсколько болѣзненномъ воображеніи Іоанну подчасъ дѣйствительно могло казаться необходимымъ искать убѣжища внѣ предѣловъ Россіи: а благодаря столь могучей союзницѣ онъ могъ бы всегда вернуться побѣдоносно, когда ему заблагоразсудится. Возможно, что къ этимъ планамъ примѣшивались и соображенія болѣе романическаго характера. Такова уже была судьба Елисаветы, что ей дѣлались то и дѣло болѣе или менѣе лестныя предложенія, въ которыхъ матримоніальные виды сочетались съ интересами политики. Возможно, что и Іоаннъ, не взирая на свои преклонныя лѣта и недуги, вздумалъ причислить себя къ числу соискателей руки англійской королевы. Съ другой стороны, Елисавета съ юныхъ лѣтъ была мастерица уклоняться отъ брачныхъ предложеній, не оскорбляя своихъ претендентовъ, и Дженкинсонъ, какъ ловкій дипломатъ, могъ воспользоваться этимъ свойствомъ своей монархини. Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что, возвращаясь въ Англію въ 1567 году, онъ получилъ отъ царя секретное порученіе, въ точности намъ неизвѣстное, но вѣроятно крайне щекотливое, такъ какъ отвѣтъ на него заставилъ себя долго ждать, такъ долго, что это отразилось даже на судьбѣ англійской торговли въ Москвѣ.

Открытіе для иностранцевъ Нарвскаго порта и образованіе въ Антверпенѣ и въ самой Англіи нѣсколькихъ новыхъ торговыхъ компаній угрожало монополіи той компаніи, интересы которой были такъ прекрасно обезпечены Дженкинсономъ.

Въ 1568 г. Елисавета сочла нужнымъ помочь бѣдѣ и такъ какъ Дженкинсонъ въ то время не былъ свободенъ, то она рѣшила послать вмѣсто него человѣка съ положеніемъ, именно почтъ-директора Ѳому Рандольфа. Изъ данныхъ ему инструкцій можно, хотя отчасти, составить себѣ понятіе о томъ, какого рода секретныя предложенія были сдѣланы Іоанномъ королевѣ Елисаветѣ. Рандольфу было поручено „водворить порядокъ въ англійской торговлѣ", обойдя, насколько возможно, эти предложенія молчаньемъ, но увѣрить однако царя, что въ случаѣ какого-либо несчастія королева не откажетъ ему въ гостепріимствѣ. Слѣдовательно, Іоаннъ дѣйствительно думалъ уѣхать въ Англію. Но дѣло затруднялось еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что, желая обезпечить себѣ въ Англіи временный пріютъ, царь хотѣлъ, со своей стороны, оказать королевѣ подобную же услугу. Гордость не позволяла ему просить болѣе того, что онъ самъ могъ дать, поэтому онъ требовалъ, чтобы королева, которой также приходилось вести борьбу съ внутренними врагами и подвергаться всевозможнымъ случайностямъ, признала Кремль мѣстомъ убѣжища, оффиціально предоставленнымъ въ ея распоряженіе. Можно себѣ представить, имѣла ли дочь Генриха VIII возможность заключить подобную сдѣлку.

Рандольфъ пріѣхалъ въ Москву въ октябрѣ мѣсяцѣ; время было неудачное: тогда происходила извѣстная распря Іоанна съ митрополитомъ Филиппомъ. Грозный былъ не въ духѣ; къ тому же продолжительное молчаніе Елисаветы оскорбило и раздражило вспыльчиваго царя. Въ результатѣ оказалось, что посолъ, какъ это нерѣдко случалось въ Москвѣ, подвергся до февраля мѣсяца 1569 г. домашнему аресту; къ нему никого не допускали, и онъ не имѣлъ возможности выполнить даннаго ему порученія. Когда же, по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ, ему наконецъ удалось добиться аудіенціи, то это совершилось безъ обычной торжественности: царь даже не пригласилъ его, какъ это было принято, къ столу.

Что произошло на этой аудіенціи, намъ не извѣстно; но она видимо совершенно измѣнила настроеніе царя, ибо, нѣсколько дней спустя, Іоаннъ снова пригласилъ Рандольфа во дворецъ, но на этотъ разъ посолъ долженъ былъ явиться къ нему съ соблюденіемъ величайшей тайны, въ ночное время, переодѣтымъ. Свиданіе продолжалось три часа; что на немъ говорилось — не извѣстно.

На другой день царь уѣхалъ въ Слободу, откуда онъ вернулся только въ апрѣлѣ; и въ его отношеніи къ англичанамъ тотчасъ обнаружилась совершенная перемѣна. Онъ не только согласился подтвердить вновь всѣ привилегіи, дарованныя московской компаніи, но предоставилъ ей новыя весьма существенныя льготы.

Очевидно. Рандольфъ подалъ царю какія-нибудь новыя надежды.

для осуществленія которыхъ былъ посланъ въ Лондонъ новый московскій посланникъ.

Его звали Савинъ. Къ сожалѣнію, пробывъ десять мѣсяцевъ на берегу Темзы, онъ не добился ничего существеннаго и только привезъ письмо Елисаветы, написанное въ крайне туманныхъ и неудовлетворительныхъ выраженіяхъ. Къ обѣщанію придти на помощь царю, на которое трудно было полагаться, королева присовокупляла только увѣреніе, что ей будетъ пріятно принять царя съ подобающими его сану почестями, когда ему заблагоразсудится стать ея гостемъ, и что она готова взять на себя расходы по его содержанію.

Это была милостыня, которую она предлагала Іоанну вмѣсто союза, о коемъ онъ мечталъ.

Прочитавъ это посланіе, Іоаннъ какъ будто очнулся отъ дивнаго сновидѣнія, а какъ мы знаемъ, онъ часто просыпался не въ духѣ. Потерявъ, по обыкновенію, всякое самообладаніе, онъ написалъ Елисаветѣ рѣзкое письмо, въ которомъ говорилъ, что онъ не допускаетъ мысли, чтобы королева по своей волѣ отнеслась столь пренебрежительно къ монарху, который считалъ себя потомкомъ римскихъ кесарей; онъ полагалъ, что она вольна дѣлать, что хочетъ, а теперь убѣдился, что ею управляютъ мужчины, и какіе мужчины? мужики. „А ты сама пошлая дѣвица, писалъ онъ, и ведешь себя какъ таковая. Я отказываюсь поддерживать съ тобою сношенія. Москва можетъ обойтись и безъ англійскихъ мужиковъ“. Эти бранныя рѣчи были не особенно страшны и могли только вызвать улыбку у Елисаветы, привыкшей къ мадригаламъ. Гораздо важнѣе было то обстоятельство, что еще до полученія этого письма въ Лондонѣ узнали, что царь лишилъ московскую компанію всѣхъ ея привилегій, старыхъ и новыхъ, приказалъ конфисковать ея товары и наложилъ запрещеніе на англійскую торговлю. Это было несравненно важнѣе его сердитаго отвѣта.

Торговый рынокъ, пріобрѣтенный цѣною такихъ усилій, былъ потерянъ. Приходилось отказаться отъ надежды отвоевать его у конкурентовъ. Надобно было, во что бы то ни стало, предотвратить это бѣдствіе, на что былъ способенъ только одинъ человѣкъ; отправляя въ Москву новое посольство, во главѣ котораго былъ поставленъ оффиціально Робертъ Бестъ, бывшій агентъ московской компаніи, Елисавета дала ему въ помощники Дженкинсона.

Попавъ въ Россію, этотъ энергичный человѣкъ сразу почувствовалъ, насколько обстоятельства измѣнились. Высадившись въ 1571 г. на одномъ островѣ въ заливѣ св. Николая, прозванномъ англійскими мореплавателями Rose-Island (Розовый островъ) по причинѣ увидѣнныхъ тамъ дикихъ розъ, онъ послалъ въ Москву извѣстить о своемъ пріѣздѣ бывшаго переводчика Савина, Даніила Сильвестера, который

не имѣлъ однако возможности ни доѣхать въ столицу, ни дать о себѣ извѣстій по причинѣ чумы, свирѣпствовавшей въ странѣ, вслѣдствіе которой на всѣхъ дорогахъ были установлены карантины и заставы. Другаго посланнаго едва не сожгли живьемъ, когда онъ попытался пробраться сквозь заставы силою. Іоаннъ былъ занятъ въ то время войною со Швеціей и, по словамъ русскихъ, о свиданіи съ нимъ нечего было и думать. Они утверждали, что ѣхать Дженкинсону въ Москву значило рисковать жизнью, такъ какъ царь, считая его виновнымъ въ томъ, что предложенія его не были приняты, объявилъ, что онъ поплатится головою, если осмѣлится появиться въ Россіи.

Англичанина это заявленіе не смутило, но оно возъимѣло свое дѣйствіе на русскихъ властей: холмогорскій губернаторъ не хотѣлъ дать ему ни помѣщенія, ни провизіи и отказалъ ему въ покровительствѣ, когда мѣстные жители стали относиться къ нему враждебно. Дженкинсонъ промаялся такимъ образомъ до января 1572 г.; тогда, рѣшивъ дѣйствовать смѣло, онъ добился наконецъ того, что его пропустили въ Москву, и не побоялся явиться къ Грозному въ село Александровское. Вѣроятно, Дженкинсону удалось тѣмъ временемъ какъ-нибудь оправдаться передъ царемъ, такъ какъ онъ принялъ его весьма милостиво.

Сокративъ церемоніи обязательной публичной аудіенціи, Іоаннъ поспѣшилъ назначить англичанину частное свиданіе, на которое были допущены только двое изъ его приближенныхъ. По обыкновенію, Грозный началъ разговоръ издалека и къ главному и единственно важному вопросу, присоединилъ десять другихъ; распространился о какихъ-то англійскихъ купцахъ, у которыхъ были перехвачены письма съ оскорбительными отзывами о немъ и его правительствѣ, и только, послѣ всевозможныхъ околичностей, заговорилъ о дѣлѣ, спросивъ, въ какомъ положеніи находилось „секретное дѣло“, о которомъ онъ говорилъ съ Дженкинсономъ и относительно котораго Рандольфъ далъ самыя положительныя обѣщанія?

Дженкинсонъ отвѣчалъ: „Я дословно передалъ королевѣ сдѣланныя чрезъ меня предложенія, и ея величество, *принявъ ихъ*, поручила Рандольфу вести дальнѣйшіе переговоры, но послѣдній отрицалъ, что онъ принялъ какія бы то ни было обязательства. Вѣроятно, произошло какое-нибудь „недоразумѣніе, по винѣ переводчика“.

Въ подтвержденіе своихъ словъ, Дженкинсонъ предъявилъ письмо Елисаветы.

Іоаннъ былъ конечно пріятно изумленъ, не найдя въ немъ упоминанія о его дерзостяхъ. Королева отвѣчала, съ большимъ достоинствомъ, что ея подданные не внушаютъ ей никакого неудовольствія или опасеній, которыя побуждали бы ее искать пріюта въ чужой

странѣ. Увѣряя царя въ своемъ совершенномъ расположеніи, она писала, что если онъ согласится предать забвенію свое законное неудовольствіе противъ англійскихъ купцовъ и возвратитъ имъ ихъ привилегіи, то она готова дать ему самыя несомнѣнныя доказательства своей дружбы.

Благодаря ловкости Дженкинсона, Грозный принялъ должно быть за знакъ почтенія слова, выражавшія пренебреженіе, и такъ какъ Елисавета не отвѣтила ему бранью, то онъ счелъ себя удовлетвореннымъ и былъ обезоруженъ. Нѣкоторое время Іоаннъ колебался, но, давъ Дженкинсону вторичную аудіенцію, заявилъ ему о своей готовности возвратить московской компаніи, безъ всякихъ условій, дарованныя ей привилегіи, а на вопросъ Дженкинсона: кто именно изъ англійскихъ подданныхъ возбудилъ неудовольствіе царя, отвѣчалъ, въ свою очередь, съ большимъ достоинствомъ: „Къ чему называть ихъ имена! Я простилъ ихъ не для того, чтобы ваша королева наказывала ихъ".

Какую царь имѣлъ заднюю мысль, говоря это, не извѣстно; но успѣхъ, одержанный Дженкинсономъ, былъ непродолжителенъ; поэтому его слѣдуетъ приписать исключительно его собственной ловкости и умѣнью.

Этотъ ловкій дипломатъ уѣхалъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1572 г. изъ Москвы навсегда, а на слѣдующій годъ, Сильвестръ, посланный московской компаніей въ Лондонъ, привезъ нерадостныя вѣсти: царь, ссылаясь на сношенія, которыя англійскіе купцы завязали яко бы съ Польшею, обложилъ ихъ пеней въ видѣ пошлинъ на товары, и хотя эти пошлины были не столь значительны, какъ платимыя прочими иностранцами, но все же это противорѣчило дарованнымъ привилегіямъ. Когда уполномоченный компаніей выразилъ предположеніе, что это враждебное отношеніе вызвано неудовольствіемъ царя по поводу его неудавшихся плановъ относительно союза, то Елисавета рѣшилась возложить на самого Сильвестра новое порученіе: она велѣла ему передать царю свое согласіе вести съ нимъ секретные переговоры, о чемъ бы онъ ни пожелалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ приказала объяснить ему, что она не могла подать своимъ подданнымъ мысли, что она не чувствуетъ себя въ безопасности среди нихъ, ибо этимъ она могла бы дѣйствительно поставить себя въ опасное положеніе.

Сильвестръ засталъ Іоанна въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1575 г. въ новомъ помѣщеніи, которое царь построилъ себѣ и гдѣ онъ намѣревался жить какъ частный человѣкъ, предоставивъ Кремль и престолъ царю Симеону.

— Вы видите,—сказалъ онъ англійскому послу,—что я былъ правъ, обратившись за помощью къ вашей королевѣ; она поступила нехорошо, отвергнувъ мои предложенія.

Сильвестръ не зналъ, что думать относительно перемѣны, которую онъ засталъ въ Москвѣ и которая не была предусмотрѣна въ Лондонѣ и какъ ему отнестись къ этому, когда Іоаннъ, предоставивъ его своимъ размышленіямъ, уѣхалъ изъ Москвы навстрѣчу посламъ, прибывшимъ отъ германскаго императора.

По возвращеніи въ столицу, Іоаннъ заговорилъ уже совершенно инымъ тономъ. „Если онъ не получитъ отъ Елисаветы полнаго удовлетворенія,—сказалъ Іоаннъ, — то вся русская торговля будетъ предоставлена венеціанцамъ или нѣмцамъ".

Съ этимъ ультиматумомъ посланный отправился въ Лондонъ. Какой онъ везъ отвѣтъ, осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ на обратномъ пути онъ былъ убитъ молніей въ Холмогорахъ и его бумаги сгорѣли вмѣстѣ съ домомъ, въ которомъ онъ жилъ.

Въ послѣдующіе три года сношенія между Англіей и Россіей совершенно прекратились. Чтобы возобновить ихъ, надобно было, чтобы въ душѣ Іоанна зародилась новая несбыточная мечта, внушенная ему, повидимому, однимъ изъ иностранцевъ, находившихся въ числѣ его приближенныхъ. Этого иностранца звали Бомелій или Бомеліусъ. Родомъ изъ Вестфаліи, онъ изучилъ медицину въ Кэмбриджѣ, но занимался преимущественно астрологіей и въ тотъ моментъ, когда Савинъ пріѣхалъ въ Лондонъ, онъ былъ заключенъ по повелѣнію лондонскаго архіепископа, за свои предсказанія, въ тюрьму. Такъ какъ его соглашались выпустить лишь подъ условіемъ, что онъ уѣдетъ изъ Англіи; то Бомелій рѣшился сопровождать русскаго посла и поступить на службу къ Іоанну. Въ Москвѣ онъ быстро нажилъ себѣ большое состояніе, но пріобрѣлъ очень дурную славу: говорили, что онъ изготовляетъ различныя зелья или яды, предназначаемые царемъ для своихъ жертвъ. Его же внушеніямъ приписывали намѣреніе Іоанна бѣжать въ чужіе края.

Но мы уже видѣли, что Грозный до пріѣзда этого искателя приключеній пытался войти въ сношеніе съ Англіей и даже имѣлъ виды на Елисавету; къ тому же Бомелію не суждено было принять участіе въ дальнѣйшихъ попыткахъ Іоанна съ цѣлью сближенія съ Англіей.

Обвиненный въ 1579 году въ соучастіи въ заговорѣ, онъ погибъ въ ужасныхъ мученіяхъ. Его жена, англичанка, осталась однако въ Россіи, съ нѣсколькими соотечественниками, и была отослана въ Англію только по смерти Іоанна, въ то время, какъ всѣ иностранцы были вынуждены оставить Россію.

Отдавъ приказаніе казнить несчастнаго астролога, Грозный былъ въ то же время не прочь вступить снова въ переговоры съ Англіей, но уже съ иной цѣлью.

Въ 1580 году одному изъ агентовъ московской компаніи, Горсею, было поручено просить Елисавету о присылкѣ нѣкоторыхъ предметовъ, для военныхъ цѣлей: свинца, мѣди, селитры, сѣры и пороха. Іоаннъ собирался воевать съ Баторіемъ. Но инструкціи, данныя Горсею и запрятанныя въ водочную бутылку, не ограничивались этой просьбой. Подъ вліяніемъ своихъ бесѣдъ съ Бомеліемъ, царь болѣе чѣмъ когда-либо мечталъ найти себѣ въ Англіи супругу. Если Елисавета упорно отказывала всѣмъ претендентамъ, то у нея были родственницы въ такомъ возрастѣ, который позволялъ думать о бракѣ.

Весною 1581 года Горсей вернулся въ Россію съ тринадцатью судами, нагруженными требуемыми предметами; съ нимъ пріѣхало нѣсколько врачей и аптекарей, а взамѣнъ Бомелія Елисавета прислала своего собственнаго врача, которымъ она очень дорожила, такъ что, посылая его царю, она, по ея словамъ, лишала себя его. Этотъ врачъ, Яковъ Робертсъ, болѣе извѣстный въ Россіи подъ именемъ Романа Элизарова, взялся указать Іоанну на ту изъ родственницъ королевы, на которой онъ могъ остановить свой выборъ: дѣлалось ли это имъ согласно даннымъ ему указаніямъ или же онъ руководствовался своимъ собственнымъ побужденіемъ — не извѣстно.

Въ томъ же году отправился въ Англію московскій посолъ, Ѳедоръ Ивановичъ Писемскій, съ оффиціальнымъ порученіемъ вести переговоры о заключеніи союза и о бракѣ царя съ племянницей королевы — дочерью „князя Титунскаго“, или Хантинской, какъ ее называютъ въ русскихъ документахъ. Дѣло шло о Маріи Гастингсъ, дочери лорда Гунтингдона. Ея бабушка была двоюродной сестрой Елисаветы.

Царь поручилъ Писемскому быть наединѣ у королевы и „за тайну открыть ей мысль государеву въ разсужденіи женитьбы, если Марія имѣетъ качества, нужныя для царской невѣсты, для чего требовать свиданія съ нею и живописнаго образа ея“.

XIV.

Передъ этимъ Іоаннъ только-что вступилъ въ новый бракъ съ дочерью одного изъ своихъ думныхъ дворянъ, Маріей Нагой. Но это не шло въ счетъ: этому браку придавалось такъ мало значенія, что отецъ Маріи, Аѳанасій Нагой, состоялъ въ коммиссіи, назначенной для переговоровъ съ Робертсомъ по поводу предстоящаго брака.

Незадолго до отъѣзда Писемскаго, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1581 года прибылъ въ Архангельскъ представитель англійскаго купечества, торго-

вавшаго съ Россіей. Онъ привезъ письмо королевы Елисаветы, съ жалобою на короля датскаго, который стѣснялъ англійскую торговлю и какъ владѣтель Норвегіи и Исландіи заявлялъ желаніе взимать пошлину со всѣхъ судовъ, плававшихъ между этими двумя странами. Англійскій посланникъ долженъ быть привезти отвѣтъ царя на этотъ вопросъ. Іоаннъ предложилъ королевѣ конвоировать военными судами товары, которые везлись въ Россію подъ англійскимъ флагомъ. Это предложеніе долженъ былъ передать ей Писемскій, но прежде всего ему было приказано добиться отъ Елисаветы разрѣшенія увидѣть „принцессу Титунскую", разсмотрѣть ее хорошенько, замѣтить, какой у нея цвѣтъ лица, ростъ и дородность; собрать свѣдѣнія о томъ, сколько ей лѣтъ и какіе у нея родственники и, наконецъ, постараться привезти ея портретъ и точную ея мѣрку „обозначенную на бумагѣ"; на тотъ случай, если королева замѣтитъ, что у государя уже есть супруга и что это есть препятствіе къ браку, ему велѣно было отвѣтствовать: „правда, но она не царевна, не владѣтельная княжна, не угодна ему и будетъ оставлена для племянницы королевиной".

Что касалось дѣтей, которыя могли родиться отъ этого брака, то такъ какъ наслѣдникомъ престола былъ объявленъ Ѳедоръ, то царь предоставитъ имъ приличные удѣлы. Само собою разумѣлось, что будущая царица такъ же точно, какъ и всѣ лица ея свиты, коихъ она пожелала бы оставить при себѣ, должны будутъ перемѣнить вѣру. Наконецъ, браку должно было предшествовать заключеніе дружескаго союза.

Іоаннъ не просилъ милости: взамѣнъ политическаго союза онъ предлагалъ самого себя, а для того, чтобы Марія Гастингсъ сдѣлалась счастливою соперницею Маріи Нагой, Англія должна была помочь Іоанну своей арміей и флотомъ въ его борьбѣ съ Баторіемъ.

Писемскаго сопровождалъ агентъ московской компаніи, Кру (Egide Crew), которому было поручено уладить спеціально торговые вопросы; въ качествѣ переводчика Писемскій взялъ съ собой доктора Робертса; послѣднему было дано спеціальное порученіе: извѣстить Елисавету о намѣреніи Іоанна отправиться тайно въ Англію. Іоаннъ повелъ на Елисавету настоящую атаку, въ надеждѣ, что ему удастся наконецъ осуществить свою давнишнюю мечту.

Пріѣхавъ въ Англію въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1582 года, Писемскій получилъ аудіенцію у королевы только 1-го (11-го) ноября. Къ этому времени, его миссія до нѣкоторой степени утратила свой смыслъ, такъ какъ война съ Баторіемъ окончилась, и Іоаннъ заключилъ съ нимъ миръ. Но русскій посолъ сдѣлалъ видъ, будто это обстоятельство ему не извѣстно. По всей вѣроятности, онъ получилъ новыя секретныя инструкціи, предписывавшія ему продолжать переговоры относительно

заключенія союза и подготовить такимъ образомъ возобновленіе непріязненныхъ дѣйствій противъ побѣдоносной Польши. Онъ не хотѣлъ сознаться въ этомъ и поставилъ себя въ смѣшное положеніе. тѣмъ болѣе, что въ Лондонѣ находился въ то же время посолъ Баторія, который съ своей стороны не терялъ тамъ времени напрасно. Въ польскихъ и англійскихъ архивахъ не сохранилось документовъ, которые могли бы пролить свѣтъ на этотъ эпизодъ, по крайней мѣрѣ они до сихъ поръ не извѣстны, и объ немъ можно судить только по тому, какъ англійскій кабинетъ отнесся къ московскому послу, а это отношеніе указываетъ, повидимому, на то, что въ моментъ его пріѣзда въ Лондонъ королева Елисавета уже приняла извѣстное рѣшеніе и что Польша одержала и на дипломатическомъ поприщѣ побѣду. Писемскій горѣлъ нетерпѣніемъ приступить къ дѣлу, а англичане оттягивали начало переговоровъ, съ недѣли на недѣлю, подъ разными предлогами: то при дворѣ предстояли празднества, то свирѣпствовала чума.

—. Однако чума не мѣшаетъ вамъ вести переговоры съ поляками!— ворчалъ Писемскій.

Ему пришлось дожидаться отъѣзда поляка и, будь онъ опытнѣе. онъ бы замѣтилъ, что отъ него только старались приличнымъ образомъ отдѣлаться.

Торжественно введенный на аудіенцію къ королевѣ графомъ Лейчестерскимъ, лордомъ Говардомъ, сэромъ Христофоромъ Гаттономъ и самимъ графомъ Гунтингдономъ, онъ вручилъ Елисаветѣ подарки царя, свои собственные и своего помощника, который носилъ весьма мало обѣщавшее имя „Неудача“.

Подарки состояли, по обыкновенію, изъ собольихъ шкуръ. По словамъ посла, Елисавета была къ нему весьма милостива, „развеселилась“, освѣдомилась о здоровьѣ царя, сказавъ, что она любитъ его, какъ брата, и была бы рада видѣть его и заключить съ нимъ союзъ. Но послѣ аудіенціи было еще менѣе рѣчи о переговорахъ. Черезъ мѣсяцъ Писемскій получилъ приглашеніе принять участіе въ охотѣ на оленя. Онъ отвѣчалъ довольно грубо, что ему некогда терять время на развлеченія, тѣмъ болѣе, что онъ и его товарищи не ѣдятъ въ это время года дичи: это былъ Рождественскій постъ. Наконецъ, онъ узналъ 3-го (13-го) декабря, что для переговоровъ съ нимъ были назначены четыре лорда. Засѣданія должны были происходить въ Гринвичѣ и на нихъ были допущены представители русскихъ купеческихъ домовъ, ведшихъ торговлю съ Англіей.

Съ самаго начала обнаружилось разногласіе по существу. Предлагая Англіи освободить всѣ ввозимые ею русскіе товары отъ пошлинъ, Писемскій настаивалъ на заключеніи союза противъ

короля польскаго, „которому помогали: папа, императоръ и прочіе монархи".

— Но вашъ царь заключилъ уже миръ съ королемъ польскимъ при посредничествѣ папы,—возражали ему на это.

Русскій посолъ упорно прикидывался ничего не знающимъ:

— Папа можетъ говорить исподтишка что хочетъ. Царь, въ письмѣ къ королевѣ, называетъ Баторія своимъ врагомъ, значитъ, оно такъ и есть.

При такихъ условіяхъ трудно было о чемъ-либо сговориться.

Елисавету интересовалъ въ то время главнымъ образомъ вопросъ о томъ, какъ обезпечить англійскую торговлю на Бѣломъ морѣ отъ посягательства Даніи, поэтому, желая задобрить царя и его посланника, она изъявила въ январѣ 1583 г. согласіе дать Писемскому тайную аудіенцію. Пріѣхавъ въ Ричмондъ къ назначенному часу, посолъ былъ крайне удивленъ, увидавъ, что дворецъ имѣлъ праздничный видъ: въ немъ играла музыка и шли танцы. Ему объяснили, что такъ бываетъ ежедневно; впрочемъ, королева оставила вскорѣ веселую компанію и приняла посла наединѣ; при ихъ разговорѣ присутствовалъ только Робертсъ, какъ неизбѣжный переводчикъ. „Неудачу" допустили только только часъ спустя, и Елисавета сказала ему, извиняясь, что „она увлеклась разговоромъ".

Предметомъ этого разговора была, разумѣется, Марія Гастингсъ. Когда Писемскій настаивалъ, чтобы ему позволили увидать принцессу и написать съ нея портретъ, королева пришла въ замѣшательство. „Она была бы очень рада вступить въ родственный союзъ съ царемъ", сказала она, „но она слыхала, что онъ любилъ красивыхъ женщинъ, а Марія Гастингсъ не хороша собою. Кромѣ того, у нея только-что была оспа и въ настоящую минуту нечего было и думать писать съ нея портретъ". Тѣмъ не менѣе, хитрая королева сдѣлала видъ, что она готова обсудить условія брачнаго договора, и даже выразила заботу о судьбѣ дочерей, которыя могли родиться отъ этого брака.

— Наши государи — гордо заявилъ Писемскій, — выдаютъ своихъ дочерей замужъ за иноземныхъ монарховъ.

Онъ привелъ въ доказательство единственный, впрочемъ, въ своемъ родѣ случай брака великой княжны Елены, выданной въ 1495 г. за короля польскаго, Александра. Но прежде нежели говорить о бракѣ, надобно было обсудить вопросъ о союзѣ. Посланникъ представилъ по этому поводу записку. Елисавета обѣщала ускорить отвѣтъ, но тѣмъ дѣло и кончилось.

Прошло еще два мѣсяца; получивъ, наконецъ, такъ долго жданный отвѣтъ, посолъ былъ жестоко разочарованъ. Королева изъявляла согласіе заключить союзъ съ царемъ и помочь ему своимъ войскомъ,

но требовала за это для Англіи монополію всей внѣшней торговли Россіи. Писемскій еще разъ выказалъ изумительное простодушіе, не понявъ, что это была насмѣшка надъ нимъ и надъ его царемъ. Онъ спорилъ, оспаривалъ разныя выраженія документа, какъ будто его можно было принять по существу.

Англійскіе уполномоченные предложили измѣнить выраженія, но не смыслъ договора. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ они пригласили посланника на банкетъ, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ сѣли за столъ семнадцать высшихъ сановниковъ, Эдуардъ Клинтонъ, графъ Линкольнъ, Георгъ Тальботъ, графъ Шрусберри, Томасъ Радклиффъ, графъ Суссексъ, Дудлей, графъ Варвикъ, графъ Бедфордъ и т. д.; королева пила за здоровье Іоанна; по окончаніи пира, докучливому послу было объявлено, что она дастъ ему прощальную аудіенцію.

— Не имѣя полномочій, чтобы принять предложенія, сдѣланныя ему англичанами, не лучше ли ему будетъ возвратиться въ Россію и получить тамъ новыя инструкціи? — было сказано послу.

— А дѣло о бракѣ! — воскликнулъ онъ, оторопѣвъ.

Ему показали газеты, въ которыхъ писали о рожденіи у царя сына отъ Маріи Нагой.

Писемскій притворился снова ничего не знающимъ.

— Злые языки распространяютъ басни, — сказалъ онъ, — чтобы помѣшать доброму согласію между его государемъ и королевою.

Онъ былъ до того озлобленъ и такъ шумѣлъ, что хотя вопросъ былъ въ сущности рѣшенъ, но Елисавета рѣшила розыграть комедію — иначе это нельзя назвать, — которая дѣйствительно могла ввести посла въ заблужденіе и поддержать обманчивыя надежды Іоанна.

7-го (17-го мая) Писемскому предложили отправиться, въ сопровожденіи одного только Робертса, въ загородный домъ канцлера, лорда Бромлея. Встрѣтивъ его очень вѣжливо на крыльцѣ, лордъ повелъ его въ садъ, гдѣ были приготовлены прохладительныя. Нѣсколько времени спустя въ одной изъ аллей появилась группа женщинъ. Въ главѣ ихъ, между лэди Бромлей и лэди Гунтингдонъ шла та, которую посолъ называлъ уже не иначе, какъ „невѣстою царя“.

При этомъ канцлеръ заявилъ, что королева повелѣла показать Писемскому свою племянницу „не въ комнатѣ, а при дневномъ свѣтѣ, чтобы онъ могъ лучше разсмотрѣть ее“.

Посолъ смотрѣлъ во всѣ глаза. Ему предложили погулять по парку, чтобы встрѣтиться съ Маріей нѣсколько разъ.

— Хорошо ли вы ее разглядѣли? — спросилъ его канцлеръ послѣ прогулки.

— Я слѣдовалъ даннымъ мнѣ инструкціямъ, — отвѣчалъ Писемскій.

Въ донесеніи своемъ онъ писалъ, что „принцесса ростомъ высока,

стройна, тонка; лицомъ бѣлая, глаза у нея голубые, волосы русые, носъ прямой, пальцы на рукахъ тонкіе и долгіе".

Елисавета хотѣла розыграть комедію до конца. Пригласивъ Писемскаго, она выразила ему снова свое сожалѣніе по поводу того, что ея племянница не достаточно хороша собою, чтобы понравиться царю.

— Я думаю, что она и вамъ самимъ не понравилась, — сказала она, на что Писемскій возразилъ:

— По-моему она прекрасна; но все въ волѣ Божьей, и онъ настаивалъ, чтобы королева высказала свои намѣренія. Но Елисавета придумала уже новую уловку: она обѣщала послать въ Россію вмѣстѣ съ Писемскимъ довѣреннаго человѣка, которому будутъ даны соотвѣтствующія инструкціи и полномочія.

Вслѣдъ за тѣмъ Писемскому была дана прощальная аудіенція.

Въ половинѣ іюня портретъ Маріи Гастингсъ былъ готовъ и Писемскій уѣхалъ съ „Неудачей", въ сопровожденіи Джерома Боуса (Bowes). Выборъ посла оказался не совсѣмъ удачнымъ.

На долю Боуса выпала нелегкая задача: ему приходилось вести рѣчь о торговлѣ и „только о торговлѣ" съ человѣкомъ, который только и мечталъ о политическомъ и брачномъ союзѣ. А интересы торговли въ это время сильно страдали. Англійскіе купцы, коимъ были подтверждены ихъ привилегіи и которые платили, по сравненію съ другими, половинныя пошлины, были обложены побочными поборами, налагаемыми совершенно произвольно и которые то и дѣло увеличивались. Это было слѣдствіемъ войны съ Польшей, которую царь мечталъ возобновить при содѣйствіи Англіи и которая совершенно истощила казну.

Этимъ тяжелымъ финансовымъ положеніемъ воспользовались другія страны. Опустѣвшая казна продавала новыя привилегіи тому, кто болѣе предлагалъ за нихъ; особенно съумѣли воспользоваться обстоятельствами голландцы, заручившіеся содѣйствіемъ трехъ приближенныхъ царя: Никиты Романовича Захарьина, Богдана Бѣльскаго и Андрея Щелкалова.

Весьма возможно, что, поощряя этихъ конкуррентовъ англійской торговли, царь видѣлъ въ этомъ средство произвести давленіе на Елисавету и сдѣлать ее болѣе послушной его желаніямъ.

Новый посолъ англійской королевы совершенно не походилъ на Дженкинсона.

Рѣзкій и высокомѣрный, дурно воспитанный и неловкій, онъ обладалъ всѣми недостатками своей націи. На первыхъ же порахъ онъ затѣялъ исторію изъ-за лошади, которую ему предоставили для въѣзда въ столицу и которая ему не понравилась. Дальнѣйшія его дѣйствія,

въ коихъ онъ руководствовался данными ему инструкціями, не могли загладить этого перваго неблагопріятнаго впечатлѣнія. Елисавета не только настаивала на своемъ требованіи объ исключительной монополіи для англійскихъ торговцевъ, но она старалась придать весьма странный характеръ союзу, который она соглашалась заключить ради этихъ привилегій, а именно, выражая согласіе оказать Іоанну дѣятельную помощь въ его борьбѣ съ врагами, она обязывалась сдѣлать это лишь въ томъ случаѣ, когда всѣ попытки къ примиренію царя съ Баторіемъ, которыя будутъ сдѣланы ею, окажутся недѣйствительны. Это было равносильно тому, какъ если бы она сказала:

— Вы желаете моего содѣйствія, чтобы отомстить Баторію, хорошо; но я сначала предупрежу короля о вашихъ намѣреніяхъ.

Существуетъ два источника, на основаніи которыхъ можно судить о переговорахъ, происходившихъ въ Москвѣ: донесеніе самого Боуса [1]) и протоколы московскаго приказа [2]). Эти документы находятся въ совершенномъ противорѣчіи одинъ другому.

Упоминая о кое-какихъ недоразумѣніяхъ и столкновеніяхъ, неизбѣжныхъ при всякихъ переговорахъ, англійскій дипломатъ хвастаетъ, что онъ одержалъ верхъ по всѣмъ пунктамъ, и что царь былъ готовъ не только возвратить подданнымъ королевы ихъ привилегіи, но даже увеличить ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ болѣе чѣмъ когда-либо желалъ вступить въ бракъ съ англичанкой, остановивъ свой выборъ на какой-нибудь другой родственницѣ Елисаветы, если Марія Гастингсъ не приняла бы его предложеніе; для этой цѣли царь готовъ былъ самъ ѣхать въ Лондонъ. Боусъ писалъ, будто Іоаннъ просилъ даже англійскаго пастора доставить ему записку съ изложеніемъ главнѣйшихъ пунктовъ протестантской вѣры и велѣлъ прочесть ее въ присутствіи многочисленныхъ слушателей, щедро вознаградивъ составителя записки. Онъ строго наказывалъ тѣхъ приближенныхъ, кои выказывали нерасположеніе къ Боусу, и совѣтывалъ имъ измѣнить свое отношеніе къ нему. Наконецъ, по словамъ Боуса, актъ, въ которомъ были изложены результаты переговоровъ, былъ уже готовъ и снабженъ надлежащими подписями и печатью, когда неожиданная смерть царя разстроила все дѣло, и побѣда оказалась на сторонѣ противниковъ Англіи.

Русскіе передаютъ объ этомъ дѣлѣ совершенно иначе. По ихъ словамъ, Іоаннъ отвѣчалъ на англійскій ультиматумъ слѣдующими предложеніями: такъ какъ король польскій, нарушивъ договоры, отнялъ у царя Полоцкъ и Ливонію, то королева должна была склонить его

[1]) Hakluyt. I, стран. 458 и сл.

[2]) Сборникъ рус. ист. общ., т. XXXVIII, стран. 71 и сл.

возвратить эти земли и заплатить вознагражденіе, а въ случаѣ отказа, принудить его къ тому, соединивъ свои войска съ войсками московскаго царя. Въ вознагражденіе за это Англіи будетъ предоставлено исключительное право пользоваться нѣкоторыми портами, а на другіе уже дано право брабантскимъ и французскимъ купцамъ. Въ Колу только-что прибыло нѣсколько французскихъ судовъ; французскій король искалъ дружбы царя и просилъ его послать во Францію посольство.

Іоаннъ давалъ этимъ понять, что у него были друзья и кромѣ Англіи.

Баусъ только могъ отвѣтить на это отрицательно, сославшись на свои полномочія. Тогда бояре, кои вели съ нимъ переговоры: Захарьинъ, Бѣльскій, Щелкаловъ и Фроловъ, коснулись „секретнаго дѣла“. Развѣ Боусъ не имѣлъ ничего сказать по этому поводу?— спросили они.

Да, — но только самому царю.

Ему была обѣщана частная аудіенція, а между тѣмъ продолжалось обсужденіе условій предполагаемаго союза. Особенно сильныя пререканія вызвалъ вопросъ о монополіи.

Въ видѣ послѣдней уступки, Іоаннъ соглашался предоставить въ пользованіе Англіи пять гаваней на Бѣломъ морѣ, за исключеніемъ Колы, которая оставалась за французами, и Пудожерска, при устьѣ Сѣверной Двины, гдѣ имѣлъ свои конторы купецъ изъ Нимеги, Іоаннъ Валле, прозванный русскими Бѣлобродъ.

Боусъ протестовалъ: какое же значеніе имѣли въ такомъ случаѣ торжественныя привилегіи, дарованныя нѣкогда московской компаніи?

Ему отвѣчали: „Англійскіе купцы, Ѳома Гловеръ и Родольфъ Риттеръ злоупотребили милостями царя, составивъ заговоръ съ его врагами и служа имъ шпіонами“.

— Гловеръ—негодяй,—возразилъ на это Боусъ,—но Англія—страна свободная, гдѣ каждый можетъ предлагать свои услуги, кому онъ заблагоразсудитъ. Къ тому же ни ваши французы, ни ваши брабантцы не доставятъ вамъ товаровъ перваго сорта, какъ наши купцы...

На это русскіе воскликнули, что именно они имѣли поводъ жаловаться на англійскія сукна, и показали образчики.

— Я не знатокъ въ сукнахъ!—воскликнулъ Боусъ съ видомъ оскорбленнаго достоинства.

Въ такомъ родѣ происходило двадцать совѣщаній, которыя не привели ни къ чему.

Частная аудіенція у царя состоялась 3-го (13-го) декабря 1583 года. Боусу велѣно было отправиться во дворецъ безъ оружія и свиты, такъ какъ царь „приметъ его съ глаза на глазъ“, чтобы говорить о „секретномъ дѣлѣ“, т. е. о бракѣ.

Однако на аудіенціи присутствовалъ новый царскій любимецъ, будущій царь — Борисъ Годуновъ, и человѣкъ двѣнадцать приближенныхъ.

Въ ихъ присутствіи была розыграна комедія, начатая Елисаветой въ Лондонѣ. Іоаннъ выразилъ желаніе знать намѣренія королевы по поводу Маріи Гастингсъ, а Боусъ заявилъ, въ свою очередь, что онъ присланъ узнать намѣренія царя.

Когда же Іоаннъ потребовалъ, чтобы посолъ высказался яснѣе, то онъ прибѣгнулъ къ всяческимъ уловкамъ и отговоркамъ.

— Племянница королевы больна, очень больна, — сказалъ онъ, при томъ онъ не думалъ, чтобы она согласилась перемѣнить религію... Изъ числа родственницъ ея величества она была самая отдаленная. Среди нихъ было десять другихъ, на которыхъ царь могъ бы предпочтительно остановить свой выборъ...

Іоаннъ живо прервалъ его.

— Что это за особы? Дочери удѣльныхъ князей или подданныя королевы? Говори, объяснись!..

— Я не имѣю на этотъ счетъ инструкціи...

Этотъ разъ Грозный не могъ сдержать свой гнѣвъ. Прибѣгнувъ къ своей обычной тактикѣ и желая ошеломить своего противника, онъ свернулъ на другую тему.

Боусъ, вслѣдствіе своей „заносчивости и дерзкаго поведенія“, имѣлъ неоднократно стычки съ русскими уполномоченными, говорилъ непристойныя вещи. Іоаннъ припомнилъ ему это и такъ какъ Боусъ отрицалъ свою вину, то царь по обыкновенію потерялъ всякое самообладаніе.

Въ русскихъ протоколахъ объ этомъ обстоятельствѣ упоминается вскользь, но Боусъ разсказалъ этотъ эпизодъ подробно.

Вотъ какъ имъ записанъ этотъ разговоръ:

„Царь, обращаясь къ Боусу:—ты принялъ въ разговорѣ съ моими уполномоченными видъ такого превосходства, который не можетъ быть терпимъ, ибо между монархами, мнѣ равными, я знаю такихъ, которые имѣютъ шагъ передъ вашей королевой.

Боусъ.—Моя государыня столь же великая монархиня, какъ всѣ прочіе монархи христіанскаго міра; она равна тѣмъ, кои считаютъ себя самыми первыми монархами, и можетъ считаться равною всѣмъ.

Царь.—Ты хочешь сказать: короли Франціи и Испаніи?

Боусъ.—Да. Я считаю, что королева можетъ считаться имъ равной.

Царь.—А императоръ?

Боусъ.—Король, отецъ королевы, имѣлъ нѣкогда императора на жалованьи въ своихъ войнахъ съ Франціей...

Если вѣрить Боусу, эти слова окончательно вывели Іоанна изъ себя, и онъ пригрозилъ послу, что прикажетъ выкинуть его изъ окна, на что Боусъ отвѣчалъ, что царь воленъ дѣлать, что хочетъ, но что королева англійская съумѣетъ отомстить за оскорбленіе, нанесенное ея представителю. Послѣ этихъ словъ Грозный вдругъ простился съ Боусомъ и, когда тотъ вышелъ, онъ отозвался о немъ съ похвалою и сказалъ, что онъ почелъ бы за счастье имѣть такихъ слугъ.

Въ русскихъ источникахъ объ этомъ разговорѣ умалчивается, а говорится только, что когда зашелъ споръ по поводу дерзостей, сказанныхъ Боусомъ, которыя тотъ отрицалъ, то царь прекратилъ разговоръ и произнесъ длинную рѣчь о началѣ англійской торговли въ Россіи и причинахъ, по которымъ были отмѣнены данныя ей чрезмѣрныя привилегіи. „Подданные королевы доставляютъ на рынокъ недоброкачественный товаръ,"—сказалъ Грозный, не привозятъ въ Россію драгоцѣнныхъ камней и продаютъ свой товаръ по баснословнымъ цѣнамъ и, снявъ съ руки перстень, царь присовокупилъ, что онъ заплатилъ за него де-Валлю всего 60 р. и 1.000 рублей за крупный изумрудъ, украшавшій его шапку, а перстень стоитъ 300 руб., а изумрудъ — 40.000, если не больше; Боусъ долженъ былъ съ этимъ не согласиться. Черезъ Писемскаго царь просилъ прислать ему сукна, шелковыхъ матерій хорошаго качества и кружевъ. Кружева еще не были получены, а сукна и шелковыя ткани, оцѣненныя очень дорого, ничего не стоили. Изъ Польши получался такой товаръ гораздо лучшаго достоинства. По знаку царя были внесены матеріи; ощупывая ихъ и дѣлая сравненія, на что Боусъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ быть судьею въ этомъ дѣлѣ, Іоаннъ продолжалъ разглагольствовать. „Что означала дружба, которую предлагала ему королева, которая ограничивалась только торговыми сношеніями и союзомъ на словахъ!"

Посолъ могъ только сослаться на свои полномочія.

Вторичное, еще болѣе конфиденціальное свиданіе съ царемъ, на которое были допущены только Трубецкой, Захарьинъ, Бѣльскій, Щелкаловъ и Фроловъ, да и тѣ стояли въ концѣ комнаты, „возлѣ печки", не привело также ни къ чему.

Между тѣмъ Робертсъ, служившій переводчикомъ во время этихъ бесѣдъ, заявилъ Іоанну, что Боусъ желаетъ бесѣдовать съ нимъ наединѣ. Боусъ въ своемъ разсказѣ отрицаетъ это, утверждая, что онъ говорилъ только, что когда на него возлагались порученія къ другимъ монархамъ, то при обсужденіи важныхъ вопросовъ давали ему всегда аудіенцію безъ свидѣтелей; такъ поступалъ и французскій король.

— Король французскій намъ не примѣръ,—пробурчалъ Іоаннъ. Говори, что ты имѣешь сказать намъ по поводу нашего брака.

— Королева, моя монархиня, говорила мнѣ, что она ищетъ вашей дружбы преимущественно передъ всѣми прочими монархами, я же лично не имѣю инаго желанія, какъ снискать ваше благоволеніе и служить вамъ.

— Скажи намъ, назвавъ ихъ поименно, каковы племянницы королевы, о которыхъ ты говорилъ намъ. Я пошлю съ тобою въ Англію посла, который посмотритъ ихъ и потребуетъ ихъ портреты...

— Я предлагаю вамъ свои услуги на этотъ счетъ.

Такъ переданъ этотъ разговоръ въ русскомъ толкованіи, согласно которому Боусъ будто бы отрицалъ, что онъ говорилъ о другихъ родственницахъ Елисаветы, коихъ царь могъ бы предпочесть Маріи Гастингсъ. Уличенный во лжи, онъ ссылался снова на свои инструкціи или, принимая таинственный видъ, давалъ понять, что онъ вскорѣ сдѣлаетъ угодное царю, но что для этого еще не настало время. Онъ просилъ позволеніе послать въ Англію сухимъ путемъ гонца, который привезъ бы ему болѣе обширныя полномочія; заводилъ пустяшные споры о количествѣ провизіи, которую ему выдавали, требовалъ до 10 пудовъ (160 кило) масла въ день; просилъ царя наказать собственноручно Щелкалова, котораго онъ обвинялъ въ причиненныхъ ему непріятностяхъ, на что̀ царь обратился къ нему съ внушеніемъ, которое закончилъ словами:

„Ты человѣкъ невоспитанный, ты не имѣешь понятія о томъ, какъ долженъ себя вести посолъ“.

Казалось бы, что послѣ этого не могло быть болѣе никакихъ разговоровъ. Но Іоаннъ слишкомъ хотѣлъ добиться своего и съ упорствомъ маніака преслѣдовалъ мысль о бракѣ, снова и снова приглашалъ Боуса на секретныя бесѣды и повторялъ ему одно и то же.

Эти весьма частыя свиданія закончились 14-го февраля 1584 года новой, еще болѣе бурной сценой. Обѣщавъ взять на свое судно посла, котораго Іоаннъ посылалъ къ французскому двору, Боусъ взялъ свое слово назадъ, подъ предлогомъ, что королева приказала ему возвратиться сухимъ путемъ.

— Чтобы продать меня моимъ врагамъ!—воскликнулъ Іоаннъ внѣ себя,—я этого не потерплю.

Со времени потери Ливоніи, дорога сухимъ путемъ шла черезъ Польшу.

Овладѣвъ собою, но все еще раздраженный, Іоаннъ продолжалъ:

„Коли ты пріѣхалъ не съ тѣмъ, чтобы вести переговоры серьезно, можешь ѣхать обратно съ тѣмъ же, съ чѣмъ пріѣхалъ, мы уволимъ тебя сейчасъ“.

Боусъ уже зналъ, какъ относиться къ этимъ гнѣвнымъ вспышкамъ и, по свидѣтельству русскаго протокола, ничуть не смутился. Прощальной аудіенціи ему дано не было, а три дня спустя онъ былъ приглашенъ выслушать чтеніе проекта договора, въ которомъ царь изложилъ minimum своихъ желаній и требованій.

Сущность этого проекта извѣстна намъ лишь по тѣмъ возраженіямъ, какія она вызвала со стороны Боуса. Іоаннъ хотѣлъ заключить наступательный союзъ, чтобы завоевать обратно Ливонію. Посолъ, по своему обыкновенію, отвѣчалъ уклончиво.

Его монархиня очень набожна и не любитъ завоеваній, говорилъ онъ. Голландія тщетно умоляетъ принять ее подъ покровительство королевы, сама Франція была бы счастлива перейти подъ ея скипетръ...

— Но рѣчь идетъ вовсе не о завоеваніяхъ!—возразилъ царь. Ливонія—наша вотчина...

— Такъ ли это?

Іоаннъ подпрыгнулъ:

— Мы не просимъ королеву быть судьею между нами и королемъ Польши.

Этотъ разъ прощальная аудіенція была назначена на 20-е февраля. Она задержалась болѣзнію царя, а 8-го (18-го) марта Щелкаловъ объявилъ Боусу, что „его англійскій царь скончался“.

Посолъ очутился какъ бы въ плѣну въ своемъ домѣ и подвергся всевозможнымъ непріятностямъ, которыя продолжались до мая мѣсяца, когда сынъ Іоанна Грознаго отпустилъ его обратно въ Англію съ письмомъ къ Елисаветѣ, въ которомъ уже не было рѣчи ни о союзѣ, ни о какихъ-либо особыхъ привилегіяхъ въ пользу англійскихъ купцовъ.

Если вѣрить Горсею, то Щелкаловъ и прочіе враги англійскаго посла замышляли даже убить его, и только вмѣшательство его соотечественника (Горсея) предотвратило эту катастрофу. Но Горсей вѣроятно прихвастнулъ. Дѣйствительнымъ хозяиномъ страны былъ въ это время Борисъ Годуновъ, а извѣстно, что онъ сдѣлалъ отъ себя подарокъ Боусу, хотя онъ и скрывалъ это, и что онъ увѣрилъ его въ своей преданности.

Несмотря на хвастливыя увѣренія Боуса, несомнѣнно, что англичане утратили всѣ преимущества, пріобрѣтенныя ими въ Россіи при Грозномъ, и на правомъ берегу Двины, по сосѣдству съ древнимъ монастыремъ, возникъ уже въ то время новый городъ—Архангельскъ и устраивался портъ въ мѣстѣ, указанномъ голландцами, гдѣ, при ихъ содѣйствіи, сосредоточилась съ теченіемъ времени вся морская торговля Россіи, освободившаяся окончательно отъ британской моно-

поліи. Англійскіе купцы появились въ этомъ портѣ гораздо позднѣе и играли тамъ второстепенную роль.

Побѣда въ этой, на первый взглядъ, неравной борьбѣ осталась за Голландіей, какъ свидѣтельствуетъ о томъ исторія Петра Великаго, и союзъ съ Англіей, котораго такъ страстно искалъ Грозный, остался въ области мечты.

(Продолженіе слѣдуетъ).

По дѣлу о Петрашевекомъ.

17-го мая [1]).

Вашему сіятельству угодно было изъявить желаніе, чтобы для высочайшаго свѣдѣнія Государя Императора о сущности раскрытій, дѣлаемыхъ коммиссіею, учрежденною надъ чиновникомъ Буташевичемъ-Петрашевскимъ и лицами, арестованными по ихъ сообществу съ нимъ, я представлялъ краткое описаніе ея дѣйствій еженедѣльно.

„Вслѣдствіе сего, я вмѣнилъ въ обязанность начать изложеніемъ въ прилагаемой запискѣ того, что исполнено коммиссіею со дня учрежденія ея до настоящаго времени".

Записка о дѣйствіяхъ секретной слѣдственной коммиссіи высочайше учрежденной надъ чиновникомъ Буташевичемъ-Петрашевскимъ и его сообщниками.

Съ 26-го апрѣля по 16-ое мая.

Коммиссія открыла свои засѣданія 26-го апрѣля и занималась до настоящаго времени предварительными разспросами всѣхъ лицъ, переданныхъ ей въ числѣ 40 для произведенія надъ ними слѣдствія. Кромѣ сихъ лицъ, основываясь на ихъ показаніяхъ, коммиссія сочла необходимымъ сдѣлать распоряженіе объ арестованіи студента Спб. университета Ханыкова и коллежскаго секретаря Европеуса, а также

[1]) Въ редакціи не имѣется свѣдѣній, кѣмъ это письмо писано и къ кому. За отсутствіемъ этого надо полагать, что докладчикомъ государю былъ шефъ жандармовъ графъ Орловъ.

объ опечатаніи бумагъ у нѣкоторыхъ другихъ лицъ, находившихся съ ними въ близкомъ знакомствѣ.

Разспросы вполнѣ подтвердили правильность розысканій, сдѣланныхъ полиціею, и вѣрность, съ которою они изложены въ свѣдѣніяхъ, по высочайшему повелѣнію переданныхъ коммиссіи. Объясненія же Ханыкова и Европеуса послужили доказательствомъ, что они не могли оставаться на свободѣ.

Европеусъ, во-первыхъ, далъ 7-го апрѣля обѣдъ въ честь Фурье, такъ какъ это былъ день рожденія сего послѣдняго. На обѣдѣ находились: Ханыковъ, Ахшарумовъ, Петрашевскій, Спѣшневъ, два брата Дебу, Есаковъ и Ващенко; изъ нихъ первые три говорили рѣчи, о коихъ будетъ упомянуто ниже. За симъ Европеусъ самъ объяснилъ, что онъ дѣйствительно изучалъ Фурье, но понимаетъ его за человѣка, который желаетъ всему міру такого счастія, какое только можетъ быть ему дано, и что чрезъ нѣсколько дней послѣ обѣда всѣ участвовавшіе въ ономъ согласились перевести Фурье на русскій языкъ.

Ханыковъ показалъ, что у него была мысль примѣнить ученіе Фурье къ Россіи. Рѣчь, произнесенная имъ на обѣдѣ Европеуса, найдена въ бумагахъ Петрашевскаго и заключаетъ въ себѣ, между прочими, слѣдующія мѣста:

(Пропускъ въ подлинникѣ).

Ахшарумовъ объяснилъ, что Петрашевскій получилъ новый взглядъ на жизнь чрезъ чтеніе соціальныхъ книгъ, старался передать свои мысли знакомымъ и, имѣя въ виду лучшее устройство общества, не желалъ однако же насильственнаго переворота, но всегда совѣтовалъ дѣйствовать убѣжденіемъ. О себѣ собственно онъ присовокупилъ, что, увлекшись идеями Фурье, онъ думалъ, какимъ образомъ примѣнить ихъ къ Россіи, и помышлялъ даже о побужденіи правительства къ принятію ихъ. Вотъ нѣкоторые отрывки рѣчи, говоренной имъ на обѣдѣ Европеуса:

(Пропускъ въ подлинникѣ).

Впрочемъ, Ахшарумовъ, повидимому, чистосердечно раскаивается во всѣхъ своихъ преступленіяхъ.

Петрашевскій съ дерзостію просилъ коммиссію сообщить ему, въ чемъ онъ обвиняется, ибо если онъ и желалъ лучшаго въ нашемъ управленіи, то это желаніе преступленіемъ считать нельзя. По мнѣнію его, законы наши хороши, но исполненіе ихъ порочно, ученіе же Фурье едва-ли утопія и лѣтъ чрезъ пять или шесть можетъ осуществиться. Вообще, отвѣты его были смѣлы и неудовлетворительны.

Рѣчь его у Европеуса начиналась слѣдующими словами: „Явясь среди васъ, господа, и получивъ право рѣчи какъ одинъ изъ старѣйшихъ, сколько мнѣ извѣстно, пропагаторовъ соціализма, я осмѣлюсь предложить вамъ тостъ, который выразитъ содержаніе моей рѣчи, именно, тостъ за знаніе дѣйствительности".

(Пропускъ въ подлинникѣ).

Изъ частныхъ показаній другихъ лицъ именно: Кошкина, Дебу 1-го, Дебу 2-го, Кайданова, Плещеева, Ястржембскаго, Момбелли, Кузьмина, Достоевскаго 1-го, Ламанскаго и Модерскаго обнаруживается, что на вечерахъ у Петрашевскаго разные государственные вопросы разсматривались въ духѣ соціализма, что тамъ разсуждали о пользѣ вооружить подчиненныхъ противъ начальства, дабы потомъ ввести улучшенія въ административной части, что иногда разговоры касались и до устройства въ Россіи конституціоннаго правленія, что три главные предмета, обращавшіе на себя вниманіе собраній, были: свобода книгопечатанія, перемѣна судопроизводства и освобожденіе крестьянъ. Съ особенною рѣзкостію говорили о двухъ послѣднихъ Петрашевскій и Головинскій (студентъ, назначенный стряпчимъ въ Казань), но Головинскій увѣрялъ коммиссію, что сужденія о сихъ предметахъ онъ не полагалъ противозаконными, такъ какъ само правительство ими занималось; что ученикъ Толь развивалъ вопросъ о религіи по системамъ Штрауса, Фейербаха и Базера, доказывая, что религія подавляетъ образованіе ума и заставляетъ человѣка быть добрымъ и полезнымъ своему ближнему не по собственному убѣжденію, а по чувству страха наказанія; что иногда у Петрашевскаго порицали дѣйствія высшихъ сановниковъ и даже самого государя и что собранія, подобныя тѣмъ, которыя постоянно назначались у Петрашевскаго по пятницамъ, бывали изрѣдка у Кошкина, Кузьмина и братьевъ Дебу.

Кромѣ того, нѣкоторыя лица, какъ-то: Кошелевъ, литераторъ, Толстовъ, студентъ, и другіе съѣзжались у мѣщанина Петра Григорьева Шапошникова, державшаго табачную лавку на Петербургской сторонѣ. Кошелевъ сознался, что онъ не признавалъ христіанской вѣры, отвергалъ власти правительства и въ пьяномъ видѣ могъ сказать что-либо дурное о самомъ государѣ, присовокупивъ, что отъ Петра Григорьева онъ слышалъ возмутительныя рѣчи и сужденія о народномъ правленіи.

Григорьевъ съ своей стороны утверждалъ, что онъ никакого злаго замысла никогда не имѣлъ, но что Толстовъ, зная его желаніе сдѣлаться актеромъ, отговаривалъ его отъ этого намѣренія и вызывался дать ему другую дѣятельность, сказавъ однажды, что даръ слова его,

Шапошникова, нуженъ будетъ для площади и что онъ можетъ быть со временемъ значительнымъ человѣкомъ, если будетъ его слушаться (Толстовъ показаніе это отвергаетъ). О Кошелевѣ же Шапошниковъ добавилъ, что онъ одинъ разъ сказалъ ему въ пьяномъ видѣ, что онъ готовъ убить...

Всѣ прописанныя сознанія рождаютъ прискорбное убѣжденіе, что соціальныя идеи развиваются въ разныхъ сословіяхъ и въ Россіи, что собранія Петрашевскаго, въ которыя принимались люди всякаго разбора, другія—фурьеристовъ, т. е. Кошкина и Европеуса, коихъ составъ былъ нѣсколько приличнѣе, и третьи, повидимому, довольно малочисленныя, мѣщанина Григорьева, отличались вообще духомъ противнымъ правительству, что наконецъ они клонились къ измѣненію существующаго порядка вещей. Но принадлежали ли сіи собранія къ разряду тайныхъ организованныхъ обществъ, это до сихъ поръ не доказывается никакими положительными данными; равнымъ образомъ еще не видно, имѣли ли они какія-либо сношенія внутри Россіи или за границею.

Впрочемъ, такъ какъ бумаги, опечатанныя у арестованныхъ и нѣкоторыхъ другихъ подозрѣваемыхъ лицъ, окончательно еще не разсмотрѣны, наблюденія же за дѣйствіями сихъ послѣднихъ продолжаются, то, можетъ быть, при терпѣливомъ стараніи откроется еще многое доселѣ неизвѣстное.

Съ настоящаго времени коммиссія приступитъ къ допросамъ по законнымъ формамъ, т. е. предложитъ лицамъ, находящимся подъ слѣдствіемъ, письменные вопросные пункты, принявъ для составленія ихъ за основаніе какъ собственныя предварительныя показанія тѣхъ лицъ, такъ и содержаніе найденныхъ у нихъ бумагъ.

Съ 16-го по 23-ое мая.

Продолжая разспросы арестованныхъ лицъ, коммиссія употребляла всѣ возможныя старанія, дабы открыть, не составляли ли они какое-либо тайное общество, но никто изъ нихъ до сего времени въ этомъ не сознался. Между тѣмъ изъ отвѣтовъ Ахшарумова оказалось, что у Петрашевскаго бывалъ еще братъ содержащагося нынѣ въ крѣпости отставнаго капитанъ-лейтенанта Тимковскаго, тит. сов. Константинъ Тимковскій, находящійся въ Ревелѣ, и что на одномъ вечерѣ онъ говорилъ рѣчь о соціализмѣ, а на другомъ о средствахъ дѣйствія и вліянія на общество, предлагая солидарность между всѣми знакомыми Петрашевскаго, т. е. взаимное вспоможеніе и покровительство по службѣ для занятія высшихъ мѣстъ, а также чтобы каждый давалъ отчетъ о томъ, что онъ сдѣлалъ въ извѣстное время.

Имѣя столь вредныя внушенія въ виду, коммиссія немедленно просила распоряженія объ арестованіи въ Ревелѣ означеннаго Тимковскаго и вслѣдъ за симъ, при разборѣ бумагъ Спѣшнева, какъ бы въ подтвержденіе принятой ею мѣры, нашла три письма того самаго Тимковскаго, въ которыхъ онъ увѣдомляетъ, что имъ учреждены въ Ревелѣ два круга, что онъ тамъ дѣятелемъ, но нуждается въ книгахъ, что Бекл... (по словамъ Спѣшнева, это долженъ быть Беклемишевъ, котораго также приказано арестовать чрезъ нарочно посланнаго въ Ревель жандармскаго офицера) написалъ рядъ писемъ „къ помѣщику", а самъ онъ занимается переводами. Кромѣ того, Тимковскій упоминаетъ о непонятномъ къ нему письмѣ Петрашевскаго, коего содержаніе полагаетъ извѣстнымъ Спѣшневу, и проситъ сообщить ему объ ономъ свое мнѣніе.

Спѣшневъ увѣряетъ, что объ этомъ письмѣ онъ ничего не знаетъ и что дѣйствія, о коихъ извѣщалъ его Тимковскій, относились не до предпріятій противъ правительства, а до распространенія ученія Фурье, но и это показаніе обнаруживаетъ преступныя намѣренія, соотвѣтствующія гнусному духу, господствующему въ разныхъ бумагахъ, опечатанныхъ у Спѣшнева.

Одна изъ нихъ, между прочимъ, есть обязательная подписка для поступленія въ какое-то Русское тайное общество и хотя Спѣшневъ клянется, что это былъ только проектъ, написанный имъ тому нѣсколько лѣтъ, давно имъ забытый и никогда имъ никому не показанный, и тоже что подобнаго общества никогда не существовало, но означенная подписка заслуживаетъ особеннаго вниманія. Содержаніе ея есть слѣдующее:

Прилож. 1-ое.

(Пропускъ въ подлинникѣ).

Сверхъ сего у Спѣшнева же найдена рукопись подъ заглавіемъ: Солдатская Бесѣда, писанная не его почеркомъ, которая, какъ онъ объясняетъ, была получена имъ въ числѣ разныхъ писемъ, присланныхъ ему въ одно время отъ разныхъ лицъ, и изъ коей приводится здѣсь отрывокъ:

Прилож. 2-ое.

(Пропускъ въ подлинникѣ).

Коммиссія, убѣждаясь изъ таковыхъ девизовъ въ зловредномъ направленіи мыслей Спѣшнева, усугубитъ старанія, дабы побудить его къ откровеннымъ сознаніямъ, но если бы въ немъ замѣчено было упорство, то полагаетъ прибѣгнуть къ заключенію его въ оковы, на каковую мѣру она испрашиваетъ уже предварительное разрѣшеніе по начальству.

За симъ въ бумагахъ Дурова оказалось письмо къ нему изъ Москвы лит. Плещеева (привезеннаго уже въ крѣпость), въ которомъ онъ пишетъ:

Прилож. 3-ье.

(Пропускъ въ подлинникѣ).

Плещеевъ объясняетъ, что разговоры его съ профессорами Кудрявцевымъ и Грановскимъ имѣли предметомъ искусства, въ чемъ онъ и сочувствуетъ имъ, а вліяніе ихъ на студентовъ состояло въ возбужденіи въ нихъ любви къ наукѣ. Тѣмъ не менѣе коммиссія сочла необходимымъ просить г. военнаго министра о сношеніи съ московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, чтобы онъ не оставилъ принять подлежащія мѣры къ обнаруженію дѣйствій помянутыхъ профессоровъ и увѣдомить о послѣдующемъ.

Здѣсь кромѣ чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ Ващенко и воспитывавшагося въ лицеѣ Есакова, которые взяты уже въ крѣпость, постановлено по близкому знакомству съ Петрашевскимъ и Головинскимъ арестовать также чиновника Париновскаго, предназначавшагося губернскимъ прокуроромъ въ Петрозаводскъ.

Новыя открытія, выше сего изложенныя, болѣе и болѣе удостовѣряютъ въ преступности арестованныхъ лицъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ведутъ къ заключенію, что настоящее дѣло должно производить съ осмотрительностью и терпѣніемъ, ибо иначе если какое-либо тайное общество дѣйствительно было составлено, то коммиссія можетъ быть лишена средствъ къ обнаруженію его сущности. Самый разборъ огромнаго числа бумагъ, переданныхъ и безпрерывно поступающихъ въ коммиссію, сношеніе съ мѣстными начальствами насчетъ подозрѣваемыхъ лицъ, находящихся внѣ Петербурга, приведеніе въ порядокъ и соображеніе письменныхъ показаній, предварительно уже полученныхъ отъ тѣхъ, которые содержатся въ крѣпости, и снятіе съ нихъ допросовъ съ соблюденіемъ законныхъ формъ,—все это требуетъ весьма много времени, и потому трудно надѣяться, чтобы дѣйствія коммиссіи могли скоро кончиться.

Съ 23-го по 30-ое мая.

По доставленіи въ крѣпость арестованнаго въ Ревелѣ отставнаго капитанъ-лейтенанта Тимковскаго, коммиссія немедленно приступила къ дознанію всѣхъ обстоятельствъ, по которымъ онъ навлекъ на себя подозрѣніе.

Тимковскій сознался, что онъ дѣйствительно приверженъ къ ученію соціальному, но присовокупилъ, что по его понятіямъ ученіе это имѣетъ цѣлью не перемѣну въ государственномъ управленіи, а устройство труда и что, убѣждаясь въ пользѣ его, онъ думалъ со временемъ предложить правительству, не признаетъ ли оно возможнымъ осуществить оное. Кромѣ того изъ объясненій его оказывается, что онъ, Тимковскій, Спѣшневъ и Данилевскій [1]) болѣе другихъ изучили соціализмъ и полагали втроемъ распространять его; что въ рѣчи, которую онъ говорилъ на одномъ изъ собраній Петрашевскаго, разсуждая о солидарности между членами того собранія, онъ разумѣлъ взаимное вспоможеніе другъ другу не въ политическомъ смыслѣ, а по развитію науки; и что хотя въ письмѣ къ Спѣшневу онъ и упоминалъ о составленныхъ имъ въ Ревелѣ двухъ кругахъ, но что онъ не такъ выразился, ибо имъ только полагалось искать людей, дабы устроить подобные круги.

Это самое подтвердилъ и Беклемишевъ (надв. совѣтникъ мин. вн. дѣлъ), равнымъ образомъ привезенный въ крѣпость изъ Ревеля. Онъ объяснилъ, что Тимковскій точно много говорилъ даже съ нимъ о соціализмѣ, коммунизмѣ, фурьеризмѣ и другихъ новыхъ системахъ, господствующихъ въ Европѣ, но что образованіе круговъ въ Ревелѣ есть ложь, на которую онъ вѣроятно рѣшился, будучи весьма хвастливъ и самолюбивъ.

О себѣ собственно Беклемишевъ добавилъ, что онъ занимался наиболѣе часто земледѣльческими вопросами, вмѣстѣ съ тѣмъ однако и вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ; у Петрашевскаго же былъ только одинъ разъ и удостовѣряетъ честью, что никакихъ никогда противозаконныхъ замысловъ не имѣлъ.

Спѣшневъ не отказывается отъ того, что прежде онъ мечталъ о бунтѣ и потомъ о пропагандѣ, но говоритъ, что это было только предметомъ его размышленій безъ примѣненія къ дѣлу. До сего времени всѣ разспросы заставляютъ полагать, что ни обязательная подписка о Русскомъ обществѣ, найденная въ его бумагахъ и написанная имъ, какъ онъ говоритъ, тому нѣсколько лѣтъ, ни существованіе подобнаго общества никому изъ арестованныхъ не были извѣстны. Впрочемъ, Спѣшневъ просилъ еще нѣсколько дней сроку, дабы представить коммиссіи письменное о себѣ объясненіе.

При разборѣ бумагъ помянутыхъ лицъ оказалось нѣсколько таковыхъ самаго преступнаго содержанія и у поручика Момбелли; здѣсь приводится два отрывка.

(Пропускъ въ подлинникѣ).

---

[1]) Объ арестованіи Данилевскаго распоряженіе сдѣлано, но такъ какъ его въ Петербургѣ нѣтъ, то за нимъ послано въ Москву.

Момбелли признался, что эти бумаги писаны дѣйствительно имъ, и когда ему предложили прочесть ихъ, онъ просилъ какъ милость, чтобы ему позволили ихъ не читать. Впрочемъ, онъ, кажется, искренно чувствуетъ себя въ высшей степени виновнымъ.

О цѣли собраній Петрашевскаго Момбелли показалъ, что опредѣлить ее положительно невозможно, но что они клонились къ распространенію фурьеризма посредствомъ чтенія книгъ, до этой системы относящихся.

Самъ Петрашевскій при второмъ разспросѣ показалъ, что убѣжденіе его въ истинѣ и пользѣ системы Фурье несомнѣнно, но что онъ никакихъ переворотовъ насильственными средствами въ виду не имѣлъ. Въ письменномъ же объясненіи изложилъ, что для изслѣдованія возникшихъ противъ него обвиненій надлежало бы назначить не слѣдственную, а ученую коммиссію, которая бы могла разобрать всѣ предметы сихъ обвиненій въ видахъ науки. Кромѣ того, полагая, что въ настоящей коммиссіи такъ называемый имъ штатскій членъ есть директоръ или вице-директоръ департамента полиціи исполнительной министерства внутреннихъ дѣлъ, коего имя ему неизвѣстно, онъ просилъ объ удаленіи его, но потомъ извинился въ своихъ словахъ, узнавъ, что это д. т. с., князь П. П. Гагаринъ [1]).

Въ бумагахъ студента Филиппова найдены также нѣкоторыя изъ нихъ, составленныя въ возмутительномъ духѣ. Особенное вниманіе обращаютъ на себя слѣдующія строки:

(Пропускъ въ подлинникѣ).

Филипповъ показалъ, что это толкованіе написано имъ давно, въ одинъ вечеръ „подъ какимъ-то страннымъ вліяніемъ, можетъ быть подъ вліяніемъ разговоровъ Петрашевскаго“.

О собраніяхъ сего послѣдняго онъ объяснилъ, что они продолжались въ теченіе 5-ти лѣтъ, что лица, бывавшія на нихъ, перемѣнялись, что тамъ обсуживались дѣйствія правительства и указывались тѣ реформы, которыхъ должно желать, но вообще же ни изъ его дальнѣйшихъ объясненій, ни изъ показаній прочихъ арестованныхъ лицъ

---

[1]) Во время заточенія своего въ крѣпости Петрашевскій нашелъ способъ отломаннымъ отъ вентилятора кусочкомъ жести писать на обломкахъ верхняго клеевого слоя стѣнной штукатурки. Обломки эти у него отобраны, и посредствомъ увеличительнаго стекла открыто, что на нихъ написаны разныя подозрительныя слова и фразы, какъ-то: courage, patience, требовать очныхъ ставокъ, не вѣрить письменнымъ показаніямъ и т. п. Петрашевскій объявилъ, что слова эти имѣли цѣлью предостереженіе другихъ содержащихся въ крѣпости въ описаніи ихъ и его личности.

нельзя и до сихъ поръ имѣть вѣрныхъ основаній къ заключенію, что они составляли устроенное тайное общество.

Съ 30-го мая по 6-е іюня.

Въ предшествовавшей запискѣ было сказано, что Спѣшневъ просилъ у коммиссіи нѣсколько дней сроку, дабы представить о себѣ объясненіе письменно.

Онъ исполнилъ это и, сколько можно судить по содержанію объясненія, изложилъ его добросовѣстно. Изъ него видно, что Спѣшневъ, проведя нѣкоторое время за границею, возвратился въ Россію проникнутый коммунистскими идеями и мечтами о способахъ въ томъ же духѣ произвести переворотъ и въ нашемъ общественномъ бытѣ. Онъ познакомился съ Петрашевскимъ, Кошкинымъ, Плещеевымъ и другими приверженцами соціальныхъ системъ, участвовалъ на ихъ собраніяхъ (которыя безъ намѣренія назывались комитетами или сходками) и принималъ тѣхъ же лицъ у себя. Впрочемъ, собранія эти занимались большею частію разборомъ означенныхъ системъ, разныхъ политическихъ вопросовъ и улучшеній, которыя могутъ у насъ быть введены, а не насильственными какими-либо дѣйствіями противъ правительства. Если же въ видахъ Петрашевскаго произошла перемѣна, то, по словамъ Спѣшнева, это должно было случиться съ конца 1848 года, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ у Петрашевскаго появился нѣкто Черносвитовъ, отставной офицеръ, одаренный умомъ, познаніями и краснорѣчіемъ. Онъ старался внушать мысль, что либерализмъ и соціализмъ—одно и то же, разсказывалъ, что Восточная Сибирь (гдѣ онъ, кажется, имѣетъ постоянное мѣстопребываніе) совсѣмъ отдѣльная страна отъ Россіи, богатая, прекрасная, которой вѣрно когда-нибудь суждено быть отдѣльной имперіей, и вообще даже первыми разговорами своими породилъ въ слушателяхъ своихъ мнѣніе, что онъ или шпіонъ или глава какого-нибудь тайнаго общества.

На послѣдующихъ свиданіяхъ Черносвитовъ между прочимъ говорилъ: „ну, вотъ, посмотрите, господа, не можетъ быть, чтобы въ Россіи не было тайнаго общества—всѣ пожары въ 1848 году, да то, что въ низовыхъ губерніяхъ было,—все это доказываетъ существованіе тайнаго общества, только люди они осторожные, молчащіе“, а въ другой разъ: „что всѣ сосланные въ Сибирь глупы, что они на той точкѣ и остались, какъ были, что о фурьеризмѣ и соціализмѣ и слышать не хотѣли“ и потомъ спросилъ Спѣшнева: „какая бы по его мнѣнію была самая теперь полезная реформа въ Россіи“? На это Спѣшневъ отвѣчалъ: „реформа крѣпостнаго состоянія“, а Черносвитовъ сказалъ что и онъ тоже думаетъ.

Кромѣ того однажды на слова Спѣшнева: „вѣдь вы же сами говорили, что должно быть общество“, Черносвитовъ возразилъ: „ну да, я это такъ по соображенію изъяснилъ, вы же только намекните мнѣ, гдѣ оно? Здѣсь или въ Москвѣ?“ И когда Спѣшневъ сказалъ: „ну, разумѣется, въ Москвѣ“, Черносвитовъ промолвилъ: „не знаю, Москва тоже мнѣ немного извѣстна, а впрочемъ можетъ быть“.

При новой встрѣчѣ Черносвитовъ спрашивалъ Спѣшнева про планъ дѣйствія и на отзывъ, что плана собственно еще нѣтъ, сталъ намекать „что возстаніе должно ожидать не на Волыни, ибо тамъ войска много, развѣ будетъ заграничная война, а на Пермскихъ заводахъ, гдѣ 400 тысячъ народа, оружіе подъ рукою и все только и ждетъ первой вспышки, что сначала однако же надобно, чтобы загорѣлось возмущеніе въ Восточной Сибири, что если туда пошлютъ корпусъ, то едва онъ перейдетъ Уралъ, какъ Уралъ возстанетъ, и тогда весь корпусъ останется въ Сибири; что затѣмъ съ 400 тыс. заводскихъ людей можно кинуться на низовыя губерніи и на землю Донскихъ казаковъ, что на потушеніе этого потребуются всѣ войска, если же къ тому присоединится бунтъ въ Петербургѣ и Москвѣ, такъ и все кончено; что для приготовленія всего къ возстанію нужно по крайней мѣрѣ годъ; но что впрочемъ можно въ теперешнемъ положеніи придержать это еще лѣтъ пять-шесть“.

Наконецъ, пригласивъ къ себѣ Спѣшнева и Петрашевскаго, Черносвитовъ сказалъ имъ: „ну, господа, вѣдь теперь дѣло надо вести на чистоту“, и затѣмъ, поворотивъ разговоръ на то, что ему говорено было Спѣшневымъ относительно тайнаго общества въ Москвѣ, спросилъ: „не существуетъ ли чего въ гвардіи“ и на отрицательный отзывъ присовокупилъ: „а это было бы очень важно“.

Спѣшневъ увѣряетъ, что его собственные отвѣты Черносвитову не имѣли никакого основанія, а клонились только къ тому, чтобы развѣдать его мысли и что послѣ послѣдняго ихъ разговора втроемъ съ Петрашевскимъ онъ съ нимъ совершенно разстался.

Петрашевскій подтвердилъ вполнѣ показаніе Спѣшнева о Черносвитовѣ и прибавилъ, что вліяніе, произведенное симъ послѣднимъ на него, было, какъ ему „кажется, болѣе схоже съ вліяніемъ человѣка возмутительнаго и желающаго возмущенія“. При томъ объявилъ, что въ продолженіе послѣдняго разговора, о коемъ выше сего упомянуто, Черносвитовъ между прочимъ также сказалъ: „надобно всѣхъ запереть и разомъ хватить“; онъ, на вопросъ коммиссіи о значеніи этихъ словъ, отвѣчалъ: „что смыслъ ихъ самъ собою объясняется и не можетъ быть другой, какъ относящійся къ высшему правительству безъ исключенія“.

Насчетъ дальнѣйшихъ замысловъ и дѣйствій Черносвитова ни

Спѣшневъ, ни Петрашевскій ничего не могли сообщить, и оба удостовѣряютъ, что по отъѣздѣ его изъ С.-Петербурга, откуда онъ отправился въ Москву и Ярославль, никакихъ съ нимъ сношеній не имѣлъ.

Объ арестованіи Черносвитова тамъ, гдѣ его можно будетъ найти, распоряженіе сдѣлано. Такая мѣра принята и относительно студента Латкина, который ввелъ его въ домъ Петрашевскаго.

Независимо отъ выше прописаннаго Спѣшневъ изъяснилъ „что въ декабрѣ 1848 года Момбелли предлагалъ ему у Петрашевскаго составить товарищество для взаимнаго поддерживанія другъ друга, такъ какъ авторитетъ—важная вещь въ обществѣ, что на это согласился одинъ Петрашевскій, что черезъ нѣсколько времени Момбелли развивалъ свою мысль и предлагалъ образованіе капитала посредствомъ вкладовъ, считая сіи вклады нужными болѣе для узнанія числа членовъ, которые согласились бы поступить въ товарищество; что кассу полагалъ Момбелли ввѣрить комитету, а комитетъ составить изъ основателя общества, т. е. его самого, Петрашевскаго, Спѣшнева и приглашенныхъ къ совѣщанію объ этомъ предметѣ, Львова и Дебу 1-го; что въ общество онъ думалъ приглашать соціалистовъ вообще и людей передовыхъ мнѣній, что послѣ этого онъ, Спѣшневъ, написалъ планъ тайнаго общества, коего главныя основанія суть слѣдующія:

„Есть три внѣправительственные пути дѣйствій: іезуитскій, пропагандный и возстаніе, — каждый изъ нихъ не вѣренъ и отъ того больше шансовъ, если взять всѣ три дороги. Для этого надобно одинъ центральный комитетъ, котораго занятіе будетъ состоять въ созданіи частныхъ: 1) комитета товарищества, 2) комитета для устройства школъ пропаганды фурьеристской, коммунитсской и либеральной, и, наконецъ, 3) комитета тайнаго общества на возстаніе“.

Означенный планъ Спѣшневымъ сожженъ и никакого исполненія не получилъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ почелъ обязанностію о немъ коммиссіи объявить и кончилъ объясненіе свое словами: „Теперь я исполнилъ свой долгъ. Вотъ моя полная исповѣдь. Я виноватъ, и меня слѣдуетъ наказать“.

Обо всѣхъ обстоятельствахъ, относящихся до предложеній Момбелли, допросы начнутся немедленно.

Кромѣ Спѣшнева въ коммиссію представилъ объясненіе и студентъ Филипповъ, которому отецъ его написалъ самое благородное и назидательное письмо, требуя, чтобы онъ объявилъ о себѣ всю истину. Родительская воля тронула его глубоко, и онъ, какъ кажется, покорился ей чистосердечно, ибо показанія его, хотя не новыя для коммиссіи, вообще справедливы. Между прочимъ, какъ изъ его объясненія, такъ и изъ объясненія Спѣшнева оказывается, что они предполагали

завести домашнюю типографію для распространенія своихъ понятій и печатанія запрещаемыхъ цензурою статей. Всѣ вещи для этой типографіи были уже готовы и привезены къ Спѣшневу за нѣсколько дней до его арестованія.

Формальные допросы по пунктамъ произведены Бернардскому, Кузьмину 2-му, Берестову, Щелкову и Есакову. Они заключаютъ въ себѣ и обстоятельства уже извѣстныя и подаютъ поводъ къ убѣжденію, что между лицами, находящимися въ крѣпости, есть и мало виновные. Такъ напр. отставной лейтенантъ Кузьминъ былъ у Петрашевскаго одинъ только разъ, ни о чемъ предосудительномъ тамъ не говорилъ и ничего преступнаго не писалъ, но коммиссія не признаетъ себя въ правѣ ходатайствовать о дозволеніи освобождать даже и подобныхъ людей впредь до положительнаго разъясненія всѣхъ подробностей производимаго ею слѣдственнаго дѣла.

Съ 6-го по 13-ое іюня.

Коммиссія, имѣя въ виду показаніе Спѣшнева о предложеніи, сдѣланномъ въ декабрѣ 1848 года поручикомъ Момбелли насчетъ составленія товарищества для взаимнаго поддержанія другъ друга, производила самые подробные допросы по этому предмету лицамъ, которыя кромѣ Спѣшнева должны были участвовать въ означенномъ товариществѣ, именно Момбелли, Львову, Петрашевскому и Дебу 1-му.

Изъ этихъ допросовъ оказывается: что мысль объ образованіи товарищества была дѣйствительно предложена поручикомъ Момбелли; но, по его словамъ, она первоначально имѣла основаніемъ только взаимное вспомоществованіе другъ другу въ разныхъ случаяхъ жизни, обращеніе же этого товарищества въ политическое общество внушено уже послѣ Спѣшневымъ съ тою цѣлію, чтобы воспользоваться переворотомъ, который долженъ будто бы самъ собою произойти въ Россіи черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, подобно какъ это случилось въ западныхъ государствахъ Европы.

Что помянутое общество полагалось составить изъ „прогрессистовъ“, которые могли бы двинуть гражданскій бытъ впередъ на новыхъ началахъ; что для управленія обществомъ предназначался комитетъ изъ учредителей онаго, т. е. изъ Момбелли, Спѣшнева, Петрашевскаго, Львова и Дебу 1-го; что всякій членъ общества долженъ былъ дѣлать денежный вкладъ, дабы изъ капитала, который такимъ образомъ составится, помогать тому изъ членовъ, который бы по какому-либо случаю попался (это выраженія Петрашевскаго и Дебу); что кромѣ плана Спѣшнева, о которомъ упоминалось въ предшествовавшей запискѣ, формы общества излагались и Львовымъ. Онѣ состояли между прочимъ, въ томъ, чтобы сначала было принято въ оное не менѣе

9 или 11 человѣкъ, и когда послѣ составятся афильяціи, то чтобы въ каждой изъ нихъ было по два главныхъ члена; и что Петрашевскій читалъ на собраніяхъ у Спѣшнева о необходимости образованія по системѣ Фурье, которая объясняетъ множество предметовъ и даетъ средства приготовить людей къ тому времени, когда они будутъ нужны.

Дебу и согласно съ нимъ Петрашевскій присовокупили, что по предложеніямъ Момбелли надлежало также порицать мѣры, предпринимаемыя правительствомъ, и превозносить какъ литераторовъ, такъ и другихъ лицъ, которыя будутъ принадлежать къ обществу.

Всѣ эти совѣщанія продолжались до февраля мѣсяца текущаго года, но такъ какъ участвовавшіе въ оныхъ не могли совершенно согласиться ни въ основныхъ правилахъ, ни въ способахъ дѣйствій общества, то оно, по утвержденію ихъ всѣхъ, не состоялось, и сужденія о немъ прекратились.

Независимо отъ лицъ, выше сего поименованныхъ, формальные допросы производили Тимковскому 2-му, Достоевскому 1-му, Кайданову и Ястржембскому. Отвѣты ихъ въ общемъ объемѣ не доставили коммиссіи никакихъ новыхъ свѣдѣній, заключающихъ въ себѣ особую важность, но подтверждаютъ зловредное направленіе всѣхъ собраній, на которыхъ бывали лица, содержащіяся въ крѣпости, и преступность ихъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, въ большей или меньшей мѣрѣ. Изъ числа же частныхъ показаній между прочими обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія:

а) Ястржембскаго: что, говоря на вечерахъ у Петрашевскаго о статистикѣ, онъ, придерживаясь мнѣнія Нимана, называлъ ее теоріею государства, или общества, присовокупивъ однажды, „что другіе называютъ такую науку политическою экономіею и что такъ она называется у насъ, съ утвержденія великаго князя“;

б) что онъ вообще смѣялся надъ чиноманіею;

г) что о человѣчествѣ онъ разсуждалъ по системѣ Фурье;

д) что когда на одномъ вечерѣ заговорили о томъ, что теперь въ Европѣ поляки возмущеніями своими препятствуютъ развиваться системѣ Фурье, которая можетъ водвориться только при совершенномъ спокойствіи и твердости правительства, то онъ, Ястржембскій, сказалъ, что „онъ въ душѣ полякъ и готовъ жизнь свою отдать за возстановленіе польской народности, но готовъ пожертвовать даже этою народностію, если того потребуетъ счастье человѣчества“.

и б) Львова: что въ рѣчи, которую говорилъ у Петрашевскаго Тимковскій (привезенный изъ Ревеля), онъ объяснялъ, что всякій долженъ дѣйствовать по своимъ убѣжденіямъ, и прибавилъ: „сильные, не торопитесь, слабые, не бойтесь, я васъ не вызывалъ на площадь“.

Эти показанія будутъ приняты на видъ при дальнѣйшихъ допросахъ.

Относительно Черносвитова купеческій сынъ Латкинъ, обучавшійся въ здѣшнемъ университетѣ, не могъ сообщить ничего опредѣлительнаго, хотя онъ же и привезъ его въ первый разъ къ Петрашевскому, но знакомство его съ Черносвитовымъ было, повидимому, случайное и самъ Латкинъ, кажется, непричастенъ къ настоящему дѣлу. По соображенію коммиссіи означенный Черносвитовъ долженъ быть тотъ самый, который, согласно свѣдѣніямъ, имѣющимся въ Инспекторскомъ департаментѣ, вступилъ въ службу въ 1826 году подпрапорщикомъ во Владимірскій пѣхотный полкъ, изъ дворянъ Ярославской губерніи, потомъ переведенъ въ Муромскій пѣхотный полкъ, произведенъ въ прапорщики въ декабрѣ 1829 года, участвовалъ въ дѣлахъ противъ польскихъ мятежниковъ, раненъ въ правую ногу, которая и отнята, и уволенъ отъ службы въ 1832 году подпоручикомъ съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ. Послѣ того онъ, по словамъ его знакомыхъ, былъ исправникомъ въ Ирбитѣ, а теперь занимается порученіями частныхъ компаній на золотыхъ пріискахъ, должно быть въ Иркутскѣ.

Съ 13-го по 20-е іюня.

Въ теченіе минувшей недѣли формальные допросы производились слѣдующимъ лицамъ: Дурову, Дѣеву, Михайлову, Ламанскому, Ольдекопу, Серебрякову, двумъ Достоевскимъ, Григорьеву, Кропотову, Пальму, Момбелли, Плещееву и Десбуту 2-му.

Допросы сіи представляютъ нѣкоторыя новыя частности только относительно вечеровъ, бывавшихъ прошедшею зимою у коллежскаго асессора Дурова, который жилъ вмѣстѣ съ поручикомъ л.-гв. егерскаго полка Пальмомъ и коллежскимъ секретаремъ Щелковымъ. Къ нимъ собирались люди, большею частію занимающіеся науками или искусствами (какъ-то: Львовъ, Достоевскіе, Филипповъ, Спѣшневъ, Плещеевъ, Момбелли, Григорьевъ) и желавшіе составить между собою отдѣльный кругъ, менѣе смѣшанный, нежели у Петрашевскаго. Первоначально вечера эти были чисто литературные и музыкальные, но чрезъ нѣсколько времени они приняли направленіе политическое, чему, какъ кажется, наиболѣе содѣйствовали Момбелли и Филипповъ. Въ числѣ сочиненій, которыя на оныхъ обсуждались, стали читать статьи противныя существующему порядку и правительству; за симъ предложено было въ томъ же духѣ разрабатывать разные предметы историческіе и статистическіе и, наконецъ, полагалось то, что на подобномъ основаніи будетъ написано, распространять посредствомъ

литографіи. Впрочемъ, всѣхъ вечеровъ у Дурова было, повидимому, не болѣе 7 или 8, ибо когда явно обнаружилось, что цѣль ихъ измѣняется, то Достоевскій 2-й, Пальмъ и нѣкоторые другіе признали необходимымъ ихъ прекратить. Такимъ образомъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ не за долго до арестованія вышепоименованныхъ лицъ, собранія ихъ были совершенно кончены.

Черносвистовъ мало кому изъ допрошенныхъ хорошо извѣстенъ; тѣ же, которые видѣли его чаще, подтверждаютъ, что разговоры его были довольно увлекательны и носили печать вольнодумства.

Остальные отвѣты служатъ только повтореніемъ того, что коммиссіею дознано прежде на счетъ образа мыслей содержащихся въ крѣпости лицъ и ихъ намѣреній.

Съ 20-го по 27-е іюня.

Коммиссія произвела формальные допросы слѣдующимъ лицамъ: Десбуту 1-му, Чирикову, Модерскали, Кузьмину, Филиппову, Головинскому, Толю, Болосоглу, Кошкину, Европеусу, Ваценкѣ, Есакову, Ханыкову, Ахшарумову и Беклемишеву.

Кромѣ того были дополнительно допрашиваемы:

Достоевскій 1-й, Достоевскій 2-й и Десбутъ 2-й.

Относительно сущности дѣла, по коему производится слѣдствіе, показанія вышепоименованныхъ лицъ не открыли ничего новаго и подтверждаютъ съ нѣкоторыми только маловажными различіями то, что извѣстно уже изъ прежнихъ разспросовъ. Главными предметами, ихъ занимавшими, были, какъ объяснено въ первыхъ запискахъ: распространеніе соціальныхъ системъ, дабы приготовить лучшее устройство гражданскаго общества, перемѣна судопроизводства, освобожденіе крестьянъ и свобода книгопечатанія; но исполненія всего этого, если имъ вѣрить, они большею частію ожидали отъ времени, безъ насильственныхъ переворотовъ, и однимъ изъ дѣйствительныхъ къ тому средствъ полагали, между прочимъ, чтобы министры и другія правительственныя лица были окружены людьми, изучившими соціализмъ. Система Фурье имѣла, какъ видно, самое значительное число приверженцевъ, потому что, по ихъ словамъ, она нисколько не требуетъ разрушенія существующаго порядка и можетъ согласоваться со всякою формою правленія. Нѣкоторые, въ особенности Тимковскій, Данилевскій, Европеусъ, до такой степени увлечены ея мнимою нравственностію, что не представляютъ себѣ, почему она не могла бы не осуществиться; иные же присоединились къ этому ученію, не вникнувъ даже въ его основанія. Такъ, напримѣръ, Европеусъ выразилъ искреннее соболѣзнованіе о Кошкинѣ, съ которымъ онъ былъ друженъ, и

*

сказалъ: „Кошкина мнѣ жаль болѣе, нежели самого себя. Я по крайней мѣрѣ дѣйствовалъ самосознательно, онъ же рѣшительно не понималъ того, что дѣлалъ".

Здѣсь необходимымъ почитается присовокупить, что въ отвѣтахъ на снятые допросы названы по разнымъ случаямъ имена лицъ, которыя бывали на вечерахъ у Петрашевскаго, у Дурова и другихъ, но не арестованы. Свѣдѣнія о нихъ собираются, но такъ какъ въ дѣлѣ нѣтъ прямыхъ доказательствъ, чтобы они принимали участіе въ преступныхъ рѣчахъ или мнѣніяхъ, которыми тѣ собранія отличались, то коммиссія, имѣя въ виду, что арестованіе ихъ теперь могло бы безъ причины подать поводъ къ тревожнымъ толкамъ въ городѣ, положила не приступать къ этой мѣрѣ, если она не будетъ вынуждена дальнѣйшими раскрытіями, а просить въ свое время, чтобы за ними установлено было надлежащее наблюденіе.

Съ 27-го іюня по 4-е іюля.

Въ теченіе минувшей недѣли изъ лицъ, содержащихся въ крѣпости, были допрошены коммиссіею: Барановскій, Тимковскій, Ламанскій, Щелковъ, Филипповъ, Бѣлицкій, Ханыковъ, Данилевскій, Толстовъ, Утинъ, Кошелевъ, Дѣевъ, Кропотовъ и Петрашевскій.

Независимо отъ цѣли раскрыты болѣе положительныя подробности насчетъ собраній Петрашевскаго и другихъ имъ подобныхъ; предметъ разспросовъ состоялъ еще въ томъ, чтобы узнать, кѣмъ составлены и гдѣ продаются найденныя въ бумагахъ учителя Бѣлецкаго и студента Филиппова литографированныя записки, двѣ о всеобщей исторіи и одна о русской литературѣ. Извлеченія изъ этихъ записокъ были предъявлены коммиссіи по приказанію г. военнаго министра членомъ оной ген.-лейт. Дубельтомъ, такъ какъ въ нихъ многія мѣста обращаютъ на себя особенное вниманіе по вредному ихъ духу и опасному направленію.

Бѣлецкій показалъ, что записка о всеобщей исторіи, находившаяся у него, пріобрѣтена имъ въ 1843 году въ Педагогическомъ институтѣ отъ воспитанника Славянскаго, составлена профессоромъ Лоренцомъ, и, какъ онъ полагаетъ, служила тогда руководствомъ къ преподаванію исторіи въ означенномъ институтѣ, но что онъ, Бѣлецкій, никогда по той запискѣ не обучалъ.

Филипповъ же отозвался, что записки, въ его бумагахъ оказавшіяся, ему не принадлежатъ, а, вѣроятно, оставлены у него кѣмъ-либо изъ его товарищей по Спб. университету, самъ же онъ, Филипповъ, находясь въ числѣ студентовъ по факультету физико-математическому, лекцій по этимъ запискамъ не слушалъ. Другія спрошенныя

лица, именно, Толстовъ, Дѣевъ и Ханыковъ, бывшіе также въ университетѣ, объяснили, что они думаютъ, но не увѣрены, что по помянутымъ запискамъ преподавалъ профессоръ Касторскій. Находя мнѣніе это не довольно опредѣлительнымъ и убѣдившись, что другихъ данныхъ отъ арестованныхъ лицъ получить по сему предмету не будетъ возможнымъ, коммиссія положила довести о томъ до свѣдѣнія г. военнаго министра и представить подлинныя записки на распоряженіе его сіятельства.

Въ остальныхъ отвѣтахъ, не представляющихъ, вообще, ничего новаго, заключается, между прочимъ, показаніе Тимковскаго, что у Петрашевскаго разсуждали большею частію о способахъ вести соціальную пропаганду, порочили дѣйствія правительства, о религіи же произносили такія рѣчи, которыя сначала приводили его въ ужасъ, но потомъ колебали его вѣру. Въ этихъ рѣчахъ доказывалось, что Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ былъ такой же человѣкъ, какъ и мы, но геніальный и посвященный въ таинства, нововводитель, умѣвшій воспользоваться своимъ положеніемъ, что все зданіе христіанской вѣры искусно сооружено духовенствомъ и т. п., что самъ онъ, Тимковскій, говорилъ у Петрашевскаго рѣчь о фурьеризмѣ, но вовсе не желая возмущенія, предлагалъ дѣйствовать для введенія его путемъ убѣжденія и мира; что предъ отъѣздомъ въ Ревель онъ рѣшился отстать отъ общества Петрашевскаго и составить особый кружокъ для распространенія системы Фурье съ Данилевскимъ и Спѣшневымъ; что въ Ревелѣ онъ принялся ревностно проповѣдывать ее, но не имѣлъ успѣха и что, наконецъ, удостовѣрившись, что система эта, а тѣмъ болѣе остальной соціализмъ, прямымъ путемъ ведетъ къ безбожію, онъ горько раскаивается, что вдался въ столь вредное ученіе.

Петрашевскій сознался во всемъ, что относительно его собраній и собственнаго его образа мыслей обнаружено; онъ даже написалъ письмо къ слѣдователямъ, прося ихъ передать его участь высочайшему милосердію, но вчерашній день отъ него получено новое объясненіе, въ которомъ онъ старается себя оправдывать.

За симъ коммиссія, основываясь на всемилостивѣйшемъ разрѣшеніи ходатайствовать объ освобожденіи лицъ по слѣдствію, ею производимому, оказывающихся невинными или мало виновными, занималась подробнымъ разборомъ ихъ дѣйствій и постановила войти съ представленіемъ о дарованіи свободы 12-ти изъ нихъ, именно: 1) Людерскому, 2) Дѣеву, 3) Берестову, 4) Бернардскому, 5) кандидату Михайлову, 6) надв. сов. Чирикову, 7) отстав. кап.-лейт. Тимковскому, 8) тит. сов. Кайданову, 9) кол. секр. Серебрякову, 10) 1-го кад. корп. шт.-кап. Кропотову, 11) кол. секр. Щелкову и 12) губ. секр. Ламанскому, съ тѣмъ, однако же, чтобы они обязались подпискою содержать

къ строгой тайнѣ сдѣланные имъ въ коммиссіи разпросы, никогда не принадлежать ни къ какому тайному обществу и не распространять изъ какихъ то видовъ ни было отдальныхъ идей, а также, чтобы за ними на всякій случай установленъ былъ секретный надзоръ.

Съ 19-го по 24-ое іюля.

Въ теченіе этой недѣли коммиссія, не останавливая составленія выписокъ и общей записки о возложенномъ на нее дѣлѣ, производила дополнительные разпросы: Петрашевскому, Момбелли, Достоевскому, Катеневу и мѣщанину Василью Быстрову, бывшему прикащикомъ у содержавшаго табачную лавку мѣщанина П. Гр. Шапошникова.

За симъ такъ какъ лица, находящіяся въ крѣпости по означенному дѣлу, всѣ уже допрошены и потому теперь можно будетъ приступить къ призыву тѣхъ лицъ, которыя по какимъ-либо случаямъ въ продолженіе онаго были названы, но не арестованы, то коммиссія разсматривала въ подробности списокъ помянутыхъ лицъ, раздѣлила ихъ по имѣющимся данными на разряды и положила основанія, которыя должны быть приняты для правильнаго и болѣе успѣшнаго хода ея дѣйствій. При этомъ хотя нельзя быть увѣрену, чтобы разборъ бумагъ, принадлежащихъ тѣмъ лицамъ, въ особо учрежденной для онаго коммиссіи, не потребовалъ продолжительнѣйшаго времени, нежели сколько нужно на ихъ допросы, но къ устраненію такового неудобства будутъ употреблены всѣ возможныя старанія.

22-го числа привезенъ въ крѣпость Черносвистовъ, котораго посланный за нимъ корпуса жандармовъ кап. Шевелевъ настигъ на станціи Камышенской, въ Омскомъ округѣ, и доставилъ со всѣми найденными при немъ бумагами. Сіи послѣднія ничего подозрительнаго въ себѣ не заключаютъ, лично же при первомъ разпросѣ Черносвистовъ показалъ, что онъ дѣйствительно былъ знакомъ съ Петрашевскимъ и Спѣшневымъ, но ничего преступнаго у нихъ не слыхалъ и ни о какомъ тайномъ обществѣ не знаетъ. Вслѣдствіе сего ему приказано обо всѣхъ сношеніяхъ своихъ съ вышепоименованными лицами дать письменное объясненіе, и это онъ долженъ исполнить неотлагательно.

Въ донесеніи о своей поѣздкѣ кап. Шевелевъ говоритъ, что онъ проѣзжалъ по Сибири почти за г. Тюмень и вездѣ видѣлъ совершенный порядокъ, тишину и спокойствіе. О Черносвистовѣ многіе отзывались ему какъ о человѣкѣ образованномъ и отличавшимся большою распорядительностью въ то время, когда онъ былъ въ Сибири исправникомъ.

Съ 24-го по 31-ое іюля.

Главнымъ предметомъ занятій коммиссіи въ минувшіе дни было дознаніе обстоятельствъ, относящихся до отставнаго поручика Черносвистова, арестованнаго вслѣдствіе обвиненій, взводимыхъ на него Спѣшневымъ и Петрашевскимъ.

Обвиненія эти, какъ уже объяснено было прежде, состояли въ томъ, что Черносвитовъ, явившись на вечеръ Петрашевскаго, разговорами своими вызывалъ всѣхъ на рѣзкости; что онъ разсказывалъ о Сибири, какъ о странѣ, которой когда-нибудь суждено быть отдѣльною имперіею, и звалъ всѣхъ туда ѣхать, что онъ наводилъ Спѣшнева и Петрашевскаго на мысль о существованіи въ Россіи тайнаго общества, доказывая это пожарами 1848 года; что онъ разспрашивалъ Спѣшнева о преобразованіи, которое теперь было бы по его мнѣнію наиболѣе полезнымъ въ Россіи, и соглашался съ нимъ, что преимущество должно быть дано уничтоженію крѣпостнаго состоянія, что онъ говорилъ о возможности возстанія на Пермскихъ заводахъ, о развитіи, которое оно получило бы въ прочихъ частяхъ Россіи, что онъ совѣтовалъ Петрашевскому заводить тайныя общества въ высшемъ аристократическомъ кругу и даже внушалъ ему мысль о цареубійствѣ, и что вообще вліяніемъ своимъ Черносвитовъ значительно усилилъ зловредное направленіе собраній Петрашевскаго.

Черносвитовъ въ предварительныхъ отвѣтахъ своихъ показалъ, что, пріѣхавъ въ Петербургъ въ сентябрѣ 1848 года по золотопромышленнымъ дѣламъ, онъ узналъ о вечерахъ Петрашевскаго и сталъ ихъ посѣщать, такъ какъ на нихъ обсуждались соціальныя знанія, въ которыхъ онъ чувствовалъ въ себѣ недостатокъ. Вечера эти сначала показались ему занимательными, потому что онъ нашелъ тамъ свободную передачу мнѣній, тутъ же подвергавшихся критикѣ, но потомъ убѣдился, что они мало заслуживаютъ вниманія, и бросилъ ихъ, дабы не терять напрасно времени. О Сибири онъ дѣйствительно говорилъ, разбирая географическое и административное ея положеніе, разсказывалъ о всѣхъ происшествіяхъ, случившихся съ нимъ со времени опредѣленія его на службу въ Пермскую губернію и при этомъ, вѣроятно, какъ весьма часто случается въ частномъ разсказѣ обиженнаго человѣка, могъ выражаться довольно свободно, а можетъ быть и дерзко о своемъ начальствѣ и даже о правительствѣ.

Вмѣстѣ съ симъ Черносвитовъ представилъ въ коммиссію двѣ особыя записки,—одну о бунтѣ, бывшемъ тому нѣсколько лѣтъ въ Пермской и Оренбургской губерніяхъ, въ прекращеніи котораго онъ принималъ самое дѣятельное участіе, а другую—о видахъ на Сибирь въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ.

Послѣ того Черносвитовъ на формальномъ допросѣ объяснилъ, что, хорошо владѣя русскимъ языкомъ, онъ всегда говоритъ рѣзко и опредѣлительно, а въ обществѣ Петрашевскаго это могло броситься въ глаза и показаться вызовомъ на рѣзкости; что, говоря о Сибири, онъ часто называетъ ее Америкою, Калифорніею, Eldorado, Русскою Мексикою, и пр.; что Восточная Сибирь по географическому положенію своему дѣйствительно есть страна отдѣльная отъ Россіи и что онъ, Черносвитовъ, увлекаясь иногда въ сужденіяхъ о будущности Сибири, не разъ называлъ ее Великою имперіею, но не отдѣльною, и, любя Сибирь, какъ свою родину, могъ приглашать туда другихъ, но это было только шуткою; что объ образованіи тайнаго общества онъ не говорилъ, но дѣйствительно выражалъ свои подозрѣнія, а не убѣжденіе, насчетъ общества поджигателей вслѣдствіе свирѣпствовавшихъ въ Россіи пожаровъ; что если между нимъ, Спѣшневымъ и Петрашевскимъ былъ разговоръ о крѣпостномъ состояніи, какъ о предметѣ, привлекавшемъ общее вниманіе, то весьма легко могло быть, что онъ подалъ голосъ за уничтоженіе этого состоянія, ибо оно ему не нравится; что мысль о возстаніи на Пермскихъ заводахъ могла родиться при разсказѣ его о бунтѣ, бывшемъ въ Пермской и Оренбургской губерніяхъ, при которомъ изъ самолюбія, желая выставить собственныя свои дѣла и мысли, онъ, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, упоминалъ о послѣдствіяхъ, которыя непремѣнно бы произошли, если бы онъ не распорядился въ то время такъ, какъ это имъ было сдѣлано; что собственно въ Восточной Сибири онъ, Черносвитовъ, зная и Сибирь и возмущенія по опыту, полагаетъ, что могутъ загорѣться лѣса, а не возстанія людей, коими она такъ бѣдна, но что можетъ быть это обстоятельство и было въ числѣ прочихъ возможнымъ при разговорѣ, что мыслей своихъ онъ вовсе не сообщалъ какъ планъ къ какому-либо дѣйствію, потому что никогда не носитъ въ душѣ своей возмутительнаго начала; впрочемъ, если бы этотъ планъ и созрѣлъ въ его головѣ, то онъ, Черносвитовъ, не могъ предлагать его Спѣшневу и Петрашевскому, такъ какъ по его понятіямъ подобное предложеніе дѣлается только вслѣдствіе убѣжденія въ людяхъ, и при томъ людямъ, которые въ состояніи дѣйствовать или по положенію служебному—высокому, или по вліянію на общество въ моральномъ или даже соціальномъ отношеніи; въ Петрашевскомъ же и Спѣшневѣ онъ ничего этого не подозрѣвалъ, и выдумка объ означенномъ предложеніи со стороны его, Черносвитова, вѣроятно, родилась у нихъ только по инстинкту самосохраненія; и что мысли о цареубійствѣ онъ не только никогда не имѣлъ, но гнушается ею, а поручать Петрашевскому заводить тайныя общества въ аристократическомъ кругу онъ не могъ, ибо самъ Петрашевскій не имѣетъ и не можетъ имѣть туда доступа.

Наконецъ, выходя изъ коммиссіи въ послѣдній разъ, какъ онъ былъ туда призванъ, Черносвитовъ сказалъ: „Я кругомъ виноватъ, виноватѣе другихъ, потому что я имъ сообщилъ такія мысли, какія самимъ имъ придти не могли, и это весьма естественно, ибо между ними и мною большая разница; они каждому моему слову давали большой вѣсъ. . . . . я буду виноватъ предъ закономъ, по совѣсти же я не виноватъ.

Таковы въ главныхъ чертахъ объясненія, данныя до сего времени Черносвитовымъ. Они доказываютъ, что показанія Спѣшнева и Петрашевскаго о его разговорахъ большею частію правильныя, но онъ не признаетъ въ нихъ той преступной цѣли, которую должно было въ нихъ предполагать. Впрочемъ, по новымъ настоятельнымъ разспросамъ коммиссіи, онъ просилъ позволенія письменно изложить еще съ большею подробностію взглядъ свой на разные предметы, по коимъ онъ оказывается причастнымъ къ дѣлу Петрашевскаго, и обѣщался представить свою записку черезъ нѣсколько дней. Разсмотрѣвъ сію записку, коммиссія увидитъ, нужно ли будетъ дать ему съ кѣмъ-либо очныя ставки.

Лично Черносвитовъ — человѣкъ съ выразительною наружностію, мысли свои онъ изъясняетъ съ пылкостію, но нѣтъ часто опредѣлительности; вообще въ немъ замѣтны самостоятельность, способности, но болѣе всего чрезвычайное самолюбіе и увѣренность, что онъ и познаніями и умомъ превосходилъ всѣхъ, коихъ встрѣчалъ у Петрашевскаго.

Со 2-го по 6-е августа.

Коммиссія, основываясь на высочайшихъ разрѣшеніяхъ, ей объявленныхъ, приступила къ допросамъ лицъ, которыя въ продолженіе производимаго ею слѣдствія были по разнымъ случаямъ поименованы, но находятся на свободѣ, и допросила по настоящее время 34 человѣка, именно:

(Перечень лицъ отсутствуетъ).

Съ арестованіемъ этихъ лицъ были опечатаны ихъ бумаги, и разсмотрѣніе сихъ послѣднихъ передано особо учрежденной для того коммиссіи.

Всѣ они, какъ по допросамъ, такъ и по содержанію принадлежащихъ имъ бумагъ, оказались не подлежащими дальнѣйшему содержанію подъ арестомъ и потому отъ онаго освобождены.

Что касается до Черносвитова, то письменное объясненіе, о

которомъ упоминалось въ предшествовавшей запискѣ, онъ представилъ.

Объясненіе это въ сущности есть болѣе подробное развитіе, того что имъ показано уже прежде.

Начиная его описаніемъ своихъ свойствъ, онъ подтверждаетъ, что вечера Петрашевскаго были посѣщаемы имъ единственно въ надеждѣ найти ихъ составленными изъ образованнаго общества и увеличить кругъ своихъ познаній. Затѣмъ онъ говоритъ, что народъ русскій въ тѣхъ краяхъ, гдѣ онъ бывалъ, ему хорошо извѣстенъ и что по его мнѣнію общаго бунта противъ правительства въ Россіи быть не можетъ, что хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и происходятъ, особенно между государственными крестьянами, безпорядки, но ихъ должно отнести къ крутымъ нововведеніямъ и къ дѣйствительному злоупотребленію власти сельскаго начальства, вообще же вѣрность къ престолу въ народѣ тверда и имя царя для него священно; что на горныхъ заводахъ люди гораздо образованнѣе государственныхъ крестьянъ, и на нѣкоторыхъ только частныхъ угнетены, но заводы Тагильскіе, Яковлевскіе и казенные близъ Екатеринбурга благоденствуютъ, слѣдовательно, мысль о возстаніи едва-ли можно вложить имъ въ головы. Уральскія страны южнѣе Сибирскаго тракта, пролегающаго черезъ гор. Пермь въ Екатеринбургъ, онъ, Черносвитовъ, не знаетъ; что къ востоку отъ Урала, по дорогѣ за Красноярскъ, народъ, занимаясь земледѣліемъ, тихъ, скроменъ и понятія свои останавливаетъ на первыхъ почти потребностяхъ жизни. Неудовольствіе нигдѣ незамѣтно до самаго округа Барнаульскихъ заводовъ около Колывани, гдѣ жители бѣднѣе и жалуются на тягость заводскихъ повинностей; что далѣе къ Красноярску народъ совершенно доволенъ, къ Иркутску онъ менѣе зажиточенъ, за Байкаломъ же край бѣдный; что на золотыхъ пріискахъ работники составляютъ народъ безнравственный страстный болѣе къ бродячей, нежели осѣдлой жизни, но что, будучи порочны, они вмѣстѣ съ тѣмъ и трусы; слѣдовательно, если бы они и вздумали волноваться, то съ тѣми средствами, которыя имѣетъ мѣстное начальство, ихъ усмирить можно безъ всякаго труда; что возстаніе Урала можно допустить только при полномъ согласіи всего хребта Уральскаго, но сколько разнородныхъ интересовъ и требованій нужно удовлетворить на такомъ пространствѣ въ народѣ, разъединенномъ и разстояніемъ и потребностями? Для этого необходимъ обширный заговоръ всѣхъ чиновниковъ, горныхъ и военныхъ, согласіе войскъ и управляющихъ заводами; что все вышеприписанное доказываетъ нелѣпость приписываемыхъ ему мыслей, но что разсказы его, сужденія и фантазіи могли дѣйствительно ввести Спѣшнева и Петрашевскаго въ заблужденіе, такъ какъ ни тотъ, ни другой топографиче-

скихъ свѣдѣній объ отечествѣ своемъ не имѣютъ, и для нихъ Восточная Россія была въ родѣ Средней Африки. „Здѣсь, присовокупляетъ Черносвитовъ, я чувствую себя болѣе ихъ виноватымъ, я старше ихъ, опытнѣе ихъ, и съ ними ли мнѣ должно было разсуждать о дѣлахъ государственныхъ. Въ состояніи ли они понять мои святыя убѣжденія! но я не участникъ въ преступленіи".

Что объ измѣненіи въ формѣ нашего правленія онъ никогда не помышлялъ, но что въ разговорахъ онъ не таилъ своихъ желаній нѣкоторыхъ улучшеній въ гражданскомъ нашемъ устройствѣ, какъ-то: чтобы классъ чиновниковъ былъ уничтоженъ, чтобы къ административнымъ должностямъ были свободно допускаемы всѣ сословія и т. п.

Что личная только обида могла бы возродить въ душѣ его мысль объ убійствѣ, но и это по свойствамъ его невозможно иначе какъ явно, благородно; какая же можетъ быть личность между нимъ и великимъ недосягаемымъ царемъ, безъ помощи котораго онъ пропалъ бы, не будучи еще въ состояніи самъ обезпечить свое существованіе. Государь императоръ, по словамъ Черносвитова, пожаловалъ ему 1 тыс. руб. сер. въ такое время, когда все состояніе его было описано за долги казнѣ, и потому онъ питаетъ къ нему благодарность вѣчную, а не вражду въ душѣ своей.

Въ заключеніе снова опровергая, что имъ будто бы предложенъ былъ планъ возстанія на Уралѣ, въ Сибири и Петербургѣ, Черносвитовъ пишетъ, что: „не имѣя болѣе никакой гарантіи отъ настоящаго подозрѣнія, онъ съ чистою совѣстію равнодушно предаетъ участь свою благонамѣренности высокаго суда коммиссіи и милостивому вниманію монарха".

Вслѣдствіе этого объясненія Черносвитову надлежало бы дать съ Петрашевскимъ очную ставку, но, имѣя въ виду, что Петрашевскій въ недавнемъ времени подвергался разстройству въ умственныхъ способностяхъ, коммиссія сочла нужнымъ предварительно удостовѣриться въ настоящемъ его положеніи и убѣдилась, что онъ находится еще подъ вліяніемъ нервнаго разстройства. Находя, что при таковомъ разстройствѣ и при раздражительности его характера онъ не только не можетъ быть употребленъ для уличенія Черносвитова, но еще по извѣстному его упорству скорѣе съ умысломъ затмитъ сдѣланныя уже раскрытія, коммиссія опредѣлила очной ставки Петрашевскому съ Черносвитовымъ не давать и сообразить другія мѣры къ дознанію истины на счетъ сего послѣдняго.

Относительно неудовольствія, побуждавшаго Черносвитова (какъ имъ сказано въ прежнихъ показаніяхъ) выражаться свободно и иногда даже дерзко о правительствѣ, онъ отозвался, что почиталъ себя оби-

женнымъ невниманіемъ начальства къ услугамъ его, при усмиреніи въ 1843 году мятежа въ Пермской губерніи между государственными крестьянами и несправедливыми съ нимъ дѣйствіями по золотопромышленнымъ дѣламъ.

Съ 8-го по 13-е августа.

Коммиссія, продолжая арестованіе лицъ по разнымъ случаямъ, поименованныхъ въ теченіе возложеннаго на нее слѣдствія, допрашивала:

1) учителя 9-го класса Егорова;
2) занимающагося ходатайствомъ по дѣламъ Нагурнаго;
3) бывшаго секретаря дворянской опеки Григоровскаго;
4) титулярнаго совѣтника Зотова;
5) книгопродавца Лури;
6) купца Поонина
и 7) купца Чернова.

По разсмотрѣніи собственныхъ отвѣтовъ сихъ лицъ, собранныхъ о нихъ свѣдѣній и ихъ бумагъ, всѣ они отпущены кромѣ книгопродавца Лури, который возвращенъ въ III отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи, какъ подлежащій полицейскому преслѣдованію за продажу запрещенныхъ книгъ.

Кромѣ того произведены дополнительные допросы Спѣшневу и такъ какъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ между его показаніями и объясненіями Черносвитова оказалось разнорѣчіе, то имъ обоимъ дана очная ставка.

Спѣшневъ положительно подтвердилъ самому Черносвитову все, что имъ показано было прежде насчетъ разговоровъ его о планѣ возстанія на Пермскихъ заводахъ и на Уралѣ; уличалъ его съ благородствомъ и настойчивостью, но Черносвитовъ, избѣгая совершенно опредѣленныхъ отвѣтовъ, никакъ не хотѣлъ сознаться въ тѣхъ намѣреніяхъ, которыя ему приписываются. По его словамъ, если онъ и упоминалъ объ означенномъ возстаніи, то вѣроятно только какъ о возможности, вслѣдствіе разсказовъ своихъ о бунтѣ, происходившемъ тому нѣсколько лѣтъ въ Пермской губерніи, но рѣшительно отвергаетъ, чтобы это было предложено имъ какъ планъ дѣйствій, или чтобы онъ говорилъ о существованіи въ Россіи тайныхъ обществъ.

Всѣ старанія вполнѣ согласить его со Спѣшневымъ остались безуспѣшными, но главныя черты вольнодумныхъ его разговоровъ не подлежатъ сомнѣнію. Засимъ, имѣя въ виду отзывы, полученные относительно Черносвитова отъ оренбургскаго военнаго губернатора и генералъ-губернатора Западной Сибири, а также выводы изъ самаго

хода дѣла, должно думать, что онъ дѣйствительно ограничивался изложеніемъ вредныхъ своихъ мыслей и можетъ быть желаніемъ внушить ихъ другимъ, но никакого преступнаго исполненія не предпринималъ.

Съ 15-го по 27-ое августа.

Изъ новыхъ лицъ по настоящему дѣлу, подлежавшихъ допросамъ, коммиссія призывала коллежскихъ ассесоровъ Александра и Владиміра Стасовыхъ, студента Павла Европеуса, аукціониста Острогина и маклера Селинова, но по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, до нихъ относящихся, согласно правиламъ, съ высочайшаго разрѣшенія принятымъ коммиссіею къ руководству, лица эти отъ содержанія подъ арестомъ освобождены.

Черносвитову дана была со Спѣшневымъ вторичная очная ставка. Она никакихъ новыхъ показаній не возбудила и имѣла послѣдствіями одно только объясненіе Черносвитова, что онъ дѣйствительно излагалъ Спѣшневу планъ возстанія въ Восточной Сибири и на Уралѣ, однако же излагалъ его не какъ планъ къ исполненію, а какъ возможность.

Послѣдующія занятія коммиссіи будутъ заключаться въ продолженіи допросовъ нѣкоторымъ лицамъ, объ арестованіи коихъ распоряженіе уже сдѣлано и въ подробномъ разсмотрѣніи общей записки о сущности произведеннаго ею слѣдствія, которая въ проектѣ уже изготовлена.

Съ 22-го по 29-ое августа.

Коммиссія призывала въ теченіе этой недѣли еще нѣсколько лицъ для допросовъ, именно:

1. Титулярнаго совѣтника Витте.
2. Канцелярскаго служителя Степанова
и 3. Бат. адъютанта Зимняго дворца поручика Стасова.

Но всѣ они признаны не подлежащими содержанію подъ арестомъ и возвращены къ своимъ мѣстамъ.

Кромѣ того, имѣя въ виду пользу, которую могла бы принести очная ставка между Черносвитовымъ и Петрашевскимъ, коммиссія требовала сего послѣдняго, дабы удостовѣриться, не въ состояніи ли онъ будетъ теперь дѣлать Черносвитову улики, если ихъ свести, но снова убѣдилась, что по нервному его разстройству онъ употребленъ для сего быть не можетъ. При этомъ случаѣ Петрашевскій рѣшился даже на колѣняхъ просить объ исходатайствованіи ему всемилостивѣйшаго

Присяга Сапѣги на званіе маршала генеральной литовской конфедераціи, состоявшаяся 30-го іюля (10-го августа), была для Коссаковскихъ совершенной неожиданностью, она разстраивала ихъ планы.

Впрочемъ, Сапѣга, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Вильно и стать во главѣ конфедераціи, оставался въ своемъ имѣніи въ полномъ бездѣйствіи, и Коссаковскіе, не обращая вниманія на Потоцкаго, попрежнему безконтрольно управляли Литвою.

Универсаломъ, обнародованнымъ Коссаковскимъ 15-го (26-го) іюня, жителямъ Литвы былъ данъ, какъ мы уже знаемъ, для присоединенія къ конфедераціи двухнедѣльный срокъ, по истеченіи котораго, маршалы мѣстныхъ конфедерацій начали сгонять, при помощи русскихъ войскъ, шляхту и силою заставляли ее подписывать актъ конфедераціи. Впрочемъ, нѣкоторые обыватели, не желая компрометтировать свою фамилію, подписывались вымышленными именами.

Болѣе всего хлопотъ доставили конфедератамъ тѣ вліятельныя лица, кои, пользуясь своимъ значеніемъ въ краѣ, удерживали обывателей отъ присоединенія къ конфедераціи. Въ числѣ ихъ не мало крови испортили Потоцкому и Злотницкому каштелянъ Морскій и генералъ Орловскій.

Вызванный конфедераціей въ судъ, Морскій обратился къ Щенсному-Потоцкому съ письменной просьбой выдать ему документъ, коимъ обезпечивалась бы его личная безопасность. Щенсный отвѣчалъ, что такъ какъ Морскій не присоединился къ конфедераціи, то онъ лишается званія сенатора, полученнаго имъ во время послѣдняго сейма. На это Морскій возразилъ, что въ вопросѣ о сохраненіи за нимъ званія, пожалованнаго ему королемъ, онъ будетъ ожидать рѣшенія сейма, а между тѣмъ, ему хотѣлось бы знать,—писалъ онъ: „какимъ образомъ Потоцкій сдѣлался генеральнымъ маршаломъ до сконфедерованія воеводствъ и повѣтовъ? Онъ не признаетъ его маршаломъ и не намѣренъ повиноваться ему“. При этомъ Морскій укорялъ Потоцкаго за то, что онъ привлекъ въ страну тѣхъ, противъ коихъ сражались: Жолкѣвскій, Госѣвскій, Чарнецкій и „не одинъ Потоцкій!“.

Взволнованный этимъ письмомъ, Щенсный писалъ Злотницкому, что если Морскій будетъ бунтовать, то онъ будетъ преданъ суду.

Орловскій, командовавшій каменецкимъ гарнизономъ, не получая никакихъ распоряженій изъ Варшавы, отвѣчалъ на полученный имъ отъ Потоцкаго приказъ о присоединеніи къ конфедераціи, что онъ не подчинится ему до тѣхъ поръ, пока король или военная коммиссія не увѣдомятъ его о томъ, что онъ находится уже подъ властью конфедераціи и обязанъ повиноваться ей. Курьеръ, посланный Орловскимъ въ Варшаву, не возвращался, и Потоцкій выходилъ изъ себя.

Только 27-го августа (7-го сентября), получивъ, наконецъ, приказъ военной коммиссіи, Орловскій присягнулъ конфедераціи съ своимъ гарнизономъ.

Хотя обыватели, устрашенные строгими карами, и присоединялись къ конфедераціи, но всѣхъ удручала мысль о необходимости дать присягу, и они, подъ разными предлогами, просили объ отсрочкѣ.

Помимо тяготѣвшаго, такимъ образомъ, надъ всѣми нравственнаго гнета, обыватели нѣкоторыхъ воеводствъ страдали отъ постоя сорокатысячной русской арміи.

Постоянное требованіе подводъ подъ багажъ, провіантъ и фуражъ было причиною, что жители не имѣли возможности во-время убрать жатву, и хлѣбъ стоялъ еще на корню во второй половинѣ сентября; войска брали фуражъ, выдавая росписки и безъ оныхъ, дѣлали порубки. Мѣстныя конфедераціи обращались къ генеральной съ просьбой о защитѣ, и для разбора этихъ жалобъ и вознагражденія потерпѣвшихъ была назначена особая коммиссія.

По присоединеніи Станислава-Августа къ конфедераціи, политическіе друзья Щенснаго-Потоцкаго закидали его совѣтами, предостерегая его относительно происковъ придворной партіи, и совѣтовали остерегаться тѣхъ лицъ, которыя объявятъ себя теперь на сторонѣ конфедераціи; „это будутъ волки, прикрытые бараньими шкурами“,—говорили они: „никто не можетъ такъ предать насъ, какъ друзья-пріятели московско-королевской партіи“.

Предостерегалъ Потоцкаго также и гетманъ Браницкій.

„Мнѣ сообщаютъ,—писалъ онъ,—что придворные также составляютъ конфедерацію въ Подлѣсьи и другихъ мѣстностяхъ; хотя они дѣйствуютъ, повидимому, согласно съ нами, но въ иномъ духѣ; они выкидывали изъ присяги нѣкоторыя фразы, какъ, напр., слова „противъ усиленія королевской власти“ и т. п.

Потоцкій немедленно принялъ мѣры къ тому, чтобы „псевдопатріоты не втерлись въ кругъ доблестныхъ дѣятелей, трудящихся на благо общества“, съ цѣлью поселить разладъ въ умахъ и тѣмъ погубить Польшу; онъ подтвердилъ воеводствамъ, чтобы актъ, изданный въ Тарговицахъ 14-го мая, былъ признанъ ими безъ всякихъ измѣненій, ибо „раздвоенность можетъ погубить все дѣло,—говорилось въ изданномъ имъ универсалѣ,—и виновные въ этомъ отвѣтятъ передъ Богомъ, республикой и потомствомъ“. Обыватели обязывались не избирать ни на какія должности лицъ, участвовавшихъ въ переворотѣ 3-го мая, бывшихъ депутатами отъ февральскихъ сеймиковъ для принесенія благодарности королю и сейму за конституцію и всѣхъ тѣхъ, кои по рѣшенію генеральной конфедераціи подлежали суду.

Ходилъ слухъ, будто Коллонтай, маршалы сейма и прочіе эми-

гранты помышляли о реконфедераціи, что они отправились съ этой цѣлью въ Берлинъ и предлагали королю прусскому Гданскъ, Торнъ, и воеводство Познанское, если онъ поможетъ имъ поддержать конституцію 3-го мая. Маршаломъ реконфедераціи называли каштеляна Яблоновскаго, объ этомъ говорили даже въ Петербургѣ [1]).

Между тѣмъ, конфедерація вступала въ свои права; для принятія подъ ея власть правительственныхъ учрежденій было назначено четыре депутата изъ совѣтниковъ конфедераціи, кои получили соотвѣтственныя инструкціи, для принятія присяги на вѣрность Рѣчи Посполитой и конфедераціи отъ коменданта варшавскаго гарнизона, духовенства, магистрата, цеховъ, скарбовой коммиссіи и т. д.

Королю, какъ главѣ государства, было разрѣшено представиться только въ частной аудіенціи.

Въ то же-время маршалы конфедераціи обратились къ Станиславу-Августу, чрезъ Булгакова, съ просьбою подписать вторично актъ о присоединеніи его къ Тарговицкой конфедераціи, согласно съ утвержденной формулой, „безъ малѣйшаго въ ней измѣненія“; на ходатайство же короля за вызванныхъ въ судъ: Малаховскаго, Сапѣгу, Игнатія Потоцкаго и Коллонтая отвѣчали, что онъ не только не поможетъ имъ своими просьбами, но даже повредитъ имъ. То же самое отвѣчали ему, когда онъ просилъ о сохраненіи хотя бы нѣкоторыхъ постановленій послѣдняго сейма [2]).

Король колебался. Въ присланной ему формулѣ находилось два, особенно тяжелыхъ для него, пункта: по одному изъ нихъ онъ долженъ былъ отречься отъ участія во всемъ, что было сдѣлано 3-го мая; по второму требовалось его отреченіе отъ монархично-демократической системы.

Делегаты, посланные въ Варшаву, остановились по пути въ имѣніи каштеляна Ожаровскаго и выжидали тамъ заявленія Станислава-Августа о его согласіи исполнить требованія конфедераціи. Не дождавшись этого, они прибыли 8-го (19-го) августа въ Варшаву, остановились въ домѣ гетмана Браницкаго и немедленно приступили къ дѣйствію.

12-го (23-го) августа ими была упразднена военная коммиссія. Коронное войско, не исключая гвардіи, присягнуло на вѣрность королю и генеральной конфедераціи и на повиновеніе гетманамъ; литовское войско присягнуло на повиновеніе приказаніямъ Коссаковскаго. На слѣдующій день была упразднена полицейская коммиссія, литовская скарбная коммиссія отдѣлена отъ коронной и отослана въ Гродно. Начальство надъ варшавскимъ гарнизономъ принялъ каштелянъ Ожаровскій.

---

[1]) Архивъ Гос. Сов., т. I, стран. 938.

[2]) Король Букатому 18-го (29-го) августа.

Въ то время, какъ делегаты дѣйствовали столь рѣшительно, Булгаковъ побуждалъ короля подписать вторично актъ конфедераціи. Станиславъ-Августъ просилъ измѣнить формулу акта, говорилъ, что онъ не можетъ исполнить это требованіе, но наконецъ уступилъ.

Подписанный имъ актъ, вмѣстѣ съ письмами къ императрицѣ и Потоцкому, былъ немедленно посланъ русскому посланнику; Булгаковъ препроводилъ его Щенсному.

Вторичное присоединеніе къ конфедераціи не принесло королю никакой пользы. Делегаты выполняли самымъ строгимъ образомъ инструкціи, данныя имъ генеральной конфедераціей; особенно тяжело было для Станислава-Августа то обстоятельство, что онъ лишился командованія гвардіей и что въ присяжномъ листѣ, разосланномъ офицерамъ кадетскаго корпуса, были опущены слова, повелѣвавшія соблюдать вѣрность королю.

Правда, генеральная конфедерація выразила ему благодарность за его присоединеніе и въ награду разрѣшила ему назначить двухъ скарбовыхъ коммиссаровъ изъ числа обывателей, не устраненныхъ отъ управленія универсаломъ 26-го іюля (6-го августа), но удовольствіе, доставленное ему этой снисходительностью, было омрачено новымъ универсаломъ, коимъ воспрещалось всѣмъ военнымъ, какъ находящимся на дѣйствительной службѣ, такъ и отставнымъ носить установленный королемъ орденъ „Virtuti militari“—первымъ подъ страхомъ строгаго наказанія и лишенія чиновъ, вторымъ подъ страхомъ увольненія съ занимаемыхъ ими должностей по гражданскому вѣдомству. Этотъ приказъ глубоко поразилъ короля, раздававшаго этотъ орденъ, и вызвалъ переполохъ въ войскѣ и въ обществѣ. Военные, награжденные орденомъ, просили генеральную конфедерацію объ отмѣнѣ этого приказанія. Косцюшко написалъ Потоцкому письмо, въ которомъ вступался за своихъ сотоварищей. Король, съ своей стороны, писалъ ему: „не стану вспоминать приказовъ относительно гвардіи, кадетъ и булавы литовской... но долженъ признаться, что было бы свыше силъ моихъ промолчать относительно распоряженія, касающагося военнаго знака отличія, такъ какъ если бы эта мѣра была приведена въ исполненіе, то отчаяніе столькихъ храбрыхъ людей оторвало бы ихъ навсегда отъ лона отечества“.

Подъ вліяніемъ настоятельной просьбы короля и всеобщаго возбужденія, делегаты рѣшили повременить исполненіемъ этого приказа и обратиться къ генеральной конфедераціи съ соотвѣтствующимъ представленіемъ. Но прежде нежели они успѣли сдѣлать это, была получена резолюція конфедераціи на записку, поданную военными, и отвѣтъ на письма Косцюшки и короля. Военнымъ повелѣвалось, чтобы

они „воодушевленные патріотизмомъ и вѣрные своему отечеству, сняли съ себя знаки отличія, дарованные имъ деспотомъ“.

Въ письмѣ къ Косцюшкѣ, которое было написано въ весьма вѣжливомъ тонѣ и въ менѣе любезномъ отвѣтѣ королю, Потоцкій писалъ, что „Рѣчь Посполитая не можетъ награждать войско за храбрость, когда его заставили сражаться обманнымъ образомъ, и не можетъ утвердить уставъ ордена, учрежденнаго королемъ безъ всякаго на то права“.

Новыя инструкціи, полученныя Булгаковымъ изъ Петербурга, повелѣвали ему поддержать всѣ требованія конфедераціи. „Вообще“,—говорилось въ инструкціи,—„надобно избѣгать всего того, что можетъ быть поводомъ къ возбужденію мнѣнія въ комъ-либо изъ націи польской, чтобы съ здѣшней стороны королевскимъ видамъ и устремленіямъ содѣйствовать хотѣли“ [1]).

„У насъ, здѣсь, въ Варшавѣ, настоящее положеніе считаютъ какъ бы междуцарствіемъ,—писало одно лицо 24-го августа (4-го сентября),—ибо король не пользуется никакой властью и его ни о чемъ не спрашиваютъ“.

„Не вмѣшивайтесь пока ни во что“,—совѣтовали ему друзья—„все само собою уладится“.

VIII.

Въ началѣ августа Екатерина предложила начальникамъ генеральной конфедераціи перенести свое мѣстопребываніе въ Брестъ, избранный ею мѣстомъ засѣданій будущаго сейма, какъ центральный пунктъ, изъ коего соединенный корпусъ русскихъ войскъ, находившійся подъ начальствомъ генералъ-поручика Ферзена, могъ обезпечить спокойствіе населенія и сейма.

Баронъ Бюлеръ не придавалъ особеннаго значенія Бресту и, по настоянію Щенснаго-Потоцкаго, согласился перенести конфедерацію въ Варшаву, но это рѣшеніе было принято въ Петербургѣ съ неудовольствіемъ. „Выборъ Бреста“,—писала ему императрица,—„по соглашенію съ нашими друзьями, былъ основанъ на высшихъ соображеніяхъ, превозносящихся надъ всякимъ событіемъ. Измѣнять его отнюдь не слѣдовало безъ особаго приказанія“. Екатерина вообще еще разъ подтвердила Бюлеру „строго и буквально держаться посылаемыхъ инструкцій“ [2]).

---

[1]) Архивъ Гос. Сов., т. I, стран. 941.

[2]) Сборникъ, т. 47, стран. 398, 399, 426, 427, 445.

Такъ какъ Брестъ былъ незадолго передъ тѣмъ истребленъ пожаромъ, то Потоцкій предложилъ избрать Влодаву, какъ пунктъ болѣе удобный для съѣзда многочисленныхъ участниковъ сейма, но и на это не послѣдовало согласія изъ Петербурга.

Въ исходѣ августа въ Брестъ стали съѣзжаться представители обѣихъ конфедерацій. Генеральная литовская конфедерація, для соединенія своего съ коронной, послала въ Брестъ нѣсколько сенаторовъ и 22 совѣтника, въ томъ числѣ троихъ Коссаковскихъ.

Вслѣдъ за Потоцкимъ пріѣхали гетманы Браницкій и Ржевусскій, канцлеры: коронный—Малаховскій и литовскій—Сапѣга, сенаторы, маршалы и совѣтники конфедерацій. Они размѣстились по монастырямъ, іезуитскимъ коллегіямъ и въ домахъ частныхъ лицъ. Съѣздъ былъ такъ великъ, что за одну комнату платили по 3—4 дуката и болѣе въ недѣлю. Помѣщеніе Потоцкаго было такъ тѣсно, что онъ приказалъ разбить нѣсколько палатокъ. Самая большая, свѣтлозеленаго цвѣта была установлена на рынкѣ противъ іезуитскаго костела.

31-го августа (11-го сентября) должно было состояться торжество соединенія обѣихъ конфедерацій.

Къ 8 часамъ утра всѣ собрались. При звукахъ военной музыки Потоцкій вошелъ въ палатку, поставленную на рынкѣ. Вскорѣ послѣ него пріѣхалъ маршалъ литовской конфедераціи, Сапѣга, которому были отданы воинскія почести. Обмѣнявшись привѣтствіями, конфедераты отправились въ іезуитскій костелъ, посреди котораго былъ поставленъ огромный столъ, накрытый сукномъ; подлѣ него стояли кресла для совѣтниковъ. Въ концѣ стола стояло два столика, изъ нихъ на одномъ лежало распятіе, звонокъ и чернильница. Передъ алтаремъ было приготовлено два аналоя, обитые дорогой матеріей.

По окончаніи обѣдни, которую служилъ епископъ Сѣраковскій, маршалы и совѣтники конфедерацій заняли свои мѣста у стола — коронный съ правой, литовскій съ лѣвой стороны. Сѣраковскій произнесъ подходящую къ случаю рѣчь и прочелъ актъ уніи или соединенія конфедерацій обѣихъ народовъ. Затѣмъ былъ прочитанъ вторичный актъ присоединенія къ конфедераціи Станислава-Августа.

Въ это время раздались пушечные выстрѣлы. Засѣданіе открылъ Сапѣга; принявъ благословеніе епископа инфляндскаго, онъ привѣтствовалъ коронную конфедерацію, превознесъ заслуги Щенснаго-Потоцкаго, гетмановъ, канцлера Малаховскаго и надворнаго коронnаго маршала Рачинскаго. Затѣмъ произнесли рѣчи: Потоцкій на тему о деспотизмѣ и великой монархинѣ, которая, оказавъ имъ могущественную поддержку, помогла имъ свергнуть иго неволи и рабства; Гулевичъ говорилъ о преступленіяхъ, совершенныхъ конституціоннымъ

сеймомъ, и о необходимости дѣйствовать осторожно, такъ какъ „семиголовая гидра монархизма еще жива“ и т. д.

Послѣ того когда былъ подписанъ актъ соединенія конфедерацій, Потоцкій пригласилъ сенаторовъ, совѣтниковъ и многихъ обывателей на обѣдъ. При произнесеніи тостовъ за здоровье императрицы, маршаловъ и другихъ знатныхъ особъ было произведено 300 выстрѣловъ. Вечеромъ горѣла иллюминація, на площадяхъ гремѣла музыка, въ палаткахъ пѣнилось вино.

На послѣдующихъ засѣданіяхъ были избраны депутаты, которыхъ рѣшено было послать въ Петербургъ, къ императрицѣ, чтобы благодарить ее за оказанную полякамъ помощь и заключить съ Россіей „вѣчный союзъ“; нѣсколько человѣкъ было послано въ Варшаву благодарить короля за присоединеніе къ конфедераціи.

Всѣ эти рѣшенія, также какъ и главнѣйшія постановленія, общей генеральной конфедераціей были приняты подъ вліяніемъ совѣтовъ и указаній барона Бюлера, который руководствовался, въ свою очередь, инструкціями изъ Петербурга.

Указомъ отъ 16-го (27-го) августа, императрица повелѣла Каховскому удалить изъ Польши французскаго посла при Варшавскомъ дворѣ Декорта. Узнавъ объ этомъ, генеральная конфедерація немедленно предписана великому коронному маршалу удалить Декорта изъ предѣловъ Рѣчи Посполитой.

Вскорѣ послѣ этого Бюлеръ получилъ отъ императрицы рескриптъ слѣдующаго содержанія:

„Я желаю, чтобы конфедерація приняла такое же рѣшеніе и относительно лица, носящаго фамилію Жене; лицо это, проникнутое тѣми же принципами и тѣмъ же духомъ, какъ и Декортъ, не замедлитъ заняться распространеніемъ принциповъ и отвратительнаго ученія партій, которой оба они являются наиболѣе фанатическими и опасными сектантами, если присутствіе его, въ какомъ бы то ни было званіи, будетъ и впредь терпимо въ Варшавѣ или какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ Польши. Вы скажете отъ моего имени г. главному маршалу, равно какъ и главнымъ начальникамъ конфедераціи, что если бы эти смутьяны еще не удалились изъ столицы, то было бы хорошо поспѣшить ихъ высылкою, употребивъ, если окажется нужнымъ, принудительныя средства, которыя вполнѣ оправдывались бы недавними событіями въ Парижѣ, налагающими, повидимому, на всѣ націи обязанность прервать всякія связи съ народомъ, поправшимъ всѣ законы божескія и человѣческія. Дѣлая это замѣчаніе, вы присовокупите, что вообще въ нынѣшнее время волненій и броженій нельзя не быть особенно внимательнымъ ко всему, что касается миссій, принимаемыхъ у себя и содержимыхъ за границею, что вслѣдствіе этого соображенія,

нельзя, конечно, не обратить вниманіе конфедераціи на польское посольство, учредившееся въ Константинополѣ при содѣйствіи и подъ вліяніемъ партіи, которая хотя и низвергнута усиліями патріотовъ при помощи нашего оружія, однако старается подняться вновь всѣми интригами, какія только могутъ быть придуманы коварствомъ и ловкостью; что, какъ мы знаемъ, глава этого посольства, поддерживаемый г. Хржановскимъ, которому долгое пребываніе при Портѣ облегчаетъ происки, въ коихъ они нуждаются, чтобы поднять, если возможно, свою партію, не пренебрегаетъ ничѣмъ, стремясь посѣять подозрѣніе и побудить турецкое министерство къ вмѣшательству въ нынѣшнія дѣла Польши, и что поэтому настоятельно необходимо тотчасъ же перемѣнить означенное посольство, какъ безполезное съ одной стороны, а съ другой, въ виду нынѣшнихъ обстоятельствъ, опасное, немедленно отозвать графа Потоцкаго и помянутаго Хржановскаго, при чемъ имъ должно быть предписано выѣхать въ назначенное возможно скорѣйшее время изъ Константинополя и отправиться въ свое отечество. Вы будете настаивать на этой мѣрѣ, какъ на одной изъ самыхъ важныхъ для общественнаго блага“ [1]).

Конфедерація приказала канцлерамъ извѣстить европейскіе дворы о своей резолюціи по поводу Декорта, которому было приказано выѣхать изъ Польши не позже 29-го сентября (10-го) октября. Вмѣстѣ съ тѣмъ было приказано отозвать польскихъ пословъ при дворахъ: Константинопольскомъ, Версальскомъ, Вѣнскомъ, Мадридскомъ, Берлинскомъ, Стокгольмскомъ, Копенгагенскомъ и Голландскомъ. Были отозваны и высланные уже по приказанію Петербургскаго двора: Деболи и Батовскій.

Также слѣпо повиновалась конфедерація приказаніямъ барона Бюлера и въ дѣлѣ ксендза Садковскаго, высланнаго изъ Варшавы, который не только былъ безъ всякаго суда возвращенъ изъ Ченстохова и отосланъ въ русское посольство, но жилъ въ Варшавѣ и свободно ѣздилъ въ лагерь Коссаковскаго, для торжественнаго служенія, какъ, напримѣръ, по случаю рожденія дочери у наслѣдника россійскаго престола. Конфедерація возвратила Сѣраковскому все принадлежавшее ему недвижимое имущество, и оба генеральные маршалы написали ему письмо съ выраженіемъ своего соболѣзнованія по поводу испытанной имъ несправедливости, отдали должное его заслугамъ и выразили ему свою готовность быть ему полезными въ поправленіи его матеріальныхъ обстоятельствъ.

За этимъ послѣдовалъ рядъ мѣръ военнаго, финансоваго и полицейскаго характера, которыя принимались по большей части по требованію и настоянію Коссаковскаго.

---

[1]) Сборникъ, т. 47, стран. 451 и 458.

„Многія лица, ѣздившія изъ Варшавы въ Брестъ,—писалъ одинъ изъ современниковъ,—очень скоро вернулись оттуда: всѣ они не особенно довольны своей поѣздкой, такъ какъ они ровно ничего не могли узнать о томъ, въ какомъ духѣ пойдутъ дальнѣйшія работы конфедераціи, когда будетъ открытъ сеймъ, а главное—что это будетъ за республиканское правленіе, относительно котораго такъ много обѣщаютъ? Многіе изъ бывшихъ въ Брестѣ не имѣли даже счастья говорить съ наияснѣйшимъ маршаломъ коронной конфедераціи... Тайна всевозможныхъ постановленій, нынѣшнихъ и будущихъ, извѣстна только Щенсному и Бюлеру, которые между собою совѣщаются и все рѣшаютъ“ [1]).

На самомъ дѣлѣ тайна дальнѣйшихъ работъ конфедераціи не была извѣстна ни Щенсному, ни даже Бюлеру. Во всѣхъ наиболѣе важныхъ вопросахъ они выжидали рѣшенія Петербургскаго двора, до того, что когда генеральная литовская конфедерація вздумала возстановить орденъ іезуитовъ, то и объ этомъ намѣреніи было сообщено Булгакову, который, со своей стороны, донесъ о томъ своему двору и просилъ рѣшенія.

Въ депешѣ, посланной въ Петербургъ 7-го (18-го) августа, Бюлеръ также просилъ сообщить ему: 1) долженъ ли былъ король вновь присягать настоящимъ pacta conventa и когда именно: въ присутствіи ли делегатовъ конфедераціи или же на сеймѣ? 2) что отвѣчать полякамъ, кои желаютъ, чтобы польское войско состояло впредь изъ 45 тысячъ, тогда какъ другіе помышляютъ учредить въ воеводствахъ нѣкотораго рода милицію; 3) какъ взглянутъ въ Петербургѣ на предложеніе о заключеніи съ Россіей вѣчнаго союзнаго договора?

На эти вопросы послѣдовалъ уклончивый отвѣтъ: „что поляковъ, желающихъ имѣть съ Россіей союзъ и имѣть ея ручательство на вольность и права ихъ, нужно содержать и ободрять въ таковой благонамѣренности, обнадеживая ихъ, что е. и. в. желаемое ими ручательство на себя принять соизволяетъ, и внушая имъ пристойнымъ образомъ, что о союзѣ можно бы съ вящшей удобностью помышлять тогда, когда у нихъ учредится новый образъ правленія и приведутся въ дѣйствіе установляемые коренные законы“ [2]).

Отвѣтъ императрицы на письмо Потоцкаго отъ 3-го (14-го) августа, коимъ онъ увѣдомлялъ ее о соединеніи конфедерацій въ Брестѣ, кромѣ комплиментовъ и общихъ мѣстъ, не заключалъ никакихъ положительныхъ обѣщаній.

„Я съ удовольствіемъ вижу приближеніе минуты, когда мы вос-

[1]) Письмо изъ Варшавы отъ 26-го сентября. (Рукоп. Карп. I, 296).
[2]) Архивъ Гос. Сов., т. I, стран. 940.

пользуемся плодами нашихъ совмѣстныхъ заботъ",—писала императрица, т. е. возстановленіемъ прежней свободы Польской республики и упроченіемъ ея благополучія впредь до самыхъ отдаленныхъ временъ" [1]).

И болѣе ничего! Одно было ясно: императрица не желала, чтобы сеймъ происходилъ въ Варшавѣ. Когда Потоцкій донесъ чрезъ Бюлера о томъ, что сейму неудобно происходить въ Брестѣ, то императрица предложила на выборъ: Люблинъ или Гродно, но предпочитала послѣдній, въ виду болѣе удобнаго сообщенія съ Петербургомъ [2]).

Между тѣмъ Потоцкій занялся составленіемъ проекта новой конституціи для Польши, который былъ препровожденъ во французскомъ переводѣ въ Петербургъ.

Касательно вопроса объ избраніи королю преемника въ этомъ проектѣ не было высказано ничего опредѣленнаго: рѣшеніе его представлялось народу, а быть можетъ императрицѣ, ибо Потоцкій полагалъ, что въ душѣ она не была противъ избранія великаго князя Константина Павловича.

Отославъ свой проектъ въ Петербургъ, Потоцкій отправился съ двумя сыновьями, съ Мощенскимъ и Сухоржевскимъ и нѣсколькими офицерами конфедерацкихъ войскъ, въ Сѣдлецъ къ супругѣ гетмана Огинскаго, рожденной Чарторыйской. Онъ засталъ у нея много гостей, дамъ и мужчинъ, между прочимъ примаса и вице-канцлера Хрептовича, которымъ было поручено склонить маршала дѣйствовать совмѣстно съ королемъ. Но Потоцкій уклонялся отъ разговоровъ съ мужчинами, болталъ больше съ дамами, въ особенности съ женою троцкаго каштелана Платера. На ея вопросъ, будетъ ли Варшава лишена удовольствія видѣть въ своихъ стѣнахъ начальниковъ конфедераціи, онъ отвѣчалъ, что онъ былъ бы непрочь переѣхать въ столицу для того, чтобы работать въ городскихъ архивахъ, но что это зависитъ не отъ его воли. Онъ много говорилъ объ ошибкахъ, сдѣланныхъ послѣднимъ сеймомъ, и о своихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ.

Въ исходѣ октября Потоцкій отправился на засѣданія въ Гродно, гдѣ былъ встрѣченъ съ подобающимъ почетомъ и торжественностью.

Онъ уже получилъ въ это время отвѣтъ императрицы на свое письмо отъ 25-го сентября (6-го октября).

„Необходимость привести въ порядокъ и пополнить (въ проектѣ конституціи) различныя статьи не позволяютъ мнѣ высказать въ настоящую минуту мое мнѣніе о проектѣ, который непремѣнно надо

[1]) Сборникъ, т. 47, стран. 455.
[2]) Тамъ же, стран. 456.

видѣть цѣликомъ, чтобы судить объ общей сообразности частей, изъ коихъ онъ долженъ быть составленъ,—писала Екатерина,—но я не хочу медлить ни минуты, чтобы засвидѣтельствовать вамъ, съ какимъ удовольствіемъ я увидѣла въ развитіи вашихъ принциповъ и взглядовъ, направленныхъ къ благу вашего отечества, подтвержденіе благопріятнаго мнѣнія, которое я всегда имѣла о прямотѣ вашихъ намѣреній, о вашемъ патріотизмѣ и вашихъ большихъ дарованіяхъ. Продолжайте проявлять всѣ эти качества и оканчивайте трудъ, который долженъ упрочить и обезпечить счастіе и спокойствіе республики, коей вы являетесь столь достойнымъ гражданиномъ, и будьте увѣрены, что я буду самымъ дѣйствительнымъ образомъ содѣйствовать столь похвальной цѣли“ [1]).

Также сдержанно былъ написанъ рескриптъ, данный одновременно барону Бюлеру, въ которомъ Екатерина повторяла еще разъ, что она можетъ высказать свое мнѣніе о проектѣ Потоцкаго только тогда, когда этотъ трудъ будетъ представленъ ей „съ дополненіемъ недостающихъ къ нему статей... Впрочемъ,—продолжала она,—время, когда долженъ собраться сеймъ, назначено такое, что нѣтъ никакого основанія опасаться, чтобы трудъ этотъ не могъ быть оконченъ во-время. До тѣхъ поръ существенно важно, чтобы мысли, предлагаемыя графомъ Потоцкимъ въ его проектѣ будущаго управленія, оставались извѣстными, по возможности, лишь самому небольшому кружку людей, дабы не распалить некстати воображеніе, предполагая, что нѣкоторыя изъ этихъ мыслей не особенно соотвѣтствуютъ всей совокупности проекта и взглядовъ, на основаніи коихъ проектъ долженъ быть составленъ“.

По прочтеніи этого рескрипта, для Бюлера все-таки осталось загадкой, когда именно долженъ былъ открыться сеймъ и что это были за взгляды, на основаніи коихъ надлежало выработать проектъ конституціи.

Относительно вопросовъ, затронутыхъ Потоцкимъ въ письмѣ къ Зубову, императрица высказалась болѣе опредѣленно.

„По моему мнѣнію, перемѣщеніе конфедераціи въ Варшаву, нужно стараться замѣнить“,— писала она —„перевозкою необходимыхъ для вышеупомянутаго дѣла архивовъ туда, гдѣ будетъ мѣстопребываніе конфедераціи, ибо Варшава, какой бы духъ въ ней ни господствовалъ, будетъ достаточно сдерживаема присутствіемъ войскъ; интриги же, которыя тамъ стали бы пытаться привести въ дѣйствіе,—по мнѣнію императрицы—могли гораздо менѣе повліять на публику, чѣмъ на нѣкоторыхъ членовъ самой конфедераціи... которые могли бы склониться

[1]) Сборникъ, т. 47, стран. 459.

къ поступкамъ, способнымъ нарушить существующія согласіе и гармонію". Кромѣ того, императрица выражала желаніе, чтобы Потоцкій держалъ конфедерацію какъ можно далѣе „отъ коварныхъ вліяній Варшавскаго двора", но она не имѣла ничего противъ его личнаго присутствія въ Варшавѣ, если бы этого потребовали интересы дѣла.

Первое засѣданіе соединенныхъ конфедерацій состоялось въ Гродно, въ новомъ королевскомъ замкѣ 18-го (29-го) октября.

На характеръ и ходъ работъ, происходившихъ въ этихъ засѣданіяхъ, имѣла огромное вліяніе перемѣна во взглядахъ, происшедшая въ Варшавѣ и во всей странѣ со времени съѣзда конфедератовъ въ Брестѣ.

Вторичное присоединеніе Станислава-Августа къ конфедераціи произвело на всѣхъ, какъ уже было сказано, самое тягостное впечатлѣніе. Многіе громко выражали свое неудовольствіе.

Въ день годовщины избранія Станислава-Августа 27-го августа (7-го сентября), который праздновался съ обычной торжественностью, варшавская публика отнеслась къ этому торжеству совершенно равнодушно. Только придворные собрались на богослуженіе. Король заперся въ своихъ аппартаментахъ, поздравленія депутатовъ отъ генеральной коронной конфедераціи и отъ офицеровъ варшавскаго гарнизона принималъ отъ его имени Мнишекъ. Въ городѣ не было никакихъ праздничныхъ увеселеній и зрѣлищъ. Только генералъ Зубовъ, братъ Платона, устроилъ великолѣпный фейерверкъ съ иллюминаціей и военной музыкой.

При дворѣ все было тихо; за то Булгаковъ далъ парадный обѣдъ. Былъ пріемъ и у генерала Каховскаго, въ роскошномъ дворцѣ Бѣлинскихъ.

Спокойствіе столицы охранялось четырьмя делегатами генеральной коронной конфедераціи, къ услугамъ коихъ, кромѣ русскаго войска, былъ варшавскій гарнизонъ, коронные маршалы и муниципальный совѣтъ.

Поляки были чрезвычайно взволнованы вѣстями о побѣдахъ французскихъ войскъ надъ союзной арміей.

„Неоднократно уже я имѣлъ честь доносить",—писалъ Булгаковъ [1]),— „что отступленіе назадъ во Францію соединенныхъ войскъ и онаго слѣдствія производятъ въ Польшѣ, и особливо въ Варшавѣ, нѣкоторое волнованіе, которое то умножается, то уменьшается по мѣрѣ полученія изъ той стороны добрыхъ или худыхъ извѣстій. Занятіе Майнца и Франкфурта, взятыя съ нихъ контрибуціи, успѣхи французовъ въ Савойѣ и въ другихъ мѣстахъ и наконецъ сношенія живу-

[1]) Депеша отъ 30-го октября (10-го ноября) 1792 г. къ Остерману (Соловьевъ, гл. XI).

щихъ въ Лейпцигѣ недовольныхъ поляковъ съ Парижемъ, опять вскружили головы до такой степени, что начались было безпорядки въ публичныхъ мѣстахъ, какъ-то въ театрахъ и на редутахъ...

„Броженіе умовъ выражается въ безыменныхъ сочиненіяхъ, въ дерзкихъ разсужденіяхъ, въ крикахъ, въ шумѣ, въ повтореніяхъ такихъ пассажей изъ комедій, кои могутъ толковать наизворотъ или обращать во вредъ и посмѣяніе членовъ конфедераціи!“

Дѣйствительно, ободренные извѣстіями о побѣдахъ республиканскихъ войскъ, единомысленные съ французами поляки, убѣжденные въ томъ, что судьба Польши зависитъ отъ ихъ побѣды, устраивали манифестаціи, направленныя противъ конфедератовъ и русскихъ офицеровъ, съ которыми многіе даже искали ссоры въ публичныхъ мѣстахъ. Между княземъ Евстафіемъ Сангушко и маіоромъ Каховскимъ, сыномъ генерала, произошла въ театрѣ ссора, и дѣло обошлось безъ поединка только благодаря вмѣшательству короля.

„Ненависть къ русскимъ, разжигаемая главными дѣятелями послѣдняго сейма, возрастаетъ въ Варшавѣ съ каждымъ днемъ“,—доносилъ своему двору англійскій посолъ. „Я такъ часто бываю свидѣтелемъ столкновеній, происходящихъ между ними на улицахъ, въ театрѣ и иныхъ мѣстахъ, что по-моему можно каждую минуту ожидать какой-либо вспышки“ [1]).

Взаимная ненависть проявлялась при всякомъ удобномъ случаѣ; такъ, напримѣръ, на большой балъ, данный въ ноябрѣ мѣсяцѣ Каховскимъ, изъ числа многихъ приглашенныхъ поляковъ пріѣхало всего нѣсколько мужчинъ и только восемь дамъ польскаго общества.

Каховскій, черезъ барона Бюлера, требовалъ, чтобы генеральная конфедерація приняла мѣры къ успокоенію умовъ, и просилъ короля, чтобы онъ, со своей стороны, не допускалъ распространенія „вредныхъ“ извѣстій. Когда къ концѣ октября пронесся слухъ, что существуетъ заговоръ напасть 30-го октября (10-го ноября) ночью на русскія войска, расположенныя въ Варшавѣ, то Каховскій удвоилъ осторожность.

28-го октября (8-го ноября) король пригласилъ его и Булгакова къ обѣденному столу. Между прочими разговорами онъ спросилъ Каховскаго, правда ли, что онъ намѣренъ ввести еще больше войскъ въ Варшаву?

— Я отвѣчалъ,—пишетъ Каховскій въ донесеніи императрицѣ [2]),— „что по сіе время не нахожу въ томъ надобности, поелику сверхъ расположенныхъ въ Варшавѣ (войскъ), окружаютъ оную болѣе 10 тыс.

---

[1]) Депеша Гардинера отъ 3-го (14-го) ноября.

[2]) Сборникъ, т. 47, стран. 463.

воиновъ, которые въ случаѣ надобности со всѣхъ сторонъ черезъ нѣсколько часовъ могутъ сюда сблизиться".

Король отвѣчалъ, что онъ не надѣется, чтобы до того дошло, ибо не нарушено спокойствіе въ воеводствахъ Познанскомъ и Калишскомъ, гдѣ и войскъ россійскихъ нѣтъ.

Однако Каховскій все-таки счелъ нужнымъ выставить на Зеленой площади, передъ дворцами Радзивилла и Красинскихъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ орудія, заряженныя картечью. По улицамъ днемъ и ночью расхаживали патрули.

Возбужденіе умовъ охватило не только столицу, но и провинцію, гдѣ жители къ тому же были чрезвычайно обременены доставкою русскому войску фуража и провіанта.

Въ концѣ октября послѣдовала дислокація русскихъ войскъ. Сообщая объ этомъ генеральной конфедераціи, баронъ Бюлеръ просилъ о доставкѣ фуража и провіанта въ теченіе восьми мѣсяцевъ русскому войску по установленнымъ цѣнамъ, но раскладка повинности была произведена такъ неравномѣрно, что въ нѣкоторыхъ воеводствахъ пришлось на одинъ дымъ сѣна, напримѣръ, по 30 слишкомъ фунтовъ, между тѣмъ какъ въ другихъ по 4 и 5 пудовъ и т. п., при томъ военное начальство спекулировало съ запасами: продавало муку, крупу, овесъ и сѣно, а солдатъ размѣщало на квартирахъ по городамъ и селамъ.

Жители громко жаловались на эти злоупотребленія и засыпали жалобами генеральную конфедерацію и короля, а тѣ въ свою очередь обращались къ Каховскому, а частныя конфедераціи вовсе отказывались доставлять для войскъ провіантъ и фуражъ [1]).

Каховскому донесли вскорѣ о волненіи, охватившемъ провинцію, и между прочимъ о заговорѣ, образовавшемся въ Сѣрадскомъ воеводствѣ среди шляхты, которая подговаривала крестьянъ убивать русскихъ солдатъ, что подтвердилось при допросѣ свидѣтелей.

„Въ Польшѣ есть много недоброжелателей, нашихъ и генеральной конфедераціи, доносилъ Каховскій императрицѣ, „и что кроется въ нихъ постоянная къ намъ злоба, въ томъ нѣтъ сомнѣнія; если бы они хотя малые имѣли успѣхи, то конечно бы навѣрное противу насъ покусились [2]).

---

[1]) Сборникъ, т. 47, стран. 473.

[2]) Донесеніе отъ 2-го декабря ст. ст. 1792 г. (Сборникъ, т. 47, стран. 472).

IX.

Защитники республиканской свободы подвергались всевозможнымъ нападкамъ не только со стороны общества, но и со стороны печати за исключеніемъ „Варшавской Газеты“ (Gazeta Warszawska), противъ нихъ ополчились всѣ органы печати, съ рѣдкимъ единодушіемъ критиковавшіе ихъ планы и дѣйствія. Болѣе всего доставила имъ досады и огорченія „Народовая газета“ (Gazeta narodowa i obca). Кромѣ того по рукамъ ходило множество печатныхъ и рукописныхъ памфлетовъ, брошюръ, записокъ, эпиграммъ, загадокъ и т. п.

Уже въ іюлѣ мѣсяцѣ былъ изданъ универсалъ, коимъ прекращено изданіе Народовой Газеты, „за распространеніе ложныхъ свѣдѣній... и печатаніе пасквилей и злословій противъ доблестныхъ дѣятелей отечества“. Послѣдній нумеръ этой газеты вышелъ 24-го іюля (4-го августа).

Броженіе умовъ, начавшееся въ Варшавѣ и во всей Польшѣ, побудило конфедератовъ прибѣгнуть къ энергическимъ мѣрамъ полицейскаго характера, которыя вызвали въ Варшавѣ настоящую панику [1]). Былъ учрежденъ строгій надзоръ за дѣйствіями частныхъ лицъ, между прочимъ за родственниками Коллонтая, Дмоховскаго и Коноцки. Особенно строго слѣдили за иностранцами, находившимися въ Варшавѣ, списокъ коихъ былъ препровожденъ генеральной конфедераціи. По отъѣздѣ изъ Варшавы Декорта, начальникъ полиціи, Рогожинскій явился къ бывшимъ членамъ французскаго посольства: Бонно и Ларошу и взялъ съ нихъ подписку въ томъ, что они остаются въ Варшавѣ въ качествѣ частныхъ лицъ и никакого участія въ дѣлахъ принимать не будутъ. Вскорѣ послѣ этого Ларошу было приказано выѣхать немедленно изъ Варшавы, а Бонно отданъ подъ надзоръ полиціи и т. п.

Въ Вильнѣ также были приняты всевозможныя мѣры предосторожности, хотя, по отъѣздѣ генеральной литовской конфедераціи въ Гродно, городъ опустѣлъ.

Въ самомъ Гродно розыскивали и арестовывали тѣхъ лицъ, кои распространяли пасквили на Щенснаго-Потоцкаго. Почтмейстеру приказано было слѣдить за тѣмъ, откуда получались письма, въ коихъ осуждалась конфедерація. За найденную запрещенную брошюру „Fragment biblie targowickiej“ взимался штрафъ въ 300 зл.

При обсужденіи мѣръ, кои надлежало принять для обузданія недовольныхъ, совѣтники конфедераціи подавали голосъ за болѣе суровыя мѣры, нежели самъ Потоцкій, которому приходилось даже обузды-

[1]) Письма отъ 3-го и 9-го января 1793 г. н. ст. изъ Варшавы (Рукоп. Карп., т. II, стран. 5, 17).

вать ихъ рвеніе. Такъ, напр., Сивицкій предлагалъ не допускать въ Польшу безъ цензуры ни одной книжки и газеты на иностранныхъ языкахъ, подъ страхомъ штрафа въ 200 дукатовъ и ареста на 12 недѣль. Злотницкій предлагалъ вывести изъ Варшавы коронную гвардію, закрыть театры и т. п.

Усиливъ полицейскія мѣры въ Варшавѣ, которую онъ считалъ очагомъ монархизма и якобинства, Щенсный-Потоцкій не хотѣлъ раздражать обывателей Литвы чрезмѣрно суровыми мѣрами, а напротивъ хотѣлъ доказать имъ, что республиканское правленіе сулитъ народу болѣе, нежели монархическій деспотизмъ.

Желая расположить въ свою пользу обывателей, генеральная конфедерація не спѣшила съ карами, и для успокоенія населенія потребовали отъ Каховскаго, чтобы жители были вознаграждены за провіантъ и фуражъ и чтобы были прекращены злоупотребленія, на которыя то и дѣло поступали со всѣхъ сторонъ жалобы.

Каховскій со своей стороны жаловался на плохое продовольствіе войскъ, хотя не винилъ въ томъ конфедерацію.

„Несмотря на усердіе и преданность в. и. в. генеральной конфедераціи, нельзя полагаться на нее“,—писалъ онъ императрицѣ,—какъ то уже и оказывается, чтобъ она довольствовала войска провіантомъ и фуражомъ съ земли, по причинѣ многихъ ея недоброжелателей, которые разными образами въ томъ ей препятствуютъ, и потому опасается она устанавливать провіанту и фуражу умѣренныя цѣны, дабы чрезъ то не умножить еще больше теперешняго число своихъ непріятелей“ [1]).

Видя недовольство обывателей настоящимъ и его тревогу за будущее, конфедерація старалась успокоить ихъ убѣжденіями и обѣщаніями, которыя составляли содержаніе ея гродненскихъ универсаловъ. Этими обѣщаніями она прикрывала на самомъ дѣлѣ свое бездѣйствіе и свое безсиліе.

Стараясь снискать расположеніе шляхты, конфедерація была неумолима относительно Станислава-Августа.

Принудивъ его присоединиться къ конфедераціи, она не допускала его до участія ни въ какихъ трудахъ и обращалась къ королю за подписью актовъ только тогда, когда они предназначались для сообщенія иноземнымъ дворамъ, но не щадила его и всячески унижала его въ своихъ универсалахъ. Такъ, напр., для раздачи „защитникамъ республиканской свободы“ конфедерація постановила выбить медали, на которыхъ изображеніе короля было замѣнено республиканской

[1]) Донесеніе Каховскаго отъ 16-го (27-го) ноября 1792 г. Сборникъ, т. 47, стран. 468.

надписью. Сообщая Станиславу-Августу о своемъ постановленіи, конфедераты просили его приказать монетному двору „исполнить это какъ можно скорѣй“. До короля дошелъ также слухъ о намѣреніи конфедераціи прибить возлѣ трона мраморную доску съ именами противниковъ конституціи 3-го мая.

Годовщина коронаціи Станислава-Августа и тезоименитство императрицы приходились въ одинъ и тотъ же день, но были отпразднованы отдѣльно. Въ день коронаціи короля, 25-го ноября н. ст., на обѣдѣ, данномъ Потоцкимъ на 140 человѣкъ, былъ предложенъ только одинъ тостъ за здоровье короля; именины же императрицы праздновались 5-го декабря (25-го ноября ст. ст.) съ большой торжественностью.

Канцлеръ Сапѣга далъ въ этотъ день большой обѣдъ, во время котораго играла музыка; когда пили за здоровье императрицы, то были сдѣланы выстрѣлы изъ орудій. Вечеромъ былъ пріемъ у Потоцкаго; на дворѣ замка была сооружена статуя въ греческомъ стилѣ, съ надписью: „Екатеринѣ Великой въ благодарность отъ возродившейся Рѣчи Посполитой“. Статуя была увѣшана множествомъ лампочекъ.

На рынкѣ, противъ дома, въ которомъ жилъ Бюлеръ, была сооружена декорація съ надписью: Catharinae Magnae (Екатеринѣ Великой); подъ нею изображены три алтаря съ эмблемами.

12-го (23-го) декабря былъ обѣдъ у виленскаго епископа Массальскаго, только-что возвратившагося изъ-за границы, на которомъ кромѣ высшихъ сановниковъ конфедераціи присутствовалъ Бюлеръ съ русскими генералами и штабъ-офицерами. Вечеромъ былъ большой балъ у Потоцкаго.

Король геройски переносилъ всѣ эти униженія и подчинялся безпрекословно всѣмъ приказаніямъ конфедераціи, но у него хватило чувства собственнаго достоинства отказаться, по выступленіи изъ Варшавы литовской гвардіи, отъ русскаго караула, предложеннаго ему Каховскимъ. Въ день празднованія коронаціи онъ уѣхалъ въ Лазенки и провелъ тамъ весь день въ кругу родныхъ.

То и дѣло издавая универсалы, въ коихъ на всѣ лады осуждались заговоръ 3-го мая, монархія и деспотизмъ, конфедерація старалась этимъ убѣдить общественное мнѣніе въ своей дѣятельности и своихъ заботахъ о благѣ народа, а торжественнымъ празднованіемъ дня тезоименитства государыни она хотѣла выразить свою увѣренность въ безкорыстной готовности Екатерины упрочить въ Польшѣ республиканскую форму правленія. Но несмотря на всѣ старанія конфедераціи, нельзя было скрыть ни странную медлительность Петербургскаго двора въ дѣлѣ созванія сейма, ни упорно ходившій слухъ объ опасности, угрожавшей со стороны Пруссіи.

Слухи о приготовленіяхъ короля прусскаго къ вступленію въ

Польшу, распространившіеся въ половинѣ іюля, были подтверждены осенью эмигрантами, проживавшими въ Саксоніи, которые были какъ нельзя лучше освѣдомлены о тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ. Коллонтай уже въ августѣ 1792 г. писалъ о предполагаемомъ раздѣлѣ Польши [1]). Въ началѣ сентября онъ увѣдомилъ объ этомъ Бишнскаго, находившагося въ Брестѣ, и просилъ его предупредить Щенснаго, что Россія вошла въ соглашеніе съ королемъ прусскимъ относительно раздѣла Рѣчи Посполитой.

„Неужели вы думаете,—писалъ онъ 6-го (17-го) октября Гулевичу,—что король прусскій, начавъ походъ противъ Франціи согласно мысли и желанію императрицы, не обезпечилъ себѣ вознагражденія при раздѣлѣ Польши?“ Въ концѣ ноября ему было уже извѣстно, что 15.000 пруссаковъ займутъ воеводства Познанское, Калишское и Гнѣзненское.

Считая эти вѣсти злонамѣреннымъ вымысломъ эмигрантовъ, конфедераты утверждали, что имъ обѣщаны самымъ торжественнымъ образомъ цѣлость и неприкосновенность границъ Рѣчи Посполитой. Только послѣ появленія въ „Гамбургской газетѣ“ статьи, о предстоящемъ раздѣлѣ въ связи съ донесеніями, которыя начали поступать отъ войскъ, расположенныхъ въ Великой Польшѣ, увѣренность конфедератовъ была поколеблена и великому коронному канцлеру было приказано обратиться къ прусскому посланнику Бухгольцу съ нотой и просить у него объясненія по поводу тревожныхъ слуховъ, волновавшихъ польское общество.

Бухгольцъ отвѣчалъ, что онъ не получилъ отъ своего двора никакого извѣстія относительно вступленія войскъ въ предѣлы Рѣчи Посполитой.

Канцлера Малаховскаго успокоивалъ съ своей стороны Булгаковъ, а Потоцкаго Бюлеръ. Послѣдній сообщилъ конфедераціи полученное имъ отъ Бухгольца извѣстіе, что въ Познанскомъ воеводствѣ бунтуютъ противъ конфедераціи не столько обыватели, сколько польскіе офицеры, и что по этому поводу прусскій король стянулъ туда часть войскъ.

Чтобы разсѣять опасенія поляковъ, конфедераціи было весьма важно какъ можно скорѣе похвастать предъ народомъ дружественными отношеніями къ ней европейскихъ державъ; поэтому она ожидала съ нетерпѣніемъ отвѣта на ноту, коей она увѣдомила ихъ о соединеніи обѣихъ генеральныхъ конфедерацій въ Брестѣ. Но отвѣтъ былъ полученъ только отъ папы, который благословилъ труды конфедераціи.

Съ особеннымъ нетерпѣніемъ ожидали извѣстій отъ уполномоченныхъ, посланныхъ въ Петербургъ благодарить императрицу за помощь и предложить ей заключить вѣчный миръ. Въ числѣ делегатовъ находи-

[1]) Письмо къ Страссеру отъ 6-го (17-го) августа (Listy, wyd. Siemienskiego. I, 13).

лись: гетманы Браницкій и Ржевусскій, воевода кіевскій Протъ Потоцкій, Вѣльгорскій, Грановскій, Мейеръ, Симонъ Коссаковскій, Платеръ, витебскій воевода Коссаковскій, литовскій канцлеръ князь Сапѣга.

Вскорѣ послѣ отъѣзда делегатовъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Варшавѣ были получены изъ-за границы предостереженія; писали, что императрица оттягиваетъ сеймъ, выжидая результата военныхъ дѣйствій коалиціи противъ Франціи. Вслѣдствіе этого делегаты полагали, что ихъ роль въ Петербургѣ не ограничится принесеніемъ благодарности императрицѣ и предложеніемъ ей союза, что если положеніе дѣлъ на западѣ нѣсколько выяснится, то императрица предложитъ имъ принять участіе въ обсужденіи дѣлъ польскихъ.

Делегаты и не подозрѣвали, какую роль они будутъ играть въ Петербургѣ и какъ недолго они тамъ пробудутъ.

Имъ отвели во дворцѣ парадные аппартаменты, возили ихъ въ придворныхъ экипажахъ, дали каждому на расходы карманныя деньги.

Посламъ не понравилось требованіе Петербургскаго двора, чтобы они, предъ аудіенціей у императрицы, посѣтили министровъ. Они были заносчивы и находили, что имъ воздается мало чести. Ржевусскій требовалъ даже, чтобы ему показанъ былъ напередъ отвѣтъ, каковой долженъ былъ произнести, отъ имени государыни, на ихъ рѣчь, вице-канцлеръ Остерманъ [1]).

7-го (18-го) ноября делегаты отправились изъ квартиры Ржевусскаго въ трехъ придворныхъ каретахъ съ визитомъ прежде всего къ вице-канцлеру Остерману, которому Браницкій передалъ копіи съ ихъ вѣрительныхъ грамотъ и съ рѣчей, которыя они должны были произнести у императрицы и великаго князя; оттуда они отправились къ Безбородко.

3-го (14-го) ноября послы были приняты въ аудіенціи императрицей, которая допустила ихъ къ цѣлованію своей руки. Затѣмъ они были приняты наслѣдникомъ престола, а вечеромъ присутствовали на спектаклѣ въ Эрмитажѣ.

„На польскихъ пословъ,—писалъ одинъ корреспондентъ изъ Петербурга,—здѣсь всѣ смотрятъ какъ на измѣнниковъ".

Кромѣ добрыхъ пожеланій и комплиментовъ, делегаты ничего не слыхали въ Петербургѣ. Безрезультатность посольства повергла конфедератовъ въ глубокое уныніе. Ихъ встревожила также вѣсть о назначеніи вмѣсто Булгакова посломъ Сиверса. Многіе конфедераты, измучившись ожиданіемъ рѣшенія изъ Петербурга, разъѣхались по домамъ. Изъ Гродно уѣхалъ даже одинъ изъ самыхъ горячихъ поклон-

[1]) Бантышъ-Каменскій Куракину 17-го (28-го) ноября („Рус. Архивъ" 1876, т. III, стран. 279).

никовъ Щенснаго—Гулевичъ. Коронныхъ совѣтниковъ осталось при Потоцкомъ не болѣе девяти человѣкъ.

Послѣ ноябрьскихъ празднествъ въ Гроднѣ настало новое веселіе: двѣ дочери Потоцкаго вышли замужъ: одна за канцлера Сапѣгу, а другая за воеводу витебскаго Коссаковскаго. Въ день обрученія старшей дочери, главный коронный маршалъ былъ такъ веселъ, что принималъ даже участіе въ танцахъ.

Но радостное настроеніе его было вскорѣ омрачено письмами, полученными изъ-за границы.

6-го (17-го) декабря на засѣданіе конфедераціи пріѣхали Потоцкій и Сухоржевскій съ извѣстіемъ, что, судя по депешѣ, полученной изъ Берлина отъ посланника Рѣчи Посполитой, прусское войско вступитъ въ непродолжительномъ времени въ Великую Польшу. „Въ голосѣ маршала дрожали слезы; многіе были тронуты до глубины души... Что предпринять?“ — сказалъ онъ. И совѣтовалъ немедленно просить совѣта у императрицы, какъ у союзницы. Сказавъ это, онъ залился слезами.

Нѣсколько дней спустя была получена нота прусскаго посла Бухгольца о вступленіи прусскихъ войскъ. Въ ней говорилось, что „въ Польшѣ сталъ распространяться духъ французскаго демократизма; якобинскіе агенты находятъ себѣ поддержку; открываются революціонные клубы; въ особенности Великая Польша отравлена этимъ ядомъ... Обязанный продолжать войну противъ Франціи вмѣстѣ съ союзными государствами, король прусскій совѣтовался съ Австрійскимъ и Русскимъ дворами, и оба союзные дворы признали, что здравая политика не дозволяетъ оставлять въ Польшѣ свободными руки заговорщиковъ... по этой причинѣ прусскій король рѣшился ввести въ Великую Польшу значительную часть войска для удержанія въ этомъ краѣ спокойствія“.

Дѣйствительно ли въ Польшѣ орудовали якобинскіе эмиссары и учреждались якобинскіе клубы? — какъ это говорилось въ нотѣ Бухгольца.

Слухами о дѣятельности въ Варшавѣ якобинцевъ забавляли императрицу польскіе магнаты, гостившіе въ Петербургѣ, въ апрѣлѣ 1792 г. указывая на то, что король выписалъ изъ Парижа Массея. Якобинцами считали также Піатоли и членовъ французскаго посольства.

Количеству и дѣятельности этихъ якобинскихъ эмиссаровъ соотвѣтствовало число революціонныхъ клубовъ. Ихъ не было вовсе. Политическій клубъ, дѣйствовавшій въ Варшавѣ подъ названіемъ „Друзей конституціи 3-го мая“ (Przyjaciół konstytucyi 3 maja), прекратилъ свое существованіе во время военныхъ дѣйствій и закрытія сейма. По мнѣнію самихъ конфедератовъ „клубовъ на манеръ французскихъ“,

осужденныхъ актомъ коронной конфедераціи 14-го мая, не существовало во время войны и по окончаніи ея.

Для того, чтобы побить въ Варшавѣ нѣсколькихъ конфедератовъ, нанести оскорбленіе нѣсколькимъ русскимъ офицерамъ и устроить нѣсколько манифестацій въ театрахъ и собраніяхъ, не было надобности въ якобинцахъ и политическихъ клубахъ. Въ нихъ не было надобности и для того, чтобы вызвать негодованіе общества противъ злоупотребленій, учиненныхъ русскими войсками. Оригинальные и переводные памфлеты, ходившіе по рукамъ, нерѣдко весьма радикальные, также не были плодомъ революціонной организаціи. Народъ, неудовлетворенный устарѣлыми идеалами конфедераціи, отзывался на новыя проявленія человѣческой мысли, пробудившейся на западѣ отъ долговѣчнаго сна, и выражалъ это въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Въ бѣдѣ онъ кидалъ взоры на Францію, связывая свою будущность съ ея побѣдами.

По выраженію Коллонтая, „языкъ свободы пріятенъ каждому человѣку, его понимаютъ во всѣхъ странахъ".

Неудивительно, что польскій народъ подпалъ подъ вліяніе Франціи, но причиною этого были не революціонные клубы и даже не эмигранты, коихъ конфедераты обвиняли въ распространеніи „проклятыхъ философскихъ идей".

Подъ вліяніемъ извѣстій о побѣдахъ французовъ надъ союзными австро-прусскими войсками, Коллонтай рѣшилъ, что Россіи уже не было надобности считаться съ сосѣдними дворами и что она согласится на проектъ посадить на польскій престолъ великаго князя Константина Павловича.

„Къ этому отнеслась бы сочувственно вся Польша,—писалъ онъ,—ибо всѣ желающіе блага своему отечеству не желаютъ ничего лучшаго, какъ только, чтобы въ Польшѣ не было безкоролевья и чтобы въ ней царствовалъ монархъ изъ могущественнаго дома, пользующагося значеніемъ въ Европѣ... Если императрица согласится на этотъ планъ, то она привлечетъ этимъ сердца всѣхъ поляковъ, соединитъ всѣ партіи и обезсмертитъ свое имя".

Коллонтай сообщилъ эти мысли Станиславу-Августу и Булгакову и выразилъ готовность пріѣхать въ Варшаву, если его проектъ будетъ подвергнутъ обсужденію. Въ томъ же смыслѣ писали королю: маршалъ Малаховскій и Игнатій Потоцкій. Станиславъ-Августъ не отвѣчалъ ни одному изъ нихъ. Булгаковъ же передалъ Коллонтаю чрезъ третье лицо, что Россія не можетъ принять предложеніе поляковъ, ибо этого не допустятъ европейскіе дворы.

Такова была политика эмигрантовъ до начала декабря, т. е. до того времени, когда побѣды французовъ наэлектризовали Варшаву и

всю Польшу. Стараясь о сближеніи съ Россіей, эмигранты были крайне смущены слухами о волненіи, охватившемъ поляковъ, и объ ихъ враждебныхъ демонстраціяхъ противъ русскихъ. Находя ихъ совершенно несвоевременными, Коллонтай высказывалъ даже предположеніе, что это было дѣломъ недоброжелателей и что неудовольствіе, посѣянное среди жителей Варшавы, было дѣломъ рукъ Коссаковскаго и гетмана Ржевусскаго. Только получивъ отвѣтъ Булгакова и убѣдившись, что ихъ надежды на помощь со стороны Россіи неосуществимы, они рѣшили прибѣгнуть къ другому способу дѣйствій, чтобы спасти отечество. „Несомнѣнно,—писалъ Коллонтай Малаховскому, по полученіи отвѣта Булгакова,—что намъ нельзя ожидать благопріятнаго рѣшенія отъ Москвы, ибо всѣ дворы, какъ мнѣ кажется, ни о чемъ другомъ нынѣ не думаютъ, какъ о совмѣстномъ дѣйствіи противъ французовъ... Во всей Европѣ есть только двѣ партіи: Франція, которая борется противъ всѣхъ монарховъ за свободу народовъ, и „всѣ монархи", готовые бороться противъ Франціи за деспотизмъ и старые обычаи".

Подъ вліяніемъ этихъ взглядовъ у эмигрантовъ зародилась мысль искать поддержку у парижскаго революціоннаго правительства и вызвать въ Польшѣ народное возстаніе. Съ этой цѣлью въ первыхъ числахъ января 1793 г. былъ посланъ въ Парижъ съ инструкціями и письмами Косціюшко, высланный незадолго передъ тѣмъ австрійскими властями изъ Галиціи; прибывъ въ Лейпцигъ, онъ принялъ участіе въ трудахъ эмигрантовъ.

О посылкѣ Коллонтая въ Парижъ вѣроятно не было извѣстно королю прусскому въ то время, когда онъ издалъ декларацію о введеніи въ Польшу своихъ войскъ, ибо онъ навѣрное воспользовался бы этимъ фактомъ, чтобы оправдать имъ свое вторженіе въ Польшу, неприкосновенность которой была гарантирована Берлинскимъ договоромъ, заключеннымъ 27-го января (7-го февраля) 1792 г.

Но въ этотъ моментъ судьба Польши была уже рѣшена, ибо въ рескриптѣ, данномъ 8-го (19-го) декабря вновь назначенному въ Польшу послу своему Ив. Як. Сиверсу, Екатерина писала:

„Нѣтъ нужды упоминать здѣсь о причинахъ, понудившихъ насъ присоединить къ имперіи нашей отъ республики польской земли, издревле Россіи принадлежавшія; грады, русскими князьями созданные, и народы общаго съ россіянами происхожденія и намъ единовѣрные, и о нашихъ на то правахъ. Вы увидите ихъ изъ манифеста, который въ свое время напечатанъ и изданъ быть имѣетъ... Прусскій дворъ, вступая въ союзъ съ нами и съ Вѣнскимъ дворомъ, съ коимъ и составляетъ общее дѣло противу мятежниковъ французскихъ, по несчастному обороту послѣдней кампаніи и извѣстнымъ слѣдствіямъ оной, прусскій король поставленъ въ невозможность продолжать войну безъ

награжденія убытковъ, отчасти имъ уже понесенныхъ, а болѣе для того, дабы привести себя въ состояніе продолжать съ вящшимъ стремленіемъ и силою войну сію, содѣлавшуюся общею для всѣхъ государей... По симъ причинамъ императоръ и король прусскій предложили намъ раздѣлъ Польши... по коему Берлинскій дворъ пріобрѣтаетъ Данцигъ и Торнъ и всю Великую Польшу, кромѣ воеводства Мазовецкаго. Вѣнскій дворъ удовлетворенъ будетъ Баваріею, а намъ слѣдуетъ занять и протянуть кордонъ нашъ, начиная отъ угла границы, Семигаліи, на поставы, на озера Спеталу и Шпахту, на Велико при рѣкѣ Вилін, потомъ по рубежу воеводства Виленскаго до столицы, отъ онаго перейдя рѣку Нѣманъ до Несвижа, потомъ до рѣки Припети на Пинскъ и оттуда на Куневъ прямѣйшей линіей до Вышгорода при границѣ Галиціи, а оттуда до Днѣстра, соединяясь нынѣшнею границей польскою съ границею цесарскою, а по Днѣстру съ Молдавіею. Всѣ земли, входящія въ черту сію, имѣютъ быть въ вѣчномъ владѣніи нашемъ". Затѣмъ послѣ длиннаго и подробнаго перечня тѣхъ мѣръ, кои Кречетникову надлежало принять для занятія новой пограничной линіи русскими войсками, императрица кончала свой указъ такъ:

„Мы желаемъ—такъ заканчивала императрица свой указъ,—чтобы сіи области не токмо силою оружія были намъ покорены, но чтобы вы сердца людей въ оныхъ живущихъ добрымъ, порядочнымъ, правосуднымъ, снисходительнымъ, кроткимъ и человѣколюбивымъ управленіемъ Россійской Имперіи присвоили, дабы они сами причину имѣли почитать отторженіе свое отъ анархіи республики Польской за первый шагъ къ ихъ благоденствію" [1]).

Какъ далеки были конфедераты отъ мысли объ угрожавшей ихъ отечеству опасности, видно изъ того, что когда 5-го (16-го) января 1793 г. Бухгольцъ вручилъ канцлеру Малаховскому декларацію о вступленіи въ Польшу корпуса прусскихъ войскъ и задалъ вслѣдъ затѣмъ каштеляну Ожаровскому вопросъ, какъ поступитъ въ этомъ случаѣ генералъ Бышевскій, то онъ получилъ отвѣтъ, что Бышевскому приказано генеральной конфедераціей не впускать въ Польшу иноземныхъ войскъ: на это посолъ прусскій сказалъ: „Cela pourrait avoir de mauvaises suites" (Это можетъ возъимѣть дурныя послѣдствія).

На другой день Малаховскій послалъ въ Гродно курьера съ прусской декларацією, съ проектомъ отвѣта на нее и съ просьбой дать новую инструкцію Бышевскому, а 15-го (26-го) января конфедераты постановили поручить польскому посланнику въ Петербургѣ, Віельгорскому, просить императрицу о помощи противъ прусскихъ войскъ. На этомъ

[1]) Сборникъ, т. 47, стран. 473—482.

засѣданіи Потоцкій былъ весь красный отъ слезъ и безсонныхъ ночей. Сухоржевскій кричалъ, какъ одержимый. Къ вящшему огорченію конфедератовъ разнесся слухъ о раздѣлѣ Польши, о соглашеніи, заключенномъ между Россіей и Пруссіей. Въ Гроднѣ разбросали стишки:

Zwioadł król pruski marszałków, marszałkowie posłów,
A carowa rosyjska targowickich osłów.

(Король прусскій провелъ маршалковъ,—маршалки пословъ, а русская царица тарговицкихъословъ).

20-го (31-го) января пріѣхалъ въ Варшаву Сиверсъ. Онъ увѣрялъ, что ему совершенно неизвѣстно, что означаетъ вступленіе прусскихъ войскъ въ Польшу. Конфедераты вѣрили ему, но не всѣ. Не обольщался въ этомъ случаѣ и Щенсный, который въ письмѣ къ императрицѣ горевалъ о судьбѣ Польши и о своей собственной.

„Существованіе Рѣчи Посполитой зависѣло и зависитъ только отъ Россіи,—писалъ онъ.—...Приближается моментъ, который долженъ рѣшить судьбу Польши. Спасите ее отъ погибели... Я готовъ отдать жизнь за спасеніе отечества“...

Въ свою очередь Станиславъ-Августъ, пораженный деклараціей Бухгольца и вторженіемъ прусскихъ войскъ, писалъ императрицѣ, что онъ готовъ отречься отъ престола, если только долги его будутъ заплачены.

3-го (14-го) февраля имѣлъ у него аудіенцію русскій посланникъ. Онъ открылъ Станиславу-Августу цѣль своего пріѣзда въ Варшаву. Ему было дано приказаніе склонить короля отправиться въ Гродно и принять участіе въ трудахъ конфедераціи. „Тамъ, вдали отъ варшавскихъ интригъ, будутъ приняты мѣры къ упорядоченію положенія Рѣчи Посполитой—говорилъ онъ.—Императрица, разгнѣванная на короля за его поведеніе во время послѣдняго сейма и за сношенія съ польскими эмигрантами, готова забыть все прошлое, если онъ подчинится ея требованію“.

Въ длинной рѣчи, продолжавшейся три четверти часа, Станиславъ-Августъ старался оправдаться въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ, жаловался на оскорбленія со стороны Щенснаго-Потоцкаго и просилъ избавить его отъ совмѣстныхъ работъ съ конфедератами. Сиверсъ успокаивалъ его, говоря, что подъ его защитою ему не будетъ причинено никакихъ непріятностей. Король попросилъ дать ему время на размышленіе.

Въ тотъ же день явился къ Сиверсу банкиръ Тепперъ съ просьбою, чтобы императрица поручилась въ уплатѣ ему долга короля —

свыше 1½ милліона дукатовъ. Сиверсъ отвѣчалъ, что это можетъ быть сдѣлано только въ томъ случаѣ, если Станиславъ-Августъ исполнитъ волю государыни и уѣдетъ въ Гродно.

Въ тотъ же день, посовѣтовавшись съ братомъ и съ Булгаковымъ, который былъ у него на прощальной аудіенціи, король прислалъ Сиверсу черновикъ письма къ императрицѣ, въ которомъ онъ изъявлялъ согласіе исполнить ея требованіе.

Истинная цѣль посольства, возложеннаго на Сиверса, не составляла уже ни для кого тайны, и всѣмъ было ясно, что Пруссія и Россія дѣйствуютъ заодно.

Потоцкій былъ въ совершенномъ отчаяніи. Опасались, чтобы онъ не покончилъ съ собою. На засѣданіяхъ генеральной конфедераціи онъ говорилъ, что „не имѣетъ уже никакой надежды на спасеніе отечества и что у него остается слабый лучъ надежды только на одну императрицу".

Съ этимъ послѣднимъ проблескомъ надежды Потоцкій отправился въ Петербургъ, куда его звала императрица; засыпавъ передъ отъѣздомъ Сиверса письмами, въ коихъ онъ то оправдывалъ дѣйствія конфедераціи въ послѣднее время, то просилъ помочь ему въ устройствѣ личныхъ дѣлъ его собственныхъ и его политическихъ друзей; то хлопоталъ о выдачѣ ему денегъ за поставленный для русскаго войска провіантъ, то просилъ объ Андреевской лентѣ для Боржецкаго, князя Четвертинскаго и двухъ братьевъ Холоневскихъ. Этотъ великій радѣтель шляхетскаго равенства не стыдился выпрашивать ордена и у короля, котораго онъ такъ глубоко оскорблялъ, не стыдился просить у него и денежной помощи для тѣхъ людей, кои вмѣстѣ съ нимъ всячески досаждали Станиславу-Августу [1]).

4-го (15-го) марта Потоцкій выѣхалъ изъ Гродно, въ сопровожденіи своихъ двухъ сыновей и совѣтниковъ конфедераціи: Петра Боржецкаго и Игнатія Ледоховскаго. Его провожалъ конвой русскаго и польскаго войска.

Онъ ѣхалъ на сѣверъ въ то время, когда Ченстоховъ уже капитулировалъ и пруссаки подходили къ Гданску, бѣжалъ отъ Сиверса и короля, которые ѣхали въ Гродно, чтобы созвать сеймъ, узаконившій новый раздѣлъ Польши, и у него не было въ душѣ надежды на то, что ему удастся спасти свое отечество отъ погибели, а себя отъ позора.

— Какъ ваше здоровье, любезный Потоцкій?—привѣтствовала импе-

[1]) Письма Потоцкаго къ Сиверсу отъ 19, 25, 27 и 28 февраля н. ст. изъ Гродно (Рукоп. библ. бар. Крон.). Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ напечатаны у Askenazy (Dwa stulecia, 18 i 19. Warz. 1901, стран. 513).

ратрица Щенснаго на частной аудіенціи, по пріѣздѣ его въ Петербургъ.

— Я здоровъ, ваше величество,—отвѣчалъ онъ, но мое отечество... Екатерина не дала ему договорить.

— Votre patrie est ici![1])—сказала она, топнувъ ногою о паркетъ.

[1]) Ваше отечество здѣсь

Бытовые очерки В. П. Лободовскаго.

XIII [1]).

Хробная работа, добытая отцомъ Никитой, переводъ двухъ страницъ съ нѣмецкаго языка, была одобрена, и Перепелкинъ получилъ адресъ, куда онъ долженъ былъ явиться для переговоровъ. Отправляясь по этому адресу къ неизвѣстному лицу, котораго отецъ Никита почему-то не хотѣлъ назвать, Перепелкинъ прежде всего пожелалъ справиться въ канцеляріи попечителя о результатахъ ходатайства вельможи. Правитель канцеляріи любезно сообщилъ ему, что свидѣтельства о бѣдности отъ него не потребуютъ, такъ какъ находятъ возможнымъ освободить его отъ взноса денегъ за право слушанія и безъ этого документа; а что касается увольнительнаго свидѣтельства, то слишкомъ безпокоиться о немъ нѣтъ особенной надобности, потому что и такъ уже разрѣшено ему посѣщать лекціи въ началѣ курса, въ качествѣ приватнаго слушателя.

— Вотъ оно какъ!—подумалъ Перепелкинъ: несогласное съ законами, когда просилъ обыкновенный смертный, оказалось совершенно согласнымъ, вслѣдствіе ходатайства лица сильнаго, къ которому онъ и направился теперь, чтобы поблагодарить его за доброе дѣло. Но отецъ Никита отсовѣтовалъ это дѣлать, сказавъ, что этотъ вельможа не любитъ вообще никакихъ изліяній чувствъ благодарности. При этомъ же онъ открылъ и содержимое имъ почему-то въ секретѣ имя лица, отъ котораго будетъ зависѣть работа. Оказалось, что это былъ извѣстный ученый философъ отецъ Ѳедоръ, съ философскимъ сочиненіемъ котораго Перепелкинъ познакомился еще въ семинаріи.

— Работа-то, собственно, будетъ отъ книгопродавцевъ, редакти-

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1905 г.

руетъ ее отецъ Ѳедоръ, и деньги отъ него будете получать. Скупенекъ онъ, говорятъ студенты академіи, но за то работа ужъ будетъ постоянная и деньги вѣрныя,—пояснилъ отецъ Никита.

Перепелкинъ чрезвычайно обрадовался тому, что онъ будетъ имѣть дѣло съ такимъ ученымъ, о которомъ онъ составилъ самое высокое мнѣніе, прочитавъ нѣсколько разъ его „Введеніе въ науку философіи", когда еще былъ въ семинаріи, и зная его почти наизусть.

Отецъ Ѳедоръ принялъ Перепелкина ласково, привѣтливо, похвалилъ переводъ, но замѣтилъ, что настоящей сноровки еще нѣтъ, такъ какъ она пріобрѣтается только продолжительной практикой.

— Понимать въ чтеніи текстъ чужестранной рѣчи и передать ее въ переводѣ на свой языкъ, сохранивъ, въ точности, смыслъ и силу ея,—это двѣ вещи разныя,—говорилъ онъ медленно, съ тяжеловѣсною обдуманностью, часто закрывая глаза по привычкѣ.

— Я понимаю требованія хорошаго перевода и потому буду стараться исполнять ихъ добросовѣстно,—поспѣшилъ отрекомендоваться Перепелкинъ.

— Я вамъ дамъ теперь „Путешествіе въ Іерусалимъ", Арнольда, на нѣмецкомъ языкѣ. Плата у меня отъ семи до десяти съ полтиной за печатный листъ обыкновенно, глядя по переводу. Вамъ назначаю сразу послѣднюю цѣну,—сказалъ отецъ Ѳедоръ и пошелъ доставать это сочиненіе.

Перепелкинъ чуть не вскрикнулъ: зачѣмъ такъ много?—и уже занесся мечтой Богъ знаетъ куда: и родныхъ-то всѣхъ облагодѣтельствуетъ, и поможетъ труженицамъ-вдовамъ, и дѣтей побалуетъ гостинцами.

Только полтинка, пристегнутая философомъ къ десяти рублямъ, какъ-то смущала его, не переваривалась въ его умѣ, а въ связи съ переданнымъ отцомъ Никитой отзывомъ студентовъ, что редакторъ „скупенекъ", зловѣще шевельнула мысль: не на ассигнаціи ли это счетъ, какъ этого держались еще многіе въ провинціи?

Отецъ Ѳедоръ вынесъ книгу и, подавая ее Перепелкину, медленно говорилъ: шрифтъ не очень убористый и листика два печатныхъ въ недѣльку безъ особеннаго затрудненія можно перевести—вотъ ужъ и 21 рублекъ.

— Такъ! такъ! на ассигнаціи,—шевелилось въ головѣ Перепелкина, и онъ спускался съ облаковъ.

— Въ двѣ недѣльки 42 рублика—вотъ ужъ и есть за квартиру, (Вы, кажется, такъ и платите за квартиру со столомъ, по словамъ Никиты,—замѣтилъ онъ мимоходомъ). А другіе сорокъ два рублика въ мѣсяцъ пойдутъ на покупку книгъ, на табачекъ, коли курите, ну, и на другія тамъ юношескія удовольствія,—шутилъ батюшка-философъ,

съ улыбкой посматривая пытливымъ взоромъ на вспыхнувшаго юношу-дѣвственника.

Перепелкинъ окончательно упалъ съ высоты полета своей расходившейся пылкой фантазіи, но все-таки не могъ не признать себя, относительно, въ счастливомъ положеніи: во-1-хъ, это дѣло уже вѣрное, дававшее возможность получать въ мѣсяцъ не менѣе 24 рублей; во-2-хъ, онъ входилъ въ ближайшее сношеніе съ человѣкомъ, очень ученымъ, начитаннымъ и большимъ знатокомъ того предмета, который особенно интересовалъ его еще съ поступленія въ семинарію; въ 3-хъ, у этого въ самомъ широкомъ смыслѣ просвѣщеннаго и очень даровитаго человѣка была прекрасная библіотека, на которую онъ не скупился тратить деньги, живя самъ очень скромно, и которою пользоваться онъ предоставлялъ многимъ изъ работавшихъ у него по части переводовъ. Впослѣдствіи Перепелкинъ привыкъ смотрѣть на него съ глубокимъ уваженіемъ и считалъ себя болѣе обязаннымъ ему по части дальнѣйшаго умственнаго своего развитія и разрѣшенія многихъ философскихъ недоразумѣній, чѣмъ университету. Съ необыкновенною ясностью комментируя всѣ тѣ философскія проблемы, которыя засѣли въ головѣ Перепелкина еще съ семинарской скамейки и оставались на половину неразрѣшенными даже въ академіи, отецъ Ѳедоръ тутъ же предлагалъ изъ своей библіотеки сочиненіе, въ которомъ пытливый юноша могъ найти руководящую нить для болѣе обстоятельнаго уясненія интересующихъ его вопросовъ.

Съ полученіемъ постоянной работы началась для Перепелкина жизнь правильная, регулярная, и если бы не сидѣла въ головѣ Клодочка и любовь къ этому милому существу не пустила глубокихъ корней въ сердцѣ, то даже и совершенно счастливая, беззаботная. Онъ и здѣсь сохранилъ деревенскія привычки, вставалъ рано и тотчасъ уходилъ гулять часа на два, потомъ пилъ чай и немедленно принимался за работу. Въ одиннадцать часовъ занимался съ дѣтьми, назначалъ имъ работы, въ родѣ черченія, рисованія, писанія по прописи, списыванія съ книги, заучиванія молитвъ и стиховъ.

Все это дѣлалось по росписанію, ежедневно, и въ его комнатѣ, на его глазахъ, что̀ нисколько ему не мѣшало заниматься своимъ дѣломъ, которое онъ повелъ такъ первыя три недѣли, до начала курса въ университетѣ, что сдалъ семь печатныхъ листовъ отцу Ѳедору, который остался очень доволенъ этимъ переводомъ и сейчасъ же уплатилъ 73 руб. съ полтинкой, какъ онъ выразился, т. е. 21 рубль серебромъ, и при томъ же все новенькими цѣлковыми, которые составляли чувствительную ношу для кармана.

Но еще по пути въ квартиру Перепелкинъ на половину облегчилъ себя отъ этой ноши, купивъ дѣтямъ гостинцевъ и сережки золотыя

своей сестрѣ Любѣ къ ея именинамъ, 17-го сентября. Послѣднее онъ поспѣшилъ сдѣлать изъ тщеславія: пусть, молъ, знаютъ, что онъ и здѣсь не пропадетъ. Отцу онъ, впрочемъ, все описалъ правдиво, не утаивъ и своихъ неудачъ.

Когда дѣти шумно стали выражать свою радость по поводу накупленныхъ имъ гостинцевъ, особенно хозяйскій Коля, на порогѣ комнаты Перепелкина явился „настоящій князь русскій“ и попросилъ его къ себѣ пить кофе. Съ нимъ Перепелкинъ еще мало былъ знакомъ. Слышалъ только, какъ онъ препирался иногда съ своей экономкой, Лушей, и читалъ ей вслухъ божественное изъ книгъ, а иногда и собственныя нравоученія. Вдовушки иногда подтрунивали между собой надъ этой парочкой, но изъ скромности ничего не говорили о нихъ при Перепелкинѣ, и онъ почти не зналъ до этого времени, что это за личности были, хотя привѣтствіями приходилось ежедневно обмѣниваться съ ними. Иногда князь, проходя мимо комнаты Перепелкина, отворялъ дверь къ нему, а то и просто стукнетъ тихонько раза три, не отворяя ее, и своимъ пискливымъ, непріятно-дребезжащимъ голосомъ, скажетъ: мой сердечный привѣтъ господину студенту! Послѣ чего такъ скоро улетучится, что Перепелкинъ едва успѣетъ встать съ мѣста и, пріотворивъ дверь, крикнуть ему въ догонку: здравствуйте, князь!

Двѣ комнаты князя были гораздо бо́льшихъ размѣровъ, чѣмъ тѣ, которыя занимали Перепелкинъ и обѣ вдовы. Онѣ и лучше освѣщались, потому что въ каждой изъ нихъ было по два окна, содержались экономкой въ образцовой чистотѣ и порядкѣ, но все это не могло скрыть крайней скудости средствъ захудалаго сіятельства.

Обстановка была, по его сану, убогая, мизерная. На немъ самомъ халатъ очень поношенный и не безъ заплатъ, хотя и довольно искусно приставленныхъ. Экономка, какъ видно, только теперь принарядилась въ новенькій ситцевый капотъ, а то ее всегда встрѣчалъ Перепелкинъ въ очень поношенномъ платьѣ. Оба они были низенькіе, толстенькіе, съ заплывшими глазами, съ лоснящимися лицами, какъ будто ихъ сейчасъ вымазали масломъ, отличались крайнею наивностью, свойственною только дѣтямъ, и постоянно сохраняли такое выраженіе на лицѣ, какъ-будто когда-то, что-то вызвало въ нихъ сильное удивленіе, которое уже никогда не проходило и такъ и осталось при нихъ разъ навсегда. Они удивительно напоминали другъ друга, какъ-будто были братъ и сестра.

— Слышу, — говорилъ князь, — усаживая гостя, что зашумѣли и заскакали дѣти отъ радости,—ну, значитъ, пришелъ студентъ и нанесъ гостинцевъ,—дай, думаю себѣ, и я попрошу у него два рублика до воскресенья.

Перепелкинъ вынулъ сейчасъ же изъ кармана и подалъ просимое его сіятельству.

— Я тебѣ говорилъ, что можно позаимствоваться до воскресенья,—обратился онъ къ сожительницѣ, подавая ей два цѣлковыхъ.

Экономка, спрятавъ деньги и разливъ въ стаканы кофе, вышла въ другую комнату и больше ужъ сюда не являлась.

— Насчетъ отдачи вы не сомнѣвайтесь: вотъ мнѣ предстоитъ сколько получекъ съ 1-го сентября, — говорилъ онъ, и, развернувъ засаленную записную книжечку, прочелъ длинный рядъ незначительныхъ суммъ, въ видѣ ежемѣсячной пенсіи, выдаваемыхъ ему разными сановитыми лицами, всего на сумму 157 рублей съ полтиною — пояснялъ онъ — а цѣлковиками выходитъ 45 рубликовъ: давно назначены, когда еще счетъ вели на ассигнаціи. Самъ я когда-то не такіе куши раздавалъ, а теперь вотъ... сказалъ онъ плаксиво, пряча книжечку. Анемподистъ все... вся вина въ немъ,—воскликнулъ онъ, почти всхлипывая.

Это ужъ не разъ слышалъ Перепелкинъ и раньше при разговорахъ князя со вдовушками, но дальше этого онъ обыкновенно не шелъ, оставивъ и теперь этотъ возгласъ безъ объясненій. Перепелкинъ не счелъ удобнымъ разспрашивать его объ этомъ таинственномъ обстоятельствѣ, да и думалъ преимущественно только о томъ, какъ-бы не засидѣться тутъ лишнее время, а уйти и заняться дѣломъ.

Пили кофе молча, изрѣдка посматривая другъ на друга.

— Вотъ вы ученый изъ духовныхъ, — заговорилъ вдругъ князь таинственно, вполголоса и нагибаясь къ гостю:—скажите, правда ли, что есть уже теперь явственные признаки втораго пришествія Христа на землю? Самъ слышалъ-съ отъ людей именитыхъ. Какъ объ этомъ говорится тамъ у васъ въ богословіи или философіи?

— А тамъ говорится только, что „не вѣсте ни дне, ни часа, въ онь же Сынъ человѣческій пріидетъ“,—отвѣчалъ Перепелкинъ, съ недоумѣніемъ посматривая на князя.

— Нѣтъ, вы не бойтесь,—говорилъ онъ тихонько, и, подойдя на цыпочкахъ къ обѣимъ дверямъ, заперъ ихъ на крючки.

„Вотъ оригиналъ!“ думалось Перепелкину.

— Сказываютъ,— шепталъ онъ на ухо гостю:—митрополитъ нарочно пріѣзжалъ съ докладомъ объ этомъ во дворецъ, и всѣ замѣтили, какъ государь былъ разстроенъ и блѣденъ весь этотъ день.

— Это вздоръ!—сорвалось съ языка у Перепелкина:—митрополитъ ничего подобнаго не имѣетъ права сказать уже на основаніи тѣхъ словъ Спасителя, которыя я привелъ.

— Молодо, зелено! — наставительно покачалъ головой князь и, тихонько подкравшись, отперъ двери, какъ бы давая почувствовать,

что съ такимъ молокососомъ не стоитъ и словъ терять по поводу важныхъ матерій.

Лекціи открылись нѣсколько позже, чѣмъ Перепелкинъ предполагалъ, и онъ успѣлъ, пользуясь полной свободой, еще снести отцу Ѳедору на 6 печатныхъ листовъ перевода и получить отъ него 18 рублей серебромъ. Но тутъ произошло обстоятельство, которое сильно его потрясло, такъ что съ нимъ въ продолженіе трехъ дней было нѣчто въ родѣ нервной горячки.

Возвращаясь однажды съ утренней прогулки около восьми часовъ, онъ увидѣлъ во дворѣ дома, около своей квартиры, много народа и двухъ полицейскихъ, которые сообщили ему, что сейчасъ умерла тутъ скоропостижно какая-то барыня. У Перепелкина кровь хлынула изъ носа. Онъ чувствовалъ, что это непремѣнно должна быть захирѣвшая отъ непосильной работы вдова, Настасья Ивановна, мать Саши и Кати. Такъ и было.

Дѣти покрывали лицо и руки матери поцѣлуями и нѣсколько, повидимому, успокоились, когда и Перепелкинъ присоединилъ свой голосъ къ голосамъ другихъ, что это обморокъ, который пройдетъ. Покойницу увезли. Дѣти опять разрыдались.

Наконецъ Перепелкинъ рѣшился дѣйствовать. Сказавъ дѣтямъ, что ему нужно посмотрѣть, какъ уложать маму въ клиникѣ, потому что потомъ долго къ ней пускать не будутъ, онъ взялъ извозчика и полетѣлъ къ извѣстному вельможѣ. Прежде всего онъ хотѣлъ посовѣтоваться съ отцомъ Никитой, какъ лучше въ этомъ случаѣ дѣйствовать, но его не было дома, а жена его посовѣтовала прямо обратиться къ Мур—ву. Перепелкинъ перешелъ черезъ улицу и позвонилъ къ нему. Къ ужасу его, слуга предупредилъ, что врядъ-ли генералъ приметъ, потому что не такъ-то здоровъ, но все-таки пошелъ доложить, а минутъ черезъ пять вышелъ въ залу Андрей Николаевичъ, привѣтливо кивнулъ головой Перепелкину и освѣдомился, какъ его идутъ дѣла.

— Я, ваше превосходительство, осмѣливаюсь безпокоить теперь васъ не за себя, — заговорилъ взволнованный юноша, — а за несчастныхъ малютокъ, сейчасъ осиротѣвшихъ въ той квартирѣ, гдѣ я живу. Здѣсь голосъ его дрогнулъ, и изъ глазъ закапали слезы.

— Ну, успокойтесь и разскажите мнѣ, какъ все произошло,—говорилъ участливо добрый вельможа, взявъ юношу за руку и уводя его къ себѣ въ кабинетъ.

Выслушавъ внимательно все, что считалъ нужнымъ сообщить ему Перепелкинъ, А. Н. Мур—въ написалъ коротенькое письмецо и, запечатывая его, говорилъ:

— Вы сейчасъ же отправитесь на Крестовскій островъ, найдете

тамъ дачу по адресу письма, которое и передадите слугѣ. Княгиня васъ приметъ, и вы ей разскажете всю эту исторію. Надѣюсь, что дѣти будутъ пристроены. Успокойтесь сами и ихъ успокойте.

— А не нужно ли дѣтямъ чего-нибудь теперь же, сейчасъ? — крикнулъ А. Н. М—въ, когда Перепелкинъ проходилъ уже черезъ залу, и на отвѣтъ послѣдняго, что пока ничего не нужно, прибавилъ: если что потребуется, сообщите мнѣ письменно.

Но ничего этого не потребовалось: дѣти черезъ три дня были увезены въ Гатчину, подъ предлогомъ, что черезъ мѣсяцъ и маму ихъ туда привезутъ.

Княгиня Б—ая-Б—ая приняла Перепелкина въ своемъ саду на дачѣ, когда прочитала письмо М—ва, поданное ей камердинеромъ. Она такъ же, какъ и добрый сановникъ, внимательно выслушала разсказъ Перепелкина и, отпуская его, поручила ему написать адресъ дома и оставить его у камердинера, который тутъ же дожидался.

Было уже около двухъ часовъ, когда измучившійся Перепелкинъ вернулся домой. Дѣти, намаявшись, къ счастію уснули.

Добрая вдовушка сначала горячо запротестовала было противъ своевольнаго, какъ она, подъ вліяніемъ жгучаго горя и неожиданности, выразилась, распоряженія объ участи дѣтей.

— И кто васъ просилъ объ этомъ? — тихонько, чтобы не разбудить дѣтей, упрекала она Перепелкина—ни за что не отпущу ихъ отъ себя, уморю себя на работѣ, а вырощу ихъ и воспитаю.

Но Перепелкину стоило небольшихъ трудовъ переломить ея минутное упорство.

Вдовушка мало-по-малу сдалась на эти доводы. Перепелкинъ далъ ей денегъ на извозчика, чтобы она свозила дѣтей въ Екатерингофскій садъ для развлеченія, когда они проснутся, а самъ въ изнеможеніи бросился на кушетку и уснулъ, какъ убитый. Вечеромъ его разбудили. Пріѣхала какая-то пожилая дама, обласкала дѣтей, пересмотрѣла документы ихъ матери, и, переговоривъ съ Перепелкинымъ и вдовой, сказала малюткамъ, что она дня черезъ два пріѣдетъ за ними и повезетъ ихъ съ собою въ Гатчину, а можетъ быть и въ другое мѣсто, куда потомъ привезутъ и маму, когда ее доктора вылѣчатъ. Дѣти разрыдались, но она ихъ перецѣловала и успокоила, сказавъ, что все это она дѣлаетъ по желанію мамы ихъ, которая понемногу стала приходить въ себя и просила объ этомъ доктора. Съ большимъ трудомъ удалось дѣтей увезти въ Гатчину.

Начавшіяся въ университетѣ лекціи далеко не соотвѣтствовали ожиданіямъ Перепелкина, что̀ приписывалъ онъ сначала двумъ обстоятельствамъ: во-первыхъ, малому числу первокурсниковъ на филологическомъ факультетѣ, во-вторыхъ, такой ихъ молодости, что всѣ

они, за исключеніемъ Перепелкина, скорѣе походили на гимназистовъ 4-го—5-го класса, чѣмъ на студентовъ университета. Перепелкинъ пожаловался на свое разочарованіе относительно университетскихъ лекцій отцу Ѳедору, но тотъ только улыбнулся на такія претензіи и сказалъ, что университетъ стоитъ только изрѣдка посѣщать не ради лекцій, гдѣ на филологическомъ факультетѣ двое хорошихъ профессоровъ-лингвистовъ даже по-русски не говорятъ, а для того, чтобъ присмотрѣлись всѣ къ лицу и не придирались на экзаменѣ; образованіе же свое дополнять и расширять лучше всего самостоятельнымъ изученіемъ науки, для чего Петербургъ представляетъ огромныя преимущества предъ другими университетскими городами, заключая въ себѣ Императорскую публичную библіотеку, Румянцовскій музей, хорошія библіотеки въ Академіи наукъ, въ университетѣ, Духовной академіи, да и въ другихъ спеціальныхъ учрежденіяхъ и нѣкоторыхъ частныхъ домахъ, гдѣ всегда можно найти случай пользоваться книгами. Собственно только этотъ путь ведетъ къ глубокому, истинному просвѣщенію, говорилъ онъ: другіе же, дипломовъ ради, образуютъ людей поверхностныхъ, пустыхъ, мало пригодныхъ къ дѣлу на всѣхъ поприщахъ, требующихъ серьезнаго умственнаго развитія.

Перепелкинъ скоро убѣдился въ этомъ, познакомившись въ университетѣ съ однимъ юношей, моложе его лѣтами, который хотѣлъ было слушать лекціи приватнымъ образомъ, преимущественно по исторіи, словесности и исторіи литературы, но въ скоромъ времени совершенно пересталъ ходить въ университетъ, положительно не удовлетворенный тѣмъ, что нашелъ здѣсь. И онъ совершенно былъ правъ. По послѣднимъ двумъ предметамъ, несмотря на свою молодость, онъ имѣлъ такія обширныя и основательныя познанія, что хоть сейчасъ сажай его на каѳедру: не ударилъ бы лицомъ въ грязь. Между тѣмъ какъ занимавшіе эти каѳедры два профессора, несомнѣнно умные и достойные ученые, вели это дѣло кое-какъ, черезъ пень—колоду, чтобъ не сказать болѣе. Одинъ, напримѣръ, который всегда казался Перепелкину весьма даровитымъ по природѣ, любилъ чаще всего останавливаться на внѣшней сторонѣ произведеній, трактуя подолгу о выразительности, изобразительности и проч., и рѣдко затрагивалъ внутреннюю, принципіальную, а если и касался ея, то большею частію разводилъ бобы по поводу матерій, не стоющихъ того, и ловко лавировалъ между Сциллой и Харибдой, если попутно необходимо было коснуться идей, относящихся къ какимъ-нибудь особеннымъ факторамъ въ отправленіяхъ моральной жизни. Другой вѣчно искалъ „примиряющей средины“, какъ-то особенно чурался „крайностей“, недолюбливалъ оригинальности, если она не подхо-

дила подъ его излюбленную мѣрку, а мѣрка эта всегда цѣплялась однимъ концомъ за „примиряющую средину“, а другимъ, обходя „крайности“ долго тянулась по извилистому лабиринту самой безсодержательной философіи, впадавшей иногда въ совершенное пустословіе. И страннымъ казалось, что человѣкъ въ своихъ критическихъ статьяхъ нерѣдко высказывавшій дѣльныя и вѣрныя мысли, здѣсь, при чтеніи лекцій, доходилъ до странныхъ тенденцій и до усыпительной болтовни.

А, можетъ быть, причиной тому было и время такое, „чреватое будущимъ“, какъ любилъ выражаться одинъ изъ этихъ профессоровъ, конечно, совершенно по другимъ поводамъ.

Разъ какъ-то этотъ профессоръ, всегда старавшійся говорить красно, только-что отпустилъ фразу: „тамъ, въ тайникѣ души нашей, глубоко лежитъ“ и полѣзъ было туда, чтобы достать, что тамъ лежитъ, какъ вдругъ отворилась дверь, вошелъ попечитель, кивнулъ головой на общій поклонъ всѣхъ и, поздоровавшись съ профессоромъ, усѣлся на креслѣ возлѣ каѳедры. Профессоръ, какъ ни въ чемъ не бывало, полѣзъ таки опять въ „тайникъ человѣческой души“ и выкопалъ оттуда, безъ всякаго повода къ удивленію Перепелкина, а, можетъ быть, и другихъ, ни больше, ни меньше, какъ изобразительность, которую и началъ иллюстрировать преимущественно Крыловскими выраженіями, въ родѣ: „На ель ворона взгромоздясь“, „каркнула во все воронье горло“, и проч. При чемъ, разумѣется, съ помощію обычной его жестикуляціи, изображалась неуклюжесть полета вороны, къ чему такъ шло выраженіе: „взгромоздясь“. Студенты, до прихода попечителя записывавшіе лекціи, тутъ уже положили перья, такъ какъ эта тема давно была совершенно исчерпана на предыдущихъ лекціяхъ.

Профессоръ исторіи страшно надоѣдалъ мелочными подробностями о военныхъ столкновеніяхъ на морѣ и сушѣ греческихъ войскъ съ персидскими, вдаваясь въ ни къ чему не ведущія для сего дѣла діалектическія тонкости различенія разныхъ родовъ вооруженія, при чемъ въ сотый разъ, какъ бы случайно, мимоходомъ задѣвалось не понимаемое какими-то авторитетами истинное значеніе слова демосъ. Манера его говорить составляла совершенную противоположность манеры его брата (Куторга?), профессора естественной исторіи. Послѣдній излагалъ свой предметъ просто, безъ претензій и возбуждалъ такой интересъ, что многіе съ другихъ факультетовъ приходили слушать его. Не пропускалъ его лекцій и Перепелкинъ. Въ манерѣ же профессора политической исторіи было какое-то заискивающее ломанье, жеманство, кокетничаніе, всегда производившее непріятное впечатлѣніе на Перепелкина, тѣмъ болѣе, что все это особенно про-

являлось въ тѣхъ случаяхъ, когда профессору желательно было вызвать особенное вниманіе въ слушателяхъ, чего и достигалъ онъ на первыхъ порахъ какою-то томностію своего тонкаго, нѣсколько пѣвучаго голоса, особенною торжественностію въ пріемахъ рѣчи съ самой искательной, подкупающей улыбкой. „Представьте себѣ,—говорилъ онъ разъ торжественно, съ кокетливой улыбкой и вооружась другими всѣми атрибутами обычной своей манеры: въ сѣверо-восточномъ углу Греціи крошечное мѣстечко; самый „малюсенькій"—показывалъ онъ на пальцѣ—и ничтожный пунктикъ во всей Элладѣ". Всѣ внимательно стали себѣ представлять, но въ скоромъ времени начали позѣвывать, потому что рѣчь шла о такомъ пустякѣ, изъ котораго, какъ ни бейся, никакого смысла не выжмешь. И въ самомъ дѣлѣ, студенту хочется знать, каковъ былъ человѣкъ—насколько можетъ прослѣдить его исторія по отношенію къ самому себѣ, какъ разумная индивидуальность, по отношенію къ другимъ, какъ членъ семьи, общины, государства; какъ складывался строй его общественной жизни, подъ вліяніемъ какихъ моральныхъ и соціальныхъ факторовъ онъ вступилъ на путь цивилизаціи и прогрессивно шелъ впередъ, культивируя себя и природу въ разнообразныхъ отношеніяхъ,—а тутъ его по цѣлымъ часамъ занимаютъ подробнѣйшимъ различеніемъ разнаго рода вооруженій, лингвистическимъ уясненіемъ значенія нѣкоторыхъ словъ, различно употребляемыхъ въ греческихъ діалектахъ и неправильно истолковываемыхъ, якобы, такими-то и такими знаменитыми авторитетами науки. Прицѣпка за хвосты знаменитостей, съ цѣлію противопоставить безапелляціонно свои размышленія ихъ толкованіямъ, особенно была непріятна, тѣмъ болѣе, что ни достаточнаго основанія, ни убѣдительности въ доводахъ не было и признаковъ.

Въ этомъ отношеніи другими, совершенно противоположными свойствами отличался профессоръ русской исторіи. Любитель фразы въ своихъ историческихъ руководствахъ, онъ необыкновенно былъ простъ, точенъ и ясенъ въ устномъ изложеніи своего предмета предъ аудиторіей. Скромный, непритязательный тонъ, съ какимъ онъ сопоставлялъ свои мнѣнія съ мнѣніями другихъ, чрезвычайно подкупалъ слушателя въ его пользу, а между тѣмъ этотъ человѣкъ, кромѣ громадной начитанности, владѣлъ такой эрудиціей по своему предмету, какая рѣдко дается ученымъ.

Свѣтила эллинской и римской мудрости Грефе и Фрейтагъ были еще впереди, а на низшихъ курсахъ лекторъ греческаго языка занималъ первокурсниковъ, почти каждую лекцію, разговорами о видахъ по Волгѣ и объ особенномъ полетѣ чаекъ надъ этой рѣкой до бури, во время бури и послѣ нея. А лекторъ латинскаго языка, какой-то учитель гимназіи, толстенькій, коротенькій нѣмецъ, хотя и усердно

велъ свое дѣло, но такъ какъ Перепелкинъ и самъ былъ знакомъ весьма недурно съ этимъ дѣломъ, то личность эта и сохранилась въ памяти его только по тѣмъ случайнымъ замѣткамъ ея, къ которымъ, казалось, и повода не было.

Такъ однажды онъ вдругъ, среди дѣла, обратился къ слушателямъ:

— Что быстрѣе электричества?

Всѣ молчали и съ удивленіемъ смотрѣли на него, такъ какъ никто не понималъ ни повода къ этому вопросу, ни цѣли его. Повторивъ еще разъ свой вопросъ, коротенькій нѣмецъ, имѣвшій наивное, простодушное лицо, долго посматривалъ чрезъ очки на всѣхъ съ улыбкой и, наконецъ, серьезно произнесши съ нѣмецкимъ акцентомъ: „мыслъ", продолжалъ объясненіе латинскаго текста, какъ ни въ чемъ не бывало, оставивъ всѣхъ въ полномъ недоумѣніи, по какому поводу потребовалось доложить аудиторіи, что мысль быстрѣе электричества.

Вскорѣ прибывшій профессоръ славянскихъ нарѣчій, переведенный изъ Харьковскаго университета на каѳедру Петербургскаго, внесъ большое оживленіе въ дѣло преподаванія своего предмета и далъ дѣльное и полезное направленіе молодымъ силамъ, указавъ на разработку лѣтописей и другихъ памятниковъ старины, какъ на лучшее средство для серьезнаго и основательнаго ознакомленія съ постепеннымъ развитіемъ отечественнаго языка.

„Сѣвъ на эту каѳедру"—такъ началъ онъ свою первую вступительную лекцію—не могу (здѣсь голосъ его дрогнулъ), не могу не вспомнить о моемъ знаменитомъ предшественникѣ, Петрѣ Ивановичѣ Прейсѣ, первомъ русскомъ піонерѣ по этой каѳедрѣ, такъ преждевременно слегшемъ въ могилу и унесшемъ съ собою всѣ высокія предначертанія и планы по разработкѣ горячо любимаго имъ предмета. Эта потеря тѣмъ болѣе представляется тяжелой и невознаградимой, что его труды, не получивъ окончательной редакціи подъ его перомъ, остаются въ рукописяхъ". Затѣмъ профессоръ распространился объ этой симпатичной личности и его самоотверженной любви къ избранному имъ предмету съ такимъ глубокимъ чувствомъ уваженія, что произвелъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ, а особенно на Перепелкина, и сразу завоевалъ себѣ симпатіи всѣхъ молодыхъ людей и сейчасъ же вызвалъ ихъ на самостоятельную дѣятельность. Такъ, студентъ Карелкинъ на другой же день нарѣзалъ изъ бумаги карточекъ для записи въ алфавитномъ порядкѣ—какъ училъ профессоръ—всѣхъ словъ, встрѣчающихся въ лѣтописи Нестора и надолго съ любовью отдался этому почтенному труду. Перепелкинъ досталъ „Radices linguae palaeoslavonicae", Миклошича, и получилъ такую наклонность къ изученію славянскихъ нарѣчій, что впослѣдствіи не пропускалъ ни

одного сочиненія по этому предмету, выходившаго изъ-подъ пера этого австрійскаго славяниста, а также и Шафарика.

Но одно въ этомъ профессорѣ казалось Перепелкину непостижимымъ, да такъ и осталось неразгаданнымъ навсегда: какъ это онъ, при своемъ прекрасномъ, дѣловитомъ умѣ, ухитрялся такъ странно понимать литературныя вещи, что Гоголю, напримѣръ, онъ отводилъ мѣсто наравнѣ съ Нарѣжнымъ, какъ это и самъ Перепелкинъ слышалъ отъ него, а у Бѣлинскаго—какъ говорили другіе—находилъ самымъ лучшимъ произведеніемъ пустенькую драматическую вещицу, первый дебютъ знаменитаго критика на литературномъ поприщѣ.

Перепелкинъ любилъ посѣщать лекціи профессора международнаго права, который умѣлъ дѣлать прекрасныя обобщенія и выводы по предмету права и статистикѣ европейскихъ государствъ.

На лекціяхъ этого профессора Перепелкинъ познакомился съ однимъ студентомъ, изъ семинаристовъ, который сначала поступилъ было въ Медицинскую академію, но, неудовлетворенный ея профессорами, предпочелъ перейти въ университетъ на юридическій факультетъ. Это былъ Тловъ (Благосвѣтловъ?), человѣкъ очень способный, большой труженикъ, такой же бѣднякъ, какъ и Перепелкинъ, но отличавшійся желчнымъ, раздражительнымъ характеромъ: онъ вѣчно брюзжалъ и озлобленно шипѣлъ противъ всѣхъ и всего. Но особенно не любилъ онъ духовенства, и рѣдкій разговоръ съ нимъ проходилъ безъ фразы съ его стороны: „наше невѣжественное, апатичное и сонное духовенство“.

— Хорошо вамъ,—говорилъ онъ иногда Перепелкину,—благодушествовать и смотрѣть сквозь призму какого-нибудь бонвивана на жизнь, потому что вы ея совсѣмъ не знаете, просидѣвъ всю молодость въ разныхъ клѣтушкахъ, на корму отцовскомъ и казенномъ, безъ голода и холода, а я ее, батенька, извѣдалъ во-какъ!—указывалъ онъ энергично рукой на горло — испилъ таки малую толику отъ всѣхъ ея горечей и ужъ сахарно улыбаться ей никогда не буду въ состояніи. Ни, ни!—злорадно онъ улыбался.

Впослѣдствіи пришлось Перепелкину вмѣстѣ съ нимъ учительствовать въ одномъ учебномъ заведеніи, и онъ не могъ не прослѣдить, какъ эта ранняя озлобленность невыгодно отражалась на дѣятельности способнаго педагога.

Могъ-ли, часто думалъ Перепелкинъ, кого-нибудь любить, къ чему-нибудь привязаться человѣкъ съ такимъ озлобленнымъ умомъ, съ такимъ ожесточеннымъ сердцемъ?

XV.

Заскучалъ Перепелкинъ послѣ увоза дѣтей и задумывалъ перемѣнить квартиру. Но въ скоромъ времени обстоятельства сложились такъ, что Перепелкинъ нежданно-негаданно очутился на квартирѣ въ самомъ центрѣ города, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ квартиры отца Ѳедора, жившаго въ домѣ собора. Перепелкину пришлось въ этотъ день сдавать переводъ отцу Ѳедору, и онъ сообщилъ ему о своемъ затрудненіи пріискать наскоро квартиру по своимъ средствамъ и чтобъ не слишкомъ далеко было отъ университета и публичной библіотеки.

— Да вы займите комнатку, тутъ по сосѣдству, въ пустой квартирѣ гувернантки моихъ дѣтей (у него жила пожилая нѣмка для практики съ дѣтьми въ иностранныхъ языкахъ), содержимой ею и отапливаемой, хотя въ ней никто не живетъ, на случай пріѣзда ея дочери съ дѣтьми для уроковъ музыки, которые они берутъ здѣсь въ столицѣ разъ въ недѣлю. Вы будете получать половинную плату за переводы, но за то вамъ ежедневно будутъ отъ меня носить обѣдъ, убирать комнату и топить печку. Высоконько только,—прибавилъ онъ,— съ непривычки, пожалуй, не понравится, за то ближе къ небесамъ, а вы же все, какъ видно, продолжаете искать Бога.

Квартира была въ пятомъ этажѣ и во всѣхъ отношеніяхъ понравилась Перепелкину.

Отецъ Никита чуть не забылъ сказать про главную цѣль прихода сюда: Му—въ поручилъ ему пригласить Перепелкина къ нему по одному, очень важному дѣлу, въ воскресенье, въ половинѣ перваго часа.

Перепелкинъ увидѣлъ, какъ прошелъ отъ поздней обѣдни благочестивый вельможа къ себѣ въ квартиру, и черезъ нѣсколько минутъ, какъ разъ въ половинѣ перваго, и самъ позвонилъ у подъѣзда его.

Слуга, безъ доклада, немедленно провелъ его въ кабинетъ. Сановникъ пилъ чай и предложилъ стаканъ Перепелкину.

— Я видѣлся сегодня за ранней обѣдней съ отцомъ Ѳедоромъ,— говорилъ онъ, пристально всматриваясь въ Перепелкина,— онъ васъ очень хвалитъ, хвалятъ васъ и другіе, издалека, по поводу чего я и просилъ отца Ѳедора поговорить съ вами обстоятельно, да и самъ отъ себя скажу кое-что, зачѣмъ и пригласилъ васъ.

Перепелкинъ сталъ догадываться, въ чемъ дѣло.

— Вы писали въ академіи „о преимуществахъ Восточной церкви предъ Западной?“

Перепелкинъ вспыхнулъ, какъ зарево.

— Да тутъ дѣло не въ томъ, что вы писали за другаго, это вещи обыкновенныя въ учебныхъ заведеніяхъ,—успокаивалъ онъ юношу—

а въ томъ, что упрямятся выпускать васъ въ свѣтское званіе, находя по этому и по другимъ вашимъ сочиненіямъ, что вы могли бы быть очень полезнымъ, даже выдающимся дѣятелемъ на поприщѣ духовномъ. Архіепископъ мнѣ пишетъ, что если бы вы не пожелали возвратиться назадъ, — для чего я пріискалъ бы вамъ и средства, — то безъ всякихъ хлопотъ могли бы поступить въ здѣшнюю академію. Какъ вы объ этомъ думаете?

— Я рѣшилъ уже этотъ вопросъ безповоротно: въ монахи я не гожусь по своему горячему темперамеиту, священникомъ не желаю быть по многимъ причинамъ, а педагогическая дѣятельность, которой я хочу себя посвятить, несравненно больше интереса представляетъ для меня въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, чѣмъ въ духовныхъ, какъ въ моральномъ отношеніи, по своей плодотворности, такъ и въ матеріальномъ, по бо́льшей обезпеченности учительскаго положенія.

— А можетъ быть, вы измѣните свой взглядъ, посовѣтовавшись съ отцомъ Ѳедоромъ?

— Нѣтъ, не измѣню.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только повторить свою просьбу о скорѣйшемъ увольненіи васъ въ свѣтское званіе,—сказалъ вельможа, вставая и кивнувъ головой Перепелкину, въ знакъ того, что аудіенція кончена.

Отецъ Ѳедоръ нашелъ доводы Перепелкина насчетъ нежеланія его оставаться въ духовномъ званіи основательными и сказалъ, что онъ по такимъ же причинамъ и сыновей своихъ воспитываетъ въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Но при талантливости къ проповѣдничеству, которую находятъ у васъ, какъ пишутъ Му—ву изъ К., можно было бы, принося несомнѣнную пользу другимъ, пріобрѣсти славу и составить состояніе и въ духовномъ званіи. Вотъ какъ извѣстный Маловъ,—прибавилъ практическій отецъ Ѳедоръ.

Хотя этотъ вопросъ рѣшенъ былъ Перепелкинымъ окончательно, безповоротно, такъ что и малѣйшихъ колебаній въ немъ и теперь не произошло, но почему-то всплыли въ душѣ слова его отца изъ послѣдняго къ нему письма, полученнаго въ дорогѣ: „а можетъ быть на томъ (свѣтскомъ) поприщѣ ждутъ тебя одни тернія“, и онъ затосковалъ отъ тревожныхъ мыслей, какъ бы эти слова не оказались пророческими, и тогда выйдетъ то, что онъ и отца огорчилъ упрямствомъ идти по дорогѣ, невѣдомой имъ обоимъ, и не достигъ ни личнаго счастья, ни возможности служить пользамъ и счастію другихъ.

Когда Перепелкину случалось быть въ особенно тоскливомъ расположеніи духа, онъ любилъ далеко уходить, во время утреннихъ или вечернихъ обычныхъ своихъ прогулокъ, за городъ.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ, когда ужъ онъ былъ за заставой, два мальчика, 10—12 лѣтъ, одѣтые въ курточки, вихремъ пронеслись мимо него, впередъ, и, остановившись у верстоваго столба, заспорили горячо о томъ, кто изъ нихъ раньше сюда подбѣжалъ. За дѣтьми шли пожилой мужчина съ двумя дѣвочками, изъ которыхъ одна, лѣтъ 16, напоминала собою Клодочку.

Это была роковая встрѣча Перепелкина съ Любою, ставшею въ скоромъ времени его женою.

Съ Перепелкинымъ никто здѣсь изъ прежнихъ знакомыхъ не состоялъ въ такихъ сердечныхъ отношеніяхъ, чтобы онъ чувствовалъ потребность дѣлиться съ кѣмъ своими радостями и горемъ, а потому о такомъ важномъ шагѣ въ своей жизни, какъ женитьба, онъ только за недѣлю до вѣнца, и то по необходимости, сообщилъ тремъ лицамъ: отцу Ѳедору, такъ какъ квартиру его гувернантки онъ долженъ былъ оставить, вслѣдствіе чего и условія платы за переводы измѣнялись, и двоимъ мужчинамъ, которые могли быть свидѣтелями съ его стороны и шаферами жениха и невѣсты, что̀ и предложилъ онъ студенту Крушедолину и чиновнику П.

Отецъ Ѳедоръ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Перепелкина, услыша въ такую неожиданную вѣсть.

— Въ какихъ же видахъ вы рѣшились на такое дѣло? Хорошее приданое берете, или предвидится сильная протекція?

— Ничего этого нѣтъ: люди простые и бѣдные.

— Такъ ка̀къ же это вы такъ?

— Соскучился одинъ, полюбилъ и женюсь.

Отецъ Ѳедоръ высоко поднялъ оба плеча и долго смотрѣлъ на юношу такими глазами, какъ будто послѣдній совершилъ нѣчто, не только не подобающее здравомыслящимъ людямъ, но и свойственное однимъ сумасшедшимъ.

Онъ ничего больше не сказалъ на эту тему, а пообѣщалъ пріискать уроки, плата же за переводы должна была оставаться такою же, какую Перепелкинъ получалъ до перехода къ нему на квартиру.

Пріискавъ маленькую подходящую квартирку и нанявъ дешевенькую кухарку со стиркой бѣлья, Перепелкинъ сталъ укладываться, чтобы переѣхать на новоселье, какъ вдругъ кто-то сильно дернулъ за колокольчикъ. Это былъ отецъ Никита.

— Такъ и есть!—сказалъ онъ, увидѣвъ сборы къ выѣзду.—Слушаю отца Александра, что Перепелкинъ, молъ, третьяго дня обручился съ молоденькой, едва достигшей совершеннолѣтія, дѣвочкой, и ушамъ своимъ не вѣрю. Почему жъ вы ко мнѣ не обратились по такому важному дѣлу? Вѣдь, у меня до сотни невѣстъ на примѣтѣ, и я бы

вамъ и тысячъ на 25 спроворилъ бы такую, что только пальчики бы облизали. Эхъ вы! а еще ученый и умный человѣкъ!

— Я себя не продаю,—угрюмо замѣтилъ Перепелкинъ:—и могу жениться только на той, которую полюбилъ.

— Полюбили бы и съ хорошимъ приданымъ, потому что я предоставилъ бы вамъ большой выборъ. А то, что это такое? Семейство, правда, очень хорошее, по словамъ отца Александра, да, вѣдь, бѣдность-то непроходимая... вотъ что! Только жалованьемъ однимъ и перебиваются, доходишковъ никакихъ...

— Не нуждаюсь я въ даровыхъ деньгахъ, а люблю добывать ихъ трудомъ,—говорилъ озабоченный юноша, бережно укладывая въ чемоданъ свои дневники и письма отъ отца, друзей и Клодочки.

— Да, на двоихъ, конечно, немного еще нужно, но пойдутъ пискуны, на которыхъ потребуются рубли, а вы будете получать грѳши.

— Какъ это согласно съ ученіемъ Христа: „довлѣетъ дневи злоба его!“—озлился Перепелкинъ.

— Да тутъ ученіе Христа ни при чемъ!—свирѣпѣлъ и батюшка:—васъ жалѣючи говорятъ. Вотъ и Андрей Николаевичъ, когда я сообщилъ ему объ этомъ, выразился, что это безразсудное увлеченіе молодости, которое можетъ испортить карьеру многообѣщающаго юноши. Ей Богу! такъ и сказалъ. Жена моя тоже очень, очень сожалѣетъ, что вы такъ опрометчиво поступили. А вы откажитесь-ка отъ этой невѣсты—обрученіе ничего не значитъ—и мы васъ живо скрутимъ по-своему.

— Знаете ли что, отецъ Никита,—говорилъ горячій юноша, едва-едва удерживаясь отъ запальчивости:—если я не выхожу изъ терпѣнія, то только изъ уваженія къ вашему сану и изъ чувства благодарности за то участіе, которое вы приняли во мнѣ, когда у меня не было еще никого здѣсь знакомыхъ. Вѣдь, все то, что вы говорили мнѣ теперь, до глубины души оскорбляетъ меня, и я это приписываю только тому обстоятельству, что вы совершенно не понимаете меня...

— Ха-ха-ха!—загоготалъ отецъ Никита:—гдѣ же намъ, недоучкамъ, понимать ученыхъ людей!

Отецъ Никита ушелъ, не простившись.

— Извините, пожалуйста, за то, что я, противъ воли, вынужденъ былъ сказать вамъ по вашей собственной винѣ,—крикнулъ ему въ догонку Перепелкинъ.

Мысль о предстоящемъ событіи не оставляла Перепелкина. Странно, теперь у него не было того страстнаго, горячечнаго желанія поскорѣй увидѣться съ своей невѣстой, какое волновало его въ предъидущіе дни; мало того, его какъ будто пугало наступленіе того момента, когда онъ долженъ соединиться съ нею неразрывными узами до гроба. Въ умѣ невольно проводилась параллель между Клодочкой и Любой.

Полуслѣпая кухарка подала ему двѣ записки. Въ одной изъ нихъ будущій тесть предупреждалъ его, въ которомъ часу онъ долженъ пріѣхать за невѣстой со своими шаферами; въ другой сама невѣста выражала сожалѣніе о продолжительной разлукѣ съ милымъ, дорогимъ ей человѣкомъ, и непритворную радость, что пришелъ конецъ этой разлукѣ и она навѣки съ нимъ. Искренность чувствъ, выраженныхъ въ этомъ письмецѣ, не подлежала ни малѣйшему сомнѣнію, но дѣтское царапанье, которое только съ трудомъ можно было разобрать, и полная безграмотность невольно ослабляли впечатлѣніе, производимое на юношу теплыми строками. Противъ воли возникалъ вопросъ: можно ли подтянуть до уровня съ собой существо, какъ видно, совсѣмъ нетронутое образованіемъ?

Въ четыре часа пріѣхали въ квартиру Перепелкина шафера: чиновникъ П. и студентъ Крушедолинъ. Они должны были раньше жениха отправиться въ церковь для исполненія формальностей по записи въ церковныя книги удостовѣренія о личности брачущихся.

Когда Перепелкинъ прибылъ въ квартиру невѣсты, тамъ всѣ уже были готовы къ отъѣзду въ церковь и, повидимому, только ждали жениха, на котораго, увы! все, въ ту минуту имъ увидѣнное, сразу произвело непонятно тяжелое впечатлѣніе: той безпритязательной простоты и въ пріемахъ, и въ рѣчахъ, и въ костюмировкѣ, которая такъ подкупающе дѣйствовала тутъ прежде на юношу, любившаго во всемъ естественность, не оказалось теперь ни на комъ и слѣдовъ. Все было приподнято на нѣсколько тоновъ выше, къ полному несоотвѣтствію со средствами и положеніемъ. Все какъ-будто разсчитано было на эффектъ. Любочка, которая представлялась такимъ милымъ ребенкомъ въ своемъ простенькомъ ситцевомъ платьицѣ, перехваченномъ голубенькимъ кушачкомъ, рѣзко обозначавшимъ ея гибкую талію, и съ манерами самыми безпритязательными, готовая броситься на шею своего жениха съ неудержимою стремительностью, выступала теперь театральной королевой въ своемъ вѣнчальномъ костюмѣ, съ напускною, совершенно не идущею къ ней, важностью во взорѣ, въ осанкѣ и пріемахъ. Отецъ, мать, точно также, знакомые уже Перепелкину, ихъ гости—все это предстало предъ нимъ въ самомъ неожиданномъ, неестественномъ видѣ и непріятно, тяжело дѣйствовало на его душу. Тутъ не было того внутренняго содержанія, которое вызывается минутой важнаго акта въ жизни человѣка и сопровождается серьезнымъ самоуглубленіемъ каждаго внутрь себя, вслѣдствіе чего и посторонніе люди невольно охватываются такими же чувствами, какія происходятъ въ душѣ тѣхъ, кому предстоитъ такой шагъ въ жизни. Нѣтъ, это было просто обезьянье копированіе тѣхъ пріемовъ, которые вы-

рабатываются въ другихъ кругахъ, съ другими средствами, какъ матеріальными, такъ и моральными.

Но, вотъ, приступили къ благословенію брачущихся, и природа, мало пока искаженная, вступивъ въ свои права, взяла свое, къ удовольствію Перепелкина. Блѣдность разлилась по лицу родителей, засверкали слезы въ глазахъ, и крѣпкое родственное чувство, видимо, охватило ихъ души, когда юное ихъ дѣтище предстало предъ ними за благословеніемъ для ухода отъ ихъ очага. Невѣста вздрогнула и прослезилась, ясно сознавая значеніе этой минуты. Все фальшивое, напускное мигомъ исчезло. Предъ глазами всѣхъ стояло, едва вышедшее изъ ребяческаго возраста, существо, которое трепетнымъ сердцемъ угадывало боль своихъ родителей и съ непритворнымъ сочувствіемъ отзывалось на нее. Но это хорошее впечатлѣніе вскорѣ было испорчено для Перепелкина послѣдовавшею затѣмъ опять фальшью во всемъ, которая, какъ Перепелкину казалось, происходила, главнымъ образомъ, оттого, что всему давала тонъ одна, весьма претенціозная особа, именно крестная мать Любы, принявшая на себя часть издержекъ по устройству свадьбы и бывшая посаженой матерью со стороны жениха. Она и послѣднему рекомендовала держать себя попредставительнѣе и пробовала дать и другія наставленія, но, не встрѣтивъ съ его стороны никакого сочувствія своимъ затѣямъ, она оставила его въ покоѣ. Тѣмъ не менѣе, не утерпѣла таки и во время вѣнчанія шепнуть ему на ухо, чтобъ онъ „не горбился, а держался прямѣе“. Это замѣчаніе тѣмъ непріятнѣе было юношѣ, что онъ весь поглощенъ былъ мыслями о томъ, что предъ нимъ происходило. Чинъ вѣнчанія такъ обставленъ православною церковью, что для мыслящаго человѣка многое можетъ возбудить въ умѣ и сердцѣ; но предстоящая публика безсмысленно глядѣла на всѣхъ и на все и далека была мыслями отъ того, что читалось, пѣлось и дѣлалось тутъ. Пробовалъ Перепелкинъ смотрѣть сбоку на невѣсту, на шаферовъ своихъ, но первую ежеминутно оправляли въ разныхъ деталяхъ ея убранства и, естественно, все вниманіе ея невольно сосредоточивали на этомъ одномъ; изъ шаферовъ же чиновникъ занятъ былъ, преимущественно, глубокомысленнымъ созерцаніемъ своихъ новыхъ панталонъ и сапогъ, необыкновенную фасонистость. которыхъ онъ, за часъ предъ тѣмъ, широковѣщательно расписывалъ Перепелкину, а студентъ такъ былъ серьезно и безучастно ко всему, происходившему тутъ, сосредоточенъ въ самомъ себѣ, что, навѣрное, подвергалъ строгому и всестороннему анализу только-что прочитанныя имъ послѣднія сочиненія, вышедшія въ Англіи, и о которыхъ онъ уже успѣлъ перекинуться нѣсколькими фразами съ Перепелкинымъ.

Наконецъ, всѣ обрядности вѣнчанія совершились. Начались поздравленія молодыхъ.

Настоящаго, неподдѣльнаго веселья, какое обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ у людей непритязательныхъ, здѣсь рѣшительно ни въ комъ не проявлялось: такъ все было сбито съ толку фальшивымъ тономъ, водворившимся во всей компаніи подъ вліяніемъ авторитетной крестной матери Любы. Всѣ двигались, говорили, дѣйствовали, смѣялись вяло, автоматично, безучастно, какъ-будто по навязанной имъ, противъ ихъ воли и желанія, программѣ. Все это было причиной тому, что въ душѣ молодаго супруга, совершенно некстати и наперекоръ его горячему темпераменту, вдругъ водворился холодъ отъ предвидѣнія круглаго сиротства въ отношеніи чувствъ и мыслей, которыми, повидимому, и въ будущемъ не съ кѣмъ будетъ дѣлиться. Тесть, теща, молодая жена,—какъ ни старался Перепелкинъ отдѣлаться отъ этихъ неумѣстныхъ мыслей,—невольно какъ-то представлялись въ новомъ свѣтѣ, съ другой точки зрѣнія. Они какъ-будто походили на людей, которымъ сильно хотѣлось пріобрѣсти извѣстную вещь, и вотъ они много хлопотали, чтобы она имъ досталась, много даже душевной энергіи употребили на то, чтобъ она не миновала ихъ рукъ, наконецъ-таки овладѣли ею, но, овладѣвъ, тотчасъ же отложили ее въ сторону—пусть, дескать, лежитъ себѣ, пока не потребуется для обихода—и на томъ совершенно успокоились.

— Эхъ, ты глупый и жалкій человѣкъ!—усерднѣйше корилъ себя въ душѣ молодой супругъ: — то закипишь ты и увлечешься до того, что сдѣлаешь безповоротный шагъ, а то вдругъ не кстати, совершенно не у мѣста, спустишься съ облаковъ и заднимъ числомъ начинаешь обсуждать то, чего уже и воротить нельзя! Такъ, такъ: вещь, положительно, вещь, ни больше, ни меньше какъ нужная для обихода вещь!—думалъ онъ, сердечно сокрушаясь, когда жена, при надоѣвшихъ ему словахъ: горько, горько, произносимыхъ гостями, въ силу обрядности, при заздравныхъ бокалахъ шампанскаго, цѣловалась съ нимъ, какъ ему казалось, холодно, безъ всякаго увлеченія. — Нѣтъ, не съ моимъ характеромъ быть счастливу въ средѣ, которая ни рыба, ни мясо—гвоздемъ засѣла у него мысль въ головѣ.

Наконецъ, молодыхъ рѣшили отправить домой, чему несказанно обрадовался молодой супругъ.

Много утекло воды, пока, наконецъ, Перепелкину удалось выйти изъ-подъ гнета тяжелой нужды и достигнуть положенія, сколько-нибудь правильно обезпечивающаго насущный кусокъ хлѣба. Пришлось перенести много лишеній и переиспытать немало тяжелыхъ минутъ, тѣмъ болѣе памятныхъ, что всѣ заботы о правильномъ веденіи хо-

зяйства, до послѣднихъ мелочей, падали на одного мужа, почти безъ всякаго раздѣла съ молодой женой.

Наконецъ, Перепелкину удалось поступить въ Публичную библіотеку на небольшое, но, по крайней мѣрѣ, регулярно уже оплачиваемое жалованье. Поступленіе въ число дѣятелей этой богатѣйшей сокровищницы всяческихъ знаній человѣческаго ума необыкновенно подняло и оживило его духъ.

Между тѣмъ какъ самъ онъ, лично, и отъ чтенія книгъ, о которыхъ прежде и понятія не имѣлъ и которыя только и доступны для служащихъ въ Публичной библіотекѣ, да для получающихъ разрѣшеніе свыше, и отъ расширенія знакомства съ людьми, въ научномъ отношеніи высокоразвитыми, все глубже и глубже уходилъ въ высшіе интересы какъ политической, такъ общественной и семейной жизни. Въ интеллигентныхъ кружкахъ столицы можно было уже тогда и неособенно проницательному человѣку подмѣтить и наблюдать два противоположныя теченія, ясно обозначившія стремленія людей строго-консервативнаго образа мыслей, не стѣснявшихся въ открытомъ исповѣданіи самыхъ нелѣпыхъ и дикихъ принциповъ, и людей умѣренно-либеральныхъ, которые скромно и съ робкой оглядкой силились противопоставить тѣмъ принципамъ нѣчто другое, болѣе разумное, болѣе гуманное, болѣе согласное какъ съ Божескими, такъ и съ человѣческими законами, однимъ словомъ, болѣе справедливое. Первые были поражены и въ крайней степени возмущены небывалыми успѣхами новой литературы въ направленіи Гоголя и Бѣлинскаго, которыхъ они, какъ родоначальниковъ этого направленія, смѣло и открыто называли колебателями основъ государственныхъ, предрекали ужасныя послѣдствія для Россіи, если не будутъ приняты мѣры къ изъятію подобныхъ произведеній изъ обращенія и продажи, и къ положительному воспрещенію появленія таковыхъ на будущее время. „Какой-нибудь не доучившійся бурсакъ такъ—что ли, или, какъ говорятъ другіе, выгнанный изъ университета по неспособностямъ къ наукамъ студентъ, осмѣливается топтать въ грязь все то, чему поклонялись мы и отцы наши. Да еще съ какимъ цинизмомъ и наглостью роняетъ наши авторитеты, къ которымъ мы относились съ благоговѣйнымъ уваженіемъ!“ Такъ говорили о Бѣлинскомъ лицемѣрные консерваторы, запуганные тѣми пріемами критики, которые, казалось, должны вывести всякую фальшь на чистую воду. А какъ они высоко цѣнили заслуги представителей науки, литературы, искусства, легко можно было бы составить понятіе уже и по тому факту, что они безусловно раздѣляли мнѣніе, съ небольшимъ лѣтъ за десять ранѣе высказанное министромъ народнаго просвѣщенія, что поэта смѣшно называть великимъ. „Развѣ Пушкинъ былъ полководецъ или государственный

дѣятель?“ —распекалъ глава министерства редактора журнала, въ которомъ была помѣщена статья о великой потерѣ, понесенной Россіей въ лицѣ Пушкина. Теперь рѣзче обозначились отношенія ихъ къ литераторамъ и взглядъ ихъ на литературу.

— Понимаешь, Россія стоитъ надъ бездной, она уже скользитъ по наклонной плоскости и, повѣрь, въ скоромъ времени бухъ-бухъ туда!—говорилъ съ необыкновеннымъ оживленіемъ и ворочая свирѣпо сѣрыми зрачками князь Валеріанъ Ивановичъ другу своему, попечителю округа, нарочно пріѣхавъ рано къ нему съ новымъ стихотвореніемъ Некрасова:—да, да, по наклонной плоскости!—неистовствовалъ онъ, проводя правой ладонью по лѣвой, чтобы наглядно показать, какъ Россія соскользнетъ непремѣнно по такой плоскости въ бездну.

Онъ быстро раскрылъ журналъ, въ которомъ было помѣщено стихотвореніе Некрасова, подчеркнулъ ногтемъ нѣкоторые стихи и, сунувъ подъ носъ пріятелю книгу со словами: „понюхай-ка, чѣмъ все это пахнетъ“, самъ быстро заходилъ по залу, теребя черные, густые усы и изрѣдка пристально поглядывая на своего друга.

Другъ, пробѣжавъ стихи, насупился, засопѣлъ и сдѣлался мрачнѣе ночи, но ничего не сказалъ.

Это, повидимому, немножко озадачило гостя, генералъ-маіора Валеріана Ивановича.

— Да, чуть было не забылъ!—заговорилъ онъ: поздравляю тебя, и ты попалъ въ дураки, да еще отъ кого... — шепнулъ онъ что-то на ухо другу—хотя, такъ сказать, нѣкоторымъ образомъ косвенно, мимоходомъ.

— Какъ такъ?—не своимъ голосомъ вскрикнулъ другъ, вскочивъ съ мѣста блѣдный, какъ полотно, и подойдя къ князю: что за вздоръ ты мелешь?

— Ничуть не вздоръ. А дѣло вотъ какъ происходило: графъ Б., извѣстный другъ и покровитель всѣхъ этихъ великихъ литераторовъ и поэтиковъ, послѣ доклада по своимъ дѣламъ, счелъ нужнымъ ходатайствовать, согласно желанію одного изъ великихъ, предъ государемъ о смягченіи цензуры, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи извѣстныхъ писателей...

— Ну! — опять вскрикнулъ другъ, засверкавъ глазами.

— Вѣдь до чего дошло,—докладывалъ ехидно графъ: теперь ужъ, ни печь, ни жарить нельзя на вольномъ духу.—Какъ такъ?—смѣясь спросилъ государь, слышавшій уже не разъ анекдоты о цензурныхъ дѣлахъ. — Зачеркиваютъ цензора въ поваренныхъ книгахъ вольный духъ и замѣняютъ его умѣренной температурой! — Дураки! — замѣтилъ серьезно государь: ну, отставить такого цензора, который такъ глупо понимаетъ свои обязанности.—Имѣли это въ виду, да отстоялъ

одного изъ такихъ предсѣдатель цензурнаго комитета.—Дураки! опять произнесъ съ суровой серьезностію государь, эффектно сказалъ князь, вскидывая лукавый взоръ на своего друга, который стоялъ, прислонясь затылкомъ къ стѣнѣ, ни живъ, ни мертвъ.

Минуту длилось молчаніе съ обѣихъ сторонъ. Князь грузно ходилъ по залу, а другъ его все тамъ же стоялъ, понурый и угрюмый.

— Да, ты правъ, Валеріанъ! — сказалъ онъ, наконецъ, выступая на средину зала,—ты правъ тысячу разъ! Россія стоитъ надъ бездной и... Онъ провелъ ладонью по ладони, какъ это дѣлалъ князь, и выразительнымъ жестомъ показалъ, куда и какъ она соскользнетъ.

— Но у насъ-то, у насъ-то что дѣлается теперь!—перемѣняя тему, началъ опять князь Валеріанъ.

Другъ его, повидимому, недоумѣвалъ, о комъ и о чемъ идетъ рѣчь. Онъ насупилъ брови, насторожилъ уши и уставился на князя.

— Въ корпусахъ-то!!

Другъ былъ приведенъ еще въ большее недоумѣніе.

— Въ корпусахъ-то нашихъ пансіонахъ!—захохоталъ во всю глотку князь Валеріанъ, потрясая плечами, на которыхъ красовались свѣжіе генеральскіе эполеты.

— Ну! гуманизируютъ все капраловъ?—не безъ злорадства предложилъ свою догадку другъ.

— Да, вѣдь, какъ! До неистовства... Ринарховъ теперь все выше и выше тономъ забираетъ, а Р—въ... то бишь, Іаковъ, какъ онъ теперь подписывается и велитъ себя величать,—умиляется отъ дѣйствія патетическихъ рѣчей Ринархова на юныхъ капраловъ. Не дальше какъ третьяго дня, онъ, т. е. этотъ Ринарховъ, по поводу прочитаннаго имъ въ классѣ какого-то стихотворенія, повелъ такую храбрую атаку противъ рутинеровъ въ наукѣ, искусствѣ, администраціи и жизни, что полковникъ Недомысловъ, присутствовавшій на этой лекціи, такъ перепугался, что не могъ дослушать до конца трескотни вдохновеннаго лектора и ушелъ съ тѣмъ, чтобы сейчасъ же отправиться къ Р—ву и откровенно доложить ему о своемъ впечатлѣніи.

— Ну!—торопилъ другъ князя, съ напряженнымъ вниманіемъ все время слушавшій, впившись ему въ глаза и далеко оттопыривъ свои губы.

— И представь же себѣ, что его же, т. е. этого полковника, такъ честно исполнившаго свой долгъ, Р—въ и распекъ, да еще ка-а-къ!

У друга сорвались какіе-то неопредѣленные звуки удивленія, на его угрюмомъ, суровомъ лицѣ задвигались мускулы, онъ втянулъ оттопыренныя губы и крѣпко ихъ сжалъ.

— Такъ распекъ, говоритъ полковникъ, что хоть въ отставку выходи.

— Брр! — выразилъ другъ отвращеніе, покачавъ головой.

— Сначала, онъ, т. е. Р—въ, усадилъ меня противъ себя, говоритъ полковникъ, и не только внимательно выслушивалъ мой докладъ, но даже кое-что переспрашивалъ по нѣсколько разъ, а потомъ вдругъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ: „да вы оставьте, полковникъ, свои сужденія, а передайте все то, что говорилъ Ринарховъ, и, по возможности, въ его выраженіяхъ. Это, говоритъ полковникъ, мнѣ тѣмъ удобнѣе было сдѣлать, что я много выраженій успѣлъ черкнуть въ своей записной книжечкѣ. Только-что я кончилъ, говоритъ полковникъ, какъ Р—въ быстро всталъ, подошелъ ко мнѣ и какъ-то странно спросилъ: „Все-съ?“ „Все-говорю, ваше пр—ство“. „И больше ничего-съ?“ „Ничего, говорю, ваще пр—ство“. „Такъ, вы, полковникъ, не вмѣшивайтесь въ эти дѣла больше никогда, потому что вы тутъ ровно ничего не понимаете. Ринарховъ, какъ я вижу изъ всего, что вы тутъ передали мнѣ, говорилъ очень умно, и я сочту долгомъ поблагодарить его за это“...

— Брр, брр!—удивлялся другъ, свирѣпо сверкая глазами и раскачивая головой.

— Да, нѣтъ, ты дослушай!—умолялъ друга князь:—такъ, я, говоритъ, сочту долгомъ поблагодарить его за это, потому что онъ говорилъ такъ не мальчикамъ, а юношамъ выпускнаго класса, у которыхъ надо же развить человѣческій смы-ы-слъ“... Каковъ гусь!—хохоталъ съ неистовыми гримасами князь Валеріанъ, растянувъ слово смыслъ.

— Да, ты правъ, тысячу разъ правъ, князь: Россія на краю бездны стоитъ и по такой наклонной плоскости скоро скользнетъ туда!—мрачно указалъ другъ на паркетный полъ.

Р—въ былъ бѣльмомъ на глазу для людей ультра-консервативнаго или, скорѣе, ретроградnаго образа мыслей, во главѣ которыхъ стоялъ другъ князя Валеріана, попечитель учебнаго округа. Для этихъ людей весь смыслъ ихъ отношеній къ государству заключался въ излюбленномъ ими принципѣ: строгость, строгость и строгость, которой атрибутами были девизы: молчать, не разсуждать, не смѣть думать!

Р—ъ, какъ второстепенный опекатель военныхъ юнцовъ, подъ вліяніемъ добросердечнѣйшаго главнаго своего начальника, воспитаннаго гуманнымъ поэтомъ, вовсе строгости не отвергалъ, какъ утверждали подкапывавшіеся подъ него враги, но требовалъ, чтобы она была разумная, справедливая, а относительно тѣхъ атрибутовъ ея такъ иронизировалъ: молчать—безсмысленно, разсуждать—слѣдуетъ, а не думать—и нельзя. За это онъ прослылъ чуть не якобинцемъ въ кружкахъ лицемѣрныхъ или тупоумныхъ патріотовъ. Онъ спра-

ведливо разсуждалъ, что солдатъ-машина, а тѣмъ болѣе офицеръ-машина составляютъ только „пушечное“ мясо, конечно, матеріалъ тоже нужный, но этотъ матеріалъ несравненно можетъ быть цѣннѣе, если онъ будетъ воодушевленъ живою мыслью. Въ силу такого взгляда на вещи, онъ сразу и сильно полюбилъ Ринархова за то, что тотъ всячески старался пробудить (хотя уже и поздненько) въ питомцахъ старшихъ классовъ любовь къ высшему умственному и нравственному развитію, пользовался всѣми случаями, чтобы выяснить молодымъ людямъ желательные идеалы русскихъ дѣятелей, смѣлымъ словомъ казнилъ все низкое, безчестное и безнравственное и достигъ того, что успѣлъ расшевелить не мало молодыхъ силъ, устремившихся къ свѣту. Ринарховъ (Веденскій?) былъ очень талантливая личность, и настоящее ему мѣсто было бы не въ корпусахъ, а на каѳедрѣ университетской, которой онъ и попробовалъ было искать. Но, увы! репутація либеральнаго преподавателя въ корпусахъ все ему испортила. Ни блистательно выдержанный имъ экзаменъ на магистра, ни серьезная и умная диссертація, представленная имъ на эту степень, не подкупили ни одного голоса въ его пользу. Каѳедра досталась другому конкурренту. Ни для кого не было тайной, что здѣсь оказалось давленіе со стороны попечителя, который заранѣе еще объявилъ, что „будь Ринарховъ семи пядей во лбу и снимай звѣзды съ неба“, онъ не можетъ быть принятъ въ университетъ за свой либеральный образъ мыслей.

— Представь себѣ,—говорилъ онъ своему другу, князю Валеріану Ивановичу,—что вольнодумецъ Ринарховъ, ничтоже сумняшеся, затѣялъ получить каѳедру въ нашемъ университетѣ! Каковъ? А!

— Ну, и что же?—любопытствовалъ князь.

— Конечно, грибъ съѣлъ. Могъ ли я допустить такую язву въ университетъ, развращать ввѣренное моему попеченію юношество!

А юношество, между тѣмъ, дѣйствительно, развращалось именно тѣми самыми мѣрами, которыя тогда во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ принимались для предохраненія, якобы, молодыхъ людей отъ всякой нравственной порчи. И прежде въ рѣдкомъ учебномъ заведеніи раздавалось съ каѳедры живое слово, такъ магически дѣйствующее на молодые умы, а теперь хоть шаромъ покати: мертво, пусто, до тоски скучно. Ни убѣжденности, ни силы знанія, ни вѣры въ могущество научнаго свѣта—все наповалъ убито педантскимъ формализмомъ! Что же оставалось дѣлать юношамъ? Тѣ, которые чувствовали потребность серьезнаго образованія, въ большинствѣ случаевъ, пренебрегали мертвящимъ университетскимъ преподаваніемъ, состоявшимъ въ переливаніи изъ пустаго въ порожнее, и очень усердно развивались по собственнымъ программамъ, въ которыя входило непре-

мѣнно и самое широкое знакомство со всѣми идеями запада. Все можно достать, была бы только охота, а тутъ ужъ не только охота, а великій интересъ ко всему запрещенному пробудился въ душѣ молодыхъ любознательныхъ людей, какъ скоро они увидѣли, что науку урѣзаютъ, съ цѣлью предохранить ихъ отъ чего-то опаснаго, и урѣзаютъ люди, ни въ смыслъ, ни въ честность которыхъ проницательная молодежь не имѣла ни малѣйшаго основанія вѣрить. Это были молодые люди, искавшіе только свѣта и собственными усиліями выработавшіе изъ себя честныхъ и разумныхъ дѣятелей. Но такихъ было сравнительно мало. Большинство же состояло изъ шалопаевъ, поступившихъ въ высшее учебное заведеніе ради диплома, которые никакихъ научныхъ стремленій никогда не имѣли и даже просто не любили науки, а теперь, какъ увидѣли, что она и у начальства не въ большомъ авантажѣ, только въ томъ и изощрялись, какъ бы обманнымъ способомъ переходить изъ курса въ курсъ, въ чемъ, конечно, и успѣвали, да еще такъ, что выходили со степенью кандидата, признавъ кого-нибудь написать диссертацію, по недостатку своихъ знаній и полной грамотности. Вотъ изъ этихъ-то и получились на всѣхъ поприщахъ Фамусовы, Молчалины и Скалозубы. Вскорѣ послѣдовавшая Крымская война, утвердившая за Россіей названіе колосса на глиняныхъ ножкахъ, воочію показала всѣмъ, кто былъ болѣе правъ—тотъ ли, который старался утвердить такую схему правительственныхъ мѣропріятій, какъ: молчать, не разсуждать, не смѣть думать! или тотъ, кто скромно, но съ очевиднымъ здравымъ смысломъ осмѣлился противопоставить этимъ афоризмамъ свои: молчать—безсмысленно; разсуждать—слѣдуетъ; а не думать—нельзя.

(Конецъ 2-й части).

Записки стараго актера.

VI[1]).

Мнѣ могутъ сдѣлать упрекъ въ нѣкоторой, кажущейся непослѣдовательности, по поводу моего опредѣленія Верстовскаго, какъ художника, глубоко понимавшаго искусство, когда именно при его управленіи и процвѣтали эти дикіе сценическіе пріемы. Повторяю, онъ дѣйствительно былъ художникъ, но художникъ со взглядами того времени, когда сами Леонидовъ и Черкасовъ были только блѣдными намеками на прошедшее (нѣкоторыхъ изъ нихъ я еще засталъ на сценѣ, хотя и на склонѣ ихъ завывательной дѣятельности). Несмотря на новаторство Мочалова, Щепкина и ихъ послѣдователей, которымъ онъ очень сочувствовалъ, все-таки, не въ силахъ былъ отрѣшиться вполнѣ отъ своихъ устарѣлыхъ взглядовъ на искусство и особенно на исполненіе трагедіи; доказательствомъ чего служитъ написанная имъ музыкальная баллада для роли Офеліи въ „Гамлетѣ“, гдѣ для безумной, милой, скромной, симпатичной дѣвушки, выражающей свое горе въ какихъ-то болѣзненныхъ, тихихъ, несвязныхъ звукахъ, едва напоминающихъ пѣніе, онъ сочинилъ цѣлую балладу, дѣйствительно прелестную, музыкальную, но, несмотря на эти достоинства, пѣніе не вяжется съ положеніемъ дѣйствующаго лица и производитъ разладъ съ художественнымъ изображеніемъ Офеліи—Шекспиромъ.

Насколько Верстовскій сочувствовалъ иногда ложнымъ выходкамъ актеровъ, нерѣдко просто смѣшнымъ, можно судить по слѣдующему случаю. Трагикъ Полтавцевъ обладалъ очень не дурнымъ баритo-

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1905 г.

номъ, конечно, въ смыслѣ домашняго обихода, но онъ возмечталъ, что такой голосъ есть цѣнность, и вотъ въ свой бенефисъ надумалъ спѣть въ антрактѣ романсъ на слова Пушкина „Черная шаль". Занавѣсъ поднятъ, декорація представляетъ залъ, какъ будто Мавританскій. На аванъ-сценѣ стоитъ оттоманка, мало похожая на настоящую, на ней полулежалъ трагикъ Полтавцевъ съ печальнымъ и мрачнымъ видомъ, въ костюмѣ грека, въ шитой фескѣ съ золотой кистью, рядомъ на табуреткѣ лежитъ немного свѣсившись злополучная черная шаль. Ритурнель въ оркестрѣ, и...

„Гляжу я безмолвно на черную шаль". И такъ далѣе, съ чувствомъ, толкомъ и вычурной разстановкой. Мы вѣдь въ то время были очень невзыскательны. Съ выходками подобнаго рода сильно приходилось бороться Щепкину (другіе не вступались или, какъ П. М. Садовскій, только посмѣивался и, не стѣсняясь, громко твердилъ: „вотъ болваны-то!"), но тутъ была выходка музыкальная, значитъ, на ея сторонѣ самъ Верстовскій, а съ нимъ борьба въ такихъ случаяхъ не по силамъ даже и Щепкину, хотя онъ никогда не стѣснялся высказывать правду. За весь длинный періодъ моей службы въ Маломъ театрѣ, мнѣ ни разу не пришлось замѣтить, чтобы Щепкинъ говорилъ о комъ-нибудь дурно заглаза, но всегда высказывалъ прямо, открыто правду всякому, за что былъ не любимъ многими. Слѣдуетъ отмѣтить еще одну черту его характера: собой, своимъ исполненіемъ ролей онъ никогда не былъ доволенъ, чему яснымъ доказательствомъ служило то, что сколько бы разъ ни игралъ роль, онъ никогда не прекращалъ заниматься ею и всегда находилъ все новыя и новыя черты, которыя раньше были имъ не замѣчены.

Его неустанная работа, въ изученіи человѣческихъ страстей, во всѣхъ ихъ проявленіяхъ, не прекращалась до послѣднихъ дней его поучительной для насъ жизни.

И такъ шагъ за шагомъ двигалось драматическое искусство къ намѣченной имъ цѣли; старые пріемы отступали все дальше и дальше, и на смѣну ихъ явились актеры-художники съ новымъ направленіемъ, выражавшимся въ простотѣ, правдѣ, искренности, которыя прогрессируютъ и до настоящаго времени. Казалось, этотъ пріемъ и есть самый желанный для осуществленія идеи — нравственнаго воздѣйствія на толпу, идеи, такъ удачно вылившейся и воплотившейся въ сценической формѣ. На сценѣ все стало просто, ясно, свѣтло. Мысли, выраженныя авторомъ, въ передачѣ талантливыхъ актеровъ и актрисъ, научали многому, соединяли разнообразную толпу по уму, по взглядамъ, воспитанію, положенію въ свѣтѣ зрителей въ одно цѣлое, въ одну компактную массу, воспринимающую и чувствующую одинаково. Отсюда начала сродства, духовнаго единенія.

Авторы и актеры будили мысли, поднимали нервы, заставляли работать психику. И на здоровой реальной почвѣ каждый изъ зрителей по-своему производилъ анализъ высказанныхъ авторомъ наблюденій надъ жизнью. Значитъ, путь найденъ.

VII.

Когда не стало желѣзной руки Верстовскаго, все, что таилось подъ-спудомъ и не смѣло проявляться при немъ, теперь выплыло на поверхность; всюду и вездѣ стало развиваться низкопоклонничество, прислужничество и иные признаки бывшаго рабства. Н. М. Никифоровъ объ этомъ времени отзывался такъ: „Мы, дружокъ мой, проходимъ теперь школу бѣдствій“. Правда, школа Верстовскаго и его предшественниковъ оставила глубокій слѣдъ даже въ отношеніяхъ актеровъ между собой; небрезгливые пролѣзали повсюду, опираясь на неразборчивыхъ покровителей. Явилось наушничество, клевета, когда инымъ способомъ нельзя было устранить конкуррента. Все, что поскромнѣе, почище, отступилось, съежилось, замерло, ушло въ себя, не желая участвовать въ общей, грубой погонѣ за ролями, деньгами и почетомъ. Образовались партіи во главѣ съ прекраснымъ поломъ. Вражда партій доходила до того, что по цѣлымъ мѣсяцамъ, ежедневно встрѣчаясь въ театрѣ, они, какъ бы, не узнавали другъ друга. Потомъ появлялись перебѣжчики изъ одной въ другую, образовывались новыя, но способъ дѣйствій у всѣхъ былъ одинъ и тотъ же.

Всякій поступокъ непринадлежащаго къ партіи, какъ бы онъ ни былъ хорошъ, честенъ, непремѣнно перетолковывался въ дурную сторону; во всемъ старались видѣть неискренность, подлогъ или трусость, не желая понять, что человѣкъ не дѣйствуетъ какъ большинство, только по несочувствію ко всякимъ дрязгамъ. И никто не могъ избѣжать неожиданныхъ навѣтовъ. Да и въ самихъ партіяхъ далеко не было единства, въ каждой изъ нихъ шла своя глухая борьба. Имѣлось не мало и такихъ, которые служили и вашимъ и нашимъ, смотря по тому, что выгодно въ данную минуту.

Одно только можно сказать, что всѣ интриги, всѣ продѣлки, которыя вершились другъ противъ друга за сценой, никогда не переносились на сцену при исполненіи; какъ исключеніе, я въ своемъ мѣстѣ приведу только одинъ примѣръ, другаго подобнаго не знаю. Всѣ всегда какъ одинъ человѣкъ, друзья и враги, дружно соединялись для общей работы, хотя раньше, пока еще роли не розданы,

борьба была страшная. Кто хлопоталъ о себѣ, кто о своихъ присныхъ. И благодаря разнымъ ухищреніямъ и забѣганіямъ ни одна пьеса не могла быть роздана вполнѣ такъ, какъ бы слѣдовало, для пользы дѣла и даже для самихъ участвующихъ; но немногіе изъ нихъ желали сознавать это. Самолюбіе актера не знаетъ предѣла: у нѣкоторыхъ это ревнивое чувство буквально доходило до какого-то болѣзненнаго состоянія. Одни скромно высказывались о бездарности завѣдомо-талантливаго товарища, безъ разбора, будь то мужчина или женщина: разъ субъектъ талантливъ, для такихъ болѣзненно-настроенныхъ онъ все равно — врагъ. Другіе, пользуясь рѣдкой популярностью въ публикѣ, безапелляціонно порицали все и всѣхъ, не находя ни въ комъ и тѣни дарованія. Такихъ лицъ я привожу какъ исключенія и по таланту, и по упорству вообще.

Но дѣлать изъ этого выводъ, что они не заботились объ ансамблѣ обставляемыхъ пьесъ, тоже нельзя: при раздачѣ ролей это было ихъ серьезной заботой, и между инспекторомъ репертуара или авторомъ всегда шли большія пререканія. Но даже сами авторы въ рѣдкихъ случаяхъ оставались побѣдителями, и имъ приходилось отступаться отъ своихъ первоначальныхъ назначеній, потому что какой-нибудь премьеръ или премьерша, которыми авторъ дорожилъ больше всего, категорически заявляли, что участвовать въ пьесѣ отказываются, если роли не будутъ отданы тѣмъ, кого желаютъ они, отлично понимая, что авторъ не захочетъ ихъ отсутствія въ своей пьесѣ и сдѣлаетъ имъ угодное. Несмотря на видимую рознь, эту семейную распрю актеровъ между собой, которая сопровождалась многими недостойными дѣйствіями, не останавливаясь даже передъ клеветой и доносами, (я бы могъ фактически подтвердить такіе случаи), стоило только появиться новому таланту съ провинціальной сцены, какъ домашняя вражда прекращалась сразу и вся плеяда враждующихъ быстро сплачивалась въ одно цѣлое, враждебное только пришельцу. Конечно, если этотъ пришелецъ извѣстный талантъ и долженъ занять мѣсто на-ряду съ премьерами. Тутъ все сплотившееся уже не останавливалось ни передъ какими преградами, лишь бы не допустить его до поступленія въ труппу. Такихъ примѣровъ было много: колоссальная провинціальная знаменитость, трагикъ Николай Хрисанфовичъ Рыбаковъ (отецъ нынѣшняго талантливѣйшаго актера малаго театра К. Н. Рыбакова), дебютировалъ въ Маломъ театрѣ всего одинъ разъ, имѣлъ огромный успѣхъ, о его дебютѣ заговорила вся Москва, всѣ съ нетерпѣніемъ ждали втораго дебюта. Но и этотъ Голіаѳъ палъ передъ массой завистниковъ и удалился опять въ провинцію; а на предложеніе директора втораго дебюта и службы на казенной сценѣ отвѣтилъ: „благодарю, довольно!.. я валандаться не привыкъ и служить

у васъ не желаю". Актеръ Милославскій, тоже знаменитость, дебютировалъ одинъ разъ, имѣлъ большой успѣхъ, но самъ, какъ опытный, испытанный боецъ по части закулисныхъ интригъ, увидѣлъ ясно, что если онъ поступитъ на службу, то оправдается на дѣлѣ извѣстная поговорка: „нашла коса на камень", а потому счелъ за лучшее возвратиться въ провинцію, гдѣ по закулисной работѣ ему равныхъ не находилось.

VIII.

Между тѣмъ въ это время происходило какое-то странное движеніе во всемъ московскомъ управленіи театрами. Все среднее начальство, инспекторъ репертуара Пороховщиковъ, инспекторъ школы Оберъ, чиновникъ особыхъ порученій Пельтъ, смотритель за сборами Талызинъ и другіе (Пельтъ въ концѣ службы Верстовскаго мечталъ получить мѣсто инспектора репертуара), всѣ волновались, бѣгали, какъ въ разоренномъ муравейникѣ, каждый тая въ глубинѣ души сладостную надежду быть замѣстителемъ управляющаго конторой; каждый ждалъ благопріятныхъ извѣстій изъ Петербурга, гдѣ имѣлись у нихъ свои ходатаи.

Но вдругъ, неожиданно для всѣхъ, какъ съ неба свалился замѣститель какой-то Арбузовъ, и грезы исчезли, какъ пріятный сонъ. Всѣ, въ глубокой печали, тихо усѣлись опять по своимъ мѣстамъ, кромѣ Пороховщикова, который не перенесъ потери, вышелъ въ отставку и занялся исключительно своими лошадьми и каретами. Мечты Пельта отчасти сбылись, онъ занялъ мѣсто Пороховщикова, т. е. инспектора репертуара.

Но какое счастье для всѣхъ чаявшихъ аппетитнаго мѣста!.. Арбузовъ, какъ метеоръ, налетѣлъ, покружился временно и исчезъ, не оставя даже и слѣда.

И снова загорѣлись страсти, закипѣла борьба конкуррентовъ. Къ счастью, эта борьба на дѣла театра не имѣла никакого вліянія, кромѣ развѣ нѣсколькихъ мелкихъ и довольно странныхъ распоряженій, исходившихъ то отъ того, то отъ другаго изъ борцовъ, нерѣдко противорѣчившихъ одно другому. Наконецъ, побѣда ясно стала клониться на сторону новаго инспектора репертуара Пельта. Хотя оффиціальнаго назначенія еще не послѣдовало, но всѣ дальнѣйшія распоряженія начали исходить исключительно отъ него. Въ школѣ былъ преподавателемъ драматическаго искусства режиссеръ Соловьевъ. Пельтъ за-

мѣнилъ его талантливымъ актеромъ Дмитревскимъ. Это былъ человѣкъ необыкновенно тихій, скромный, избѣгавшій всякихъ партій и интригъ, а съ такими качествами невозможно было занять должнаго положенія въ трупѣ даже такому рѣдкому таланту, какъ онъ. Впрочемъ, въ то жестокое время такихъ примѣровъ было много.

Только съ поступленіемъ къ намъ новыхъ, свободныхъ дѣятелей съ провинціальныхъ сценъ, такія явленія стали быстро исчезать и за послѣднія двѣнадцать, пятнадцать лѣтъ исчезли совсѣмъ, несмотря на то, что они все-таки были очень стѣснены порядками, существовавшими до нихъ. Считаю нужнымъ сдѣлать легкій очеркъ бывшаго, такъ называемаго: „главнаго режиссера“ Малаго театра, иначе: „режиссера по навыку“.

Трудный, тяжелый путь прошелъ онъ для достиженія такого мѣста, на которое въ сущности не имѣлъ ни малѣйшаго права. Экстерный воспитанникъ Театральной школы, онъ учился исключительно однимъ танцамъ. Его товарищи, сознавая громадный пробѣлъ въ воспитаніи, получаемомъ въ школѣ, спѣшили заполнить его всѣми зависящими отъ нихъ средствами. Изъ всѣхъ только трое избрали практическій путь, въ томъ числѣ и онъ. Они поступили на побѣгушки къ режиссерамъ въ разныя труппы; ему досталась драматическая. Съ 13—14 лѣтъ онъ началъ исполнять эту капельдинерскую должность. Смѣнялись управляющіе конторой, инспекторы репертуара, режиссеры, ихъ помощники, поступали новые, иногда съ дикими требованіями и поступками возмутительными, касавшимися лично его, онъ терпѣлъ и умѣлъ уживаться и примѣняться ко всѣмъ. Никакія оскорбленія не вызывали въ немъ видимаго протеста. По 17-му году, по правиламъ того времени, всѣ ученики опредѣлялись на службу и получали опредѣленное жалованье. Но поступали только въ балетную труппу, за весьма рѣдкими исключеніями въ другія, таковъ былъ порядокъ для всѣхъ, не исключая даже воспитанницъ школы.

Но режиссеры Акимовъ и Соловьевъ просили Пороховщикова (инспекторъ репертуара) не занимать его въ балетахъ, а, какъ расторопнаго парня, оставить при нихъ для тѣхъ же побѣгушекъ. Разумѣется при такой адской работѣ, которую онъ несъ, нельзя было и думать о какомъ-либо самообразованіи. Да онъ и до конца жизни не домогался этого.

И такъ шли годы и всякая книга, которая не была театральной пьесой, была чужда и непонятна ему. За болѣзнью сценаріуса Пономарева (впослѣдствіи режиссеръ) онъ иногда замѣнялъ его. И такъ понемножку, да по-маленьку, сдѣлался и сценаріусомъ. Слишкомъ двадцать лѣтъ тянулъ онъ тяжелую лямку, за всякую оплошность, несвоевременный выпускъ на сцену актера получалъ брань,

и все это сносилъ покорно, терпѣливо, подобострастно прося простить.

Наконецъ, за смертью режиссера Богданова, замѣнившаго уволеннаго Пономарева, онъ тихо, мягко проползъ и въ режиссеры, увѣряя, что будетъ самымъ покорнѣйшимъ слугой всѣхъ. Сначала былъ очень тихій, скромный, услужливый, заискивающій у всѣхъ и каждаго, потомъ съ каждымъ годомъ все больше сталъ проявлять несимпатичныя черты своего характера. Прекрасно уживался со всѣми начальниками, выказывалъ передъ ними скромность, угодливость, между тѣмъ въ трупѣ дѣлался для мелкихъ и непокорныхъ ему — бичемъ, всюду проявляя свои диктаторскія склонности, поучая творчеству въ искусствѣ и требуя отъ многихъ точнаго исполненія своихъ, иногда крайне невѣжественныхъ, указаній.

Развивая свои диктаторскіе инстинкты, онъ укрѣпился на мѣстѣ все тверже и тверже и дошелъ до того, что даже первые дѣятели сцены стали его побаиваться не на шутку. Его тайные и неожиданные подкопы, доносы, клеветы могли повредить каждому, чему не мало было и примѣровъ. Превосходная, талантливая актриса Н. В. Рыкалова, благодаря его происканъ и клеветамъ, принуждена была оставить сцену, не дослуживъ какихъ-то двухъ лѣтъ до 50-ти-лѣтняго своего юбилея. Его бывшій помощникъ, А. М. Кондратьевъ, за безтрепетность и непоклоненіе его особѣ, едва не потерялъ службы.

Даже такая артистка, какъ Г. Н. Ѳедотова, отъ его происковъ должна была просить заступничества министра, а иначе и этому „перлу“ нашей сцены грозилъ уходъ изъ роднаго гнѣзда.

Въ заключеніе скажу, это былъ настолько озлобленный человѣкъ, что даже мстилъ дѣтямъ-сиротамъ за несочувствіе къ нему ихъ умершаго отца.

Управленіе Пельта въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ было какъбы продолженіемъ тѣхъ же порядковъ, какъ и при его предшественникѣ. Разница только въ томъ, что первый всесторонне понималъ все касающееся театра, а Пельтъ въ этомъ отношеніи былъ бѣденъ, какъ Іовъ. Главное, что особенно серьезно заботило его, это отношенія къ нему всѣхъ служащихъ; за этимъ онъ тщательно слѣдилъ: есть ли у служащаго должный трепетъ къ нему, всталъ ли подчиненный, когда онъ, хоть вдалекѣ, проходилъ мимо, если всталъ, то когда сѣлъ опять, во-время ли.

Онъ не разбиралъ, кто это былъ, мужчина, дѣвушка или почтенная женщина. Если же, по его понятію, это сдѣлано несвоевременно, то онъ возвращался къ нарушителю дисциплины и вразумительно дѣлалъ замѣчаніе: „что снова садиться можно тогда, когда онъ совсѣмъ скроется, а вы сѣли, когда я еще былъ близко; надо всегда ждать“.

Конечно, такимъ внушеніямъ подвергались исключительно тѣ, отъ которыхъ онъ не ждалъ отпора, или такіе, которые разсчитывали посредствомъ подобострастія и угодничества расположить къ себѣ сердце добраго начальника и получить искомое. И дѣйствительно, нерѣдко достигали многаго. Полемъ же такихъ пріятныхъ экскурсій для удовлетворенія этой странной потребности служили главнымъ образомъ балетъ и опера, т. е. вѣрнѣе—хоръ. Тутъ онъ былъ полнымъ властелиномъ и буквально замиралъ отъ счастья, видя вокругъ себя общую глубокую покорность.

Но увы!... это было пріятное, но кратковременное наслажденіе. Неожиданно послѣдовало новое назначеніе, да не управляющаго конторой, какъ было раньше, а прямо управляющаго театрами, съ правами вице-директора, а власть Пельта ограничивалась одной конторой, и то подъ контролемъ новаго вице-директора Леонида Ѳедоровича Львова. И вотъ, изъ огромнаго количества подобострастныхъ и трепетныхъ подчиненныхъ у всевластнаго Пельта остались только конторскіе писцы и капельдинеры, а это, разумѣется, было очень больно для любителя трепета и поклоненія, тѣмъ болѣе, что мечта цѣлой жизни, тяжелая борьба, вынесенная за обладаніе властью—осуществилась; онъ вкусилъ, почувствовалъ всю ея прелесть, и вдругъ пришлось уступить эту власть другому, а самому заключаться въ контору, какъ въ орѣховую скорлупку.

IX.

По своей любви къ искусству и пониманію всѣхъ его тонкостей, Львовъ напоминалъ Верстовскаго, но съ новыми, современными воззрѣніями и совершенно иными взглядами и требованіями отъ подчиненныхъ, чѣмъ требованія Верстовскаго и особенно Пельта.

По характеру мягкій, увлекающійся, довѣрчивый, чѣмъ на первыхъ порахъ и не преминули воспользоваться ловкіе люди,—подъ видомъ заботы о благѣ искусства они сумѣли все устроить такъ, какъ было выгодно лично имъ. Спасибо за то, что не помѣшали этому энергичному дѣятелю создать то, что онъ создалъ въ короткій срокъ своей службы для театра и искусства вообще.

Говоря правду, эти навязавшіеся помощники шумѣли много, бросались, метались и, пожалуй, нѣкоторую пользу и оказали, но смѣю думать, что и безъ ихъ шумливаго участья Львовъ сдѣлалъ бы то же самое.

Но были и нешумливые помощники, которые только охали и необыкновенно жалобно вздыхали, какъ инспекторъ репертуара князь Кугушевъ, очень милый, добрый, необычайно нѣжный, изъ аристократическаго общества, особенно замѣчательный тѣмъ, что всегда, при всякомъ удобномъ случаѣ, своимъ тоненькимъ, нѣжнымъ и въ то же время—жирнымъ голоскомъ, жаловался на то, что совсѣмъ стало нельзя ѣздить въ Малый театръ: „на сценѣ только и видишь—одни русскія пьесы, зипуны, и зипуны заполонили все. Согласитесь, вѣдь это ужасно!“ Онъ былъ ярый западникъ.

За два года службы, только и заслужилъ названіе: „пуховой перины“, и онъ дѣйствительно всей своей мягкой фигурой очень напоминалъ перину.

Новый вице-директоръ, представившись всѣмъ трушамъ, черезъ нѣсколько дней явился въ Театральную школу, желая узнать, чѣмъ занимаются воспитанницы, какъ идутъ занятія. Очень любезно бесѣдовалъ со всѣми, просилъ сыграть на фортепьянахъ, и когда одна изъ воспитанницъ сыграла, онъ остался очень доволенъ (воспитанница училась дома, до поступленія въ школу). Потомъ просилъ спѣть что-нибудь хоромъ, но оказалось, что хоровому пѣнію ихъ не учили. Впрочемъ, одна изъ воспитанницъ спѣла по его просьбѣ какой-то романсъ.

И все бы кончилось благополучно, если бы ему не вздумалось спросить и объ ихъ научныхъ знаніяхъ.

Вотъ тутъ онъ былъ совсѣмъ озадаченъ и возмущенъ страшно. Крайне недовольный, уѣхалъ, простясь только съ воспитанницами.

Вечеромъ, въ Маломъ театрѣ, въ кругу старыхъ заслуженныхъ актеровъ, онъ, не стѣсняясь, выражалъ свое неудовольствіе по адресу инспектора школы, начальницы, надзирательницы, учителей, рѣзко порицая всѣхъ за такое невниманіе къ молодежи: „такъ вести дѣло невозможно!... помилуйте, вѣдь тамъ растутъ будущія актрисы!“...

Такъ какъ изъ всѣхъ актеровъ пользовался его особымъ расположеніемъ И. В. Самаринъ, то онъ и былъ приглашенъ къ нему обсудить, какъ поправить дѣло. Черезъ нѣсколько дней всѣ узнали, что учителемъ драматическаго класса назначенъ Самаринъ, съ содержаніемъ въ тысячу рублей въ годъ. (Дмитревскій получалъ триста). Вмѣстѣ съ тѣмъ были приглашены почти всѣ новые учителя: словесности—Басистовъ, исторіи и географіи—Толстопятовъ, ариѳметики—Кудрявцевъ, и такъ далѣе—во всемъ полная перемѣна; пѣніе м-мъ Лабортъ, хоровое пѣніе—Осбергъ, классныя дамы съ необыкновеннымъ французскимъ языкомъ тоже были удалены, но, къ несчастью, по чьей-то странной рекомендаціи, взяты были двѣ классныя дамы, институтки, прекрасно говорящія и хорошо знающія французскій языкъ;

одна изъ нихъ, кромѣ того играла на фортепьянахъ такъ, что хоть концерты давай, но обѣ, такъ называемыя „передовыя женщины“, шестидесятницы. Это, конечно, не бѣда, если бы онѣ не были изъ тѣхъ, которыхъ главная основа, казовый конецъ культурности—извѣстные атрибуты, до нечесанной головы и траурныхъ ногтей—включительно. Отсюда, разумѣется, все шло и далѣе, до сообщенія несвойственныхъ дѣтямъ взглядовъ на жизнь и девизъ: „говорить со всѣми и о всемъ, не стѣсняясь никакими выраженіями“. Все это, конечно, тщательно было скрыто отъ преобразователя школы, и, къ несчастью, открытіе истины немного запоздало.

Мы, сравнительно молодые актеры того времени, еще далеко до поступленія Львова, по предложенію прежняго начальства, изъявили согласіе участвовать въ школьныхъ спектакляхъ съ воспитанницами.

Теперь, съ поступленіемъ Самарина, съ грустью оставляли своего дорогаго товарища-учителя Дмитревскаго. Кромѣ того еще многое смущало насъ въ этой перемѣнѣ. Я говорилъ уже объ отношеніяхъ старшихъ актеровъ къ младшимъ. Но тамъ, на службѣ, въ театрѣ, мы могли и даже старались по возможности избѣгать съ ними какихъ бы то ни было частныхъ разговоровъ и, несмотря ни на что, все-таки чувствовали себя хорошо, а странность отношеній не безпокоила насъ: мы привыкли къ ней и извиняли имъ.

Но теперь, какъ-ни-какъ, а мы становились какъ-бы учениками. Конечно, мы прекрасно знали Ивана Васильевича Самарина, какъ превосходнѣйшаго актера, а что онъ за человѣкъ и каковъ-то будетъ теперь, получивъ полную, неограниченную власть надъ школой, значитъ, отчасти и надъ нами?

Всѣ мы съ рѣдкимъ усердіемъ подъ руководствомъ такого хорошаго товарища-учителя, какъ Дмитревскій, работали на полной свободѣ, пользуясь его дружескими совѣтами, а теперь? Этотъ вопросъ всѣхъ насъ очень смущалъ. Хотѣлось продолжать заниматься, учиться, да мы и привыкли къ этому еще со временъ Щепкина и Соловьева, бывши тогда только подростками, а теперь неизвѣстность отбивала охоту.

Но вотъ въ Малый театръ является Львовъ, призываетъ всѣхъ молодыхъ актеровъ и держитъ рѣчь. Говоритъ просто, мягко, сердечно и проситъ насъ не покидать школы.

— Господа, васъ я буду просить помочь мнѣ въ моей заботѣ о благѣ школы. Я бы, конечно, могъ назначить участвовать въ школьныхъ спектакляхъ экстерныхъ воспитанниковъ, но согласитесь, господа, что будетъ гораздо полезнѣе для дѣла, когда съ неопытными воспитанницами будете участвовать вы, опытные актеры, чѣмъ, конечно, принесете большую пользу нашему общему дѣлу. Вѣрьте, господа, что если вы поможете мнѣ, я самъ не останусь у васъ въ долгу

и постараюсь послужить вамъ. Мой выборъ учителя, какъ вамъ извѣстно, палъ на вашего старшаго товарища Ивана Васильевича Самарина. Повѣрьте, онъ не будетъ относиться къ вамъ, какъ къ ученикамъ, а какъ къ своимъ помощникамъ-товарищамъ.

Мы были въ восторгѣ и изъявили полное согласіе. М. С. Щепкинъ, присутствовавшій при этой рѣчи и какъ старый нашъ учитель, не преминулъ уронить нѣсколько горячихъ слезъ: онъ, вообще, плакалъ при каждомъ подходящемъ и даже неподходящемъ случаѣ".— „такъ, Такъ, ребятки, это и для васъ самихъ будетъ большая подмога въ дѣлѣ".

Его всѣ осуждали за эти постоянныя слезы, видя въ этомъ простое притворство, и смѣялись надъ нимъ, но они не хотѣли понять того, что это былъ человѣкъ сердца и страшно впечатлительный, нервный. Одинъ разъ, придя въ театръ на репетицію пѣшкомъ, что дѣлалъ очень часто, онъ заливался слезами и долго не могъ проговорить въ чемъ дѣло. Дѣло же было въ томъ, что на улицѣ увидалъ драку двухъ мужиковъ, и, послѣ добрыхъ тумаковъ, данныхъ другъ другу, они остановились, разсказывалъ онъ, заливаясь слезами, долго смотрѣли другъ на друга, полами кафтановъ отирая потныя лица, потомъ сошлись, молча поцѣловались и пошли вмѣстѣ, о чемъ-то дружески разговаривая. Это его тронуло до глубины души.

При первой встрѣчѣ съ нами въ школѣ, новый учитель былъ просто неузнаваемъ. Крѣпко пожалъ всѣмъ руки, какъ самый закадычный пріятель.

X.

И. В. Самаринъ вступилъ въ школу при самыхъ счастливыхъ условіяхъ, именно въ то время, когда тамъ находилось столько талантливыхъ воспитанницъ. Самыя сильныя изъ нихъ, которыхъ невозможно было не замѣтить даже неопытному наблюдателю, это: Гликерія Николаевна Познякова (нынѣ Ѳедотова) и Надежда Алексѣевна Никулина. О нихъ говорить не буду, эти два „перла" русской сцены извѣстны не только Москвѣ, но и всей Россіи, а перехожу къ характеристикѣ самого Ивана Васильевича.

Это былъ человѣкъ увлекающійся, со странными, непонятными взглядами и упрямыми предубѣжденіями.

Наткнувшись сразу на эти два дивные брилліанта, онъ почему-то не обратилъ почти никакого вниманія на другихъ, завѣдомо очень

даровитыхъ воспитанницъ, а пустился отыскивать гдѣ-то что-то, когда въ этомъ не было ни малѣйшей надобности.

Вдругъ нѣкая Миронова, маленькая, худенькая, чрезвычайно некрасивая дѣвочка-подростокъ неизвѣстно почему привлекла его особенное вниманіе, хотя для всѣхъ насъ было ясно, какъ Божій день, что это полная бездарность, въ чемъ онъ впослѣдствіи и самъ убѣдился, но теперь въ странномъ увлеченіи находилъ въ ней огромный талантъ. Ставилъ для нея цѣлыя пьесы, посвящалъ ей исключительно всѣ свободные вечера, упрямо желая доказать всѣмъ, что онъ ошибаться не можетъ. Но результатъ послѣ долгой возни оказался печальнымъ, „талантъ“ не проявилъ и признака жизни.

Я привелъ только одинъ примѣръ его увлеченій, а ихъ было множество. Впослѣдствіи я, несмотря на разность нашихъ лѣтъ, подружился съ нимъ, служа въ консерваторіи, гдѣ еще болѣе убѣдился въ странности его увлеченій и цѣломъ рядѣ непростительныхъ ошибокъ.

Его пріятель, незабвенный Николай Христофоровичъ Кетчеръ, (переводчикъ Шекспира), постоянно указывалъ ему на эти промахи но его увлеченія не знали мѣры. Такому авторитету, какимъ былъ Кетчеръ, онъ, конечно, вѣрилъ, преклонялся, но увлеченія и ошибки продолжались.

Точно такая же неразборчивость или, вѣрнѣе, упрямство было и въ обратную сторону. Онъ могъ свободно, съ легкимъ сердцемъ отрицать талантъ и видѣть въ немъ одни только недостатки; мало этого, нерѣдко приходилось слышать страшную брань и ругань, расточаемыя нещадно такому актеру или актрисѣ, которыхъ онъ самъ никогда не видалъ на сценѣ. Но стоитъ только сдѣлать возраженіе, что прежде надо видѣть, а потомъ бранить, какъ онъ прямо выходилъ изъ себя, и ужь тутъ несчастному приписывались всевозможныя преступленія, не касающіяся даже его профессіи. И всѣ эти крики, брань завершались обыкновенно тѣмъ, „что такую бездарность онъ и смотрѣть не пойдетъ“.

Но авторитетъ? О! — авторитетъ всегда имѣлъ на него неотразимое вліяніе. Случалось такъ: ведемъ съ нимъ споръ (если вы не авторитетъ, то, безъ спора, съ нимъ бесѣдовать было нельзя), положимъ, о только-что вышедшемъ новомъ произведеніи; авторъ написалъ первую вещь и имени не имѣетъ. Онъ прочелъ, и ему не понравилось то, другое, и этого вполнѣ достаточно, чтобы онъ началъ бранить все сплошь. И тутъ уже никакія убѣжденія, доводы, указаніе на идею, ничто не заставляло его признать хотя какія-нибудь достоинства. Вдругъ дверь отворяется, входитъ авторитетъ, начинаетъ тоже говорить о новомъ произведеніи, и какъ нарочно, то, что сейчасъ бра-

нилъ Иванъ Васильевичъ, хвалитъ, да еще ставитъ на видъ особенныя красоты. Ну, и конецъ, завтра, а то и въ этотъ же вечеръ, вы можете услышать его споры съ другими; и всѣ, сначала незамѣченныя имъ мѣста, и тѣ, которыя отвергалъ съ азартомъ и чуть не съ пѣной у рта, теперь восхваляетъ и даже дополняетъ картинами уже собственнаго воображенія. Но если вы вздумаете напомнить ему давешнее порицаніе какъ разъ того, что такъ неистово хвалитъ теперь, то увидите удивленное и непріязненное выраженіе лица и услышите прибавку къ каждому слову частицы съ: что-съ? когда-съ? какъ-съ? Изъ чего ясно увидите, что всякія попытки съ вашей стороны убѣдить, удержать отъ опрометчивыхъ сужденій не приведутъ ни къ чему, и слѣдующій разъ будетъ тоже.

Между тѣмъ назначеніе Самарина учителемъ, его близость къ Львову, а главное слухи о появленіи двухъ талантливыхъ воспитанницъ, совершенно помутили нашъ завистливый муравейникъ. Мужчины только шипѣли и съ саркастической, злобной улыбкой высказывали неинтересныя вещи о нелюбимомъ многими товарищѣ, тогда какъ дамамъ-покровительницамъ молодыхъ и молодящихся актрисъ, да и самимъ молодымъ, предстояла борьба, къ чему всѣ онѣ усердно готовились. А слухи все росли и росли съ каждымъ днемъ, все шире и шире распространялась вѣсть о дивныхъ талантахъ.

Самъ Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ посѣщалъ наши репетиціи и, сидя въ креслѣ рядомъ съ Самаринымъ, какъ-то замиралъ, не сводя глазъ съ исполнительницъ. И уже не плакалъ, т. е. не всхлипывалъ, какъ всегда, а тихо, капля за каплей, струились слезы по щекамъ нашего общаго учителя-патріарха. И только послѣ окончанія акта отводилъ Самарина въ сторону и что-то тихо, но энергично жестикулируя, высказывалъ ему, разражаясь уже по временамъ присущимъ ему всхлипываніемъ.

Вотъ, наконецъ, и репетиція на сценѣ Малаго театра бенефиса Самарина; идетъ драма „Ребенокъ“ П. Д. Боборыкина. Роль Вѣрочки будетъ играть воспитанница Познякова. Бенефисъ прошелъ такъ, какъ часто выражаются фельетонисты: „и старожилы не запомнятъ“.

И правда, успѣхъ ожидался всѣми, но то, что было въ этотъ чудный вечеръ, превзошло самыя смѣлыя ожиданія. Тяжело было положеніе молодыхъ и особенно среднихъ актрисъ, уже успѣвшихъ сдѣлать хорошую карьеру. Всѣ онѣ теперь ясно увидѣли, что предполагавшаяся борьба съ соперницей до дебюта оказалась невозможной. И пришлось всѣмъ, хоть и горько, а сложить оружіе и замѣнить его самымъ обыкновеннымъ нашимъ пріемомъ, т. е. поцѣлуями. Іуды не отказывались, конечно, при благопріятномъ случаѣ и подставить ножку.

А поцѣлуи недурно имѣть про запасъ, они иногда оплачивались весьма щедро.

Но если не удалось при первой дебютанткѣ пустить въ ходъ нѣкоторыя пружины, весьма дѣйствительныя въ такихъ случаяхъ, такъ нужно пустить ихъ при второй, а она по силѣ таланта равна первой. День дебюта назначенъ, и пружины были пущены. Объяснить весь ходъ какъ, чѣмъ и почему? — признаюсь, у меня не хватаетъ гражданской доблести.

Огорченіе, нанесенное всѣмъ искренно любящимъ наше дорогое дѣло, было очень велико. Скажу такъ: это былъ дебютъ не рѣдкой, дивной актрисы, какой она была и есть въ настоящее время, а такъ какой-то заурядной мелкой актриски, такъ онъ былъ обставленъ. Я даже не смѣю утверждать, точно ли это былъ дебютъ или самый обыкновенный будничный спектакль. Ни тѣни той торжественности, которую мы видѣли при первомъ дебютѣ. Я не хочу этимъ сказать, что нужна была реклама, такіе таланты, какъ Ѳедотова и Никулина, въ нихъ не нуждаются; да въ то время о рекламахъ вообще и понятія не имѣли. Бѣдняжка, она и не знала тогда, что приносится въ жертву ненасытной зависти мелкихъ интригановъ.

Впечатлѣніе, оставленное этимъ спектаклемъ, я никогда не забуду уже потому, что въ этотъ несчастный вечеръ, обожаемый мной актеръ совершилъ крайне неблаговидный поступокъ.

Названіе пьесы, назначенной для дебюта: „Картинка съ натуры". Никулина играла ее въ школѣ замѣчательно хорошо, какъ истинная художница. Но эта одна изъ самыхъ неважныхъ ея ролей, а для дебюта такого таланта можно бы взять, конечно, при желаніи сильныхъ міра, изъ ея же репертуара, играннаго ею въ школѣ, болѣе сильную пьесу.

Какъ оказалось потомъ, именно этого-то желанія и не было у сильныхъ міра.

Прежній составъ актеровъ этой комедіи такой:

Мужъ—С. В. Шумскій; жена—А. И. Колосова; деньщикъ—П. М. Садовскій. Много разъ мнѣ приходилось видѣть комедію въ этомъ составѣ, и она всегда оставляла пріятное впечатлѣніе превосходнымъ исполненіемъ. Теперь шелъ смотрѣть, а неотвязный вопросъ такъ и лѣзъ въ голову: кому понадобилось выпускать ее въ такой мало значущей пьескѣ?

Занавѣсъ поднятъ, передо мной несравненный П. М. Садовскій, такой же, какимъ я видѣлъ его всегда въ этой роли: та же глубокая правда, тотъ же неподражаемый юморъ, которымъ онъ потрясалъ весь театръ сверху донизу, приковывая къ себѣ общее вниманіе. Вотъ голосъ за кулисами: „Настя, Настя!.." Съ выходомъ ея, еще

сильнѣе, еще шире загорѣлась, закипѣла жизнь, повсюду вызывая восторгъ; и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе могучіе таланты овладѣвали зрителемъ. Открылась средняя дверь, и я вижу: входитъ какой-то очень пожилой человѣкъ, пожалуй — отставной военный. Всклокоченный парикъ, сильно поношенный сюртукъ, черный широкій галстухъ, повязанный подъ самый подбородокъ. Остановился въ дверяхъ и произнесъ, вяло, лѣниво, безучастно, едва слышно фразу: „Мартыновъ, готовъ обѣдъ?“ У меня мгновенно мелькнула мысль: кто этотъ актеръ? — я его не знаю. Это былъ онъ!.. С. В. Шумскій. И вся роль отъ начала до конца была проведена такъ. Развѣ Шумскій могъ быть такимъ мертвецомъ? Шумскій, который каждую ничтожную роль оживлялъ, окрылялъ своимъ несравненнымъ талантомъ, Шумскій, который изъ пустяшныхъ ролей создавалъ неувядаемые, живые образы. И раньше въ этой самой роли онъ былъ превосходенъ, какъ и во всемъ. Что же вызвало въ немъ такую жалкую, обидную за него перемѣну? Повторяю: не имѣю гражданской доблести сказать правду.

Само собой, что при такомъ странномъ исполненіи роли, даже могучіе таланты Садовскаго и Никулиной поблекли, потерялись; а большинство публики, разумѣется, не могло сообразить, отчего вдругъ произошло такое общее пониженіе жизни на сценѣ и успѣхъ дебютантки получился средній.

XI.

Управленіе Львова принесло огромную пользу особенно Малому театру, во 1-хъ, пріобрѣтеніемъ двухъ крупныхъ талантовъ, а во-вторыхъ, возстановленіемъ нашихъ правъ, которыхъ раньше мы не имѣли. Только съ его поступленіемъ всѣ почувствовали облегченіе и вздохнули свободно во всѣхъ отношеніяхъ. Недавніе конторскіе олимпійцы наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшили исполнять всѣ наши требованія, и выраженіе „ждать своего термина“ было выключено изъ конторскаго обиходнаго словаря. Первымъ словомъ Львова при пріемѣ конторскихъ чиновниковъ было такое: „прошу помнить, господа, что мы здѣсь для театра и артистовъ, а не театръ и артисты для насъ“. И вотъ почему нашъ чиновничій мірокъ съежился, сократился до жалости. Увы, бѣдняжки!.. они равными быть не умѣли.

Между тѣмъ неудовольствіе и тайная злоба на такого страннаго, небывалаго начальника кипѣла и клокотала въ сердцахъ унижен-

ныхъ. А потому, крючки и зацѣпы, извѣстные этому люду, были пущены въ ходъ. Велись подкопы со всей энергіей людей обиженныхъ.

А вести ихъ было куда не трудно подъ такого увлеченнаго искусствомъ человѣка. Большую часть дня онъ проводилъ на репетиціяхъ то въ одномъ, то въ другомъ театрѣ, то въ школѣ, гдѣ зорко слѣдилъ за преподаваніемъ новыхъ учителей, а въ конторѣ бывалъ только набѣгомъ и то не надолго, поручая веденіе дѣлъ, счетовъ и отчетовъ управляющему конторой, иногда только бѣгло ихъ проглядывая.

Его предшественникъ, принявшій власть отъ Верстовскаго, не принялъ его знанія въ дѣлѣ искусства, а занимался: входящими и исходящими бумагами, счетами, и главное, кто какъ кланяется и трепещетъ, а безъ хозяина все шло, какъ говорится, спустя рукава.

Львову пришлось, какъ Верстовскому, вездѣ и во всемъ наблюдать самому; онъ отлично понялъ, что ему положиться не на кого; инспекторъ репертуара только охаетъ и жалуется, режиссеры драматическій и оперный своимъ невѣжествомъ могли привести въ отчаяніе хоть кого, и ему приходилось или увольнять или слѣдить за каждымъ ихъ шагомъ и исправлять ошибки, иногда прямо безобразныя, особенно въ операхъ.

Изъ драмы онъ уволилъ режиссера Пономарева (Это былъ главный учитель и наставникъ бывшаго нашего „главнаго режиссера“ и самъ руководитель тоже былъ режиссеромъ „по навыку“). Уволилъ, во-первыхъ, за неумѣлость и полное незнаніе самыхъ элементарныхъ вещей въ постановкѣ пьесъ, особенно историческихъ, а главное за нѣкоторыя приношенія со стороны, какъ говорили тогда. До чего доходило невѣжество режиссеровъ, я приведу слѣдующіе примѣры: въ Большомъ театрѣ идетъ репетиція оперы „Фенелла“. Полное освѣщеніе, оркестръ, пѣвцы, хоры. Если не ошибаюсь, кажется въ третьемъ актѣ, сцена представляетъ площадь, рыбаки, рыбачки и такъ далѣе.

Около суфлерской будки стоитъ кресло, гдѣ обыкновенно сидѣлъ Львовъ и внимательно наблюдалъ за ходомъ репетиціи и указывалъ режиссеру Савицкому тѣ упущенія въ постановкѣ, которыя замѣчаются чуть не на каждомъ шагу. Начинаются танцы рыбаковъ, подъ музыку, принадлежащую къ операхъ. Танцы кончились, на сценѣ появляется другой режиссеръ, балетный, Смирновъ, очищаетъ торопливо сцену, т. е. народъ подвигаетъ ближе къ кулисамъ. Въ оркестрѣ слышится какая-то странная прелюдія, аккордъ — и передъ кресломъ Львова какъ изъ земли выросла стройная фигура извѣстной въ то время танцовщицы Собѣщанской (впослѣдствіи игравшей роль Фенеллы въ операхъ), она принимаетъ надлежащую позу, оркестръ играетъ „Польку - казакъ“. Танцовщица носится по сценѣ, продѣлывая удивительныя штуки. Львовъ смотритъ эти эволюціи. По окончаніи тан-

цевъ апплодируетъ танцовщицѣ, та дѣлаетъ глубокій реверансъ и отходитъ въ глубину сцены. Львовъ зоветъ режиссера Смирнова: „Александръ Ѳедоровичъ!..“ Смирновъ живо подлетаетъ къ самому креслу, по привычкѣ быстро почесывая четырьмя пальцами надъ правымъ ухомъ головы, напоминавшей колѣнку.

— Что прикажете?

— Я удивляюсь, неужели вы не нашли другаго мѣста для вашей репетиціи и прерываете оперу?

— Какъ-же-съ, Леонидъ Ѳедоровичъ, вѣдь она будетъ танцовать въ Фенеллѣ-съ.

— Что-о?!. Польку-казакъ въ Фенеллѣ?

— Что жъ дѣлать, Леонидъ Ѳедоровичъ, она ничего другаго танцовать не желаетъ-съ. При томъ же танцы новые и публикѣ очень нравятся.

Львовъ вскочилъ съ мѣста, какъ изумленный, отчаянно замахалъ руками и прерывающимся голосомъ быстро заговорилъ:

— Не надо, не надо, ничего не надо. Не хочетъ танцовать, что слѣдуетъ, такъ совсѣмъ ничего не надо.

Подходитъ режиссеръ Савицкій, клавираусцугъ оперы въ рукахъ, по которому онъ выпускалъ на сцену пѣвцовъ, но выпускалъ „по навыку“, нотъ онъ не зналъ совсѣмъ, а клавираусцугъ бралъ только какъ атрибутъ — для вида.

— Такъ прикажете-съ танцы Собѣщанской вычеркнуть-съ?

— Да, да!.. вычеркнуть, вычеркнуть. Я не могу допустить, чтобы на площади „Неаполя“ танцовали польку-казакъ.

Въ Маломъ театрѣ на репетиціи исторической драмы „Марѳа посадница“, воевода Чермный, уходя со сцены, говоритъ собесѣднику боярину: „Такъ я жду тебя у Вѣжи“. Режиссеръ „по навыку“ зоветъ актера и авторитетно говоритъ: „поправьте въ вашей роли ошибку, вы говорите: у вѣжи, внушительно — „у Вѣхи“. Актеръ, разумѣется, объяснилъ ему, что значитъ—Вѣжа и что ошибки нѣтъ и напечатано вѣрно. Главный режиссеръ на этотъ разъ скромно умолкъ.

Не могу не привести еще случай, бывшій съ Львовымъ.

Онъ въ Москвѣ былъ только вице-директоръ, а главный директоръ всѣхъ театровъ, петербургскихъ и московскихъ, былъ въ то время Сабуровъ. Отъ него и зависѣло все выходящее изъ ряда обыкновенныхъ дѣлъ.

Въ первый же годъ службы Львовъ ясно увидалъ, что бывшая въ то время русская опера, по многимъ причинамъ, не удовлетворяла требованію и вкусу публики. А потому началъ ходатайствовать о приглашеніи въ Москву итальянской оперы. Ходатайство увѣнчалось успѣхомъ, только не совсѣмъ такъ, какъ разсчитывалъ онъ. Львовъ,

какъ прекрасный музыкантъ, думалъ самъ ѣхать въ Италію за пѣвцами и капельмейстеромъ, но директоръ рѣшилъ иначе и поѣхалъ собственной персоной.

Прошло лѣто въ погонѣ за итальянцами; наконецъ, въ началѣ августа изъ Петербурга даютъ знать, что итальянская опера скоро прибудетъ въ Москву — готовьтесь. За этимъ дѣло не стало. Львовъ, какъ энергичный человѣкъ, быстро приступилъ къ формированію хора, изученію оперъ присланнаго репертуара; пишутся новыя декораціи, шьются костюмы, дѣло кипитъ.

Въ половинѣ августа итальянцы пріѣхали.

Собрался совѣтъ, чѣмъ начинать спектакли, одни изъ пѣвцовъ предлагаютъ то, другіе — другое, наконецъ, остановились на „Трубадурѣ“. Маэстро Тераново — капельмейстеръ, одинъ изъ всѣхъ запротестовалъ и требовалъ непремѣнно начать — „Севильскимъ цирюльникомъ“. Послѣ долгихъ споровъ всѣ соглашаются сдѣлать угодное маэстро.

Назначена репетиція, пѣвцы всѣ прекрасно знаютъ свои партіи, объ оркестрѣ и говорить нечего: оркестръ Большаго театра такой, что врядъ ли найдется подобный подборъ артистовъ и за границей (мнѣніе всѣхъ итальянцевъ). Львовъ сидитъ въ креслѣ на авансценѣ, въ оркестръ входитъ маэстро Тераново, становится на мѣсто, осматриваетъ озабоченнымъ взглядомъ весь оркестръ, поворачивается къ Львову и заявляетъ, что инструменты неправильно размѣщены. Львовъ предлагаетъ ему перемѣстить всѣхъ, какъ считаетъ нужнымъ.

Начинается перемѣщеніе, ломка. Тераново говоритъ по-итальянски, Львовъ переводитъ оркестру по-русски и по-нѣмецки. Наконецъ все перемѣстилось такъ, какъ желалъ маэстро.

Стукъ капельмейстерской палочки по желѣзному щитку со свѣчой, начало интродукціи передъ открытіемъ занавѣса. Первый взмахъ палочки, оркестръ заигралъ, пять, шесть тактовъ и — стопъ!.. весь оркестръ почти какъ одинъ человѣкъ остановился, всѣ въ недоумѣніи. Снова стукъ палочки по фонарю, взмахъ, нѣсколько тактовъ и опять стопъ. Третій, четвертый, пятый разъ, та же исторія.

Маэстро заявляетъ Львову, что оркестръ никуда не годится и играть не умѣетъ.

Львовъ, улыбаясь, проситъ попробовать еще разъ.

Опять взмахъ палочкой и привычный — стопъ!.. Вдругъ весь оркестръ начинаетъ хохотать, все сильнѣй и сильнѣй и наконецъ переходитъ въ общій гомерическій, сопровождаемый апплодисментами по адресу маэстро. Въ первый моментъ всѣ потерялись отъ этого неожиданнаго фурора, произведеннаго знаменитымъ капельмейстеромъ. Львовъ, продолжая улыбаться, спускается въ оркестръ, стано-

вится на мѣсто капельмейстера, беретъ палочку и, обращаясь къ итальянцамъ, проситъ позволить ему на этотъ разъ быть капельмейстеромъ, а завтра будетъ то же, временно, дирижеръ русской оперы— Штуцманъ, пока не привезутъ другаго.

Подъ дирижерствомъ Львова оркестръ идетъ превосходно, безъ малѣйшихъ запинокъ. Кончилась интродукція и всѣ пѣвцы и оркестръ начали неистово апплодировать неожиданному капельмейстеру.

Тераново страшно растерянный и злобный бѣжитъ вонъ, сопровождаемый хохотомъ и апплодисментами оркестра.

И такъ вся опера прошла превосходно, какъ будто были цѣлые десятки репетицій. По наведеннымъ потомъ справкамъ оказалось, что маэстро Тераново имѣлъ лавку въ Италіи и торговалъ колбасой.

Съ пѣвцами и капельмейстеромъ были заключены трехлѣтніе контракты, капельмейстеръ Тераново по шести тысячъ въ годъ, а когда ему предложили годовой окладъ съ тѣмъ, чтобы уничтожить контрактъ, онъ не согласился и жилъ въ Москвѣ, жуируя, посѣщая ежедневно театры, критикуя все, и пѣвцовъ, и оркестръ, и новаго капельмейстера, выписаннаго Львовымъ изъ Италіи, дѣйствительно настоящаго маэстро Віанезе.

И всѣ три года знаменитый нахалъ получалъ аккуратно по шести тысячъ въ годъ, конечно, ни разу не становясь на дирижерское мѣсто.

XII.

Цѣлые три года недоброжелатели Львова съ великимъ усердіемъ подтачивали устои, на которыхъ все-таки онъ крѣпко стоялъ. Наконецъ, на четвертомъ году враги одолѣли, и онъ рухнулъ, увлекая за собой и всѣ свои благія начинанія. И надъ несчастными театрами опять нависли мрачныя тучи и вмѣсто пригрѣвающаго солнца, сначала хоть и не ясно, сталъ опять очерчиваться знакомый образъ управляющаго конторой Пельта, и съ каждымъ днемъ все рѣзче выступали его очертанія. Для особенно впечатлительныхъ опять стали слышаться его традиціонныя наставленія: „что садиться можно тогда, когда я совсѣмъ скроюсь, а вы сѣли, когда я еще...“ Но фраза не успѣла окончиться, какъ въ тѣхъ же нависшихъ тучахъ сталъ появляться новый, незнакомый обликъ, и лицо Пельта вдругъ какъ улитка снова втянулось въ свою раковинку. Это новое лицо былъ Неклюдовъ, замѣститель Львова со всѣми присвоенными ему правами.

Какъ странно, я помню все давно прошедшее такъ отчетливо, какъ будто все, о чемъ пишу, сію минуту происходитъ передо мной со всѣми мельчайшими подробностями, которыя и тогда проскользали почти незамѣченными. Между тѣмъ сравнительно ближайшее правленіе Неклюдова какъ-то улетучилось, испарилось у меня изъ памяти. Пожалуй въ общихъ чертахъ я могу сказать, что съ его вступленіемъ началась страшная ломка всего, что за короткій трехлѣтній срокъ было сдѣлано его предшественникомъ. Разрушена школа, т. е. драматическіе классы. Приглашенные учителя были оставлены только на срокъ, до выпуска трехъ, четырехъ воспитанницъ драматическаго класса, а за симъ было объявлено уничтоженіе полностью всякихъ научныхъ преподаваній, какъ совершенно излишнихъ.

Былъ назначенъ какой-то чиновникъ конторы смотрителемъ школы и преподавателемъ чего-то (?); онъ же занимался съ маленькими воспитанницами драматическимъ искусствомъ. Впрочемъ, это было весьма недолго; вскорѣ отъ главнаго директора театровъ послѣдовало строжайшее предписаніе о запрещеніи въ школѣ заниматься драматическимъ искусствомъ всѣмъ воспитанницамъ. Мотивомъ такого распоряженія послужили слѣдующія соображенія: учить танцамъ необходимо потому, что это искусство преподается исключительно въ театральныхъ училищахъ, тогда какъ драматическимъ — желающіе могутъ заниматься и на провинціальныхъ театрахъ. Вслѣдствіе этого, было приказано сломать и самую сцену въ школѣ, но почему-то эта сломка не состоялась.

Около этого времени былъ инспекторомъ школы актеръ Колосовъ (по протекціи управляющаго конторой Пельта). До предписанія онъ дозволялъ маленькимъ воспитанницамъ устраивать мелкіе спектакли, но послѣ предписанія ему было внушено тщательно слѣдить и никоимъ образомъ не допускать воспитанницъ устраивать спектакли даже въ видѣ забавы.

А въ это время въ школѣ росла великая актриса, слава русской сцены — Марія Николаевна Ермолова. И только благодаря участію Надежды Михайловны Медвѣдевой, великой артисткѣ удалось выбраться изъ разставленной на ея пути „колючей изгороди“.

Впрочемъ нельзя сказать, чтобы у новаго начальника не было желанія увѣковѣчить свое имя тѣмъ же, чѣмъ увѣковѣчилъ Львовъ, давъ Малому театру двухъ дивныхъ актрисъ. Было ли то слѣпое подражаніе или иныя причины побуждали его къ этому, но только онъ серьезно принялся за отыскиваніе матеріала для созданія этого памятника.

Наконецъ обрѣлъ въ балетѣ дѣвицу, нѣкую Кондакову, изображавшую въ балетахъ и операхъ исключительно — толпу и придвор-

ныхъ дамъ. Дѣвица далеко не первой молодости, некрасива ужасно!.. рыжая, сильно весноватая, съ бѣлыми, выцвѣтшими глазами, уродливымъ ртомъ, съ толстыми выдавшимися впередъ губами и, въ заключеніе, очень непріятнымъ тембромъ голоса. Трудно понять, почему его выборъ палъ на такое чудище. Тѣмъ не менѣе онъ перевелъ ее изъ балета въ Малый театръ и приказалъ давать роли.

Для перваго дебюта по приказанію начальника была поставлена одноактная комедія „Я обѣдаю у маменьки". Роль актрисы Дюменилъ, которую она выбрала, страшно трудная. Прежде всего нужна красота, молодость, грація, словомъ какъ разъ все противоположное тому, что имѣла она. Публика смотрѣла и недоумѣвала „что сей сонъ значитъ?" Но самъ начальникъ былъ въ полномъ восторгѣ и тутъ же отдалъ приказъ инспектору и режиссеру ставить все, что она пожелаетъ.

Болѣе года длились потуги создать знаменитую актрису; много хорошихъ ролей она переиграла, но публика упорно оставалась равнодушной, и продолжалъ восхищаться ею только одинъ начальникъ. Въ концѣ втораго года управленія и надъ его головой стали собираться грозныя тучи, изъ которыхъ и на этотъ разъ уже ясно стало вырисовываться назойливое изображеніе Пельта. Черезъ недѣлю, не больше, мы узнаемъ, что у насъ новый начальникъ, все тотъ же Пельтъ.

А Неклюдовъ?!. на этотъ вопросъ кто-то отвѣтилъ — тихимъ, длиннымъ свистомъ.

XIII.

На этотъ разъ, взобравшись на насиженное мѣсто, Пельтъ правилъ долго и, какъ опытный лоцманъ, умѣло избѣгалъ рифовъ. За весь длинный срокъ службы онъ ничего не принесъ театру, кромѣ вреда, не по злому желанію, а просто по неспособности понимать нужды и требованія искусства. При всемъ желаніи указать хоть что-нибудь сдѣланное имъ полезное театру нельзя, кромѣ: воевалъ съ подчиненными, передъ сильными смирялся. Всѣ успѣхи на сценѣ приписывалъ исключительно своимъ распоряженіямъ, а всѣ неудачи тому, что не поняли его указаній.

Въ дѣлѣ управленія у него былъ помощникъ, инспекторъ репертуара Бѣгичевъ. По пониманію сценическаго дѣла онъ могъ быть чрезвычайно полезнымъ театру, но къ несчастью его больше всего занимали хорошенькія личики и ухаживанье сразу за цѣлымъ десят-

комъ женщинъ. Вторая слабость: обѣды, кутежи, попойки и вообще веселое препровожденіе времени; далѣе — анекдоты и особенно неудобные для печати, и гадалки! это уже была какая-то манія.

Гдѣ бы ни появилась гадалка, ужъ онъ тамъ, будь то за заставой, въ деревнѣ, или за Москвой рѣкой, гдѣ ихъ главный притонъ, все равно онъ отыщетъ непремѣнно, все броситъ, а рекомендованную гадалку найдетъ. Обожалъ шутовство, и это занятіе слабенькимъ по сценѣ создавало хорошую карьеру. Желаешь добиться извѣстнаго положенія въ смыслѣ матеріальномъ или сыграть хорошую роль, иди къ нему, представь кого-нибудь изъ твоихъ сослуживцевъ въ самомъ каррикатурномъ видѣ, особенно тѣхъ, кому твой принципалъ не симпатизируетъ, пусть это будетъ грубо, съ яснымъ желаніемъ очернить, оклеветать, все равно, лишь бы было смѣшно и весело; умѣй говорить мягко, укладчиво, разскажи неприличный анекдотъ или просто попаясничай, не щадя себя, и получишь роль, которую безусловно играть не можешь; но вѣдь тебѣ нужна афиша, что вотъ, молъ, какія я роли исполнялъ на сценѣ Императорскаго театра, и ты имѣешь эту афишу, которая на провинціи кое-что значитъ. При томъ же и театральный борзописецъ не ахти какъ дорого стоитъ, угости его хорошенько, такъ онъ въ самой большой московской газетѣ такую рецензію напишетъ о твоемъ исполненіи, что читатель, не видавшій представленія, подумаетъ: „вотъ и новая звѣзда первой величины появилась на горизонтѣ“. А приложи къ афишѣ рецензію, можешь получить хорошее мѣсто; такимъ же путемъ, когда придетъ время прибавокъ къ жалованью, получишь и прибавку.

Сумѣй иносказательно, по русскому выраженію—обинякомъ (прямо нельзя, Бѣгичевъ—человѣкъ умный) восхищаться его поступками и особенно властью, въ смыслѣ того, что все, о чемъ ты просишь, зависитъ исключительно отъ него одного, и что онъ, если пожелаетъ, можетъ сдѣлать все, что захочетъ.

Этой науки обращенія съ нимъ существовалъ тогда цѣлый кодексъ. И нѣкоторые его превосходно изучили. Но берегись, если ты не можешь или не желаешь занимать его излюбленными анекдотами или восхваленіемъ его достоинствъ, берегись, если онъ замѣтитъ, что ты, говоря съ нимъ, держишь себя съ человѣческимъ достоинствомъ, тогда ты будешь непремѣнно обойденъ во всемъ. Но его пріятели, сумѣвшіе уже снискать его расположеніе раньше, теперь могли дѣлать съ нимъ, что угодно.

А его нерасположеніе касалось только тѣхъ, кто почему-либо сторонился отъ всякихъ заискиваній и не слѣдовалъ указанному „кодексу“. Вотъ примѣръ, который наглядно подтвердитъ, какія бывали наказанія для непокорныхъ.

До 1882 года многіе изъ актеровъ, кромѣ жалованья, получали еще поспектакльную плату; эта плата явилась потому, что до реформы высшій окладъ былъ 1.140 рублей. М. Н. Ермолова получала всего 600 рублей въ годъ и просила пять рублей поспектакльной платы. онъ отказалъ, а въ это же время актеру, игравшему только выходныя роли въ два слова, но получавшему семьсотъ рублей, далъ платы — десять рублей. Такихъ примѣровъ не перечесть.

Дѣлая такую характеристику этого удивительнаго человѣка, прибавляю: что онъ былъ до того симпатиченъ, простъ, искрененъ, веселъ, добръ, что думать обойденному и обиженному субъекту о непріязни къ нему невозможно; это былъ прямо обаятельный человѣкъ, несмотря на всѣ свои недостатки.

Приведу разсказъ про одного изъ дѣйствующихъ по „кодексу“; онъ очень характеризуетъ время, людей и порядки прошлаго.

Существовалъ тогда нѣкій господинъ, носившій званіе актера, но съ такимъ же правомъ онъ могъ присвоить себѣ любое званіе и понимать въ немъ столько же, какъ и въ актерствѣ, т. е. ровно ничего. Вѣрное изображеніе его такое: разсказчикъ анекдотовъ, пѣвецъ подъ гитару романсовъ, куплетовъ, неудобныхъ для пѣнія въ обществѣ, подражатель реву коровъ, лаю собакъ, мяуканью и дракѣ кошекъ, жужжанію мухъ, однимъ словомъ всѣхъ его талантовъ не перечесть, и... „при немъ остерегись, переносить гораздъ“. Всѣ эти проявляемые имъ таланты крайне грубы, неинтересны и бездарны, и могли имѣть успѣхъ только у самыхъ невзыскательныхъ слушателей; у Бѣгичева онъ былъ свой человѣкъ и пользовался его полнымъ расположеніемъ. Во время представленій въ Маломъ театрѣ знаменитаго трагика Ольриджа, онъ началъ передразнивать его въ трагедіи „Отелло“; эти передразниванія великаго трагика были просто кривляніемъ, неумѣло, грубо, вульгарно, но его покровитель находилъ, что это очень забавно. По отъѣздѣ Ольриджа изъ Москвы, Бѣгичевъ и его клевретъ задумали передразнить его и при публикѣ, на сценѣ Малаго театра, для этого былъ возобновленъ старинный водевиль „Отелло на Пескахъ“.

Представленіе было такое ужасное, что за весь длинный періодъ моего пребыванія въ Маломъ театрѣ я не видалъ и тѣни подобнаго безобразія. Публика того времени, всегда необыкновенно сдержанная, скромная, выносливая, прощавшая многія погрѣшности, на этотъ разъ возмутилась страшно и торжественно, всѣмъ театромъ, ошикала вульгарнаго кривляку-подражателя. Но Бѣгичевъ объяснилъ эту неудачу тѣмъ, что публика еще не доросла до пониманія такихъ милыхъ шутокъ. И такіе господа, благодаря своей приспособленности ко всякаго рода „кодексамъ“, требуютъ непремѣнно сочувствія къ себѣ и своимъ продѣлкамъ, но разъ видятъ, что вы сторонитесь и понимаете,

почему нужна ему эта унизительная работа, то онъ такъ науськаетъ на васъ своего покровителя, что вы непремѣнно увидите, что ваше несочувствіе его шуту не прошло даромъ.

XIV.

Послѣ реформаторской дѣятельности Львова, на цѣлыя 18 лѣтъ театръ какъ бы оцѣпенѣлъ въ своемъ дальнѣйшемъ поступательномъ движеніи; смѣло можно сказать, что только энергія актеровъ не давала ему замереть окончательно.

Для посторонняго наблюдателя, конечно, этотъ внутренній тормозъ не былъ особенно замѣтенъ, тогда какъ для насъ онъ чувствовался на каждомъ шагу. Вотъ отзывъ объ этомъ времени одного изъ крупнѣйшихъ актеровъ Малаго театра: „свели домокъ въ орѣхову скорлупку“. И съ этимъ нельзя было не согласиться, когда во всякомъ дѣйствіи распорядителей была случайность или произволъ. Ломкѣ, огульному разрушенію Неклюдовымъ всего, что было создано его предшественникомъ, удивляться нельзя; онъ совсѣмъ не былъ знакомъ съ дѣломъ и вѣроятно думалъ: „такъ будетъ лучше“, но отъ этого „лучше“ сильно доставалось искусству и на нашихъ глазахъ оно замѣтно стало блекнуть. Но вотъ чему дѣйствительно нельзя не удивляться. Бѣгичевъ, прослужившій у насъ слишкомъ шестнадцать лѣтъ инспекторомъ репертуара, всю жизнь провелъ въ кругу актеровъ, занимался переводами для нашей сцены, самъ постоянно игралъ въ любительскихъ спектакляхъ въ театрѣ Марковой. Этотъ театръ былъ извѣстенъ цѣлой Москвѣ; мнѣ много разъ приходилось видѣть эти спектакли, которые дѣлали честь ихъ устроителямъ и исполнителямъ, и что же сдѣлалъ онъ для нашего театра? Отвѣчаю: цѣлыя шестнадцать лѣтъ своимъ халатнымъ отношеніемъ къ театру тормозилъ и задерживалъ его развитіе.

Послѣ Бѣгичева нѣкоторое время мѣсто оставалось свободнымъ, потомъ къ нашему несчастью поступилъ тоже искусившійся въ драматическомъ искусствѣ любитель. А любителю достаточно сыграть одинъ разъ, хоть какого-нибудь „Емелю“ („Простушка и воспитанная“), чтобы онъ возмнилъ о себѣ какъ о великомъ талантѣ и необыкновенномъ знатокѣ сцены; да и не мудрено, хоть у кого голова закружится, когда и папеньки и маменьки, и тетеньки и дяденьки, и всѣ близкіе знакомые просто въ восторгѣ отъ своихъ Петенекъ и Васенекъ; какъ тутъ не возомнишь? Счастье еще театра, что такіе

мечтатели попали къ намъ, когда раньше царившее рабство съ приходомъ новыхъ дѣятелей сцены замѣтно потеряло свой прежній острый характеръ, и великій талантъ и знаніе сцены такого начальника, всѣ указанія его по сценѣ—что и какъ нужно дѣлать, быстро были сокращены дружнымъ отпоромъ, и великій талантъ присмирѣлъ, сталъ молчаливъ, скроменъ и угодливъ.

Оканчивая мои записки, хочется прибавить еще нѣсколько словъ и въ защиту актеровъ.

Всѣ мы давно пріобрѣли славу людей непокойныхъ, самолюбивыхъ, раздражительныхъ и никогда ничѣмъ не довольныхъ. И это правда: самолюбіе актера, безспорно, велико, но одни ли мы страдаемъ этой общечеловѣческой слабостью? Актеру чаще чѣмъ другому приходится претерпѣвать отъ самолюбія его окружающихъ. Приведу случай, бывшій съ моимъ товарищемъ Николаемъ Игнатьевичемъ Музилемъ (случай далеко нерѣдкій въ нашемъ актерскомъ быту). Это было такъ:

Въ одно прекрасное утро къ нему является очень хорошій знакомый и объявляетъ, что нѣкій господинъ, въ чинахъ почтенныхъ, написалъ четырехъ-актную комедію и усердно проситъ позволить ему явиться въ назначенный день къ Николаю Игнатьевичу и прочесть свою пьесу, такъ какъ мнѣніемъ такого уважаемаго и талантливаго артиста онъ очень дорожитъ. Какъ ни былъ занятъ Н. И. по службѣ, но въ виду неотступной просьбы своего знакомаго, соглашается и назначаетъ слѣдующую субботу, единственный свободный вечеръ, отъ 7-ми часовъ.

Пришла суббота, каминъ въ кабинетѣ затопленъ, и Н. И. ожидаетъ автора. Ровно въ 7 часовъ звонокъ, и авторъ въ сопровожденіи своего ходатая, съ толстой тетрадью въ рукахъ, входитъ въ гостиную, очень привѣтливо встрѣчаемый хозяиномъ. Авторъ крѣпко жметъ руку уважаемому артисту и объявляетъ, что не находитъ словъ выразить ему свою признательность за согласіе прослушать его первое и быть можетъ слабое произведеніе.

Обмѣнъ любезностей съ обѣихъ сторонъ и засимъ втроемъ входятъ въ кабинетъ. Кладя тетрадь на столъ, авторъ дѣлаетъ слѣдующее вступленіе: „Глубокоуважаемый Николай Игнатьевичъ!—я обратился къ вамъ для оцѣнки моего сочиненія потому, что знаю васъ за человѣка честнаго, искренняго, правдиваго, который не постѣснится сказать правду о моемъ произведеніи. Прежде всего скажу вамъ, что мнѣ нѣтъ никакой надобности выступать передъ публикой въ качествѣ литератора-драматурга, и если моя работа не представляетъ изъ себя чего-либо крупнаго, такъ сказать, солиднаго вклада въ нашу литературу, я рѣшилъ не выпускать ее въ свѣтъ. А потому и обратился къ вамъ, зная, что именно отъ васъ узнаю правду.

Скажу болѣе: мнѣ было бы очень тяжело и непріятно подписать свое имя на произведеніи, что называется заурядномъ. И вотъ отъ вашего рѣшенія зависитъ, пойдетъ ли оно въ цензуру или тутъ же при васъ будетъ брошено въ этотъ каминъ (при этомъ указалъ на ярко пылавшій каминъ). И повѣрьте, уважаемый Николай Игнатьевичъ, я приму вашъ справедливый приговоръ безъ всякаго неудовольствія, а съ полной благодарностью за высказанную правду. А теперь позвольте приступить къ чтенію".

Въ виду такихъ требованій автора, Н. И. увѣряетъ его, что выскажетъ всю правду.

Авторъ прочелъ заглавіе пьесы, сдѣлалъ перечень дѣйствующихъ лицъ и вольнымъ духомъ началъ чтеніе пьесы. Прочелъ первое явленіе, разговоръ между двумя лицами, очень короткій и по содержанію не имѣющій никакого значенія, авторъ остановился и, испытующе глядя на Н. И., спрашиваетъ: „ну, какъ вы находите". „Пока ничего не могу отвѣтить и попрошу продолжать". Авторъ быстро принялся за чтеніе, но тѣнь неудовольствія мелькнула на лицѣ.

И такъ послѣ каждаго явленія, каждой сцены слѣдовали перерывы и неизбѣжные вопросы; „ну, что теперь скажете? — какъ вамъ нравится эта сцена?" хотя въ сущности и сцены-то никакой не было, а просто пустые разговоры двухъ, трехъ лицъ. Наконецъ, о, счастье!— кое-какъ доползли до четвертаго акта и до конца пьесы.

Тутъ авторъ откинулся на спинку кресла и, побѣдоносно глядя на слушателей и особенно на бѣднаго Н. И., съ счастливой улыбкой и очень любезно спрашиваетъ:

— Ну-съ, Николай Игнатьевичъ!... Теперь скажите, какъ вы находите?—

— Такъ какъ вы просили меня сказать мое мнѣніе откровенно, не стѣсняясь, то я считалъ бы съ моей стороны великимъ грѣхомъ не сказать вамъ правды. Нахожу, что произведеніе нѣсколько... слабо.

Удивленный и замѣтно раздраженный авторъ, тихо приподнимаясь съ кресла и въ упоръ глядя на хозяина, презрительно произноситъ: „что-съ, сла-або?!"

Потомъ послѣ небольшой паузы, раздраженіе видимо стало возрастать все болѣе и болѣе и наконецъ овладѣло совсѣмъ, и онъ повторяетъ, какъ-бы передразнивая самого Н. И.: „Да-съ, такъ по-вашему—съ-сла-а-бо-съ!.". Далѣе, теряя послѣдніе остатки самообладанія и горячась все болѣе, говоритъ внушительно, съ разстановкой каждаго слова, стуча всей пятерней правой руки по своей могучей груди:

— Да вы понимаете ли, что мнѣ сама [1]) Екатерина Николаевна Васильева сказала, что это превосходная комедія!... И вдругъ, какой-то Музиль объявляетъ—сла-а-бо!..

Послѣднее слово было сказано мало похожимъ на человѣческій голосъ, а скорѣй слышалось какое-то блеяніе барана. И, обращаясь къ своему ходатаю, саркастически произноситъ:

— Нѣтъ-съ, каково-съ?!.—А?!. Слышите?—вотъ они находятъ, что комедія написана—сла-а-бо!...

Послѣднее слово было сказано ужъ съ полнымъ сохраненіемъ тембра страдающаго барана. Засимъ схвативъ со стола рукопись и не сказавъ больше ни слова, авторъ понесся въ переднюю, грубо толкая горничную, подававшую шубу. Ходатай такъ былъ переконфуженъ этой выходкой, что стоялъ неподвижно, какъ ошеломленный. Николай Игнатьевичъ, спокойно сидя въ креслѣ, тихо замѣтилъ:

— Какъ видите, высказывать свое мнѣніе не совсѣмъ безопасно.

— Ради Бога, Николай Игнатьевичъ, простите меня за рекомендацію!..—растерянно проговорилъ ходатай и то же опрометью кинулся въ переднюю.

Кончаю мои записки правленіемъ Пельта. Писать далѣе еще преждевременно.

П. Р.

[1]) Талантливая актриса Малаго театра.

Борьба съ эпидеміями въ до-петровской Руси.

Въ настоящее время, когда соціальная гигіена достигла такого высокаго развитія, весьма поучительно бросить взглядъ назадъ и посмотрѣть, какъ объяснялось происхожденіе эпидемій, и въ чемъ состояла борьба съ ними въ прошломъ.

Главнымъ источникомъ, изъ котораго черпались долгое время всѣ свѣдѣнія о повальныхъ болѣзняхъ, были сочиненія иностранныхъ писателей о Россіи и лѣтописи, преимущественно Псковскія и Новгородскія. Но свидѣтельства иностранныхъ писателей не отличаются полнотою и точностью, такъ какъ они являются результатомъ не собственнаго наблюденія и опыта, а записывались по слухамъ. Лѣтописи отличаются гораздо большею достовѣрностью, но большинство ихъ доведено только до половины XVII в., и при томъ онѣ даютъ лишь хронологическія указанія на то, гдѣ и когда было моровое повѣтріе, но почти совершенно не содержатъ свѣдѣній о характерѣ эпидемій и способахъ борьбы съ ними.

Несравненно большее значеніе представляютъ архивные матеріалы. Являясь свидѣтельствомъ современниковъ, хорошо знавшихъ народный бытъ, они рисуютъ полную и правдивую картину прошлаго русской медицины.

Въ настоящемъ очеркѣ мы сдѣлаемъ попытку выяснить по архивнымъ документамъ вопросъ о томъ, какія мѣры принимались въ XVII ст. „для береженія здоровыхъ мѣстъ отъ мороваго повѣтрія“.

Легкость заразы, громадная смертность и безсиліе врачебнаго искусства во время эпидемій, потрясая умы, оставляли неизгладимые слѣды въ исторіи народовъ. Въ обыкновенное время всякій больной

вызываетъ къ себѣ чувство состраданія, желаніе оказать ему посильную помощь. Не то во время эпидеміи: чувство милосердія гаснетъ, каждый думаетъ только о самомъ себѣ, близость больнаго рождаетъ страхъ и проклятія.

Послѣдствіемъ эпидемій были всегда упадокъ нравственности и умноженіе суевѣрія. Въ средніе вѣка обогащеніе монастырей, усиленіе уже существующихъ монастырскихъ орденовъ и возникновеніе новыхъ совершалось главнымъ образомъ въ годины народныхъ бѣдствій. Извѣстно много случаевъ, когда обостреніе религіознаго чувства доходило во время эпидемій до степени религіознаго экстаза. Во вторую половину XV ст., во время чумы въ Любекѣ, обезумѣвшіе отъ страха жители отдавали монастырямъ все свое достояніе. Когда же монахи изъ боязни заразы перестали принимать пожертвованія и даже заперли монастырскія ворота, народъ, ждавшій спасенія только съ неба, сталъ бросать свои приношенія черезъ монастырскія стѣны [1]).

И на ряду съ щедрыми пожертвованіями на церкви и монастыри совершались невѣроятныя по своей жестокости насилія надъ евреями по нелѣпѣйшимъ подозрѣніямъ, чаще всего вслѣдствіе обвиненія ихъ въ отравленіи воды въ колодцахъ.

Тѣ же самыя явленія имѣли мѣсто и въ Россіи. Вмѣсто евреевъ мнимыми виновниками повальныхъ болѣзней считались татары. Въ Густинской лѣтописи мы находимъ такое свидѣтельство, относящееся къ 1286 г. [2]). „Многа же зла тогда сотвориша татаре Русской землѣ, аще не мечемъ и не огнемъ, но чарами своими: иземше бе сердце человѣческое, мочаху въ яду аспидномъ и полагаху въ водахъ, и отъ сего воды въ ядъ обратишася, и аще кто отъ нихъ піяше, абіе умираше, и отъ сего великій моръ по всей Русской землѣ".

Но главнѣйшею причиною всѣхъ эпидемій считался у насъ, какъ и на Западѣ, „гнѣвъ Божій, грѣхъ ради" [3]). Такъ появленіе чумы въ Москвѣ въ 1425 году было объяснено ссорою московскаго князя съ митрополитомъ Фотіемъ [4]).

Отсюда понятно, что всѣ надежды возлагались на выполненіе предписаній церкви, „молебствовали", кропили святою водою больныхъ и здоровыхъ, призывали христіанъ къ покаянію [5]). Въ подтвержденіе сказаннаго можетъ быть приведенъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ изъ лѣтописей.

---

[1]) Hecker, Der schwarze Tod. S. 32.

[2]) Полн. собр. русск. лѣтописей, т. II, стран. 347.

[3]) Московск. архивъ мин. юстиціи. Московск. столъ, столб. 272, см. также Новгородск. 3-ю лѣтопись, въ Полн. собр. русск. лѣтописей, т. III, стран. 223.

[4]) Никоновск. лѣтопись, тамъ же, т. XII, стран. 3.

[5]) Новгородск. 3-я лѣтопись, тамъ же, т. III, стран. 249.

Объ эпидеміи 1352 г. въ Новгородской лѣтописи сказано слѣдующее[1]): „Бысть моръ силенъ весьма въ Плесковѣ. Преидоша послове плесковичи въ Новгородъ, зовуще владыку къ себѣ, дабы ихъ благословилъ".

Въ 1360 г. былъ снова моръ: „И прислаша пословъ пьсковичи ко владыкѣ съ мольбою, чтобъ ѣхалъ въ Плесковъ и ихъ благословилъ. И владыка Алексій послушалъ мольбы ихъ и благословилъ ихъ отъ мала до велика—обходилъ съ крестами весь градъ, и оттолѣ псковитянамъ нача лучше бывать и абіе преста моръ у нихъ" [2]).

Объ эпидеміи 1388 г. мы читаемъ въ той же лѣтописи: „Той зимы бысть моръ великъ въ Псковѣ, а знаменіе желѣзою; и ѣзди владыка Иванъ въ Псковъ, и молитвою его преста моръ въ Псковѣ" [3]).

Объ эпидеміи 1552 г. лѣтописецъ говоритъ: „Октября въ 29-й день новгородскій архіепископъ Серапіонъ Курцовъ преставился, и преста моръ" [4]).

Въ большомъ ходу были также постройки церквей по обѣту, при чемъ иногда церкви выстраивались въ одинъ день; такого рода церкви были извѣстны подъ названіемъ „обыденныхъ церквей". Въ 1390 г. во время мора въ Новгородѣ ...„поставиша церковь св. Аѳанасія въ одинъ день, и паки преста моръ". Въ 1417 г. во время мора въ Новгородѣ „христіане, овои на конѣхъ, овои пѣши, изъ лѣса бревна привозивъ, поставили церковь святую Анастасью, а новоторжане также однимъ утромъ святаго Аѳанасія" [5]).

Яркую характеристику воззрѣній русскаго народа въ XVIII в. на происхожденіе эпидемическихъ заболѣваній представляетъ одно дѣло, сохранившееся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи.

Когда въ 1645 г. въ Карповѣ, вновь основанномъ городѣ Курской губ., появилась сильная заболѣваемость, карповцы подали всѣмъ городомъ челобитную царю Алексѣю Михайловичу, въ которой просили его о присылкѣ креста съ мощами „на исцѣленіе имъ, городскимъ всякимъ людямъ". Интересно, что въ этой челобитной, какъ на причину усиленной заболѣваемости, указано одновременно на дурныя качества питьевой воды и на одержимость „нечистыми духами". Въ виду большаго интереса, представляемаго этимъ дѣломъ, мы приведемъ часть его дословно.

„Лѣта 7154 мая въ 8-й день по государеву цареву и великаго

---

[1]) Новгородск. 1-я лѣтопись, тамъ же, т. III, стран. 85.

[2]) Новгородск. 1-я лѣтопись, тамъ же, т. III, стран. 87.

[3]) Новгородск. 4-я лѣтопись, тамъ же, т. IV, стран. 96. Никоновск. лѣтопись, тамъ же, т. XI, стран. 94.

[4]) Новгородск. 3-я лѣтопись, тамъ же, т. III, стран. 251, 252.

[5]) Новгородск. 4-я лѣтопись, тамъ же, т. IV, стран. 97, 107.

князя Алексѣя Михайловича всея Русіи указу память дьякомъ думнымъ Ивану Гавреневу да Михаилу Волошенинову да дьяку Григорью Ларіонову. Въ Серебреной приказъ къ подъячему къ Богдану Силину въ памяти за твоею, Григорьевою, приписью написано: били челомъ государю царю... Хотмышскаго города попы, и дѣти боярскіе, и стрѣльцы, и казаки, и пушкари, и воротники, и всякихъ чиновъ служилые люди: въ прошломъ въ 148 году устроенъ на рѣкѣ на Ворсклѣ новый городъ Хотмышской, и въ томъ городѣ они, дѣти боярскіе и всякіе служилые и жилецкіе люди, на житье дворами устроились на новыхъ мѣстѣхъ, и пашни завели, и землю распахали, и живучи де они на новыхъ мѣстѣхъ въ городѣ и въ посадѣ и въ уѣздѣ стражутъ всякими разными болѣзньми и многіе одержимы нечистыми духи, а въ соборной де церкви у Воскресенія Христова на исцѣленіе имъ, градскимъ всякимъ людемъ, креста съ мощми нѣтъ. И государь бы ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ въ Хотмышской городъ въ соборную церковь Воскресеніе Христово на исцѣленіе всякимъ людемъ дати крестъ съ мощми. И государь царь... пожаловалъ, Хотмышскаго города служилымъ и жилецкимъ всякихъ чиновъ людемъ велѣлъ на Хотмышское въ соборную церковь отпустить съ Москвы воздвизальной крестъ съ мощми, доложа государя, и сдѣлавъ, прислать въ Разрядъ, а изъ Разряду по государеву указу тотъ крестъ велѣно отпустить на Хотмышское въ соборную церковь. И въ Серебреномъ приказѣ по государеву указу крестъ воздвизальной серебреной сдѣланъ: Распятіе и Святые чеканные и позолоченъ, серебра пошло въ тотъ крестъ и съ удѣлкомъ фунтъ 13 золотниковъ безъ четверти, да золота пошло на позолоту на тотъ крестъ 4 золотыхъ угорскихъ, вѣсу въ нихъ 3 золотника безъ четверти; да въ тотъ же крестъ по государеву указу положены мощи Іоанна Предтечи, мощи Ивана Златоуста, мощи апостола Луки, мощи Григорія Богослова, мощи мученика Пантелеимона, мощи святаго мученика Ареѳы, апостола Филиппа, мощи святаго мученика Козмы иже отъ аравитъ, мощи Іакова, брата Господня по плоти, мощи великомученика Ѳеодора Тирона, мощи великомученицы Варвары, мощи святаго Артемія, мощи Іоанна Милостиваго, мощи Стефана Новаго, мощи великомученика Евстратія, мощи Іакова Перскаго, мощи святаго Артемія, мощи святаго священномученика Анфимы, мощи святаго Еупла діакона, мощи святаго Кирилла, архіепископа Александрійскаго, мощи святаго Григорія епископа Паламицкаго, мощи Павла исповѣдника, мощи святаго великомученика Артемія, мощи святаго Сергія, мощи святые мученицы Марины, мощи святые великомученицы Христины, мощи преподобные Параскевы, мощи святаго Григорія Солунскаго, мощи святаго великомученика Меркулія, мощи святаго Нифонта, мощи святаго мученика

Евстафія Плакиды, мощи архидьякона Стефана, мощи Анастасія Перскаго, мощи святаго священномученика Игнатія Богоносца, мощи святаго Григорія, епископа Раламицкаго, часть ризы Сергія чудотворца, мощи святые великомученицы Пятницы, мощи часть невелика четыредесятъ мучениковъ, мощи великомученика Ѳеодора Стратилата, мощи святые великомученицы Параскевы, мощи священномученика Вавилы, мощи Ѳеодоры царицы, миро Василія Великаго, мощи Никиты, епископа Новгородскаго, мощи Никифора, патріарха Царя-града, мощи Варлама Хутынскаго, мощи Ѳеофана Новаго, мощи святаго мученика Агаѳонника, мощи святаго Аммона, Кирилла чудотворца клобука и шубы. А принесъ тѣ мощи крестовой дьякъ Иванъ Симеоновъ. И посланъ тотъ крестъ и съ мощами къ вамъ въ Разрядъ съ подъячимъ съ Борисомъ Дмитріевымъ. И по государеву цареву... указу дьякомъ думнымъ Ивану Гавреневу, да Михаилу Волошенинову, да дьяку Григорью Ларіонову тотъ крестъ воздвизальный серебряной золоченой съ мощами Серебренаго приказу у подъячего у Бориса Дмитріева велѣть принять; а какъ тотъ крестъ примете, и о томъ велѣти отписать въ Серебреной приказъ къ подъячему къ Богдану Силину“ [1]).

„157 году февраля въ 20-й день животворящій крестъ Господень отпущенъ въ Курскъ отъ нападныхъ болѣзней, и велѣлъ государь встрѣчу учинить кресту съ мощы за городомъ всему священному собору со кресты и съ кадилы съ великою честью... и молебны пѣть со звономъ, и воду святить, и тою святою водою больныхъ, и всѣхъ людей, и лошади, и животину кропить“ „и въ иные города тотъ животворящій крестъ для исцѣленія посылать“.

Такимъ образомъ пѣніе молебновъ и водосвятіе признавалось за лучшее средство, какъ для исцѣленія бѣсноватыхъ, такъ и для оздоровленія питьевой воды.

Указанія на примѣненіе карантинныхъ мѣръ восходятъ къ отдаленнѣйшимъ періодамъ русской исторіи. Но мѣры эти долгое время примѣнялись только случайно въ единичныхъ случаяхъ; лишь въ концѣ XVI вѣка онѣ стали получать болѣе широкое распространеніе и проводиться въ жизнь съ большею настойчивостью и суровостью.

Въ посланіи старца Филоѳея къ дьяку Мунсхину отъ 1510—19 г. указанъ уже цѣлый рядъ предохранительныхъ мѣръ. „Вы нынѣ пути заграждаете, домы печатлѣете, поповъ запрещаете къ болящимъ приходити, мертвыхъ тѣлесе далеко отъ града измещете“ [2]). Описывая

[1]) М. А. М. Ю. Бѣлогор. ст. столб., лл. 314—318.

[2]) Дополненія къ актамъ историч. т. I. № ч. 23, стран. 20.

чуму 1521 г., лѣтописецъ говоритъ: „князь Михайло Кислица велѣлъ улицу Петровскую (гдѣ появилась чума) запереть съ обою концовъ“ [1]).

Яркимъ выразителемъ воззрѣній, господствовавшихъ на этотъ вопросъ въ XVII в., служатъ слѣдующія слова патріарха Никона: „Симъ путь спасенія показа, яко же отъ губительства бѣжати не точію нѣсть грѣхъ, но воли Божія исполненіе“ [2]).

Введеніе первыхъ карантинныхъ мѣръ отличалось крайнею жестокостью. Во время эпидеміи въ Псковѣ 1552 г. всѣмъ псковитянамъ, находившимся въ Новгородѣ, было предписано „ѣхать вонъ“ подъ угрозою сожженія всѣхъ, не подчинившихся этому указу, и битья кнутами лицъ, уличенныхъ въ укрывательствѣ [3]). Что это не была пустая угроза, видно изъ слѣдующихъ словъ Новгородской лѣтописи: „Бысть моровое повѣтріе въ Великомъ Новгородѣ, и много людей помроша; а которые люди побѣгоша изъ града, и тѣхъ людей бѣглецовъ имаша и жегоша“ [4]).

Исключенія не дѣлалось даже для духовенства, стоявшаго всегда очень высоко во мнѣніи русскаго народа. Въ 1572 г. въ Новгородѣ всѣ улицы, гдѣ находились подозрительные больные, были окружены заставами, „и отцомъ духовнымъ покоивати тѣхъ людей знаменныхъ не велѣли, а учнетъ который священникъ тѣхъ людей каяти, бояръ не доложа, иноо тѣхъ священниковъ велѣти жещи съ тѣми же людьми съ больными“ [5]).

Переходя къ описанію способовъ борьбы съ эпидеміями въ XVII в., мы не станемъ перечислять самыя эпидеміи, такъ какъ это сдѣлано болѣе или менѣе подробно въ трудахъ Рихтера [6]), Ханыкова [7]), Эккермана [8]) и ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями относительно эпидеміи 1654 г., самой опустошительной въ XVII вѣкѣ. Началась она въ іюлѣ и продолжалась до зимняго времени. Въ находившихся въ Москвѣ стрѣлецкихъ полкахъ не осталось въ живыхъ ни одного человѣка. Священники почти всѣ перемерли, и хоронить умершихъ было некому. Улицы были переполнены трупами, разлагавшимися подъ открытымъ небомъ. Преступники, бѣжавшіе изъ мѣстъ заключенія, безнаказанно совершали грабежи и разбои, терроризируя насе-

---

[1]) Псковская 1-я лѣтопись, въ Полн. собр. русск. лѣтописей, т. IV, стран. 294.
[2]) Рихтеръ В. Исторія медицины въ Россіи, т. II, стран. 130, 131.
[3]) Новгор. 2-я лѣтопись, въ Полн. собр. русск. лѣтописей, т. III, стран. 155
[4]) Новгор. 3-я лѣтопись, тамъ же, т. III, стран. 253.
[5]) Новгор. 2-я лѣтопись, тамъ же, т. III, л. 169.
[6]) Исторія медицины въ Россіи. Москва, 1814—1820.
[7]) Исторія медицинской полиціи въ Россіи. Спб. 1851.
[8]) Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи (Исторія эпидемій X—XVIII в.в.). Казань, 1884.

леніе столицы. Некому было охранять не только частное имущество, но и самый Кремль, и чтобы спасти отъ разграбленія мощи, церковную утварь и государственную казну, было велѣно „въ Кремлѣ городѣ городовые ворота всѣ запереть и рѣшетки запустить", „нижніе и верхніе бойницы задѣлать, чтобы тѣ бойницы отъ воровскихъ людей для всякаго воровства проломаны не были", „а на казенномъ дворѣ у всѣхъ палатъ и въ Посольскомъ приказѣ двери и окна задѣлать кирпичемъ", „и приказы велѣно всѣ запереть" [1]). Изъ Москвы эта ужасная эпидемія распространилась на югъ Россіи до Кіева и Астрахани, гдѣ она свирѣпствовала главнымъ образомъ въ слѣдующемъ году.

Главною мѣрою борьбы съ эпидеміей въ это время было устройство заставъ. На большихъ проѣзжихъ дорогахъ „заставы учинялись крѣпкія", а проселочныя дороги и „малыя стежки" засѣкались, т. е. перекапывались канавами и заваливались деревьями. „На заставахъ и у засѣкъ" ставились особые сторожевые посты, „лучшіе люди, кому вѣрить можно" изъ „жилецкихъ всякихъ чиновъ людей", иногда „головы солдатскаго строю, поручики, а съ ними служилые люди солдаты" [2]), а „на отъѣзжія заставы къ литовскому рубежу" посылались „дѣти боярскіе добрые" [3]). „Головамъ и всякимъ заставнымъ людямъ" предписывалось, подъ смертною казнью, „чтобы они, будучи на заставахъ, смотрѣли того накрѣпко, чтобы никакіе люди въ день и ночнымъ временемъ украдомъ черезъ заставы не прошли и не прокрались" [4]), а если „ихъ небреженіемъ и оплошкою и нерадѣніемъ кто черезъ заставы проѣдетъ или прокрадется, быть имъ казненнымъ смертью безо всякія пощады" [5]), и „чтобъ они также никакихъ товаровъ и платья и ничего (у нихъ) черезъ заставы покупать и даромъ имать не велѣли, а велѣли всѣхъ отъ заставы назадъ отсылать, не мѣшкая", а будетъ которые люди пріѣдутъ къ заставамъ и скажутъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, откуда они ѣдутъ, мороваго повѣтрія на людяхъ нѣтъ, и вы бъ тому вѣрить не велѣли"... Разспросы производились на разстояніи „какъ человѣку можно голосъ человѣка слышать" [6]).

О всѣхъ принимавшихся мѣрахъ „въ которыхъ мѣстѣхъ, и до которыхъ мѣстъ и на какихъ верстѣхъ заставы стоятъ, и по скольку человѣкъ на каждой заставѣ"... [7]) подробно сообщалось въ Москву [8]).

---

[1]) Дополн. къ акт. историч., т. III, стран. 462, документъ XXX.
[2]) М. А. М. Ю., Москов. ст. столб. 272.
[3]) Ib. Москов. ст. столб. 15, л. 92.
[4]) Ib. Москов. ст. столб. 261.
[5]) Ib. Новгор. ст. столб. 116, л. 207.
[6]) Ib. Москов. ст. столб. 261, лл. 326—331.
[7]) Ib. Новгор. ст. столб. 116.
[8]) Ib. Москов. ст. столб. 15, лл. 72—75.

У заставъ задерживались всѣ проѣзжавшіе безъ различія званія и положенія. Такъ, когда осенью 1656 г. „въ Юрьевѣ Литовскомъ учинилось на люди моровое повѣтріе“, митрополитъ новгородскій и архіепископъ псковскій, ѣхавшіе въ Москву, получили на пути предписаніе вернуться въ свои епархіи, смоленскому же и полоцкому архіепископамъ, которыхъ эта эпидемія застала въ Москвѣ, было предписано оставаться здѣсь до зимняго времени [1]).

Въ 1653 г. были задержаны „на Осколѣ“ до государева указа ѣхавшіе въ Москву къ государю крымскіе гонцы, такъ какъ въ то время „ въ Крымѣ объявилось на татарѣхъ и на жидѣхъ небольшое моровое повѣтріе“ [2]).

Во время мороваго повѣтрія въ Литвѣ въ 1640 г. было велѣно всѣхъ пріѣзжавшихъ къ заставамъ „сыскивати и распрашивати, подлинно ли (они) не изъ повѣтренныхъ городовъ идутъ, а до сыску тѣхъ выѣзжихъ людей и полоненниковъ велѣно ставити въ деревняхъ, гдѣ бы не близко города и не близко рубежа, и приставовъ велѣно приставливать и кормецъ велѣно давати, смотря по человѣку, покамѣсто вподлинно сыщется, не изъ моровыхъ ли мѣстъ вышли [3]).

Въ 1657 году князь Михаилъ Шаховской писалъ въ Москву: „февраля, государь, въ 7-й день вѣдомо мнѣ, холопу твоему, учинилось: поѣхали изъ Вильны къ тебѣ, великому государю, виленскій мѣщанинъ Михайло Соболевскій да Виленскаго Духоваго монастыря старцы Митрофанъ Пашинскій, да Ларіонъ Бокѣевскій, не бивъ челомъ тебѣ, великому государю, и мнѣ, холопу твоему, не сказывались; а буде они, государь, черезъ заставы мимо Борисовъ проѣдутъ, и мнѣ холопу твоему въ томъ отъ тебя, великаго государя, въ опалѣ не быть“. На донесеніи этомъ была положена резолюція: „будетъ люди на Москвѣ объявятся, и ихъ поймавъ поставить въ Разрядъ“ [4]).

Какой карѣ подвергались въ XVII в. уличенные въ неподчиненіи карантиннымъ требованіямъ, явствуетъ изъ другаго дѣла. Въ 1654 г. посадскій человѣкъ Ѳедоръ Григорьевъ отлучился изъ Кашина за заставу, которыми въ то время былъ окруженъ городъ, въ село Постельниково и, несмотря на то, что онъ ходилъ „къ заставнымъ головамъ къ Ивану Бобарыкину, да къ Матѳѣю Колычеву для рудометнаго промыслу“, его велѣно было „въ Кашинѣ передъ съѣзжею избою, при кашинцахъ при многихъ людехъ бить батоги нещадно, чтобъ ему и инымъ на него смотря впредь такъ воровать, черезъ заставу ходить, было неповадно“ [5]).

---

[1]) Ib. Москов. ст. столб. 289, л.л. 426—428.
[2]) Ib. Бѣлгород. ст. столб. 97, 64.
[3]) Ib. Московск. ст. столб. 15, л.л. 72, 75.
[4]) Ib. столб. 272, л. 448.
[5]) Дополн. къ акт. историч., т. III, стран. 457, докум. XXV.

Платья лицъ, ѣхавшихъ изъ зараженной мѣстности, у заставы жгли или вымораживали, деньги тщательно перемывались [1]), письма и донесенія воеводъ „принимались черезъ огонь“ [2]) иногда „черезъ два огня“. Затѣмъ много разъ переписывались и отправлялись дальше уже съ другими гонцами, при чемъ послѣдніе должны были ѣхать окольными путями и въ тѣ мѣста, гдѣ на людяхъ отъ морового повѣтрія упадокъ есть, не въѣзжать отнюдь, нѣкоторыми дѣлы“ [3]). Подлинныя бумаги сжигались [4]).

Переписка бумагъ ставила нерѣдко въ большое затрудненіе „заставныхъ людей“: съ одной стороны не хватало бумаги [5]), а съ другой при крайне слабомъ развитіи грамотности, трудно было находить достаточное число писцовъ.

Въ 1657 г. писали государю съ Вяземской заставы Петръ Тихановъ и съ Можайской заставы Дмитрій Мотовиловъ: „присылаются де къ нимъ на заставы съ городовъ многія отписки, а съ тѣхъ де отписокъ списывать списковъ некѣмъ, подьячихъ у нихъ только бываетъ съ перемѣною по 3 человѣка, и тѣ де подьячіе съ отписокъ списывать списковъ не умѣютъ, и за тѣмъ де на заставахъ у нихъ письму чинится большое мотчаніе, лежатъ многія отписки многое время не переписаны“. „И великій государь царь... указалъ для переписки отписокъ на заставы послать изъ всѣхъ приказовъ по человѣку съ перемѣною понедѣльно, чтобъ въ перепискѣ съ отписокъ мотчанья нималаго не было“ [6]). Въ другомъ указѣ „для письма“ было велѣно брать „церковныхъ и монастырскихъ дьячковъ“.

Какое большое профилактическое значеніе придавалось переписыванію бумагъ, видно изъ того, что во время мороваго повѣтрія въ Москвѣ въ 1659 г. возникъ вопросъ, можно ли пропустить къ царю, находившемуся въ Смоленскѣ, нераспечатанными письма изъ Москвы отъ государыни Маріи Ильиничны и патріарха Никона: Иванъ Еропкинъ, въ то время стоявшій на заставѣ въ Вязьмѣ, распечаталъ первое письмо къ царю отъ патріарха Никона и затѣмъ въ челобитной отъ 13-го августа обратился къ царю Алексѣю Михайловичу за разъясненіемъ: „Будетъ, государь, отъ великаго государя святѣйшаго Никона, патріарха московскаго и всея Великія и Малыя Россіи, къ тебѣ, государю, грамоты съ гонцами, отъ стана до стану посланы будутъ

[1]) М. А. М. Ю. Москов. ст. столб. 289 л.л. 426—428.
[2]) Ib. Новгород. ст. столб. 165, л.л. 66, 67.
[3]) Дополн. къ акт. истор. т. III, стран. 457 (докум. XXV).
[4]) Ib. стран. 453, 462 (докум. XXX).
[5]) М. А. М. Ю. Новгор. ст. столб. 168, л. 429.
[6]) Ib. Москов. ст. столб. 325, л.л. 107—118.

запечатаны въ столбцахъ, и мнѣ, холопу твоему, тѣ столбцы распечатывать ли, и грамоты чрезъ огонь принимать ли, а отъ заставы съ иными ли гонцами то письмо къ тебѣ, государю, присылать, или кто съ тѣмъ письмомъ ко мнѣ пріѣдетъ изъ Царева Займища". Отвѣтъ былъ посланъ 17-го августа: „указалъ государь отписать: тѣ государыни царицы и великіе княгини Маріи Ильинишны грамоты и патріарховыхъ не распечатывать" [1]).

Особенно строгія мѣры принимались при появленіи заразы на западной окраинѣ, такъ какъ въ этомъ случаѣ къ общему страху передъ всякой эпидеміей присоединялось еще опасеніе умышленнаго распространенія заразы литовцами и поляками по русскимъ селеніямъ и городамъ. Въ эпидемію 1622 года „Никита Мезецкой и Иванъ Колтовскій", извѣщая царя Михаила Ѳеодоровича о появленіи мороваго повѣтрія въ Польшѣ и Литвѣ, писали: „Литовскіе, государь, люди нарочно хотятъ изъ моровыхъ мѣстъ съ купецкими людьми въ твои государевы города товары всякія посылати и продавати дешевою цѣною для мороваго повѣтрія на твои государевы люди... да изъ Литвы же, государь, привозятъ книги всякія печатныя на продажу для смуты, потому что въ тѣхъ книгахъ много неисправлено и ереси" [2]).

Въ виду сказаннаго, при появленіи эпидеміи въ Польшѣ и Литвѣ, помимо устройства заставъ принимались еще и другія ограничительныя мѣры, направленныя къ стѣсненію свободы передвиженія. Такъ во время мороваго повѣтрія въ Вильнѣ въ 1656 г. князь Михаилъ Шаховской велѣлъ запереть всѣ ворота и никого не выпускать изъ города, несмотря на то, что заставы стояли уже „по Полоцкой и Борисовской и по Минской дорогамъ и отъ Ковны, и отъ Гродны, и отъ польскихъ городовъ".

Тогда князю была подана челобитная „за руками вилинскаго войты Езупа Петрова и бургомистровъ и райцы, и писарей, и ливниковъ, и сотниковъ, и пятидесятниковъ, и десятниковъ, и всѣхъ виленскихъ мѣщанъ". Въ этой челобитной они слезно молили князя Михаила Степановича Шаховскаго разрѣшить имъ „разселиться въ окрестностяхъ Вильны, чтобъ имъ язвенною смертью, живучи въ городѣ въ одномъ мѣстѣ съ заповѣтренными людьми, не помереть", такъ какъ моровое повѣтріе чинится въ городѣ и въ слободахъ, и въ разныхъ улицахъ и домахъ", при этомъ они торжественно обѣщали „за заставы и за рѣку Вилею изъ насъ никому въ Жмуди и въ Кайданы не ѣхать и великому государю не измѣнить, и въ Польшу не въ присяжныя мѣста и въ Нѣмцы и въ иныя ни въ которыя государства

[1]) Ib. Московск. ст. столб. 261, л.л. 324, 325.
[2]) Ib. Московск. ст. столб. 15, л.л. 72, 75.

не отъѣхать и не сбѣжать; а будетъ учинится въ Вильнѣ какая вѣсть про приходъ непріятельскихъ людей царскаго величества на служилыхъ людей, и намъ, провѣдавъ или отъ кого услышавъ про непріятельскихъ людей, быть въ Вильню тотчасъ и биться о городѣ съ государевыми служилыми людьми за-одно и города никому не сдать; или будетъ насъ застанутъ непріятели на поляхъ или въ селѣхъ и въ деревняхъ заѣдутъ, и намъ съ непріятельскими людьми биться до смерти живота своего, покамѣста милосердый Богъ помощи подастъ, а будетъ въ городѣ или гдѣ на поляхъ и въ селѣхъ и въ деревняхъ кого изъ насъ отъ непріятельскихъ людей осада займетъ, и намъ къ непріятельскимъ людямъ не переѣзжать, и съ ними не знаться и грамотками не ссылаться, и свинцомъ и порохомъ и ружьемъ не ссужаться. И на томъ, кто изъ насъ будетъ въ лицахъ, пеня великаго государя, а пеню, что государь укажетъ".

Князь внялъ мольбамъ виленскихъ горожанъ и разрѣшилъ имъ выселяться изъ города. Но въ Москвѣ на это дѣло взглянули иначе: какъ только стало извѣстно о распоряженіи Шаховскаго, тотчасъ же ему было послано предписаніе „писать къ мѣщанамъ и ко всѣмъ жилецкимъ людямъ, которые для морового повѣтрія изъ Вильны распущены, чтобы они ѣхали и шли въ Вильну и жили въ домахъ своихъ по-прежнему".

Едва-ли какая-либо другая правительственная мѣра могла привести къ болѣе тяжелымъ экономическимъ послѣдствіямъ, чѣмъ устройство заставъ: въ торговыхъ дѣлахъ наступалъ застой, поступленіе пошлинныхъ сборовъ прекращалось, а это, отзываясь громаднымъ ущербомъ на торговыхъ отношеніяхъ, вело къ обѣднѣнію государственной казны и общему недовольству и дѣлало карантинныя мѣры не только непопулярными, но и прямо ненавистными учрежденіями, а потому, несмотря на всю жестокость кары, которой подвергались виновные, заставы постоянно „объѣзжались и обходились", а если онѣ недостаточно охранялись, прохожіе и проѣзжіе проходили ихъ даже „насильствомъ" [1]). Нерѣдко протестъ со стороны населенія выражался въ томъ, что оно отказывалось давать людей для охраненія заставъ. Иногда, наконецъ, заставы становились проходимыми вслѣдствіе того, что всѣ сторожа вымирали, или же разбѣгались.

Но тамъ, гдѣ карантинныя мѣры проводились со всею строгостью, нельзя было ѣхать ни на ближайшую мельницу, ни въ лѣсъ за дровами, ни на поле за сѣномъ, а въ городахъ прекращались и „рыбный привозъ и скотный пригонъ", и населеніе цѣлыхъ городовъ и даже округовъ, будучи лишено самыхъ необходимыхъ пищевыхъ продуктовъ

[1]) Дополнен. къ акт. историч. т. III, стран. 464, докум. XXXIV.

и вещей, терпѣло страшную нужду, и на смѣну мороваго повѣтрія сплошь и рядомъ являлись эпидеміи цынги и голоднаго тифа.

Послѣдствія бывали обыкновенно тѣмъ болѣе тяжелыми, что срокъ задержки у заставъ не былъ опредѣленъ и самыя заставы оставались стоять еще многое время спустя послѣ того, какъ „минется моровое повѣтріе", ибо прежде чѣмъ „свесть заставы" „развѣдывалось и разыскивалось всякими сыски накрѣпко въ уѣздѣ и въ ближнихъ его царскаго величества въ городахъ на люди морового повѣтрія нѣтъ ли". А при тогдашнихъ способахъ управленія это требовало немало времени.

Прекрасной иллюстраціей тѣхъ послѣдствій, къ какимъ вело устройство заставъ, служатъ приводимыя ниже выдержки.

Въ 1677 г. заставный голова Гераснмъ Кочигинъ писалъ царю Алексѣю Михайловичу: „На Луки, государь, Великіе торговые люди изъ городовъ съ товары никто не пріѣзжали, потому что въ Луцкомъ и Пусторжевскомъ уѣздахъ по рубежу для морового повѣтрія поставлены были заставы, и торговыхъ людей не пропускали ни съ какими товарами... и пошлины собирать не накомъ, чинится недоборъ большой". Отвѣтъ на это донесеніе былъ такой: „будетъ чего не доберутъ, и то все на нихъ (сборщикахъ) допросить будетъ вдвое, а впредь бы они такъ не плутали и не отписывались" [1]).

Во время уже упомянутаго мороваго повѣтрія въ Виленскомъ округѣ заставы были поставлены въ маѣ 1656 г., а уже съ февраля 1657 г. въ Москву шла одна челобитная за другою о томъ, „что въ Минскѣ, и въ Вильнѣ, и въ Кіевѣ, и въ тѣхъ уѣздахъ на люди мороваго повѣтрія нѣтъ, и въ польскихъ и въ литовскихъ городѣхъ про повѣтріе не слышатъ, а помираютъ многіе въ мѣстечкахъ и въ селахъ и деревняхъ повѣтные люди томною смертью съ голода, а не повѣтріемъ, потому что въ Вильну изъ повѣтовъ хлѣбныхъ запасовъ не возятъ"; далѣе слѣдуетъ просьба: „велѣть, гдѣ мороваго повѣтрія нѣтъ, заставы свесть".

Въ 1656 г. борисовскій воевода Иванъ Андреевичъ Ржевскій писалъ царю Алексѣю Михайловичу: „по нашему уѣзду отъ Борисова (литовскаго по всѣмъ дорогамъ отъ мороваго повѣтрія учинены заставы, и въ Борисовъ съ хлѣбомъ и со всякимъ товары ниоткуды пропускать не велѣно, и нынѣ въ Борисовѣ въ хлѣбѣ скудость большая, и помираютъ голодомъ"... [2]), и далѣе: „изъ Борисова, государь, посылать мнѣ, холопу твоему, къ тебѣ, великому государю,

---

[1]) М. А. М. Ю. Новгородск. ст. столб. 202, лл. 176, 177.

[2]) Ib. Москов. ст. столб. 272, лл. 595—597.

съ отписками и для иныхъ твоихъ государевыхъ дѣлъ некого... многіе солдаты отъ цынги перепухли, лежатъ больны по полугоду, и по 20 и по 10 недѣль, и на твои государевы караулы ходятъ солдаты немногіе", „а Борисовскаго, государь, уѣзда изъ селъ и деревень крестьяне... отъ разоренія разбрелись и нынѣ бредутъ врознь".

Бывали даже случаи, когда дѣло доходило до каннибализма. Такъ въ одномъ донесеніи царю Алексѣю Михайловичу отъ 25-го февраля 1656 г., содержащемъ въ себѣ результаты слѣдствія по поводу убійства одной крестьянки Борисовскаго уѣзда, мы читаемъ: „ту дѣвку жонка Марфушка рѣзала... а дѣвка Тоска держала, а голову, государь, тое дѣвки, отрѣзавъ и сваря, онѣ съѣли, а тѣло де, государь, зарѣзанной дѣвки, та дѣвка Тоска положила въ печь для того, что хотѣла то тѣло съ голода ѣсть же, да та жъ, государь, дѣвка Тоска сказала, что она ѣла съ голоду кошки и собаки" [1]).

На-ряду съ устройствомъ заставъ принимались и различныя другія предохранительныя мѣры. Такъ умершихъ погребали „въ тѣхъ же дворѣхъ, въ которыхъ кто умретъ, во всемъ платьѣ и на чемъ кто умретъ". Съ зачумленными домами прекращалось всякое сообщеніе, и „кормили тѣхъ людей улицей", т. е. съ улицы, а въ которыхъ дворѣхъ колодезей нѣтъ, и въ тѣ дворы велѣно сторожамъ подавать воду черезъ ворота, а во дворы сторожамъ входить не велѣно отнюдь, нѣкоторыми дѣлы". Изъ зачумленныхъ деревень здоровые люди нерѣдко выселялись въ ближайшія окрестности.

Черезъ дороги, ведущія изъ пораженныхъ эпидеміею областей къ тому мѣсту, гдѣ находился царь, строго запрещалось переносить людей, умершихъ „язвенною смертью". Извѣстенъ одинъ случай, когда въ Кашинскомъ уѣздѣ, вопреки запрещенію, была перевезена черезъ дорогу изъ одного помѣстья въ другое умершая отъ чумы жена дворянина Ивана Гавренева. Тогда велѣно было: „накласть дрова и выжечь то мѣсто гораздо, и уголья съ той дороги и пепелъ съ землею свезть, а на то мѣсто насыпать новыя земли... [2]).

Такимъ образомъ XVII столѣтіе по отношенію къ борьбѣ съ эпидеміями является переходнымъ временемъ. На-ряду съ унаслѣдованными отъ прошлыхъ вѣковъ воззрѣніями, согласно которымъ главною причиною всѣхъ эпидемій считалось вмѣшательство высшихъ силъ, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ и вполнѣ вѣрныхъ, хотя и наивно истолкованныхъ, наблюденій. Въ полномъ соотвѣтствіи съ общими воззрѣніями на эпидемическія болѣзни, и борьба съ ними велась въ двухъ

[1]) Ib. столб. 272, лл. 428, 429.

[2]) Дополн. къ акт. историч., т. IX, стран. 448.

направленіяхъ: съ одной стороны путемъ воздѣйствія на религіозно-нравственное чувство населенія, а съ другой устройствомъ карантинныхъ мѣръ. Какъ ни нераціональны были первыя предохранительныя мѣры, онѣ все же представляютъ большой историческій интересъ, такъ какъ послужили зародышемъ всей послѣдующей карантинно-санитарной организаціи въ Россіи.

М. Лахтинъ.

Копія вѣрительной грамоты, данной императрицею Екатериною II 18-го апрѣля 1782 года князю Дмитрію Голицыну и Аркадію Моркову.

Когда въ царствованіе короля великобританскаго Георга III торійскому министерству Норта пришла мысль открыть Англіи въ Сѣверо-Американскихъ колоніяхъ новые источники доходовъ. тогда колоніи открыто противъ этого возстали и 4-го іюля 1776 года конгрессъ колоній провозгласилъ независимость 13-ти соединенныхъ штатовъ. Война въ это время была уже въ полномъ разгарѣ. Сначала успѣхъ былъ на сторонѣ англичанъ, но ходъ дѣла измѣнился, когда въ 1778 году колоніи заключили союзъ съ Франціей, которая воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы отомстить своей соперницѣ, и въ 1779 году привлекла къ участію въ войнѣ также и Испанію. Сверхъ того, въ февралѣ 1780 года, по почину Россіи, сѣверныя морскія державы образовали „вооруженный нейтралитетъ“, для защиты своихъ взаимныхъ торговыхъ интересовъ.

Лондонскій кабинетъ пришелъ въ такое раздраженіе, что объявилъ войну Нидерландскимъ штатамъ за ихъ намѣреніе присоединиться къ союзу сѣверныхъ державъ.

Екатерина II отдавала полную справедливость англійскому правительству въ томъ, что послѣ обнародованія февральской декларації, англійскіе каперы и военныя суда почти перестали останавливать русскія суда. Въ началѣ 1781 года англійскій министръ заявилъ русскому посланнику, что всѣ претензіи русскихъ подданныхъ вполнѣ удовлетворены. Когда въ маѣ 1781 года Гаррису [1]) было объявлено,

[1]) Англійскій посланникъ при Русскомъ дворѣ съ 1777 года.

что „Ея Императорское Величество, для соблюденія совершенной въ Балтійскомъ морѣ тишины, желать изволитъ, чтобы англійскимъ арматорамъ и военнымъ судамъ самый входъ въ оное вовсе запрещенъ былъ, ибо сіе море заключается между берегами державъ нейтральныхъ и съ Англіею въ дружбѣ пребывающихъ“,— англійское правительство предписало своимъ военно-морскимъ силамъ исполнить это желаніе императрицы.

Въ виду только-что сдѣланныхъ великобританскимъ правительствомъ Россіи уступокъ,—объявленіе Англіею войны Нидерландскимъ штатамъ было полною неожиданностью для императрицы, которая усмотрѣла въ этомъ поступкѣ ударъ, наносимый русской торговлѣ, и наказаніе за присоединеніе Голландіи къ союзу вооруженнаго нейтралитета. Въ самомъ началѣ января 1781 года императрица приказала Симолину [1]) всѣми силами стараться о предупрежденіи этой войны. Онъ долженъ былъ убѣдить англійскихъ министровъ въ томъ, что они своею политикою принуждаютъ Голландію броситься въ объятія Франціи, что нанятыя въ Германіи, за счетъ Англіи, войска не въ состояніи будутъ выѣхать изъ Европы въ Сѣверную Америку и т. п. „Не имѣемъ мы“, пишетъ императрица Симолину 27-го октября 1781 года, „подлинно другой цѣли, кромѣ удовлетворенія благотворительнымъ нашимъ склонностямъ въ пользу человѣчества, и это впрочемъ объявя торжественно какъ воюющимъ державамъ, такъ и всему свѣту нашу твердость въ сохраненіи къ нимъ равнаго и строжайшаго нейтралитета до послѣднихъ предѣловъ возможности“.

Когда война была объявлена Нидерландамъ, Екатерина II предложила свое посредничество для заключенія отдѣльнаго мира между Англіей и Голландіей. Это предложеніе было сперва отвергнуто англійскимъ королемъ на томъ основаніи, что онъ не желаетъ общаго мира, который можетъ быть только отдаленъ заключеніемъ отдѣльныхъ мирныхъ трактатовъ [2]), но въ сентябрѣ 1781 года англійскій король перемѣнилъ свое мнѣніе и согласился на посредничество Россіи между нимъ и Нидерландскими штатами. Въ то же время Гаррису было поручено поддержать самыя дружескія отношенія съ

---

[1]) Русскій посланникъ при Лондонскомъ дворѣ.

[2]) По этому случаю Симолинъ получилъ рескриптъ: „Чѣмъ большее доброжелательство старались мы постоянно оказывать къ дѣламъ и истиннымъ интересамъ короля и народа великобританскаго, тѣмъ прискорбнѣе было намъ узнать изъ вашихъ донесеній о рѣшительномъ отказѣ королевскомъ въ принятіи особеннаго нашего посредства въ новой войнѣ Англіи съ республикой Соединенныхъ Нидерландовъ (С. Соловьевъ. Исторія Россіи, изд. 1879 года, т. V стран. 325).

Императорскимъ правительствомъ и возбудить еще разъ вопросъ о заключеніи оборонительнаго союза между обѣими державами.

Въ мартѣ 1781 года императрицѣ было предложено королемъ англійскимъ занять островъ Минорку, который онъ желалъ уступить Россіи, чтобы дать ей возможность создать себѣ морскую станцію на Средиземномъ морѣ. Это заманчивое предложеніе было отвергнуто императрицею (Diaries and correspondence of James Harris, first Earl of Malmesbury, letter from sir James Harris to Lord Viscount Stormont. Vol. I p. 381).

Что же касается предложенія о союзномъ трактатѣ, то оно также не было принято императрицею Екатериною на основаніи слѣдующихъ собственноручно написанныхъ ею, по-французски, мотивовъ: „Что они (англичане) разумѣютъ подъ европейскимъ моремъ? Прежде всего, они нисколько не желаютъ давать помощи противъ турокъ и татаръ, хотя гарантируютъ заключенный миръ. Это противорѣчіе. Они требуютъ (хотя этого не говорятъ), чтобы мы слали наши войска и суда въ Америку, но они не требуютъ этого для Португаліи и Испаніи. Средиземное море—европейское море или нѣтъ? То ли же самое Архипелагъ? Первое море между Европою и Америкою; второе между Азіею и Европою".

Какъ ни были велики средства Англіи, она не могла долѣе бороться противъ союза сѣверныхъ державъ и, заключивъ миръ съ Нидерландскими штатами, должна была 30-го ноября 1782 года подписать отдѣльный миръ съ американскими колоніями, за которыми и признана полная независимость, а уже въ сентябрѣ слѣдующаго года заключенъ общій миръ въ Версалѣ (Ф. Мартенсъ. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Т. IX (X). Трактаты съ Англіею 1710—1801, СПБ. 1892 г.).

Вотъ копія съ хранящейся въ Рукописномъ отдѣлѣ Собственныхъ Его Императорскаго Величества Библіотекъ, подлинной вѣрительной грамоты императрицы Екатерины II, данной въ Царскомъ Селѣ 18-го апрѣля 1782 года, чрезвычайному посланнику при Генеральныхъ Штатахъ соединенныхъ провинцій, князю Дмитрію Голицыну и министру при Ихъ Высокомочіяхъ, Аркадію Моркову, на уполномочіе ихъ въ качествѣ посредниковъ, къ примиренію воюющихъ сторонъ:

Божіею поспѣшествующею Милостію, Мы Екатерина Вторая Императрица и Самодержица Всероссійская: Московская, Кіевская, Владимірская, Новгородская; Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Государыня Псковская и Великая Княгиня Смоленская, Княгиня Эстляндская, Лифляндская, Карельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская, и Иныхъ Государыня, и Великая Княгиня Нова-Города Низовскія земли, Черниговская, Рязан-

ская, Ростовская, Ярославская, Бѣло-Озерская, Удорская, Обдорская, Кондійская, и всея Сѣверныя Страны Повелительница, и Государыня Іверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей и Кабардинскія земли, Черкаскихъ и Горскихъ Князей и Иныхъ, наслѣдная Государыня и Обладательница. Взирая съ особливымъ удовольствіемъ, что употребленныя отъ Насъ добрыя офиціи и посредство къ прекращенію войны между Его Величествомъ Королемъ Великобританскимъ и Ихъ Высокомочіями Генеральными статами соединенныхъ провинцій, начали производить желаемый успѣхъ, и продолжая, по истинной дружбѣ Нашей къ обѣимъ воюющимъ державамъ, усердствовать о доведеніи сего добраго начала къ счастливому концу, и тѣмъ самымъ оказать имъ пріятную, а человѣчеству драгоцѣнную услугу, избрали, назначили и опредѣлили Мы, и симъ избираемъ, назначаемъ и опредѣляемъ Нашихъ Любезновѣрныхъ Тайнаго Совѣтника, дѣйствительнаго Камеръ-Гера и Чрезвычайнаго Посланника при Генеральныхъ статахъ соединенныхъ провинцій, Князя Дмитрія Голицына и Нашего Канцеляріи Совѣтника и Министра при Ихъ же Высокомочіяхъ Аркадія Моркова, уполномочивая ихъ обоихъ именемъ Нашимъ и со стороны Нашей въ качествѣ посредниковъ совокупно съ тѣми, которыя взаимно будутъ назначены и снабдены полною мочью со стороны Его Великобританскаго Величества и Ихъ Высокомочій Генеральныхъ статовъ соединенныхъ провинцій, содѣйствовать и помогать Нашимъ посредничествомъ и добрыми офиціями распоряженію и составленію между ими всѣхъ и такихъ трактатовъ, конвенцій или другихъ актовъ, какого бы званія они ни были, которые будутъ признаны нужными для совершеннаго примиренія ихъ, и по востребованію договаривающихся сторонъ утвердить оныя по ихъ взаимному желанію, обѣщая Императорскимъ Нашимъ словомъ и вѣрою за благо принять и вѣрно исполнить все то, что въ послѣдствіе сей полной мочи будетъ сдѣлано, постановлено, обѣщано, утверждено и подписано помянутыми Нашими Чрезвычайнымъ Посланникомъ Княземъ Голицынымъ и Министромъ Морковымъ. Равно какъ и дать на то, если нужно и востребовано будетъ, Ратификацію Нашу на соглашаемый срокъ. Въ увѣреніе чего Мы сію Нашу полную мочь собственноручно подписали и Государственною Нашею печатью утвердить повелѣли. Дано въ Царскомъ Селѣ апрѣля осмаго на десять дня тысяча семьсотъ восемьдесятъ втораго, а Государствованія Нашего двадесятаго года".

„Екатерина"

(скрѣпилъ Графъ Иванъ Остерманъ).

Къ этой вѣрительной грамотѣ приложенъ французскій переводъ оной.

Въ заключеніе не будетъ лишнимъ, въ русскомъ переводѣ, привести извлеченіе изъ депеши Сэра Джемса Гарриса—Фоксу [1]).

Петербургъ, 18/30 апрѣля 1782 г.

... „Я позволилъ себѣ указать на мѣры, казавшіяся мнѣ самыми дѣйствительными для усугубленія энергіи вмѣшательства императрицы и могущими быть достигнутыми лишь поддержкой еще оставшихся намъ въ Голландіи друзей и запугиваніемъ приверженцевъ Франціи. Потому-то я совѣтовалъ отправить немедленно курьера къ гг. Голицыну и Моркову, чтобы, снабженные самой точной и ясной инструкціей, эти господа могли бы настаивать у ихъ высокомочій на соглашеніи съ ихъ собственнымъ рѣшеніемъ; и это тотчасъ же, немедля и не допуская проволочекъ, которыя они всегда оправдывали будто бы условіями ихъ республиканской конституціи, когда имъ приходилось обсуждать какую-либо неугодную имъ мѣру и которыя, какъ мы недавно видѣли, переставали существовать, когда дѣло касалось излюбленнаго ими проекта союза съ Франціей или независимости Америки.

„Я поэтому настойчиво убѣждалъ русскихъ посланниковъ въ Гаагѣ говорить твердымъ и рѣшительнымъ образомъ, въ необходимости дать голландцамъ почувствовать, что съ государынею, столь вліятельной и могущественной, какова императрица, изъ гуманныхъ побужденій и для ихъ же пользы, принявшей на себя посредничество между нами и ими, нельзя относиться пренебрежительно“.

Сообщилъ **В. Щегловъ.**

[1]) Diaries and correspondence of James Harris. Vol. I, p. 432.

Домъ, гдѣ жилъ императоръ Александръ I во время пребыванія въ Черновцахъ, снятый въ 1820-хъ годахъ.

Свиданіе двухъ императоровъ въ Черновцахъ въ 1823 году [1].

Статью эту мы начинаемъ съ извѣщенія графомъ Нессельроде австрійскаго канцлера о намѣреніи императора Александра произвести осенью 1823 года смотръ войскамъ Второй арміи. По окончаніи маневровъ государь готовъ былъ принять императора австрійскаго въ Каменецъ-Подольскѣ, но недостатокъ помѣщеній въ этомъ городѣ заставилъ впослѣдствіи перенести мѣсто свиданія въ Черновцы [2].

Въ то время, какъ въ мартѣ гр. Нессельроде писалъ о томъ австрійскому канцлеру, графъ Лебцельтернъ старался выставить посла нашего въ Вѣнѣ въ самомъ неблагопріятномъ освѣщеніи. Дѣло въ томъ, что послѣднему хотѣлось перенести изъ Константинополя въ Вѣну переговоры и, отстранивъ лорда Странгфорда, взять все это дѣло въ свои руки.

Вотъ какъ между прочимъ выражался князь Меттернихъ о Татищевѣ по поводу желанія его затереть англійскаго дипломата: „продолжительное вмѣшательство лорда Странгфорда въ дѣла Востока на столько ненавистно г. Татищеву, что оно совершенно его ослѣпляетъ [3]. Но сдѣлать Вѣну центромъ переговоровъ Татищеву не удалось, хотя по отношенію Черновецкаго свиданія роль его была все-таки значительнѣе роли австрійскаго его коллеги въ Петербургѣ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“: 1) май 1901 г.; 2) ноябрь 1903 г.; 3) книжку, въ которую помѣщены матеріалы Парижскаго архива; 4) книжку, въ которую помѣщены матеріалы Вѣнскаго архива.

[2]) Нессельроде—Меттерниху. С.-Петербургъ, 26-го марта 1823 года.

[3]) Меттернихъ—Лебцельтерну, 28-го іюня 1823 г.

Татищевъ сопровождалъ графа Нессельроде во Львовъ, тогда какъ графъ Лебцельтернъ, которому хотѣлось присутствовать при этомъ свиданіи—оставался въ Петербургѣ. Въ слѣдующей депешѣ своей австрійскій посолъ, говоря объ императорѣ Александрѣ, изображаетъ его человѣкомъ, обладавшимъ энигматическимъ характеромъ, какимъ-то сфинксомъ. Вотъ эти слова: „онъ не былъ въ состояніи постигнуть характера, полнаго блестящихъ качествъ, но который было не такъ-то легко подчинить себѣ“ [1]). Почти одновременно извѣщенію о предстоявшемъ свиданіи графъ Лебцельтернъ сообщалъ Вѣнскому кабинету о полученномъ въ Петербургѣ извѣстіи относительно фирмана, въ которомъ говорилось о намѣреніи султана создать торговый флотъ на Черномъ морѣ. Подобный флотъ нанесъ бы конечно значительный вредъ морской торговлѣ всѣхъ вообще державъ, суда которыхъ плавали въ водахъ Леванта, а въ особенности русскимъ торговымъ судамъ. Намѣреніе султана, по словамъ австрійскаго посла, произвело въ Петербургѣ весьма невыгодное впечатлѣніе [2]). Недѣль шесть спустя тотъ же дипломатъ, по приказанію Меттерниха, зорко слѣдившій за рѣшеніями, принимаемыми Петербургскимъ кабинетомъ по восточнымъ дѣламъ, доноситъ въ Вѣну, что русскій императоръ повидимому начинаетъ колебаться и кончитъ вѣроятно тѣмъ, что объявитъ Турціи войну. На самомъ дѣлѣ этого, какъ извѣстно, не случилось. Самъ ли или вслѣдствіе воздѣйствія дипломатіи, какъ русской, такъ и иностранной, но императоръ Александръ обращалъ, къ сожалѣнію, гораздо болѣе вниманія на происходившія событія на Иберійскомъ полуостровѣ и въ Италіи, нежели на страданія своихъ единовѣрцевъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ Морѣ, а равно на убытки, которые несла вся юго-западная Россія вслѣдствіе прекращенія торговыхъ сношеній нашихъ съ Турціею.

Война съ этою державою разыгралась четыре года спустя.

Князь Меттернихъ хорошо понималъ, что разрывъ Россіи съ Турціею, если и не угрожалъ миру въ Европѣ, тѣмъ не менѣе затрогивалъ за живое австрійскіе интересы на Востокѣ, а отсюда и шли всѣ его старанія, увѣнчавшіяся успѣхомъ, къ возстановленію дипломатическихъ сношеній между обѣими державами. Старанія эти [3]) не помѣшали австрійскому дипломату вполнѣ раздѣлять мнѣніе русскаго царя, что время не наступило еще для назначенія русскаго представителя на берегахъ Босфора. (Мы говоримъ здѣсь о дипломатическомъ представительствѣ). Туркамъ конечно было бы весьма пріятно

[1]) Лебцельтернъ—Меттерниху, 10/22-го августа 1823 г.
[2]) Лебцельтернъ—Меттерниху. С.-Петербургъ, 15/27 апрѣля 1823 года.
[3]) Меттернихъ—Оттенфельсу, Вѣна, 21-го іюля 1823 года.

видѣть русскаго посланника въ Константинополѣ, такъ какъ присутствіе его могло служить лучшимъ доказательствомъ, что Россія не поддерживаетъ грековъ въ ихъ возстаніи противъ султана и не выказываетъ никакого желанія нарушать цѣлость Оттоманской имперіи. Дипломатическія наши сношенія съ Турціею продолжалъ тѣмъ не менѣе по-прежнему вести лордъ Странгфордъ.

Продолжительное упорство турокъ заставило Россію искать поддержки въ Австріи, и въ слѣдующей депешѣ [1]) мы нашли весьма интересный разговоръ нашего министра иностранныхъ дѣлъ съ австрійскимъ посломъ въ Петербургѣ. Въ данномъ случаѣ графъ Нессельроде, вопреки обычной его уступчивости иностранной дипломатіи, въ особенности австрійской, довольно энергично на этотъ разъ представилъ графу Лебцельтерну непріятное и обидное положеніе Россіи по отношенію къ Портѣ, совѣтуя австрійскому правительству болѣе тѣсный образъ дѣйствія съ нашимъ. Послѣдній могъ бы выразиться, по мнѣнію графа Нессельроде, въ отозваніи интернунція и даже въ угрозѣ посылки 50-ти-тысячнаго австрійскаго корпуса совокупно съ нашими войсками. На это русскій министръ получилъ въ отвѣтъ, что подобная угроза не окажетъ никакого вліянія на Порту, такъ какъ послѣдней хорошо извѣстно, что Австрія ни посла своего не отзоветъ и еще менѣе пошлетъ солдатъ своихъ воевать съ Турціею. Графу Нессельроде поневолѣ пришлось перейти снова изъ мажорнаго тона въ минорный. Хорошо еще, что дипломатія наша энергично заявила графу Лебцельтерну, который конечно не преминулъ передать это Турціи, о томъ, что Россія никогда не согласится на очищеніе занятыхъ ею на восточномъ берегу Чернаго моря укрѣпленій: Сухумъ-Кале, Анапы и Поти.

Переговоры наши съ Турціею подвигались черепашьимъ ходомъ и постоянно затягивались, какъ вдругъ до Вѣнскаго кабинета дошли извѣстія, что Россія, если и не оффиціально, то тайно все-таки поддерживаетъ греческое возстаніе. Преслѣдуемый всю свою жизнь революціоннымъ призракомъ и повѣривъ этимъ слухамъ, князь Меттернихъ рѣшился сдѣлать по сему поводу серьезныя представленія Петербургскому кабинету, хотя русскій министръ иностранныхъ дѣлъ продолжалъ опровергать участіе Россіи въ возмущеніи Греціи.

Мы приводимъ здѣсь двѣ депеши австрійскаго дипломата почти in extenso. Первая явная (ostensible), вторая довѣрительная (secrète), но обѣ одной и той же даты 7-го августа 1823 года. Въ первой [2]), которая, конечно, предназначалась для прочтенія графу Нессельроде,

[1]) Лебцельтернъ—Меттерниху. С.-Петербургъ, 25-го іюня (7-го іюля) 1823 г.
[2]) Меттернихъ—Лебцельтерну. Вѣна, 7-го августа 1823 г.

австрійскій канцлеръ расточался въ дифирамбныхъ выраженіяхъ по адресу императора Александра. Вотъ что онъ говорилъ: „россійскій императоръ, возвышенный въ своихъ намѣреніяхъ, съ сужденіемъ человѣка просвѣщеннаго, почерпающій силу въ началахъ доброй и великодушной политики, цѣлію своею не ставитъ уничтоженіе Оттоманской державы, а въ то же самое время будучи далекъ отъ желанія воспользоваться, для достиженія личныхъ политическихъ выгодъ, вліяніемъ разрушительныхъ началъ — искренно послужитъ дѣлу мира Европы"; и далѣе: „мудрость его величества, искренность его по отношенію къ союзникамъ, согласные ихъ поступки и непрерывная принадлежность ихъ къ охранительнымъ началамъ общественнаго порядка, вотъ путь къ спасенію, которымъ крамола пренебрегла въ своихъ разсчетахъ".

Но рядомъ съ этой депешей была приложена секретная, и невольно улыбаешься, читая тѣ строки, которыя тщательно скрывались отъ непрошенныхъ взоровъ. Конечно, графъ Нессельроде, какъ опытный дипломатъ, догадывался о существованіи второй депеши, въ концѣ которой австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ отбросилъ въ стороны дипломатическія тонкости. En se déboutonnant, т. е. на распашку, онъ поручалъ графу Лебцельтерну сообщить Петербургскому кабинету, что Австрія въ войнѣ Россіи съ Турціею никакой поддержки первой не окажетъ, а еще менѣе того съ оружіемъ въ рукахъ, предоставивъ себѣ право поступать въ случаѣ войны согласно лишь съ собственными интересами.

Отдавая вполнѣ справедливость возвышеннымъ чувствамъ (sentimens élevés) русскаго царя, а равно требованіямъ Россіи, торговля и національное достоинство которой страдали отъ безразсуднаго высокомѣрія Турціи, Вѣнскій кабинетъ оффиціально находился будто бы на сторонѣ Россіи, но стоило только взять въ руки эту секретную депешу князя Меттерниха, какъ въ ней нѣтъ уже и рѣчи о sentiments élevés (возвышенныхъ чувствахъ) императора Александра. Напротивъ того, князь Меттернихъ выражается съ такою развязностью, о которой предоставляемъ здѣсь судить самому читателю. „Вся моя дѣятельность опирается на обоснованныхъ данныхъ, къ несчастію, я не могъ высказать всей правды. Безпощадная истина безъ прикрасъ изложена въ прилагаемой моей запискѣ (конфиденціальной депешѣ), содержаніемъ которой прошу проникнуться въ разговорахъ вашихъ съ графомъ Нессельроде по поводу явной моей депеши" [1]).

Признавая въ явной депешѣ права Россіи справедливыми въ распрѣ

[1]) Меттернихъ—Лебцельтерну, 7-го августа 1823 года.

ея съ Турціею, въ секретной депешѣ права эти превратились въ притязанія, и они уже называются претензіями Россіи, которыя справедливѣе было бы назвать придирками.

Ниже приведена историческая справка по вопросу, разбиравшемуся въ этой депешѣ. Князь Меттернихъ назвалъ эту справку la vérité historique (историческая истина) и излагалъ ее въ слѣдующихъ словахъ: „Оттоманская Порта, среди безмятежнаго мира и совершенно безопаснаго положенія, но которое и было причиною ея непредусмотрительности, потерпѣла въ 1821 году нападеніе со стороны подвластнаго ей народа, находящагося въ близкихъ сношеніяхъ съ однимъ сосѣднимъ государствомъ. Внѣшнею политикою Россіи завѣдывалъ въ то время министръ, происхожденіемъ грекъ [1]). Министръ этотъ былъ главою тайной секты [2]), которая, организовавъ возстаніе цѣлаго народа, проявила тѣмъ въ сильной степени свое существованіе и силу. Русскій генералъ-лейтенантъ, перешедшій границу, провозгласилъ возстаніе; должностное лицо, скорѣе грекъ, нежели русскій, воспользовался всѣми имѣвшимися у него средствами для осуществленія разрыва между обоими государствами; всюду на востокѣ тайные и явные агенты служили дѣлу возстанія. Вотъ каково было положеніе въ моментъ осложненія. . . . . .
они (греки) видятъ въ немъ спасителя и теперь ожидаютъ спасенія отъ естественнаго своего врага.

„Пускай опровергнутъ эти истины!“ восклицалъ князь Меттернихъ и, сказавши, что въ случаѣ войны Россіи съ Турціею наступятъ неисчислимыя бѣдствія, австрійскій дипломатъ прибавлялъ: я поступаю, какъ человѣкъ, желающій мира въ Европѣ, какъ человѣкъ, которому дорога слава русскаго императора. Греки, будучи единовѣрцами Россіи, могли ждать помощи Россіи, но они—мятежники, и потому, по мнѣнію князя Меттерниха, Россія должна отказать имъ во всякаго рода покровительствѣ и защитѣ. Секретную депешу свою князь Меттернихъ заключалъ такъ: „А теперь пробилъ часъ, въ который императору россійскому слѣдуетъ узнать, что въ цѣляхъ сохраненія мира мы готовы на все, что не противорѣчитъ справедливости, но онъ долженъ также знать, что мы никогда не окажемъ поддержки ни словомъ, ни дѣломъ, если вспыхнула бы война. Въ случаѣ, если никакъ нельзя ея избѣгнуть, мы предоставимъ Россіи одной вести войну, но, наблюдая вмѣстѣ съ союзниками нашими за ходомъ оной и поступая, смотря по обстоятельствамъ“.

Графу Лебцельтерну поручалось довести о намѣреніяхъ Вѣнскаго кабинета до свѣдѣнія самого царя, и князь Меттернихъ такъ моти-

[1]) Каподистрія.
[2]) Гетерія.

вировалъ свой взглядъ на этотъ вопросъ: первому, кому мы обязаны въ томъ признаться, это монарху, давшему намъ такія доказательства чистосердечной дружбы и довѣрія, другаго примѣра которыхъ трудно сыскать въ дипломатическихъ лѣтописяхъ.

Не безъинтересна также характеристика графа Нессельроде, сдѣланная его австрійскимъ коллегою въ Петербургѣ, графомъ Лебцельтерномъ. Вотъ подлинныя слова посла [1]): „хуже всего, что здѣсь нѣтъ настоящаго министра, не то чтобы графъ Нессельроде не проявлялъ достаточно мужества съ тѣхъ поръ, какъ онъ остался одинъ по управленію министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, пользуясь большимъ довѣріемъ у государя, но онъ не умѣетъ проявить во-время перваго качества, ни воспользоваться вторымъ обстоятельствомъ и тому причиною не отсутствіе необходимыхъ дарованій для веденія серьезныхъ дѣлъ, а то, что дѣятельность его парализуется волею государя; ни то наконецъ, что взгляды его ошибочны и недостаточно свѣтлы, а то, что онъ склоненъ подпадать подъ вліяніе людей, которые кажутся ему талантливыми или умными. Онъ превосходный статсъ-секретарь, наилучшій, котораго мы только могли бы желать вблизи императора, а это потому, что онъ расположенъ къ намъ; но онъ въ сущности не министръ въ томъ смыслѣ, который придаю я человѣку, находящемуся въ подобной должности. Впрочемъ, императоръ самъ этого не желаетъ. Татищеву не хотѣлось бы значить меньше, ему хотѣлось бы значить больше, и вотъ почему государь окажетъ ему милостей ровно столько, сколько необходимо, чтобы держать его вдали отсюда“.

„Сожалѣлъ очень, замѣтивши, что графъ Нессельроде въ дѣлахъ, касающихся Востока, поддается вліянію Татищева, а въ дѣлахъ, касающихся Запада—вліянію Поццо. Объясняю это слѣдующимъ образомъ: ничего на свѣтѣ не боится графъ Нессельроде, какъ отвѣтственности, т. е. бремени не по силамъ его, ибо онъ работать не любитъ. Выразившись въ столь лестныхъ выраженіяхъ о государственныхъ способностяхъ человѣка, поставленнаго въ то время во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, графъ Лебцельтернъ продолжалъ: графъ Нессельроде такъ восхищается вашими талантами, князь, что онъ убѣжденъ, что если вы придали бы Восточному вопросу настоящее его значеніе, вопроса этого болѣе бы не существовало. Онъ полагаетъ, что вопросъ этотъ въ глазахъ вашихъ имѣлъ значеніе второстепенное, что вы имъ пренебрегли или недостаточно серьезно отнеслись къ нему; онъ думаетъ, что вы ошибаетесь насчетъ намѣреній императора, и полагаетъ, что отъ положенія этого дѣла будетъ зависѣть степень дружбы или охлажденія на будущее время

[1]) Лебцельтернъ—Меттерниху, 22-го авг. (4-го сент.) 1823 года.

между обоими дворами. Говоря о предстоящемъ свиданіи въ Черновцахъ, о которомъ заранѣе конечно зналъ князь Меттернихъ, а можетъ быть и австрійскій посолъ въ Петербургѣ, послѣдній прибавляетъ въ той же депешѣ: „непродолжительно, но многознаменательно будетъ Черновецкое свиданіе . . . . . .

. . . . . .

Изумленіе, въ которое повсюду придутъ отъ неожиданнаго свиданія этого, будетъ громадно, и ваша свѣтлость съумѣетъ конечно воспользоваться онымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Тайна здѣсь соблюдена была превосходно. Никто, какъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, а равно въ здѣшнемъ посольствѣ, ничего не зналъ. Я былъ весьма удивленъ, узнавши, что нѣкоторымъ личностямъ въ Вѣнѣ она была тѣмъ не менѣе извѣстна, и весьма о томъ сожалѣлъ. Нѣсколько часовъ Черновецкаго свиданія, и небольшія тучки сами собою разсѣются. Все переданное мнѣ по сему поводу графомъ Нессельроде не стоитъ быть доложеннымъ, онъ не читалъ вашихъ донесеній; принимая во вниманіе направленіе, котораго съ такою добросовѣстностію придерживается здѣшній кабинетъ, послѣдній настолько въ состояніи обойтись безъ васъ, князь, насколько въ зимнее время мы можемъ обойтись безъ топлива“.

Слѣдующее донесеніе графа Лебцельтерна, которымъ мы заканчиваемъ извлеченія, сдѣланныя нами изъ Вѣнскаго архива, обратило наше вниманіе тѣмъ болѣе, что оно написано послѣ состоявшагося свиданія и переговоровъ. На донесеніи сдѣлана надпись réservée (довѣрительно):

„Къ сожалѣнію, о томъ, что вы не могли отправиться навстрѣчу императору Александру, присоединились здѣсь многіе. Съ чувствомъ истиннаго удовольствія могъ я при этомъ случаѣ убѣдиться, до какой степени здѣшнее общество заботится о вашемъ благополучіи и какъ высоко цѣнитъ оно установившіяся отношенія между обоими дворами. Общество привыкло къ подобному порядку вещей, оно рукоплещетъ ему. Въ числѣ достигнутыхъ результатовъ и ставя вамъ въ особенную заслугу, оно благословляетъ сохраненіе мира, будучи можетъ быть недостаточно справедливымъ по отношенію къ императору Александру, благороднымъ и возвышеннымъ чувствамъ котораго оно обязано въ этомъ вопросѣ“.

Говоря объ успѣхахъ, одержанныхъ австрійскою дипломатіею по возстановленію дипломатическихъ сношеній между Россіею и Турціею, австрійскій посолъ въ Петербургѣ заканчивалъ свою депешу слѣдующимъ панегирикомъ князю Меттерниху: „это одна изъ блестящихъ и значительныхъ побѣдъ, одержанныхъ вашимъ сіятельствомъ“.

Матеріалы Вѣнскаго архива, относящіеся до 1823 года и до опи-

сываемыхъ нами событій, происходившихъ во Львовѣ и Черновцѣ осенью этого года, рисуютъ совершенно ясно политическое положеніе Европы. Князь Меттернихъ является во весь ростъ руководившаго судьбами Европы государственнаго человѣка. Онъ цѣлою головою стоитъ выше всѣхъ своихъ современниковъ, подвизавшихся на тогдашней міровой сценѣ. Кажденіе графа Лебцельтерна, ему подчиненнаго, понятно и извинительно, если значительная часть русскаго общества того времени признавала за австрійскимъ канцлеромъ право считать себя первымъ государственнымъ человѣкомъ въ Европѣ въ первую четверть XIX вѣка.

Силуэты, сдѣланные австрійскими дипломатами императора Александра, а равно графа Нессельроде, хотя новаго ничего не прибавляютъ, что не было бы уже извѣстно, но во всякомъ случаѣ силуэты эти сдѣланы искусною рукою. Лица, которыя и о которыхъ говорится въ этихъ донесеніяхъ и депешахъ, принимали участіе три четверти вѣка слишкомъ тому назадъ въ драмѣ, надъ которою занавѣсъ еще не спущенъ, лица эти давнымъ давно сошли съ міровой сцены, другіе ихъ замѣняютъ, но драма осталась та же.

Положеніе Пруссіи въ описываемое время выражено наглядно въ предлагаемыхъ здѣсь читателю донесеніяхъ прусскихъ посланниковъ въ Петербургѣ и Вѣнѣ, барона Шёлера и князя Гацфельда прусскому королю Фридриху-Вильгельму III-му, а также въ дипломатической перепискѣ сихъ двухъ дипломатовъ съ прусскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Бернсторфомъ. Документами этими подтверждается существованіе тайнаго соглашенія между С.-Петербургскимъ и Вѣнскимъ кабинетами относительно предстоявшаго въ Черновцахъ свиданія [1]).

Прослѣдимъ теперь эту переписку. Въ августѣ описываемаго нами года прусскій посланникъ въ С.-Петербургѣ доносилъ своему королю [2]): „При этомъ случаѣ (на парадѣ) я счелъ долгомъ всеподданнѣйше благодарить государя за то, что его величество съ такимъ доброжелательствомъ отнесся къ намѣренію е. к. в. принца Вильгельма

[1]) На основаніи матеріаловъ, извлеченныхъ изъ берлинскихъ архивовъ: das Geheime Staatsarchiv zu Berlin и архива бывшей Императорской миссіи въ Берлинѣ.

[2]) Баронъ Шёлеръ 11/23 августа 1823 г.

Домъ, гдѣ жилъ императоръ Александръ I во время пребыванія въ Черновцахъ, снятый въ настоящее время.

Дозв. цензъ. Спб., 25 января 1905 г.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

присутствовать на смотру польско-литовской арміи и о чемъ, предъидущею почтою, я имѣлъ уже случай донести. Въ отвѣтъ на заявленную мною благодарность, его величеству угодно было выразить, что принцъ всегда и во всякое время будетъ принятъ радушно и что если на эти смотры онъ не былъ приглашенъ, то потому только, что не имѣлось возможности показать ему чего-либо интереснаго".

Въ слѣдующей депешѣ [1]) упоминалось объ одновременномъ отъѣздѣ съ государемъ изъ Петербурга графа Нессельроде, уѣзжавшаго будто бы для обозрѣнія имѣній его, лежавшихъ близъ Одессы, а также о томъ, что управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ возлагалось на тайнаго совѣтника Убри. Но въ половинѣ сентября прусскій посланникъ началъ уже сомнѣваться въ томъ, что поѣздка царя ограничится только предѣлами Россіи, и возможность свиданія императоровъ Александра и Франца становилась въ глазахъ его вѣроятною. Вотъ, между прочимъ, какъ онъ доноситъ королю по поводу интересовавшаго въ то время дипломатическій міръ вопроса. Въ числѣ всѣхъ этихъ (извѣстій) неперестающій слухъ о томъ, что только путешествіе в. в. императора австрійскаго въ Галицію и близость отъ границы оной пролегавшаго маршрута е. в. императора Александра, по пути изъ Брестъ-Литовска въ южныя губерніи—послужили поводомъ къ встрѣчѣ обоихъ монарховъ, кажется здѣсь всѣмъ тѣмъ болѣе удивительнымъ, что никто не предвидѣлъ подобнаго событія и каждый утверждаетъ, что до сихъ поръ онъ не получалъ о томъ оффиціальнаго извѣщенія.

Даже самъ графъ Лебцельтеръ полагаетъ, что слухъ этотъ потому только заслуживаетъ довѣрія, что, по самому существу дѣла, показалось бы страннымъ, если оба монарха, находясь вблизи, избѣгли бы взаимной встрѣчи, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, если комбинаціи журналистовъ окажутся на этотъ разъ безошибочными [2]).

Свѣдѣнія о свиданіи не были, повидимому, извѣстны дипломатическому корпусу въ Петербургѣ. Они достигли этой столицы, какъ потомъ оказалось, путемъ частной корреспонденціи, шедшей изъ Вѣны, въ видѣ слуховъ, потомъ оправдавшихся. На основаніи сего, прусскій посланникъ сообщалъ министру внутреннихъ дѣлъ въ Берлинѣ: „Здѣсь болѣе не сомнѣваются на счетъ свиданія обоихъ императоровъ въ Черновцахъ, но, тѣмъ не менѣе, насколько мнѣ извѣстно, только изъ Вѣны получены были свѣдѣнія объ этомъ событіи" [3]).

На сколько прусскій дипломатъ оказался неосвѣдомленнымъ объ

[1]) Шёлеръ—Бернсторфу 8/20-го сентября 1823 г.
[2]) Шёлеръ—королю 19-го сентября (1-го октября).
[3]) Шёлеръ—Бернсторфу 22-го сентября (4-го октября) 1823 г.

уговорѣ въ Инсбрукѣ обоихъ монарховъ относительно ихъ свиданія въ 1823 году и что вопросъ этотъ по его мнѣнію былъ только въ настоящее время рѣшенъ, слѣдуетъ изъ слѣдующихъ его словъ: „не можетъ быть никакого сомнѣнія, что предложеніе Вѣнскаго двора, касающееся этой встрѣчи, было сдѣлано здѣсь за нѣкоторое время до отъѣзда императора, ибо, какъ оказывается теперь, уже при составленіи послѣдняго маршрута государя рѣшено было остановиться вблизи Каменецъ-Подольска, а равно также является вполнѣ понятнымъ то обстоятельство, что графа Нессельроде сопровождаютъ оба выдающіеся чиновника его канцеляріи — графъ Матусевичъ и господинъ фонъ-Северинъ“ [1]).

Продолжая свое донесеніе, посланникъ говорилъ, что ни австрійскій посолъ, графъ Лебцельтернъ, ни управляющій министерствомъ Убри никакихъ оффиціальныхъ извѣстій о черновецкомъ свиданіи не получали и что они также узнали про это свиданіе только изъ частной переписки, шедшей изъ Вѣны отъ Татищева и другихъ лицъ. Баронъ Шёлеръ далѣе прибавляетъ въ своей депешѣ: „особенно и потому непріятно это графу де-ла-Ферроне, что правительствомъ его ему сдѣлано замѣчаніе, „что онъ соблюдаетъ вѣроятно полное молчаніе на томъ только основаніи, что событіе это въ глазахъ его никакого значенія не имѣетъ“.

Изъ заключительныхъ строкъ этого донесенія ясно, что французское правительство имѣло причины быть недовольнымъ своимъ представителемъ на берегахъ Невы, не съумѣвшимъ во-время сообщить въ Парижъ о рѣшеніи, принятомъ обоими императорами почти за годъ до ихъ встрѣчи въ Черновцахъ. Мы уже имѣли случай упомянуть о взглядѣ князя Полиньяка [2]) на тѣ причины, на основаніи которыхъ Франція считала себя въ правѣ быть недовольною соглашеніемъ Россіи и Австріи и тѣмъ, что она не была призвана принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Въ томъ же донесеніи мы находимъ слѣдующія мѣста: „непостижимы мотивы, заставившіе графа Нессельроде замолчать это обстоятельство и на столько, что даже графъ Блом ъ [3]), при первомъ появленіи этого извѣстія, долженъ былъ въ этомъ сомнѣваться, выставляя главнымъ основаніемъ сомнѣнія своего, что графъ Нессельроде и ему также ни слова не сказалъ о томъ

. . . . . .

никто не вѣритъ случайности этой встрѣчи монарховъ, а потому ста-

[1]) Шёлеръ—королю 23 сентября (5 октября) 1823 года.

[2]) См. извлеч. изъ С.-Петербургскихъ архивовъ. Ливенъ — Нессельроде. Лондонъ, 11-го (23-го) сентября 1823 года. „Русск. Стар.“, ноябрь 1903 г.

[3]) Датскій посланникъ, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ графа Нессельроде.

новятся понятными всѣ предположенія и догадки, вредящія однако великому дѣлу союза и чего такъ легко было, при помощи откровенныхъ переговоровъ, избѣгнуть. Сомнѣваюсь также въ томъ, чтобы свиданіемъ этимъ могли быть достигнуты цѣли, имѣющіяся княземъ Меттернихомъ въ виду" [1]).

Слѣдуя установленному здѣсь хронологическому порядку въ изложеніи дипломатической переписки, происходившей въ то время между С.-Петербургскимъ и Берлинскимъ кабинетами, мы приведемъ слова барона Шёлера, которыя могутъ служить доказательствомъ, что желаніе принца Вильгельма посѣтить военныя поселенія на югѣ было съ нашей стороны отклонено: „вашему превосходительству будетъ сообщено изъ Брестъ-Литовска, что еще до выраженія е. к. в. принцемъ Вильгельмомъ желанія посѣтить южныя военныя поселенія, рѣшено уже было здѣсь заранѣе отклонить всякое ходатайство въ этомъ направленіи".

Отказъ этотъ, по крайнему нашему разумѣнію, послѣдовалъ главнымъ образомъ на томъ основаніи, что императору Александру, отправлявшемуся на свиданіе въ Черновцы непосредственно послѣ происходившихъ смотровъ на югѣ, нежелательно было видѣть прусскаго принца на этомъ свиданіи.

Прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ не скрывалъ своего удивленія по поводу искусства, съ которымъ русское правительство съумѣло сохранить тайну Черновецкаго свиданія, конечно заинтересовавшаго кабинеты Берлинскій и Версальскій, недовѣрчиво относившіеся къ совмѣстной дѣятельности Россіи и Австріи на Босфорѣ. Графъ Бернсторфъ не вѣрилъ, чтобъ графъ Лебцельтернъ, находившійся въ Петербургѣ, не былъ посвященъ въ тайну. Предоставимъ теперь слово самому прусскому дипломату. „Разсматривая съ разныхъ сторонъ это свиданіе, многое представляется въ немъ еще неяснымъ. Вашему превосходительству извѣстно, когда именно изъ Вѣны наведены мы были на первоначальную мысль о возможности предстоявшей встрѣчи. Тѣмъ не менѣе тамъ утверждаютъ, что первый шагъ сдѣланъ былъ изъ Петербурга. Но какъ бы то ни было, достовѣрно одно, что настоящую причину этого свиданія слѣдуетъ искать, какъ старается о томъ завѣрить графъ Лебцельтернъ, не въ путешествіи императора австрійскаго по Галиціи, но что самое путешествіе это, о которомъ прежде не было и рѣчи, явилось лишь послѣдствіемъ происходившихъ переговоровъ о предполагавшемся уже свиданіи" [2]). А вслѣдъ затѣмъ графъ Бернсторфъ, какъ бы спохватившись, что онъ слишкомъ далеко

[1]) Шёлеръ—графу Бернсторфу. С.-Петербургъ, 4-го (16-го) октября 1823 г.
[2]) Бернсторфъ—Шёлеру. Берлинъ, 12-го октября 1823 года.

зашелъ въ выраженіи своего удивленія, и не желая подать повода къ тому, чтобы подумали, что онъ видѣлъ въ этомъ свиданіи опасность для Пруссіи, говорилъ: „при мысли о немъ (свиданіи) мы ощущаемъ только сильное желаніе, чтобы оно достигло своей цѣли. Взглядъ нашъ на эту цѣль не измѣнился, какъ я объ этомъ въ послѣднемъ донесеніи моемъ сообщалъ вашему превосходительству".

Петербургскіе дипломаты, вовсе ничего не знавшіе о происходившемъ въ Буковинѣ и теряясь въ различныхъ догадкахъ и предположеніяхъ, только и ждали возвращенія государя и его министра иностранныхъ дѣлъ, но графъ Нессельроде постоянно откладывалъ пріѣздъ свой въ Петербургъ. Графу, скрывавшему отъ этихъ дипломатовъ настоящую причину путешествія своего на югъ Россіи, было конечно удобнѣе вести переговоры во время присутствія государя въ Петербургѣ о происшедшемъ въ Черновцахъ и во Львовѣ; какъ писалъ баронъ Шёлеръ, изъ этого предположенія уже слѣдуетъ, что оба посла, дѣйствительно, собираются сдѣлать графу Нессельроде нѣкоторыя представленія, при чемъ кавалеръ Бэготъ откровенно выражается, что, по мнѣнію его, подобная скрытность является не малою дипломатическою оплошностью, заключающею въ себѣ оскорбительное недовѣріе, какъ по отношенію его самого, а равно и по отношенію правительства его; графъ де-ла-Ферроне еще болѣе подчеркнулъ приговоръ свой этому событію и намѣревается также, не стѣсняясь, о томъ высказаться [1]). Оба дипломата французскій и великобританскій были вполнѣ убѣждены, что австрійскій коллега ихъ только прикидывался незнавшимъ о предстоявшемъ свиданіи обоихъ императоровъ; нельзя было ожидать отъ графа Лебцельтерна, что и онъ прикинется человѣкомъ обиженнымъ сдержанностію здѣшняго кабинета, хотя съ самаго начала онъ показывалъ до извѣстной степени видъ, что свиданіе это было ему до самаго послѣдняго времени неизвѣстно.

Въ прусскомъ государственномъ архивѣ мы нашли также нѣсколько донесеній князя Гацфельда (прусскій посланникъ въ Вѣнѣ) какъ къ королю, а равно къ его министру иностранныхъ дѣлъ. Такъ, между прочимъ, князь Гацфельдъ доноситъ Фридриху-Вильгельму III: „Если позволительно мнѣ сослаться на дошедшія до меня свѣдѣнія о восточныхъ дѣлахъ, они улаживаются, и свиданіемъ обоихъ императоровъ достигнуты лишь удовлетворительные успѣхи".

Изъ того же источника мы почерпнули извѣстіе, что вслѣдъ за снабженіемъ д. с. с. Минчіаки выработанною сообща нашимъ и австрійскимъ правительствомъ инструкціею, представлялась для Россіи возможность назначить преемника уѣхавшему изъ Константинополя еще

[1]) Шёлеръ—королю 4/16 ноября 1823 года.

въ 1821 году посланнику барону Строганову. Кандидатами на этотъ постъ могли быть, по мнѣнію князя Гацфельда, либо вѣнскій посолъ Татищевъ, либо бывшій посланникъ при Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ—Полетика.

Прусскій посланникъ приводитъ также небезъинтересныя выписки изъ письма къ нему князя Меттерниха. Вотъ это мѣсто: „я ручаюсь за благія намѣренія императора Александра, далѣе которыхъ и желать нечего".

Говоря о князѣ Меттернихѣ, Гацфельдъ прибавлялъ: „онъ подробно разсуждалъ со мною о дѣлахъ на Востокѣ и поручаетъ доложить вашему величеству, что, что бы о нихъ ни писали и ни говорили, онъ проситъ васъ считать этотъ серьезный вопросъ совершенно исчерпаннымъ".

Берлинскій архивъ документами своими, здѣсь нами приведенными, подтверждаетъ снова самымъ неоспоримымъ образомъ, что какъ Россія, такъ и Австрія съумѣли въ продолженіе почти цѣлаго года скрыть тайну отъ остальныхъ европейскихъ кабинетовъ, заинтересованныхъ въ Восточномъ вопросѣ. Объ этомъ знали только оба монарха, конечно, ихъ министры иностранныхъ дѣлъ и догадывались, вѣроятно, Татищевъ въ Вѣнѣ и графъ Лебцельтернъ въ Петербургѣ. Но и они въ такомъ случаѣ соблюли большую скрытность и разгласили только то, что уже сдѣлалось достояніемъ всеобщаго свѣдѣнія—un fait accompli. Изъ донесеній барона Шёлера очевидно, что Пруссія была весьма обижена, что оба императора игнорировали ее. Принимая же во вниманіе, документами подтвержденное, желаніе принца Вильгельма сопутствовать царю въ его путешествіи на югъ Россіи, на что̀ послѣдовалъ, хотя и вѣжливый, но все-таки отказъ, неудовольствіе Берлинскаго кабинета становится весьма объяснимымъ. Отвѣта на бумагу Татищева [1]), какъ мы уже упомянули выше, намъ не удалось найти, старанія же наши проникнуть въ помѣщающійся въ Шарлоттенбургѣ семейный придворный архивъ (Königliches Familien Archiv) не увѣнчались успѣхомъ. Въ настоящее время, тѣмъ не менѣе, вполнѣ достовѣрно, что Пруссія не участвовала на бывшихъ въ 1823 году переговорахъ въ Галиціи и Буковинѣ и что рѣшенія, къ которымъ пришли Россія и Австрія по Восточному вопросу въ концѣ сего года, были сдѣланы совершенно помимо Берлинскаго кабинета.

Взглядъ нашъ на политическое положеніе Пруссіи или, точнѣе выражаясь, на вѣсъ ея въ движеніи міровыхъ событій того времени—совершенно расходится съ мнѣніемъ, изложеннымъ въ интересномъ сочиненіи Карла Рингхофера [2]), касающемся двадцатыхъ годовъ ми-

[1]) Татищевъ—императору Александру. Вѣна, 25-го сентября 1823 года См. „Русскую Старину" (ноябрь, 1903 годъ).

[2]) Karl Ringhoffer. Ein Dezenium preuss. Orientpolitik zur Zeit des Zaren Nikolaus (1821—1830). Berlin & Leipzig. 1897.

нувшаго столѣтія. Писатель этотъ—это магистральная идея въ его сочиненіи—подъ вліяніемъ преувеличеннаго патріотическаго чувства, смѣшиваетъ положеніе тогдашней Пруссіи съ настоящею Германіею. Мы отсылаемъ его къ источникамъ, конечно, знакомаго ему Берлинскаго государственнаго архива, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что по ознакомленіи съ матеріаломъ, относящимся до 1823 года, взглядъ г. Рингхофера по отношенію къ этой эпохѣ долженъ будетъ нѣсколько измѣниться.

Архивъ бывшей Императорской миссіи въ Берлинѣ не представилъ намъ возможности познакомиться съ такими данными, которыя не были бы уже извѣстны. Мы все-таки нашли въ немъ копію съ весьма интересной депеши графа Нессельроде къ послу въ Вѣнѣ Татищеву [1]), характеризующую взглядъ Петербургскаго кабинета того времени на роль, которую Россіи, въ качествѣ великой державы, подобало занять въ Европѣ. Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, совершенно загипнотизированный австрійскою дипломатіею и забывая задачи Россіи на Востокѣ, заботился—о сформированіи союзной арміи. Армія эта должна была составлять вооруженныя силы Священнаго Союза и въ такомъ случаѣ могла быть употреблена въ дѣйствіе лишь съ общаго согласія союзныхъ державъ—Россіи, Австріи и Пруссіи. Россіи, конечно, пришлось бы тогда выставить наибольшій контингентъ войскъ и, понятно, нести самые значительные расходы. Къ депешѣ приложена статья, предназначавшаяся для газетъ; мысль эта муссировалась въ прессѣ, и все это для того, чтобы привести въ порядокъ дѣла на Аппенинскомъ и на Иберійскомъ полуостровѣ.

Къ счастью для Россіи, на этотъ разъ императоръ Александръ не привелъ въ исполненіе вожделѣній своей дипломатіи. Не сдѣлавъ ничего или очень мало въ пользу грековъ, царь не нашелъ нужнымъ утучнять русскою кровью почву Испаніи и Италіи, полагая, вѣроятно, что Россія уже достаточно усѣяла поля Европы костями солдатъ своихъ въ первую четверть XIX вѣка.

П. Вигель-Панчулидзевъ.

[1]) Нессельроде—Татищеву. С.-Петербургъ, 3-го марта 1823 года.

Н. Г. Чернышевскій.

(По воспоминаніямъ и разсказамъ разныхъ лицъ).

I.

Николай Гавриловичъ Чернышевскій въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ игралъ въ русской литературѣ такую же роль, какую въ сороковыхъ игралъ В. Г. Бѣлинскій, хотя характеръ его литературной дѣятельности былъ шире и многостороннѣе послѣдняго, обнимая самыя разнообразныя сферы литературы и жизни. Изъ многочисленныхъ произведеній Николая Гавриловича самыми выдающимися и не потерявшими значенія въ настоящее время представляется: „Очерки Гоголевскаго періода русской литературы"; „Лессингъ, его время. жизнь и дѣятельность"; „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности"; „Комментаріи къ Политической Экономіи Д.-С. Милля" и романъ „Что дѣлать?"

Міросозерцаніе Чернышевскаго носило вполнѣ реальный характеръ, отрицательно относившійся ко всякой метафизикѣ, ко всякимъ недоказаннымъ научнымъ путемъ выводамъ, и преслѣдовало широкія гуманныя цѣли вообще и интересы рабочей массы въ частности. Въ этомъ отношеніи онъ приближался къ позитивизму Огюста Конта, преслѣдуя, какъ и великій французскій мыслитель, реальность и пользу, смотря на науку, основанную на опытѣ и наблюденіи, какъ на развитіе здраваго смысла.

Въ „Очеркахъ Гоголевскаго періода" Чернышевскій впервые въ русской журналистикѣ второй половины пятидесятыхъ годовъ произнесъ, послѣ подневольнаго молчанія, имя Бѣлинскаго и показалъ

его значеніе въ исторіи русской литературы; въ „Эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности“ онъ сдѣлалъ попытку дать реальное, вполнѣ научное основаніе ученію о прекрасномъ, показавъ, что задача искусства заключается „въ воспроизведеніи интересныхъ для человѣка явленій жизни“; въ „Комментаріяхъ къ переводу Политической Экономіи Милля“ Чернышевскій старался согласовать нѣкоторыя положенія классической школы съ научными выводами соціалистической школы, ставящей на первомъ планѣ не интересы капитала, а интересы рабочихъ классовъ и ихъ благосостояніе.

Къ классической политической экономіи Чернышевскій относился отрицательно, видя въ ней ученіе, созданное въ интересахъ исключительно средняго сословія, полагавшаго, что простолюдинамъ „ничего особеннаго не нужно, что полнымъ счастіемъ для народа будетъ то, когда ему, среднему классу, удастся осуществить свои желанія“.

Находя подобное направленіе классической школы политической экономіи, характеризующее ея отношеніе къ самому многочисленному и самому производительному классу общества, несправедливымъ и научно неправильнымъ, Чернышевскій въ упомянутыхъ выше комментаріяхъ стремился перестроить нѣкоторыя теоріи „сообразно потребностямъ новаго, простонароднаго элемента мысли и жизни“ и согласно съ прогрессивными тенденціями времени.

Въ романѣ „Что дѣлать?“ Чернышевскій изложилъ въ беллетристической формѣ квинтъ-эссенцію всѣхъ своихъ философскихъ и соціальныхъ идей, показавъ, что задача человѣческой жизни заключается въ счастьѣ, т. е. въ полномъ наслажденіи жизнью, и для разрѣшенія этой задачи необходимо работать надъ своимъ развитіемъ, достигнуть до того умственнаго и нравственнаго уровня, до котораго достигли герои его романа. Въ этомъ, въ сущности, заключается отвѣтъ на поставленный романомъ вопросъ: „Что дѣлать“?

Въ 1861—62 годахъ „Современникъ“ пользовался такимъ успѣхомъ, какимъ не пользовался ни одинъ въ то время журналъ, благодаря главнымъ образомъ Чернышевскому, достигшему въ это время до высшей степени популярности. Но громкая извѣстность, высокое положеніе въ силу популярности въ глазахъ нѣкоторыхъ составляютъ своего рода преступленіе и не остаются безъ возмездія. Уваженіе и почетъ со стороны однихъ вызываютъ реакцію со стороны другихъ, старающихся не только очернить человѣка, но и погубить его самого.

Стремясь быть новаторомъ въ интеллектуальной сферѣ, Чернышевскій считалъ себя уже съ очень молодыхъ лѣтъ такимъ человѣкомъ, которому не миновать трагическаго финала. Когда онъ еще не былъ извѣстенъ въ литературѣ, онъ писалъ своей невѣстѣ, будущей женѣ своей: „меня могутъ со дня на день арестовать, и какая будетъ

тогда моя роль. У меня не найдутъ ничего, но враги мои могущественны; что же мнѣ остается дѣлать? Начну съ того, что буду молчать и потомъ, когда въ теченіе долгаго времени меня измучатъ, кончу тѣмъ, что потеряю терпѣніе и выскажу мой образъ мыслей, безпощадно и откровенно, и тогда очень сомнительно, выйду ли я изъ тюрьмы. Вы видите хорошо, что я не долженъ жениться и не имѣю права никого связывать съ моею участью".

Въ концѣ романа „Что дѣлать?" Н. Г. дѣлаетъ кой-какіе намеки на эту самую тему и въ особенности на печальный конецъ свой, влагая въ уста одной изъ участницъ пикника слѣдующую пѣснь:

Ты хочешь дѣва быть моей,
Забыть свой родъ и санъ,
Но прежде ты понять съумѣй,
Какой мнѣ жребій данъ.
. . . . . .
О дѣва, другъ недобрый я,
Глухихъ лѣсовъ жилецъ,
Опасна будетъ жизнь моя,
Печаленъ мой конецъ.

Но прежде чѣмъ говорить о трагическомъ концѣ блестящей литературой карьеры Чернышевскаго, необходимо сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ событіяхъ шестидесятыхъ годовъ, имѣвшихъ отчасти вліяніе на судьбу этого писателя.

II.

Время, наступившее послѣ Крымской войны, отличалось необыкновеннымъ подъемомъ общественнаго духа, который достигъ своего апогея въ 1861 году, что̀ съ особенной яркостью отражалось въ литературѣ, въ которой явился потокъ новыхъ идей, такъ горячо увлекавшихъ молодые умы. Тогда всѣмъ казалось скорое наступленіе новой эры, такъ какъ старая Русь уже отживала и удалялась куда-то далеко, а возрождалась новая, требующая новыхъ силъ, новыхъ людей, какъ прекрасно изобразилъ поэтъ шестидесятыхъ годовъ (Некрасовъ) въ слѣдующихъ строкахъ:

„Надъ Русью отживающей
Святая пѣсня слышится
То Ангелъ Милосердія,
Незримо пролетающій
Надъ нею, души сильныя
Зоветъ на чистый путь"...

Страстное возбужденіе, охватившее все русское общество, проникло во всѣ учебныя заведенія, въ среднія и высшія, въ особенности въ университеты. Студенты съ жаромъ отдались просвѣтительной дѣятельности въ воскресныхъ школахъ, которыя открывались повсемѣстно, по частной и общественной иниціативѣ... Въ университетахъ жизнь кипѣла ключемъ, входъ туда былъ совершенно свободный, и лекціи популярныхъ профессоровъ всегда были полны посторонней публикой, не говоря о студентахъ. Старый университетскій уставъ не запрещалъ сходокъ, не запрещалъ студентамъ имѣть въ стѣнахъ университета свои библіотеки, читальни и пр., и студенты подъ покровительствомъ начальства широко пользовались правомъ по этимъ предметамъ... На студенческихъ сходкахъ раздавались горячія рѣчи, нерѣдко съ рѣзкой критикой по адресу правительства.

Въ Петербургскомъ университетѣ вожаками и горячими ораторами считались Генъ, Михаэлисъ, Неклюдовъ, впослѣдствіи товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, Покровскій, Герике и др...

Крѣпостное право составляло глубокую пропасть, отдѣлявшую свободную Европу отъ Россіи, и представляло серьезное препятствіе прогрессу русскаго общества; поэтому понятно, что молодыя, полныя энтузіазма сердца съ нетерпѣніемъ ожидали момента объявленія свободы народу, и этотъ моментъ наступилъ 19-го февраля 1861 года, съ объявленія манифеста объ освобожденіи крестьянъ, который однако многихъ разочаровалъ, такъ какъ они ошибочно увидѣли въ немъ не полное, безусловное освобожденіе, а замаскированное крѣпостное право, что вызвало въ нѣкоторой части общества недовѣріе къ реформаціонной дѣятельности правительства, которое съ своей стороны весьма подозрительно отнеслось къ общественному возбужденію и въ особенности студенческому, а потому рѣшило прежде всего преобразовать университеты, ограничивъ права студентовъ въ стѣнахъ учебнаго заведенія и точно опредѣливъ ихъ обязанности...

Общественное броженіе молодежи и недовольство выразилось въ массѣ самыхъ разнообразныхъ прокламацій, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательными были „Къ молодому поколѣнію“, написанная и напечатанная за границей литераторомъ М. Л. Михайловымъ, извѣстнымъ переводчикомъ стихотвореній Гейне, и „Великоруссъ“...

Михайловъ почти не успѣлъ распространить своей прокламаціи, какъ былъ арестованъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Это было въ августѣ 1861 года, когда министромъ народнаго просвѣщенія, на мѣсто ушедшаго съ этого поста Е. П. Ковалевскаго, назначенъ былъ адмиралъ графъ Путятинъ, который долженъ былъ привести въ исполненіе университетскую реформу. Слухъ объ арестѣ Михайлова произвелъ удручающее впечатлѣніе на петербургскихъ литераторовъ,

которые не вѣрили въ виновность Михайлова, считали арестъ его недоразумѣніемъ, такъ какъ полагали, что онъ по своему характеру не способенъ быть политическимъ агитаторомъ, а потому рѣшились обратиться съ петиціей къ министру народнаго просвѣщенія, въ вѣдѣніи коего была въ то время печать, и просить его принять участіе въ Михайловѣ, который по ихъ мнѣнію невиновенъ, при чемъ, кажется, ходатайствовали о разрѣшеніи присутствовать при слѣдствіи и судѣ депутату со стороны литераторовъ.

Въ этомъ послѣднемъ ходатайствѣ не было ничего оппозиціоннаго, а было сдѣлано по совѣту одного литератора-юриста, примѣнялись къ дѣйствовавшимъ въ то время законамъ о судопроизводствѣ, когда обвиняемые въ какомъ-либо преступленіи судились при депутатѣ своего сословія, командируемомъ въ судебное установленіе. Графъ Путятинъ отнесся къ ходатайству очень внимательно, видѣлся съ шефомъ корпуса жандармовъ княземъ В. А. Долгорукимъ, отъ котораго узналъ о положеніи дѣла Михайлова, и затѣмъ высказалъ избранному литераторами депутату, что онъ хотя и не знаетъ никого изъ лицъ, подписавшихъ петицію, но, видя въ ней имена лицъ, пользовавшихся уваженіемъ русскаго общества, нашелъ возможнымъ исполнить ихъ просьбу и узналъ, что Михайловъ признался въ своей винѣ, а потому онъ, министръ, болѣе сдѣлать ничего не можетъ; ходатайство же о депутатѣ изъ литераторовъ ие имѣетъ законнаго основанія.

Неудачный исходъ означенной петиціи, вѣроятно, былъ причиною того, что петербургскіе литераторы уже болѣе никогда не предпринимали ничего подобнаго въ пользу пострадавшихъ своихъ собратьевъ.

Нѣкоторыя, подозрительно настроенныя къ нашей прессѣ, лица видѣли въ означенномъ актѣ какой-то протестъ со стороны петербургскихъ писателей противъ правительства, къ которому будто вся наша литература враждебно относится. Но въ защиту нашихъ писателей надо сказать, что они, во-первыхъ, народъ весьма смирный, а во-вторыхъ, по своему исторически сложившемуся характеру неспособны, какъ и большинство русскихъ, не только къ какому-либо коллективному протесту, но и ни къ какому общему дѣлу...

III.

Попытка правительства ввести новый университетскій уставъ вызвала въ Петербургскомъ университетѣ безпорядки, вслѣдствіе чего послѣдовали массовые аресты, а затѣмъ закрытіе университета. Но такъ какъ въ Петропавловской крѣпости для всѣхъ не хватало мѣста,

то значительную часть арестованныхъ перевели въ Кронштадтъ. Въ числѣ арестованныхъ оказались главари движенія: Покровскій, Генъ, Михаэлисъ, Неклюдовъ, бывшій, какъ упомянуто выше, впослѣдствіи товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, былъ въ числѣ депутатовъ, избранныхъ студентами для объясненія съ попечителемъ, и въ слѣдующую за этимъ ночь былъ арестованъ по распоряженію 3-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи.

По этому поводу не могу не замѣтить, что когда Неклюдовъ умеръ, то его отпѣвали въ церкви зданія министерства внутреннихъ дѣлъ, у Цѣпнаго моста, того зданія, въ которомъ прежде помѣщалось 3-е отдѣленіе. Думалъ ли онъ, въ 1861 году, когда его везли жандармы изъ третьяго отдѣленія, въ качествѣ арестанта, въ Петропавловскую крѣпость, что ему придется изъ этого же зданія, черезъ 35 лѣтъ, отправиться на вѣчный покой, уже не арестантомъ, а въ званіи высокаго сановника, даже въ нѣкоторомъ родѣ начальника жандармовъ.

Студенты, заключенные въ Петропавловскую крѣпость, послали сидѣвшему тамъ же М. Л. Михайлову привѣтствіе въ стихахъ.

Въ отвѣтъ на поэтическое посланіе студентовъ Михайловъ отвѣчалъ также стихами.

Въ то время, когда студенты находились въ заключеніи, 16-го ноября 1861 года умеръ извѣстный критикъ 60-хъ годовъ Н. А. Добролюбовъ. О смерти его меня оповѣстилъ покойный писатель Н. А. Потѣхинъ, и мы уговорились съ нимъ ѣхать на похороны, на Волково кладбище.

Прибывъ 19-го ноября утромъ на кладбище, мы застали тамъ очень немного лицъ, пришедшихъ проводить знаменитаго критика въ послѣднее жилище. Публика состояла по преимуществу изъ литераторовъ и ученыхъ, между которыми припоминаю Некрасова, Панаева, Пыпина, Антоновича, Кавелина, Спасовича, Шелгунова; было нѣсколько дамъ и студентовъ, малочисленность которыхъ объяснилась тѣмъ, что большая часть ихъ была арестована. Умершій Добролюбовъ лежалъ въ совершенно простомъ, некрашенномъ гробѣ; лицо его мало измѣнилось, напоминало скорѣе уснувшаго, чѣмъ умершаго. Когда послѣ отпѣванія, гробъ вынесли на паперть, выступилъ Некрасовъ и съ сдержанными рыданіями въ голосѣ, со слезами на глазахъ, произнесъ нѣсколько теплыхъ словъ о покойномъ.

„Вся жизнь его, — говорилъ поэтъ, — была посвящена въ защиту забитой личности, интересы которой принималъ онъ близко къ сердцу“... Дальше не упомню. Послѣ него вышелъ изъ кучки и подошелъ къ гробу гладко выбритый господинъ и громкимъ, энергическимъ голосомъ произнесъ: „Такъ какъ смерть Николая Александровича послѣдовала неожиданно для публики, то ей интересно будетъ знать, какія при-

чины ускорили ее". Сказавъ эти слова, онъ сталъ читать отрывки изъ дневника Добролюбова, отрывки, общій смыслъ которыхъ приводилъ къ заключенію, что неблагопріятныя внѣшнія условія тяжело отражались на болѣзненной натурѣ покойнаго, чѣмъ ускорили приближеніе окончательной трагической развязки. Прочитавъ отрывки изъ дневника, означенный господинъ съ большимъ чувствомъ прочелъ затѣмъ нѣкоторыя стихотворенія, между прочимъ: „Я вашъ, друзья, хочу быть вашимъ" и „Пускай умру, печали мало", когда дошелъ до того мѣста, гдѣ Добролюбовъ говоритъ: „чтобъ безкорыстною толпою за нимъ не шли мои друзья", то при этихъ словахъ съ грустной ироніей замѣтилъ: „кажется, опасенія покойнаго были напрасны, немного насъ тутъ собралось".—Охарактеризовавъ, послѣ всего сказаннаго имъ, въ общихъ чертахъ литературную дѣятельность Добролюбова, ораторъ затѣмъ съ необыкновеннымъ чувствомъ произнесъ: „какого мы человѣка потеряли, вѣдь это былъ талантъ. А въ какихъ молодыхъ лѣтахъ онъ кончилъ свою дѣятельность, вѣдь ему было всего 26 лѣтъ, въ это время другіе только учиться начинаютъ".

Стоявшій рядомъ со мной какой-то неизвѣстный мнѣ господинъ замѣтилъ: „ну, даромъ ему это не пройдетъ, достанется же ему"...

— Скажите пожалуйста,—обратился я къ этому господину,—кто этотъ ораторъ, вѣрно студентъ?

— Нѣтъ, это Чернышевскій, — отвѣчалъ тотъ. Такимъ образомъ въ первый разъ только на похоронахъ Добролюбова мнѣ пришлось увидѣть Чернышевскаго, статьями котораго, какъ и значительная часть молодежи того времени, я сильно увлекался.

Послѣ рѣчи Чернышевскаго гробъ отнесли къ приготовленной могилѣ, и тутъ произнесены были рѣчи Антоновичемъ, Тибленомъ, котораго Чернышевскій нѣсколько разъ останавливалъ за рѣзкія выходки противъ противниковъ Добролюбова. Послѣ Тиблена говорилъ какой-то студентъ, который въ теплыхъ словахъ охарактеризовалъ значеніе Добролюбова, какъ продолжателя Бѣлинскаго и Грановскаго въ развитіи русскаго общества; послѣ этого студента говорилъ Серно-Соловьевичъ, который предложилъ для увѣковѣченія памяти покойнаго поставить ему, на общія средства, памятникъ. Послѣ всего этого засыпали могилу и разошлись.

Черезъ нѣсколько дней ходили въ публикѣ стихи Михайлова „На смерть Добролюбова", вышедшіе изъ крѣпости контрабаднымъ путемъ.

Похороны Добролюбова прошли безъ всякихъ послѣдствій. Чернышевскому ничего не досталось, но студента, говорившаго на могилѣ, какъ носились слухи, будто бы разыскивали, усмотрѣвъ въ рѣчи неблагонамѣренныя мысли, хотя таковыхъ въ ней не было. Агенты полиціи, значитъ, извратили то, что слышали: надо правду сказать,

что полицейскіе агенты нерѣдко сильно извращаютъ слышанныя рѣчи, придавая не тотъ смыслъ, въ которомъ онѣ сказаны, и приписывая лицамъ, которыя ничего не говорили...

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1861 года состоялось рѣшеніе образованной для разсмотрѣнія дѣла о студенческихъ безпорядкахъ коммиссіи, которая раздѣляла привлеченныхъ къ дѣлу студентовъ на три категоріи: лица первой категоріи въ числѣ пяти человѣкъ подлежали высылкѣ въ отдаленныя губерніи, затѣмъ другимъ, въ числѣ которыхъ былъ, кажется, Неклюдовъ, было вмѣнено въ наказаніе заключеніе въ крѣпости, и, наконецъ, остальные, въ значительномъ числѣ, признаны невиновными. Хотя лица первой категоріи немедленно должны были быть отправлены въ ссылку, но князь Суворовъ разрѣшилъ имъ прожить нѣсколько дней въ Петербургѣ. Приговоромъ этимъ петербургское общество было очень довольно, и Серно-Соловьевичъ по поводу благополучнаго окончанія студенческаго дѣла устроилъ вечеръ, на которомъ между прочимъ присутствовали Чернышевскій и подлежавшіе высылкѣ студенты. На этомъ вечерѣ велись оживленные разговоры, и кто-то изъ студентовъ, кажется, Михаэлисъ, высказалъ нѣсколько мыслей, довольно радикальнаго характера. По этому поводу Чернышевскій съ нѣкоторой горечью замѣтилъ: „эхъ, господа, господа—вы точно Бурбоны, которые ничему не научились и ничего не забыли... Ни тюрьма, ни ссылка не научаютъ васъ“! На эти слова кто-то изъ присутствующихъ сказалъ, что можетъ быть и Николаю Гавриловичу придется познакомиться съ Петропавловскою крѣпостью или со ссылкой. На это Чернышевскій съ улыбкою отвѣтилъ, что его никогда не арестуютъ и не вышлютъ, потому что онъ ведетъ себя вполнѣ осторожно и вздоромъ не занимается...

Хотя знаменитый писатель вздоромъ не занимался, но въ Петропавловскую крѣпость, а оттуда на каторгу, въ Сибирь, какъ увидимъ ниже, все-таки попалъ...

IV.

Наступилъ 1862-й годъ. Въ Польшѣ начались серьезныя волненія. Въ молодежи происходило глухое броженіе, выражавшееся въ различныхъ выходившихъ тогда революціонныхъ листкахъ.

Весною 1862 года появились крайне рѣзкаго направленія, съ кровавымъ оттѣнкомъ, прокламаціи „Молодая Россія“, а затѣмъ вскорѣ въ Петербургѣ произошли громадные пожары, которые приписаны

были поджогамъ, совершаемымъ будто бы революціонерами. Народная же молва приписывала поджоги студентамъ и полякамъ...

Правительство встревожилось и стало принимать различныя мѣры: была образована коммиссія подъ предсѣдательствомъ князя Голицына для разслѣдованія и открытія преступниковъ, а затѣмъ, по взаимному соглашенію министровъ народнаго просвѣщенія Головина и внутреннихъ дѣлъ Валуева „Современникъ“ и „Русское Слово“ были пріостановлены на восемь мѣсяцевъ. Постановленіе объ этомъ послужило источникомъ 154 статьи уст. ценз., на основаніи которой министръ внутреннихъ дѣлъ имѣетъ право пріостановить подцензурное періодическое изданіе до восьми мѣсяцевъ.

„Молодая Россія“ поразила и напугала многихъ своею крайностью, даже Герценъ не одобрялъ ея, находя въ ней смѣсь шиллеровщины съ бабевщиной. Но, разсматривая ее хладнокровно, нельзя не видѣть, что она представляетъ замѣчательную смѣсь нелѣпости съ невѣжествомъ, а потому въ благоразумныхъ лицахъ могла только возбудить смѣхъ по своей радикальной наивности, но не страхъ. Но такъ какъ время было тревожное, то и такая чепуха, какъ „Молодая Россія“, нагнала на многихъ страхъ и заставила вліятельныхъ либераловъ соединиться съ реакціонерами, чтобы вести борьбу съ опасными элементами, вредящими, по мнѣнію этихъ либераловъ, мирному развитію русскаго общества и тормозящему прогрессивный характеръ государственной дѣятельности. Во главѣ крайне революціонной партіи считался почему-то Н. Г. Чернышевскій, относительно котораго писалось много анонимныхъ писемъ и доносовъ генералъ-губернатору, начальнику третьяго отдѣленія, министру внутреннихъ дѣлъ и проч. Всѣ эти доносы, анонимныя письма были почти одного и того же содержанія, указывали на Чернышевскаго, какъ на коновода молодежи и крайняго соціалиста, требовали немедленнаго его удаленія, какъ чрезвычайно вреднаго и опаснаго человѣка.

„Если не удалите Чернышевскаго,—писалось въ одномъ изъ упомянутыхъ анонимныхъ писемъ,—то произойдутъ несчастія и прольется кровь. Эти банды бѣшеныхъ демагоговъ состоятъ изъ горячихъ головъ, и ихъ ничто не остановитъ. „Молодая Россія“ въ своей программѣ высказала самыя крайнія стремленія. Въ Воронежѣ, въ Саратовѣ, въ Тамбовѣ существуютъ комитеты этихъ соціалистовъ, всюду они возбуждаютъ умы молодежи. Вышлите Чернышевскаго куда хотите, но только не медлите отнять у него возможность дѣйствовать. Во имя общественнаго спокойствія избавьте насъ отъ Чернышевскаго“.

Въ этомъ анонимномъ письмѣ или доносѣ нѣтъ ни слова правды: никакихъ бандъ бѣшеныхъ демагоговъ ни въ Петербургѣ, ни въ другихъ мѣстахъ Россіи ни въ то время, ни послѣ не было, а равно не

было ни въ Воронежѣ, ни въ Тамбовѣ, ни въ Саратовѣ никакихъ соціалистическихъ комитетовъ, и все это представляется созданіемъ пылкой фантазіи автора. Точно также и Чернышевскій хотя и пользовался авторитетомъ, какъ талантливый писатель, какъ авторъ симпатичныхъ идей, изъ которыхъ многія въ настоящее время вошли уже въ жизнь, но ни коноводомъ демагоговъ, ни политическимъ агитаторомъ не былъ, будучи совершенно неспособнымъ къ подобной роли, такъ какъ по натурѣ своей онъ былъ болѣе склоненъ къ тихой, кабинетной работѣ, чѣмъ къ кипучей общественной дѣятельности. Постоянно погруженный въ свои литературныя занятія, Чернышевскій былъ всегда далекъ отъ молодежи, даже отъ той, которая посѣщала его домъ и которую занимала любезная хозяйка, но не хозяинъ, изрѣдка выходившій изъ своего кабинета, по окончаніи какой-нибудь журнальной статьи. Однако означенное письмо интересно въ томъ отношеніи, что оно отражало взгляды на Чернышевскаго, господствовавшіе въ то время во вліятельныхъ, реакціонныхъ кружкахъ.

Конечно, означенныя анонимныя письма и доносы едва-ли могли заставить правительство принять какія-либо рѣшительныя мѣры относительно Чернышевскаго, при отсутствіи другихъ данныхъ, указывающихъ на его революціонерную дѣятельность, однако такія данныя скоро явились, благодаря неосторожности Герцена, въ чемъ онъ впослѣдствіи горько раскаивался, неосторожности, заключавшейся въ томъ, что онъ черезъ одну барыню или какого-то своего знакомаго послалъ письмо Серно-Соловьевичу, въ которомъ упомянулъ имя Чернышевскаго. Означенное письмо было найдено при обыскѣ у этого господина, когда онъ возвращался изъ-за границы въ Россію, и конечно должно было возбудить подозрѣніе правительства противъ Серно-Соловьевича и Чернышевскаго, вслѣдствіе чего послѣдніе были арестованы, въ началѣ іюля 1862 г., о чемъ я узналъ въ тотъ же день, благодаря слѣдующему обстоятельству. Въ то время въ Петербургѣ я жилъ у своего дяди генерала Б., дочь котораго была подругою жены старшаго адъютанта штаба корпуса жандармовъ, А—я К—ча З—на, часто бывала у ней въ гостяхъ, проводя тамъ иногда цѣлые дни. Однажды вечеромъ, вернувшись отъ З—хъ, кузина моя сообщила мнѣ, что арестованы Чернышевскій, Серно-Соловьевичъ и Писаревъ.

Этотъ арестъ, въ особенности Чернышевскаго, меня сильно поразилъ, и я ломалъ себѣ голову, въ какомъ дѣлѣ могъ участвовать Чернышевскій, относившійся весьма скептически ко всѣмъ революціоннымъ попыткамъ, осуждавшій печатно въ одномъ изъ нумеровъ „Современника“ даже Герцена, къ которому, какъ къ мыслителю-философу, относился съ большимъ уваженіемъ. Надо замѣтить, что дѣло Чернышевскаго было покрыто какой-то особой таинственностью; о всѣхъ

другихъ дѣлахъ, мы, молодежь, всегда были освѣдомлены, знали не только въ чемъ обвинялся каждый изъ арестованныхъ, но и знали ихъ показанія, о Чернышевскомъ же никто ничего не зналъ. Осенью 1862 года мнѣ пришлось покинуть Петербургъ и поселиться въ провинціи, куда долетали извѣстія о многихъ арестованныхъ лицахъ, но о Чернышевскомъ ничего не доходило. Признакомъ скораго его освобожденія представлялся напечатанный имъ въ первой книжкѣ за 1863 годъ „Современника“ романъ „Что дѣлать“.

Прошелъ 63-й годъ, о Чернышевскомъ ни слуху; но только весною 1864 года мнѣ пришлось прочесть въ одной изъ петербургскихъ газетъ, что состоялось высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, на которомъ собственной его императорскаго величества рукою написано: „Быть по сему, но съ тѣмъ, чтобы срокъ каторжной работы былъ сокращенъ на половину“. Означенное мнѣніе состояло въ слѣдующемъ: „Государственный Совѣтъ въ департаментѣ государственныхъ и духовныхъ дѣлъ, по разсмотрѣніи опредѣленія Правительствующаго Сената 5 департамента, объ отставномъ титулярномъ совѣтникѣ Николаѣ Чернышевскомъ (35 лѣтъ), признавъ его по уликамъ и обстоятельствамъ дѣла виновнымъ въ сочиненіи возмутительнаго воззванія, передачи онаго для тайнаго печатанія съ цѣлью распространенія, и въ принятіи мѣръ къ ниспроверженію существующаго въ Россіи порядка управленія, мнѣніемъ положилъ: утвердить по настоящему заключеніе Правительствующаго Сената и вслѣдствіе сего отставнаго титулярнаго совѣтника Николая Чернышевскаго, на основаніи приведенныхъ въ томъ заключеніи узаконеній, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 14 лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда“.

Этотъ приговоръ поразилъ меня точно такъ же, какъ поразило и первоначальное извѣстіе, въ 1862 году, объ его арестѣ; мнѣ казалось страннымъ, совершенно невѣроятнымъ активное участіе Чернышевскаго въ какихъ бы то ни было политическихъ дѣлахъ, и я себѣ представить не могъ возможности, чтобы онъ принималъ какія-либо мѣры къ ниспроверженію существующаго порядка управленія въ Россіи, онъ, который былъ вѣчно погруженъ въ серьезныя литературныя занятія, осуждавшій молодежь за рѣзкость, а Герцена за возбужденіе молодежи, въ практической же жизни вполнѣ подчиненный своей супругѣ О—гѣ С—нѣ, изъ подъ опеки которой не выходилъ, прибавлю мимоходомъ, даже послѣ многолѣтней разлуки, по возвращеніи изъ Сибири, когда они опять вмѣстѣ жили въ Астрахани.

Изъ означеннаго мнѣнія Государственнаго Совѣта слѣдовало заключить, что къ Чернышевскому была примѣнена высшая мѣра на-

казанія, обозначеннаго въ 283 ст. XV т. Св. зак. изд. 1857 г., соотвѣтствующаго 250 улож. о наказ., изд. 1885 года.

Такимъ образомъ, надо полагать, что Чернышевскій обвинялся ни болѣе ни менѣе какъ въ организаціи бунта противъ верховной власти, бунта, который „былъ открытъ правительствомъ заблаговременно, такъ что ни покушеній, ни смятеній, ни иныхъ вредныхъ послѣдствій не произошло, однако виновникъ обнаружилъ умыселъ дѣйствовать до достиженія своей цѣли насильственно".

Въ это время не было никакого слуха о бунтѣ, который предполагалъ будто бы совершить Чернышевскій, хотя другихъ слуховъ было очень много, а потому дѣло Чернышевскаго, несмотря на упомянутый приговоръ, осталось все-таки для меня таинственнымъ, непонятнымъ, какимъ представлялось и въ 1862 году при извѣстіи объ его арестѣ.

Нѣкоторые мои знакомые юристы при разговорѣ о дѣлѣ Чернышевскаго находили, что къ нему примѣнена не та статья, которую слѣдовало примѣнить, судя по резолюціи Государственнаго Совѣта, который, какъ сказано, примѣнилъ 283 ст. улож. о наказ. 1857 года, а къ нему вполнѣ справедливо было бы примѣнить 2 ч. 273 ст. того же устава, карающей виновнаго заключеніемъ въ крѣпости.

Но я былъ вполнѣ увѣренъ, что дѣло Чернышевскаго представлялось колоссальной судебной ошибкой, не только съ юридической стороны, какъ были дѣла Михайлова и Обручева, но и съ фактической.

Чернышевскій не только не былъ политическимъ агитаторомъ, коноводомъ какой бы то ни было соціально-демократической партіи, но, повторяю, и не могъ быть таковымъ по своей натурѣ, по своимъ тенденціямъ. Конечно, какъ послѣдователь Роберта Овена и Фурье, онъ не могъ не думать о переворотѣ въ обществѣ, который долженъ былъ совершиться не въ одной Россіи, но во всемъ мірѣ, при томъ конечно не скоро, а въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, силою историческаго прогресса, въ которомъ онъ могъ считать себя однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ, какъ распространитель прогрессивныхъ идей.

Идеалъ его былъ Аристотель, по стезѣ котораго стремился идти Н. Г., имѣя въ виду сдѣлать для своихъ соотечественниковъ то, что великій мыслитель древности сдѣлалъ для своего времени.

Сидя въ крѣпости, онъ мечталъ о составленіи самой полной „энциклопедіи жизни и знанія", которая заключала бы совокупность всего созданнаго человѣческимъ разумомъ и могла бы служить полезнымъ руководствомъ людямъ, о чемъ сообщалъ женѣ своей въ письмѣ, писанномъ изъ крѣпости осенью 1862 года:

„Со времени Аристотеля еще никто не дѣлалъ того, что я хочу сдѣлать, и я буду полезнымъ наставникомъ людей въ теченіе вѣковъ, подобно Аристотелю".

Говоря въ означенномъ письмѣ объ ихъ общей съ женою судьбѣ, Чернышевскій пишетъ: „Наша жизнь — твоя и моя — принадлежатъ исторіи; чрезъ сотни лѣтъ наши имена еще будутъ дороги людямъ и будутъ вспоминаться съ признательностью".

Такимъ образомъ, Чернышевскій смотрѣлъ на себя какъ на историческаго дѣятеля, но не какъ на политическаго, и мысль объ энциклопедіи постоянно занимала его, не покидая до самой смерти.

Чернышевскій не могъ никогда принимать участіе въ какомъ-нибудь насильственномъ переворотѣ потому, что онъ не вѣрилъ въ успѣхъ грубой физической силы, а хранилъ глубокую вѣру въ торжество нравственной, о чемъ имъ написано нѣсколько прекрасныхъ строкъ въ рецензіи на книгу Мунка „Исторія греческой литературы".

Передавъ содержаніе трагедіи Эсхила „Прометей", въ которой представлена борьба грубой силы съ нравственной силой, и высказавъ нѣсколько мыслей о трагическомъ положеніи послѣдней въ исторіи человѣчества, Чернышевскій пишетъ: „картина борьбы нравственно закаленной души съ насиліемъ производитъ на насъ отрадное и успокоительное дѣйствіе; наша вѣра въ нравственную силу еще болѣе укрѣпляется, мы видимъ, что эта могучая, непоколебимая и непреодолимая сила исполняется твердой надеждой, что она, временно задавленная насиліемъ, непремѣнно возстанетъ съ новой энергіей, что человѣкъ останется человѣкомъ и вырвется рано или поздно изъ оковъ грубой подавляющей силы".

Описывая затѣмъ казнь надъ Прометеемъ и паденіе его въ пропасть, Чернышевскій говоритъ: „Даже видъ этой грозной и величественной казни дѣйствуетъ на насъ успокоительно; мы увѣрены, что нравственная сила воскреснетъ, что пока существуетъ міръ съ солнечными лучами и воздухомъ, до тѣхъ поръ разумность и правда будутъ святѣе, выше и сильнѣе тупой несправедливости; изъ разверстой пропасти до нашего слуха долетаютъ отрадныя слова Прометея, возвышающія сознаніе нашего человѣческаго достоинства и наполняющія нашу душу гордымъ презрѣніемъ ко всякой грубой силѣ и насилію" [1]).

Но не я одинъ былъ убѣжденъ въ невинности Чернышевскаго относительно участія его въ ниспроверженіи государственнаго порядка; это убѣжденіе раздѣляло все наше поколѣніе, принадлежавшее къ разнымъ общественнымъ положеніямъ, что̀ видно изъ приводимаго

[1]) „Современникъ" 1861 г. октябрь, стран. 284.

ниже дневника слушателя военной академіи, гвардіи поручика Владиміра Константиновича Гейнса, извѣстнаго впослѣдствіи подъ именемъ Вильяма Фрея, дневника, интереснаго не только въ томъ отношеніи, что въ немъ приведены интересныя подробности относительно исполненія приговора надъ Чернышевскимъ, котораго этотъ офицеръ былъ очевидцемъ, но и въ томъ, какое впечатлѣніе произвелъ этотъ приговоръ на означеннаго офицера, одного изъ блестящихъ и передовыхъ представителей молодаго поколѣнія шестидесятыхъ годовъ.

V.

Въ упомянутомъ дневникѣ Гейнсъ разсказываетъ, между прочимъ, о томъ, что 18-го мая 1864 года пришелъ къ нему одинъ знакомый и сообщилъ, что на другой день въ восемь часовъ утра будутъ „шельмовать“ Чернышевскаго, т. е. будетъ надъ послѣднимъ совершенъ обрядъ публичной казни. Хотя Гейнсъ къ этому извѣстію отнесся скептически, такъ оно казалось ему невѣроятнымъ, однако въ семь часовъ утра отправился на Мытнинскую площадь, гдѣ должна была совершиться эта казнь, куда, идя по мелкимъ переулкамъ, чуть-чуть не заблудился.

„Крестьянинъ, идущій впереди меня,—пишетъ Гейнсъ,—спросилъ лавочника: гдѣ будутъ раскладывать, и какъ ни странно покажется это, я вздрогнулъ отъ этого слова. Я не видывалъ прежде этой процедуры, и такое рѣзкое выраженіе человѣка изъ народа невольно навело меня на мысль, что она должна быть очень тяжелаго свойства. Я шелъ слѣдомъ за этимъ крестьяниномъ, и по мѣрѣ приближенія къ толпѣ все болѣе и болѣе росло мое волненіе. Наконецъ, я на площади. Высокій черный столбъ съ цѣпями, эстрада, окруженная солдатами, жандармы и городовые, поставленные другъ возлѣ друга, чтобы держать народъ на благородной дистанціи отъ столба. Множество людей, хорошо одѣтыхъ, кареты, генералы, снующіе взадъ и впередъ, хорошо одѣтыя женщины, все показывало, что происходитъ нѣчто чрезвычайное.

„Какая-то старуха предложила мнѣ скамейку“. Надо сиротамъ хлѣбъ заработать,—говорила она мнѣ;—если бы она взяла съ меня не 10 коп., а 50, то и тогда я съ удовольствіемъ взялъ бы скамью, потому что публики набралось слишкомъ много, и мнѣ уже приходилось стоять въ третьемъ ряду.

„Три четверти часа мнѣ пришлось стоять на скамейкѣ, дожидаясь

пріѣзда Чернышевскаго. Но для меня это время прошло быстро. Я жадно вглядывался во всякую подробность. Хозяйка моей скамьи, стоя вмѣстѣ со мной, разсказывала мнѣ, какъ новинку, что будутъ дѣлать съ преступникомъ. Показала саблю заранѣе надпиленную и стоящую внизу эстрады. Замѣтила, между прочимъ, что въ прежніе разы столбъ былъ гораздо ближе къ народу, чѣмъ теперь, но все-таки будетъ слышно, что прочтетъ арестанту Григорьевъ (помощникъ надзирателя)...

„Рядъ грустныхъ мыслей былъ прерванъ какимъ-то глухимъ шумомъ толпы; „ѣдутъ", сказала старуха. „Смирно",—раздалась команда, и вслѣдъ затѣмъ карета, окруженная жандармами съ саблями на-голо, подъѣхала къ солдатамъ. Карета остановилась шагахъ въ пятидесяти отъ меня, я не хотѣлъ сойти съ своей скамьи, но видѣлъ, что въ этомъ мѣстѣ толпа ринулась къ каретѣ, раздались крики „назадъ"; жандармы начали тѣснить народъ, вслѣдъ затѣмъ три человѣка пошли быстро по линіи солдатъ къ эстрадѣ: это былъ Чернышевскій и два палача. Раздались сдержанные крики переднимъ: „уберите зонтики", и все замерло. На эстраду взошелъ какой-то полицейскій. Скомандовали солдатамъ „на караулъ". Палачъ снялъ съ Чернышевскаго фуражку и затѣмъ началось чтеніе приговора. Чтеніе это продолжалось около четверти часа. Никто его не могъ слышать. Самъ же Чернышевскій, знавшій его еще прежде, менѣе, чѣмъ всякій другой, интересовался имъ. Онъ, повидимому, искалъ кого-то, безпрерывно обводя глазами всю толпу, потомъ кивнулъ въ какую-то сторону раза три. Наконецъ, чтеніе кончилось. Палачи опустили его на колѣни. Сломали надъ головой саблю, и затѣмъ, поднявши его еще выше на нѣсколько ступеней, взяли его руки въ цѣпи, прикрѣпленныя къ столбу. Въ это время пошелъ очень сильный дождь, палачъ надѣлъ на него шапку. Чернышевскій поблагодарилъ его, поправилъ фуражку, на сколько позволяли ему его руки и затѣмъ, заложивши руку въ руку, спокойно ожидалъ конца этой процедуры. Въ толпѣ было мертвое молчаніе. Старуха, сошедшая со скамьи, безпрерывно задавала мнѣ разные вопросы въ родѣ такихъ: „Въ своемъ ли онъ платьѣ или нѣтъ? Какъ онъ пріѣхалъ, въ каретѣ или въ телѣгѣ?" Я безпрерывно душилъ свои слезы, чтобы можно было отвѣчать кое-какъ старухѣ. По окончаніи церемоніи всѣ ринулись къ каретѣ, прорвали линію городовыхъ, хватившихъ другъ друга за руки, и только усиліями конныхъ жандармовъ толпа была отдѣлена отъ кареты. Тогда (это я знаю навѣрное, хотя не видалъ самъ) были брошены ему букеты цвѣтовъ [1]). Одну

[1]) Бросала цвѣты дѣвица М. П. Михаэлисъ, родная сестра Л. П. Шелгуновой. Пр. Н. Р.

женщину, кинувшую цвѣты, арестовали. Карета повернула назадъ и по обыкновенію всѣхъ поѣздокъ съ арестантами пошла шагомъ. Этимъ воспользовались многіе, желавшіе видѣть его вблизи; кучки людей человѣкъ въ 10 догнали карету и пошли рядомъ съ ней. Нуженъ былъ какой-нибудь сигналъ для того, чтобы совершилась овація. Этотъ сигналъ подалъ одинъ молодой офицеръ; снявши фуражку, онъ крикнулъ: „прощай, Чернышевскій"; этотъ крикъ былъ немедленно поддержанъ другими и потомъ смѣнился еще болѣе колкимъ словомъ „до свиданія". Онъ слышалъ этотъ крикъ и, выглянувши изъ окна, весьма мило отвѣчалъ поклонами. Этотъ же крикъ былъ услышанъ толпою, находящейся сзади. Всѣ ринулись догонять карету и присоединиться къ кричавшимъ. Положеніе полиціи было затруднительное, но на этотъ разъ она поступила весьма благоразумно и противъ своего обыкновенія не арестовала публику, а рѣшилась попросту удалиться. Было скомандовано „рысью!", и вся эта процессія съ шумомъ и грохотомъ начала удаляться отъ толпы. Впрочемъ, та кучка, которая была возлѣ, еще нѣкоторое время бѣжала, возлѣ еще продолжались крики и маханіе платками и фуражками. „Лавочники (ѣхали мимо рынка) съ изумленіемъ смотрѣли на необыкновенное для нихъ событіе. Чернышевскій ранѣе другихъ понялъ, что эта кучка горячихъ головъ, разъ только отдѣлится отъ толпы, будетъ немедленно арестована. Поклонившись еще разъ, самою веселою улыбкой (видно было, что уѣзжалъ въ хорошемъ настроеніи духа), онъ погрозилъ пальцемъ. Толпа начала мало-по-малу расходиться, но нѣкоторые, нанявши извозчиковъ, поѣхали слѣдомъ за каретой. Говорятъ, что всѣ были потомъ арестованы. Я повернулъ въ другую сторону. Я пошелъ подъ дождемъ въ Лабораторію, шелъ оттуда тоже пѣшкомъ и тоже одинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я страшно измучился и пришелъ домой только въ 2 часа. Тогда уже появилась во мнѣ мысль замучить себя до изнеможенія. Я сказалъ товарищу, имѣющему знакомыхъ въ Болотной улицѣ, чтобы онъ заѣхалъ за мной. Они пріѣхали сейчасъ послѣ обѣда, я сѣлъ въ лодку, гребъ безъ устали. Затѣмъ въ 11 часовъ, причаливши къ Литейному мосту, пошелъ вмѣстѣ со всѣми въ Болотную улицу и оттуда въ $^1/_2$1-го часа пошелъ пѣшкомъ же домой. Вотъ уже два дня у меня болятъ руки и ноги, и еще до сихъ поръ не могу безъ волненія и безъ блѣдности въ лицѣ говорить другимъ объ этомъ событіи. Оно бы произвело на меня грустное впечатлѣніе во всякомъ случаѣ, кого бы ни привязывали къ столбу"...

VI.

Въ январѣ 1866 года мнѣ пришлось быть въ Петербургѣ, и я встрѣтился на одномъ большомъ вечерѣ съ знакомымъ моего дяди, упомянутымъ выше подполковникомъ А. К. За—нымъ, старшимъ адъютантомъ корпуса жандармовъ, и изъ разговоровъ съ нимъ я узналъ нѣсколько интересныхъ подробностей о дѣлѣ Чернышевскаго.

Слѣдствіе, по словамъ подполковника За—на, ничего не могло открыть по этому дѣлу и вѣроятно кончилось бы ничѣмъ, если бы не замѣшался къ этому дѣлу поэтъ Костомаровъ, котораго Чернышевскій чѣмъ-то оскорбилъ при допросѣ и который высказалъ За—ну, что онъ, Костомаровъ, обнаружитъ преступленіе Чернышевскаго.

По приговору суда Костомаровъ былъ разжалованъ въ рядовые и высланъ на Кавказъ. Когда его везли къ мѣсту назначенія, то съ дороги онъ прислалъ прошеніе, въ которомъ ходатайствовалъ о возвращеніи въ Петербургъ, объяснивъ, что онъ докажетъ преступленіе Чернышевскаго. Прошеніе было уважено, его привезли въ Петербургъ и водворили въ третьемъ отдѣленіи. Тутъ онъ потребовалъ „Современникъ“ за нѣсколько лѣтъ и сталъ писать комментаріи къ статьямъ Чернышевскаго, находя въ однихъ матеріализмъ и атеизмъ, въ другихъ соціализмъ и коммунизмъ, при чемъ Костомаровъ, по словамъ За—на, весьма подробно указывалъ, какія именно идеи Чернышевскаго могутъ разрушить современный общественный и государственный строй, и, такимъ образомъ, изъ его комментаріевъ, какъ высказалъ А. К. За—нъ, ясно слѣдовало, что своими статьями Чернышевскій подготовлялъ мѣры къ разрушенію государственнаго порядка въ Россіи.

Избранныя Костомаровымъ статьи предъявлялись Чернышевскому, при чемъ спрашивали послѣдняго, что онъ хотѣлъ ими высказать, на что онъ отвѣчалъ, что имъ высказано въ означенныхъ статьяхъ именно все то, что онъ хотѣлъ сказать, а другаго ничего не имѣлъ.

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, какъ передавалъ А. К. З—нъ, статьи Чернышевскаго съ комментаріями Костомарова тщательно переписывались и представлялись государю, который наконецъ положилъ резолюцію: „судить Чернышевскаго по всей строгости законовъ“, вслѣдствіе чего его судили и, осудивъ, примѣнили вѣроятно по аналогіи 283 ст. XV тома Св. Зак.

— „Читаешь Чернышевскаго,—говорилъ добродушно З—нъ,—кажется, статья, какъ статья, ничего въ ней особеннаго нѣтъ, написано просто, умно, а начнешь читать комментаріи Костомарова, то волосъ дыбомъ подымается. Не знаешь только, чему удивляться, уму ли Чернышев-

скаго, одурачившаго цензуру, или простотѣ послѣдней, недоглядѣвшей, что слѣдуетъ. Я полагаю, однако,—утверждалъ З—нъ, что сама цензура, пропуская, знала, что дѣлала. Сильно былъ сконфуженъ Петръ Александровичъ (Валуевъ), который, пропустивъ романъ „Что дѣлать?“, хвастался даже одно время этимъ, а между тѣмъ тотъ ядъ, который крупицами былъ разбросанъ по другимъ статьямъ, былъ весь собранъ въ этомъ романѣ, чего министръ и не замѣтилъ“.

Такимъ образомъ, разсказъ подполковника З—на, по своему положенію старшаго адъютанта штаба корпуса жандармовъ, значитъ. близко стоявшаго къ политическимъ дѣламъ, вполнѣ подтвердилъ справедливость мнѣнія Гейнса относительно того, что Чернышевскій былъ осужденъ за свою литературную дѣятельность.

Изъ разговора съ упомянутымъ А. К. За—нымъ я вынесъ заключеніе, что онъ добросовѣстно убѣжденъ въ томъ, что Чернышевскій вполнѣ справедливо осужденъ и приговоренъ къ надлежащему наказанію, котораго заслуживалъ за свою дѣятельность, направленную къ упраздненію религіи и государственнаго порядка.

Точно также добросовѣстно убѣждены были въ этомъ и господа сенаторы, находя, что они, удаливъ изъ Россіи опаснаго человѣка, поступили справедливо и по закону.

Всѣ они составили убѣжденіе на основаніи ложныхъ, превратныхъ толкованій Костомарова, представленныхъ имъ подложныхъ писемъ и завѣдомо ложныхъ свидѣтелей, какъ будетъ показано ниже.

Намеки на лжесвидѣтельство въ дѣлѣ Чернышевскаго были сдѣланы въ одной изъ московскихъ газетъ, въ некрологѣ поэта Гольцъ-Миллера, сидѣвшаго въ шестидесятыхъ годахъ въ одной изъ московскихъ тюремъ съ другими лицами, обвиняемыми въ печатаніи и въ распространеніи запрещенныхъ сочиненій.

Въ послѣдствіи времени мнѣ пришлось познакомиться съ однимъ изъ сотоварищей Гольцъ-Миллера по заключенію—Л. Я. Ященко [1]), и онъ мнѣ сообщилъ слѣдующее: во время нахожденія означенныхъ лицъ въ тюрьмѣ, ихъ посѣтилъ совершенно неизвѣстный имъ человѣкъ, отрекомендовавшійся мѣщаниномъ Яковлевымъ, арестованнымъ также будто бы по политическому дѣлу, и заявилъ, что пришелъ попросить у нихъ совѣта. У него, Яковлева, былъ знакомый офицеръ Костомаровъ, съ которымъ давно не видѣлся и съ которымъ пришлось встрѣтиться при довольно странной обстановкѣ. Мѣсяцъ или болѣе тому назадъ онъ, Яковлевъ, получилъ записку, приглашавшую его прибыть въ гостиницу „Венеція“, куда онъ и явился, и, къ своему удивленію, нашелъ тамъ Костомарова, но уже не въ офицер-

[1]) Присяжный повѣренный округа Саратовской судебной палаты.

ской формѣ, а въ солдатской, и при этомъ находился жандармскій офицеръ. Поздоровавшись съ Яковлевымъ, Костомаровъ просилъ его отправиться въ Петербургъ и отдать письмо его матери, которая объяснитъ, что ему, Яковлеву, нужно сдѣлать, за что было обѣщано хорошее вознагражденіе, кромѣ того Костомаровъ высказалъ Яковлеву, чтобы онъ показалъ въ третьемъ отдѣленіи, будто слышалъ, какъ Чернышевскій сказалъ Костомарову такую фразу: „помѣщичьимъ крестьянамъ отъ ихъ друзей поклонъ". При этомъ Яковлевъ объяснилъ, что онъ не понимаетъ этой фразы и не знаетъ, зачѣмъ Костомарову нужно, чтобы о ней было сказано. Заявляя обо всемъ этомъ, Яковлевъ просилъ посовѣтовать, какъ поступить ему въ данномъ случаѣ, и не освободятъ ли его изъ тюрьмы, если сдѣлаетъ показаніе согласно желанію Костомарова.

Но ему такого показанія дѣлать не совѣтовали.

Узнавъ потомъ, что Яковлевъ былъ отправленъ въ Петербургъ, и полагая, что Костомаровъ, посредствомъ лжесвидѣтельства его, намѣренъ обвинить Чернышевскаго въ какомъ-то политическомъ дѣлѣ, Гольцъ-Миллеръ съ товарищами обратились съ письмомъ къ поэту Некрасову, прося его довести до свѣдѣнія высшаго начальства объ этихъ фактахъ, дабы предотвратить несправедливое осужденіе Чернышевскаго. Некрасовъ, какъ мнѣ извѣстно, отправилъ это письмо начальнику штаба корпуса жандармовъ генералу Потапову, но какая затѣмъ постигла его судьба, мнѣ не извѣстно, но оно вполнѣ ясно доказываетъ, что въ дѣлѣ Чернышевскаго Костомаровымъ допущено было лжесвидѣтельство и даже, какъ я слышалъ впослѣдствіи отъ самого Чернышевскаго, подлоги, которые могли легко обнаружиться, если бы не былъ принятъ рутинный способъ экспертизы при помощи секретарей, считавшихся компетентными лицами въ дѣлѣ изслѣдованія почерка, а болѣе научный, какъ, напримѣръ, съ помощью лупы, чего требовалъ Чернышевскій и въ чемъ Сенатомъ ему было отказано, но чего не случилось бы при дѣйствіи судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года. Въ настоящее время Чернышевскій не только не былъ бы осужденъ судомъ, но относительно его не была бы даже принята административная мѣра...

А осужденъ онъ былъ—повторяемъ—благодаря только Костомарову, который превратно истолковалъ его сочиненія, сдѣлалъ относительно его ложныя показанія, представилъ ложнаго свидѣтеля и подложные документы...

VII.

Въ 1864 году Чернышевскій былъ отправленъ въ Сибирь и затѣмъ помѣщенъ на Александровскомъ заводѣ, принадлежащемъ къ Нерчинскому горному округу, гдѣ каторжными работами не занимался, а жилъ вмѣстѣ съ М. Л. Михайловымъ на одной квартирѣ, пользуясь нѣкоторой свободой, что, однако, продолжалось недолго, такъ какъ осенью 1866 года былъ переведенъ въ другое, болѣе глухое мѣсто, причиной чего послужило слѣдующее обстоятельство.

Одинъ изъ героевъ романа „Что дѣлать?“ Рахметовъ, уѣзжая за границу, высказалъ, между прочимъ, „что года черезъ три онъ возвратится въ Россію, потому что, кажется, въ Россіи не теперь, а тогда, года черезъ три, четыре „нужно“ ему быть“...

Послѣдняя часть романа была подписана „4-го апрѣля 1863 года“.

Ровно черезъ три года, т. е. 4-го апрѣля 1866 года раздался Каракозовскій выстрѣлъ, ужаснувшій Россію и вызвавшій нѣкоторую реакцію...

Въ учрежденной по дѣлу о Каракозовѣ коммиссіи подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго М. Н. Муравьева явилась мысль о привлеченіи къ этому дѣлу Чернышевскаго, вслѣдствіе чего, послѣднему по порученію означенной коммиссіи мѣстнымъ исправникомъ были сдѣланы нѣкоторые вопросы относительно романа „Что дѣлать?“ въ связи съ дѣломъ Каракозова. Этихъ вопросовъ съ перваго раза Чернышевскій понять не могъ, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ позабылъ содержаніе этого романа. Когда онъ сидѣлъ въ крѣпости, то писалъ его на имѣвшихся у него обрывкахъ бумаги и такъ какъ писалъ и пересылалъ Некрасову по частямъ, то просилъ послѣдняго сглаживать, исправляя повторенія, которыя могли явиться вслѣдствіе того, что авторъ писалъ послѣдующее, могъ забывать предъидущее. Черезъ три года Чернышевскій настолько забылъ этотъ романъ, что ему, по собственнымъ словамъ, пришлось читать его, какъ будто чужое произведеніе. Поэтому понятно, что Чернышевскій не сразу могъ понять, въ чемъ было дѣло, и понялъ только тогда, когда дали прочесть ту страницу о Рахметовѣ, гдѣ послѣдній говоритъ о своемъ возвращеніи въ Россію, при чемъ объяснили, что Каракозовъ былъ воспитанникъ одного пензенскаго помѣщика, а затѣмъ учился въ Саратовской гимназіи, гдѣ Н. Г. былъ одно время учителемъ.

Послѣ этого Н. Г. сообразилъ, что его подозрѣваютъ ни болѣе, ни менѣе, какъ въ томъ, что не было ли преступное покушеніе 4-го апрѣля продуктомъ, если не внушенія, то, во всякомъ случаѣ, его, Чернышевскаго, вліянія.

Означенное подозрѣніе Н—ю Г—чу нетрудно было опровергнуть,

доказавъ, что когда онъ былъ учителемъ въ Саратовѣ, то Каракозовъ могъ быть только въ первомъ классѣ, гдѣ Н. Г. не преподавалъ, а потому знать его не могъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого обстоятельства Чернышевскій изъ Александровскаго завода былъ переведенъ въ Кадай, къ границамъ Монголіи, гдѣ положеніе его было хуже, чѣмъ въ упомянутомъ заводѣ.

Въ 1871 году окончился срокъ каторжныхъ работъ Чернышевскому, и онъ обращался въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ, которые имѣютъ право выбирать себѣ мѣстожительства. Для всѣхъ другихъ осужденныхъ подобное состояніе составляетъ улучшеніе положенія, но для Чернышевскаго оно являлось ухудшеніемъ. По докладу бывшаго тогда шефомъ корпуса жандармовъ гр. Шувалова состоялось высочайшее повелѣніе императора Александра II о назначеніи Чернышевскому жительства города Вилюйска, находящагося къ сѣверу отъ Якутска въ разстояніи отъ послѣдняго около 500 верстъ. Для наблюденія за Чернышевскимъ былъ назначенъ особый полицейскій чиновникъ и нѣсколько жандармовъ. По этому поводу Н. Г. впослѣдствіи весьма добродушно подсмѣивался, говоря: „меня сослали, такъ это понятно, я въ ихъ глазахъ преступникъ, а за что заставляли жить со мной лицъ совершенно невиновныхъ—понять трудно".

Принимая относительно Чернышевскаго подобныя суровыя мѣры, правительство императора Александра II считало его весьма опаснымъ человѣкомъ, главнымъ виновникомъ всѣхъ политическихъ волненій, которыми такъ богато было время шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія...

Но такъ глядѣло на Чернышевскаго правительство Александра II, правительство же Александра III взглянуло на него иначе: по докладу бывшаго въ 1882 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстаго, Чернышевскій былъ переведенъ изъ Вилюйска въ Астрахань.

VIII.

Прошло много лѣтъ... Въ іюнѣ 1886 года мнѣ пришлось быть въ Астрахани; узнавъ адресъ Чернышевскаго, я послалъ ему записку съ выраженіемъ моего глубокаго уваженія и съ просьбой, когда онъ можетъ принять меня. Въ отвѣтъ получилъ слѣдующую записку, писанную карандашемъ: „Благодарю за доброе расположеніе ко мнѣ. Бываю

дома каждый день отъ половины перваго до трехъ часовъ. Чернышевскій".

На другой день по полученіи этой записки я отправился къ нему въ часъ дня. Двери отперъ самъ Николай Гавриловичъ, который на мой взглядъ нисколько не измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ въ послѣдній разъ; исключеніе составляла борода, которой онъ прежде не носилъ. На его лицѣ не было ни одной морщины, а на головѣ ни одного сѣдаго волоса.

— Николай Гавриловичъ,—обратился я къ нему, послѣ привѣтствія,—я какъ будто вижу васъ двадцать пять лѣтъ назадъ. Вы нисколько не измѣнились.

— Да что мнѣ дѣлается,—отвѣтилъ онъ,—веду жизнь правильную, ничѣмъ не болѣю, развѣ иногда лихорадка навѣститъ.

Въ Астрахани я пробылъ около четырехъ дней и за этотъ періодъ времени каждый день видѣлся съ Николаемъ Гавриловичемъ. Никогда мнѣ не случалось видѣть между литераторами и учеными такого веселаго, такого привѣтливаго человѣка. Онъ не давалъ слова сказать и говорилъ все самъ. Въ голосѣ, въ разговорахъ слышалась прежняя иронія, но иногда звучали грустныя нотки, явившіяся, вѣроятно, результатомъ безрадостной, одинокой жизни въ теченіе долгихъ лѣтъ. Разговоры наши касались самыхъ разнообразныхъ предметовъ, но больше относились къ воспоминаніямъ о лицахъ литературнаго міра.

Когда заговорили о Шелгуновѣ, то Чернышевскій съ глубокимъ чувствомъ произнесъ: „Честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ Николай Васильевичъ, такіе люди рѣдки. Прекрасно держалъ себя въ моемъ дѣлѣ"...

Изъ всѣхъ моихъ бесѣдъ съ Николаемъ Гавриловичемъ я вынесъ заключеніе, что онъ внимательно слѣдилъ за русской литературой, не пропуская самыхъ ничтожныхъ явленій. Нѣсколько свысока онъ относился къ нѣкоторымъ писателямъ, а къ другимъ съ легкимъ презрѣніемъ. Сильно недолюбливалъ онъ покойнаго Г. И. Успенскаго, отзываясь о немъ съ нѣкоторою насмѣшкою и называлъ его „Миклухой-Маклаемъ", путешествующимъ и открывающимъ постоянно какія-то невѣдомыя страны и какихъ-то дикихъ людей.

— Ну что это за писатель изъ народнаго быта,—говорилъ Николай Гавриловичъ,—вотъ нашъ Успенскій, такъ не ему чета.

Надо сказать, что Николай Гавриловичъ въ „Современникѣ" за 1861-й годъ посвятилъ большую статью Г. И. Успенскому, подъ заглавіемъ: „Не начало ли перемѣны",—статью, въ которой показалъ, что послѣдній въ свои произведенія изъ народнаго быта внесъ свѣжую струю, высказывая о народѣ правду, „безъ всякихъ прикрасъ",

а этой самой правды въ произведеніяхъ Г. И. Успенскаго Чернышевскій, разговаривая со мною, не находилъ.

Главный недостатокъ русскихъ писателей, вызывавшій его осужденіе, заключался, по его мнѣнію, въ отсутствіи образованія, въ особенности политическаго. Поэтому онъ высоко цѣнилъ Щедрина, который отличался, по его словамъ, обширнымъ образованіемъ.—Да, этотъ человѣкъ широкаго политическаго развитія, не то, что другіе—говорилъ Николай Гавриловичъ.

О нѣкоторыхъ молодыхъ писателяхъ отзывался довольно тепло и интересовался нѣкоторыми подробностями ихъ жизни. Когда объ одномъ изъ нихъ NN я сообщилъ, что онъ былъ высланъ, кажется, за то, что отказался присягнуть, то это обстоятельство какъ будто кольнуло Николая Гавриловича.

— Нехорошо, нехорошо,—замѣтилъ онъ на это.—Неужели онъ это считалъ за геройскій подвигъ, а не за простую, мальчишескую выходку.

Очевидно, подобная вещь ему очень не понравилась въ человѣкѣ, которому, какъ писателю, очень симпатизировалъ.

На другой день онъ вспомнилъ объ этомъ обстоятельствѣ и замѣтилъ мнѣ:

— Когда увидите NN, скажите ему, что это даже не ново, что онъ сдѣлалъ. Я видѣлъ такихъ въ Сибири, это солдатики изъ поляковъ, которые также не присягали, но они сами хорошенько не понимали, что дѣлали, такъ какъ увлечены были другими, которымъ вѣрили.

Съ уваженіемъ вспоминалъ о Кавелинѣ, съ которымъ болѣе близко сошелся весною 1862 года.—Умеръ у него сынъ—говорилъ Николай Гавриловичъ,—и онъ очень тосковалъ, такъ вотъ я, чтобъ разсѣять его какъ-нибудь, каждый день навѣщалъ его. При воспоминаніи о Лавровѣ, удивлялся, за что его могли выслать, такъ какъ онъ былъ человѣкъ умѣреннаго образа мыслей.

Въ разговорѣ о Н. К. Михайловскомъ Чернышевскій спросилъ: „а что, добрый онъ человѣкъ?“

Видно было, что Н. Г. доброту ставилъ однимъ изъ большихъ достоинствъ.

Затѣмъ въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ сообщилъ о себѣ слѣдующую довольно любопытную черту.

— Читаешь современныя журнальныя статьи—говорилъ Н. Г.—находишь нѣкоторыя изъ нихъ недурными, соглашаешься съ ними; но странно устроена моя голова, Богъ ее знаетъ, какъ... Впрочемъ, Богъ-то это хорошо знаетъ,—прибавилъ онъ съ улыбкой... Такъ видите ли въ чемъ дѣло, — началъ онъ уже съ серьезнымъ видомъ.—

Если бы мнѣ опять пришлось завѣдывать журналомъ, то много бы, что теперь печатается, не пустилъ, хоть бы, напримѣръ, про Болгарію или тамъ Сербію... Ну, какой интересъ представляютъ онѣ, какое вліяніе могутъ онѣ оказать на насъ... Все равно, что какая-нибудь Португалія, а потому долой статьи о подобныхъ предметахъ...

Послѣднія слова Н. Г. произнесъ рѣшительнымъ тономъ, сопровождая энергичнымъ движеніемъ руки.

Когда по какому-то поводу я заговорилъ о Герценѣ, то Николай Гавриловичъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ замѣтилъ:

— Съ этимъ человѣкомъ въ послѣднее время я совершенно разошелся во взглядахъ. Посудите сами, сидитъ себѣ бариномъ въ Лондонѣ и составляетъ заговоры, въ которые увлекаетъ нашу молодежь.

Черезъ Михаила Ларіоновича (Михайлова) я совѣтывалъ ему не трогать молодежь и даже печатно высказывался противъ него, немножко пожалуй рѣзко, но онъ впрочемъ не сердился, — простилъ.

— Но ему и не за что было сердиться на васъ, — сказалъ я,— вѣдь онъ, кажется, виноватъ въ той неосторожности, которая дала поводъ къ вашему аресту, на что онъ и самъ намекалъ въ послѣднемъ трудѣ своемъ.

— Да, такъ,—подтвердилъ мои слова Николай Гавриловичъ,—но вѣдь всю кашу заварилъ Серно-Соловьевичъ, который, не сказавъ мнѣ ни слова, задумалъ вести переговоры съ Герценомъ объ изданіи „Современника“ въ Лондонѣ. Понятно, эти переговоры велись не явно и когда раскрылись, то имъ придали политическій характеръ, предполагая, что имѣется въ виду не предположеніе объ изданіи журнала, а совершеніе государственнаго переворота.

Надо сказать, что въ этомъ разговорѣ Чернышевскій ни однимъ словомъ не обмолвился о своихъ свиданіяхъ съ Герценомъ, и я полагаю, что сообщеніе г-жи Тучковой-Огаревой объ этомъ свиданіи въ 1862 г. есть ни болѣе ни менѣе, какъ легенда, онъ не только не видѣлся съ Герценомъ въ этомъ году, но даже и не могъ видѣться, такъ какъ никуда не выѣзжалъ изъ Петербурга, кромѣ Павловска, гдѣ семья его жила на дачѣ. „Современникъ“ былъ закрытъ въ маѣ мѣсяцѣ этого же года, и Николай Гавриловичъ предполагалъ уѣхать въ Саратовъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, какъ онъ мнѣ самъ разсказывалъ, ему пришлось быть у генерала Потапова, начальника штаба корпуса жандармовъ, по одному, какъ онъ выразился, частному дѣлу, заключавшемуся въ слѣдующемъ.

Гвардейскій офицеръ Х. позволилъ себѣ какую-то дерзкую выходку относительно супруги Н. Г., о чемъ много, какъ я помню, говорили

тогда въ Петербургѣ; генералъ Потаповъ пригласилъ Чернышевскаго для объясненія по означенному дѣлу и въ разговорѣ заявилъ, что если Н. Г. желаетъ, то офицера заставятъ извиниться передъ нимъ и передъ супругой, на что Николай Гавриловичъ сказалъ:

— Ну, это будетъ очень тяжело для офицера, — для его самолюбія; не надо, Богъ съ нимъ.

— Я и самъ полагаю, что ужъ это очень тяжело, — сказалъ Потаповъ, тѣмъ болѣе, что онъ и не зналъ, что это ваша супруга.

Затѣмъ при дальнѣйшемъ разговорѣ съ генераломъ Чернышевскій спросилъ послѣдняго, не имѣетъ ли правительство какихъ-нибудь подозрѣній противъ него, Чернышевскаго, и потому можетъ ли онъ уѣхать въ Саратовъ, такъ какъ въ Петербургѣ ему въ виду закрытія „Современника“ дѣлать нечего, на что Потаповъ отвѣтилъ, что правительство противъ Н. Г. ничего не имѣетъ и ни въ чемъ не подозрѣваетъ...

Говоря о разныхъ разностяхъ, мы заговорили о Казани, гдѣ я имѣлъ постоянное жительство, при чемъ Н. Г. замѣтилъ: „Да, Казань, я помню, посѣтилъ ее въ первое время своего студенчества. Въ этомъ городѣ въ первый и послѣдній разъ моей жизни я сдѣлалъ попытку пропаганды“. Эти слова были сказаны съ свойственной ему добродушной ироніей и, услышавъ ихъ, я не зналъ, что думать, серьезно ли онъ говоритъ или шуточно.

— Вотъ какъ было дѣло,—продолжалъ онъ въ томъ же тонѣ.—Ѣхалъ разъ на извощикѣ-татаринѣ и сталъ говорить съ нимъ о томъ, что у нихъ, татаръ, было когда-то свое царство, при этомъ я ему объяснилъ, что у нихъ и свой царь былъ, на что онъ мнѣ сказалъ: „да у насъ и теперь свой царь“. На вопросъ же мой, гдѣ же находится ихъ царь, татаринъ вполнѣ серьезно отвѣчалъ, что „въ Петербургѣ“. Послѣ такого разговора я нашелъ уже совершенно безцѣльнымъ заниматься дальнѣйшей пропагандой.

— А вотъ живши въ Якутской области, я пытался цивилизовать якутовъ; одобрите ли вы мои попытки? — обратился онъ однажды ко мнѣ съ нѣкоторой ироніей.

— Вотъ какъ было дѣло: якутъ носилъ ко мнѣ воду и носилъ ее ведрами, рукоятки которыхъ были волосяныя. Носилъ ведра голыми руками, и понятно, что волосяныя рукоятки рѣзали его руки, которыя у него были такъ нѣжны, какъ у барина, потому что онъ никакой работы не знаетъ. Находя подобную носку воды крайне неудобной для якута, я показалъ ему, какъ носятъ воду при помощи палки, кладя ее на плечи, а на концы ея привѣшивая ведра, т. е. какъ носятъ у насъ коромысломъ. Якутъ согласился съ моимъ доводомъ,

нашелъ, что это будетъ гораздо удобнѣе, но поносилъ день или два по-новому, а затѣмъ сталъ опять носить по-прежнему.

Потомъ Николай Гавриловичъ сообщилъ еще два такихъ факта, показывавшихъ, какъ якуты соглашались съ нимъ на словахъ, находя извѣстныя вещи удобными, и какъ на дѣлѣ дѣйствовали потомъ по-прежнему, слѣдуя рутинѣ.

Сообщенные имъ мнѣ факты находились въ противорѣчіи съ высказанными имъ когда-то идеями, что простые люди вовсе не такіе рутинеры, какими представляетъ ихъ образованное общество, что если убѣдить ихъ въ правильности извѣстныхъ идей, то они, согласившись, тотчасъ же примутъ эти идеи, въ особенности, если онѣ для нихъ выгодны [1]).

— „Разсчетъ, выгода,—писалъ въ 1861 г. Николай Гавриловичъ,— во всякой грушѣ людей очень быстро одолѣваютъ предразсудки, кромѣ одного только случая, когда старины держатся вовсе не по предразсудку, а просто по недостатку средствъ замѣнить чѣмъ-нибудь лучшимъ".

Изъ этого видно, что Николаю Гавриловичу пришлось на дѣлѣ убѣдиться, что разсчетъ и выгода уступаютъ иногда силѣ рутины.

Эта сила рутины господствуетъ не только у простолюдиновъ, но и во всѣхъ классахъ общества, и относительно новыхъ идей образованные классы не уступятъ якуту, котораго пытался цивилизовать Чернышевскій, какъ показываетъ слѣдующій примѣръ.

Въ одномъ изъ политическихъ процессовъ, производившихся въ восьмидесятыхъ годахъ, судился бывшій офицеръ корпуса топографовъ Мышкинъ, который обвинялся, между прочимъ, въ покушеніи на „освобожденіе государственнаго преступника Чернышевскаго"; означенный Мышкинъ, переодѣвшись жандармскимъ офицеромъ, съ подложными бумагами прибылъ въ тѣ мѣста, гдѣ находился Чернышевскій, котораго онъ хотѣлъ освободить, но такъ какъ онъ по привычкѣ надѣлъ аксельбантъ не на то плечо, на которомъ носятъ офицеры корпуса топографовъ, то этимъ возбудилъ подозрѣніе мѣстнаго жандарма и потому былъ арестованъ.

Въ разговорѣ со мною по поводу этой попытки Мышкина Николай Гавриловичъ замѣтилъ:

— Я ничего не зналъ и не слыхалъ объ этомъ ранѣе. Однажды жандармъ, который слѣдилъ за мной, заявилъ мнѣ, чтобы я оставался дома, не выходилъ никуда, такъ какъ ѣдетъ жандармскій офицеръ освободить меня; на это я ему выразилъ сомнѣніе, сказавъ, что

[1]) „Современникъ", 1861 г., Комментаріи къ Пол. Экономіи Д.-С. Милля.

не можетъ быть, тутъ что-то не то. На мои слова жандармъ отвѣтилъ, что онъ также думаетъ, что должно быть что-то не то, но во всякомъ случаѣ попросилъ не выходить изъ дома. Когда наступилъ вечеръ, то жандармъ пришелъ ко мнѣ и объявилъ, что жандармскій офицеръ оказался не настоящимъ и его уже арестовали.

Говоря съ Чернышевскимъ о его процессѣ, я между прочимъ сообщилъ ему приведенный выше разсказъ подполковника А. К. За—на, на что Николай Гавриловичъ сказалъ, что свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ За—нымъ, вполнѣ вѣрны, при чемъ объяснилъ, что Костомаровъ по этому дѣлу представилъ подложныя записки, но Сенатъ, на основаніи показаній секретарей, призналъ ихъ дѣйствительными.

„Я никогда не довѣрялъ Костомарову,—говорилъ Чернышевскій,—и относился къ нему крайне подозрительно, совѣтовалъ и всѣмъ нашимъ быть съ нимъ осторожнѣе, но какъ Михайловъ, такъ и Добролюбовъ находили мои подозрѣнія совершенно неосновательными; однако, послѣдствія показали, что я былъ правъ. Онъ питалъ ко мнѣ сильное нерасположеніе, которое усилилось послѣ того, какъ я отказалъ ему въ деньгахъ... Но, кромѣ того, я вполнѣ увѣренъ, что Костомаровъ въ это время былъ душевно-больной".

Былъ ли допущенъ подлогъ по дѣлу Чернышевскаго, можно провѣрить и въ настоящее время, при помощи вполнѣ научныхъ пріемовъ экспертизы, которые были неизвѣстны въ то время...

IX.

Выше было сказано, что Чернышевскій думалъ о созданіи энциклопедіи и мысль объ этомъ не покидала его въ самой Сибири: онъ жаждалъ освобожденія ради этой цѣли...

Поселившись въ Астрахани, Н. Г. Чернышевскій занимался, какъ извѣстно, переводомъ всеобщей исторіи Вебера, что давало ему средства къ существованію, но мысль его молодыхъ лѣтъ, объ энциклопедіи, не покидала его.

Веберомъ онъ былъ очень недоволенъ, сожалѣлъ, что взялся за переводъ его исторіи, потому что, какъ не разъ высказывалъ, онъ не зналъ, что „Веберъ дрянь и что надо его передѣлывать".

По окончаніи перевода Вебера онъ предполагалъ приступить къ составленію энциклопедіи, но уже не одинъ, а при участіи извѣстныхъ

ученыхъ, какъ русскихъ, такъ иностранныхъ, съ которыми предполагалъ завести переписку...

Въ 1888 году онъ былъ переведенъ въ свой родной городъ Саратовъ, гдѣ познакомился съ энциклопедическимъ словаремъ Брокгауза на нѣмецкомъ языкѣ и увидѣлъ, что въ этомъ лексиконѣ находится все, что полагалъ онъ включить въ свой трудъ, мечтая о созданіи всеобщей энциклопедіи знанія и жизни, а потому рѣшился перевести этотъ лексиконъ на русскій языкъ, по окончаніи перевода Вебера, для чего началъ понемногу формировать сотрудниковъ.

Переводъ Брокгауза былъ бы по его мнѣнію самымъ цѣннымъ вкладомъ въ русскую научную литературу, и онъ съ увлеченіемъ говорилъ о будущемъ трудѣ, высказывая при этомъ, что на это дѣло онъ смотритъ какъ „на цѣль, ради которой ему еще нужно жить“...

Но смерть не дала возможности осуществить мысль, которая всю жизнь занимала его съ юности до гробовой доски.

X.

Ранѣе меня съ Николаемъ Гавриловичемъ Чернышевскимъ видѣлся извѣстный артистъ М. И. Писаревъ, который посѣтилъ его въ Астрахани въ 1884 году.

При разговорѣ по этому предмету со мною М. И. подтвердилъ вѣрность всѣхъ изложенныхъ выше фактовъ, какъ относительно осужденія Чернышевскаго, такъ и относительно высылки его изъ Александровскаго завода въ Кадай, при чемъ по поводу освобожденія его Мышкинымъ сообщилъ мнѣніе на этотъ предметъ самого Николая Гавриловича, который находилъ, что все это были напрасныя затѣи.

— Я лгать и притворяться не умѣю, — говорилъ Н. Г. Модесту Ивановичу,—а потому сразу бы попался и сказалъ бы всю правду. Это самое я высказывалъ многимъ, которымъ хотѣлось освободить меня, даже одному жандармскому офицеру, ухаживавшему за Ольгой Сократовной и предлагавшему за ея благосклонность мою свободу, отъ чего я отказался.

При разговорѣ о литературной дѣятельности Николая Гавриловича Модестъ Ивановичъ замѣтилъ ему, что въ настоящее время все еще въ печати не произносится его имени, а называютъ по литературнымъ произведеніямъ, обозначая, напримѣръ, авторомъ „Что дѣлать“.

— Удивительная судьба русскаго писателя—сказалъ на это съ улыбкою Николай Гавриловичъ—именоваться авторомъ самаго плохаго произведенія.

Съ этими послѣдними словами М. И. Писаревъ не согласился, заявивъ, что по его мнѣнію романъ „Что дѣлать“ представляется однимъ изъ выдающихся явленій русской литературы, которое имѣло громадное вліяніе на общество.

На это Николай Гавриловичъ возразилъ, что романъ „Что дѣлать“ не можетъ представляться выдающимся произведеніемъ, еще и потому, что онъ, Чернышевскій, вовсе не обладаетъ беллетристическимъ талантомъ. Выдающимся же, серьезнымъ своимъ трудомъ онъ считаетъ комментаріи къ политической экономіи Милля.

По поводу Всеволода Костомарова Николай Гавриловичъ сообщилъ Писареву, что во время очныхъ ставокъ съ нимъ въ Сенатѣ ему пришлось слышать, какъ этотъ лжесвидѣтель высказывалъ такія ужасныя и такія невѣроятныя обвиненія, что онъ пришелъ къ заключенію, что Костомаровъ человѣкъ ненормальный, психически-больной, въ чемъ онъ увѣренъ и до сихъ поръ, при чемъ просилъ М. И. передать объ этомъ всѣмъ, съ кѣмъ будутъ говорить о немъ.

Относительно Герцена Николай Гавриловичъ между прочимъ сказалъ Писареву, что авторъ „Кто виноватъ“—сильный и широко образованный умъ, но болѣе блестящій, чѣмъ глубокій.

XI.

Во время пребыванія Николая Гавриловича въ Астрахани—явился подражатель Всеволоду Костомарову, который сообщилъ однажды мѣстному полицеймейстеру, что, бывая у Чернышевскаго, онъ видѣлъ и слышалъ, какъ послѣдній занимается писаніемъ возмутительныхъ сочиненій.

Полицеймейстеръ, будучи знакомъ съ Чернышевскимъ и зная, чѣмъ послѣдній занимается, конечно этому доносу не повѣрилъ, но, желая хорошенько проучить доносчика, велѣлъ ему изложить—свое сообщеніе на письмѣ и принести на другой день въ опредѣленный часъ, къ которому пригласилъ Чернышевскаго и еще нѣсколько лицъ.

Когда на другой день къ назначенному часу явился доносчикъ, то полицеймейстеръ просилъ его указать между посѣтителями Чернышевскаго, чего тотъ сдѣлать не могъ, указавъ на какое-то другое лицо.

Николай Гавриловичъ по своей великой гуманности не пожелалъ преслѣдовать доносчика, великодушно простивъ его.

Объ этомъ фактѣ сообщалъ мнѣ покойный академикъ А. Н. Пыпинъ. двоюродный братъ Николая Гавриловича...

Н. В. Рейнгардтъ.

Редакторъ-издатель С. Зыковъ.

Андреевна была обязана всѣмъ своимъ развитіемъ прежде всего и больше всего заботамъ Жуковскаго. Литературное образованіе, полученное ею отъ него и состоявшее главнымъ образомъ въ чтеніи по исторіи, изящной словесности и морали различныхъ европейскихъ, преимущественно нѣмецкихъ, писателей, укрѣпленное вліяніемъ личности и поэтической дѣятельности самого воспитателя, должно было оставить глубокій слѣдъ въ душѣ ученицы и сообщить ей на всю жизнь романтически идеалистическій складъ.

Несчастія всякаго рода почти сплошь наполняютъ лучшую пору жизни Маріи Андреевны—послѣднія десять лѣтъ изъ прожитыхъ ею тридцати. Прежде всего это—тревожное начало любви къ Жуковскому и постепенное, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, лишеніе всякой надежды на бракъ съ нимъ. Она терпѣла въ Жуковскомъ человѣка, которому всецѣло приписывала созданіе своего духовнаго существа, все высшее и лучшее, что она знала въ жизни; это ясно выражено въ ея предсмертномъ письмѣ.

Вотъ начало этого письма: „Другъ мой! Это письмо получишь ты тогда, когда меня подлѣ васъ не будетъ, но когда я еще ближе буду къ вамъ душою. Тебѣ обязана я самымъ живѣйшимъ счастіемъ, которое только ощущала! Ты научилъ меня достойнымъ образомъ обожать моего Создателя, Отца; Того, Который взялъ меня къ себѣ затѣмъ, чтобы узнать еще большее блаженство. Не огорчайтесь, что меня потеряли. Я съ вами! Жизнь моя была несчастливѣйшая — выключая два, три дурныя воспоминанія, я не имѣю причины пожаловаться на нее, и все, что ни было хорошаго, все было твоя работа. Ангелъ мой! одна мысль, которая меня безпокоитъ, есть та, что я не довольно была полезна на семъ свѣтѣ, не исполнила цѣли, для которой создана была".

Замужество явилось для Маріи Андреевны исходомъ, который не только разрѣшилъ невыносимую напряженность безнадежныхъ отношеній, но далъ ей надежду на облегченіе ихъ общаго семейнаго горя *). Семейная жизнь сложилась для нея въ общемъ благопріятно, но не давала ей полнаго удовлетворенія, какъ это видно изъ многихъ мѣстъ ея переписки. Вотъ, напримѣръ, выдержки изъ письма ея отъ 29-го декабря 1815 г. къ А. П. Кирѣевской... „я уже давно не имѣла радостей, уже давно отъ нихъ отказалась... объ несчастіяхъ своихъ такъ же, какъ о болѣзняхъ, можно говорить, а не писать. Моя душа полна, но я должна сама все переносить. Твой взглядъ, твое слово, я знаю, облегчили бы мое сердце и даже дали бы мнѣ бодрости на будущую жизнь, но для этого нужно твое присутствіе". Еще раньше, 15-го іюля 1815 г., она писала той же А. П. Кирѣевской: „Мнѣ хотѣлось отвѣчать на многое въ твоемъ письмѣ, но когда недоволенъ собою, своимъ *внутреннимъ* и *внѣшнимъ*, то всего лучше *положить хранѣло на уста*... Знаешь ли, когда мнѣ станетъ грустно и *тяжко*, то я пойду за свое бюро и сяду писать къ тебѣ, до тѣхъ поръ, покуда все сброшу съ сердца".

Книга снабжена указателемъ личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ текстѣ, значительно облегчающимъ справки; обильныя примѣчанія поясняютъ не совсѣмъ понятныя мѣста писемъ и даютъ свѣдѣнія объ упоминаемыхъ въ нихъ лицахъ и событіяхъ.

Даты писемъ, во многихъ случаяхъ отсутствовавшія, установлены на основаніи отвѣтныхъ писемъ и при сопоставленіи упоминаемыхъ въ нихъ обстоятельствъ. Орографія не сохранена, и только въ рѣдкихъ мѣстахъ оставлено оригинальное начертаніе нѣкоторыхъ словъ. Изъ приложенныхъ портретовъ два являются впервые (Екат. Аван. Протасова и Авд. Петр. Кирѣевская—въ молодости); оригиналы ихъ, а также и портрета Маріи Андреевны, хранятся въ Уткинскомъ архивѣ.

Н. К-ш-ъ.

*) Поведеніе Воейкова было такъ нестерпимо, что Марья Андреевна,—какъ видно изъ ея дневника отъ ноября 1815 г.,—„крѣпко рѣшилась убѣжать изъ дома куда-нибудь. Авось Воейк. сжалится надъ несчастіемъ мамы и Саши—потерявъ меня, онѣ будутъ несчастливы.

„Мы ѣздили съ визитами; въ это время В. обѣщалъ мамѣ убить Мойера, Жуков. и потомъ зарѣзать себя.

„Послѣ ужина онъ опять былъ пьянъ... У мамы пресильная рвота, а у меня идетъ безпрестанно кровь горломъ. В. смѣется надо мной, говоря, что этому причиной страсть, что я также плевала кровью, когда собиралась за Жук., что черезъ годъ вѣрно отъ какого-нибудь генерала будетъ та же болѣзнь".

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1905 г.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „**Русская Старина**", Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛Можно получать въ конторѣ редакціи „**Русскую Старину**" за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1904 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

«МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ»,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна **2** р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ.**

Slav 25.10

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVI-й. МАРТЪ. 1905 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Іоаннъ Грозный и Россія шестнадцатаго вѣка. В. В. Тимощукъ . . . . . 481—493
II. Записки П. Н. Глѣбова . 494—558
III. Записки стараго актера. И. Р. . . . . 559—575
IV. Къ исторіи Харьковскаго земскаго ополченія въ 1812 г. Е. А. Горновскаго. 576—598
V. Новосильцевъ о конституціи царства Польскаго. Проф. Дм. Цвѣтаева . 599—605
VI. Восточная политика Наполеона . . . . . 606—643
VII. Живой мертвецъ. Евг. А. . 644—675
VIII. Нищенство державинскихъ крестьянъ. А. С. Елеонинскаго . . . 676—682
IX. Изъ исторіи учебной реформы 60-хъ годовъ. П. Л. Юдина. . . . . 683—692
X. Духовное училище старыхъ временъ. Мих. Врублевича . . . . . 693—704
XI. Воспоминаніе, М. Г. Котельникова . . . . . 705—708
XII. Изъ записокъ Кузьмина . 709—711
XIII. Разсказъ казака Александра Земленухина. Сообщилъ Александръ Краснокутскій . . 712—717
XIV. Библіографич. листокъ. (на оберткѣ).

Принимается подписка на „Русскую Старину" на 1905 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1905.

III-я книга „Русской Старины" вышла 1-го марта 1905 года.

Библіографическій листокъ.

Ал. Шумахеръ. Императоръ Александръ II. Историческій очеркъ его жизни и царствованія. Четвертое, вновь переработанное и дополненное изданіе. С.-Петербургъ. 1905 г. Цѣна 1 руб.

Разсматриваемая нами книга, въ первоначальномъ изданіи ея 1886 года, подъ заглавіемъ „О жизни и дѣяніяхъ императора Александра II,—историческій разсказъ для народнаго чтенія“,—написана была г. Шумахеромъ на конкурсъ, предложенный С.-Петербургскимъ комитетомъ грамотности, состоявшимся при Императорскомъ вольномъ экономическомъ Обществѣ, и удостоена имъ почетнаго отзыва.

Второе изданіе этой книги, подъ заглавіемъ „Историческій очеркъ жизни и царствованія императора Александра II“ (Спб., 1899 г.), отличалось отъ перваго изданія многими исправленіями и дополненіями, относящимися къ описанію отроческаго и юношескаго періода жизни Царя-Освободителя, къ изложенію Крымской войны и очерку освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Эту книгу, написанную просто и ясно, можно смѣло рекомендовать, какъ интересное и занимательное чтеніе для нашего юношества. То обстоятельство, что книга г. Шумахера, въ первыхъ ея изданіяхъ, одобрена военно-ученымъ комитетомъ при Главномъ штабѣ, училищнымъ совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, рекомендована морскимъ ученымъ комитетомъ (для экипажныхъ, судовыхъ и портовыхъ библіотекъ и учебныхъ заведеній морского вѣдомства), допущена ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія,—служитъ яснымъ доказательствомъ высказанной нами мысли.

„Во время свѣтлыхъ праздниковъ Пасхи Христовой,—такъ начинаетъ авторъ свое изложеніе,—въ среду на Святой недѣлѣ, 17-го апрѣля 1818 года, въ 11 ч. утра, пушечные выстрѣлы возвѣстили обывателямъ первопрестольной Москвы о рожденіи, въ стѣнахъ Кремля, у великаго князя Николая Павловича и супруги его, великой княгини Александры Ѳеодоровны,—сына-первенца. Въ воскресенье, 5-го мая, совершено было, въ церкви Чудова монастыря, по установленному обряду, св. крещеніе царственнаго младенца, нареченнаго при этомъ Александромъ,—именемъ царствовавшаго въ то время дяди его, императора Александра Павловича, бывшаго и воспріемникомъ высоконоворожденнаго отъ купели“.

Когда великому князю Александру Николаевичу исполнилось 6 лѣтъ, къ нему назначенъ былъ воспитателемъ капитанъ К. К. Мердеръ, обратившій на себя вниманіе Николая Павловича своими высокими нравственными достоинствами, какъ человѣкъ въ высшей степени честный, добрый, умный и твердый характеромъ.

Воспитаніе и обученіе Александра Николаевича должно было преслѣдовать двѣ цѣли: развивать надлежащимъ образомъ сердце великаго князя и въ то же время обогащать умъ его высокими истинами знанія. Обѣ эти цѣли проводились строго и точно по подробному „плану ученія“, составленному В. А. Жуковскимъ и утвержденному императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Согласно этому плану, ученіе должно было продолжаться съ отрочества до первыхъ лѣтъ молодости, т. е. съ 8-ми до 20-ти лѣтняго возраста, и было направлено къ тому, чтобы изъ царственнаго ученика вышелъ не ученый, а просвѣщенный человѣкъ.

Отдавшись всецѣло возложенному на него царскому порученію, Жуковскій не щадилъ ни трудовъ, ни силъ своихъ при выполненіи выпавшей на его долю священной обязанности руководителя нравственнаго воспитанія и умственнаго развитія своего царственнаго питомца.

Александръ Николаевичъ былъ смѣлый мальчикъ, великолѣпно ѣздилъ верхомъ, отважно плавалъ и игралъ во время купанья и вообще уже съ раннихъ лѣтъ удивлялъ всѣхъ своею ловкостью и неустрашимостью. Уже въ пору раннаго дѣтства военныя игры были любимою его забавою.

Въ началѣ мая 1837 г., для пополненія книжнаго ученія и домашняго воспитанія, наслѣдникъ цесаревичъ предпринялъ, въ сопровожденіи Жуковскаго, большое путешествіе по Россіи съ цѣлью нагляднаго изученія разнообразныхъ мѣстностей своего обширнаго отечества и личнаго ознакомленія съ бытомъ и жизнью, нуждами и потребностями народа. Возвратясь изъ этого путешествія, онъ прослушалъ еще высшіе курсы наукъ государственныхъ, знаніе которыхъ признано было необходимымъ для наслѣдника престола, послѣ чего воспитаніе и обученіе его было закончено.

Въ началѣ мая 1838 года Александръ Николаевичъ предпринялъ, въ сопровожденіи Жуковскаго и прочихъ особъ свиты, новое продолжительное путешествіе, на этотъ разъ уже за границу своего отечества, въ чужіе края, ознакомленіе съ которыми должно было довершить его образованіе. Побывавъ почти во всѣхъ государствахъ Западной Европы, цесаревичъ въ концѣ іюня 1839 г. возвратился въ Петербургъ, а затѣмъ весною слѣдующаго года вновь отправился за границу, куда теперь влекла его уже не одна любознательность, но и желаніе выбрать себѣ по сердцу подругу жизни. Выборъ палъ на дочь великаго герцога Гессенъ-Дармштадтскаго, принцессу Марію, и 16-го апрѣля 1841 г. совершилось ихъ бракосочетаніе.

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ

и

Россія шестнадцатаго вѣка.

XV [1]).

Первое впечатлѣніе, испытанное Ченслеромъ по пріѣздѣ въ Москву, было удивленіе, смѣшанное съ нѣкоторымъ разочарованіемъ. Столица Московскаго государства показалась ему обширнѣе Лондона съ предмѣстьями, но онъ тщетно искалъ въ ней того великолѣпія, о которомъ ему говорили въ Холмогорахъ. Самый Кремль далеко не соотвѣтствовалъ его ожиданіямъ. Его ввели въ зданіе, которое всѣ величали „золотыми палатами“, но оно походило на лачугу. Грановитая палата съ ея низкими сводами мало подходила для тѣхъ торжественныхъ засѣданій и пріемовъ, для коихъ она была предназначена. Впрочемъ, царь принималъ пословъ и знатныхъ путешественниковъ въ еще болѣе скромномъ помѣщеніи, которое поражало европейцевъ полнымъ отсутствіемъ комфорта.

Однако первое впечатлѣніе совершенно измѣнилось, когда Ченслеръ видѣлъ царя и его дворъ. Іоаннъ, возсѣдавшій на своемъ знаменитомъ тронѣ, поддерживаемомъ четырьмя апокалипсическими звѣрями, окруженный образами и одѣтый въ парчу, мало походилъ на прочихъ монарховъ и долженъ былъ поразить человѣка, бывавшаго при дворѣ Валуа и Тюдоровъ. Особенно сильное впечатлѣніе производила на

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1905 г.

иностранцевъ толпа бояръ, которая въ присутствіи царя какъ бы застывала и каменѣла.

Маржеретъ и Флетчеръ, посѣтившіе Москву послѣ Ченслера, также были поражены этимъ зрѣлищемъ; при входѣ Іоанна, въ толпѣ согбенныхъ бояръ и тѣлохранителей, окружавшихъ престолъ, воцарялась такая тишина, что, закрывъ глаза, можно было подумать, что дворецъ опустѣлъ.

Такимъ образомъ, если жилище русскаго царя не соотвѣтствовало его силѣ и могуществу, за то все окружающее превосходило великолѣпіемъ видѣнное путешественниками въ другихъ странахъ: цѣлая толпа придворныхъ въ богатыхъ парчевыхъ одѣяніяхъ, осыпанныхъ драгоцѣнными камнями, тѣснилась въ царскихъ палатахъ, на лѣстницѣ и на крыльцѣ, около дворца.

Осматривая сокровищницу Грознаго, Флетчеру казалось, что онъ грезитъ на яву: жемчугъ, изумруды, рубины лежали кучами рядомъ съ грудами золотой посуды, съ золотыми чарами, осыпанными драгоцѣнными камнями, коихъ считали сотнями, и со всевозможными драгоцѣнными вещами. Эти богатства накоплялись съ каждымъ царствованіемъ, но хранились обыкновенно подъ спудомъ. Ихъ выставляли на показъ въ рѣдкихъ случаяхъ, главнымъ образомъ для того, чтобы поразить ими иностранцевъ.

Присутствуя при отправленіи посольства къ королю польскому, Ченслеръ видѣлъ пятьсотъ всадниковъ въ самыхъ роскошныхъ одѣяніяхъ, какія только можно себѣ представить: на нихъ были кафтаны изъ золотой и серебряной парчи, сѣдла на лошадяхъ были бархатныя, шитыя жемчугомъ. Все это драгоцѣнное одѣяніе принадлежало царской казнѣ.

Дженкинсонъ, приглашенный къ царскому столу, ѣлъ на золотой посудѣ; однѣ чаши, кои обносились во время стола, были оцѣнены имъ въ 400 ф. ст. Кушанья вносились одновременно на ста золотыхъ и серебряныхъ блюдахъ, но на столахъ не было ни тарелокъ, ни приборовъ, ни салфетокъ, и приглашенные приносили съ собою ложку и ножъ, коими они ѣли и которые висѣли у нихъ за поясомъ.

Въ 1576 г. посланные императора Максимиліана были свидѣтелями того, что всѣ приглашенные во дворецъ на пиръ, числомъ до 200 человѣкъ, получили изъ царской гардеробной парчевые кафтаны, которые были замѣнены, когда они сѣли за столъ, бѣлыми накидками, отороченными собольимъ мѣхомъ.

Этотъ обычай имѣлъ, по словамъ Валишевскаго, большое значеніе въ исторіи страны, въ выработкѣ ея нравовъ и идей: „этимъ путемъ лучше всего внушалась русскому народу мысль, что онъ „ничто“ передъ царемъ, что всѣмъ и вся въ государствѣ былъ царь,

и поэтому народу ничто не принадлежитъ, а все принадлежитъ царю". Тотъ же смыслъ имѣли извѣстныя церемоніи, соблюдавшіяся при угощеніи гостей яствами и питіями. Вообще въ московскомъ укладѣ жизни все клонилось къ тому, чтобы возвеличить власть царя и внушить народу мысль, что онъ всѣмъ рѣшительно обязанъ царю и его милостямъ.

Послѣ пожара 1547 г., уничтожившаго Кремль почти до тла, Іоаннъ жилъ нѣкоторое время въ селѣ Воробьевѣ, между тѣмъ какъ ему строили въ Москвѣ деревянный дворецъ и возобновляли каменный, уничтоженный пламенемъ. Въ 1565 г., когда была учреждена опричина, Іоаннъ задумалъ построить для себя другой дворецъ въ самомъ Кремлѣ, но затѣмъ предпочелъ поселиться подальше отъ палатъ, которыя были предоставлены имъ царю Симеону, и избралъ для новаго дворца мѣсто внѣ кремлевскихъ стѣнъ, на Воздвиженкѣ, гдѣ онъ поселился въ 1567 г., но и тутъ онъ прожилъ недолго. Онъ не любилъ жить въ Москвѣ точно такъ же, какъ и Петръ Великій, предпочитая ей село Коломенское, любимое мѣстопребываніе его отца, гдѣ онъ праздновалъ ежегодно день своего ангела, 29-го августа. Іоанна привлекала также Вологда, гдѣ, по его приказанію, былъ сооруженъ огромный деревянный дворецъ. Но вскорѣ любимымъ мѣстопребываніемъ Грознаго сдѣлалась Александровская слобода [1]), и онъ основался въ ней окончательно.

Отъ дворца, въ которомъ жилъ въ Александровѣ Грозный, не осталось слѣдовъ, но полагаютъ, что на томъ мѣстѣ возвышается нынѣ монастырь. Соборъ, находящійся въ монастырской оградѣ, дѣйствительно существуетъ повидимому со временъ Іоанна; въ немъ видны до сихъ поръ двери, привезенныя изъ Новгорода послѣ разгрома этого города. Въ Александровѣ около собора уцѣлѣлъ до сихъ поръ флигель, входившій, по преданію, въ составъ того зданія, въ которомъ жилъ Іоаннъ съ своими опричниками. Эта догадка подтверждается огромными подвалами съ таинственными закоулками и подземными ходами, откуда „такъ и мерещатся посѣтителю окровавленные призраки".

Но эти стѣны, видѣвшія такъ много ужасовъ и слышавшія столько стоновъ, безмолвствуютъ. Безмолвны также мѣстныя преданія и, чтобы воспроизвести исторію того, что происходило въ Александровской слободѣ и что занимало такое огромное мѣсто въ жизни Грознаго, приходится довольствоваться однѣми легендами.

Какъ мѣстопребываніе и центръ администраціи, Александровская

[1]) Нынѣ Александрово—уѣздный городъ Владимірской губ. на р. Сѣрой, притокѣ Клязьмы.

слобода ускользаетъ даже отъ ближайшаго потомства. Всѣ современники, писавшіе о томъ, что въ ней творилось, описываютъ ее только какъ разбойничье гнѣздо.

Тѣ сотрудники, коихъ Іоаннъ привлекъ, чтобы совершить преобразованія, связанныя съ учрежденіемъ опричины, были взяты имъ изъ подонковъ общества; никто изъ нихъ не былъ въ состояніи понять истиннаго характера и цѣли этого нововведенія; они еще болѣе, чѣмъ Грозный, смѣшивали жестокость и насиліе съ понятіемъ объ энергіи, какая требовалась для того, чтобы совершить это преобразованіе. Послушное орудіе въ рукахъ царя и угодливые царедворцы, они только способствовали развитію инстинктовъ грубаго разврата, привитыхъ царю его воспитаніемъ и отчасти существовавшихъ въ немъ отъ рожденія.

Іоаннъ выказывалъ всегда, какъ извѣстно, большую склонность къ монашеской жизни; аскетическія наклонности сочетались у него самымъ удивительнымъ образомъ съ большою распущенностью нравовъ, которой грѣшили впрочемъ всѣ монахи. Іоаннъ мечталъ о преобразованіи этой среды. Желаніе подать въ этомъ случаѣ личный примѣръ несомнѣнно повліяло на внутренній распорядокъ жизни въ Александровской слободѣ, о которомъ не будемъ распространяться, ибо онъ какъ нельзя лучше знакомъ русскимъ читателямъ.

Въ глазахъ Іоанна, какъ и въ глазахъ большинства его современниковъ, идеалъ преобразованной монашеской жизни сводился къ строгому соблюденію правилъ внѣшняго благочестія, коимъ царь слѣдовалъ со своими опричниками, полагая, что этимъ искупаются всѣ излишества, коимъ они предавались; обрядность и внѣшнее воздержаніе замѣняли отсутствіе истинной набожности и служили оправданіемъ величайшихъ пороковъ. Въ этомъ смыслѣ Александровская слобода была мѣстомъ извѣстной дисциплины, и Іоаннъ несомнѣнно смотрѣлъ на эту пародію благочестивой жизни вполнѣ серьезно.

Онъ жилъ въ Александровской слободѣ подобно тому, какъ Людовикъ XI жилъ въ Плесси-ла-Туръ, окруженный съ одной стороны монахами, благочестивыя упражненія коихъ онъ раздѣлялъ, а съ другой—палачами и слесарями, изготовлявшими тяжелые кандалы, въ кои заковывались заключаемыя имъ жертвы.

Чрезмѣрные кутежи и оргіи, въ коихъ царь пытался утопить свою грусть и раскаяніе по поводу совершенныхъ имъ злодѣяній, расшатали прежде времени его крѣпкій организмъ, сулившій ему долгую жизнь.

Уже въ августѣ мѣсяцѣ 1582 г. Поссевинъ, давая венеціанскому правительству отчетъ въ своей поѣздкѣ въ Московію, говорилъ, что царю осталось жить недолго, а въ началѣ 1584 г. здоровье Іоанна настолько ухудшилось, что окружающіе были сильно встревожены.

Распухшее тѣло больнаго издавало сильное зловоніе.

Врачи заявили, что у него началось разложеніе крови, а астрологи на вопросъ Богдана Бѣльскаго объявили, что конецъ царя близокъ и предсказывали даже день его кончины. Бѣльскій не рѣшился объявить объ этомъ предсказаніи, но предупредилъ астрологовъ, что они будутъ сожжены живьемъ, если предсказаніе ихъ не оправдается.

Горсей передаетъ любопытную сцену, происшедшую въ сокровищницѣ царя, незадолго до его кончины, коей онъ былъ свидѣтель. Умирающій царь часто проводилъ время среди своихъ сокровищъ, съ которыми ему суждено было вскорѣ разстаться. Въ тотъ день, о которомъ разсказываетъ Горсей, царь разсматривалъ драгоцѣнные камни, обсуждалъ съ приближенными ихъ качество и стоимость. Какъ вдругъ, взявъ въ руку нѣсколько штукъ бирюзы, онъ воскликнулъ, обращаясь къ Горсею:

„Видите, какъ онѣ измѣняютъ свой цвѣтъ, онѣ блѣднѣютъ; это значитъ, что я отравленъ; онѣ предвѣщаютъ мою кончину“ и тотчасъ приказалъ подать свой посохъ, сдѣланный изъ рога единорога, обладавшаго, какъ полагали въ то время, цѣлебной силою [1]). Врачъ царя, вооружившись этимъ волшебнымъ посохомъ, начерталъ на столѣ кругъ, въ средину котораго было пущено нѣсколько пауковъ. Они тотчасъ околѣли, между тѣмъ какъ оставшіеся внѣ круга разбѣжались.

— Поздно,—сказалъ Іоаннъ,—рогъ уже не можетъ спасти меня.

По словамъ того же Горсея, 8-го (18-го) марта 1584 г., въ день, указанный астрологами, царь чувствовалъ себя лучше. Бѣльскій напомнилъ предсказателямъ, какая ихъ ожидала участь.

— День кончается съ закатомъ солнца, — отвѣчали они.

Искупавшись, Іоаннъ приказалъ подать себѣ шахматную доску и пригласилъ Бориса Годунова сыграть съ нимъ партію въ шахматы. Онъ разставлялъ на доскѣ фигуры, какъ вдругъ ему сдѣлалось дурно Нѣсколько минутъ спустя онъ захрипѣлъ.

Предсказаніе астрологовъ сбылось.

Любопытно, что черты характера Іоанна такъ же точно, какъ и его внѣшній обликъ, описываются столь различно, что, основываясь на

---

[1]) Единорогъ—баснословное животное, о которомъ древніе писатели говорятъ какъ о звѣрѣ, дѣйствительно существующемъ. Рогъ единорога, подъ видомъ котораго большею частью сбывался клыкъ нарвала, вывозимый норвежцами и датчанами изъ полярныхъ странъ, употреблялся на скипетры и посохи и цѣнился очень дорого, особенно потому, что считался цѣлительнымъ средствомъ въ разныхъ болѣзняхъ, а также средствомъ, предохраняющимъ отъ порчи. Беръ писалъ, что московскій царскій скипетръ, взятый поляками „изъ цѣльной кости единорога, осыпанный яхонтами, затмевалъ всѣ драгоцѣнности въ мірѣ“.

показаніяхъ современниковъ, трудно возсоздать хотя приблизительно его портретъ. По свидѣтельству русскихъ, онъ былъ высокъ и худощавъ, между тѣмъ какъ, по показаніямъ иностранцевъ, видѣвшихъ царя, онъ былъ дороденъ. Это разногласіе происходитъ быть можетъ отъ того, что они различно понимали слово дородность. Всѣ москвитяне были гораздо полнѣе жителей другихъ странъ. Что касается роста, то всѣ сходятся въ томъ, что Іоаннъ былъ высокъ ростомъ и плечистъ; но объ его лицѣ всѣ портреты, подлинность которыхъ, впрочемъ, весьма сомнительна, не даютъ никакого опредѣленнаго представленія. Однако всѣ сходятся, приблизительно, въ томъ, что у него былъ довольно длинный, горбатый носъ, небольшіе, голубые, но очень живые глаза и проницательный взглядъ; длинные усы, окладистая русская борода, подъ конецъ жизни посѣдѣвшая, и коротко остриженные волосы дополняютъ этотъ портретъ.

Во второй половинѣ жизни, о которой имѣется наиболѣе свѣдѣній, обычное выраженіе лица Іоанна было мрачное и угрюмое, хотя нерѣдко случалось, что онъ хохоталъ до упада. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ его измѣнчивому характеру, который, несмотря на всѣ попытки разобраться въ немъ, остается до сихъ поръ загадкой.

Іоаннъ былъ вспыльчивъ до такой степени, что, по выраженію Букау, при малѣйшемъ противорѣчіи „закусывалъ удила какъ норовистая лошадь“, и совершенно не былъ въ состояніи сдержать и побороть себя. Тяжелое дѣтство, проведенное въ вѣчномъ страхѣ, отсутствіе любви и сколько-нибудь человѣческаго обращенія сдѣлали его робкимъ; его робость, доходившая иной разъ до трусости, проявлялась то величайшимъ недовѣріемъ къ себѣ, то чисто физическимъ страхомъ передъ опасностью. Между тѣмъ нельзя назвать трусомъ человѣка, который въ теченіе двадцати лѣтъ боролся со всѣми „Курбскими“ своего царства.

Воспитатели Іоанна, которые поощряли самые дурные его инстинкты, оскорбляя вмѣстѣ съ тѣмъ самыя лучшія его чувства, развили въ немъ презрѣніе къ людямъ, переходившее порой въ ненависть. Онъ былъ коваренъ и золъ. Дурное обхожденіе и насмѣшки, коимъ онъ подвергался въ дѣтствѣ, развили въ немъ потребность унижать людей и глумиться надъ ними въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не могъ заставить ихъ страдать иначе; онъ съ юныхъ лѣтъ утратилъ всякую жалость и состраданіе къ людямъ, точь въ точь какъ это случилось, по тѣмъ же причинамъ, съ Петромъ Великимъ.

Озлобленный и жестокій, Іоаннъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ коваренъ и хитеръ, какъ азіатъ, но онъ всегда зналъ, чего онъ хочетъ и къ чему стремится; а если онъ подчасъ увлекался, то это надобно приписать его неумѣнію управлять своими чувствами; ежели же онъ по-

губилъ болѣе жертвъ, нежели у него было враговъ, то это можно объяснить тѣмъ, что „человѣкъ, который пролилъ однажды кровь, нерѣдко испытываетъ такое непреодолимое желаніе убивать, что бываетъ уже не въ состояніипреодолѣть эту страсть"; при чемъ кровавыя сцены сопровождаются обыкновенно, по свидѣтельству Ломброзо, слова коего приведены выше, отвратительными оргіями.

Въ этомъ вся исторія Александровской слободы.

Іоаннъ заложилъ въ русскую почву сѣмена крови, плодомъ которыхъ было убіеніе его младшаго сына въ Угличѣ, появленіе Лжедимитрія и всѣ ужасы „смутнаго времени". Шуйскіе и Курбскіе пожали только то, что они посѣяли, научивъ своего будущаго палача относиться съ презрѣніемъ къ человѣческому достоинству, къ человѣческой жизни, ко всякой справедливости и закону.

У Іоанна Грознаго была еще одна особенность, не свойственная его предкамъ: никто изъ великихъ князей московскихъ не чувствовалъ такой потребности говорить, обсуждать разные вопросы письменно и изустно, всенародно или съ глаза на глазъ съ какимъ-нибудь бѣглымъ бояриномъ или иноземнымъ посломъ, обнажать свою душу, указывать на свои раны и язвы, говоря: смотрите, вотъ я каковъ!

Страсть выставлять себя на показъ была у него, какъ у многихъ людей, проявленіемъ безграничной гордости, въ данномъ случаѣ вполнѣ понятной и объяснимой. При своихъ познаніяхъ въ исторіи и даже въ географіи, онъ естественно могъ считать себя выше всѣхъ монарховъ Европы, даже выше самого императора или султана.

Та же гордость и самомнѣніе не позволяли ему принимать лично участія въ бояхъ, гдѣ его особѣ угрожала слишкомъ большая опасность, не говоря уже о томъ, что онъ слѣдовалъ въ этомъ случаѣ традиціямъ предковъ.

Европеецъ, человѣкъ до извѣстной степени культурный, проявлялся въ Іоаннѣ въ томъ, что онъ не любилъ грубой лести. Слѣдующій анекдотъ, передаваемый Гваньино, иллюстрируетъ это какъ нельзя лучше; взятые Баторіемъ въ плѣнъ воеводы Іосифъ Щербатый и Юрій Барятинскій были выкуплены Іоанномъ, и когда они вернулись въ Москву, то Іоаннъ съ любопытствомъ разспрашивалъ ихъ о видѣнномъ. Щербатый говорилъ вполнѣ искренно и правдиво о могуществѣ короля польскаго; Барятинскій же, думая быть пріятнымъ царю, оспаривалъ его слова: у Баторія не было, по его словамъ, ни войска, ни крѣпостей. Онъ дрожалъ, заслышавъ имя царя.

— Бѣдный король,—сказалъ Іоаннъ,—какъ мнѣ жаль его.

И вдругъ, схвативъ посохъ, онъ ударилъ имъ наглаго царедворца.

— Вотъ твоя награда, лжецъ! — воскликнулъ онъ.

Іоаннъ, по-своему, былъ образованнѣе большинства русскихъ людей своего времени и могъ равняться съ самыми просвѣщенными изъ современныхъ ему европейскихъ монарховъ — если не по количеству точныхъ знаній, коими онъ обладалъ, то по крайней мѣрѣ по его любви къ наукѣ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ полнѣйшей противоположностью Людовика XI, который до самой смерти ненавидѣлъ науку и говорилъ, что она „нагоняетъ на него тоску".

Изъ прочитанныхъ имъ книгъ Іоаннъ запомнилъ множество фактовъ, но онъ не былъ въ состояніи вполнѣ понимать прочитанное, а тѣмъ болѣе усвоить его и отнестись къ фактамъ критически. Въ первые годы своего царствованія, когда правленіе бояръ оставляло ему много досуга, когда онъ часто проводилъ время въ одиночествѣ, Іоаннъ читалъ все, что попадалось ему подъ руку: священная и римская исторія, русскія и византійскія лѣтописи, писанія святыхъ отцевъ и Четьи-Минеи одинаково возбуждали его любопытство. Онъ запомнилъ изъ этихъ книгъ множество отдѣльныхъ мѣстъ, которыя имѣли, какъ ему казалось, отношеніе къ нему лично, къ его положенію въ мірѣ и къ той роли, которую ему хотѣлось въ немъ играть. Его переписка съ Курбскимъ представляетъ какъ бы сводку пріобрѣтенныхъ имъ свѣдѣній и свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ умѣлъ ими пользоваться. Это удивительная смѣсь цитатъ, заимствованныхъ изъ Библіи и греческой миѳологіи, изъ сочиненій Іоанна Богослова и изъ Иліады съ ея легендой о взятіи Трои, изъ Евангелія и толкованій на него. Хотя Курбскій и сравниваетъ письма Іоанна съ „болтовнею старой бабы", однако всѣ эти на первый взглядъ разрозненныя мысли и воспоминанія составляютъ одно цѣлое, имѣютъ внутреннюю связь, сквозь нихъ проходитъ одна общая идея, и всѣ цитаты клонятся къ доказательству основной мысли о величіи царской власти, какъ понималъ ее писавшій, приписывая ей божественное происхожденіе.

Іоаннъ не игралъ видной роли въ умственномъ движеніи своего вѣка, въ той борьбѣ, которая возникла въ то время между нравственными идеалами, выработанными въ глуши сѣверныхъ скитовъ, и испорченностью и грубостью нравовъ, въ коихъ погрязло большинство народа. Человѣкъ, отъ природы одаренный, онъ не былъ достаточно образованъ, ни достаточно великъ душою, чтобы явиться представителемъ возвышенныхъ стремленій лучшихъ людей своего времени.

Въ вопросахъ религіи онъ оставался человѣкомъ старой школы, для котораго ношеніе бороды и однорядки имѣло одинаковое значеніе съ догматомъ. Ученіе Нила Сорскаго скользило по немъ, не проникая въ его душу; съ другой стороны, у него не хватало умственнаго развитія, чтобы пріобщиться къ европейскому прогрессу и

приноровиться къ болѣе широкому умственному горизонту. Въ области наукъ и искусствъ Европа была для этого еще слишкомъ далека отъ Россіи; послѣдняя еще слишкомъ отстала тогда отъ Запада. Іоаннъ взялъ у Европы самое нужное, самое легкое. Онъ взялъ у нея готовые результаты ея цивилизаціи: инженеровъ, архитекторовъ, мастеровъ, печатниковъ: такъ поступаютъ обыкновенно отсталыя націи, желающія наверстать потерянное время.

Нѣкоторые отрицаютъ въ Грозномъ всякую самобытность, говорятъ, что онъ шелъ, и то довольно неумѣло, по пути, проторенному его дѣдомъ, защищалъ отъ нападковъ существовавшія уже теоріи и пережевывалъ мысли, почерпнутыя изъ книгъ. Эти черезъ-чуръ строгіе судьи готовы еще признать крупное значеніе за реформами, которыя были осуществлены въ первые годы царствованія Іоанна, но приписываютъ всю заслугу окружающимъ царя.

Между тѣмъ, если прочесть внимательно въ Стоглавѣ всѣ статьи, касающіяся организаціи церкви и государства, то нельзя не признать, что эти статьи начертаны тѣмъ же перомъ, какимъ велась переписка съ Курбскимъ, а въ то время, какъ писался Стоглавъ, Адашева и Сильвестра еще не было и въ поминѣ. Оба произведенія не только проникнуты одинаковымъ духомъ, но они одинаковы по слогу, а въ слогѣ весь человѣкъ.

Ни Адашевъ, ни Сильвестръ, ни Курбскій не принимали участія въ учрежденіи опричины, а между тѣмъ опричина и реформы 1551 г. составляютъ одно цѣлое.

Біографы Іоанна,—говоритъ Валишевскій,—отрицаютъ его участіе въ томъ дѣлѣ, которое они приписываютъ его сотрудникамъ только потому, что они не поняли истиннаго смысла опричины.

Іоаннъ былъ первымъ русскимъ царемъ не только потому, что онъ первый принялъ царскій титулъ, но главнымъ образомъ потому, что онъ первый понялъ основныя черты, соотвѣтствующія этому титулу. Конечно, теорія верховной власти вырабатывалась въ русской литературѣ постепенно, начинаясь XV вѣка. Однако ни Василій, ни даже Іоаннъ III не съумѣли вывести изъ нея идею монарха, получающаго свою власть отъ Бога и отвѣтственнаго, какъ единственный представитель божественной воли и премудрости, только передъ Богомъ.

Видя въ лицѣ царя родъ божественной ипостаси, Іоаннъ ставилъ себя выше всего государства, между тѣмъ Петръ Великій смотрѣлъ на себя, какъ извѣстно, какъ на перваго слугу своего государства—въ этомъ ихъ существенное различіе.

Грозный много страдалъ; эти страданія, которыя онъ преувеличивалъ, какъ и многое другое, объясняются его біографами двоякой

причиною: слишкомъ яснымъ пониманіемъ всѣхъ недостатковъ и ошибокъ политическаго и соціальнаго организма, коимъ онъ управлялъ, и не менѣе тяжелымъ сознаніемъ своего безсилія измѣнить эти недостатки. Это тягостное чувство усугублялось сознаніемъ своихъ личныхъ недостатковъ, которые онъ понималъ во всей ихъ неприглядности и въ которыхъ онъ безъ нужды то и дѣло каялся и признавался.

Нельзя согласиться съ тѣми, кто изображаетъ Іоанна человѣкомъ непонятымъ и стоявшимъ совершенно одиноко, который одинъ видѣлъ въ современныхъ нравахъ зловѣщіе признаки разложенія и, не находя никого, съ кѣмъ бы онъ могъ раздѣлить чувства презрѣнія и ненависти, какія возбуждалъ въ немъ этотъ порядокъ вещей, ожесточился въ своемъ одиночествѣ до такой степени, что, подобно слѣпому, наносилъ удары направо и налѣво, не зная, какъ взяться за дѣло, чтобы устранить зло, по недостатку твердой воли, которая далеко не равнялась его умственному превосходству.

Подобный взглядъ несправедливъ какъ по отношенію къ монарху, такъ и по отношенію къ его современникамъ, среди которыхъ были люди гораздо болѣе его способные понять необходимость нравственнаго возрожденія общества и тѣ пути, коими этого можно было достигнуть.

Грозный прекрасно зналъ, что онъ дѣлалъ и кому онъ наносилъ удары; онъ умѣлъ выполнять свою волю, но у него не было хорошихъ сотрудниковъ; одни изъ нихъ, подобно Бѣльскому, не были на высотѣ своего призванія, другіе, подобно Скуратову, были люди въ полномъ смыслѣ слова недостойные; поэтому ему приходилось то и дѣло мѣнять исполнителей своихъ предначертаній.

Вопреки существующему мнѣнію, Іоаннъ былъ не только теоретикъ, артистъ, искатель сильныхъ ощущеній и художественныхъ эффектовъ въ самомъ ужасѣ своихъ казней, какимъ рисуетъ его, напр., Константинъ Аксаковъ, онъ былъ гораздо болѣе практикъ, нежели теоретикъ, ибо онъ сумѣлъ противостоять всѣмъ внутреннимъ врагамъ и развить принятую имъ программу въ ея логическихъ послѣдствіяхъ; во внѣшнихъ же дѣлахъ онъ уступилъ только передъ геніемъ и счастьемъ Баторія; напротивъ того, всѣ его разсужденія въ вопросахъ религіи и политики кажутся нерѣдко сбивчивы, туманны, и сила его мышленія не соотвѣтствуетъ его инстинктивнымъ порывамъ, которые никогда не обманывали его.

Человѣкъ въ высокой степени набожный, совершившій въ 1547 г., всего двѣ недѣли спустя послѣ свадьбы, паломничество къ Троицѣ, глубоко проникнутый сознаніемъ превосходства своей религіи, какъ о томъ свидѣтельствуютъ его споры съ Поссевинымъ и Ракитою, онъ

часто позволялъ себѣ выходки, приличныя только самому свободомыслящему человѣку.

Въ его поступкахъ можно отмѣтить массу подобныхъ противорѣчій.

Въ нравственномъ обликѣ Грознаго не малую роль играло воображеніе, чѣмъ онъ также существенно отличался отъ Петра Великаго, который обладалъ умомъ въ высокой степени положительнымъ. Въ противоположность Петру, Іоаннъ былъ высокаго мнѣнія о своихъ способностяхъ, и это сочеталось самымъ удивительнымъ образомъ съ величайшимъ недовѣріемъ его къ самому себѣ и къ другимъ людямъ считая себя человѣкомъ въ высокой степени талантливымъ, Іоаннъ приписывалъ свое личное превосходство вліянію текшей въ его жилахъ иноземной крови. Въ этомъ опять таки его различіе съ Петромъ, въ которомъ было сильно развито чувство національной гордости. Петръ всегда гордился тѣми чертами, которыя у него были общія съ народомъ, и, разумѣется, ему никогда не пришло бы въ голову, какъ это сдѣлалъ Грозный, сказать иностранному рабочему, вручая ему слитки золота, чтобы онъ хорошенько взвѣсилъ ихъ „такъ какъ русскіе всѣ воры“.

Между тѣмъ со стороны Іоанна подобнаго рода выходки были не рѣдкость. Онъ часто вспоминалъ о своихъ „нѣмецкихъ предкахъ“. Въ вѣнскихъ архивахъ хранится даже черновикъ завѣщанія, коимъ Іоаннъ яко бы хотѣлъ оставить свою имперію Габсбургскому дому [1]).

Люди, относившіеся къ Іоанну несочувственно или враждебно, значительно преувеличили число совершенныхъ имъ убійствъ. Курбскій говорилъ, напр., что Колычевы, Заболоцкіе, Одоевскіе, Воротынскіе были совершенно истреблены; между тѣмъ эти имена встрѣчаются въ спискахъ слѣдующаго вѣка. Конечно, ряды аристократіи значительно порѣдѣли, вслѣдствіе эмиграціи многихъ бояръ, но все же она не была окончательно искоренена, и царь даже самъ позаботился о томъ, чтобы упрочить судьбу трехъ знатныхъ родовъ: Мстиславскихъ, Глинскихъ и Романовыхъ, въ вѣрности и преданности коихъ онъ могъ быть увѣренъ потому, что у нихъ не было связей въ странѣ и что они зависѣли отъ него матеріально и находились съ нимъ въ родствѣ. Представители двухъ первыхъ семей незадолго передъ тѣмъ пріѣхали изъ Литвы, а Романовы составляли семью Грознаго.

Ослабленіе аристократическаго элемента было вызвано главнымъ образомъ причинами экономическаго характера, а равно и политическими мѣропріятіями. Въ XVI вѣкѣ, какъ мы уже знаемъ, помѣстья ускользали изъ боярскихъ рукъ вслѣдствіе всеобщей задолженности боярскаго класса. Въ спискѣ кліентовъ одного изъ тогдашнихъ ростов-

[1]) Костомаровъ. Монографіи, XIII, 304.

щиковъ, Протопопова, значатся представители нѣсколькихъ княжескихъ фамилій, по архивамъ же Кирилловскаго монастыря можно прослѣдить дальнѣйшую участь этихъ безнадежныхъ должниковъ: въ 1557 г., напр., князь Д. Д. Ухтомскій, не имѣя вѣроятно болѣе кредита у Протопопова, продалъ монахамъ за 350 р. село съ 17 близъ лежащими деревнями; три года спустя онъ продаетъ еще 4 деревни за 150 рублей. Тогда же монастырь пріобрѣлъ большое имѣніе, принадлежавшее этой княжеской семьѣ. Такимъ образомъ все недвижимое имѣніе Ухтомскихъ перешло въ концѣ концовъ во владѣніе монастыря.

Это обнищаніе многихъ знатныхъ семей было прямымъ послѣдствіемъ новаго политическаго строя и тѣхъ новыхъ обязательствъ, кои были возложены имъ на бояръ. Всеобщая служебная повинность заставила ихъ жить при дворѣ или по близости отъ двора, если они не служили подъ знаменами или не занимали какой-либо должности. И прежде, когда бояринъ жилъ на своей наслѣдственной землѣ, ему не всегда было легко извлекать изъ нея достаточный доходъ; когда же онъ отсутствовалъ изъ имѣнія, то оно быстро приходило въ разореніе. Съ учрежденіемъ опричины и массовымъ отобраніемъ у бояръ ихъ имѣній, потрясенному уже экономическому и политическому положенію этихъ лицъ былъ нанесенъ окончательный ударъ, и если въ числѣ богачей встрѣчаются до сихъ поръ имена Трубецкихъ, Голицыныхъ, Куракиныхъ, Салтыковыхъ, Бутурлиныхъ—потомковъ Рюрика и Гедимина, то ихъ богатство возникло позднѣе, въ XVIII вѣкѣ, и они обязаны имъ милостямъ которой-либо изъ императрицъ.

Возможно ли винить Іоанна въ томъ, что его завоевательная политика на Западѣ потерпѣла фіаско? Какъ знать, каковъ былъ бы исходъ Полтавской битвы, если бы Петръ Великій столкнулся подъ Полтавой не съ болѣзненнымъ Карломъ XII, а со вторымъ Баторіемъ?

За то побѣды, одержанныя имъ на Востокѣ, покореніе Казани, Астрахани и присоединеніе Сибири дали толчекъ развитію московской торговли, а пріобрѣтеніе нижняго теченія Волги благопріятствовало развитію рыбныхъ промысловъ.

Что касается финансовой политики Іоанна, то она носила совершенно хищническій характеръ и отнюдь не заслуживаетъ похвалы. Какъ общее правило можно сказать, что всякая новая государственная потребность вызывала новый налогъ, при чемъ платежныя средства населенія совершенно не принимались во вниманіе и подъ конецъ царствованія Грознаго совершенно истощились.

Въ области международныхъ сношеній Іоаннъ не могъ или не хотѣлъ порвать съ традиціями варварскихъ временъ, которыя плохо вязались съ прогрессомъ. Съ иноземными послами, которые посыла-

лись къ его двору, обращались нерѣдко какъ съ военноплѣнными, а участь настоящихъ военноплѣнныхъ была въ высшей степени плачевна. Самое благополучное, что могло съ ними случиться, это быть проданными или розданными въ крѣпостную зависимость въ монастыри.

Въ 1581 г. Іоаннъ приказалъ убить, по минованіи надобности, шведскихъ „языковъ“, т. е. взятыхъ въ плѣнъ для полученія отъ нихъ нужныхъ свѣдѣній. Плѣнные поляки и шведы употреблялись вмѣсто размѣнной монеты для мѣновой торговли, которую татары вели на константинопольскихъ рынкахъ.

Какъ бы то ни было, Іоаннъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, порокахъ и неудачахъ, пользовался въ народѣ популярностью. Въ русской исторической пѣснѣ онъ занимаетъ первое мѣсто, и его обликъ рисуется въ ней далеко не отталкивающимъ: онъ доступенъ человѣческимъ чувствамъ, строгъ, но справедливъ, даже великодушенъ; чувствуется, что симпатіи народа на его сторонѣ. Когда онъ предается кровавой тризнѣ на трупахъ побѣжденныхъ татаръ, или по одному подозрѣнію предаетъ палачу бояръ, то народъ видимо сочувствуетъ ему и рукоплещетъ рѣзнѣ и веселію своего царя. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда онъ не можетъ сочувствовать ему, онъ почтительно закрываетъ глаза на его поступки или скрашиваетъ вымысломъ то, что возмущаетъ его совѣсть.

Со смертью Грознаго, дѣло, начатое имъ, осталось неоконченнымъ. Задавшись, по преимуществу, цѣлью разрушать, онъ не могъ ничего создать, а тѣмъ болѣе упрочить дальнѣйшее развитіе своихъ начинаній.

Не успѣвъ одержать побѣду надъ своимъ искуснымъ противникомъ и не пощадивъ жизни своего царственнаго преемника, Грозный оставилъ своей странѣ въ наслѣдіе войну съ Польшей и внутреннюю анархію.

Записки Порфирія Николаевича Глѣбова [1]).

10-го августа.

Вчерашняя канонада болѣе ничего, какъ фальшивая тревога. Нашимъ представилось, что штурмуютъ, ударили тревогу и подняли фонарь. Все это сдѣлалъ полк. Хитрово, командиръ одного изъ пѣхотныхъ полковъ. Но зато и наказанъ онъ чрезъ мѣру жестоко: ядромъ снесло ему голову.

Сегодня вечеромъ были у меня Гюббенетъ и Шейдеманъ. Князь Воронцовъ, сынъ бывшаго намѣстника, раненъ пулею въ голову, но, быть можетъ, останется живъ. По словамъ Гюббенета, однихъ раненыхъ съ 5-го августа до 6 т.; съ іюня же мѣсяца сдѣлалъ онъ однихъ ампутацій до 2 т., значитъ, всего раненыхъ должно считать съ іюня до 20 т. Страшное, по истинѣ, кровопролитіе, и чѣмъ оно кончится?

11-го августа.

Слава Богу, взялись за умъ—за разумъ: Сѣверную сторону укрѣпляютъ. Сегодня утромъ, вмѣстѣ съ Крыжановскимъ ѣздилъ я на Сѣверное укрѣпленіе; туда переводятъ съ Южной стороны: дѣловой дворъ, лабораторію, пороховые погребки, словомъ—весь скарбъ артиллерійскій. Инженеры нанесли уже на планъ мѣсто для укрѣпленій. Все закипѣло, и, вѣроятно, завтра же приступятъ къ земляннымъ работамъ. Но, по словамъ Крыжановскаго, кажется, инженеры не совсѣмъ понимаютъ настоящей цѣли укрѣпленій на Сѣверной сторонѣ. У нихъ, какъ у моряковъ, особая каста, свои вѣрованія, и на мысль чужую

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1905 г.

не легко они поддаются. Возвратившись домой, я тотчасъ же набросалъ на бумагу мои мысли на счетъ предполагаемыхъ укрѣпленій и передалъ записку эту Крыжановскому. Что онъ изъ нея сдѣлаетъ, не знаю; не знаю также, есть ли что-нибудь дѣльное въ моемъ взглядѣ? Во всякомъ случаѣ, исполнилъ я мой долгъ: отозвался, какъ понимаю, и, если хотя одна мысль пригодится, буду доволенъ.

Тотлебенъ поправляется; уже ходитъ на костыляхъ и занимается дѣлами. Денъ раненъ осколкомъ въ лицо; ему снесло правую челюсть. Но онъ, по словамъ Гюббенета, геройски перенесъ и рану, и первую перевязку: пѣшкомъ пришелъ съ бастіона на перевязочный пунктъ и также пѣшкомъ, послѣ перевязки, отправился на Сѣверную сторону. Крови потерялъ много. Заѣзжалъ сегодня къ Ползикову. 4-го августа онъ, бѣдный, контуженъ въ правую ногу, ниже колѣна; говоритъ, что образовалась на ногѣ и рана. А я позавидовалъ его молодости, его свѣжести, его здоровью. Нѣтъ, въ нашемъ положеніи, не только за одинъ день, но и за одинъ часъ никто отвѣчать не можетъ. Сегодня и бодръ, и здоровъ, и веселъ, а завтра калѣка, если не въ сырой землѣ.

Бомбардировка продолжается, но урывками: то огонь усилятъ, то ослабятъ. Рѣшительно непонятно, какія у нихъ намѣренія? Неужели и въ правду полагаютъ они взять Севастополь одною канонадою?

Вчера видѣлся съ Бѣлявцевымъ, начальникомъ курскаго ополченія. Онъ молодецъ хоть куда, только посѣдѣлъ, какъ лунь. 17 дружинъ уже здѣсь. Въ Сѣверномъ укрѣпленіи занимаютъ уже они и караулы. Многіе изъ нихъ на видъ настоящіе богатыри, но есть и съ грѣхомъ пополамъ. Двѣ дружины уже на батареяхъ въ Севастополѣ. Какъ-то невольно жаль ихъ; солдатъ уже обреченъ на смертоубійство и долженъ всегда быть готовымъ пасть славною смертію подъ знаменами. Но ополченцевъ, мирныхъ жителей, схватили внезапно изъ-подъ сохи, съ поля, и разомъ перенесли на батареи Севастопольскія. Вѣроятно, бо́льшая часть изъ нихъ и не опомнилась, какъ очутилась среди насъ. Жаль бѣдныхъ, но, говорятъ, духъ между ними превосходный.

12-го августа.

Баумгартенъ, герой Читати, не оправдалъ надеждъ, которыя возлагали на него многіе. Скажу болѣе, онъ осрамилъ себя предъ цѣлой арміею, малодушно оставивъ свой постъ, и не по болѣзни, а подъ предлогомъ болѣзни, переѣхавъ изъ Севастополя въ Симферополь. По словамъ Гюббенета, герой Читати въ такомъ родѣ объяснялся съ нимъ: „По правдѣ, я не такъ боленъ, чтобъ не могъ далѣе оставаться на оборонительной линіи, но все-таки здоровье мое не таково,

чтобъ я могъ исполнять мой долгъ вполнѣ, такъ, какъ я понимаю его. Поэтому, присутствіе мое въ Севастополѣ не только не полезно, но въ нѣкоторомъ отношеніи можетъ быть даже и вреднымъ, потому что мое мѣсто можетъ занять другой, болѣе крѣпкій здоровьемъ, нежели я, а слѣдовательно и выполнитъ обязанность лучше меня". Софизмъ жалкій. Малодушіе никакими фразами прикрыть нельзя. Онъ и теперь въ Симферополѣ, и, вѣроятно, останется тамъ до окончанія войны. Нѣтъ сомнѣнія, что ему въ арміи никакого уже назначенія не дадутъ. Жаль только, что такіе люди могутъ носить бѣлый крестъ на шеѣ. На его мѣстѣ, надо бы возвратить самому этотъ крестъ въ капитулъ.

Сегодня я имѣлъ порученіе самое трудное. Объѣздилъ болѣе 30 верстъ по берегу Бельбека, для отысканія удобныхъ мѣстъ для складовъ пороха. Нашелъ четыре пункта по дорогѣ къ Бахчисараю. Не знаю, найдутъ ли ихъ удобными, а другихъ по этому направленію нѣтъ.

Бомбардировка продолжается. Верки наши день ото дня все болѣе и болѣе распадаются. Теперь, ночью, канонада идетъ страшная, стрѣляютъ все залпами. Сейчасъ видѣлъ Шейдемана. Онъ говорилъ, что непріятель сильный огонь направилъ на Николаевское укрѣпленіе, гдѣ всѣ наши склады и штабъ-квартира графа Сакена. Вѣрно, пронюхали, подлецы, что много народу всякаго рода скопилось въ этомъ укрѣпленіи, что тамъ, можно сказать, сосредоточился весь теперешній Севастополь, и лавки, и перевязочный пунктъ, и пороховые погреба, словомъ, всѣ и все. Слышно, что главнокомандующій рѣшился надняхъ самъ штурмовать непріятеля въ его траншеяхъ со стороны Севастополя, не ожидая ихъ штурма. Вѣроятно, для этого и укрѣпляется Сѣверная сторона, чтобъ, въ случаѣ неудачи, отступить за Сѣверную бухту. Но, въ случаѣ успѣха, можно далеко отбросить непріятеля отъ нашей оборонительной линіи. Надо только дѣйствовать рѣшительно и численностью сбить его. Теперь войскъ у насъ довольно. Главное, бросившись на траншеи, мы можемъ надѣяться добраться до рукопашной; если и не сломимъ его, такъ нанесемъ ему чувствительный уронъ въ людяхъ, въ чемъ, къ сожалѣнію, не успѣли 4-го августа. Потеря французовъ въ этотъ день была самая незначительная.

13-го августа.

Вчерашняя тревога, 12-го августа, опять оказалась тревогою фальшивою; но Сакенъ, Богъ знаетъ отчего, сообщилъ въ главную квартиру, будто бы колонны непріятельскія покушались ринуться на 3-й бастіонъ, но, отброшенныя картечнымъ огнемъ, повернули вправо,

къ 4-му бастіону, гдѣ также сильнымъ огнемъ орудійнымъ покушеніе непріятеля было остановлено. Такое неправдоподобное сообщеніе понудило повѣрить дѣло на самомъ мѣстѣ; обнаружилось, что начали стрѣлять изъ ничего. Вообще Сакенъ не то въ военное время, чѣмъ былъ въ мирное. Если вѣрить общимъ о немъ слухамъ, то онъ въ Севастополѣ отличается отсутствіемъ всякихъ распоряженій. Право, удивительно, какъ это у насъ нѣтъ ни одного генерала, который заслужилъ бы общее довѣріе въ арміи. Одинъ Хрулевъ, да и этотъ славенъ только по отвагѣ.

Много сказокъ ходитъ про Севастополь. Между прочимъ, кто-то выдумалъ, что когда нѣсколько бомбъ упало около Тотлебена, то нѣсколько солдатъ бросились на него, повалили его на земь и собою прикрыли его отъ пораженія черепковъ. Эта сказка разнеслась не только по Россіи, но и по Европѣ. Анатолій Демидовъ, прослышавъ о такомъ необыкновенномъ героизмѣ нашихъ солдатъ, пожертвовавшихъ собою для спасенія столь славнаго генерала, опредѣлилъ обезпечить ихъ будущность, если они живы; въ противномъ случаѣ, назначить изъ своего состоянія пенсіи вдовамъ или семействамъ ихъ. Для этой цѣли Демидовъ и отнесся къ начальнику штаба генералъ-адъютанту Коцебу письмомъ, прося его препроводить къ нему списокъ героевъ, спасшихъ собою Тотлебена. Коцебу тотчасъ же командировалъ къ Тотлебену офицера съ запросомъ: когда именно и въ какомъ мѣстѣ былъ помянутый случай и не помнитъ ли онъ, какого полка солдаты такъ самоотверженно спасли ему жизнь? Разумѣется Тотлебенъ отвѣчалъ, что ничего подобнаго съ нимъ не случалось.

Крыжановскій получилъ аренду. Кажется, награда эта его порадовала. Сказать правду, за его полезные труды—онъ вполнѣ заслуживаетъ быть награжденнымъ болѣе другихъ. Въ настоящее время онъ незамѣнимъ. Бываютъ дни, когда главнокомандующій по сорока разъ на день его къ себѣ требуетъ. Надо удивляться, какъ достаетъ у него физическихъ силъ, чтобы трудиться такъ много.

Сегодня канонада подъ Севастополемъ съ обѣихъ сторонъ умѣренная; что-то будетъ ночью! Большею частью, послѣ вечерней зари, наши стрѣляютъ по ихъ работамъ, а они по нашимъ веркамъ.

14-го августа.

Сейчасъ только-что вернулся съ восхитительныхъ береговъ Бельбека. Дѣдушка посылалъ меня туда разузнать, кому принадлежатъ избранныя мною строенія для склада пороха, и гдѣ владѣльцы ихъ проживаютъ. Порученіе это исполнилъ я съ большимъ удовольствіемъ, усталъ только немного. По дорогѣ заѣхалъ на дачу, принадлежа-

щую капитану 1-го ранга Какараки. Засталъ тамъ много хозяевъ мужескаго пола, и все капитаны 1-го и 2-го ранга, и все Какараки. Одинъ изъ нихъ 29-го мая раненъ осколкомъ въ щеку; рана ужасная, но онъ уже поправляется; куритъ, гуляетъ и свѣжъ на лицо; жалуется только на головную боль. За чаемъ съ моими знакомыми незнакомцами толковали, разумѣется, объ одномъ Севастополѣ. Боятся и они за него. У нихъ также пронесся уже слухъ о приготовленіяхъ нашихъ къ оборонѣ на Сѣверной сторонѣ. Впрочемъ, по ихъ словамъ, солдаты наши начали между собою давно уже толковать объ отступленіи съ Южной на Сѣверную сторону,—съ того времени, какъ начали строить мостъ чрезъ бухту. Говорили мнѣ гг. Какараки также и о томъ, что будто бы царскіе экипажи съ гардеробомъ и кухнями прибыли въ Николаевъ; не знаютъ они только, доѣдетъ ли государь до Крыма, или нѣтъ. А присутствіе царя между нами принесло бы большую пользу. Онъ увидѣлъ бы многое, чего, быть можетъ, и не подозрѣваетъ. Съ другой стороны, присутствіе его необходимо и на сѣверѣ. Какъ видно изъ газетъ, бульдоги начали уже бомбардировать Свеаборгъ, и не на шутку: въ одну минуту пускали по 30 ракетъ, а бомбамъ и числа нѣтъ. Но однимъ бомбардированіемъ, особенно чрезчуръ съ благородныхъ дистанцій, они не доѣдутъ до Свеаборга; потратятъ только снаряды и порохъ по-пустому. Вѣрно, Дундасу не хочется вернуться осенью домой ни съ чѣмъ; онъ и пробуетъ, голубчикъ, овладѣть Свеаборгомъ, стоя за семь верстъ отъ него. Право, какъ досадно должно быть англичанамъ, что они до сихъ поръ не смогли изобрѣсть средства—убивать сотни тысячъ непріятелей, не подвергая ни одного изъ своихъ матросовъ опасности быть раненымъ или убитымъ. Повидимому, казусъ этотъ и приводитъ ихъ въ отчаяніе и озлобленіе на насъ, несчастныхъ, которые не соглашаются быть убитыми, какъ овцы; напротивъ, покушаются сами какъ бы половче да побольше тряхнуть благопріятелей.

Крыжановскій уѣхалъ сегодня въ Симферополь, къ женѣ, и вернется не раньше, какъ чрезъ два дня.

15-го августа.

Бѣдному нашему страдальцу-Севастополю приходится жутко. Съ каждымъ днемъ оборона слабѣетъ болѣе и болѣе; къ тому жъ и потеря въ людяхъ ежедневно—страшная. Оставаться въ этомъ положеніи нельзя. Надо окончательно на что-нибудь рѣшиться, и какъ можно скорѣе, чтобъ даромъ и безъ всякой пользы не терять людей. Если есть какія-либо средства, чтобъ поднять оборону на ноги, употребить всѣ ихъ энергически—для оживленія и, такъ сказать, воскресенія ея; если же нѣтъ, то отступить, и какъ можно скорѣе, на

Сѣверную сторону. Безбожно ежедневно выводить людей на разстрѣливаніе, не имѣя никакой надежды на успѣшную оборону крѣпостныхъ верковъ на Южной сторонѣ. Впрочемъ, кажется, отступленіе уже рѣшено. Вчера читалъ я бумагу севастопольскаго коменданта, въ коей сказано, что графъ Сакенъ словесно объявилъ уже по гарнизону, чтобы всѣ управленія, штабы, канцеляріи, ордонансъгаузъ и т. п. переправлялись немедленно съ Южной на Сѣверную сторону. Но, во всякомъ случаѣ, переходъ гарнизона черезъ Сѣверную бухту не обойдется безъ кровопролитной схватки и безъ чувствительныхъ потерь какъ въ людяхъ, такъ и въ матеріалахъ: надо пожертвовать и послѣдними остатками флота, и значительною частію артиллеріи.

Вечеромъ сидѣлъ у меня Гюббенетъ. Мы много толковали съ нимъ о Севастополѣ. Всѣхъ героевъ этой страшной драмы зналъ онъ лично. По его мнѣнію, многіе изъ нихъ шарлатаны и комедіанты, и только случаемъ попались въ герои; нѣкоторые же и не имѣютъ даже личной отваги, какъ, напримѣръ, Баревъ. Онъ даже и не раненъ, а только подъ мнимою контузіею—удалился изъ Севастополя, достигнувъ въ немъ по службѣ всего, чего только могъ. Шейдеманъ—самый пустой человѣкъ и не распорядительный; одно качество его—это наружное хладнокровіе подъ выстрѣлами. Впрочемъ, такъ относятся о Шейдеманѣ и многіе другіе. Сакенъ, человѣкъ честнѣйшій и благороднѣйшій, но какъ военачальникъ ниже всякой критики. Къ тому же теперь совершенно растерялся: ходитъ, какъ угорѣлый, и не на бастіонахъ, а въ своемъ казематѣ. Къ довершенію несчастія, у него разладица съ главнокомандующимъ. Вообще, постоянная разладица между главною квартирою, начальникомъ Севастополя и морскимъ вѣдомствомъ—оказываетъ самое пагубное вліяніе на ходъ обороны. Тотлебенъ, по уму не орелъ, но человѣкъ въ высшей степени храбрый, практическій и съ вѣрнымъ взглядомъ. Главная заслуга его въ томъ, что онъ всегда отгадывалъ намѣренія непріятеля, всегда предвидѣлъ то, на что можетъ и долженъ рѣшиться непріятель въ извѣстныхъ случаяхъ, вслѣдствіе чего, всегда успѣвалъ предупредить его своими работами. Шарлатанства въ немъ никакого, и теперь, едва поднялся съ постели, порывается уже въ траншеи. Васильчиковъ — человѣкъ энергическій и по чувствамъ настоящій патріотъ. Но выше всѣхъ, по чистотѣ намѣреній и дѣйствій, это былъ покойникъ Нахимовъ. Слухи о слабости его къ напиткамъ—сущая клевета. Гюббенетъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду видалъ его и утромъ, и въ полдень, и вечеромъ, и ночью, и никогда не замѣчалъ въ немъ признака опьяненія. Какъ легко человѣку быть оклеветаннымъ, и какому еще? Нахимову. Я думаю, что въ клеветѣ этой

*

много грѣшенъ Меншиковъ. При всей природной деликатности, герой Синопскій былъ чрезчуръ откровененъ, особенно со старшими; эта неумѣстная откровенность, быть можетъ, и подала поводъ къ клеветѣ. Хирургія, по словамъ Гюббенета, въ Севастополѣ самая грубая; высшей, тонкой хирургіи—и быть не можетъ. Отнятіе членовъ—вотъ главныя операціи. Разумѣется, и въ этого рода операціяхъ—хирурги могутъ отличаться одинъ предъ другимъ бо́льшею или меньшею ловкостію. Всего операцій произвелъ лично Гюббенетъ до 400; другія же операціи были производимы другими—по его указаніямъ и подъ его наблюденіемъ. Пирогова сначала онъ не любилъ, но послѣ былъ въ сношеніяхъ съ нимъ хорошихъ. Пироговъ медиковъ своихъ вовсе не щадилъ; отъ него нѣтъ имъ другаго названія, какъ дуракъ, да идіотъ. Впрочемъ, объ этомъ, кромѣ Гюббенета, слышалъ я и отъ многихъ другихъ.

Отстоимъ ли мы Севастополь, или отдадимъ его въ руки непріятеля, во всякомъ случаѣ положеніе наше въ Крыму не обѣщаетъ ничего хорошаго въ будущемъ. Намъ и прозимовать негдѣ; придется бѣдовать въ стужу подъ навѣсомъ палатки, безъ фуража и безъ дровъ. Вчера отданъ по арміи приказъ, чтобы всѣ отряды войскъ въ Крыму заблаговременно запаслись сѣномъ по 1-е мая будущаго года; въ Севастополѣ же и въ окрестностяхъ его по 1-е октября. Но гдѣ найти такіе огромные запасы сѣна?—Если осада продлится—безъ сомнѣнія, на зиму мы останемся на этихъ же высотахъ; въ противномъ случаѣ, хотя и отступимъ, то на недалекое разстояніе, чтобы не дать непріятелю углубиться въ край. Но, по близости Севастополя, не говоря уже о войскахъ,—главной квартирѣ негдѣ помѣститься на зимовку. Два ближайшихъ пункта: Симферополь и Бахчисарай—до того наполнены больными и ранеными, что тамъ и для одного главнокомандующаго едва-ли найдется помѣщеніе. Если придется на зиму укрыться въ разоренныхъ аулахъ, то и за это надо благодарить Бога.

Сегодня вечеромъ привели въ главную квартиру двухъ перебѣжавшихъ къ намъ французовъ,—оба унтеръ-офицеры и съ нашивками. По словамъ ихъ, кормятъ солдатъ французскихъ очень плохо: два сухаря, полфунта риса, фунтъ солонины, да полъ-порціи водки, чтобъ пить съ водою,—вотъ и все, что получаетъ солдатъ въ день. А дисциплина и требованія служебныя—очень строгія. Это самое и побудило ихъ перебѣжать къ намъ. Оба они уроженцы Парижа. Разсказывали они также, что въ эти четыре дня будетъ непремѣнно штурмъ. Но перебѣжчики давно уже предсказываютъ штурмъ, между тѣмъ прошло уже болѣе двухъ мѣсяцевъ послѣ перваго штурма (6-е іюня), а они и не думаютъ пожаловать къ намъ открытою силою.

Разочли, вѣрно, что для нихъ выгоднѣе истреблять насъ мелкимъ огнемъ, разстрѣливать по частямъ, чѣмъ рисковать приступомъ. По словамъ этихъ же перебѣжчиковъ, у французовъ 4-го августа выбыло изъ строя до 3.000 человѣкъ. Но и этому трудно повѣрить.— Наполеонъ чрезъ телеграфъ объявилъ уже своей арміи благодарность за оказанное ею мужество въ дѣлѣ 4-го августа. Это правдоподобно. О, если бъ этого глупаго дѣла вовсе не было! Послѣ 6-го іюня мы торжествовали, и духъ въ нашихъ войскахъ былъ превосходный, а теперь, послѣ 5-го августа, примѣтно, всѣ пріуныли, особенно офицеры.

16-го августа.

Крыжановскій былъ сегодня, 16-го августа, на оборонительной линіи. По его словамъ, намъ очень жутко приходится въ Севастополѣ: амбразуры на 2-мъ бастіонѣ засыпаны, мерлоны повреждены, траверсы разрушены, и большая часть орудій едва держится на станкахъ. Отъ 2-го бастіона тихая сапа непріятельская съ мантелетомъ не болѣе, какъ въ 30 саженяхъ; отъ 4-го бастіона непріятель еще ближе, но тамъ работы прекращены, не идутъ далѣе: вѣроятно, боятся скрытыхъ нашихъ минъ. А не можетъ быть, чтобы атакованные бастіоны не были у насъ шинированы; но это большая тайна для всѣхъ. Скоро, скоро все разъиграется; въ положеніи этомъ оставаться намъ болѣе нельзя.

Мостъ уже готовъ. Длина его—480 саженей; ширина на одну повозку. Сегодня по немъ уже потянулись обозы съ разными тяжестями. Въ тихую погоду сообщеніе наше теперь съ Южной стороны обезпечено. Спасибо Бухмейеру.

Сегодня я нездоровъ; вѣрно купаньемъ простудилъ желудокъ. Слабость большая; такъ ноги и подкашиваются. Едва могъ простоять полчаса у музыки.

Говорятъ, на бастіонахъ часть ратниковъ обратили въ артиллеристовъ, и дѣйствуютъ они настоящими молодцами. До сихъ поръ, благодаря Бога, никого еще изъ нихъ и не израсходовали.

Много пѣхотныхъ нашихъ офицеровъ, подъ предлогомъ болѣзни, укрываются въ Бахчисараѣ и въ Симферополѣ. Сегодня главнокомандующій послалъ туда генералъ-полицеймейстера съ строгимъ приказаніемъ освидѣтельствовать всѣхъ ихъ, и которые окажутся не тяжко больными, тотчасъ выслать таковыхъ съ жандармами въ полки. Говорятъ даже, что одного штабъ-офицера, укрывшагося подъ предлогомъ болѣзни въ Бахчисарай, главнокомандующій приказалъ предать суду для примѣра другимъ. Но если нуженъ примѣръ, то для чего не возьмутся за Баумгартена, который, съ бѣлымъ крестомъ на

шеѣ, вотъ уже болѣе пяти мѣсяцевъ какъ прогуливается, подъ предлогомъ болѣзни, по улицамъ Симферополя, тогда какъ подвѣдомственная ему бригада ежедневно проливаетъ кровь на оборонительной линіи въ Севастополѣ. Изобличить предъ арміей такого господина могло бы, дѣйствительно, послужить примѣромъ разительнымъ—и для крупныхъ, и для дробныхъ, а о судьбѣ какого-нибудь несчастнаго пѣхотнаго штабъ-офицера едва-ли кто-либо и станетъ интересоваться.

18-го августа.

Третьяго дня, и именно, въ ночь съ 16-го на 17-е число, случайно нанесли мы чувствительный и страшный ударъ непріятелю, взорвавъ у него погребокъ, гдѣ хранился большой запасъ пороха, по мнѣнію однихъ 300 пуд., а по предположеніямъ другихъ 1.000 пуд.: изъ запаса этого снабжались порохомъ всѣ батареи Камчатскаго редута. Взрывъ былъ страшный; отъ него не только окна на Николаевскомъ фортѣ, но и окна на Сѣверномъ укрѣпленіи. разлетѣлись вдребезги. Бревно одно занесло на 3-й бастіонъ, почти за 600 саж. отъ мѣста взрыва. Разумѣется, батарея, изъ 8 или 10 орудій, на коей послѣдовалъ взрывъ, вся засыпана поврежденными. Въ ту ночь кн. Барятинскій былъ у Хрулева. За полчаса до взрыва доложили Хрулеву, что человѣкъ 30 всадниковъ прибыло на Камчатскій редутъ; полагаютъ, что это былъ самъ Пелисье со своимъ штабомъ. Достовѣрно не извѣстно, остались ли всадники до взрыва, или уѣхали прежде, но если засталъ ихъ взрывъ въ редутѣ, то, вѣроятно, немногіе изъ нихъ теперь цѣлы. Во всякомъ случаѣ, взрывъ нанесъ непріятелю потери чувствительныя. Благодаря ли взрыву, или по другимъ причинамъ, вчера и сегодня канонада со стороны непріятеля пріутихла. Безъ сомнѣнія, мы этимъ воспользуемся и починимъ наши верки, сильно пострадавшіе отъ продолжавшейся такъ долго усиленной канонады.

Вчера у меня было пропасть гостей. Сначала утромъ, пріѣхалъ Костандуляки съ Пущинымъ. Прежде съ Костандуляки знакомъ я не былъ, я въ первый разъ его вижу. Онъ человѣкъ весьма неглупый, но въ немъ есть что-то греческое: долженъ быть хитеръ, какъ лисица, или, какъ говорится у насъ въ простонародьѣ,—человѣкъ себѣ на умѣ. Пущинъ проситъ объ увольненіи его отъ командованія батареею—по случаю разстроеннаго здоровья: Крыжановскій согласился и обѣщалъ назначить его въ Одессу на мѣсто Рейсиха, который теперь назначенъ начальникомъ 1-й конно-артиллерійской дивизіи, на мѣсто покойнаго Е. И. Кноринга. То и дѣло, что одинъ смѣняетъ другаго.

Послѣ обѣда явились два ополченца: князь Николай Борисовичъ Голицынъ и Павелъ Николаевичъ Криницынъ. Какъ одного, такъ и другаго, не думалъ и не воображалъ я встрѣтить на высотахъ Инкерманскихъ. Голицынъ—настоящій русскій баринъ: серьезный и величавый. Онъ командуетъ дружиною: у него въ дружинѣ и братъ мой Николай, и стоятъ они всего въ трехъ верстахъ отъ насъ, у Сѣвернаго укрѣпленія. Не постигаю, почему это до сихъ поръ братъ Николай не хочетъ навѣстить меня. Голицынъ говоритъ, что духъ ратниковъ превосходный, но что опасно употребить ихъ въ дѣло въ передовыхъ линіяхъ, такъ еще мало знакомы они со своимъ дѣломъ; но если случится имъ добраться до рукопашной, то гг. французы держись: разорвутъ на части. Что же касается до Криницына, то онъ нисколько не измѣнился: таковъ же, какимъ и былъ въ Петербургѣ, и въ Воронежѣ. „Теперешняя игра моя,—сказалъ онъ мнѣ:—самая выгодная; ничего не проигрываю, а выиграть могу; послѣ кампаніи, пожалуй, и мѣстечко какое-нибудь дадутъ, а если убьютъ или искалѣчатъ, то бѣда небольшая; мнѣ и безъ того пора уже околѣвать". Наконецъ, къ вечеру явился и третій ополченецъ: Самойловъ, сынъ Ивана Григорьевича. Этому, какъ кажется, война хуже горькой рѣдьки; соскучился, бѣдный, о своемъ хозяйствѣ и о своей Акимовкѣ. Онъ у меня и ночевалъ. Дружина, въ которой онъ служитъ, стоитъ на Бельбекѣ. Ею командуетъ какой-то Сазоновъ, если не ошибаюсь. Съ Самойловымъ я не церемонился и, уложивъ его спать, отправился часовъ въ 10 къ А. А. Маркову. Скоро туда же пришелъ и Поповъ—съ котлетами и съ бутылкой хереса; но сначала, разумѣется, выпили по рюмкѣ и по другой водки. Оживились, я высказалъ Маркову кой-какія горькія истины. Во-первыхъ, что онъ человѣкъ холодный, не общежительный, но если съ кѣмъ и сближается, то неохотно, а потому только, что по деликатности или, вѣрнѣе, слабости, не можетъ отдѣлаться отъ навязчивыхъ. По крайней мѣрѣ, такъ объяснить можно долговременную и постоянную связь его съ Соколовымъ, этимъ ничтожнымъ дуракомъ и шутомъ, а въ настоящее время—съ Поповымъ, несноснымъ болтуномъ и вральманомъ. Во-вторыхъ, что если онъ не выигрываетъ по службѣ, то это потому, что въ сношеніяхъ съ начальниками не держитъ себя съ сознаніемъ своихъ достоинствъ и заслугъ; короче, слишкомъ много раболѣпствуетъ предъ старшими, чрезъ что̀ даетъ право не церемониться съ нимъ. Какъ прежде, такъ и теперь, всѣ знаютъ, что Маркова можно и обойти наградой, и подчинить его по службѣ младшему, и отказать ему въ окладѣ, и что Марковъ все такъ же добросовѣстно будетъ служить и трудиться.— Сколько я замѣтилъ, мысль мою онъ вполнѣ понялъ, но былъ ли доволенъ моею откровенностію,—не знаю.

Но я зашелъ еще далѣе, напомнивъ ему, какъ онъ двулично велъ себя въ отношеніи моего дѣла въ Кіевѣ: берегъ и меня, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, берегъ во вредъ мнѣ и А. И. Корфа; также сказалъ ему, какъ много погрѣшилъ онъ, назначивъ вести дѣло такого глупаго и ничтожнаго аудитора, какимъ оказался присланный изъ драгунскаго штаба. Разумѣется, противъ послѣднихъ двухъ нареканій онъ всячески оправдывался. Но я остался при моихъ убѣжденіяхъ. Интереснѣе всего то, что разговоръ нашъ былъ облеченъ въ такія выраженія, что Поповъ, присутствовавшій при этомъ разговорѣ, едва-ли что-нибудь изъ него понялъ.

Говорятъ, что сегодня будетъ представленъ докладъ главнокомандующему о дозволеніи прекрасному полу легкаго поведенія раскинуть свои шатры на высотахъ Инкерманскихъ, по близости главной квартиры. Хотя этимъ пускай оживетъ сколько-нибудь молодежь, а то всѣ ходятъ, какъ будто тѣни. Скучнѣе нашей главной квартиры трудно и представить себѣ что-нибудь. Какъ будто всѣ обречены на казнь, такъ мало встрѣчаешь лицъ веселыхъ и беззаботныхъ. Въ мое время молодежь пѣла, шумѣла, кричала, хохотала, а теперь? — Въ очкахъ читаетъ „Санктпетербургскія“ и „Московскія Вѣдомости“...

Многіе у насъ до того напугались громадностью непріятельскихъ снарядовъ, что полагаютъ, будто бы подобныхъ никогда прежде и не употреблялось. Бомбы антверпенской мортиры (mortier monstre), брошенныя на разстояніи около 450 саж., углублялись въ землю болѣе чѣмъ на сажень; отъ разрывнаго заряда въ $1^1/_2$ пуда — производили воронки около 3 саженъ въ діаметрѣ; вѣсъ бомбъ былъ около $30^1/_2$ пуд., діаметръ около 2 футовъ. О такихъ странныхъ снарядахъ-минахъ въ Севастополѣ и помину нѣтъ.

Бѣдный страдалецъ — Клевецкій. Трудно представить себѣ положеніе мучительнѣе его. Въ лихорадкѣ, съ страшною головною болью, блѣдный и желтый — какъ мертвецъ, съ впалыми глазами, лежитъ бѣдняжка, одинъ одинехонекъ, подъ солдатскою шинелью, въ палаткѣ, гдѣ со всѣхъ сторонъ дуетъ и ходитъ порывистый, осенній вѣтеръ. При немъ одинъ только денщикъ, и никого короткаго знакомаго, никого, кто бы согрѣлъ страдальца теплымъ участіемъ. Когда я вошелъ къ нему, я испугался... такъ страшно представилось мнѣ его положеніе. Воображаю, какъ онъ долженъ теперь раскаиваться, что промѣнялъ спокойную службу на такое адское существованіе. Сначала, около двухъ мѣсяцевъ, мучился онъ на бастіонѣ, и теперь еще, какъ онъ самъ говоритъ, по ночамъ, когда находитъ на него бредъ и забытье, мерещутся ему какія-то черныя, какъ уголь, амбразуры, да такіе же туры и фашины. Нѣтъ сомнѣнія, что эта нечеловѣческая жизнь на бастіонѣ и привила къ нему лихорадку. Сначала появилась

она въ слабыхъ видахъ и скоро проходила; оставалась послѣ ней одна только слабость. Когда же назначили его состоять при генералъ-квартирмейстерѣ, и онъ переѣхалъ сюда, на Инкерманскія высоты, то, за неимѣніемъ палатки, долженъ былъ помѣститься въ землянкѣ, сырой, грязной и наполненной мышами и крысами. Въ этой-то землянкѣ и развилась въ такихъ злокачественныхъ формахъ лихорадка, какъ будто преддверіе тифа. Мнѣ кажется, что едва-ли онъ подымется на ноги. Я совѣтовалъ ему тотчасъ же отправиться въ Симферополь, но онъ отвѣчалъ, что такъ слабъ, что поднять не только головы, но и руки не можетъ. Бѣдный страдалецъ! А какъ онъ былъ свѣжъ и красивъ, и молодъ, когда служилъ у меня въ батареѣ! И кажись, много ли прошло послѣ того времени, и въ какомъ положеніи я его теперь увидѣлъ! Сказать правду, да и самъ я далеко уже не тотъ, чѣмъ былъ въ Нижнедѣвицкѣ, въ Лохвицѣ и Рѣшетиловкѣ. Не говоря уже о физическомъ разрушеніи, нравственно измѣнился я много. Пока я былъ въ Кіевѣ, среди своихъ, этого я не чувствовалъ; но теперь, когда судьба столкнула меня снова съ людьми, чужими мнѣ, я чувствую, что бездна страшная отдѣляетъ меня отъ нихъ; между ними нѣтъ ничего такого, что́ могло бы связать насъ; понятія и чувства ихъ для меня чужды и странны. Словомъ, я похожу на мертвеца, возставшаго изъ гроба и брошеннаго среди поколѣнія, которое родилось и возмужало, пока я лежалъ въ могилѣ. Нѣтъ, служить болѣе мнѣ уже нельзя. Теплая и свѣтленькая хата, садъ и огородъ, да семейный кружокъ, вотъ все, чего я долженъ искать на закатѣ дней моихъ. Кажется, едва-ли не было бы лучше, если бы я изъ Кіева, по болѣзни, подалъ въ отставку.

Нѣтъ, не могу сказать я, чтобъ въ борьбѣ съ бѣдами вышелъ я цѣлъ и невредимъ. Пуще всего тяготятъ сношенія съ людьми, особенно съ начальниками; мнѣ несносно — и участіе ихъ, и покровительство. Хотѣлось бы, чтобы всѣ забыли обо мнѣ, чтобы не быть принужденнымъ ходить на сходку людей, гдѣ я чужой, гдѣ не могу быть на распашку. О, зла бѣда!..

19-го августа.

Сегодня въ приказѣ по арміи объявлена всѣмъ участвовавшимъ въ сраженіи 4-го августа, отъ генерала до солдата, полная, душевная государя императора благодарность.—Спасибо и за это.

Здоровье мое не поправляется; слабость большая.

Благодаря молодому Сержпутовскому, сегодня бѣднаго Клевецкаго отправили въ Симферополь. Дай-то Богъ, чтобъ тамъ онъ оправился.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ погода у насъ стоитъ холодная, настояще осенняя; особенно по ночамъ такъ холодно, что приходится

закутываться въ тулупъ. Въ этомъ климатѣ такое явленіе—рѣдкость. Но дни теплые, и даже жаркіе, еще будутъ.

Не ожидалъ я встрѣтить такъ мало вниманія ко мнѣ со стороны молодаго Ростовцева.—Въ Кіевѣ онъ такъ много мнѣ понравился, и здѣсь всѣ относятся о немъ съ отличной во всѣхъ отношеніяхъ стороны—и какъ о человѣкѣ, и какъ объ офицерѣ генеральнаго штаба. Прибывъ въ главную квартиру, я въ тотъ же день былъ у него, а онъ и до сихъ поръ не заглянулъ въ мою палатку. Разумѣется, такое невниманіе поставило меня въ отношеніи его немного на дыбки, хотя, при встрѣчахъ, я и принуждаю себя быть сколь можно съ нимъ привѣтливѣе, помня благодѣянія отца его ко мнѣ. Но Богъ съ нимъ! Досадно только, если невниманіе его ко мнѣ происходитъ изъ какого-нибудь дурнаго источника. Въ такихъ людяхъ и съ такими обстановками — я не желалъ бы видѣть дурныхъ сторонъ, а потому заставлю себя думать, что онъ сдѣлалъ это отъ необдуманности, отъ вѣтренности, отъ молодости, словомъ, отъ такихъ недостатковъ, которые съ лѣтами пройдутъ и сами по себѣ, такъ сказать, не злокачественны.

Въ Севастополѣ новаго ничего нѣтъ. Днемъ канонада очень слаба, но по ночамъ усиливается съ обѣихъ сторонъ; преимущественно, бросаютъ бомбы.—Крыжановскій сегодня говорилъ, что въ Англіи снарядили новыя бомбы, съ зажигательнымъ составомъ; при разрывѣ, составъ этотъ разносится на далекое разстояніе въ разныя стороны; при томъ, кромѣ силы зажигательней, составъ производитъ удушливые газы. Результаты опытовъ оказались столь удовлетворительными, что рѣшили большое число такихъ бомбъ отправить сюда. Посмотримъ, что это за составъ удушливо-зажигательный. Кстати бы ужъ привезть имъ къ намъ и антверпенскую мортиру (mortier monstre) Тогда бы подъ Севастополемъ былъ полный музеумъ всѣхъ чудовищностей.

Странное дѣло. Фортификація долговременная какъ будто обречена на то, чтобъ ее совершенствовали турки. Извѣстно, что двухгодичная осада Кандіи (1668 и 1669 г.) чрезвычайно много способствовала успѣхамъ осаднаго искусства и обороны, а осаждали ее турки. Такъ и теперь осаждаютъ Севастополь по милости турокъ; осада же Севастополя, безъ сомнѣнія, положитъ много новыхъ основаній въ наукѣ. Такимъ образомъ, по милости, или, вѣрнѣе, по поводу самаго невѣжественнаго народа, въ промежутокъ двухъ столѣтій, военныя науки преобразовываются...

20-го августа.

Хрулевъ въ Севастополѣ съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе солдатской славы. О немъ всѣ разумѣютъ, какъ о человѣкѣ, въ настоящее время, незамѣнимомъ. Боже сохрани, если

ранятъ или убьютъ его; тогда гарнизонъ Севастопольскій совсѣмъ падетъ духомъ. Онъ уже два раза, чрезъ Шейдемана, предлагалъ мнѣ занять у него мѣсто начальника штаба, но я отвѣчалъ, что, состоя въ распоряженіи Крыжановскаго,—не могу самъ располагать собою; что, быть можетъ, Крыжановскій имѣетъ въ виду дать мнѣ назначеніе, болѣе сходное съ моими способностями, а потому мнѣ и не слѣдуетъ, помимо его, принимать другихъ назначеній. Сегодня Якимахъ, бывши на Южной сторонѣ, также слышалъ, что тамъ сильно прочатъ меня къ Хрулеву, но я и ему отвѣтилъ то же, что и Шейдеману.

Слава военная Хрулева не ограничивается одною арміею, она уже сдѣлалась народною; цѣлая Россія видитъ въ немъ героя. Много получаетъ онъ со всѣхъ концовъ Россіи благословеній. Недавно въ Петербургѣ, какое-то почтенное общество отслужило молебенъ за здравіе Хрулева въ Казанской церкви и прислало ему икону Божіей Матери при письмѣ, въ коемъ, между прочимъ, проситъ его не заботиться о дочери, которую берутъ нѣсколько богатыхъ и почтенныхъ семействъ подъ свое покровительство. По случаю присылки иконы, какой-то піита, Борисъ Ѳедоровъ, прислалъ герою Хрулеву стихи.

Кстати о краснорѣчіи. Какой-то священникъ, восхваляя въ своей рѣчи доблесть и мужество полка, сказалъ: „Вы, ребята, орлы: но этимъ не слишкомъ возноситесь; есть и орлѣе васъ“. Когда же, по окончаніи проповѣди, офицеры спросили у него: кто же орлѣе ихъ? священникъ отвѣчалъ, не запинаясь: „Казаки“.

21-го августа.

Сегодня, 21-го августа, канонада подъ Севастополемъ была сильнѣе, чѣмъ въ предшествующіе дни: съ вечера же она и очень усилилась. Это надо приписать къ тому, что, пользуясь темными ночами, непріятель смѣлѣе ведетъ свои подступы, а мы, разумѣется, препятствуемъ ему орудійнымъ огнемъ.

Князь Урусовъ заболѣлъ и просится на отдохновеніе, на что главнокомандующій согласился. Такимъ образомъ, понемногу, одинъ за другимъ, всѣ воеводы бѣгутъ изъ этого ада-Севастополя. Одинъ Хрулевъ еще держится.

Бельгардтъ, какъ слышно, письмомъ къ главнокомандующему рекомендовалъ меня съ отличной стороны, и что я ему былъ весьма полезенъ въ дѣлѣ 4-го августа, а потому и проситъ наградить меня. Спасибо и за это, если другой, болѣе существенной, награды не получу. Впрочемъ, какая награда и можетъ утѣшить меня? Неужели

какой-нибудь крестишко? Но полезно для меня то, что съ полученіемъ какой-либо награды, я уже получаю и право на полученіе какого-либо назначенія, а съ назначеніемъ, могу и разстаться съ этими милыми высотами Инкерманскими, которыя до того мнѣ надоѣли, что готовъ бѣжать даже въ Евпаторійскій отрядъ, хотя и тамъ не слишкомъ весело.

Съ каждымъ днемъ непріятель усиливаетъ свой орудійный огонь по направленію къ новому мосту чрезъ Сѣверную бухту. Сегодня даже одна бомба разметала подводу, на которой везлись какія-то бумаги дѣловыя. Воображаю, какъ довольно то вѣдомство, которому бумаги эти принадлежали. Теперь всякое дѣло запутанное получитъ вожделѣнный конецъ: разнесла, дескать, непріятельская бомба, въ числѣ другихъ дѣлъ, и сіе дѣло.

Павловъ, этотъ храбрецъ минувшихъ войнъ, также въ Севастополѣ. Онъ тамъ командуетъ дивизіею. Но, если вѣрить молвѣ, генералъ этотъ не большой герой. Выходитъ, молодецъ на овецъ, а противъ молодца—сама овца.

22-го августа.

Какой-то г. де-Карсъ (Des Cars) является къ кн. Горчакову, нашему посланнику въ Вѣнѣ, съ письмомъ къ нашему императору отъ графа Шамбора (Генрихъ V). Князь даетъ ему почувствовать, что у насъ никакихъ сношеній оффиціальныхъ съ Шамборомъ нѣтъ. Дѣло въ томъ, что Кабрера вызывается въ Испаніи возжечь смятенія, которыя произведутъ выгодную для Россіи диверсію. Наконецъ, Горчаковъ принимаетъ письмо, но только à titre de courtoisie, et rien de plus. Хотя диверсія въ Испаніи и можетъ быть для насъ полезна, однако императоръ нашъ не станетъ компрометтировать себя въ такомъ дѣлѣ qui peut n'être qu'un feu de paille. Когда же заговорили о денежномъ вспомоществованіи, посланникъ тотчасъ же далъ замѣтить, что мы въ борьбѣ съ цѣлою Европою, а потому сами нуждаемся во всѣхъ нашихъ средствахъ. На это Des Cars отвѣчалъ: — по этой причинѣ, что вы тратите милліоны сотнями — пять, шесть или семь, въ которыхъ мы будемъ нуждаться, не могутъ имѣть вліяніе на ваши дѣла. — Случай этотъ, разумѣется, породилъ много толковъ въ Европѣ.

Вотъ уже пошла вторая недѣля, какъ меня никуда не посылаютъ. Даже порученіе, которое предполагалось возложить на меня въ Сѣверномъ укрѣпленіи, повидимому, передали Якимаху. Что бы это значило? Хотятъ ли меня оставить въ покоѣ изъ участія ко мнѣ, или же скрывается подъ этимъ какое-либо на меня неудовольствіе? Чортъ ихъ батьку знаетъ, чтобы это значило?..

24-го августа.

Сегодня утромъ, 24-го августа, въ пятомъ часу, загорѣлась адская канонада подъ Севастополемъ, какой еще я и не слыхалъ. Вся главная квартира сѣла на коней. Еще съ вечера получилъ я приказаніе отправиться въ Сѣверное укрѣпленіе для повѣрки ружей, куда я и отправился. Земля стонала подъ выстрѣлами; отъ пороховаго же дыма образовалось страшное облако, которое повисло надъ цѣлымъ городомъ. Картина ужасная. Долго буду помнить это утро. Канонада не прекращалась до 5-ти часовъ вечера, значитъ, ровно 12-ть часовъ разстрѣливали бѣдный Севастополь. Но, говорятъ, потеря наша въ людяхъ незначительная, но все-таки до 1.000 или болѣе выбыло. Я полагалъ навѣрное, что, вслѣдъ за канонадой, полѣзутъ на штурмъ, но его не было. На какой же конецъ они вдругъ такъ остервенились? Надо полагать, что готовятся сдѣлать приступъ открытою силою, но предварительно хотятъ ослабить нашъ огонь орудійный, и, можетъ быть, завтра или послѣзавтра, и полѣзутъ на 2-й бастіонъ или Малаховъ курганъ. Давай-то Богъ. Всѣ этого желаютъ, такъ невыносимо положеніе гарнизона. Можно также полагать, что они, узнавъ чрезъ лазутчиковъ, будто мы уже переходимъ на Сѣверную сторону, и будто перевезли уже часть артиллеріи съ оборонительной линіи, хотѣли повѣрить такое извѣстіе на самомъ дѣлѣ. Предположеніе это тѣмъ болѣе можетъ быть допущено, что первоначально обратили они свой огонь не на атакуемый ими полигонъ, а на правый флангъ нашей оборонительной линіи, предполагая, вѣроятно, что на этомъ флангѣ свезены уже орудія. Но ошиблись въ своихъ надеждахъ. Артиллерія наша молодецки встрѣтила огонь огнемъ и съ торжествомъ вышла и изъ этого боя. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, надо ожидать скорой развязки. Нельзя жъ и имъ оставаться въ своихъ сапахъ, носъ къ носу съ нашими секретами. Говорятъ, Пелисье на-дняхъ донесъ въ Парижъ по телеграфу: „Sébastopol est imprenable, mais je le prendrai“. О, фанфаронъ!

Къ ночи непріятель успѣлъ зажечь одно изъ транспортныхъ нашихъ судовъ. Долго горѣло оно, освѣщая окрестность яркимъ пламенемъ. Теперь пальба умѣренная, но бомбы, по обыкновенію, летать не перестаютъ.

Обѣдалъ сегодня у Ползикова, въ Сѣверномъ укрѣпленіи. Рана его не заживаетъ, и онъ, какъ кажется, хочетъ воспользоваться этимъ, чтобъ съѣздить въ Кіевъ. Обѣдалъ также съ нами и Матвѣевъ. Онъ произведенъ въ подполковники. Слава Богу, давно уже пора: онъ человѣкъ, настояще хорошій.

У Маркова ежедневно вертится П—въ, одинъ изъ самыхъ пустѣйшихъ

людей, а, между тѣмъ, служебную карьеру себѣ прокладываетъ не худо. Втерся къ дежурному генералу, который снисходителенъ къ нему донельзя. Подозрѣваютъ даже, не сводничаетъ ли онъ старику женщинъ.

Тетеревниковъ вызывается въ партизаны. Какая глупость, и со стороны еще генерала! Развѣ могутъ быть допущены какія-либо партизанскія дѣйствія, когда непріятель окопался на скалѣ и не двигается съ мѣста? Цѣль партизанской войны дѣйствовать на сообщенія непріятеля, а въ настоящемъ случаѣ ихъ нѣтъ: развѣ обратится партизанъ въ корсара, чтобы дѣйствовать на морѣ.

Павловъ, капитанъ гвардейской конно-артиллеріи, мнѣ не нравится; въ немъ что-то фальшивое, подозрительное, и чортъ его знаетъ, для чего онъ сюда пріѣхалъ. Князь Оболенскій—добрый, но очень ограниченный; у Стальпина—флигель-адъютанта, лицо барское и долженъ быть малый добрый. Шереметевъ—племянникъ главнокомандующаго, немного франтъ и petit-maître, но, кажется, добрякъ. Со всѣми ими я познакомился по-шапочному.

Сегодня пріѣхалъ Н. О. Сухозанетъ, командиръ 3-го корпуса. Онъ обѣдалъ у Сержпутовскаго, но тамъ я его не видалъ, а встрѣтился у музыки.

25-го августа.

Мы вчера ошиблись, предположивъ убыль въ людяхъ незначительную; напротивъ, она очень значительная: въ одинъ день вчера убыло изъ строя болѣе 2 тысячъ, считая же съ 4-го августа по сегодняшній день мы потеряли болѣе 22 тысячъ. Страшныя потери!

Канонада сегодня какъ будто еще сильнѣе вчерашней: цѣлый день стрѣльба орудійная не умолкаетъ ни на минуту. Теперь ночь, а бомбардировка адская не перестаетъ. Что-то будетъ завтра? Всѣ ждутъ штурма. Нехорошо только то, что сильный вѣтеръ поднялся. Боже сохрани, если буря разъиграется и мостъ нашъ разорветъ: бѣда во время штурма потерять сообщеніе съ Сѣверною стороною. Но и при мостѣ, если непріятель ворвется въ городъ, и наши, чего Боже сохрани, станутъ отступать, едва-ли мы успѣемъ что-нибудь спасти изъ города; все достанется въ руки непріятеля, даже едва-ли успѣемъ взорвать Михайловскій и Николаевскій форты, хотя для этого, какъ говорятъ, все уже готово. Въ суматохѣ, при отступленіи, войска бросятся на мостъ, разумѣется, въ страшномъ безпорядкѣ, и какъ тутъ взрывать форты, эти огромныя трехъ-этажныя зданія, возвышающіяся у самаго моста? Нѣтъ, лучше и не думать объ отступленіи подъ огнемъ и напоромъ непріятеля. Надо: или оборонять верки до послѣдняго солдата, или же, когда нѣтъ надежды на оборону успѣшную, сдать Севастополь на капитуляцію. Но, съ другой стороны, какъ

отдать его, голубчика нашего, врагу, когда онъ стоитъ намъ такъ много крови драгоцѣнной? Одна мысль объ этомъ наводитъ грусть тяжкую. Нѣтъ, лучше жертвовать послѣдними остатками богатырей-героевъ, а объ отступленіи и не помышлять. А потому, хорошо было бъ, если бъ главнокомандующій объявилъ въ приказѣ по арміи, что въ день штурма—отступленія не будетъ, и что на мостъ, во время штурма, пускать всѣхъ въ Севастополь и никого изъ Севастополя.

Сегодня Сержпутовскій представилъ меня Сухозанету. Онъ принялъ меня очень мило, спрашивая, въ какой батареѣ служилъ я въ Польскую кампанію, вспомнилъ о Браккерѣ и о Волжинскомъ. На видъ Сухозанетъ еще очень бодръ. Посмотримъ, каковъ-то изъ него выйдетъ корпусный командиръ. Въ одномъ я увѣренъ, что онъ хуже Реада не будетъ.

За обѣдомъ у дѣдушки заговорили о назначеніи флигель-адъютанта Дубельта въ начальники штаба. Боже мой, какія это назначенія? И кто у насъ теперь начальники штаба? Просто мальчики, неопытные, несвѣдущіе,—какъ будто всякій флигель-адъютантъ и можетъ быть начальникомъ штаба! Особенно въ военное время мѣста эти чрезвычайно важны; отъ нихъ идутъ всѣ распоряженія и до боя, и во время боя. Солдаты наши первые въ мірѣ, и ихъ у насъ много, но некому распорядиться ими, и некому вести ихъ къ побѣдамъ. Неужели какіе-нибудь И—вы, Тим—вы или Дуб—ты могутъ указать путь къ славѣ и побѣдѣ? Да они и сами, я думаю, удивляются, какъ это попали на такія мѣста?

26-го августа.

Бомбардировка адская не прекращается. Предполагаютъ, что въ сутки выпускаютъ они до 100 т. снарядовъ. Какъ это выдерживаютъ у нихъ орудія. А пороху сколько сжигается! Если среднимъ числомъ положить на выстрѣлъ 8 фун.; — въ день 20 т. пуд. Потеря ежедневно у насъ страшная: каждый день болѣе 2-хъ т. выбываетъ изъ строя. Просто, разстрѣливаютъ бѣдную нашу армію. Пожары и днемъ и ночью не прекращаются. Сегодня въ 2 часа по полудни зажгли нашъ фрегатъ „Коварна“, а теперь его уже нѣтъ: сгорѣлъ весь до ватерлиніи. На 2-мъ бастіонѣ и на Малаховомъ курганѣ мерлоны и амбразуры уже не существуютъ: держатся еще кое-какъ за траверсами. Теперь уже за полночь, и сейчасъ раздался страшный взрывъ: или у насъ, или у нихъ взорвало пороховой погребъ. Нѣтъ, Севастополь не устоитъ. Но до послѣдняго паденія его—много еще прольется крови. Во время бомбардировокъ, раны все смертельныя, артиллерійскія. По крайней мѣрѣ, одну треть изъ приносимыхъ на перевязочный пунктъ даже и не оперируютъ: едва слышенъ пульсъ у нихъ. Замѣ-

чательно, что въ эту бомбардировку, сравнительно съ предшествовавшими, мало ложится снарядовъ въ городѣ: большая же часть направлена на окончательное разрушеніе верковъ. О починкѣ ихъ и думать нельзя. Мы отвѣчаемъ, но только прицѣльными выстрѣлами: за оказавшимся недостаткомъ въ пустотѣлыхъ снарядахъ, навѣсной стрѣльбы у насъ почти уже нѣтъ, а они засыпаютъ насъ бомбами и ракетами. Бой неравный. Осталось намъ одно:—по возможности укрывать людей отъ напрасной гибели и ждать штурма. Авось либо штыкомъ-молодцомъ отобьемся отъ злодѣевъ. Но это они понимаютъ, потому и не штурмуютъ.

Третьяго дня видѣлъ у А. А. Маркова Риттера. Онъ былъ веселъ и шутилъ, а сегодня его уже нѣтъ на свѣтѣ. Милая холера скушала его въ нѣсколько часовъ. Жаль его. Онъ погибъ во цвѣтѣ лѣтъ гадкою смертію. Какъ офицеръ генеральнаго штаба и какъ человѣкъ—заслуживаетъ онъ полнаго уваженія отъ всѣхъ, кто зналъ его. Вечеромъ, ходя у музыки, я хотѣлъ было зайти къ нему и не зашелъ потому только, что думалъ не застать его въ палаткѣ, а между тѣмъ, чрезъ два часа узнаю, что онъ уже умеръ.

Погода у насъ настояще осенняя. Холодный, порывистый вѣтеръ не умолкаетъ ни днемъ, ни ночью. Едва въ тулупѣ можно согрѣться. А еще не насталъ сентябрь. Что же съ нами будетъ, если, чего Боже сохрани, придется зазимовать намъ на Инкерманскихъ высотахъ? Просто, рой себѣ яму, да ложись въ нее заблаговременно: „не томись, Грицко, окунется“. По истинѣ, таково положеніе наше отчаянное.

Ночью, часу въ двѣнадцатомъ Крыжановскій потребовалъ меня къ себѣ и поручилъ тотчасъ же проэкзаменовать одного юнкера-юношу, котораго Шейдеманъ представляетъ въ офицеры, въ артиллерію. Оказалось, что хотя этотъ юноша и слушалъ курсъ наукъ въ Харьковскомъ университетѣ по математическому факультету, однако не бельмеса не смыслитъ. Началъ пытать его съ логариѳмовъ и спустился я до простыхъ чиселъ и ничего выпытать отъ него не могъ. Въ русскомъ языкѣ также оказался плохъ, пишетъ даже безграмотно. Поэтому, вмѣсто артиллеріи, разрѣшено представить его въ драгуны.

28-го августа.

Вчера, 27-го августа, едва успѣлъ я дописать предъидущія строки, какъ начался штурмъ Севастополя. Это было около 12 часовъ утра; Крыжановскій тотчасъ же прибѣжалъ ко мнѣ и приказалъ, чтобъ я, какъ можно скорѣе, скакалъ на Сѣверную сторону, и тамъ, противъ моста и въ сторонѣ отъ него, разставилъ бы двѣ батареи, 11 и 14 бригады, съ тѣмъ, чтобы орудія эти могли обсыпать картечью

мостъ, и вдоль и поперекъ, разумѣется, на тотъ случай, когда непріятель опрокинетъ наши войска и вслѣдъ за ними бросится чрезъ мостъ. Пока я отыскалъ батареи, могъ найти выгодныя позиціи, переносясь для этого съ балки на балку, — штурмъ дошелъ до самыхъ громадныхъ размѣровъ. За взрывами и орудійною пальбою стрѣльбы ружейной и не было вовсе слышно, между тѣмъ какъ она не умолкала ни на одну минуту; какія сцены видѣлъ я и какъ много впечатлѣній вынесъ отъ этой послѣдней, но ужасной изъ ужаснѣйшихъ сценъ Севастопольской драмы! Послѣдовательно писать не могу—отъ изнеможенія; едва сижу:—цѣлыя сутки былъ то на лошади, то на ногахъ. Сегодня Севастополя ужъ нѣтъ: остались однѣ груды камней, да пепелъ. Солгутъ они, если скажутъ, что взяли Севастополь штурмомъ: напротивъ, мы ихъ на всѣхъ пунктахъ отбили; отступили же ночью сами, по волѣ главнокомандующаго, и отступили въ большомъ порядкѣ. Еще и теперь непріятель не занялъ города; въ настоящую минуту онъ ни его, ни нашъ; мы перешли на Сѣверную сторону, а французы остались на своихъ батареяхъ и въ своихъ траншеяхъ. Теперь насъ раздѣляетъ страшный костеръ изъ огня, дыма и пыли. Ночью предполагали даже перевезти на Сѣверную сторону и орудія, но въ этомъ не успѣли: большую часть потопили на бухтѣ, а другую заклепали, какъ могли. Мнѣ поручено было перевезть орудія отъ моста за Сѣверное укрѣпленіе; для этого ночью и получилъ я слѣдующее приказаніе начальника артиллеріи:—„Излишнихъ лошадей и лошадей пятыхъ взводовъ прислать немедленно съ полною аммуниціею на Сѣверную сторону, чтобъ забирать орудія, которыя будутъ доставлены черезъ мостъ съ Южной стороны на Сѣверную; артиллерію эту отвозить за Сѣверное укрѣпленіе и тамъ ожидать дальнѣйшаго приказанія. За всѣмъ этимъ имѣть неослабное наблюденіе полковнику Глѣбову. Все то исполнить слѣдующимъ частямъ: 3-й батарейной 11-й бригадѣ, всей 14-й бригадѣ и всей артиллеріи, состоящей подъ командою генерала Нѣмчинова. Съ лошадьми должны быть посланы офицеры“.

Все это собралось въ ночь и простояло у меня до утра, когда же удостовѣрился я, что орудія спасены быть не могутъ, распустилъ всѣхъ по ихъ командамъ.

Крыжановскій сильно ушибъ себѣ ногу; лежитъ обложенный шлявками. Послѣдствій дурныхъ отъ этого ушиба быть не можетъ, но жаль, что въ настоящее время онъ не на ногахъ. Теперь предстоитъ много распоряженій на Сѣверной сторонѣ по части артиллерійской. А какая цѣль обстаивать эту сторону? Снова начнутся канонады, отъ которыхъ никакихъ рѣшительныхъ результатовъ не послѣдуетъ. Потери только въ людяхъ, артиллеристахъ, а ихъ у насъ теперь уже

осталось немного. Если мы на оборонительной линіи не могли восторжествовать надъ непріятелемъ въ бою артиллерійскомъ, имѣя тамъ огромное число орудій, то какъ же надѣяться теперь достигнуть какого-либо успѣха—при тѣхъ малыхъ средствахъ, которыя у насъ остались? Они забросаютъ Сѣверную сторону бомбами и ракетами, какъ забросали Южную, и намъ придется понапрасну принесть только новыя жертвы. Развѣ для того только, чтобъ доказать предъ Европою, что Севастополь не взятъ еще, но для этого, право, игра не будетъ стоить свѣчей. Лучше отдать имъ совсѣмъ Южную сторону и укрѣпиться внѣ ихъ выстрѣловъ на Сѣверной. Тогда посмотримъ, что они предпримутъ.

Шереметевъ говорилъ мнѣ, что сейчасъ главнокомандующій послалъ сказать Пелисье, что онъ отправляетъ людей въ городъ—для уборки тѣлъ, а потому съ нашей стороны стрѣлять не будутъ, а имъ какъ угодно. Настоящая же цѣль такого распоряженія, вѣроятно, клонится къ тому, чтобъ окончательно взорвать въ городѣ, чего еще взорвать не успѣли. Безъ сомнѣнія, пойметъ это и Пелисье. Но выстрѣлы какъ будто бы уже замолкли. По крайней мѣрѣ я, глухой, не слышу ихъ (перемиріе состоялось).

Кромѣ Малахова кургана, на всѣхъ пунктахъ, 27-го числа, непріятель былъ отбитъ; на нѣкоторые же бастіоны порывались они по нѣсколько разъ и всякій разъ были отбиваемы съ большимъ урономъ. Вообще потеря ихъ должна быть значительная въ людяхъ; взяли наши съ небольшимъ сотню въ плѣнъ, въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ и одного генерала. Наша потеря также очень велика. Одни говорятъ, около 10 т., а другіе болѣе; но достовѣрно узнаю дня чрезъ два. Ранены — Хрулевъ, Мартинау и еще какіе-то генералы безъ вѣсти пропали: генералъ Бушау, который женатъ на Анненковой, и еще, но это невѣрно, генер. Ренненкампфъ. Коцебу, капитану 2-го ранга, оторвало ядромъ обѣ ноги, сегодня онъ умеръ. Онъ былъ начальникомъ артиллеріи въ Сѣверномъ укрѣпленіи, и, казалось, на такомъ безопасномъ мѣстѣ нельзя было ожидать, чтобъ и онъ сдѣлался жертвою. И замѣчательно, ранило его на 18-мъ нумерѣ, куда они никогда прежде не стрѣляли; на этомъ нумерѣ, вмѣстѣ съ покойникомъ, производилъ я опытъ изъ 1—2 пуд. мортиръ. Могъ ли я тогда думать, что на этой самой батареѣ погибнетъ Коцебу? Вотъ ужъ правда,—кому суждено быть убитымъ, тотъ не скроется и на Сѣверномъ укрѣпленіи. А Хрулевъ счастливо отдѣлался:—однимъ только большимъ пальцемъ на правой рукѣ. У Мартинау отняли руку по плечо: едва-ли останется онъ въ живыхъ. Такія операціи рѣдко имѣютъ счастливый исходъ.

Какія страшныя лица у тѣхъ, которые сидѣли въ Севастополѣ.

Лица блѣдныя, отчаянныя, какъ будто сейчасъ вышли изъ ада. Нельзя смотрѣть на нихъ безъ умиленія. И въ какихъ всѣ костюмахъ, особенно офицеры: кто въ буркѣ, кто въ солдатской короткой шинели съ ружьемъ въ рукахъ, и очень немногіе только въ шинеляхъ офицерскихъ. Замѣтно, что они и рады разстаться съ Севастополемъ, и жаль имъ его. Говорятъ, особенно матросы тоскуютъ по своемъ родномъ городѣ. „Какъ же не тосковать,—говорятъ они:—когда мы такъ много за него пролили крови". Теперь всѣ возвышенности заняты войсками: одной пѣхоты до 40 т. вышло изъ Севастополя въ ночь съ 27-го по 28-е.

29-го августа.

Сегодня, 29-го августа, цѣлый день на конѣ: собиралъ свѣдѣнія, какимъ числомъ орудій вооружены наши укрѣпленія на Сѣверной сторонѣ. Всего съ небольшимъ 500, да еще быть можетъ поставятъ около 120, итого 620, изъ нихъ мортиръ ни одной. Что жъ мы сдѣлаемъ одними прицѣльными выстрѣлами, когда непріятель станетъ насъ засыпать бомбами и ракетами?

Севастополь дымится и сегодня. Осталось одно укрѣпленіе Николаевское, подорвать его не успѣли. На Михайловскомъ укрѣпленіи встрѣтился со многими моряками, въ томъ числѣ Бутаковымъ, извѣстнымъ молодцомъ-командиромъ парохода „Владиміръ". И наружность его пріятная. Всѣ корабли, а ихъ оставалось всего шесть, потоплены; сегодня, кажется, потопятъ и послѣдніе пароходы. Итакъ, нашъ флотъ черноморскій уже не существуетъ. А давно ли флотъ этотъ былъ грозенъ и славенъ? Грустно каждому изъ насъ, но особенно гибель флота чувствительна для оставшихся моряковъ, которыхъ, правда, и немного; всѣ они ходятъ, поникнувъ головами. Бутаковъ говоритъ, что онъ не хочетъ свой пароходъ подвергать такой унизительной смерти—потопленію; лучше взорветъ его на воздухъ. Всѣ же моряки въ отчаяніи, что ихъ оставляютъ для обороны Сѣверной стороны. Вотъ какъ они объ этомъ разсуждаютъ: Севастополь имѣлъ значеніе по флоту; флота не стало, пѣтъ и Севастополя. Защищая Севастополь, мы защищали и флотъ; теперь же—для какой цѣли обрекаютъ насъ на смерть? Бой будетъ неравный: они уничтожатъ насъ навѣсными выстрѣлами, а мы имъ никакого даже вреда не нанесемъ изъ нашихъ пушекъ, да глупыхъ каронадъ. И кончится тѣмъ, что мы все-таки отступимъ, утративъ послѣднихъ моряковъ. Неужели же мы—каторжники, обреченные на смерть? Да вѣдь мы могли бы еще служить Россіи. Пошли насъ въ Николаевъ: тамъ изъ насъ пускай сформируютъ баталіоны, и мы еще постоимъ за себя;

или комплектуй нами полевую артиллерію. И все толковали въ этомъ родѣ, и я не могъ мысленно не согласиться съ ними. На центральной батареѣ познакомился съ капитаномъ 1-го ранга Барановскимъ: онъ командуетъ всѣми маячными батареями. Старичокъ почтенный, съ здравымъ смысломъ, но большой говорунъ и морякъ отъ ногъ до головы. Разумѣется, разсуждая о войнѣ настоящей, оправдываетъ всѣ дѣйствія Меншикова и осуждаетъ теперешнія. 27-го числа онъ два раза доносилъ записками, что непріятель собирается въ большихъ силахъ и готовится на „ура!"; но мѣръ по этому извѣщенію никакихъ не взято, такъ что непріятель почти безъ выстрѣла вскочилъ на Малаховъ курганъ. Вообще, на счетъ штурма никакихъ распоряженій сдѣлано не было. Пришибли Хрулева, и войска его остались безъ предводителя. Между тѣмъ какъ надо было распорядиться, что если убьютъ Хрулева, то его мѣсто занимаетъ такой-то, а если падетъ и этотъ, то такой-то, и всѣмъ имъ дать подробную инструкцію, какъ дѣйствовать оборонительно и наступательно. Старику не нравится и Тотлебенъ за то, что строилъ передовыя укрѣпленія съ закрытыми горжами. Это правда: ошибка была большая со стороны инженеровъ—строить передовыя укрѣпленія съ горжами, о чемъ я слышалъ не отъ одного Барановскаго. Недоволенъ также старикъ, зачѣмъ не позволили 4-го августа Хрулеву сдѣлать усиленную вылазку. Всѣ траншеи непріятельскія противъ города были пустыя, оставались только артиллеристы при орудіяхъ, о чемъ онъ также доносилъ главнокомандующему. Вообще, какъ извѣстно, всѣ распоряженія наши, такъ сказать, сухопутныя, моряки осуждаютъ. Имъ не нравится также и наша полевая артиллерія, тогда какъ сами они, по части артиллерійской, никуда не годятся. Правда, нѣкоторые изъ нихъ приловчились къ своимъ орудіямъ и изъ нихъ стрѣляютъ довольно вѣрно, но не въ томъ—искусство артиллериста, чтобъ попасть въ цѣль; надо знать, *когда* попасть и въ какую *именно* *цѣль* попасть, а объ этомъ гг. моряки и понятія не имѣютъ. Но, не взирая на все это, я люблю моряковъ, всѣ они народъ энергическій, и много въ нихъ патріотизма: это вѣрные сыны Россіи.

Съ извѣстіемъ о 27-мъ числѣ поскакалъ въ Петербургъ князь Анатолій Барятинскій.

Сейчасъ былъ у меня Шейдеманъ. Многіе говорятъ о немъ, что онъ, дѣйствительно, тогда только былъ молодцомъ, когда начальство смотрѣло на него. Вглядываясь въ него, и я убѣждаюсь все болѣе и болѣе, что онъ человѣкъ мягкій и добрый, но шарлатанъ и любитъ выставлять себя на первомъ планѣ; при томъ пустой и едва-ли распорядительный. Кажется, его такъ понимаютъ и въ нашемъ управленіи.

30-го августа.

Вчера цѣлую ночь Севастополь былъ въ пламени и сегодня днемъ горитъ, но огня не видать; виденъ только одинъ дымъ. Одно изъ лучшихъ зданій города это—библіотека, и она сдѣлалась жертвою пламени. Въ одной изъ ея залъ стояла чудная модель корабля—„Двѣнадцать Апостоловъ“;—теперь и этой модели также уже нѣтъ.

За мостъ русская армія должна провозгласить Бухмейеру громкое и большое спасибо. Какъ бы дорого мостъ этотъ намъ ни обошелся, но онъ вполнѣ окупился тѣмъ, что спасъ гарнизонъ Севастопольскій. Не будь моста, Богъ знаетъ, что̀ бы случилось съ нашими защитниками Севастополя; весьма немногіе только успѣли бы переѣхать чрезъ рейдъ на транспортныхъ судахъ; остальные всѣ или легли бы костями, или живьемъ попались бы въ плѣнъ.

Во время штурма, говорятъ, графа Сакена на оборонительной линіи не видали. Между тѣмъ какъ присутствіе его, особенно на Малаховомъ курганѣ, послѣ того какъ ранили тамъ Хрулева, было бы необходимо.

Сегодня—царскій день. Послѣ обѣдни главная квартира наша огласилась салютаціонными выстрѣлами. Вѣроятно, былъ и разводъ съ церемоніей и церковный парадъ, но я цѣлое утро не выходилъ изъ палатки отъ чрезмѣрной усталости послѣ вчерашняго вояжа.

О числѣ убитыхъ и раненыхъ 27-го числа до сихъ поръ еще свѣдѣнія не собраны. Но, прислушиваясь къ общимъ толкамъ, должно быть болѣе 10 т.; однихъ раненыхъ, говорятъ, 6.500 человѣкъ. Иначе и быть не можетъ: наши дрались подъ такимъ страшнымъ огнемъ. Сегодня познакомился съ полк. Козляниновымъ, начальникомъ штаба 4-го пѣх. корпуса. Онъ говоритъ, что зналъ меня въ Петербургѣ, но я его рѣшительно не помню; съ братомъ же его, который командовалъ Уланскимъ полкомъ, въ картишки поигрывалъ. За обѣдомъ у дѣдушки Козляниновъ много разсказывалъ о необыкновенной стойкости нашихъ солдатъ. Одинъ плѣнный французскій офицеръ, когда спросили у него—каковы наши солдаты, отвѣчалъ: „Oh! ils sont braves, mais ils n'ont pas de l' intelligence“.

31-го августа.

Обвиняли графа Сакена, что онъ рѣдко показывался на оборонительной линіи, но обвиненіе это безъ смысла. Главный начальникъ безъ крайней надобности выставлять себя лишенію не долженъ. Но когда отъ присутствія его рѣшается участь боя,—быть или не быть; когда, какъ напримѣръ послѣ раны Хрулева, на Малаховомъ курганѣ, рѣшался вопросъ: быть или не быть Севастополю, нѣтъ

сомнѣнія, что Сакенъ долженъ былъ туда поѣхать. Теперь болѣе и болѣе объясняется, что войска наши не отстояли Малаховъ курганъ потому только, что остались безъ предводителя. Хрулевъ прискакалъ тогда, когда уже наши отступали; онъ тотчасъ же съ однимъ полкомъ бросился къ горкѣ, но тутъ его ранило, и полкъ отступилъ. Послѣ Хрулева некому уже было вновь вести полки на отбитіе кургана. Просили нѣкоторые частные начальники подкрѣпленій, но ихъ не прислали; да и посылать съ донесеніемъ къ Сакену было далеко, съ кургана на Николаевскія казармы; пока посланный возвращался, уже обстоятельства измѣнялись. Разсказываютъ также, что предварительныхъ распоряженій на счетъ штурма рѣшительно никакихъ сдѣлано не было, а потому и немудрено, что французы успѣли вскочить на курганъ, такъ сказать, внезапно. Въ часу 12-мъ телеграфъ далъ знать Сакену, что штурмовыя колонны двигаются уже на 2-й бастіонъ; знаки телеграфическіе не поняли въ Николаевскихъ казармахъ, а потому и приказано было Оболенскому, который везъ въ главную квартиру разные конверты, мимоѣздомъ заѣхать на телеграфъ и тамъ узнать, что означаютъ ихъ знаки? Разумѣется, пока вернулся съ отвѣтомъ Оболенскій, штурмъ уже былъ въ полномъ разгарѣ. Прислушиваясь ко всѣмъ подобнымъ толкамъ, невыразимо становится грустно, что мы обречены на самыя тяжкія пораженія единственно отъ недоразумѣній и разныхъ глупостей. Грустно! Меньшой братъ Ростовцева, Михаилъ Яковлевичъ, адъютантъ военнаго министра, пріѣхалъ въ главную квартиру. Подъ наблюденіемъ его идутъ транспорты съ порохомъ и снарядами. Утромъ я зашелъ къ нимъ. Сегодня оба они очень мнѣ обрадовались и обошлись со мною, какъ съ роднымъ. Кажется, напрасно, претендовалъ я и на старшаго Ростовцева. Если онъ не былъ у меня, то, навѣрное, безнамѣренно манкировалъ предо мною.

Риттера еще не похоронили. Тѣло его везутъ въ Россію. Узналъ объ этомъ нечаянно отъ брата Риттера, гусарскаго офицера. Разумѣется, я тотчасъ же зашелъ въ палатку и помолился у гроба покойника.

1-го сентября.

Главнокомандующій отдалъ приказъ по арміи, № 571, о послѣднемъ боѣ 27-го августа. Приказъ написанъ превосходно; но, къ сожалѣнію, для понятій солдатъ недоступенъ; да и всѣ ли офицеры прочитаютъ и поймутъ его.

Цѣлое утро пробылъ на Бельбекѣ, въ подвижномъ № 3 госпиталѣ, гдѣ дано мнѣ порученіе лично повидаться съ артиллерійскими офицерами, ранеными 27-го числа въ Севастополѣ, узнать отъ нихъ объ

ихъ нуждахъ и чего желаютъ они для себя, или для родныхъ своихъ. Какъ я и ожидалъ, въ госпиталѣ царствуетъ самый ужасный безпорядокъ; не только недостатокъ въ медикахъ и фельдшерахъ, но даже и въ прислугѣ. Больные и раненые лежатъ въ палаткахъ, и иные въ обыкновенныхъ офицерскихъ, а другіе—въ большихъ госпитальныхъ палаткахъ, гдѣ устанавливается отъ 20 до 30 коекъ. Въ этихъ послѣднихъ—духота, вонь отъ гніющихъ ранъ и стонъ страдальцевъ наводятъ самое непріятное впечатлѣніе. Неудивительно, что немногіе изъ раненыхъ выздоравливаютъ. И здоровый, при такихъ условіяхъ, не выживетъ. Одинъ бѣдный молодой офицеръ, съ отнятыми обѣими ногами выше колѣнъ, поднялся немного съ подушки, ухватясь обѣими руками за голову денщика, и такъ стоналъ страдальчески, что безъ ужаса не могъ я смотрѣть на него; денщикъ же, въ согбенномъ положеніи, вытянувъ шею, стоялъ неподвижно надъ страдальцемъ, и потъ градомъ катилъ съ лица его. И сколько такихъ сценъ! А по ночамъ, воображаю, что бываетъ. Какое впечатлѣніе на другихъ раненыхъ! Въ маленькихъ палаткахъ, гдѣ размѣщено по одному или много по два офицера, воздухъ чище и свидѣтелей подобныхъ сценъ нѣтъ, но зато другое неудобство—одинокое положеніе и чаще, чѣмъ въ большихъ палаткахъ, недостатокъ въ присмотрѣ и въ пособіи; въ большихъ палаткахъ снуютъ чаще и медики, и фельдшера, и сестры, а въ маленькую развѣ изрѣдка кто-нибудь завернетъ. Между нашими ранеными лежатъ и раненые офицеры французскіе. Уходъ за ними такой же, какой и за нашими; разницы никакой. Нѣкоторые изъ офицеровъ французскихъ съ замѣчательными физіономіями; ихъ тотчасъ можно отличить отъ нашихъ офицеровъ по густымъ, окладистымъ бородамъ. Одинъ изъ французовъ стоялъ на ногахъ, въ красныхъ штанахъ, въ сюртукѣ съ желтымъ воротникомъ и въ нашей егерской офицерской фуражкѣ; вѣрно свою, затерялъ; но этотъ господинъ былъ не казистъ.

Въ конторѣ госпиталя никакого толку я добиться не могъ. Никто не могъ не только указать мнѣ палатки, гдѣ лежатъ раненые офицеры артиллерійскіе, но даже сказать, сколько ихъ пользуется въ госпиталѣ. Суматоха и безпорядокъ ужасные. Оно иначе и быть не могло, когда вдругъ въ нѣсколько часовъ явилось въ арміи болѣе 6.500 раненыхъ. Вѣдь надобно же прежде успокоить ихъ, а потомъ уже приняться за составленіе списковъ, вѣдомостей и т. п. Нечего дѣлать, пришлось самому шнырять изъ палатки въ палатку и отыскивать артиллеристовъ. Нѣкоторые просятъ денегъ, а бо́льшая часть тоскуетъ о томъ, что не выходятъ имъ награды по представленіямъ за прежнія дѣла. Всѣ просьбы ихъ обстоятельно я записалъ и доложилъ о нихъ Крыжановскому. Но, какъ на Бельбекѣ оказалось весьма немного офицеровъ нашихъ раненыхъ, то и поручено мнѣ для отъ-

исканія другихъ, объѣхать госпитали въ Дуванкѣ, Бахчисараѣ и Симферополѣ. Завтра съ разсвѣтомъ отправляюсь.

Непріятель еще со вчерашняго дня началъ попуковать по Сѣверной сторонѣ изъ маркелъ, наши пока еще молчатъ. Но по возвращеніи, вѣроятно, бой на рейдѣ найду уже я въ полномъ разгарѣ. Начинаютъ поговаривать, что главная квартира снимется съ позиціи на Инкерманскихъ высотахъ, но куда направится? Неизвѣстно. Слухи носятся, что въ Бахчисарай.

6-го сентября.

Въ мирное время, безъ сомнѣнія, Симферополь представляетъ всѣ удобства для жизни; но теперь исключительно наполненъ онъ ранеными и больными. Всѣ главнѣйшія зданія обращены подъ лазареты. Всего больныхъ до 13 т.; страшная цыфра! Содержаніе ихъ въ иной мѣсяцъ обходится до 70 т.; р. Начальство ничего не жалѣетъ для успокоенія и призрѣнія ихъ; но, къ сожалѣнію, порядка въ госпитальномъ управленіи никакого: хаосъ страшный. Да и какъ одному смотрителю управиться съ 13 т. больныхъ. При его занятіяхъ по конторѣ, онъ едва-ли въ недѣлю одинъ разъ можетъ навѣстить всѣхъ больныхъ. Однихъ офицеровъ больныхъ и раненыхъ, которые размѣщены въ разныхъ домахъ, болѣе 300 человѣкъ. Огромные транспорты раненыхъ, изъ 1.000 и изъ 2.000 человѣкъ, безпрестанно то прибываютъ, то выбываютъ изъ города. Смертность ежедневная — среднимъ числомъ съ небольшимъ сто человѣкъ. Сердобольныхъ вдовъ 140, но пользы отъ нихъ почти никакой: на каждую изъ нихъ приходится до 100 больныхъ, а потому онѣ и успѣваютъ только поить ихъ чаемъ. Къ тому жъ, какъ говорятъ, многія изъ нихъ и не совсѣмъ сердобольныя: любятъ мірское. Начальница ихъ—какая-то Разпопова, Наталья Петровна; говорятъ—женщина бойкая и умная; приняла было въ свои руки все управленіе госпитальное и закидала бумагами контору. Въ одной бумагѣ за нумеромъ сообщаетъ о замѣченныхъ безпорядкахъ въ госпиталѣ и, между прочимъ, выразилась такъ: „Сначала я указывала, потомъ просила, теперь требую; но если и за симъ безпорядки не устранятся, то я поставлена буду въ непріятную для меня обязанность довесть о нихъ до свѣдѣнія ея императорскаго высочества“. Но теперь, какъ я слышалъ, ее немного угомонили, и она уже съ подобными грозными посланіями не относится болѣе въ контору.

Ходя по госпиталю, между прочимъ, наткнулся я на слѣдующій разговоръ двухъ раненыхъ солдатъ.—„А когда будетъ замиріе?“—спрашиваетъ одинъ у другаго.—„Когда? Да пока не перебьютъ всѣхъ Николаевскихъ, замирія не будетъ; развѣ замирятся уже съ Александровскими“.

Въ главной квартирѣ ждутъ и готовятся на кровопролитные бои. Сдѣлано уже распоряженіе, чтобъ всѣ управленія отправились къ Бахчисараю, а при главнокомандующемъ остались бы только главные начальники съ адъютантами и небольшимъ числомъ писарей, но гдѣ именно будетъ главнокомандующій — еще неизвѣстно. 4-го сентября отданъ приказъ № 58800, чтобъ на занятой нами позиціи держаться донельзя и чтобъ объ отступленіи и не думали. Войска сегодня стали уже стягиваться къ Черной рѣчкѣ, къ Чоргуну; тамъ, повидимому, зашевелились уже союзники. Но, мнѣ сдается, не шутка ли это со стороны г. Пелисье, чтобъ заставить оттянуть наши силы отъ моря и дать тѣмъ ему возможность десанта на Качи, для нападенія съ тылу на Сѣверную сторону Севастополя. Скоро, скоро все объяснится, а безъ страшной рѣзни не обойдется. Не хорошо только то, что армія наша деморализована; не говоря уже объ офицерахъ,—солдаты получили убѣжденіе, что француза не одолѣть имъ, а это худо.

Поповъ разсказывалъ, будто бы вчера, когда главнокомандующій сидѣлъ у музыки, какой-то армейскій пьяный офицеръ подошелъ къ нему, потрепалъ его по плечу и сказалъ: „Ну, князь, опять хочешь подраться съ французомъ. Подеремся, подеремся“. Разумѣется, этого дерзкаго тотчасъ же схватили и припрятали. Что-то съ нимъ сдѣлаютъ?

Главнокомандующій каждый день навѣщаетъ Крыжановскаго и сегодня былъ два раза у него.

Говорятъ, что его высочество Константинъ Николаевичъ въ Николаевѣ. Государь императоръ сегодня также изволитъ прибыть туда. Всѣ курьеры теперь направляются въ Николаевъ.

7-го сентября.

Выходитъ, союзники не располагаютъ выжить насъ съ Сѣверной стороны бомбардированіемъ. Хотя по батареямъ нашимъ и стрѣляютъ, но изрѣдка и слабо. Всѣ тяжести артиллерійскія перевозятся въ Симферополь.

Въ Симферополѣ видѣлъ Володю Г—на. Мѣшокъ настоящій: неуклюжій, неповоротливый и неловкій. Какъ это отъ такого граціознаго человѣка, какъ Илья Ивановичъ—могли родиться такіе медвѣжата. И страннымъ случаемъ наткнулся я на Г—на. Въ лавкахъ, гдѣ я былъ, проходилъ какой-то изувѣченный армейскій офицеръ, на костыляхъ, блѣдный и измученный отъ страданій; при томъ въ поношенной шинелишкѣ и въ засаленной фуражкѣ. Сталъ онъ торговать кисетъ для табака и жалобно упрашивалъ, чтобы купецъ уступилъ ему этотъ кисетъ за 45 коп., между тѣмъ какъ запросили съ него 60 коп. Нѣсколько разъ то выходилъ онъ изъ лавки, то снова

приходилъ, и все торговался изъ-за 15 коп., видно было, что кисеть ему былъ необходимъ, а 15 к. не доставало. Въ это время какой-то офицеръ ополченія шепнулъ купцу, чтобы онъ отдалъ офицеру кисеть за 45 к., а что остальныя 15 коп. онъ самъ ему заплатитъ.—И это было сдѣлано такъ просто, по внушенію добраго сердца, что я тотчасъ же подошелъ къ ополченцу, пожалъ ему руку и поблагодарилъ его за его милый и добрый поступокъ. Оказалось, что ополченецъ—нашъ братъ путивлянинъ и меня знаетъ по наслышкѣ; я разговорился съ нимъ, и онъ вызвался проводить меня къ Г—ну. Досадно, что я не запомнилъ фамилію этого добраго человѣка.—Иногда и небольшое одолженіе, сдѣланное безъ разсчета, а по внушенію только добраго сердца, выше самыхъ громкихъ пожертвованій...

Въ подробномъ донесеніи нашего главнокомандующаго неуспѣхъ дѣла на Черной падаетъ на покойнаго Реада, который, вопреки диспозиціи, безъ приказанія спустился въ долину и атаковалъ непріятеля; но что могло побудить Реада на такое дѣйствіе, главнокомандующій узнать не могъ, ибо вскорѣ за симъ какъ Реадъ, такъ и начальники штаба его были убиты.

Въ главной квартирѣ много толкуютъ о настоящемъ положеніи нашемъ, и всѣ того мнѣнія, что оно незавидное; хуже, чѣмъ было прежде, когда Севастополь удерживалъ подъ своими стѣнами главныя силы непріятельскія. Теперь же руки у нихъ развязаны, и они навѣрное предпримутъ какія-либо дѣйствія рѣшительныя. Нашъ солдатъ умѣетъ только молодецки умирать, но другихъ качествъ, сравнительно съ французскимъ солдатомъ, никакихъ ровно не имѣетъ; при томъ въ настоящее время и деморализированъ.

Кажется, рѣшено, что завтра главная квартира переходитъ въ Бахчисарай. Да и пора; сегодня цѣлый день проливной дождь. Палатка вся въ водѣ, и вся промокла. Охъ, не хорошо!

8-го сентября.

Сегодня годовщина Альмской битвы.

Погода прекрасная: дождь, холодъ, сырость, грязь. И въ лѣтніе, ясные дни — главная квартира отличалась скукою и монотонностію, а теперь, просто, такая тоска и унынie, что хоть застрѣлиться.

По Сѣверной сторонѣ непріятель стрѣлять продолжаетъ: одна ракета попала въ кучу рабочихъ и пятерыхъ изъ нихъ израсходовала. А наши батареи молчатъ по-прежнему. По крайней мѣрѣ, и то хорошо, что стали на батареяхъ устраивать блиндажи: лучше позже, чѣмъ никогда. Для присмотра за устройствомъ блиндажей командированъ былъ сегодня Мессингъ.

Переходъ главной квартиры въ Бахчисарай день ото дня откладывается: все завтра, да завтра.

Сегодня Крыжановскій спросилъ меня: имѣю ли я Анну на шею? Значитъ, хотятъ повѣсить эту игрушку за 4-е августа. Спасибо и за это. По крайней мѣрѣ, по полученіи награды, не можетъ уже встрѣтиться затрудненія въ полученіи какого-либо назначенія, если только захотятъ мнѣ его дать. Единственная цѣль моя — получить какое-либо постоянное мѣсто по управленію. Этимъ и должна ограничиться вся моя карьера; служить же во фронтѣ я не могу: силы нѣтъ.

М—въ, какъ прежде, такъ и теперь, мнѣ не нравится; это канцелярскій чиновникъ — de la plus pire espèce. Онъ чрезчуръ подобострастенъ къ тѣмъ, отъ кого зависитъ или можетъ что-нибудь выиграть, и чрезчуръ холоденъ къ личностямъ, не имѣющимъ служебнаго значенія. Даже П—ву, этому ничтожному и глупому созданію, онъ угождаетъ, быть можетъ потому, что къ П—ву чрезчуръ снисходителенъ Ушаковъ. Вотъ причина, почему М—въ, во всю свою службу, не пріобрѣлъ уваженія людей самостоятельныхъ, а вѣчно окруженъ былъ какими-нибудь Сок—ми, да П—ми. Не даромъ онъ и рыжій.

Встрѣтился съ Заливкинымъ. Я было и не узналъ его, такъ онъ постарѣлъ: весь сѣдой, какъ лунь. По словамъ его, онъ посѣдѣлъ на оборонительной линіи, гдѣ пробылъ д е в я т ь мѣсяцевъ сряду. Много говорилъ онъ мнѣ объ оборонѣ Севастополя, но такъ какъ я стоялъ противъ вѣтра, то почти ничего не могъ слышать; при томъ онъ и тихо говоритъ. Одно только я разслышалъ, и если это правда, то дорого обошлась намъ оборона: одни редуты — Камчатскій, Волынскій и Селенгинскій — стоили намъ 25 тыс. людей.

9-го сентября.

Офицера, который слишкомъ фамильярно обошелся съ главнокомандующимъ, отпустили безъ дальнѣйшаго взысканія: приказано только наблюдать за нимъ построже. И сегодня ничего не извѣстно: переходитъ ли главная квартира въ Бахчисарай?—Но генералъ-полицеймейстеръ уже тамъ—для распредѣленія квартиръ.

Говорятъ, что при отбитіи послѣдняго штурма, — когда ранили Хрулева, хотѣли послать на мѣсто его Вранкена, но цѣлый часъ не могли отъискать его; между тѣмъ, подвернулся на глаза Мартинау, и его послали, за что̀ онъ и заплатилъ рукою.

На Малаховомъ курганѣ непріятель выставилъ флагъ и поставилъ телескопъ.—Въ городѣ еще никого не показывается.—Шейдеманъ назначенъ начальникомъ праваго фланга укрѣпленій на Сѣвер-

ной сторонѣ, и самъ живетъ въ Сѣверномъ укрѣпленіи, въ квартирѣ Ползикова.

Чѣмъ болѣе вглядываюсь я въ Крыжановскаго, тѣмъ болѣе уважаю его. Онъ чистъ душою, благороденъ, самоотверженъ, справедливъ, и во всѣхъ дѣйствіяхъ его—ни малѣйшей хитросплетенности. Дай Богъ, чтобы онъ вышелъ цѣлъ и невредимъ изъ настоящей борьбы. Въ будущемъ, для артиллеріи,—онъ принесетъ много пользы. Главнокомандующій цѣнитъ его и вполнѣ ему довѣряетъ. Да и вообще вся главная квартира съ уваженіемъ смотритъ на этого свѣдущаго, способнаго, усерднаго и умнаго начальника штаба, или, вѣрнѣе, начальника артиллеріи, потому что дѣдушка ровно ничего не значитъ и ничего не вѣдаетъ; любовался только по вечерамъ полетомъ бомбъ и ракетъ, летавшихъ въ Севастополѣ, а теперь, съ паденіемъ Севастополя, лишился и этого удовольствія, какъ самъ онъ мнѣ недавно сказалъ. Но онъ, повидимому, — старикъ добрый, хотя и пустой.

11-го сентября.

Наконецъ я въ Бахчисараѣ, подъ крышею, въ комнатѣ; но главная квартира еще осталась на позиціи; уѣхалъ же я съ Инкерманскихъ высотъ подъ предлогомъ завернуть въ 21-ю батарею, такъ какъ тамъ осталась у меня лошадь и часть вещей. Вояжъ совершилъ я верхомъ, и довольно пріятно. Съ 9-го на 10-е число ночевалъ въ Дуванкѣ, у Володковича. Старикъ внимателенъ ко мнѣ донельзя; не только накормилъ моихъ лошадей, но даже на дорогу велѣлъ положить въ мою бричку четверть овса. Въ теперешнее время, когда фуражъ едва-ли не покупается на вѣсъ золота, нельзя не цѣнить такую щедрую обязательность.

Напившись чаю, отправились мы къ Костандулякѣ и проговорили съ нимъ цѣлый вечеръ. Этому—пальца въ зубы не клади: настоящій грекъ: хитрый и умный, а, при томъ, какъ замѣтно, и образованный человѣкъ. Разумѣется, сначала шелъ разговоръ о настоящихъ событіяхъ. Костандуляки полагаетъ, что, овладѣвъ Севастополемъ и истребивъ нашъ флотъ, непріятель достигъ своей цѣли и теперь едва-ли рѣшится на какія-либо серьезныя предпріятія: онъ пойметъ, какъ опасно доводить врага до послѣдняго отчаянія; къ тому же, всякое предпріятіе во внутрь края и опасно для него самого. Дарданеллы въ рукахъ французовъ и англичанъ, и они не оставятъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не вырвутъ отъ Россіи обязательства — не имѣть на Черномъ морѣ ни одного военнаго порта и корабля. Съ другой стороны, владѣя Чернымъ, Азовскимъ и Сивашемъ или Гнилымъ морями, непріятель, не предпринимая никакихъ рѣшительныхъ опе-

раціи на сушѣ, можетъ безнаказанно жечь и истреблять наши придверья отъ Утлоцкаго лимана до Перекопа, отъ Перекопа до Керчи,— отъ Керчи до маяка Херсонесскаго и до самыхъ устьевъ Дуная. И для этого не надо ему громадныхъ флотовъ: достаточно двухъ или трехъ пароходовъ, чтобы зажечь наши запасы и склады на любомъ пунктѣ. Между тѣмъ, какъ мы не имѣемъ никакой возможности препятствовать подобнымъ дѣйствіямъ. Какъ безнаказанно заняли они Керчь и Ѳеодосію, такъ точно могутъ они занять и всякій другой пунктъ на Крымскомъ полуостровѣ.

Взятіе Севастополя для Наполеона III то же, что для дяди его— Маренго. Теперь значеніе въ Европѣ французскаго императора велико. О томъ, что онъ величайшій геній нашего времени, и спору быть не можетъ. Дѣла его едва-ли не изумительнѣе дѣлъ дѣда Покойникъ овладѣлъ престоломъ послѣ ряда побѣдъ, вырвавъ Францію изъ когтей анархіи, устроивъ ея финансы, внутреннее управленіе, и при томъ въ такое время, когда французамъ сильно опротивѣла гидра революціонная; — тогда какъ племянникъ явился среди Парижа при самомъ разгарѣ февральской революціи, не запятнанной кровью и сулившей Франціи великія блага, — явился безъ всякихъ заслугъ и правъ на народную признательность, и если извѣстный Европѣ, то только по двумъ дурачествамъ — въ Страсбургѣ и Булони, и этотъ человѣкъ такъ ловко умѣлъ задушить республику и сѣсть на престолъ императорскій. Чей подвигъ изумительнѣе, дѣда или племянника?

Какъ часто смерть постигаетъ человѣка или слишкомъ рано, или слишкомъ поздно. Умри нашъ государь тотчасъ послѣ венгерской кампаніи, и въ мнѣніи современниковъ остался бы онъ великимъ диктаторомъ Европы, по голосу котораго плясало все и всѣ на материкѣ; въ февралѣ же 1855 года, когда насталъ послѣдній часъ его, не только Австрія и Пруссія, но даже и самое послѣднее герцогство или курфюршество—въ Германіи—заговорили съ нами какъ равный съ равнымъ.

Говорятъ, сложена новая пѣсенка на 4-е августа. Между прочимъ, въ ней баронъ Вревскій оченно проситъ князя—взять горы, чтобы не было съ французомъ ссоры; князь посылаетъ Липранди, а онъ говоритъ: „атанде, я не пойду: для этого ума не надо, пошлите генерала Реада, а я посмотрю“. И въ такомъ родѣ написана вся пѣсня.

Много любопытнаго разсказывалъ Костандуляки о Варшавѣ, о фельдмаршалѣ, о съѣздахъ въ замокъ, объ обществахъ — польскомъ и русскомъ, о паденіи фельдмаршала, о его добрыхъ качествахъ и о лицахъ, которыя его окружали. Замѣтно, что этотъ грекъ — пре-

наблюдательный и хорошо видитъ то, что дѣлается вокругъ его. Я съ большимъ удовольствіемъ проговорилъ съ нимъ нѣсколько часовъ сряду. Между прочимъ, вспомнили и о томъ, что получено изъ главной квартиры распоряженіе, чтобы войска, на занятыхъ ими позиціяхъ, устраивали себѣ землянки на зиму, для чего приказано гражданскому вѣдомству отвести лѣсныя дачи.—„Вѣрьте“, — сказалъ при этомъ, смѣючись, Костандуляки, — „что подобное распоряженіе надо понимать не въ томъ смыслѣ, что мы здѣсь зазимуемъ, но въ томъ, что если не сегодня, то завтра, получимъ предписаніе—перейти на другую позицію“. Мы всѣ засмѣялись, а, между прочимъ, Костандуляки отгадалъ. Предъ разсвѣтомъ насъ разбудили. Казакъ прискакалъ съ приказаніемъ—немедленно отряду присоединиться къ Евпаторійскому отряду, за исключеніемъ батареи Колобова, которому присоединиться ко 2-й драгунской дивизіи, на Бельбекѣ. Все засуетилось, и чрезъ часъ мѣсто, гдѣ толпились сотни людей, опустѣло: остались одни шалаши, да слѣды копытъ, гдѣ были растянуты коновязи. Подымутся вьюги, настанетъ грязь, и эти слѣды пропадутъ, какъ снѣгъ весною, или какъ дымъ отъ пожара Севастопольскаго. Всякое внезапное передвиженіе отрядовъ съ одного пункта на другой порождаетъ разные толки. Такъ и въ настоящемъ случаѣ заговорили, будто бы непріятель—въ значительныхъ силахъ вышелъ изъ Евпаторіи и сдѣлалъ усиленную рекогносцировку по направленію къ Перекопу, и будто бы къ Евпаторіи причалило до сорока транспортныхъ судовъ съ десантными войсками. Все это весьма вѣроятно. Если допустить, дѣйствительно, что непріятель рѣшается ударить на наши сообщенія, то ему удобнѣе сдѣлать это изъ Евпаторіи, нежели изъ долины Байдарской, предъ которой онъ встрѣтитъ скалы и ущелья едва проходимыя.

12-го сентября.

27-го августа, въ день отраженія штурма, мнѣ приказано было, разставивъ орудія за земляными укрѣпленіями, прорѣзать для нихъ амбразуры, а для тѣхъ, которымъ придется стрѣлять чрезъ банкъ, если встрѣтится надобность, то понизить или возвысить банкъ, для чего и вытребовалъ рабочихъ отъ Бухмейера. Я нашелъ его у моста, и когда сталъ просить рабочихъ, то онъ очень мило отвѣчалъ мнѣ, что самъ нуждается въ людяхъ и что, если можно, то чтобы я обошелся своими людьми. Я и думалъ было это сдѣлать, но оказалось, что у нашихъ артиллеристовъ нѣтъ никакого инструмента:—ни кирки, ни лопатки. По неволѣ, пришлось во второй разъ отнестись къ Бухмейеру. Но въ это время начали уже летать на мостъ ядра и бомбы, и многихъ поизрасходовало. Нѣтъ сомнѣнія, что сцены эти

подѣйствовали съ непріятной стороны на Бухмейера, по крайней мѣрѣ, принялъ онъ меня запальчиво.—„Чего вы, полковникъ, опасаетесь“,—сказалъ онъ съ видимымъ неудовольствіемъ:—„когда вся наша армія впереди“?—Это меня взорвало.—„На счетъ меня, ваше превосходительство,—будьте спокойны“,—отвѣчалъ я, повысивъ голосъ:—„никогда я не опасался и теперь ничего не опасаюсь; но если обращаюсь къ вамъ, то этимъ исполняю волю главнокомандующаго“.—„Да у меня нѣтъ людей“.—„Такъ и прикажете доложить?“—„Да, такъ и доложите“.—Сначала я и полагалъ — поѣхать къ Крыжановскому и сказать ему, что Бухмейеръ не даетъ людей, но послѣ, раздумавъ, что это могло имѣть какія-либо непріятныя послѣдствія для миролюбиваго строителя мостовъ,—обратился къ ратникамъ, и они тотчасъ же пособили мнѣ прорѣзать шесть амбразуръ, а на одномъ укрѣпленіи понизить банкъ на цѣлыхъ полфута. И теперь я очень доволенъ, что самъ устроилъ дѣло, не оглашая его.

Главной квартиры все еще нѣтъ; но дежурство съ М—мымъ уже пришло; говорятъ, что и нашъ штабъ завтра будетъ. Пріѣдетъ ли Крыжановскій? А главнокомандующій, говорятъ, отправится на телѣжкѣ въ Зеленкой; кто же съ нимъ поѣдетъ по части артиллерійской? Крыжановскій боленъ; хорошо ли я сдѣлалъ, что въ это время уѣхалъ изъ главной квартиры? Впрочемъ, если бы я тамъ былъ нуженъ, то Крыжановскій всегда можетъ меня отсюда вытребовать.

Говорятъ, что не на шутку непріятель зашевелился въ Евпаторіи: много высаживалось тамъ войскъ. Но и противъ Макензіевской горы французы также пошаливаютъ: тамъ два раза завязывалась ружейная перестрѣлка. Татары — подлецы; служатъ французамъ проводниками. Въ одной татарской деревнѣ съѣхалось два французскихъ офицера и нѣсколько нашихъ—за провизіей; но такъ какъ нашихъ было болѣе, то французы и сдались въ плѣнъ, ихъ доставили въ главную квартиру вчера. Вотъ всѣ новости, которыя дошли сегодня до меня.

Утромъ поѣхалъ я полюбоваться на Успенскій Бахчисарайскій монастырь. Просто чудо изъ чудесъ. Самая дорога, которая ведетъ къ монастырю, поражаетъ величественными видами. Онъ стоитъ отъ города не болѣе какъ въ двухъ съ половиною верстахъ, и дорога къ нему ведетъ по ущелью, опоясанному съ обѣихъ сторонъ громадными каменными утесами. Въ одномъ изъ этихъ утесовъ высѣченъ храмъ Успенія Божіей Матери, и лѣстницы, ведущія къ нему, также высѣчены внутри утеса. По сторонамъ, немного ниже храма, вытесаны въ утесѣ кельи. Видишь, и глазамъ не вѣришь. Особенно поразительно, когда смотришь на монастырь съ покатости противоположнаго утеса: лѣстницъ не видать, потому, что онѣ высѣчены внутри утеса, но галлереи деревянныя, и куполъ храма, какъ видно, при-

клеенъ къ скалѣ, возвышающейся вертикально надъ горизонтомъ отъ 150 до 200 саженей. Но, кажется, эта братья не голодаетъ, если судить по ихъ лицамъ: все такія свѣжія,—полныя, румяныя и сытыя.

На крутой покатости противоположнаго монастырю утеса—раскидано небольшое кладбище.

Долго таскался я по кладбищу и много передумалъ грустныхъ думъ.

Предъ выѣздомъ изъ монастыря породилъ я страшную драку. Двѣ нищія татарки, безобразныя и оборванныя, получивъ отъ меня двугривенный, чтобъ раздѣлить его между собою, сначала стали отнимать его одна отъ другой, а потомъ съ дикимъ остервенѣніемъ вцѣпились одна въ другую, словно двѣ тигрицы. Сколько ни усиливался, не могъ я разнять ихъ; наконецъ, долженъ былъ схватить нагайку и этимъ только средствомъ успѣлъ развесть враговъ. А драка была до крови. Пришлось самому у монаховъ размѣнять двугривенный, и поровну раздѣлить его между татарками, а не то,—пожалуй, одна другую бы на смерть убила.

13-го сентября.

Какъ много, подумаешь, при главной квартирѣ дармоѣдовъ—настоящіе баши-бузуки. Теперь большая часть ихъ толкается съ утра до вечера по Бахчисараю; нѣкоторые же отправились кавалькадой на горный берегъ. Маіоръ Ст—инъ такой же баши-бузукъ; онъ служитъ въ какомъ-то кавалерійскомъ полку, а числится при главной квартирѣ, не состоя ни при комъ. На этомъ основаніи, онъ и баклушничаетъ, гдѣ ему хочется; теперь, вотъ уже двѣ недѣли, какъ живетъ въ Бахчисараѣ ни при чемъ и ни при комъ, а между тѣмъ, получаетъ жалованье и, вѣроятно, и награды. Такой же баши-бузукъ и графъ Толстой, поручикъ артиллерійскій; онъ командуетъ двумя горными орудіями, но самъ таскается вездѣ, гдѣ ему заблагоразсудится; 4-го августа примкнулъ онъ ко мнѣ, но я не могъ употребить его пистолетиковъ въ дѣло, такъ какъ занималъ позицію батарейными орудіями; 27-го августа опять присталъ онъ ко мнѣ, но уже безъ своихъ горныхъ орудій; поэтому я и могъ, за недостаткомъ офицеровъ, поручить ему въ командованіе пять батарейныхъ орудій. По крайней мѣрѣ, изъ этого видно, что Т—ой порывается понюхать пороха, но только налетомъ, партизаномъ, устраняя отъ себя трудности и лишенія, сопряженныя съ войною. Онъ разъѣзжаетъ по разнымъ мѣстамъ туристомъ; но какъ только заслышитъ гдѣ выстрѣлъ, тотчасъ же является на полѣ брани; кончилось сраженіе,—онъ снова уѣзжаетъ по своему произволу, куда глаза глядятъ. Не всякому

удастся воевать такимъ пріятнымъ образомъ. Говорятъ про него также, будто онъ, отъ нечего дѣлать, и пѣсенки пописываетъ, и будто бы на 4-е августа пѣсенка его сочиненія.

Но настоящій патріотъ воинъ это—Орловъ, служащій въ какомъ-то пѣхотномъ полку. Онъ не получаетъ жалованья и отъ себя ежегодно на военныя издержки вноситъ по 15 т. р. с. При томъ служба его боевая. На Альмѣ пристрѣлили ему пулями обѣ ноги: не успѣлъ оправиться отъ этихъ ранъ, какъ съ костылемъ добрался до Севастополя и поступилъ въ ряды гарнизона; въ послѣднее же время, и теперь, состоитъ при Шейдеманѣ. Я его видѣлъ передъ отъѣздомъ изъ главной квартиры. Онъ еще молодой человѣкъ пріятной наружности, скромный и безъ малѣйшаго шарлатанства.

Изъ главной квартиры слуховъ никакихъ. Сегодня жена Крыжановскаго поѣхала туда, и я просилъ ее передать мужу, что я здѣсь и жду его приказаній. Она сегодня же должна возвратиться.

Квартира у меня—всего одна комната, но свѣтлая и опрятная; окна выходятъ въ садикъ. Въ Бахчисараѣ, кажется, нѣтъ дома безъ виноградныхъ лозъ. Со всѣхъ сторонъ виды чудные: громадныя горы подымаются до облаковъ. Природа здѣсь, по истинѣ, изумительная. Даже при нашемъ тревожномъ настроеніи духа, нельзя не восхищаться здѣшнею мѣстностью.

14-го сентября.

Вчерашнія мечты разомъ разлетѣлись, какъ сонъ. Не успѣлъ уснуть я, какъ въ часъ по полуночи прискакалъ ко мнѣ ординарецъ Крыжановскаго съ приказаніемъ отъ начальника артиллеріи—тотчасъ же отправляться на Инкерманскія высоты и явиться тамъ къ графу Сакену, при которомъ состоятъ по части артиллерійской. Не ожидалъ я такого сюрприза. Нечего дѣлать, надо было разстаться и съ теплою постелью, и съ удобною квартирою. Оставивъ людей съ экипажемъ, выѣхалъ я изъ Бахчисарая одинъ, верхомъ, ровно въ 3 часа по полудни. Какъ нарочно, пока я былъ въ городѣ, погода стояла чудесная, теплая и лѣтняя, но въ эту ночь легъ страшный туманъ и пошелъ дождь: все небо заволокло тучами. Къ довершенію мученія моего, лошадь, съ бѣльмами на глазахъ, всего боялась—и телѣги, и буйвола, и даже каменнаго забора, такъ что я, сколько ни бился, не могъ заставить ее подвигаться впередъ и, по грязи, принужденъ былъ идти пѣшкомъ, ведя лошадь въ поводу, и такимъ образомъ дошелъ я до Колобова, на Бельбекъ, болѣе десяти верстъ. Тамъ взялъ телѣгу и отправился на высоты. Дѣдушка очень мнѣ обрадовался, и самъ пошелъ со мною къ Сакену, но графъ насъ не принялъ, по случаю приключившейся ему болѣзни. Между тѣмъ, вся

главная квартира выступила въ Орту-Каралесъ, и я остался одинъ въ балаганѣ дѣдушки. Погода холодная, вѣтреная и сырая. И за чѣмъ прислали меня сюда, и что буду я здѣсь дѣлать, до сихъ поръ не знаю. Боже, дай мнѣ силы и крѣпость перенести всѣ эти пытки. Къ довершенію, я голодаю; нигдѣ не могли достать и фунта мяса. Цѣлый день питался однимъ хлѣбомъ, да чаемъ: люди также голодные. Но утѣшился нѣсколько тѣмъ только, что ко мнѣ въ балаганъ переѣхалъ Николай Ростовцевъ. Чѣмъ болѣе вглядываюсь я въ обоихъ братьевъ, тѣмъ болѣе восхищаюсь ими. Какіе рѣдкіе молодые люди! Меньшой, Михаилъ, отправился въ главную квартиру, а Николай остался при графѣ Сакенѣ. Я видѣлъ, какъ они прощались: сколько между ними нѣжности и братской привязанности. Особенно Михаилъ не могъ оторваться отъ объятій брата, и какъ нѣжно смотрѣлъ онъ на него, прощаясь съ нимъ, и какъ мило просилъ меня, чтобы я берегъ его. По истинѣ, во всѣхъ отношеніяхъ рѣдкіе молодые люди. Такихъ не часто встрѣтишь.

Крыжановскаго уже не засталъ; онъ еще вчера уѣхалъ въ Бахчисарай и оттуда отправится въ Орту-Каралесъ. Дѣдушка говорилъ, что меня назначили только на короткое время состоять при графѣ, и что это сдѣлалось по волѣ главнокомандующаго. Дай-то Богъ, чтобы это было такъ, а если придется зазимовать на этихъ проклятыхъ утесахъ, то просто карачунъ.

Michel Ростовцевъ поѣхалъ вмѣстѣ съ Бонтаномъ; фамилія французская, но онъ полякъ. Вотъ этотъ такъ настоящій баши-бузукъ; при томъ краснобай, судитъ и рядитъ обо всемъ и обо всѣхъ, и о себѣ говоритъ не дуракъ. Вообще, какъ видно, онъ болѣе доволенъ собою, чѣмъ другими. Но, говорятъ, подъ ядрами молодецъ.

15-го сентября.

Графъ Сакенъ (командующій 4-мъ пѣх. корп.) остался начальникомъ войскъ на Инкерманѣ и Сѣверной сторонѣ; Липранди на Мекензіевой горѣ, а Сухозанетъ, командиръ 2-го пѣх. корп., начальствуетъ надъ войсками лѣваго фланга нашей позиціи. Предполагается, что когда главнокомандующій изъ Орты-Каралесъ отправится въ Бахчисарай, то главноначальствующимъ надъ всѣми войсками на Инкерманѣ, Мекензіевой горѣ и далѣе останется графъ Сакенъ. Но это одно предположеніе, а у насъ, въ арміи, семь пятницъ на недѣлѣ: сегодня одно, а завтра другое. Я увѣренъ, что самъ главнокомандующій не знаетъ, что предприметъ наша армія,—если непріятель высадится въ Евпаторіи, или ударитъ на проломъ на занятыя нами позиціи. Все предоставлено случайности, а потому и такъ много неудачъ мы испы-

тываемъ. Всѣ эти неудачи, князь, по благородству своему, приписываетъ единственно своей несчастной планетѣ. „En fait d'astronomie— je ne connais que ma mauvaise étoile"—говоритъ онъ. Но что говорилъ Суворовъ о счастіи, то теперь можно сказать о несчастіи: „сегодня несчастіе, завтра несчастіе, да должно же быть когда-нибудь и неумѣнье". Какъ бы то ни было, но настоящее положеніе арміи нашей можетъ разыграться весьма нехорошо, если только непріятель предприметъ что-нибудь серьезное во внутрь края. Погода сегодня хотя и не дождливая, но холодная и вѣтреная. Наконецъ, обѣдъ мы отыскали на кухнѣ у графа Сакена. И обѣдъ былъ препорядочный. Утромъ заходилъ къ намъ Безакъ и Козляниновъ. Одинъ начальствуетъ артиллеріей въ 4-мъ пѣхотномъ корпусѣ, а другой исправляетъ должность начальника штаба у графа Сакена. Новостей пока никакихъ не слыхать. На Сѣверной сторонѣ или въ городѣ—пожаръ; судя по дыму, долженъ быть пребольшой.

16-го сентября.

У графа Сакена на Инкерманѣ и на Сѣверной сторонѣ всего три дивизіи: 11-я, 12-я и 15-я резервная. На промежуточной позиціи между Инкерманомъ и Мекензіевой горой стояли двѣ дивизіи, 4-я и 5-я, Шепелева и Вранкена, но вчера обѣ эти дивизіи направились на Альму, въ Кермень-Альму. Поговариваютъ, что и 11-ю дивизію потребуютъ на лѣвый флангъ, на присоединеніе къ войскамъ 3-го корпуса, Сухозанета.

Бомбардировка Сѣверной стороны вчера сильно усилилась. Бомбы и ракеты въ значительномъ количествѣ ложатся въ Сѣверное укрѣпленіе, такъ что всѣ начальники изъ этого укрѣпленія отъѣхали и поселились среди базара, въ землянкахъ и палаткахъ.

Положеніе мое самое неопредѣленное. Не имѣя никакого опредѣлительнаго повелѣнія ни отъ графа Сакена, ни отъ дѣдушки,—не могу я мѣшаться въ распоряженія по части артиллерійской, когда начальники здѣсь все генералы: Пихельштейнъ, Безакъ и Шейдеманъ. Да и моряки старше меня въ чинахъ. Надо сидѣть смирненько и ждать, чѣмъ разыграется такое курьезное мое назначеніе. Одно утѣшеніе, что я живу вмѣстѣ съ прекраснымъ и умнымъ, и образованнымъ, и деликатнымъ Н. Я. Ростовцевымъ. Въ бесѣдѣ съ нимъ и не вижу, какъ летитъ время. Вчера цѣлый вечеръ пробалакали мы съ нимъ о разныхъ матеріяхъ, важныхъ и неважныхъ: и о внутреннемъ управленіи Великобританіи, и о программахъ учебныхъ, и о философіи-математикѣ, и о настоящемъ вопросѣ восточномъ. Между прочимъ, слышалъ онъ отъ отца своего, какъ во дворцѣ разсказывала Плесси о встрѣчѣ ея съ Наполеономъ въ Лондонѣ, когда еще онъ

былъ изгнанникомъ, значитъ—прежде февральской революціи. Восхитившись ея игрою, онъ подарилъ ей съ руки своей бриллiантовый перстень, сказавъ при этомъ: „Въ настоящую пору болѣе подарить васъ не могу, но когда буду президентомъ во Франціи, вы обратитесь ко мнѣ, и тогда я буду имѣть возможность наградить васъ болѣе достойнымъ образомъ“. Этотъ случай, повидимому, ничтожный, между тѣмъ многозначителенъ. Во-первыхъ, изъ него видно, что февральская революція возгорѣлась не случайно и не безъ посредничества Наполеона; во-вторыхъ, будучи еще изгнанникомъ, онъ замышлялъ уже стать во главѣ республики. По словамъ Николая Яковлевича, отецъ его въ Петербургѣ имѣетъ много враговъ сильныхъ: хотятъ выставить его либераломъ. Меньшой Ростовцевъ сказалъ брату, чтобы онъ, въ письмахъ своихъ къ отцу, какъ можно былъ бы осторожнѣе. Все это весьма вѣроятно, но какъ жаль, что такой благодѣтельный для Россіи человѣкъ можетъ встрѣтить такихъ враговъ. Бибикова слушалъ Я. И. Говорятъ, онъ сильно хлопоталъ въ Государственномъ Совѣтѣ объ отмѣненіи заведенныхъ Бибиковымъ инвентарей, составилъ для сего особыя правила, опредѣляющія отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, и, достигнувъ сего, считаетъ себя совершенно счастливымъ. Но въ чемъ именно состоятъ эти правила, узнать я не могъ: во всякомъ случаѣ, я убѣжденъ, что они должны быть благодѣтельны и для крестьянъ, и для помѣщиковъ. Отъ такого государственнаго человѣка, какъ Я. И., Россія страдать не будетъ.

Много любопытнаго разсказывалъ мнѣ также Николай Яковлевичъ Ростовцевъ о плѣнныхъ. Между прочимъ, о бесѣдахъ ихъ съ нашими солдатами. Однажды наши стали допрашивать разными знаками и тѣлодвиженіями французскаго солдата: было ли ему холодно зимою въ траншеяхъ? Разумѣется, французъ, не понимая этихъ знаковъ, молчалъ... Тогда одинъ изъ нашихъ замѣтилъ, что онъ, быть можетъ, болѣе понимаетъ по-молдавански, чѣмъ по-русски, а какъ на молдаванскомъ языкѣ холодъ—„фрикъ“, то онъ и сталъ говорить французу: „А фрикъ у васъ, мусье, большой былъ?“ „Afrique, comment donc! Je connais ce pays“... и вслѣдъ за этимъ, скороговоркой пустился разсказывать про службу и кампанію въ Африкѣ. Солдаты же, слушая его болтовню, между собою переговаривали: „Вишь его, какой: по-русски не понимаетъ, а по-молдавански тотчасъ же понялъ“. Случай этотъ напомнилъ мнѣ, какъ одинъ персіянинъ разговаривалъ жестами съ нашимъ солдатомъ. Сначала персіянинъ поднялъ руку вверхъ, потомъ опустилъ внизъ; на это солдатъ поднялъ руку также вверхъ, потомъ поводилъ ею около себя и, наконецъ, опустилъ. Затѣмъ, персіянинъ показалъ одинъ палецъ, а солдатъ, въ отвѣтъ ему,—два. Персіянинъ удивился премудрости высокой русскаго солдата, и когда

стали его спрашивать—о чемъ посредствомъ жестовъ шла у нихъ рѣчь, то непріятель такъ объяснилъ ее: „Я сказалъ ему, указавъ рукою вверхъ и внизъ, что Богъ создалъ небо и землю; на это солдатъ отвѣчалъ мнѣ, указавъ рукою вверхъ, около себя и внизъ, что Богъ создалъ небо, людей и землю; когда же, показавъ ему одинъ палецъ, я хотѣлъ сказать этимъ, что Богъ у насъ одинъ, тогда указалъ онъ мнѣ два пальца, отвѣтивъ этимъ, что у насъ Богъ и Магометъ". Но когда стали спрашивать солдата: о чемъ онъ жестами толковалъ съ персіяниномъ, то солдатъ отвѣчалъ: „Онъ сказалъ мнѣ, указавъ рукою вверхъ и внизъ, что схватитъ нашего брата за волосы и броситъ на земь, а я на это отвѣчалъ, что самъ схвачу его за волосы, да потреплю малую толику, а тамъ уже и брошу на земь; потомъ онъ показалъ мнѣ шишъ, а я ему два".

По словамъ Николая Яковлевича Ростовцева, всѣ почти плѣнники и перебѣжчики, а особенно англичане,—такіе же мужики, какъ и наши солдаты. Французы только разговорчивѣе, но такъ же грубы и невѣжественны.

У Козлянинова, повидимому, немного голова закружилась. Или слишкомъ рано занялъ онъ мѣсто начальника штаба, или же оно вовсе не по немъ. Поэтому, едва-ли и можно ожидать отъ него какихъ-либо распоряженій дѣльныхъ.

Погода сегодня, благодаря Бога, прекрасная: и свѣтло, и тепло. Какіе скачки въ этомъ климатѣ: сегодня осенній холодъ, и грязно, и сыро, а завтра—ни одного облачка на небѣ, и тепло, и свѣтло. Поэтому и немудрено, что такъ много у насъ заболѣвающихъ.

Говорятъ, въ Южной бухтѣ, вмѣстѣ съ орудіями, топили и плѣнныхъ англичанъ,—такъ озлоблены были противъ непріятеля наши солдатики; когда же ихъ спрашивали, зачѣмъ это они дѣлаютъ, то они отвѣчали: „Да вѣдь свое добро топишь, ваше благородіе, для чего же чужое жалѣть?.."

На лѣвомъ флангѣ нашей позиціи, по направленію къ Юкаръ-Каралесъ,—сегодня была авангардная схватка, но чѣмъ она кончилась—не извѣстно: знаемъ только, что непріятель отступилъ. Въ то же время слышна была и у насъ ружейная пальба: у подошвы Мекензіевой горы казаки перестрѣливались съ отрядомъ непріятельскимъ. Вечеромъ пріѣзжалъ князь Ухтомскій изъ главной квартиры и говорилъ, что одновременно съ авангарднымъ дѣломъ въ окрестностяхъ Юкаръ-Каралесъ непріятель вышелъ изъ Евпаторіи, но и тамъ отброшенъ.

Генералъ-адъютантъ баронъ Ливенъ прибылъ въ главную квартиру. Онъ пользуется репутаціей, въ военномъ отношеніи, генерала дѣльнаго, умнаго и свѣдущаго. Не дастъ ли онъ какой-либо благой идеи главнокомандующему? Дай-то Богъ!

Сегодня, кажется, огонь орудійный меньше на Сѣверной сторонѣ, чѣмъ въ предъидущіе дни. Послѣ обѣда ѣздилъ на Литерныя батареи. Изъ всѣхъ этихъ батарей одна только Маячная во время осады Севастополя была подъ сильнымъ огнемъ. И теперь на ней и вокругъ нея валяются кучи ядеръ, бомбъ и осколковъ. Построена она на превосходномъ мѣстѣ, на обрывистомъ утесѣ: съ двухъ фасовъ обстрѣливаетъ теченіе Черной рѣчки, оба моста чрезъ рѣчку и всю долину ея,—съ третьяго же стрѣляетъ по батареямъ, устроеннымъ непріятелемъ впереди Сапунъ-горы на прибрежныхъ высотахъ, и извѣстнымъ у насъ подъ названіемъ „Черная и Бѣлая батареи". Виды съ Маячной батареи удивительные: съ правой стороны—вся Сѣверная бухта, море, Севастополь и Сѣверная сторона, а съ лѣвой—долина Черной рѣчки опоясываетъ съ одной стороны обрывистыми скатами Инкермана и Мекензіевой горы, а съ другой—Сапунъ-горою и Ѳедюхиными горами. Скала, на которой устроена Маячная батарея, виситъ, такъ сказать, надъ оконечностью Сѣверной бухты, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ впадаетъ въ бухту Черная рѣчка. Долго я любовался всѣми этими величественными видами. И замѣчательно, послѣ паденія Севастополя, непріятель вовсе прекратилъ огонь по Маячной батареѣ, и мы замолкли; между тѣмъ, какъ орудія на Черной и Бѣлой батареяхъ, по-прежнему, выглядываютъ грозно изъ-за амбразуръ: что бы это значило? Какъ будто бы обѣ стороны условились между собою не стрѣлять однимъ въ другаго съ тѣхъ поръ, какъ участь Севастополя рѣшилась. И какъ-то странно мнѣ было видѣть непріятельскія батареи съ заряженными орудіями, не стрѣляющія въ насъ, когда мы стояли отъ нихъ не болѣе какъ въ 450 саженяхъ разстоянія. Значитъ, надоѣло и имъ и намъ стрѣлять безъ умолку и днемъ, и ночью—въ продолженіе болѣе чѣмъ 11-ти мѣсяцевъ... Барановскій, капитанъ 1-го ранга, который начальствовалъ надъ всѣми Литерными батареями, занемогъ тифомъ и увезенъ въ госпиталь; мѣсто его занялъ капитанъ 2-го ранга Щеголевъ. Но этотъ не живетъ на батареяхъ, а все хлопочетъ у телеграфа.

17-го сентября.

Сегодня являлся къ графу Сакену. Онъ принялъ меня молчаливо и ни слова не сказалъ о моихъ обязанностяхъ. — Пальба на Сѣверной сторонѣ усилилась, но болѣе стрѣляютъ наши батареи. Судя по распоряженіямъ, чтобы всѣ части свои тяжести немедленно отправляли за Бахчисарай, можно предположить, что мы оставимъ Крымъ. Но Николаевъ, какъ говорятъ, укрѣпляютъ сильно. Носятся также слухи, что конференціи о мирѣ—въ Вѣнѣ теперь вновь открыты. Давай-то Богъ, чтобъ поскорѣе кончилась эта безпутная

война. Изъ штаба нашего сегодня потребовали баракъ дѣдушкинъ въ Бахчисарай. Такимъ образомъ, пришлось снова бѣдовать въ палаткѣ. Хорошо, если еще погода постоитъ теплая, а пойдутъ дожди—плохо. Видѣлъ Матвѣева: онъ въ 4-мъ сап. баталіонѣ, который теперь занялъ позицію на Инкерманѣ. Человѣкъ онъ добрый и деликатный; видѣлъ также Малиновскаго: этотъ, кажется, совсѣмъ расклеился. Саперы понесли большую потерю въ офицерахъ; кромѣ убитыхъ, многіе изъ нихъ попались и въ плѣнъ. Да, послѣ Севастополя, не досчитаются многихъ; Козлянинова какъ будто удаляется меня: не боится ли онъ, чтобы я сталъ посягать на его права? Боже мой, какъ люди ничтожны! И въ настоящую пору, когда рѣшается, быть можетъ, участь арміи, а съ нею и Россіи, они думаютъ только о мелочахъ... грустно, грустно!

Вчера опять съ Ростовцевымъ пробалакалъ я за полночь: съ нимъ не соскучишься. Между прочимъ, мило очень онъ разсказывалъ, какъ главнокомандующій 4-го августа сидѣлъ на камнѣ на Телеграфической горѣ, и какъ Коцебу, позади его, смотря въ зрительную трубу, докладывалъ ему монотоннымъ и апатичнымъ голосомъ о движеніи нашихъ колоннъ, о приближеніи ихъ къ высотамъ, о занятіи ими нѣкоторыхъ частей этихъ высотъ, потомъ объ отступленіи, о пораженіи, о бѣгствѣ,—и все однимъ и тѣмъ же голосомъ,—словно маркеръ, считающій шары въ лузахъ: „семь и никого, девять и два“ и т. д.—между тѣмъ какъ прогулка нашихъ стоила намъ много жертвъ.

Вообще, когда-либо главная квартира такъ неудачно была составлена, какъ въ настоящую войну:—Горчаковъ, и Коцебу, и Ушаковъ, и Бутурлинъ, и дѣдушка, Бухмейеръ—все это не на своихъ мѣстахъ. Неужели въ Россіи, по преимуществу въ державѣ военной, нельзя было выбрать трехъ или четырехъ людей, способныхъ и энергичныхъ, которые могли бы стать во главѣ арміи? Да и многіе нечисты на руку: говорятъ, за двухъ только можно поручиться, что они не взяточники. Грустно.

Сегодня въ Россіи банкеты: — Софія, Вѣра, Надежда и Любовь.

18-го сентября.

Вчера получилъ увѣдомленіе отъ Козлянинова, что 15-я резервная дивизія, не имѣвшая прежде нарѣзныхъ ружей, получила ихъ въ послѣдніе дни 728, а такъ какъ она была сформирована въ этомъ году, то не имѣетъ ни инструкцій объ употребленіи этихъ ружей, ни людей, обучавшихся приготовленію къ нимъ патроновъ. Для обученія употребленію ружей сдѣлано распоряженіе о сформированіи командъ, въ которыхъ назначены учителя изъ 12-ти пѣхотн. дивизіи. Но глав-

ное затрудненіе встрѣчается въ приготовленіи патроновъ, которые необходимо на первый разъ принять отъ артиллерійскаго вѣдомства, „дабы дивизія, на случай дѣла, не осталась безъ патроновъ“: ибо приготовленіе патроновъ къ нарѣзнымъ ружьямъ въ другихъ полкахъ, по новости, идетъ слишкомъ медленно, для того, чтобы снабдить отъ нихъ огромное число нарѣзныхъ ружей 15-й дивизіи. Сообщая мнѣ объ этомъ, Козляниновъ проситъ моего распоряженія и указанія—откуда принять полкамъ 15-й дивизіи патроны къ нарѣзнымъ ружьямъ въ возможной скорости, о чемъ я и донесъ—Духонину за № 14 и Крыжановскому.

19-го сентября.

„Дабы дивизія, на случай дѣла, не осталась безъ патроновъ“!!! И въ возможности такого случая сознается самъ начальникъ штаба. Къ тому же дивизія, у которой нѣтъ патроновъ, не расположена въ аръергардѣ, позади арміи; напротивъ, она стоитъ едва-ли не ближе другихъ частей войскъ къ непріятелю и въ готовности ежечасно вступить въ дѣло: высадись непріятель на Качѣ или даже на Альмѣ, или даже прорвись по береговой дорогѣ изъ Евпаторіи,—первыя войска, которыя его встрѣтятъ, это 12-я и 15-я дивизіи, а у нихъ-то патроновъ и нѣтъ! Да чѣмъ же обороняется Сѣверная сторона? Кромѣ помянутыхъ дивизій, тамъ другихъ войскъ никакихъ нѣтъ. А овладѣніе этою стороною, въ настоящее время, едва-ли не составляетъ главный предметъ усилій непріятеля. И послѣ этого, какъ удивляться, что побѣда не на нашей сторонѣ? Кромѣ неумѣнія приготовить патроны—начальникъ штаба пренаивно сознается еще и въ томъ, что войска вовсе не умѣютъ владѣть тѣмъ оружіемъ, которое имъ теперь выслано. И это сознаніе утѣшительное, особенно когда мы готовимся—если не сегодня, такъ завтра, вступить съ непріятелемъ въ борьбу отчаянную, безъ назначенія даже мѣстъ отступленія, какъ сказано въ приказѣ 4-го сентября, № 588.—Вотъ какъ ведется у насъ война! Вчера разсказывалъ мнѣ одинъ докторъ, какъ онъ былъ свидѣтелемъ—въ Николаевскомъ укрѣпленіи—преуморительнаго случая. У одного раненаго солдата, приведеннаго съ оборонительной линіи, оказалось все количество патроновъ на-лицо, а капсуль — ни одного. Когда же унтеръ-офицеръ сталъ допрашивать, куда онъ растерялъ капсули, солдатъ откровенно сознался, что такъ какъ пальба въ цѣпи была частая, то онъ не успѣвалъ заряжать ружья, а стрѣлялъ изъ него однѣми капсулями. И такихъ, быть можетъ, у насъ найдется много, которые стрѣляютъ по непріятелю не пулями, а капсулями. Какъ же, послѣ этого, французамъ не одолѣвать насъ?

Вчера въ городѣ былъ большой пожаръ; но гдѣ именно, и какъ онъ загорѣлся, не извѣстно [1]). Наши продолжаютъ стрѣлять изъ орудій чаще, чѣмъ непріятель. Потери ежедневныя, благодаря Бога, до сихъ поръ у насъ не чувствительныя.

До сихъ поръ не составлено для отдѣльныхъ начальниковъ диспозиціи на счетъ дѣйствія, въ случаѣ, если непріятель что-нибудь предприметъ: все говорятъ—некогда. Между тѣмъ, случись тревога,—хаосъ будетъ страшный: никто не знаетъ, что ему дѣлать, и не назначены даже сборныя мѣста. По-моему, необходимо опредѣлить—что можетъ, въ настоящемъ случаѣ, предпринять противъ насъ непріятель, и на каждый случай составить диспозицію для начальниковъ отдѣльныхъ частей, въ томъ числѣ и для артиллеристовъ! Но объ этомъ, кажется, никто и не думаетъ!

Получено извѣстіе, что 18-го числа, на разсвѣтѣ, непріятель окружилъ бригаду уланъ—Корфа, стоявшую въ авангардѣ у Евпаторіи. Надо было прорываться чрезъ ряды непріятельскіе, очертя голову. Потеря наша чувствительная: 300 человѣкъ и шесть орудій остались въ рукахъ непріятеля. Значитъ, почти половина принесена въ жертву для спасенія другой половины. Но какимъ это образомъ могли окружить цѣлую бригаду нашей кавалеріи? Вѣрно стояли съ зажмуренными глазами.

Получилъ отвѣтъ отъ Духонина. Сдѣлано распоряженіе, чтобы пѣхота присылала пріемщиковъ за патронами въ Отаркой, о чемъ я и сообщилъ Козлянинову. Генералъ-адъютантъ баронъ Ливенъ вчера пріѣзжалъ на нашу позицію и вмѣстѣ съ корпуснымъ командиромъ ѣздили на № 18 укрѣпленія: сегодня, говоритъ, Ливенъ поѣдетъ обратно изъ Крыма въ Россію. Значитъ, пріѣзжалъ онъ къ намъ единственно для того, чтобъ удостовѣриться—въ какомъ положеніи расположеніе войска. Тотлебенъ и Васильчиковъ пожалованы въ генералъ-адъютанты; Бухмейеръ получилъ Бѣлаго Орла; Хрулеву увеличена и продолжена аренда. Изъ главной квартиры извѣстій никакихъ; но, кажется, переходить въ Бахчисарай еще и не думаютъ.

Сегодня въ часъ по полудни непріятель сталъ метать ракеты на нашу позицію, одна за другою: нѣкоторыя ложились и разрывались по близости нашей палатки, такъ что ужъ мы хотѣли перебраться на другое мѣсто; но, разсудивъ, что виноватаго она вездѣ найдетъ,—остались на томъ же мѣстѣ. Если принять въ соображеніе, что непріятель по-пустому пороха не тратитъ и сталъ обстрѣливать высоты Инкерманскія не безъ предположеній какихъ-либо, то завтра

[1]) Сейчасъ получено донесеніе объ этомъ: изъ него видно, что въ 4 часа по полудни отъ нашихъ бомбъ—загорѣлись южныя Александровскія казармы.

или послѣ завтра можно ожидать къ намъ гостей незваныхъ. Сейчасъ ушелъ отъ меня Шейдеманъ. Онъ говоритъ, будто бы меня назначили сюда потому, что не хотѣли его оставить при Сакенѣ, о чемъ графъ хлопоталъ у главнокомандующаго. И Шейдеманъ подтверждаетъ слухъ, что мы, дѣйствительно, подъ Евпаторіей потеряли 6 орудій конно-легкой № 19 батареи, но что вмѣсто 300 уланъ выбыло изъ строя всего 150. Онъ вызвался было просить у графа, чтобъ меня прикомандировали къ нему, но я отклонилъ его отъ этого.

21-го сентября.

Вчера, 20-е сентября, прошло, благодаря Бога, для насъ благополучно: ни одной ракеты на насъ не пущено. Но все-таки положеніе наше прескверное: стоять на позиціи подъ выстрѣлами непріятельскими. Сегодня потребовали графа Сакена на военный совѣтъ въ главную квартиру. Тамъ, безъ сомнѣнія, онъ объяснитъ затруднительное положеніе нашихъ войскъ, предназначенныхъ на оборону Сѣверной стороны и ея многочисленныхъ укрѣпленій. По незначительности штыковъ, мы и думать не можемъ—оборонять позицію на Инкерманѣ, батареи на Сѣверной сторонѣ, Бахчисарайскую дорогу и Сѣверное укрѣпленіе; вѣроятно, придется намъ предоставить укрѣпленіе собственной оборонѣ, а самимъ улепетывать за Бельбекъ. Въ положеніи нашемъ представляется два случая: или непріятель ударитъ на насъ со стороны Черной Рѣчки, или высадитъ десантъ на Качѣ. Въ первомъ,—мы разсыплемъ три полка 11-й див., стрѣлковый баталіонъ и, по крайности, 4-й саперн. баталіонъ, по балкѣ; положимъ, что притянемъ къ себѣ и полки 11-й дивизіи; но всего едва-ли наберется и до 10 тыс. штыковъ. Но непріятель, безъ сомнѣнія, не иначе бросится на Инкерманъ, какъ въ значительнѣйшихъ силахъ, и при томъ удержанъ сильною демонстраціею Липранди на его позиціи. Въ такомъ случаѣ, неминуемо придется намъ отступить за Бельбекъ, чтобъ и обнажить центръ арміи, и сохранить сообщенія и пути отступленія къ Симферополю. Что же касается до 15-й дивизіи, то ее трогать съ Сѣверной стороны и думать нельзя: она обречена должна быть той же участи, какой подвергаются батареи и укрѣпленія, то есть, собственной оборонѣ, а это значитъ—клади орудіе. При десантѣ на Качѣ, войска на Инкерманѣ не могутъ тронуться съ мѣста и бросить на произволъ судьбы занимаемую ими теперь позицію: 15-я дивизія также не можетъ бросить Сѣверную сторону, чтобъ не оставить укрѣпленія вовсе безъ прикрытія. Остается одна 11-я дивизія. Выдвинуть ее на Бельбекъ нельзя: тогда дорога Бахчисарайская достанется въ руки непріятеля; атаковать высаживающійся десантъ

на берегу—также невозможно: флотъ не допуститъ до этого. Остается одно: выбрать позицію на лѣвой сторонѣ Качи и тамъ ждать непріятеля. Позиція эта, кажется, уже выбрана: на югъ отъ Мамашая. Непріятель, разумѣется, не иначе двинется на Сѣверную сторону, какъ атаковавъ 11-ю дивизію, и окончательно разобьетъ ее, что, вѣроятно, и послѣдуетъ, принимая во вниманіе незначительность штыковъ, менѣе 4 тыс. въ цѣлой дивизіи. Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ Сѣверная сторона—съ ея укрѣпленіями и 15-й дивизіею обречена будетъ на паденіе. Наконецъ, можетъ представиться еще одинъ случай: одновременно атака съ Черной рѣчки—и десантъ на Качѣ. Но трудно предположить, чтобъ оба эти предпріятія произведены были съ настойчивостію: для этого у непріятеля недостаточно силъ. Однако, и при демонстраціи съ одной стороны,—наши войска уже не могутъ поддерживать одинъ другаго: 11-ю дивизію, въ этомъ случаѣ, опасно стянуть на Инкерманъ: самый незначительный десантъ овладѣетъ тогда Сѣверною стороною.

Говорятъ, все это было представлено на благоусмотрѣніе графа, но онъ не рѣшился войти съ представленіемъ объ уступкѣ Сѣверной стороны непріятелю безъ боя, отзываясь, что уже и безъ того онъ много сдѣлалъ, предложивъ бросить оборону Севастополя. Но вчера, кажется, представилъ главнокомандующему о трудности удержать за собою Сѣверную сторону, если непріятель покусится овладѣть ею открытою силою. Если это такъ, то, безъ сомнѣнія, и въ военномъ совѣтѣ онъ станетъ настаивать на отступленіи.

Погода стоитъ чудесная. Это еще сколько-нибудь смягчаетъ нашу скверную стоянку на голой скалѣ. По близости отъ нашей палатки стоятъ саперы. По вечерамъ мы съ ними козыряемъ, а потомъ ужинаемъ и, за стаканами вина, балакаемъ. Между прочимъ, вчера говорили о томъ, какъ воодушевлять нашего солдата въ дѣлѣ. При этомъ, Ростовцевъ разсказалъ, что онъ два раза водилъ баталіонъ въ штыки, и оба раза солдаты заминались; когда же онъ крикнулъ имъ, чтобы они сняли шапки и перекрестились, и самъ при этомъ перекрестился, то откуда взялась послѣ этого у солдатъ удаль: такъ бойко пошли, что онъ самъ едва успѣвалъ идти впереди нихъ. Всѣ минеры наши подъ Севастополемъ попались въ руки непріятеля; въ томъ числѣ три офицера. Минеры—лучшіе солдаты у саперъ, и всѣ почти георгіевскіе кавалеры; потеря эта чувствительна для саперныхъ баталіоновъ. Оберъ-кротъ, штабсъ-капитанъ М—овъ, особыхъ достоинствъ не имѣетъ; онъ усердно только исполнялъ распоряженія Тотлебена, какъ бы исполнялъ ихъ и всякій другой саперный офицеръ. Теперь оберъ-кротъ боленъ отъ старой болѣзни и лечится въ Одессѣ. Онъ награжденъ Владиміромъ, Георгіемъ и Анною на шею. Репутація его,

какъ и многихъ другихъ героевъ севастопольскихъ, обязана болѣе случаю. Вся заслуга его,—что онъ просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ, не вылѣзая, въ рукавѣ минной галлереи.

22-го сентября.

12-ю дивизію Хрущева отъ насъ берутъ въ резервъ. Говорятъ, что цѣль главнокомандующаго—устроить резервную подвижную армію для дѣйствованія съ нею на всѣхъ пунктахъ, гдѣ окажется надобность; мы же на позиціяхъ останемся съ самыми незначительными силами, служа для резервной арміи чѣмъ-то вродѣ ширмы. Разумѣется, при такомъ положеніи дѣлъ, самостоятельной обороны оказать мы не можемъ ни въ какомъ пунктѣ, а потому, при первомъ выстрѣлѣ, и станемъ утекать до лѣсу.

Слухи отрядные: князь Горчаковъ назначается главнокомандующимъ южною арміею; на мѣсто его е. в. Константинъ Николаевичъ; начальникомъ штаба къ нему Лидерсъ, а генералъ-квартирмейстеромъ баронъ Ливенъ. Если слухъ этотъ и неоснователенъ, но изъ него видно, какъ чувствуется въ арміи необходимость коренного преобразованія въ лицахъ начальствующихъ, чтобъ хотя этимъ путемъ выйти изъ страдательнаго положенія, въ которое мы теперь поставлены. Дѣйствительно, намъ угрожаютъ со всѣхъ сторонъ: и съ Евпаторіи, и съ Качи, и съ Инкермана, и съ Чоргуна, и даже отъ Керчи и Ѳеодосіи. Такое угрожающее положеніе столько же, если еще и не болѣе, деморализуетъ армію, сколько и потерянныя сраженія. Баронъ Корфъ, отличившійся подъ Евпаторіей, преданъ суду. Приказано артиллеріи и кавалеріи забирать съ Дуванки сѣна, сколько можно, съ тѣмъ, чтобы, на случай отступленія, оставшіеся запасы сѣна на этомъ пунктѣ могли быть преданы огню.

Вчера съ Безакомъ, послѣ обѣда, поѣхали мы кататься верхами и заѣхали на дачу къ Какараки. Онъ угостилъ насъ виноградомъ и превосходнымъ виномъ. Все семейство свое Какараки отправилъ въ Николаевъ и остался одинъ, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ отступленія арміи, и самому налегкѣ улепетнуть.

24-го сентября.

22-го сентября, вмѣстѣ съ Ростовцевымъ, поѣхали мы въ Орту-Каралесъ, въ главную квартиру. Тамъ откровенно объяснилъ я Крыжановскому о моемъ глупомъ положеніи на Инкерманѣ, гдѣ я ровно ничего не дѣлаю, а, между тѣмъ, подвергаюсь всевозможнымъ лишеніямъ, стоя на голой скалѣ, подъ навѣсомъ палатки, и даже подъ выстрѣлами непріятельскими. Крыжановскій на другой же день, 23-го числа, доложилъ обо мнѣ главнокомандующему, и князь при-

казалъ мнѣ вновь состоять при главной квартирѣ. Такимъ образомъ, разстался я съ графомъ Сакеномъ и сегодня прибылъ со всѣмъ имуществомъ въ Орту-Каралесъ, гдѣ помѣстились кое-какъ въ уголкѣ хаты съ какими-то двумя штабными чиновниками, которыхъ и фамилію не знаю.

Оба Ростовцевы—рѣдкіе молодые люди; особенно Николай, съ которымъ прожилъ я на Инкерманѣ десять дней, рѣшительно влюбилъ меня въ себя. Какъ много благородства и возвышенности въ его мысляхъ и чувствахъ, и сколько патріотизма въ немъ; при томъ и имѣетъ репутацію храбраго офицера. Michel также благородный молодой человѣкъ, добрый и привѣтливый, но еще молодъ. Оба они оказали мнѣ много вниманія и дружбы. Да сохранитъ ихъ Богъ обоихъ, они обѣщаютъ много хорошаго для Россіи въ будущемъ. Съ такимъ направленіемъ, какъ они, рѣдко можно встрѣтить молодыхъ людей. Меньшаго, кажется, держатъ до сихъ поръ при главной квартирѣ, чтобъ доставить ему крестикъ, что и онъ самъ хорошо понимаетъ. Вообще въ нашемъ князѣ проявляется черта необъяснимая. Я понимаю его, какъ великаго патріота, пожертвовавшаго цѣлою жизнію на службу царю и отечеству; всѣ помышленія его чисты и безукоризненны; всѣ дѣйствія исполнены самоотверженія. Это вельможа-патріотъ въ настоящемъ значеніи слова. Я убѣжденъ какъ нельзя болѣе, что еслибъ въ настоящую пору предложили ему самую мучительную казнь, съ тѣмъ, чтобъ этимъ средствомъ доставить торжество нашей арміи и Россіи и гибель врагу,—онъ не поколебался бы ни на одну минуту и для нашей славы принялъ бы на себя вѣнецъ мученическій. Съ такимъ характеромъ, казалось бы, человѣкъ долженъ быть совершенно независимъ въ своихъ дѣйствіяхъ, а, между тѣмъ, выходитъ противное. Онъ, какъ видно, опасается всякаго флигель-адъютанта и даже всякаго офицера, пріѣзжающаго изъ Петербурга и имѣющаго какія-либо связи, или, какъ говорится, сильную руку. Всѣмъ такимъ персонажамъ открыто доставляетъ случаи къ отличіямъ и всегда охотно награждаетъ ихъ за самыя ничтожныя перестрѣлки. Такъ теперь и меньшому Ростовцеву явно намекаетъ, что онъ скорѣй доставитъ ему случай наградить его. Немудрено послѣ этого, что покойный Вревскій, какъ говорятъ, болѣе другихъ могъ подвинуть князя рѣшиться на дѣло 4-го августа. Не даромъ въ сложенной пѣсенкѣ на этотъ день есть куплетецъ, въ которомъ покойникъ говоритъ князю à peu près такъ:

Возьми, князь, ты эти горы,
Тогда не будетъ между нами ссоры.

Командировка моя къ графу Сакену, если не ошибаюсь, дѣйствительно состоялась по интригѣ Шейдемана. Предполагаютъ, когда главнокомандующій перейдетъ въ Бахчисарай, — передать главнона-

чальствованіе надъ всею позиціею отъ Сѣверной стороны по Черной рѣчкѣ графу Сакену. Шейдеманъ проюхалъ объ этомъ, тотчасъ же подвернулся къ графу и склонилъ его хлопотать о назначеніи къ нему его начальникомъ штаба по управленію артиллеріею. Разумѣется, если бы это состоялось, то у насъ, въ артиллеріи, родилась бы новая власть, и, при склонности Шейдемана къ интригамъ, могли бы возникнуть разныя непріятныя столкновенія. Для устраненія этого и назначили вмѣсто Шейдемана меня, но уже не съ званіемъ начальника штаба по части артиллерійской, а съ состояніемъ при графѣ для обезпеченія снарядами полевой артиллеріи. Вотъ причина, почему я десять дней разыгрывалъ при графѣ такую ничтожную роль; онъ ждалъ и желалъ не меня, а Шейдемана, что̀ мнѣ очень хорошо и дали почувствовать. Спасибо Крыжановскому, что наконецъ онъ вырвалъ меня изъ такого глупаго положенія. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, я недолго останусь безъ дѣла.

Барона Корфа, за Евпаторійское дѣло, отрѣшили отъ командованія дивизіею и изгнали изъ арміи; на его мѣсто назначенъ князь Радзивиллъ. Слѣдствіе объ этомъ несчастномъ дѣлѣ производилъ маіоръ князь Васильчиковъ, состоящій при главнокомандующемъ. По слѣдствіи баронъ Корфъ оказался кругомъ виноватымъ; кромѣ безпечности и глупости, онъ и не исполнилъ данной ему инструкціи. Вмѣсто того, чтобъ одному полку отступить по Симферопольской дорогѣ, а другому по Перекопской,—Корфъ съ обоими полками и съ 8 ор. 19-й кон. бат. пошелъ по послѣдней, чрезъ что̀ далъ непріятелю возможность обойти его и разбить на голову. Да еще, говорятъ, и пьяный!

А вотъ и пѣсенка вся на 4-е августа:

Какъ четвертаго числа,
Насъ нелегкая несла
Горы занимать.
А все Вревскій анералъ
Къ Горчакову приставалъ,
Когда подшофѐ:
„Князь, возьми ты эту гору,
„Не входи со мною въ ссору
„Будетъ хорошо“.
Собирали на совѣты,
Всѣ большіе эполеты,
Даже Плацъ-Бекокъ.
Полицмейстеръ Плацъ-Бекокъ
Никакъ выдумать не могъ
Что ему сказать.
Долго думали, гадали,
Топографы все писали
На большихъ листахъ.
Славно вышло на бумагѣ,
Да забыли про овраги,
А по нимъ ходить.
Князь сказалъ: „ступай, Липранди!“
А Липранди, тотъ атандэ:
„Нѣтъ, молъ, не пойду.
„Туда умнаго не надо,
„Вы пошлите-ка Реада,
„А я посмотрю“.
Выѣзжали князья, графы,
А за ними топографы
На большой редутъ.
Глядь, Реадъ,—возьми да спросту,
Поведи насъ прямо къ мосту,
Нутъ-ка на уру.
Анералъ-то Ушаковъ,
Онъ ужъ вовсе не таковъ—
Все чего-то ждалъ.

Веймаръ плакалъ, умолялъ,
Чтобъ немного обождалъ,
Нѣтъ, ужъ пусть идутъ.
На уру мы зашумѣли,
Да резервы не поспѣли:
Кто-то перевралъ.
На Ѳедюхины высоты
Насъ всего вошли три роты,
А пошли полки.
Наше войско небольшое,
А французовъ было вдвое,
Да секурсу нѣтъ.
Ждали—выйдетъ съ гарнизона
Намъ на выручку колонна,
Подали сигналъ.
А тамъ Сакинъ анералъ,
Все акаѳисты читалъ
Богородицѣ.
И пришлось намъ отступать.

. . . . . .
. . . . . .

У насъ предполагается новая организація артиллеріи. Дѣло задумано умно.

Война прошлаго и нынѣшняго годовъ, въ Турціи и въ Крыму, не разъ уже обнаруживала различныя неудобства, сопряженныя съ организаціей нашей артиллеріи. Неудобства эти, весьма важныя въ военномъ отношеніи, сами указываютъ на средства, къ какимъ слѣдуетъ прибѣгнуть для уничтоженія ихъ, и, какъ кажется, могутъ быть устранены безъ всякихъ перемѣнъ въ хозяйственномъ и въ матеріальномъ составѣ батарей.

25-го сентября.

Сегодня Крыжановскій показывалъ мнѣ составленный имъ проектъ отъ 7-го сентября — о занятіи Эникале. Для этого надо воспользоваться зимнимъ временемъ, когда ледъ и вьюги изгонятъ непріятельскій флотъ изъ Эникальскаго пролива; но чтобъ онъ вновь не пошелъ чрезъ этотъ проливъ, то устроить сильную батарею на Павловской батареѣ и на противоположной ей косѣ; при томъ, сзади Павловской батареи занять сильную позицію 2-хъ войскъ, которыя обезпечивали бы отъ десанта. Крѣпость должна быть взята въ скоромъ времени, не болѣе 14 дней, если даже и съ значительною потерею въ людяхъ. По предположеніямъ Крыжановскаго нужно, для вооруженія всѣхъ приморскихъ батарей и для усиленной осады Эникале, орудій самаго большого калибра до 350; пороху 50 т. п. и артиллеристовъ до 4 т. Но все это, разумѣется, необходимо приготовить заблаговременно и доставить къ Керченскому полуострову во-время, прежде наступленія зимы. Между тѣмъ, на этотъ проектъ послѣдовала резолюція: „къ своевременному соображенію“. Изъ этого слѣдуетъ, что примутся за соображенія проекта, когда онъ уже долженъ быть приведенъ въ исполненіе, и кончутъ соображенія тогда, когда Эникале взять уже не будетъ предстоять никакой возможности; ибо ледъ держится не болѣе 4 недѣль, а съ проходомъ льда явится флотъ, а съ появленіемъ флота никакой чортъ Эникале уже не возьметъ.

26-го сентября.

Сегодня былъ церковный парадъ на позиціи отряда Монтрезора и молебствіе по случаю чудотворной иконы, присланной въ армію государемъ чрезъ князя Влад. Барятинскаго,

Большой десантъ непріятельскихъ войскъ,—до 45 т. какъ говорятъ, вышелъ изъ Камышевой бухты; вчера онъ шелъ по направленію къ Евпаторіи, а потому съ этой стороны и ждали появленія непріятеля. Но сегодня получено извѣщеніе, что десантъ миновалъ Евпаторію и направился далѣе на сѣверъ. Разумѣется, извѣщеніе это породило много предположеній и разныхъ толковъ. Болѣе всего боятся за Одессу. У Лидерса войскъ не много, и едва-ли онъ успѣетъ воспрепятствовать десанту и отразить его отъ Одессы. Правда, тамъ настроено много береговыхъ приморскихъ батарей, но, по всей вѣроятности, непріятель съ ними въ бой не вступитъ, а выкинетъ съ ними такую же штуку, какъ и съ Павловской батареей на Керченскомъ полуостровѣ: обойдетъ ихъ съ тылу, высадивъ десантъ въ нѣсколькихъ верстахъ выше или ниже Одессы. Овладѣніемъ Одессы непріятель нанесетъ намъ ударъ чувствительный. Не говоря уже о нравственномъ пораженіи, мы понесемъ и потерю матеріальную. Въ Одессѣ и около ея, кромѣ артиллерійскаго имущества, много запасовъ коммиссаріатскаго и провіантскаго вѣдомствъ. Всѣ эти запасы попадутся или въ руки непріятеля, или же будутъ преданы огню. Кромѣ сего, съ овладѣніемъ Одессы, непріятель можетъ угрожать Николаеву и сообщеніямъ Крымской арміи черезъ Перекопъ. Но въ утѣшеніе можно сказать, что, вѣроятно, Одесса не такъ дешево достанется непріятелю, какъ достались ему Керчь, Эникале и Ѳеодосія. Не всякій же разъ торжествовать ему надъ нами.

Послѣ обѣда ѣздилъ я верхомъ на позицію къ Колобову. У нихъ тамъ вышла исторія. Крыжановскій посылалъ молодаго Сержпутовскаго на ихъ кухни, которыя оказались вовсе не гастрономическія; у армянина же Челокаева оказалась даже говядина съ червями. За все это написали имъ бумажки, съ обѣщаніемъ поступить съ виновными по всей строгости законовъ. Колобовъ сконфуженъ, а армянинъ, вѣроятно, придумываетъ крючокъ, посредствомъ котораго могъ бы отдѣлаться отъ всей строгости законовъ.

Конно-артиллерія наша, въ эту кампанію, нечего сказать, славно отличается. Всего была два раза употреблена въ дѣлѣ, и оба раза потеряла орудія: Карамзинъ надѣлилъ турковъ—четырьмя, а Корфъ французовъ—шестью.

Когда полумертваго генерала Тимоѳеева несли на носилкахъ, Сакенъ имѣлъ бодрость сказать: „Когда онъ выздоровѣетъ,—я пре-

дамъ его суду". Тимоѳеевъ умеръ. Но грозить человѣку судомъ, когда у него штуцерная пуля въ головѣ, едва-ли рекомендуетъ Сакена съ чувствительной стороны. По мнѣнію многихъ, онъ человѣкъ злой и черствый, но разъигрываетъ роль нравственнаго богомольца, и какъ эта роль ему удается, то изъ этого и заключаютъ, что онъ человѣкъ не глупый. Что же касается до меня, то я не могу простить ему, зачѣмъ онъ, 27-го числа, не былъ на Малаховомъ курганѣ. Малодушіе—неизвинительное. Между тѣмъ, когда ему сказали, что Корфъ, за Евпаторійское дѣло, изгнанъ изъ арміи, онъ тотчасъ же перекрестился, проговоривъ своимъ смиреннымъ голосомъ: „Слава Богу". Разсказываютъ про него также, что какъ-то однажды на оборонительной линіи упала передъ нимъ бомба съ потухшею трубкою. Замѣтивъ это, онъ тотчасъ же перекрестилъ ее, сказавъ при этомъ солдатамъ: „Не бось, ребята, теперь её не разорветъ". Когда же вслѣдъ за этимъ, упала другая бомба съ горящею трубкою, онъ первый бросился отъ нея за траверсъ; бомбу разорвало. Какъ солдатъ нашъ ни довѣрчивъ, но, вѣрно, понялъ, что и Сакенъ не отъ всякой бомбы откреститься можетъ.

Видѣлъ Павлова. Онъ говоритъ, что Хрулевъ чувствуетъ себя нехорошо, и вчера, больной, едва могъ выѣхать изъ Бахчисарая въ Симферополь. Но бранный духъ его и до сихъ поръ не покидаетъ. Не даромъ же Комсинъ прозвалъ его кровожаднымъ.

28-го сентября.

Вотъ уже третій годъ, какъ вездѣ и постоянно насъ бьютъ. Съ открытіемъ кампаніи, кромѣ Синопа, Россія не стяжала ни одной побѣды. Немудрено послѣ этого, что войска наши деморализованы. Особенно теперешнее положеніе наше незавидное. Ежедневно ждемъ со всѣхъ сторонъ наступленія, а сами и помышлять не смѣемъ ударить на непріятеля. Нужно или кончить войну во что бы то ни стало съ тѣмъ, чтобъ въ будущемъ, при другихъ условіяхъ и на другомъ театрѣ войны,—отблагодарить гг. французовъ за Севастополь и за уничтоженіе черноморскаго нашего флота,—или же употребить всѣ усилія, чтобъ воскресить Крымскую армію и поставить ее въ возможность—серьезно угрожать непріятелю. Къ сожалѣнію, какъ кажется, не прибѣгаютъ ни къ тому, ни къ другому средству; мира не заключаютъ, а, между тѣмъ, и не даютъ средствъ къ веденію войны съ успѣхомъ. Нуждаемся мы въ солдатахъ,—намъ шлютъ мужиковъ ратниковъ; намъ нужны опытные и свѣдущіе генералы,—намъ присылаютъ Бен—фа, Ст—рга, Рж—аго, которые никогда и пороху не нюхали, а при томъ, одинъ изъ нихъ, Ст—ргъ, едва-ли говоритъ и

по-русски; вмѣсто штуцеровъ,—замѣняютъ ружья кремневыя—ударными; за неимѣніемъ мортиръ,—вмѣсто навѣсныхъ, стрѣляютъ выстрѣлами прицѣльными, да еще изъ короткихъ каронадъ, которыя давно уже пора бы было потопить въ морской пучинѣ; офицеровъ замѣняютъ унтеръ-офицерами и юношами-юнкерами; словомъ, вездѣ и во всемъ полу-мѣры, ни къ чему не ведущія и ничего добраго не обѣщающія. По-моему, нужно начать реформу съ головы арміи. При всемъ глубокомъ уваженіи моемъ къ нему, какъ къ человѣку и къ патріоту, нельзя не сознать, что онъ качествъ главнокомандующаго, особенно для настоящей эпохи,—не имѣетъ; да и окружающіе его совѣтники, Коцебу, Ушаковъ и Бутурлинъ, едва-ли пользуются въ арміи солдатской хвалой, этимъ безотчетнымъ довѣріемъ, которое одно можетъ подвинуть массу на самыя трудныя и опасныя предпріятія. Хрулевъ обязанъ своимъ успѣхамъ единственно, быть можетъ, тому, что успѣлъ заслужить довѣріе и любовь отъ солдатъ: съ нимъ и за нимъ полки шли повсюду безъ оглядки. Не безполезно также было бы присутствіе въ арміи одного изъ великихъ князей, который принялъ бы начальство надъ какою-либо пѣхотною дивизіей, безъ шталмейстеровъ и церемоніальмейстеровъ, а съ однимъ или двумя адъютантами; и забывъ на это время, что онъ принцъ крови, понесъ бы службу наравнѣ съ другими дивизіонными начальниками, безъ малѣйшихъ особыхъ правъ и преимуществъ, въ родѣ того, какъ въ прошедшемъ году командовали дивизіями принцы Наполеонъ и Кембриджскій. Такой примѣръ высокаго самоотверженія могъ бы быть, во многихъ отношеніяхъ, благодѣтельнымъ для арміи. Не говоря уже о томъ, что полки, за августѣйшимъ своимъ начальникомъ, весело и радостно пошли бы въ огонь и воду,—какой великій примѣръ для другихъ начальниковъ дивизій и бригадъ? Кто изъ нихъ осмѣлился бы жаловаться, не говорю на опасности, потому что на это у насъ и безъ того никто не жалуется, по крайней мѣрѣ гласно, но на трудности и на лишенія боевой службы, когда въ глазахъ ихъ сынъ и братъ вѣнценосцевъ будетъ нести такую же службу, какъ и они. А въ героизмѣ ихъ высочествъ и въ готовности ихъ жертвовать собою за милую всѣмъ намъ Россію никто изъ русскихъ усумниться не можетъ и не долженъ. Къ тому жъ, отъ подобнаго назначенія могла бы быть еще и другая польза для будущаго. Великій князь, прослуживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ дѣйствительной, армейской службѣ, имѣлъ бы возможность лично убѣдиться,—въ какихъ именно преобразованіяхъ радикальныхъ нуждается наша армія, изучилъ бы бытъ солдатъ и офицеровъ, степень нравственнаго ихъ развитія, внутреннюю организацію полковъ, ихъ хозяйство, отношенія начальниковъ къ подчиненнымъ и т. п. Все это, безъ сомнѣнія,

принесло бы плоды благодѣтельные въ будущемъ, когда, наученные горькимъ опытомъ, станутъ требовать отъ русской арміи не того, что требовалось отъ нея исключительно во времена оны.

29-го сентября.

Вчера Крыжановскій, послѣ обѣда, сказалъ мнѣ, что меня командируютъ въ г. Николаевъ, къ его выс. Михаилу Николаевичу, по части вооруженія этого города. Между прочимъ, изъ словъ его, если не ошибаюсь, видно, что у насъ недовольны распоряженіями по предмету вооруженія, и вообще не совсѣмъ довѣряютъ опытности состоящихъ при его высочествѣ артиллеристовъ, въ томъ числѣ и юнаго графа Левашева. Романа Ивановича Кноринга въ Николаевѣ уже нѣтъ, а Вилькена, тамошняго начальника артиллеріи, какъ кажется, также оттерли. Словомъ, командировка, если не ошибаюсь, довольна щекотливая. Пошли мнѣ Богъ достаточно сноровки и умѣнья, чтобъ выполнить все какъ слѣдуетъ, честно и добросовѣстно! Но прежде всего спасибо Крыжановскому за довѣріе.

Сегодня, къ авангарду нашему стянули три пѣхотныя дивизіи и 20 эскадроновъ. Всѣ эти войска поступили подъ начальство Сухозанета. Изъ баши-бузуковъ, завтра съ разсвѣтомъ, поѣдутъ туда за мечами Венкендорфъ, Барятинскій, Michel Ростовцевъ. Будемъ ли мы атаковать, или князь получилъ извѣщеніе, что непріятель намѣревается прорваться чрезъ этотъ пунктъ,—ничего не извѣстно.

О поѣздкѣ моей въ Николаевъ говорилъ мнѣ сегодня и дѣдушка. Но о томъ, приготовляютъ ли для меня отправленіе,—не извѣстно.

Сформированъ артиллерійскій резервъ. Кажется, будетъ состоять онъ [изъ двухъ батарей пѣшихъ и трехъ конныхъ, подъ начальствомъ ген. Нѣмчинова; расположатъ его на Качѣ. Въ числѣ конныхъ батарей—назначена и 21-я бат. Колобова.

Мишель Ростовцевъ приходилъ ко мнѣ прощаться. Онъ недоволенъ своей командировкой. Да и положеніе его преглупое: подвергать свою жизнь опасности безъ всякой пользы для дѣла общаго. Я простился съ нимъ, какъ съ самымъ близкимъ роднымъ. Боже сохрани, если его израсходуютъ! Обоихъ ихъ я люблю, какъ братьевъ. А при томъ, и убѣжденъ, что, съ ихъ направленіемъ, они въ будущемъ могутъ быть полезными слугами Россіи.

1-го октября.

Вчера утромъ Крыжановскій диктовалъ мнѣ подробныя свѣдѣнія объ орудіяхъ, снарядахъ, порохѣ и свинцѣ, которые хранятся на Сѣверной сторонѣ и въ другихъ складахъ, ближайшихъ къ Крыму. По

разсмотрѣніи этихъ свѣдѣній, нѣкоторыя оказались неполными, а потому—за дополнительными надо было послать въ Бахчисарай; кромѣ сего, свѣдѣнія отъ Шейдемана, по обыкновенію, оказались лживыми: поэтому придется мнѣ самому, для повѣрки ихъ, съѣздить на Сѣверную сторону. Такимъ образомъ, едва-ли я выѣду ранѣе двухъ или трехъ дней въ Николаевъ. А сказать правду, хотѣлось бы поскорѣе удрать отъ сихъ прекрасныхъ мѣстъ.

3-го октября.

Третьяго дня, 1-го октября, ѣздилъ на Сѣверную сторону къ Шейдеману, Гасинскому и Пестичу,—для собранія и повѣрки свѣдѣній объ артиллерійскомъ имуществѣ. Всякаго добра тамъ много, но отчетность о немъ плоха. Многое могли бы оттуда перевезти въ Николаевъ, хоть, напримѣръ, картечь разной величины, которой тамъ такъ много, что и перечесть до сихъ поръ не могутъ, да, дескать, не успѣли, а теперь уже поздно: скоро начнутся крымскія грязи. 124 мѣдныхъ орудія морскаго вѣдомства приказано секретно закопать въ землю; кажется, прошедшею ночью, стали хоронить ихъ у самаго кладбища, чтобы нельзя было различить—гдѣ покоится человѣкъ, а гдѣ орудіе. А Шейдеманъ—самый пустѣйшій человѣкъ въ мірѣ; чтобы узнать его надо имѣть съ нимъ какое-нибудь дѣло. Если бы не Гасинскій и не Пестичъ, я никакого бы толку не добился отъ этого хвастуна, болтуна и шарлатана.

2-го октября, съ разсвѣтомъ, возвратившись въ главную квартиру, я засѣлъ съ Крыжановскимъ за работу и проработалъ съ нимъ, почти не вставая съ мѣста, до полуночи. Зналъ я въ мою службу неутомимаго работника, который, бывало, не отрывается отъ занятій въ продолженіе восьми и десяти часовъ—это Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, но, сказать правду, Крыжановскій перещеголялъ въ этомъ отношеніи и его: онъ работаетъ не по часамъ, а по суткамъ. Занятія наши заключались въ приведеніи въ ясность и въ порядокъ всѣхъ имѣющихся въ управленіи свѣдѣній объ орудіяхъ, снарядахъ, порохѣ, свинцѣ и вообще обо всемъ, относящемся до крѣпостной, осадной, морской, сухопутной и полевой артиллеріи. И наработали много, но не кончили. Сегодня, сейчасъ, пойду опять къ нему. А выѣду отсюда, вѣроятно, не ранѣе завтрашняго дня.

Вечеромъ являлся къ Крыжановскому молодой графъ Левашевъ, адъютантъ его высочества великаго князя Михаила Николаевича. Онъ только-что прискакалъ изъ Николаева. По наружности Левашевъ—и учтивъ, и привѣтливъ, и скроменъ, и толковитъ, но глаза у него подозрительны: все смотритъ исподлобья. Теперь онъ не возвратится въ Николаевъ, а останется здѣсь, вѣроятно, для мечей. Отъ

него узналъ я, что при его высочествѣ находится и А. И. Философовъ. Если онъ вспомнитъ о моей прежней службѣ, то я чрезъ него могу свободный имѣть доступъ къ его высочеству. Дай-то Богъ, чтобы поѣздка моя въ Николаевъ кончилась благополучно.

Какъ Шейдемана раскусилъ я вполнѣ, имѣвъ съ нимъ дѣло, такъ равно и понялъ необыкновенныя достоинства Крыжановскаго, поработавъ съ нимъ эти два дня. Во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ онъ замѣчательный: кроткій и мягкій по чувствамъ и со способностями умственными замѣчательными. Кромѣ сего, исполненъ онъ и другихъ качествъ превосходныхъ. Если будетъ онъ со временемъ стоять во главѣ артиллеріи, то онъ много принесетъ существенной пользы этому роду оружія.

Завтра утромъ выѣзжаю—сначала въ Бахчисарай, гдѣ получу подорожную и прогоны, а тамъ далѣе.

Получена телеграфическая депеша о непріятельскомъ флотѣ. Отъ Одессы онъ отошелъ и прибылъ къ Кинбурну и Очакову; канонерскія его суда сдѣлали по Кинбурну нѣсколько выстрѣловъ, потомъ незначительная часть войскъ высадилась на берегъ.

8-го октября.

Наконецъ, вырываю свободную минуту. 4-го, рано утромъ, выѣхалъ изъ Орты-Каралесъ. До Бахчисарая провожалъ меня Колобовъ. Тамъ, собравъ въ артиллерійскомъ штабѣ дополнительныя свѣдѣнія о снарядахъ, взялъ подорожную и прогоны и отправился въ Симферополь, откуда уже на почтовыхъ, чуть свѣтъ, 5-го числа, покатилъ въ Николаевъ. Ѣхалъ день и ночь, очертя голову; только въ Перекопѣ остановился ночью часовъ на пять.

7-го, рано утромъ, прискакалъ въ Николаевъ и тотчасъ же явился къ великому князю. Его высочество принялъ меня милостиво и приказалъ явиться къ нему съ докладомъ въ 9-ть часовъ вечера. Тутъ же видѣлъ я Вилламова и Философова. Оба они меня узнали. Философовъ такой же, какимъ былъ и прежде: стелетъ мягко... Жалуется на подагру, но на видъ свѣжъ и бодръ. Вечеромъ у доклада его высочество былъ ко мнѣ еще милостивѣе, чѣмъ утромъ, изволилъ разспрашивать обо всемъ, что дѣлается въ Крыму, и съ большимъ вниманіемъ прослушалъ весь докладъ.

Кинбурна и Очакова уже нѣтъ: первый занятъ непріятелемъ съ боя, а второй нами взорванъ на воздухъ. Здѣсь рождается вопросъ: къ чему строить и содержать укрѣпленія, которыя не имѣютъ самостоятельной обороны? Неужели для того, чтобы взрывать ихъ на воздухъ при первомъ появленіи непріятеля? Таковы были всѣ укрѣп-

ленія наши на восточномъ берегу Чернаго моря: Павловская батарея, Эникале, Очаковъ, Кинбурнъ, и всѣ они погибли или попались даромъ въ руки непріятеля. О, война эта, вѣроятно, многому насъ научитъ.

Сегодня утромъ прибѣжалъ ко мнѣ Кесарь Павловъ и, встревоженный, объявилъ, что флотъ непріятельскій показался уже въ виду нашихъ батарей, и что великій князь приказалъ палить ядра. Тотчасъ же замѣтна стала суматоха въ городѣ. Дамы укладываются, чтобы улепетнуть скорѣе изъ-подъ выстрѣловъ. Но, сколько мнѣ кажется, тревога эта напрасная: въ настоящее, позднее время года едва-ли непріятель рѣшится на какое-нибудь серьезное покушеніе противъ Николаева. Быть можетъ, позондируетъ онъ наши береговыя батареи, попробуетъ, осмотритъ мѣстность и съ этимъ возвратится во-свояси въ Черное море. Посмотримъ, что будетъ завтра.

Чудакъ А. А. Волконскій. Не имѣлъ я времени побывать у него, а онъ обидѣлся этимъ и приказалъ мнѣ сказать, что не онъ, а я,—какъ его сынъ, долженъ къ нему пріѣхать. Впрочемъ, говорятъ, онъ теперь боленъ. Остановился въ той же гостиницѣ, „Петербургской“, въ которой останавливался и по переѣздѣ чрезъ Николаевъ въ Крымъ. Говорятъ, былъ военный совѣтъ, въ которомъ рѣшили, чтобы государь выѣхалъ изъ Николаева.

9-го октября.

Вчера прискакалъ ко мнѣ курьеръ съ приказаніемъ отъ великаго князя явиться къ нему. Засуетившись, забылъ саблю: дорогою же, когда хотѣлъ вернуться за саблею, извозчикъ остановился и ни за что не соглашался ѣхать назадъ. Я вскочилъ съ дрожекъ, чтобы идти пѣшкомъ, но дерзкій извозчикъ ухватился за мою шинель и сорвалъ ее съ плечъ. Что было дѣлать? Ночь, на улицѣ ни души, а великій князь ждетъ. Нечего было дѣлать—я уступилъ. Заплатилъ извозчику цѣлковый, чтобы онъ только отдалъ мнѣ шинель, и пѣшкомъ побѣжалъ въ гостиницу за саблею. Настоящій разбой!

По-прежнему, при докладѣ его высочество обошелся со мною чрезвычайно милостиво. Между прочимъ, доложилъ я ему и мой рапортъ къ дѣдушкѣ. Онъ вполнѣ его одобрилъ и приказалъ послать чрезъ курьера; приказалъ также: отыскать удобныя мѣста для устройства складовъ пороховыхъ, какого-то отставнаго моряка Волохова, который берется устроить особаго рода биндюги для перевозки самыхъ большихъ тяжестей, и запросить Крыжановскаго чрезъ телеграфъ: какія сдѣланы распоряженія на счетъ доставки картечи изъ Севастополя въ Николаевъ. Все это я тотчасъ же исполню.

Кесарь Павловъ—предобрѣйшее существо, но и препустѣйшее; удивлялся, какъ это можетъ онъ занимать мѣсто командира гарнизона, особенно въ настоящее время. Безпорядковъ у него тьма-тьмущая. Вчера видѣлъ я его лабораторію и удивился: тамъ, просто, ничего нѣтъ—ни порядка, ни устройства. А при теперешнихъ обстоятельствахъ лабораторія—весьма важный предметъ: это душа и жизнь оборонительныхъ верковъ. Надо устроить такъ, чтобы, не вредя Павлову, устроить ему лабораторію.

Непріятель показывался въ двадцати верстахъ отъ Николаева, у какихъ-то передовыхъ нашихъ батарей, съ которыми, помѣнявшись нѣсколькими выстрѣлами, возвратился назадъ. Этимъ все и кончилось.

10-го октября.

Приказанія великаго князя я исполнилъ, о чемъ и доложилъ вчера его высочеству. При этомъ, Михаилъ Николаевичъ изволилъ мнѣ передать свѣдѣнія объ орудіяхъ, которыя состоятъ на-лицо въ Николаевѣ для вооруженія, съ тѣмъ, чтобы, согласно этимъ свѣдѣніямъ, донесъ я и Сержпутовскому, что̀ мною и исполнено.

Утромъ вчера заѣзжалъ я къ Николаю Андреевичу Баумгарту. Онъ бросился ко мнѣ въ объятія, какъ къ брату родному. Теперь онъ уже генералъ и состоитъ при герцогѣ Мекленбургскомъ: доволенъ очень своимъ положеніемъ, преимущественно въ томъ отношеніи, что, состоя при Дворѣ, успѣлъ сдѣлать хорошія связи, чрезъ которыя надѣется обезпечить будущность своихъ дѣтокъ.

Онъ человѣкъ теплой души, хотя, по характеру, и неуживчивъ. Но я не могу забыть участія, которое принималъ онъ во мнѣ, въ бытность мою подъ судомъ, о чемъ и сказалъ ему.

13-го октября.

Сегодня день рожденія великаго князя Михаила Николаевича. Его высочество милостивъ ко мнѣ до-нельзя. Къ столу его величества изъ штабъ-офицеровъ меня одного пригласили. Послѣ обѣда, государь подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Какъ давно я тебя не видѣлъ; какъ много жалѣлъ я о тебѣ, и какъ мнѣ досадно было, что ты былъ въ такомъ положеніи“. Я прослезился. Потомъ сталъ онъ разспрашивать меня о настоящей моей службѣ.

Въ эти два дня я много работалъ. По четыре и по пяти разъ бывалъ у доклада великаго князя. Между прочимъ, успѣлъ составить соображеніе о доставкѣ орудій большаго калибра съ Сѣверной стороны Севастополя въ Николаевъ, на которое вчера же послѣдовало

высочайшее разрѣшеніе. Объ этомъ его высочество приказалъ мнѣ тотчасъ же донести начальнику артиллеріи для доклада князю Горчакову. Такъ какъ фельдъегерь ѣхалъ въ ночь, то я и проработалъ цѣлый вечеръ.

Получено извѣстіе весьма непріятное изъ Малой Азіи. И тамъ однѣ неудачи. Муравьевъ атаковалъ Карсъ и былъ отбитъ. Потеря у насъ значительная: отъ 6.500 до 7.000 выбыло изъ строя; кромѣ сего, убито и ранено много генераловъ: въ числѣ ихъ убитъ Ковалевскій и раненъ Бримеръ. Но Муравьевъ не отступилъ: остался на прежней позиціи и продолжаетъ блокировать Карсъ.

Третьяго дня самъ его высочество объявилъ мнѣ, что получена депеша отъ Горчакова о томъ, что непріятель въ 30 или 40 тысячахъ вышелъ изъ Евпаторіи и покушается ударить на наши сообщенія. Эта депеша всѣхъ встревожила, и всѣ ждали въ Крыму большаго дѣла, но, къ счастью, получена новая депеша, что непріятель возвратился въ Евпаторію.

Вчера его высочество сказалъ мнѣ, что государь императоръ изволилъ уже назначить начальникомъ артиллеріи въ Николаевѣ,—какъ морской, такъ и сухопутной,—Кноринга. Это извѣстіе меня очень огорчило. Съ назначеніемъ Кноринга, вѣроятно, сношенія мои съ его высочествомъ прекратятся, и я буду возвращенъ въ армію. Но и самое назначеніе неудачное. Кнорингъ—человѣкъ не распорядительный и несвѣдущій, а при томъ и въ неладахъ съ Метлинымъ, генералъ-губернаторомъ.

Отъ этого можетъ произойти много зла. Метлинъ, хотя его многіе и не хвалятъ, но человѣкъ онъ умный и распорядительный. Онъ особенно благоволитъ ко мнѣ. Въ послѣдніе эти дни я съ нимъ имѣлъ частыя сношенія, и по всѣмъ дѣламъ онъ мнѣ оказалъ много содѣйствія.

Философа я боюсь, какъ въ средніе вѣка боялись инквизитора. Это человѣкъ холодный и страшный. Впрочемъ, сегодня, когда я явился къ нему, онъ принялъ меня очень ласково,—да и вообще, по наружности, онъ очень со мною обходителенъ. Но великій князь просто ангелъ. Завтра приказалъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ по батареямъ.

Michel Ростовцевъ сегодня возвращается въ Петербургъ. Государь обласкалъ его, наградилъ орденомъ и посылаетъ его къ отцу. Сегодня проведу съ нимъ послѣдній вечеръ и, Богъ вѣсть, увидимся ли когда-нибудь еще на этомъ свѣтѣ!

Николай Волконскій явился ко мнѣ въ солдатской формѣ. Онъ молодецъ по наружности и, какъ кажется, доволенъ настоящею службою.

Видѣлъ во дворцѣ и Рейсиха. Такой же, какимъ былъ и прежде:

добрый и пустой. Изъ всѣхъ здѣшнихъ генераловъ болѣе другихъ дѣльный, какъ кажется, Мейеръ. Государь сегодня особенно былъ милостивъ и внимателенъ къ артиллеристамъ, по случаю дня рожденія нашего генералъ-фельдцейхмейстера.

15-го октября.

Вчера сопровождалъ великаго князя по батареямъ. Его высочество былъ ко мнѣ весьма внимателенъ и обо всемъ изволилъ относиться ко мнѣ.

По возвращеніи съ батареи провожали Ростовцева и подвыпили малую толику у меня въ нумерѣ. Обѣдало насъ человѣкъ пять, а осушили бутылокъ больше. Теперь безъ него мнѣ скучно.

17-го октября.

Вчера ѣздилъ въ адмиралтейство. Чудесно оно устроено. Какія мастерскія и какія машины! И сколько мастеровъ и матеріаловъ разнаго рода. Съ такими средствами, кажется, можно было бы укрѣпить не одинъ, а десять Николаевовъ.

О непріятелѣ имѣется извѣстіе, что онъ садится у Очакова на корабли и, кажется, собирается возвратиться во-свояси, въ Черное море. Оно и должно быть такъ: въ столь позднее время года невозможно ему предпринять что-нибудь противъ Николаева. Но что дѣлается въ Крыму—ничего не извѣстно.

Какъ только не суечусь и не бѣгаю,—такъ становится мнѣ грустно:—какъ это досадно, что не имѣю никакой возможности узнать—надолго ли останусь въ Николаевѣ, чтобы выписать своихъ. По всему замѣтно, что пока великій князь здѣсь,—меня не выпустятъ изъ Николаева, но долго ли останется самъ онъ тутъ. Какъ онъ самъ выразился—пріѣдетъ Кнорингъ, и тогда его вліяніе кончится,—а съ Кноринговъ мнѣ служить не хотѣлось бы: лучше уже въ Крымъ.

Знакомыхъ въ Николаевѣ, можно сказать, у меня одинъ только Павловъ. Вечеркомъ, какъ только освобожусь отъ хлопотъ, заѣзжаю къ нему и у него ужинаю. Семья у него добрая и хлѣбосольная. Для знакомства—такихъ людей я очень люблю, но дѣлъ имѣть съ нимъ не дай Богъ: безтолковъ!

Вчера переѣхалъ изъ гостиницы на квартиру. Комнатка чистенькая и сухая. Но мнѣ скучно и грустно—одному. Особенно сегодня, самъ не знаю почему; страшная тоска легла на душу. Въ тѣ дни грустилъ меньше, быть можетъ, потому, что не доставало для этого и времени.

18-го октября.

Сегодня былъ у Тотлебена. Онъ показывалъ мнѣ планъ погребковъ пороховыхъ. По положенію, должны быть устроены проходы по бокамъ и въ срединѣ, а на планѣ только одинъ проходъ въ срединѣ. Когда я ему это замѣтилъ, онъ началъ горячо говорить, что они, инженеры, никакихъ болѣе положеній не придерживаются, что Севастополь доказалъ, что прежнія положенія—глупость и т. п. Оказалось, что человѣкъ этотъ отъ раны чрезвычайно сдѣлался нервнымъ и раздраженнымъ, что̀ послѣ подтвердилъ мнѣ и капитанъ Хлѣбниковъ, который вмѣстѣ со мною ѣздилъ осматривать мѣста для погребковъ. Выбрали мѣста только для трехъ, а для остальныхъ двухъ—выберемъ послѣ, такъ какъ инженеры разомъ всѣхъ пятерыхъ строить не могутъ.

Написалъ къ моей милой Сашенькѣ письмецо. Сильно скучаю я по ней и по Коко.

Вечеромъ доложилъ откровенно великому князю, что планъ, составленный Тотлебеномъ для погребковъ, не соотвѣтствуетъ существующимъ на этотъ предметъ у насъ положеніямъ. Великій князь Николай Николаевичъ, услышавъ объ этомъ, тотчасъ же подошелъ къ столику и сталъ отстаивать планъ Тотлебена, ссылаясь на то, что погребки эти строятся на время и что у инженеровъ недостатокъ въ матеріалахъ. На это я доложилъ, что сдѣланныя Тотлебеномъ упущенія столь важны, что артиллеристы должны протестовать противъ этого всѣми силами; что у насъ существуютъ инструкціи на счетъ храненія и сбереженія пороха, которыя выполнить невозможно, когда, вмѣсто трехъ, будетъ всего одинъ проходъ въ погребъ, что, наконецъ, боченки съ порохомъ, поставленные у самой стѣны, могутъ отсырѣть, и порохъ сдѣлается негоднымъ для употребленія. Въ продолженіе этого разговора, генералъ-фельдцейхмейстеръ сильно меня поддерживалъ и, кажется, будетъ настаивать, чтобы планъ для погребковъ былъ измѣненъ согласно съ положеніями. Посмотримъ, что будетъ, но, во всякомъ случаѣ, досадно, что я поставился въ такое положеніе, что по неволѣ долженъ наживать себѣ враговъ.

Сегодня вечеромъ были у меня Н. Я. Чернобаевъ и Зотиковъ. Обоимъ обрадовался я какъ нельзя болѣе, но особенно—Чернобаеву. Старика этого я люблю и уважаю. Въ бытность мою въ Кіевѣ, онъ много оказалъ мнѣ добра и участія. Человѣкъ онъ, во всѣхъ отношеніяхъ, превосходный: и добрый, и умный, и деликатный, и свѣдущій. Вспомнили о быломъ—о Кіевѣ, о Брунѣ, Арбузовѣ, покойникѣ Катоновѣ, Гюббенетѣ, и время прошло невидимо.

19-го октября.

Вчера ночью, получилъ записку отъ Вилламова слѣдующаго содержанія: „Его высочеству угодно, чтобы вы сегодня же повидались съ ген.-ад. Тотлебеномъ и условились бы съ нимъ на счетъ пороховыхъ погребовъ. ген.-ад. Тотлебенъ уже предварительно на все согласенъ". И дѣйствительно, когда я пріѣхалъ къ Тотлебену, онъ весьма кротко меня выслушалъ и на все согласился. Такимъ образомъ, мы будемъ имѣть погребки не по фантазіи инженеровъ, а такіе, какіе полагаются.

Утромъ, вмѣстѣ съ его высочествомъ ѣздили осматривать избранныя мною мѣста для погребовъ, которыя онъ вполнѣ одобрилъ. Потомъ завернулъ я покурить сигарочку къ Баумгардту. Онъ мнѣм ного и долго разсказывалъ объ орудіяхъ большаго калибра, которыя придумалъ онъ для дальней стрѣльбы, о произведенныхъ надъ ними опытахъ, о разныхъ комитетахъ, въ томъ числѣ и объ арміи, ученомъ, о Безакѣ, о горныхъ заводахъ,—и разсказывалъ дѣльно, умно и занимательно. Это человѣкъ съ большими свѣдѣніями, энергическій, умный, дѣятельный и могъ бы быть въ настоящее время чрезвычайно полезнымъ для службы, а, между тѣмъ, ровно ничего не дѣлаетъ, состоя при герцогѣ. Утромъ читаетъ газеты, потомъ обѣдаетъ у государя, а вечера играетъ у великихъ князей въ карты, — вотъ въ чемъ состоятъ всѣ его обязанности.

Прибылъ къ его высочеству Родашковскій, штабсъ-капитанъ гвардейской конной артиллеріи, котораго я видѣлъ еще на Инкерманѣ. Это долженъ быть большой пройдоха, шарлатанъ, хвастунъ, но человѣкъ со свѣдѣніями по артиллерійской части, — самъ же изъ поляковъ. Онъ привезъ разные проекты объ укрѣпленіи гирлъ Днѣпровскихъ.

Завтра долженъ прибыть сюда Кнорингъ. Такимъ образомъ его высочество перестанетъ заниматься вооруженіемъ Николаева, а потому и моя участь должна порѣшиться. Но мнѣ чудится, что меня оставятъ при Кнорингѣ, а этого я очень не желалъ бы, хотя въ Николаевѣ прозимовать и пріятнѣе, чѣмъ въ Крыму.

О событіяхъ военныхъ никакого слуху; даже не извѣстно достовѣрно: вышелъ ли непріятель изъ лимана?

20-го октября.

Въ концѣ доклада великій князь объявилъ мнѣ, что Кнорингъ просилъ уже его о назначеніи мнѣ состоять при немъ. На это отвѣчалъ я, что, въ настоящее время, никто ни отъ чего отказываться не долженъ, но я боюсь встрѣтить много неудовольствій, служа съ

Кнорингомъ. Впрочемъ, быть можетъ, нуждается во мнѣ и Крыжановскій. Великій князь возразилъ мнѣ, что обо всемъ можно списаться и все уладить, но что я здѣсь, въ настоящее время, могу быть полезенъ. Въ заключеніе, приказалъ мнѣ завтра же явиться къ Кнорингу. Вообще, сегодня особенно милостивъ былъ ко мнѣ великій князь, и по всему замѣтно, что онъ оцѣнилъ мою службу и мои труды.

22-го октября.

Вчера у доклада великій князь изволилъ сказать мнѣ, что я останусь при немъ до тѣхъ поръ, пока самъ онъ пробудетъ въ Николаевѣ. Изъ этого можно полагать, что при Кнорингѣ не останусь.

На счетъ непріятеля здѣсь совершенно теперь уже успокоились. Даже приказано коммиссаріатской коммиссіи возвратиться въ Херсонъ. Но въ Крыму чего-то ждутъ. 15-я пѣхотная дивизія двинулась форсированнымъ маршемъ къ Перекопу; сегодня туда же пошла 7-я конная батарея (Зыбина) съ однимъ Уланскимъ полкомъ.

26-го октября.

Сегодня утромъ, 26 октября, въ 8 часовъ, уѣхалъ изъ Николаева въ Бахчисарай государь, а завтра туда же поѣдутъ великіе князья—Николай и Михаилъ. Сегодня былъ у меня послѣдній докладъ; кончивъ его, великій князь Михаилъ Николаевичъ взялъ меня за руку, поцѣловалъ и сказалъ: „Благодарю васъ за усердную, добросовѣстную и полезную службу“. Потомъ, когда я уходилъ, онъ вторично взялъ меня за руку и сказалъ: „Богъ дастъ, скоро опять увидимся“. Никогда не ожидалъ я, чтобы такъ удачно и счастливо исполнилъ я порученіе въ Николаевѣ.

До послѣдней минуты его высочество былъ и внимателенъ, и милостивъ ко мнѣ, но, главное, вполнѣ довѣрялъ мнѣ. Если бы я могъ постоянно служить при немъ, онъ нашелъ бы во мнѣ самаго вѣрнаго слугу. Воспоминаніе объ этихъ немногихъ дняхъ, въ которые я имѣлъ счастіе быть приближеннымъ къ великому князю, не изгладится изъ моей памяти. Философовъ также при прощаньѣ поцѣловалъ меня. Но этотъ человѣкъ на мои глаза много измѣнился. Онъ какъ будто поглупѣлъ. Его настоящее, повидимому, не завидное. По всему замѣтно, что онъ вліянія никакого не имѣетъ. Впрочемъ, не Вилламовъ, а онъ, ѣдетъ съ князьями въ Крымъ.

Опять положеніе мое неопредѣленное. Надолго ли останусь я при Кнорингѣ, не извѣстно, и что я буду дѣлать при немъ?

О Крымѣ слуху никакого. Но я по-прежнему убѣжденъ, что кампанія этого года не кончится безъ драки кровопролитной.

Благодаря Бога, погода до сихъ поръ стоитъ превосходная,—дни теплые и свѣтлые. А это чрезвычайно важно для земляныхъ работъ. Если инженеры дремать не будутъ, то Николаевскія укрѣпленія наши подвинутся впередъ,—и мы можемъ окопаться такъ, что непріятелю не легко будетъ подойти къ Николаеву весною.

27-го октября.

Сегодня проснулся, можно сказать, свободнымъ человѣкомъ. Съ отъѣздомъ великаго князя улетѣли и всѣ мои занятія и заботы. Послѣ чаю, не торопясь, отправился пѣшечкомъ къ Кнорингу. Онъ принялъ меня какъ нельзя болѣе внимательно, даже сказалъ, что самъ собирался ко мнѣ, чтобъ меня не безпокоить. Но докладъ мой, относившійся исключительно до вооруженія, выслушалъ слегка, поверхностно; кажется, эту главнѣйшую часть его обязанности онъ едва-ли и понимаетъ. Такъ что, ни одной резолюціи не положилъ на тѣ свѣдѣнія, которыя, по повелѣнію его высочества, ему я докладывалъ, а передалъ къ исполненію разныя глупыя бумаги, вовсе и не относящіяся даже до вооруженія Николаева. Для меня собственно этотъ трудъ несравненно легче, и если это будетъ такъ и далѣе, то я претендовать не буду: спокойно прозимую въ Николаевѣ. Но выиграетъ ли отъ этого сухопутная артиллерія, крѣпостная и полевая, равно морскаго вѣдомства собственно въ Николаевѣ, надъ которой, по высочайшей волѣ, назначенъ начальствовать?—Едва-ли!

Обѣдалъ въ „С.-Петербургской гостинницѣ". Офицеровъ тамъ всевозможныхъ родовъ службы—тьма-тьмущая, но болѣе другихъ ополченцевъ. Въ Николаевѣ, кажется, другихъ войскъ и нѣтъ кромѣ ополченцевъ. По крайней мѣрѣ, вездѣ ихъ однихъ только и встрѣчаемъ.

Послѣ обѣда завернулъ ко мнѣ Волоховъ. Великій князь Николай Николаевичъ предложилъ ему составить соображеніе на счетъ постройки въ Николаевѣ желѣзной дороги, на протяженіи 25 верстъ. По словамъ Волохова, предпріятіе это встрѣтило сильную оппозицію отъ великаго князя Константина Николаевича, а потому государемъ и не утверждено. Впрочемъ, и сумма для постройки такой дороги выходила довольно значительная,—до 270 тыс. Волоховъ не сказалъ мнѣ, почему возсталъ противъ этой операціи великій князь Константинъ Николаевичъ, потому ли, что не предвидѣлъ успѣха, или потому, что не находилъ крайней надобности въ желѣзной дорогѣ, или же, наконецъ, по причинѣ стоимости ея. Послѣднее, вѣроятно, не могло подвинуть великаго князя на оппозицію, если бъ признавалъ онъ

существенную отъ дороги пользу. Нѣтъ сомнѣнія, что морякамъ дорога не понравилась, по крайней мѣрѣ, недѣлю тому назадъ, Петлинъ, разговаривая со мной объ этомъ предпріятіи, сильно осуждалъ его. Во-первыхъ, онъ не допускалъ возможности прочно утвердить рельсы на такой глинистой почвѣ, какая въ Николаевѣ; во-вторыхъ, дорогу проработаютъ цѣлую зиму, и она поспѣетъ не ранѣе, какъ къ веснѣ, и тогда въ ней надобности не будетъ, ибо вездѣ будетъ сухо. Вѣроятно, разсужденіе это доложилъ онъ и великому князю. Не хотятъ же моряки, особенно Петлинъ, постройки желѣзной дороги единственно потому, что матеріалы потребуютъ изъ ихъ адмиралтейства, а онъ скупъ на нихъ, какъ жидъ. Въ этомъ я лучше всего убѣдился при постройкѣ въ здѣшнемъ адмиралтействѣ Волохова дрогъ.

Записки стараго актера.

I [1]).

Приступая ко второй части моихъ записокъ, хочу дополнить первыя нѣкоторыми пропущенными подробностями, характеризующими пережитое время.

До пожара Большаго театра въ 1852 году въ немъ помѣщалось все управленіе, т. е. контора, внизу въ небольшомъ залѣ съ тремя окнами, въ сторону Малаго театра. При входѣ изъ большихъ сѣней для публики въ дверь, слѣва передъ вами былъ полутемный узенькій корридоръ, образованный невысокими, аршина въ три, перегородками, какія ставятся въ очень немудреныхъ нумерахъ. За этими перегородками были еще поперечныя перегородки, раздѣлявшія помѣщеніе на небольшія комнатки, какъ справа, такъ и слѣва, во всю длину зала. Въ каждой такой комнаткѣ помѣщался столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, гдѣ и возсѣдалъ столоначальникъ извѣстнаго отдѣла и при немъ писецъ или два.

Отдѣловъ было немного: во-первыхъ, конторка бухгалтера, комнатка, такъ называемаго, репертуарнаго стола, далѣе — столъ гардеробный, столъ хозяйственный, для бесѣды съ разными поставщиками, засимъ кабинетъ управляющаго конторой Верстовскаго и, наконецъ, рядомъ съ нимъ, большая деревянная клѣтка, гдѣ можно было видѣть, какъ, пользуясь каждой свободной минутой, усердно молился на образъ съ большой стеклянной лампадой казначей Иванъ Евдокимовичъ Покровскій; въ прилизанномъ черномъ, какъ смоль, паричкѣ, изъ-подъ котораго большими сосками торчали остатки собственныхъ рыжихъ

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1905 г.

съ просѣдью волосъ, съ лицомъ, представлявшимъ одинъ сплошной угорь, такого цвѣта какъ у индюка, когда онъ сердится, со всѣми мельчайшими оттѣнками.

Человѣкъ онъ былъ характерный, вѣчно чѣмъ-то недовольный и раздраженный. При раздачѣ жалованья не бывало ни одного мѣсяца, чтобы онъ кому-нибудь изъ несвѣдущихъ служащихъ не вручилъ неудобной бумажки, которую не принимаютъ ни въ одной лавкѣ. Разъ она принята изъ оконца клѣтки и получившій отошелъ, казначей обратно ее не приметъ, а начнетъ долго и раздраженно доказывать, что неудобныхъ бумажекъ въ казнѣ не бываетъ. „Отдайте туда, гдѣ взяли, а у меня неудобныхъ нѣтъ, я ихъ не принимаю".

Никакія просьбы, никакія жалобы бѣдняковъ не заставляли его измѣнить свое рѣшеніе. Это знали всѣ, а потому усердно разглядывали бумажки тутъ же у оконца, что̀ его страшно раздражало, и лицо-угорь, когда онъ не разсерженъ, было только пунцовое съ небольшими оттѣнками, но при раздраженіи мгновенно принимало ярко-багровый цвѣтъ, съ причудливо выступавшими голубыми и лиловыми оттѣнками раздраженнаго индюка. „Васъ тутъ триста человѣкъ придетъ, а я одинъ, нельзя такъ долго разглядывать".

А разъ было выражено такое неудовольствіе, оно уже не прекращалось до конца выдачи. Всѣ получали, отходили въ сторону, а голосъ казначея, на подобіе дребезжавшей, попорченной трубы, продолжалъ назойливо лѣзть въ ухо каждому.

Передъ началомъ выдачи совершались слѣдующія довольно сложныя операціи: во-первыхъ, шла долгая молитва съ колѣнопреклоненіемъ, глубокими вздохами передъ образомъ съ большой лампадой, потомъ открывалась конторка, и одинъ за другимъ извѣстнымъ порядкомъ вынимались ордена, прикалывались и навѣшивались на подлежащія мѣста, и, прежде чѣмъ водворить орденъ на указанное мѣсто, онъ осѣнялъ себя огромнымъ крестомъ и съ благоговѣніемъ цѣловалъ каждый. Когда эта долгая процедура кончалась, онъ подходилъ къ оконцу клѣтки, гдѣ находилась другая конторка, побольше, снова осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ и тогда уже открывалъ ее. Тутъ лежали деньги, съ такой же молитвой взятыя раньше изъ желѣзнаго сундука, стоявшаго въ сторонѣ у стѣны.

Но надо отдать ему справедливость, онъ не всегда былъ раздраженъ, и у него бывали минуты необыкновеннаго доброжелательства. Напримѣръ, является господинъ или госпожа, получающіе 95 рублей, что̀ по тому времени считалось очень много. Вдругъ пунцовое лицо ослабляется пріятной улыбкой, отсчитывая депозитки, кладя аккуратно одну на другую: „тридцать, тридцать три, тридцать шесть, тридцать девять, сорокъ". Рука всей пятерней положена на бумажки, пріятная

улыбка во все лицо. „Довольно, право, довольно!...“ голосъ насколько возможно дѣлается мягкимъ и нѣжнымъ.

— Вѣдь проживете!... право, проживете, сколько ни дай. А тутъ прожили, приходите ко мнѣ: Иванъ Евдокимовичъ, у меня денегъ нѣтъ, а я вамъ сейчасъ двѣ красненькихъ, пожалуйте — получите. Опять прожили, опять ко мнѣ, а я вамъ, пожалуйте красненькую, а то и двѣ. Глядишь, до конца мѣсяца и обошлись, а тутъ кромѣ жалованья еще и скопъ!... Право, не берите всѣхъ, добро вамъ хочется сдѣлать.

— Нѣтъ ужъ, добрый человѣкъ, давайте всѣ.

— Ну. что жъ, мнѣ какъ хотите.

Пріятная улыбка исчезаетъ, и ликъ багровѣетъ до ушей. „75, 80, 85, 90“. Пятерня снова на пачкѣ денегъ, и длинный пронизывающій взглядъ, кажется, готовый проникнуть въ самую душу получателя, останавливается на немъ вопросительно.

— И пятерки не оставите?!!

— Нѣтъ.

Кучка денегъ злобно отталкивается къ получающему.

— На-те, берите!... Мнѣ все равно. Послѣ сами жалѣть будете.

— Иванъ Евдокимовичъ!... — слышится голосъ изъ кабинета управляющаго.

Несмотря на свое физическое убожество (немного согнутую ногу и въ бокъ выдавшееся бедро), Иванъ Евдокимовичъ или Квазимодо, какъ между собой называли его всѣ, что бы ни дѣлалъ въ эту минуту, мгновенно бросалъ все и, насколько позволяло убожество, быстро ковылялъ въ кабинетъ управляющаго. При входѣ его, прежде всего слышалось властное длинное — Э-э!... дальше тихія неразборчивыя слова начальника и въ высшей степени смягченная труба казначея.

По выходѣ изъ кабинета отъ начальника, глядя на лицо казначея, можно было судить, какова была бесѣда: лицо пунцовое—значитъ, все благополучно, багровое съ сильно выраженными оттѣнками—значитъ, была не совсѣмъ спокойная бесѣда. Вообще, при возгласѣ управляющаго во всемъ помѣщеніи конторы дѣлалась особенная тишина, такъ что можно было слышать скрипъ пера кого-нибудь изъ столоначальниковъ, навѣрное писавшаго хуже обыкновеннаго, такъ какъ тряслись руки.

Послѣ пожара театра, хотя контора уцѣлѣла, но начальство распорядилось взять для нея частное помѣщеніе, и вотъ недалеко отъ театра наняли небольшой домъ, немногимъ просторнѣе прежней конторы.

По возобновленіи сгорѣвшаго театра въ 1856 году, мѣста для конторы не нашлось, и она осталась въ наемномъ помѣщеніи.

Съ назначеніемъ Л. Ѳ. Львова, дирекція купила около Малаго театра домъ бывшихъ военныхъ кантонистовъ, весь передѣлала, перестроила, и воспитанницы изъ старой школы со всѣмъ штатомъ были переведены въ новое зданіе, а уже на ихъ мѣстѣ основалась контора, съ управляющимъ Пельтомъ во главѣ. И разсыпались три стола со столоначальниками, клѣткой казначея, конторкой бухгалтера и кабинетомъ управляющаго по громадному зданію бывшей школы.

Неклюдовъ, замѣстившій Львова, занялъ казенную квартиру, служившую раньше для пріѣзда изъ Петербурга директора Гедеонова, внизу подъ конторой, а Пельтъ, послѣ него утвердившись на мѣстѣ, уже прямо отдѣлилъ для себя часть бельэтажа и съ каждымъ годомъ присоединялъ по комнатѣ. Наконецъ, помѣщеніе конторы было сдвинуто въ огромный мраморный залъ и рядомъ бывшую рекреаціонную, а все остальное цѣликомъ стало квартирой управляющаго и частью квартирой Бѣгичева. А съ ихъ легкой руки, не только старое зданіе бывшаго училища, а даже вновь выстроенный двухъэтажный корпусъ по переулку цѣликомъ поступилъ подъ квартиры чиновниковъ.

Подъ управленіемъ Пельта и Бѣгичева театръ замѣтно сталъ клониться къ упадку. Этому способствовало не одно непониманіе дѣла первымъ или халатность и неряшество къ своимъ обязанностямъ вторымъ, а во многихъ случаяхъ тутъ были и другія причины. Для того чтобы принять въ драматическую труппу двухъ никому неизвѣстныхъ любительницъ, которыхъ они ужъ и такъ набрали довольно за свое управленіе, была уволена талантливѣйшая молодая актриса, только два года вышедшая изъ школы и съ перваго шага на сценѣ въ трагической роли произведшая очень большое впечатлѣніе и на публику, и на товарищей. Всѣ безъ исключенія предсказывали ей блестящую будущность. Не привожу множество другихъ примѣровъ подобныхъ безцеремонныхъ продѣлокъ, которые они практиковали, не стѣсняясь.

Послѣ десяти, одиннадцати лѣтъ такого правленія Пельтъ умеръ, и исправлять его должность назначили бывшаго инспектора школы и смотрителя Малаго театра Обера. Какъ старый служака, ретивый лишь въ томъ, что заключалось въ предѣлахъ „отъ сихъ и до сихъ“, конечно, онъ не могъ поддержать падающаго дѣла, да, кромѣ того, самъ такъ уже размякъ, что ничѣмъ не проявлялъ своего „я“, а дѣлалъ все по словамъ Бѣгичева: что скажетъ онъ, то и будетъ.

Около двухъ лѣтъ тянулось это мертвящее исправленіе должности. Театръ мало-по-малу сталъ посѣщаться публикой все меньше и меньше, даже въ такіе мѣсяцы, когда въ прежнее время билеты брались съ боя. Всѣ, истинно преданные искусству, опустили головы и съ отчаяніемъ смотрѣли въ будущее. Какъ исполнители чужой

воли, какъ бы ни шла она въ разрѣзъ съ общими понятіями, должна быть исполнена, и увы!... скрѣпя сердце исполнялась.

Вдругъ прошелъ радостный слухъ!... новый управляющій!... Да кто?... Литераторъ, писатель гр. С. И самъ будетъ завѣдывать сценой, будетъ ставить избранныя имъ пьесы, возстановитъ намъ Островскаго, Писемскаго, которыхъ играли только тогда, когда ставить новое или возобновлять хорошее старое было лѣнь. И опять въ наше темное царство проникъ свѣтлый лучъ надежды; каждый спрашивалъ: „когда же? Скоро ли?“ И, наконецъ, вся труппа Малаго театра собралась на сценѣ для встрѣчи съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемаго начальника писателя-литератора.

Вступительная рѣчь къ труппѣ была дѣльная, толковая, много обѣщающая. Многія указанія на текущій репертуаръ, на его недостатки были безусловно справедливы. Вообще вся рѣчь подняла духъ и поселила надежду на скорое исцѣленіе недуга, которымъ столько лѣтъ страдалъ нашъ театръ. Бѣгичевъ, какъ и всегда, весело и добродушно посмѣивался, какъ будто словамъ и обѣщаніямъ начальника онъ не придавалъ ровно никакого значенія.

Сезонъ начался такъ же безцвѣтно, вяло, какъ и всѣ предыдущіе. Гр. С. постоянно въ литерной ложѣ; послѣ каждаго акта приходилъ на сцену, хвалилъ исполненіе и каждый разъ заявлялъ, что нужно позаботиться освѣжить репертуаръ, и онъ уже принялъ мѣры, даже имѣетъ отъ одного извѣстнаго, почтеннаго автора обѣщаніе дать свою пьесу; сюжетъ ему извѣстенъ, роли для всѣхъ превосходныя, и мужскія и женскія, „такъ, что вамъ, господа, есть надъ чѣмъ поработать“, прибавлялъ онъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій обѣщанная пьеса получена, роли расписаны, розданы; назначена читка. Самъ почтенный авторъ не пріѣдетъ, а поручилъ ему, т. е. гр. С., заняться постановкой.

Въ общемъ пьеса, оказалась не пьесой, а рядомъ скучныхъ, длинныхъ безцвѣтныхъ монологовъ; не люди въ ней дѣйствуютъ, а какія-то ходячія тенденціи; при каждой встрѣчѣ двухъ, трехъ лицъ, слышите, что всѣ вмѣстѣ и каждый порознь поучаютъ другъ друга, всѣ обижены, всѣ недовольны; пьесы никакой нѣтъ, одни слова, въ которыхъ ни новаго, ни интереснаго тоже не имѣется. И что особенно странно, пьеса безспорно русская, дѣйствіе происходитъ въ одной изъ коренныхъ нашихъ губерній, а между тѣмъ чувствуется необыкновенно тяжелый слогъ и обороты рѣчи совсѣмъ не русскіе, такъ и кажется, что это плохой переводъ не то съ нѣмецкаго, не то съ французскаго языка.

Пьеса, конечно, не могла имѣть успѣха и послѣ втораго представленія сдана въ архивъ. Потомъ была поставлена вторая, почти

такого же достоинства, третья была немногимъ лучше двухъ первыхъ, и только старыя пьесы съ лучшими силами труппы поддерживали еще престижъ Малаго театра.

Кончился сезонъ, и на душахъ работниковъ не просвѣтлѣло, какъ они надѣялись, а еще болѣе сгустился окружающій мракъ отъ обманутыхъ ожиданій.

На слѣдующую зиму повторилось почти то же самое. Интересенъ выводъ какой сдѣлалъ начальникъ изъ охлажденія публики къ Малому театру: по его мнѣнію это происходитъ потому, что публикѣ просто надоѣли одни и тѣ же лица актеровъ и актрисъ, а чтобы поднять, освѣжить и заставить опять интересоваться публику, всѣ актеры и актрисы должны служить не болѣе одного сезона, за симъ увольняться, и на слѣдующую зиму вся труппа должна быть новая, совершенно незнакомая публикѣ. „И такъ должно поступать постоянно, мѣняя труппу“, завершилъ онъ.

— Хоръ поетъ хорошо, когда спѣлся,—отвѣчали ему.

— Я говорю не о хорѣ, а объ интересѣ публики къ новымъ лицамъ.

Но должно быть сама судьба сжалилась надъ несчастными художниками, и этотъ странный планъ не былъ приведенъ въ исполненіе: въ концѣ сезона, почему, не извѣстно, онъ долженъ былъ оставить службу, а съ нимъ вмѣстѣ, тоже по неизвѣстной причинѣ, вышелъ со службы и Бѣгичевъ.

Слѣдъ, оставленный его недолгой службой, какъ и всѣми его предшественниками, заключался въ двухъ новыхъ столахъ въ конторѣ съ новыми столоначальниками и писцами. Это, впрочемъ, было обычнымъ явленіемъ у каждаго начальника.

Въ одномъ изъ этихъ столовъ прикладывались печати къ почтамтскимъ повѣсткамъ для засвидѣтельствованія личности получателя, а къ другому столу мнѣ не приходилось обращаться и его дѣятельность такъ и осталась для меня тайной.

II.

Новый начальникъ И. М. П—ковъ былъ не литераторъ, а отставной военный; джентльменъ, въ полномъ смыслѣ слова; добръ, простъ, искренекъ, довѣрчивъ. Эти дорогія качества, по моему личному мнѣнію, далеко не всегда достигаютъ тѣхъ благихъ результатовъ, какіе по справедливости они должны бы вызывать въ окружающихъ.

Новый начальникъ никому не представлялся, рѣчей никакихъ не произносилъ, а въ. первый же спектакль по пріѣздѣ вошелъ къ намъ въ такъ называемую „курилку", просто, безъ всякихъ околичностей, рекомендовался, кто онъ, и почему здѣсь, что̀, конечно, своей неожиданностью произвело нѣкоторое смущеніе; мы не привыкли такъ встрѣчать начальниковъ. Антрактъ вслѣдствіе сложной постановки сцены былъ нѣсколько болѣе обыкновеннаго, и за этотъ короткій срокъ бесѣда приняла такую простую обыкновенную форму, какъ будто это былъ не начальникъ, а самый обыкновенный знакомецъ, постоянный посѣтитель курилки. Каждый антрактъ онъ приходилъ къ намъ и все болѣе и болѣе становился своимъ.

Такъ проходила недѣля, другая: сборы продолжали быть слабыми, и онъ выражалъ сожалѣніе и удивленіе, что публика такъ холодно и безучастно стала относиться къ Малому театру, несмотря на художественное исполненіе и удивительный ансамбль, котораго онъ никогда и нигдѣ не видалъ, кромѣ Малаго театра.

Хотя ставились новыя пьесы, дѣйствительно съ серьезными достоинствами, хотя наши премьеры и премьерши вызывали громы рукоплесканій, но тѣмъ не менѣе чувствовалось, что поле дѣятельности ихъ съужено и не даетъ простора во всю ширь проявить свои дарованія.

Между тѣмъ главный режиссеръ, или режиссеръ—по навыку, какъ я назвалъ его въ первой части моихъ записокъ (о немъ мнѣ придется говорить много, уже какъ о дѣйствующемъ лицѣ, прослужившемъ пятьдесятъ лѣтъ), понялъ сразу, съ кѣмъ на этотъ разъ ему приходится имѣть дѣло, и извѣстными ему путями, которыми столько разъ завоевывалъ свое незаслуженное положеніе, заставилъ и новаго начальника увѣровать въ свою непогрѣшимость, въ смыслѣ обширныхъ знаній дѣла, а главное, въ свою безукоризненную, неподкупную честность, вслѣдствіе чего, за выходомъ въ отставку Бѣгичева, какъ инспектора репертуара, онъ достигъ того, что на эту должность не было назначено новое лицо, а всю власть инспектора скромно, тихо, безъ шума и грома присвоилъ себѣ. Назначеніе репертуара, раздача ролей,—все дѣлалось по его негласному усмотрѣнію.

Каждый день являясь къ контору съ докладомъ о своихъ дѣйствіяхъ по сценѣ, онъ къ собственнымъ измышленіямъ прикладывалъ печать начальника, какъ будто такое распоряженіе исходило отъ него, а онъ только исполнитель его предначертаній.

Создавъ такой щитъ, ограждающій его отъ нареканій, онъ совершалъ иногда просто возмутительныя продѣлки; зная, что охотниковъ бесѣдовать съ начальствомъ найдется немного, онъ всегда имѣлъ возможность представить дѣло такъ, что выходило если поступить

иначе, значитъ, повредить дѣлу. А чтобы показать, какъ онъ понималъ дѣло, приведу такой примѣръ: при постановкѣ трагедіи Алексѣя Толстаго „Борисъ Годуновъ", въ сценѣ представленія посольствъ онъ придумалъ такой эффектъ: входитъ персидскій посолъ, съ блестящей свитой въ тронную палату Годунова, вдругъ за кулисами раздаются звуки превосходнаго стройнаго военнаго оркестра, играющаго современный персидскій маршъ.

Да вѣдь какъ заботился, говорятъ, чтобы они не заиграли какой другой, а непремѣнно персидскій.

Александръ Николаевичъ Островскій, прекрасно зная обширныя знанія главнаго режиссера, особенно въ историческихъ, народныхъ произведеніяхъ, старался избѣгать его услугъ, тѣмъ болѣе, что всегда самъ ставилъ свои пьесы; но нельзя же и главному режиссеру съ своей стороны не принять участія въ постановкѣ, вѣдь это подрываетъ воображаемый престижъ въ глазахъ подчиненныхъ, престижъ, которымъ онъ дорожилъ больше всего.

Репетиція съ авторомъ назначена въ одиннадцать часовъ, онъ же собираетъ народъ въ половинѣ десятаго (статисты и говорящіе мелкіе актеры), для уясненія имъ изображаемыхъ событій, того, какъ въ этомъ случаѣ они должны вести себя и т. д. Возился онъ съ этими объясненіями цѣлыхъ полтора часа, все повторяя и повторяя трудныя мѣста. Пріѣхалъ Александръ Николаевичъ, началась репетиція, а вотъ и народная сцена. Смотритъ Александръ Николаевичъ и недоумѣваетъ!.. Наконецъ спрашиваетъ режиссера:

— Это что жъ такое они дѣлаютъ?

Режиссеръ услужливо объясняетъ. Александръ Николаевичъ, съ присущей ему добродушной улыбкой, оправляя снизу свою рыженькую бородку, ласково и снисходительно говоритъ:

— Этого вѣдь совсѣмъ не нужно. По исторіи-то оно не такъ выходитъ. Нѣтъ, вы оставьте это дѣло!.. Я ужъ самъ какъ-нибудь сдѣлаю.

Вотъ вамъ и престижъ!..

Послѣ этого, до конца жизни режиссеръ не могъ равнодушно слышать имя Александра Николаевича, а когда овладѣлъ полномочіями инспектора репертуара, то всѣ произведенія Островскаго на много лѣтъ были изгнаны съ московской сцены и только изрѣдка, по особому случаю, ихъ можно было видѣть на афишѣ, и то тогда, когда объ этомъ заговорила вся печать.

Какъ случилось, что онъ не зналъ о готовящемся ему сюрпризѣ, можно было только удивляться, такъ какъ онъ зналъ всегда рѣшительно все!..

Были ли у него шпіоны, это не извѣстно, но о малѣйшемъ случаѣ,

бывшемъ или готовящемся быть, онъ былъ прекрасно освѣдомленъ. А на этотъ разъ была для него дѣйствительно неожиданность.

По обыкновенію шла бесѣда въ курилкѣ съ начальникомъ, который уже окончательно обворожилъ всѣхъ своей простотой, искренностью; разсуждали о томъ, что сборы хотя и поправляются, публика видимо опять начинаетъ интересоваться театромъ, но все какъ-то туго, и какія бы принять мѣры, чтобы еще болѣе расположить ее къ театру. Вдругъ онъ предлагаетъ слѣдующій способъ:

— А что вы скажете, господа, если одинъ разъ въ недѣлю мы всѣ будемъ сбираться у меня? Конечно, прошу запросто, по дѣлу, и будемъ обсуждать сообща, какъ и что намъ предпринять? Я думаю, что это можетъ помочь бѣдѣ.

Предложеніе небывалое, изъ котораго можно видѣть, съ кѣмъ мы имѣли дѣло. Всѣ съ восторгомъ ухватились за эту мысль, такъ какъ, дѣйствительно, это лучшій способъ стряхнуть спячку, общій застой.

Является режиссеръ съ докладомъ, что сцена готова, можно начать,—и сюрпризъ ему тоже готовъ:

— С. А., я сейчасъ предложилъ... и въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ дѣло.

Тутъ самъ Талейранъ позавидовалъ бы умѣнію нашего режиссера скрывать свои мысли!... но отъ насъ — лицедѣевъ, ничего укрыться не могло!... Мы были слишкомъ хорошо знакомы съ этимъ типичнымъ, не русскимъ лицомъ и ясно видѣли сокращеніе мускуловъ, исказившихъ его неожиданностью и злобой!... Правда, это было только пойманное мгновеніе, какъ молнія, а слѣдующее — оно уже озарилось улыбкой и полнымъ согласіемъ: „Что лучшаго способа и придумать невозможно“.

Такъ какъ было получено такое искреннее согласіе со стороны главнаго составителя репертуара, вѣра въ котораго видимо все росла и укрѣплялась у начальника, то въ слѣдующій антрактъ былъ опредѣленъ день и часъ перваго совѣщанія.

Впрочемъ, на первое режиссеръ не явился, объясняя свое отсутствіе спѣшной, неотложной работой.

Хозяинъ и хозяйка оказались простыми, радушными людьми; въ присутствіи ихъ каждый чувствовалъ себя, какъ дома.

Первое совѣщаніе было горячо, велось энергично и въ будущемъ обѣщало принести ту пользу, на которую всѣ разсчитывали и надѣялись. Второе, третье обсужденіе, несмотря на молчаливое присутствіе главнаго режиссера, велось удачно, а далѣе стали происходить задержки въ рѣшеніяхъ, маленькіе споры, неудовольствія, и эти проявленія, къ несчастью, росли и множились. Почему? Думаю, мелкихъ причинъ было не мало, а главная—это справедливость русской

пословицы: „своя рубашка ближе къ тѣлу“; съ этимъ же чувствомъ всякая забота объ общемъ благѣ отходитъ на второй планъ. Такъ и въ этомъ дѣлѣ: каждый старался предлагать ту пьесу, гдѣ для него имѣлась интересная роль. А общее благо, публика? Конечно, никто не скажетъ прямо, но думаетъ каждый: „Разъ я играю роль, которая мнѣ нравится, а я, разумѣется, играю ее хорошо (въ глубинѣ души: съ неподражаемымъ совершенствомъ), вотъ и благо для публики видѣть меня и наслаждаться“.

Несмотря на то, что тотъ, кому принадлежала иниціатива этихъ совѣщаній, какъ предсѣдатель велъ себя мастерски, не склоняясь ни на ту, ни на другую сторону, заботясь только о примиреніи и равновѣсіи общихъ интересовъ,—но эти стремленія не приводили къ желанной цѣли. Червь самолюбія, да какого! актерскаго!... точилъ и точилъ всѣхъ и вызывалъ раздраженіе.

Съ каждымъ совѣщаніемъ общее волненіе усиливалось, многіе стали отставать, не являться подъ разными предлогами, и, наконецъ, совѣщанія заглохли и прекратились совсѣмъ.

Эта неудача въ душѣ предсѣдателя, замѣтно поселила разладъ. Всѣ его добрыя намѣренія примирить, успокоить, разбились о наше самолюбіе и неуступчивость. Были и другія причины, которыя заставили его измѣнить свое мнѣніе о нѣкоторыхъ изъ насъ. Увы!... въ какомъ же обществѣ не бываетъ исключеній. Кромѣ того, думается, что на дальнѣйшія его отношенія къ намъ отчасти повліяло и режиссерское воздѣйствіе, а мы нашими распрями и иными поступками, только подтвердили его прежнія увѣренія въ нашу неподготовленность къ самопомощи. На этотъ разъ онъ былъ правъ; глубоко вѣрю, что главными виновниками неудачи были мы сами. Я не кладу вины на всѣхъ, это была бы клевета, но гдѣ же видано, чтобы въ цѣломъ стадѣ овецъ не нашлось одной или двухъ испорченныхъ.

Съ окончаніемъ совѣщаній, нашъ бывшій предсѣдатель замѣтно сталъ избѣгать посѣщенія курилки, хотя бывалъ на сценѣ почти каждый антрактъ, что вызывало со стороны нѣкоторыхъ изъ насъ недостойное глумленіе по его адресу.

Разъ задавшись мыслью помочь дѣлу хоть въ будущемъ, онъ не оставилъ ее, несмотря на неудачу перваго опыта. Онъ чаще и чаще сталъ посѣщать театральную школу и, наконецъ, рѣшилъ возобновить давно упраздненные драматическіе классы, пригласивъ въ преподаватели Г. Н. Ѳедотову и О. А. Правдина.

Оба, безъ всякаго вознагражденія со стороны дирекціи, съ полной охотой и любовью принялись за дѣло.

Какъ во времена Щепкина и Самарина, ими были приглашены къ участію молодые начинающіе актеры и актрисы. Впрочемъ, ника-

кихъ приглашеній и дѣлать не нужно было, такъ какъ всѣ сами наперерывъ другъ передъ другомъ просили ихъ объ этомъ, не только драматическіе, но даже и балетные; кромѣ того стали являться и посторонніе, не принадлежащіе къ театру.

Въ первую же зиму дѣло пошло успѣшно; маленькія комедіи, сцены, даже такія произведенія, какъ „Снѣгурочка“ Островскаго. Все это было только начало, первые шаги, а съ такими преподавателями смѣло можно было надѣяться на блестящее будущее.

Возстановитель классовъ видимо былъ въ полномъ восторгѣ. Г. Н. Ѳедотова пригласила на спектакль нашего бывшаго учителя И. В. Самарина; вообще, всѣ, кто служилъ дѣлу, а не лицамъ и собственному „мамону“, видѣли въ этой нелегкой работѣ двухъ даровитыхъ товарищей доброе будущее нашей родной сцены и заботу о благѣ театра нашего предсѣдателя.

Прошла зима, наступило вакаціонное время, и занятія прекратились. Съ августа снова начался наплывъ учениковъ, еще большій, чѣмъ раньше, преподаватели же не только не уменьшили своей энергіи, а еще болѣе отдались принятому на себя дѣлу.

Не могу утверждать, въ августѣ или сентябрѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что А. Н. Островскій поступаетъ къ намъ завѣдующимъ сценой, а А. А. Майковъ—завѣдующимъ хозяйственной частью. Нашъ предсѣдатель остается только управляющимъ конторой. Поступленіе Майкова до насъ не касалось и намъ было все равно, тотъ ли, другой ли, но поступленіе Островскаго, во всей труппѣ безъ исключенія, вызвало восторгъ неописуемый!.. Еще бы!.. Самъ Александръ Николаевичъ!.. Да такое счастье можно было видѣть только во снѣ. Кто изъ насъ не зналъ его, когда онъ по двѣ, по три недѣли бывалъ у насъ, ставя свои произведенія!.. Кто не слыхалъ несравненнаго чтенія пьесъ, когда онъ знакомилъ насъ съ ними!.. Кто не видалъ его, ходящаго позади сцены съ заложенными руками за спину и внимательно слушавшаго репетицію? Кому изъ насъ не случалось обращаться къ нему, какъ къ автору, за дозволеніемъ сократить въ своей роли то, что нѣсколько задерживало ходъ и стѣсняло актера. И какой отвѣтъ получался на это:

„А мнѣ что за дѣло? Я не судья въ этомъ случаѣ. Вамъ нужно, васъ стѣсняетъ, и выкидывайте, что хотите. Я писалъ, а принимать на себя приходится вамъ, значитъ, вамъ оно и чувствительнѣе“. Многіе же другіе авторы, обыкновенно, не только не позволятъ выкинуть ни одного слова, а если даже случайно выйдетъ перестановка ничтожной фразы, такъ ужъ слышите замѣчаніе автора отъ суфлерской будки: „Вы переставили фразу“. Это, видите ли, авторъ обладаетъ своеобразнымъ языкомъ, въ его произведеніи нельзя ни одного слова ни выкинуть, ни переставить.

Вся труппа въ полномъ составѣ поѣхала на Николаевскій вокзалъ встрѣчать дорогаго каждому писателя, начальника и человѣка. Заранѣе былъ заказанъ обѣдъ, куда прямо съ вокзала и поѣхали всѣ.

Тутъ произошелъ маленькій, въ сущности, ничтожный инцидентъ: вмѣстѣ съ Островскимъ пріѣхалъ и Майковъ; мы это знали раньше и желали пригласить и его, какъ новаго хозяина, такъ сказать, просить его сдѣлать намъ честь своимъ присутствіемъ, но когда Александръ Николаевичъ вышелъ изъ вагона, гдѣ сидѣлъ и Майковъ, мы уже видѣли только одного Островскаго, Майкова съ нимъ не оказалось: онъ куда-то шмыгнулъ и скрылся. Это странное исчезновеніе Александръ Николаевичъ объяснилъ такъ:

— Онъ чувствуетъ себя усталымъ и на обѣдѣ быть не можетъ.

Мы пожалѣли и не приписывали этому никакой иной причины, кромѣ сказанной Александромъ Николаевичемъ. „Но умыселъ другой тутъ былъ“ и объ обѣдѣ съ нами, какъ баринъ стараго закала, имѣлъ собственное соображеніе.

Обѣдъ былъ въ высшей степени интересный своими рѣчами, какъ главнаго виновника его, такъ и со стороны актеровъ. Даже нашъ знаменитый художникъ-парикмахеръ Bienvenue (Сильванъ), на невообразимо ломаномъ русскомъ языкѣ, не преминулъ сказать нѣсколько сердечныхъ привѣтственныхъ словъ великому драматургу, равно какъ и объ ожидающей насъ новой эрѣ. Смыслъ получилъ общее одобреніе, но слова, которыми была высказана рѣчь, увы!.. вызвали смѣхъ.

Прошло дня три, Александръ Николаевичъ заявляетъ на репетиціи, что Майковъ желаетъ представиться труппѣ и для этого назначается такой-то день.

— Только прошу васъ во фракахъ, господа. Вѣдь онъ у насъ чудакъ большой руки и обожаетъ парады. Ужъ сдѣлаемъ ему это удовольствіе, дальше онъ нашего дѣла касаться не будетъ, онъ только по хозяйству мастакъ.

День назначенъ, репетиціи нѣтъ, и вся труппа, разодѣтая парадно, ожидаетъ на сценѣ Островскаго и Майкова. Одиннадцать часовъ; капельдинеръ вбѣгаетъ, запыхавшись, и гласитъ: „Пріѣхали, идутъ“. Первымъ входитъ Александръ Николаевичъ, въ мундирѣ, за нимъ, сѣменя ножками, показался маленькій, невзрачный, еще не старый человѣчекъ, тоже въ мундирѣ.

— Вотъ тебѣ, Аполлонъ Александровичъ, вся наша труппа.

Маленькій человѣчекъ на эту рекомендацію какъ-то странно кивнулъ головкой, не то намъ, не то Островскому, и при этомъ отвѣтилъ только однимъ звукомъ—„Г-мъ!..“ Оба пошли по линіи стоящихъ актеровъ и актрисъ.

Александръ Николаевичъ, останавливаясь передъ каждымъ, назы-

валъ имя и фамилію, Майковъ тоже пріостанавливался, — быстро взглядывалъ въ лицо, произносилъ—„Г-мъ!..“ и шелъ дальше. Наконецъ, дошелъ до машиниста Малаго театра, маленькаго, толстенькаго человѣчка (который еще наканунѣ преусердно просилъ Александра Николаевича представить Майкову и его). „Вотъ нашъ машинистъ К—въ“, произнесъ Александръ Николаевичъ.

Майковъ сравнительно долго, въ упоръ, смотрѣлъ ему въ лицо и тоже произнесъ только—„Г-мъ!..“

Такъ обойдя всѣхъ до послѣдняго человѣка, не сказавъ никому ни одного слова, онъ тѣмъ же порядкомъ направился къ выходу, а за нимъ уже слѣдовалъ Александръ Николаевичъ.

Да простятъ мнѣ это сравненіе: сцена представленія ужасно походила на осмотръ лошадей.

По уходѣ начальниковъ всѣ остались въ какомъ-то недоумѣніи на нѣсколько секундъ. Вдругъ раздается голосъ Владиміра Александровича Макшеева:

— А знаете, господа!.. Мнѣ понравилась рѣчь Майкова, очень искренна, сердечна, а главное—не пустословитъ.

Эта выходка завершилась аплодисментами и общимъ хохотомъ.

III.

Недѣли за двѣ до извѣстія, которое дошло до труппы о назначеніи Островскаго, всѣ были очень удивлены полученнымъ репертуаромъ, выдаваемымъ обыкновенно на недѣлю, гдѣ значились двѣ пьесы давно забытаго Островскаго. Послѣ встрѣчи его, какъ начальника, опять двѣ пьесы на одной недѣлѣ. Александръ Николаевичъ заявилъ главному режиссеру и составителю репертуара:

— Вотъ что, С. А., покорнѣйше прошу моихъ пьесъ не ставить. Я поступилъ совсѣмъ не для этого; мнѣ еще и такъ предстоитъ ставить „Воеводу“, такъ оно и неблаговидно выходитъ.

Вскорѣ, дѣйствительно, назначена была читка „Воеводы“; читаетъ авторъ, а это всегда было праздникомъ для всѣхъ: не только участвующіе, а и неучаствующіе всегда являлись слушать это дивное, несравненное чтеніе. На этой читкѣ Александръ Николаевичъ заявилъ слѣдующее:

— Я, господа, ввожу для постановки всѣхъ новыхъ пьесъ такое правило: кромѣ этой читки, еще будетъ три. Поставимъ на сценѣ столы, засядемъ всѣ, и каждый будетъ читать свою роль, давая по

возможности тонъ и характеръ лица. Это важно потому, что всѣ участвующіе будутъ вслушиваться въ общій строй и такимъ образомъ все сольется въ единый хоръ. Прямо переходя къ движеніямъ и игрѣ на сценѣ, этого строя достигнуть очень трудно. И вы увидите это на дѣлѣ, когда мы начнемъ репетицію послѣ этихъ трехъ считокъ. Дальше считаю необходимыми генеральныя репетиціи въ костюмахъ: это также хорошая провѣрка того, что сдѣлано.

Такъ въ первый разъ былъ поставленъ „Воевода“, и всѣ отъ мала до велика почувствовали, что это нововведеніе принесло исполненію дѣйствительно такую огромную пользу, о которой можно было только мечтать. Эта новость замѣтно отразилась и на общемъ вниманіи публики. Такимъ же порядкомъ ставилась трагедія „Марія Стюартъ“ и всѣ другія послѣдующія.

Бесѣдуя въ „курилкѣ“ о томъ, о другомъ, Александръ Николаевичъ поинтересовался узнать о школѣ; отвѣты получились смѣшанные: отъ служащихъ „мамону“—насмѣшка и глумленіе, разумѣется, съ такими прикрасами, которыхъ не было и быть не могло; отъ другихъ, наоборотъ, очень благопріятные отзывы.

— Надо будетъ взглянуть, что они тамъ творятъ.—Но Г. Н. Ѳедотова ускорила дѣло и сама просила его взглянуть на ихъ занятія. Пріѣхалъ Александръ Николаевичъ, смотрѣлъ весь спектакль (въ школѣ) и остался, повидимому, очень доволенъ.

Сколько прошло времени послѣ посѣщенія школы, не могу вспомнить, только стали у насъ ходить странные слухи, что Александръ Николаевичъ думаетъ преобразовать драматическіе классы и что у него уже составленъ проектъ о полномъ переустройствѣ. Пока дальше слуховъ дѣло не шло.

Въ школѣ все дѣлалось, какъ и раньше, и спектакль за спектаклемъ шли своимъ чередомъ.

Вдругъ узнаемъ, что Гликерія Николаевна Ѳедотова взыскана высочайшей милостью: ей пожалованы великолѣпныя изумрудныя серьги, но, въ виду преобразованія школы и драматическихъ классовъ, занятія въ нихъ на время прекращаются.

Многіе искренно пожалѣли о закрытіи классовъ, на которые возлагалось столько надеждъ, но утѣшались тѣмъ, что это временно, а дальше опять безкорыстные работники будутъ продолжать начатое дѣло. Другіе почему-то необыкновенно радовались, или, вѣрнѣе, злорадствовали, по секрету увѣряя всѣхъ, что Александръ Николаевичъ уже намѣтилъ преподавателемъ петербургскаго актера — ветерана Бурдина. А пока на мѣстѣ живаго дѣла помѣстился—проектъ.

Между тѣмъ, пьесы, поставленныя Островскимъ, дѣлали огромные, небывалые сборы; театръ, публика, актеры видимо ожили.

Нашъ симпатичный начальникъ и возстановитель драматическихъ классовъ совсѣмъ пересталъ бывать въ театрахъ и занимался только конторой. Она же кстати очень возрасла численностью служащихъ. Напримѣръ: во всей конторѣ при Верстовскомъ было только четыре стола, всѣхъ столоначальниковъ и писцовъ не болѣе двѣнадцати, тринадцати человѣкъ, а когда я оставилъ службу въ 1901-мъ году, штатъ служащихъ, или, какъ у насъ говорили, начальствующихъ лицъ, былъ слишкомъ девяносто человѣкъ.

IV.

Съ самаго основанія театровъ еще не было такого хозяина-эконома, да вѣроятно и впредь никогда не будетъ, какимъ былъ Аполлонъ Александровичъ Майковъ. Во всѣхъ казенныхъ зданіяхъ, принадлежащихъ дирекціи, не осталось ни одного подвала, ни одного помѣщенія, не исключая и чердаковъ, которые бы онъ не осмотрѣлъ и тщательно не изслѣдовалъ. Погреба, сараи, амбары, амбарушки, чуланы, всѣ закоулки, гдѣ что-либо могло храниться, все было принято во вниманіе.

Весь хозяйственный инвентарь, лопаты, ломы, кирки, метлы и такъ далѣе, все было провѣрено, подсчитано, сдано и строго-настрого велѣно хранить и беречь пуще глаза.

Каждый день съ самаго ранняго утра начинался просмотръ и провѣрка, что взято, сколько, чего, для какихъ надобностей, и чего и сколько должно остаться. Вдругъ запросъ вахмистру—хранителю вещей:

— Гдѣ метлы?—куда дѣвались метлы?—Третьяго дня ихъ былъ тутъ цѣлый уголъ!

— Вчерашняго числа, ваше превосходительство, отправлено въ Малый театръ 50-ть штукъ, да въ Большой 75-ть, въ школу—тоже 30-ть.

— Что они съ ума сошли, по сколько берутъ?

— Время зимнее, ваше превосходительство, метла,—вѣдь она ломается.

— Г-мъ!.. завтра нужно покупать. Утромъ иди въ Охотный рядъ и жди меня.

— Слушаю-съ.

— А песокъ-то весь тутъ, только и осталось?

— Точно такъ, ваше превосходительство. Гололедь была два дня, много извели. Прикажите требовать".

И такъ въ этомъ духѣ чуть не каждый день происходилъ осмотръ всего. Склады находились при зданіи конторы: тутъ главнымъ образомъ и происходили эти сцены. Но въ самую контору, гдѣ помѣщались столы со столоначальниками, онъ заглянулъ всего одинъ разъ при пріемѣ всего хозяйства, далѣе же всѣ три года службы не былъ ни разу, но, конечно, прекрасно зналъ все.

Слово „контора" раздражало его и приводило въ трепетъ!.. такъ онъ почему-то ненавидѣлъ это учрежденіе. Поэтому устроилъ себѣ кабинетъ въ новой школѣ, куда и являлись чиновники по хозяйственной части съ докладомъ о требованіи режиссеровъ по составленнымъ монтировкамъ всего, что нужно для новыхъ пьесъ. Особенно раздражали его монтировки оперныя и балетныя.

— Это что такое?! 500 аршинъ бархату... Да это грабежъ!.. Плисъ, плисъ, плисъ, плисъ и больше ничего. Вотъ еще прелесть!.. Атласъ, канаусъ!.. Да вы что. разорить хотите дирекцію?

— Ваше превосходительство, контора составила смѣту, соображаясь съ требованіями монтировки, а точно ли это необходимо, мы судить не можемъ.

— Не можете?—такъ-съ!.. а вы скажите имъ... такъ и скажите, не желаютъ ли они коленкору... такъ и скажите, что это я приказалъ спросить. Боже милосердный!.. Да это что жъ такое!.. Горностай понадобился!.. Нѣтъ-съ, каково-съ? горностай!—съ ума сошли, прямо всѣ режиссеры съ ума сошли. Скажите имъ, я разрѣшаю—бѣлый коленкоръ, и пусть обошьютъ хвостиками изъ чернаго сукна, вмѣсто настоящихъ. Какой чортъ разберетъ оттуда, настоящіе они или нѣтъ, никто провѣрять и ощупывать не пойдетъ. Такъ и скажите тамъ у себя, въ вашей конторѣ.

Такія препирательства происходили при всѣхъ требованіяхъ, особенно, гдѣ дѣло касалось дорогихъ предметовъ, напримѣръ, высокихъ сапогъ съ раструбами для оперныхъ спектаклей.

— Сорокъ рублей!.. Господи помилуй, да это разбой! дневной грабежъ!.. Помилуйте, пара сапогъ сорокъ рублей, неугодно ли-съ! Ну, первыя роли, такъ и быть, пару,. двѣ разрѣшить можно, а тутъ еще цѣлая свита придворныхъ, какихъ-то рыцарей. Другой и пропищитъ то полторы ноты, а ты ему сапоги въ сорокъ рублей подавай. Нѣтъ-съ, нѣтъ, не разрѣшаю-съ! Пусть картонные что-ли какіе, или лубочные сдѣлаютъ бутафоры, декораторы подкрасятъ, поддѣлаютъ и пусть надѣваютъ ихъ, какъ гамаши, а настоящихъ отъ этого грабителя Пироне, такъ и передайте тамъ вашей конторѣ, я не разрѣшаю.

Приходитъ костюмеръ съ портными въ Малый театръ на репетицію примѣривать боярскіе кафтаны, шубы, вновь сшитые для персо-

нажей. Матеріалъ пріобрѣтенъ самимъ Майковымъ, гдѣ-то по дешевымъ цѣнамъ. Нужно было удивляться, гдѣ онъ добылъ, отыскалъ такую заваль!.. Парча не парча, Богъ ее знаетъ, что такое! И ко всему этому, полы, спины, воротники, рукава обшиты позументомъ, который употребляется для обивки дешевыхъ гробиковъ. Этого матеріала онъ накупилъ цѣлую уйму на всякій случай. Портные жалуются: „помилуйте, совсѣмъ пришивать невозможно-съ! отъ иголки прорывается".

Цѣлые два года еще послѣ смерти Александра Николаевича онъ мучилъ всѣхъ такой странной разсчетливостью.

Наконецъ, всѣ возопіяли и не хотѣли выходить на сцену въ такихъ костюмахъ. Жалоба дошла до Петербурга, и его просили по возможности разрѣшать лучшій матеріалъ. Этого было довольно, чтобъ онъ тоже возопіялъ.

— Нѣтъ-съ, ужъ потворствовать транжирству я не желаю,—и подалъ въ отставку, объясняя всѣмъ: „грабежъ, грабежъ, чистый грабежъ!".. За всѣмъ усмотрѣть невозможно. Простой метлы нельзя поручить купить, все самому нужно, а не доглядѣлъ и попался. Вдругъ докладъ: въ Большомъ театрѣ во время бывшаго града на 800 рублей стеколъ выколочено. Оставить нельзя, приказалъ вставить. Недѣли черезъ двѣ, пріѣзжаю рано утромъ въ театръ, иду въ фойэ, посмотрѣть, все ли въ порядкѣ, натерты ли полы. Спрашиваю сторожа, гдѣ тутъ у васъ особенно много стеколъ побило?

— Когда-съ?

— А вотъ когда градъ былъ?

— У насъ, говоритъ, ваше превосходительство, слава Богу-съ!.. всего, говоритъ, вотъ съ этой стороны не то пять, не то шесть стеколъ побило. Такъ я и присѣлъ на мѣстѣ! Помилуйте, развѣ тутъ убережешься!

П. Р.

Къ исторіи харьковскаго земскаго ополченія въ 1812 году.

(По семейному архиву рода Хорватовъ).

Въ сентябрѣ 1902 года, въ слободѣ Головщинѣ, Грайворонскаго уѣзда, Курской губерніи, у мѣстныхъ купцовъ, братьевъ Власенковъ, нашелъ я большую связку старыхъ бумагъ Хорватовскаго семейнаго архива. Головщина, нынѣ принадлежащая графу Толстому, въ теченіе болѣе столѣтія была достояніемъ рода Хорватовъ. Тамъ на покоѣ, въ отставкѣ, проживалъ Іосифъ Ивановичъ Хорватъ, правитель сначала Воронежской, а затѣмъ Екатеринославской губерніи; тамъ же жилъ сынъ его Иванъ Осиповичъ, памятный и теперь въ Курской и Харьковской губерніяхъ по открытому образу жизни и страсти къ театру и музыкѣ; жилъ тамъ и послѣдній изъ головщинскихъ Хорватовъ, сынъ Ивана Осиповича, Николай Ивановичъ, нѣсколько трехлѣтій бывшій мѣстнымъ предводителемъ дворянства. Николай Ивановичъ умеръ одинокимъ. Послѣ его смерти, въ числѣ другаго имущества, былъ растащенъ семейный архивъ, и только благодаря Власенкамъ, которые скупили бумаги у мѣстныхъ крестьянъ, архивъ уцѣлѣлъ отъ окончательнаго истребленія. Сохранившіяся бумаги главнымъ образомъ касаются Іосифа Ивановича Хорвата и относятся къ концу XVIII и началу XIX вѣка.

Предлагаемое сообщеніе извлечено мною изъ этой группы этихъ бумагъ, которая составилась очевидно при оправданіи себя Іосифомъ Ивановичемъ Хорватомъ въ глазахъ императора Александра I-го, неблагосклонно отнесшагося къ протесту Хорвата по случаю образо-

ванія въ 1812 году Харьковскаго ополченія. Бумаги эти даютъ довольно цѣнный матеріалъ для уясненія общественнаго настроенія и взаимныхъ отношеній мѣстныхъ дѣятелей того времени.

24-го сентября 1812 года состоялось опредѣленіе собранія предводителей слободско-украинскаго дворянства объ образованіи „ополченія для собственной защиты".

Подробности образованія ополченія обсуждались въ собраніи предводителей 26-го сентября.

Губернскій предводитель Андрей Ѳедоровичъ Квитко сдѣлалъ собранію слѣдующее заявленіе:

„Столица государства нашего Москва, по несчастнымъ обстоятельствамъ, находится въ рукахъ непріятеля; многократныя побѣды наши не останавливаютъ его стремленія на Россію; губерніи, близкія къ театру войны, подняли оружіе и поголовно вооружились на собственную защиту. Разоривъ мѣста, чрезъ которыя проходилъ непріятель къ Москвѣ, онъ не можетъ ни возвращаться чрезъ оныя, ни избрать ихъ зимними своими квартирами; а сіе и даетъ намъ поводъ къ опасенію, что, въ случаѣ пораженія своего, обратный путь его можетъ быть близко къ нашимъ мѣстамъ; въ случаѣ же, если бы принятый планъ ретирады продолжался, то арміи, приближаясь къ нашимъ предѣламъ, подвергали бы насъ всѣмъ тѣмъ бѣдствіямъ, которыя отъ дѣйствій военныхъ вблизи неминуемо происходятъ. Извѣстно, что бѣглецы изъ армій, составляя большія кучи, разбойничаютъ, разоряютъ, истребляютъ и сожигаютъ такія селенія, которыя во ста или болѣе верстахъ отъ мѣстъ, проходимыхъ арміями, находятся. А потому всѣ сіи обстоятельства и должны обратить на себя вниманіе наше, яко такихъ особъ, которымъ дворянство ввѣрило всѣ пользы свои, защиту собственности и все благосостояніе. Краткость времени не позволяетъ составить общее дворянское собраніе, а положеніе обстоятельствъ требуетъ рѣшительныхъ мѣръ; и потому долгомъ поставляю собранію войти въ подробнѣйшее обо всемъ, до того предмета относящемся, разсужденіе, и, собраніемъ своимъ представляя лицо всего дворянства, приступить къ средствамъ опредѣлительнымъ и такимъ, которыя бы дали, елико то возможно, способы къ огражденію нашего края, чести и безопасности губерніи".

Собраніе предводителей приняло въ собраніи слѣдующія обстоятельства: 1) общее собраніе дворянства уже изъявило готовность, сверхъ выставляемыхъ изъ 50 душъ по одному казаку, выставить въ случаѣ надобности новыя силы, о чемъ 31-го іюля составленъ былъ приговоръ; 2) мѣстный гражданскій губернаторъ, бывъ извѣстенъ о желаніи казенныхъ поселянъ участвовать въ вооруженіи, вслѣдствіе тогдашнихъ обстоятельствъ, угрожавшихъ Москвѣ, изъ-

явилъ свое согласіе на то, чтобы дворянство и на ихъ счетъ сдѣлало опредѣленіе; 3) приведеніе въ дѣйствіе этихъ предположеній было остановлено высочайшимъ манифестомъ, по которому губерніямъ, болѣе отдаленнымъ отъ Москвы, не велѣно выставлять ополченія, такъ какъ ополченія, выставленнаго губерніями, окружающими Москву, оказалось достаточно для защиты столицы. „Но какъ обстоятельства съ того времени приняли совсѣмъ другой видъ; опасность сдѣлалась большею и военныя дѣйствія приближаются къ нашимъ предѣламъ,—говорится въ протоколѣ собранія предводителей,—то, не имѣя достаточнаго времени на составленіе общаго дворянскаго собранія, собраніе предводителей, полагая, что воля дворянства рѣшительно изъяснена въ приговорѣ 31-го іюля, общимъ подписаніемъ утвержденнымъ, въ которомъ дворянство опредѣлило въ случаѣ надобности выставить для собственной защиты новыя силы; а какъ надобность сія существуетъ теперь болѣе, нежели когда-либо, то потому и опредѣляемъ:

1) Приговоръ, общимъ дворянскимъ собраніемъ учиненный, о выставленіи въ случаѣ надобности новыхъ силъ для собственной защиты, привести въ исполненіе, и для того предводителямъ, отправясь въ свои уѣзды, составить тотчасъ въ оныхъ собранія и приступить къ назначенію ратниковъ съ каждыхъ пятидесяти душъ по одному человѣку. Но если дворянству какого уѣзда угодно будетъ сіе ополченіе выставить въ большемъ числѣ, то сіе отъ собственнаго его произволенія зависитъ.

2) Такое ополченіе есть слѣдствіе желанія всего дворянства, обнаруженнаго въ первый день бывшаго общаго собранія, когда всѣ почти желали выставить ратника изъ 25 душъ; но опредѣливъ на первый разъ выставить половину оныхъ, предоставляли употребить остальное число тогда, когда положеніе дѣлъ того потребуетъ. Но какъ, по волѣ всемилостивѣйшаго государя нашего, рекрутскій наборъ назначенъ съ 50 душъ, то, замѣняя оный въ число назначеннаго вооруженія намъ остается, вслѣдствіе учиненнаго общимъ собраніемъ приговора, выставить еще таковое же число, и тогда лишь только жертва, отечеству нами приносимая, сравнится съ пожертвованіемъ всѣхъ сосѣднихъ нашихъ губерній, ибо, не уступая никому изъ нихъ въ любви къ отечеству, и мы способны къ тѣмъ дѣйствіямъ, которыя на вѣчныя времена прославятъ дворянство россійское и которыя теперь во всемъ блескѣ обнаружены тѣмъ, что многіе дворяне въ губерніяхъ, близкихъ къ военнымъ дѣйствіямъ, взявъ съ собой всѣхъ людей, годныхъ къ поднятію оружія, присоединились къ арміи.

3) Дворянство, крестьяне наши и казенные крестьяне всѣхъ наименованій, мы всѣ подданные одного государя, всѣ сыны того же

отечества, которое, къ сожалѣнію нашему, непріятели теперь разоряютъ! Намъ угрожаютъ одинаковыя опасности: мы должны быть соединены воедино, должны быть связаны во всѣхъ пользахъ нашихъ! А потому и вооруженіе должно быть совокупное. Желаніе ихъ къ тому при всякомъ случаѣ обнаруживается, и если бы предложено имъ было и поголовное вооруженіе, подобно какъ въ другихъ губерніяхъ, то со всею охотою они бы къ тому приступили. Если при обстоятельствахъ менѣе важныхъ, при одномъ только опасеніи, что непріятель ворвется во внутренность Россіи, его превосходительство г. здѣшній губернаторъ позволилъ дворянству дѣлать свое назначеніе и на счетъ казенныхъ крестьянъ, бывъ увѣренъ въ ихъ согласіи, то можно ли сомнѣваться, что при теперешнемъ положеніи, когда древняя столица наша и многія губерніи находятся въ рукахъ непріятельскихъ, казенные крестьяне не раздѣлятъ съ нами части ополченія. А потому дворянство, въ лицѣ предводителей своихъ, относится къ его превосходительству и покорнѣйше проситъ возобновить данное прежде позволеніе, полагая то необходимо нужнымъ.

4) Вооруженіе назначаемаго ополченія есть важнѣйшій предметъ занятія собранія предводителей, а потому они съ полною довѣренностію относятся къ дворянству и всѣмъ прочимъ состояніямъ и просятъ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ у себя пушки, ружья, пистолеты и сабли, принести ихъ въ жертву для собственной защиты, съ тѣмъ, что, по минованіи надобности, оныя имъ возвратятся: для сего, полагая на каждомъ изъ нихъ свои знаки, да благоволятъ представлять оныя къ уѣзднымъ предводителямъ, отъ которыхъ въ принятіи того оружія выдаваемы будутъ росписки.

5) Отъ воли и желанія дворянства зависитъ, коликое число казаковъ назначить конныхъ и пѣшихъ; какимъ образомъ произвести назначеніе для оныхъ опытныхъ и надежныхъ чиновниковъ изъ дворянства; какое назначить для нихъ и ратниковъ содержаніе и прочіе расходы. На все сіе должно быть сдѣлано положеніе въ уѣздномъ собраніи,—ибо вооруженія каждаго уѣзда, покуда не встрѣтится надобность вывести оное на границы губерніи, должны быть подъ вѣдѣніемъ предводителя того уѣзда и избранныхъ военныхъ чиновниковъ, по удобности, какую сей по долгу своему имѣетъ на доставленіе всего нужнаго для ополченія, по надобности сохраненія должнаго въ уѣздѣ порядка.

6) Предводители, бывъ извѣстны, что нѣкоторые помѣщики имѣютъ пушки, годныя быть употребленными для защиты, и имѣя ихъ въ виду болѣе 20, употребятъ все стараніе испросить ихъ въ жертву, или пріобрѣсти другимъ образомъ, и, избравъ офицеровъ отставныхъ изъ артиллеріи, приведеніе оныхъ въ порядокъ поручатъ имъ. Для пріисканія же пороху и снарядовъ возьмутъ особыя мѣры.

*

7) Дабы дать возможность усердію всѣхъ состояній обнаружиться на защиту отечества, подобно какъ то происходило въ столицахъ и другихъ губерніяхъ, всѣ желающіе сдѣлать пожертвованія деньгами, порохомъ, свинцомъ, хлѣбомъ всякаго рода, виномъ, сѣномъ и овсомъ, представляютъ оныя въ уѣздахъ предводителямъ оныхъ, которые, выдавая въ полученіи принятаго росписки, отдаютъ пожертвованія на храненіе избраннымъ казначеямъ и коммиссарамъ.

8) Всякаго состоянія и званія люди, не состоящіе въ спискахъ дворянъ и на службѣ, кромѣ крестьянъ помѣщичьихъ, буде желаютъ добровольно быть защитниками отечества, объявляютъ о желаніи своемъ въ уѣздахъ предводителямъ и поступаютъ въ составъ ополченія по ихъ усмотрѣнію; а въ городѣ Харьковѣ они имѣютъ являться къ губернскому предводителю, изъявляя при томъ, имѣютъ ли на то свое оружіе, а буде желаютъ служить въ конницѣ—то лошадь, и могутъ ли служить на своемъ содержаніи; таковые войдутъ тотчасъ въ составъ ополченія, а безоружные и не могущіе сами себя содержать—внесутся въ особый списокъ, дабы по соображеніи числа оныхъ съ числомъ пожертвованной суммы сдѣлать тогда о нихъ положеніе.

9) Просить его превосходительство г. губернатора, чтобы отставныхъ изъ военной службы унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ можно было употребить на службу въ ополченіяхъ въ каждомъ уѣздѣ; таковыхъ дворянство беретъ на свое содержаніе, обѣщая выдавать имъ жалованье и платить подати за тѣхъ, которые состоятъ въ подушномъ окладѣ.

10) Если бы по какимъ-либо причинамъ не послѣдовало намъ позволенія составить ополченія соединенно съ казенными обывателями, въ такомъ разѣ по многимъ важнымъ причинамъ и мы не можемъ приступать къ составленію своего ополченія".

Въ томъ же собраніи предводителей 26-го сентября было опредѣлено: „для точнаго и вѣрнаго свѣдѣнія о положеніи дѣлъ, отправить депутата Изюмскаго уѣзда г. капитана Сергѣя Алексѣевича Левшина, которому препоручаемъ выполнить слѣдующее:

1) Прибывъ къ арміи, явиться у г. дежурнаго генерала и чрезъ него просить быть допущеннымъ къ г. главнокомандующему арміями, его свѣтлости князю Михайлѣ Ларіоновичу Голенищеву-Кутузову, которому,

2) лично вручить изъявленіе благодарности слободско-украинскаго дворянства, за подписаніемъ предводителей; потомъ вслѣдъ затѣмъ вручить представленіе губернскаго предводителя дворянства и, получивъ на оное словесный или письменный отвѣтъ, тотъ же часъ съ нарочною эстафетою отправить оный на имя губернскаго предводителя съ увѣдомленіемъ, къ симъ обстоятельствамъ относящимся. Для

отправленія же сего эстафета г. депутату Левшину выдать изъ дворянской суммы денегъ сто рублей.

„Сіе увѣдомленіе и предписаніе его свѣтлости будетъ служить руководствомъ въ дѣйствіяхъ дворянскихъ: а потому, до полученія онаго, назначеннаго ополченія не выставлять. Но, получивъ оное и усмотрѣвъ, что дѣйствительно въ томъ настанетъ надобность, по увѣдомленію губернскаго предводителя дворянства, приговоры собранія предводителей, 24-го и 26-го сентября состоявшихся, тотчасъ привести въ исполненіе.

„Г. депутату Левшину на проѣздъ и прочіе расходы выдать изъ дворянской суммы тысячу рублей".

Письмо губернскаго предводителя слободско-украинской губерніи къ князю Кутузову, отъ 28-го сентября 1812 года, было слѣдующаго содержанія:

„Свѣтлѣйшій князь, милостивый государь!

Слободско-украинское дворянство по полученіи высочайшаго манифеста, призывающаго всѣ состоянія на оборону отечества, опредѣлило составить значительное ополченіе; но въ самое то время, когда оное составлялось, послѣдовало высочайшее повелѣніе, отмѣняющее сіе ополченіе, мѣсто котораго заступилъ рекрутскій наборъ.

Побѣды вашей свѣтлости подаютъ несомнительную надежду, что врагъ знаменитыми подвигами вашими будетъ, наконецъ, истребленъ, или изгнанъ изъ предѣловъ Россіи; но по преданности слободско-украинскаго дворянства къ августѣйшему престолу и любви къ отечеству оно, желая способствовать общему дѣлу всѣми возможными ему способами, въ лицѣ моемъ осмѣливается просить вашу свѣтлость не оставить его извѣщеніемъ о томъ, что если военныя дѣйствія будутъ приближены къ предѣламъ губерніи нашей, то въ такомъ разѣ изволите ли вы, свѣтлѣйшій князь, полагать, что ополченіе сей губерніи, изъ дворянскихъ и казенныхъ крестьянъ составленное, должно быть нами приготовлено и выставлено.

Благоволите, свѣтлѣйшій князь, руководствовать насъ въ семъ разѣ повелѣніями вашими".

18-го октября губернскій предводитель Квитка получилъ отъ князя Кутузова слѣдующій отвѣтъ (отъ 8-го октября):

„Господину слободско-украинскому губернскому предводителю дворянства Квиткѣ.

Съ сердечною признательностью читалъ я отношеніе вашего превосходительства отъ лица всего слободско-украинскаго дворянскаго сословія, приписывающаго успѣхи оружія моему усердію. Я съ своей стороны справедливо долженъ сказать, что отечество будетъ признательно слободско-украинскому дворянству за усерднѣйшее напряженіе

его къ защитѣ онаго. Между тѣмъ, собраннымъ ополченіемъ должно распорядить такимъ образомъ, чтобы оное, ограждая предѣлы губерніи своей, съ той стороны, которая ближе, или можетъ быть ближе къ театру войны, пріобучалось къ порядку; когда же оному надобно будетъ дѣйствовать, то не премину снабдить его моими повелѣніями".

30-го октября собраніе предводителей и уполномоченныхъ депутатовъ отъ дворянства нѣсколькихъ уѣздовъ сдѣлало слѣдующее постановленіе:

1) Поелику побѣдоносное россійское оружіе весьма значительно перемѣнило положеніе обстоятельствъ со времени подписанія упомянутыхъ приговоровъ (т. е. 31-го іюля, 24-го и 26-го сентября) и достовѣрные полученные здѣсь слухи объ отраженіи непріятеля къ окрестностямъ Вязьмы и о преслѣдованіи бѣгущихъ его войскъ, бывъ подтверждены депутатомъ нашимъ капитаномъ Сергѣемъ Алексѣевичемъ Левшинымъ, который сіе утро прибылъ изъ арміи, не оставляютъ теперь мѣста опасенію, чтобы военныя дѣйствія могли приблизиться къ предѣламъ нашей губерніи; съ другой стороны, какъ не получено еще оффиціальнаго извѣстія о согласіи казенныхъ поселянъ участвовать въ мѣрахъ, принимаемыхъ дворянствомъ, наипаче же извѣстія о томъ, угодно ли будетъ правительству допустить таковое участвованіе, то и дѣйствительное составленіе предположеннаго земскаго ополченія на сей разъ пріостановить. И сіе съ тѣмъ большимъ основаніемъ, что мысль дворянства была составить не столько противодѣйство образованной непріятельской арміи (къ чему ополченіе таковое безъ тяжелыхъ орудій и опытности не можетъ быть съ пользою употреблено), какъ защиту селеній сего края отъ грабительства отдѣляющихся партій, какъ то сіе видно изъ приговора 24-го сентября. Но, дабы ни въ какомъ случаѣ не понести на себѣ укоризны безпечности, не свойственной сынамъ отечества, борющагося еще съ врагами своими; дабы соотвѣтствовать прежнимъ нашимъ началамъ, которыя были изложены отъ лица дворянства губерніи нашей предъ его свѣтлостью высокоповелительнымъ защитникомъ имперіи, княземъ Михайломъ Ларіоновичемъ Голенищевымъ-Кутузовымъ, и заслужить его благосклоннѣйшее одобреніе, то

2) Предоставить каждому помѣщику назначить изъ поселянъ своихъ, въ сходство вышеупомянутыхъ приговоровъ, особливо же перваго (31-го іюля), изъ каждыхъ пятидесяти душъ по одному казаку, и, вооружа и снабдивъ ихъ пристойнымъ образомъ, пріучать къ военному порядку, отнюдь не отдѣляя ихъ однако отъ жилищъ и обыкновенныхъ ихъ упражненій и не составляя изъ нихъ отрядовъ ни подъ какимъ видомъ. Если же въ общемъ собраніи какого уѣзда разсуждено

будетъ составить и списки назначеннымъ въ казаки, по личной перекличкѣ оныхъ, то сіе не возбраняется, съ тѣмъ только, чтобы они послѣ сего немедленно были по домамъ ихъ распущены.

3) По полученіи разрѣшенія вышняго правительства относительно до казенныхъ поселянъ, въ уѣздахъ приступить немедленно къ назначенію способныхъ и достойныхъ чиновниковъ по числу казаковъ, предполагаемыхъ въ каждомъ уѣздѣ. Разумѣется само собою, что сіи чиновники назначатся предпочтительно изъ дворянъ, служившихъ уже въ войскѣ. Мы увѣрены, что никто не будетъ уклоняться отъ званія, опредѣленнаго ему собраніемъ его уѣзда (это значило бы самопроизвольно лишить себя добраго имени навсегда), но по первому призыву немедленно поспѣшитъ явиться къ своему мѣсту.

4) На сей же конецъ теперь же открыть у каждаго уѣзднаго предводителя подписки для безпомѣстныхъ дворянъ и разночинцевъ, желающихъ занимать мѣста въ земскомъ ополченіи, по предположенію 8-й статьи приговора 26-го сентября. Что принадлежитъ до начальниковъ губернскаго и другихъ, не подлежащихъ назначенію въ уѣздахъ, то уѣздныя собранія, при назначеніи чиновниковъ, о которыхъ выше сказано, составятъ посредствомъ баллотированія списки особъ, почитаемыхъ ими достойнѣйшими занять таковыя мѣста, и на основаніи уже сихъ списковъ рѣшительное назначеніе, равно какъ и выборъ двухъ кандидатовъ въ губернскіе начальники предоставится собранію, имѣющему составиться по образу нынѣшняго. Объ упомянутыхъ кандидатахъ представится на благоусмотрѣніе г. главнокомандующаго россійскими арміями, разумѣется въ такомъ случаѣ, если бы военныя дѣйствія приблизились къ границамъ сей губерніи.

5) Составъ предполагаемаго ополченія будетъ по примѣру милиціи, образованной въ 1807 году, слѣдовательно, всѣ чиновники должны быть тѣхъ же наименованій.

6) На основаніи предположеннаго въ статьѣ 2-й, продовольствіе нашего ополченія не потребуетъ никакихъ особенныхъ издержекъ до того времени, пока оное не приведется въ движеніе; тогда же предоставится каждому уѣзду взять приличныя и сообразныя мѣры, въ изобрѣтеніи коихъ истинный патріотизмъ никогда не находилъ затрудненій.

7) Изъ вышеписаннаго очевидно, что теперь на первый случай будетъ имѣть мѣсто назначеніе только и домашнее пріуготовленіе, а не дѣйствительное составленіе нашего ополченія, что̀ совершенно согласно и съ волею его свѣтлости высокоповелительнаго г. фельдмаршала, выраженной въ отзывѣ его къ губернскому предводителю сими словами: „когда же ополчу (т. е. ополченію) надобно будетъ дѣйствовать, то не премину снабдить его моими повелѣніями“. И

такъ дворянство будетъ ожидать повелѣній сихъ. А нынѣшнее собраніе по самому порядку вещи, и по извѣстной дѣятельности губернскаго предводителя, ввѣряемъ ему извѣщеніе дворянства, какъ объ упомянутыхъ повелѣніяхъ, такъ и вообще обо всемъ, что къ сему предмету относиться будетъ".

Однако, мысль объ образованіи ополченія для собственной защиты не встрѣтила полнаго сочувствія среди дворянъ Слободско-Украинской губерніи. Мнѣнія раздѣлились, и нѣсколько уѣздовъ высказалось противъ составленія ополченія.

Такъ въ опредѣленіи собранія дворянъ Харьковскаго уѣзда, отъ 30-го сентября 1812 г., т. е. спустя четыре дня послѣ составленія протокола собранія предводителей дворянства о подробностяхъ составленія ополченія, мы читаемъ: „Какъ на то (т. е. на составленіе ополченія) нѣтъ высочайшей воли, ниже и никакого отъ правительства повелѣнія, да и о настоящей опасности отъ врага Россіи извѣщенія здѣшняя губернія не имѣетъ, то и на таковое самопроизвольное ополченіе мы согласиться не смѣемъ и о испрошеніи о томъ дозволенія ни къ кому относиться не намѣрены, зная то, что охраненіе насъ и всей Россіи поручено прозорливому, опытному и неусыпному г-ну главнокомандующему его свѣтлости генералъ-фельдмаршалу Михайлѣ Ларіоновичу Голенищеву-Кутузову, отъ коего не было бъ упущено повелѣнія о ополченіи, если-бы для края сего какая-либо опасность настояла, да и правительство, въ случаѣ нужды, само не упуститъ сдѣлать о томъ свое распоряженіе, и тогда мы съ усердіемъ должны выполнить все то, что повелѣно будетъ".

Не присутствовавшій на этомъ собраніи помѣщикъ Харьковскаго уѣзда генералъ-лейтенантъ Іосифъ Ивановичъ Хорватъ прислалъ харьковскому уѣздному предводителю Познанскому письмо слѣдующаго содержанія (отъ 30-го сентября 1812 года):

„Милостивый государь мой, Іона Николаевичъ!

Искреннѣйше васъ благодарю за предварительное извѣщеніе о предположеніи г-на губернскаго предводителя ополчить Украйну противъ врага всей Россіи. Необходимостью поставляю вамъ объяснить, что въ своевольномъ и, можетъ быть, излишнемъ предположеніи я участвовать не могу и приступить по таковому на крестьянъ моихъ налогу безъ высочайшаго именнаго указа не смѣю, особливо еще и потому, что охраненіе наше и всей Россіи поручено прозорливому, опытному и неусыпному главнокомандующему арміею г-ну генералъ-фельдмаршалу, свѣтлѣйшему князю Кутузову, отъ коего не было бъ упущено повелѣть ополчиться, если бы какая опасность для края сего настояла. За симъ чистосердечно объясняюсь, что ни въ семъ, ни въ подобныхъ своевольныхъ предположеніяхъ я участвовать и согласиться

не смѣю, а какъ изъ доставленныхъ вами, милостивый государь мой, копій вижу, что г. губернскій дворянства предводитель отправилъ съ такимъ предположеніемъ г. генералъ-фельдмаршалу свѣтлѣйшему князю Кутузову, отъ имени всего дворянства, вслѣдствіе чего мню, не угодно ли будетъ предложить господамъ дворянамъ уѣзда нашего отправить къ его свѣтлости съ донесеніемъ о несправедливомъ его, г-на губернскаго предводителя, представленія, на каковыя издержки можете получить отъ меня деньги. Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть, милостивый государь мой, покорнѣйшій слуга Іосифъ Хорватъ".

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, вѣроятно, послѣ 18-го числа, когда былъ полученъ отвѣтъ князя Кутузова, губернскій предводитель Квитка обратился къ уѣзднымъ предводителямъ Слободско-Украинской губерніи съ предложеніемъ составить собраніе для выбора отъ каждаго уѣзда двухъ депутатовъ, которые должны были присутствовать 30-го октября въ общемъ собраніи предводителей и депутатовъ всѣхъ уѣздовъ для разрѣшенія вопроса объ ополченіи.

Предложеніе Квитки дало поводъ высказаться противъ ополченія и нѣкоторымъ другимъ, сверхъ Харьковскаго, уѣздамъ Слободско-Украинской губерніи.

Изъ постановленій дворянъ Ахтырскаго уѣзда отъ 25-го и 28-го октября видно, что дворяне отклонили даже предложеніе объ избраніи и посылкѣ депутатовъ, заявивъ, что „безъ высочайшей монаршей воли и безъ предписанія вышняго правительства не смѣютъ сами собой произвесть ополченія въ дѣйство".

На общемъ собраніи предводителей и депутатовъ 30-го октября 1812 г. противъ ополченія высказались многіе изъ депутатовъ.

Въ особомъ мнѣніи, приложенномъ къ постановленію общаго собранія предводителей и депутатовъ отъ 30-го октября, эти лица, въ объясненіе своего отрицательнаго отношенія къ ополченію, ссылались на отсутствіе высочайшей воли и распоряженій высшаго правительства, а въ отношеніи губернскаго предводителя Квитки и уѣздныхъ, подписавшихъ постановленія отъ 24-го и 26-го сентября. валковскіе и волчанскіе депутаты принимаютъ даже угрожающій тонъ, требуя копій этихъ постановленій, письмо Квитки къ князю Кутузову, отвѣтъ послѣдняго и постановленіе 30-го октября, выражая намѣреніе представить все это „куда слѣдуетъ", такъ какъ приговоры 24-го и 26-го сентября были составлены „безъ воли, свѣдѣнія и согласія всего дворянства".

Какъ видно, вопросъ объ ополченіи, вызывая страстное къ себѣ отношеніе, обострился до крайностей. Подтвержденіемъ этому служатъ также слѣдующіе любопытные документы.

„Изюмскаго уѣзда г-ну предводителю, какъ и всему почтеннѣй-

шему дворянству, прибывшему въ собраніе, помѣщика Шидловскаго представленіе.

Бывъ въ крайне худомъ положеніи моего здоровья, я поспѣшно по позыву г-на предводителя являюсь и по долгомъ размышленіи, надѣясь на позволеніе и уваженіе, не хочу умолкнуть, чтобы не представить мою домогательную обязанность, состоящую на моихъ мнѣніяхъ на милостивое вниманіе вамъ, знаменитое сословіе.

Непоколебимою преданностью государю и отечеству мы всѣ дышимъ и на все должны быть готовы, оставя и то, что и пользы наши неразлучны. Никто изъ насъ не вѣдалъ такъ далеко крайностей, какъ теперь предсказываютъ казенные поселяне, окружающіе насъ, отъ которыхъ доходятъ и до крестьянъ нашихъ, тогда когда мы всѣ видѣли, что ополченіе именнымъ повелѣніемъ уничтожилось и рекрутскій наборъ послѣдовалъ. Складочныя деньги съ души по 10 руб. непомѣрны, судя недородъ хлѣба и прочую повинность; хлѣбъ, въ магазейнахъ требуемой, коего нѣтъ, умножаетъ крайность, а къ тому, не должны ли быть готовы къ рекрутскому набору для неминуемаго пополненія полковъ, тогда съ кого будемъ поставлять? Какъ и прочія встрѣчающіяся требованія волами, погоньщиками, лошадьми и прочимъ, на внутреннюю стражу отъ моровой язвы и бродягъ безпашпортныхъ люди потребны. На о сей предохранительности бденіе возложено всемилостивѣйшимъ нашимъ государемъ на господъ правителей губерній. Послѣ всего сего кого оставляемъ, забывая себя, воздѣлывать поля, прокормить старыхъ и малолѣтнихъ, чѣмъ будемъ въ силахъ содержать предполагаемое войско, какъ и надъ оными начальниковъ, поступая на толь важныя предпріятія, не сдѣлавъ собранія общаго, ниже прежде одумано, гдѣ оружіе, порохъ и прочее, чего по сколько надо, на сколько времени и что прійдется сбирать съ душъ же, обременяемыхъ при всякихъ постановленіяхъ собственныхъ? Собираемый народъ никакой пользы намъ сдѣлать не удобенъ; и разоряя оной поборами изъ-за именныхъ повелѣній, не подвергнемъ ли себя же законному осужденію и отвѣту Богу? Со предпріятіемъ выдумываемаго вооруженія не относились ко всѣмъ, какъ будто было можно одной части располагать цѣлостью. Теперь требуется отъ насъ два депутата съ полнымъ уполномочиваніемъ довѣренностью. Какую мы дать можемъ безъ содроганія по неизвѣстности и даже расположенію, на ваше разсужденіе отдаюсь, почтеннѣйшее сословіе. Чѣмъ понадѣяться, когда предначиналось по выше объясненному; да и самые учредители должны согласиться, что вѣрнаго исчисленія, весьма затруднительнаго, сдѣлать въ невозможности. Милостивые государи! Предположенное, по мнѣнію моему, выше нашихъ силъ. Если разсудите заняться исчисленіемъ хотя бы предназначаемому народу оста-

ваться и внѣ губерніи, то конечно найдете необходимо и сборъ до 12 руб. съ души, кромѣ мелкопомѣстныхъ, кои въ такомъ разѣ и за поступившаго человѣка должны будутъ пополнять складочныя деньги ко уравненію, хотя бы и ниже цѣны, положенной за рекрута. По предмету настоящаго приглашенія я ссылаюсь на ваше безпристрастіе, честь и званіе, г. предводитель, милостивый государь. Былъ ли я отъ васъ извѣщенъ о предположеніи на вооруженіе? было ли собраніе въ нашемъ уѣздѣ, для чего совѣщанія всѣхъ нашихъ собраній? Какой сдѣланъ и котораго числа на сіе общій протоколъ? Дано ли по оному право и довѣріе дѣйствовать именемъ всего дворянства? Но какъ сіе не было, и я согласія моего и довѣренности никому на сіе не давалъ и въ мысляхъ не имѣлъ, то и предаю мою неповинность общему разсмотрѣнію. А что же принадлежитъ до дачи и вооруженія людей моихъ, по положенію господъ предводителей учиненному, оставя, что люди потребны на пополненіе рекрутскихъ наборовъ, всѣхъ повинностей и прокормленія семействъ, на сіе и сумма необходима несчетная и самими устроителями досюда невѣдомая, не имѣя коей, сбирать съ душъ не съ чего, по скудности моего народа, за который я прошлаго году вынужденъ былъ всѣ казенныя повинности заплатить, равно какъ и теперь пополнять хлѣбъ, въ случаѣ требованія—коего вовсе у крестьянъ моихъ недостаетъ—равно какъ и у меня по неурожаю сего лѣта. Да и священными законами запрещено чинить какіе-либо налоги на души. И по симъ достаточнымъ причинамъ согласиться я не смѣю; какъ потому, что государь глава и попечитель, и вѣдаетъ все и устрояетъ къ лучшему. Если же будетъ высочайшее его повелѣніе на что бы ни было, я съ вѣрноподданническою готовностью и усердіемъ выполнять счастьемъ почту, заключая и тѣмъ, что всякія законныя требованія властями, закономъ постановленныя, бдительно исполнять, пока существую, готовъ. Съ непоколебимымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть вамъ, знаменитое сословіе, милостивые государи, всепокорнѣйшій слуга Романъ Шидловскій".

Къ этому представленію дворянство Изюмскаго уѣзда, высказавшееся за ополченіе, отнеслось весьма своеобразно и составило таковое постановленіе:

„1812 г. октября 26-го дня, собранію Изюмскаго уѣзда и предводителю дворянства, бывшему для выбора по предмету составленія для собственной защиты ополченія двухъ дворянъ, подано здѣшняго уѣзда отъ помѣщика, гвардіи прапорщика Романа Шидловскаго представленіе, коимъ онъ, изъявляя на сей выборъ несогласіе, описываетъ причины, его къ тому побудившія. Собраніе дворянства, по разсмотрѣніи сего представленія, находитъ: господинъ Шидловскій говоритъ:

1-е. Никто изъ дворянъ не вѣдаетъ такъ далеко крайностей, какъ теперь предсказываютъ казенные поселяне, отъ коихъ доходитъ и до его крестьянъ,—но что сіи предсказанія въ себѣ заключаютъ и не скрываютъ ли чего противнаго законамъ или государственной и частной пользѣ, ничего не объясняетъ. 2-е. Мнѣніе господина Шидловскаго по случаю настоящаго рекрутскаго набора о складочныхъ деньгахъ съ души по десяти рублей, будто-бы сія повинность непомѣрна, сколько подразумѣть можно, относится противу законодательной власти, ибо какъ великопомѣстныхъ владѣльцевъ съ крестьянъ ихъ наборъ рекруть, такъ и съ малопомѣстныхъ взысканіе рекрутскихъ складочныхъ денегъ производится по высочайшему повелѣнію. Далѣе онъ, Шидловскій, изъявляетъ несогласіе на все то, что въ собраніи дворянства объ ополченіи предположено. А посему собраніе и полагаетъ таковое господина Шидловскаго представленіе чрезъ здѣшняго уѣзднаго предводителя представить при настоящемъ въ городѣ Харьковѣ дворянскомъ съѣздѣ господину губернскому предводителю или гражданскому губернатору".

Какъ видно изъ дальнѣйшихъ документовъ, слободско-украинское ополченіе не состоялось, и все дѣло ограничилось только одними постановленіями. Министръ полиціи Балашовъ отношеніемъ отъ 4-го ноября 1812 г. увѣдомилъ мѣстнаго губернатора, что комитетъ внутренняго ополченія призналъ ненужнымъ „предполагаемое харьковскимъ дворянствомъ составленіе временной военной силы", и, слѣдовательно, послѣднее постановленіе, отъ 30-го октября, не было даже времени привести въ исполненіе.

Однако распря среди слободско-украинскаго дворянства по вопросу объ ополченіи, возникшая не безъ вліянія партійности и оскорбленныхъ самолюбій, не прошла незамѣченною въ Петербургѣ и въ лицѣ Хорвата получила справедливое осужденіе со стороны государя.

Отношеніемъ отъ 6-го декабря 1812 г. министръ полиціи Балашовъ увѣдомилъ слободско-украинскаго гражданскаго губернатора, что государь императоръ „признавъ предлагаемую харьковскимъ дворянствомъ мѣру, свидѣтельствующую усердіе его, по измѣнившимся обстоятельствамъ, ненужною, высочайше повелѣть изволилъ объявить помянутому дворянству монаршее благоволеніе, а между тѣмъ генералъ-лейтенанту Хорвату поставить на видъ, что при желаніи ополчиться противу отечественнаго врага большей части дворянъ Харьковской губерніи, небольшое число оставшихся къ тому непреклонными не можетъ быть принято правительствомъ съ выгоднымъ заключеніемъ на счетъ послѣднихъ; и что ожиданіе высочайшаго на составленіе ополченія повелѣнія, чѣмъ отзывался генералъ-лейтенантъ Хорватъ, по отдаленности края того, не можетъ служить ему изви-

неніемъ; ненадобность же ополченія воспослѣдовала уже послѣ и не могла быть тогда предвидима".

Хорватъ, считая себя незаслуженно обиженнымъ, подалъ на высочайшее имя всеподданнѣйшее прошеніе, вслѣдствіе котораго были потребованы объясненія отъ харьковскаго губернатора Бахтина и губернскаго предводителя Квитки.

„Всемилостивѣйшій государь, — писалъ Хорватъ 10-го марта 1813 года,—счастливы народы, гдѣ всякій вѣрноподданный съ невинностью въ полной увѣренности на покровительство законовъ и гдѣ святостію оныхъ ограждаясь, можетъ изливать моленія свои къ престолу своихъ государей. Въ такой счастливой долѣ Россія подъ благословляемою державою великихъ прародителей твоихъ благоденствовала, и съ вожделѣннымъ восшествіемъ вашего императорскаго величества образована вновь обѣтами въ высочайшемъ манифестѣ въ безсмертную славу имени твоего потомству.

При такомъ благоденствіи покоящихся подданныхъ твоихъ, государь обожаемый, я, прослужа много лѣтъ въ военной и гражданской службѣ, сохраняя до глубокой старости усердіе къ службѣ вашего императорскаго величества и отечеству, удостоенный самыхъ лестныхъ для сердца вѣрноподданнаго высочайшихъ благоволеній и наградъ въ званіи и отличіяхъ, обнесенъ нынѣ дерзновенною клеветою господина губернатора Бахтина якобы въ нежеланіи участвовать, для пользы службы, съ общею волею дворянъ на ополченіе, и за сіе не только безъ суда, но и безъ отвѣта моего оскорбленія на чести, съ предписаніемъ министра полиціи губернатору Бахтину отъ высочайшаго имени вашего императорскаго величества поставить мнѣ на видъ.

Всемилостивѣйшій государь! Честь, заслуженная мною, жертвою крови за отечество и сохраненіемъ правилъ благородства и нравовъ до глубокой старости, дороже мнѣ самой жизни, а потому въ необходимости нахожусь утруждать священную особу вашу быть услышану. Губернаторъ Бахтинъ, враждующій мнѣ за дѣла съ братомъ моимъ, по коимъ онъ удаленъ отъ присутствія по его дѣламъ, и за то, что я не захотѣлъ участвовать въ даръ, ему собранный до пятидесяти тысячъ рублей, якобы по согласію всего дворянства, на которое едва-ли былъ въ собраніи приговоръ, но ниже извѣщеніе, а по желанію губернскаго предводителя Квитки съ нѣкоторыми единомышленниками устроенной. Относительно ополченія губернскій предводитель Квитка, дѣйствующій съ губернаторомъ по извѣстнымъ лишь имъ видамъ, не собранію дворянства предлагалъ о сборѣ онаго, но преклоня къ себѣ нѣкоторыхъ предводителей, дѣлали нѣсколько о семъ переговоровъ, дабы собранное ополченіе не къ отсылкѣ въ армію, а для внутренняго защищенія имѣть здѣсь, подчиня начальству уѣзд-

ныхъ предводителей, и хотя приговоръ о семъ, съ неприличнымъ условіемъ въ 10-мъ пунктѣ онаго, подписанъ только 5-ю предводителями безъ вѣдома дворянъ, послѣ высочайшаго соизволенія вашего отъ 12-го іюля прошлаго 1812 года объ остановленіи всеобщаго ополченія и въ сей съ прочими губерніями и въ противность законовъ безъ высочайшаго дозволенія на вооруженіе въ землѣ воинства: но предводитель губернскій, съ дозволенія губернанатора, осмѣлился послать главнокомандующему арміями генералъ-фельдмаршалу, свѣтлѣйшему князю Кутузову-Смоленскому, депутата съ донесеніемъ, якобы уже ополченіе въ готовности, и получа его свѣтлости о семъ предписаніе, какъ поступать съ ополченіемъ, остался Квитка въ необходимости собирать въ губернскій городъ предводителей съ депутатами для окончательнаго объ ополченіи семъ положенія, о чемъ и вышли объявленныя противорѣчія. На которое и я, бывъ послѣдній вопрошенъ, не могъ дать, яко несходное съ пользою службы и противное узаконеніямъ, моего согласія, опасаясь, дабы не могло отъ сбора сего войска безъ должнаго устройства, подобныхъ наглостей выйтить, какъ произошли въ Валкахъ съ плѣнными турками, коихъ въ нѣсколько дней убито болѣе 530 человѣкъ, отъ губернскаго города въ 46 верстахъ, куда губернаторъ не поѣхалъ къ усмиренію, и сіи несчастныя жертвы погибли неповинно, коимъ приданъ видъ бунта по форменному слѣдствію, хотя бунтующіе при защищеніи своемъ убили не болѣе одного и двухъ ранили, а расхищенное имущество убіенныхъ турокъ не открыто при ономъ. Вотъ истинное дѣло, которому дерзновенная клевета губернатора Бахтина придала видъ по своему подбору, въ опроверженіе коихъ подносимыя въ копіяхъ бумаги докажутъ оправданіе.

Государь провосуднѣйшій! Повелите собрать должныя справки мимо Бахтина, кому благоугодно приказать будетъ, и повелите изслѣдовать. Я твердо удостовѣренъ, что невинность моя удостоена будетъ высочайшаго вашего покрова, и я, оправданный въ единомъ взорѣ благоволенія вашего императорскаго величества, обрѣту награду за тяжкія скорби, злобою мнѣ нанесенныя, которая не останется предъ правосудіемъ вашимъ и прозорливостію безъ воздаянія".

Слободско-украинскій гражданскій губернаторъ И. И. Бахтинъ, вслѣдствіе постановленія комитета министровъ, далъ 3-го октября 1813 г. за № 7647 главнокомандующему въ Санктъ-Петербургѣ такія объясненія по прошенію Хорвата.

1) „Когда я получилъ,—писалъ Бахтинъ,—отъ слободско-украинскаго губернскаго предводителя Квитки отношеніе отъ 26-го сентября прошлаго 1812 г., подъ № 464, съ приложеніемъ копіи съ приговора о составленіи ополченія, учиненнаго имъ, г. Квиткою, съ

предводителями уѣздными 25-го того же сентября, которыя имѣю честь представить при семъ въ копіяхъ же, тогда же предположивъ представить на благоразсмотрѣніе г. министру полиціи и кавалеру. сдѣлалъ циркулярное мое предписаніе всѣмъ земскимъ исправникамъ и городничимъ о отобраніи отъ войсковыхъ обывателей и прочихъ казенныхъ поселянъ, предварительно долженствующему послѣдовать на представленіе мое разрѣшенію, свѣдѣній: согласны ли они составить совокупно съ дворянами ополченіе? О чемъ далъ знать г. дворянскому предводителю отношеніемъ моимъ отъ 2-го октября, съ котораго копію при семъ представляю.

2) Октября 4-го числа готово уже было и мною подписано, для отправленія съ нарочнымъ. представленіе мое г. министру полиціи. съ котораго копія предоставляется при семъ, но секретарь мой представилъ мнѣ отношеніе харьковскаго уѣзда дворянства предводителя Познанскаго, по предмету того ополченія съ пріобщеніемъ отзывовъ къ нему г. генералъ-лейтенанта Хорвата и генералъ-лейтенантши Бердяевой.

3) Получа оное отношеніе съ помянутымъ отзывомъ, и которое, равно, какъ и отношеніе представляется при семъ же въ копіяхъ, и видя изъ оныхъ новое для меня обстоятельство, а между прочимъ и то, что г. губернскій предводитель писалъ къ покойному генералъ-фельдмаршалу, свѣтлѣйшему князю Голенищеву-Кутузову-Смоленскому, я, по скорости, дабы не медлить отправленіемъ курьера, требовалъ словесно отъ него, г. предводителя, недостающихъ мнѣ свѣдѣній; въ слѣдствіе чего и получилъ отъ него оныя въ вечеру 5-го числа при его отношеніи.

4) Получа оныя свѣдѣнія отъ г. губернскаго предводителя, я, оставя вышепомянутое представленіе мое къ г. министру полиціи отъ 4-го октября въ такомъ видѣ, въ какомъ оно было, написалъ другое дополнительно представленіе отъ 6-го числа и отправилъ съ курьеромъ оба вмѣстѣ. Въ сіе послѣднее мое представленіе, съ котораго копія при семъ представляется, я помѣстилъ тѣ свѣдѣнія, какія 5-го числа получилъ отъ губернскаго предводителя, и приложилъ точныя копіи съ вышепомянутыхъ отношеній харьковскаго уѣзднаго предводителя Познанскаго и съ отзыва къ нему г-на генералъ-лейтенанта Хорвата и г-жи генералъ-лейтенантши Бердяевой.

5) На означенныя мои два представленія г. министру полиціи я имѣлъ честь получить отъ его высокопревосходительства предписаніе отъ 4-го ноября, коимъ мнѣ дано знать, что комитетъ внутренняго ополченія, по измѣнившимся обстоятельствамъ, составленіе военной силы призналъ не нужнымъ, а потомъ получилъ и другое предписаніе отъ 6-го декабря, съ коего точную копію имѣю честь при семъ пред-

ставить. И какъ онымъ предписывалось мнѣ объявить монаршее благоволеніе дворянству Харьковской губерніи и поставить на видъ въ томъ предписаніи изъясненное генералъ-лейтенанту Хорвату, то я о выполненіи перваго отнесся къ г. губернскому предводителю Квиткѣ, а г. Хорвату препроводилъ копію съ того самаго предписанія при моемъ письмѣ.

Изъ всего вышедонесеннаго и изъ самихъ восьми документовъ, въ копіяхъ при семъ представляемыхъ, ваше высокопревосходительство изволите усмотрѣть, что о г. генералъ-лейтенантѣ Хорватѣ упомянуто мною, и то по самой токмо необходимости, въ одномъ изъ представленій моихъ г. министру полиціи, т. е. отъ 6-го октября 1812 г. подъ № 7543. Я предаю въ проницательное благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства и комитета гг. министровъ, что заслужилъ ли я тѣмъ, что я доносилъ г. министру полиціи объ немъ, г. Хорватѣ, тѣ жесткія на мой счетъ выраженія, какія онъ помѣстилъ во всеподданнѣйшемъ своемъ прошеніи. Я только и донесъ о томъ, что изъ копій съ письма его, г. Хорвата, къ предводителю Познанскому, ко мнѣ доставленной, я, увидя нѣкоторыя обстоятельства, мнѣ неизвѣстныя, требовалъ потому свѣдѣнія отъ губернскаго предводителя. и что отъ него получилъ, а при томъ копію съ самаго того письма г. Хорвата представилъ къ г. министру полиціи. Изъ-за сего стоилъ-ли я названія дерзостнаго и злобнаго клеветника, каковымъ онъ, г. Хорватъ, предъ лицомъ моего государя желалъ меня представить,

Онъ, г. генералъ-лейтенантъ Хорватъ, въ томъ же своемъ всеподданнѣйшемъ прошеніи изъявляетъ, что будто я враждую ему, злобствуя за брата его (т. е. д. с. с. Хорвата), по дѣламъ коего я удаленъ отъ присутствія; симъ выраженіемъ изъясня онъ, г. Хорватъ, токмо часть существующей истины, желалъ, какъ видно, жалобѣ своей на меня придать видъ правдоподобія, ибо, хотя то истина, что мнѣ запрещено по дѣламъ его брата присутствовать, но онъ, г. Хорватъ, во-первыхъ, не упомянулъ, что сіе запрещеніе послѣдовало потому, что братъ его за неприличныя въ одномъ изъ своихъ въ здѣшнее губернское правленіе прошеній выраженія на счетъ мой, яко начальника губерніи, хотя и не равняющіяся съ теперешними выраженіями его, генералъ-лейтенанта Хорвата, преданъ законному сужденію; а мнѣ по тому самому до окончанія надъ нимъ суда запрещено по дѣламъ его въ губернскомъ правленіи присутствовать; а во-вторыхъ, онъ, Хорватъ, скрылъ и то, что я уже давно прекратилъ на брата его личную мою претензію, ибо представлялъ даже Правительствующему Сенату по 6-му департаменту рапортомъ, что я оную оставляю, а братъ его, г. генералъ-лейтенанта Хорвата, посылалъ объ оном въ тотъ же департаментъ прошеніе; хотя Правительствующій Сенатъ, не

уважа ни рапорта моего, ни прошенія его, г. д. с. с. Хорвата, предписалъ продолжать надъ нимъ сужденіе, яко повелѣнное его императорскимъ величествомъ. Изъ каковыхъ двухъ обстоятельствъ, мною донесенныхъ, я надѣюсь, ваше высокопревосходительство ясно усмотрѣть изволите, что вышеизъясненное выраженіе г. Хорвата, во всеподданнѣйшемъ прошеніи помѣщенное, есть совершенно несправедливо.

Г. генералъ-лейтенантъ Хорватъ во всеподданнѣйшемъ своемъ прошеніи не упустилъ упомянуть и о сдѣланномъ мнѣ, съ высочайшаго его императорскаго величества дозволенія, подаркѣ, простирающемся будто до 50 тысячъ рублей, и будто-бы безъ согласія дворянства, а по желанію губернскаго предводителя Квитки съ его единомышленниками устроенному; но на сіе я имѣю честь вашему высокопревосходительству донести слѣдующее:

а) Подарокъ, мнѣ сдѣланный, простирается только до 45 тысячъ рублей съ небольшимъ, въ томъ числѣ отъ дворянства только 35 тысячъ, а достальныя 10 тысячъ отъ купцовъ харьковскихъ.

б) Не дворянство было начальнымъ къ тому поводомъ, а харьковское купечество, которое безъ свѣдѣнія моего посылало о дозволеніи меня подарить прошеніе къ государю императору.

в) Какъ дѣйствовалъ губернскій предводитель Квитка относительно собранія для меня подарка, состоящаго въ вышеизъясненной суммѣ, и правильно ли, или неправильно онъ поступалъ, я не извѣстенъ, но въ томъ удостовѣренъ, а со мною, надѣюсь, и всѣ хорошо знающіе меня и мои правила, что полученъ мною тотъ подарокъ не посредствомъ каковыхъ-либо происковъ и пронырства, а единственно потому, что я имѣлъ счастіе пріобрѣсть себѣ любовь въ губерніи отъ многихъ моимъ безкорыстіемъ и безпристрастіемъ. Ежели бы я былъ таковъ, какимъ г. Хорватъ во всеподданнѣйшемъ своемъ прошеніи меня представить стремится, тогда бы я, тѣмъ паче при умѣренномъ образѣ моей жизни, не впалъ бы въ долги, и для заплаты оныхъ не имѣлъ бы нужды въ подаркѣ отъ дворянства и купечества.

г) Что я не въ состояніи злобствовать за неучаствованіе въ оном подаркѣ, а тѣмъ паче до такой степени, какъ г. Хорватъ представить желаетъ, въ томъ осмѣливаюсь сослаться на всѣхъ меня знающихъ, а если бы нужно было, то бы я могъ представить даже и доказательства, опровергающія то, что на меня г. Хорватъ взвести желаетъ, ибо, хотя при полученіи подарка чрезъ посредство губернскаго и уѣздныхъ предводителей, мнѣ оный представившихъ, я и не зналъ именъ участвовавшихъ въ немъ дворянъ, но въ послѣдствіи времени узнавши случайно по слухамъ о иныхъ участвовавшихъ и не участвовавшихъ, я нѣкоторымъ изъ послѣднихъ, имѣвши къ тому случай, дѣлалъ добро и отдавалъ имъ должную справедливость.

Что касается до того, что будто относительно ополченія губернскій предводитель Квитка дѣйствовалъ со мною по извѣстнымъ намъ видамъ, то я не могу ничего противу сего объяснить, не имѣя понятія, какіе виды г. Хорватъ мнѣ и предводителю приписываетъ, и не понимая, какія бы непозволенности въ семъ случаѣ были возможны. Но что я не во всемъ съ г. предводителемъ Квиткою былъ согласенъ, слѣдственно, дѣйствовалъ, не какъ единомышленникъ дѣйствуетъ съ другимъ, а какъ начальникъ губерніи съ губернскимъ предводителемъ, сіе доказываетъ и одинъ мой отвѣтъ г. Квиткѣ, отъ 2-го октября къ нему писанный, съ котораго, какъ выше значитъ, представлена при семъ копія, хотя, впрочемъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ я находилъ учрежденіе военной силы въ губерніи нужнымъ и не противнымъ пользѣ.

Наконецъ, изыскавъ все, что токмо ко вреду моему служить можетъ, г. генералъ-лейтенантъ Хорватъ включилъ во всеподданнѣйшее свое прошеніе и нимало не относящееся до предмета его просьбы, несчастное происшествіе, случившееся отъ драки, начатой въ городѣ Валкахъ отъ военноплѣнныхъ турковъ. Но о семъ происшествіи и о послѣдствіяхъ его ваше высокопревосходительство были извѣстны въ свое время изъ представленій моихъ 1812 г., перваго—отъ 20-го іюля подъ № 5699, втораго—отъ 10-го августа подъ № 6140, третьяго—отъ того же 10-го августа подъ № 6141 и четвертаго—отъ 7-го сентября подъ № 6793, и я надѣюсь, что ваше высокопревосходительство изъ оныхъ моихъ представленій видѣть изволили, что ни предупредить, ни отвратить сего несчастнаго происшествія мнѣ не было возможности, да уповаю при томъ, что, ежели бы мною въ чемъ-либо поступлено было неправильно, ваше высокопревосходительство не упустили бы съ меня взыскать, или по крайней мѣрѣ дать мнѣ хотя оное замѣтить.

Мнѣ остается только присовокупить къ донесенному выше вашему высокопревосходительству объ ономъ происшествіи только то, что сверхъ производимаго въ Валкахъ слѣдствія, я, въ продолженіе производства онаго, былъ тамъ къ личному моему удостовѣренію въ истинѣ, и что имущество плѣнныхъ и убитыхъ турковъ, отысканное, а частію и самими жителями приносимое, во время продолженія того слѣдствія, возвращаемо было оставшимся плѣннымъ и посланному отъ пашей, находившихся въ Харьковѣ, чиновнику, какъ то изволите частію усмотрѣть изъ упомянутаго выше представленія моего отъ 10-го августа подъ № 6140. Слѣдствіе же по разсмотрѣніи губернскимъ правленіемъ отослано, на основаніи законномъ, въ присутственное мѣсто, т. е. въ Валковскій уѣздный судъ, откуда поступить должно по порядку въ палату уголовнаго суда. При чемъ губернское

правленіе не упустило въ указѣ своемъ изъ виду поступковъ прикосновенныхъ къ моему происшествію чиновниковъ, какъ-то: правившаго тогда въ Валкахъ городническую должность, также тамошняго земскаго исправника и уѣзднаго стряпчаго; а ежели оное слѣдствіе отослано было въ уѣздный судъ и не такъ скоро, какъ бы мнѣ желалось, дабы скорѣе виновные, въ чемъ слѣдовать будетъ, по законамъ могли быть наказаны, то причиною сему было, что присланнымъ въ Харьковъ отъ трехбунчужнаго Ахметъ-паши изъ Молдавіи турецкимъ почетнымъ чиновникомъ, для отысканія по здѣшней губерніи, равно, какъ и по нѣкоторымъ другимъ, плѣнныхъ малолѣтнихъ и прочихъ турковъ, произошли, хотя оказавшіяся послѣ и неправильными, требованія касательно имущества побитыхъ въ Валкахъ турковъ, но по которымъ происходила переписка и ожидаемо было мною отвѣты отъ означеннаго трехбунчужнаго Ахметъ-паши.

Кончивши мое донесеніе, основанное на сущей истинѣ, слѣдовало бы теперь мнѣ просить моего удовольствія на г. генералъ-лейтенанта Хорвата, но я оное, равно какъ и всѣ дѣйствія мои, предаю въ проницательное комитета гг. министровъ благоусмотрѣніе".

Губернскій предводитель дворянства Квитка, на предписаніе главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ, отъ 18-го іюля, доносилъ ему 22-го августа того же года, слѣдующее:

„Переписка г.-л. Хорвата по сему предмету происходила съ предводителемъ Харьковскаго уѣзда, а не со мною, который доставленный къ нему отъ г. Хорвата отзывъ препроводилъ къ здѣшнему г. гражданскому губернатору, а сей представилъ оный начальству; я же ни отъ харьковскаго уѣзднаго предводителя, ни отъ г.-л. Хорвата не получалъ по сему никакихъ отзывовъ и никакихъ о г. Хорватѣ не дѣлалъ донесеній ни г. губернатору, ни другимъ начальствамъ".

Квитка счелъ необходимымъ высказаться и по поводу ополченія и подарка Бахтину.

„Долговременное управленіе нынѣшняго губернатора нашею губерніею,—пишетъ онъ,—открыло, наконецъ, дворянству свойства его, въ теченіе времени увѣрились въ безкорыстіе его, безпристрастіе и въ расположеніе его вспомоществовать всему справедливому и полезному для губерніи, а видѣвши его обремененнымъ большимъ семействомъ, безъ всякаго состоянія и имущества, дворяне, желая улучшить его состояніе и пріискивая къ тому средства, вознамѣрились было испросить высочайшее дозволеніе на покупку ему земли, на которой, поселя крестьянъ, доставить чрезъ то семейству его убѣжище и пропитаніе и имѣть удовольствіе водворить его навсегда въ своей губерніи. Во время таковыхъ пріуготовленій дворянства, купечество

здѣшнее, желая оказать таковую же благодарность, испрашивало высочайшаго соизволенія на поднесеніе ему денежнаго подарка; но какъ на то высочайшей воли не послѣдовало, то и дворянство не осмѣливалось подобнымъ прошеніемъ утруждать особу его императорскаго величества; но какъ совѣщанія о семъ между дворянами еще продолжались и слухи о томъ дошли къ г. губернатору, то онъ, опасаясь, чтобъ мы, дѣйствуя мимо его, не навлекли чрезъ то подозрѣніе въ соучастіи съ нами, письмомъ своимъ, въ деревню, въ которой я тогда находился, писаннымъ, изъяснялъ свои на сей счетъ безпокойства и просилъ меня всякое потому дѣйствіе, яко противное высочайшей волѣ, остановить. Я отвѣчалъ на письмо его, что дворянство, дѣйствительно, желало и желаетъ улучшить его состояніе; но, видѣвши отказъ, купечеству въ томъ сдѣланный, не отваживается испрашивать на то высочайшаго дозволенія.

Потомъ чрезъ нѣсколько времени, я имѣлъ честь получить оффиціальный отзывъ его высокопревосходительства г. министра полиціи, съ изъясненіемъ высочайшаго соизволенія на предположенія нашего дворянства улучшить состояніе своего губернатора, съ котораго копію при семъ имѣю честь приложить. Въ слѣдствіе чего я извѣстилъ о семъ гг. уѣздныхъ предводителей, которые, получивъ добровольные взносы для сего предмета отъ дворянства, прибыли въ губернскій городъ, и 1-го мая восемь уѣздныхъ предводителей явились вмѣстѣ со мной къ г. губернатору и вручили ему даръ дворянства, въ 35.545 руб. состоящій; остальные же два уѣздные предводителя по болѣзни не могли лично на сей разъ находиться и потому участки своихъ уѣздовъ доставили ко мнѣ при отношеніяхъ. Сумма сія поднесена вообще отъ дворянства г. губернатору безъ всякаго списка лицъ, въ семъ участвовавшихъ, а потому и неизвѣстно ему ни имена особъ, ни число взнесенной отъ каждаго суммы.

Въ доказательство общаго желанія нашего дворянства принять участіе въ защитѣ отечества, имѣю честь вашему высокопревосходительству изъяснить, что, по выслушаніи высочайшаго манифеста, въ собраніи онаго 31-го іюля, общее желаніе дворянства было дать на службу въ ополченіе изъ 25 душъ по одному ратнику, но потомъ опредѣлено было поставить онаго на тотъ разъ съ 50 душъ; а въ случаѣ надобности, еще выставить новыя для защиты силы; но потомъ, по высочайшему соизволенію, вмѣсто ополченія, послѣдовалъ рекрутскій наборъ и съ такого числа душъ въ должное время исправно выставленный.

Вторженіе непріятеля въ древнія россійскія границы, приближеніе его къ Москвѣ и отступленіе нашихъ армій заставляло все благородно мыслившее дворянство думать о средствахъ, которыми бы,

вспомоществуя общему дѣлу, могли предохранить отечество отъ несчастій, ему угрожающихъ. По сему предмету я безпрестанно получалъ отзывы отъ дворянъ, которые или словесно, или письменно изъявляли мнѣ готовность свою на защиту государя и отечества и напоминали мнѣ обязанность мою дѣйствовать волею дворянства тогда, когда придетъ къ тому время. Сіе несчастное время, наконецъ, наступило; извѣстіе о занятіи Москвы поразило всѣхъ умы, бо́льшая часть дворянства, не приходя отъ того въ уныніе, готовилась вооружиться, и, наконецъ, отъ меня стали требовать того оффиціально. Многолюднѣйшій дворянствомъ и населеніемъ своимъ Изюмскій уѣздъ прислалъ къ начальнику губерніи и ко мнѣ депутатовъ, прося позволенія на вооруженіе себя и людей своихъ, а дворянство Купянскаго, Зміевскаго и Лебединскаго уѣздовъ чрезъ предводителей своихъ оффиціально изъявило таковую же готовность. Почему и по вѣрноподданническому долгу, и по собственнымъ чувствамъ моимъ я, бывъ обязанъ дѣйствовать, — пригласилъ всѣхъ господъ предводителей въ собраніе, ибо испрашивать позволеніе на составленіе общаго собранія дворянства не было времени и, казалось, не было въ томъ и надобности, ибо мнѣ и прочимъ предводителямъ извѣстны были образъ мыслей дворянъ и единодушное почти всѣхъ ихъ желаніе, чтобы, удаливъ во внутренность Россіи семейства свои, употребить всѣ силы къ защищенію и не пережить порабощенія своего.

При таковыхъ обстоятельствахъ составилось 24-го сентября собраніе предводителей, въ которомъ, по выслушаніи моего предложенія, заключенъ былъ приговоръ о надобности вооруженія и подписанъ мною и всѣми наличными предводителями, числомъ всего девятью человѣками; остальные же два, по болѣзни не прибывъ въ собраніе, отзывались потомъ о согласіи своемъ на сдѣланное опредѣленіе. Въ семъ и послѣдующемъ потомъ собраніи разсуждаемо было о числѣ вооруженія, содержаніи его и прочихъ подробностяхъ, до того касающихся, не было ни отъ кого противорѣчій, и 25-го числа подписанъ семью предводителями приговоръ въ подтвержденіе приговору, 24-го числа заключенному, въ которомъ всѣ распоряженія, до того касающіяся, были означены. Тогда же положено было отправить дворянина для пріисканія въ Тулѣ оружія, которому поручено также было, если найдетъ къ тому удобность и обстоятельства будутъ того требовать, явиться къ г. главнокомандующему арміями съ изъявленіемъ готовности нашего дворянства на вооруженіе и испрашивая его на то повелѣній, буде по усмотрѣнію его настоитъ въ томъ надобность, а между тѣмъ донесли о желаніи составить ополченіе и г. губернатору, прося его испросить на то позволенія отъ начальства. Вслѣдствіе чего отъ г. губернатора отправленъ на нашъ счетъ нарочный къ г. ми-

нистру полиціи съ испрошеніемъ позволенія на составленіе ополченія; а для пріисканія къ покупкѣ оружія и для полученія по сей части предписаній отъ г. главнокомандующаго отправился дворянинъ капитанъ Левшинъ съ отношеніемъ, коего копію при семъ имѣю честь приложить.

Послѣ сего предводители отправились въ свои уѣзды, и я ни отъ одного изъ нихъ и ни отъ кого изъ дворянъ не получалъ отзывовъ въ опроверженіе сдѣланному предположенію предводителей, но узналъ отъ г. губернатора, что отъ харьковскаго уѣзднаго предводителя подана къ нему бумага, съ приложеніемъ отзыва генералъ-лейтенанта Хорвата, а потомъ узналъ же отъ его превосходительства, что оныя 6-го числа октября отправлены отъ него къ г. министру полиціи, слѣдовательно, отзывъ генералъ-лейтенанта Хорвата о нежеланіи его участвовать въ ополченіи съ прочимъ дворянствомъ послѣдовалъ при учиненіи предположенія объ ономъ и когда на составленіе онаго дворянство испрашивало позволенія, а не послѣ полученія на то въ отвѣтъ предписанія.

Капитанъ Левшинъ, по возвращеніи своемъ 30-го октября, доставилъ мнѣ отзывъ его свѣтлости г. главнокомандующаго арміями, въ копіи при семъ прилагаемый, изъ котораго и извѣстія, 4-го ноября въ арміи напечатаннаго, и которое я при семъ осмѣлился приложить, ваше высокопревосходительство изволите увидѣть, что его свѣтлость г. главнокомандующій арміями, вопреки показаніямъ г.-л. Хорвата, не полагалъ ополченія нашей губерніи уже собраннымъ. А какъ между тѣмъ непріятель, по выгнаніи изъ Москвы, обращенъ былъ въ бѣгство, то г. министръ полиціи, по высочайшему соизволенію, предписалъ г. губернатору объявить нашему дворянству за усердіе его высочайшее благоволеніе, но что, по измѣнившимся обстоятельствамъ, не настоитъ болѣе надобности въ ополченіи.

Симъ образомъ получило свое окончаніе предположеніе дворянства объ ополченіи, а высочайшее оному благоволеніе было засвидѣтельствованіемъ, что оно исполнило при семъ важномъ обстоятельствѣ всю свою обязанность. И сія высочайшая милость оказана ему дѣйствительно по справедливости, ибо, кромѣ весьма малаго числа особъ, предпочитавшихъ сохраненіе своего имущества общей пользѣ и пріискивавшихъ разные предлоги, на благовидныхъ причинахъ ими основываемыхъ, отклонить и малѣйшіе отъ себя расходы, всѣ прочіе, какъ истинные сыны отечества, готовы были на всякія жертвы и почитали обязанностію предупреждать въ томъ желаніе правительства".

Какой имѣла конецъ эта исторія съ Хорватомъ, изъ имѣющихся въ моемъ распоряженіи бумагъ не видно.

І. А. Горновскій.

Новосильцевъ о конституціи царства Польскаго.

По новымъ архивнымъ даннымъ.

Извѣстны обстоятельства, среди которыхъ создалась Польская конституція 1815 года, и отношенія къ ней и къ русскимъ со стороны различныхъ классовъ польскаго населенія того времени [1]). Поэтому напомнимъ здѣсь лишь о нѣкоторыхъ ближайшихъ фактахъ.

Въ день спѣшнаго выѣзда съ Вѣнскаго конгресса ближе къ новому театру войны, на Рейнъ, императоръ Александръ I утвердилъ для учреждаемаго царства Польскаго „Основы конституціи“ и подписалъ соотвѣтственный манифестъ (13/25-го мая 1815 г.). Относительно устройства царства опредѣлялся на конгрессѣ лишь общій принципъ, а форма предоставлялась добровольному усмотрѣнію государя. Принимая титулъ царя польскаго, Александръ предоставлялъ себѣ право даровать этому государству, предназначенному состоять подъ особымъ управленіемъ, то „внутреннее развитіе“ (extension intérieure), которое признается за благо. Посему ни въ „Основахъ“, ни въ манифестѣ еще не было точныхъ и достаточныхъ опредѣленій формы, и ее предстояло выработать. Послѣ торжествъ объявленія царства и по принесеніи жителями присяги, комитетъ изъ польскихъ сановниковъ, подъ предсѣдательствомъ графа Островскаго, занялся составленіемъ „конституціонной хартіи“ или устава, при чемъ государь желалъ видѣть въ управленіи формы возможно „либеральныя“.

---

[1]) Послѣдняя монографія по данному предмету—Н. Ѳ. Дубровина „Послѣ Отечественной войны“, „Русская Старина“, 1904, февр. кн.

Недостатка въ нихъ не было въ изготовленномъ актѣ. Государь подписалъ (15/27-го ноября) его въ Варшавѣ, среди шумныхъ торжествъ, на возвратномъ своемъ пути чрезъ нее изъ-за границы. Намѣстникомъ своимъ государь назначилъ, однако, не князя Адама Чарторыйскаго, мечтавшаго о занятіи этого поста, а осторожнаго ветерана, польскаго генерала князя Заіончека; великій князь Константинъ Павловичъ остался главнокомандующимъ русскою и польскою арміей съ оффиціальнымъ званіемъ лишь генералъ-инспектора всей кавалеріи; коммиссаромъ императорско-царскаго величества былъ другъ дѣтства и довѣренное лицо государя, Н. Н. Новосильцевъ. Вскорѣ послѣдовало и торжественное объявленіе утвержденнаго акта, со врученіемъ его сенату (12/24-го декабря).

Цѣлью государя было щедрыми своими дарами вызвать въ полякахъ прочныя чувства признательности и тѣмъ тѣснѣе связать царство съ имперіей. До довершенія дѣла конституціи польскіе руководители видимо и держали себя такъ, чтобы укрѣплять его въ такой мысли. Высшаго своего выраженія новыя дружественно-польскія отношенія достигли въ первый пріѣздъ (31-го октября—18-го ноября с. ст. 1815 г.) Александра въ Варшаву, въ качествѣ общепризнаннаго царя польскаго. Затѣмъ, по утвержденіи и объявленіи конституціонной хартіи дѣла стали быстро измѣняться.

„Никогда завоеванная нація", замѣтилъ Прудонъ, „не была въ такомъ счастливомъ положеніи", между тѣмъ „мечты поляковъ послѣ 1815 г. направлены были единственно къ тому, чтобы воспользоваться дарованною имъ Александромъ I конституціею, какъ орудіемъ противъ него же". Главная масса населенія была, правда, довольна, что избѣгла опасности новаго раздѣленія между сосѣдними державами и осталась подъ властью русскаго императора; она не проявляла враждебныхъ дѣйствій. Самъ намѣстникъ, умудренный опытомъ, старался еще примирять возникшіе русско-польскіе интересы [1]). Совсѣмъ иначе желало бы большинство другихъ видныхъ дѣятелей. Подъ покровомъ той самой конституціи, которая, по намѣреніямъ государя, должна была служить прочною основой къ лучшему объединенію царства съ

[1]) „Я долженъ засвидѣтельствовать", записалъ о кн. Заіончекѣ современникъ, хорошо знавшій его, Kozmian, „что свои надежды и такой образъ своихъ дѣйствій онъ опредѣлялъ убѣжденіемъ, что Польша можетъ существовать, имѣть значеніе и сохранять свою народность лишь только въ соединеніи съ Россіей; онъ полагалъ, что отъ нашихъ усилій возстановить полную независимость, причинившихъ столько бѣдствій нашему краю, слѣдуетъ отказаться, и слѣдуетъ въ соединеніи съ Россіей искать навсегда обезпеченія права польской народности и достиженія матеріальнаго благосостоянія; и этой цѣли онъ посвятилъ всѣ свои силы". Наша статья въ „Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ", 1898. I, 35.

имперіей, они всѣми мѣрами старались развивать отдѣльность, обособленность, подготовлять даже независимость царства, иные не замедлили проводить идеи и прямо республиканскія. Особенно упорно дѣйствовала партія Чарторыйскихъ, о которой еще въ 1816 г. Заіончекъ доводилъ до вѣдѣнія государя, что она „походитъ на заговоръ и можетъ имѣть всѣ послѣдствія онаго, ежели не обратятъ на оную вниманія". Сеймы чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе дѣлались бурными.

Редакція конституціи, дѣйствительно, какъ бы намѣренно допускала весьма растяжимыя толкованія; кромѣ того, польскій ея текстъ, изданный варшавскимъ сенатомъ, уходилъ въ этомъ отношеніи еще далѣе французскаго оригинала, подписаннаго рукою Александра.

„Конституціонный уставъ" располагался въ такомъ порядкѣ: политическія отношенія царства (1 глава), общія гарантіи (2 глава), правительство (3 глава съ подъотдѣлами), царь, регентство, намѣстникъ и государственный совѣтъ и проч.; національное представительство (4 глава), и проч. [1]).

Обязанный наблюдать за общими государственными интересами, комиссаръ императорско-царскаго величества Новосильцевъ счелъ своимъ долгомъ представить государю свое мнѣніе о редакціи „конституціоннаго устава" съ присоединеніемъ проекта устава въ исправленномъ видѣ.

Въ одномъ изъ варшавскихъ архивовъ сохраняется отрывокъ французскаго черновика записки Новосильцева, заключающей въ себѣ мысли, которыя должны были войти въ это всеподданнѣйшее представленіе [2]).

---

[1]) *Charte Constitutionelle du Royaume de Pologne.*

Titre I: Relations politiques du Royaume.
Titre II: Garanties générales.
Titre III: Du Couvernement.
Capitre I: Du Roi.
Capitre II: De la Régence.
Capitre III: Du Lieutenant et du Conseil d'Etat.
Capitre IV: Des branches de l'Administration.
Titre IV: De la Représentation Nationale.
Titre V: De l'Ordre judiciaire.
Titre VI: De la force armée.
Titre VII: Dispositions générales.

Ustawa Konstytucyina Królestwa Polskiego.

Tytuł pierwszy: Stosunki polityczne Królestwa.
Tytuł drugi: Zareczenia ogólne.
Tytuł trzeci: O Rządzie.
Rodział pierwszy: O Królu.
Rodział drugi: O Regencyi.
Rodział trzeci: O Namiestnikw i o Radzie Stanu.
Rodział czwarty: O Wydziatach Rządowych.
Tytuł czwarty: O representacyi Narodowéy.
Tytuł piaty: O Sądownictwie.
Tytuł szósty: O sile Zbroynéy.
Tytuł siódmy Urządzenia Ogólne.

[2]) Архивъ новыхъ дѣлъ при Канцеляріи Варшавскаго генералъ-губернатора, по описи № 811: Дѣла Архива собственной Канцеляріи намѣстника его императорскаго-царскаго величества въ царствѣ Польскомъ: „Бумаги Н. Н.

Въ виду исторической цѣнности его, мы приведемъ его весь, въ возможно близкомъ переводѣ къ подлиннику.

...„Демократическій и революціонный принципы—излагается въ немъ—привьютъ гангрену всему народу и, наконецъ, вызовутъ въ немъ пламенное желаніе перемѣнить монархическое, даже отечески-попечительное, правительство на самое тираническое и буйное, основанное на самодержавіи народа, т. е. на правительство республиканское.

„Во всякомъ другомъ предметѣ слишкомъ пристальное и подробное разсматриваніе формы и порядка можно бы считать педантизмомъ, но не въ данномъ случаѣ, гдѣ дѣло идетъ о предметѣ такого большаго значенія, какъ конституціонная хартія. Здѣсь какъ нельзя болѣе слѣдуетъ взвѣшивать каждое употребляемое слово, никогда не будетъ здѣсь лишнимъ обращеніе самаго строгаго вниманія на порядокъ, въ которомъ предметы идутъ одинъ за другимъ, и никогда не надо бояться быть безъ мѣры воздержнымъ: надо сказать только то, что необходимо выразить. Если актомъ столь необыкновеннымъ, какъ хартія, создаются постановленія о предметахъ, необходимыхъ по существу и сущность которыхъ можетъ мѣняться, то правительство лишь совершенно напрасно свяжетъ себѣ руки и само себѣ подготовитъ затрудненія къ тому времени, когда обстоятельства потребуютъ реформы. Редакція слишкомъ небрежная или неточная также представляетъ очень серьезныя неудобства: она даетъ людямъ поводы и средства увеличивать то, что законодатель считалъ нужнымъ въ своей мудрости пожаловать имъ; возбуждаетъ въ различныхъ учрежденіяхъ стремленія къ расширенію своихъ правъ на счетъ другъ друга и даетъ пищу ненависти, которую враги общественнаго спокойствія желаютъ внушать въ народахъ противъ авторитета власти.

„Но что болѣе всего способствуетъ тому, чтобы сбивать людей съ дороги въ ихъ политическихъ мнѣніяхъ и давать имъ ложное направленіе, это—порядокъ въ распредѣленіи предметовъ, особенно когда ставятъ ихъ на мѣстѣ несообразномъ съ требованіями сущности правительства. Напримѣръ, мы видимъ, что въ монаршей конституціи поставили „царь“ послѣ „правительство“, а главу „правительство“ послѣ главъ о гарантіи и о политическихъ отношеніяхъ. Нетрудно предвидѣть толкованія, къ которымъ такіе недостатки должны давать поводъ, и послѣдствія, которыя отсюда должны происходить. Послѣд-

---

Новосильцева, найденныя въ бывшемъ Варшавскомъ Обществѣ любителей наукъ между бумагами Сташица“.—Судя по сохранившейся описи бумагъ Новосильцева, ихъ оставалось и было много, и необыкновенно цѣнныхъ для исторіи того времени, но изъ нихъ теперь въ Архивѣ лишь самое небольшое число... Со временемъ мы сообщимъ и объ этихъ остальныхъ документахъ.

ній недостатокъ, крайне большой въ теперешней конституціи королевства, былъ видимо намѣренно скомбинированъ со всѣми, уже указанными выше, недостатками, чтобы этимъ создать одно цѣлое, способное относительно формы правительства производить въ душѣ публики только чувства и идеи, совершенно противоположныя правительству, какое монархъ имѣлъ въ виду установить по конституціи, пожалованной имъ народу лишь по своему великодушію.

„Если все изложенное выше о конституціи будетъ ясно доказано въ „Запискѣ" и въ „Комментаріи" (dans le Mémoire et le Commentaire) о нынѣшней конституціи царства, которыя я предполагаю представить и о которыхъ я только-что говорилъ; и если нашъ августѣйшій монархъ будетъ убѣжденъ, что все зло, котораго можно опасаться, и все вліяніе, которыя головы экзальтированныя, приверженцы своихъ партій и разрушители порядка и общественнаго спокойствія, могутъ имѣть на людей слабыхъ, незнающихъ и неопытныхъ, если, говорю, онъ будетъ убѣжденъ, что все это зло и вліяніе происходитъ отъ плохаго состава конституціи, дающей поводъ сбивать съ дороги публику, которая можетъ толковать, какъ угодно, неясное и двусмысленное въ семъ актѣ: то, конечно, тотъ же самый благодѣтельный геній, который даровалъ конституцію, теперь по прежнимъ же мотивамъ гуманности и великодушія будетъ заботиться также наконецъ объ очищеніи ея отъ всего, могущаго находиться въ ней несовмѣстимымъ съ монархическимъ правительствомъ и способнаго возбуждать и поддерживать въ душѣ народа иллюзіи, опасныя не менѣе химерическихъ.

„Такъ какъ я убѣжденъ въ истинности сего, то я почелъ своимъ новымъ долгомъ преданности и признательности самому могущественному и великодушному государю—повергнуть къ его стопамъ опытъ конституціи царства исправленной и приведенной въ гармоническое соотвѣтствіе съ истиннымъ существомъ правительства (un essai de Constitution du Royaume, revue et mise en harmonie avec la vraie nature de son gouvernement). Я надѣюсь, что, выполняя такимъ образомъ святой долгъ, предписываемый мнѣ постояннымъ ко мнѣ довѣріемъ монарха, я вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаю существенную услугу польскому народу, отношенія котораго ко мнѣ неизмѣнно таковы, что я могъ быть всегда только доволенъ ими. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не услуга, и большая, по крайней мѣрѣ въ глазахъ спокойныхъ гражданъ, уважаемыхъ людей,—предложить средство, способное придать конституціи авторитетъ и постоянство, которыхъ она не имѣетъ и имѣть которыя она не можетъ, и надѣяться, пока она хранитъ въ себѣ сѣмена собственнаго своего разрушенія? Развѣ это—не спасать ее отъ несомнѣнной опасности, стараться очистить ее, отстраняя изъ

нея все, что не принадлежитъ къ ея системѣ и что тѣмъ не менѣе даетъ развращеннымъ и безпокойнымъ людямъ средства сбивать съ пути общество и поддерживать въ немъ иллюзію, будто оно можетъ требовать республиканскаго представительства, представительства самодержавнаго народа? Какой человѣкъ можетъ быть столь ограниченнымъ, чтобы не предвидѣть, что такія требованія совершенно недопустимы правительствомъ Россійской имперіи, которая, при ея колоссальномъ могуществѣ, ея народонаселеніи и громадномъ пространствѣ, не могла бы ни въ какомъ случаѣ поддерживать себя въ своей силѣ, цѣлости, благѣ и величіи при какомъ-нибудь иномъ правленіи, какъ только подъ правительствомъ монархическимъ? Развѣ можно предполагать, что эта монархія, соединенная съ царствомъ Польскимъ, составляющимъ едва 15-ю часть ея народонаселенія, позволила терпѣть близъ себя и, такъ сказать, на собственной груди распространеніе принциповъ, долженствующихъ уничтожать правительство, на которомъ основано счастіе и спокойствіе ея, вопреки большей части державъ Европы, находящихся теперь въ пожарѣ или наканунѣ пожара? Развѣ это не настоящее сумасшествіе—думать, что самодержавная власть будетъ равнодушными глазами смотрѣть въ средѣ членовъ сейма на этихъ рабскихъ подражателей апостоловъ революціи, на этихъ поклонниковъ и на эти отголоски самыхъ извѣстныхъ въ Европѣ демагоговъ, когда они обезьянски провозглашаютъ въ своихъ рѣчахъ самыя пагубныя доктрины, опираясь на правѣ, что они, по конституціи, будто-бы могутъ говорить съ безмѣрной свободой? Конечно, нѣтъ; никакой благоразумный человѣкъ не позволитъ себя питать подобной иллюзіей, не можетъ такъ ошибаться и не видѣть исхода, котораго должно ожидать, если бъ существованіе конституціи царства служило только предлогомъ и средствомъ деморализировать народы и ставить въ неудобное положеніе, компрометтировать время самое...“ (благополучное?)

На этомъ обрывается записка; въ концѣ ея, на полѣ, имѣются еще двѣ замѣтки:

„На глазахъ верховной власти законъ общаго спасенія стоитъ выше всякаго другаго закона“ (Aux yeux de la Puissance Souveraine, la Loi du Salut public est au dessus de toute autre).

„Конституціи не только подчинены сему закону, но даже онѣ не имѣютъ ничего положительнаго, кромѣ заботы, какъ только подкрѣплять и обезпечивать это общее спасеніе“ (Les Constitutions sont non seulements subordonnée à cette loi, mais elles n'ont même rien de réel si ce n'eut été le soin d'assurer et de garantir ce même salut).

Для кого предназначалась Новосильцевымъ эта его записка—во-

просъ второстепенный [1]). Важны тѣ воззрѣнія, которыя высказываются авторомъ, и его сообщенія объ исправленіи имъ текста конституціи королевства. Вопросъ о политическихъ взглядахъ Новосильцева, объ его службѣ и дѣятельности въ Польшѣ и о составленной имъ „Государственной уставной грамотѣ Россійской имперіи“ должны быть теперь разсматриваемы при лучахъ свѣта, бросаемыхъ даннымъ документомъ.

Профессоръ **Дм. Цвѣтаевъ.**

[1]) То, что она находится въ папкѣ бумагъ Новосильцева, найденныхъ въ бывшемъ Варшавскомъ Обществѣ любителей наукъ между бумагами „Сташица“, не рѣшаетъ еще вопроса. Другіе документы, имѣющіеся въ той же папкѣ и сшитые съ этой запиской, не могутъ имѣть никакого отношенія къ Сташицу; это именно—черновикъ протеста Новосильцева предъ Высшей судебной палатой на ея рѣшеніе по дѣлу о судившихся членахъ тайныхъ обществъ, черновики нѣсколькихъ писемъ и сообщеній государю, в. кн. Константину и т. п. Однако извѣстно, что отношенія Новосильцева съ Сташицемъ были хорошія, и Сташицъ предложилъ и рекомендовалъ его въ почетные члены Общества любителей наукъ, называя его „мужемъ ученымъ“. См. это предложеніе въ нашемъ трудѣ: „Царь Василій Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ“, т. II, кн. 2, стран. 224.

Восточная политика Наполеона [1]).

II.

Брюфенъ, оставленный повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Константинополѣ, былъ бы радъ какъ можно скорѣе сложить всю отвѣтственность на посланника, такъ какъ, со времени отъѣзда оттоманской миссіи въ Парижъ, послы англійскій и русскій осаждали Диванъ требованіями сдѣлать выборъ между Франціей и союзными державами. Константинополю предстояло быть въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ тѣмъ пунктомъ, гдѣ должны были столкнуться соперничающія вліянія, и сама Порта нуждалась въ поддержкѣ уполномоченнаго представителя Наполеона.

Себастіани прибылъ въ Константинополь 9-го августа 1806 года, послѣ крайне утомительнаго путешествія вслѣдствіе сильной жары. Онъ былъ предметомъ грандіозной встрѣчи въ турецкой столицѣ; великій визирь и рейсъ-эфенди поднесли ему въ подарокъ великолѣпныхъ лошадей; въ распоряженіе его была отдана дача для лѣтняго пребыванія. Послы Англіи и Россіи жаловались на такія неслыханныя почести, которыя вовсе не согласовались съ дипломатическими обычаями.

Въ самомъ дѣлѣ, Порта чувствовала себя успокоенной присутствіемъ французскаго посла. „Она только и ждала момента, говорилъ Себастіани, чтобы стряхнуть съ себя иго и показать себя независимой державой“.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, декабрь 1904 г.

24-го августа, когда Себастіани еще не успѣлъ представиться султану, господари Молдавіи и Валахіи были уже отрѣшены отъ должности: вмѣсто Мурузи былъ назначенъ Каллимахи, а вмѣсто Ипсиланти—Александръ Сутцо. Прежніе были представителями русскаго вліянія, дѣятельными агентами расчлененія Оттоманской имперіи, путемъ возрожденія его христіанскаго населенія; они имѣли огромное вліяніе на Диванъ, гдѣ раздавали золото пригоршнями. Эти господари мечтали о переворотѣ въ имперіи, къ которому готовилось все населеніе греческаго вѣроисповѣданія. Первый сигналъ къ революціи былъ поданъ Сербіей; остальныя провинціи собирались послѣдовать ея примѣру, а вслѣдъ за ними, русское правительство преслѣдовало свои честолюбивыя намѣренія. Поэтому Себастіани, видя энергію, проявленную Портой, торжествовалъ: „Порта вчера только вышла изъ-подъ опеки и вліянія Россіи, говорилъ онъ, и, вернувшись къ прежней системѣ, принялась за необходимыя мѣры для своего спасенія".

Русскій посолъ Италинскій былъ страшно озлобленъ, протестовалъ противъ нарушенія трактатовъ, грозилъ скорымъ объявленіемъ войны и отправилъ экстреннаго курьера въ Петербургъ. Англійскій посолъ Арбутнотъ счелъ долгомъ заговорить въ такомъ же тонѣ, адресовалъ Портѣ „бѣшеную ноту", обвиняя ее въ томъ, что она окончательно подпала подъ французское вліяніе.

28-го августа султанъ принялъ Себастіани на торжественной аудіенціи; вопреки установленному обычаю, посолъ получилъ разрѣшеніе сохранить при себѣ оружіе и былъ принятъ султаномъ съ выраженіемъ величайшей благосклонности. Аудіенція продолжалась долго, и, вслѣдствіе важности обстоятельствъ, разговоръ перешелъ границы обычныхъ банальностей. Себастіани заявилъ султану, что императоръ Наполеонъ готовъ былъ отказаться отъ права раздачи бератовъ, или патентовъ на натурализацію, оттоманскимъ подданнымъ, каковымъ пользовались иностранныя державы; и совѣтовалъ султану лишить этого права Россію, которая злоупотребляла имъ, развращая этимъ населеніе Турецкой имперіи.

Селимъ, тронутый этой уступкой, понялъ, что Наполеонъ хотѣлъ только отстранить русское вліяніе, и, казалось, былъ готовъ отдаться всецѣло въ руки французской политики. Не только господари были отрѣшены отъ должностей, но и Юсуфъ-ага, глава русской партіи въ Константинополѣ, былъ отосланъ въ Мекку. Султанъ хорошо зналъ, что онъ возбудитъ этимъ злобу Россіи и готовился къ сильному сопротивленію. Къ сожалѣнію, онъ не могъ имѣть полнаго довѣрія къ своему войску; безпорядки, произведенные янычарами въ Румеліи, были только-что подавлены; онъ понималъ недостатокъ военныхъ

силъ. Въ этомъ затруднительномъ положеніи Селимъ обратился за помощью къ Себастіани, прося его выписать изъ Франціи морскаго инженера и артиллерійскаго офицера. Какъ и въ предъидущемъ столѣтіи, Порта поступала въ школу къ Франціи. Себастіани могъ уже поздравить себя съ тѣмъ, что „исполнилъ всѣ намѣренія его величества".

Но его торжество было непродолжительно. 29-го сентября, къ Италинскому прибылъ экстренный курьеръ отъ русскаго правительства, и посолъ адресовалъ Портѣ очень энергичную ноту, въ которой говорилъ, что императоръ Александръ крайне раздраженъ отрѣшеніемъ господарей отъ должности, ибо это есть нарушеніе хатти-шерифа, даннаго въ сентябрѣ 1802 г.; господари должны были оставаться на своемъ посту еще въ теченіе трехъ лѣтъ; они были отрѣшены безъ согласія на то русскаго посла и безъ указанія причинъ, объясняющихъ подобное дѣйствіе. Поэтому петербургское правительство, ссылаясь на прежнія конвенціи, требуетъ немедленнаго возвращенія обоихъ господарей и сохраненія ими своихъ должностей до окончанія семилѣтняго срока. Никакой уклончивый отвѣтъ принятъ не будетъ. Въ томъ случаѣ, если Порта не пожелаетъ принять условій этого ультиматума, Италинскій будетъ немедленно отозванъ.

На этотъ ультиматумъ Порта отвѣтила 13-го октября нерѣшительной нотой: что Россія также не уважала трактатовъ и что верховная власть Порты не признавалась на Іоническихъ островахъ, гдѣ русскія должностныя лица распоряжались какъ хозяева; и что князь Ипсиланти измѣнникъ, и потому отставка его необходима.

Италинскій настаивалъ на своемъ: возвращеніе господарей имѣло уже пагубныя послѣдствія, говорилъ онъ, и вызвало нѣчто вродѣ анархіи. Виддинскій паша Пасванъ-Оглу воспользовался этимъ, чтобы вторгнуться съ шайкой разбойниковъ въ Валахію, гдѣ онъ заставилъ христіанъ заплатить ему огромную контрибуцію. Необходимо возстановить порядокъ въ странѣ, успокоить населеніе и вернуть господарямъ ихъ авторитетъ; иначе, русское правительство будетъ принуждено вмѣшаться въ дѣло и заступиться за христіанъ; это есть право, обезпеченное Россіи Кучукъ-Кайнарджійскимъ трактатомъ.

Казалось, что султанъ и его министры были готовы выказать большую храбрость; они приказали укрѣпить Бендеры и крѣпости Босфора, организовать два большихъ лагеря въ Рущукѣ и въ Виддинѣ, и потребовали изъ Азіи многочисленную армію, которую собирались отправить въ Силистрію. Себастіани однако не очень довѣрялъ имъ: „Все это приказано, но все это будетъ плохо исполнено и будетъ готово лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ какой обманчивой безопасности жило турецкое правительство до сего дня! Какъ оно мало

заботилось о будущемъ. А что станетъ съ Архипелагомъ, острова котораго населены лишь греками, всецѣло преданными Россіи, что будетъ съ нимъ? Будетъ ли возможно защищать Дарданеллы? Не думаю!" говорилъ онъ.

Турецкое правительство раздѣляло эти опасенія. Ультиматумъ Италинскаго навелъ страхъ на Порту; министры чувствовали, что не могутъ вести войну, „казначейство было пусто, укрѣпленія полуразрушены и плохо вооружены, войско малочисленно и плохо организовано".

Одно присутствіе Себастіани въ Константинополѣ не могло остановить Россію. Поэтому, отдавая арміи воинственныя приказанія, султанъ писалъ въ то же время Наполеону, 6-го октября, объясняя ему, почему онъ былъ вынужденъ вернуть господарей. Онъ оправдывался тѣмъ, что Россія отказалась отъ ратификаціи послѣдняго трактата и жаловалась на нарушеніе трактата 1802 г. и что Англія угрожала также начать непріязненныя дѣйствія въ томъ случаѣ, если между Россіей и Портой вспыхнетъ война. Такимъ образомъ, въ виду того, что Италинскій угрожалъ отъѣздомъ, а Англія вмѣшательствомъ, и оба намѣреваются объявить войну, „чтобы избѣжать такую преждевременную крайность, противную законамъ религіи", оттоманское правительство рѣшилось водворить Ипсиланти и Мурузи на ихъ прежнія мѣста. Это длинное разсужденіе имѣло нѣкоторое основаніе; извѣстіе о непризнаніи трактата прибыло въ Константинополь лишь въ послѣднихъ числахъ сентября. Если же Порта отрѣшила господарей, ссылаясь лишь на франко-русскій трактатъ, тогда у этого энергичнаго поступка отнимается бо́льшая часть его значенія; въ такомъ случаѣ, Порта рѣшилась на это, убѣжденная въ томъ, что ничѣмъ не рискуетъ. Между тѣмъ, Себастіани вынесъ впечатлѣніе, что оттоманское правительство руководствовалось лишь страхомъ „и привыкло уже къ желѣзной розгѣ".

12-го октября Арбутнотъ представилъ Портѣ ноту, въ которой говорилось объ образованіи четвертой коалиціи, грозномъ вооруженіи Пруссіи, Швеціи, Россіи и Англіи, о томъ, что Наполеонъ будетъ уничтоженъ этой силой и во всякомъ случаѣ не будетъ въ возможности помочь Турціи. 15-го октября новые господари, Сутцо и Каллимаки, были въ свою очередь отрѣшены отъ должности, и предшественники ихъ возвращены на свои мѣста. По этому случаю Себастіани далъ просторъ своему негодованію. „Это самое постыдное покорство, которое когда-либо встрѣчалось въ лѣтописяхъ этой имперіи", писалъ онъ. Князья Ипсиланти и Мурузи, люди очень богатые, развратили министровъ Порты, въ особенности рейсъ-эфенди; турецкое министерство находится отнынѣ „въ вассальномъ положеніи". Оно

управляется лишь деньгами и страхомъ. Стоитъ только вспомнить оттоманскую политику за послѣдніе годы, продолжаетъ посолъ: она находилась всегда въ зависимости отъ внѣшнихъ событій".

Послѣ Маренго Порта рѣшила послать миссію въ Парижъ; послѣ образованія третьей коалиціи она отказалась признать за Наполеономъ императорскій титулъ; послѣ Аустерлица она послала чрезвычайнаго посла, Мухибъ-эфенди. Нынѣ она узнаетъ объ образованіи четвертой коалиціи и находится у ногъ Россіи. Себастіани проситъ аудіенціи у султана, рейсъ-эфенди отказываетъ ему.

Порта вскорѣ увидѣла, что сила была еще на сторонѣ Наполеона: первый выстрѣлъ на полѣ Іенскаго сраженія, казалось, уничтожилъ четвертую коалицію. 11-го ноября Наполеонъ собственноручно извѣстилъ Селима о своей побѣдѣ, поддерживалъ его рѣшимость и внушалъ твердыя намѣренія. Одновременно съ этимъ Талейранъ повторялъ Себастіани императорскія инструкціи. Политическое равновѣсіе турецкаго правительства снова заколебалось; рейсъ-эфенди пожелалъ видѣть Себастіани и имѣлъ съ нимъ важное совѣщаніе; онъ высказалъ готовность къ союзу съ Франціей, хотя хотѣлъ еще съ этимъ повременить. Въ одинъ прекрасный день счастье оружія могло еще повернуться противъ Наполеона, и потому трудно было брать на себя обязательства относительно будущаго. Рейсъ-эфенди намѣревался послать чрезвычайнаго посла къ императору Наполеону для переговоровъ по поводу заключенія этого договора. Ему хотѣлось также узнать планы императора относительно Польши; быть можетъ, онъ боялся этого опаснаго сосѣдства. „Какой умъ способенъ измѣрить планы этого великаго генія?" отвѣчалъ на это Себастіани, и когда посолъ настаивалъ на необходимости поторопиться, рейсъ-эфенди охотно согласился съ нимъ. „Да, необходимо торопиться, сказалъ онъ, но все же невозможно высказаться, пока не окончатся вооруженія, а это займетъ нѣсколько недѣль, при чемъ было бы все-таки желательно узнать о намѣреніяхъ императора Наполеона, захочетъ ли онъ дать союзу характеръ наступательный или оборонительный?" Приходилось также считаться съ кораномъ, запрещающимъ проливать кровь и допускающимъ войну лишь въ случаѣ законнаго права защиты. Эти вопросы требовали размышленія.

Однако необходимо было не раздражать Наполеона на всякій случай; 25-го ноября Селимъ написалъ ему трогательное посланіе: онъ выразилъ свою радость по случаю побѣды при Іенѣ, увѣрялъ императора въ своихъ дружескихъ чувствахъ и нетерпѣливо ожидалъ случая высказать ихъ.

Храброе настроеніе Селима подверглось тяжкому испытанію. Въ тотъ моментъ, когда онъ былъ убѣжденъ, что удовлетворилъ Россію

возвращеніемъ господарей, а Наполеона краснорѣчивыми изліяніями дружбы, русская армія перешла Днѣстръ (10-го ноября) въ трехъ пунктахъ: 6.000 человѣкъ заняли Хотинъ, подъ командой князя Долгорукова; 10.000—подъ командой генералъ-анъ-шефа Михельсона вступили въ Яссы безъ выстрѣла и двинулись къ Бухаресту; 20.000 человѣкъ завладѣвали Бендерами и осадили Измаилъ. Эти извѣстія вызвали въ Константинополѣ ужасное волненіе; русскій посолъ самъ былъ озадаченъ и смущенъ этими извѣстіями; онъ не зналъ, какія объясненія представить Портѣ, такъ какъ онъ довольно долгое время не зналъ въ точности намѣренія своего правительства. Лишь 15-го (27-го) ноября, россійскій канцлеръ, баронъ Будбергъ, написалъ Италинскому письмо изъ Петербурга, дошедшее до посла въ половинѣ декабря. Русское правительство объясняло слѣдующимъ образомъ своему послу это неожиданное рѣшеніе: по полученіи извѣстія о пріѣздѣ Себастіани въ Константинополь и отрѣшеніи князей Ипсиланти и Мурузи, Россія,ославъ свой ультиматумъ Италинскому, сформировала армію на Днѣстрѣ. Какъ извѣстно, ультиматумъ былъ переданъ Портѣ лишь 29-го сентября. 1-го октября, писалъ Будбергъ, не имѣлось еще о немъ извѣстій—это вполнѣ естественно, ибо 1-е октября русскаго календаря соотвѣтствуетъ 12-му октября григоріанскаго календаря. Въ Петербургѣ были убѣждены, что Порта отвергла ультиматумъ; однако, государь согласился выждать до 15-го (29-го) октября. Въ тотъ же самый день султанъ вернулъ господарей; извѣстіе объ этомъ не могло придти въ Петербургъ ранѣе начала ноября.

Итакъ, 28-го октября русское правительство послало Михельсону приказъ идти въ Молдавію „для возстановленія въ этомъ краѣ прежнихъ отношеній, утвержденныхъ трактатами, для остановки французскаго владычества, грозившаго Портѣ окончательнымъ закрѣпощеніемъ и, если потребуется, для того, чтобы встать лицомъ къ лицу съ французскими войсками въ Далмаціи“.

23-го октября въ Петербургъ пришло извѣстіе о возстановленіи господарей; оно не сопровождалось никакими объясненіями; императоръ Александръ выжидалъ, не посылая новыхъ инструкцій Михельсону, и, получивъ впослѣдствіи болѣе ясныя депеши, рѣшилъ однако, что подобное удовлетвореніе недостаточно: „это единичное удовлетвореніе не представляетъ необходимыхъ гарантій относительно намѣреній Порты; оттоманскіе министры продолжаютъ имѣть длинныя конференціи съ французскимъ посломъ, они не отдали еще никакихъ приказаній касательно выполненія приказа о возстановленіи господарей. Валахія опустошается шайками Пасвана-Оглу и находится въ самомъ ужасномъ положеніи, а между тѣмъ Россія торжественно гарантировала ея спокойствіе“. Вотъ почему императоръ Александръ

рѣшилъ не отзывать генерала Михельсона, находившагося за предѣлами Днѣстра. Надобно было, чтобы Порта обезпечила русскимъ судамъ свободный проходъ въ Босфоръ и возобновила съ Россіей и Англіей союзный договоръ 1798 года „во избѣжаніе того, чтобы неудовольствіе Россіи не имѣло пагубныхъ послѣдствій для неприкосновенности оттоманской территоріи". Другими словами, русское правительство требовало союза Порты съ Россіей, или безсрочной оккупаціи княжествъ русскими. Во всякомъ случаѣ это былъ рѣшительный отвѣтъ на первые успѣхи Себастіани.

Онъ всѣми усиліями сталъ возбуждать турокъ къ мести; объяснялъ имъ, что честолюбивые виды распространяются очевидно на Сербію и Черногорію, гдѣ она хочетъ поддержать возстаніе съ цѣлью поднять всю Грецію на островахъ и изгнать турокъ изъ Европы. Такова была всегда политика Россіи, начиная съ временъ Екатерины II, говорилъ онъ. Генералъ Михельсонъ объяснялъ событія иначе; вступивъ въ Молдавію, онъ объявилъ о самыхъ мирныхъ намѣреніяхъ, предлагалъ оттоманскимъ властямъ сохранить свои должности въ интересахъ порядка, говоря, что онъ желаетъ лишь защитить Турцію противъ господства французовъ; что Наполеонъ имѣетъ ясное намѣреніе уничтожить янычаръ, образовать низамъ [1]), съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи сдѣлаться императоромъ восточной имперіи; а такъ какъ Россія только желаетъ добра Портѣ, то Михельсонъ обѣщалъ удалиться тотчасъ, какъ Порта исполнитъ свои обязательства; а пока онъ не начнетъ никакихъ непріязненныхъ дѣйствій, если онъ не будетъ вызванъ на это. И такъ, Франція и Россія оспаривали другъ у друга честь быть полезными Турціи.

Не слѣдуетъ однако понимать подобныя увѣренія буквально. Наполеонъ и Александръ были, быть можетъ, одинаково склонны стать императорами восточной имперіи и царствовать въ Константинополѣ. Но Александръ I, внукъ Екатерины II, казалось, былъ гораздо ближе къ собору св. Софіи и потому гораздо опаснѣе. Султанъ, полагая, что присутствіе Наполеона на Вислѣ помѣшаетъ Россіи дѣйствовать на Дунаѣ, и надѣясь, что французскія побѣды заставятъ Михельсона отступить, продолжалъ слушаться совѣтовъ Себастіани, но слѣдилъ съ величайшимъ безпокойствомъ за событіями польской войны.

И въ самомъ дѣлѣ, положеніе Оттоманской имперіи было самое критическое, и тревога Селима была вполнѣ понятна. У него не было самыхъ необходимыхъ средствъ для веденія войны; оборона Босфора и Дарданеллъ была въ жалкомъ состояніи, паши на Дунаѣ не слу-

[1]) Регулярное войско.

нались правительства, думали только о собственныхъ интересахъ и вели себя независимо; зная о приближеніи русскихъ войскъ, о появленіи ихъ въ нѣсколькихъ миляхъ къ сѣверу отъ Дуная, они не спѣшили увѣдомить о томъ султана и не спрашивали инструкцій; въ Рущукѣ Мустафа-байрактаръ, получивъ отъ Михельсона увѣренія въ его добрыхъ намѣреніяхъ, не зналъ, какой политики ему держаться. Самъ рейсъ-эфенди, по словамъ Себастіани, выказывалъ себя „совсѣмъ русскимъ“ и былъ безъ сомнѣнія „подкупленъ Мурузи“.

Между тѣмъ, два англійскихъ судна, подъ командой контръ-адмирала Левиса, появились неожиданно и бросили якорь у Константинополя. Левисъ не объяснилъ причины своего появленія; султанъ, еще болѣе обезпокоенный этимъ, поспѣшилъ высказать англійскому послу самыя дружественныя увѣренія и даже просилъ его содѣйствія у его русскаго коллеги, чтобы получить успокоительныя объясненія касательно занятія княжествъ. Но Наполеонъ продолжалъ вмѣшиваться въ дѣла, поддерживать энергію Порты своими дружескими письмами. 1-го декабря онъ писалъ лично Селиму изъ Познани, увѣряя его въ своей дружбѣ и преданности: „Пруссія, союзница Россіи, исчезла, писалъ Наполеонъ, моя армія на Вислѣ, и Варшава въ моей власти. Прусская и русская Польша возстала и организуетъ свои арміи, чтобы вновь завоевать независимость. Насталъ моментъ завоевать и вашу независимость... Если вы были осторожны до сей минуты, то дальнѣйшая снисходительность къ Россіи была бы слабостью и гибелью для вашей имперіи“. Одновременно съ этимъ Талейранъ сравнивалъ судьбу Турціи съ судьбою Польши въ письмѣ къ Себастіани: „Порта потеряла свою независимость съ тѣхъ поръ, какъ пала Польша, и она обрѣтетъ ее только тогда, когда эта монархія снова воспрянетъ“. Себастіани долженъ былъ передать эти слова турецкимъ министрамъ, и императоръ уполномочилъ его подписать тайный оборонительный и наступательный союзъ, съ помощью котораго онъ гарантировалъ Портѣ неприкосновенность ея провинцій: Молдавіи, Валахіи и Сербіи: „поторопите Порту сосредоточить войска около Хотина, и я обязуюсь не заключать мира съ Россіей, иначе какъ совмѣстно съ нею“.

Такимъ образомъ Порта поддерживалась лишь рукой императора; онъ одинъ вдыхалъ жизнь въ это умирающее тѣло. Неужели же она покажетъ себя менѣе сильной, чѣмъ Персія, которая вооружила 80.000 человѣкъ для борьбы противъ Россіи на югѣ Кавказа? говорилъ Наполеонъ. Неужели Порта не воспользуется случаемъ, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ съ французами на Вислѣ и съ персами Арменіи, и оттѣснить въ концѣ концовъ Россію въ ея пустыню? Насталъ моментъ вернуть все то, что она принуждена была уступить Россіи полвѣка тому назадъ, и спастись, быть можетъ, навсегда отъ грозящей ей погибели.

Обстоятельства казались столь благопріятными, что Порта рѣшилась дѣйствовать. Она разсчитывала, что Англія не поддержитъ Россію, и потому старалась щадить англійское правительство и не порывала съ нимъ оффиціально дружескихъ сношеній. Порта была также увѣрена, что русскіе, находившіеся въ Княжествахъ, не могли быть опасными теперь, ввиду присутствія Наполеона въ Польшѣ, что мѣшало имъ итти слишкомъ далеко на югъ. Во всякомъ случаѣ, необходимо было принять твердое рѣшеніе; Россія держала въ своихъ рукахъ часть Оттоманской имперіи и способствовала ея распаденію; Порта не могла взирать на это равнодушно, ей было настоятельно необходимо принять совѣты Наполеона и довѣриться Себастіани. Въ половинѣ декабря 1806 года рѣшеніе Порты было принято. 16-го числа Себастіани имѣлъ аудіенцію у султана въ Кіоскѣ Прѣсныхъ водъ; онъ передалъ ему послѣднее письмо Наполеона; султанъ, казалось, былъ готовъ объявить войну Россіи, затѣмъ посолъ присутствовалъ на совѣщаніи всѣхъ министровъ, на которомъ также было рѣшено объявить войну, и Себастіани было разрѣшено увѣдомить о томъ своего императора. Посолъ добился того, чтобы Италинскому и всей русской миссіи не были причинены при этомъ обычныя непріятности и чтобы оттоманское правительство держало себя въ этомъ случаѣ, какъ цивилизованная нація; и чтобы русскимъ было разрѣшено покинуть Константинополь въ полной безопасности. То было блестящей побѣдой надъ мусульманскимъ варварствомъ, и Италинскій былъ благодаренъ Себастіани за то, что онъ избавилъ его отъ тяжелаго заключенія въ Семибашенный замокъ.

Объявленіе войны должно было послѣдовать нѣсколько дней спустя со всѣми формальностями, какихъ требовали мусульманскіе законы, съ цѣлью возбудить противъ врага религіозный фанатизмъ населенія.

Войско, находившееся въ Румеліи, получило приказаніе немедленно отправиться на Дунай. Азіатскія войска были отозваны въ Константинополь, чтобы встать подъ священныя знамена подъ командою великаго визиря, ибо это была священная война, къ которой призывались всѣ силы Ислама, чтобы преградить Россіи путь въ Константинополь. На глазахъ удивленнаго Себастіани началось сильное возбужденіе мусульманскихъ страстей; паши изъявили свою преданность. На дружественныя увѣренія Михельсона байрактаръ Мустафа отвѣтилъ жалобой на занятіе Молдавіи русскими немедленной посылкой войскъ въ Валахію и заявленіемъ, что онъ самъ пойдетъ во главѣ войска. Въ Виддинѣ Пасванъ-Оглу также сталъ дѣйствовать рѣшительно и двинулся на Дунай, съ 40-тысячнымъ войскомъ. Въ Малой Азіи абхазцы и эрзерумскій паша, вторглись въ Грузію. Подобно

волнѣ, поднялась вся Турція, чтобы поглотить иноземцевъ, вторгнувшихся въ ея предѣлы.

Но все это не было стройно организовано, и Себастіани опасался, что энтузіазмъ не будетъ ни дѣйствителенъ и ни продолжителенъ, „здѣсь нужно бы имѣть французскихъ офицеровъ", писалъ онъ Талейрану, султанъ также просилъ ихъ, главнымъ образомъ, артиллерійскихъ офицеровъ и инженеровъ, но они не могли пріѣхать такъ скоро. Пока, посолъ отправилъ капитана Лакура въ Эрзерумъ и зятя своего, и адъютанта де-Коньи на Дунай. Что касается его самого, то ему не было разрѣшено оставить Константинополь, гдѣ его присутствіе было необходимо для поддержанія оттоманскаго правительства въ принятомъ рѣшеніи. Италинскій былъ смущенъ извѣстіемъ о занятіи Молдавіи русскими войсками, а англійскій посолъ чрезвычайно волновался, стараясь не допустить разрыва. „Онъ велъ себя очень глупо", говоритъ Себастіани, онъ являлся три дня подрядъ во дворецъ Дивана, врываясь туда силой, грозилъ, говорилъ дерзости, указывая на англійскія суда, стоявшія у Золотаго Рога; турецкіе министры сдерживали свой гнѣвъ, не желая порвать съ нимъ, такъ какъ у нихъ была плохая защита отъ англійскихъ пушекъ. Арбутнотъ, со своей стороны, старался волновать населеніе ложными извѣстіями о томъ, будто половина французской арміи уничтожена русскими, а другая половина находится въ госпиталяхъ, гдѣ свирѣпствуетъ диссентерія; что Испанія и Португалія присоединились къ коалиціи и послали войска въ Пиренеи; что Парижъ въ полномъ возстаніи. Себастіани и испанскій посолъ были принуждены опровергать всѣ эти сказки тѣмъ, кто имъ вѣрилъ.

Султанъ настоялъ на своемъ: 24-го декабря онъ оффиціально объявилъ Италинскому о разрывѣ дипломатическихъ сношеній, при чемъ высказалъ слѣдующія причины неудовольствія Порты: со времени заключенія мира въ Яссахъ, Россія продолжала подстрекать подданныхъ султана, брала ихъ на свои суда, выдавала патенты на натурализацію, возбуждала Сербію къ возстанію и безъ всякаго права заняла турецкую крѣпость Анакрію на Ріонѣ. Въ Албаніи и даже въ Константинополѣ Россія сманивала оттоманскихъ подданныхъ въ свою армію и въ концѣ-концовъ заняла Молдавію, не объявляя войны. Далѣе, Россія силой взяла Хотинъ и Бендеры, прислалъ турецкимъ властямъ ложный манифестъ. Таковы были причины, по которымъ Италинскому предложено въ три дня покинуть Константинополь вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ посольствомъ.

Получивъ это заявленіе, Италинскій, спустя нѣсколько часовъ, выѣхалъ въ Мальту на англійскомъ суднѣ. Въ тотъ же день Россіи была оффиціально объявлена война. Оба господаря Молдавіи и Ва-

лахіи были вновь отрѣшены отъ должностей. Великій визирь объявилъ о своемъ скоромъ отъѣздѣ на Дунай, вслѣдствіе чего возгорѣлся народный энтузіазмъ; но оттоманское министерство оставалось ко всему невозмутимо; рейсъ-эфенди держалъ себя таинственно, а остальные сановники Порты, какъ бы нехотя, принимали участіе въ событіяхъ. Себастіани не могъ побороть эту косность и равнодушіе: ему наскучило постоянно толкать этихъ людей на борьбу, когда они не хотѣли сражаться; онъ былъ доволенъ полученными результатами, но не надѣялся сдѣлать бо́льшаго; онъ находился въ Константинополѣ всего 4 мѣсяца, а уже писалъ Талейрану: „я прошу у его величества отозвать меня отсюда; я сдѣлалъ все, что зависѣло отъ меня, служа моему великому монарху, и прошу въ видѣ награды послать меня въ армію, я предпочелъ бы служить простымъ волонтеромъ, нежели оставаться здѣсь дольше". Онъ питалъ презрѣніе къ правительству, при которомъ былъ аккредитованъ, и къ націи, которую старался поднять и возбудить къ дѣйствію. Онъ смотрѣлъ на Константинополь, какъ на мѣсто ссылки. Себастіани находилъ турокъ неспособными къ борьбѣ съ русскими или англичанами и боялся быть увлеченнымъ въ катастрофу, угрожавшую Турціи; ему противно было чувствовать себя привязаннымъ къ этому трупу. Въ началѣ 1807 г. гибель Турціи казалась близка; это было въ Европѣ всеобщее мнѣніе; событія, кои французскій посолъ видѣлъ вблизи, подтверждали это мнѣніе.

Порта была безсильна, султану еле повиновались въ его столицѣ; янычары роптали, образуя рядомъ съ правительствомъ нѣчто вродѣ мятежнаго правленія. Въ подвластныхъ Турціи провинціяхъ царствовала какая-то феодальная анархія. Въ Азіи и въ Европѣ каждый паша былъ хозяинъ въ своей провинціи, подчасъ могущественнѣе самого султана въ столицѣ. Христіанскія провинціи становились, подобно Сербіи, почти независимыми; въ сущности Оттоманская имперія была близка къ гибели, и великія державы смотрѣли на нее, какъ на свою добычу.

Россія не могла проявить рѣшительныхъ дѣйствій; а Константинополь былъ беззащитенъ. И кто же могъ бы поручиться, что онъ не будетъ захваченъ Англіею? Что значили Аустерлицкая и Іенская побѣды въ сравненіи съ фактомъ занятія англичанами столицы султана? Такое событіе было бы рѣшительнымъ моментомъ въ европейской исторіи.

Но Англія въ этомъ случаѣ оплошала. При объявленіи войны Россіи со стороны Турціи, Англія объявила себя нейтральною „лишь бы Турція не вступала въ союзъ съ Франціею".

Англійскій консулъ въ Бухарестѣ, Соммерсетъ, получилъ прика-

заніе освѣдомиться какъ можно лучше о намѣреніяхъ русскаго генерала Михельсона, пригласившаго его къ себѣ на обѣдъ. Но русскій агентъ въ этомъ городѣ, Родофиникинъ, относился къ нему „съ изысканной любезностью", но большимъ недовѣріемъ, ничего не разъяснилъ англійскому консулу и запретилъ своимъ секретарямъ что-либо разсказывать. Однако Соммерсетъ самъ подмѣчалъ многое, что доказывало ему, что не все обстояло благополучно въ русской арміи; всюду царитъ безпорядокъ, она не подвигалась впередъ, хотя продолжала выражать Турціи торжественное и совершенно неумѣстное презрѣніе.

Ипсиланти вмѣшивался во все „особенно въ то, въ чемъ онъ самъ не имѣлъ никакого понятія"; онъ назначалъ министровъ и смѣнялъ ихъ на другой же день; дѣлалъ смотры, предсѣдательствовалъ въ Диванахъ съ напускнымъ величіемъ, возбуждалъ ненависть даже среди своихъ старыхъ молдавскихъ подданныхъ и глупостью своей компрометтировалъ успѣхи русскихъ.

„Россія хорошо бы сдѣлала, покончивъ свою распрю съ Портой полюбовно", говорилъ Соммерсетъ.

Что касалось Англіи, то она считала для себя опаснымъ нарушить добрыя отношенія къ Россіи и натолкнуть ее на сближеніе съ Франціей, а на случай, если бы эти державы вздумали ускорить рѣшеніе Восточнаго вопроса, лондонское правительство считало нужнымъ быть на-готовѣ и внимательно слѣдить за всѣмъ, что происходило въ Константинополѣ.

Въ теченіе января Арбутнотъ получилъ наконецъ оффиціальныя инструкціи. Ему было приказано требовать возобновленія англо-турецкаго союза 1798 г.; удаленія Себастіани изъ Турціи, возвращенія англійскому флоту крѣпостей въ проливахъ, уступки Россіи Молдавіи и окончательнаго заключенія мира. Англія слишкомъ явно дѣйствовала за-одно съ Россіей, ибо тяжелыя условія, навязанныя султану, могли лишь раздражать его и усилить вліяніе Себастіани, которому не трудно было убѣдить Порту, что англичане и русскіе хотятъ гибели Турціи, у которой одна лишь защита — союзъ съ Франціей. На требованія англичанъ рейсъ-эфенди, Галетъ-паша, предложилъ заключить перемиріе съ Россіей на три мѣсяца; Арбутнотъ отклонилъ это предложеніе.

25-го января, по этому поводу, происходила послѣдняя конференція. на которой англійскій посолъ не зналъ, какъ объяснить требованія своего правительства, которое ни въ чемъ не могло упрекнуть Турцію. Онъ выставилъ причиною явное пристрастіе Турціи къ Франціи; со времени прибытія Себастіани, Англія требовала, чтобы Порта возобновила прежнія дружескія отношенія съ Россіей и съ Англіей,

отстранивъ французское посольство. Русскія войска уже приближались къ Дунаю, и англійскія суда находились въ Архипелагѣ. Въ случаѣ, если Порта не согласится на уступки, Англія грозила, что ея флотъ начнетъ свои дѣйствія совмѣстно съ русскимъ флотомъ въ Средиземномъ морѣ „дабы вмѣстѣ войти въ Дарданеллы". Галетъ-паша, рѣшеніе котораго относительно соглашенія съ Себастіани было принято, не затруднился отвѣтить на эти обвиненія. Онъ энергично возразилъ на угрозы, что: „французскій посолъ никоимъ образомъ не старался повліять на Порту; къ тому же Франція не владычествуетъ на морѣ и ничего не можетъ сдѣлать противъ Константинополя. Господари при дунайскихъ провинціяхъ были отрѣшены отъ своихъ мѣстъ лишь потому, что злоупотребленія, совершенныя ими, были доказаны, и французскій посолъ узналъ объ этомъ лишь одновременно съ остальными жителями Константинополя. Возвративъ наконецъ этихъ преступныхъ господарей и перенеся вслѣдствіе этого „самое ужасное оскорбленіе для независимой державы", султанъ Селимъ явно доказалъ этимъ свое желаніе не прерывать сношеній ни съ Россіей, ни съ Англіей. Такимъ образомъ „сдѣлавъ великое усиліе, поставивъ себя выше тѣхъ чувствъ, которыя властвуютъ надъ людьми, султанъ собирался купить миръ и благосостояніе своихъ подданныхъ цѣной жертвъ, крайне тяжелыхъ для него, согласясь даже принять господарей у себя во дворцѣ" и выказать имъ свою благосклонность. Въ уплату за уступчивость, онъ добился лишь войны; провинціи султана были захвачены; русскіе генералы распространяли въ его Имперіи самые дерзкіе манифесты. Султанъ надѣялся, что Великобританія отнесется къ нему великодушнѣе и оцѣнитъ его старанія уладить все къ лучшему; онъ горько сожалѣетъ о томъ, что ошибся; но, все же „смѣшно упоминать о вліяніи Франціи, когда Порта сдѣлала все, что хотѣла Англія". Во всякомъ случаѣ, султанъ вѣритъ въ справедливость своего дѣла; эта имперія существуетъ по волѣ Бога, великаго и милостиваго, и если такова воля небесная, несмотря на отчаяніе, до котораго довели султана, онъ сумѣетъ употребить необходимую энергію въ защиту своего государства.

Въ тотъ самый вечеръ, когда происходилъ вышеприведенный разговоръ, 25-го января, Арбутнотъ отправился на судно „Эндиміонъ", подъ флагомъ контръ-адмирала Левиса, гдѣ былъ устроенъ праздникъ, и куда были приглашены главные англійскіе коммерсанты въ Константинополѣ. Вдругъ, среди ночи, „Эндиміонъ" снялся съ якоря и направился въ Дарданеллы; и посолъ объявилъ гостямъ, что они не вернутся болѣе въ столицу, и что сношенія съ Портой прерваны. Всѣ присутствующіе протестовали и жаловались, напоминая о томъ, что оставили въ Константинополѣ свои семьи и имущество; жалобы

ихъ оказались напрасными, судно продолжало идти, и турки пропустили его, не вѣдая, что на немъ находится англійскій посолъ. Въ Тенедосѣ „Эндиміонъ“ присоединился къ другимъ судамъ, образовавъ довольно сильную эскадру. 29-го января Арбутнотъ предъявилъ вновь свой ультиматумъ Портѣ, возложивъ на нее отвѣтственность за жизнь и имущество оставшихся въ Турціи англичанъ. Одновременно съ этимъ, Англія просила датскаго посла взять подъ свое покровительство женщинъ и имущество англичанъ въ Константинополѣ, при содѣйствіи французскаго посла. Не ожидая этой просьбы, Себастіани исполнилъ свой долгъ по отношенію къ оставшимся англичанамъ. Смущенный быть можетъ своимъ поведеніемъ, Арбутнотъ написалъ вскорѣ нѣсколькимъ членамъ дипломатическаго корпуса письма, объясняя причину своего отъѣзда тѣмъ, что не могъ въ безопасности продолжать сношенія съ Портой. Съ своей стороны Порта объявила, что не находитъ приличнымъ продолжать переговоры съ посломъ, покинувшимъ свой постъ; и что она пошлетъ объясненія прямо въ Лондонъ; въ особомъ циркулярѣ къ иностраннымъ посламъ Порта жаловалась на внезапный отъѣздъ Арбутнота, которому вмѣстѣ съ англійскими подданными не было причинено никакого зла. Вѣроятно, Арбутнотъ побоялся заключенія въ Семибашенный замокъ, что было обычаемъ въ Турціи. Однако, отношенія Порты съ Англіей не были прерваны въ теченіе цѣлаго мѣсяца; переговоры длились весь февраль. Англичане неоднократно грозили Портѣ войной, хотя сами не рѣшались начать ее; они думали, что угрозы будутъ достаточны. Быть можетъ, эти угрозы и были бы достаточны, если бы въ Константинополѣ не было Себастіани. Политика угрозъ вообще дурная политика.

На другой день послѣ своего отъѣзда Арбутнотъ вручилъ драгоману Порты ноту, заявляющую о томъ, что въ скоромъ времени ожидается соединеніе русскихъ судовъ съ англійскими, и что Константинополю грозитъ опасность въ томъ случаѣ, если турки откажутся отъ предложеній англійскаго правительства. На это рейсъ-эфенди отвѣчалъ, что вслѣдствіе возбужденія мусульманъ Высокая Порта не можетъ указать на достаточно безопасное мѣсто, гдѣ могли бы происходить конференціи. Тогда въ дѣло вмѣшался Дуквортъ, говоря, что британскій посолъ считаетъ миссію свою оконченной, и что, если Портѣ удастся избавиться отъ иностраннаго вліянія, она можетъ вывѣсить свой парламентерскій флагъ. Одновременно съ этимъ Левису были даны инструкціи на случай, если Турція вступитъ въ переговоры. Ему приказано было отвѣтить приблизительно слѣдующее: „Англія напоминаетъ Портѣ о поведеніи Франціи, въ особенности Бонапарта, по отношенію къ ней, и о желаніи послѣдняго довести

Оттоманскую имперію до окончательнаго распаденія, между тѣмъ какъ Россія и Англія явились при этихъ обстоятельствахъ самыми преданными союзницами Турціи, которая безъ нихъ потеряла бы Египетъ и Сирію. Министрамъ султана предоставлялось рѣшить, кто принесъ больше вреда Турціи: Франція или другія ея союзницы.

Посолъ императора Наполеона преувеличилъ успѣхи своего монарха: въ дѣйствительности французская армія въ Польшѣ находилась въ весьма критическомъ положеніи; англійскія суда наоборотъ очень близки, и имъ будетъ легко повредить Константинополю; всѣ приморскія турецкія владѣнія могутъ попасть въ руки англичанъ. Немыслимо, чтобы при данныхъ обстоятельствахъ англійскій и французскій послы находились одновременно въ столицѣ. Даже Англія соглашалась лишь на то, что отозваніе Себастіани не было бы объявлено оффиціальнымъ порядкомъ и осталось бы совершенно конфиденціальнымъ.

Англія рѣшительно возлагала всю отвѣтственность новой турецкой политики на Себастіани, въ чемъ она была совершенно права. Себастіани являлся интимнымъ совѣтникомъ султана, у него искали опоры и просили его содѣйствія, видя въ немъ отраженіе могущества Наполеона. Себастіани передавались всѣ ноты англійскаго посла, и онъ былъ украшенъ орденомъ Полумѣсяца; въ то же время цѣнные подарки посылались императору и Талейрану. Но Себастіани, со своей стороны, не вѣрилъ тому, что Порта могла оказать какое-либо противодѣйствіе; онъ зналъ трусость турецкихъ министровъ и не думалъ, что въ нихъ удастся поддержать энергію, которой они такъ хвастали. Онъ чувствовалъ, что они волнуются, встревоженные слухами о странныхъ пораженіяхъ, понесенныхъ французами. Эти ложные слухи распространялись австрійцами. Изъ Вѣны пришло извѣстіе отъ 16-го января, что весь корпусъ Бернадота разбитъ, русскіе вступили въ Варшаву; французы потеряли 100.000 человѣкъ и отступили къ Познани, они находятся въ крайне бѣдственномъ положеніи, и нужно, чтобы у Наполеона было бы въ десять разъ больше ума, чтобы выйти изъ этого положенія. Сообщенія его съ Рейномъ порваны мятежемъ гессенцевъ, побившихъ баварцевъ, уничтожившихъ гарнизонъ въ Майнцѣ и остановившихъ рекрутовъ, шедшихъ изъ Франціи. Русскіе и англичане высадились въ Неаполѣ. Іосифъ бѣжалъ во Флоренцію; австрійское войско сосредоточено въ Богеміи. Эти извѣстія были подтверждены 19-го января изъ Черновицъ: „вся французская армія обращена въ бѣгство, Мюратъ раненъ смертельно; неудовольствіе арміи страшное; въ ней масса дезертировъ. Генералы недовольны Бонапартомъ, жалуются на то, что онъ похоронилъ честь французской арміи въ болотахъ Польши; Австрія намѣрена объявить себя противъ него“.

Эти, отчасти правдивыя, извѣстія распространялись съ цѣлью сломить турецкое упорство и заставить Турцію исполнить требованія Англіи. Себастіани сомнѣвался въ твердости турокъ, Талейранъ раздѣлялъ его мнѣніе и даже желалъ соглашенія Порты съ Англіей. Вообще Талейранъ не желалъ войны Турціи съ Англіей, такъ какъ это могло помѣшать ихъ диверсіи на Дунаѣ противъ Россіи. Но онъ ошибался; турки ни въ какомъ случаѣ не были въ состояніи произвести сколько-нибудь успѣшную диверсію на южной границѣ Россіи, въ чемъ Наполеонъ имѣлъ случай вскорѣ убѣдиться. Однако, англійскія суда продолжали сосредоточиваться въ водахъ острова Тенедоса, и Арбутнотъ возобновилъ переговоры съ Портой при посредствѣ драгомана Пизани, которому онъ писалъ въ одной изъ своихъ инструкцій (9-го февраля): „англійское правительство будетъ удовлетворено, если султанъ прикажетъ прекратить непріязненныя дѣйствія противъ Россіи; отвѣтъ ожидается не позже завтрашняго вечера, но какой бы ни былъ этотъ отвѣтъ, британскій флотъ обязательно д о л ж е н ъ войти въ Константинополь; турки должны сами рѣшить, войдетъ ли онъ врагомъ или другомъ“.

Англичане боялись столько же, какъ и турки, неминуемаго разрыва, не бывъ увѣрены въ своихъ силахъ. 19-го февраля, при южномъ вѣтрѣ, адмиралъ Дуквортъ оставилъ два судна при входѣ въ Дарданеллы и вошелъ въ проливъ съ шестью линейными судами. Онъ прошелъ мимо крѣпостей; укрѣпленія еще не были окончены, несмотря на дѣятельность Лакура. Турецкія батареи открыли огонь противъ англійскихъ судовъ, но безъ серьезныхъ результатовъ. На огонь англичане не отвѣчали и отошли къ сѣверу. При выходѣ изъ пролива въ Мраморное море, Дуквортъ увидалъ турецкую эскадру, экипажъ который по случаю праздника отсутствовалъ; чтобы отомстить за нѣсколько ядеръ, брошенныхъ въ нихъ, англичане совершили преступленіе, на которое способна лишь эта нація: они сожгли шесть турецкихъ судовъ. Пожаръ судовъ былъ замѣченъ въ Константинополѣ, „и взволновалъ всѣ умы“. Когда 20-го февраля англійская эскадра появилась ввиду Константинополя и встала на якорь противъ сераля, тамъ поднялась страшная тревога, послышались крики женщинъ и вздохи евнуховъ, что по всей вѣроятности доставило англичанамъ большое удовольствіе.

Весь городъ былъ объятъ ужасомъ, никто не ждалъ такого происшествія. Константинополь былъ беззащитенъ, и адмиралъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ, въ чемъ не сомнѣвался также и Себастіани, который писалъ по этому поводу Талейрану: „ужасъ турокъ неописуемъ: они думаютъ лишь о томъ, какъ окончить дѣло миромъ и съ помощью низостей добиться благопріятныхъ условій; батареи, которыя я старался

построить, не окончены, я—единственный здѣсь человѣкъ, заинтересованный въ защитѣ города; ваше превосходительство не можете представить себѣ ту беззаботность, которая существовала здѣсь до сихъ поръ, а теперь наступилъ страхъ; султанъ подпишетъ въ данный моментъ все, что угодно, и не только я буду принужденъ покинуть столицу, но, если того пожелаютъ англичане, меня посадятъ въ тюрьму". Положеніе Константинополя было дѣйствительно критическое; и если бы англичане воспользовались моментомъ, то они могли бы уничтожить турецкую эскадру и морскія учрежденія. Себастіани писалъ: „нельзя скрыть, что былъ моментъ, когда англичане могли добиться всего, и если бы на другой день послѣ прихода они попробовали войти въ Константинополь, то это произошло бы безъ всякихъ затрудненій; турецкій флотъ находился въ то время при выходѣ Босфора въ Черное море; во всякомъ случаѣ онъ не могъ служить защитою Константинополю". Селимъ былъ готовъ пойти на всякія уступки, и требовалась вся энергія Себастіани для поддержки его въ борьбѣ. 20-го февраля Султанъ послалъ наконецъ одного изъ своихъ офицеровъ во французское посольство, съ увѣдомленіемъ, что турки не чувствуютъ въ себѣ силъ къ защитѣ и что они не могутъ отвѣчать за полную безопасность Себастіани, ибо англичане по всей вѣроятности укажутъ на него, какъ на виновника войны. Хотя Себастіани ожидалъ отъ нихъ подобной выходки, но онъ ие могъ сдержать своего негодованія и писалъ по этому поводу: „я отвѣтилъ Исаакъ-бею, что ничто не заставитъ меня покинуть постъ, указанный мнѣ моимъ монархомъ, что французскій посолъ есть представитель слишкомъ великой державы, чтобы ему бояться народнаго возмущенія; и что я прошу его передать султану, что подчиненіе требованіямъ англичанъ было бы не только ударомъ, нанесеннымъ чести Оттоманской имперіи, но угрожало бы ему потерею Европейской Турціи, и что ему даже лучше было покинуть столицу и уѣхать въ Адріанополь, чѣмъ отдать англичанамъ державу съ 30-милліоннымъ населеніемъ; что согласіе Великой Порты на ноту Арбутнота не только лишитъ ее дружбы императора Наполеона, но даже возбудитъ его гнѣвъ".

Въ тотъ самый день въ посольство пришло изъ Варшавы отъ 20-го января письмо отъ Наполена, адресованное султану, въ которомъ онъ поздравилъ его съ рѣшеніемъ изгнать русскихъ изъ Молдавіи: „Ваше величество можетъ вполнѣ быть увѣреннымъ, что я всѣми силами приду ему на помощь, писалъ императоръ. Русская армія продолжаетъ бѣжать передъ моими войсками. Наступилъ моментъ упрочить существованіе имперіи оттомановъ; необходимо, чтобы ваше величество приняли энергичныя мѣры, предложенныя преданными ему народами, и не давали бы общимъ врагамъ нашимъ ни

минуты покоя". Себастіани поспѣшилъ перевести это письмо и передать его по назначенію. Что могла предпринять Порта? Уступить англичанамъ значило отдать имъ Константинополь въ то время, когда Россія завладѣвала Молдавіей и грозила Валахіи; это было равносильно распаденію имперіи и могло возбудить злобу Наполеона, котораго считали тогда единственнымъ защитникомъ Оттоманской имперіи; не уступать Англіи — значило сохранить драгоцѣнный союзъ съ Наполеономъ, надѣяться на побѣду, столь необходимую для престижа Порты. Это могло, быть можетъ, вернуть ей прежнее величіе и упрочить навѣки существованіе Оттоманской имперіи, какъ говорилъ самъ Наполеонъ.

Все это понимали въ Константинополѣ и рѣшили оказать противодѣйствіе англичанамъ; къ Себастіани обратились съ просьбою руководить турецкое правительство своими совѣтами; онъ явился, можно сказать, истиннымъ защитникомъ турецкой столицы противъ Англіи.

21-го февраля судно „Royal-Georges" вывѣсило парламентерскій флагъ; тотчасъ къ адмиралу Дукворту былъ посланъ Исаакъ-бей для переговоровъ, англичане вручили ему ноту, въ которой оффиціально объявляли о своемъ благополучномъ проходѣ черезъ Дарданеллы, подъ „страшнымъ огнемъ турецкихъ батарей"; предлагали въ послѣдній разъ вести переговоры, требуя отвѣта не позже слѣдующаго дня; условія ихъ были тѣ же, что̀ и въ нотѣ отъ 25-го января, но съ нѣкоторыми добавленіями; а именно, требовалось удалить Себастіани, рискуя войною съ Франціей, отдать немедля англичанамъ турецкій флотъ (15 судовъ и 15 фрегатовъ), со всѣмъ снабженіемъ на 6 мѣсяцевъ, отдать Дарданеллы и Босфоръ въ распоряженіе англичанъ, удовлетворить Россію, оставивъ ей до заключенія мира Молдавію, Валахію и укрѣпленія на Дунаѣ, заключить союзъ съ Англіей и Россіей. Англичане такимъ образомъ вздумали закрыть Востокъ для Наполеона. Но чрезмѣрныя требованія Англіи заставили султана заподозрить ее въ намѣреніи посягнуть на цѣлость его имперіи, и это сразу подняло въ его глазахъ значеніе Себастіани.

Французскій посланникъ энергично принялся за организацію обороны Константинополя; хотя онъ мало вѣрилъ въ благополучный исходъ, „по крайней мѣрѣ мы спасемъ честь", писалъ онъ Талейрану. Предложенныя имъ услуги были приняты; все населеніе поддерживало его; паника не пошла далѣе стѣнъ гарема и продолжалась лишь нѣсколько часовъ. Селимъ горячо принялся за вооруженіе; это наэлектризовало народъ; всѣ негодовали противъ коварства англичанъ. Внезапное появленіе англичанъ въ столицѣ, безъ объявленія войны, въ ту минуту, когда русскіе также внезапно заняли Молдавію, давало, по мнѣнію Себастіани и турокъ, политикѣ союзниковъ характеръ не-

честный, возмутившій мусульманъ; дѣло касалось ихъ независимости, и они приготовились къ отчаянной борьбѣ. Себастіани не ожидалъ встрѣтить въ нихъ такую энергію, но эта вспышка была непродолжительна. Себастіани составилъ нѣсколько записокъ объ оборонѣ города, которыя были переведены на турецкій языкъ и послужили руководствомъ для министровъ султана. Онъ считалъ необходимымъ защитить городъ отъ бомбардировки, не допустивъ приближенія англійскихъ судовъ, и охранить входъ въ Константинополь, дабы англійская эскадра не могла проникнуть въ гавань и уничтожить турецкій флотъ. Вся задача состояла, слѣдовательно, въ томъ, чтобы соорудить наскоро нѣсколько сильныхъ батарей, которыя могли бы отвѣчать на атаку англійскаго адмирала, или отнять у него всякую охоту къ атакѣ. Дѣла было много, но все было сдѣлано; всюду распоряжался Себастіани съ своими секретарями и нѣсколькими французскими офицерами. Испанскій посолъ, маркизъ Альменора, съ секретаремъ принималъ также въ дѣлѣ живое участіе, онъ организовалъ роту испанскихъ канонеровъ и возбуждалъ грековъ къ дѣятельности, султанъ и его министры проявили также необычайную дѣятельность. Султанъ находился весь день среди своихъ солдатъ и поддерживалъ всеобщій подъемъ духа своею щедростью; онъ разспрашивалъ инженеровъ, былъ веселъ и вѣроятно былъ убѣжденъ, что онъ сталъ достоинъ своего знаменитаго друга Наполеона; онъ удивлялся тому, что можетъ, въ случаѣ надобности, сдѣлать кучка энергичныхъ людей, и выражалъ публично свое уваженіе французамъ. „Г-нъ посолъ“, говорилъ онъ однажды Себастіани въ присутствіи своихъ министровъ и членовъ французской миссіи, „я считаю ваше присутствіе въ Константинополѣ даромъ, ниспосланнымъ намъ съ небесъ. Я никогда не забуду важныхъ услугъ, оказанныхъ вами; вы съ честью исполнили намѣренія вашего великаго государя“.

Въ турецкой столицѣ перестали бояться англичанъ и по мѣрѣ того, какъ проходилъ страхъ, возрастало всеобщее одушевленіе. 28-го англичане пробовали завладѣть однимъ изъ острововъ, принадлежащимъ къ грушѣ Принцевыхъ острововъ, въ двухъ миляхъ отъ Константинополя. 60 человѣкъ турокъ, которые засѣли тамъ въ греческомъ монастырѣ, отбили атаку, убили много англичанъ; остальные были принуждены удалиться. Вѣсть объ этомъ дѣлѣ немедленно разнеслась въ Константинополѣ; оно было сочтено предвѣстникомъ побѣды.

Въ то время французы и турки дѣйствовали столь энергично, Дукворть и Арбутнотъ сначала выжидали результаты переговоровъ Дивана, а затѣмъ противный вѣтеръ помѣшалъ постановкѣ кораблей для бомбардировки. Они скоро поняли, что ихъ маленькая эскадра могла быть уничтожена турецкими батареями, ибо знали, что работы

по укрѣпленіямъ или усиленныя и что возвращеніе эскадры было сопряжено съ большой опасностью. Несмотря на эти, вполнѣ основательныя, опасенія, они старались запугать султана, въ надеждѣ на какое-нибудь соглашеніе, которое вывело бы ихъ флотъ и ихъ самихъ изъ опаснаго положенія, въ какое они себя поставили. Но они не спѣшили удалиться, чтобы это не имѣло вида бѣгства, стараясь поддержать въ глазахъ турокъ свое достоинство; но дѣло ихъ было уже проиграно. Дуквортъ попробовалъ снова завязать переговоры и 21-го послалъ свой ультиматумъ, ожидая на слѣдующій день отвѣта. 23-го числа Порта сдѣлала запросъ, кто будетъ уполномоченнымъ со стороны Англіи для веденія переговоровъ? Дуквортъ отвѣчалъ, что если Порта гарантируетъ его безопасность, онъ самъ готовъ оставить эскадру и отправиться для переговоровъ въ то мѣсто, которое будетъ ему указано. При этомъ онъ жаловался на дѣлаемыя приготовленія къ защитѣ города, требовалъ скораго отвѣта, предупреждая, что иначе всѣ турецкія суда въ Мраморномъ морѣ будутъ уничтожены. Порта предложила мѣстомъ переговоровъ крѣпость на азіатскомъ берегу въ 7-ми миляхъ отъ Константинополя. Дуквортъ согласился, но въ виду отдаленности не отправился туда самъ, а послалъ контръ-адмирала Левиса, между тѣмъ, пять человѣкъ англичанъ, одинъ чиновникъ и четыре матроса, бывшіе въ шлюпкѣ, были захвачены турками и препровождены на азіатскій берегъ. Адмиралъ потребовалъ ихъ немедленнаго освобожденія, но получилъ отказъ. 26-го числа должно было явиться турецкое судно за англійскими депутатами, но оно не пришло, и пять арестованныхъ англичанъ все еще не были освобождены. Адмиралъ сдѣлался умѣреннымъ въ своихъ требованіяхъ и заявилъ, что онъ не настаиваетъ болѣе на сдачѣ турецкаго флота и крѣпостей, и даже уступкѣ Молдавіи и Валахіи Россіи и удовлетворяется уже удаленіемъ французскаго посла и возобновленіемъ тройственнаго наступательнаго и оборонительнаго союза между Россіей, Англіей и Портой. На это рейсъ-эфенди отвѣчалъ, что во всей Оттоманской имперіи не существуетъ клочка земли, куда могъ бы вступить англичанинъ, безъ того, чтобы не стать предметомъ ярости народа, и потому совѣтъ рѣшилъ прекратить всѣ переговоры, пока англійская эскадра не покинетъ Константинополя и не пройдетъ Дарданеллы.

Англійскій адмиралъ былъ внѣ себя отъ гнѣва и угрожалъ, говоря, что не пойдетъ болѣе ни на какія уступки и будетъ настаивать на исполненіи требованій ультиматума. Онъ выждалъ еще дня два, надѣясь, что Диванъ пойдетъ на уступки и не желая показать, что онъ собирается уступить. 1-го марта англійская эскадра подняла паруса и, снявшись съ якоря, приблизилась къ Константинополю. Всѣ думали,

что начнется бомбардировка; въ столицѣ и во французскомъ посольствѣ сильно волновались; но англійскія суда вернулись къ прежнему мѣсту стоянки у Принцевыхъ острововъ. Такимъ образомъ они маневрировали весь день, то подходя, то удаляясь, какъ бы вызывая на сраженіе. Наконецъ, къ вечеру они ушли къ югу и исчезли изъ вида. Ночь прошла въ безпокойствѣ. 2-го по утру константинопольское населеніе поспѣшило на городскія стѣны и убѣдилось, что врагъ отступилъ. На стѣнахъ находился и султанъ. Народъ благословлялъ его, всѣ ликовали; энтузіазмъ все возрасталъ. Селимъ благодарилъ Себастіани, приписывая ему главную заслугу. Экипажи турецкой эскадры съ крикомъ требовали разрѣшенія преслѣдовать враговъ, но Себастіани былъ противъ этого, боясь, чтобы какая-нибудь неосторожность не испортила дѣла; тогда народъ сталъ волноваться, и Селимъ былъ принужденъ приказать капитанъ-пашѣ преслѣдованіе непріятеля. Эскадра быстро приготовилась къ отплытію при радостныхъ кликахъ толпы.

Извѣстіе объ отступленіи англичанъ было получено лишь 4-го марта съ курьеромъ, посланнымъ французскимъ консуломъ въ Галиполи. 2-го марта съ минарета въ Галиполѣ замѣчено было 13 парусныхъ судовъ; въ этотъ же день суда стали на якорь между Лампсакомъ и Нагарой. 3-го марта адмиральское судно направилось къ проливу и къ вечеру прошло мимо первой турецкой батареи, встрѣтившей его сильнымъ огнемъ. Нѣсколько англійскихъ судовъ получили сильныя поврежденія и потеряли много людей. 4-го марта адмиралъ Дуквортъ всталъ снова на якорь у острова Тенедоса. „Слава Богу“, писалъ одинъ офицеръ англійской эскадры „что мы вышли, наконецъ, изъ этого адскаго пролива; могло быть еще хуже“.

Это было блестящимъ торжествомъ наполеоновской политики и главнымъ образомъ Себастіани. Турки выражали свою благодарность различными манифестаціями. „На улицахъ останавливали французовъ и изливали на нихъ благословенія. Даже греки, и тѣ, казалось, ослабѣли къ Россіи; по приказанію патріарха они усердно работали надъ укрѣпленіями Константинополя. Впослѣдствіи жители Мореи представили султану петицію, прося, чтобы имъ позволили участвовать въ войнѣ противъ Россіи, и обѣщая непоколебимую преданность; они собирались также просить Наполеона, чтобы онъ ходатайствовалъ за нихъ у султана.

Нѣсколько дней спустя, послѣ пораженія англичанъ, Себастіани былъ на частной аудіенціи у Селима, на которой присутствовалъ лишь великій визирь. Султанъ выразилъ твердое намѣреніе безпрекословно исполнять желанія Наполеона. Онъ приказалъ арестовать всѣхъ англичанъ и конфисковать ихъ имущество, запретилъ торговать

въ своей имперіи англійскимъ товаромъ и просилъ Себастіани, чтобы всѣ необходимые продукты для Турціи высылались изъ Франціи; написалъ алжирскому бею, чтобы онъ всѣми силами стѣснялъ англійскую торговлю и обращался съ французами, какъ съ самыми дорогими и вѣрными союзниками. Это было равносильно системѣ континентальной блокады. Вскорѣ было приказано двинуть 25.000-ю армію на Дунай. Султанъ заявилъ свое удовольствіе по случаю составленнаго Наполеономъ проекта послать шесть линейныхъ судовъ въ Черное море, дабы совмѣстно съ турецкимъ флотомъ начать дѣйствія, и попросилъ о присылкѣ артиллеристовъ, офицеровъ и учителей, для обученія турокъ. Было рѣшено, что соединенныя силы Турціи и Франціи сдѣлаютъ попытку высадить свои войска на берегахъ Крыма. Селимъ согласился даже принять въ Видднѣ 25.000-ю французскую армію, пришедшую изъ Далмаціи, для присоединенія къ оттоманской арміи и для совмѣстныхъ рѣшительныхъ дѣйствій въ Молдавіи и на Днѣстрѣ. Казалось, что турки окончательно примкнули къ французской политикѣ; Селимъ вполнѣ руководствовался желаніями Наполеона и говорилъ французскому послу: „напишите моему августѣйшему другу, императору французовъ, что я буду дѣлать все, что онъ найдетъ нужнымъ, чтобы побороть нашихъ общихъ враговъ, русскихъ и англичанъ“.

Себастіани писалъ въ томъ же духѣ: „у вашего величества нѣтъ болѣе вѣрнаго и искренняго друга, какъ султанъ Селимъ, и твердость, которую онъ только-что проявилъ, доказываетъ, что дружба его не будетъ безплодна“.

Наполеонъ поспѣшилъ вознаградить Себастіани орденомъ Почетнаго легіона, который по порученію императора былъ переданъ ему изъ рукъ самого султана.

Англичане живо почувствовали неудачи, постигшія ихъ; они долго не вѣрили разсказамъ о событіяхъ, происшедшихъ въ Константинополѣ.

Первыя извѣстія о нихъ были приняты съ недовѣріемъ: „это было бы до такой степени необычайно“, писали въ англійскихъ газетахъ, „и такъ ново для нашихъ морскихъ лѣтописей, что намъ ни въ какомъ случаѣ нельзя этому повѣрить! Можетъ ли быть, чтобы Дуквортъ, дѣйствовавшій съ такимъ отличіемъ противъ французовъ, и Левисъ, который сражался и побѣждалъ вмѣстѣ съ Нельсономъ, бѣжали передъ турками! Это слишкомъ неправдоподобно и требуетъ разъясненія“.

Самолюбіе англичанъ не могло помириться съ неудачей, которая грозила поколебать ихъ значеніе въ Константинополѣ, гдѣ преклонялись только передъ силою, и такимъ образомъ между ними и французами завязалась упорная борьба за преобладаніе въ Турціи.

Присутствіе англичанъ у побережья оттоманскихъ владѣній было постоянною угрозою Наполеону и напоминало ему о необходимости дѣйствовать осторожно. Какъ знать, до чего простерлись бы его честолюбивые виды на Турцію, если бы ему удалось вытѣснить англичанъ изъ Средиземнаго моря?

Пока они находились тамъ, онъ не могъ согласиться на раздѣлъ турецкой имперіи, изъ опасенія какъ бы они не захватили себѣ львиную долю. И это заставило его провозгласить вмѣстѣ съ ними принципъ неприкосновенности Турціи.

Россія, Англія и Франція были одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы наслѣдіе султана не досталось кому-либо изъ нихъ одному; поэтому величайшая сила Турціи заключалась въ соперничествѣ великихъ державъ, которое было вызвано ихъ желаніемъ поживиться на счетъ этой одряхлѣвшей и разлагавшейся монархіи.

IV.

Послѣ Іены и побѣды надъ пруссаками, Наполеонъ занялъ Польшу, вытѣснилъ русскихъ изъ Варшавы, остановилъ ихъ дальнѣйшее наступленіе и расположился на зимнихъ квартирахъ около нижней Вислы, а 1-го апрѣля 1807 г., для того чтобы лучше слѣдить за русскою арміею и ускорить покореніе Данцига, который долженъ былъ обезпечить безопасность лѣваго фланга великой арміи, онъ покинулъ Варшаву и поселился въ замкѣ Финкенштейнъ, недалеко отъ Остероде. Тамъ онъ оставался два мѣсяца, неподалеку отъ Варшавы и Силезіи, въ сношеніи съ Талейраномъ, который сосредоточилъ дипломатическія сношенія въ самой Варшавѣ.

Въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцѣ 1807 г. замокъ Финкенштейнъ явился такимъ образомъ какъ бы центромъ міра, гдѣ глава великой арміи, вынужденный, по случаю зимней поры, оставаться въ бездѣйствіи, непрерывно посвящалъ время занятіямъ, не забывая своихъ плановъ относительно Востока.

Польша, бывшая нѣкогда для Европы оплотомъ противъ русскаго варварства, была почти возстановлена. Поэтому Наполеонъ могъ мечтать объ устройствѣ Востока; „организація Востока была великимъ дѣломъ политики XVIII столѣтія“, писалъ Левисъ. Политика эта была начата Россіей со временъ Петра Великаго: русскіе цари и царицы мечтали основать въ свою пользу, на развалинахъ Оттоманской имперіи, Греческую имперію.

Наполеонъ, со своей стороны, мечталъ удалить Россію изъ Средиземнаго моря и Константинополя, и оттѣснить ее къ Азіи, и въ этомъ отношеніи онъ является наслѣдникомъ вѣковыхъ французскихъ традицій, которыя, со временъ крестовыхъ походовъ, имѣли значительное вліяніе на Востокѣ. Наполеонъ находилъ, что наслѣдіе турокъ, пришедшихъ изъ Азіи, должно было достаться не Россіи, а французамъ,—наслѣдникамъ Рима и борцамъ за цивилизацію; въ этомъ заключалась политика Наполеона въ 1807 году. Сначала Наполеонъ попробовалъ употребить свои усилія на побѣду надъ Англіею, на униженіе и на уничтоженіе Британской имперіи, за зло, причиненное ею Франціи въ теченіе цѣлаго столѣтія; въ этомъ заключалось политическое честолюбіе императора въ 1803 и 1804 годахъ. Но съ тѣхъ поръ обстоятельства измѣнились; дессантъ въ Англію не удался, и Наполеонъ навсегда отказался отъ этой мысли. При Аустерлицѣ и Іенѣ онъ побѣдилъ великія державы Европы, сталъ главой имперіи Карла Великаго и подобно ему пришелъ въ столкновеніе съ славянскими расами. Теперь онъ поставилъ себѣ задачей удалить Россію изъ Европы. Задача эта была не легка и требовала огромныхъ подготовленій, но онъ надѣялся съ нею справиться.

Мысль эта была внушена ему политическимъ положеніемъ Европы въ 1807 г. Въ тылу у него была вся Французская имперія, сильная и славная послѣ долгаго періода изнеможенія; къ его услугамъ были Германія и Рейнскій союзъ, который съ энтузіазмомъ служитъ въ рядахъ великой арміи, подъ командой будущаго короля Вестфаліи, Жерома Бонапарта. Въ его распоряженіи была вся Италія, онъ имѣлъ союзницей Турцію, гдѣ Себастіани руководилъ оттоманской политикой.

Такимъ образомъ весною 1807 г. сфера дѣйствій Наполеона захватила огромное пространство; если бы провести окружность круга чрезъ Данцигъ, Варшаву, Константинополь и Тегеранъ, то оказалось бы, что все находившееся къ западу и юго-западу отъ этой окружности, исключая прибрежной полосы, повиновалось волѣ Наполеона.

На востокѣ оставалась Россія, которую Наполеонъ намѣревался довести до того, чтобы она, какъ прежде, была лишь Московскимъ государствомъ, или чтобы она перенесла свою дѣятельность въ Азію. Между тѣмъ, русское и прусское правительства напрягали свои усилія, чтобы побудить къ союзу Австрію, и безъ сомнѣнія надѣялись на успѣхъ. Несмотря на Іену и Эйлау, они не уменьшали своихъ требованій. Александръ I и Фридрихъ-Вильгельмъ подписали 26-го апрѣля Бартенштейнскую конвенцію, по которой они обязывались не заключать мира одинъ безъ другаго. Россійскій императоръ обѣщалъ своему союзнику возвращеніе всѣхъ его владѣній и даже „округле-

ніе“ ихъ. Рейнскій союзъ предполагалось уничтожить, реорганизовавъ Германію подъ гегемоніей Пруссіи и Австріи; Италію собирались освободить изъ-подъ вліянія Франціи. „Рѣчь шла о томъ, чтобы вычеркнуть изъ исторіи не только послѣдствія Іены, но и послѣдствія Ульма и Аустерлица; таковъ былъ смыслъ тройственнаго союза, заключеннаго въ 1805 и 1806 годахъ“.

Союзники мало разсчитывали на Англію, любящую дѣйствовать самостоятельно; континентальная блокада еще не пугала ее, и поэтому она не спѣшила придти на помощь союзникамъ, а пробовала диктовать законы султану и стремилась завладѣть Константинополемъ или Египтомъ. Но и то и другое ей не удалось.

Союзники возлагали надежды на вмѣшательство Австріи, которая однако устала постоянно платиться за другихъ; за послѣднія 15 лѣтъ она претерпѣла всевозможныя бѣдствія и искала отдыха, считая безумствомъ останавливать побѣдоносное шествіе Наполеона. Предложенія русскаго и прусскаго правительства не были приняты, и они должны были довольствоваться добрыми пожеланіями Австріи. Въ этомъ случаѣ, Наполеонъ помѣшалъ союзникамъ; онъ самъ мечталъ о союзѣ съ вѣнскимъ правительствомъ и въ началѣ 1807 года хотѣлъ серьезно осуществить на практикѣ программу Талейрана: увеличить Австрію до Дуная, заключить съ ней союзъ и оттѣснить Россію въ Азію. Эта программа была развита въ XIX столѣтіи.

Наполеонъ предложилъ Австріи союзъ и, желая принудить ее къ нему, грозилъ сближеніемъ съ Россіей, пугая ее постоянно успѣхами послѣдней въ центральной Европѣ. „Настанетъ день, говорилъ онъ барону Венсену, когда я приду въ Вѣну съ 100.000-й арміей и буду защищать эту столицу противъ русскаго вторженія“. „Русская опасность, прибавлялъ онъ, должна способствовать тѣсному сближенію Франціи съ Австріей: если возродится Польша, то Австрія не потеряетъ ничего и получитъ крупное вознагражденіе, напримѣръ, Силезію, или Сербію съ Бѣлградомъ, или даже молдаво-валахскія княжества“.

Былъ ли Наполеонъ чистосердеченъ, обѣщая это, или обманывалъ одновременно Талейрана и Вѣнскій дворъ, съ цѣлью выиграть время и не допустить Австрію присоединиться къ союзникамъ? Какъ бы то ни было, Австрія не приняла предложеній Франціи, и чтобы быть полезной Пруссіи и Россіи—симпатіи ея всегда были на ихъ сторонѣ—она предложила свое посредничество и созывъ общаго конгресса, для переговоровъ о мирѣ. Россія и Пруссія тотчасъ согласились на это, что̀ заставило Наполеона предполагать недоброжелательство со стороны Австріи, и хотя онъ смотрѣлъ на это какъ на неудачу, но не подавалъ Австріи повода къ разрыву. Онъ согла-

сился даже на предложеніе Австріи созвать конгрессъ, увѣряя, что никто больше него не желаетъ мира, что всѣ народы жаждутъ его, и что пришла пора удовлетворить ихъ. Но съ Талейраномъ онъ говорилъ иначе, а именно, что надо во что бы то ни стало помѣшать Австріи „двинуться“ и убѣдить ее въ томъ, что она держитъ въ своихъ рукахъ судьбу Европы.

Занимая Австрію въ теченіе весны всякими предложеніями, Наполеонъ выигрывалъ время, а въ іюнѣ мѣсяцѣ началась Фридландская кампанія. Событія, происходившія тогда въ Константинополѣ и на Дунаѣ, отвлекали вниманіе Австріи отъ Вислы и Эльбы. Оккупація Молдавіи русской арміей генерала Михельсона тревожила Австрію, не знавшую о тайныхъ намѣреніяхъ петербургскаго правительства. „Австрія и Франція“, говорилъ Наполеонъ въ 50-мъ бюллетенѣ великой арміи, „одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы не видѣть Молдавію, Валахію, Сербію, Грецію, Румелію и Анатолію игрушкой честолюбія московитовъ“.

Того же требовали и интересы Англіи, но она не понимала этого и была заодно съ Россіей, отчасти съ цѣлью слѣдить за послѣдней, ибо, разумѣется, не чувство солидарности съ Россіей заставило ее, въ отвѣтъ на занятіе русскими Бухареста, пройти Дарданеллы и атаковать Константинополь. Но атака не удалась и, благодаря усердію Себастіани и французскихъ офицеровъ, возбудила гнѣвъ турокъ противъ русскихъ и англичанъ. Этому способствовалъ союзъ съ Франціей и вліяніе Себастіани, которому султанъ подарилъ, въ знакъ признательности, дачу въ Терапіи, конфискованную у Ипсиланти. По выраженію англичанъ, Себастіани сталъ великимъ визиромъ султана Селима. Но Себастіани тяготился пребываніемъ въ Константинополѣ. Онъ участвовалъ въ кампаніи 1805 года и былъ раненъ подъ Аустерлицомъ; новая должность помѣшала ему участвовать въ Іенскомъ сраженіи, и онъ тосковалъ по великой арміи; почти въ каждомъ письмѣ къ Талейрану онъ умолялъ, чтобы императоръ позволилъ ему покинуть Турцію. Но Наполеонъ писалъ ему: „Сдѣлайте все, чтобы вывести Турцію изъ ея сонливости“, и Себастіани, читая между строкъ, какъ мало императоръ довѣрялъ энергіи турокъ, старался хоть на минуту выводить ихъ изъ этой апатіи.

Когда русскіе были задержаны въ Бухарестѣ и англичане удалены изъ Константинополя, Себастіани указалъ Селиму, что насталъ удобный моментъ навѣки избавиться отъ вмѣшательства въ ея дѣла Россіи, вернуть Портѣ ея прежнюю независимость и даже славу, изгнавъ московитовъ за предѣлы Днѣстра, отнявъ у нихъ Крымъ и берега Чернаго моря, чтобы воздвигнуть полумѣсяцъ на землѣ, которую попирали нѣкогда великіе завоеватели Ислама.

Русскіе шли впередъ медленно; у Михельсона было всего 25.000 человѣкъ, большая часть его солдатъ была отозвана въ Польшу. Измаильскій паша оказалъ имъ упорное сопротивленіе, задержавъ этимъ весь лѣвый флангъ русской арміи. Эти неудачи заставили христіанъ Балканскаго полуострова упасть духомъ; тѣ, которые отозвались на призывъ Михельсона, стали выражать ему горькія жалобы: „наши отцы, говорили они, предупреждали насъ, что въ вашихъ рукахъ мы можемъ быть лишь орудіемъ, которымъ жертвуютъ для малѣйшей благовидной причины; счастливы тѣ, которые остались вѣрны султану!“ Русскіе опасались скораго прибытія арміи великаго визиря, и Михельсонъ старался мирными переговорами задержать его въ Константинополѣ и писалъ, между прочимъ, рущукскому пашѣ, что Россія вовсе не воюетъ съ Портой, и что онъ въ скоромъ времени очиститъ Бухарестъ. На это паша съ хитростью отвѣтилъ ему слѣдующее: „Ты не воюешь съ Великой Портой, но осаждаешь ея крѣпости; ты взялъ Хотинъ, Бендеры и убилъ мусульманъ, спрятавшихся въ нихъ. Мы знали, что русскіе наши враги, мы знали, что они храбры, но мы не знали, что они такъ лицемѣрны; перестань притворяться, бѣги, но не позорь себя отвратительной ложью и напрасными увертками. Если ты не врагъ намъ, вернись назадъ за Днѣстръ и не возбуждай мятежей въ нашей землѣ“.

Положеніе Михельсона было таково, что если бы турки съумѣли дѣйствовать въ то время энергично, то они могли бы нанести ему не мало вреда. Но великій визирь ничего не сдѣлалъ, чтобы достигнуть желаемой цѣли; онъ столкнулся съ недоброжелательствомъ дунайскихъ пашей, а войско его разошлось; единственнымъ результатомъ героическихъ намѣреній султана было лишь разореніе страны, которая должна была кормить собственное войско; между тѣмъ какъ оно стояло въ бездѣйствіи, „покуривая трубки и сидя скрестивши ноги“, какъ писалъ Себастіани.—Турецкая армія была страшной только на бумагѣ; многихъ солдатъ, числившихся въ спискахъ, въ дѣйствительности не существовало; уже много лѣтъ постоянные гарнизоны янычаръ образовали помѣщичьи колоніи и, несмотря на это, продолжали получать содержаніе и пользовались всѣми привилегіями своего званія, хотя совершенно были лишены военныхъ знаній.

Но Наполеонъ, толкнувшій Турцію въ войну, думалъ, что ея войско на Дунаѣ гораздо сильнѣе и что съ его помощью удастся совершить на южной границѣ Россіи крупную диверсію. Въ концѣ января Наполеонъ объявилъ маршалу Мармону о своемъ намѣреніи послать 25.000 человѣкъ въ Виддинъ;. „Вы будете такимъ образомъ служить правымъ флангомъ великой арміи и вполнѣ можете поло-

житься на турокъ... вы найдете въ Босніи лошадей, годныхъ для артиллеріи", говорилъ Наполеонъ.

Султанъ Селимъ былъ очень доволенъ намѣреніями императора; онъ также обрадовался, когда узналъ отъ Себастіани, что Наполеонъ собирался послать шесть линейныхъ судовъ и нѣсколько ротъ артиллеріи, чтобы вмѣстѣ съ турецкой эскадрой войти въ Черное море; онъ мечталъ о десантѣ въ Крыму. 25.000-я армія ожидалась въ Виддинѣ, гдѣ должна была получить провіантъ въ изобиліи. „Подъемъ духа прекрасный; турки храбры и довѣряютъ французамъ, выражая страшную ненависть къ Россіи и къ Англіи; на улицахъ останавливаютъ французовъ и благословляютъ ихъ". Такъ писалъ Себастіани къ Талейрану.

Извѣстіе о посылкѣ 25.000-й французской арміи въ Турцію произвело сильное волненіе, котораго не ожидали ни султанъ, ни Наполеонъ; оно было встрѣчено всеобщимъ протестомъ. Христіанское населеніе, дружественное Россіи, испугалось военнаго франко-турецкаго союза, который могъ, по мнѣнію христіанъ, надолго упрочить владычество оттомановъ. Понятно, что христіане не могли разсчитывать на Францію, союзницу Турціи, какъ они разсчитывали и надѣялись на Россію.

Паши еще больше озлобились, когда разнесся слухъ о томъ, что далматская армія двинется вдоль Дуная. Мустафа проявилъ сильный гнѣвъ, въ виду чего французскій консулъ Ламаръ нашелъ необходимымъ на время покинуть Рущукъ и удалиться въ Систово; паша Травникскій не хотѣлъ брать на свою отвѣтственность прибытіе французовъ на его территорію; Али Янинскій упрекалъ султана за то, что онъ поощрялъ честолюбивые замыслы Франціи, послѣ того какъ удалось стряхнуть съ себя иго Россіи. Поддерживаемые янычарами, паши боялись, чтобы французская армія не послужила для истребленія ихъ самихъ, съ цѣлью окончательнаго преобразованія Турціи; половина Дивана раздѣляла ихъ опасенія, почему началась борьба противъ французскаго вмѣшательства. Это было вполнѣ естественно, такъ какъ подобное событіе могло имѣть важное значеніе; къ тому же турки не позабыли походъ Бонапарта въ Египетъ и въ Сирію. Съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ императоромъ, они еще больше боялись его честолюбія. Турки считали возможнымъ, что Наполеонъ одинъ или совмѣстно съ Россіей или Австріей будетъ способствовать распаденію Оттоманской имперіи, и присутствіе 25.000-й французской арміи на нижнемъ Дунаѣ, во время заключенія Тильзитскаго мира, казалось началомъ этого распаденія. Когда Себастіани извѣстилъ Талейрана о недоброжелательствѣ пашей, то Талейранъ поспѣшилъ отвѣтить, что армія не будетъ послана, а что по просьбѣ

султана въ Константинополь пришлютъ еще нѣсколько офицеровъ и 600 канониpовъ и что по этому поводу необходимо заключить письменное соглашеніе. Однако, переговоры съ турецкимъ посломъ Вахидъ-эфенди, который прибылъ въ Данцигъ для переговоровъ о заключеніи союза между султаномъ и Наполеономъ, не привели ни къ какимъ результатамъ.

Вахидъ-эфенди посолъ говорилъ красивыя фразы, любовался войсками императора, съ интересомъ осматривалъ укрѣпленія Данцига и утверждалъ, что ихъ видъ доставляетъ ему такое же удовольствіе, какъ побѣда оттомановъ. Но, когда вопросъ коснулся составленія параграфовъ соглашенія, рѣчь его звучала иначе. Посолъ султана утверждалъ, что согласно даннымъ ему инструкціямъ, онъ могъ заключить оборонительный союзъ противъ Россіи на трехлѣтній срокъ; въ этихъ инструкціяхъ ничего не говорилось о торговыхъ привилегіяхъ Франціи на Востокѣ и ничего касающагося Англіи: „можно было думать, что Англія ихъ лучшій другъ“, писалъ Ру, секретарь Коленкура, которому поручено было вести переговоры. Коленкуръ настаивалъ на заключеніи наступательнаго союза противъ Россіи и Англіи. Услыхавъ это, турокъ пришелъ въ ярость; онъ былъ согласенъ говорить о вѣчной дружбѣ, но слово „союзъ“ казалось ему опаснымъ, и онъ не считалъ себя уполномоченнымъ заключить его; „ни одинъ добрый мусульманинъ не можетъ говорить о наступательномъ союзѣ“, утверждалъ онъ: „наши законы и религія приказываютъ намъ защищаться, но никогда не атаковать; и если мы не можемъ вести наступательную войну, то мы не можемъ и заключать союза, имѣющаго такой характеръ. Что касается Англіи, то онъ ничего не могъ рѣшить, ибо не получалъ насчетъ ея оффиціальныхъ инструкцій“. А съ того момента какъ турецкія пушки стрѣляли въ Дарданеллахъ по судамъ адмирала Дукворта, прошло три мѣсяца. Переговоры турецкаго посла съ Коленкуромъ такъ и не привели ни къ чему. Чрезъ нѣсколько дней Наполеонъ возобновилъ операціи противъ Россіи, въ которыхъ турки не приняли никакого участія. Отъ турокъ онъ ожидалъ лишь военной диверсіи; а когда обстоятельства измѣнились и въ ней уже не оказалось надобности, то онъ поспѣшилъ отказаться отъ мысли объ этомъ безполезномъ для него и стѣснительномъ союзѣ. Традиціи франко-турецкаго соглашенія, существовавшія болѣе чѣмъ два столѣтія, были въ то время лишь военнымъ орудіемъ въ рукахъ Наполеона.

Живой мертвецъ [1]).

Изъ сибирской жизни.

I.

Въ одномъ изъ городовъ Сибири, не такъ чтобы уже очень давно, жилъ богатѣйшій купецъ, большой самодуръ, какого теперь ужъ не встрѣтишь. Но въ прежнія времена, когда разыгралась разсказываемая здѣсь, случившаяся въ дѣйствительности исторія, попадались частенько среди купечества типичные самодуры, особенно тамъ, въ далекой и тогда еще всѣми забытой странѣ золота и каторжниковъ. Похлопывая по туго набитому карману, они въ грошъ никого не ставили и дѣлали, что хотѣли.

Получивъ отъ отца огромное состояніе, богатый пріискъ и сдавъ почти всѣ дѣла на руки служащихъ, купецъ превесело проводилъ время, т. е. бражничалъ и безпутствовалъ. Въ Сибири все грандіозно: рѣки величайшія, степи безграничныя, горы—уходящія въ небо, богатства—многомилліонныя, пьянство и развратъ—безъ мѣры и смысла. Когда-то, благодаря этому всепоглощающему пьянству, надолго была запрещена намъ торговля въ предѣлахъ Поднебесной имперіи. Китайцы не могли снести безобразій русскихъ купцовъ и выгнали ихъ изъ своей страны.

„Я не видалъ ни единаго мѣста, писалъ знаменитый Палласъ, въ которомъ былъ бы въ такой степени распространенъ развратъ, какъ въ Томскѣ“.

И вотъ, придерживаясь сибирскаго масштаба, жилъ и нашъ ку-

[1]) Одинъ изъ причастныхъ къ дѣлу лицъ живъ и понынѣ.

пецъ Андрей Поликарповичъ Смирновъ, человѣкъ не первой уже молодости, вдовецъ.

Натура у него была дикая, безъ удержу; для него существовалъ одинъ только законъ—его желанія. Онъ былъ и добръ, но какъ-то по-своему. Иногда былъ не прочь помочь ближнему, но этотъ ближній долженъ былъ всячески унижаться и льстить купеческому самолюбію. Въ жертву послѣднему Смирновъ готовъ былъ принести все, забыть даже Бога, которому, казалось, всегда усердно молился, и честь, понятія о которой были у него, впрочемъ, довольно-таки растяжимы. Не меньшихъ размѣровъ у Смирнова была и гордость — онъ никого не считалъ равнымъ себѣ. Всѣ у него были, кромѣ толстосумыхъ милліонеровъ, „мелкота и голь перекатная".

Напивался купецъ и до зеленаго змія, и до бѣлыхъ слоновъ, но никогда до того, чтобы размякнуть душою. Наоборотъ, гордыня у него при этомъ росла и росла.

Находили на него иногда, впрочемъ, и дни нѣкотораго душевнаго просвѣтлѣнія—ему какъ будто дѣлалось совѣстно того пьянства и безобразія, въ которыхъ онъ погрязалъ. Эти перерывы купецъ начиналъ съ того, что по цѣлымъ часамъ усиленно парился въ банѣ и отдавалъ строжайшій приказъ—гнать всѣхъ собутыльниковъ, повадившихся ходить къ нему ежедневно. Слегка начиналъ онъ при томъ заниматься и дѣлами. По праздникамъ исправно ходилъ въ церковь, усердно клалъ поклоны, хотя и это все выходило у него безъ смиренія. Но такія просвѣтлѣнія не продолжались особенно долго — не таковъ былъ купецъ, чтобы вести мирный, тихій образъ жизни,—ему были нужны сильныя ощущенія. Все запретное, нелегко и просто дававшееся, его сердцу особенно было любезно.

Въ городѣ, гдѣ онъ жилъ, почти все было покорно ему; власти усиленно угождали — выгодно было. По словамъ одного писателя, нигдѣ не было такого рабскаго поклоненія богатству, какъ въ Сибири. А купецъ былъ щедрый—не препятствуй только нраву его. Доходы Смирнова были таковы, что бросать тысячи было ему ни по чемъ. Къ тому же свернутыя скулы, выбитые зубы—купецъ любилъ „мордобой"—дешево цѣнились тогда.

Особенно Смирновъ сыпалъ деньгами во время своихъ частыхъ поѣздокъ по торговымъ дѣламъ, на пріискъ, гдѣ творились непостижимыя по своему безобразію дѣла. Съ наступленіемъ осени купецъ любилъ уѣзжать въ „первогильдейную" Кяхту, куда съѣзжались купцы съ Нижегородской ярмарки. За его отмѣнно сдѣланнымъ возкомъ ѣхали приказчики и кто-нибудь изъ пріятелей. Почти всегда онъ съ собою „прихватывалъ" какую-нибудь „хозяюшку", которыя мѣнялись у него постоянно. У купца, какъ у Людовика XV, были

своего рода поставщики, на обязанности которыхъ лежало „откапывать“ подходящихъ. И на этотъ предметъ онъ денегъ не жалѣлъ, хотя подходящій „товаръ“, благодаря его невзыскательному вкусу, стоилъ также недорого.

Купецъ разразился бы смѣхомъ, если бы ему кто сказалъ, что можно искренно полюбить одну женщину и довольствоваться семейною жизнью.

— Что бобылемъ-то сидѣть!—сказалъ ему однажды старикъ, богатый купецъ.—Женись въ другой разъ и дѣтей приживи — все на старость утѣшеніе!

— На кой лядъ мнѣ все это!—отвѣтилъ Смирновъ—И невѣсты-то подходящей нѣтъ для меня: на бѣдной не стоитъ—отъ сродственниковъ житья не будетъ, а на богатой — не нуждаюсь — своего добра не прожить. И лоботрясовъ-то этихъ мнѣ тоже не нужно. Ежели что послѣ меня останется, все прожгутъ, подлецы, и добромъ не помянутъ!

И кутилъ купецъ цѣлые годы.

II.

Однажды, послѣ долгихъ безобразій, остепенился Смирновъ. Въ ближайшее воскресеніе поѣхалъ къ обѣднѣ; вошелъ въ церковь, перекрестился на иконостасъ и, по обычаю, поклонился на всѣ стороны. При этомъ онъ замѣтилъ стоявшую въ сторонѣ молодую дѣвушку, небогато одѣтую и совсѣмъ не въ купеческомъ вкусѣ — маленькую, худенькую, хотя и очень красивую. Первое время купецъ обратилъ на нее вниманіе потому только, что она ему была незнакома, а въ городѣ всѣхъ, почему-либо выдающихся, онъ зналъ на перечетъ. Взглянулъ Смирновъ на дѣвушку, отвернулся и началъ молиться, т. е., размашисто креститься да подпѣвать пѣвчимъ. Но что за притча—все ему хочется посмотрѣть на незнакомку. Даже выругалъ онъ за это себя—не пристало-де его высокостепеиству въ храмѣ Божіемъ на людяхъ пялить на дѣвокъ глаза, да и дѣвка-то не стоитъ того—что-то ужъ больно худа.

Но нѣтъ, нѣтъ и какъ-то невольно снова посмотритъ онъ на дѣвушку, выбранитъ себя и снова скоситъ глаза,—и такъ всю службу. Когда она окончилась, пошли прикладываться ко кресту. Купецъ, по обыкновенію, полѣзъ первый, разсѣянно выслушалъ поздравленіе священника „съ праздничкомъ“, отошелъ въ сторону и

внимательно, незамѣтно для другихъ, сталъ наблюдать за дѣвушкой, которая послѣ „прикладыванія“, потупивъ свои красивые глаза и не глядя ни на кого, вышла изъ церкви. Пошелъ и Смирновъ, какъ-то задумавшись, хотя и позвалъ на пирожокъ кой-кого изъ купцовъ почище. Выпили по малости, закусили, но все вышло пристойно—честь-честью. Купцу очень хотѣлось спросить кого-нибудь, кто такая привлекшая его вниманіе дѣвушка, но, странное дѣло, почему-то стѣснялся. Прежде бывало въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно велись подробные переговоры, обсуждались мѣры и т. д. А теперь—и вдругъ совѣстно. „Тфу! чортъ возьми, прости Господи! вотъ штука-то!“—думалъ про себя купецъ.

Дивятся и домашніе, смотря на своего хозяина: какъ будто Андрей Поликарповичъ другимъ сдѣлался. Въ прежніе отдыхи отъ кутежей онъ не такъ себя велъ. Ходитъ теперь какой-то странный, задумчивый, но не злой. Хотя пріятелей не избѣгаетъ, но почти не пьетъ. И молодцовъ своихъ повѣрилъ, упущенія нашелъ, но мордобоемъ не занялся, а только выговоръ сдѣлалъ.

Скоро Смирновъ увидѣлъ снова въ церкви дѣвушку. На этотъ разъ онъ впередъ не пошелъ, на свое мѣсто, гдѣ коврикъ для него былъ положенъ, а сталъ нѣсколько позади, чтобы было можно, не обращая вниманіе другихъ, смотрѣть на нее. Выйдя по окончаніи службы, онъ послѣ изрядной борьбы съ собою, обратился къ одному изъ своихъ собутыльниковъ съ вопросомъ, указывая на дѣвушку:

— Чья она?

— А это дочь новаго смотрителя, отвѣтилъ собутыльникъ. Только, Андрей Поликарповичъ, она къ нашей компаніи не подойдетъ—образованная, да и дѣвка-то, сами видите, грошъ цѣна.

Эта обычная въ былое время фраза теперь сильно задѣла почему-то купца. Онъ отвернулся отъ пріятеля и сильно выругался. Пріятель недоумѣвалъ, пробовалъ заговаривать, но Смирновъ поѣхалъ домой, не удостоивъ его больше ни единымъ словомъ. Новаго смотрителя купецъ зналъ—онъ какъ-то являлся къ нему, низко кланялся, льстилъ сладенькимъ голоскомъ въ ожиданіи, вѣрно, подачки.

— Заурядная дрянь! рѣшилъ тогда Смирновъ—за три рубля купишь!

И эта заурядная дрянь, какъ называлъ онъ всѣхъ покладистыхъ мелкихъ чиновниковъ, теперь выросла въ его глазахъ—она была отцомъ дѣвушки, такъ сильно приглянувшейся ему. Богатый купецъ поилъ и кормилъ всѣхъ, но самъ у другихъ бывалъ съ большимъ разборомъ, считая это честью великою, которою удостоить не всѣхъ было можно. Ему очень хотѣлось поближе познакомиться съ дѣвушкой, поговорить съ нею, но гордость не позволяла пойти къ

смотрителю. При всемъ томъ онъ не хотѣлъ, чтобы кто догадался о его зарождавшейся склонности.

Въ такомъ колебаніи прошла уже не одна недѣля, проходилъ и весь мѣсяцъ. И выпивалъ въ это время купецъ, но никакого баловства себѣ не позволялъ, и состоявшую при немъ, такъ сказать, очередную „хозяюшку“ прогналъ. Въ виду открывшейся ваканціи, приставали къ нему поставщики съ предложеніями, но ничего не могли добиться. Ни на какіе соблазны купецъ не шелъ и самихъ соблазнителей прогналъ весьма неделикатнымъ образомъ. Скромная дѣвушка крѣпко засѣла у него въ головѣ, неожиданно какъ-то облагородила его мысли—ни на минуту Смирновъ не останавливаться на возможности обычнымъ путемъ удовлетворить свои желанія. Часто думалъ купецъ о дѣвушкѣ—она была для него существомъ уже близкимъ, дорогимъ. При этомъ почему-то постоянно ему вспоминалась и его покойная жена, непонятно отождествляясь съ дѣвушкой. Мысли о нихъ какъ-то переплетались. Никогда образъ симпатичной дѣвушки не становился рядомъ ни съ одной изъ его бывшихъ метрессъ. Когда онъ видѣлъ какую-нибудь изъ женъ своихъ знакомыхъ, ему назойливо лѣзъ въ голову вопросъ, никогда не приходившій прежде, почему онъ, именитый купецъ, живетъ на свѣтѣ одинокимъ и не заведетъ себѣ настоящей, законной хозяйки, которую бы не совѣстно было показать почетнымъ гостямъ. И вотъ эти думы, вытѣсняя прежнія безпутныя мысли, вылились, наконецъ, въ опредѣленное желаніе. И послѣ долгихъ колебаній и размышленій купецъ рѣшилъ:

— Пошлю-ка къ ней сватовъ—пусть тамъ и дочь бѣднаго смотрителя! Нашихъ капиталовъ достаточно—изъ бѣдной сдѣлается богатой. А тятеньку отседова выпроводимъ, чтобъ, значитъ, не срамилъ тестя.

Сватовъ онъ выбралъ попроще, которымъ можно было приказать идти и до времени, пока что, держать языкъ за зубами.

Сваты были посланы. Съ ними обратно пришелъ и отецъ благодарить благодѣтеля за великую честь. По уходѣ смотрителя купецъ началъ разспрашивать, какъ было принято его предложеніе дочерью, при чемъ конечно былъ увѣренъ, что услышитъ только лестное для себя. Сваты очень хвалили невѣсту, но, видимо, что-то замалчивали. И только послѣ грознаго приказа не врать и говорить все, повѣдали, что отецъ чуть не прыгалъ отъ радости, а дочь... дочь рѣшительно заявила, что не пойдетъ за него, Андрея Поликарповича, хотя онъ и первостатейный купецъ, что предпочитаетъ бѣдность мужу пьяницѣ и развратнику.

— Да плюньте вы на нее, Андрей Поликарповичъ, заключили свой разсказъ сваты. Съ вашими ли капиталами да брать такую голую пиголицу! Не такую краля найдемъ! Захотите только!

Неожиданный отказъ огорошилъ купца. Какъ! Ему, богачу такому, кяхтинскому первогильдейнику, ему, предъ которымъ все преклоняется, осмѣлились отказать! И кто же! Какое-то тамъ ничтожество, которому и вправду грошъ цѣна.

И жестокая обида глубоко запала въ душу. Смирновъ ужъ не думалъ надъ тѣмъ, что ему отказываетъ любимая женщина, которой онъ такимъ образомъ лишится. Его теперь только приводило въ ярость, что ему нанесена обида, что всѣ въ городѣ скоро узнаютъ, будутъ злорадствовать и смѣяться по угламъ надъ нимъ, именитымъ купцомъ.

Чѣмъ больше думалъ онъ надъ этимъ оскорбленіемъ, тѣмъ сильнѣе росло въ немъ чувство обиды и желаніе поставить на своемъ. Зародившіяся нѣжныя чувства уступили озлобленію. И такъ еще недавно милый образъ сразу сдѣлался для него ненавистнымъ. Онъ съ сжатыми кулаками метался по комнатамъ, неистово бранился, клялся поставить на своемъ во что бы то ни стало и послѣ отомстить за кровную обиду. Все, пожалуй, купецъ могъ бы простить, хотя прощать ничего не любилъ, только не уязвленія своего самолюбія, ни малѣйшаго униженія своей персоны.

На другой день Смирновъ послалъ за смотрителемъ и объявилъ, что отсыплетъ пять тысячъ ему лично, если онъ добьется согласія своей дочери. Смотритель клялся, что дочь отказала такъ, сгоряча, что на это не стоитъ и вниманія обращать, что она не посмѣетъ идти противъ родительской воли. Получить такую сумму для бѣдняка было такъ соблазнительно, что онъ постарался и дѣйствительно добился довольно скоро согласія своей дочери...

Чрезъ нѣкоторое время Андрей Поликарповичъ своей собственной особой явился къ смотрителю и сдѣлалъ оффиціальное предложеніе. Молодая дѣвушка ничего ему не отвѣтила, а только отвернулась, и все это вышло для него ужъ какъ-то обидно. Заплаканные глаза и сильная блѣдность свидѣтельствовали только о томъ, какъ много выстрадала за это время бѣдная дѣвушка.

Отъ невѣсты своей вышелъ купецъ еще болѣе оскорбленнымъ.

Съ свадьбой очень спѣшили. Будущій тесть торопилъ, чтобы получить обѣщанныя деньги за продажу дочери; купецъ—чтобы поставить на своемъ.

Въ церковь невѣсту привезли почти силою. Шатаясь, подошла она къ аналою и едва выстояла обрядъ вѣнчанія. На вопросъ, не обѣщали кому другому, отвѣтила рыданіемъ. Священникъ, въ ожиданіи хорошей платы, удовольствовался такимъ отвѣтомъ и связалъ этихъ такъ мало подходившихъ другъ къ другу людей. Купецъ задалъ пиръ, на которомъ было много почетныхъ гостей. Самолюбіе его было удовле-

творено, но нанесенная обида оставила въ сердцѣ неизгладимый слѣдъ; забыть ее онъ, по натурѣ своей, не могъ и не хотѣлъ. И ненавистное чувство къ женѣ росло, подогрѣваемое ея холодностью и явнымъ отвращеніемъ. Смирновъ тиранилъ жену всячески, даже первое время билъ, а послѣ пересталъ обращать на нее вниманіе и повелъ свою прежнюю жизнь.

III.

Годъ такъ спустя послѣ свадьбы на службу къ купцу поступилъ одинъ молодой человѣкъ—Василій Ивановичъ Баргузиновъ. Онъ былъ необыкновенно прилеженъ къ своимъ обязанностямъ, тихъ, скроменъ и не пилъ ничего, что̀ было въ Сибири, особенно среди торговаго люда, величайшею рѣдкостью. Смирновъ, хотя часто и смѣялся надъ его скромностью, но очень былъ расположенъ къ нему. Баргузиновъ сталъ вести отчетность по всѣмъ торговымъ дѣламъ, раскрылъ много злоупотребленій, повысилъ доходность. Мало-по-малу онъ вполнѣ пріобрѣлъ довѣріе своего хозяина. Андрей Поликарповичъ сдѣлалъ его своимъ главнымъ довѣреннымъ, самъ же все чаще и чаще сталъ уѣзжать то на пріискъ, гдѣ его безпутство превосходило всякія вѣроятія, то на китайскую границу. Въ эти долгія отсутствія произошло сближеніе довѣреннаго съ женою хозяина.

Первое время робкая и осторожная любовь не была никѣмъ замѣчена, но со временемъ, поощряемые частыми отлучками Смирнова, любящіе другъ друга молодые люди сдѣлались смѣлѣе и, какъ водится, менѣе осторожны. Сначала ихъ отношенія подмѣтили домашніе. Баргузиновъ пользовался большимъ уваженіемъ всѣхъ за свою обходительность, привѣтливость и, главное, за то, что не наушничалъ. Хозяйку же любили потому, что жалѣли, видя съ нею обращеніе мужа-тирана. Поэтому всѣ, кому извѣстна была тайна, взяли молодыхъ людей какъ бы подъ свое покровительство, такъ какъ собственно купца никто не любилъ за его крутой нравъ и непомѣрную гордость. Такъ прошло не мало времени. Иногда, хотя крайне рѣдко и мимолетно, купецъ заявлялъ свои права на жену. Поэтому, замѣтивъ беременность ея, онъ принялъ это на свой счетъ и открытіемъ остался даже очень доволенъ. Чѣмъ больше задумывался онъ надъ этимъ, тѣмъ больше надежда сдѣлаться отцомъ ему улыбалась. Даже на жену онъ началъ смотрѣть нѣсколько иначе. Будучи разъ за что-то разсерженъ на нее, онъ, сдерживая себя, сказалъ:

— Вздуть бы тебя по-настоящему слѣдовало, да только вотъ жаль будущаго наслѣдника!

Однажды, сидя въ кругу своихъ благопріятелей, Андрей Поликарповичъ наполнилъ стаканы и торжественно провозгласилъ:

— Выпьемъ, други, за благополучное пришествіе на свѣтъ Божій наслѣдника моихъ капиталовъ!

Тостъ былъ подхваченъ дружно, крикнули „Ура"! принесли поздравленія и пожеланія. Но при этомъ многіе какъ-то странно переглянулись и усмѣхнулись. Благодаря опьяненію, гости не были осторожны, тогда какъ купецъ, занятый своими мыслями, пилъ мало, почему все это замѣтилъ и сталъ мраченъ. Въ душу его запало подозрѣніе, хотя онъ и не могъ допустить возможности измѣны жены. На нее онъ смотрѣлъ по Домострою, считалъ, что облагодѣтельствовалъ ее, взявъ безприданницею въ свой богатый домъ, „вытащилъ изъ грязи", „допустилъ до себя".

Нѣсколько дней продумалъ Смирновъ надъ этимъ вопросомъ. Смущало его то обстоятельство, что отъ первой жены у него не было дѣтей, и вообще ни одна изъ его многочисленныхъ фаворитокъ не подарила ему ребенка.

Нѣкоторое время онъ мысленно искалъ возможныхъ виновниковъ на сторонѣ, но не находилъ ихъ. Жена его, что называется, шагу изъ дома не дѣлала и никакихъ знакомствъ не имѣла. Искать же ихъ у себя дома онъ и не думалъ—кто изъ его подвластныхъ могъ осмѣлиться посягнуть на его честь! И купецъ мало-по-малу совсѣмъ успокоился.

— Что же! отъ другихъ не было, а отъ нея вотъ и могло случиться—думалъ онъ.

И долго, быть можетъ, продолжалъ бы онъ находиться въ столь пріятномъ заблужденіи, если бы на дорогѣ Баргузинова не сталъ злой человѣкъ.

Такъ спустя мѣсяцъ послѣ пирушки съ ея торжественнымъ тостомъ, къ Смирнову явился одинъ прогнанный со службы приказчикъ и сталъ умолять принять его обратно. Баргузиновъ уволилъ его со службы за воровство, но хозяину о томъ не сообщилъ, такъ какъ пользовался большой самостоятельностью. Къ тому же въ подобныя мелочи Андрей Поликарповичъ вмѣшиваться не любилъ. Выслушавъ просьбу, Смирновъ спокойно сказалъ:

— Не мое это, братецъ, дѣло. Проси Василія Ивановича, ежели чего ужъ ты дурнаго не сдѣлалъ.

Въ тотъ же день купецъ спросилъ Баргузинова, за что онъ прогналъ являвшагося къ нему. Управляющій доложилъ правду.

— И хорошо, братъ, сдѣлалъ! И впередъ такихъ всѣхъ въ шею гони, благодаренъ буду!

Но судьба уже начала отворачиваться отъ молодыхъ людей. На другой день на глаза Андрею Поликарповичу снова попался изгнанный приказчикъ. Безъ всякихъ предисловій купецъ, будучи не въ духѣ и въ разносительномъ настроеніи, накинулся на него, разругалъ и грозилъ для примѣра „свернуть“ вору шею. Видя, что хозяину все извѣстно и, сообразивъ, что его дѣло потеряно, приказчикъ рѣшилъ жестоко отомстить Баргузинову.

— Я не виновенъ! — сказалъ онъ. Вашей милости наговорили. Довѣренный боится, чтобы я изъ усердія не выдалъ, значитъ, тайны и старается меня сплавить.

— Какой тайны! Что зря мелешь! Проваливай, пока цѣлъ!—кричалъ Смирновъ.

— Большая тайна, вѣрно говорю, да только для одной вашей милости. Ежели бы узнали, то самого повѣреннаго въ шею выгнали!

Увѣренный тонъ приказчика заинтересовалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ встревожилъ какъ-то Андрея Поликарповича.

— Какая, спрашиваю, тайна? Говори сейчасъ!

— Ежели прикажете, скажу. Только позвольте лучше въ комнатѣ, чтобы, значитъ, никто не могъ услыхать!

Дѣло происходило на дворѣ, около воротъ.

Еще болѣе заинтересованный, Андрей Поликарповичъ молча кивнулъ головой, провелъ приказчика въ свою комнату, старательно закрылъ за собою дверь и, усѣвшись въ кресло, сказалъ:

— Ну, говори! да помни, ежели напраслину по злобѣ скажешь—пришибу, а твоя будетъ правда, знаешь меня, расправа короткая—виновнаго вонъ со двора, а тебя обратно и награжу.

— Ваша милость, довѣренный, значитъ, выгналъ меня потому, что знаетъ о моемъ къ вамъ усердіи... не смѣло началъ приказчикъ. Онъ, вѣрно, сталъ опасаться, чтобы я не доложилъ вамъ про ихнюю, значитъ, любовь...

— Какую любовь?! не тяни!—сказалъ купецъ подавленнымъ голосомъ. Его охватило какое-то непонятное волненіе. Онъ и не подозрѣвалъ, какую тайну собирается открыть ему приказчикъ, но чувствовалъ, что узнать о ней ему будетъ тяжело. Видъ у Смирнова былъ сумрачный, грозный. Доносчикъ, видя это, сильно испугался и охотно бы уже отказался отъ намѣренія своимъ открытіемъ произвести полный переворотъ въ домѣ, гдѣ, повидимому, все обстояло благополучно.

— Чего молчишь, говори! гаркнулъ купецъ, поднявшись съ кресла и подходя къ оробѣвшему приказчику. Тотъ попятился назадъ, рожа всѣмъ тѣломъ.

— Слышишь, приказываю тебѣ! заревѣлъ уже Смирновъ, схвативъ его за грудь.

— Ваша милость, лепеталъ приказчикъ, не серчайте... изъ усердія... хотѣлъ доложить... довѣренный слюбился съ вашею хозяйкою...

Слова эти произвели на купца ошеломляющее дѣйствіе, словно его кто ударилъ обухомъ. На время онъ утратилъ способность соображать. Мощная рука, сжимавшая предъ тѣмъ грудь приказчика, безсильно опустилась, а не сокрушала реберъ, не сворачивала скулъ, чего опасался доносчикъ. Глаза купца, не моргая, продолжали смотрѣть предъ собою, но не видѣли ничего. Онъ застылъ на мѣстѣ.

Простоявъ такъ довольно долго, онъ тихо подвинулся къ креслу, повалился на него и, тяжело дыша, погрузился въ думу. Приказчикъ продолжалъ стоять, прижавшись всѣмъ тѣломъ къ стѣнѣ, боясь пошевельнуться. Въ комнатѣ царила тягостная тишина. Такъ прошло много времени; цѣлая вѣчность, какъ показалось доносчику.

— Не врешь? спросилъ, наконецъ, купецъ глухимъ, не своимъ голосомъ.

— Правду сказалъ, почти шопотомъ отвѣтилъ приказчикъ. Всѣ это знаютъ.

Снова и на долго воцарилось молчаніе.

— Давно? спросилъ купецъ, смотря куда-то въ сторону скосившимися глазами.

— Какъ только пріѣхалъ — раньше знакомы были.

И снова наступило молчаніе. Смирнову все и вдругъ сдѣлалось ясно—и упорный отказъ теперешней жены выйти за него замужъ, и ея съ перваго же дня враждебное къ нему отношеніе, и появленіе откуда-то неизвѣстнаго человѣка. Теперь легко объяснялъ онъ себѣ усердіе „полюбовника“. Такъ можно было стараться ради какой-либо особенной, затаенной цѣли. Вспомнилось купцу и поведеніе гостей, когда онъ имъ „оповѣстилъ“ о скоромъ появленіи „его“ наслѣдника. Да, теперь все стало понятно.

— Ловко провелъ! сжимая до боли кулаки, подумалъ Смирновъ. И я же самъ былъ пособникомъ, довѣрялъ ему весь домъ, когда на сторонѣ бражничалъ. Ловко... но подожди, дай срокъ, ужо обдумаю!

— Послушай! сказалъ купецъ, вставая съ кресла и подходя къ приказчику. Спасибо, что открылъ... изъ усердія. Удружилъ, не забуду. Пока что, никому ни гу-гу! Узнаю, тысячи не пожалѣю, а упеку далеко — за твое воровство! И, вынувъ изъ бумажника ассигнаціи, прибавилъ: вотъ тебѣ пока за усердіе сотня. А теперь ступай!

IV.

Потянулись дни. Въ домѣ купца, повидимому, все было по-прежнему. Только „самъ“ ходилъ пасмурный, сосредоточенный, хотя и старался ничѣмъ не показать, что тайна молодыхъ людей ему уже извѣстна. Смирновъ, не измѣняя ласковаго обращенія, старательно только сталъ наблюдать за своимъ довѣреннымъ и чаще сталъ звать къ себѣ въ комнату, якобы для совѣщаній. Временами, когда Баргузиновъ читалъ какой-нибудь отчетъ, въ глазахъ купца, устремленныхъ на него, свѣтился зловѣщій огонекъ, а кулаки нервно сжимались. Казалось, вотъ онъ вскочитъ и размозжитъ голову своему оскорбителю. Андрея Поликарповича приводила въ ярость мысль, что въ городѣ, можетъ быть, уже многіе знаютъ о томъ позорѣ, которымъ покрыла его, купца именитаго, законная жена и съ кѣмъ же—съ его слугою. Ему казалось, что всѣ по угламъ глумятся надъ нимъ. Онъ сталъ ненавидѣть знакомыхъ, ненавидѣть своихъ служащихъ. Ему хотѣлось куда-нибудь далеко убѣжать, чтобы только не встрѣчаться съ ними. Но Смирновъ не уѣзжалъ и, странное дѣло, не уѣзжалъ изъ желанія помѣшать влюбленнымъ видѣться въ тайныхъ свиданіяхъ. Подъ предлогомъ неудобства, онъ перенесъ свой рабочій кабинетъ поближе къ спальнѣ жены и принималъ разныя другія, подчасъ ребяческія мѣры. Когда явилась необходимость ѣхать по одному неотложному дѣлу, онъ взялъ съ собою и Баргузинова. Жену свою купецъ просто не могъ видѣть, но сдерживалъ себя—„подождите, молъ, сочтемся“. Побить „полюбовника“, выгнать съ позоромъ казалось Смирнову мелкимъ. Это вызвало бы только скандалъ, и предметомъ насмѣшекъ былъ бы одинъ онъ, Андрей Поликарповичъ. Понимая это, онъ сдерживалъ себя и думалъ глубокую думу. Ему хотѣлось отомстить жестоко, чтобы всѣ видѣли страданіе и униженіе „полюбовниковъ“. Мысль эту онъ лелѣялъ—она укрощала и сдерживала его гнѣвъ, обыкновенно такой необузданный. Она, эта мысль, научила купца даже хитрить, на что́ прежде онъ былъ такъ неспособенъ.

Между тѣмъ приближалось время женѣ родить. Это заставило Смирнова поскорѣе принять какое-либо рѣшеніе, такъ какъ онъ чувствовалъ, что не перенесетъ появленія ребенка. А какъ еще недавно мысль, что онъ сдѣлается отцомъ, радовала его!

Андрей Поликарповичъ совершенно измѣнилъ образъ жизни, пьянствовать почти бросилъ и не водилъ компаніи съ прежними собутыльниками.

Иногда онъ устраивалъ у себя вечера, но гостей звалъ „чистыхъ“, особенно судейскихъ, за которыми старательно ухаживалъ. Онъ часто заводилъ при нихъ рѣчь о своихъ торговыхъ дѣлахъ, о трудности

управляться съ ними. Раза два онъ этакъ издали высказывалъ неудовольствіе на кого-то изъ служащихъ; можно было догадаться, что въ виду онъ имѣлъ Баргузинова. При томъ всемъ гордый купецъ высказывалъ сожалѣніе о своемъ прежнемъ поведеніи и что „чуетъ-де его сердце, что съ нимъ что-нибудь да приключится". Такія рѣчи повергали всѣхъ въ недоумѣніе и невольно обращали на себя вниманіе.

Вскорѣ Смирновъ объявилъ домашнимъ, что ѣдетъ съ Баргузиновымъ на пріискъ. По сибирскимъ понятіямъ, послѣдній отстоялъ не особенно далеко.

По возвращеніи оттуда, что́ могло случиться недѣли чрезъ двѣ съ небольшимъ, то сейчасъ же и тоже съ Баргузиновымъ поѣдетъ уже надолго на китайскую границу по весьма важному вновь задуманному имъ торговому предпріятію. Начались разныя приготовленія: дѣлались пельмени, замораживались щи, укладывались по мѣшечкамъ чай, сахаръ, заворачивались въ рогожи наливки и пр. Безъ всего этого путешествовать тогда по Сибири, даже и по большому тракту, было нельзя.

Предъ отъѣздомъ Смирновъ усердно началъ заниматься дѣлами, настойчиво собирались непоступившіе еще взносы, говоря, что деньги ему нужны для дѣла, ради котораго ѣхалъ. Съ довѣреннымъ своимъ онъ былъ ласковъ по-прежнему и часто посылалъ его получать крупныя суммы. При этомъ иногда говорилъ:

— Вотъ сдѣлалъ его казначеемъ—боюсь у себя деньги держать; растрачу еще!

А съ Баргузиновымъ между тѣмъ творилось что-то неладное. Выглядѣлъ онъ совершенно разстроеннымъ и настолько былъ разсѣянъ, что заниматься дѣлами почти не могъ. Онъ несмѣло смотрѣлъ въ глаза другимъ, а встрѣчъ съ хозяиномъ избѣгалъ и блѣднѣлъ, какъ полотно, когда тотъ обращался къ нему съ чѣмъ-нибудь. Этой странной перемѣны всѣ домашніе не могли не замѣтить, и о ней велись разговоры. Смирновъ, ясно видя все это, умышленно, въ присутствіи многихъ нѣсколько разъ говорилъ Баргузинову:

— Что это, братецъ, съ тобою—будто грѣхъ какой задумалъ? И весь-то ты какой-то страшный! И въ голосѣ купца слышался какой-то задоръ.

Отъ этого Баргузиновъ еще болѣе смущался.

Что касается жены Смирнова, то она, подъ предлогомъ болѣзни, забилась въ свой уголъ и не выходила оттуда. Только горничная говорила, что „сердечная-де все плачетъ да убивается".

Съ большимъ сокрушеніемъ и страхомъ узналъ Баргузиновъ о требованіи хозяина ѣхать съ нимъ и при томъ такъ надолго: на китайскую границу.

Тяжело ему было глазъ-на-глазъ быть съ человѣкомъ, котораго онъ долженъ былъ ненавидѣть, котораго обманывалъ, но который былъ неизмѣнно къ нему добръ и ласковъ. Больно ему было покидать любимую женщину въ то именно время, когда она готовилась сдѣлаться матерью его ребенка. Но приходилось повиноваться.

Между тѣмъ Смирновъ покончилъ свои дѣла. Внимательный наблюдатель подмѣтилъ бы, что предстоящая поѣздка имѣла для него какое-то особенное значеніе и должна была чѣмъ-нибудь ознаменоваться.

По виду, въ особенно хорошихъ отношеніяхъ Смирновъ всегда жилъ съ исправникомъ, до нѣкоторой степени нужнымъ для него человѣкомъ—мало ли что могло случиться при купеческомъ самодурствѣ. Хотя и поважнѣе люди мирволили ему, но не мѣшало имѣть своимъ благопріятелемъ и пониже сошку, чрезъ руки которой, какъ начальника округа, шли многія дѣла. Помимо этого исправникъ, человѣкъ покладистый, веселый и могшій изрядно выпить, былъ всегда желателенъ въ купеческой компаніи. Послѣднее же время Смирновъ особенно часто видѣлся съ исправникомъ, подолгу съ нимъ просиживалъ у себя въ кабинетѣ наединѣ съ закуской, чего прежде не бывало. Впрочемъ и это никого не удивляло—къ его странностямъ всѣ уже давно привыкли. Часто бывало выудитъ онъ кого-нибудь, возится съ нимъ, всюду за собою таскаетъ, а послѣ ни съ того, ни съ сего и прогонитъ.

Насталъ день отъѣзда. Купецъ уѣзжалъ часто, почему для всѣхъ это и было дѣломъ обычнымъ. Смирновъ былъ веселъ, шутилъ со всѣми и даже довольно мирно попрощался съ женою. Баргузиновъ же былъ разстроенъ болѣе обыкновеннаго, что́ у всѣхъ и запечатлѣлось въ памяти.

V.

Прошло нѣсколько дней, и неожиданно для всѣхъ Баргузиновъ возвратился назадъ еще болѣе убитый и разстроенный. На вопросы, почему онъ пріѣхалъ одинъ, довѣренный какъ-то нехотя объяснилъ, что хозяинъ по неизвѣстной причинѣ вдругъ, не давъ и одуматься, приказалъ ему ѣхать обратно домой и ждать его дальнѣйшихъ распоряженій. Зная взбалмошный характеръ купца, его скорыя рѣшенія, никто особенно и не удивился бы тому, если бы на мѣстѣ Баргузинова былъ кто другой—всѣ знали, какъ хозяинъ уважалъ и довѣ-

рялъ ему. Для выясненія всего этого приходилось ждать возвращенія самого Андрея Поликарповича. Прошло еще нѣсколько дней, прошла и вся недѣля. Въ большое недоумѣніе повергнули Баргузинова полученныя бумаги, ничего важнаго не заключавшія, но свидѣтельствовавшія, что Смирновъ на пріискъ не пріѣзжалъ. Объ этомъ тревожномъ обстоятельствѣ довѣренный сообщилъ домашнимъ. Чрезъ три дня пріѣхалъ нарочный съ однимъ нетерпящимъ отлагательства донесеніемъ; и онъ заявилъ, что хозяина на пріискѣ совсѣмъ не было, что, начиная съ такой-то станціи, всѣ ему говорили, что хозяинъ съ довѣреннымъ проѣзжалъ, держа путь на пріискъ. Куда же собственно дѣлся Андрей Поликарповичъ, онъ не зналъ. Всѣ встревожились, чуя что-то недоброе.

Узналъ объ этомъ исправникъ и позвалъ къ себѣ пріѣхавшаго съ пріиска и Баргузинова. Сначала онъ разспросилъ перваго. Исправнику особенно показалось страннымъ то обстоятельство, что вѣсти о проѣздѣ купца сразу обрывались на такой-то станціи. По всей дорогѣ его хорошо знали и такъ скоро забыть о немъ не могли. Выходило, что второй половины пути Смирновъ не проѣзжалъ.

Отпустивъ пріѣхавшаго, исправникъ попросилъ Баргузинова подробно ему разсказать, что именно произошло между нимъ и хозяиномъ и почему онъ вернулся одинъ.

Баргузиновъ началъ разсказывать.

— Выѣхали мы, когда уже смеркалось. Хозяинъ сейчасъ же заснулъ и спалъ до утра; проснувшись, вышелъ на станцію и приказалъ приготовить закуску. Былъ веселъ, угощалъ меня и смѣялся, что я не пью водки. Въ возкѣ, дорогой, хозяинъ со мной не говорилъ почти, а если съ чѣмъ и отзывался, то какъ-то зло. Отобралъ отъ меня деньги. „Давай, братъ, мнѣ, цѣлѣе будутъ!“ сказалъ онъ. Это меня сильно удивило и обидѣло. А на станціяхъ совсѣмъ другой былъ—шутилъ со всѣми, со мной, особенно тамъ, гдѣ сидѣли долго—обѣдали, пили чай. Изъ Большого села мы выѣхали за часъ до сумерекъ. Хозяинъ сейчасъ же началъ придираться, говорилъ, что ему противно ѣхать со мною. „Приказываю тебѣ, говоритъ, такой-сякой, ѣхать обратно домой! Жди тамъ моихъ приказаній!“ Проѣхали еще немного, а хозяинъ и говоритъ: „Противно мнѣ рядомъ сидѣть съ тобою! Вотъ, говоритъ, лучше бы мнѣ пѣшкомъ до станціи дойти!“ Когда мы чрезъ нѣкоторое время стали подъѣзжать къ лѣсу, гдѣ, сказываютъ, недалеко раскольничьи села стоятъ, Андрей Поликарповичъ крикнулъ ямщику „стой!“ Вылѣзъ изъ возка, да и говоритъ: „иди за мной, потолковать съ тобой надо“. Когда вошли въ лѣсъ, онъ меня началъ шибко ругать, а послѣ приказалъ ѣхать обратно домой! „Жди, говоритъ, тамъ моего приказанія, пришлю съ пріиска.

И никому ни гу-гу! о томъ, что тебѣ говорилъ. А самъ, говоритъ, уйду въ расколъ; противно мнѣ, говоритъ, съ вами со всѣми жить!" И ушелъ отъ меня. Я, подождавъ немного, вернулся къ лошадямъ, да и уѣхалъ домой.

Исправникъ недовѣрчиво покачалъ головой.

— Что же это, братъ,—сказалъ онъ,—ты обо всемъ этомъ мнѣ давно не пришелъ доложить. Дѣло выходитъ какое-то странное и преступное—по закону вѣру мѣнять не полагается. Да и чудное ты мнѣ что-то разсказываешь! И чего бы это Андрею Поликарповичу ночью пѣшкомъ чрезъ тайгу къ раскольникамъ идти! Ужъ если бы не хотѣлъ ѣхать съ тобою, то и ссадилъ бы тебя хоть среди дороги, а самъ бы куда пожелалъ, туда и поѣхалъ. Гдѣ же могъ дѣться купецъ? Странно что-то! А ты про сказку-то эту, что пѣлъ мнѣ сейчасъ, кому-нибудь сказывалъ?

— Нѣтъ, Николай Никифоровичъ,—и совѣстно было говорить, что со мною такъ обошелся хозяинъ, да и приказъ его былъ такой.

— Ну, что же!—сказалъ исправникъ. Подождемъ, можетъ, и объяснится. Не иголка купецъ, не затеряется.

О показаніи Баргузинова исправникъ никому не сказалъ ни слова, даже прокурору, съ которымъ толковалъ о таинственномъ исчезновеніи Смирнова. Въ городѣ уже обо всемъ знали. Создалась даже цѣлая фантастическая исторія. А исправникъ все молчалъ, молчалъ и Баргузиновъ.

Прошло и еще нѣсколько дней.

Но вотъ на имя исправника отъ земскаго засѣдателя поступило донесеніе, что найдено мертвое тѣло, сильно объѣденное волками. По всему можно допустить, доносилъ засѣдатель, что покойный принадлежалъ къ зажиточному сословію, по всей вѣроятности къ купеческому. Ни бумагъ, ни денегъ при тѣлѣ найдено не было, только подъ трупомъ нашлись дорогіе золотые часы. Верхняго платья, шапки и сапоговъ не оказалось. Тѣло найдено было въ лѣсу, недалеко отъ опушки, на тропѣ, ведущей въ раскольничье село.

Донесеніе это, собственно заурядное, сильно заинтересовало исправника,—мѣсто, гдѣ было найдено мертвое тѣло, было именно то, гдѣ по словамъ Баргузинова, покинулъ его Смирновъ. Извѣщая доктора о найденномъ тѣлѣ, исправникъ приказалъ ему сказать, что на вскрытіе поѣдетъ съ нимъ вмѣстѣ. И поѣхалъ. Такъ какъ и доктору онъ ничего не сказалъ о показаніи Баргузинова, то послѣдній подивился желанію исправника ѣхать.

— Что это вы, Николай Никифоровичъ? Дѣла у васъ мало, что по вскрытіямъ для развлеченія ѣздить начали. Я-то радъ, съ начальствомъ хорошо: лошадокъ лучшихъ дадутъ и, главное, все даромъ!

При старыхъ судахъ предварительное слѣдствіе производилось полиціею, и его характериою особенностью былъ всегда безотчетный произволъ. Мертвыя тѣла въ Сибири, вслѣдствіе постоянныхъ разбоевъ по дорогамъ, находились прежде такъ часто, что на нихъ никто особеннаго вниманія и не обращалъ. По большей части убійцъ не находили—ищи ихъ по непроходимымъ лѣснымъ дебрямъ или среди шатавшихся повсюду бѣглыхъ каторжниковъ и поселовъ. Власти обыкновенно выѣзжали на слѣдствіе для очищенія совѣсти, зная впередъ, что дѣло, въ 99-ти случаяхъ изъ ста, придется предать „волѣ Божіей".

Изъ „холодной", гдѣ онъ пролежалъ въ ожиданіи вскрытія, трупъ перенесли въ избу и положили на скамейку. Представлялъ онъ изъ себя ужасную картину—куски оторваннаго отъ костей мяса, перемѣшанные съ клочьями одежды. Можно было только заключить, что покойникъ былъ человѣкъ большаго роста и богатырскаго сложенія. Уцѣлѣвшая кисть руки, какъ и дородство, свидѣтельствовали, что на свѣтѣ жилось ему недурно, не приходилось ни тяжело работать, ни голодать. По остаткамъ одежды трудно было что-либо заключить. Хищные звѣри ужъ какъ-то очень старательно ее изорвали.

Докторъ медленно и нехотя началъ приготовляться къ вскрытію, безцѣльность котораго, по его мнѣнію, была очевидна. Онъ сердито ворчалъ и свое негодованіе изливалъ земскому засѣдателю, видимо также заботившемуся только о томъ, какъ бы поскорѣе сбыть съ рукъ это тѣло, такъ заинтересовавшее его начальника, да и ускакать себѣ домой.

Между тѣмъ исправникъ долго и внимательно присматривался къ трупу, не принимая участія въ разговорѣ. Онъ обходилъ его со всѣхъ сторонъ, наклонялся надъ нимъ, иногда что-то произносилъ. Докторъ, несмотря на то, что и самъ громко посылалъ проклятія по адресу сибирскихъ порядковъ, обратилъ на это вниманіе.

— Что это вы тамъ, Николай Никифоровичъ, интереснаго открыли? Давайте-ка поскорѣе со всѣмъ этимъ покончимъ — во-свояси, вѣдь, скакать далеко.

Не отвѣчая на вопросъ, исправникъ обратился къ засѣдателю:

— Алексѣй Михайловичъ, а гдѣ тѣ часы, которые вы нашли около трупа?

— Они здѣсь, при всемъ производствѣ.

— Покажите-ка!

Засѣдатель вынулъ изъ портфеля, поставленнаго имъ въ углу на скамейкѣ, завернутые въ бумагу часы, развернулъ ихъ и подалъ.

Исправникъ посмотрѣлъ и крикнулъ:

— Ну, конечно!

Присутствовавшіе сильно заинтересовались. Исправникъ же продолжалъ:

— Какъ вы думаете, господа, чей это трупъ? А?

Всѣ подошли поближе и внимательно стали присматриваться.

— Не напоминаетъ ли вамъ ростъ, дородность, цвѣтъ волосъ и, наконецъ, эти часы кого-нибудь изъ нашихъ знакомыхъ? Присмотритесь внимательно, докторъ, вы-то должны знать.

— Нѣтъ, не соображаю что-то — отвѣтилъ докторъ — скажите яснѣе.

— А кто послѣднее время пропалъ у насъ изъ видныхъ людей при такихъ странныхъ обстоятельствахъ?

— Постойте, постойте!—сказалъ докторъ. Я начинаю что-то смекать. Не имѣете ли въ виду Смирнова! Фигура-то будто его, а часы... докторъ сталъ ихъ разсматривать... не берусь утверждать, но, кажется, его. Купецъ, къ сожалѣнію, никогда не болѣлъ и паціентомъ моимъ не былъ, а компаніи съ нимъ я водить не любилъ. Вамъ лучше знать—пріятели были.

Осмотрѣвъ еще разъ внимательно трупъ, исправникъ категорически заявилъ, что это купецъ Смирновъ. Докторъ тоже склонился къ этому заключенію. Увѣренность исправника раздѣлили и прочіе присутствовавшіе, знавшіе покойника — смотритель станціи, ямщики. Послѣ этого исправникъ, не входя, впрочемъ, въ особенныя подробности, разсказалъ кое-что, не упоминая о Баргузиновѣ, объ исчезновеніи Смирнова. И этотъ разсказъ еще болѣе убѣдилъ всѣхъ въ справедливости догадки. Наружный осмотръ и изслѣдованіе раны выяснили, что Смирновъ былъ убитъ ударомъ ножа подъ лѣвую лопатку. Ножъ былъ на столько длиненъ, что пробилъ сердце и причинилъ мгновенную смерть. Болѣе подробнаго изслѣдованія докторъ не находилъ нужнымъ дѣлать, причина смерти была очевидна...

Исправникъ распорядился возможно скорѣе доставить трупъ въ городъ, куда спѣшно ускакалъ съ докторомъ и самъ. Не заѣзжая даже домой, онъ отправился къ прокурору и сообщилъ ему, кого онъ и другіе признали въ трупѣ, не сдѣлавъ при томъ ни малѣйшаго намека на Баргузинова. Но прокуроръ и самъ зналъ хорошо всѣ обстоятельства и потому сдѣлалъ распоряженіе объ арестованіи Баргузинова и о передачѣ дѣла, въ виду его важности, судебному слѣдователю, который заурядныхъ дѣлъ въ прежнее время не велъ — это лежало на обязанности полиціи.

Баргузиновъ былъ арестованъ немедленно, въ 11 часовъ вечера, когда уже легъ спать. Всѣ, видѣвшіе, въ какомъ состояніи онъ находился до и послѣ поѣздки, въ одинъ голосъ обвинили его въ убійствѣ хозяина.

Трупъ былъ привезенъ въ городъ и прямо въ домъ купца. Многочисленные служащіе признали въ немъ своего хозяина, они были подготовлены къ этому извѣстіемъ, что везутъ именно Смирнова. Несомнѣннымъ подтвержденіемъ служили присланные для осмотра часы, найденные около трупа. Ихъ всѣ признали принадлежащими Андрею Поликарновичу. Когда, такимъ образомъ, это было установлено, немедленно приступили къ похоронамъ, такъ какъ тѣло, пробывшее въ теплой комнатѣ всего лишь нѣсколько часовъ, быстро начало разлагаться. Исправникъ, принявшій на себя въ качествѣ друга покойнаго всѣ хлопоты, распорядился въ виду этого заколотить гробъ наглухо.

Похороны устроили торжественныя. Провожать именитаго купца вышелъ весь городъ, даже высшія власти. Многіе жалѣли покойнаго: одни, что уже негдѣ будетъ вкусно поѣсть и попить, другіе, что прекратилась статья дохода. Искреннихъ же сожалѣній, конечно, не было. Всѣ служившіе у купца облегченно вздохнули: „не встанетъ, моль, не будетъ больше дурить“.

А вдова Смирнова, Марія Яковлевна, потрясенная страшнымъ своею неожиданностью извѣстіемъ и арестомъ Баргузинова слегла въ постель еще до привоза тѣла, котораго такъ и не видала. О ней всѣ какъ-то забыли. Огромное состояніе купца по закону переходило къ будущему ребенку его жены. Духовнаго же завѣщанія Смирновъ не оставилъ.

VI.

Громкое дѣло объ убійствѣ купца и кражѣ очень крупной, по всѣмъ признакамъ, суммы денегъ взволновали весь городъ. Имъ интересовался прокуроръ и прочія власти. Поэтому слѣдователь, къ которому оно поступило, хотя и былъ очень лѣнивъ и медлителенъ, въ данномъ случаѣ долженъ былъ быть энергичнымъ. Не любилъ же онъ этихъ производствъ главнымъ образомъ потому, что, благодаря сибирскимъ разстояніямъ, приходилось ѣздить подчасъ очень далеко. Но онъ надѣялся, что съ этимъ „дѣломъ“ ему не предстояло много хлопотъ: преступникъ обнаруженъ — нужно лишь будетъ добиться отъ него всесторонняго признанія—и все тутъ. Баргузинова привели подъ конвоемъ. Послѣ обычныхъ вопросовъ, которыхъ можно было и не задавать, такъ какъ обвиняемый былъ хорошо извѣстенъ, слѣдователь строгимъ голосомъ спросилъ, признаетъ ли онъ себя виновнымъ.

— То есть въ чемъ это?—наивно спросилъ Баргузиновъ.

— Какъ въ чемъ!—изумился слѣдователь—въ убійствѣ хозяина и въ кражѣ!

— И не убивалъ я своего хозяина, и денегъ не крадъ никакихъ,— совершенно спокойно сказалъ обвиняемый.

Добродушный слѣдователь, котораго всѣ любили за привѣтливость и простоту, вонзилъ въ Баргузинова свой, какъ онъ думалъ, проницательный взоръ. Но обвиняемый въ свою очередь смотрѣлъ на слѣдователя смѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно спокойно. Въ его глазахъ нельзя было подмѣтить ни тѣни смущенія и лжи. Послѣ долгаго молчанія слѣдователь уже своимъ обычнымъ ласковымъ голосомъ сказалъ:

— Послушай, единственно на одного тебя падаетъ сильное подозрѣніе, что убилъ именно ты. Я вѣдь давно живу здѣсь, знаю, при какихъ обстоятельствахъ женился Смирновъ; слышалъ, что ты любилъ его жену еще до пріѣзда ея сюда. И то мнѣ извѣстно, что ты человѣкъ хорошій, что вѣрно служилъ, самъ не крадъ (покойникъ это всѣмъ говорилъ) и другимъ, наживая себѣ враговъ, не давалъ. Такъ усердствовалъ ты не спроста. Повѣрь, что я, хотя иногда и водилъ хлѣбъ-соль съ покойникомъ, прекрасно его понималъ и вполнѣ тебѣ сочувствовалъ. Поэтому не запирайся, признаніемъ ты только смягчишь свою участь. Пойми, нѣтъ никакого смысла не сознаться— все противъ тебя: тебѣ одному было выгодно отдѣлаться отъ купца— онъ тебѣ мѣшалъ. Ребенокъ-то твой, объ этомъ и говорить нечего. Подумай, для твоей же пользы совѣтую. Говори, ты убилъ?

— Нѣтъ, ваше высокородіе, не я! какъ-то торжественно сказалъ, Баргузиновъ.

Слѣдователь, ожидавшій, что его рѣчь вразумила обвиняемаго съ досады поправился на креслѣ: онъ впалъ въ дурное расположеніе духа—дѣло затягивалось...

— Ну, какъ хочешь, только, помни, хуже будетъ: оправдаться тебѣ не удастся! Теперь разскажи, что найдешь нужнымъ, я запишу. Начинай съ того часа, какъ уѣхали вы изъ дому... Только ужъ лучше бы сразу сознался!—сказалъ слѣдователь съ мольбою въ голосѣ.

— Слушаю, ваше высокородіе, разскажу все, мысли своей не утаю даже. Я не виноватъ—помогите мнѣ!

— Хорошо, братъ, говори. Радъ бы я былъ, если бы не ты оказался виновнымъ.

Вначалѣ Баргузиновъ говорилъ то же, что и исправнику. Далѣе показывалъ нѣсколько иначе и съ бо́льшими подробностями.

— ...Погода стояла не холодная, хорошая; снѣгу еще было не много. Скоро должно было смеркаться. Мы ѣхали молча. Хозяинъ сидѣлъ нахмурившись, часто выглядывалъ изъ возка и внимательно

осматривался. Проѣхали мы Большое село; въ нѣсколькихъ верстахъ виднѣлся лѣсъ. Мѣсто мнѣ было немного знакомо—не далеко оттуда начинаются поселенія раскольниковъ. Проѣхалъ еще нѣкоторое время и, поровнявшись уже съ опушкою лѣса, что̀ недалеко отъ дороги стоитъ, хозяинъ какъ-то особенно крякнулъ, повернулся ко мнѣ и громко сказалъ:

— „Не могу больше оставаться съ тобою, да и со всѣми вами—противны вы мнѣ—уйду въ расколъ. А тебѣ на прощаніе хочу слово сказать, только на сторонѣ. Эй! ямщикъ, остановись-ка!“

Когда возокъ остановился, онъ вылѣзъ изъ него.

— „Подожди-ка насъ тутъ, братецъ! сказалъ онъ ямщику — мнѣ вотъ съ довѣреннымъ потолковать нужно.—Пойдемъ! указывая на тайгу“, сказалъ мнѣ хозяинъ.

Я вылѣзъ. Андрей Поликарповичъ быстро пошелъ, за нимъ я. Иду и думаю: что-то будетъ! Сердце это какъ-то сжалось, не въ добрый часъ, видимо, поѣхалъ я съ нимъ! Шли мы молча; онъ впереди, я сзади по слегка проложенной дорогѣ—кто-то по ней раза два проѣзжалъ. Вошли въ лѣсъ, не далеко, но ямщику уже насъ не было видно. Лѣсъ-то глухой; темно уже почти было. Кедры это въ три обхвата! Хозяинъ какъ-то сразу остановился и обернулся ко мнѣ. Отъ неожиданности я совсѣмъ на него насунулся, а послѣ въ страхѣ попятился назадъ. Онъ какъ-то странно засмѣялся и вплотную подвинулся ко мнѣ, сдвинулъ шапку на затылокъ и взялся въ бока. Я ожидалъ, что онъ меня пришибетъ. Но хозяинъ началъ говорить такимъ голосомъ, какимъ никогда и ни съ кѣмъ не говорилъ.

— Долго таилъ на душѣ-то я, долго мучился, да терпѣлъ, но, видно, Господь тебя больше любитъ, чѣмъ меня. Послѣ смерти покойницы не скоро я могъ себѣ новую хозяйку по душѣ отыскать. Отыскалъ. Но ты, какъ тать ночной, добро мое похитилъ. Лучше бы ты меня совсѣмъ обокралъ! Не жалѣлъ бы! Вѣрно служилъ, вишь, казны моей расхищать никому не давалъ! А самъ честь-то у меня укралъ и имя мое на посмѣяніе отдалъ. У, гадина! Я ли тебѣ не довѣрялъ! И домъ свой, и все, что у меня было дорогаго, я тебѣ подъ охрану отдалъ. Видно, Богъ хочетъ покарать меня за распутство! Да будетъ Его воля! Уйду къ раскольникамъ, въ скитъ, грѣхи въ ихъ правой вѣрѣ замаливать, а ты поѣзжай назадъ, сейчасъ же поѣзжай! Слышишь! Сиди тамъ, никому ни гу-гу и жди. На пріискъ заѣду и отвѣтъ оттуда пришлю. Разрѣшеніе вамъ дамъ — любитесь себѣ, да меня лихомъ не поминайте!“

— Ушамъ я не вѣрилъ своимъ! продолжалъ Баргузиновъ. Разрѣшеніе намъ хозяинъ хотѣлъ дать, а я думалъ, убить меня хочетъ! Я въ ноги ему повалился, прощеніе сталъ вымаливать. А онъ твердитъ:

„сейчасъ мнѣ поѣзжай домой, тамъ счастье свое найдешь!“ Не хорошо онъ это говорилъ! Слышно было, что издѣвался онъ надо мной. Хоть и темно уже стало, а видно было, какъ угли, горѣли его глаза, словно вотъ прожгутъ насквозь. Сталъ было ему свои резоны приводить и назадъ безъ него ѣхать не соглашался, а онъ какъ крикнетъ: „Нешто, говоритъ, не знаешь меня! сейчасъ мнѣ домой поѣзжай, а тамъ видно будетъ!“

Поднялся я съ колѣнъ; самого-то трясетъ всего, слова больше вымолвить не могу, а хозяинъ махнулъ рукою и, повернувшись, пошелъ вглубь лѣса. Остался я это на мѣстѣ одинъ. Ужъ и не знаю, бѣжать ли мнѣ за нимъ или исполнить его приказаніе. Подождавъ немного, пошелъ было впередъ, но вдругъ стало мнѣ страшно. Тихо это въ лѣсу, только что-то какъ будто шумитъ вдали-то, вѣтеръ качаетъ вершинами; мнѣ же почему-то такъ жутко сдѣлалось на душѣ! И вспомнилъ я это вдругъ, словно вижу, хозяйку нашу—и такъ мнѣ захотѣлось скорѣе увидѣть ее! А можетъ, думаю, и взаправду Богъ намъ счастье хочетъ послать, смирилъ душу хозяина, если уже не ради меня, то за ея страданія! Повернулъ я съ легкимъ сердцемъ и пошелъ къ возку.

Прихожу, сажусь и говорю ямщику: „поѣзжай обратно, откуда выѣхалъ!“

— А купецъ, спрашиваетъ онъ, гдѣ?

— Въ деревню, говорю, пошелъ, къ раскольникамъ, что́ тутъ близко.

— Про деревню-то, говоритъ ямщикъ, я знаю, да чего купецъ-то противъ ночи пошелъ туда?

— Молиться, говорю, захотѣлъ—чудной онъ у насъ, что въ голову взбредетъ, то и сдѣлаетъ.

Недовѣрчиво ямщикъ посмотрѣлъ на меня.

— Такъ ворочать, значитъ? спрашиваетъ.

— Ворочать, говорю—хозяинъ такъ приказалъ.

И поѣхали мы обратно. Я былъ самъ не свой, не могъ съ мыслями собраться.

На станціи и смотритель спрашивалъ, почему я вернулся одинъ, и тоже какъ-то странно смотрѣлъ на меня. Чѣмъ ближе я подъѣзжалъ къ дому, тѣмъ тревожнѣе на душѣ становилось. И хотѣлось мнѣ ѣхать туда, но какъ-то неловко и страшно. Что, думаю, я домашнимъ скажу; не повѣрятъ, чтобы нашъ-то Андрей Поликарповичъ такое колѣнцо отмочилъ—въ скитъ спасаться пошелъ. И дѣйствительно всѣ мнѣ плохо вѣрили. Со страхомъ ждалъ я съ пріиска приказаній хозяина. А какъ стало извѣстно, что тамъ его и совсѣмъ не было, я сильно испугался и не зналъ, что дѣлать. Чуялъ бѣду,

но молчалъ, никому не сказывалъ. Даже исправнику, когда онъ меня призывалъ и разспрашивалъ, доложилъ на половину. Все ждалъ! Послѣ посадили меня, обвинили въ убійствѣ. Говорили мнѣ сторожа, что мертвое тѣло привезли, что въ немъ всѣ признали хозяина; говорили еще, что трупъ-то сильно былъ волками объѣденъ, что, главное, признали по часамъ. Вотъ и все, что могу сказать. Ничего не утаилъ, ничего и не прибавилъ. Чуяло мое сердце бѣду—не вѣрилъ я словамъ Андрея Поликарповича!

Баргузиновъ замолчалъ. Долго молчалъ и слѣдователь.

— Да, братъ, проговорилъ онъ наконецъ. Сдается, что и правду ты говоришь! И хотѣлось бы тому вѣрить. Но все это ужъ очень какъ-то не похоже на твоего бывшаго хозяина. Онъ пьяница, развратникъ, непреклонная натура—въ скитъ спасаться пошелъ, благословеніе вамъ любиться давалъ! Кто этому можетъ повѣрить! Пойми ты, милый человѣкъ: находятъ мертвое тѣло именно тамъ, гдѣ ты съ хозяиномъ въ лѣсу разговоры велъ, и тѣло это оказывается купца. Какъ же ты это объяснишь? Ты изъ лѣсу возвратился одинъ, а купецъ-то пропалъ.

— Что я могу сказать! упавшимъ голосомъ проговорилъ Баргузиновъ. Хозяинъ ушелъ отъ меня, а я къ лошадямъ. Можетъ, и убили его, да и бросили на то мѣсто, гдѣ меня съ нимъ видѣли. А вы, ваше высокородіе, сами осматривали трупъ? Его онъ былъ.

— Видѣлъ. Правду сказать, узнать въ немъ кого-нибудь было трудно. Всѣ говорили, что купецъ; вотъ и часы—его это? спросилъ слѣдователь, вынувъ изъ ящика и показывая ихъ. Баргузиновъ посмотрѣлъ и сказалъ съ болью въ голосѣ:

— Часы хозяйскіе—вѣрно. А могу просить прочесть мнѣ слѣдствіе, какъ, значитъ, трупъ былъ найденъ?

— Изволь, прочту. И слѣдователь прочелъ донесеніе засѣдателя и протоколъ вскрытія.

— Ну, что же? спросилъ онъ, окончивъ чтеніе.

— Да въ томъ самомъ мѣстѣ, вѣрно... только... вотъ докторъ пишутъ, что хозяина ударилъ сзади, и ножъ въ сердце вышелъ. Хозяинъ тогда былъ въ кухлянкѣ (мѣховая рубашка), да въ песцовой дохѣ. Трудно чрезъ мѣха такой ударъ нанести! А доха-то дорогая гдѣ же?

— Ну, пустое говоришь. Трупъ былъ почти раздѣтъ; все унесъ, если не тотъ, кто убилъ, то кто нашелъ.

— Что же! можетъ быть. А часы... вѣдь ихъ-то на толстой шейной цѣпи хозяинъ носилъ... цѣпи-то той здѣсь тоже нѣтъ...

— Это все выяснится. Послѣдній разъ: не хочешь сознаться?

— Не въ чемъ, ваше высокородіе.

Баргузинова увели обратно въ острогъ. Слѣдователь задумался; чувствовалась правда въ показаніи обвиняемаго. Въ произведенномъ засѣдателемъ дознаніи онъ видѣлъ большіе недочеты. Гдѣ дѣлись дѣйствительно доха и цѣпь отъ часовъ? Кто всѣ вещи унесъ, тотъ и убить могъ, да и бросить на мѣсто, подмѣтивъ сцену въ лѣсу, о которой разсказывалъ Баргузиновъ. Все бы хорошо, да только неправдоподобно очень поведеніе купца, не похоже все это на него. И слѣдователь терялся въ догадкахъ. Дѣло запутывалось; а что хуже всего—нужно было ѣхать на мѣсто... Лѣнивый, но добрый и честный слѣдователь заинтересовался дѣломъ.

Хотя все складывалось такъ, что обвиненіе Баргузинова вытекало само собою, слѣдователь тѣмъ не менѣе послѣ долгихъ размышленій началъ склоняться къ мысли, что въ несомнѣнныхъ, казалось бы, уликахъ есть что-то и неправдоподобное. „Да купца ли дѣйствительно то былъ трупъ?“ задалъ даже себѣ вопросъ слѣдователь. Но, вспомнивъ о часахъ, прогналъ отъ себя это сомнѣніе. Посѣтовалъ и на порядки, благодаря которымъ упущенія въ разслѣдованіи, сдѣланныя засѣдателемъ, были уже непоправимы. Жаль было слѣдователю бѣднягу Баргузинова—симпатиченъ онъ ему былъ. Зналъ онъ, что если Баргузиновъ даже и не убивалъ, то все-таки не выпутаться ему изъ разставленныхъ судьбою сѣтей. Не пришло ему только въ голову, что запутать его въ нихъ могли и люди. Проницательностью слѣдователь не отличался, хотя и былъ гораздо выше многихъ другихъ собратьевъ уже тѣмъ, что не считалъ своихъ догадокъ непогрѣшимыми. Въ обвиняемыхъ онъ видѣлъ прежде всего не объектъ обвиненія, а человѣка, который могъ быть виновнымъ, но могъ имъ не быть, несмотря на всѣ непреложныя доказательства; онъ не любилъ сбивать съ толку обвиняемаго коварными вопросами, чтобы любоваться цвѣтами собственнаго краснорѣчія, онъ старался выяснить истину... но всѣмъ его благимъ намѣреніямъ, впрочемъ, всегда мѣшала большая лѣнь. Тѣмъ не менѣе, для Сибири того времени онъ являлся счастливымъ исключеніемъ и чиновникомъ новаго вѣянія.

На другой же день послѣ допроса слѣдователь поѣхалъ на мѣсто преступленія. По дорогѣ смотрителя станцій и ямщики согласно подтвердили показанія Баргузинова о поведеніи купца, равно и то, какъ онъ съ хозяиномъ пошли въ лѣсъ.—„Опушка лѣса, говорилъ между прочимъ ямщикъ, недалеко отъ дороги—крикъ человѣка былъ бы слышенъ, а я ничего не слыхалъ. Да нешто онъ—довѣренный-то, могъ справиться съ такимъ богатыремъ, чтобы тотъ и не пикнулъ!“ закончилъ онъ свое показаніе, сомнительно покачивая головой. Пытался слѣдователь добиться чего-нибудь въ раскольничьей деревнѣ, недалеко отъ которой былъ найденъ трупъ, но безуспѣшно. Впрочемъ, онъ по

опыту зналъ, что при отношеніи раскольниковъ къ „табачникамъ", благодаря ихъ замкнутости, это было до крайности трудно. Слѣдователь вполнѣ довѣрился засѣдателю; по его словамъ, онъ дѣлалъ въ деревнѣ обыскъ, чинилъ допросъ, но тоже безрезультатно. И слѣдователь, ничего опредѣленнаго не выяснивши, возвратился домой.

Слѣдствіе не подвигалось впередъ ни на шагъ. Слѣдователь дѣло держалъ у себя, несмотря на понужденіе прокурора—жаль ему было направлять его дальше, такъ какъ это было бы равносильно признанію Баргузинова виновнымъ, но въ концѣ концовъ онъ былъ вынужденъ это сдѣлать. И бѣдный Баргузиновъ въ качествѣ подсудимаго долженъ былъ предстать предъ грознымъ дореформеннымъ судомъ.

VII.

Даже и теперешній судъ съ присяжными засѣдателями могъ бы признать Баргузинова виновнымъ; но много вѣроятій, что и оправдалъ бы, хотя всѣ его показанія были голословны; тогда какъ данныя за обвиненіе опирались, повидимому, на неопровержимые факты. Но что исправили бы присяжные засѣдатели, того не могъ сдѣлать прежній судъ, постановлявшій свои приговоры по чисто формальнымъ соображеніямъ. И судебныя ошибки были тогда нерѣдки.

Правосудіе должно было быть удовлетворено, и въ жертву ему былъ принесенъ Баргузиновъ, хотя виновность его далеко не была доказана.

Роковой приговоръ, осуждавшій его на каторгу, Баргузиновъ выслушалъ покорно. Сквозь слезы, но громко и отчетливо онъ сказалъ: „Господа судьи, видитъ Богъ, я невиненъ!" Судъ очень снисходительно отнесся къ Баргузинову и назначилъ ему самое меньшее, что могъ.

Одинъ только человѣкъ неповолебимо вѣрилъ въ невинность Баргузинова—вдова Смирнова. Ее ни слѣдователь не допрашивалъ, ни судъ не вызывалъ: зачѣмъ было терзать бѣдную женщину? Въ сущности, не все ли было равно, состоялъ ли Баргузиновъ съ нею въ связи или нѣтъ. Марья Яковлевна не допускала мысли о возможности осужденія горячо ею любимаго человѣка; ей казалось, что судьи должны были раздѣлять ея увѣренность. Но приговоръ былъ произнесенъ, надежды разлетѣлись, какъ дымъ, и осталась одна только грозная дѣйствительность. Повидавшись въ тюрьмѣ съ Баргузиновымъ и поговоривъ съ нимъ, вдова вышла отъ него еще болѣе увѣренная,

что онъ сдѣлался искупительною жертвою, принесенною правосудію. Подъ вліяніемъ горя въ ней появилась небывалая до того времени энергія, и она рѣшилась всѣми средствами дѣйствовать: стала обращаться ко всѣмъ власть имущимъ съ просьбами помочь ей. Всѣ на словахъ принимали участіе, сочувствовали, но доказывали, что измѣнить рѣшеніе суда нельзя, развѣ ужъ будетъ найденъ другой, настоящій убійца. Совѣтовали подыскать ловкихъ, способныхъ людей, которые взялись бы найти его. Вдова не жалѣла средствъ, но „способные“ люди выжимали отъ нея только деньги и ровно ничего не дѣлали. Зная, что исправникъ принималъ во всемъ дѣлѣ большое участіе и называлъ себя другомъ покойнаго, вдова первое время часто обращалась къ нему. Но исправникъ нехотя выслушивалъ ее и убѣждалъ примириться съ дѣйствительностью.

Въ хлопотахъ прошло много времени. Скоро долженъ былъ наступить день отправленія Баргузинова въ Нерчинскіе рудники. Марья Яковлевна рѣшила выйти за него замужъ и, по выясненіи результата стараній, ѣхать за нимъ. Она искренно любила Баргузинова и считала себя причиной несчастія, обрушившагося на его голову: по ея желанію онъ поступилъ на службу къ купцу и тѣмъ осудилъ на безпокойную и опасную жизнь. Марья Яковлевна думала, что купитъ себѣ вблизи острога домъ, поселится въ немъ и первое время, особенно трудное для осужденныхъ, будетъ видѣться съ мужемъ. Она знала, что съ деньгами вездѣ, а въ Сибири въ особенности, все можно сдѣлать; не разъ слыхала, что жены ѣхали за мужьями и, подкупая тюремныхъ церберовъ, сводили каторгу къ простому поселенію.

Дня за два до отправки партіи осужденныхъ въ тюремной церкви совершился обрядъ вѣнчанія, связавшій двухъ такъ разно стоявшихъ въ общественномъ положеніи людей—безправный каторжникъ и богатая свободная женщина, могшая бы прекрасно устроить свою жизнь. Но не такъ разсуждала Марья Яковлевна: она настояла на бракѣ, противъ котораго долго и энергично возставалъ Баргузиновъ, не желавшій связывать жизнь, которая для нея вся еще была впереди.

Нашлось нѣсколько человѣкъ, не измѣнившихъ къ Баргузинову своихъ прежнихъ добрыхъ отношеній. Они были свидѣтелями бракосочетанія и принесли свои поздравленія. Изъ церкви „молодой“, звеня кандалами, уведенъ былъ конвойными, а „молодая“, вся въ слезахъ, была увезена въ домъ перваго мужа.

Она рвалась поскорѣе покинуть и этотъ домъ, и городъ, и всѣхъ этихъ людей, все, что напоминало ей о прежней жизни, о постигшемъ горѣ. Ей теперь даже улыбалась мысль поселиться въ далекомъ Нерчинскѣ, быть одной со своими мыслями и сыномъ-малюткой. Его невинная улыбка приводила ее въ неописанный восторгъ и мирила

съ ниспосланными испытаніями. Она часто рисовала себѣ картину, что ей иногда будетъ удаваться, пуская въ ходъ деньги, устраивать возможность мужу посѣтить ея домикъ, гдѣ она вмѣстѣ съ сыномъ будетъ лелѣять ни въ чемъ неповиннаго страдальца. А послѣ, дастъ Богъ, они и навсегда поселятся вмѣстѣ, чтобы больше уже не разлучаться до конца своихъ дней!

Послѣднее время съ Марьею Яковлевной особенно близко сошлась одна сердобольная купчиха, Прасковья Петровна, необыкновенно добрая, привѣтливая и болтливая. Будучи мало знакома до убійства, она послѣ приняла близко къ сердцу ея горе, часто ее посѣщала и утѣшала. Веселый нравъ новой знакомой благотворно подѣйствовалъ на бѣдную женщину. Марья Яковлевна при ней какъ-то оживлялась, и надежда, утраченная было при столкновеніяхъ съ равнодушіемъ людей, снова въ ней воскресала.

Однажды, зайдя къ Баргузиновой, Прасковья Петровна нашла ее въ слезахъ.

— И опять плакать! воскликнула она. Грѣхъ большой—отчаяніе-то. Молиться надоть о помощи и дѣйствовать!

— Дорогая вы моя, знаю, что грѣхъ, да наболѣло сердце-то. Ни откуда отрады—всѣ обманываютъ, да съ рукъ сбываютъ. Въ Бога вѣрю, а вѣру въ людей потеряла. Ужъ больше хлопотать не могу, силъ нѣтъ. Хочу ѣхать въ Нерчинскъ. Все ему-то легче будетъ!

— Ну чтожъ, дѣло хорошее, только спѣшить особенно нечего—успѣется. Всего не испробовавши, не слѣдъ отъ задуманнаго отказываться! Теперь я къ тебѣ вотъ съ чѣмъ зашла. Можетъ, дастъ Богъ, и выйдетъ бо́льшій толкъ съ моего совѣта, чѣмъ съ исправниковыхъ-то.

— Ужъ и не говорите мнѣ объ этомъ человѣкѣ. Чуетъ что-то сердце мое противъ него! Скажите, что хотѣли мнѣ посовѣтовать. Только отъ васъ и утѣшеніе!

— Сейчасъ выложу—слушай: Ты-то и прежде ничего не знала, что дѣлается у насъ въ городѣ, а теперь и подавно. Но Илью Сазоныча Сухова, конечно, знаешь—богатѣйшій купецъ, большія дѣла ведетъ. Не любилъ онъ съ покойникомъ-то твоимъ компаніи водить, но иногда бывалъ у него большущій такой, борода — что лопата, добрый, только ужъ больно безхитростный.

— Какъ же, знаю!

— Ну такъ вотъ: появились въ городѣ какіе-то проходимцы, торговое дѣло затѣвали большое, капиталовъ подъискивали у тѣхъ, кто поглупѣе. И обошли они Сазоныча-то въ лучшемъ видѣ. Польстился онъ на большіе барыши. Я ужъ и не сумѣю тебѣ, касатка, сказать, какъ и что, но въ одинъ это денекъ Сазонычу и говорятъ: „подавай

свои денежки-то (да не тысячу тамъ другую, а цѣлую уйму), а не то упечемъ тебя, что и не вылѣзешь". Свѣта Суховъ не взвидѣлъ—выходитъ полное разореніе. Онъ по начальству: „никогда, говоритъ, на то согласія моего не было". А эти артисты-то подсунули Сазонычу бумагу какую-то; тотъ, не разобравъ, подписалъ, а они въ нее эту самую закорючку-то и вписали". Начальство ему говоритъ: „Не можемъ ничего подѣлать, самъ взялъ на себя обязательство! Помирись, говорятъ, можетъ, что и уступятъ". Извѣстно, у насъ все деньги!

А тутъ къ Сазонычу одинъ благопріятель, вотъ какъ я къ тебѣ. „Бѣги, говоритъ, къ жандарму, что не такъ давно изъ Россіи пріѣхалъ. Якшаться, говоритъ, да поминки брать—ни-ни, не по-нашему, сибирскому". Тотъ къ нему и доложилъ все въ лучшемъ видѣ. „Будь, говоритъ, благодѣтелемъ, не дай человѣку погибнуть, за то я тебѣ, ваше благородіе, ужъ вотъ какъ отблагодарю!"

— Хорошо, говоритъ ему жандармъ, постараюсь. Слыхалъ я про этихъ торговыхъ людей, слѣжу за ними. Дай, говоритъ, еще немного понюхаю.

— Ну, и разнюхивать-то ему долго не надо было. Видитъ, провели мошенники Сазоныча. Да какъ двинетъ въ Петербургъ, кажись, самому министру. А оттуда скоро отвѣтъ: въ тюрьму мошенниковъ, а Сазоныча-то отъ всякой отвѣтственности ослобонить. Съ вѣстью-то этою радостною и зашелъ жандармъ къ Сухову. Тотъ его цѣловать, да вынулъ изъ стола здоровенную пачку и говоритъ: „Бери, ваше благородіе, спасибо, что выручилъ!"

— Что это? спрашиваетъ тотъ.

— Бери,—говоритъ Суховъ—не побрезгуй, что мало! А денегъ-то, касатка, было десять тысячъ!

— Спрячъ ихъ!—говоритъ жандармъ.—Не для тебя дѣлалъ, по обязанности, а за труды мои царь нашъ мнѣ платитъ.

Сазонычъ и говоритъ: „Ну, денегъ не хочешь, позволь тебѣ вещь какую на память". Не мытьемъ, думаетъ, такъ катаньемъ. А жандармъ: „Хорошо, говоритъ, отъ этого не откажусь". И осмотрѣлся по комнатѣ, взялъ это со стола китайскую вещицу слоновой кости, пустую, не дорогую. Вотъ, говоритъ, позволь мнѣ это взять на память". А самъ смѣется.

Сазонычъ вытаращилъ отъ удивленія глаза, а послѣ и говоритъ:

— Прости меня, ваше благородіе, что скажу—большой ты чудакъ—такихъ-то я на вѣку своемъ еще и не видывалъ! Не по-сибирски это что-то! И въ поясъ ему поклонъ.

— Вотъ видишь, милая, закончила свое повѣствованіе Прасковья Петровна, сила-то какая у этого жандарма—самому министру не по-

боялся телеграмму послать! Мнѣ и думается, не обратиться ли тебѣ къ нему, можетъ что и выйдетъ!

Удивленіе Сухова было вполнѣ основательно. Въ Сибири ужъ изстари велось такъ. Въ далекія времена, по опредѣленію Соликамскаго лѣтописца, страна „была наполнена присяжными разбойниками, кормящимися властями, для которыхъ украсть, ограбить, даже убить человѣка изъ-за денегъ, продать душу за алтынъ считалось дѣломъ обыкновеннымъ". Все это пустило такіе глубокіе, мощные корни, которые, когда благія реформы срубили самое дерево, долго и очень долго еще давали обильные отростки. Чѣмъ далѣе уходило печальной памяти время, когда царили „сибирскіе лиходѣи и кровопивцы", тѣмъ больше мельчали и отростки. Но все еще таившаяся въ корняхъ жизнь выгоняла ихъ постоянно наружу. Бывало тяжелое время и по эту сторону Уральскихъ горъ, но все же оно никогда не носило характера такого тяжелаго произвола и такой непостижимой безнаказанности, доходившей до крайняго цинизма, какъ въ Сибири. Всесильные ея „сатрапы" не далеко тогда ушли отъ азіатскихъ деспотовъ. Изъ нихъ, напр., губернаторъ кн. Гагаринъ творилъ „неслыханныя злодѣйства". Даже Петру Великому съ трудомъ и не скоро удалось его вытребовать и повѣсить. Кто не слыхалъ о „крыловщинѣ, которая была еще почище бироновщины, о сибирскомъ Аракчеевѣ-Пестелѣ и о „присяжномъ разбойникѣ" губернаторѣ Трескинѣ... Время ихъ правленія по истинѣ было время „безправное". Сколько людей было обобрано для удовлетворенія ненасытной алчности грабителей, начиная отъ губернатора и кончая не менѣе всесильнымъ у себя въ станѣ земскимъ засѣдателемъ! Сколько безъ слѣда погибло людей, заживо похороненныхъ въ далекихъ тюрьмахъ, единственное преступленіе которыхъ заключалось въ томъ, что они дерзали прибѣгнуть подъ защиту законовъ. Сперанскій очистилъ было на время мрачную атмосферу, удаливъ генералъ-губернатора, предавъ суду двухъ губернаторовъ, 43 чиновниковъ и выгнавъ за разныя злоупотребленія 681 человѣка чиновниковъ же! Но ихъ замѣнять было не кѣмъ— людей не было. Это была свѣтлая эра, но она скоро прошла, и атмосфера снова сгустилась. Туго прививались къ Сибири реформы; долго еще въ прошломъ столѣтіи творилось тамъ нѣчто ужасное, и повсюду раздавался стонъ притѣсняемыхъ на разные лады и способы, благодаря только тому, что до царя было слишкомъ далеко. Но съ теченіемъ времени все, конечно, хотя и медленно сглаживалось, самыя неслыханныя злодѣянія" мельчали, но все же еще долго держались „кормящіяся власти", никого не удивляя и считаясь какъ-бы въ порядкѣ вещей.

Настоящій разсвѣтъ въ Сибири начался только недавно.

VIII.

Окрыленная новою надеждою, Марья Яковлевна съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидала слѣдующаго дня, чтобы сдѣлать уже послѣднюю попытку.

— Господи, помоги! шептала она.—Сухова выручилъ—тамъ деньги, а здѣсь живая душа! И все думала, какъ и что сказать, а рѣшила открыть все.—Лишь-бы только выслушать захотѣлъ!—думала она.

Въ пять часовъ вечера Баргузинова сидѣла уже въ кабинетѣ жандармскаго полковника. Въ городѣ говорили, что это простой и добрый человѣкъ, охотно всѣмъ помогавшій совѣтомъ и дѣломъ. Но ходили о немъ и плохіе слухи. Ихъ распускали, впрочемъ, люди, боявшіеся, что въ ихъ сердцахъ могутъ прочесть что-либо для нихъ нежелательное. Дѣло Сухова заставило говорить о полковникѣ. Всѣ могущіе быть только на роляхъ просителей его прославляли, а власть имѣющіе насторожились. Ихъ удивила телеграмма министра прокурору и губернатору, доказавшая, что ихъ дѣйствія контролируются.

Обстановка кабинета да и всей квартиры была скорѣе бѣдная, о достаткѣ не было и рѣчи.

— Вишь, какъ живетъ-то, а отъ десяти тысячъ отказался, подумала Марья Яковлевна.—Человѣкъ, видно!

Чрезъ нѣкоторое время отворилась дверь, и въ комнату твердыми шагами вошелъ небольшаго роста молодой еще штабъ-офицеръ. Протягивая поднявшейся Баргузиновой руку, онъ сказалъ:

— Простите, сударыня, что заставилъ васъ ждать — дѣтишки расшалились и пустить меня не хотѣли. Охотно готовъ служить вамъ. Я знаю, кто вы и зачѣмъ ко мнѣ пожаловали. Поэтому скажите мнѣ все, малѣйшую подробность—можетъ, пригодится.

Слова эти одобрили растерявшуюся было первое время молодую женщину, а упоминаніе полковника о дѣтяхъ вселило къ нему довѣріе.

И Марья Яковлевна начала разсказъ:

Познакомилась она съ Баргузиновымъ давно уже, когда гостила у своей тетки. Они полюбили другъ друга и порѣшили, что Баргузиновъ, собравъ немного денегъ—онъ былъ приказчикомъ и получалъ хорошее жалованіе, попроситъ ея руки. Но скоро отецъ былъ назначенъ смотрителемъ въ тотъ городъ, гдѣ встрѣтилъ ее купецъ. Когда послѣдовало предложеніе послѣдняго, она пробовала бороться. Но отецъ просилъ, грозилъ, билъ даже, морилъ голодомъ и, наконецъ, добился если не согласія, то такого состоянія, при которомъ можно было сдѣлать съ нею, что угодно. Ее одѣли въ подвѣнечное платье и силою повезли въ церковь. Только ужъ послѣ свадьбы и то не

скоро, она нашла возможность дать знать обо всемъ Баргузинову. Появился онъ и своимъ усердіемъ пріобрѣлъ полное довѣріе Смирнова. Марья Яковлевна безъ всякой борьбы сошлась со своимъ прежнимъ женихомъ: такъ какъ считала за собою нравственное право это сдѣлать—никакихъ обѣтовъ вѣрности мужу своему она не давала; она говорила, что этимъ даже хотѣла отомстить ему за обращеніе съ нею, за пьянство и развратъ, совершаемый чуть что не на ея глазахъ. Сближеніе между ними должно было произойти, несмотря ни на какія преграды, а ихъ къ тому же и не было. Повторилась обычная исторія. Одна крестьянка на вопросы слѣдователя, зачѣмъ она, до того времени безупречная, допустила себя до явной измѣны, за что мужъ и покушался ее убить, отвѣтила: „На изгадость ему! Пусть меня не срамитъ предъ людьми, не обижаетъ, когда я и виновата еще ни въ чемъ не была".

Далѣе Марья Яковлевна жаловалась, что ее не допрашивалъ слѣдователь, что не хотѣли обратить вниманіе на то обстоятельство, что Смирновъ открыто приготовлялся къ своей поѣздкѣ и на его отношенія къ исправнику, съ которымъ онъ, запершись, какъ будто о чемъ-то сговаривался. При этомъ она не утерпѣла и высказала все, что чувствовала противъ исправника.

Полковникъ внимательно слушалъ, иногда задавалъ вопросы. Въ концѣ онъ сказалъ ей, что вообще дѣло ему хорошо извѣстно—онъ былъ на его разбирательствѣ, что тогда еще многое въ немъ ему казалось загадочнымъ.

— Я долго думалъ надъ нимъ, подумаю и еще. Мнѣ говорили, что вашъ прежній мужъ обыкновенно ѣздилъ съ какой-нибудь женщиной. Какая, такъ сказать, состояла при немъ послѣднее время?

— Не знаю, онъ ихъ такъ часто мѣнялъ.

— Я постараюсь собрать точныя справки негласнымъ дознаніемъ. По закону, въ случаѣ какого-либо сомнѣнія, я даже обязанъ это сдѣлать. Помните, все нужно держать въ строгой тайнѣ—отъ этого зависитъ успѣхъ. Говорите, что обращались ко мнѣ, но я посовѣтовалъ вамъ примириться съ судьбою.

Горячо поблагодарила полковника Марья Яковлевна и ушла отъ него, полная надеждъ.

Прежде всего полковникъ пришелъ къ заключенію, что не было доказано, дѣйствительно ли найденное тѣло принадлежало Смирнову. Первымъ призналъ въ немъ купца его же пріятель исправникъ.

— Только зачѣмъ онъ поѣхалъ на вскрытіе. Въ этомъ что-то да кроется—надо выяснить! рѣшилъ полковникъ и позвалъ вахмистра Грязнова.

Для не такъ давно пріѣхавшаго въ Сибирь офицера онъ былъ

неоцѣненнымъ кладомъ, такъ какъ, будучи мѣстнымъ уроженцемъ, зналъ въ городѣ, что называется, все и вся.

Спрошенный по поводу убійства Смирнова, вахмистръ, загадочно покачавъ головою, сказалъ:

— Темное это дѣло, ваше высокоблагородіе!

— Ну, а какъ думаешь, купца ли это было тѣло?

— Не видалъ я покойника, въ поѣздкѣ былъ, поспѣлъ только къ похоронамъ, а гробъ-то ужъ былъ заколоченъ. Вотъ унтеръ-офицеръ Сидоровъ — онъ хорошо зналъ купца, сказывалъ, что ни по чемъ нельзя было признать. Только вотъ часы. Г. исправникъ сказали—купецъ, ну и всѣ купецъ, да купецъ. Можетъ быть и такъ! прибавилъ вахмистръ съ едва замѣтной улыбкой. А этотъ Баргузиновъ, къ примѣру сказать, смирнѣющій человѣкъ былъ—не способенъ онъ на такое дѣло!

Наступило долгое молчаніе. И вахмистръ дѣлалъ какой-то туманный намекъ, и Марья Яковлевна говорила, что не довѣряетъ исправнику.

— Зачѣмъ онъ поскакалъ на вскрытіе! тихо, какъ бы про себя проговорилъ полковникъ... не его это дѣло.

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе! громко и какъ бы обрадовавшись, сказалъ Грязновъ.

— Что „точно такъ"?—спросилъ полковникъ, не понявшій сразу, въ чемъ дѣло.

— Я докладываю, что точно незачѣмъ было ѣхать, вотъ и Сидоровъ тогда удивлялся.

Отвѣтъ вахмистра какъ разъ согласовался съ сомнѣніями его начальника.

Совѣщаніе длилось долго, позвали и Сидорова.

На немъ рѣшено было произвести тщательные поиски прежде всего въ городѣ и постараться выяснить казавшееся нѣсколько таинственнымъ поведеніе купца передъ отъѣздомъ. Если онъ что задумывалъ, у него должны были быть помощники. Ихъ-то и нужно было найти. Полковникъ все болѣе приходилъ къ заключенію, что если купецъ и убитъ, то не Баргузиновымъ. И желаніе выручить невинно пострадавшаго человѣка заставляло его поработать. Большія надежды полковникъ возлагалъ на вахмистра.

И, дѣйствительно, чрезъ нѣсколько дней Грязновъ доложилъ, что ему удалось открыть одно многообѣщавшее обстоятельство. Зашелъ онъ въ гости къ одному изъ служащихъ въ домѣ покойнаго Смирнова. Сидя за закуской, Грязновъ повелъ разговоръ объ убійствѣ, которое все еще не переставало интересовать всѣхъ. Словоохотливый собесѣдникъ, отвѣчая на ловко задаваемые вопросы, говорилъ, что явной

„полюбовницы“ у купца не было, но что, по словамъ кучера, разъ подъ вечеръ поѣхалъ онъ на конецъ города, остановился около небольшаго домика, вошелъ въ него и пробылъ довольно долго. Провожать его вышла какая-то старуха. Послѣ этого купецъ часто по вечерамъ сталъ уходить изъ дома и возвращаться поздно. И никто изъ домашнихъ не зналъ, гдѣ онъ бываетъ, чего прежде не случалось.

Чрезъ нѣсколько дней Грязновъ выяснилъ: въ домикѣ, куда пріѣзжалъ Смирновъ, временно проживала какая-то красивая молодая женщина, по виду мѣщанка. Пріѣхала она въ городъ неизвѣстно откуда недѣли за три до отъѣзда купца, а черезъ два дня послѣ него также неизвѣстно куда исчезла. Старуха, хозяйка дома, разсказывала, что купецъ встрѣтился съ нею, какъ съ старою знакомою, поцѣловался. Послѣ женщина часто уходила изъ дома по вечерамъ, возвращалась поздно. За квартиру и столъ платила щедро, ѣла разныя сласти и пила дорогое вино.

Сдѣланное открытіе очень обрадовало полковника — выяснялась таинственность, скрывавшая за собою, можетъ быть, что-либо важное. Если женщина поѣхала въ ту же сторону, что и купецъ, то между ними это было условлено. Двухъ искать было уже легче. Свой докладъ Грязновъ закончилъ:

— Очень можетъ быть, ваше высокоблагородіе, что здѣсь-то и неладно что-то. Если, къ слову сказать, купецъ убитъ, то бабенка это все и оборудовала съ кѣмъ-нибудь. Надо поискать у „семейскихъ“ (раскольниковъ), можетъ, слѣдъ и найдется!

IX.

Прежде, чѣмъ посылать вахмистра на поиски, полковникъ рѣшилъ сдѣлать попытку добиться чего-нибудь отъ исправника, въ прикосновенности котораго къ дѣлу былъ почти увѣренъ. При этомъ онъ хотѣлъ прибѣгнуть даже къ хитрости и припугнуть друга покойнаго Смирнова, хотя и понималъ весь рискъ—неудача могла сильно повредить задуманному и принести большія непріятности самому полковнику. Тѣмъ не менѣе онъ отправился къ исправнику и попросилъ удѣлить ему полчаса, чтобы поговорить безъ свидѣтелей. Когда они заперлись въ кабинетѣ, онъ сказалъ:

— Будьте любезны, Николай Никифоровичъ, разскажите мнѣ всѣ подробности, все, что вамъ только извѣстно объ убійствѣ вашего

бывшаго пріятеля. Въ дѣлѣ, вѣдь, этомъ вы принимали такое участіе. Предупреждаю, что не праздное любопытство заставляетъ меня васъ безпокоить.

— Все, что зналъ по этому дѣлу, я сказалъ уже въ свое время и кому слѣдовало. Новаго же съ тѣхъ поръ ничего не узналъ. Впрочемъ, Иванъ Антоновичъ, если что нужно, я, пожалуй, могу и еще разъ повторить.

— Николай Никифоровичъ, выслушайте меня внимательно. Я понимаю, что если бы повелъ слѣдствіе обычнымъ путемъ, ничего бы не добился, хотя бы, допустимъ, вы многое и знали и даже, повторяю—допустимъ, сами принимали какое-либо участіе, разъ разоблаченіе воли почему-либо нежелательно. Уликъ, вѣдь, нѣтъ. Но я даю вамъ честное слово, что все сказанное между нами останется въ глубокой тайнѣ. Я пока добиваюсь только выясненія вопроса, дѣйствительно ли найденное тѣло принадлежало Смирнову, есть основаніе въ этомъ сомнѣваться. Подумайте,—человѣкъ томится на каторгѣ. Мало ли было примѣровъ, что, повидимому, неопровержимыя доказательства разбивались въ пухъ при выясненіи подчасъ самаго ничтожнаго обстоятельства. Прошу имѣть въ виду, что пока я говорю съ вами совершенно частнымъ образомъ.

— Все, что вы изволите говорить, меня сильно удивляетъ, г. полковникъ! Впрочемъ, я готовъ на допросъ, сказалъ, поклонившись, сухимъ тономъ исправникъ.

— Я выражусь нѣсколько яснѣе: тайное слѣдствіе мною давно ведется. Оно уже выяснило многое, выяснитъ, можетъ, и еще кое-что, крайне нежелательное для нѣкоторыхъ.

— Смѣю поинтересоваться, что же вы узнали? спросилъ исправникъ съ насмѣшливою улыбкою на губахъ, но и съ какою-то едва уловимою тревогою въ голосѣ.

— Извольте, если хотите, скажу: мы, напримѣръ, узнали, что Смирнова никто не убивалъ, что онъ живъ и здоровъ, что, впрочемъ, вамъ, Николай Никифоровичъ, лучше извѣстно! сказалъ рѣшительнымъ тономъ полковникъ.

— Иванъ Антоновичъ, шутить изволите! проговорилъ исправникъ; голосъ его при этомъ замѣтно дрогнулъ, а по лицу пробѣжало смущеніе, что̀ не ускользнуло отъ его собесѣдника, все время пристально, не спуская глазъ, смотрѣвшаго на него.

На нѣкоторое время водворилось молчаніе; полковникъ продолжалъ смотрѣть на исправника, старавшагося избѣгать его упорнаго взгляда.

— Ну, такъ какъ же? Подумайте сами, сказалъ снова полковникъ: находятъ мертвое тѣло. Эка, подумаешь, диво какое для сто-

ронки такой, какъ Сибирь! И новичекъ не заинтересуется имъ. А то старый исправникъ, бывшій много лѣтъ засѣдателемъ, спустившій съ рукъ, чтобъ „не возиться“, столько этихъ мертвыхъ тѣлъ, вдругъ ни съ того, ни съ сего обращаетъ вниманіе на заурядное донесеніе, скачетъ самолично за сотни верстъ, чтобы удовлетворить праздное любопытство, подобно тому, какъ досужіе зѣваки бѣгутъ смотрѣть на повѣсившагося. Ну-ка, подумайте, что̀бы сказали вы, если бы вамъ пришлось обдумать такой поступокъ, хотя бы на моемъ мѣстѣ? Ошибку изволили сдѣлать, Николай Никифоровичъ, и не малую! Но, повторяю, все останется въ тайнѣ, если мнѣ сами разскажете. Хуже будетъ, если истина выяснится инымъ путемъ.

— Право, меня удивляетъ, что вы говорите, Иванъ Антоновичъ, проговорилъ исправникъ, сильно уже дрогнувшимъ голосомъ.

— До свиданія! сказалъ полковникъ, поднимаясь съ кресла. Подумайте надъ моимъ предложеніемъ и обѣщаніемъ сохранить все въ тайнѣ. Если завтра, часовъ въ пять вечера, вы не потрудитесь зайти ко мнѣ, я буду считать это за отказъ съ вашей стороны, и тогда мнѣ останется лишь донести кой-кому о результатѣ моего слѣдствія. До свиданія, буду ждать.

И полковникъ ушелъ; онъ видѣлъ смущеніе исправника, человѣкъ съ чистою совѣстью не такъ бы велъ себя. Офицеръ отъ восторга потиралъ руки и съ нетерпѣніемъ ожидалъ завтра, зная уже, что исправникъ придетъ. И, дѣйствительно, въ назначенное время онъ пришелъ.

— Очень радъ васъ видѣть, Николай Никифоровичъ! пожимая руку, сказалъ полковникъ.

— Видите, я пришелъ къ вамъ, Иванъ Антоновичъ, только помните, что вы дали мнѣ честное слово.

— Торжественно даю его и еще разъ, но предупреждаю, что сообщеннымъ воспользуюсь для выясненія дѣла. Только будьте покойны, личность ваша не будетъ затронута.

— Вполнѣ вѣрю и поэтому слушайте:

— Какъ-то разъ позвалъ меня къ себѣ Андрей Поликарповичъ и, запершись со мною въ кабинетѣ, сказалъ мнѣ буквально слѣдующее: „Хочешь, говоритъ, заработать пять тысячъ?“—Конечно, говорю, хочу.—„Ну, такъ оборудуй мнѣ вотъ что: такъ недѣльки двѣ спустя послѣ моего отъѣзда, тебѣ донесутъ, что въ такомъ-то мѣстѣ найдено мертвое тѣло. Смотри, не перепутай касательно мѣста-то! Тогда выдумай что̀-нибудь (здѣсь-то и сплошалъ), поѣзжай самъ и въ тѣлѣ признай меня. Оно будетъ объѣдено собаками, которыя сойдутъ за волковъ; понимаешь? Признать-то въ тѣлѣ почесть никого будетъ нельзя, но ты въ немъ меня опознай вотъ по этимъ часамъ, ихъ всѣ, почитай, знаютъ. А какъ они туда попадутъ, не твоя печаль!“

Предложеніе это меня сильно удивило, хотя самодурство купца у меня давно уже вотъ гдѣ сидѣло! (исправникъ указалъ на шею). За то всегда былъ щедрый, надо правду сказать!

— На что это тебѣ, спрашиваю, комедь-то такую ломать, еще за тебя въ отвѣтъ попадешь! И не согласился.

Часто ко мнѣ подъѣзжалъ онъ съ этимъ предложеніемъ и соблазнялъ, и стращалъ. Сознаюсь, пять тысячъ не давали мнѣ покоя. Думалъ, возьму и брошу эту службу, пока цѣлъ; поѣду въ свою хохландію милую—тридцать лѣтъ ее не видалъ, стосковался по ней. Знаете это: „на тихи воды, на ясны зори, у міръ хрещеный, у край веселый". Куплю себѣ тамъ хуторокъ, да и умру спокойно. Тридцать лѣтъ ловлю здѣсь каторжниковъ, подбираю тѣла, угождаю начальству да толстосумымъ самодурамъ. За службу свою скопилъ кое-что, а пять тысячъ хорошая была бы прибавка.

— Хорошо, говорю купцу, согласенъ! Купецъ это честь-честью деньги на столъ, ударили по рукамъ.—„Вѣрно, говоритъ, не обманешь, исполнишь?"

— Ладно, говорю, сдѣлаю! Только объясни мнѣ, пожалуйста, на кой лядъ тебѣ это?—„Такъ, говоритъ, шутку загнуть хочу, взбудоражить всѣхъ, а тамъ поживу годковъ нѣсколько на свободѣ вольною птицею, да и бухъ! какъ снѣгъ на голову! Здравствуйте, молъ, господа честные! Вы думали, Андрей-то Поликарповичъ упокойничекъ, а вотъ и нѣтъ! Накось, выкуси! А отчетъ подавай, что безъ меня дѣлали, какъ оборудовали! Вотъ что!"

Догадывался я смутно, зачѣмъ ему это, да шутъ съ нимъ! думалъ—какое мнѣ дѣло! Если до моего отъѣзда отсюда и объяснится, все же въ отвѣтѣ не буду: ну, ошибся! и весь сказъ. Одинъ Богъ не ошибается. А свидѣтелей-то нѣтъ никакихъ. Вотъ и все, Иванъ Антоновичъ! Вамъ удалось какъ-то узнать о моей прикосновенности—удивляюсь вашей проницательности. Радъ буду, если неповинный человѣкъ освободится, а я въ сторонѣ—и волки сыты, и овцы цѣлы.

— Благодарю за откровенность! сказалъ полковникъ. Жалѣть вамъ о ней не придется. Вѣрно, вашу вину не докажешь, хотя бы самъ Смирновъ донесъ на васъ. Но еще одинъ вопросъ: гдѣ теперь обрѣтается этотъ самый „упокойничекъ"?

— Этого ужъ вамъ никакъ не могу сказать! воскликнулъ исправникъ, разводя руками.—„Признай, говорилъ, и больше отъ тебя ничего не требуется". Сознаюсь, я со страхомъ слѣдилъ за ходомъ слѣдствія. Ну да наши слѣдователи, сами знаете: одинъ, какъ составитъ себѣ „мнѣніе", такъ и пошелъ подтасовывать подъ него всѣ обстоятельства, не собьете его. А другой, въ родѣ нашего милѣйшаго Андрея Петровича—лишь бы поскорѣе съ рукъ... А тутъ чего же

лучше: исправникъ призналъ и всѣ подтвердили—не стоитъ и головы ломать, хотя она и не „дворянская", впрочемъ.

— Эхъ! вѣрьте мнѣ, видитъ Богъ не солгу! Не одну ночь напролетъ я промаялся—совѣсть мучила! Жаль мнѣ было бѣднягу Баргузинова—хорошій онъ человѣкъ! А Марья Яковлевна, сколько горя она ужъ на своемъ вѣку испытала! Душа болитъ, да что подѣлаешь! Вы думаете, на самомъ дѣлѣ я другомъ былъ купца-то этого! Да развѣ его можно было любить! Вы про меня думаете — звѣрь-человѣкъ. А у этого звѣря есть любящее сердце. Сами знаете, сколько дѣтей-то у меня. Больно было бы оставить ихъ, не обезпечивъ. А какъ, если бы вы знали, хочется бросить скорѣе эту проклятую службу, этотъ скользкій путь, по которому опасно идти. Мало вы еще знаете нашу жизнь. Я поддался не сразу, боролся съ собой, а если и согласился, то, главное, вотъ почему: Смирновъ всесиленъ здѣсь со своими деньгами. Вы думаете, онъ успокоился бы! Какъ бы не такъ! Не удалось бы это, придумалъ другое, а я бы слетѣлъ съ мѣста. У насъ это дѣло обычное. И полетѣлъ бы ужъ за то, что не взялъ! И дуракомъ бы еще обозвали. Грустно все это! Помилуйте, столько лѣтъ вести эту жизнь, лавируя между собственной совѣстью, закономъ, который тебя не помилуетъ, если сорвешься, и освященными вѣками сибирскими порядками! Простите, что все это говорю. Я вижу, вы себя не жалѣете ради другихъ. И васъ подвести кто-нибудь можетъ, смотрите! Я знаю, вы не взяли у Сухова десять тысячъ—онъ, не понявъ такого высокаго поступка, васъ же, простите, чудакомъ называетъ. Вы человѣкъ съ иными понятіями. Мнѣ было бы больно, если бы вы оцѣнили мой поступокъ такъ, какъ онъ долженъ былъ бы казаться всякому, не посвященному въ нашу жизнь.

Все, что говорилъ исправникъ, звучало такъ искренно, такою правдою, что растроганный полковникъ съ чувствомъ только могъ пожать ему руку.

— Я радъ, — весело сказалъ онъ — что моя маленькая хитрость удалась, вѣдь все это я выдумалъ, чтобы только склонить васъ къ признанію. До свиданія, сказалъ онъ, когда исправникъ уходилъ, все окончится теперь хорошо—купца найдемъ, Баргузинова вернемъ, а вы поѣзжайте себѣ съ миромъ въ свою хохландію.

И еще разъ пожавъ крѣпко, по-пріятельски, другъ другу руку, они разстались.

X.

Собственно говоря, признаніе исправника подтвердило только догадки полковника и вселило бо́льшую увѣренность въ успѣхѣ, да возбудило энергію къ дальнѣйшимъ поискамъ. Приходилось дѣйствовать по заранѣе составленному плану, т. е., посылать Грязнова. Но Смирновъ былъ живъ—это главное. Правда, Сибирь велика, но и такой корабль, какъ богатѣйшій купецъ, не могъ мелко плавать. Не такова была у него натура, чтобы стушеваться совсѣмъ и мирно зажить гдѣ-нибудь въ глуши.

Полковникъ поручилъ Грязнову повидаться, не возбуждая подозрѣній, съ Марьею Яковлевною, успокоить ее и взять нужныя для поисковъ деньги. Съ своей стороны онъ снабдилъ вахмистра свидѣтельствомъ, удостовѣрявшимъ его личность, посланную яко-бы для поимки важнаго преступника, и просьбою къ властямъ о содѣйствіи.

Еще при Петрѣ В. въ Сибири начали поселять раскольниковъ. Жили они по большей части отдѣльными селеніями, въ глухихъ мѣстахъ, къ которымъ вели чрезвычайно трудныя дороги. Раскольники занимались разными промыслами и еще кое-чѣмъ. Изстари сибирскіе повелители сами научили ихъ искусству жить въ дружбѣ съ властями, обдѣлывая темныя дѣлишки и оставаясь безнаказанными.

Грязновъ, проведшій многіе годы на службѣ, гдѣ сосредоточивались всѣ, такъ сказать, самыя сокровенныя тайны, зналъ очень многое. Онъ, напр., зналъ, что въ Сибири каждому можно было уйти отъ какихъ угодно поисковъ, если только „семейскіе“ [1]) соглашались взять на свое попеченіе. Они составляли замкнутое общество, слѣпо повинующееся своимъ коноводамъ. У нихъ во всѣхъ городахъ были свои люди, жившіе въ ладу съ властями и во́-время ихъ въ случаѣ чего предупреждавшіе.

Зная все это, Грязновъ составилъ планъ дѣйствія. Онъ пустился въ путь, переодѣвшись купцомъ средней руки, и рѣшилъ прибѣгнуть къ своимъ свидѣтельствамъ, когда доведетъ дѣло до конца, а до того старательно избѣгать мѣстныхъ царьковъ — земскихъ засѣдателей. Если какой изъ нихъ былъ причастенъ къ дѣлу пропавшаго купца, что́ было вполнѣ вѣроятно, то, узнавъ о цѣли посылки жандармскаго вахмистра, могъ бы разрушить весь планъ. Далѣе Грязновъ рѣшилъ

[1]) Въ царствованіе Елисаветы Петровны раскольники ссылались цѣлыми семействами.

обратиться къ раскольникамъ съ просьбою скрыть его отъ яко-бы поисковъ и помочь окольными путями выбраться въ безопасныя мѣста. Нравы раскольниковъ, ихъ даже ученіе ему настолько были извѣстны, что онъ надѣялся внушить къ себѣ довѣріе и выпытать отъ нихъ, что ему было нужно.

Дѣло шло къ веснѣ, что облегчало задачу во многомъ.

Свои поиски Грязновъ началъ съ Большаго села, лежавшаго недалеко отъ мѣста убійства. Въ немъ онъ прожилъ нѣсколько дней, узналъ, какимъ способомъ можно было завязать сношенія съ семейскими. Въ селѣ былъ одинъ крестьянинъ-извозчикъ — онъ-то и состоялъ въ какихъ-то таинственныхъ отношеніяхъ къ раскольникамъ. Позднимъ вечеромъ Грязновъ отправился къ нему и, сунувъ въ руку нѣсколько кредитокъ, сталъ просить отвезти его куда-нибудь, гдѣ бы онъ могъ скрыться отъ поисковъ. Крестьянинъ аккуратно сосчиталъ деньги и, расположенный его щедростью, успокоилъ Грязнова:

— Не сумлевайся, милый человѣкъ, доставимъ тебя куда слѣдуетъ! Не впервой. На другой день, подъ вечеръ, они отправились. Выѣхавъ за паскотину (огорожа кругомъ села), вахмистръ вступилъ въ бесѣду, признался, что совершилъ убійство „въ сердцахъ“ и убѣжалъ изъ острога. Словоохотливый возница пустился разсказывать о семейскихъ.

— Попасть къ нимъ, говорилъ онъ между прочимъ, что утонуть среди Байкала—не найдешь и мѣста, гдѣ пошелъ ко дну человѣкъ!

— Наставь меня, будь благодѣтелемъ! просилъ Грязновъ и для поощренія сунулъ крестьянину еще кредитку, что уже совершенно развязало ему языкъ.

— Я,—говорилъ Грязновъ—какъ убѣжалъ это, и думаю: проберусь-ка я въ ваше село. Мнѣ пріятели сказывали, что оттуда къ семейскимъ ушла одна бабенка, укравшая большія деньги, молодая, красавица. Начальству стало извѣстно, что доѣхала до села, а послѣ то-есть, какъ въ воду.

— Бабенка, говоришь? Да это мимо рукъ-то моихъ не должно было пройти. Съ семейскими-то я одинъ въ пріятельствѣ и состою. Да и то, много вашего брата бѣглаго шляется—всѣхъ не упомнишь!

Изъ дальнѣйшихъ разсказовъ Грязновъ заключилъ, что бабенка, ушедшая къ раскольникамъ и скрывшаяся изъ города, — одно лицо. На вопросъ, куда онъ его везетъ, крестьянинъ отвѣтилъ:

— Да туда, куда и всѣхъ—путь-то одинъ!

Наводилъ Грязновъ разговоръ про убійство купца, но безрезультатно. Крестьянинъ, конечно, зналъ это дѣло, такъ какъ и трупъ вскрывали въ ихъ селѣ, но, видимо, закулисная сторона ему не была извѣстна. Грязновъ и такъ былъ доволенъ, что сразу же попалъ на

настоящую дорогу. Если началомъ его не слѣдовалъ купецъ, то навѣрно попалъ на него послѣ. Начало было хорошее. Не будемъ слѣдить за дальнѣйшими похожденіями вахмистра. Крестьянинъ оказался правъ — „путь былъ одинъ“. Въ каждомъ селѣ Грязнова привозили въ тотъ даже домъ, куда попадали и другіе, заметывавшіе свои слѣды. Это были, такъ сказать, этапы „воровскаго пути“. Чѣмъ дальше по нимъ слѣдовалъ Грязновъ, тѣмъ бо́льшую встрѣчалъ откровенность — его считали уже своимъ. Скоро окончательно выяснилось, что здѣсь проѣзжалъ купецъ, что послѣ догнала его и „бабенка“, а далѣе они слѣдовали вмѣстѣ, но медленно, подолгу задерживаясь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Глушь всюду была страшная. Раскольники съ гордостью говорили, что къ нимъ даже самъ засѣдатель никогда не показывался. Многіе не имѣли никакого представленія о властяхъ предержащихъ. Въ своемъ родѣ сторонка эта могла назваться „Эльдорадо“.

Послѣ долгихъ странствованій Грязновъ выбрался, наконецъ, на большую Сибирскую рѣку. Роль семейскихъ оканчивалась — слѣдъ былъ заметенъ окончательно. Оттуда, нанявъ какое-нибудь суденышко, можно было удобно и безопасно слѣдовать дальше, выбраться на океанъ, свернуть въ Китай, куда хочешь. Но Грязнову удалось узнать, что Андрей Поликарповичъ со своею спутницею вовсе и не думалъ покидать предѣловъ отечества. Оба они никакихъ преступленій не совершали, а ломали только, какъ говорилъ исправникъ, „комедь“. Опасаться за себя имъ было нечего.

Прибывъ на конечный пунктъ этапа, Грязновъ не засталъ, конечно, купца, давно уже уѣхавшаго дальше, ему только сказали, куда Смирновъ направилъ свой путь. Названный городокъ съ каждымъ годомъ начиналъ пріобрѣтать въ Сибири все большее значеніе и привлекать къ себѣ піонеровъ разныхъ категорій. Въ немъ шелъ разнузданный до крайнихъ предѣловъ разгулъ, вино лилось широкою рѣкою. Туда-то въ качествѣ туриста и направилъ свои стопы живой мертвецъ Андрей Поликарповичъ Смирновъ.

Грязновъ задумался, что ему дѣлать дальше. Ѣхать за купцомъ было далеко. На этотъ счетъ все было заранѣ условлено. Самъ Грязновъ остался ждать, пока не получилъ приказанія возвращаться домой.

XI.

Между тѣмъ полковникъ, такъ близко принявшій къ сердцу печальную судьбу Баргузинова, въ силу чьихъ-то стараній, былъ переведенъ въ одну изъ самыхъ глухихъ губерній. Явствовало, что „его убрали". Сбылось пророчество исправника. Скрѣпя сердце, полковникъ хотѣлъ уже было уѣзжать на мѣсто назначенія, но вотъ получена была отъ вахмистра телеграмма съ извѣстіемъ, что купецъ находится въ такомъ-то городѣ. Это сильно обрадовало полковника и заставило на время задержаться. Полетѣли телеграммы съ просьбами задержать и выяснить личность.

Дальнѣйшее соблюденіе тайны уже было не нужно. Прокуроръ въ свою очередь снесся съ кѣмъ слѣдовало. Довольно скоро полученъ былъ отвѣтъ, что въ городѣ дѣйствительно проживаетъ Андрей Поликарповичъ Смирновъ, и не думавшій скрывать своего имени, и что онъ отозвался полнымъ недоумѣніемъ на сообщеніе, что его считаютъ убитымъ.

Не прошло много времени, какъ оттуда же пришло подробное оффиціальное сообщеніе обо всемъ и о томъ, что Смирновъ до полнаго выясненія задержанъ. Баргузиновъ, какъ невинно осужденный, подлежалъ освобожденію. Объ этомъ не замедлило послѣдовать распоряженіе, благодаря энергичнымъ стараніямъ полковника.

Марья Яковлевна являлась теперь женою двухъ живыхъ мужей. Но это ее не особенно смущало. Отъ прежней безпомощности и покорности не осталось и слѣда. Она ужъ больше не поддастся тираніи и будетъ гдѣ-либо жить съ Баргузиновымъ такъ, если ея хлопоты о разводѣ со Смирновымъ не будутъ имѣть успѣха.

Но разоблаченіе дѣла принесло пользу и полковнику. Въ отвѣтъ на его подробное донесеніе о своихъ дѣйствіяхъ ему было предложено новое мѣсто въ одной изъ лучшихъ губерній Европейской Россіи, которое его вполнѣ удовлетворило. Начальство увидѣло въ его стараніяхъ не духъ неуживчивости, какъ его аттестовали въ тайныхъ доносахъ, а лишь ревностное исполненіе своихъ обязанностей. Прежде чѣмъ уѣхать, полковникъ постарался устроить дальнѣйшую судьбу Баргузиновыхъ, положеніе которыхъ было очень неопредѣленное, особенно безъ денегъ, такъ какъ состояніе купца, когда выяснилось, что онъ живъ, было описано. Полковникъ отправился къ Сухову, котораго выручилъ когда-то изъ большой бѣды.

— Помните, Илья Сазоновичъ, сказалъ онъ ему, когда мнѣ удалось помочь вамъ, вы предлагали мнѣ въ видѣ благодарности что-то много денегъ.

— По гробъ буду помнить, готовъ хоть сейчасъ!

— Лично мнѣ и теперь ничего не нужно, но если исполните мою просьбу, буду вамъ благодаренъ.

— Съ нашимъ полнымъ удовольствіемъ, приказывайте!—сказалъ Суховъ.

— У васъ въ разныхъ мѣстахъ по торговымъ дѣламъ, какъ я знаю, живутъ приказчики. Примите къ себѣ на службу Баргузинова и устройте его гдѣ-нибудь подальше отсюда. Такого честнаго служащаго пріобрѣсти—кладъ. Если сдѣлаете, будемъ квиты—услуга за услугу. И еще: дайте имъ хотя не много денегъ впередъ на переѣздъ.

— Охотно все сдѣлаю. Придется шибко ссориться съ Андреемъ этимъ Поликарповичемъ, когда онъ, возставъ изъ гроба, пожалуетъ сюда. Ну да шутъ съ нимъ! Не любилъ я его никогда. Баргузинова, самое лучшее, я помѣщу въ Москвѣ, у зятя; это все равно—у насъ общее дѣло. Жалованіе ему положу хорошее. Тамъ, на Москвѣ, его прежній хозяинъ не достанетъ, да и знать-то не будетъ, гдѣ онъ. Пусть Марья Яковлевна ѣдетъ отсюда скорѣе въ Москву, пока ея первый благовѣрный не объявился. И Баргузиновъ туда, но, чтобы значитъ не вмѣстѣ. И денегъ дамъ, только, Иванъ Андреевичъ, передайте сами.

И, вынувъ изъ стола тысячу рублей, Суховъ передалъ ее полковнику.

Иванъ Антоновичъ крѣпко его поблагодарилъ и ушелъ отъ него сообщить поскорѣе обо всемъ Марьѣ Яковлевнѣ.

Молодые люди скоро навсегда покинули Сибирь, гдѣ перенесли столько страданій. Покинулъ ее и полковникъ, на долго оставивъ по себѣ въ городѣ и дурную и хорошую память.

Ев. А.

Нищенство державинскихъ крестьянъ.

(По подлинному дѣлу).

Вскорѣ послѣ смерти Гавріила Романовича Державина, жена его, Дарья Алексѣевна, живя въ своей усадьбѣ Званка, что на р. Волховѣ, была встревожена жалобой по поводу нерадѣнія ея о своихъ крестьянахъ. Ее обвиняли въ томъ, что она своею безпечностью довела крестьянъ деревни Антушева до крайней бѣдности, что поэтому они нищенствуютъ и собираютъ милостыню по окрестнымъ населеннымъ мѣстамъ. Дѣло это возбудилъ нѣкто фонъ-Фрикенъ, служившій баталіоннымъ командиромъ въ гренадерскомъ поселенномъ полку. Желая выдѣлиться точностью и бдительностью по службѣ, онъ оффиціально донесъ графу Аракчееву, что близъ округа, въ которомъ „имѣетъ высокую честь нести долгъ военной службы“, расположена деревня Антушева, принадлежащая покойному Державину.

Крестьяне ея обрѣтаются въ страшной бѣдностѣ и „получаютъ все пропитаніе прошеніемъ милостыни въ округѣ военнаго поселенія у солдатъ“. Фонъ-Фрикенъ заключаетъ, что такихъ крестьянъ ходятъ по округу десятки, цѣлыя семьи съ женами и дочерьми, при чемъ „отъ хожденія происходитъ большой безпорядокъ, особливо вредны женщины, заносятся въ поселеніе дурныя болѣзни“. Графъ послалъ бумагу управляющему министерствомъ полиціи. Дошло дѣло до тогдашняго новгородскаго губернатора Муравьева, который обязывался „неукоснительно и по законамъ“ прекратить прошеніе милостыни антушевскими крестьянами и понудить помѣщицу, чтобы она доставила имъ пропитаніе.

Мѣры были приняты самыя энергическія, и съ тѣхъ поръ крестьяне-нищіе перестали появляться въ округѣ съ торбами. Казалось бы, для чего идти дальше. Но губернаторъ, въ угоду графу, сталъ отыскивать корень зла, почему антушевцы впали въ бѣдноту и зачѣмъ собираютъ по міру хлѣбъ. Онъ поставилъ на ноги земскаго исправника, уѣзднаго стряпчаго и приказалъ имъ „наиподробнѣйше обслѣдовать это дѣло, отнесясь къ нищимъ со „всевозможной снисходительностью". Чрезъ этихъ чиновниковъ открылось, что въ Антушевѣ дѣйствительно господствуетъ голодъ; сами же крестьяне объяснили, что у нихъ мало пахотной земли, госпожа обременяетъ ихъ своими работами; они „многократно" будто бы просили ее объ облегченіи, но она не внимала ихъ „слезнымъ воплямъ", отказывала и нерѣдко, чрезъ управителя деревни, награждала ихъ побоями. Этого мало. Губернаторъ отправилъ дознаніе въ губернское правленіе и, какъ вершитель дѣлъ, производившихся въ правленіи, заключилъ сдѣлать предложеніе уѣздному предводителю, чтобы послѣдній совмѣстно съ ближайшими помѣщиками учинилъ дополнительное дознаніе и по пути внушилъ бы помѣщицѣ обязанности пещись о благосостояніи своихъ крестьянъ. Дѣйствительно, предводитель и помѣщики обнаружили новыя обстоятельства. Державина перевела нищенствующихъ крестьянъ изъ Витебской губерніи и не дала имъ для хозяйскаго обзаведенія никакихъ льготъ, между тѣмъ требовала отъ нихъ тяжелыхъ работъ и непосильнаго оброка. Но другая сторона медали гласила иное: крестьяне сами были лѣнивы и отличались нерадѣніемъ къ земледѣлію. Такимъ дополнительнымъ дознаніемъ г. Муравьевъ остался недоволенъ и вновь прибѣгнулъ къ содѣйствію чиновниковъ. Въ результатѣ ему сообщило губернское правленіе, что оно посылало въ Антушеву цѣлую коммиссію, которая точно и всесторонне обслѣдовала положеніе тамошнихъ крестьянъ. Со дня поселенія крестьянъ въ Новгородской губерніи они пользовались такимъ невниманіемъ помѣщицы, что быстро впадали въ нищету. Державина не видѣла, или, вѣрнѣе, не хотѣла видѣть этой нищеты и требовала отъ нихъ сборовъ въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ уплачивали крестьяне болѣе состоятельные. Кромѣ „необыкновенно великой бѣдноты", невниманіе и нерадѣніе помѣщицы подтверждается еще и тѣмъ, что въ ея деревняхъ проживаетъ 200 душъ, но въ запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ у нея нѣтъ для своихъ крестьянъ „ни единаго зерна хлѣба". Д. А. Державина даже не устрашилась своей безпечности и тогда, когда узнала, что антушевскихъ крестьянъ взяли подъ покровительство правительственныя власти, раздали имъ хлѣбъ, принадлежащій собственно помѣщицѣ, безъ ея согласія. По этимъ свѣдѣніямъ губернаторъ предложилъ дворянской опекѣ принять въ свое завѣдываніе деревню Антушеву и выбрать

„благонадежнѣйшихъ сосѣдственныхъ двухъ помѣщиковъ", которые обратили бы крестьянъ въ „достаточное состояніе".

Не потребовавъ никакого отзыва отъ владѣлицы Антушева, Муравьевъ всѣ собранныя свѣдѣнія отослалъ къ высшему начальству. Дѣло поступило въ Правительствующій Сенатъ. Тогда сама Д. А. Державина написала министру полиціи объясненіе, опровергающее всѣ доводы мѣстной администраціи. По словамъ помѣщицы, недостатокъ въ хлѣбѣ у крестьянъ, переведенныхъ изъ Бѣлоруссіи, является отъ лѣности хлѣбопашцевъ и нерадѣнія ихъ къ сельскимъ работамъ, а также отъ привычки къ „бродяжеству для снисканія пропитанія". Доказательствомъ тому можетъ служить то, что крестьяне другихъ деревень изъ державинской вотчины живутъ на одинаковой по качествамъ землѣ, но какъ занимаются усердно хлѣбопашествомъ, никогда просить милостыни не ходили. Крестьяне надѣлены землею по 12 дес. на каждое тягло; если таковаго количества имъ мало, то помѣщицей не возбраняется расчистка лѣса подъ пашню, но крестьяне по своей лѣности этого не дѣлаютъ и должны „винить себя сами". На переѣздъ въ вотчину крестьяне ничего не затратили, а всѣ средства были предоставлены имъ еще покойнымъ Г. Р. Державинымъ. Барщиной они ничуть не отягощаются, если взять во вниманіе то, что работать на барскихъ поляхъ положено имъ лишь три дня въ недѣлю. Когда же крестьяне возятъ дрова и рубятъ лѣсъ, то вся провизія отпускается отъ помѣщицы, а самый трудъ распредѣляется соразмѣрно съ тяглами и поэтому непосильнымъ для нихъ никакъ не можетъ быть. Для себя же крестьяне могутъ рубить дрова, когда хотятъ и сколько угодно, такъ какъ лѣсомъ они надѣлены въ большой площади. Хлѣбная помощь отъ помѣщицы дѣлается всякій разъ, когда „нужда того требуетъ безоборотно". Въ прошломъ году собранный хлѣбъ хранился тщательно и предназначался для раздачи крестьянамъ нынѣ, но крестьяне не сѣялись и зерна не брали; хлѣбъ этотъ свидѣтельствовалъ предводитель, который не откажется удостовѣрить наличность зерна въ магазинахъ. Державина не только не заботится о нуждѣ въ хлѣбѣ, напротивъ, она опасалась за недостатокъ собраннаго и купила на сторонѣ еще хлѣба, заплативъ за него болѣе 1000 р. Покупка осталась также на-лицо и хранится въ сельцѣ Званкѣ. Лошадей у крестьянъ было 33, но изъ нихъ продано 8. Остальныя лошади и двухъ дней въ недѣлю не бываютъ на господской работѣ, сѣна для нихъ достаточное количество, но онѣ изнурены, такъ какъ ходятъ на посторонніе заработки. Коровъ 38 штукъ, сѣна для нихъ также хватаетъ. Такимъ образомъ на каждое тягло приходится по одной коровѣ и лошади съ удовлетворительнымъ кормомъ. Ни одна просьба крестьянъ не была оставляема помѣщицей безъ вниманія, и

крестьяне никогда не наказывались по распоряженію госпожи. Гражданское начальство и земская полиція во все время не замѣчали стѣсненнаго положенія крестьянъ, и никто изъ послѣднихъ этимъ властямъ не заявлялъ о бѣдственности. Словомъ, Державина утверждала, что „слѣдователи“ извратили дѣйствительное состояніе антушевскихъ крестьянъ и что опека надъ деревней учреждена противъ закона, учреждена „къ явному угнетенію и оскорбленію“ помѣщицы.

Сенатъ „разсудилъ“, что губернаторъ только тогда былъ бы вправѣ отобрать деревню отъ Державиной, когда новгородское дворянство признало бы настоящее управленіе д. Антушевой отяготительнымъ для крестьянъ, но разъ въ собраніи дворянъ вопроса объ этомъ не возбуждалось, то губернаторъ поступилъ незаконно и даже превысилъ власть, предоставленную не ему, а общему дворянскому собранію. Поэтому Сенатъ рѣшилъ: опеку снять и дѣло передать на разсмотрѣніе дворянства.

Д. А. Державина, узнавъ, что дѣло объ антушевскихъ крестьянахъ передано на разсмотрѣніе мѣстнаго дворянства, обратилась письменно за покровительствомъ къ тогдашнему губернскому предводителю А. П. Путятину. Она писала: „Извѣстившись о вашей справедливости, я не стану отягчать васъ особыми просьбами моими. Званіе ваше предводителя, избравшаго васъ для поддержанія правъ своихъ, удостовѣряетъ меня, что вы не откажетесь быть моимъ защитникомъ, ибо вдовы и сироты—первыя имѣютъ право на вашу защиту. Я несправедливымъ и незаконнымъ образомъ обижена. Новгородское губернское начальство самопроизвольно отдало имѣніе мое въ опеку. Я приносила жалобы Правительствующему Сенату. Сенатъ принялъ оправданія, увидѣлъ незаконный поступокъ нашего начальства и приказалъ снять учрежденную надъ моимъ имѣніемъ опеку, но, желая соблюсти порядокъ, закономъ установленный, опредѣлилъ отдать дѣло мое на распоряженіе дворянства. Въ препровожденныхъ къ вамъ изъ Сената бумагахъ вы увидите всѣ мои оправданія. Прошу васъ внимательно разсмотрѣть оныя бумаги. Я опровергаю приписываемыя мнѣ вины собственными показаніями крестьянъ и слѣдователей; ни одного противозаконнаго поступка они приписать мнѣ не могли; всѣ обвиненія ихъ состоятъ въ словахъ, ни на какихъ доказательствахъ не основанныхъ. Къ большому оправданію моему служитъ и то, что крестьяне сіи, будучи уже подъ управленіемъ опеки, несмотря, что имѣютъ отъ меня готовый хлѣбъ, что всѣ поля ихъ моимъ хлѣбомъ засѣяны, что всѣ недоимки въ казну за нихъ заплачены, нѣсколько разъ утруждали правительство жалобами, которыя признаны несправедливыми; они даже и указа, объявленнаго имъ о снятіи опеки, въ уваженіе не

приняли, и что правительство до сихъ поръ не можетъ привести ихъ въ повиновеніе.

„Я отдаюсь на безпристрастный судъ вашъ и почтеннаго дворянскаго сословія, увѣрена будучи, что вы поддержите право своего сочлена, особенно же вдовы, не знающей никакихъ законныхъ обрядовъ, и тѣмъ оправдаете память покойнаго Гавріила Романовича, который въ теченіе жизни своей служилъ съ отличіемъ государю своему и всѣмъ жертвовалъ для пользы своихъ согражданъ. Увѣрена будучи, что я не тщетно прибѣгла къ вамъ съ сею моею просьбою".

Письмо это было написано въ селѣ Званкѣ, гдѣ нынѣ находится женскій монастырь и епархіальное училище для дѣвушекъ, и помѣчено: „30-го іюля 1818 г.".

Предводитель Путятинъ отвѣтилъ, что дѣло Державиной, въ силу приказанія Сената, онъ передалъ уѣздному предводителю и потому съ обстоятельствами близко незнакомъ, но тѣмъ не менѣе завѣрялъ, что „все будетъ исполнено безпристрастно, какъ требуетъ честь и долгъ въ подобныхъ случаяхъ отъ каждаго сочлена дворянскаго общества".

Чрезъ мѣсяцъ Державина вторично посылала предводителю письмо, вызванное, очевидно, перемѣщеніемъ губернатора Муравьева, который смотрѣлъ на антушевское дѣло не въ пользу помѣщицы. Она писала, что въ Новгородъ пріѣхалъ новый губернаторъ Жеребцовъ, а стараго уже нѣтъ; при чемъ въ концѣ просила: „прибѣгаю съ просьбою къ вамъ, яко къ особѣ, которая облечена довѣренностью дворянства и имѣетъ посреди его первенствующій голосъ". Затѣмъ добавляла: „Муравьевъ не успѣетъ участвовать въ разсмотрѣніи моего дѣла". Кстати при этомъ письмѣ была приложена краткая записка, раздѣленная въ письменномъ отношеніи пополамъ. Первая половина озаглавлена „Доносы", вторая—„Отвѣты". Записка ничего новаго изъ себя не представляла; въ ней были изложены всѣ тѣ обстоятельства, которыя Державина изъясняла Сенату.

Осенью Державина жила въ Петербургѣ. Въ то время былъ тамъ и предводитель Путятинъ. Она просила его лично помочь въ крестьянскомъ дѣлѣ; онъ далъ слово разсмотрѣть дѣло въ точности и принять живое участіе, чтобы оно кончилось благополучно для владѣлицы.

Между тѣмъ дѣло разсматривалось въ уѣздномъ дворянскомъ собраніи 10-го сентября, но предводитель молчалъ сообщеніемъ Державиной о результатѣ.

Не зная о рѣшеніи, Державина въ третій разъ писала Путятину: „Я просила васъ, какъ предводителя дворянства Новгородской губерніи, о покровительствѣ въ дѣлѣ моемъ объ антушевскихъ крестьянахъ, и вы обнадежили меня въ оном. Въ бытность вашу въ Пе-

тербургѣ вы подтвердили обѣщаніе сіе и обѣщали разсмотрѣть сами дѣло, не позволить меня притѣснять несправедливымъ образомъ и, ежели нужно будетъ, подать въ Сенатъ ваше по оному мнѣніе. Я рѣшилась напомнить еще разъ объ ономъ и просить содѣйствія вашего къ успѣшнѣйшему окончанію сего дѣла и о увѣдомленіи меня, чѣмъ оно будетъ кончено въ собраніи дворянства и, ежели можно, о присылкѣ копіи съ положенія онаго. Надѣясь, что вы, по извѣстной справедливости вашей, не откажете мнѣ въ просьбѣ моей" [1]).

Но было уже поздно. Не безъинтересно привести подлинный отвѣтъ на это письмо предводителя: „Вашему высокопревосходительству извѣстно, что я находился въ Петербургѣ. Слѣдственно, не могъ участвовать въ разсмотрѣніи вашего дѣла, которое еще до возвращенія моего въ Новгородъ въ дворянскомъ собраніи разсмотрѣно и послѣдовавшее въ ономъ постановленіе представлено уже къ губернатору, согласно предписанія Сената. Теперь же, за рѣшеніемъ дворянскаго собранія, никакого мнѣнія по сему дѣлу дать я не могу. Съ положенія дворянства имѣю честь представить вамъ копію".

Изъ копіи видно, какъ дворяне разсматривали антушевское дѣло. Они разсуждали, что антушевскіе крестьяне находятся въ безусловной бѣдности и угнетеніи со стороны помѣщицы, скота у нихъ нѣтъ, даже необходимаго хозяйственнаго обзаведенія не имѣется. Поэтому понятно, что крестьяне скитаются по міру. Помѣщица на это положеніе никакого вниманія не обращала. Въ доказательство сего дворяне приводили показанія крестьянъ, исправника, предводителя и совѣтника уголовной палаты. Бѣдность усматривается еще и въ томъ, что у каждой семьи по одной лошади, коровѣ и овцѣ, хлѣба высѣвается одинъ четверикъ на душу, потому что недостаточно скота, чтобы удобрять больше пашни.

Затѣмъ объясненія Державиной дворяне признавали неистинными. Если недостатокъ въ хлѣбѣ относился ею къ лѣнности крестьянъ, то она сама въ этомъ виновата, ибо не заботилась о принужденіи ихъ къ хлѣбопашеству и поэтому довела свою деревню до житья мірскимъ подаяніемъ. По словамъ Державиной, крестьяне, вскорѣ по переселеніи изъ Витебской губерніи, стали ходить на барскія работы. Слѣдовательно, они съ самаго начала лишены были возможности пріобрѣсти все нужное для безбѣдной жизни.

Помѣщица говорила, что работы ея не составляли обремененія для исправныхъ крестьянъ, но дворяне находили, что для такихъ крестьянъ, какъ антушевскіе, работы господскія слишкомъ обременительны, такъ какъ надо было запастись продовольствіемъ для

[1]) 1-го октября 1818 года. С.-Петербургъ.

себя и семействъ посредствомъ попрошайничества въ сосѣднихъ селеніяхъ.

Трудъ на лѣсныхъ работахъ также требуетъ достаточнаго питанія для человѣка, но если нѣтъ хлѣба, а лошадь безъ овса, то никакая работа на умъ не пойдетъ.

Объясненіе Державиной о хлѣбныхъ запасахъ, достаточности скота и пр. также были опровергнуты дворянами частью собственными соображеніями, частью показаніями слѣдственныхъ людей.

Такимъ образомъ Державину обвинили въ нищенствѣ собственныхъ крестьянъ и деревню Антушеву отдали подъ опеку благонадежныхъ помѣщиковъ.

А. Слезскинскій.

Изъ исторіи учебной реформы 60-хъ годовъ. [1]

(Отрывки изъ воспоминаній).

Шестидесятые годы XIX столѣтія были обильны у насъ разнаго рода реформами, проектами и мѣрами для улучшенія народнаго развитія и благосостоянія, хотя не всегда достигавшими намѣченныхъ цѣлей. Большой толчекъ къ многимъ благимъ начинаніямъ дало освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. На ряду съ упорядоченіемъ быта сельскаго населенія, являлась необходимость и въ созидательной работѣ, въ культурномъ прогрессированіи, въ умственномъ и просвѣтительномъ подъемѣ народа.

Первымъ дѣйствіемъ въ этомъ направленіи министерства народнаго просвѣщенія была разсылка, 24-го января 1862 года, директорамъ гимназій [2]) „для подробнаго обсужденія", „Проекта устава общеобразовательныхъ заведеній и плана устройства народныхъ училищъ". Проектомъ этимъ, должно быть, съ цѣлью

---

[1]) Въ рукописномъ отдѣлѣ саратовской ученой архивной комиссіи хранятся записки бывшаго директора Саратовской гимназіи ст. с. М. А. Лакомте. Въ виду возбужденныхъ нынѣ вопросовъ какъ по реформѣ средней школы, такъ и о всеобщемъ обученіи, мы полагаемъ умѣстнымъ, съ благосклоннаго разрѣшенія автора, издать нѣкоторыя не лишенныя интереса и значенія данныя этихъ записокъ, касающіяся переходнаго времени учебно-воспитательной реформы 60-хъ г г., составляющей, какъ извѣстно, послѣ крѣпостнаго права, первые шаги и знаменательную эру въ русскомъ народномъ развитіи и самосознаніи.

[2]) Они же были и директорами народныхъ училищъ въ губерніяхъ.

поднятія народной нравственности, предлагалось между прочимъ „предоставить наблюденіе за преподаваніемъ предметовъ законоучителямъ гимназій", отстраняя какъ бы тѣмъ отъ воспитательныхъ задачъ непосредственное гимназическое начальство: директора и инспектора, не говоря уже о классныхъ воспитателяхъ и преподавателяхъ.

Въ ту пору, говоритъ М. А. Лакомте, „среди учителей было направленіе, свойственное вообще духу времени". Педагогическій совѣтъ Саратовской гимназіи поэтому не согласился на предложенную мѣру „упорядоченія школьнаго образованія",—отвѣтивъ министерству, что „наблюденіе законоучителя за преподаваніемъ прочихъ предметовъ поставитъ учителя въ слишкомъ зависимое положеніе и тѣмъ самымъ лишитъ его самостоятельности, и вообще не только не будетъ споспѣшествовать общему дѣлу, но даже станетъ чѣмъ-то въ родѣ препятствія успѣшности учащихся и энергіи учителя".

Въ своихъ заключеніяхъ по затронутому вопросу совѣтъ пошелъ дальше, находя необходимымъ для пользы дѣла измѣнить и во многомъ существующій учебно-воспитательный строй и административную часть гимназій. По его взглядамъ, директоры среднихъ учебныхъ заведеній должны избираться педагогическимъ совѣтомъ изъ учителей на три года и утверждаться въ должности попечителемъ округа. „При выборѣ—не должно приниматься во вниманіе число лѣтъ службы учителя, а только качества, потребныя для успѣшнаго исполненія обязанностей, возлагаемыхъ на него этой должностью, при чемъ, дабы не отрываться отъ своихъ прямыхъ обязанностей, директоръ долженъ быть освобожденъ отъ классныхъ занятій".

При выборномъ началѣ „аттестація директора не должна имѣть мѣста. Общественное мнѣніе, говорили саратовскіе педагоги, число учащихся и ревизія замѣнятъ ее съ большею пользою" [1]). Совѣтъ хотѣлъ еще присвоить себѣ право избирать и преподавателей.

Относительно выбора книгъ для фундаментальной библіотеки, учебныхъ пособій и учебныхъ руководствъ, саратовскій комитетъ признавалъ болѣе удобнымъ, чтобы это право было предоставлено ему вполнѣ, т. е. безъ стѣсненія его дѣйствій въ этомъ отношеніи реестромъ книгъ, одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Для опредѣленія содержанія, какое было бы необходимо для лицъ, служащихъ въ разныхъ должностяхъ учебнаго вѣдомства, учителя Саратовской гимназіи составили примѣрный бюджетъ расходовъ, на

---

[1]) Этого убѣжденія держались нѣкоторые педагоги и ранѣе, лѣтъ 50 назадъ. По крайней мѣрѣ, публичное испытаніе учениковъ Астраханской гимназіи, по желанію министерства, производилось 21-го іюня 1812 г. посторонними лицами. Этою мѣрою разсчитывали пріохотить родителей отдавать дѣтей въ гимназію. („Востокъ", 1867 г., № 45).

основаніи существовавшихъ въ то время цѣнъ, принимая за норму положеніе человѣка женатаго, имѣющаго трехъ дѣтей. Директору проектировалось содержаніе въ 3 тыс. руб,, старшимъ учителямъ—по 2 тыс. руб. [1]), при чемъ совѣтъ выразилъ желаніе имѣть для учителей и вообще лицъ, служащихъ по учебному вѣдомству, нѣсколько сроковъ на пенсію: за 15, 20 и 25 лѣтъ. По мнѣнію совѣта, награды какъ учителямъ, такъ и учащимся, давать не слѣдуетъ. „У послѣднихъ награды напрасно и преждевременно развиваютъ ихъ самолюбіе. Награды учителямъ—не нужны. Трудъ учителей долженъ быть правильно и достаточно вознагражденъ. Высказываясь противъ всякой выставки, торжественности въ жизни учебнаго заведенія, совѣтъ былъ противъ устройства актовъ въ гимназіяхъ“ [2]).

При обсужденіи мѣръ, содѣйствующихъ къ установленію болѣе раціональныхъ взглядовъ на преподаваніе, педагогическій комитетъ, состоящій при попечительномъ совѣтѣ гимназіи, призналъ полезнымъ взаимное посѣщеніе классовъ учителями низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія.

Было высказано много и другихъ пожеланій, къ сожалѣнію, не принятыхъ во вниманіе при разсмотрѣніи вопроса о реформѣ школы. Управляющій министерствомъ, статсъ-секретарь А. В. Головнинъ, призналъ лишь возможнымъ предоставить усмотрѣнію окружнаго начальства разрѣшеніе замѣны въ учебныхъ заведеніяхъ переводныхъ экзаменовъ репетиціями. Но введенное въ Казанскомъ округѣ предписаніемъ попечителя Ф. Ф. Стендера, распоряженіе это вскорѣ было отмѣнено. 26-го апрѣля 1863 года явилось циркулярное предложеніе министра народнаго просвѣщенія: „Обращая вниманіе на разногласіе и неопредѣленность методовъ преподаванія многихъ предметовъ гимназическаго курса, особенно русскаго языка и словесности, исторіи и естественныхъ наукъ“, министръ призналъ полезнымъ предложить преподавателямъ самимъ составить подробныя программы по каждому предмету, указавъ ходъ ученія по классамъ, учебные матеріалы, методы изложенія и употребляемые преподавателями при

[1]) До 1859 г. учителя гимназіи получали за 13 недѣльныхъ уроковъ отъ 385 до 395 р. въ годъ. И только въ этомъ году улучшено ихъ матеріальное положеніе; такъ было опредѣлено: старшему учителю 600 р., младшему 550 р., въ годъ, по какимъ окладамъ и до настоящаго времени исчисляется пенсія за выслугу 20 лѣтъ.

[2]) Намъ извѣстно по документамъ Астраханской гимназіи, что въ 40-хъ годахъ, при директорѣ М. С. Рыбушкинѣ, акты устраивались исключительно для того, чтобы дать отчетъ обществу въ обученіи и воспитаніи дѣтей, ввѣренныхъ гимназіи.

обученіи пріемы и „войти въ соображеніе объ устройствѣ въ г. Казани учительскихъ съѣздовъ, на которыхъ преподаватели могли бы въ живой бесѣдѣ доходить до разъясненія неопредѣленныхъ вопросовъ и взаимнаго соглашенія во взглядахъ на учебныя и воспитательныя начала".

Какія были собраны по этимъ вопросамъ матеріалы, къ сожалѣнію, намъ не извѣстно. Врядъ ли однако въ такой короткій срокъ (менѣе года) могли что-либо высказать на сдѣланный запросъ учебныя заведенія, особенно отдаленныхъ областей Россіи, такъ что, судя по этому, министръ скорѣе всего не захотѣлъ дожидаться на предложенные пункты объясненій провинціальныхъ директоровъ училищъ и самъ единолично рѣшилъ произвести учебную ломку.

Въ 1864 г., по его настоянію, былъ утвержденъ новый уставъ среднихъ учебныхъ заведеній, раздѣлившій гимназіи на классическія и реальныя. Послѣднія не давали правъ на поступленіе въ университетъ. Самому обществу впрочемъ было предоставлено рѣшать выборъ между этими гимназіями. Общество сочувствовало больше послѣднимъ; и многіе города выразили желаніе имѣть ихъ у себя. Но лишеніе права поступленія въ университетъ потомъ какъ бы вынудило эти города измѣнить свое рѣшеніе, и реальныя гимназіи вскорѣ превратились у нихъ въ классическія. Однако за недостаткомъ свободныхъ суммъ, преобразованіе ихъ дѣлалось не вдругъ, и многимъ пришлось ждать нѣсколько лѣтъ очереди.

Одновременно съ этимъ разрѣшеніе крѣпостнаго вопроса неминуемо должно было обратить вниманіе правительства на усиленіе грамотности среди простаго люда. Какъ для средняго, такъ и для низшаго класса, безъ сомнѣнія, нужна была школа, но школа народная, здоровая, чуждая какихъ-либо политическихъ тенденцій. Но какъ создать ее? Кто и какъ будетъ учить въ ней? Цѣль эту и преслѣдовалъ разосланный въ 1862 г. министерствомъ планъ устройства народныхъ училищъ.

Прежде всего необходимо было заведеніе новыхъ народныхъ школъ особаго уклада и строя и приготовленіе народныхъ учителей. Ради этой потребности,—чтобы „создать народнаго учителя, выработать его типъ, или, по крайней мѣрѣ, приблизиться къ этому типу", правительство рѣшилось учредить съ 1865 г., въ видѣ временной мѣры, педагогическіе курсы по два въ каждомъ учебномъ округѣ.

Въ Казанскомъ округѣ такіе курсы были открыты въ Казани и

Саратовѣ. Въ послѣднемъ городѣ завѣдываніе ими было возложено на инспектора гимназіи М. А. Лакомте съ званіемъ инспектора ихъ и преподаваніемъ въ нихъ педагогики, дидактики и русской исторіи. Они дѣлились на два класса: первый—теоретическій и второй—практическій.

Курсъ ученія на нихъ состоялъ изъ нѣсколько распространеннаго курса уѣзднаго училища съ добавленіемъ Закона Божія, педагогики, русскаго языка съ церковно-славянскимъ, русскихъ: исторіи и географіи, ариѳметики и краткаго естествознанія. На курсы поступали и кончившіе уѣздное училище. Но главный контингентъ слушателей состоялъ исключительно изъ неокончившихъ курсъ бѣднѣйшихъ семинаристовъ. Небольшая стипендія—8 руб. въ мѣсяцъ, давала имъ нѣкоторую поддержку къ существованію; стипендіаты занимались усердно, довольно читали, благодаря хорошо составленной при курсахъ библіотекѣ. Труды Ушинскаго, Паульсона и друг. были хорошо знакомы учащимся юношамъ, всѣми силами старавшимся достичь завѣтной цѣли.

Собственно правильнаго устройства курсы эти не имѣли. Оффиціально числились они при уѣздномъ училищѣ, гдѣ и должно бы, кажется, производиться обученіе учениковъ. Но такъ какъ преподавателями ихъ, кромѣ учителей уѣзднаго училища, были и учителя гимназіи, то для слушанія уроковъ ученикамъ приходилось переходить по нѣсколько разъ въ день изъ одного учебнаго заведенія въ другое, постоянно странствовать то въ гимназію, то въ уѣздное, то приходское училища, куда будущіе педагоги собирались для практическихъ занятій, слушали преподаваніе приходскихъ учителей и сами давали уроки, подъ руководствомъ своихъ наставниковъ.

Курсы однако просуществовали всего около шести лѣтъ, но, несмотря на такой короткій срокъ, многіе изъ слушателей ихъ потомъ съ большимъ успѣхомъ занимали мѣста народныхъ учителей въ Саратовѣ и Саратовской губерніи. Впослѣдствіи курсы послужили основаніемъ учительской семинаріи въ г. Самарѣ [1]).

Незадолго до закрытія ихъ саратовскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ было постановлено составить особую коммиссію для устройства учительской семинаріи въ Саратовской губерніи. Собраніе находило, что „лучшее рѣшеніе вопроса о народномъ образованіи въ губерніи главнымъ образомъ зависитъ отъ хорошо приготовленныхъ учителей“. Въ коммиссіи было высказано желаніе, чтобы учителями народныхъ школъ были люди, болѣе близкіе къ простому народу;

[1]) Открыта 17-го октября 1871 г. изъ числа пяти высочайше разрѣшенныхъ 17-го марта 1870 г., и просуществовала до 8-го іюля 1888 г.

разсуждали такъ: люди, вышедшіе изъ самаго народа и получившіе образованіе, станутъ, правда, выше своей прежней среды, но эта среда не будетъ имъ чужда ни по своимъ понятіямъ, ни по своей простой, часто скудной, обстановкѣ". Поэтому коммиссія остановилась первоначально на мысли учредить учительскую семинарію въ какомъ-нибудь селѣ и набрать туда учениковъ изъ крестьянскихъ мальчиковъ, обучающихся въ народныхъ школахъ.

Къ сожалѣнію, осуществленіе этой мысли по многимъ причинамъ оказалось мало удобнымъ на практикѣ. Въ такомъ заведеніи, какъ учительская семинарія, успѣшное веденіе дѣла болѣе, нежели въ какой другой школѣ, зависѣло отъ личности завѣдывающаго этимъ учрежденіемъ; между тѣмъ весьма трудно найти человѣка, который, будучи отличнымъ педагогомъ, согласился бы жить въ деревнѣ, какъ трудно по той же причинѣ найти хорошихъ преподавателей.

Вслѣдствіе этихъ соображеній, коммиссія остановилась на мысли устроить педагогическіе курсы при Маріинскомъ земледѣльческомъ училищѣ, въ 45 верстахъ отъ Саратова, въ Николаевскомъ городкѣ [1]).

Но, увы, ни одному изъ этихъ предположеній не суждено было вскорѣ осуществиться. Лишь нѣсколько лѣтъ спустя въ уѣздномъ г. Вольскѣ, при пособіи отъ земства, была открыта учительская семинарія, единственная на всю обширную Саратовскую губернію.

Какъ можно догадываться, этому обстоятельству помѣшало печальное событіе 1866 года. 4-го апрѣля было совершено первое злодѣйское покушеніе на государя императора Александра Николаевича. Какъ громомъ, поразило всю Россію это возмутительное происшествіе. Всѣ съ томительнымъ нетерпѣніемъ жаждали скорѣе знать, откуда и кто этотъ злодѣй, посягнувшій на драгоцѣнную жизнь царя-освободителя. Русское общество на первый разъ не могло подумать, чтобы этимъ злодѣемъ могъ быть русскій.

Общество готово было видѣть его скорѣе среди поляковъ. Каковъ же былъ ужасъ, когда до Саратова достигъ слухъ, что злодѣй этотъ— саратовецъ. Преступникъ оказался дворяниномъ Аткарскаго уѣзда, роднымъ племянникомъ извѣстнаго тамъ помѣщика Михаила Михайловича Каракозова [2]), измѣнившаго, послѣ того, съ высочайшаго соизволенія, свою фамилію на Михайлова-Рославлева.

---

[1]) Нынѣ на линіи Рязанско-Уральской жел. дороги.

[2]) Какъ можно судить по архивнымъ документамъ и разсказамъ старожиловъ, Каракозовы отличались нѣкоторой эксцентричностью. Одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ преступника, Петръ Владиміровичъ Каракозовъ, помѣщикъ Сердобскаго уѣзда, 45 лѣтъ, въ 1859 г. по опредѣленію саратовскаго губернскаго правленія былъ признанъ слабоумнымъ и помѣщенъ въ смирительный домъ.

Переполохъ въ Саратовѣ произошелъ громадный. Узнавши, что преступникъ учился въ Саратовской гимназіи, на смерть перепуганные событіемъ преподаватели стали искать его фамилію въ старыхъ ученическихъ спискахъ. Къ счастію ихъ, Каракозовъ былъ ученикомъ гимназіи самое короткое время. Дальнѣйшее образованіе онъ закончилъ въ Пензенской гимназіи, живя пансіонеромъ у учителя словесности Владиміра Ивановича Захарова.

Этотъ умный и талантливый преподаватель принужденъ былъ оставить службу, какъ воспитатель, „невольно отвѣчающій за направленіе дерзновеннаго юноши". Пензенское общество, глубоко возмущенное тѣмъ, что въ Пензѣ воспитывался злодѣй, покусившійся на жизнь царя, обратило свое полное негодованіе на педагогическій персоналъ гимназіи, такъ что послѣднему пришлось противъ общественнаго мнѣнія Пензы искать защиты у попечителя Казанскаго учебнаго округа (коему въ то время подчинялись училища Пензенской губерніи).

Слѣдствіемъ этого постыднаго событія было увольненіе отъ должности министра народнаго просвѣщенія Александра Васильевича Головнина, умнаго и просвѣщеннаго государственнаго человѣка, явившагося передъ императоромъ всей Россіи отвѣтственнымъ лицомъ за направленіе юношества. На мѣсто его 14-го апрѣля былъ назначенъ оберъ-прокуроръ Св. Сѵнода, графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой.

Тотчасъ же по назначеніи его, М. Н. Катковъ посвятилъ особую передовую статью въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" личности графа. О немъ говорилось, какъ о человѣкѣ просвѣщенномъ, вполнѣ подготовленномъ къ высочайше назначенному ему посту; говорили, что это—человѣкъ съ замѣчательно твердымъ характеромъ, сильною волею, человѣкъ системы. Однимъ словомъ, радостно привѣтствовалось его назначеніе.

„Мы, разсказывалъ М. А. Лакомте, стали ожидать новаго духа, новаго направленія въ нашемъ министерствѣ. Сдѣлалось извѣстно, что, такъ сказать, распущенность въ словѣ и дѣятельности преподавателей нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній не будетъ болѣе терпима".

Въ началѣ 1866—67 учебнаго года новый министръ отправился для обозрѣнія учебныхъ заведеній Казанскаго округа. Спустившись по Волгѣ, онъ началъ свой обзоръ съ Астрахани. Ожидали его и въ Саратовѣ.

„Я всегда понималъ, говоритъ Лакомте, что большое счастье для учебнаго заведенія, если его посѣщаетъ главный начальникъ, ибо онъ самъ лучше увидитъ нужды заведенія. Конечно, страшно подвергнуться его замѣчаніямъ по службѣ, зато самъ онъ можетъ замѣтить и оцѣнить знаніе, дарованіе и трудъ преподавателя".

Однако не всѣ думали такъ. Многимъ наоборотъ далеко не было пріятно прибытіе министра. Поэтому 7-го августа (1866 г.) директоръ Саратовской гимназіи А. М. Соколовъ донесъ попечителю округа, что, вслѣдствіе появленія въ Саратовѣ холеры, по предложенію начальника губерніи, учебныя занятія закрыты.

Графъ пріѣхалъ въ Саратовъ 23-го августа и остановился на приготовленной ему квартирѣ въ частномъ домѣ. Къ нему немедленно явился съ докладомъ Соколовъ, и они долго бесѣдовали о нуждахъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній. Послѣ того, министръ выразилъ желаніе видѣть всѣхъ преподавателей, намѣреваясь вести съ ними бесѣду. Въ назначенный часъ того же 23-го августа учителя собрались въ лучшей комнатѣ гимназіи, библіотекѣ (актоваго зала въ то время еще не было).

„Графъ не заставилъ себя долго ждать, разсказываетъ Лакомте. Мы увидѣли предъ собой весьма молодаго (ему было 43 года) для поста министра государственнаго дѣятеля. Онъ былъ въ черномъ вицъ-мундирѣ (по званію оберъ-прокурора Сѵнода). Поклонившись намъ, онъ держалъ слѣдующую весьма понятную рѣчь“ [1]):

„По случаю холеры, я не засталъ васъ въ классахъ и потому лишенъ возможности видѣть васъ въ дѣлѣ. Но положеніе гимназіи мнѣ достаточно извѣстно, какъ по свѣдѣніямъ, которыя я имѣю изъ министерства народнаго просвѣщенія, такъ и по произведенной, по моему распоряженію, попечителемъ округа ревизіи гимназіи. Долженъ сожалѣть, что въ прежнее время въ вашемъ составѣ находились личности, которыя не должны были бы выступать на учительское поприще: онѣ принимали на себя эту важную обязанность не для пользы юношества, а ко вреду для него, для распространенія разрушительныхъ идей, послѣдствіемъ коихъ, какъ теперь оказывается на опытѣ, было умственное и нравственное развращеніе нѣкоторыхъ людей, сдѣлавшихся несчастной жертвою этой пропаганды. При мнѣ подобные преподаватели невозможны; я обязанъ предъ Священною Особою Государя Императора и предъ моею собственной совѣстью не допускать, чтобы училище, содержимое на счетъ правительства, обращалось въ притонъ противо-общественныхъ и противо-государственныхъ теорій; я обязанъ предъ родителями сдать имъ юношей благовоспитанныхъ и истинно, а не ложно образованныхъ, наконецъ, я обязанъ предъ самыми этими юношами способствовать тому, чтобы изъ нихъ образовались люди дѣльные и основательные, которые со временемъ поблагодарили бы внутри сердца своего своихъ наставни-

[1]) Напечатанную тогда же въ „Сѣверн. Почтѣ“, 13-го сентября 1866 г., № 196.

ковъ и руководителей, предостерегшихъ ихъ отъ ложныхъ путей. Я буду свято исполнять эту обязанность, пока буду занимать должность, возложенную на меня высокимъ монаршимъ довѣріемъ. Надѣюсь, и даже увѣренъ, что вы всѣ будете мнѣ въ томъ содѣйствовать, иначе и быть не можетъ".

Подъ личностями вреднаго направленія графъ несомнѣнно разумѣлъ извѣстнаго впослѣдствіи „ученаго публициста" Н. Г. Чернышевскаго, который одно время (въ началѣ 50-хъ годовъ) былъ учителемъ словесности въ Саратовской гимназіи. Но занимался ли во время этой службы онъ прямо или косвенно распространеніемъ вредныхъ теорій или по крайней мѣрѣ идей, объ этомъ трудно сказать положительно. Скорѣе всего, Чернышевскій врядъ ли всецѣло могъ быть обвиненъ въ томъ направленіи, которое впослѣдствіи оказалось вреднымъ. Во всякомъ случаѣ настоящіе преподаватели были совершенно невиновны, что Чернышевскій когда-то состоялъ учителемъ въ ихъ гимназіи, и еще менѣе могли быть отвѣтственны за него и за истекшее время. Эту мысль тутъ же, послѣ рѣчи, передъ министромъ выразилъ молодой преподаватель русскаго языка П. П. Бѣляевскій.

— А вы не знаете, сурово замѣтилъ министръ, что значитъ духъ заведенія, который въ немъ живетъ.

Графа, видимо, поразила смѣлость молодаго учителя. И впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, когда Лакомте представлялся ему въ качествѣ директора гимназіи, онъ вспомнилъ объ этомъ случаѣ и спросилъ послѣдняго, служитъ ли въ Саратовской гимназіи тотъ преподаватель, который „возражаетъ министрамъ".

Воспользовавшись пребываніемъ министра въ Саратовѣ, директоръ А. М. Соколовъ выразилъ готовность и возможность ввести въ Саратовской гимназіи греческій языкъ, чѣмъ и расположилъ графа въ свою пользу. Для начала занятій былъ рекомендованъ преподаватель духовной семинаріи Рыбаковъ[1]).

Впослѣдствіи, послѣ утвержденія 19-го іюня 1871 г. новаго устава гимназій, выработаннаго по программѣ графа Д. А. Толстаго, когда въ Саратовской гимназіи ввели и латинскій языкъ,—мѣстное общество было крайне недовольно этой реформой. По крайней мѣрѣ, когда

[1]) Преподаваніе греческаго языка, впрочемъ, было не новостью въ Саратовской гимназіи. До отмѣны преподаванія его въ 1850 г. тамъ былъ учителемъ греческ. яз. извѣстный составитель греко-русскаго словаря, ст. с. И. О. Синайскій. Когда въ 1837 г. императоръ Александръ II, будучи еще наслѣдникомъ, во время посѣщенія Саратова, присутствовалъ на урокѣ греческаго языка у преподавателя Ивашковскаго, ученики переводили ему о походахъ Александра Македонскаго.

въ 1874 г. директоръ М. А. Лакомте сталъ хлопотать о расширеніи гимназическаго зданія и былъ составленъ проектъ на перестройку его въ 21 т. р., земство отказало дать на то какое-либо вспомоществованіе „по совершенному нерасположенію общества къ введенному классицизму“. Также ничего не далъ и городъ, самъ округъ отказалъ въ пособіи. И лишь въ 1880 г. городское управленіе назначило на поправку зданія 25 т. р. „въ память 25-лѣтія царствованія Царя-Освободителя“...

П. Юдинъ.

Духовное училище старыхъ временъ.

Изъ воспоминаній.

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, въ отличный августовскій день отецъ привезъ меня, десятилѣтняго мальчика, въ городъ Слуцкъ для опредѣленія въ уѣздное духовное училище. Остановились мы на постояломъ дворѣ. На другой день утромъ отецъ велѣлъ мнѣ получше одѣться, самъ одѣлъ лучшую свою рясу, съ прицѣпленной къ ней бронзовой медалью, наперсный крестъ на шею, и мы отправились въ училище. Позади насъ кучеръ нашъ несъ довольно тяжеловѣстый кулекъ, наполненный саломъ, ветчиной, колбасами и масломъ. Въ деревнѣ, когда мать собирала меня въ дорогу, я думалъ, что этотъ кулекъ предназначался для меня, а теперь я видѣлъ, что онъ предназначенъ для кого-то другаго. Училище находилось въ предмѣстьѣ, называемомъ „Тройчанами“, недалеко отъ центра города. Это было длинное и ветхое деревянное зданіе, стоявшее особнякомъ на огородѣ. По близости училища находился домъ меньшихъ размѣровъ, куда мы и вошли. Въ столовой насъ встрѣтилъ высокій, плотный и въ засаленномъ пестромъ халатѣ господинъ среднихъ лѣтъ, суровой наружности. Вмѣстѣ съ нимъ мы вошли во вторую большую комнату, при чемъ кулекъ остался въ первой, и человѣкъ нашъ былъ отправленъ. Убранство зала меня ничѣмъ не поразило, и мнѣ казалось, что у насъ дома, въ деревнѣ, обстановка была лучше. У одной изъ стѣнъ, выбѣленныхъ мѣломъ, стоялъ громадный, жесткій диванъ краснаго дерева и передъ нимъ столъ, покрытый запятнанной цвѣтной скатертью, и по сторонамъ стола два кресла, тоже изъ краснаго дерева. У другихъ стѣнъ стояли нѣсколько старыхъ стульевъ незатѣйливой работы и огромный пузатый комодъ изъ лакированнаго

клена. Полъ былъ некрашеный, но чистый. Суровый, съ черными бакенбардами, господинъ въ халатѣ усѣлся на диванѣ, отца пригласилъ сѣсть въ кресло, и мнѣ велѣлъ тоже сѣсть у порога на стулѣ. Разговоръ шелъ о принятіи меня въ училище, и въ то же время хозяинъ, взявъ стоявшую въ углу около дивана трубку съ огромнымъ чубукомъ, набилъ ее табакомъ и сталъ закуривать; когда онъ продѣлывалъ все это, то я замѣтилъ, что правая рука у него была какъ будто ненормальна; она не сгибалась свободно и кожа на пальцахъ какъ-то особенно лоснилась. Разговоръ продолжался съ полчаса; рѣчь шла о моей подготовкѣ, и послѣ того, какъ отецъ мой передалъ господину красную десятирублевую бумажку, господинъ, просіявъ отъ удовольствія, объявилъ, что я буду принятъ во второй классъ. Затѣмъ отецъ простился рукопожатіемъ съ господиномъ, который вышелъ въ столовую насъ проводить. Уходя, я замѣтилъ, что въ столовой принесеннаго нами кулька уже не оказалось.

Мы были теперь у инспектора Слуцкаго уѣзднаго духовнаго училища, титулярнаго совѣтника, Семена Ивановича Цѣлицы, человѣка, который во время пріема не показался мнѣ ничѣмъ особеннымъ, но котораго вскорѣ пришлось узнать, какъ самаго грознаго инспектора, который когда-либо существовалъ.

Отъ инспектора мы отправились на ученическую квартиру, которая находилась недалеко отъ училища и содержалась мѣщанкой Смольской, въ ея собственномъ домѣ. Тутъ на дворѣ мы увидѣли бричку и привязанныхъ къ ней тройку лошадей, которыя жевали сѣно. Отецъ замѣтилъ, что это пріѣхалъ кто-либо изъ учениковъ. Войдя въ комнату, мы увидѣли великовозрастнаго парня, который назвался Бирюковичемъ и объявилъ, что онъ „старшій квартиры“. Это и былъ пріѣхавшій.

Хозяйка, молодая, пригожая женщина, пригласила насъ въ свою комнату, и здѣсь отецъ повелъ съ ней разговоръ о моемъ помѣщеніи на квартиру; сошлись на 40 рубляхъ въ годъ за полное содержаніе, съ добавкой извѣстнаго количества крупы и сала, которыя отецъ обѣщался потомъ доставить. Въ настоящее время можно удивляться дешевизнѣ этой цѣны за полный пансіонъ, но для того времени это была очень хорошая цѣна, потому что тогда фунтъ отличнаго мяса стоилъ всего двѣ копѣйки, и все прочее соотвѣтственно этому было дешево. Хозяйка Смольская, очень радушная, сейчасъ же стала угощать насъ чаемъ и пригласила остаться у ней отобѣдать..

Къ вечеру отецъ, вручивъ Смольской часть условленной суммы, увелъ меня обратно въ гостиницу, и оттуда мы отправились по лавкамъ дѣлать разныя закупки домашняго обихода, которыя нужны были въ деревнѣ, а также и для меня нужно было кое-что купить.

На другой день утромъ, отецъ, окончательно водворивъ меня на новой квартирѣ, далъ на личныя нужды нѣсколько серебряныхъ монетъ, простился и уѣхалъ, оставивъ меня въ самомъ грустномъ настроеніи, среди чуждой мнѣ обстановки.

Съ этого времени началась для меня новая тернистая жизнь бурсака-второклассника, который болѣе всего долженъ былъ думать о томъ, чтобы его кто-либо не обидѣлъ. На первыхъ порахъ такого опасенія не существовало, потому что изъ учениковъ пріѣхали, за исключеніемъ старшаго Бирюковича, одни только новички, т. е. такіе же малыши, какъ и я, и классы еще не начинались и должны были начаться только недѣлю спустя, перваго сентября.

Мало-по-малу, наша квартира наполнилась пріѣхавшими учениками, и къ первому числу образовался ихъ полный комплектъ, около десяти человѣкъ. Въ задней непроходной и, слѣдовательно, болѣе удобной комнатѣ помѣстились старшій квартиры и другіе четвертоклассники, а въ другой, проходной, были поставлены кровати для двухъ третьеклассниковъ и четырехъ новичковъ, въ томъ числѣ и для меня.

Точно также къ этому времени наполнились и другія ученическія квартиры, находившіяся въ разныхъ мѣстахъ той же улицы. Открытію классовъ предшествовалъ молебенъ, на который были собраны всѣ ученики и на которомъ мнѣ пришлось впервые увидѣть начальство училища и весь учительскій персоналъ. Казенныя физіономіи въ вицъ-мундирахъ не показались мнѣ привлекательными, и менѣе всего былъ привлекателенъ инспекторъ Цѣлица, который уже теперь кое на кого прикрикнулъ.

Когда начались уроки, то стало завязываться общее знакомство между собою учениковъ всего училища, начались игры и драки, обычныя среди дѣтей. Но четвертоклассники, особенно изъ великовозрастныхъ, не снисходили до того, чтобы якшаться съ третьеклассниками и особенно съ первоклассниками и новичками. Четвертоклассникъ старался водить знакомство только съ четвертоклассникомъ, на ученика низшаго класса смотрѣлъ свысока и удостоивалъ его развѣ только оплеухи или тумака. Это и понятно, что четвертоклассникъ пренебреталъ ученикомъ низшаго класса, потому что четвертоклассникъ инспекторомъ могъ быть всегда назначенъ старшимъ квартиры или же дежурнымъ, т. е. вродѣ надзирателя, обязаннаго обходить всѣ ученическія квартиры, прекращать безпорядки, записывать виновныхъ въ журналъ и росписываться въ журналѣ. Какъ старшій, такъ и дежурный имѣли право, если замѣчали какой-либо безпорядокъ или кто-либо жаловался на побои, ставить виновнаго на колѣни, бить „нали“, т. е. линейкой по рукѣ или даже сѣчь розгами, по своему усмотрѣ-

нію, или же только записать въ журналъ усмотрѣнное нарушеніе. Записаннаго въ журналъ наказывалъ потомъ инспекторъ. Виновный, котораго дежурный или старшій хотѣлъ высѣчь, долженъ былъ ложиться подъ розги самъ, а если не ложился, то его растягивали и наказывали. Власть дежурнаго или старшаго, которыхъ всѣ называли не иначе какъ господинъ дежурный или старшій, была настолько широка и вмѣстѣ неопредѣленна, что онъ могъ бы, если бы захотѣлъ, высѣчь даже своего товарища-четвертоклассника. Само собою, что этой своей властью дежурные и старшіе широко пользовались въ отношеніи учениковъ низшихъ классовъ, и если не были слишкомъ строги по отношенію своихъ товарищей-четвертоклассниковъ, то это лишь потому, что власть ихъ была временная и каждый изъ четвертоклассниковъ въ каждый моментъ могъ быть инспекторомъ назначенъ и дежурнымъ, и старшимъ и, слѣдовательно, могъ бы такъ же поступить съ обидчикомъ своимъ товарищемъ, какъ съ нимъ было поступлено. Битье, истязаніе учениками другъ друга было широко распространено въ ученической средѣ. Тотъ, кто былъ сильнѣе физически, колотилъ слабѣйшаго. Слабосильные или смирные, застѣнчивые ученики постоянно терпѣли отъ болѣе взрослыхъ и жестокихъ мальчиковъ. Преслѣдованіе выражалось также въ дачѣ разныхъ обидныхъ прозвищъ. Жестокость прививалась ученикамъ самими педагогами. Вся педагогическая система была основана на битьѣ, тиранствѣ и ругани. Люди, даже добрые и мягкіе по природѣ своей, были такіе же палачи, какъ и жестокіе по природѣ.

Инспекторъ Семенъ Цѣлица принадлежалъ къ типу педагоговъ жестокихъ. Самая его свирѣпая наружность способна была внушить страхъ каждому. Его боялись не только ученики, но и содержатели ученическихъ квартиръ и даже евреи въ городѣ, которые убѣгали отъ его звѣринаго крика на улицѣ, оглашавшаго далеко улицу. Однажды онъ высѣкъ мужа моей хозяйки Смольскаго, человѣка пожилаго, который, однако, любилъ выпить. Кажется, за то онъ и былъ высѣченъ, что Цѣлица замѣтилъ его пьянымъ среди учениковъ. Въ другой разъ онъ высѣкъ за что-то взрослаго еврея на улицѣ. Понятно, что никто изъ этихъ постороннихъ лицъ и не думалъ жаловаться на Цѣлицу, потому что они какъ бы признавали власть надъ собой этого сильнаго человѣка. Къ тому же и жаловаться было бы безполезно, такъ какъ мировыхъ судей въ то время еще не было, а въ уѣздномъ судѣ даже черезъ годы нельзя было бы добиться торжества правды. Слухи о жестокости Цѣлицы дошли, наконецъ, до высшей духовной власти въ губернскомъ городѣ, и ему велѣно было сократиться подъ опасеніемъ увольненія въ отставку. Но въ мое время Цѣлицѣ не было еще надобности сдерживать себя, потому что въ то время смотрите-

лемъ училища былъ кроткій и набожный аскетъ, пріѣхавшій изъ академіи, какъ говорили, даже въ веригахъ, іеромонахъ Модестъ, впослѣдствіи архіепископъ Волынскій. Такъ какъ смотритель Модестъ былъ вскорѣ назначенъ также игуменомъ мѣстнаго монастыря, то онъ занимался больше дѣлами послѣдняго и въ дѣла училища мало вмѣшивался. Поэтому-то инспекторъ Цѣлица распоряжался въ училищѣ самовластно и неограниченно. Вотъ почему и мой отецъ, для устройства меня въ училищѣ, отправился не къ смотрителю, какъ бы слѣдовало, а къ инспектору. Надо полагать, что и все прочее духовенство, имѣвшее дѣтей въ училищѣ, обращалось только къ инспектору Цѣлицѣ.

Съ началомъ уроковъ, начались обычные визиты инспектора Цѣлицы по квартирамъ. Ученики, если это было днемъ, всегда могли, за минуту, за двѣ, быть предупреждены о приходѣ инспектора, потому что высокая, плотная фигура Цѣлицы, плывшая ровно, какъ корабль въ тихую погоду, по срединѣ улицы, съ красной палкой, загнутой крючкомъ, въ правой сухой рукѣ, была еще издали замѣтна, и въ такомъ случаѣ ученики предупреждались и приводили себя въ порядокъ. Но вечеромъ, въ темноту особенно, предупредить о шествіи инспектора не было возможности,— поэтому инспектору почти всегда удавалось застать безпорядокъ въ расплохъ.

Что считалось у Цѣлицы безпорядкомъ или неисправностію, это зависѣло отъ его расположенія духа, которое не всегда было одинаково. Иногда случалось, что Цѣлица, придя въ квартиру и даже заставъ шалость, не дѣлалъ никакого замѣчанія и, росписавшись въ журналѣ, уходилъ мирно. Но это случалось рѣдко, а большею частію инспекторъ являлся злой и раздраженный. Въ домѣ у него, въ семейной жизни, былъ, что называется, адъ; жена у него, хотя и была покорная овечка, но онъ вѣчно ее ругалъ, никѣмъ не стѣсняясь; дѣти же еще болѣе выводили его изъ себя. Старшій сынъ—ученикъ того же училища, учился плохо и отличался наклонностію къ воровству. Поэтому Цѣлица почти ежедневно наказывалъ своего Володю розгами, но и это, видно, не помогало. Однажды даже Володя отъ жестокостей отца убѣжалъ, вмѣстѣ съ другимъ ученикомъ Бернадскимъ, въ сосѣднюю деревню, гдѣ крестьяне заподозрили ихъ въ воровствѣ лошади и привели въ училище передъ лицо инспектора. Послѣ этого надъ виновными было учинено жесточайшее наказаніе розгами, съ особой публичной церемоніей казни, послѣ которой особенно тщедушный Володя долго хворалъ и чуть было не отправился на тотъ свѣтъ. Другіе сыновья Цѣлицы, еще малыши, тоже постоянно за что-то наказывались отцомъ. Когда Цѣлица у себя на дворѣ кричалъ: „Володя или Петя, адскій духъ, поди сюда“, то далеко было слышно на улицѣ.

Но на расположеніе духа инспектора Цѣлицы могла вліять также и бѣдность. Жалованіе онъ получалъ небольшое, рублей 400 въ годъ, такъ что если бы не приношенія духовенства, то, при своей многосемейности, жилъ бы очень скудно. Благодаря даровой провизіи, доставляемой деревенскими священниками, питался Цѣлица очень хорошо; столъ у него былъ сытный и обильный. Онъ держалъ двѣ женскія прислуги, которымъ плата въ то время была шесть рублей въ годъ, да, сверхъ того, ему прислуживали по очереди два училищные сторожа, которые отъ него вполнѣ зависѣли. Но обстановка казенной квартиры Цѣлицы, какъ мы видѣли, была бѣдная, и самъ инспекторъ не имѣлъ хорошаго костюма. Онъ неизмѣнно являлся въ классъ и на квартиры учениковъ въ одномъ и томъ же замасляномъ и кое-гдѣ заштопанномъ мундирѣ, который лѣтомъ перемѣнялъ на бѣлый китель. Енотовая шуба инспектора Цѣлицы была также предметомъ критики всѣхъ въ городѣ; ученики насчитывали въ ней не менѣе 20 заплатъ. На сапогѣ тоже имѣлась заплата. Жена инспектора появлялась въ церкви въ старомодномъ салопѣ, и малыя дѣти, лѣтомъ, на дворѣ и на улицѣ, изъ экономіи бѣгали безъ сапогъ. Но можетъ быть Цѣлица былъ также скупъ; весьма вѣроятно, что онъ копилъ деньгу, такъ какъ при дешевизнѣ жизни въ городѣ онъ все же, кажется, могъ бы справить себѣ лучшую обстановку и одежду.

Придя въ квартиру, Цѣлица обыкновенно разражался страшнымъ крикомъ и руганью по адресу какого-либо ученика. Обыкновенно его ругательными эпитетами были: „адскій духъ“, „аспидъ“, „извергъ“, „хамутъ“ (что̀ означало мужикъ), т. е. употреблялъ тѣ самыя выраженія, которыя характеризовали лучше всего его самого. Когда же Цѣлица былъ особенно взбѣшенъ, то ругался уже чисто по-мужицки. Затѣмъ кричалъ: „дежурный“ или „старшій“! „Лозы!“ Пучекъ лозы долженъ быть всегда заготовленъ, и если лозы почему-либо не было (за что̀ хранитель ея получалъ по меньшей мѣрѣ по „мордѣ“), то за лозой посылался ученикъ въ училище, гдѣ у сторожа всегда имѣлся достаточный ея запасъ. Менѣе виноватыхъ инспекторъ наказывалъ „палей“. Онъ кричалъ: „держи лапу“ и когда ученикъ протягивалъ ладонь, то, приподнявъ невысоко въ сухой рукѣ палку, ударялъ его такъ сильно, что у васъ, что называется, искры изъ глазъ сыпались. Иногда Цѣлица ограничивался однимъ ударомъ, а иногда давалъ два удара по каждой рукѣ. Ставленіе на колѣни и оставленіе безъ обѣда или ужина практиковалось рѣдко по той собственно причинѣ, что инспекторъ въ квартирѣ оставался недолго и слѣдовательно не могъ бы наблюсти за исполненіемъ этого наказанія. За какіе собственно проступки наказывалъ инспекторъ Цѣлица, никто изъ наказанныхъ не могъ бы себѣ этого объяснить, такъ какъ у Цѣлицы часто оказы-

вался виновнымъ первый попавшійся ему на глаза. Мѣстомъ наказанія Цѣлица нисколько не стѣснялся и учинялъ экзекуцію не только въ комнатѣ, но и на дворѣ, т. е. всегда на мѣстѣ совершенія преступленія. Я помню, какъ однажды зимой на рѣкѣ инспекторъ, заставъ учениковъ, катавшихся на конькахъ, послалъ за розгами, и тутъ же на льду велѣлъ разложить виноватыхъ и учинилъ имъ сѣкуцію. Лѣтомъ, когда Цѣлица водилъ учениковъ въ рощу гулять, то и здѣсь не обходилось безъ того, чтобы онъ кого-либо не выпоролъ.

Какъ педагогъ или преподаватель, инспекторъ Цѣлица строго придерживался системы зубренія и учебникъ, если разъяснялъ, то словами самаго учебника, который былъ въ его глазахъ чѣмъ-то въ родѣ Корана у магометанъ. Пріемъ преподаванія былъ обыкновенно таковъ: задавъ урокъ отсюда до сюда по учебнику, положимъ изъ священной исторіи ветхаго и новаго завѣта, Цѣлица въ слѣдующій урокъ, придя въ классъ, послѣ обычной молитвы, садился на каѳедру и, развернувъ передъ собой принесенный учебникъ, начиналъ вызывать учениковъ либо съ первыхъ, либо съ послѣднихъ. На первой скамьѣ сидѣли лучшіе ученики, а на послѣдней самые худшіе или, такъ называемые, „ослы“. Если спрашиваніе прошлый разъ начиналось съ послѣднихъ, то теперь оно уже будетъ начинаться съ первыхъ. Въ этомъ случаѣ для „ословъ“ была та выгода, что, смотря по обстоятельствамъ, очередь до нихъ могла и не дойти, и они могли остаться неспрошенными, а слѣдовательно и не высѣченными за незнаніе урока.

Итакъ, вызывался первый ученикъ, который долженъ былъ выйти на средину класса, стать передъ лицомъ инспектора и отвѣчать урокъ слово въ слово по книжкѣ, въ которую смотритъ инспекторъ. Понималъ ли ученикъ то, что говорилъ, Цѣлица этимъ не интересовался, для него важно было лишь, чтобы отвѣчающій ничего не пропустилъ. Если онъ пропустилъ какое-либо слово или фразу, то такой отвѣтъ уже не годился, и Цѣлица, объявивъ, что не такъ, посылалъ отвѣчавшаго въ уголъ подчитать урокъ по своей книжкѣ и затѣмъ вызывалъ слѣдующаго. Если слѣдующій отвѣтилъ безъ ошибки, то садился уже первымъ, послѣ чего опять вызывался подчитывающій и долженъ былъ отвѣчать съ того самаго мѣста, гдѣ инспекторъ объявилъ, что не такъ. Если на этотъ разъ ошибки въ отвѣтѣ не было, то отвѣчающій, бывшій первый ученикъ, теперь садился вторымъ; если же онъ опять ошибался, то инспекторъ снова прогонялъ его подчитывать, но уже на колѣняхъ, и затѣмъ вызывалъ слѣдующаго по порядку. При такой системѣ спрашиванія случалось, что тотъ, кто плохо приготовилъ урокъ, черезъ постоянныя подчитыванія могъ съ первой

скамьи очутиться на послѣдней, и наоборотъ, кто-нибудь изъ „ословъ“, хорошо приготовившій урокъ, могъ передвинуться на первую скамью и даже сѣсть среди первыхъ учениковъ. Но тѣхъ, которые остались подчитывать до конца урока, ожидала обязательная порка по пяти, десяти или двадцати ударовъ, смотря по количеству подчитываній. Затѣмъ, задавъ новый урокъ и росписавшись въ журналѣ, инспекторъ приказывалъ читать молитву: „Достойно есть, яко во истину“ и удалялся изъ класса.

Придуманная инспекторомъ Цѣлицей система спрашиванія уроковъ посредствомъ подчитываній примѣнялась только имъ однимъ. Другіе преподаватели, если ученикъ не зналъ урока, просто ставили его въ уголъ на колѣни, гдѣ такой и оставался до звонка; но сѣченію все равно подвергались тѣ, которые были посланы на колѣни. Такъ что, если хотите, система инспектора Цѣлицы была гуманнѣе, такъ какъ при этой системѣ во время подчитываній можно было приготовить урокъ и не только избѣжать наказанія за незнаніе урока, но даже занять высшее мѣсто на скамьѣ.

Кромѣ священной исторіи Цѣлица преподавалъ еще чистописаніе въ первомъ и во второмъ классахъ, а также латинскій и греческій языки во всѣхъ классахъ. Поставивъ отмѣтку на тетради: „хорошо“, „очень хорошо“ и „порядочно“, либо „худо“, „весьма худо“, инспекторъ тутъ же подъ отмѣткой росписывался: „титулярный (а впослѣдствіи коллежскій ассесоръ) совѣтникъ Семенъ Цѣлица“. Полнымъ своимъ титуломъ онъ росписывался также въ журналахъ и на всякихъ, даже малозначущихъ бумагахъ.

Система преподаванія латинскаго и греческаго языковъ у Цѣлицы была та же самая система зубренія. Склоненія и спряженія у него ученики знали отлично, но усвоеніе языка ни мало черезъ это не достигалось. Кое-что переводилось съ греческаго языка, переводился Корнелій Непотъ съ латинскаго; но это дѣлалось такимъ образомъ, что Цѣлица самъ дѣлалъ переводъ, а ученики должны были за нимъ слѣдить и усваивать. На слѣдующемъ урокѣ требовалось, чтобы ученикъ уже самъ повторилъ переводъ. Упражненій съ русскаго языка на греческій или латинскій не дѣлалось и не требовалось.

Припоминая еще нѣкоторыя отдѣльныя черты инспектора Цѣлицы, я долженъ сказать, что онъ былъ особенно несправедливъ къ тѣмъ ученикамъ, родители которыхъ не могли или не считали нужнымъ задобривать его приношеніями. Такихъ учениковъ онъ систематически преслѣдовалъ, въ томъ, безъ сомнѣнія, разсчетѣ, чтобы заставить родителей придти на поклонъ. Цѣлица не любилъ также происхожденія изъ народа. Зная родословную каждаго ученика, онъ иныхъ ругалъ такъ: „Твой дѣдъ былъ мужикъ и отецъ твой происходитъ

изъ мужиковъ". Если мальчикъ былъ не изъ духовнаго, а изъ мѣщанскаго званія, то такого онъ ругалъ „разночинцемъ".

Титулярный совѣтникъ Семенъ Цѣлица еще при мнѣ, т. е. когда я былъ ученикомъ его, получилъ чинъ коллежскаго ассесора; само собою, еще черезъ три года онъ имѣлъ удовольствіе подписываться уже надворнымъ совѣтникомъ, но дальше этого чина, сколько онъ ни служилъ, по своей должности получить не могъ. Умеръ онъ лѣтъ 25 тому назадъ въ должности инспектора, выслуживъ полный пенсіонъ, которымъ пользоваться ему лично однако не довелось. Подъ конецъ своего инспекторства, Цѣлица, какъ уже было мной упомянуто выше, получилъ предостереженіе изъ губерніи быть помягче съ учениками и долженъ былъ смириться и умалиться, что̀ безъ сомнѣнія угнетающе подѣйствовало на его психію и, быть можетъ, ускорило его смерть; но до полной отмѣны тѣлесныхъ наказаній и измѣненія программъ и методовъ обученія онъ не дожилъ. Онъ умеръ 70 лѣтъ отъ роду, оставивъ по себѣ неизгладимое воспоминаніе въ своихъ питомцахъ.

Инспекторъ Семенъ Цѣлица, можетъ быть, черезчуръ воплощалъ собою педагогическую систему, унаслѣдованную еще отъ XVIII вѣка, но и вновь присылавшіеся въ Слуцкое духовное училище смотрители и педагоги изъ молодыхъ академиковъ или студентовъ - семинаристовъ, въ сущности, по пріемамъ своимъ педагогическимъ мало чѣмъ отличались отъ Цѣлицы. Такъ вскорѣ послѣ смотрителя игумена Модеста, назначеннаго инспекторомъ въ Минскую духовную семинарію, на его мѣсто былъ присланъ молодой академикъ Т., который взялъ себѣ преподаваніе катехизиса, который ранѣе преподавался городскимъ протоіереемъ отцомъ Петромъ Кустовымъ. Я не знаю, какъ преподавалъ катехизисъ протоіерей Кустовъ, такъ какъ этотъ предметъ преподавался въ высшемъ классѣ, а я былъ въ низшемъ. Я помню сѣдаго старика Кустова только потому, что ученики часто смѣялись, указывая: „вотъ, смотрите, какъ отецъ Петръ пишетъ мыслѣте, т. е. букву М". Это означало, что выпившій протоіерей не могъ идти прямо по улицѣ, а ходилъ туда и сюда, какъ вообще ходятъ пьяные. Въ одно прекрасное время распространилась средн учениковъ вѣсть, что Кустовъ „волiею Божiею помре", и въ училищѣ ради его похоронъ не было уроковъ.

Смотритель Т., жгучій брюнетъ изъ малороссовъ, съ новенькимъ академическимъ значкомъ, пришпиленнымъ къ вицмундиру, сталъ преподавать катехизисъ по учебнику Филарета, составленному въ вопросахъ и отвѣтахъ. Казалось бы, что преподаватель долженъ бы задавать, по крайней мѣрѣ, вопросы, а ученикъ отвѣчать на нихъ. Между тѣмъ у Т. ученикъ долженъ былъ самъ себѣ задавать во-

просы и отвѣчать на нихъ. „Что есть вѣра?“ спрашивалъ ученикъ себя. Потомъ отвѣчалъ: „вѣра есть увѣренность въ невидимомъ какъ бы въ видимомъ, желаемомъ и ожидаемомъ какъ бы въ настоящемъ“. По поводу такого мало удобовразумительнаго отвѣта смотритель Т. не дѣлалъ никакого возраженія, или поясненія, потому что отвѣтъ былъ данъ слово въ слово по учебнику Филарета, и Т., хотя и былъ самъ богословъ, не считалъ себя въ правѣ мудрствовать надъ текстомъ столь авторитетнаго богослова, какимъ считался Филаретъ.

Если Цѣлица былъ просто жестокъ, то Т., можно сказать, былъ жестокъ до сладострастія. Онъ придумалъ сѣчь учениковъ, вмѣсто розогъ, крапивой, и при этомъ почему-то особенно заботился о томъ, чтобы не пачкалась одежда наказуемаго. Для этого велѣлъ наказываемому совершенно раздѣваться, одежду аккуратно сложить и положить на парту или стулъ. Самыхъ нѣжныхъ и красивыхъ мальчиковъ онъ сѣкъ чаще, чѣмъ другихъ. Никто изъ преподавателей не додумался также до того, чтобы ставить ученика голыми колѣнами на песокъ. Въ такомъ случаѣ ученикъ тоже долженъ полураздѣться. Видно было, что этому богослову-педагогу доставляли удовольствіе самое сѣченіе и вообще страданіе.

Смотритель Т. обладалъ прекраснѣйшимъ теноромъ, любилъ церковное пѣніе и устроилъ хоръ для собора Троицкаго монастыря. Соборъ этотъ не маленькій и единственный въ городѣ каменный храмъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ученической церковію. Одинъ изъ только-что присланныхъ въ училище преподавателей обладалъ басомъ удивительной силы и красоты. Въ этомъ басѣ сочетались одинаково самыя высокія ноты вмѣстѣ съ самыми низкими или октавой, что такъ рѣдко бываетъ въ басахъ. И вотъ когда Т. съ этимъ преподавателемъ пѣли вдвоемъ на вечерней ирмосы по нотамъ Бортнянскаго, то получалось столь чарующее, божественное пѣніе, какого мнѣ во всю жизнь потомъ не доводилось слышать даже въ лучшихъ операхъ. Судя по голосу, можно было бы подумать, что смотритель Т. долженъ быть человѣкомъ мягкимъ, добрымъ, очаровательнымъ въ обращеніи съ людьми. А между тѣмъ это былъ человѣкъ очень жестокій. Когда онъ вскорѣ женился на мѣстной красавицѣ, то отравилъ ея существованіе. Впослѣдствіи, когда Т. былъ уже священникомъ и соборнымъ протоіереемъ и благочиннымъ въ другомъ городѣ, то жена его, какъ говорили, сбѣжала отъ него, и Т. для смягченія скандала объявилъ ее сумасшедшей. Протоіерей Т., вѣроятно, уже давно умеръ, а если еще живетъ, то ему должно быть лѣтъ 80.

Всѣ педагоги Слуцкаго духовнаго училища придерживались одной и той же системы зубренія и сѣченія, благодаря тому, что смотритель, инспекторъ, учителя и даже старшій или дежурный изъ учениковъ

имѣли право сѣчь, нѣкоторые изъ наиболѣе ограниченныхъ способностями учениковъ подвергались сѣченію по нѣсколько разъ въ день. Я помню въ особенности одного Гаховича, который до того притупился отъ постояннаго сѣченія, что подъ розгами, когда его стегали, даже не кричалъ. Такого ученика, который ни разу не былъ бы сѣченъ, хотя бы учился всегда хорошо и былъ поведенія примѣрнаго, не могло быть въ Слуцкомъ духовномъ училищѣ. Среди моихъ товарищей были двое такихъ, которые всегда по успѣхамъ шли первыми и отцы ихъ были священники богатые и съ вѣсомъ. Цѣлица долго крѣпился, чтобы ихъ не высѣчь, и за всѣ четыре года ихъ пребыванія въ училищѣ не высѣкъ ни разу; но послѣ послѣдняго экзамена, когда они скоро должны распрощаться съ училищемъ, вдругъ высѣкъ за что-то обоихъ въ одинъ часъ, для того, надо полагать, чтобы и въ нихъ оставить по себѣ прочную память.

Если педагогическая система была такова, что сѣченіе считалось лучшимъ воспитательнымъ средствомъ, которое въ свое время примѣнялось и къ самымъ воспитателямъ, то самые тихіе и кроткіе изъ нихъ люди безсознательно сдѣлаются тиранами. Въ Слуцкомъ духовномъ училищѣ были и такіе преподаватели, которые никогда не раздражались, не кричали, словомъ, тихіе „телята“, какъ ихъ называли, но однако и они столь же пунктуально сѣкли учениковъ, какъ и жестокіе въ родѣ Цѣлицы. Самъ ангело-подобный игуменъ Модестъ, за свое кратковременное пребываніе смотрителемъ училища, не мало пересѣкъ учениковъ, и сѣкъ даже молодыхъ послушниковъ монастыря.

Педагогическая система, которая была основана на зубреніи и сѣченіи, само собою, не могла поощрять развитіе самодѣятельности ученика, развитія его умственнаго усовершенствованія. Въ настоящее время имѣются кое-какія библіотеки для чтенія даже при народныхъ училищахъ, но въ то время при Слуцкомъ духовномъ училищѣ не было никакой библіотеки и ученики имѣли только учебники, купленные на собственный счетъ. Религіозность всячески внѣдрялась въ души учениковъ, но суевѣрія не искоренялись и были присущи столько же учащимся, какъ и самимъ учащимъ. Я помню такой фактъ. Однажды среди учениковъ распространился слухъ, что въ училищѣ поселился нечистый духъ или чортъ, который ночью произвелъ здѣсь страшный визгъ, шумъ и что парты погрызены. И дѣйствительно, на другой день всѣ могли видѣть, что парты погрызены. Когда же слухъ этотъ дошелъ до смотрителя Модеста, то Модестъ, не разслѣдовавъ дѣла и видя, что парты погрызены, сторожъ же училищный подтверждалъ о слышанномъ ночью въ классѣ шумѣ и стукѣ, сейчасъ же приказалъ собраться въ училище всѣмъ учащимъ и учащимся и началъ слу-

жить молебенъ для изгнанія изъ училища нечистаго духа. Между тѣмъ дѣло было просто: ночью кто-то заперъ въ классѣ собаку, которая бѣгала, стучала и погрызла парты. На завтрашній день сторожъ собаку выпустилъ, но не сознался въ томъ, что собака была заперта.

Нынѣ существующее въ Слуцкѣ духовное училище, безъ сомнѣнія, должно уже мало напоминать то, которое существовало 50 лѣтъ тому назадъ. Но какъ ни была плоха учебно-воспитательная система того времени, все же эта система не могла заглушить природныхъ хорошихъ свойствъ учащагося. Кое-кто изъ питомцевъ этого училища впослѣдствіи поступилъ даже въ университетъ, сдѣлался идейнымъ человѣкомъ, не сдѣлавшись карьеристомъ, въ чемъ полагаетъ успѣхъ большинство людей, выходящихъ нынѣ изъ заведеній самыхъ даже усовершенствованныхъ типовъ.

Мих. Вруцевичъ.

Воспоминаніе.

По поводу „Воспоминаній“ педагога В. Г. фонъ Бооля [1]).

Въ запискахъ Владиміра Григорьевича, къ сожалѣнію теперь сошедшаго въ могилу, есть одно мѣсто, которое горько отозвалось въ моей душѣ и вынудило сѣсть за столъ, взяться за перо, чтобы набросать эти строки съ просьбой къ редакціи помѣстить ихъ въ оправданіе памяти многихъ изъ сотрудниковъ Владиміра Григорьевича на нивѣ воспитанія русской молодежи 70-хъ годовъ, которая нынѣ стоитъ въ рядахъ дѣятелей родной земли. Былъ бы живъ Владиміръ Григорьевичъ, я, вѣроятно, ограничился письмомъ къ нему; но его нѣтъ, да и массы изъ лицъ, затронутыхъ въ его запискахъ, нѣтъ, а потому страницы журнала—единственный путь для возстановленія, хотя бы отчасти, правды.

Я воспитанникъ 1-й С.-ПБ. военной гимназіи того именно времени, которое такъ жестоко охарактеризовано Владиміромъ Григорьевичемъ, времени Е. К. Баумгартена; кончать мнѣ пришлось гимназію въ годъ ухода Е. К., быть однимъ послѣдняго его выпуска изъ подъ-крыла средней военной школы; послѣ каникулъ передъ отправкой въ военныя училища мы уже должны были получить напутствіе отъ генерала Носовича, не удостоившаго насъ даже свиданія, и мы ушли на дѣйствительную службу только подъ напутствіемъ распустившаго столь ужасно гимназію Ев. Карловича, а генералъ Носовичъ подалъ какую-то секретную записку о нашей распущенности.

Такого рода факты, какъ значительный процентъ выпускаемыхъ изъ 1-ой военной гимназіи въ 70-хъ годахъ въ спеціальныя воен-

[1]) Въ бытность военнымъ министромъ графа Д. А. Милютина въ 1876 году.

ныя училища, первое мѣсто среди военно-учебныхъ заведеній Петербурга, занятое 1-й военной гимназіей на внезапно устраиваемыхъ состязаніяхъ по письменнымъ работамъ,—эти факты, думаю, могутъ доказать, что или всѣ теоріи воспитанія не выдерживаютъ критики, или Владиміръ Григорьевичъ плохой педагогъ; послѣднее должно быть принято, такъ какъ первое предположеніе было бы абсурдомъ.

Лично Владиміра Григорьевича я почти не знаю, такъ какъ, поступивъ въ Кіевскую военную гимназію, я пробылъ въ ней всего одинъ годъ и былъ переведенъ за переѣздомъ отца въ 1-ую военную гимназію въ С.-Петербургъ; но, какъ воспитанникъ Кіевской гимназіи во времена пребыванія тамъ въ должности инспектора классовъ Владиміра Григорьевича, могу сказать, что его мы едва знали въ лицо; мы, дѣти, знали директора Г. П. Кузьмина-Караваева, не заслужившаго по воспоминаніямъ педагога любви автора, но заслужившаго добрую память воспитанниковъ своимъ ровнымъ обращеніемъ; знали мы суроваго на видъ, но добраго душой помощника инспектора В. Ф. Барсова. Невольно въ сопоставленіи съ инспекторомъ фонъ-Бооль въ моихъ глазахъ встаетъ другая личность П. Н. Бѣлохи.

Громкій скандалъ, разыгравшійся въ стѣнахъ 1-ой военной гимназіи въ 1876 году въ 1-мъ отдѣленіи VI класса, къ составу котораго принадлежалъ и пишущій эти строки, скандалъ, завершившійся финаломъ въ 1877 году, когда мы были уже въ VII-мъ классѣ, не показываетъ нашей распущенности, а скорѣй другое.

По истеченіи почти 30 лѣтъ со дня событія я ясно представляю, что, не растеряйся въ учительской, не найдись швейцаръ, вò-время захлопнувшій парадную дверь, и, вѣроятно, не пришлось бы Марковину сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ и въ смирительномъ домѣ,—обвиняемыхъ въ растерзаніи Марковина было бы много, но они навѣрное были бы и судомъ, и общественной совѣстью оправданы.

Безобразное оскорбленіе, нанесенное Марковинымъ Порф. Никитичу, было единственно слѣдствіемъ вѣры въ людей потерпѣвшаго, его любви къ людямъ и постояннаго исканія въ нихъ лучшаго, дающаго возможность оправдательныхъ приговоровъ по ихъ поступкамъ.

Приглашеніе Марковина въ семью педагогическаго персонала 1-й военной гимназіи было большой ошибкой; но сожалѣніе къ бѣдности и приниженности были причиной того, что Марковинъ сдѣлался преподавателемъ исторіи и къ сожалѣнію попалъ въ мое отдѣленіе въ 5 классѣ. Съ первыхъ же уроковъ была замѣчена малая состоятельность новаго преподавателя; „отсюда до сюда“ по учебнику Иловайскаго, отсутствіе живыхъ разсказовъ, къ которымъ мы уже привыкли, дѣленіе класса на любимчиковъ и отверженныхъ,—все это слишкомъ шло въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ дѣла

въ заведеніи и къ сожалѣнію привело къ катастрофѣ,—избіенію въ классѣ Марковина тремя моими сотоварищами: З., М. и Яр. За что ихъ особенно не взлюбилъ Марковинъ, совершенно никому изъ насъ непонятно; но каждому была ясна какая-то скрытая вражда и ненависть учителя къ этимъ тремъ. Можно смѣло утверждать, будь извѣстно хоть намекомъ на предготовляющуюся драму, классъ сумѣлъ бы ее отклонить и предупредить; къ несчастью, все было подготовлено тремя въ полномъ секретѣ отъ остальныхъ товарищей.

Если Пор. Никитичъ во главѣ со многими изъ членовъ педагогическаго комитета сталъ на сторону класса въ вопросѣ обвиненія всѣхъ въ соучастіи и созналъ свою ошибку въ допущеніи подобной личности къ преподаванію, то вѣдь на сторону этого мнѣнія сталъ и Д. А. Милютинъ и далъ намъ возможность спокойно окончить курсъ. Отплата этому мнѣнію со стороны Марковина, занесшаго руку на столь уважаемую личность извѣстнаго педагога-человѣка, только доказала, что бываютъ люди, для которыхъ ничего нѣтъ святаго въ мірѣ.

Проступокъ нашихъ товарищей не былъ проявленіе дикой необузданности, своеволія, распущенности; — это былъ взрывъ оскорбленнаго чувства человѣчности, попранной однимъ недостойнымъ представителемъ педагогической корпораціи нашей гимназіи, корпораціи, которая всегда и всюду внушала намъ чувство правды и справедливости.

Къ дѣятелямъ гимназіи за мое время съ отрицательными качествами слѣдуетъ отнести преподавателя французскаго языка Феликса Андреевича Таксиса, столь памятнаго Полтавскому кадетскому корпусу. Строгія наставленія Пор. Ник., товарищескія наставленія бывшихъ сослуживцевъ по Полтавскому корпусу,—моего отца, Н. П. Ильяшевича, Д. С. Демина не могли, разумѣется, переродить патуру Ф. А. и его привычки, пріобрѣтенныя за много лѣтъ,—къ намъ въ гимназію онъ попалъ уже на склонѣ своей учительской многолѣтней дѣятельности.

Пожалуй и первое вступленіе было неудачно, такъ какъ онъ по непредвидѣнной случайности попалъ преподавателемъ въ мое отдѣленіе и чуть ли не первый урокъ далъ у насъ, а я весь былъ полонъ анекдотами про Таксиса и разсказами о немъ братьевъ и сестеръ, которые всѣ были его учениками. Понятно, не только нашъ классъ, а вся гимназія быстро была освѣдомлена о новой личности, вступившей въ семью нашихъ преподавателей. Преподаваніе французскаго языка имъ было ведено вполнѣ плохо; при лѣни разбираться въ журналѣ среди незнакомыхъ фамилій, ради хорошо извѣстной оей фамиліи мнѣ и приходилось чуть не каждый урокъ переводить от-

рывки изъ хрестоматіи Фену, что́ страшно надоѣдало, а среди класса столь скучное теченіе урока порождало желаніе разнообразить массой продѣлокъ чисто ребяческаго свойства, но вслѣдствіе остроумія приводившихъ Ф. Андреевича въ ярость, и мы должны были постоянно выслушивать его брань по адресу дворянскихъ дѣтей,—брань, прекратившуюся съ полученіемъ и самимъ Ф. А. дворянства съ орденомъ Владиміра 4-й степ. за 35 лѣтъ службы.

Если мы были распущены, по словамъ Владиміра Григорьевича, то, сопоставляя время своего ученія, всю послѣдующую жизнь свою и многихъ изъ своихъ товарищей, я искренно говорю, что дай Богъ, чтобы всѣ заведенія учебныя были столь распущены и чтобы воспитанники изъ нихъ выпускались съ тѣми воззрѣніями, какъ воспитанники 1-й С.-Петербургской гимназіи въ 70-хъ годахъ.

Въ заключеніе повторяю, что отрицательные факты тонутъ въ массѣ свѣтлаго, добраго.

М. Котельниковъ.

Изъ записокъ Кузьмина.

Разговоръ между королемъ неаполитанскимъ и генераломъ Милорадовичемъ на передовыхъ постахъ россійской и французской армій въ 23-й день сентября 1812 года, переданный мнѣ очевидцемъ, свидѣтелемъ его.

Король. Генералъ, скажите, извѣстны ли вамъ поступки вашихъ казаковъ? Они стрѣляютъ по фуражирамъ, которыхъ я посылаю въ разныя стороны; даже крестьяне ваши, вспомоществуемые ими, убиваютъ нашихъ отдѣльныхъ гусаръ.

Милорадовичъ. Я не скрою, что я очень радъ, что казаки наши въ точности выполняютъ данныя имъ приказанія; также мнѣ пріятно слышать изъ устъ вашего величества, что крестьяне наши показываютъ себя достойными русскихъ.

Король. Но это противно принятымъ повсюду обыкновеніямъ, и если это еще продолжится, то я принужденъ буду посылать колонны для прикрытія фуражировъ.

Милорадовичъ. Тѣмъ лучше, ваше величество, мои офицеры и солдаты жалуются, что уже три недѣли они остаются въ бездѣйствіи; они горятъ желаніемъ драться, брать пушки и знамена.

Король. Но къ чему стараться раздражать другъ противъ друга народы, которые достойны во всѣхъ отношеніяхъ взаимнаго уваженія.

Милорадовичъ. Я и подчиненные мои—мы всегда готовы оказывать вашему величеству и его войску уваженіе, но фуражировъ вашихъ всегда будемъ брать въ плѣнъ, когда только возможно будетъ, а разсылаемыя нами для прикрытія ихъ колонны будемъ всегда разбивать.

Король (съ досадой). Генералъ, непріятелей бьютъ не словами;

взгляните на карту, вы увидите завоеванныя нами у васъ провинціи и куда мы уже зашли.

Милорадовичъ. Знаю. Но Карлъ XII-й заходилъ еще дальше. Онъ былъ въ Полтавѣ.

Король. Французскія войска всегда были побѣдоносны...

Милорадовичъ. Но мы сражались только при Бородинѣ.

Король. Чрезъ это сраженіе мы овладѣли Москвой.

Милорадовичъ. Извините, ваше величество, Москва была русскими оставлена.

Король. Какъ бы то ни было, но мы все же владѣемъ вашею древнею и пространною столицею.

Милорадовичъ. Такъ, ваше величество, и эта мысль мучительна для каждаго русскаго. Это величайшая жертва, принесенная Россіею, но она уже начинаетъ пользоваться выгодами, происходящими отъ сей жертвы.

Король. Что вы хотите этимъ сказать?

Милорадовичъ. Мнѣ извѣстно, что императоръ Франціи посылалъ генерала Лористона къ нашему главнокомандующему для переговоровъ о мирѣ; я знаю, что ваши войска принуждены довольствоваться въ теченіе двухъ сутокъ, а иногда и болѣе тѣмъ, что едва достаточно для прокормленія ихъ въ однѣ сутки.

Король. Извѣстія вамъ доставлены, генералъ, ложныя...

Милорадовичъ. Я знаю, что король неаполитанскій пріѣхалъ къ генералу Милорадовичу просить пощады своимъ фуражирамъ и завести при этомъ родъ переговоровъ для успокоенія своихъ солдатъ, уже начинающихъ сильно роптать...

Король (видимо разсерженный). Посѣщеніе мое совершенно случайное; я хотѣлъ только открыть вамъ происходящія у васъ злоупотребленія; безпорядки и неустройство дисциплины суть великія несчастія для арміи, они ослабляютъ, истребляютъ ее...

Милорадовичъ. Но въ такомъ случаѣ вашему величеству надлежало бы оное поощрять въ нашей арміи.—Прекрасно то неустройство, которымъ мы истребляемъ французскихъ фуражировъ!

Король. Вы ошибаетесь на счетъ нашего положенія. Москва всѣмъ достаточно снабжена. Мы ожидаемъ безчисленныхъ подкрѣпленій, которыя къ намъ уже идутъ.

Милорадовичъ (улыбаясь). Неужели ваше величество полагаетъ, что мы дальше отъ нашихъ подкрѣпленій, чѣмъ вы отъ вашихъ!

Король. Я еще долженъ жаловаться вамъ въ разсужденіи одного важнаго обстоятельства, генералъ, я отдаюсь на ваше правосудіе, на вашу справедливость. Вы дважды стрѣляли по нашимъ парламентерамъ.

Милорадовичъ. Ваше величество! мы и слышать объ нихъ не хотимъ. Мы желаемъ сражаться, не переговоры вести. И потому примите ваши мѣры.

Король. Какъ? Поэтому я здѣсь не въ безопасности?

Милорадовичъ. Ваше величество на многое отважитесь, если въ другой разъ захотите придти сюда; но сегодня предоставляю себѣ честь проводить васъ до вашихъ войскъ. Гей! лошадь!

Король. Я никогда не слыхивалъ о такомъ образѣ войны!

Милорадовичъ. Я думаю, что ваше величество слыхали...

Король. Но гдѣ же это?

Милорадовичъ. Въ Испаніи.

Тутъ король, какъ бы пораженный неожиданнымъ отвѣтомъ, вдругъ перемѣнилъ тонъ и очень вѣжливо спросилъ генерала:

Гдѣ вы въ первый разъ вели войну въ званіи генерала?

Милорадовичъ. Конечно, еще памятенъ во Франціи походъ Суворова въ Италію. Я имѣлъ честь много разъ командовать авангардомъ генералиссимуса. Говоря это, они направились къ подведенной лошади.

Разсказъ казака Александра Земленухина графу Матвѣю Ивановичу Платову, записанный дежурнымъ подполковникомъ Краенокутскимъ.

Въ 1813 году въ мартѣ мѣсяцѣ, при занятіи русскими войсками города Гамбурга, былъ отправленъ, моремъ, съ этимъ извѣстіемъ въ Лондонъ казакъ донскаго казачьяго Сулина 9-го полка, Нагайской станицы, Александръ Земленухинъ, лѣтъ 60-ти старикъ, съ сѣдою большою бородою, по обычаю своихъ предковъ. Въ службѣ онъ былъ болѣе 35 лѣтъ. Почти 10 сутокъ онъ ѣхалъ до Лондона, гдѣ народъ, уже предувѣдомленный о прибытіи изъ Россіи казака, ожидалъ его на берегу, и какъ только Земленухинъ вышелъ на берегъ, въ толпѣ раздался крикъ: „ура, казакъ, ура!“ Толпа сопровождала его до дома русскаго министра графа Ливена, а оттуда до квартиры, ему назначенной въ городѣ, которая ежедневно была окружена любопытными зрителями, и, едва казакъ показывался, ему каждый разъ кричали: „ура, казакъ!“. Хватали его за руки, сильно трясли ему руки, толпясь около него. Нѣкоторые, желая выразить ему свою дружбу, приносили разные подарки, но онъ отказывался отъ всего, говоря, что они этимъ обижаютъ его, прибавляя: „Нашъ царь надѣлилъ насъ всѣмъ, мы ни въ чемъ не нуждаемся,—и сами можемъ даже помогать бѣднымъ людямъ; служимъ мы нашему царю не изъ корысти. Мы ни за какія богатства не уступимъ никогда никому нашей родины. У насъ есть старый обычай: не обязываться чужеземцамъ, а лучше самимъ помогать имъ въ нуждѣ. Коли самъ въ бѣдѣ, да въ нуждѣ, ищи помощи у своихъ, а за то старайся вдвойнѣ отплатить. Вотъ какой нашъ обычай, которому мы изъ старины придерживаемся; а потому прошу васъ, господа честные, дать знать здѣсь всѣмъ, что мнѣ денегъ не

надо. Спасибо вамъ за ласку вашу. Будемъ жить, какъ братья, любить другъ друга и вмѣстѣ бить нашего общаго врага".

На другой день это простодушное объясненіе казака было обнародовано, и уже никто не рѣшался болѣе обижать его предложеніемъ денегъ. Земленухинъ отказался принять и отъ наслѣднаго принца присланные ему въ подарокъ 1000 фунтовъ стерлинговъ. Этотъ похвальный и рѣдкій примѣръ безкорыстія привелъ англичанъ въ изумленіе, и король, въ знакъ особаго расположенія къ войску донскому, приказалъ сдѣлать для Земленухина всю военную сбрую, довольно дорогую, на казацкій образецъ: складную стальную пику, два пистолета, ружье, саблю, трость съ двиганьемъ зеркальной трубки, лядунку, перевязь, вышитую серебромъ и проч., подаривъ все это казаку Земленухину, взявъ себѣ въ обмѣнъ его нарядъ, для сохраненія между рѣдкостями и достопамятностями, что нѣкогда русскій казакъ былъ въ Лондонѣ. Дротикъ, которымъ казакъ воевалъ нѣсколько лѣтъ, былъ тѣмъ замѣчательнѣе для англичанъ, что конецъ пики немного согнулся отъ ударовъ, наносимыхъ казакомъ французскимъ латникамъ. Этотъ старикъ, несмотря на свои годы, своеручно ссадилъ нѣсколькихъ съ коней, научая молодыхъ, какъ владѣть дротикомъ въ дѣлѣ съ врагомъ отечества. На третій день прибытія его въ Лондонъ, его повезли въ каретѣ въ театръ, тамъ онъ сидѣлъ въ ложѣ съ знатными лордами; когда онъ входилъ въ нее, всѣ бывшіе въ театрѣ закричали: „виватъ императоръ россійскій Александръ, избавитель Европы. Виватъ атаманъ графъ Платовъ. Ура, казакъ Земленухинъ!" Послѣ всякаго дѣйствія, когда занавѣсь опускалась, повторялись эти крики. Казакъ отвѣшивалъ на всѣ стороны низкіе поклоны.

Всѣ знатные милорды старались имѣть у себя на обѣдѣ донца, садили его на первое мѣсто, или между дамами, пили большими стаканами вино за здоровье русскихъ, побѣдителей злодѣя вселенной. На пятый день казака повели въ Парламентъ, присутственное мѣсто англійскаго правленія, гдѣ государственные члены его ожидали. При входѣ его ему надѣли голубую ленту, пришпилили ему на грудь звѣзду, повели его въ присутственную залу и посадили на возвышеніе. Старшій членъ обратился къ собранію со словами: „Вы видите передъ собою донскаго казака, изъ числа тѣхъ русскихъ воиновъ, кои привели въ ужасъ изверга Наполеона Бонапарта и истребили всю его, такъ называемую прежде, непобѣдимую армію. Посмотрите на старика, покрытаго сѣдиною, — не обращая вниманія на лѣта свои, онъ прилетѣлъ на поле сраженія; нѣсколько тысячъ подобныхъ ему товарищей, многіе еще и старѣе его, прилетѣли защищать свою землю, гробы своихъ предковъ, драться за Бога и царя. Всѣ старики оставили свои жилища, свою семью, лишь бы доказать пламенную рев-

ность и спасти отечество. Не должны ли мы безпристрастно отдать справедливость русскому народу въ любви его и усердіи къ своему государю? Пожертвованія послѣдняго своего имущества были присылаемы отовсюду для доставленія отечеству средствъ попрать безчеловѣчныхъ враговъ. Всякій готовъ былъ жертвовать и терять все, лишь бы не допустить злодѣя достигнуть его цѣли: принудить своимъ низкимъ обманомъ Россію заключить постыдный для нея миръ. Это общее единодушіе, съ Божіею помощію, восторжествовало со славою. Такое рвеніе русскихъ избавило ихъ отечество отъ тирана, вселило ужасъ въ ихъ врагахъ не врываться впредь въ предѣлы Россіи; спокойствіе ея утвердили пролитіемъ своей крови, которая отплачена потерею непріятелемъ въ сто разъ болѣе. Послѣдуйте геройскому примѣру сего великаго народа. Злодѣй затрепеталъ уже и исчезаетъ передъ оружіемъ единодушнаго ополченія"... Послѣ сей рѣчи всѣ воскликнули: „Виватъ великодушные и храбрые русскіе. Да благословитъ Господь Богъ ихъ оружіе къ благоденствію всей Европы!" Тотчасъ поднесены были стаканы лучшаго вина, и начали пить за здоровье императора Александра, князя Кутузова Смоленскаго, атамана графа Платова со всѣмъ его донскимъ войскомъ, всероссійскаго войска и наконецъ самого казака Земленухина, который кланялся, благодарилъ всѣхъ присутствующихъ и выпилъ стаканъ за здоровье короля и всего англійскаго народа, возгласивъ три раза „ура!".

25-го марта былъ назначенъ день, въ который Земленухинъ показывалъ свои казацкіе пріемы и движенія на войнѣ. Триста человѣкъ англійской конницы ожидали на большой площади прибытія его. Съ ближайшихъ городовъ съѣхались по сему случаю нѣсколько тысячъ любопытныхъ зрителей. Десять отличныхъ лошадей были приведены къ дому, гдѣ жилъ казакъ, дабы онъ самъ выбралъ себѣ по желанію коня подъ сѣдло. Народу набралось такое множество, и толкотня была такъ велика, что казакъ не могъ хорошо осѣдлать себѣ лошадь на улицѣ и вздумалъ ввести ее къ себѣ въ комнату, что̀ произвело шумъ и удивленіе англичанъ. Осѣдлавъ и снарядивъ тамъ лошадь, онъ выѣхалъ на площадь. Народъ окружилъ его, иные хватали его за руки. Королевскій наслѣдный принцъ со своими придворными смотрѣлъ въ окно изъ своего дворца. Подъѣхавъ къ рядамъ уставленныхъ солдатъ, казакъ сказалъ: „я не ученъ наукамъ, по которымъ воюютъ великіе генералы и самъ Бонапартъ, придерживаюсь я природнымъ обычаямъ: бить врага безпощадно, — изнурять денно и ночно съ тылу, спереди и со всѣхъ боковъ тревожить его; предостерегать себя отъ неожиданныхъ нападеній и стараться хитростью ему неизвѣстною узнавать его силу. Прежде всего усмотрѣть непріятеля надо, а потомъ вышлемъ отрядъ". Пятьдесятъ человѣкъ

выѣхали впередъ, и казакъ приказалъ имъ ѣхать лавою, растолковавъ имъ, что это значитъ, какъ ѣхать каждому и какимъ образомъ примѣтить, гдѣ укрывается непріятель. Коль же скоро его завидятъ, то скакать во весь опоръ съ повѣсткою. Прочимъ же всѣмъ слѣзать съ коней, варить кашу и отдыхать до необходимаго случая. Спустя нѣсколько минутъ прискакиваетъ одинъ изъ посланнаго отряда съ извѣстіемъ, что непріятель показался въ близкомъ разстояніи. Казакъ закричалъ: „на коней безъ торопливости, ребята, теперь врагъ передъ нами, мы должны идти храбро въ ударъ. Укрѣпите дротики. Прежде помолимся Господу Богу". Самъ скинулъ шапку, сотворилъ молитву, перекрестясь три раза... Онъ бросился впередъ и закричалъ: „Съ Божіею помощью впередъ, за мной, ребята, побьемъ врага"... Всѣ кинулись за нимъ вразсыпную, со всѣхъ сторонъ ловко ударили въ непріятеля. Казакъ объяснилъ имъ, что быстротою всегда можно привести врага въ смятеніе, не давая ему ни минуты опомниться. Разсыпаться же весьма нужно потому, чтобы тѣмъ сберечь людей отъ непріятельскаго огня, отчего и частые ружейные выстрѣлы почти остаются недѣйствительны.

Казакъ, скакавшій впереди, закричалъ: „Ура! наша взяла! непріятель прогнанъ и разбитъ!" и поздравилъ съ побѣдою. Сіе движеніе всѣхъ зрителей привело въ восхищеніе, и народъ съ радостными восклицаніями провожалъ казака, повторяя ему въ слѣдъ: „вивать донское войско!"

Всякій почти день дѣлали казаку англичане разные подарки, многія женщины снимали съ шеи свои золотыя цѣпочки и прочія вещи золотыя, просили казака принять на память. Между множествомъ подарковъ былъ одинъ платокъ весьма примѣчательный. На ономъ изображены портреты: россійскаго императора Александра I-го, князя Кутузова Смоленскаго и графа Платова, вокругъ коихъ представленъ наглый и послѣдній побѣгъ Бонапарта съ его фельдмаршалами и со всею его голодною арміею изъ Москвы, жалостно вопіющими къ русскимъ мужикамъ: „Камрадъ, хлѣба!" Вслѣдъ за ними летятъ донскіе казаки съ пиками, пронзая ихъ насквозь по нѣсколько однимъ ударомъ; внизу же сдѣлана надпись: „изгнаніе чертей изъ святилища Архангеломъ Михаиломъ съ небесными силами". Англійское правительство и народъ съ неизъяснимою радостью видѣли въ своей землѣ казака. Англичане доказали твердость своего характера, ничто не могло поколебать ихъ дружбы съ россіяниномъ. Англичане возвеличиваютъ каждый подвигъ, каждое пораженіе. Кровь жаднаго Бонапарта—неоспоримая честь и слава величественной гордости сего народа.

Портретъ донскаго казака Земленухина былъ выгравированъ въ

Лондонѣ и нѣсколько тысячъ его разослано по городамъ Англіи съ надписью: „ужасъ бѣглеца Бонапарта“.

Россійскій министръ графъ Ливенъ 2-го апрѣля представилъ казака наслѣдному принцу. Его королевское высочество съ искренностью обласкалъ донца; нѣсколько разъ дружески бралъ его за руку, отдавалъ справедливость въ усердіи русскихъ къ своему государю и отечеству. Благодарилъ за истребленіе французской арміи храбростью и неустрашимостью, свойственною русскимъ. Кронъ-принцъ подробно разспрашивалъ о казацкихъ движеніяхъ въ битвѣ и ихъ особыхъ пріемахъ, и какъ бьютъ они непріятеля. Донецъ со всей смѣлостью разсказывалъ свои подвиги, что̀ чрезвычайно понравилось его высочеству, и казакъ въ сей день былъ приглашенъ къ королевскому столу. Принцъ посадилъ его за обѣдомъ подлѣ себя, безпрестанно занимался съ нимъ разговоромъ и любовался старикомъ, который жертвуетъ остальные дни своей жизни на защиту отечества. Наслѣдникъ самъ пилъ за здоровье россійскаго императора, мужественной его арміи, предводителя войскъ князя Кутузова, атамана графа Платова съ донскимъ войскомъ и потомъ за здоровье казака Земленухина. Послѣ обѣда, когда казакъ, откланявшись, выходилъ изъ дворца, принцъ взялъ его за руку, трясъ ее и приказалъ кланяться отъ него атаману графу Платову и сказать ему, что онъ и весь народъ англійскій чрезвычайно уважаютъ его воѣнные подвиги и что одинъ Богъ въ состояніи наградить его за его неутомимые труды и услуги своему государю и отечеству. Бывшій тоже тогда въ Лондонѣ гр. Воронцовъ велѣлъ казаку приходить къ нему каждый день. На Страстной недѣлѣ его сіятельство вмѣстѣ съ казакомъ говѣлъ по христіанскому обряду и на Свѣтлое Воскресенье Спасителя нашего разговѣлся съ казакомъ.

На второй недѣлѣ послѣ Пасхи казакъ Земленухинъ былъ отправленъ обратно изъ Лондона къ россійской арміи. Всѣ въ Лондонѣ съ сожалѣніемъ провожали его, просили передать ихъ поклоны его атаману графу Платову и храбрымъ товарищамъ, прибавляя: „мы желаемъ и впередъ всегда слышать о вашихъ побѣдахъ“.

Можно быть увѣреннымъ, что если бы Земленухинъ былъ не старикъ 60-ти-лѣтній и не имѣлъ бы семьи, то его убѣдили бы въ Лондонѣ жениться на англичанкѣ, въ чемъ было общее ихъ желаніе. Англичане, убѣдившись въ невозможности этого желанія, наконецъ, употребили другіе способы, чтобы согласить его добровольно поселиться у нихъ въ Англіи, обѣщая ему дать хорошую землю и устроить его хорошо. Но всѣ ихъ старанія были безуспѣшны, онъ благодарилъ ихъ и отвѣчалъ: „Я низачто не промѣняю на златыя ваши палаты мою покойную хижину милаго Дона; хочу умереть на той землѣ, гдѣ наши

отцы и дѣды свои кости положили! Ихъ прахъ для меня дороже всѣхъ сокровищъ. Что скажетъ мнѣ моя совѣсть, если я соглашусь бросить свою старуху жену, дѣтей и моихъ родителей. Они проклинать меня будутъ до гроба. А и самъ я осиротѣю на чужой сторонѣ и ужъ не буду счастливъ и потеряю свой покой. У насъ называется благословеніемъ Божіимъ, чтобы умереть среди своей семьи или на полѣ сраженія за свое отечество. Вотъ въ чемъ наше общее блаженство. Мы счастливы и довольны своимъ жительствомъ".

Возвратившись изъ Англіи, Земленухинъ явился немедля къ своему атаману графу Платову, и разсказъ его былъ подтверждаемъ многими лицами, пріѣхавшими изъ Лондона. Онъ привезъ съ собою англійское оружіе, которое ему подарилъ король Англіи. Графъ Платовъ представлялъ сего стараго казака лично императору Александру II и прусскому королю. Потомъ за его хорошее поведеніе и честные въ Лондонѣ поступки произвелъ его въ урядники, уволилъ его на Донъ въ домъ на покой. Для поощренія другихъ графъ Платовъ еще наградилъ урядника Земленухина деньгами и приказалъ дать знать по всѣмъ станицамъ, чтобы его, Земленухина, ни въ какія должности по внутренней службѣ не употреблять.

Сообщилъ **Александръ Краснокутскій.**

Редакторъ-издатель С. Зыковъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1905 г.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и Воспоминанія.

		стран.
I.	Записки Василія Антоновича Инсарскаго . .	5—23
II.	Изъ воспоминаній по управленію С.-Петербургскимъ домомъ предварительнаго заключенія М. Федорова	61—93
III.	Записки П. Н. Глѣбова . 94—112, 241—282,	494—558
IV.	Записки стараго актера. П. Р. 113—137, 387—413,	559—575
V.	Н. Г. Чернышевскій (по воспоминаніямъ и разсказамъ разныхъ лицъ). Н. В. Рейнгардта	447—47[illegible]
VI.	Изъ исторіи учебной реформы 60-хъ годовъ. П. Л. Юдина.	[illegible]
VII.	Духовное училище старыхъ временъ [illegible] Врудевича.	693—704
VIII.	Воспоминаніе. М. Г. Котельникова. . .	705—708
IX.	Изъ записокъ Кузьмина	709—711

Портреты.

I. Портретъ генералъ-лейтенанта Порфирія Николаевича Глѣбова.
(При 1-й книгѣ).

II. Двѣ гравюры дома, гдѣ жилъ императоръ Александръ I во время пребыванія въ Черновцахъ.
(При 2-й книгѣ).

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разсказы. Матеріалы и замѣтки.

		стран.
I.	Бытовые очерки В. П. Лободовскаго	24—60, 362—386
II.	Къ исторіи освобожденія крестьянъ. Н. Лернера	138—153
III.	Царство Польское послѣ Вѣнскаго конгресса. П. М. Майкова	154—169
IV.	Ив. Серг. Тургеневъ въ ссылкѣ. 1852—1853 г. Н. Гутьяра	170—192
V.	Адмиралъ Н. С. Мордвиновъ и его архивъ. П. М. Майкова	193—210
VI.	Тарговицкая конфедерація. В. В. Тимощукъ	211—240, 335—361
VII.	Іоаннъ Грозный и Россія шестнадцатаго вѣка. В. В. Тимощукъ	283—308, 481—493
VIII.	По дѣлу о Петрашевскомъ	309—334
IX.	Борьба съ эпидеміями въ до-Петровской Руси. М. Лахтина	414—427
X.	Копія вѣрительной грамоты, данной императрицею Екатериною II, 18-го апрѣля 1782 г., князю Дмитрію Голицыну и Аркадію Моркову. Сообщ. В. Щегловъ	428—432
XI.	Свиданіе двухъ императоровъ въ Черновцахъ въ 1829 году. П. Вигель-Панчулидзева.	433—446
XII.	Къ исторіи Харьковскаго земскаго ополченія въ 1812 г. І. А. Горновскаго	576—598
XIII.	Новосильцевъ о конституціи царства Польскаго. Проф. Дм. Цвѣтаева	599—605
XIV.	Восточная политика Наполеона	606—643
XV.	Живой мертвецъ. Ев. А	644—675
XVI.	Нищенство державинскихъ крестьянъ. А. С. Слезскинскаго	676—682
XVII.	Разсказъ казака А. Земленухина графу М. И. Платову. Сообщ. А. Краснокутскій	712—717

Библіографическій листокъ.

1. **Проф. Мих. Грушевскій.** Очерки исторіи украинскаго народа. С.-Петербургъ. 1904 г. Цѣна 2 руб.—Н. И. Кашкадамова (на обертк**ѣ** январской книги).

2. Уткинскій сборникъ. I. Письма В. А. Жуковскаго, М. А. Мойеръ и Е. А. Протасовой. Съ 4 портретами. Подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. Изданіе М. В. Беэръ. Москва. 1904 г. Цѣна 2 руб. — Н. И. Кашкадамова (на обертк**ѣ** февральской книги).

3. **Ал. Шумахеръ.** Императоръ Александръ II, историческій очеркъ его жизни и царствованія. Четвертое, вновь переработанное и дополненное изданіе. С.-Петербургъ. 1905.—Н. И. Кашкадамова (на обертк**ѣ** мартовской книги).

Возложивъ на себя царскій вѣнецъ, императоръ Александръ II немедленно приступилъ къ подготовкѣ тѣхъ великихъ, исполненныхъ человѣколюбія и справедливости, государственныхъ преобразованій, которыя такъ прославили его свѣтлое царствованіе и обезсмертили его имя.

Въ ряду важнѣйшихъ государственныхъ преобразованій, совершенныхъ въ царствованіе Александра II, первое мѣсто занимаетъ, безспорно, освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и устройство ихъ быта. Великая реформа эта послужила главнымъ основаніемъ всѣхъ послѣдующихъ преобразованій; всѣ они были, частью непосредственно, частью косвенно, вызваны отмѣною крѣпостнаго права.

Приводимъ начало рѣчи императора Александра Николаевича, которою онъ открылъ засѣданіе Государственнаго Совѣта 28-го января 1861 г.: „Дѣло объ освобожденіи крестьянъ, которое поступило на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, по важности своей, я считаю жизненнымъ для Россіи вопросомъ, отъ котораго будетъ зависѣть развитіе ея силы и могущества. Я увѣренъ, что вы всѣ, господа, столько же убѣждены, какъ и я, въ пользѣ и необходимости этой мѣры. У меня есть еще и другое убѣжденіе, а именно, что откладывать этого дѣла нельзя; почему я требую отъ Государственнаго Совѣта, чтобы оно было имъ окончено въ первую половину февраля и могло быть объявлено къ началу полевыхъ работъ... Повторяю,—и это моя непремѣнная воля, — чтобы дѣло это теперь же было окончено".

19-го февраля 1861 г., въ шестую годовщину восшествія императора Александра II на престолъ,—въ достопамятный, незабвенный для Россіи день, совершилось величайшее событіе въ судьбахъ русскаго народа: императоръ, горячо помолившись въ уединеніи, подписалъ высочайшій манифестъ объ отмѣнѣ въ Россіи крѣпостнаго права на крестьянъ, живущихъ на помѣщичьихъ земляхъ, о дарованіи крѣпостнымъ людямъ правъ состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей и объ устройствѣ ихъ быта. „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ,—залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго",—этими незабвенными, дорогими для каждаго русскаго сердца словами оканчивался высочайшій манифестъ 19-го февраля. Какъ бы въ силу единаго душевнаго движенія сказалось у всѣхъ слово „Царь-Освободитель", и славное наименованіе это такъ и осталось съ тѣхъ поръ на вѣчныя времена за императоромъ Александромъ II.

Возстановляя въ памяти,—говоритъ г. Шумахеръ въ заключеніе,—все пережитое русскимъ народомъ въ теченіе царствованія императора Александра II и сравнивая положеніе Россіи къ концу этого царствованія съ тѣмъ, какимъ оно было въ началѣ того же царствованія, нельзя не изумиться благодѣтельной перемѣнѣ, происшедшей въ этотъ короткій промежутокъ времени во всѣхъ отрасляхъ народной жизни. Освобожденіе крестьянъ отъ тяготѣвшей надъ ними нѣсколько вѣковъ крѣпостной зависимости и устройство ихъ быта, отмѣна позорныхъ и жестокихъ тѣлесныхъ наказаній, введеніе земскихъ учрежденій, городскаго самоуправленія, новыхъ судовъ и всеобщей воинской повинности, не считая другихъ, менѣе важныхъ, преобразованій, нововведеній и улучшеній, совершившихся по волѣ Царя-Освободителя—имѣли неизмѣримое вліяніе на умственное и нравственное возрожденіе русскаго народа и, можно сказать, дали Россіи полное внутреннее обновленіе.

Императоръ Александръ II великъ былъ не только какъ царь многомилліоннаго народа, но и какъ рѣдкій человѣкъ, какъ воплощенная доброта, любовь и милосердіе. Его человѣколюбивая душа такъ и свѣтилась во всѣхъ его дѣлахъ и начинаніяхъ. Будучи неограниченнымъ, самодержавнымъ монархомъ обширнѣйшаго въ мірѣ царства, этотъ царь-человѣкъ во всей своей дѣятельности руководился, главнымъ образомъ, велѣніями своего любящаго сердца. Онъ жилъ для того, чтобы возвеличить Россію, облегчить нужды и упрочить благосостояніе своего народа. И что же? святотатственная рука отняла у него жизнь среди бѣлаго дня, въ его же собственной столицѣ, обагрила его невинною царственною кровью землю русскую, осквернила ее злодѣяніемъ цареубійства...

Императоръ Александръ Николаевичъ погибъ какъ истинный мученикъ отъ руки гнуснаго злодѣя, палъ искупительною жертвою злодѣйскаго замысла 1-го марта 1881 года.

По внѣшности книга издана прекрасно.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1905 г.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1904 по **9** рублей.

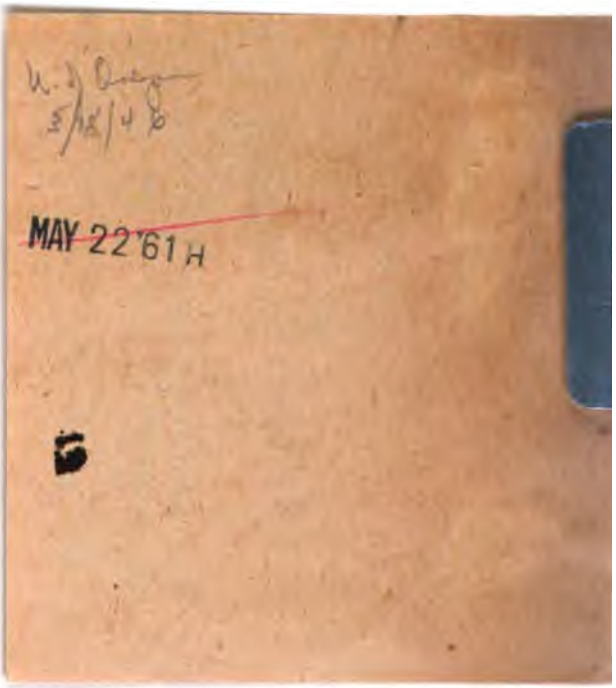
ПРОДАЕТСЯ КНИГА

«МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ»,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна **2** р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ.**


U. of Oregon
5/15/48
MAY 22 '61 H

Widener Library
3 2044 099 702 573